НАТАЛИЯ БАСОВСКАЯ

ВСЕ ГЕРОИ МИРОВОЙ ИСТОРИИ

ФАКТЫ,
ДОКУМЕНТЫ,
ЛИЦА
в одной книге

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Истории жизни всех самых интересных и ярких исторических личностей, рассказанные известным историком Наталией Басовской собраны в этой книге. Герои, злодеи, роковые женщины, владыки полумира и бунтари любили, ненавидели, боролись, проигрывали и побеждали много лет назад, но их судьбы волнуют нас до сих пор. Все их тайны приоткрывает перед читателем знаменитый историк. Что связывало Ричарда Львиное сердце и короля Франции? Кто был более жесток, чем герцог Альба? Кого на самом деле любила Нефертити? Почему старый Китай закончился при Императрице Цы Си? Все ответы в этой книге.

- Наталия Басовская
  -
  - Предисловие
  - Древний мир
    - Эхнатон. Фараон – вероотступник
    - Солон. Начало демократии
    - Перикл. Стратег, великий реформатор
    - Александр Македонский. Мир идей ученика Аристотеля
    - Цицерон. Слово может многое…
    - Нерон. Артист у власти
    - Веспасиан. Крестьянин на троне
    - Царица Нефертити. «Прекрасная пришла»
    - Фемистокл. Спаситель и изгнанник Афин
    - Ганнибал. Верность клятве
    - Спартак. Вечный символ
    - Гай Юлий Цезарь. Император во главе республики
    - Марк Юнии Брут. Жизнь в плену имени
    - Император Клавдии. Нетипичный римлянин
    - Император Марк Аврелий. Предчувствие христианства
    - Женщина-фараон Хатшепсут. «Первая среди благородных»
    - Дарий III. Последний из Ахеменидов
    - Октавиан Август. «Первый среди равных»
    - Константин I Великий. Власть и вера
    - Император Юлиан Отступник. Утопия накануне катастрофы

- Царица Клеопатра. Конец эпохи эллинизма
- Средние века
  - Авиценна. Целитель, мудрец, странник
  - Алиенора Аквитанская. Бабушка средневековой Европы
  - Ричард Львиное сердце. Незаслуженно возвеличенный
  - Саллах ад-Дин. Рыцарь Востока
  - Фридрих I Барбаросса. Миф и реальность
  - Чингисхан. Бежалостный завоеватель мира
  - Людовик IX Святой. Последний крестоносец
  - Робин Гуд. Человек из баллады
  - Ян Гус. Человек-знамя
  - Ягайло. Победитель тевтонцев
  - Балтазар Косса. Пират в папской тиаре
  - Улугбек. Ученый на троне
  - Генрих V Победитель. За что его приукрасил Шекспир?
  - Хлодвиг. Основатель королевства франков
  - Карл Великий. Был ли он великим?
  - Харун аль-Рашид. Халиф 1001- й ночи: народная мечта
  - Император Василии ii болгаробоица. Византийская жестокость
  - Нормандскии Герцог Вильгельм. Завоеватель Англии
  - Готфрид Бульонский. Защитник гроба господня
  - Марко Поло. Европейский взгляд на чудеса востока
  - Эдуард III Английский. Две жизни в одной
  - Тамерлан. Природа зла
  - Жанна д'Арк. Жизнь как шедевр
  - Христофор Колумб. Открытие нового мира
  - Генрих II Плантагенет. Начало династии
  - Изабелла Английская. Француженка на троне
  - Королева Польши Ядвига. Любовь и долг
  - Карл VII. Король-победитель, или «Милый дофин» Жанны Д'арк
  - Сулейман Великолепный. Взлет перед закатом
  - Жак де Моле. Крах тамплиеров
  - Тоетоми Хидэеси. Из крестьян в самураи
- Эпоха Возрождения (раннее Новое время)
  - Томас Мор. Наставник тирана?
  - Эразм Роттердамский. Вольтер XVI века

- Лоренцо Великолепный. Блестящий правитель Флоренции
- Торквемада. Личность из мрака
- Леонардо Да Винчи. Зашифрованная жизнь
- Мишель де Монтень. Свобода в «Башне из слоновой кости»
- Мигель Сервантес. Пасынок судьбы
- Ришелье. Государство превыше всего
- Галилей. Фигура эпохи Возрождения
- Карл I Стюарт. Репрессированный монарх
- Микеланджело Буонаротти. Он мог все
- Игнатий Лойола. Генерал ордена Иисуса
- Герцог Альба. Бич Нидерландов
- Елизавета I Английская. «Дева нации»
- Фрэнсис Дреик. Вокруг света под пиратским флагом
- Джордано Бруно. Человек вселенной
- Николай Коперник. Переосмысление вселенной
- Фернан Магеллан. Разорванный круг
- Григорий XIII. Воинствующий папа
- Эрнан Кортес. Золото и кровь
- Мария Тюдор. Кровавый символ
- Стефан Баторий. Грозный противник Ивана Грозного
- Принц Вильгельм Оранский. Вождь революции

○ Новое время
- Мария Антуанетта. Королева и толпа
- Дантон. Между правосудием и революцией
- Королева Виктория. Символ на троне
- Карл Маркс. Смысл жизни – борьба!
- Фридрих Энгельс. Золотое сердце
- Оливер Кромвель. Революционер поневоле
- Вольтер. Наставник королей
- Джордж Вашингтон. Настоящий американский герой
- Талейран. Жизнь вне морали
- Максимилиан Робеспьер. Поэт террора
- Симон Боливар. Латиноамериканский вольтерьянец
- Джузеппе Гарибальди. Герой двух континентов
- Авраам Линкольн. Президент и народный герой
- Отто фон Бисмарк. Враг революций
- Людовик XIV. Тирания в пышных декорациях
- Мария-Терезия. Призрак величия

- Улисс Грант. Генерал и президент
- Адмирал Нельсон. Герой-моряк, герой-любовник
- Наполеон Бонапарт. Император революции
- Бенджамин Франклин. Лицо американской революции

○ Иллюстрации

Наталия Басовская
Все герои мировой истории

Художественное оформление серии Виктории Лебедевой

В настоящем издании в качестве иллюстрированных цитат к текстовому материалу используются фоторепродукции произведений искусства, находящихся в общественном достоянии.

Предисловие

Когда я в школе начинал учить историю, сначала рассказы по истории СССР, затем историю Древнего мира и Средних веков, я удивлялся и возмущался, как мало там людей. Есть события, движения масс, а людей нет. Меня всегда интересовали люди. Почему они поступают так, а не иначе, почему они именно такие, а не сякие, почему он был такой, а стал другим, почему он за Жанну д'Арк и против англичан. Эти бесконечные «почему» меня преследовали всегда, когда я читал книги по истории. Поэтому успехом пользовались исторические романы, в которых всегда в центре сюжета были не движения масс, а люди с их судьбами и трагедиями. И великие люди переживали те же потрясения и несчастья, что и все остальные. Почему таким успехом пользовались книги серии ЖЗЛ? Не важно, как они были написаны, книжки были разные. Была и другая серия – серия «Пламенные революционеры». То есть речь идет о тех книгах, в которых рассказывалось о жизни великих людей. Потому что в их жизни всегда было место для трагедии, всегда – слом, потери, отказ от самого себя. И вот, когда на «Эхе», в рамках исторической передачи «Не так», прозвучали слова не о событиях, а о людях, я подумал о том, что неплохо было бы сделать отдельную передачу про людей, о которых мы читали в школьных учебниках в 5–6—7 классах, но про которых написано всего одной строчкой, а они так же значительны и интересны, как и те, о которых мы знаем, что они великие. Мильтиад. Кто это? Непонятно. Лао Цзы. Кто это? Фрэнсис Бэкон. Кто это? Мы не знаем. Потому что их всегда вписывали в эпоху, а я считаю, что эпоху надо в них вписывать.

И вот возникла идея. Она абсолютно сумасшедшая. Потому что люди отбираются не по какому-то принципу, а произвольно, исключительно по нашему с Наталией Ивановной желанию. Мы хотим и видим этих людей, хотим и можем вести о них разговор. Для нас нет особой разницы между Тамерланом и Ришелье. Но мы решили с ней ввести два ограничения, чтобы не политизировать эти портреты, хотя все равно они в какой-то мере оказываются политизированными, потому что политика пронизывает историю начиная с Древнего Египта. Первое ограничение. Не брать российских героев или негодяев, правда, бывает, что и нет между ними разницы. И второе. Исключить вторую половину XX века, да и из первой практически никого нет. Это сделано для того, чтобы не входить в современные российские баталии, хотя, конечно, политическая жизнь влияет

на наш выбор. Когда, например, вышел фильм «Монгол», мы тут же сделали передачу о Чингисхане, а когда вышел фильм о Византии, мы сделали передачу о Василии II Болгаробойце, попадая в поле общественно-информационного интереса. Но на самом деле, как мне кажется, это бесконечные сказки Шахерезады – для того, чтобы наши слушатели понимали, что мотивации оказывали и оказывают огромное влияние на те события, которые происходят вокруг нас. Ну а на роль Шахерезады лучше, чем Наталия Ивановна Басовская никого не найдешь.

Алексей Венедиктов,
главный редактор радиостанции «Эхо Москвы»

Древний мир

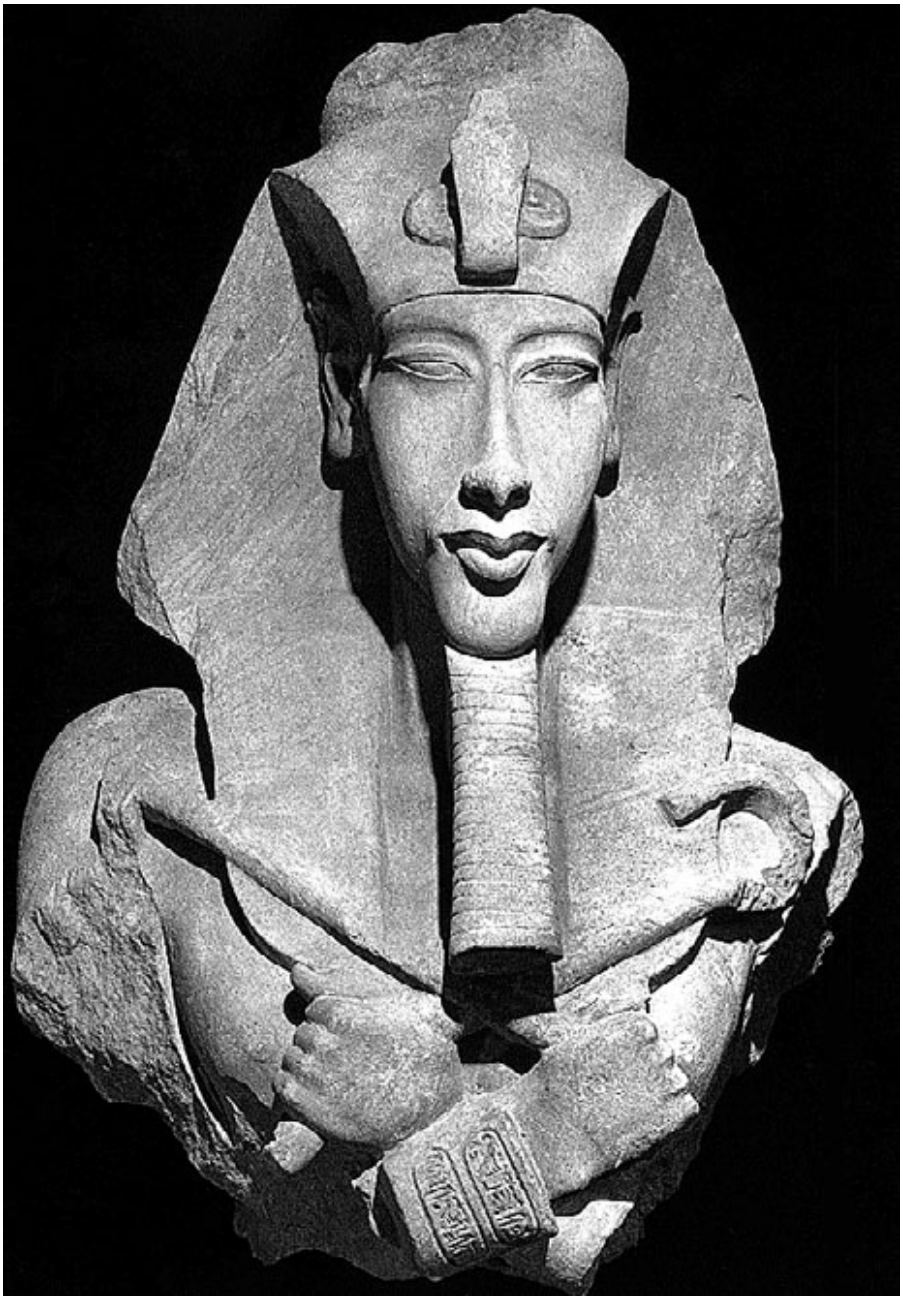
Эхнатон. Фараон – вероотступник

Эхнатон – фараон-загадка, фараон-легенда. Реформатор, еретик. Еще бы! Замахнулся на святая святых – религию! Бесстрашно вознамерился изменить ритуал. Даже сегодня, когда перемены сыплются как из рога изобилия, мы понимаем, что это был за поступок. И потому со времени появления египтологии ученые без устали спорят об Эхнатоне и не могут прийти к единому мнению.

Два года тому назад испанская газета «Эль Паис» опубликовала огромную статью, которая называлась «Эхнатон – деспотичный фараон-еретик, предтеча Сталина». Новые открытия, говорилось в ней, ставят Эхнатона, считавшегося прежде неким мистическим пацифистом, на одну ступень с такими преступниками, как Гитлер и Сталин. Со Сталиным сравнил его известный британский историк-египтолог Николас Ривс, написавший в 2001 году книгу «Эхнатон – ложный пророк Египта». Но есть и другая крайность. Так, другой известный египтолог Артур Вейгалл, идеализируя Эхнатона, пишет следующее: «Уже 3000 лет он дает нам пример того, каким должен быть супруг, отец, честный человек. Он показал, что должен чувствовать поэт, в чем наставлять проповедник, чего добиваться художник, во что должен верить ученый и что должен думать философ».

А вот полярная оценка его деяний: «Увы, его собственная жизнь доказала, до какой степени его принципы были нежизненны». И это естественно – слишком велика, экстраординарна фигура! На самом деле споры вокруг Эхнатона будут продолжаться еще и потому, что с его именем связаны серьезнейшие и многолетние археологические изыскания, раскопки, расшифровка текстов. Появляются новые данные, возникают оттенки в воззрениях и суждениях – так или иначе фигура Эхнатона – одна из главных, наиболее привлекательных и значительных в египтологии.

Сразу после смерти Эхнатона преемники вычеркнули его имя из списка фараонов – еретику не место среди правителей страны! Он был тайно похоронен, место его захоронения неизвестно до сих пор. Но поистине «нам не дано предугадать, как слово наше отзовется». Чем ожесточеннее были попытки вытравить память о нем, тем более значимым и нужным становился он для истории. Результат оказался прямо противоположным. Мало о ком мы знаем сегодня так много, как об этом «еретике».



Статуя Эхнатона из храма Атона в Карнаке.
XVIII династия. Фото репродукции

Его имя при рождении было Аменхотеп IV, он был преемником великого правителя Аменхотепа III, пробывшего более 60 лет на престоле. Эхнатоном он стал при проведении своей знаменитой религиозной реформы.

Это была середина XIV века до н. э. Подумать только! Прошло

столько времени, но и сегодня эта фигура волнует воображение людей. Почему? Больше трех тысяч лет назад Эхнатон попытался совершить духовный и политический переворот в великой, можно даже сказать мировой державе того времени. Египет, достигший в те времена пределов Евфрата на севере и четвертого порога Нила на юге, захвативший Сирию, Палестину, Нубию, то есть расположившийся на двух континентах, был громадным образованием, которое удерживать тогдашними силами было очень трудно. Одной из главных проблем Эхнатона было сохранить это великое сооружение. Но как это сделать? Возможно, он видел выход в реформе, которую совершил. Поклонение диску Солнца, единому богу Атону, быть может, виделось ему актом единения, сплочения народа, актом укрепления и усиления государства?

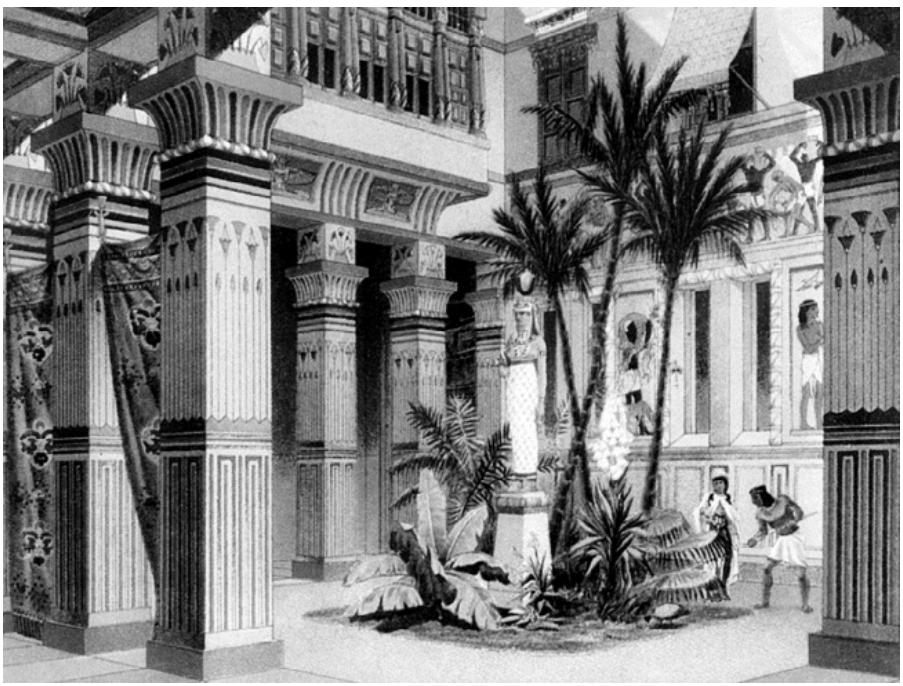
Однако известно, что нет ничего более стабильного и консервативного, чем религиозные воззрения, которые коренятся в самых глубинных пластах сознания. Человек может принять другую религию под влиянием обстоятельств или собственных внутренних убеждений – народы отказываются от нее только в результате завоеваний, но тогда перестают быть теми, кем были раньше. После крещения Руси славяне еще столетия оставались язычниками. Самые кровавые и жестокие войны, как известно, – религиозные, люди идут на смерть, но не могут принять новую религию, ибо отказ от своих богов – грех самый страшный, страшнее смерти.

И все-таки поначалу казалось, что ему удалось невозможное. В стране введен новый официальный культ. Построена новая столица, город Ахетатон (на месте, где потом возникнет арабская деревня Тель-Амарна). В Египте происходит подлинный переворот в изобразительном искусстве. Спустя многие столетия, в Новое время, возникнет термин «Амарнское искусство», которым обозначили эпоху высочайшего взлета культуры Древнего Востока. Чего стоит знаменитый скульптурный портрет жены Эхнатона, царицы Нефертити! Несколько вариантов ее изображений хранятся в лучших музеях мира, самое прекрасное из известных мне находится в берлинском Египетском музее. Нефертити – жена Эхнатона, ее имя переводится как «Прекрасная пришла». И действительно пришла – пришла на тысячи лет. Искусство обращается к Аристотелеву принципу подражания природе. Если Нефертити действительно красива, передадим ее человеческую красоту, а не только ее высокое положение. Если дочери Эхнатона действительно худенькие, хрупкие, с очень тоненькими ручками – их такими и изображали.

Итак, Аменхотеп IV был десятым фараоном знаменитой XVIII

династии. Ее родоначальником являлся Яхмос I, победитель гиксосов, которые на 130 лет повергли мощно расцветший Египет Среднего царства в хаос и тьму. Яхмос с ними покончил, Египет еще более укрепился, и главным городом стали Фивы. Все преемники Яхмоса – Аменхотеп I, Тутмос I, Тутмос II, его вдова Хатшепсут и знаменитый завоеватель Тутмос III, при котором Египет и обрел свои окончательные границы, – все они почитали город Фивы как центр возрождения Египта, центр освободительного движения против завоевателей.

В итоге фиванские жрецы владеют немыслимыми богатствами, которые им везут отовсюду. В одной из книг я даже прочитала, что при Аменхотепе III жрецы получили четырнадцать тонн золота. Эту цифру нельзя воспринимать буквально, но она говорит о том, что они были самыми влиятельными людьми в государстве. Считалось, что именно жрецы своими действенными молитвами богу Амону, солнечному божеству, укрепляли могущество Египта. Реформа Эхнатона не подрывала представление о Солнце как о божестве, Эхнатон предложил лишь поклоняться не изображению, а самому диску, непосредственно природе. Но даже это испугало жрецов.



Внутренний двор в доме богатого египтянина.
Около 1400 г. до н. э. Реконструкция. Фото репродукции

У Аменхотепа III было много жен, среди них были не только

египтянки – ведь проблемы многоженства тогда просто не существовало. Тейя, видимо, любимая жена Аменхотепа III, стала матерью будущего еретика. Мы почти ничего не знаем о его детстве. Однако – поразительная удача – нам известно имя его учителя!

Его звали Аменхотеп сын Хапу. Это был жрец, который дожил примерно до 80 лет – редчайший случай в древности. Склонный к мистическому восприятию жизни, он воспевал солнечный свет и тем явно повлиял на будущего Эхнатона. Жрец был целителем – на его могилу приходили паломники, спустя не один век после его смерти говорили, что там происходят чудесные исцеления. Вот такой учитель был у маленького сына царя. И это важно. Именно в детстве образуется та глубинная корневая система, которая прорастает в зрелости, давая густую крону. Перефразируя известные слова, можно сказать: «Скажи мне, кто твой учитель, и я скажу тебе, кто ты». Известный французский исследователь и писатель Кристиан написал в 1990-х годах книгу «Египет великих фараонов». Вот в каком патетическом тоне он писал об учителе Эхнатона: «Его имя переживет века, в то время как имена его современников забудут. Его наследники – не памятники и не дети, а книги, знания, которые он записал… Магическая сила его писаний дойдет до читающего и наставит его на путь истинный». При Аменхотепе III жрец стал видным вельможей и, наконец, учителем будущего фараона. Известно, что он был еще и зодчим – тогда, в древности, было в порядке вещей такое разнообразие талантов и занятий.

Эхнатон (тогда еще Аменхотеп IV) стал правителем примерно в 15 лет. Сверх меры одаренный, он начинает жить и действовать не так, как принято. В первые годы своего правления он приказал построить в Фивах, в той самой традиционной столице, храм Атона, своего будущего божества. Вокруг храма разместили примерно сто изображений Аменхотепа, кое-какие из них сохранились, и все они были выполнены не по канону. На них Аменхотеп IV не колосс, не каменный идол, пугающий людей, как это было принято во времена ранней XVIII династии и тем более в эпоху Среднего царства. Это обычный человек, не атлет, телосложение его несовершенно: довольно узкие плечи, впалая грудь. Он напоминает интеллектуала – у него лоб мыслителя и, кроме того, подчеркнуто вытянутый назад череп. Необычную форму черепа наследовали и его дочери. Об этом много говорили и спорили. Есть версия, что это наследственная болезнь. Дело в том, что правители Древнего Египта выходили замуж и женились на своих близких родственниках. Кровосмешение могло привести к генетическим сбоям. Но все-таки окончательного вывода никто

не сделал. Может быть, таков был художественный стиль или особенность приема мастера, отступившего от канонов.

Имя Аменхотеп расшифровывается как «Живущий правдой». Уже после постройки храма Атона жрецы явно забеспокоились – почему вдруг солнечному диску ставится храм, а не тому великому божеству Амону, которому Египет обязан своим процветанием? А это были только первые зарницы будущей революции.

На шестом году своего правления фараон принимает немыслимое решение покинуть столицу Фивы и сменить свое имя (а ведь имя фараона – это имя живого бога). Эхнатон (отныне это его имя, оно означает «Угодный Атону») берет с собой несколько тысяч людей, в том числе зодчих, ремесленников, каменотесов, и отправляется примерно за четыреста километров на север от Фив. И там, на восточном берегу Нила он строит новую столицу, которую назвал Ахехатон – «Горизонт Атона». Как в XIX веке об этой столице стало известно археологам, отдельная история. Правда, рассказывают ее по-разному. Одни пишут, что некая египтянка полоскала белье в Ниле и нашла табличку, на которой увидела какие-то черточки. Зная, что белые люди покупают такие таблички, она продала ее. Черточки оказались клинописью. На табличке на арамейском языке был записан текст международного договора между правителем Египта и хеттским царем.

Существует другой рассказ, еще более экзотичный. Женщина действительно полоскала белье, а кто-то из археологов или путешествующих белых туристов обратился к ней с вопросом. Ей чем-то не понравился «франк», так местные называли белых путешественников, и она швырнула в него табличкой. Ничего себе!

В 90-х годах XIX века начались раскопки. Особо нужно отметить старания английского археолога Питри, который посвятил поискам многие годы. И наконец удача. Найдена та новая столица, которая была построена согласно воле и приказу фараона-отступника Аменхотепа IV. Она, как чудо в пустыне, как мираж, выросла стремительно, как по волшебству… и оказалась через тысячи лет раем для археологов. Потому что сразу после смерти Эхнатона был приказ жрецов Амона покинуть этот город, оставить его навсегда.

В одной из надписей, сохранившихся в Ахетатоне, фараон утверждает, что само Солнце своим лучом указало ему место для новой столицы. Город был гармоничный и красивый, но жизнь его была недолгой – пески сделали свое дело, они засыпали его, превратив в некрополь. И надолго, на тысячелетия

законсервировали его. Это было отмщенье. Вы хотели вычеркнуть его насовсем, вы много сделали для этого, господа фиванские жрецы, но не думая, не предугадывая, вы донесли до нас невиданный объем информации именно об этом городе и о причине ненависти к нему.

Столицу, основанную по велению самого Солнца, Эхнатон поклялся никогда не покидать. Клятву свою он выполнил: он прожил в ней до конца своей жизни, более 10 лет. Там были сооружены прекрасные дворцы, созданы великолепные парки, построены загородные виллы. Жизнь била ключом, на большой рыночной площади кипела торговля – возник богатый, живой, активно живущий город. Именно в нем при раскопках помещения, которое, по-видимому, было мастерской скульптора по имени Тутмос, была найдена всемирно известная скульптура царицы Нефертити. Мастерская Тутмоса была разрушена, некоторые работы – разбиты, а Нефертити уцелела. Она лежала на земле лицом вниз. Возможно, скульптор, догадываясь, что сотворил чудо, положил ее так в надежде, что спасет ее.

Судя по изображениям и текстам, отношения Эхнатона и Нефертити поначалу были безупречными, даже идеальными – может быть, сознательно идеализируемыми. Сохранилось много барельефов с трогательными семейными сценами, что было нетипично для изображений фараонов. Во времена Среднего царства это были колоссы, холодные, с каменными лицами. А Эхнатон сидит на троне, у него на коленях – Нефертити, которая держит дочь. На другом барельефе Эхнатон нежно целует одну из шести дочерей. Все это прежде было совершенно невозможно в древнеегипетском искусстве. Это уже ересь, которая, как это часто бывает, дала замечательные плоды, новация, которую встречают в штыки, а потом тысячелетиями восхищаются.

Фараон Эхнатон и Нефертити с детьми в лучах бога Атона. Рельеф из города Амарны. Около 1350 г. до н. э. Фото репродукции

Эхнатон и Нефертити жили, видимо, безупречно хорошо. Ежедневно с восходом солнца начиналось богослужение, таково было строгое правило. Ни на одном изображении мы не увидели Эхнатона карающего, кого-нибудь вешающего, кого-нибудь бичующего. У прежних фараонов это было. А он – на колеснице с Нефертити, с детьми, и везде его сопровождает солнце… Солнечный диск изображался как диск с длинными лучами, кончики лучей – это ладони, которые ласково тянутся к людям и ласкают их.

По-видимому, один из мотивов его религиозной реформы, наивный и философский, – это попытка сблизить те народы, которые Египет покорил. Наивно, но приведем в переводе Бориса Александровича Тураева, нашего замечательного востоковеда, гимн Атону, солнечному диску, который приписывается самому фараону: «В единстве своем нераздельном ты сотворил всех людей, всех зверей, всех домашних животных, все, что ступает ногами по тверди земной, все, что на крыльях парит в Поднебесье. В Палестине и Сирии, в Нубии золотоносной, в Египте тобой предначертано каждому смертному место его. Ты

утоляешь потребы и нужды людей, каждому пищу своя, каждого дни сочтены. Их наречья различны, своеобычны обличья и нравы, и стать, цветом кожи не схожи они. Ибо ты отличаешь страну от страны и народ от народа». Это находится в явном противоречии с идеологией Древнего Египта эпохи Среднего царства. За 200 лет до Эхнатона Египет превратился в крупную державу. Именно тогда возник, можно сказать, правда, с некоторой оговоркой, египетский шовинизм. Только египтяне фигурируют в надписях того времени, только Египет, который называют «страной людей», представляет для них интерес. За пределами Египта – «страна песка», «презренная страна Куш», наконец, «страна золота» – золотоносная Нубия. Во времена Аменемхетов, Сети, целых династий фараонов Египет попирает мощной своей дланью и сильным войском все другие народы. И народы эти ценятся мало. В громадной для своего времени державе обеспечить спокойствие границ было трудно, почти невозможно, народы на окраинах – это скорее вассалы, которые платят дань египетскому фараону, боятся его власти, его силы. Как их объединить?

И Эхнатон отступает от привычных идей. Шовинизм – это самое простое оружие. Во все эпохи эта примитивная идеология – самая популярная. Эхнатон избирает непопулярную. Вот эти солнечные лучи, видишь их? Они ласкают всех, люди могут быть разного цвета кожи, но все они должны жить вместе.

Но понравилось ли это его соплеменникам? Огромной части – нет. На кого же он все-таки опирался? Он нашел опору в служилой знати. Во все времена рано или поздно появляются такие люди – не аристократы, а люди, выдвинувшиеся по службе. В этом Эхнатона можно сравнить с Петром I. Эта новая знать, которая имела очень выразительное название – «немху», что значит «сироты», рассуждала так: «пусть мы не знатны и нас называют сиротами, но мы богаты и имеем заслуги перед фараоном». Эхнатон окружил себя именно этими людьми. И они, конечно, верой и правдой ему служили. И очень быстро и легко потом изменили.

Есть еще малонаучная, но любопытная версия, объясняющая временный успех реформы Эхнатона. Согласно ей, этому поспособствовали события природные, как сказали бы мы сегодня, серия экологических катастроф, связанных с возможной гибелью острова Санторин (предполагаемой Атлантиды) в Средиземном море. Это в свою очередь вызвало страшные черные бури с сильнейшими ветрами. Солнце скрылось, черные тучи надолго закрыли его. Эхнатон мог объяснить это по-своему: значит, египтяне плохо молились Солнцу, надо молиться лучше, и оно вернется. А ведь даже короткое затмение солнца в

древности и в Средние века вызывало чудовищную панику. Людям казалось, что наступил конец света. А поскольку в случае экологической катастрофы затмение могло длиться долго, то вполне возможно, что именно в это время реформа Эхнатона находила сочувствие народа.

Около десяти лет Эхнатон живет в своей новой столице – жизнь кажется безоблачной. Но умерла его вторая дочь по имени Макетатон, ей было 10–12 лет. Это и последующие события были подробно запечатлены в изобразительном искусстве. Барельефы, рельефы, изображения того времени – это как документальный фильм о семье фараона. Вот началась похоронная процессия – хоронят эту девочку, дошли до места захоронения, вот плакальщицы, Эхнатон и Нефертити охвачены горем, они заламывают руки, как обычные земные люди. Почему Атон, которому они молились так много и так усердно, допустил смерть безгрешного ребенка?

Именно после этих похорон что-то происходит между Эхнатоном и Нефертити. Разрыв? Они не живут вместе. Она переезжает в загородный дворец. Благодаря раскопкам, нам очень много известно о ее жизни там – тихой, мирной, довольно замкнутой. У нее был зверинец, куда она собирала редких животных, возможно, они развлекали ее. При ней жил мальчик, возможно, будущий фараон Тутанхамон. Впоследствии он сменит имя и отступит от реформы своего предшественника.

Что-то происходит… У Эхнатона появляется другая жена, Кийя, видимо, из простых, возможно, дочь кого-то из его служащих. Она красива. По-другому, чем Нефертити, но красива. Ее изображения сохранились. О ней много писал наш замечательный египтолог Ю. Я. Перепелкин. Между Эхнатоном и его новой женой, видимо, очень страстные, очень близкие отношения. На ее могиле сохранилась эпитафия, которая напоминает мне «Песнь песней» Соломона: «Буду слышать я дыхание сладостное, выходящее из уст твоих, буду видеть я доброту твою ежедневно, таково мое желание. Буду слышать я голос твой, да слышу я голос твой во дворце солнечного камня, когда творишь ты службу отцу твоему, Атону живому. Да будешь ты жить, как Солнце, вековечно, вечно». Едва ли эти слова могли исходить от кого-то, кроме Эхнатона. Нефертити отодвинута на задний план…

Были ли дети у Эхнатона от новой жены? Если были, то кто они? Не является ли Тутанхатон, будущий Тутанхамон, их сыном? Никогда уже, видимо, на эти вопросы не будут найдены ответы. Потому что целое полчище грабителей прошло по гробницам Эхнатона и Кийи. Сам город Ахетатон не был разграблен, а

гробницы, которые находились за пределами города, были разрушены и опустошены.

Закат жизни Эхнатона был достаточно грустным. Он разошелся с Нефертити, которая была явно его единомышленницей, реформа шла не очень успешно. Соседние народы, обласканные солнцем, должны были бы примкнуть к Египту, но восстают против египетского владычества. Неспокойно в Миттани, тревожно в Ассирии. На исторической арене появляется загадочный воинственный белокожий народ хетты, который пришел неизвестно откуда и ушел в никуда. Но прежде чем уйти, хетты наносят поражение египтянам.

Конец правления Эхнатона – это начавшийся развал великой империи. Как раз к этому времени относятся изображения Эхнатона с тростью. А ему всего 35 лет. Видимо, он не очень здоров, его фигура очень хрупкая, совсем тонкая. Возможно, его генетическая болезнь заметно прогрессировала. Иногда говорят о водянке мозга, называют и другие болезни, но ни одна версия не доказана, хотя, возможно, они и имеют право на существование.

Египет, эта почти мировая империя начинает трещать по швам. Из-за его реформ в том числе. Реформа не помогла и, может быть, даже навредила. Особенно, как считают специалисты, и думаю, они тысячу раз правы, опасным шагом была отмена культа Осириса. Человек лишился загробной жизни, гарантированной каждому в Древнем Египте, бесконечной, счастливой. Раскопки в Ахетатоне показывают, что в маленьких хижинах, где жили простые люди, хранились, по-видимому тайком, мелкие изображения былых богов и божков. Значит, было сопротивление не только жрецов, которые якобы организовали переворот и чуть ли не отравили и ослепили Эхнатона, – обычные люди не приняли его новшеств.

Замечательная находка была обнаружена в Ахетатоне: вылепленная из глины маленькая колесница, в которую запряжена обезьяна. Ею управляет обезьяна-колесничий, рядом восседает мартышка. Это настолько похоже на карикатуру – выезд Эхнатона и Нефертити на богослужение Атону, – что можно представить, каким сильным было сопротивление его реформе.

Как ушел из жизни этот мятежный правитель, еретик-реформатор, мы не знаем. После него меньше года правил таинственный Сменхкара. Кто он такой, неизвестно. Затем – Тутанхамон, которого сменил чиновник, важный вельможа Эйе. Следующий правитель – некто Хоремхеб, генерал, начальник войск, правивший 27 лет, наложил табу на упоминание имени Эхнатона, вычеркнул из списков фараонов всех своих ближайших предшественников, прямо объявив себя наследником Аменхотепа

III. Вот она, типичная попытка фальсификации истории. Он не знал, что будет такая наука археология, которая все поставит на свои места.

Солон. Начало демократии

Еще в древности этот человек был причислен к семи величайшим мудрецам. Имена шести из них сейчас известны только специалистам. А Солона знают все. Он – самый древний из известных нам мудрецов – жил две с половиной тысячи лет назад! Сколько событий произошло с тех пор! Сколько имен правителей предано забвению! А Солон и по сей день с нами – в учебниках по истории, в размышлениях об устройстве жизни.

В чем же дело? Говоря современным языком, он открыл законы демократии, которые оказались верными на все времена. Его открытие лишь совершенствуется, обрастает оговорками и разъяснениями, оставаясь актуальным и по сей день.

Итак, Солон. Он родился в знатной, но обедневшей семье. История его рода уходила в глубокую древность. Возможно, его предки были старейшинами. Ведь в афинском обществе рубежа VII–VI веков до н. э. царит родовой строй, государство только рождается. И знатность рода определялась еще не принадлежностью к королевской фамилии, к графам и герцогам. Афинская знать состояла из представителей известных, чем-то прославившихся в прежние века, родов. Общество только-только делало шаг в цивилизацию – у афинян уже была письменность, появлялось искусство. И рождалась система управления. Мучительное время!

В обществе царили законы Драконта, или Дракона, так звали архонта из старейшин (отсюда и название – драконовские законы). Они отличались редкой свирепостью и однообразием – за каждую самую незначительную провинность, например, кражу луковицы на рынке, полагалась смерть. Убийство тоже каралось смертью. Согласно античному анекдоту, когда Драконта спросили, почему его законы столь жестоки, он ответил: «Я считаю, что смерть – достойное наказание за мелкое преступление. А за крупное я не мог придумать ничего другого».

Во времена Солона происходило расслоение общества, появились крайние полюса богатства и бедности. Большинство граждан разорялось до такой степени, что под заклад нечего было отдать – последней отдавалась земля. В этом случае был обычай ставить на этом земельном наделе камень, на котором указывались сумма долга и срок его возврата. Если долг вовремя не возвращался, человек расплачивался собственной свободой. Так в афинском сообществе свободных граждан появляются рабы, кого-то даже продают за море, в Малую Азию.

Любопытно, что население Аттики было автохтонным, то есть

коренным. Оно проживало здесь издревле. Примерно в XIII–XI веках до н. э. так называемые дорийцы поглотили раннюю цивилизацию на Балканском полуострове. Аттика не была завоевана пришельцами, потому что богатой не была. И вот сложилась уникальная ситуация – прямые потомки ахейцев, необычайно этим гордившиеся, оказались рабами в собственной стране…

С ухудшением ситуации народ все более приходил в возбуждение. Жизнь становилась страшной и неспокойной. И вот тут возникает Солон. Об истории его появления повествует легенда, но я думаю, в ней есть зерно истины. Афины терпят позорное поражение в войне с соседним городом Мегарами за остров Саламин. И старейшины, чтобы не возбуждать волнений среди граждан, запретили упоминать само слово Саламин под страхом смерти.

А надо сказать, что поднимать вопросы на животрепещущую тему мог любой гражданин Афин, придя на площадь и обратившись к собранию жителей. Традиции родоплеменной жизни были тогда еще очень сильны. И вот однажды утром на рыночную площадь выбегает Солон. Он молод, привлекателен и известен как поэт. Он ведет себя как безумец. Бессвязные слова, ужимки и прыжки, наконец, шапочка на голове, что не было принято в жаркой стране, – все указывало на то, что он и хотел подчеркнуть: его разум помутился. Что случилось? В чем дело? Что произошло с юношей? Уже собирается небольшая группка людей. Когда его наконец плотно окружила толпа, он вдруг бросил шутовскую маску и прочел нараспев патетические стихи собственного сочинения: «На Саламин поспешайте, сразимся за остров желанный, чтобы скорее с себя тяжкий позор этот снять». Конечно, он имеет в виду позор военного поражения. Его речь мгновенно вызвала отклик людей – они одобрительно кричат «ура!». Это был поступок «не мальчика, но мужа». История о том, как Солон пел на площади о Саламине (предположительно, в древности принято было петь стихи и поэмы), передавалась из поколения в поколение на протяжении многих веков.

Его не казнили за нарушение запрета старейшин, а дали право командовать. Далее в источниках – полулегендарные рассказы о том, как под его руководством с помощью военной хитрости афиняне отбили остров Саламин. Солон приказал переодеть молодых юношей-воинов в женские платья, а затем направил их к вражескому городу. Жители Мегар, увидав девушек, решили, что с ними надо познакомиться, а то и овладеть ими.

Причины такого интереса к слабому полу понятны:

в древности женщин не хватало, в мирное время женская смертность была значительно выше мужской. И простодушные жители из Мегар устремились вперед. Тогда переодетые воины выхватили мечи и перебили этих наивных и совершенно неготовых к бою людей.

Мы достоверно знаем, что Солон был поэтом. Его стихи охотно цитировал Аристотель в своем знаменитом сочинении «Афинская полития». Трактат, найденный в конце XIX века, содержит мысли философа об идеальном управлении и организации государства. В этой связи Аристотель очень подробно говорит о Солоне и его поэтическом даре. Этих двух незаурядных людей разделяло около двухсот лет, и стихи Солона помнили – ведь поэтов было немного.

Бесспорно и еще одно обстоятельство – он был необыкновенно артистичен. И в то же время отличался детской непосредственностью. В любое время он готов был на шутку, проделку, хитрость, на смелый выпад и иронию. Смелость, находчивость и, безусловно, ум – для старта его карьеры именно эти качества оказались чрезвычайно важны. Авторитет Солона рос постепенно. При завоевании Саламина он показал себя как военачальник и государственный деятель, который отстаивает интересы своего народа. Очень скоро он проявит и свою мудрость.

После того как Солона избрали архонтом, народ ждал от него умиротворения, и он его принес, но не так, как ожидали. Думали, что все случится чудесным образом: сегодня избрали, завтра – спокойная, безбедная жизнь. Народ вообще более склонен верить чудесам и рассчитывать на них, чем предпринимать реальные усилия. А Солон хотел всерьез и надолго ввести рычаги взаимодействия людей и общества. Он еще больше расширил полномочия народного собрания. Законы Солона, одобренные гражданами, вырезались на деревянных таблицах и выставлялись на всеобщее обозрение. Люди в то время уже умели не только читать, но и писать, что свидетельствовало, как совершенно правильно отмечают антиковеды, о довольно высоком уровне развития культуры в целом. Для непросвещенного крестьянства, уткнувшегося в надел, бесполезно устанавливать таблицы с законами. Кстати, они простояли довольно долго, несколько веков. В одной из комедий времени поздней античности о них говорится следующее: «Ну что на этих таблицах? Там можно только овес сушить». На закате античной цивилизации они окончательно разрушились, а вместе с ними законодательная система, созданная Солоном. Она – увы! – оказалась невечной и небезупречной.

Главная его реформа, она называлась «сисахфия» (буквально – «стряхивание бремени»), означала отмену долгов за землю и уничтожение долгового рабства. Более того, были возвращены на родину сограждане, проданные в рабство в Малую Азию, за море. За них вносило выкуп государство. И долговые камни исчезли с земельных наделов. Таким образом утверждался главный принцип античной политической жизни: жители Аттики – свободные люди. Рабство осталось, но рабами могли быть только чужеземцы. Известна фраза, которая приписывается Солону: «Все греки должны быть равны, свободны, и у каждого должно быть не меньше пяти рабов». Эти слова точно отражают социальные воззрения той эпохи. Существовал мир свободных людей, пользовавшихся всеми гражданскими правами, и мир рабов, которые воспринимались низшими существами. На них не сердятся, не обижаются. Еще Гомер задолго до Солона так обмолвился о положении раба: «Вот участь такая досталась». Значит, такова воля богов. И она не подвергается обсуждению.

Женщины не имели никаких политических прав, они жили на женской половине, не участвовали в разговорах и делах мужчин, вели закрытую, семейную жизнь. В Спарте им дали чуть-чуть больше вольности и то только потому, что они рождают воинов, что вызывало у спартанцев уважение и трепет. Но Спарта – другая страна, с другим политическим устройством.

Коренное население Аттики, получив свободу, образовало гражданскую общину, которую потом стали называть полисом. Отныне граждане Афин стали делиться на разряды, которые определялись размерами имущества, а точнее – объемом продукта, произведенного в хозяйстве. Это сразу вызвало недовольство у наиболее знатной части населения – эвпатридов. Им было выгоднее, если бы ценз, определяющий полноту участия в общественной жизни полиса, устанавливался по размерам земли или по знатности рода. Вводимый же Солоном ценз не зависел от размера участка – участок мог быть небольшим, но, если хозяйство работало интенсивно, его собственник оказывался в большем выигрыше, чем владелец большего участка, но работающего с меньшей интенсивностью. Масло, вино и зерно – все, что производят афиняне, измерялось мерами, медимнами. В результате получились следующие разряды для граждан: высший составляли «пентакосиомедимны» – пятисотмерники, в их хозяйстве производилось 500 мер продукта ежегодно. Хозяйство всадников давало 300 мер, зевгитов – 200 и фетов – меньше 200. В соответствии с имущественным положением формировалось и войско. Каждый человек должен был лично участвовать в его создании. Воинская служба была обязанностью жителя полиса,

его гражданским долгом.

Представители высшего класса отправлялись на войну в полном вооружении, всадники – непременно с конем, зевгиты должны были иметь копье и меч. Фетам предписывалось просто явиться к месту сбора ополчения. Ясно, что у них не было денег ни на вооружение, ни на коня, но само их присутствие в войске было необходимо.

Солон прекрасно понимал: чтобы его законы работали, действовали, необходим принцип выборности, как мы бы сейчас сказали, необходима прозрачность власти. И он значительно расширяет права народного собрания, создает совет четырехсот, или булле, предоставив ему немалые полномочия. Это был суд присяжных на выборной основе. Солон добился принятия закона, который назывался «атимия» (буквальный перевод – «лишение чести»). За неучастие в политической жизни человек лишался – частично или в полной мере – гражданских прав. Правитель был уверен, что жители Афин не могут быть инертными и безразличными, когда речь идет об их собственном благополучии и о процветании родины. И закон заставлял быть активным.

Солон был строг. Ему казалось, что он нашел если не идеальный, то оптимальный механизм, который позволяет людям вместе решать насущные вопросы, жить в мире и согласии, любить родину и защищать ее, если ей угрожает опасность. Сейчас, глядя из нашего «далека», мы видим, что он был мудрец, мудрость в нем сочеталась с даром политика. И еще она уживалась с идеализмом, он был идеалист-романтик.

Но… он же придумал остракизм – голосование посредством подсчета голосов на черепках (от слова «остракон» – черепок). Если возникало подозрение, что демократия находится под угрозой, тут же собиралось народное собрание, и афинские граждане писали на черепке имя возмутителя спокойствия. Так из Афин был изгнан Фемистокл, величайший патриот и победитель битвы при Саламине в Греко-персидских войнах. Правда, это случилось много позже после Солона.

Интересно, что археологи нашли черепок, на котором было написано «Фемистокл». Его имя нацарапала рука малограмотного человека, нацарапала коряво, неумело. В данном случае демократия обернулась своей отрицательной стороной – необразованный человек изгнал из Афин величайшего патриота! И Фемистокл уехал в Персию и там, когда персы попытались заставить его воевать против Греции, принял яд.

Люди науки зачастую на вопрос о том, как прошла защита диссертации, отвечают: «Бросили пару черных шаров». Это выражение оттуда, из Афин времен Солона. Тогда голосование

осуществлялось с помощью бобов или камешков. Светлые или целые – «за», темные или просверленные – «против». Очевидно, механизм был настолько тщательно продуман и так отлаженно работал, что и по сей день мы пользуемся им.

И тогда выдающиеся умы понимали значение и чрезвычайную важность законов Солона. Вот что писал Аристотель о нем: «Народ рассчитывал, что он произведет передел всего». Народ хотел коммунизма, сказали бы мы сегодня. Тогда, на заре цивилизаций, об опасности и тщетности этих желаний не могли знать. «А знатные, – пишет дальше Аристотель, – думали, что он вернет прежний порядок или только немного его изменит». Естественно, стремления и желания демоса и эвпатридов противоположны. Что же Солон? Он воспротивился тем и другим. Отчаянный человек! «И хотя имел возможность, вступив в соглашение с любой партией, достичь тирании, – ему предлагали: «правь единолично», – предпочел навлечь на себя ненависть тех и других, но зато спасти Отечество и дать наилучшие законы», – заканчивает философ.

Аристотель не был поклонником демократии. Зная, как развивались события уже после правления Солона, Аристотель считал ее порочной формой организации общества. Более того, он полагал, что демократия обязательно вырождается в так называемую «охлократию» – власть черни, толпы. Умен, умен был Аристотель! Но в поисках идеального он тоже не преуспел и идеала не нашел.

Законы Солона касались самых разных сторон жизни. Многие из них сегодня нам кажутся жестокими, странными, но не будем забывать, что мы имеем дело с мышлением человека Древнего мира. Например, им был издан закон, по которому сын мог не кормить престарелого отца, если тот не выучил его в свое время ремеслу. Солон считал, что отец не просто должен заботиться о том, как накормить и одеть своего наследника, но и как обеспечить ему достойную жизнь в будущем. И если в суде сын докажет, что отец его содержал, но не обучал, то он освобождался от всех обязательств перед родителем. Это кажется слишком жестоким и несправедливым. Тогда, однако, этот закон действовал.

В его правление были приняты занятные законодательные акты, сегодня вызывающие улыбку. Объявив войну роскоши – ведь грекам изначально была присуща простота в быту, – он издал закон, запрещающий женщинам тратить слишком много денег на наряды. Одежда должна быть скромной и не привлекать внимания, был уверен он. Можно себе представить, как встретили это постановление женщины! Но первое время и оно исполнялось.

Но со временем закон начали обходить. В истории Древнего Рима законы против роскоши, которые издавались Октавианом и Августом, оказались такими же бесполезными – к столу римлян все равно подавали соловьиные язычки. При Солоне предпринимается попытка создать общество свободных и гордых этим людей. Свобода состояла не в отсутствии законов, наоборот – в строгом следовании им.

Неожиданно Солон решает уехать из любимых Афин на десять лет. Известно, что он взял со своих сограждан клятву не менять законы до его возвращения. Что же заставило его покинуть любимый город? Древние авторы пишут, что ему так докучали бесконечными сетованиями – это в его законах не так, то надо исправить, – что жизни ему не стало. Все были недовольны. Солон пишет в одной из элегий: «Трудно в великих делах сразу же всем угодить, я принужденье с законом сочетал. Все когда-то ликовали, а теперь меня всегда злобным взором провожают, словно я их злейший враг». Ему стало плохо в Афинах. Есть версия-предположение, что его изгнали из родного города.

Началось его знаменитое путешествие на Восток, которое, конечно, обросло легендами. Он был в Египте, а также в Лидии – небольшом царстве на западном побережье Малой Азии. Ее правители, и в том числе царь Крез, славились несметными богатствами. С древности и до наших дней известно выражение «богат как Крез». Вскоре это царство будет завоевано жестоким Киром, создателем великой Персидской державы. Кир взял Креза в плен, приказал сжечь его на костре, что было для древних времен делом обычным, и пришел посмотреть, как будут выполнять его приказание. И вдруг из пламени разгорающегося костра он услышал крик Креза: «О Солон, как ты был прав!» Кир был заинтригован: почему этот правитель, которого ограбили, подожгли столицу его государства – Сарды, в минуту страшных мучений вспомнил о Солоне? «А ну-ка, костер раскидать… В чем дело?» – спросил он своего противника. И Крез, как повествует легенда, изложенная в трудах Плутарха и Геродота, рассказал о своей встрече с Солоном.

Слава Солона бежала впереди него, его ждали во дворце Креза. Наконец он появился – пешком, в скромной греческой одежде, и перед первым же слугой, который встретил его у ворот, бросился ниц. Тот испугался, поднял великого мудреца: «Что ты, что ты?» Солон спросил: «А ты не Крез?» «Нет, – отвечал тот, – я недостойный слуга моего великого царя». «А, ну тогда пошли дальше». И так гость обманывался еще несколько раз. Наконец его ввели в торжественный зал, где восседал Крез в роскошных

одеждах. Солон вошел, с достоинством поклонился царю. Тот для начала поинтересовался: «А что же ты все время путал меня со слугами?» «Прости, но они так роскошно одеты, что я каждый раз думал, что это царь, – отвечал гость. – У нас в Греции величие в другом». Тогда Крез решил показать ему свою сокровищницу. О ней ходили легенды; те немногие, кто видел ее, лишались рассудка. Теперь Крез ждал реакции Солона, предвкушал ее, потирая руки. Солон взглянул на сокровища, воротился к царю, поклонился ему и на вопрос, заданный не без намека: «Кого из людей ты считаешь счастливейшим?» – ответил: «Царь, после всего что я видел, считаю счастливейшим афинянина Телла».

Пусть фантазия подскажет, что же было с этим великим восточным правителем, получившим столь странный ответ. Кто такой афинянин Телл? Может быть, это великий герой, победивший в десятках сражений, может быть, великан? Солон отвечал: «Этот человек жил в Афинах во время расцвета этого города, питался плодами рук своих, был счастлив в семье и умер, сражаясь за родину». «Кто же самый счастливый после Телла?» – спрашивает пораженный Кир. «Его сыновья, – говорит Солон – они были жрецами Геры в городе Аргосе». Кир спросил: «А эти что? Тоже сражались за родину?» «Нет, – отвечал Солон, – тут другая история». Сыновья Телла совершили подвиг ради своей матери – сами вместо быков, волокли тяжелейшую колесницу к святилищу богини Геры, чтобы она не прогневалась на любимый город. Они отдали все свои силы – молодые и прекрасные атлеты рухнули как подкошенные. Народ восхищался ими, пел, кричал. Люди древности вообще были страшно эмоциональны. Их мать, жрица Геры – богини капризной, строгой, как мы знаем из мифологии, – упала на колени перед алтарем и попросила наградить своих сыновей. И богиня наградила: уставшие, они заснули и больше не проснулись, умерли во сне в счастливейший миг своей жизни».

Нервы Креза не выдержали, и он прямо спросил: «А меня, меня ты считаешь счастливым?» Солон был мудрецом и потому ответил так: «Боги не дали нам знать границ нашей жизни. Объявлять счастливым человека еще живущего – все равно что провозглашать победителем сражающегося воина». И на том уехал. И вот, спустя много лет, объятый пламенем костра, Крез вскричал: «О, Солон!» Кричал ли он так или нет, мы не знаем точно, так рассказывают древние историки. Мы знаем другое. Крез, приговоренный Киром к сожжению, был помилован. Впоследствии он стал советником Кира на долгие времена. И возможно, их связала та правда жизни, о которой поведал Крезу Солон.

А потом Солон вернулся в Афины. Вернулся, и все было так, как должно быть в жизни – сложно. Затевались смуты, противники его законов бились с его сторонниками. Он пытался участвовать в общественной жизни, но не очень успешно. Сказать, что Солон стал непререкаемым авторитетом нельзя, потому что он не был тираном, не окружал себя холуями. Однажды, будучи уже в преклонном возрасте, он встал с мечом на пути тех, кто хотел нарушить его законы. Наивно и трогательно!

Несмотря на смуты, тиранию Писистрата, ее свержение, повторное восстановление демократия продолжала жить. В V веке до н. э. при Перикле в течение лет пятнадцати она достигла почти эталона и представляла собой отлично работающий механизм управления государством. До конца своей жизни Солон жил в Афинах. Там царствовал тиран Писистрат, который, как ни удивительно, относился к бывшему правителю с уважением. Однако друзья Солона, опасаясь за его жизнь, неоднократно просили его уехать, но он не соглашался. Афины были его родиной, и он был их великим гражданином.

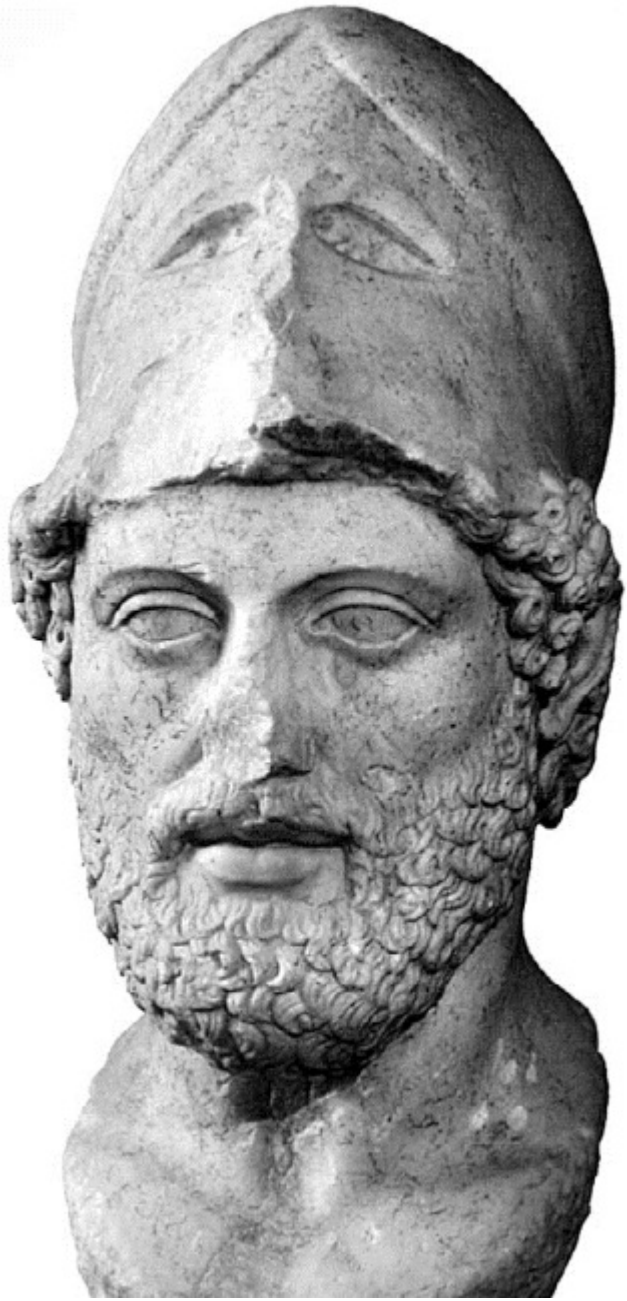
Перикл. Стратег, великий реформатор

Когда у Ксантиппа, видного политического деятеля, полководца, в 490 году до н. э. родился сын Перикл, всех удивила форма черепа младенца – яйцеобразная, вытянутая, с выступающим затылком. Окружающие восприняли это как знак, как некое предзнаменование, указание на особую судьбу. Так оно и случилось.

Интересно, что даже в школьных учебниках можно найти выражения типа «Перикл, афинский царь», «время правления Перикла». Он не был царем. В Афинах V века до н. э. было демократическое правление. Его власть была властью авторитета. Это были короткие годы – в политической жизни он участвовал на протяжении 40 лет, а реально держал бразды правления 15 лет.

Он был стратегом, одним из коллегии десяти стратегов, то есть полководцем. Но дело не в этом, его любил народ, и любовь и преданность были таковы, что толпа шла за ним, не спрашивая куда, восторженно воспринимая каждое его слово, подчас не понимая, о чем он говорит. Такова была природа его власти, мощь его авторитета.

О Перикле существует масса так называемых античных анекдотов – коротких историй, которые точно передают отношение народа к нему. Вот одна из таких историй. У известного и уважаемого в Греции человека, борца, победителя Олимпийских игр, не без иронии спрашивают: «Скажи, кто сильнее, ты или Перикл?» И он совершенно серьезно отвечает: «Конечно, Перикл. Я могу положить его на обе лопатки, прижать к земле. Он обратится к народному собранию, и оно примет постановление, что победил Перикл».



Герма с изображением головы Перикла.
Римская копия с греческого оригинала. Фото репродукции

Перикл был совершенно выдающимся оратором. И в той системе власти, которая сложилась в это время в Афинах – противостоящей насилию, диктату, любым попыткам царствовать, властвовать, ораторское искусство было, в сущности, почти

универсальным ключом к решению любых вопросов. Замечу сразу, что жизнь Перикла была трагична, но самым трагичным моментом, мне кажется, был момент, когда он не смог своим словом защитить любимую Аспазию, гражданскую жену, видимо напрасно оклеветанную: юридически брак между ними не был оформлен, потому что она была иностранка, не из Афин. Он так был потрясен тем, что его несравненный ораторский талант не способен ему помочь, что разрыдался на глазах у огромной толпы. И толпа дрогнула и пощадила его подругу, женщину умную и талантливую.

Мы очень меняемся. Меняемся мы, изменяется жизнь вокруг нас, становится другим наше отношение к истории и к ее персонажам. В юности мгновенно откликаешься на самые светлые образы и события прошлого. Перикл для меня всегда был светлой личностью. Он не изменял своим взглядам, своим принципам, даже ради политического маневра, не отступал даже тогда, когда ошибался.

И как подметил замечательный дореволюционный профессор Адольф Шмидт, который написал книгу о Перикле, совсем немного людей заслужили такой чести, чтобы их именем называли эпоху: среди них – Людовик XIV, Медичи, Август. И Перикл. Ученый делает вывод: когда общественное сознание называет эпоху именем какого-то человека, оно ценит отнюдь не военные победы, хотя это может показаться странным. Нет века Наполеона, нет века Александра Македонского, великого создателя мировой империи. Когда в историю входит понятие «век такого-то», имеется в виду время духовного взлета. И это странно. Ведь людей с духовными запросами всегда мало. А разве толпа может оценить заслуги неординарных личностей? Ан нет! С понятием «век» в историю входят творцы, которые оставили след в театральном искусстве, литературе, архитектуре… Наш Серебряный век или Золотой – это время великого напряжения духовных сил, создания шедевров, новой точки отсчета в возможностях человека. Чрезвычайно важное время, время-веха. Говорят «время Толстого», кто правил в это время – не важно, об этом могут не помнить, не знать. Кто дает эти обозначения-лицензии? Мы никогда не узнаем – тем они ценнее.

Вернемся к Периклу. Сын аристократа становится народным вождем, демократом. В это время в Афинах вожди народа назывались демагогами. Разумеется, в этом слове тогда не было ничего бранного, наоборот, оно имело вполне положительную окраску. И Перикл стал демагогом. Демос, народ, предпочитал, чтобы их вождями были люди не из народа, а аристократы. Люди образованные, хорошо себя проявившие, видные и явно

сочувствующие народу, – они пеклись о его интересах, не забывали о праздниках, торжествах.

Перикл верил, видимо, в прекрасный смысл народного правления. Но и издержки его, думаю, прекрасно видел, именно они и стали причиной трагедии его жизни.

Век Перикла называли золотым веком. Почему? Успешный политик, любимец народа, полководец, не терпевший поражений. Великий реформатор, реформы которого состоялись, прижились. Лишь в конце жизни он допустил стратегическую ошибку, предложив во время войны Афин со Спартой всем укрыться в Афинах, а там началась эпидемия. Но управлять эпидемиями не могут даже выдающиеся полководцы.

Он обустроил Афины, при нем был построен Парфенон, ворота-пропилеи, длинные стены из гавани Пирей в Афины.

Но в его биографии были и другие факты. В зрелом возрасте я вижу их. Его личная жизнь трагична. Он жил между двумя грандиозными войнами – Греко-персидскими, в которых маленькая Греция каким-то чудом – Гумилев сказал бы благодаря «пассионарности» – смогла противостоять такой махине, как персы, выстоять и победить. Войны начались около 500 года до н. э., Перикл не мог принимать в них участие. Но это была страшная война. Персия поглотила на Востоке все. Исчезали целые царства, исчезали как по мановению злого волшебника. До сих пор историки недоумевают, как это могло произойти. Ассирия, которую боялись все, сначала была разгромлена Вавилоном, и страшное имя правителя Ашурбанипала сменилось на не менее страшное – Навуходоносор. А затем пал и Вавилон. Последний правитель Вавилона Валтасар, спрятавшийся во дворце, видит начертанные на стене слова: «Мене, текел, упарсин» («сосчитано, взвешено, разделено»). Это был конец. Исчезло Лидийское царство, исчезло государство Урарту, еще раньше растворились в истории хетты. Все поглощено персами. И вот теперь персы подступили вплотную к маленькой Греции. Греки себя отстояли чудом. Надолго ли? Они надеялись, что надолго. Но мы-то уже знаем, что нет. Им предстояло покориться Македонии.

Вторая война, которая прошлась по жизни Перикла, – это война внутри Греции, война почти гражданская, война греков против греков. Два лидера воевали друг против друга: Афины против Спарты, а остальные греческие города-государства, полисы, сгруппировались вокруг них.

Что же они делят? Все: экономические интересы, владычество на море, лидерство политическое. В Афинах демонстративно правит демократия, здесь уверены, что народ может все. Например, известнейший человек Мильтиад, победитель в

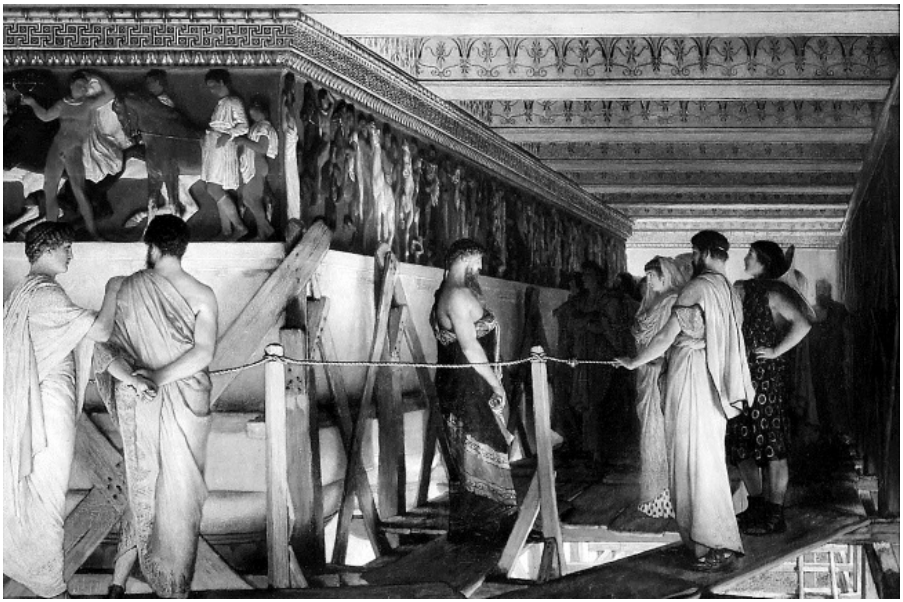
Марафонском сражении, за незначительный проступок отправлен в тюрьму.

Совсем не так в Спарте, где гражданский коллектив был самодостаточным. Но процветание Афин не давало покоя спартанцам, зависть разъедала их жизнь.

Война закончится в 404 году до н. э. Но Перикл умрет в самом ее начале – в 429 году. Один из авторов книги о Перикле написал, что он умер вовремя. И – увы – это верно сказано, иначе его и без того трагическая жизнь завершилась бы просто отчаянно. Он умер в тот момент, когда Афины были близки к страшному, невероятному поражению.

Какова была частная жизнь Перикла? У него была жена, с которой он разошелся. Имя ее никто не знает, видимо, она ему была совершенно неинтересна, и это было обоюдно. Их развели быстро – в Афинах, этой демократической стране, развод был очень легким. Она тут же вышла замуж за другого, а Перикла его молодой, двадцатилетний друг Сократ познакомил с Аспазией. Аспазия стала его гражданской женой. Это была на редкость умная, прекрасно образованная женщина, резко выделяющаяся из среды афинских домохозяек. При всей демократичности афинской жизни положение женщины было сугубо домашним, я бы даже сказала, затворническим. Выходить из дома, даже куда-то рядом, например на рынок, она могла только в сопровождении служанки или своих домашних. И никакого участия в общественной жизни она не принимала, полных гражданских прав не имела. Демократия Афин, надо признаться, была весьма ограниченна – она не распространялась на рабов, на иноплеменников – тех, кто не родился в Афинах.

И Перикл, сам Перикл предложил принять закон, согласно которому гражданином считался только рожденный от двух жителей Афин. Только эти граждане имели полные права.



Лоуренс Альма-Тадема. Фидий показывает друзьям, в том числе Периклу и Аспазии, Парфенонский фриз. 1868 г.

Фото репродукции

Аспазия была другой. Она родилась в Милете, городе, основанном греками на побережье Малой Азии. Но дело, конечно, было не в этом. Она была иной по структуре своей личности. Женщина-философ, женщина-оратор. Злые языки потом придумали, когда стали злиться на Перикла, что это она пишет ему прекрасные речи. Разумеется, это было неправдой, но злобная выходка говорит о том, насколько блестяще говорила и писала Аспазия.

Периклу, как и Сократу, было интересно ее общество. Они спорили, говорили, обсуждали самые разные проблемы и события. В их доме бывали выдающиеся люди – философы, художники. И тогда, и сейчас ее называли куртизанкой. Но есть версия, что она была гетерой.

Гетера – образованная светская дама, умеющая развлекать. Она могла составить компанию любому – будь то мужчина или женщина. Образованность Аспазии, ее обхождение, манеры, умение свободно разговаривать с мужчинами в век, когда этого делать было нельзя, вольно или невольно подтверждают эту версию. Но в те времена это не было ни позорным, ни экстраординарным явлением. Гетеры, а не обычные забитые домохозяйки, составляли общество умным мужчинам.

От первой жены у Перикла было два сына, Ксантипп и Порал, но духовной близости с отцом у них, особенно у Ксантиппа, не

было. Ксантипп дурно отзывался об отце, рассказывал всякие гадости о его жизни с Аспазией. Но главная беда была не в этом – оба сына умерли во время эпидемии. У него не осталось потомства. Но вскоре Аспазия родила ему сына. Его назвали Перикл-младший. И это тоже говорит об их преданности друг другу, о большой любви. Не дал бы он свое имя, будь это ребенок от случайной женщины. Но Перикл-младший, согласно закону, предложенному его отцом и принятому благодаря ему, не имел гражданских прав. Вот еще одна трагедия – сын знаменитого Перикла оказался бесправен в Афинах.

Не все было ладно и с другими близкими ему людьми. Итак, два сына от первого брака умерли. Отец Перикла, тоже Ксантипп, победитель персов в битве при мысе Микале, подвергнут остракизму и изгнан из Афин. Жена Аспазия со временем обвинена врагами в сводничестве. Друг Фидий, гениальный скульптор, которому предъявили обвинение в святотатстве, умер в тюрьме. Предположительно, он был отравлен. Перикл готовил его побег, но опоздал. Великий учитель Перикла философ Анаксагор обвинен, его ждала участь Фидия, но правитель Афин успел устроить ему побег из города. Анаксагор спасся, но стал эмигрантом.

Перикл-младший спустя много лет после смерти отца предстанет перед судом. Его обвиняли в том, что в одном из сражений в Пелопоннесской войне он не помог спастись морякам, которых разбросала буря. В результате его приговорили к смерти.

Хорошо, что Перикл-старший не знал об этом. Многое ему лучше было бы не знать. Он внес выдающийся вклад в развитие той самой демократии, которая явилась острым, опасным, страшным оружием, особенно в руках толпы. История это не раз доказывала.

Ну что же он, в сущности, сделал? Все его законодательные инициативы – почти все – сначала встречали непонимание, а потом проходили на ура. Авторитет Перикла был огромный, невероятный, его официально называли первым стратегом. Он смело ограничил власть архонтов. И это в самом начале карьеры. Кто такие архонты? Прямые продолжатели старейшин при родовом строе, авторитетнейшие люди. Их власть воспринималась как священная, как дарованная им богами. Постепенно, шаг за шагом, закон за законом, он оставил архонтам лишь чисто символические функции.

С великим трудом он ввел оплату за исполнение должностей в системе демократических учреждений, чтобы бедные граждане могли избираться, то есть ввел плату за госслужбу. Ареопагу, совету старейшин, он оставил в ведении только религиозные

вопросы, реальной политической власти совет лишился. Он ввел должность номофилаков. Кто такие номофилаки? Семь человек, которые на один год избираются для контроля за судом и исполнением законов. О малейших нарушениях они докладывают собранию.

Это Перикл ввел знаменитый принцип «графэ параномон» – любой закон может быть оспорен гражданином. Достаточно было сказать: «Проверьте его еще раз. Я считаю его опасным для демократии». И тотчас создавалась комиссия, закон тщательно изучался, перепроверялся, привлекались эксперты. Это был механизм сопротивления деспотизму.

Личные качества Перикла с его политикой сочетались великолепно. Он блестяще образован, кроме этого – музыкант, оратор. Как полководец, всегда щадил солдат. Все это вызывало к Периклу огромную симпатию. Опять-таки его учителем был Анаксагор, человек совершенно необычайных познаний, намного опередивший научные представления своей эпохи.

Фрагмент фриза Парфенона.
V в. до н. э. Фото репродукции

На чем же споткнулся Перикл? На деньгах… Дело в том, что благоустройство Афин стоило, конечно, огромных средств. Возведение знаменитых длинных стен между гаванью Пирей и Афинами, этого защитного сооружения для безопасности города, было делом очень дорогим и трудным. Театр Одеон для музыкальных и поэтических состязаний тоже обошелся недешево. Но главное – он настаивал на обязательном посещении театра афинянами, бедным давали билеты бесплатно. Платила в этом

случае казна, и эти деньги назывались зрелищными. Потому что театр в древности был школой для взрослых, как радио и телевидение для нас сегодняшних. При Перикле было установлено 60 праздничных дней в году. Это много. Афины празднуют, Афины ликуют, Афины поют. На этих праздниках беднякам раздают бесплатно хлеб, а иногда и что-то повкуснее.

Как украшен Акрополь? На скале – созданная самой природой гигантская трибуна. И на этой скале поставлен трудами Иктина и Калликрата совершенно выдающийся храм Парфенон. «Парфенон» – значит храм богини Афины-девы, покровительницы города. А украсил Парфенон великолепными скульптурами гений и друг Перикла, Фидий.

Персидский копьеносец.
Мозаичный рельеф из дворца персидских царей в Сузах.
До 500 г. до н. э. Фото репродукции

Тот, кто был в Греции и видел Парфенон, даже сейчас, спустя два с лишним тысячелетия после его возведения, знает, что он производит впечатление ошеломляющее. Можно представить, как

действовало на людей это величественное произведение архитектуры и искусства тогда. Внутри Парфенона скульптура Афины Парфенос, исполненная в особой технике: слоновая кость, золото, серебро, все доспехи в золоте и серебре. Все это потребовало больших средств.

Надо напомнить, что в то время существовал Афинский морской союз, куда с целью совместной обороны входили дружественные Афинам государства. Государства вносили в казну союза деньги, предназначенные для военных целей. Из этой-то казны и взял Перикл деньги для создания Парфенона, объяснив, что величие и красота Афин будут лучшей защитой горожанам, будут сплачивать и собирать вокруг себя другие города. И еще две скульптуры поставил на Акрополе Фидий – Афину Промахос, что значит «Воительница», и Афину Лемния. На создание этих гениальных произведений искусства дали деньги колонисты, которые уезжали из Афин на Лемнос.

Однако известно, что завистливы не только люди, но и боги. Сначала Фидия обвинили в том, что он присвоил себе часть золота и серебра, предназначенные для украшения скульптуры Афины. Обвинение, сделанное по доносу его ученика, оказалось лживым. Доспехи Афины были съемными, их удалось взвесить. Тогда ученик-провокатор обвинил Фидия в святотатстве, ибо на щите одного из воинов в сцене сражения были обнаружены изображения Перикла и самого скульптора. И за это Фидий был брошен в тюрьму, где и умер.

В Афинах растет недовольство, зреет, как огромный нарыв. Недовольны союзники: почему все только Афинам? Почему только Афины так прекрасны? Недовольна аристократия: деньги текут мимо них.

В большой мере Перикл споткнулся на том, что был фанатично уверен, будто величие Афин – это бесспорная необходимость и радость для всех. Он споткнулся еще в одном – не мог представить, как переменчив и неверен народ, для которого он так старался.

Есть одна чудесная притча о выдержке и терпении Перикла в общении с народом. Рано утром на главной площади к нему подошел человек из самых простых, плохо, грубо говорящий, наверное, не знающий букв. И обратился к правителю с просьбой. Перикл выслушал и сказал, что помочь ему не может. Тогда тот – частичка толпы – начал громогласно поносить Перикла самыми погаными словами. Перикл не реагировал. Шел туда, куда ему надо, – хулитель за ним. Делал то, что мог, – хулитель дожидался, снова шел за ним. Так продолжалось весь день. Вечером, когда уже смеркалось, Перикл подошел к дому,

простолюдин плелся за ним по улице и, почти охрипнув, продолжал предавать его анафеме. И все плохое, что мог сказать, сказал. Перикл вошел в дом и закрыл дверь. «Ага! – закричал хулитель. – Спрятался!» Дверь раскрылась, вышел раб с факелом и сказал: «Темнеет. Господин приказал мне проводить тебя до дома». Древним нравились рассказы о терпении Перикла. Но в конце его жизни они были готовы его растерзать.

До него подвергли остракизму и изгнали из Афин Мильтиада, победителя при Марафоне, Фемистокла, победителя при Саламине, Ксантиппа, победителя при Микале, Аристида, не раз приводившего греков к победам. Некоторые со временем вернулись, кто-то умер в изгнании, как, например, Фемистокл, который буквально спас Афины от персов.

А Перикл? Любовь к нему таяла, однажды его не переизбрали стратегом и наложили штраф, штраф огромный. Как блюститель законов, он выплатил положенную сумму и смиренно и спокойно воспринял свою отставку. Надо сказать, что на следующий год он снова выдвинул свою кандидатуру, и толпа избрала его в стратеги. Но уже ненадолго. Он умер от чумы, став одной из последних ее жертв – эпидемия уже шла на убыль.

Золотой век Перикла, век необычайного духовного подъема, возможен был только при отсутствии тирании. И он делал все возможное, чтобы она не настала.

Александр Македонский. Мир идей ученика Аристотеля

Александр Македонский жил в IV веке до н. э., умер молодым, в 33 года. Он завоевал почти весь тогдашний мир и навсегда остался в истории человечества. Если собрать все книги о нем, получится гигантская библиотека. О нем начали писать еще при его жизни, писали в начале новой эры, особенно римские авторы, которые очень увлекались историей царствования Александра. Много сочинений об Александре было создано в Западной Европе в эпоху Средневековья, которая создала свой, особый портрет этого правителя. В это время на Востоке сложился совсем другой его образ – Искандера Двурогого, грозного и гуманного, идеального государя. Интересно, что в Западной Европе католическая церковь постепенно отредактировала образ Александра до неузнаваемости, она приватизировала его, как и всю духовную жизнь общества, и часто упоминала его в проповедях как пример дерзости, противной Богу.

О нем пишут и сегодня, выходят великолепные монографии, популярные книги – кажется, исследованы все грани его жизни. Но тема не исчерпана. Интересно понять, что подвигло его на завоевания? Зачем ему, 18-летнему юноше, понадобился целый мир? В чем феномен Александра Македонского? Ведь многие говорят о нем как об удачливом и дерзком вояке-рубаке, о счастливчике и бонвиване. Действительно ли он двинулся на Восток, толкаемый инстинктом завоевания?

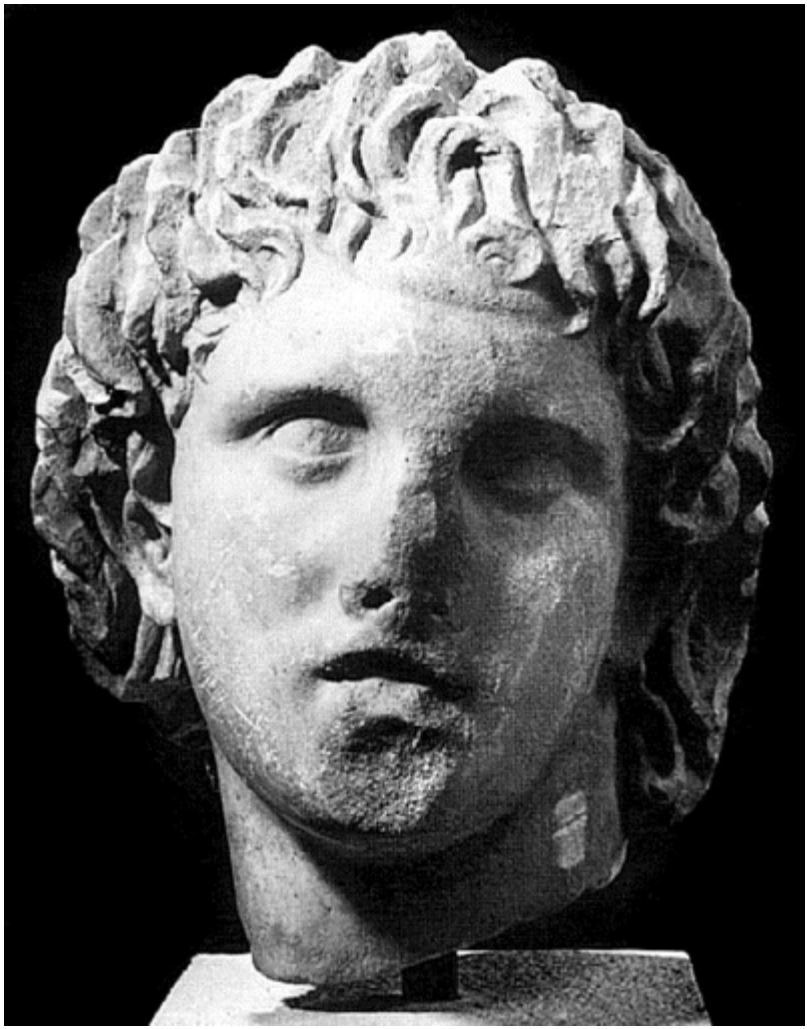
Думаю, что это не так. Он был человек для своей эпохи, безусловно, очень умный и весьма образованный. И он пошел на Восток с определенной целью. Ну какая, скажете вы, цель могла быть у столь молодого человека? Общая для всех жителей Македонии… Македония – это небольшой клочок земли на северо-востоке Греции. О чем тут можно говорить? И тем не менее люди этой маленькой горной пастушеской страны были одержимы мыслью стать греками, подлинными эллинами. Правящий дом Македонии, Аргеады, выводил свое происхождение прямо от Геракла. Они хотели считаться такими же цивилизованными, как греки Афин. В своих представлениях они были больше эллинами, чем сами эллины, но только об этом никто не знал, кроме них самих! И пусть об этом узнает весь мир.

Сегодня мы бы сказали, что это комплекс неполноценности, которым страдают жители небольших государств. Возможно, нечто подобное ощущала Германия после Версальского мира,

хотя она отнюдь не была маленькой страной. Но чувство унижения, обделенности на празднике жизни, второсортности, которое возникает, когда сильные мира сего не замечают, не приглашают, проходят мимо, – это опасное чувство. Об этом в свое время очень талантливо писали Артур Миллер и Курцио Малапарте. Но ведь далеко не со всеми странами так происходит! Да и так ли это было с Македонией? Трудно сказать. Известно только, что мечта стать великой державой у нее была. А один из ее граждан стал ею одержим.

Некто Александр I, правитель из дома Аргеадов, в середине V века до н. э. принял участие в Олимпийских играх. На этом основании он и вся его семья получили право называться эллинами. Предшественники Александра, Архелай и его отец, очень настойчиво приглашали ко двору самых видных мыслителей, интеллектуалов Древней Греции. Среди прочих был приглашен Сократ. Было известно, что его в Афинах преследуют, и, возможно, он не был бы отравлен, прими он приглашение македонского двора. Приглашение получил Платон, который вместо себя прислал своего ученика. Зачем этим «варварам» все это было надо? Для того, чтобы стать эллинами. А став ими, объединить всех.

Греция представляла собой отдельные полисы-города или общины-государства. Афиняне, спартанцы, коринфяне спорят, ссорятся, воюют между собой. Но между тем в них живет идея панэллинизма – все мы эллины, все должны быть вместе, и тогда только мы будем самыми сильными. Эта идея, по мнению Александра Македонского, вполне годилась для того, чтобы стать объединяющей и сплотить народ.



Голова Александра Македонского.
IV в. до н. э. Фото репродукции

Но он пошел в своих представлениях дальше. Мы – самые цивилизованные, самые образованные, самые культурные – так считал и говорил Александр, и, безусловно, это было верно для этой части света. Ну а раз мы самые-самые, значит, мы имеем право, имеем основание обращаться с другими народами как с варварами. И не просто обращаться, а освещать их своим светом, приобщать к нему – словом, завоевывать.

Слышится что-то знакомое, не так ли? Вечные, как мир, идеи. Александр взялся осуществить их. Интересно, что его учитель, величайший ученый и философ Аристотель, наставлял его перед походом такими словами: «Обращайся с греками как царь, а с варварами как тиран». Мы имеем право владычествовать над

остальным миром, потому что мы умнее, лучше и значит – научим, навязав свой образ жизни, свою культуру, свою власть. Мы несем всем необразованным народам, дикарям свет знаний! Так думал Александр. Как видим, нет ничего нового в истории.

Можно предположить, что именно с такими идеями Александр Македонский отправился завоевывать мир. У его программы завоеваний был еще один аспект – отомстить варварам в лице персов за Греко-персидские войны, за попытку примерно полтораста лет назад завоевать Грецию. «Поход отмщения» – это уже система взглядов, некая идеология. И в начале своего великого похода Александр следует поставленным задачам – несет народам свет знаний, просвещает их и… мстит.

Поход – на редкость тяжелый, мучительный. Бегло перечислю некоторые его вехи. Царем он становится в 336 году до н. э. В 335 году завершает покорение Греции, которое начал еще его отец. И вот они как будто бы говорят: «Мы греки, мы все совсем греки». В 334 году в знаменитой битве при Гранике его ближайший друг и соратник Клит заслонил его своим телом. Александр мог погибнуть, и тогда мировая история сильно бы изменилась. Поразительно, но именно этого человека, своего спасителя, Александр собственноручно убьет на пиру.

В 333 году произошло сражение при Иссе – покорены Сирия и Малая Азия. В следующем году добровольно сдался Египет. В 331 году в оазисе Сива жрецы объявили Александра богом. Тогда же произошла величайшая битва при Гавгамелах. Правитель Персидской державы царь Дарий III бежал. Александр был уверен – Персия лежит у его ног. Ему предстоит еще много воевать, а пока он провозглашен Зевсом-Амоном, и египетским богом, и греческим.

М. И. Пучинов. Встреча Александра Македонского с Диогеном.

XVIII в. Фото репродукции

Но, увы, все не так, как говорится и провозглашается. В 330 году до н. э. беспощадно уничтожен, сожжен культурнейший город Персеполь, знаменитая столица великой Персидской

державы. В этом явственно звучит идея отмщения. Но где же тот свет культуры, образования, который они собирались нести?

В этом же году величайший греческий скульптор Лисипп увековечивает Александра в мраморе. Что-то происходит с этим молодым, умным, очень талантливым и образованным человеком… В его ближайшем окружении зреют один за другим заговоры против него. Остановись, опомнись, куда идешь, что творишь? И начинаются казни… Уже упомянутое убийство Клита в 328 году в глубинах Азии. Крепко выпив, Клит сказал то, о чем думали многие, и он в том числе. Он сказал, что Александр изменился, стал деспотом, причем деспотом восточного типа, имея в виду его требование ввести при дворе восточную манеру падать ниц перед правителем. Немного позже его ближайшие сподвижники – офицеры, полководцы, друзья юности, пажи, гетайры, все заметнейшие и знатнейшие люди, и среди них Птолемей, Неарх, наконец, главный любимец Гефестион, в один голос сказали: нет, македонцы падать ниц ни перед кем не станут.

Прежде чем двигаться дальше, постараемся ответить на один из главных вопросов – кто такие македонцы? Откуда происходят? Есть несколько версий происхождения этого народа. По одной из них, прямой связи этноса, населявшего Македонию, с греками нет. И скорее всего народ этот представляет собой некую этническую смесь иллирийцев, фракийцев и эллинов. Кто-то из зарубежных современных авторов, по-моему, довольно точно сказал, что их можно считать деревенскими родичами эллинов.

Кто такие солдаты Александра? В основном это пастухи, в меньшей степени землепашцы, поскольку это горная страна, люди простые, живущие очень скромно. И вдруг они оказываются на Востоке. Быт греков, не говоря уже о македонцах, не идет ни в какое сравнение с восточной безумной роскошью. Тут и сокровища, и золото рекой, и драгоценные камни. Конечно, глаза загорелись, голова закружилась, и мысль, что можно вот так, в одночасье разбогатеть стала навязчивой. Тем не менее именно эти солдаты, возмущенные поведением Александра, поддержат заговорщиков. У них своя гордость, и деньги тут ни при чем.

Эти люди, привыкшие в своей жизни, полной опасностей и напряженных трудов, рассчитывать только на себя, выработали в себе такие качества, как независимость, свободолюбие, прямодушие, особую силу характера. Все эти качества делают из них хороших воинов, но не слуг – в услужение не пойдут, умирать будут, холуями не станут, поддакивать, даже ради спасения жизни, не смогут. Горцы – у них своя гордость.

Происхождение Александра Македонского многое объясняет

в его поведении. Одно удивляет: как человек, так великолепно образованный, умный, по-своему прогрессивный, может стать тираном. Своей образованностью он в большой мере обязан своему воспитателю Аристотелю. Это был один из крупнейших мыслителей древности, и происходил он из рода Асклепиев. Род этот был в некоторой степени связан с македонским двором – его отец служил придворным медиком в Пелле, столице Македонии, и Аристотеля тоже пригласили в Пеллу. Он принял приглашение. И как говорят, с большой охотой и интересом стал заниматься с талантливым юношей. Известно, что Аристотель составил для юного Александра сборник Гомера. И не впустую. С тех пор «Илиада» всегда лежала вместе с кинжалом в изголовье царя, до последних его дней. Он знал ее наизусть и часто на дипломатических приемах, встречаясь с правителями мира, читал на память большие отрывки из нее. Он прекрасно знал Геродота, хотя не во всем ему верил. И понятно почему. Он сам проверял сведения этого античного историка – шел по землям, которые Геродот описывал по рассказам других.

Аристотель возбудил в нем интерес к Софоклу, Эсхилу, Еврипиду, он привил ему свою страсть к наблюдениям за живой природой. Аристотель написал прекрасную книгу о мире животных и растений. Александр знал ее почти наизусть и в свой поход – завоевательный, военный – взял целую группу ученых, которые времени зря не теряли. Через много-много столетий Наполеон Бонапарт, подобно Александру, возьмет ученых в свой египетский поход, что станет отправной точкой в развитии науки египтологии. Но Наполеон ученых не казнил и в клетке за собой не возил, он защищал их.

С Александром случилась другая история. Каллисфен, историк, племянник Аристотеля, был посажен Александром Македонским в клетку. Он рос вместе с Александром, они дружили с подросткового возраста. И Каллисфен описывал поход довольно верноподданнически. Он воспевал Александра как бога, он искренне любил Александра с детства. Он одобрял уничтожение Персеполя, пытался оправдать убийство Клита, объясняя это какой-то вспышкой страсти, случайностью. Но Александр заподозрил его в участии в заговоре пажей, возмущенных превращением царя в восточного деспота. И хотя это было только предположение, Каллисфен был арестован, схвачен, посажен в железную клетку, которую Александр возил за собой. В ней Каллисфен и умер, как было записано, «по болезни». И несмотря на это, Аристотель переписывался с царем до конца своих дней. Хотя во многом они уже были друг с другом не согласны, Александр регулярно давал Аристотелю деньги на

науку.

В своем походе полководец пытался еще заниматься тем, чему его учил Аристотель, – составлять лекарства, в частности против укусов змей (на Востоке это было весьма актуально) и вместе с врачами лечил своих друзей. При его штабе появился отряд биматистов, по-русски можно сказать шагомеров. Ими были атлеты, в том числе победители Олимпийских игр. Они шагами измеряли территории, по которым двигалась великая армия. Результаты их измерений тщательно записывались в придворный журнал, ставший впоследствии бесценным источником для историков и географов следующих поколений. Кроме того, в этом отряде проводили описание местностей, составлялись карты, в сущности, велась научная работа своего времени. Поход Александра Македонского был своеобразной научной экспедицией.

Он поощрял деятельность своего друга гетайра Неарха, командовавшего флотом, который одним из первых занялся составлением карт береговых линий. Несколько утрируя, можно сказать, что корабль Неарха стал одним из ранних исследовательских судов. Его описания тоже оказались очень важными для науки. Получалось, что попутно с просветительской миссией и отмщением Александр решал в походе еще и научные задачи, хотя вряд ли осознавал это. Вернее сказать – эти задачи вписались в тот огромный круг проблем, которые по ходу дела возникали перед Александром Македонским.

После Персеполя идея отмщения была исчерпана. Более того, ему она стала неинтересна. И вот почему. Греческие полисы опросили своих граждан: готовы ли вы признать Александра богом? Все, и в первую очередь жители демократических Афин, согнулись в поклонах: «О, да, да, да!» Куда делась эллинская гордость? Неизвестно. Лучше всего ответили спартанцы: «Если Александр хочет быть богом, пусть будет». А если он бог, у него должна быть особая, божья воля, отличная от человеческой, воля, с помощью которой он осуществляет свою великую миссию, божественный замысел.

Очевидно, мысли, подобные этим, подтолкнули его к осуществлению совершенно новых идей, которых не могло быть в начале великого восточного похода.

Изображение Александра Македонского на саркофаге из Сидона, названного «Саркофагом Александра».

Последняя четверть IV в. до н. э. Фото репродукции

Я совершенно убеждена, что он никогда не стал бы столь великой фигурой в человеческой истории, в истории мировых цивилизаций, не возьмись он за осуществление идеи совершенно безумной и абстрактной. Вот что писал об этом древний грек Плутарх во II веке н. э., через 500 лет после всех этих событий, конечно, несколько приукрашивая и преувеличивая: «Александр стремился населить всю землю и превратить всех людей в граждан одного государства. Если бы великий бог, ниспославший Александра на землю, не призвал бы его к себе так быстро, то в будущем для всех живущих на земле, был бы один закон, одно право, одна власть. Будучи уверенным, что он ниспослан небом для примирения всех живущих на земле, он заставлял всех пить из одной чаши дружбы. Он перемешал нравы, обычаи, уклады народов и призвал всех считать своей родиной всю землю». А дальше Плутарх, видимо, делится своим собственным размышлением: «Все честные люди должны чувствовать себя родственниками, а злых они исключат из своего круга». Вот этих последних слов Плутарха Александру приписывать никак нельзя – гуманистом он не был, и это факт безусловный.

В самом начале своего правления, как только он был провозглашен царем, Александр немедленно разослал отряд гетайров для истребления своих родственников, которые могли быть претендентами на престол. Но это еще не все. У него было два сводных брата. Это были дети Филиппа II от предыдущих

браков. Один по счастью для себя оказался слабоумным, а второй – вполне вменяемым, за что и был беспощадно убит. Была казнена следующая после Олимпиады, матери Александра, жена Филиппа – Клеопатра. Александр распорядился покончить и с ее дочерью – молодой, красивой женщиной. Над ней издевались изощренно: принесли кинжал и яд – на выбор. Она повесилась. Ее маленькая дочь была убита тоже.

Александр любил женщин, у него было три жены, гарем. В Бактрии он женился на красавице Роксане. Затем в Сузах он женился сразу на двух женщинах – на Статире, старшей дочери персидского царя Дария, и на Парисатиде из дома Артаксеркса III. И везде были дети. Как видим, мирской жизни он был не чужд, хоть и считался богом.

Итак, к чему же он пришел в размышлениях о целях своего похода и его задачах? Отбросив концепцию панэллинизма, а вернее, забыв о ней, но помня о том, что он бог, и очевидно, совершенно искренне в это веря, Александр пришел к идее абсолютно утопической, но глобальной и по его разумению божественной, единственно достойной бога – идее соединения миров. Но каких? За долгие годы похода он понял, что европейский мир, европейская цивилизация и великая цивилизация Востока – миры совершенно разные. После всего увиденного ему, в сущности, неловко стало называть персов варварами. Восток с его великолепными городами, роскошными дворцами и садами, яркими шумными базарами и умиротворяющей музыкой, с мудрыми философами и знаменитыми учеными был прекрасен. И конечно, знойные, обворожительные женщины! Восток манил к себе, беспокоил воображение и будоражил сознание.

И Александр пришел к космической идее, очевидно, вечной, во всяком случае, живущей и по сей день, спустя тысячелетия: о сближении внутренне чуждых и враждебных друг другу Востока и Запада. То, что он совершил, завоевав былую Персидскую державу, дойдя до Индии и форсировав Инд, то есть завоевав почти весь тогдашний цивилизованный мир, требовало осмысления – как с ним быть дальше? Он решил примирить эти миры во что бы то ни стало. Известно, что его замысел провалился. Известно также, что держава распалась, буквально на следующий день после его смерти. Почти 40 лет диадохи, его преемники, делили между собой все завоеванные земли. Что из этого получилось, тоже известно. Но был замысел. И за ним стоят какие-то вечные идеалы. Взаимное сближение и отталкивание Востока и Запада будут ощущаться в эпоху Крестовых походов – в Новое и Новейшее время, конечно, сегодня. Как жить Востоку и

Западу, не уничтожая друг друга? Вот на этот трудный вопрос и попытался ответить Александр Македонский, человек древнего времени.

Историки называют цивилизации древности и средневековья патриархальными, традиционными. Люди тогда мыслили образами и действовали подчас очень наивно. Верх этой наивности – знаменитые бракосочетания в Сузах. Март 324 года до н. э., за год до смерти Александра. Армия под давлением уставших солдат уже повернула назад и с великими трудностями возвращалась из Индии. И несмотря на это, в самом сердце былой Персидской державы, в Сузах, он устраивает фантастическую феерию – десять тысяч воинов-македонцев из армии Александра женятся на женщинах государств Востока – Персиды, Бактрии, Мидии, Парфии, Согдианы. 89 ближайших сподвижников Александра, в том числе Неарх, Селевк, Кратер, Гефестион, вступают в брак (сам Александр берет в жены сразу двух женщин). Они вступают в брак, конечно, с принцессами. Замечу сразу, что, когда умрет Александр и начнет распадаться великая империя, 88 гетайров откажутся от жен из Суз, и только один, Селевк, сохранит свой брак. И кстати, Селевк будет достаточно успешен как правитель одной из частей великой державы Александра, династия Селевкидов продержится достаточно долго. Видимо, этот человек склонен был к некоторой стабильности.

Зачем устраивались эти почти шутовские пышные свадьбы? Блажь? Вовсе нет. Александр хотел смешать кровь, создать единую расу. Об этом он и пишет в своих дневниках, ценнейшем источнике, которым пользовались все древние авторы, и в его письмах матери, царице Олимпиаде. Он мечтал о том времени, когда рожденные в этих десяти тысячах браках дети вырастут и станут людьми нового поколения. В своих прожектах он делал на них главную ставку. И не без основания. В походе многих солдат сопровождали восточные женщины. Македонский мечтал узаконить их связь, дать право их потомству называться законными наследниками. Многие воины были смущены – в Македонии у них оставались семьи. Но когда они узнавали, сколь щедро царь платит, какое «приданое» он дает за ними, они тут же с этой идеей примирялись.

Смешение рас – идея поистине глобальная. И по сей день, уверена в этом, в этносах многих-многих народов есть следы этого смешения. Затея Александра все-таки оставила след в истории.

Александру ничего не мешало, он ощущал себя богом и умирать не собирался, он готовил очередной поход – хотел завоевать Аравию, затем пройтись по северу Африки, мимо

Карфагена до Геркулесовых столбов. Это с одной стороны. С другой – он намеревался строить державу, продвигая ее границы на восток.

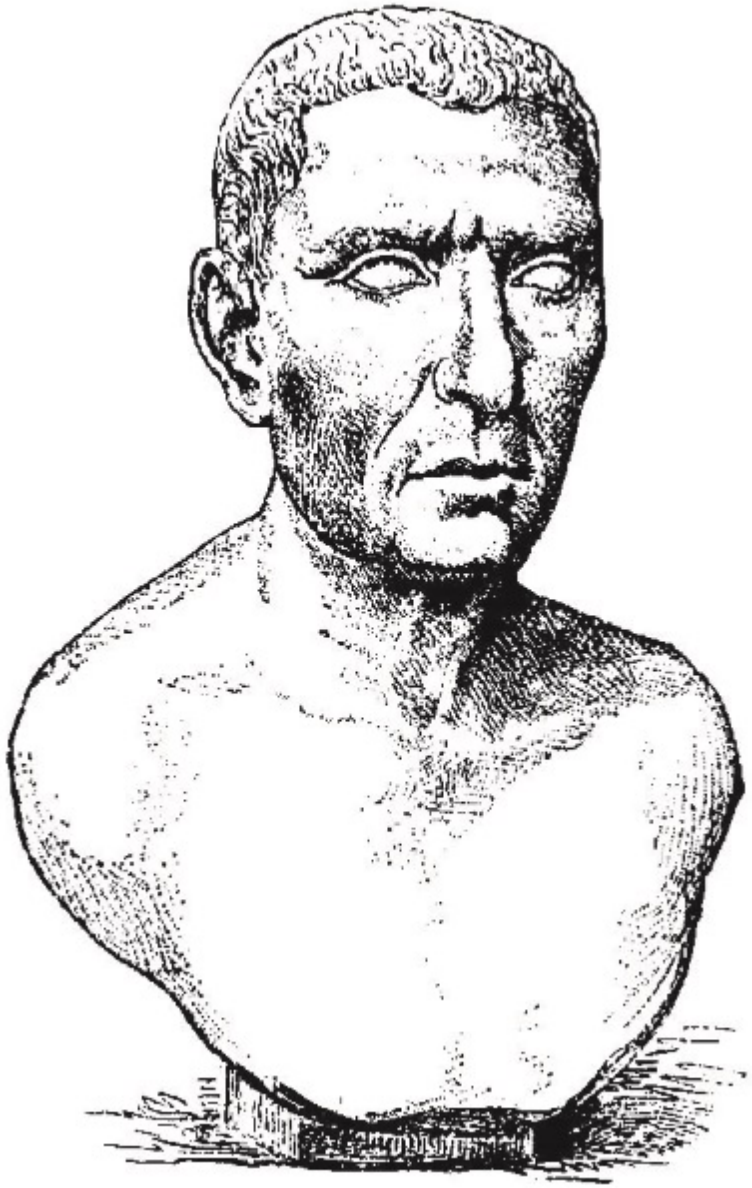
Его смерть таинственна – без конца будут спорить, отравили его или нет. У историков имеются факты: на пиру, выпив очередное огромное количество вина, он схватился за живот и со стоном упал. Типичное отравление, говорят одни. Если бы это было отравление, говорят другие, он умер бы мгновенно, потому что яды медленного действия тогда еще не были открыты, а он после этого жил еще тринадцать дней, сопротивляясь невероятно, не веря, что его дни сочтены, несколько раз объявляя, что «через сутки отправляемся в Аравийский поход». Но, хоть он и считал себя богом, своей собственной жизнью он уже не распоряжался. Он скончался в Вавилоне в 323 году.

Приведем в завершение античный анекдот. Едва вступив на престол, Александр захотел встретиться с Диогеном. Это было в Коринфе, многие пришли к царю на поклон, но не Диоген. И тогда Александр сам пошел посмотреть на Диогена. Тот сидел около своей бочки на солнышке. Александр спросил: «Проси что хочешь, все сделаю для тебя». И Диоген попросил: «Посторонись немного, не заслоняй мне солнце». Александр засмеялся и сказал: «Клянусь Зевсом, если бы я не был Александром, то хотел бы стать Диогеном». Они умерли в один год.

Цицерон. Слово может многое…

Марк Туллий Цицерон известен как оратор, блестящий оратор, способный говорить многие часы, буквально завораживая людей. Его страстные речи и сегодня поражают эмоциональностью и темпераментом. Он – автор многих афоризмов, а на самом деле – случайно брошенных фраз, ставших афоризмами. И в наше время, спустя более две тысячи лет, мы повторяем за ним: «бумага все стерпит», «жить – значит мыслить». Он – создатель классического латинского языка, той чеканной звенящей латыни, ряды поклонников которой не редеют и сегодня. Ему принадлежат многие труды – «О старости», «Об обязанностях», «О дружбе». Трактаты Цицерона, этого римлянина-язычника, оказали огромное влияние на Отцов христианской церкви. Так, у него учился Иероним, живший на рубеже IV–V веков. Он цитировал сочинения Цицерона, многое просто заимствовал у него для своих трактатов о христианстве. Блаженный Августин, сформулировавший основные постулаты христианства в своей средневековой версии, писал, что труды Цицерона подтолкнули его к тому, чтобы оставить все земное. Сам-то Марк Туллий все земное оставить не смог, что его и сгубило. Уж очень земной был! Как подметили специалисты, когда очередное изгнание отрывало его от политики, он начинал писать труды общефилософского, теоретического характера, книги, которые на многие века пережили своего автора.

Совершенно особым почитателем Цицерона был Петрарка. Это было время Раннего Возрождения, когда интерес к античности был огромен. Из XIV века Петрарка писал Цицерону письма как живому – случай в истории нечастый. Именно Петрарка внес большую лепту в сохранение памяти о Цицероне, отыскав ряд его сочинений. И в частности, его переписку с другом Аттиком – пожалуй, одну из самых ярких страниц в эпистолярном наследии человечества. Переписка с Аттиком – это целая жизнь, больше – целая эпоха, изложенная на бумаге. С юношеских лет до почти последнего дня Цицерон писал ему. Аттик – человек особый. Он купил землю в северной Греции, в Эпире, наладил там хозяйство и жил «в глухой провинции у моря. И от Цезаря подальше, и от вьюги». Он пребывал вдали от бурь политических, которые и сгубили Цицерона. Кстати, Аттик зарабатывал на Цицероне: редактировал и издавал его труды, пользовавшиеся огромным спросом.



Цицерон

На протяжении веков Цицерону давали диаметрально противоположные оценки: от «пустого болтуна» до «великого гения-интеллигента в дни революции». Но ни одна из них не была абсолютно исчерпывающей. Он такой разный, такой многоликий, такой не отчетливо выраженный, его портрет нельзя рисовать одной краской. На мой взгляд, одна из самых взвешенных книг о Цицероне – это книга нашего соотечественника, историка Сергея Львовича Утченко «Цицерон и его время». При вполне научном

содержании она ярко написана и прекрасно читается.

В серии «Жизнь замечательных людей» вышли две книги о Цицероне. И издатели спокойны: Цицерон будет раскуплен.

Что же за человек Марк Туллий Цицерон, какой след он оставил в истории? В чем смысл, значение его личности?

Посетил он сей мир в минуты поистине роковые. Рим времен Цицерона – это I век до н. э., время диктатуры Цезаря, его свержения и убийства. Общество, прекрасно отлаженное, вдруг содрогнулось как от землетрясения. Стены трещат, лопаются, потолок того и гляди рухнет. В чем причина? Республика, которая несколько веков казалась идеальной и устойчивой формой правления, себя же сгубила. Потому что Рим к этому времени представлял собой огромную мировую империю. А механизмы управления остаются республиканскими. Власть делят между собой народное собрание и сенат – наследник древнего совета старейшин. Вся жизнь кипит в городе Риме, а на границах Республики в 90 году до н. э. вспыхивает так называемая Союзническая война: население всех областей Италии требует всей полноты политических прав наравне с жителями великого города. Что уж говорить о других провинциях – Азии, Африке и прочих! В этой странной, как о ней говорят, войне побежденный получил то, к чему он стремился, – римское гражданство. Рим победил в военном отношении, но тут же дал населению права граждан, потому что жить так было уже невозможно.

Отныне жители Италии (италики) стали гражданами, однако, восстания не прекратились. В подавлении одного из них участвовал, между прочим, Цицерон. А дальние пределы Римского государства – это, в сущности, неуправляемая стихия. В воздухе носится идея: необходима сильная центральная власть. Идея, абсолютно естественная для Древнего Востока, была чужда античности. Однако жить по-прежнему становилось невозможно, политическая лихорадка только нарастала. Маленький, клокочущий город, который совсем недавно был тесным миром, где все знали друг друга, содрогается от внутренних противоречий. Ясно, что ему не устоять. И вот эта ситуация приобретает удивительный оборот! Я в этом вижу что-то мистическое – не всегда на вызовы времени так отвечает социум, как в Риме этой эпохи. Эпоха нуждалась в сильных, мощных, ярких, умных личностях. И они появились: гениальный Цезарь, полководец и политик; пламенный вояка Антоний; Клавдий – народный трибун и вождь, который отлично умел вести за собой массы. И наконец, хитромудрый Цицерон, которому ничего не стоило назвать белое черным и наоборот.

Конечно, в этом сказался опыт республиканской

деятельности, наработанный в течение нескольких веков. Этот опыт «наработал» таких людей. Среди них – Цицерон.

Марк Туллий Цицерон родился в 106 году до н. э. в поместье близ маленького городка Арпин. Оттуда же родом был Марий, один из гигантов той эпохи, который считался рьяным поборником демократии, убежденным республиканцем. Цицерону на роду было написано идти по стопам Мария, защищать народ, римский демос. Он с этого и начинал. Семья его была зажиточная, всадническая, но не аристократическая. Его предки носили плебейское прозвище «Чицеро» («цицеро» – сорт гороха). Прадед Цицерона был крестьянин и занимался огородничеством. Впоследствии Цицерон скажет о себе: «Я от соли земли». В семье был хороший достаток, что позволило ему получить классическое образование – эллинское, как тогда говорили, или греческое. Языки, философия, логика, юриспруденция и риторика – таково было обычное, традиционное для аристократической семьи образование.

В это время риторика пользовалась особенно большим успехом, что весьма естественно для античного общества. Греки дали несколько примеров ярчайшего ораторского искусства. Два с лишним века назад им в совершенстве владел Демосфен. Потом появились его последователи, учителя риторики, которые развивали это искусство. Один из них практиковал в Риме и так рьяно доказывал, что любой тезис можно обратить в антитезис, что римские власти сочли это безнравственным и попросили его удалиться. Цицерон тоже изучал это искусство.

Как и положено римскому гражданину, год он провел на военной службе. Ему довелось сражаться с восставшими марсиями (одно из италийских племен), служить адъютантом при командующем, которым в ту пору был отец Помпея Великого. Тогда же Цицерон понял: военного таланта у него нет. А для римлянина это вообще-то трагично. Потому что делать карьеру, минуя меч, было делом довольно трудным. И главным образом выдвигались те, кто владели и мечом, и хитростью, и богатством. У него нет ни особого богатства, ни таланта к военному делу. Хитрость феноменальная у него есть, но он еще сам об этом не знает. Он начинает практиковать как адвокат. На этом поприще и раскрываются его таланты.

Напомню – идет гражданская война, и потому очень многие уголовные дела, например о растратах наместника, становятся политическими. С них он и начал. В возрасте двадцати семи лет Цицерон впервые был замечен на публичной арене как адвокат. Он выступил по делу, за которое никто не хотел браться – взялся защищать некоего Росция, против которого выдвинул обвинения

любимец диктатора Суллы Хризагон! Этот поступок, безусловно, был мужественным. Диктатор Сулла, злодей Сулла – так его называют сами римляне, казнил всех неугодных, а неугодным мог быть любой человек, особенно богатый, владевший имуществом, которое непременно конфисковывалось. В этой ситуации совершенно невинному человеку грозила смерть, если бы за дело не взялся Марк Туллий. Взялся и победил. Цицерон остался жив и невредим, потому что сразу бежал, к тому же он не стал еще заметным публичным человеком. Его попросту не заметили, как маленькую горошину. Бежал он в Афины, тогдашний, можно сказать, Париж, центр духовной культуры Европы. Как явствует из писем Цицерона, ему довелось побывать в садах Платона, у гробницы Перикла, на Фалонском берегу, где Демосфен упражнялся в красноречии. Это первое добровольное изгнание он провел совсем неплохо и вернулся в Рим только после смерти Суллы. И тут начинается восхождение Цицерона, которое он к тому времени уже хорошо продумал.

Он начинает традиционно: получил должность квестора на один год. Кто такой квестор? Образно говоря, хозяйственник, которому в управление дается какая-то область. Ему дали западную Сицилию, которой он управлял разумно и честно. Он не был замечен в лихоимстве и тем заслужил очень хорошее отношение к себе населения. Долгое время сицилийцы будут присылать ему подарки.

В 70 году до н. э. он выступил на процессе некоего Верреса, бывшего наместника Сицилии, на которого пожаловались жители этого острова. Конечно, не случайно они избрали в обвинители Цицерона. Он так блестяще описал нечистого на руку правителя, что Веррес был приговорен к изгнанию, имущество его было конфисковано. Таким образом, с должностью квестора Цицерон хорошо справился.

Следующий этап – 76 год: Цицерон получил должность эдила. Кто такой эдил? Он следит за порядком в городе и организует праздники, без которых не может жить Рим. Цицерон провел три праздника за свой счет – к тому времени он уже разбогател, хотя и раньше не был нищим. Получив хлеб от благодарных сицилийцев, он отдает его бесплатно римскому народу. Цицерон думал о карьере, и потому на следующую высокую ступеньку – претора – он избран был, как пишут его современники, кликами народа, его просто выкрикнули и возвели в должность претора. Он популярен – борется с коррупцией, раздает бесплатно хлеб!

После этого дорога к высшей должности была открыта, в 63 году он становится консулом. Это, бесспорно, его величайший взлет.

Винченцо Фоппа. Молодой Цицерон за чтением.
XV в. Фото репродукции

Будучи консулом, оратор и юрист Марк Туллий Цицерон прославился своей знаменитой борьбой против заговора Катилины. Интереснейшая история! Был ли заговор? Да, был. Сергий Катилина был человеком аристократического происхождения, умным, циничным. Ему принадлежит такая мысль: «Римское государство состоит из двух организмов: один слабый, со слабой головой – сенат, другой – сильный, но совсем без головы». Как все догадались, это народ. В сущности, Катилина хочет одного – власти. Поначалу он идет к ней теми же законными путями, что и Цицерон, – по должностям, через избрание. У него не получается, мешает конкуренция. Тогда он готовит заговор. Во времена поздней Римской республики заговоров было много. Однако Цицерон благодаря своему таланту оратора так раздул масштабы этого заговора, так цветисто обрисовал личность Катилины, что дело это осталось в веках. Выступая в сенате, Цицерон представил свершившимися фактами слухи о том, что Катилина убил родного брата, вступил в связь со своей дочерью и совершил насилие над весталкой (так называлась жрица богини Весты). Весталки, как известно, давали обет безбрачия и высоко чтились в Риме. К тому же она была сестрой жены Цицерона. Было насилие или не было, тоже точно не известно. Но Цицерон произнес знаменитые четыре речи против Катилины, и они вошли в века, став классикой

ораторского искусства. Знаменитую фразу из первой речи «Quousque tandem abutere, Catilina, patientia nostra?» («Доколе же ты будешь, Катилина, злоупотреблять нашим терпением?») знает каждый первокурсник истфака. В русском переводе она звучит значительно проще и обыденнее. А ведь Цицерон непременно учитывал фонетические особенности языка. Знаменитую повелительную фразу «Purga urbem. Purga urbem» Цицерон произносит несколько раз и рокочет этим звуком «r-r-r»: «Очисти город, очисти город». Это похоже на раскаты грома, на страшную угрозу. Когда он говорит о злодействах Катилины, вымышленных, подлинных, он подбирает побольше шипящих, чтобы его речь свистела, шипела, как змея. Это талантливо и убедительно. Заговорщики схвачены, вершится быстрый суд, Цицерон выходит к народу в доспехах (что было, конечно, позой, какой он вояка, было известно) и говорит о необходимости казнить этих людей немедленно. Их ведут в тюрьму и казнят без утверждения приговора народным собранием, что было грубым нарушением тех самых республиканских основ, за которые он так боролся. Ведь лишить жизни римского гражданина можно было только по решению народного собрания.

После приведения приговора в исполнение Цицерон сам выходит к народу и говорит лишь одно очень емкое слово: «Vixerunt» (буквально «Прожили»). Кто он? Спаситель Республики. Он так запугал своими речами сенаторов, что казнь вызвала всеобщий восторг. Сенаторы и народ несут его на руках до самого дома, восхваляют, славят. Это как раз то, что ему было нужно. Все замечательно, и жизнь прекрасна! А ведь, в общем-то, с заговора Катилины начинается его путь к гибели.

Катилинариям втайне сочувствовал молодой Гай Юлий Цезарь. Он еще не успел стать видным политическим деятелем, и потому его не устраивало, что Республика так беспощадно рубит головы тех, кто желает взять власть в свои руки. Ни Помпею, ни Крассу, которые вместе с Юлием Цезарем создадут в 60 году первый триумвират, союз сильных, не нужна была такая непримиримая борьба за республиканские идеалы, тем более – борьба с серьезными нарушениями. И Цицерону приходится снова бежать, снова писать труды…

Внешне все пристойно. Он выполнил свой долг, заслужил триумф, но… понял, что надо спасать свою жизнь.

Надо сказать немного о его частной жизни, а она у него была очень непростая и не очень удачная. Его первая жена Теренция затевала бесконечные ссоры. Ее мотовство стало причиной их раздора. Он уличил ее в хищении денег и доказал ее вину с помощью управляющих. И это после тридцати лет супружества…

Уже были внуки.

Он женился на девочке, на девочке Публии, которая считалась его воспитанницей и была младше его дочери. В Риме, погрязшем в разврате, никто не отменял официальную мораль. И потому его поступок сочли некрасивым. Правда, довольно быстро он поневоле восстановил свою репутацию. Когда его дочь Туллия, которую он обожал, умерла от неудачных родов, Публия не скрывала своей радости. И тут Цицерон очнулся. Он навсегда отказался видеть ее. Более они не встречались.

Наверное, душой отдыхал он в письмах к Аттику и тогда, когда писал трактаты – «О душе», «Об обязанностях». Он много писал о совести, размышлял о ней. За ним были и грехи, и грешки, и, наконец, им владела сильная страсть – безмерное, не утихающее к старости властолюбие.

Первый триумвират завершается диктатурой Цезаря. Цицерону она сулит плохие перспективы. Ведь Цезарь был против казни катилинариев. Испугавшись, Цицерон опять бежит. Но жить вдали от Рима он долго не мог. Тогда он прибывает в Брундизий, главный порт Римской республики на восточном побережье Италии, и там ожидает приезда Цезаря. Он решает покаяться и вновь предложить услуги. Ждет долго. Целый год.

Античные авторы, сначала Саллюстий, потом Плутарх, так живо рисуют сцену их встречи, что, наверное, она была в действительности. Цицерон шел впереди всех встречающих, преодолевая свой страх. Он решил: будь что будет. Цезаря несли в носилках. Издали увидев, что к нему идет Цицерон, он спустился, вышел из носилок, пошел ему навстречу, затем обнял, и они долго о чем-то разговаривали. Беглец был прощен. Цезарь с его снисходительностью действительно больше его не трогал.

Это было так характерно для Цезаря – не горячиться, не впадать в мстительность. У него вообще было редкое качество для политика – милосердие, умение прощать… Уникальный был человек! За что «уникально» был зарезан людьми из своего ближайшего окружения. Многие считали, что Цицерон не был участником заговора, что Брут и Кассий его даже не посвящали в свои планы, так как боялись, что проболтается. Но косвенно Цицерона с его постоянными речами против тирании можно считать вдохновителем этого злодеяния. Убийству Цезаря он безумно радовался. Никогда не надо так поступать… А тогда в Брундизии он был счастлив, его простили!

В Риме он снова оказался в центре политических событий. Цицерон разрывается между Помпеем и Цезарем, старается их примирить, в итоге оказывается на стороне Помпея. Когда тот терпит сокрушительное военное поражение, Цицерон удирает из

лагеря. Его прямо называют предателем и трусом. После Фарсалы для Цицерона все было кончено. Он начал бояться всех! Его метания и страх были обоснованы: он ввязался в самое пекло. У него не было мощного меча в руках, не было войска и богатства, и при этом он умел сильно раззадорить и обидеть.

Цицерон произносит речь против Катилины. Фреска виллы Мадама в Риме.

1882–1888 гг. Фото репродукции

После смерти Цезаря Марк Антоний, близкий Цезарю человек, разыграл такую скорбь, такое горе! Он бился за свою власть. Против него-то, против Антония, Цицерон и произнес свои последние знаменитые речи – филиппики. Их было четырнадцать.

Почему «филиппики»? В IV веке до н. э. так называли речи Демосфена, пытавшегося силой слова остановить захват Греции царем Македонии Филиппом. Речи не помогли, Греция покорилась отцу Александра Македонского. Филиппики Цицерона были пространные, длинные. Речи записывались в сенате, затем в них вносились дополнения. Друг Цицерона Аттик их публиковал. Антоний предстал в этих речах трусом, лжецом, неумным правителем. Такое не могло пройти безнаказанным.

Когда в 43 году до н. э. главные политические лидеры Антоний и Октавиан примирились и заключили союз, начинаются новые репрессии. В список приговоренных попадает Цицерон.

Он немолод, конечно, устал и сделал неверную ставку. Все близкие люди умоляют Цицерона бежать. Его несут на носилках к берегу моря, к кораблю, готовому к отплытию. Но Цицерон

колеблется. То садится в лодку, то поворачивает обратно к берегу. Обнаружив, что захватил с собой мало денег, он отправляет в Рим своего родного брата Марка. Марк зверски убит. И тут преследователи настигают Цицерона, он смотрит им в глаза, надеясь, что взглядом их остановит. Конечно, не остановил и был убит. Отсеченные рука и голова Цицерона отправлены в Рим к Антонию. И тут в Антонии проявляются просто зверские качества. Он приказывает приколотить голову и руку Цицерона к ростра м на Форуме, недалеко от того места, где его противник произносил свои речи. Неистов был Антоний. Но и его ожидал трагический конец.

Есть легенда, что жена Антония поставила отсеченную голову Цицерона на свой обеденный стол и иголкой колола язык, который поносил ее мужа.

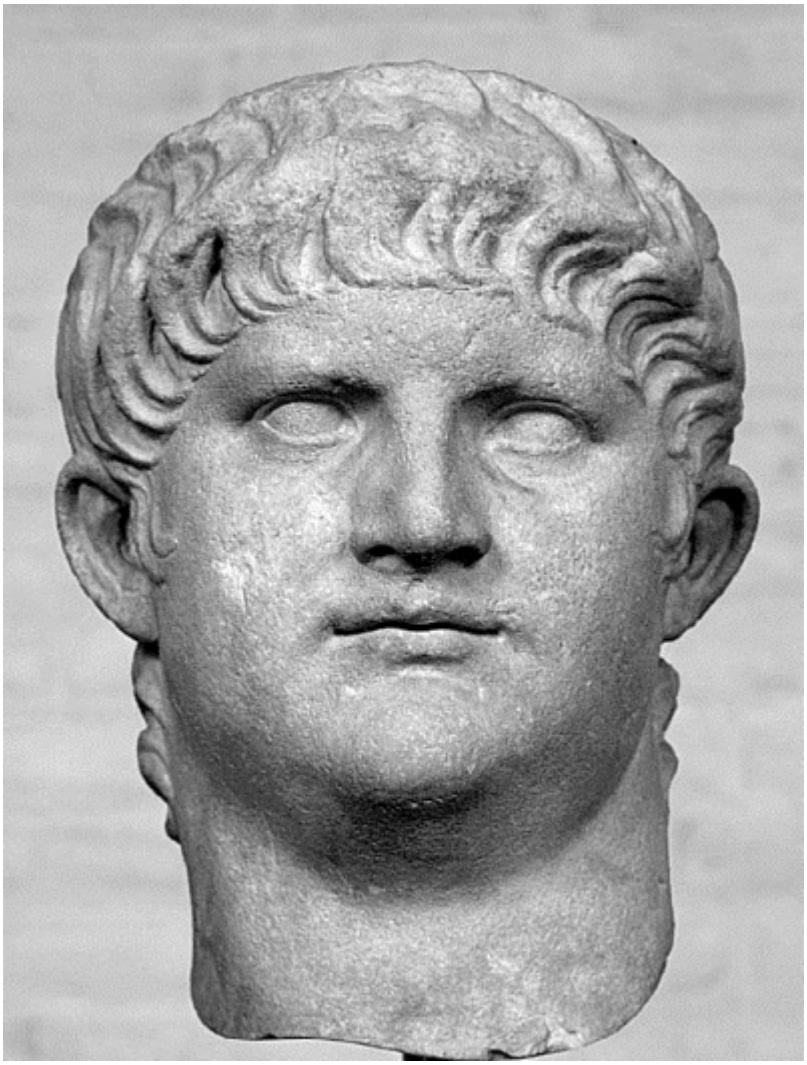
Нерон. Артист у власти

Все злодейства похожи друг на друга, а злодеи прошлого – во всяком случае, в римской истории – сходны между собой. Злодейские поступки как-то однообразны, чувства злобы, мстительности, страха – не новы, в то время как дела великие, светлые, высоконравственные окрашены всегда яркой индивидуальностью. Рассказ о Нероне, злодее, матереубийце, можно предварить заголовком – «Нерон – жизнь в страхе», или даже «жизнь в ужасе». Злодейство всегда связано со страхом, это близнецы-братья.

Он был императором, пятым или шестым по счету в истории Рима. Если считать от Юлия Цезаря – то шестым, если начинать отсчет с Августа – то пятым. Первый – Октавиан Август, который лицемерно называл себя принцепсом, считая себя не вполне императором, а только первым среди равных сенаторов. Далее Тиберий – мрачная, жуткая фигура, Калигула, который твердо был намерен произвести в сенаторы своего коня. Какой-то демонстративный разврат, нечто выходящее за рамки человеческих норм! Предшественник Нерона – Клавдий – самый тихий, самый ученый, он любит и знает литературу, искусства и вообще не рвется в императоры. Взбесившаяся гвардия нашла его во дворце прячущимся под кроватью, вытащила и провозгласила императором. Он был братом великого полководца Германика, необычайно популярного в Риме, умершего на Востоке, как предполагают, от отравления. Клавдий тоже был злодейски отравлен своей женой Агриппиной. В такой атмосфере правили первые римские императоры.

Среди них только Октавиан Август остался в истории блистательным, хотя и за ним водились дела неблаговидные. Воин, полководец, он прорвался к власти после страшных гражданских войн, победив всех – и Цезаря, и Антония, и Помпея. Такая удачливость в Риме очень ценилась. Но прежде всего ценился гражданский мир, который он установил. Таков облик рождающейся Римской империи. С этого она начинается. Среди первых ее императоров – актер Нерон, который обожал все виды искусства и актерствовал сам. Но сначала – о его жизни, которой сопутствовал ужас.

54 год, первый век новой эры. Нерон становится не принцепсом, первым среди равных, а императором. Молодого Нерона твердой рукой вела к власти его мать Агриппина. И мальчишка семнадцати лет провозглашается императором необъятной мировой империи.



Нерон.
Античный бюст. Фото репродукции

В Риме сложилась противоречивая ситуация. Республиканские идеалы никто не забыл, о них все время говорят и спорят. И больше всего – сенаторы, те, у кого прежде при Республике была высшая власть. И которые с появлением фигуры императора оказываются отодвинутыми на вторые роли. Кому это понравится! Еще один момент: в прошлом время правления диктатора Суллы, время страшных преследований, казней, море крови, гражданские войны. Особенно страшны проскрипции, доносы, за которые щедро платят. В заслугу Нерону поставили, что он, не отменив совсем плату за донос, уменьшил ее на

четверть. Атмосфера сложилась достаточно страшная. Сенаторы не хотят подчиняться императорам, желают вернуть себе всевластие, но боятся. И боятся настолько, что превращаются очень быстро в лакеев, что совершенно не соответствует былому величию римских сенаторов. Например, когда юноша Нерон произнес перед ними свою первую речь, – предполагают, что составил ее философ Сенека, его учитель, – они изъявили такой восторг, что сразу предложили объявить его отцом Отечества – это юношу-то в 17 лет! Какое искушение лестью! У него хватило ума отказаться. Действительно, речь была прекрасна, и произнес он ее как истинный актер, захватывающе эмоционально. Там было столько обещаний: что он возьмет на себя только контроль за армией в провинциях, не будет ни в чем ограничивать сенат и проявит искреннее милосердие ко всем сенаторам. «Долой насилие, долой все плохие воспоминания!» – с чувством кричал он. Благодарные слушатели предложили эту дивную речь выбить на серебряной колонне в сенате и ежегодно перечитывать. Они с самого начала – из чувства страха ли? из-за привычной лести? – пали перед ним ниц, расписались в своей неспособности влиять на политику.

При предшественниках Нерона шестьдесят лет подряд сенаторов резали, высылали, морили голодом до смерти. Они все это помнили. И кроме того, хорошо знали, кто его мать. Агриппина стояла в политической жизни пугающей тенью – дочь Германика, внучка Августа, женившая на себе престарелого дядю Клавдия после того, как он стал вдовцом – после казни его распутной жены Мессалины… Агриппина добилась, чтобы наследником императора Клавдия стал именно Нерон, ее сын от первого брака, а не ее сын от Клавдия Британик. А Клавдия отравила. Кажется белыми грибами, которые он очень любил. Много позже Нерон цинично шутил: «Воистину, белые грибы – пища богов». Дело в том, что сразу после смерти римского императора провозглашали богом.

Агриппина решительно хотела править вместо сына и не стала этого скрывать. Она повела себя политически оригинально – самовольно появлялась в здании сената, куда женщинам вход был запрещен, демонстративно восседала рядом со своим сыном, показывая всем своим видом, что она, может быть, важней, чем сам император. Даже монеты в некоторых провинциях чеканили с двумя изображениями – его и ее – на всякий случай. Очень скоро это стало его страшно раздражать.

Возможно, с этого страшного раздражения, которое вызывала в нем мать, началась его нравственная деградация, ведь не был же он с детства зверем! Как описывали его современники? Рыжая

борода, красивые голубые глаза, несколько близорук, в театре пользуется граненым изумрудом в качестве увеличительного стекла. Правда, неопрятен, непричесан, подчас появляется в халате. Недруги говорят, что его тело в прыщах и дурно пахнет. Нерон мечтал о славе Александра Македонского, завидовал моральному авторитету Октавиана Августа, известного покровителя искусств. То есть что-то человеческое в нем было. Но поведение Агриппины и двух фаворитов, приближенных к нему, Бура из вольноотпущенников – это всегда были самые страшные люди, самые цепкие и особенно рвущиеся к власти – и поучающего Сенеки сильно изуродовали его характер. В результате Нерон стал матереубийцей.

Убийство Агриппины было страшным, это была драма в нескольких актах. Сначала он устроил все так, чтобы над ней рухнул потолок – потолок обвалился, но ее как раз в это время не было в доме. Потом он отправил ее на прогулку на лодке, которая была умышленно собрана наспех. Лодка развалилась, но Агриппина выплыла – она, оказывается, прекрасно плавала. Тогда он начал приготавливать всяческие яды. Бесполезно. Она, отравившая в свое время Клавдия, принимала противоядия. И тогда пришлось поступить, как во времена проскрипций, – прислать к ней центуриона, чтобы тот убил ее. Сцена убийства была ужасна. Она сначала кричала: «Не смейте, я мать императора», а потом подставила убийцам живот и сказала: «Бей сюда, в чрево, породившее изверга». В этом есть что-то театральное.

Если продолжать разговор о родителях Нерона, нужно вспомнить его отца. Гней Домиций Агенобарб был известен даже в развратном Риме своей безнравственностью и свирепостью. Он убил вольноотпущенника за отказ напиться допьяна, нарочно задавил ребенка, выколол глаза всаднику за то, что тот осмелился противоречить ему. Молва приписывает Агенобарбу такие слова, которые он якобы сказал, когда родился Нерон: «Что хорошего могло получиться от такого, как я, и от такой, как она?» В этих словах – большая доля истины, независимо от того, были они произнесены или нет. Что и говорить, наследственность была «замечательная».

О Нероне писали многие древние авторы: Гай Светоний Транквилл, придворный писатель, тексты которого содержат подробное описание двора, серьезный историк Публий Корнелий Тацит, писавший много позже, через 100–150 лет после смерти Нерона, наконец – Дион Кассий, замечательный писатель уже III века. Поэтому время правления Нерона, несомненно, обрастало легендами. Разобраться подчас довольно трудно, что – правда, а

что – преувеличение. И все-таки попробуем.

Нерон пытался быть хорошим, скажем так. И в исторической литературе запечатлелось, что первые пять лет его правления выглядели очень достойно. Он меценатствовал до последнего дня своей жизни, тратя на это огромные деньги. Щедрая раздача денег из своего кармана – и народу, и деятелям искусства – была для него характерна. Может быть, еще и потому, что в этом жесте много театрального. Он произносил красивые миротворческие слова. «Я верну мужей и сыновей», – говорил он и выполнил в некоторой степени свои обещания – замирился наконец с парфянами, установил прочный и долгий мир с Арменией. Но очень многое в его жизни было актерством. В его жизни трудно отличить истинное от лицедейства. И в словах, и в поступках.

Очевидно, атмосфера страха, в которой он все время находился, творила из него злодея, с каждым годом он становился страшнее. После убийства матери настала очередь сводного брата Британика. Его Нерон боялся, и это понятно – сын Клавдия был законным наследником. Император обратился к знаменитой Лакусте, знатоку ядов, услугами которой пользовалась еще мать. В Риме это была, можно сказать, официальная отравительница, известная фигура.

Готовый яд Нерон проверил на теленке. Теленок прожил еще пять дней. Император был очень недоволен и пригрозил Лакусте страшными муками, тогда она принесла другое зелье и сказала: «Ну, вот это уж наверняка». Его испытали на поросенке, который вмиг умер. Но как подлить яд Британику? На придворных пирах всегда присутствовал специальный человек, который пробовал питье и еду перед тем, как начнут трапезу члены императорской семьи и гости. И тогда пошли на хитрость – питье подали очень горячим, обжигающим. Британик сказал, что пить его не может. И тогда у всех на глазах ему подлили отравленной воды. Он отпил и тут же упал замертво. Нерон цинично сказал: «Ничего, ничего, это у него падучая. Он сейчас очнется». Хотя прекрасно знал, что его брат уже умер. Удивительно в этой истории то, что Нерон сам заказывал яд и лично сам общался с отравителями. Чем не чудовище?!

Но давайте взглянем на исторический контекст. Как просто было стать чудовищем в то время! Агриппина очень не любила одного из фаворитов Клавдия, некоего вольноотпущенника Нарцисса, соперничавшего с ней. Он практически был министром финансов, от него зависели денежные поступления, а денег ей всегда не хватало. Когда Нерон пришел к власти, любимца прежнего императора отправили в изгнание. Нарцисс пытался выслужиться перед Агриппиной, уничтожил все

компрометирующие ее документы. Но ничего не помогло. Она послала центуриона убить его. Это – факт частный, но говорит он о беззаконии и вседозволенности. Римская империя, крепнущая, находящаяся в процессе становления, переживает нелегкие времена – идет борьба императора с сенатом, среди сенаторов крепнет внутренняя оппозиция, и вместе с тем расцветают лесть и раболепство. При этом память о Республике не исчезла, о ней мечтают, хотя Республика умерла, а общество в такие переломные моменты похоже на безнадежно больного.

Смерть Нерона.
XIX в. Гравюра. Фото репродукции

Болезнь пронизывала все общество. Припомним хотя бы страсть широкой римской публики к сражениям гладиаторов, жестоким и кровавым! Культ жестокости как в военное, так и в мирное время обычно присущ периодам кризисов в обществе. И это не может не влиять на того, кто стоит у кормила власти, у кого власть фактически безгранична. Кроме того, надо еще сказать, что натура Нерона была восприимчивой, неустойчивой, неуравновешенной. Он мгновенно вспыхивал яростью, а потом мог рыдать от умиления, услышав звуки арфы. Он не чужд был искусству. Он пел, соревновался с другими в певческом мастерстве и, естественно, всегда побеждал. Он получил в Греции, куда отправился на соревнование певцов, 1808 золотых венков. Правда, при нем всегда были пять тысяч молодых людей, которые обеспечивали ему овации. Мы сегодня назвали бы их клакерами. Провала его «тонкая натура» не смогла бы пережить.

Пение, разъезды, овации, поклонение – вот что его прельщало, что было ему по-настоящему интересно. Государственные дела со временем казались все более обременительными. Он с легкостью менял приближенных. Сенеку, великого философа, своего учителя, которого когда-то любил, Нерон отправил в изгнание, а потом регулярно спрашивал, жив ли он, не покончил ли он с собой. И, услышав о его самоубийстве, успокоился.

Справедливости ради надо сказать, что Сенека лепил из своего ученика образ, противный натуре Нерона. Он запрещал ему заниматься искусством, в частности пением, считая, и в общем, справедливо, что для этого нет данных, но самолюбивому юноше признать этот факт было тяжело. Нерону запрещено было много читать и даже Гомера, потому что гимнастические упражнения на свежем воздухе считались более полезными. Воспитанник Сенеки был физически крепким, сильным, чем радовал своего учителя. Но в жизни его не было Вергилия, не было тех сложных философских вопросов, которые ставятся в «Энеиде». А они, возможно, изменили бы его взгляд на мир и людей, облагородили его натуру. Но нет, Сенека ломает характер, принуждает воспитанника поступать только так, а не иначе. Думаю, всякий учитель должен помнить, что последствия таких методов воспитания могут быть самыми плачевными. В данном случае они оказались трагичными и для ученика, и для учителя.

Апогеем любви Нерона к искусству стала знаменитая история 64 года н. э. – пожар Рима. Вероятно, точно никогда уже не удастся сказать, причастен ли был Нерон к этому событию. Согласно скорее мифологической, чем исторической версии, он приказал поджечь Рим, чтобы вид пылающего города вдохновил его на написание поэмы о пожаре Трои. Он будто бы стоял на башне дворца Мецената, знаменитого друга Октавиана Августа, и пел песнь о гибели Трои, аккомпанируя себе на струнном инструменте. Этот рассказ из области мифологии, хотя и отражает истинную натуру Нерона. Судя по источникам, он вряд ли был в городе во время этого гигантского пожара.

Древние города горели очень часто, это было неизбежно, достаточно было неосторожной искры. Есть версия, что Нерон отдал команду пожарным бригадам не тушить кварталы старые, застроенные деревянными зданиями, чтобы потом на их месте возвести каменные строения. Вот это предположение очень возможное.

Когда надо было найти виновных, он возложил ответственность за произошедшее на христиан, устроил резню, многочисленные, массовые казни «поджигателей».

В последние годы жизни императора нарастает его

актерствование, оно приобретает все более болезненные формы. Видимо, благодаря стараниям пяти тысяч клакеров и многих тысяч льстецов, благодаря обману, который царил вокруг, Нерон стал верить, что он – великий актер. Он запрещал шевелиться во время своих выступлений. Выйти из театра в случае необходимости было совершенно невозможно. В источниках упоминаются случаи, когда женщины рожали во время театрального действа, не смея удалиться. Будущий император Веспасиан однажды заснул и захрапел во время выступления императора – а был он тогда провинциальным полководцем, которого Нерон зачем-то возил с собой в свите. Казалось, жизнь Веспасиана кончена. Но Нерон был в хорошем настроении и лишь сказал: «Ну что этот мужик понимает в искусстве?» И сослали Веспасиана в его деревню, конечно, не подозревая, что этот человек «из простых» довольно скоро станет императором.

Любовные увлечения Нерона тоже являют собой нечто неестественное, уродливое, всегда страшное. Женили его насильственно в юном возрасте на Октавии, дочери Клавдия. Это была затея его матери. Но к своей супруге, совсем еще девочке, Нерон испытывал полное физическое отвращение. В конце концов он всячески стал избегать ее, и брак стал поистине несчастьем для обоих. Затем он влюбился в вольноотпущенницу Актэ, родом из Сирии, и, судя по всему, она его любила. Вот редкий счастливый случай! До конца его жизни она была ему предана, а потом проводила его в последний путь. Верность Актэ не помешала ему изменять ей. Так, он влюбился в знатную даму Поппею Сабину, из-за нее отправил в изгнание несчастную свою жену, а мужа Сабины убил. Через 20 дней после развода с Октавией состоялась его свадьба с Поппеей. Затем он приказал расправиться с Октавией, а вскоре убил Поппею ударом ноги в живот (она уже ждала ребенка). Картина рисуется страшная – отравлен брат, подосланы убийцы к матери, убита одна жена, другая… И это не считая множества других убийств, не столь в его жизни важных.

Конечно, природа участвует в рождении таких чудовищ – наследственность сыграла тут не последнюю роль. Но дело не только в ней. Время, время было страшное. Личность человека, оказавшегося у власти, попадает в атмосферу жестокости, изломанности, извращенности. Время Нерона было началом глубокого заката римской цивилизации. К I веку н. э. за плечами у римского общества и государства – почти тысяча лет непрерывного восхождения. Это долгое успешное развитие, превратившее Рим во властелина всего тогдашнего мира, создало особую идеологию вседозволенности. Ведь победителей не судят.

И когда стали ломаться институты, которыми Республика и гражданская община так гордились после кровавых рек эпохи проскрипций и гражданских войн, родилось явление демонстративной аморальности. Она и была повивальной бабкой при рождении ТАКОГО Нерона.

Смерть Нерона очень вписывается во всю эту картину. Он был у власти 14 лет – не так мало. Его правление в первые пять лет было вполне приличным. Какую эволюцию он переживал? Все больше актерствовал и забывал о государстве и управлении. В итоге он вообще перестал интересоваться тем, что происходит в Риме и провинциях. В столице империи зрело недовольство. Начался бунт провинций. Для подавления восстания в Палестине Нерон послал Веспасиана, в Галлии сам римский наместник возглавил восстание. Поднялась Испания, и предводителем недовольных оказался тоже римлянин, сенатор Гальба (очень скоро он ненадолго станет императором). И наконец, императорская гвардия тоже оказалась против Нерона. Тут он спохватился и вдруг прозрел.

Он проснулся ночью, а дворец пуст, никого нет, гробовая тишина. Стража ушла. Он метался по пустому дворцу, наткнулся на своего бывшего слугу Феона, который сказал ему: «Пойдем ко мне, я тебя спрячу». Слуга замотал Нерону лицо, привел к себе в дом и сразу стал уговаривать: «Давай, покончи с собой, как прилично римлянину, потому что за тобой уже послали, тебя ждет позор». К тому времени сенат уже объявил Нерона врагом отечества и вынес решение применить к нему традиционную римскую казнь. Нерон, узнав об этом, спросил у Феона: «А это как?» Тот объяснил: «На голову надевается колодка, туго зажимается, и человека бьют, избивают, лупят плетьми до смерти». Нерон запричитал, заплакал и все-таки до конца остался артистом. Он воскликнул: «Какой великий актер умирает!» И покончил с собой.

Но у него была жизнь после смерти. Мгновенно распространился слух, что он не умер, а бежал на Восток… Слух этот держался долго, главным образом потому, что многим было известно – у Нерона есть двойник, и не один. Он искал себе двойников, часто посылал их на какие-то публичные выступления. Естественно было предположить, что погиб двойник, а он-то жив и еще покажет себя. В течение многих лет на его не очень пышной гробнице загадочным образом появлялись цветы. И это лишь укрепляло предположения. К счастью, предположения оказались мифом. Страх часто рождает мифы.

Веспасиан. Крестьянин на троне

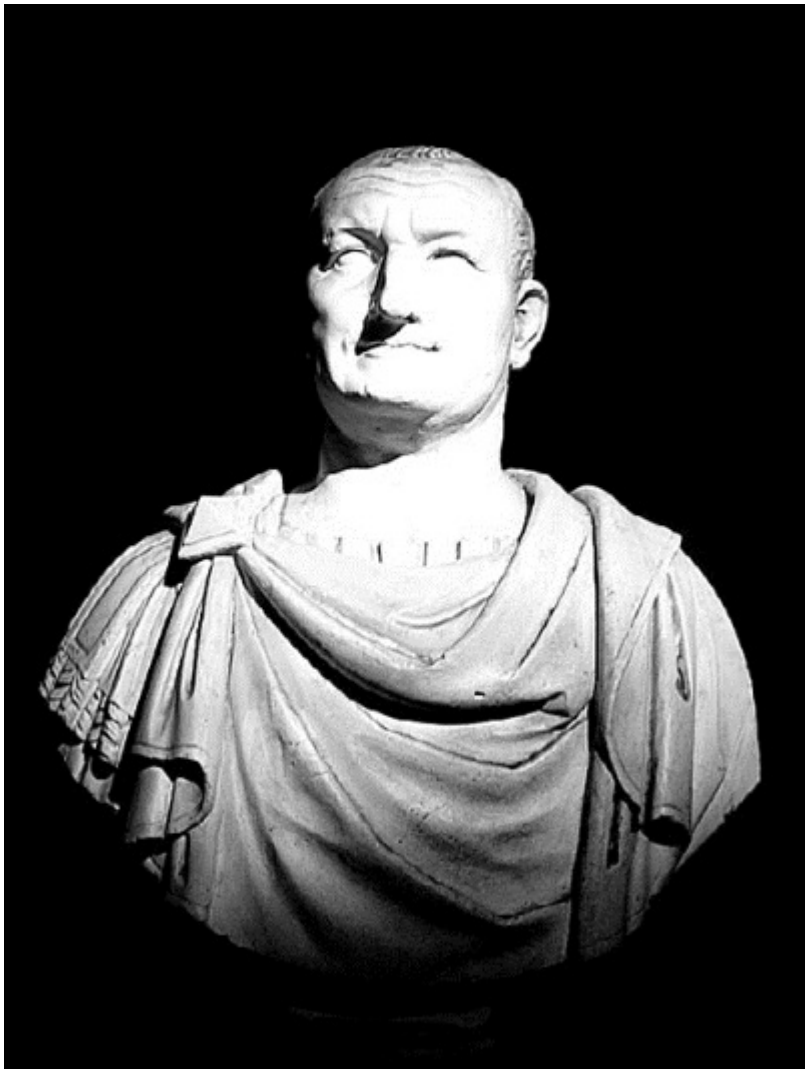
Каким он был, где родился, каково его происхождение и почему его называют «крестьянин на троне»? Веспасиан находился у власти с 69 по 79 год н. э. На протяжении десяти лет он правил в раздираемом гражданскими войнами Риме. Это много, это серьезно! Он взошел на трон в шестидесятилетнем возрасте, по тем временам – глубочайшим стариком. Его звали Тит Флавий Веспасиан. Став императором, он принял имя Цезарь Веспасиан Август, что внушительно и красиво. Для человека из низов это было важно.

Чем же эта личность примечательна? Веспасиан – человек из низов, простолюдин, который не имел отношения ни к республиканскому, ни к имперскому нобилитету. С его появлением на троне было развеяно устоявшееся представление о власти – «править должен первейший из лучших». Кто такой император? Напомню, «принципат» – это первенство, главенство (от латинского princeps – «первый, главный»). А Веспасиан был в молодости центурионом, а может быть даже солдатом. Центурион – это «сотник», тоже невысокое военное звание. Но как полководец, Веспасиан бесспорно отмечен в истории. В 69 году он жестоко подавил опаснейшее для Рима восстание в Иудее, которое сами древние называли Первой Римской войной, – покорил всю территорию этой непокорной провинции, кроме Иерусалима. Он много сделал для обустройства государства, при нем было начато строительство Колизея. Но все по порядку.

Он родился 17 ноября 9 года н. э. в небольшой деревне Фалакрины около Риаты, современной Риеты, к северу от Рима. Предки его ни знатностью, ни богатством, ни славой не отличались. Как пишет Светоний, замечательный биограф римских императоров, – «изображений предков не имел». И все сразу понимали, что речь идет о незнатной семье. Дед был центурионом или солдатом, отец – сборщиком податей в провинции Азия. Легенда гласит, что в Азии в память об отце Веспасиана было поставлено несколько статуй, которые украшала надпись «Справедливейшему»… Скорее всего, это вымысел. Никогда налогоплательщики памятники сборщику налогов ставить не будут. Но…так мифологизировались семейные предания того, кто прорвался из самых низов к власти – к управлению Римом. Фигура Веспасиана в определенном смысле – поворотная в Римской истории.

Мать Веспасиана происходила из более знатной семьи, ее дед был военным трибуном. Жена императора, Флавия Домитилла,

как сообщает Светоний, – «бывшая любовница римского всадника из Африки». Ее отец всего-навсего был писцом в казначействе и, значит, принадлежал к совсем мелкому и незначительному чиновничеству. И это – семья прославленного императора, основателя предпоследней династии Флавиев. Обоим его сыновьям – Титу и Домициану – довелось побыть императорами после его смерти. Веспасиан добивался установления традиции наследственной передачи власти. Сенат был против, но он все-таки настоял на своем. Его дочь Домицилла прожила короткую жизнь, сравнительно рано умерла и его жена. И после смерти жены он взял в дом свою бывшую наложницу Циниду – вольноотпущенницу матери императора Клавдия. Налицо желание этого здравомыслящего человека, не пытающегося рядиться в тогу патриция, подчеркнуть: «Да, мы из низов, но мы связаны с императорским домом!» Веспасиан вслед за своими незнатными предками – писцом казначейства и сборщиком налогов – вполне мог заявить: «Я служу империи, но не титулами, волею судьбы доставшимися от предков, а деяниями своими». Это то новое, что, собственно, внес этот человек в такое грандиозное явление, как Римская государственность. Он медленно, как-то очень естественно, постепенно делал карьеру, без рывков, без опасных поворотов, по-крестьянски, по-простецки, своим умом додумывая, где лежит кратчайший путь наверх.



Веспасиан.
Античный бюст. Фото репродукции

Он начал со службы в римском войске (ее части стояли тогда во Фракии, на территории современной Болгарии). Будучи военным трибуном при Калигуле, Веспасиан, человек абсолютно здравомыслящий, воздавал почести этому склонному к садизму императору. Не в оправдание, а справедливости ради надо сказать, что такого низкопоклонства, как при Калигуле, трудно найти в истории Рима. Все выступали, кричали, требовали: «Калигулу! Калигулу! Трибуном! Цензором! Консулом!» Страх парализовал людей. Сначала они целовали ноги императору, а потом благополучно зарезали его. Потому что простить того, кто заставил тебя пресмыкаться, невозможно. Вот в такой обстановке,

отмеченной чертами явного вырождения, нравственного упадка, Веспасиан и начал свой путь к власти.

Рим того времени – по существу, монархия. Со времен Октавиана Августа, с 27 года до н. э. римское государство возглавляет «принцепс». Слово «монарх» отпугивает, но «принцепс» – «первый среди равных» – ласкает ухо, свидетельствуя в то же время об укоренении традиции единоличной власти. «Принципат» – это по сути монархия в республиканских одеждах. И потому Веспасиан на пути к власти отдавал должное этим республиканским декорациям. Он был претором в 40 году, до этого исполнял должности квестора, эдила, дважды имел жреческий сан. Он вовсе не стремился занять какое-то особое положение, а просто делал карьеру чиновника и военного.

После должности военного трибуна при Калигуле он становится наместником римского императора на Крите. Затем – Германия. В войнах с германцами он проявил полководческий талант. В 43–44 годах Веспасиан стал командовать легионом, в котором предположительно было до семи тысяч человек. Это серьезная боевая единица! А вскоре он отправился в Британию. Рим завоевывал ее очень трудно, встречая сильное сопротивление местного англосаксонского населения. Считается, что он выиграл в Британии 30 сражений. Воюя то с германскими варварами, то с кельтским населением Британии, он познал законы партизанской войны, что очень пригодилось в Иудее. И в результате Веспасиан был отмечен как полководец и смог в 51 году, это уже время правления Клавдия, опять занять республиканскую должность консула. И вот тут начинается его придворная карьера. Надо сказать, что он всегда сторонился императорского двора, но соблазн оказаться в самом водовороте политических событий был силен. При поддержке всесильного фаворита Клавдия, вольноотпущенника Нарцисса, наш герой начинает выдвигаться на придворном поприще.

Нарцисс, жадный до власти, уверенный и сильный, исполнял роль «премьер-министра» при императоре. Сам Клавдий испытывал тягу к философствованию, литературному творчеству, обязанности государственного мужа его тяготили, и он с удовольствием передал их своему фавориту. А Нарциссу нужна была поддержка скромных, но победоносных провинциальных генералов. В итоге Веспасиан примкнул к группе поддержки. Но… Нарцисс свергнут. В 54 году к власти приходит император Нерон.

В первые годы правления Нерона ключевой фигурой при дворе становится его мать, Агриппина. Она ненавидела Нарцисса и всех приближенных к нему людей. Она собиралась их убрать,

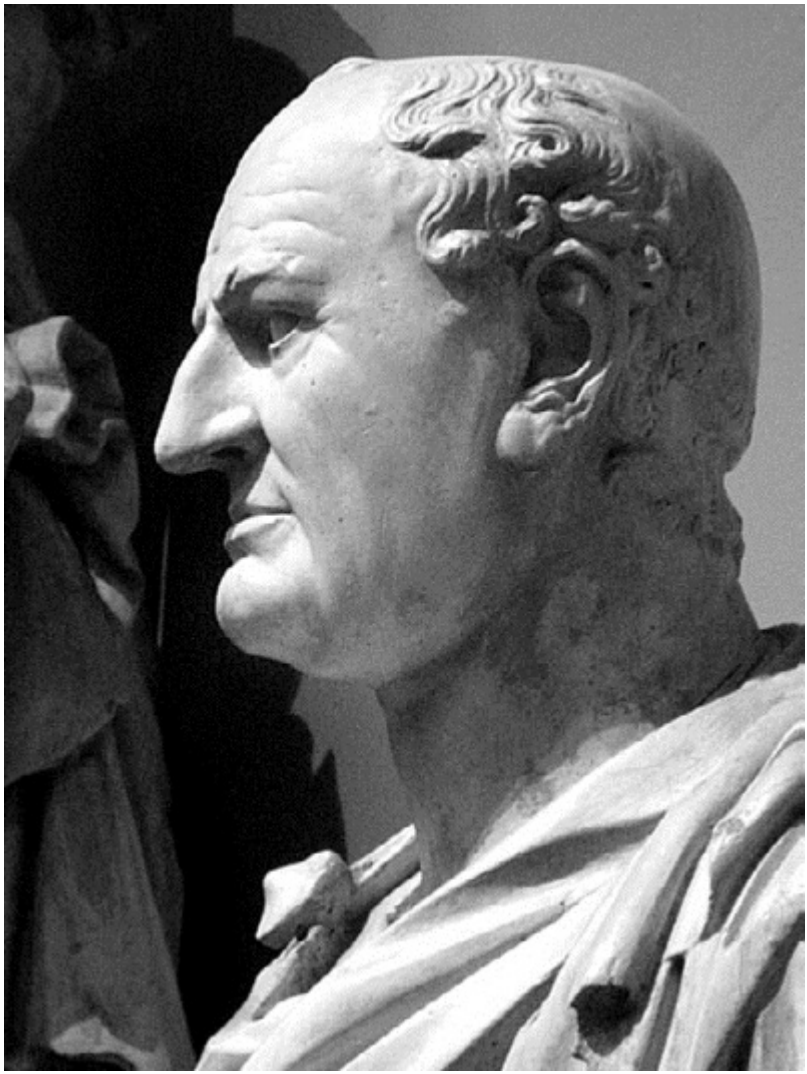
причем уничтожить физически, что было для нее делом вполне обычным. И разумный Веспасиан сейчас же покидает Рим и окунается в частную жизнь. Ему – почти пятьдесят лет, возраст весьма и весьма солидный, и его уход с политической сцены вполне мог быть уходом навсегда. Вряд ли он предполагал тогда, что на самом деле у него все впереди. Не думаю, что у него хотя бы раз появлялась идея об императорской власти. Нет! Он знал, что наделен полководческим талантом, но никогда не думал, что его заслуги будут оценены так высоко. Он хотел сделать карьеру – это все, к чему он стремился. Скрывшись, он поступил разумно, расчетливо – вот что значит человек из низов! Когда погибает Агриппина (ее убил Нерон самым жутким, диким образом), Веспасиан вновь появляется. Он возвращается ко двору и в 63 году в качестве проконсула получает в управление провинцию в Африке, успокоенную, «замиренную» римскими войсками.

Никто не сомневался, что оттуда он вернется богатым человеком, поскольку в провинциях богатели все без исключения проконсулы. А вот он – нет! Когда около года спустя он возвратился, ему пришлось отдать в залог свое имущество, дом, не такой уж и богатый, родному брату. Милые отношения, не правда ли? Веспасиан начал зарабатывать деньги торговлей мулами. Между тем римским сенаторам, да и знатным людям вообще, было запрещено заниматься торговлей, тем более такими неблагородными животными. Веспасиан сразу же получил прозвище Погонщик мулов, которое осталось с ним до самой смерти. А став императором, Веспасиан установил налог на общественные туалеты – в сущности, он ввел понятие «платный туалет». Известен афоризм, якобы принадлежащий Веспасиану, «деньги не пахнут». Этими поступками он никому не бросает вызов, он просто живет по своим понятиям. Раз торговля мулами дает деньги – значит ею стоит заниматься. Семью-то надо содержать! Римский историк Светоний пишет, что Веспасиан имел смелость выходить из зала во время пения Нерона. Так то не смелость была, просто Нерон скверно пел, и не всякий мог слушать его. Да и не уходил вовсе Веспасиан, а просто заснул, да так громко захрапел, что Нерон услышал, но снисходительно сказал, дескать, что с него взять – солдафон, деревенщина, ничего не понимает в искусстве.

Такое поведение простеца, человека «от земли» совсем не нарочито. Просто он вел себя так, как подсказывала его натура. Его постоянные шутки называли грубоватыми, солдафонскими, но они такими и были и не претендовали на большее. И вот Нерон, недовольный выходками Веспасиана, назначает его командующим в походе на Иудею.

Это была провальная затея, потому что известно, что Иудея того времени – самая бунтующая провинция великой Римской империи. Начиная с VI века до н. э. она пытается сохранить свою независимость. Ее история на протяжении 300–400 лет – это цепь постоянных заговоров, убийств, восстаний. Страсти окончательно накаляются, когда во II веке до н. э. Селевкиды пытаются подчинить Иудею, установить в ней свое правление. Но ничего не получается! Один из ее правителей, Александр Янай (новый царь Иудеи из Хасмонейской династии и первосвященник в 103—76 годах до н. э.), приказал убить 800 восставших евреев на глазах их жен и детей. В 37 году до н. э. проримски настроенный царь Ирод велел утопить брата своей жены, удушить своих детей от брака с еврейкой. Имя его стало нарицательным. Но никакие жестокости не помогли царю Ироду усмирить своих подданных. Наоборот, против него начинаются бурные протесты. И вот – Иудейская война. Римская карательная экспедиция в первый же год потерпела поражение. Тогда туда направляют Веспасиана – ему предстоит или спасти положение или потеряться в дебрях этой бесконечной и страшной войны.

В истории этой войны – множество поразительных сюжетов. Например, наместник одной из областей Галилеи Иосиф, сын Матафии, перешедший на сторону римлян, в дальнейшем стал знаменитым историком Иосифом Флавием, приняв родовое имя Веспасиана. Читайте роман Фейхтвангера «Иудейская война» – отличная книга!



Веспасиан.
Слепок с античной статуи. Фото репродукции

Веспасиан ведет кампанию удачно. Не легко, не бесспорно, но умно и с хитрецой. Он не бросается в самые тяжелые битвы, его уговаривают штурмовать Иерусалим, но он отказывается. И вот как передает Иосиф Флавий логику поведения Веспасиана: «Лучшим полководцем является бог, который хочет отдать иудеев в руки римлян без всякого напряжения с нашей стороны, а войску нашему подарить победу, не связанную с риском. Пока враги собственными руками губят сами себя, пока терзает их самое страшное зло – междоусобная война, нам лучше пребывать спокойными зрителями этих ужасов, не ввязываться в борьбу с людьми, которые ищут смерти и неистово беснуются друг перед

другом». Точно так же Веспасиан поведет себя и в Риме, когда перед ним забрезжит призрак императорской власти. «Не буду ввязываться, пусть претенденты на престол пожирают друг друга», – говорил он всем своим поведением. А пока – победа за победой – успех сопутствует ему во всем. Он пользуется любовью легионеров, потому что ведет их к победе спокойно, умно и расчетливо, не рискуя и не подвергая их жизни ненужной опасности. У него три легиона, это около двадцати тысяч человек с пехотой и конницей – большая военная сила, безгранично ему преданная.

В 68 году из Рима приходит известие – император Нерон покончил с собой. Безумцы наподобие Нерона всегда заканчивали так – их убивали в результате заговора или принуждали к самоубийству. Умирала римская аристократия, демонстрируя закат нравственности, закат верности римским традициям. Умирая, она открывала дорогу тем нуворишам, которых так блистательно представлял Веспасиан. После смерти Нерона легионы, стоявшие в Галлии и Испании, объявляют императором полководца, сенатора Гальбу. Сейчас же ему присягает Веспасиан. Однако Гальба вскоре был убит. Следующим императором был объявлен генерал Отон. И снова Веспасиан ему присягает. Но у Отона появляется соперник – Вителлий, которого поддерживают легионы в Германии. В этом противоборстве Отон потерпел поражение и покончил с собой. Когда Вителлия признают императором, Веспасиан был одним из первых, кто принес ему присягу на верность. Это удивительная, уже явно демонстративная позиция. А разве он виноват, что правители так быстро сменялись? Вителлий находился у власти несколько месяцев и был свергнут. И вот место свободно.

Легионы, стоявшие в Иудее, провозглашают императором Веспасиана. Но он отказывается! Легионеры отдают ему императорские почести, но он приказывает им разойтись, начинает грозить наказанием. А вокруг собираются люди, много людей, и он кричит все громче, чтобы слышали все, он – не император. Веспасиан играет роль верного служаки, солдата, который помнит прежде всего об интересах государства, и в отличие от бездарного актера Нерона играет талантливо. Но наконец он внял доводам своих сторонников: если действительно надо спасать империю от раздоров, ну тогда – ничего не поделаешь, будем спасать. Он идет походом на Рим и берет его штурмом. Рим грабят. Святым Веспасиан не был, это безусловно. Умел наказать врагов, но в отличие от своих безумных предшественников старался соблюдать границы разумного, мог кого-то демонстративно простить, потому что интересы

государства того требовали. Те правила игры, которые перечеркнули наследники Августа, пресыщенные безграничной властью, он старается восстановить. «Я человек из народа, я служу Риму, и я буду разумен» – вот его кредо.

Он оказался у власти в трудное время. Гражданская война, разорение. Самым важным становится вопрос финансов – позарез нужны деньги, и он с его крестьянским умом, крестьянской хваткой и полным пренебрежением к аристократическим условностям – что положено, что не положено римскому императору – стремится изыскать средства любыми путями и способами, не гнушаясь абсолютно ничем. Светоний пишет, что Веспасиан открыто занимался такими делами, которых бы постыдился любой простолюдин. Он скупал вещи, а потом распродавал их с выгодой, без колебаний продавал должности соискателям, за деньги выносил оправдательные приговоры подсудимым, невинным и виновным, без разбора. Наконец, назначал на хлебные места самых коррумпированных людей, чтобы они брали, брали, а потом он все это конфисковывал у них в пользу государства. Неплохая идея! Со своим простецким умом он мог показаться нудным, скучным, скупым, прижимистым и разочаровать римскую публику. Ан нет, не разочаровал. Несмотря на финансовые трудности Веспасиан стал строить храм богини Мира, вложив в строительство огромные деньги. И храм был построен. А это уже – поступок настоящего аристократа. Придя к власти неким простецом, он доказал, что вполне понимает аристократические традиции и следует им. А для народа новый император начал строить Колизей, который тогда назывался Форум Флавия (строительство завершится при его преемниках, сыновьях). Теперь Колизей – один из символов римской цивилизации. В течение десяти лет правления Веспасиана римляне вели только две войны. Одну, доставшуюся по наследству, – в Британии. Другую – в Иудее, ее завершал его сын, император Тит. В Риме в храме Януса открывались двери, когда империя вела войну. Веспасиан сказал: «Война закончена! Забудьте!» – и приказал закрыть двери храма. Он любил анекдоты про себя, спокойно относился к тому, что над ним подшучивали. А цель, которую преследовал, была одна – показать, что император – человек из народа и для народа. Он был не так прост, как хотел казаться. Уже умирая, семидесятилетним стариком, он пошутил: «Кажется, я становлюсь богом», имея в виду традицию обожествления императоров после смерти. Возможно, он и не говорил эту фразу, но ее приписали именно ему. Нерону приписали другую – «Какой великий артист умирает!». И тот и другой, хотя корни их совершенно разные,

продолжали традицию античного анекдота, а она, как правило, скрывает что-то очень сущностное, идущее из глубин природы конкретного человека или явления. И это вовсе не анекдот в нашем, современном понимании.

Умер Веспасиан в 79 году н. э., как говорят, от лихорадки. Тогда почти все болезни называли лихорадкой. Последним тяжелейшим переживанием было известие о готовящемся на него покушении двух близких ему сенаторов – Марцелла и Альена. Они оба были убиты по приказу Веспасиана. Он искренне не мог понять, как можно покушаться на человека из народа, на того, кто рисковал жизнью на полях сражений, собирал богатства для империи, строил бессмертные храмы? Простить заговорщиков он отказался.

Царица Нефертити. «Прекрасная пришла»

Прекрасная пришла» – один из вариантов перевода имени Нефертити. Древнеегипетская иероглифическая письменность была расшифрована Франсуа Шампольоном в начале XIX века, но никто не знает и никогда уже не узнает, как звучали эти слова. Тем более что гласных звуков это письмо не передавало.

Нынешнее имя Нефертити – условность, но оно удивительно идет ей. Мы знаем ее лицо – лицо дивной, почти неземной красоты. Оно было возвращено современным людям спустя три с половиной тысячи лет. Ее изображение было найдено в городе Ахетатоне, новой столице ее мужа, фараона Эхнатона, для которого эта женщина была не только женой, но и единомышленницей.

Ахетатон открыт археологами в 1887 году. Началось все с того, что некая арабская крестьянка из деревни Телль-Амарна обнаружила таблички с клинописными значками. Она знала, что за это дают хорошие деньги, и продала находки – выяснилось, что это текст международного договора между отцом Эхнатона и хеттским царем. Он был написан клинописью, а не иероглифами. Древние египтяне применяли иероглифы только внутри страны, считая их священными знаками. А аккадский язык служил международным, как латынь в Средневековье, и тогда пользовались клинописью.

Найденные крестьянкой таблички были частью архива. И археологи стали искать город, в котором этот архив мог бы храниться. Так был найден Ахетатон.

Восхитительные изображения Нефертити лежали лицом вниз в развалинах мастерской скульптора, имя которого, тоже условное, нам известно – Тутмос. Найдены три бюста, два из них хранятся в Берлине, третий – в Каире.

О ней, столь прекрасной, написано много художественных произведений, в том числе роман американки Элизабет Херинг «Ваятель фараона» – о том, как скульптор полюбил царицу и воплотил свое великое чувство в ее портретах. Но это лишь романтическая фантазия.

Бюсты были найдены в 1912 году. Немецкий археолог Л. Борхард, который вел раскопки, отметил в дневнике: «Описывать бесполезно. Смотреть». И мы до сих пор с восторгом смотрим на эти произведения искусства. Но и Нефертити как будто смотрит на нас сквозь тысячелетия.

В лице ее есть нечто загадочное. Почему, например, вставлен один глаз? Мы можем лишь строить предположения. Все, что

касается жизни этой солнечной четы, фараона Эхнатона (Аменхотепа IV) и его жены Нефертити, восстановлено по многочисленным находкам: табличкам, надписям, барельефам, скульптурам. Создана «вероятностная картина мира», как выразился один исследователь.

Есть версия, что один глаз не вставлен на место, потому что, когда это сделано, изображение становится воплощением души, переселившейся в иной мир. Пока человек жив, этого делать нельзя. Таким образом, это изображение прижизненное.

Но может быть, скульптор просто не успел завершить работу. Ведь мастерская была уничтожена противниками религиозной реформы, врагами Эхнатона.

Даже даты жизни Нефертити точно неизвестны. Она жила во второй половине XIV века до н. э. – это зенит истории Древнего Египта.

В тот период Египет стал мировой державой. Супруг Нефертити Аменхотеп IV получил от своего отца Аменхотепа III громадную территорию, простиравшуюся от Нубии, на юге Нильской долины, от четвертого порога Нила, до его дельты и дальше на север, уже вне пределов африканского континента, то есть до Сирии, Палестины, Ливии, до границ владений древних хеттов. В этой процветающей державе, куда тысячами пригоняли пленников, новый фараон, остановив внешние завоевания, затеял колоссальные внутренние преобразования.

Конечно, он должен был потерпеть поражение. Но это позже, а пока Аменхотеп IV объявил второстепенными всех богов, включая Анубиса, Осириса, и даже приказал уничтожать изображения прежнего главного бога – Амона. Страшная дерзость! Это могучее божество, защищавшее Нильскую долину, заменили солнечным диском. Новый бог был назван Атон. Он простирал лучи ко всем, кто на него смотрит, и каждый луч заканчивался изображением руки. Эти руки ласкали египтян… и не только египтян.

Фараон Аменхотеп IV сменил свое имя, назвавшись Эхнатон – «угодный Атону».

Эхнатону приписывают сочинение «Гимна Солнцу». В переводе замечательного русского востоковеда Б.А. Тураева он звучит так: «В единстве своем нераздельном ты сотворил всех людей, всех зверей, всех домашних животных». Это обыкновенное солнцепоклонничество, свойственное большинству народов древности. «Все, что ступает ногами по тверди земной, все, что на крыльях парит в поднебесье.

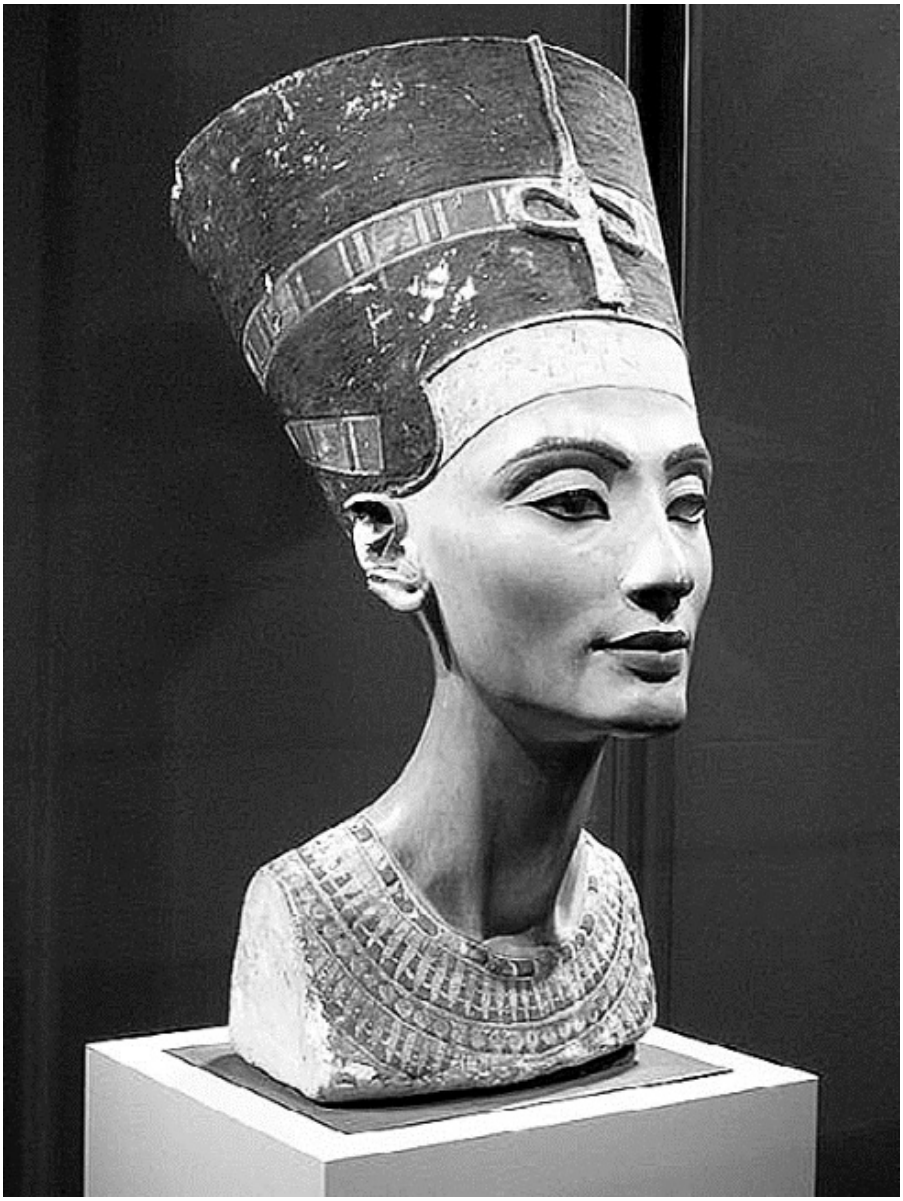
В Палестине и Сирии, в Нубии золотоносной, в Египте, тобой предначертано каждому смертному место его. Ты утоляешь

потребы и нужды людей, каждому пища своя, каждого дни сочтены». Фактически это единобожие. Один всеблагой, всемогущий Бог. Тут уже очевидно отступление от язычества. «Их наречия различны. Цветом кожи не схожи они, ибо ты отличаешь страну от страны и народ от народа». Удивительный взгляд на мир для человека глубокой древности!

Идеи Эхнатона трудно объяснить рационально, поэтому кем только его потом не объявляли: гермафродитом, оскопленным пленником, даже инопланетянином.

Действительно, непонятно, что заставило его взяться за полное переустройство жизни. Ведь у него и так все было хорошо. Богатейший край, горы золота, тысячи рабов. А он стал мыслителем, философом, чуть ли не гуманистом, настоящим еретиком древности.

Город Ахетатон – его новая столица. Эхнатон поступил как Петр I через много веков после него. Он тоже хотел начать новую страницу в истории своей могучей империи. И отметил это важнейшим актом – строительством новой столицы. Более 300 километров от древней столицы – города Фивы, где жили всемогущие жрецы бога Атона и был центр духовности и политики.



Бюст Нефертити из мастерской Тутмоса в Амарне.
XIV в. до н. э.

Строительство Ахетатона шло стремительно. Можно ли применять слово «стремительно» к Древнему Египту? Да. Отринув все архитектурно-строительные нормативы Древнего и Среднего царства, сподвижники Эхнатона строили совсем по-другому. Прежде здания возводили из колоссальных каменных блоков. Перемещение этих гигантских конструкций – длительный, мучительный процесс, он запечатлен на рисунках древних

египтян. Многотонные детали медленно двигали и долго шлифовали мокрым песком. При Эхнатоне же стали строить из маленьких, заранее заготовленных блоков. Получались совершенно иные дома. Кстати, потому город и был потом так легко разрушен.

Эхнатон спешил. Надо было, чтобы вдруг, будто чудом выросла новая столица. Место было выбрано удивительное. Его, как говорил Эхнатон, указало само солнце. Горы окружают небольшой участок берега. И вот в этом месте, со всех сторон защищенном горами, строится город.

Характерно, что многочисленные усыпальницы, которые были высечены в горах Ахетатона, не пригодились, ведь город просуществовал всего лет 40, потом жрецы, враги реформы, все разрушили, а жителей изгнали. И пески накрыли город, сделав великий подарок будущей археологии.

А пока Эхнатон переместился на север с двором и новыми людьми, которых приблизил к себе. Во главе войска он поставил немало иностранцев: нубийцев, сирийцев. Появились они и среди знати.

Вместе с фараоном отправилась в новый город и его жена Нефертити. Женился Эхнатон рано, тогда же, когда вступил на престол. Ему было около 15 лет.

Если имя жены переводится как «Прекрасная пришла» или «Пришедшая красота», то можно предположить, что она чужестранка. В древности было принято заключать браки между детьми царских родов. Лучшие политические связи – династические.

Однако эту версию со временем отвергли, потому что были найдены надписи, из которых следует, что Нефертити не была чужеземной принцессой. Известны даже ее родители. В официальных надписях некие Тия и Эйе называются кормилицей и воспитателем Нефертити, великой супруги царя. А ее младшая сестра называла их родителями. Правда, может быть, она именовала их так образно.

А если присмотреться к изображениям фараона Эхнатона и его жены. Есть барельеф, где они в профиль смотрят друг на друга. Бросается в глаза очевидное сходство в строении черепов, в форме ушей, в линиях лица. А ведь браки с близкими родственниками были приняты в Древнем Египте. Нефертити вполне могла быть родной сестрой своего супруга.

В любом случае она с самого начала заняла позицию его сподвижницы. Причем ей было на кого равняться. У отца будущего Эхнатона тоже была возлюбленная, главная жена. У них у всех, конечно, были гаремы. Но гарем – это для развлечений,

для прогулок на лодке по Нилу, для какой-нибудь пирушки в саду. А главная жена – соратница. Царица Тэйя занимала достойное положение при Аменхотепе III. Его царствование – это почти полстолетия процветания. Она стала для Нефертити примером того, как быть правой рукой мужа, как действовать вместе, например, присутствовать при встречах с послами.

Откуда следует, что Нефертити была единомышленницей своего мужа? На шестом году правления (небольшой срок для медленной древней цивилизации) она вместе с ним покидает Фивы и отправляется в Ахетатон. Не дожидается, пока он, так сказать, обживется на новом месте, а сразу едет туда, в пустыню, где идет быстрое строительство.

Жизнь, которую она ведет в Ахетатоне, – это служение. Служение новому религиозному культу. Был придуман такой ритуал. Ежедневно на рассвете фараон вместе со своей главной женой Нефертити выезжает на колеснице из дворца и следует одновременно с движением солнца до главного храма Атона. Солнце на юге поднимается очень быстро, но отставать от него нельзя ни в коем случае. В храме производится некий обряд, в котором Нефертити участвует равноправно. Ритуал – это непременные жертвы. Мясо, фрукты, овощи, цветы – все это преподносится богу. Потом супруги возвращаются, сияя. Атон взошел на небо, значит, жизнь продолжается.

Закат солнца Нефертити, по одной из версий, отмечала сама, тоже в специальном храме, где была верховной жрицей.

При богослужениях она, видимо, пела, ублажая бога Атона. Есть упоминания об ее сладкозвучном голосе.

Прекрасные звуки издавали в ее руках и систры – музыкальный инструмент, где на перекладинах закреплены звенящие металлические – по-видимому, серебряные – детали. При умелом обращении они очень благозвучны (а если не уметь – получается трещотка).

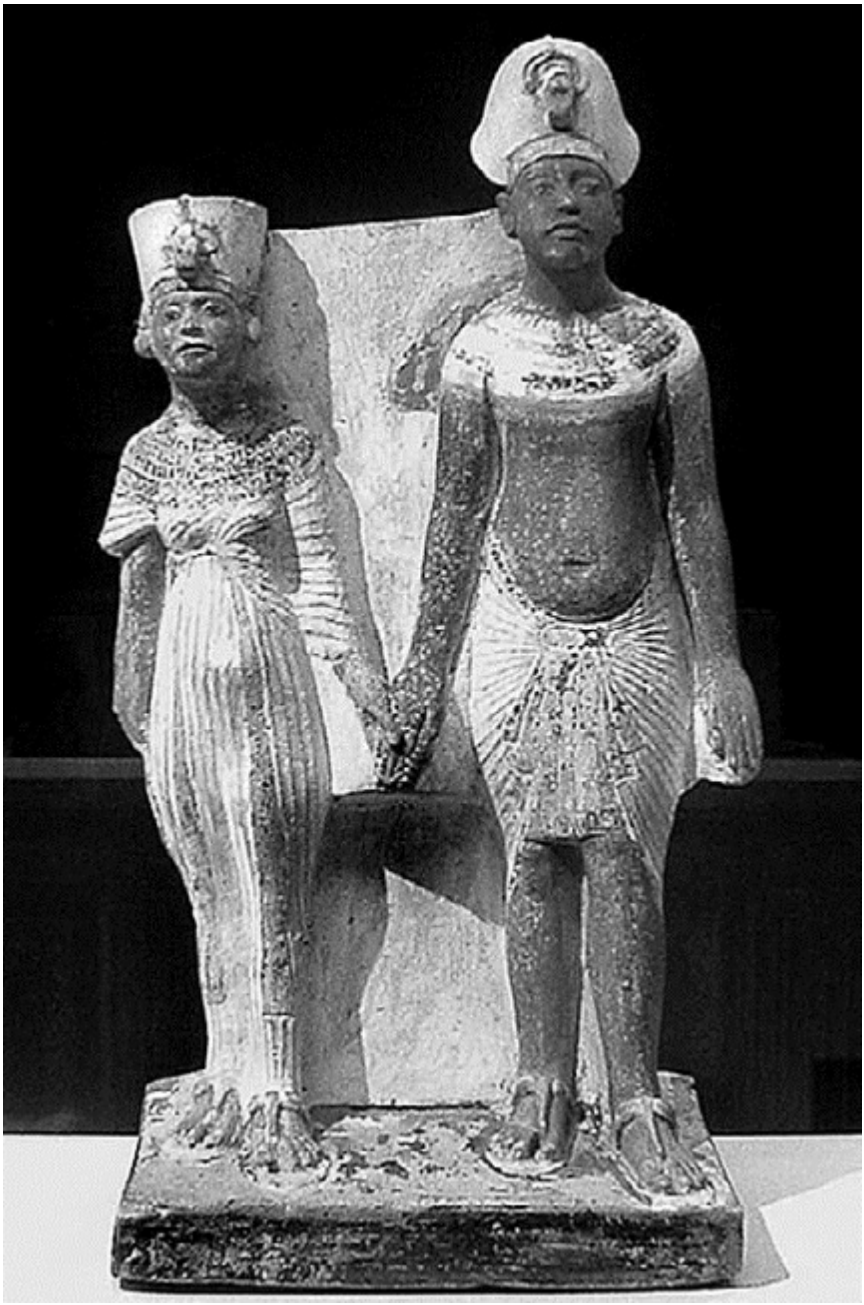
По возвращении из храма фараон и его жена осыпали народ золотом. Нефертити лично – это много раз изображено – раздавала золотые ожерелья, награждала тех, кого считала нужным.

При Эхнатоне выдвинулось немало людей незнатных. Об этом свидетельствуют надписи на заготовленных заранее гробницах. Рассказывается, как кого возвысил фараон. Случалось так, что его приближенным становился бывший конюх. Новая знать – опора не вполне надежная.

Итак, Нефертити – жрица, пылкая сторонница нового культа. Но она и мать. У нее шесть дочерей. Старшая – Анхесенпаатон, вторая – Макетатон, третья – Меритатон. Было ли проблемой то,

что она не родила мальчика? Вряд ли. В Древнем Египте фараон, чтобы родился наследник, вполне мог вступить в брак со своей собственной дочерью, это не считалось ненормальным. Но пока об этом, видимо, не задумывались. У Эхнатона были другие заботы.

Дело в том, что великая мировая держава начала шататься. Фараон давно не вел войн. А не воевать в древности нельзя. Традиционное общество развивается экстенсивно, за счет прибавления земель, работников, добычи. И если оно прекращает свое экстенсивное развитие, то внутренних резервов не хватает. Люди древности не умеют вести интенсивное хозяйство.



Эхнатон и Нефертити.
Парная статуэтка из Амарны. XIV в. до н. э.

И вот Египет, который должен постоянно расширяться или хотя бы иметь тенденцию к расширению, поддерживать свою власть на границах, начинает эту власть терять. Прежде всего потому, что пограничных правителей, условно подчинившихся

фараону, надо регулярно одаривать. А Эхнатон забывал это делать.

И вот царь Вавилона Буриаш, которого в свое время Аменхотеп III осыпал золотом, пишет Аменхотепу IV:

«Если ты не можешь быть столь же щедрым, как твой отец, то пришли хоть половину». Очень трогательно, наивно.

Стауэтка Нефертити.
XIV в. до н. э.

Эхнатон решил заполучить вавилонскую царевну, выдать ее замуж за какого-нибудь знатного человека. Для ее сопровождения было прислано пять колесниц (это своего рода древние «Мерседесы» или «Бентли»). И вавилонский царь пишет: «Пять колесниц! Что скажут соседние цари! Дочь царя конвоируют пять колесниц! Когда мой отец отправлял мою сестру к твоему отцу, ее сопровождали три тысячи человек».

В общем, геополитическое сооружение, способное держаться только на силе, только на осознании соседними народами того, что завтра на них могут пойти войной, начинает рассыпаться.

Идеи Эхнатона, слова о том, что солнце равно любит и египтян, и вавилонян, и хеттов, соседей почему-то не утешают. Им хочется золота.

Предполагается, что в конце царствования Эхнатона случались солнечные затмения. Это было самое страшное с точки зрения нового культа. Люди сразу теряли веру.

Сохранилось одно удивительное изображение из города Гелиополя, где Нефертити изображена в одеянии фараона. Вокруг этого очень много споров: может быть, в конце жизни она захватила власть? Она держит врага за волосы (его облик таков, что сразу видно – враг: он изображен как «чужой» – с неегипетскими чертами) и поражает его палицей.

Может быть, этот барельеф создавался, чтобы морально поддержать народ? В ситуации распадающейся реальности, когда недостает колесниц, людям внушают, что власть сильна и, если что, справится с любым врагом, даже царица способна его поразить. Грустные, безнадежные попытки защитить пошатнувшуюся власть!

Пошатнулось что-то и в личной жизни солнечной четы. На четырнадцатом году правления Эхнатона умерла его вторая дочь Макетатон. Сохранившиеся изображения представляют это событие как огромную трагедию. Нефертити так красиво заламывает руки!

Почему такое горе? В древности некоторые из многочисленных детей обязательно умирали. Это никого не поражало. Но ведь фараон с царицей сами всех убедили, что их семейство находится под особенным покровительством солнечного диска Атона, а могущественней его нет никого в

Они понимали, что в головах их соплеменников может зародиться простейшая мысль: здесь что-то не так. Может быть, они хотели тронуть сердца людей картинами своего

родительского горя, которое, наверное, было искренним.

Здесь надо упомянуть об особенностях того искусства, которое породила реформа. По канонам Древнего и Среднего царств фараон всегда могущественный, ноги как столбы, торс как скала, голова как огромная туча. Эхнатон, вероятно, отменил эти требования и предложил изображать его таким, каким он был. А это довольно щуплая фигура, с узкими плечами, со слегка отвисшим животом, голова с могучим лбом мыслителя, лицо со слегка раскосыми глазами. И еще музыкальные руки. Сохранился кусочек барельефа, где руки, только руки, ладони Эхнатона и Нефертити, сложены с исключительной нежностью.

Что происходит после того, как горе пришло в семью Эхнатона и Нефертити, мы точно не знаем. Но известно, что царица переселяется из большого дворца в другой, в северной части Ахетатона.

Разъехавшись, они не перестали считаться мужем и женой. Но рядом с фараоном появляется другая женщина, по имени Кийя.

Сохранились ее изображения. Она красива. Но совсем не так, как Нефертити. Другой тип красоты. В ней есть что-то восточное, например вьющиеся волосы. Есть предположение, что она из Азии. Она лишена той европейской утонченности, которая отличает Нефертити.

Видимо, у Эхнатона вспыхнула страстная любовь. Считается, что Кийя родила ему двух сыновей, как бы возместив то, что не сложилось с Нефертити. Один из этих сыновей, возможно, Тутанхатон, переименованный после окончания реформ в Тутанхамона.

Полной ясности нет. Но заметно, что Эхнатон перестает всюду подчеркивать роль Нефертити, она не присутствует на главных богослужениях. И на гробе, который предназначался Эхнатону (он в нем, правда, не оказался), высечена молитва, любовная песнь Кийи. Вот она в переводе египтолога Ю.Я. Перепелкина: «Буду слышать я дыханье сладостное, выходящее из уст твоих. Буду видеть я доброту твою ежедневно. Таково мое желание. Буду слышать я голос твой сладостный, подобный прохладному дыханию северного ветра. Да слышу я голос твой во дворце солнечного камня, когда творишь ты службу Отцу твоему, Атону живому. Да будешь ты жить, как Солнце, вековечно, вечно». Переклички с библейской «Песнью песней» возникают сами собой.

Отливка маски. Предположительно третья дочь Нефертити – Анхесенпаатон.

XIV в. до н. э.

Нефертити в забвении. Она живет в северной части города, во дворце, при котором есть зверинец. Вольеры были через тысячи лет открыты археологами. Зверинец богато украшен. Со временем эти узоры назовут животно-растительным стилем. Он будет, например, очень популярен в раннем Средневековье у германцев. Это чудесно переплетающиеся листья растений, фигурки животных. Нефертити не в темнице, не в бедности, она живет в изысканном дворце и, возможно, наслаждается общением с природой.

Тем временем жизнь Эхнатона идет к концу, а вместе с ним угасает и реформа. После его смерти вокруг мальчика

Тутанхатона собираются старые и мудрые советники, реально правит Эйе, предположительно отец Нефертити. Начальник конницы Хоремхеб, решительный и сильный военный, говорит, что реформу надо прекратить. Жрецы объясняют упадок Египта изменой прежним богам. А простые люди, как показывают раскопки, никогда не переставали хранить в тайниках изображения Осириса, Изиды, Тота, Птаха и других прежних божков. Нельзя мгновенно перевернуть умы.

Что же случилось с Нефертити? В науке отсутствуют надежные сведения о конце ее жизни и месте захоронения, хотя об этом немало спорят.

Мы не знаем не только откуда «Прекрасная пришла», но и как именно она ушла. Может быть, это и правильно. Прекрасная не должна уходить.

Фемистокл. Спаситель и изгнанник Афин

Древняя Греция… Ее история невероятно привлекательна. Ее изучают в детстве, и она навсегда оставляет в душе прекрасный отпечаток.

Карл Маркс, который кое-что писал и для себя, а не только для мирового пролетариата, в «Экономических рукописях» 50-х годов XIX века обронил замечательную, емкую фразу: Греция – это «детство человечества там, где оно расцвело всего прекраснее». И еще он назвал древних греков «нормальными детьми». Именно как дети они и талантливы, и эмоциональны, и жестоки.

Фемистокл жил примерно 2,5 тысячи лет назад, в 524–459 годах до н. э. Полководец, один из «отцов-основателей» афинской демократии, активный сторонник войны с персами— опаснейшими врагами Древней Греции.

Он был невероятно высоко вознесен демосом – народом. Им же и поруган, ведь это типично для всех эпох.

О нем писали все видные древние авторы. Чтобы представить себе Фемистокла, надо читать Геродота и Плутарха. Современных же работ о нем мало. Есть хорошие статьи в старой, дореволюционной серии «Жизнь замечательных людей». Значительное место уделено ему в монографии Гранта Майкла «Классическая Греция».

Происхождение Фемистокла, по его собственным представлениям (если учесть его гордость), было просто ужасным. Он родился в Аттике. Это крошечный полуостров в форме треугольника на Балканском полуострове, на территории нынешней Греции. Фриара – сельское поселение. Все здесь маленькое, тесное. На народные собрания в Афины ходили пешком. Да и всю область можно было пройти из конца в конец. В общем, сельский провинциал – но с огромным самолюбием…

Отец – Неокл из рода Алкмеонидов. Род аристократический, но считался проклятым. Во время так называемой Килоновой смуты в VII веке до н. э. предки Фемистокла совершили святотатство, нарушили святость убежища у алтаря богини.

Мать – по афинским понятиям, иностранка. Она родом с севера Балканского полуострова. Имя ее точно неизвестно.

Итак, Фемистокл – гражданин, но с некоторыми минусами в вопросе происхождения. И это был сильный удар по его гордости.

Один из учителей сказал ему: «Из тебя, мальчик, выйдет не просто что-нибудь обыкновенное, а непременно что-нибудь великое. Хорошее или дурное». Какой прозорливый человек!

С детства Фемистокл увлекался ораторским искусством. Это его пока никак не выделяет, скорее наоборот. В системе древнегреческой демократии возможность быть политиком, но не быть оратором, просто исключалась.

Зато его крайнее честолюбие действительно необычно. Вот пример его рано проявившегося характера. Юные аристократы занимались гимнастическими упражнениями отдельно от полукровок. И вот Фемистокл убедил нескольких детей-аристократов бороться с ним в школе для простых смертных. Вероятно, он повел себя так, что им было уже все равно, где его бить. Но справиться с ним никому не удавалось. Он сам побил своих противников.

Хотя он не получил утонченного, аристократического воспитания, Фемистокл жил мечтой о политической карьере. Известно его высказывание: «Я мало смыслю в пении и бренчании на арфе. Но дайте мне небольшой городишко, и я сумею сделать его большим и сильным городом». Он сознавал свои возможности.

По легенде, отец Фемистокла рано заметил его страсть к политической карьере и то, как он стремился в столицу. Однако он боялся за сына и не желал ему дурной судьбы. Неокл как-то показал ему старые галеры на берегу моря и сказал: «Точно так же поступает народ и со своими предводителями, когда они ему более не нужны». Наверное, это поздний миф, в котором отразилась коллективная мудрость. Помни о судьбе старых кораблей! Не жди благодарности. И действительно, судьба Фемистокла – пример тупой, вызывающей, злобной неблагодарности со стороны тех, кого мы называем народом.

Фемистокл.
Гравюра 1888 г.

А пока мечта о политической карьере была очень сильна. И он приступил к ее осуществлению. В тридцать с небольшим лет, несмотря на не очень знатное происхождение, он был избран архонтом-эпонимом, одним из трех архонтов, старейшин, которых тогда избирали в Афинах. Эпоним – первый из архонтов. У них уже не было такой власти, какой они обладали до реформ Солона. Когда-то, в позднем родовом обществе, они управляли всем, теперь же, в системе созданной греками государственности, они занимают скорее почетное место: они ведают религиозными делами, праздниками, церемониями.

Избрание на должность означало прорыв.

Чем же отличился архонтат Фемистокла? Прежде всего,

постановкой трагедии Фриниха «Взятие Милета».

Это была эпоха греко-персидских войн. Милет – греческий город на побережье Малой Азии. В то время, когда Фемистокл был еще маленьким, несколько городов восстали против персидской монархической власти. И мужественней, отчаянней всех сопротивлялся именно Милет. Восстание было жестоко подавлено. Все жители Милета истреблены или проданы в рабство. И ни один город Греции не пришел им на помощь.

Трагедия маленьких демократических городов-государств, или полисов, состояла в том, что они были разобщены. Они, как дети, ссорились, воевали, завидовали и были жестоки. А на них с Востока, как туча, наползала колоссальная Персидская империя, которая проглотила уже множество государств. Она продолжала, как лава, надвигаться на эту мозаику свободных, жизнерадостных греческих городков.

В Афинах старались замять трагедию Милета. Было понятно: нехорошо, что не пришли соотечественникам на помощь, хотя могли.

И вот Фемистокл разрешил постановку драмы Фриниха – предшественника великой триады древнегреческих гениальных драматургов, Эсхила, Софокла и Еврипида. Его трагедии еще не так совершенны, но, когда «Взятие Милета» исполнили в театре, народ рыдал. Греки всегда вели себя по-детски естественно. В Афинах, если артисты играли хорошо, им аплодировали, если плохо – забрасывали их тухлыми овощами, а могли подкараулить и поколотить. А в этот раз рыдали.

И тогда власти спохватились. Архонтов встревожил патриотический подъем. Надо бы наказать автора, но демократия не велит так поступать. Придумали. На него был наложен большой штраф с формулировкой: «За то, что расстроил своих сограждан и довел их до слез».

В Афинах кипела борьба за власть. Несомненно, существовала проперсидская группировка. Фемистокл же собирал вокруг себя сторонников борьбы с Персией.

При этом он страшно рисковал. Греция и Персия! На первый, поверхностный взгляд, «слон и Моська». Войско персов громадно и кажется непобедимым. Но скоро Фемистокл докажет, что миф о непобедимости можно развеять.

Персы начали наступление на греческие города около 500 года до н. э. Захватили пролив Дарданеллы. Подавили сопротивление греческих городов в Малой Азии и двинулись на Балканский полуостров.

И Фемистокл, при всем его честолюбии и желании непременно победить, решился на отчаянный поступок.

Весной 492 года до н. э. состоялся знаменитый поход персов против Греции под предводительством Мардония, зятя персидского царя Дария.

Персидский флот прошел вдоль побережья Фракии на севере Балканского полуострова. И был разбит – но не греками, а бурей. Но в 490 году послы Дария прибыли почти во все города Греции и потребовали «земли и воды», то есть капитуляции. В Спарте их бросили в колодец, сказав, что там они наберут достаточно и воды и земли, в Афинах просто убили. Таким образом, прямое сопротивление персам оказали только Афины и Спарта, соперничавшие друг с другом.

13 сентября 490 года до н. э. недалеко от Афин, на равнине, произошла Марафонская битва. Командующим со стороны греков был Мельтиад – политический соперник Фемистокла. Греки победили, и Мельтиадом шумно восхищались в Афинах. Фемистокл, видимо, участвовал в сражении и командовал небольшим отрядом. Но не он был главным героем Марафона.

Вернувшись в Афины, он стал мрачным, унылым, не участвовал в пирах. Его спросили: «Что с тобой?» Он ответил: «Лавры Мельтиада не дают мне покоя».

Народ предал Мельтиада намного раньше, чем Фемистокла. Он отправился в рейд, чтобы хорошенько пограбить

один из соседних островов. Деньги на это предприятие взял без особых гарантий у афинского народа. Кампания оказалась неудачной. Он был ранен. Народ страшно расстроился, решил его судить и приговорить к смерти. А от ранения у Мельтиада уже начиналась гангрена, его принесли в суд на носилках. Обвинители разжалобились и решили приговорить его не к смерти, а к колоссальному штрафу. Очень скоро после этого Мельтиад скончался, но его сын вернул долг афинскому народу.

Когда не стало главного соперника, Фемистокл вновь оказался на виду. Он один из десяти стратегов, по существу первый среди равных.

И он выступает с программой противостояния персам. Современные исследователи называют ее «морская программа Фемистокла».

Главная идея Фемистокла – бить персов на море. Не на суше, где они берут массой (никто не мог сосчитать, сколько у них на суше солдат; это называлось «тьма»). А вот сколько кораблей – сосчитать можно.

Фемистокл разошелся во взглядах со спартанцами. Они были, как известно, удивительными воинами, причем именно на суше. И не соглашались с «морской программой».

К тому же это вовсе не просто – построить корабли, возвести

укрепления в гавани близ Афин. Нужны огромные средства. А вдруг ничего не получится?!

Греки, как настоящие дети, обратились к Дельфийскому оракулу. Ответ последовал, как всегда, смутный. Упоминалась в нем некая деревянная стена, которая спасет Афины, и божественный Саламин, остров у берегов Аттики, очень близко от Афин. Почему он божественный? Какие деревянные стены? Фемистокл дает свое толкование, с уверенностью, свойственной его характеру. Деревянные стены – это корабли, а Саламин божественный потому, что там состоится сражение. Именно у берегов этого небольшого острова, в закрытой Саламинской бухте, могут хорошо маневрировать маленькие, подвижные корабли греков, а большие персидские застрянут.

По инициативе Фемистокла греки строят маневренные корабли нового типа – триеры. Все силы брошены на победу.

Несколько раньше, выдвигаясь как лидер неформальной партии, Фемистокл широко использовал то, что потом погубило и его самого, – остракизм. Это голосование с помощью черепков, на которых пишется имя человека, опасного для греческого государства. Так принимается решение об изгнании. Ум и ораторское искусство позволили Фемистоклу добиться остракизма многих достойных людей, например честнейшего политического деятеля Ксантиппа (отца Перикла) и благородного Аристида. Их изгнали из Афин на 10 лет.

Теперь же он, как гибкий политик, говорит: «Надо их досрочно вернуть, ибо опасность для Афин слишком велика». И эти люди, любившие Афины не меньше, чем Фемистокл, стали ему активно помогать строить флот и укреплять город.

Афиняне построили 127 кораблей, которые вошли в объединенный греческий флот. Греки готовились дать бой на море.

Но персы во главе с новым царем Ксерксом двигались и по суше. На их пути стал спартанский царь Леонид с 300 воинами. Понятно было, что 300 человек смогут какое-то время удерживать Фермопильское ущелье, не позволяя персам пройти, но полностью остановить нашествие невозможно.

Сознавая это, Фемистокл организовал эвакуацию населения из Афин.

Считается, что, когда спартанец Эврибиад, командовавший объединенным флотом, замахнулся на него дубиной, Фемистокл произнес: «Ударь, но выслушай». И это осталось навсегда. Он стоял на своем насмерть. Он готов был многое претерпеть. Он всегда рисковал.

При этом он был еще и хитрым политиком. Ему удалось

ввести в заблуждение самого Ксеркса. К тому был послан доверенный раб со словами: «Смотри, царь, Фемистокл просил передать, что он за тебя в душе. Перекрой Саламинскую бухту своими кораблями, чтобы флот греков не мог уйти».

Ксеркс так и поступил. Для чего это нужно было Фемистоклу? Многие греки сомневались: принимать бой или нет? Спартанцы предлагали отойти к югу и биться в районе Пелопоннеса, защищая Спарту, а не Афины. Но когда Ксеркс перекрыл бухту, стало ясно: бою быть.

Грандиозное морское сражение древности состоялось 28 сентября 480 года до н. э. В нем победили греки. Они проявили и большую маневренность и, главное, готовность умереть за свое дело. Им было, в сущности, нечего терять.

Вот несколько строк из драмы Эсхила «Персы»:

> …Вперед, сыны Эллады!
> Спасайте родину, спасайте жен,
> Детей своих, богов отцовских храмы,
> Гробницы предков: бой теперь – за все!

Саламинская битва – это перелом в греко-персидских войнах. Потом будет еще битва при Платеях, но уже без участия Фемистокла. Греки отстоят свою независимость.

А пока, после победы при Саламине, Фемистокл стал национальным героем.

Его восторженно приняли даже в Спарте, где всех, кроме спартанцев, считали иностранцами и где никому никогда не оказывали почестей. А в честь Фемистокла был устроен военный парад, ему подарили лучшую колесницу.

Почести ослепили его. Оказавшись на вершине славы, он забыл, что у знаменитых людей всегда есть враги и завистники. И что им трудно смириться с его успехом.

Фемистокл не выдержал испытания славой. Выстроил у себя во дворе храм, что не положено гражданину. Многие отмечали, что он стал заносчив. Как говорит Плутарх, Фемистокл докучал народному собранию частыми напоминаниями о своих заслугах.

Он был далек от идеала во многих вопросах, в том числе в денежном.

Еще в 480 году до н. э. пошли слухи, что он получил взятку от жителей острова Эвбея, для того чтобы флот не ушел, а защитил их. Этой взяткой он поделился с командующим, спартанцем Эврибиадом. Тот оставил флот у берегов острова. Битва с персами закончилась, можно сказать, вничью. Как истолковать этот факт? Кто Фемистокл – спаситель жителей

Эвбеи или, говоря современным языком, коррупционер?

Теперь же поползли слухи, что он опасен для государства. А это означало остракизм.

Это голосование состоялось конце 70-х годов V века до н. э. Археологи нашли остраконы – черепки, использовавшиеся в качестве своеобразных бюллетеней. Из них более 2 тысяч – с процарапанным на них именем Фемистокла. Что означает – да, он опасен. А на одном из черепков читается даже грязное ругательство в адрес Фемистокла.

Вильгельм фон Каульбах. Битва при Саламине.
XIX в.

Вот что еще интересно. Современные исследователи подвергли черепки графологической экспертизе. И выяснилось, что 14 из 190 «заполнены» одним почерком. Очень напоминает сегодняшний «вброс бюллетеней». Не исключено, правда, что написать имя на черепке заранее поручали писцам.

Так или иначе, остракизм проведен, Фемистокл приговорен к изгнанию из Афин на 10 лет. Вот она, благодарность за спасение города! Оказывается, народ не любит победителей.

Потрясенный Фемистокл отправился в Аргос, это пока в пределах Греции, что было не запрещено. Но пока он пребывал в изгнании, аппетит разгорелся и у демоса, и у спартанцев, которые к этому времени его возненавидели. Ведь он дал когда-то битву не там, где они предлагали.

В Спарте тоже осудили своего полководца – Павсания, друга Фемистокла, обвинив его в связях с персами. По решению эфоров – наблюдателей, контролеров, жрецов – он был приговорен к

страшной смерти. Его замуровали в храме.

Тень подозрения в связях с персами падает и на Фемистокла. Вспоминают, что он посылал к ним гонцов, притворялся, что хочет помочь. А может быть, не притворялся?

По настоянию Спарты над Фемистоклом устраивается заочный общегреческий суд. И выносится приговор – смертная казнь.

За ним по пятам идут убийцы – исполнители приговора. Он это прекрасно знает. Он бежит из Аргоса на Керкиру (остров Корфу), потом в Эпир – на север Балканского полуострова. Там его принял царь Адмет, которого он когда-то очень резко критиковал.

От безнадежности положения Фемистокл поступил так – схватил ребенка Адмета и сел у семейного очага. У греков это знак последней, отчаянной просьбы. Адмет смилостивился, принял его. Фемистокл даже вызвал к себе семью (у Фемистокла с женой – Архиппой – было десять детей).

Но его нашли и там. Адмет указал ему тайную горную тропу, по которой он перебрался в Македонию, оттуда на корабле – в Персию, к самым страшным своим врагам. Больше ему идти было некуда.

Фемистокл прибыл ко двору персидского царя. Есть разночтения: одни считают, что еще был жив Ксеркс, другие – что правил уже его сын Артаксеркс I, пришедший к власти после очередного дворцового переворота. В любом случае изгнанник был принят ласково.

При Артаксерксе Фемистокл оставался около шести лет. Фактически он стал вассалом персидского царя.

Он изучил персидский язык, хотя был уже немолод (к шестидесяти!) и занял приличное положение при дворе. Охотился вместе с царем. Получил со временем три провинции. Как пишут источники, об одной царь сказал – это тебе на хлеб, о второй – это тебе на вино. А о третьей – на приправу.

Но он никогда не забывал Грецию и не хотел мстить грекам. Однажды он увидел в храме в Сардах, в Персии, греческую статую, когда-то увезенную Ксерксом из Афин, и попросил местного наместника: «Верни статую Афинам». Эта просьба вызвала такое раздражение, что его чуть не убили. По одной из версий, ему даже прятаться пришлось в гареме у наместника.

В его душе жила любовь к Афинам. Родина есть Родина. Во все эпохи у человека есть эта привязанность к родному очагу, к своим детским воспоминаниям, к родным погостам, есть гордость за свое отечество.

Но вот Артаксеркс собрался снова воевать с греками. Война

не завершена, мир не заключен (его заключат только в 449 году, после смерти Фемистокла). Происходили отдельные сражения, новый афинский полководец Кимон воевал отчаянно и достаточно успешно.

И конечно, Фемистокл получил предложение помочь персам.

Так вот именно тогда этот немолодой уже человек и умер, то ли просто от болезни, то ли приняв яд.

Его учитель оказался прав: из мальчика вышло именно нечто великое. И хорошее, и дурное. Это был человек с великими слабостями, – но и с великой любовью к родине. И второе, наверное, важнее.

Ганнибал. Верность клятве

Ганнибал. Звон и грохот оружия, великие победы, знаменитые боевые слоны. Ганнибал – полководец и государственный деятель Карфагена, государства в Северной Африке, главного соперника Древнего Рима. Рим стал великим именно победив Карфаген.

Как известно, молва любит в истории победителей и обиженных. Ганнибал причудливо соединяет в своей судьбе и то, и другое.

О нем немало написано. Причем исключительно его врагами римлянами. В Карфагене вообще не очень любили писать исторические сочинения. Там писали в основном счета, реестры, чеки. Это была страна торговли. Презирая жизнеописания, карфагеняне какое-то время даже осуждали греческие традиции письменной истории и запрещали изучать греческий язык.

Так вот о Ганнибале писали римляне, в том числе Тит Ливий и Плиний Младший. Но что изумляет – они отдавали ему должное! Они понимали, что Риму не стоило бы гордиться победой над слабым противником. А вот одолеть Ганнибала – это действительно заслуга!

У такой крупной личности, как Ганнибал, в истории неизбежно появляется мифологический шлейф. Кто не знает выражения «Аннибалова клятва»? («Аннибалова», ибо в России до революции говорили Аннибал, а не Ганнибал. Как произносили это имя люди древности, в точности неизвестно.) Это сочетание слов означает «твердая решимость бороться до конца, обещание неизменно следовать своим идеалам». А ведь Ганнибал действительно девятилетним мальчиком принес клятву, которую от него потребовал отец, и всегда был ей верен.

Еще он знаменит как гениальный полководец. Современные историки военного искусства отмечают его стратегию, маневры, хитрости, которые он применял, развитость разведки (у него всюду были надежные люди), его личную отвагу. Битва при Каннах, например, до сих пор считается классикой военно-стратегического мышления и поведения. Ее сравнивают даже со Сталинградским сражением в ходе Второй мировой войны.

Сохранилось, наконец, знаменитое выражение «Hannibal ante portas» – «Ганнибал у ворот». Оно снова зазвучало в Риме спустя столетия после Ганнибала, во время Спартаковского восстания. Эта фраза – память о страхе, который вызывал Ганнибал у самой мощной воюющей страны древности.

Карфаген – город-государство, колония людей, которые

пришли в свое время из Финикии, с береговой полосы современного Ливана и северо-западной Сирии. Там были некогда их знаменитые города Сидон, Тир (Сур в современном Ливане), Библ (на его месте ливанский Джебейл). Как бился Александр Македонский, осаждая Тир!

Надо сказать, что Ганнибал родился всего через 76 лет после смерти Александра Македонского. И став военачальником, сравнивал себя с этим великим полководцем. По преданию, он сказал: «Если бы я победил Рим, я был бы выше Александра. А так я все-таки после Александра».

Финикийцы, теснимые соседями, прежде всего ассирийцами, вынуждены были искать, где им пристроиться. Торговцы, прекрасные мореплаватели, они рассеялись по Средиземноморью. Больше всего их привлекали остров Сицилия на юге Италии, тогда еще Риму не принадлежавший, и север Африки.

В Африке выходцы из Тира в IX веке до н. э. основали Карфаген, который со временем стал не колонией Финикии, а самостоятельным городом-государством. Это окраина современного города Туниса – место былого Карфагена, стертого римлянами с лица земли. Буквально уничтоженного после Третьей пунической войны.

А Ганнибал— герой Второй пунической войны. (Название «пуническая» связано со словом «пуны» – так называли себя сами жители Карфагена.)

К III веку до н. э. культура Карфагена представляла собой некую смесь наследия Востока и эллинистической Греции. Очень большой город— около 700 тысяч населения, в то время как в Риме проживало менее 300 тысяч. (Рим тогда только выходил в первые державы мира.) Карфаген – торговый посредник между Востоком и Западом, прежде всего Испанией.

Корнелис Корт. Битва при Заме.
1567 г.

Ганнибал родился в 247 году до н. э. в семье крупного карфагенского военачальника и государственного деятеля по имени Гамилькар Барка. (Барка переводится как «молния».) Семья вела свою родословную от одного из спутников Эллисы, легендарной основательницы Карфагена, со временем обожествленной и принявшей облик богини Тиннит.

Отец очень гордился своими тремя сыновьями. Ганнибал был старшим. Ему дали самое распространенное пуническое имя. Ганнибал переводится как «милостив ко мне Баал». А Баал – бог неба, грозный и страшный.

Детство Ганнибала прошло в Иберии, на территории нынешней Испании, в суровой и дикой стране. Отец все время воевал. Были еще два брата. Гасдрубал, чье имя означает «мне помогает Баал», примет участие в походе Ганнибала в Италию, возглавит войска в Испании и будет убит в бою. Магон – в переводе «дар» – погибнет в Италии много позже.

Кроме того, у Ганнибала три сестры. Муж одной из них, Гасдрубал Красивый, сыграет заметную роль в судьбе зятя.

Существует исторический анекдот. Три мальчика, Ганнибал и братья, играют, резвятся. Отец смотрит на них и говорит: «Вот львята, которых я рощу на погибель Риму».

Что же это за идея погибели Рима, как она возникла?

Политическое устройство Карфагена в это время сильно отличалось от римского. Рим, объединив Италию под своей властью, продвигался в сторону демократизации. Римляне гордились тем, что народ участвует в управлении. Карфаген – строго олигархическое государство. Совет Тридцати – высший орган власти, – самые богатые, самые знатные и, как покажет судьба Ганнибала, самые жадные до власти и денег.

Эта олигархическая республика назначала полководца. А армия, в отличие от римской, здесь была исключительно наемная. Карфаген воевал не за счет своих жителей. Наемниками становились представители разных этносов. У Ганнибала были наемники из Испании, Галлии (будущей Франции), Северной Италии. Все они воевали за деньги, а возглавлял их военный вождь, пользовавшийся большим авторитетом. Таковым был отец Ганнибала, а позже и он сам.

Рим и Карфаген были соперниками. Между ними шла борьба за мировое господство в тогдашнем понимании – за влияние от Пиренейского полуострова до Евфрата, от Скифских степей Северного Причерноморья до песков Сахары. Бились не на жизнь, а на смерть. Первая пуническая война 264–241 годов до н. э. – битва двух морских держав за Сицилию.

Римляне отстояли свои позиции. Карфагенянам пришлось уйти с Сицилии и выплачивать Риму контрибуцию.

Отец Ганнибала сражался мужественно и отчаянно – и все-таки проиграл. После этого он отправился командовать карфагенскими войсками в Испании, сражаться с местными племенами, воинственными, суровыми. Там удалось захватить серебряные рудники, и это помогало военачальнику поддерживать свое войско, хорошо платить наемникам и достигнуть определенного успеха. Но сам Гамилькар Барка рассматривал все это только как подготовку к будущей войне с Римом. Дети полководца постоянно жили в военном лагере, обучались воинскому искусству. Вообще об образовании Ганнибала трудно судить. Видимо, с мальчиком занимались и домашние учителя. Он изучал языки, овладел греческим. По свидетельству его римского биографа Корнелия Непота, он сочинил несколько книг на греческом языке. «Книг» не в современном смысле слова. Книгой называли рукопись, которая умещается на одном свитке.

Детство Ганнибала заканчивается в момент принесения клятвы. Была ли она буквально так обставлена, как описывают источники? Это неизвестно. Но что-то произошло. Через три года после поражения в Первой пунической войне отец привел девятилетнего сына в храм и принес жертву грозному Баалу. Надо

сказать, Баал принимал и человеческие жертвоприношения, что решительно отличало культуру Карфагена от культуры Древнего Рима. Римляне этот обычай всегда осуждали.

В Карфагене в жертву часто приносили младенцев, а именно первенцев из знатных семей. Младенцев спускали по желобу, и они падали, как считалось, в геенну огненную. Ганнибалу посчастливилось не оказаться жертвой, но от него потребовали определенной жертвенности. Отец велел ему дать страшную клятву, смысл которой был в том, чтобы посвятить всю свою жизнь борьбе с Римом. И мальчик поклялся, как пишет один из историков, «ухватившись за рога алтаря» с изображением быка.

Какое впечатление это должно было произвести на ребенка! Он, по счастью оставшийся в живых в младенчестве, держится за рога быка, воплощающего кровожадного Баала, и приносит клятву. Это его личное жертвоприношение.

И вся дальнейшая жизнь посвящена выполнению данного обещания.

В 229 году до н. э., когда Ганнибалу было 18 лет, отец погиб, утонул при переправе в ходе очередных военных действий. Его сменил зять Гасдрубал, а Ганнибал стал командовать при нем конницей.

Это продолжалось недолго: в 221 году до н. э. Гасдрубал пал от руки убийц. И тогда войско избрало, провозгласило двадцатишестилетнего Ганнибала главнокомандующим. Карфагенский Сенат был не в восторге, считалось, что новый полководец молод, не так велик его опыт. Но войско сказало свое слово столь властно, что Сенат счел за лучшее утвердить эту кандидатуру. Так судьба привела Ганнибала к реальной возможности исполнить свою клятву. Можно сказать, началась его настоящая биография.

О его частной жизни мы почти ничего не знаем. Туманно говорят, что у него была некая жена из Испании. Есть упоминание о его равнодушии к прекрасным пленницам, которых было в его распоряжении сколько угодно. Поговаривали даже, что на этом основании можно было усомниться в его африканском происхождении. Но он просто жил единственной страстью – искал повод для того, чтобы разразилась война с Римом.

Ганнибал был нарочито дерзок с римскими послами. Не помогло. Римляне решили сделать вид, что ничего не замечают. Тогда он привел войска под стены находившегося под властью Рима города Сагунта на Пиренейском полуострове и восемь месяцев его осаждал. И уже после того, как этот важный для римлян город пал, им ничего не оставалось, как, угрожая войной, потребовать выдать Ганнибала для наказания.

А ему именно этого и надо было. Карфаген отказался выдать своего полководца. Началась война, которая длилась почти 20 лет и получила название Второй пунической.

Гибель Эмилия Павла.
1702 г.

У римлян был четкий, заранее составленный план. Они собирались вести войну на двух фронтах – в Африке и в Испании.

Но Ганнибал взял и стремительно разрушил все эти штабные планы. Он двинул свое огромное войско, не меньше 80 тысяч человек, в Италию. Это считалось невозможным. На пути были два могучих горных хребта – Пиренеи и Альпы. Кто же может такое придумать – идти туда пешком!

Ганнибал пошел. Он продвигался к Италии с потрясающей быстротой, воодушевляя наемников собственным примером. Тит Ливий пишет о нем: «Он одинаково терпеливо переносил жару и холод. Меру еды и питья он определял природной потребностью, а не удовольствием. Выбирал время для бодрствования и сна, не отличая дня от ночи. Многие часто видели, как он, завернувшись в военный плащ, спал на земле среди воинов, стоявших на постах и караулах. Он далеко опережал всадников и пехотинцев, первый вступал в бой, последним покидал сражение». Он вызывал у воинов уважение своим личным мужеством, железной волей.

Пиренеи Ганнибал преодолел стремительно. И двинулся к Альпам. У него было 37 слонов. Это особенность карфагенского войска – слоны, которых не было у римлян. Поначалу слоны произвели на противника ошеломительное впечатление. Потом

римляне успокоились и стали называть их «луканскими быками». А еще позже научились так на них влиять, чтобы испуганные, неуправляемые слоны стали не только бесполезными, но и опасными для тех, кто их использует. А из слонов Ганнибала со временем уцелел только один.

Но пока со слонами, неожиданным маршрутом, разрушив римский генеральный план, Ганнибал примерно за 15 дней переходит Альпы и приводит войско в Италию. Далее следует серия сенсационных подвигов, которые и сотворили его великий образ.

Перейдя Альпы, он, образно говоря, свалился на голову римлянам в Северной Италии, в долине реки По.

Армия Ганнибала была в тот момент непобедимой. Но римляне обладали умением очень быстро учиться, что и позволило им создать мировую державу. В Первой пунической войне они научились воевать на море. Изначально карфагеняне, потомственные мореплаватели, были сильнее в морском бою. Но римляне изобрели абордажные мостики, которые они перебрасывали с корабля на корабль, превращая морской бой в вариацию сухопутного.

Теперь перед ними была мощная карфагенская конница, всегда наносившая решающий удар. Римляне прежде делали ставку на пешее, тяжеловооруженное войско. Но они опять учатся – и победят Ганнибала благодаря сильной коннице.

А пока преимущество на его стороне. В ноябре 218 года до н. э. происходит сражение на реке Тицини (приток реки По). Ганнибал разбивает консула Публия Корнелия Сципиона, отца будущего своего победителя.

В конце декабря 218 года до н. э. – битва на реке Требии, тоже притоке По, и опять победа Ганнибала.

И самая знаменитая, 21 июня 217 года до н. э., – битва при Тразименском озере. Это совершенно потрясающая история, где Ганнибал показал себя великим полководцем.

Он пополнил свою армию восставшими галлами, которые были недовольны римским владычеством. Три дня и четыре ночи армия шла по грудь в воде, по болотам у реки Арно. Отдохнуть можно было только на трупах павших лошадей. Там погибли все слоны, кроме одного. У самого Ганнибала началось некое воспаление в глазу. В итоге он потерял глаз.

Благодаря своему совершенно безумному маневру Ганнибал обошел заготовленные римлянами укрепления. Он обманул бдительность консула Фламиния, который, не ожидая такого, расположил свое войско на более возвышенных местах. Когда Фламиний оказался на тесном пятачке, на него со всех сторон

ринулось карфагенское войско. Это было страшное побоище. Сам консул убит. Десятки тысяч людей без пощады уничтожены. Жертвы были с обеих сторон, но римляне понесли значительно больший урон. Это была победа полководца, человека, преодолевшего немыслимые тяготы войны.

Казалось, Рим обречен. Ганнибал двинулся в Апулию – юго-западную часть Италии. Ему требовалось время для восстановления сил войска, для его пополнения, переснаряжения.

Римляне в ужасе избрали диктатора – Квинта Фабия Максима, который вскоре получил прозвище Кунктатор (Медлительный). На самом деле это был разумный человек, который понял, что не надо торопиться лоб в лоб сшибаться с Ганнибалом, правильнее отдельными нападениями, стычками, мелкими сражениями обессиливать страшного врага.

Этим Квинт Фабий Максим напоминает Барклая де Толли, изматывавшего Наполеона во время Отечественной войны 1812 года. И тоже тактика оказалась достаточно разумной.

Но кунктаторов не любят, считают трусами, чуть ли не предателями. Квинта Фабия Максима отстранили.

А впереди было еще одно страшное поражение римлян – битва при Каннах, в западной части Италии 2 августа 216 года до н. э., самое знаменитое сражение Ганнибала, классика учебников по военной истории. Он построил войско полумесяцем, расположив в центре самых слабых наемников. И добился желаемого результата. Римляне ударили по центру, прорвали, подавили его… и зарылись в глубину его войска. Знаменитый прием – разделение войска соперника на две части, окружение этих частей по отдельности, а затем полное уничтожение. Многие десятки тысяч людей погибли. Римская армия была уничтожена.

Ганнибал не торопился идти на Рим. Он подошел близко, но штурмовать Рим не стал: ждал подкрепления, войска во главе со своим братом Гасдрубалом, которое должно было прийти из Испании. Но по дороге брат был разбит.

Ганнибал. Гравюра XIX в.

В 211 году до н. э. Ганнибал у ворот Рима, в городе тот самый клич: «Hannibal ante portas!» – и настоящая паника. Но он не штурмует. Продолжает маневрировать, потому что не получил подкрепления.

Рим постепенно приходит в себя. Эта великая способность римлян – сохранять мужество, перестраиваться, обучаться. Причем армия Ганнибала – это наемники, Рим же защищают граждане.

Гражданская община ощетинивается для защиты своих интересов. И то самое, что Лев Николаевич Толстой гениально называл духом войска, решающим судьбу сражения, судьбу войны, здесь было на стороне римлян.

Пока Ганнибал, не дождавшийся подкрепления, маневрирует уже без особого успеха, римляне наносят Карфагену удары в

Испании, теснят со всех сторон. Перевес сил уже на стороне Рима.

А хуже всего то, что Ганнибала перестают поддерживать из Карфагена. Позже сам он сформулирует это так: «Не Рим, а карфагенский Сенат победил Ганнибала».

Ему не доставляют должных средств, у него нет такой вольготной финансовой ситуации, которая была в свое время благодаря достижениям его отца в Испании.

У карфагенской знати крепнет опасение, что такой прославленный полководец станет опасным для республики, то есть для власти. Олигархия всегда предпочитает, чтобы все власть имущие были более или менее равны друг другу, чтобы все вместе, единым жадным, корыстным кулаком сжимали страну. А личность, возвышающаяся над ними, их смущает, тревожит.

Они не то чтобы открыто вредят Ганнибалу, но давно не помогают ему. И он ощущает невозможность продолжать наносить такие чувствительные удары, как те, которые он наносил Риму прежде.

К тому же у римлян появляется талантливый командующий – Публий Корнелий Сципион-младший, который получит затем почетное прозвище Африканский. Будущий победитель Ганнибала. И в 204 году до н. э. карфагенский Сенат отзывает Ганнибала в Африку на защиту отечества. В общем-то, все логично, все правильно. Но ему помешали продолжать войну на территории Италии.

Он прибывает в Африку, настроенный на новые победы. Ему 43 года, а в 202 году до н. э., когда в конце осени состоится битва при Заме, – 44. Это овеянный славой, еще полный сил человек. Но его ждет его единственное крупное поражение. За 20 лет войны Рим многому научился.

После битвы при Заме, которую Ганнибал проиграл, был заключен мир, очень выгодный для Рима. Карфаген лишился права иметь флот, сохранил владения только в Африке, должен был в течение 50 лет платить контрибуцию.

Но Рим выиграл не только это. Он выиграл самого себя как потенциального лидера тогдашнего мира. Научившись воевать с таким соперником, как Ганнибал, мобилизовываться, когда, казалось, все кончено, переносить гибель консулов, потери десятков тысяч людей, преодолев все это, Рим и сделался равным самому себе.

Как ни странно, некоторое время после поражения Ганнибал занимал в Карфагене должность суфета – первого лица, верховного судьи.

Что же он делает на этой должности? Начинает бороться с продажностью тех, кто наживался на войне, кто, вероятно,

подыгрывал врагам.

Но очень скоро он получил информацию о том, что власти Карфагена намерены-таки ответить на многолетние требования римлян и выдать его победителю. В 195 году до н. э. он бежал. Далее последовали 12 лет эмиграции.

Сначала он направился в Сирию, к Антиоху III. Потом он у правителей Армении, затем в Вифинии, у царя Прузия.

И все эти годы он верен клятве. Он не просто спасает свою жизнь, но старается подтолкнуть правителей малазийских и южноевропейских государств к борьбе с Римом. Ганнибал еще рассчитывает создать новую коалицию и вернуться к делу своей жизни. Он даже принимает участие в нескольких не очень значительных, не очень крупных сражениях против Рима, нигде не терпит поражения, но это, конечно, не тот масштаб.

Ему не удается найти тех, кто рискнул бы поднять знамя борьбы против Рима, за мировое первенство, как некогда Карфаген. Ганнибалу приписывают слова: «Моя жизнь – неизменное усилие воли к единственной цели». Да, он имел право так сказать. Он мог мысленно отчитаться перед отцом в том, что клятвы, принесенной в детстве, он никогда не нарушил и всегда стремился ее исполнить.

Однако Рим был уже настолько сильнее всех государств, пытавшихся сохранить свою независимость, что Ганнибалу всюду угрожала опасность быть выданным. В очередной раз он получил информацию о том, что Прузий, царь Вифинии – сравнительно небольшого государства в Малой Азии, которое маневрировало между соседними правителями, – Прузий, который долго притворялся другом, готов выдать его римлянам. В 183 году до н. э. яд из перстня прервал жизнь Ганнибала.

Римский политик и оратор Марк Тулий Цицерон говорил: «Сограждане изгнали его, а у нас, мы видим, он, враг наш, прославлен в писаниях и в памяти». Его непримиримые враги сохранили для потомства память о нем.

Спартак. Вечный символ

Имя Спартака каждому известно с детства. Его восстание изучается школьниками в курсе истории Древнего мира. На многие века Спартак остался символом борьбы за свободу, символом прекрасным и героическим. К тому же фигуру предводителя рабов в свое время романтизировали писатели и историки.

На самом деле, кажущееся знание о Спартаке значительно мифологизировано, и очень трудно отделить истину от того, что «досочинялось» на протяжении веков.

Почему именно он? Ведь это вовсе не единственный предводитель восстания в мировой истории.

Кто такой Спартак? У него нет даже определенных дат жизни. Вместо них – даты восстания. Начало – 74 или 73 год до н. э., поражение – 71 год. Такая же короткая жизнь в истории, как у Жанны д'Арк. Эти короткие жизни, как кометы, проносятся над человечеством и, видимо, не случайно оставляют такой след.

Итак, биография его приблизительна. Бесспорно, что он был родом из Фракии – это территория нынешней Болгарии. Есть две версии его происхождения. Первая: из царского рода Спартокидов. В V–II веках до н. э. они правили царством, центр которого располагался там, где сейчас находится город Керчь.

По второй версии, имя Спартак связано с мифологическим народом – спартами. Согласно греческой мифологии, они жили когда-то на территории Северной Греции. Спарты в буквальном переводе – «посеянные». Кем-то когда-то были закопаны в землю зубы дракона. И из них выросли замечательные воины.

Первая версия выглядит более реалистично. Тем более что лучшие воины все-таки происходили не из крестьян, а из высшего сословия. Во всяком случае, в древности. Происхождение из царского рода (что предполагало воспитание, образование) несколько лучше объясняет и те несомненные интеллектуальные способности, которые Спартак продемонстрировал за время своей краткой жизни.

Вот что пишет о нем Плутарх: «Спартак, фракиец, происходивший из племени медов – человек, не только отличавшийся выдающейся отвагой и физической силой, но по уму и мягкости характера стоявший выше своего положения и вообще более походивший на эллина, чем можно было ожидать от человека его племени». Более высокой оценки, чем «походивший на эллина», грек Плутарх дать не мог. Он подчеркивает этим сравнением, что Спартак был человек выдающийся – и не только

в том смысле, что отлично махал мечом. Походил на эллина. Какой комплимент!

Не исключено, что Спартак до того, как стал рабом, воевал против Рима. На чьей стороне? Вероятно, на стороне понтийского царя Митридата в 80—60-х годах до н. э. Это была тяжелая для Рима война. Участие в ней фракийцев зафиксировано многочисленными документальными источниками. Спартак вполне мог попасть в плен и быть проданным в гладиаторы. Хороших воинов римляне использовали именно так.

По Плутарху, Спартак был женат на своей соплеменнице, жена находилась вместе с ним и тоже бежала из гладиаторской школы. Она, по словам римских авторов, рассказывала о нем такую историю: однажды, когда Спартак спал, на его лице расположилась и уснула змея. Жена, как все женщины той эпохи, претендовала на толкование знамений. Она говорила, что это событие предрекает ее мужу грозную власть и трагический конец.

Несколько более подробная биография Спартака начинается с гладиаторской школы Лентула Батиата в городе Капуе, к югу от Рима, в области Кампания. Капуя – древний город, основанный еще этрусками, по размеру, богатству и значению сравнимый с самим Римом. И там была знаменитая школа гладиаторов. Лентул Батиат продавал их богатым людям. Гладиаторские бои были важной частью повседневной жизни. Рим просто не умел без этого существовать.

В 74 году до н. э. в этой школе возник заговор гладиаторов, участвовало 200 человек. Нет данных о том, что Спартак был его организатором. Он мог оказаться во главе просто как самый сильный воин.

Заговор, как это почти всегда случается, был выдан неким предателем. Внутри школы начали принимать меры, и усилили охрану. И тогда 78 человек из 200, состоявших в заговоре, силой вырвались, смяли охрану, промчались по улицам Капуи, вооруженные кухонной утварью: ножами, вертелами, которые успели захватить. Отбили атаку муниципального отряда. Отобрали у них настоящее оружие.

Никто еще не понимал, что за грандиозное событие совершается. Как пишет Аппиан, в Риме с полным презрением отнеслись к сообщению из Капуи о побеге каких-то 78 рабов.

Гладиаторы укрылись от преследователей на горе Везувий. Гора крутая и трудная для подъема. На вершину вела одна тропа, довольно извилистая. Но люди, спасавшие свою жизнь, взлетели по ней сравнительно легко. А стражники, ленивая муниципальная милиция, естественно, отстали. Беглецы обосновались там на какое-то время. Их оставили в покое. Была, видимо, простейшая

мысль— сами передохнут. Но они оказались не таковы.

К тому же к ним побежали другие угнетенные. Надо сказать, что I век до н. э. был еще временем классического рабовладения в Риме. В его крайних проявлениях раб – это говорящий инструмент («instrumentum vocalis», по выражению Варрона). Такое отношение приводило к отчаянному положению многих людей, а отчаявшиеся способны ухватиться за любую надежду.

И вот лагерь на вершине Везувия стал притягивать недовольных. По данным историков, численность их быстро росла и вскоре достигла 10 тысяч человек. Они превратились в шайку разбойников. Им нужно было питаться, они грабили и наводили ужас на окрестности. Поэтому в Риме в конце концов сочли нужным ими заняться.

В Кампанию был направлен претор Клодий (высокий ранг!) с тремя тысячами человек. Считалось, что этого вполне достаточно, чтобы справиться с любым числом рабов.

Это были пока не легионеры, а охранные войска, но под командованием претора. Клодий счел, что с рабами нечего воевать, узкая тропинка его дезориентировала. Выбрал место, где Везувий со всех сторон неприступен, хорошо перегородил единственную тропу, стал лагерем и начал дожидаться, когда восставшие погибнут без продовольствия.

Но одно из главных личных качеств Спартака, которое отмечает Плутарх, таково – он никогда не сдавался. Он придумал сплести лестницы и канаты из изобильно произраставшего на Везувии дикого винограда. Темной ночью, когда в стане Клодия царила полная беспечность: кто спал, кто развлекался, – они спустились прямо на лагерь, прихватив с собой награбленное к тому моменту оружие. И просто уничтожили отряд Клодия. Лагерь был совершенно разгромлен. Римляне побежали! Это было невероятное и позорное событие. Спартак сделался могущественен и страшен.

Тогда Рим направил в Кампанию другого претора, Вариния, с требованием быстро проучить рабов. Состоялся бой, советник Вариния, Касиний, едва не попал в плен. Его конь достался лично Спартаку. Саллюстий пишет, что римляне были потрясены, появились случаи дезертирства.

А Спартак в это время строит войско. Под его контролем вся Южная Италия. Теперь он принимает не всех, кто к нему бежит, а лишь тех, кто будет воевать. Его войско стало огромным, причем это была уже не просто толпа рабов.

В 72 году до н. э. он направляется на север. У всех простейшая мысль – на Рим!

В Риме началась паника. Припомнили даже старую фразу, III

века до н. э, времен Ганнибала, – «Hannibal ante portas» («Ганнибал у ворот»). Похоже по духу на морской клич: «Полундра!» Плохо дело, караул, спасайся кто может! Богатые римляне бегут из поместий, жгут бумаги, заискивают перед своими рабами…

Но вот тут возникают смутные сведения о разногласиях среди предводителей восставших. Дело в том, что у Спартака к тому времени появились сопредводители, Крикс и Эномай, по происхождению, видимо, галлы, с территории будущей Франции. (Эти земли не были еще покорены Цезарем.)

Спартак, вероятно, с самого начала предполагал пройти мимо Рима, не нападая на вечный город. Так он и сделал. А его сотоварищи из галлов вроде бы считали, что надо «раздавить гадину», уничтожить самый центр, самое гнездо рабства. А, в общем, еще и хорошо пограбить. Многие сподвижники Спартака были обычными разбойниками.

Конечно, любой бунт сопровождается насилием. Но, как ни удивительно, Спартак не раз пытался это приостановить.

Восставшие разделились. Отряд под руководством Крикса двинулся на Рим. И был разбит.

А Спартак продолжал движение на север, минуя Рим.

Положение Римской республики было сложным. На западе, на Пиренейском полуострове, больше пяти лет шла война против мощного движения, которое возглавил римлянин Серторий, бывший сторонник Мария, прекрасный воин и очень незаурядный человек. А на востоке был Митридат, многочисленные восставшие малазийские племена.

Приходили сведения, что Митридат через своих посланников ведет переговоры с Серторием. И вроде бы они хотят договориться с галлами. Если все движения соединятся, это будет по-настоящему страшно для Рима. Спартаковское движение вносило свою лепту в общую атмосферу катастрофы.

Республика зашаталась. И Сенат принял поразительное решение – послать против взбунтовавшихся рабов сразу двух консулов – Луция Геллия Публикола и Гнея Корнелия Лентула Клодиана. В 74 году они направились на восток.

Спартак считал, что надо увести людей из Рима, из этой страны рабов и рабовладельцев. Может быть, он собирался перевалить через Альпы, хотя это было крайне трудно. Он двигался на север.

Там, в Цизальпийской Галлии, которая была покорена Римом, произошло знаменитое сражение при Мутине. В нем Спартак проявил себя как истинный полководец. Сначала он разбил обоих консулов, а при Мутине – наместника Цизальпийской Галлии Гая

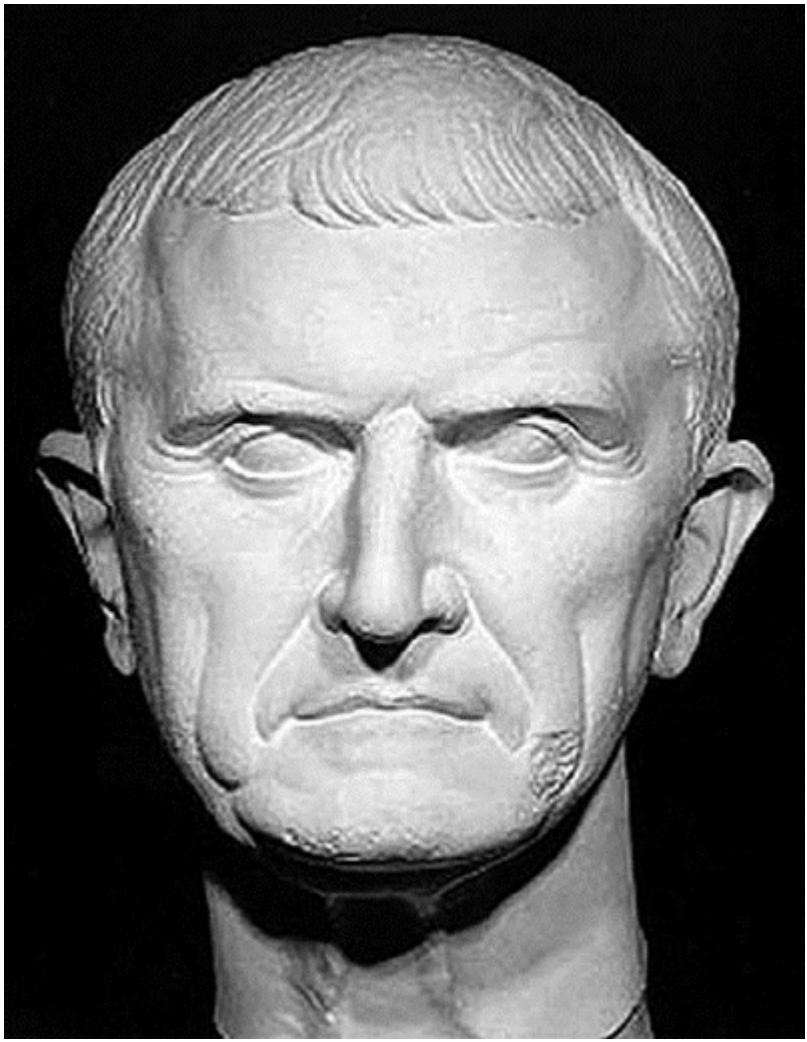
Кассия, применив прием, который Ганнибал использовал при Каннах в 216 году до н. э. Разделение и полное уничтожение окруженных войск противника.

Слухи о том, что он предводительствовал 120 тысячами человек, наверное, как всегда, преувеличены. Но это было настоящее войско, что видно по результатам.

Почему же после Мутины он не идет через Альпы? Варианты ответа бесконечно разнообразны. Может быть, потому, что перевалы в это время были непроходимы. Но прежде Спартак преодолевал любые трудности!

Теперь же он повернул на юг. И хотя в Риме все уже были полностью деморализованы, он опять прошел мимо. Привел войско на самый юг Апеннинского полуострова.

Если уходить из Италии через Средиземное море с юга, то нужен флот. И флот становится его целью.



Марк Лициний Красс.
I в. до н. э.

А в это время в Риме Сенат наконец решает, кого направить на эту борьбу… нет, уже настоящую войну с рабами. Избранник – Марк Лициний Красс. Многие сомневались, стоит ли брать на себя должность главнокомандующего против рабов. Победишь – немного чести. Подумаешь, разбил рабов! А потерпишь поражение – конец карьеры. Красс рискнул. Уж очень хотел карьеры и славы. Продажный человек, спекулянт, да просто жулик. Он специально скупал здания, страховал на большие суммы, организовывал поджог и получал страховые выплаты. Его имя, как пишут римские историки, стало нарицательным. Красс – это коррупция.

Вот какой человек получает должность главнокомандующего

в Италии, чрезвычайные полномочия для войны с рабами. Эти особые полномочия он сразу применил – провел то, что в Риме называли децимация, древний обряд наведения порядка в войске. Когда каждого десятого воина казнили. Казалось, об этой древней традиции давно забыли. Рим знал трудные войны, но давно не знал крупных поражений.

Красс построил 500 воинов – 50 из них (римские граждане, легионеры!) были с воспитательными целями казнены. Таким путем Красс продемонстрировал, что настроен победить.

Он нагнал Спартака, когда тот был на полуострове Региум – на «кончике носка» италийского сапожка. У Спартака была договоренность с пиратами, что они предоставят восставшим рабам флот. И тогда можно уплыть по Средиземному морю и на Балканский полуостров, и в Малую Азию, кто куда захочет.

Пираты в то время были колоссальной силой. И страшными врагами Рима. Помпей, великий римский полководец, отправленный на борьбу с пиратами, сделал на этом карьеру. Пиратский флот был огромен.

После многочисленных успехов Спартака Красс уже торопился прибавить к своему имени титул – «победитель рабов». Он знал, что из Испании в Италию направляется флот его политического соперника Помпея. Пройдет совсем немного времени, и Красс с Помпеем будут биться за право называться победителем Спартака.

Пираты Спартака обманули – флота не предоставили. Их перекупили. Есть мнение, что это сделал многоопытный Красс. Для карьеры ему не жаль было собственных денег. Он знал, что если станет одним из первых людей в Риме, то получит столько, сколько захочет.

Но Спартак не сдавался никогда! Он приказал немедленно строить флот, как мы сегодня скажем, из подручных средств. И, несмотря на риск, сколько возможно людей погрузить и отплыть. Видимо, у него уже созрел план. На этом флоте он не уплывет ни в Малую Азию, ни на Балканский полуостров. Рядом только Сицилия. А на Сицилии не так давно были два грандиозных восстания рабов, в 138–132 и 104–101 годах до н. э. Их предводители решительно отличались от Спартака тем, что первым делом провозглашали себя царями. Спартак же полководец, воин, вождь. Но не царь.

Он предпринимает попытку перебраться на Сицилию. Как предполагают историки, он рассчитывал разжечь то пламя, которое могло не вполне остыть на этом острове. Плыть близко. Но буря разметала построенные рабами самодельные суденышки.

В это самое время Красс отделил спартаковское войско от

основной территории Италии. Он принял беспрецедентное решение. В самом узком месте полуострова Региум римским легионерам, великолепным строителям, приказано прорыть глубокий ров, возвести стену и расставить вдоль нее часовых. Все! Спартак заперт со своим войском на этом носочке италийского сапожка. Кажется, на сей раз конец? Но ведь он не сдавался никогда!

Спартак велел вдоль всего рва сохранять костры, делать вид, что стоят часовые, кое-где даже были поставлены трупы умерших, чтобы все казалось натуральным. А в одном месте темной ночью собрать войско, забросать ров всем, чем можно, в том числе телами погибших, трупами лошадей. И по этому страшному мосту— прорыв.

Красс не понял, что происходит, поскольку вдоль всего рва были огни. И прорыв состоялся. Спартак вывел войско.

Он двинулся на северо-восток. Совершенно очевидно, куда он направился. Он шел к Брундизию, крупнейшему римскому порту. Известно было, что город хорошо укреплен, взять его штурмом будет трудно. А с востока к нему приближался полководец Лукулл. С запада же подплывал Помпей.

Для Спартака важнее всего было не оказаться в клещах, разбить каждого по отдельности.

Красс настигает его, у него хорошее, дисциплинированное войско. Ясно, что приближается страшное сражение. Оно состоялось, не доходя Брундизия, в области Апулия. Кое-какие детали известны. Перед сражением, пишут все авторы, к Спартаку подвели белого коня. Он внезапно заколол его мечом, сказав: «Если мы победим, у нас будет много таких коней, а если мы не победим, мне конь не понадобится».

Интересно, что в одном из особняков города Помпеи сохранилась фреска: знатный римлянин изобразил, как он нагоняет Спартака и ранит его копьем в бедро. Причем Спартак на коне. А в действительности Спартак сражался пешим. И житель Помпеи, видимо, просто похвалялся.

Много врагов полегло вокруг Спартака, а он рвался к Крассу. Красс же был скрыт за спинами охранников-ликторов. Спартак видел его шлем, очень заметный, с перьями, пытался прорубить себе дорогу к главному врагу. Не смог.

Израненный, он опустился на одно колено – и скрылся под грудой павших вокруг тел.

Римляне мечтали провести его, пленного, по улицам Рима. Правда, триумф по поводу победы над рабами… это как-то принижает. Но Красс просто жаждал триумфа. И добился так называемого пешего, малого триумфа, или овации. Устроить

грандиозный триумф по поводу победы над рабами было все-таки стыдно.

Захватить Спартака живым не удалось. Но римлянам было бы приятно хотя бы надругаться над его телом: выставить на всеобщее обозрение, проволочь за ноги привязав к хвосту лошади, чтобы посмертно унизить. Но и тела нет!

По одной из версий, Спартак был изрублен в куски. По другой – уцелевшие отряды сумели унести тело своего погибшего вождя.

Подоспевшему Помпею хватило работы: он еще долго сражался с оставшимися отрядами Спартака.

Что до Марка Красса, то его ждала страшная гибель в Парфии. Из его черепа парфянский царь прикажет сделать кубок и на пирах будет пить вино.

Спартак же останется в веках.

О нем писали такие римские авторы, как Ливий, Евтропий, Флор, Саллюстий, Плутарх – целая «команда» серьезных историков.

Великий немецкий историк XIX века, специалист по Риму Теодор Моммзен в третьем томе своего сочинения «Римская история», переведенного на русский язык в 1995 году, уделяет восстанию под руководством Спартака большое внимание.

О Спартаке пишет бельгийский историк Анри Валлон в книге «История рабства в античном мире» (первое издание – 1941 г.).

Есть замечательные труды советского историка С.Л. Утченко. Например, «Древний Рим. События, люди, идеи». И конечно, небольшая, но серьезная, основательная книга А.В. Мишулина «Спартак».

В 1987 году в серии ЖЗЛ вышла книга «Спартак» В. Лескова. Переведена с немецкого работа Хефлинга Хельмута «Римляне, рабы, гладиаторы. Спартак у ворот Рима» (1992).

Но кроме образа, созданного учеными, есть и образ, нарисованный людьми искусства. Первая драма о Спартаке написана в XVIII веке, поставлена в 1760 году. Есть и знаменитый роман Р. Джованьоли, и очень разного качества художественные фильмы.

Спартак – это и своего рода политическое знамя. В XX веке в Германии «Спартаком» называлась коммунистическая организация.

Вряд ли так уж хорошо, что в нашем, российском сознании это имя связано прежде всего с футболом. Лучше бы, например, с гениальным балетом на музыку А. Хачатуряна.

Все-таки Спартак – вечный символ вовсе не спорта, а свободы. Он никогда не сдавался. Он никогда не провозглашал себя царем.

Его кратчайшая жизнь в истории – это стремительно промчавшаяся и сгоревшая комета. И пример для людей разных эпох.

Гай Юлий Цезарь. Император во главе республики

Одно из самых знаменитых политических убийств в истории человечества – убийство Гая Юлия Цезаря. Об этом событии спорили, спорят, о нем, наверное, будут рассуждать бесконечно. Это, пожалуй, самое раннее из известных нам осознанных, подготовленных политических убийств.

Античность, по выражению Карла Маркса, – «детство человечества». А дети не безоблачно прекрасны – в них много жестокости. Так было и в римском мирке, сначала таком небольшом, домашнем. Лациум – маленькая область в центре Италии. Постепенно возникшая там цивилизация, разворачиваясь, превращалась в тот великий Рим, в котором родился Юлий Цезарь.

Время Цезаря – это I век до н. э. – 100-44 годы. Он родился 13 июля. (Июлем этот месяц назвали потом в честь него, и народу это не очень понравилось: и календарь, мол, Цезарю подчиняется!) Отец— тоже Гай Юлий. Семейство было знатное, но ничем пока себя в Риме не проявившее. Зато они гордились тем, что их род восходит к самой Венере.

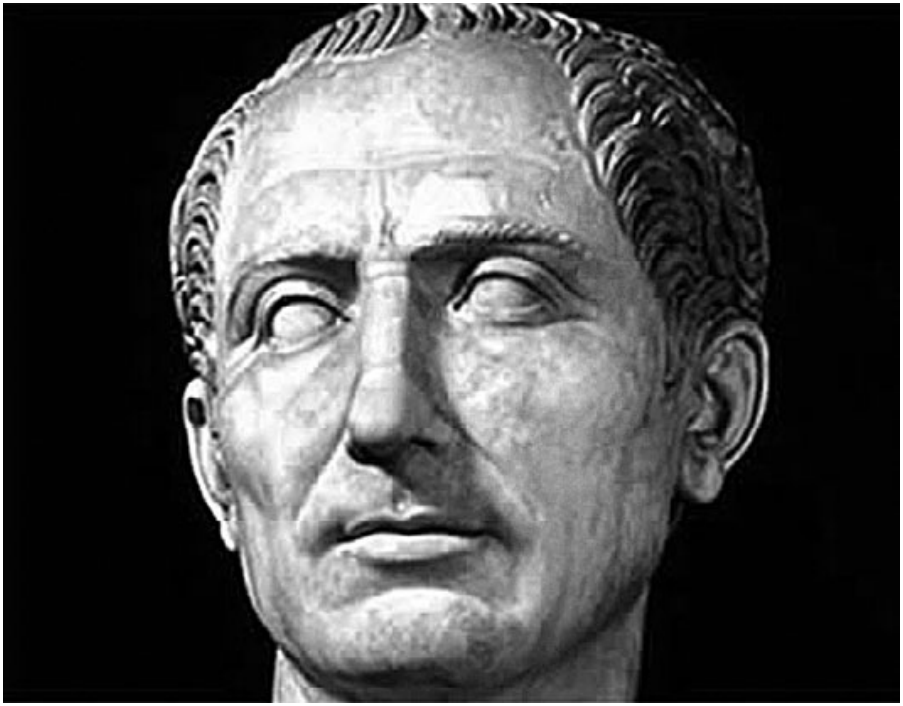
То, что судьба Цезаря оказалась столь необыкновенной, нельзя считать простой случайностью. Он действительно был выдающимся мыслителем, писателем, оратором, полководцем, политиком – во всех этих сферах у него выдающиеся заслуги. Каждый, кто начинает сегодня изучать латинский язык, запоминает предложение «Gallia est omnia divisa in partes tres». Это фраза Цезаря, открывающая его книгу «Записки о Галльской войне».

А знаменитое «пришел, увидел, победил» («veni, vidi, vici») – фраза Цезаря из письма в Сенат. «Жребий брошен» («Allia jacta est») – и так часто говорят. Это тоже произнес Цезарь, решивший вести войска на Рим и переходивший реку Рубикон в Северной Италии.

Речи Цезаря сопоставимы по выразительности и воздействию на публику только с речами Цицерона. Цезарь специально ездил на остров Родос учиться ораторскому искусству – и оказался талантливым учеником.

Сегодня, спустя две с лишним тысячи лет, о том, кто способен одновременно заниматься разными делами, говорят: «Да он как Цезарь!» А ведь он действительно мог диктовать сразу шесть писем, так что писцы за ним не успевали. И текст всегда

при этом был достойный Цезаря.



Гай Юлий Цезарь.
I в. до н. э.

Он покорил немыслимые пространства, в числе которых территория нынешней Франции, многие области Испании. В планах у него было завоевание Ближнего Востока, Причерноморья, Прикаспия. Лавры Александра Македонского не давали ему покоя.

С чего же началась эта невероятная биография? Смолоду он отчаянный поборник сохранения республиканского строя. И смелый, независимый человек. Показательно его поведение: он мало пользовался носилками, как другие аристократы, ходил пешком, к удивлению всех, кто это видел.

Протягивал руку всем подряд. Древние авторы пишут: эта мягкая, нежная рука могла лечь в ладонь каменотеса.

Он демонстрировал, что стоит за республику, за то, что все римляне равны в политическом отношении. И до конца своих дней он в некотором смысле оставался республиканцем. Странная позиция для императора! Но не уникальная. Пройдет не одно столетие, и Наполеон Бонапарт в созданной им Конституции запишет: «Франция объявляется республикой. Во главе республики стоит император».

В отношении Цезаря слово «император» применимо только в особенном, римском смысле: оно указывает на личную связь полководца с его войском, на то, что этот человек, независимо от занимаемой им должности, – носитель некой высшей власти, которую римляне называли «imperium».

Цезарь боролся за должности – и с помощью рукопожатий, и с помощью красивых речей. Немало значила и благообразная внешность, и подчеркнутая доброжелательность. В двадцать лет, получив одну из первых должностей, он отправился по делам на территорию сегодняшней Испании. Легенда гласит, что там он увидел статую Александра Македонского – и заплакал. Спутники стали спрашивать: «Цезарь, о чем ты плачешь?» – «В мои годы, – отвечал Гай Юлий, – он уже покорил полмира!»

Первое значительное проявление его необыкновенного нрава было таково. Диктатор Сулла, прославившийся проскрипциями – списками неугодных, убийствами и конфискацией имущества каждого, кто ему показался слишком богатым или просто чем-то не понравился, – этот великий злодей приказал Цезарю развестись с женой. Дело в том, что она была родственницей одного из марианцев, сторонников Мария, соперника Суллы. Такой же приказ получил Помпей, будущий крупный полководец.

Помпей выполнил приказ. А Цезарь – нет. Он рисковал погибнуть, не начав свою великую деятельность. Сулла был страшно недоволен и объявил его врагом республики.

Что же спасло Цезаря? Он заболел: у него началась лихорадка. И изо дня в день его сторонники – люди из разных социальных слоев – переносили его на ночлег то в один, то в другой дом. Это продолжалось несколько недель.

А потом Сулла, как бывает порой во времена репрессий, просто забыл об этом «провинившемся», остыл, отвлекся на других. Цезарь остался жив.

Через некоторое время он получил должность эдила – ответственного за организацию развлечений жителей Рима. Причем удовольствия организовались на собственные деньги. До этого Цезарь служил смотрителем Аппиевой дороги, и служил прекрасно. Теперь же ему предстояло заниматься не только ремонтом дорог, но и украшением города, а также организацией праздников, пиршеств, бесплатной раздачей хлеба.

В Риме был особый социальный слой – люмпен-пролетарии, граждане, разорившиеся и не желавшие работать. Они жили подачками от Республики и очень любили развлечения.

Цезарь на новой должности расстарался, выставил 250 пар гладиаторов. То есть устроил так, чтобы 500 человек уничтожали друг друга. Впрочем, для него гладиаторы, конечно, не были

людьми.

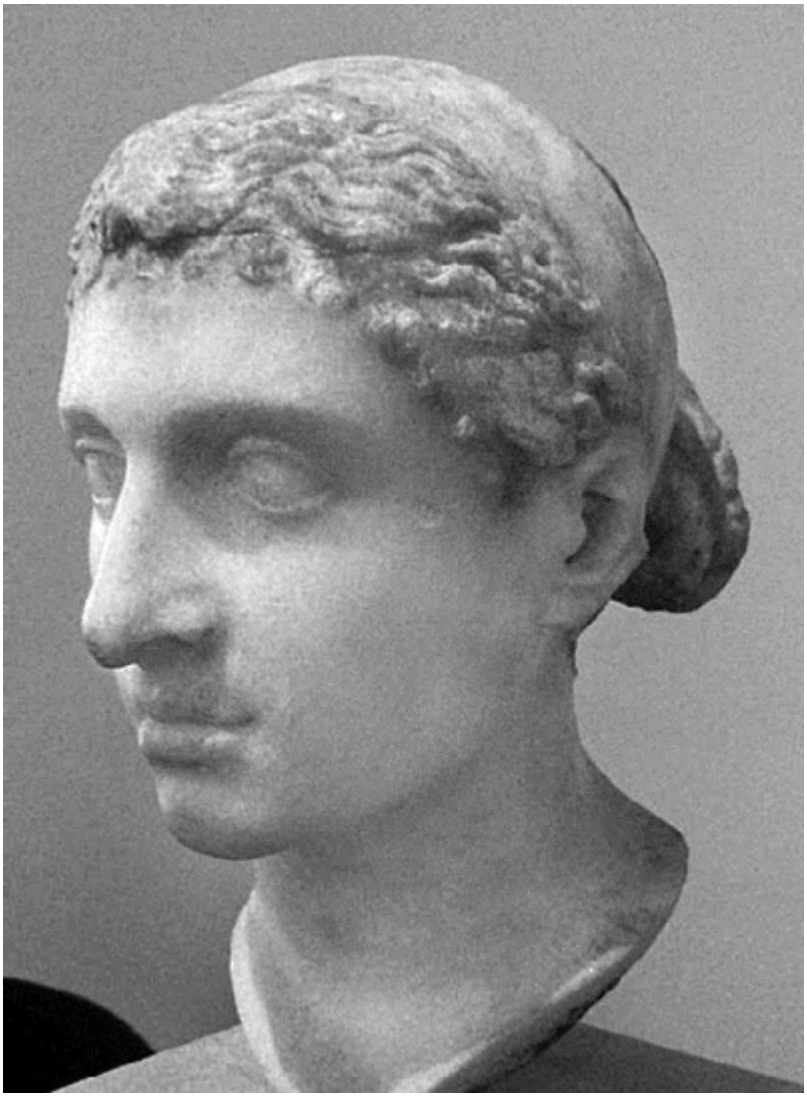
На устройство зрелищ ушли все его немалые средства. Он совершенно разорился. Кредиторы, узнав, что его отправляют в Галлию наместником, не хотели его отпускать, боялись, что он убегает от долгов.

Он же знал, что именно там разбогатеет. Воевать и грабить, грабить и воевать – в те времена это было примерно одно и то же. Поручительство богача Красса позволило ему все-таки отправиться в Галлию. Не надо думать, что Красс выступил как благодетель. Зная Цезаря, он был уверен, что тот свое возьмет и долги будут возвращены, причем с процентами. И действительно вскоре Цезарь сделался фигурой номер один в римской политике.

Цезарь, Помпей, Красс – так называемый первый триумвират (60 год до н. э.). Три крупные фигуры, и каждая по-своему выделяется на политическом небосклоне. Цезарь – множественностью талантов и умением заслужить любовь народа (в римском понимании слова «народ»). Помпей – полководческим даром, а Красс – колоссальным, неблаговидно нажитым богатством. Некоторое время они помогали друг другу подниматься по ступенькам республиканских должностей. А потом, конечно, столкнулись в непримиримой вражде.

В 53 году до н. э. в войне с Парфянским царством – могучим соперником Рима на Востоке – погиб Красс. Это привело к неизбежному обострению отношений между двумя оставшимися политическими лидерами Древнего Рима – Помпеем и Цезарем. В 49–45 годах между ними разгорелась кровопролитная гражданская война. Два прославленных полководца повели за собой преданные им армии под лозунгом защиты республики, древних римских свобод и прочих прекрасных вещей, о которых во все времена говорят те, кто рвется к власти.

Величие Рима началось с непобедимости армии. Это было народное, крестьянское ополчение, свободные люди, возглавляемые офицерами из аристократии, строго организованные, с железной дисциплиной и безусловной заинтересованностью в том, чтобы превратить свою маленькую территорию в могучее государство. Призывной возраст достигал тогда 50 лет. Войска строили по возрасту: впереди молодые, потом постарше, постарше, постарше. В задних рядах стояли старики, ветераны. Для того чтобы служить в армии, надо было быть гражданином, а значит, собственником какого-то участка земли.



Клеопатра.
I в. до н. э.

Но в конце II века до нашей эры реформы Мария превратили эту армию в ее противоположность. Когда многие люди лишились земли, их стали брать на службу по найму. Новая, наемная армия сохранила прежнюю дисциплину, ту же закалку. Римский легионер способен был нести на себе до 40 кг и идти при этом со скоростью 6 км в час. Непобедимое войско!

Отслужив, человек получал землю. Так что у наемников был очевидный интерес – захват новых провинций и наращивание территорий. Теперь воины стали преданы не столько республике, сколько лично полководцу. У Помпея свои ветераны, у Цезаря –

свои.

Цезарь был, безусловно, более талантливым полководцем и тонким политиком. В борьбе с Помпеем, не имея очевидного военного превосходства, особенно на море (а бои шли не только в Италии, но и в Испании и Греции), Цезарь постоянно «переигрывал» Помпея. Он, например, совершенно неожиданно проявлял великодушие к побежденным или даже только дрогнувшим сторонникам Помпея, демонстрируя тем самым уважение к согражданам и желание завершить миром страшную гражданскую войну.

В знаменитом сражении 6 июня 48 года до н. э. при Фарсале (Греция) Цезарь разгадал тактический замысел Помпея и нанес удар именно по тому флангу, который, по замыслу Помпея, должен был обеспечить его победу. Умело выбрав момент для ввода в бой резерва, Цезарь добился полного триумфа. О былом соратнике он скажет: «Помпей не умеет побеждать».

Цезарь всегда и во всем оставался искусным политиком. Когда он преследовал Помпея, тот укрылся в Египте, где надеялся обрести убежище, потому что царь Египта, Птолемей, был многим ему обязан. Но египтяне вместо этого Помпея коварно убили, рассчитывая таким образом завоевать расположение Цезаря.

Однако Цезарь или, как обычно, искусно притворился, или в самом деле не пришел в восторг от того, что ему доставили голову Помпея. Он приказал похоронить убитого полководца с почестями, поставить статую, возвести храм. Он был мастером красивого жеста.

Но и с самим Цезарем происходили красивые истории. Например, роман с царицей Клеопатрой. Он был старше ее на 35 лет.

Клеопатра и ее брат Птолемей остались наследниками после смерти царя Египта Птолемея XI. Цезарю было все равно, кто из этих детей будет править Египтом. Его волновало одно – чтобы Египет оставался в русле римской политики. Значит, требовался некто покорный, действующий в интересах Рима.

В конце концов, Цезарь остановил свой выбор на Клеопатре, которая явно не отличалась кротким характером. Ее принесли к нему завернутой в ковер. Кругом было много ее врагов, и им объявили: «Мы несем Цезарю замечательный ковер в подарок». Дарителей пропустили. Ковер развернулся как бы сам, и оттуда выскочила прелестная девушка, которая сразу произвела на Цезаря впечатление. Сохранившиеся изображения не передают ее истинной красоты, которая была, видимо, неотделима от живости ума, разносторонней образованности, готовности рискнуть, от того, наконец, что Клеопатра владела искусством обольщения. Во

всяком случае, Цезарь, на какое-то время отодвинув все свои дела, всецело погрузился в этот роман. Ему передавали, что надо возвращаться в Рим, что там складывается опасная ситуация, а он продолжал плавать по Нилу и предаваться удовольствиям в лепестках роз и цветах лотоса…

Ему было за пятьдесят, он уже лысел, у него случались эпилептические припадки. Но им владели могучие страсти.

У него родился сын Цезарион. В Рим Цезарь прибыл вместе с Клеопатрой. Но как только он понял, что ее присутствие в Риме вредит его репутации, он отправил ее обратно.

Римская республика была к тому времени обречена. Демократические механизмы не могли действовать на ее огромной территории. Считалось, что граждане живут только в Риме и в Италии, а вокруг – не вполне полноправные люди, обитатели римских провинций. Это с неизбежностью вело к новым и новым восстаниям.

Цезарь беспощадно подавил восстание в Галлии под руководством знаменитого вождя Верцингеторикса, буквально утопив в крови Галлию. Но он же, став всесильным диктатором, проводил в жизнь так называемую политику милосердия.

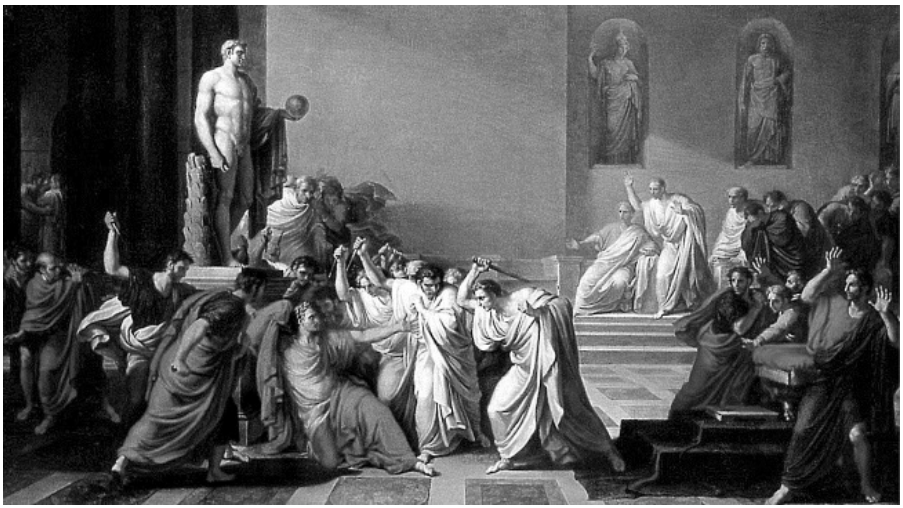
После битвы при Фарсале Сенат провозгласил Цезаря диктатором без ограничения срока полномочий. В этом было совмещено несовместимое: назначение диктатора в момент «опасности для Отечества» соответствовало республиканскому законодательству, отсутствие срока диктатуры противоречило ему. Сосредоточение власти в руках одного человека было естественно для исторической ситуации в Риме, который превратился из замкнутой гражданской общины в мировую державу. Однако большая часть римской аристократии по-прежнему боролась за сохранение республиканского устройства, прежде всего потому, что оно сохраняло и власть олигархии под лозунгом «власть народа». Это умножало число врагов Цезаря, который продолжал шаг за шагом наращивать свою личную власть. Получив сначала полномочия диктатора без ограничения срока, затем – на невиданно долгий срок в 10 лет, он в 44 году до н. э. стал диктатором пожизненным, как говорили в Риме, «вечным» (dictator in perpetuum).

Его личная власть была очень велика, и он, по всей видимости, высоко ее ценил, охотно демонстрируя свою «вознесенность» над прочими людьми (пурпурная одежда триумфатора, исполнение должности великого понтифика – связующего звена между римлянами и их богами и тому подобное). Однако в своей государственной деятельности Цезарь определенно не ограничивался заботами о себе – судьба Рима

(правда, возглавляемого именно Гаем Юлием Цезарем) была ему небезразлична.

Многочисленные принятые по инициативе Цезаря законы, проведенные им реформы убедительно говорят о том, что во главе переживавшего глубокий политический кризис государства оказался умный и талантливый человек, один из самых образованных людей своего времени. Ему принадлежали бесконечно разнообразные полезные для Рима проекты – от осушения болот и прокладки новых дорог до законов против вымогательства в провинциях, начала чеканки золотых монет и реформы календаря: на основе вычислений египетского математика и астронома Созигена с Гней Помпей. I в. до н. э.

1 января 45 года до н. э. был введен так называемый юлианский календарь, переживший Римскую империю на много столетий.



Винсенто Камучини.
Смерть Цезаря. XIX в.

Спустя века нельзя не отдать должного всем этим начинаниям. Но современникам многое виделось совсем иначе. По мере усиления власти Цезаря множилось число его врагов.

Цезарь занимал должность диктатора, которую вводили в периоды опасности. Но республика постоянно была в опасности! Окружение толкало его на то, чтобы стать царем. А ведь древняя история Рима началась с изгнания царей. Некогда Брут, предок того Брута, что участвовал в заговоре, прославился как человек, изгнавший Тарквиния Гордого, воплощение царской власти.

Жан Леон Жером. Юлий Цезарь и Клеопатра. XIX в.

Римляне гордились тем, что создали республику, что у них есть Сенат и народное собрание. По сути эти органы ничего уже не решали. Но так трудно было расстаться с красивой и привычной формой!

Марк Антоний во время празднества прилюдно предложил

Цезарю корону. Как пишут древние авторы, раздались аплодисменты, впрочем не очень дружные. Когда же Цезарь отказался, аплодисменты зазвучали громче. Умный политик не мог не сознавать, что принимать царский венец нельзя ни в коем случае.

Тогда корону надели на все его статуи. Причем он позволил установить их среди статуй богов. Это было неосмотрительно.

Цезарь не раз прощал тех, кого обвиняли в заговоре против его власти, позволял им вернуться в Рим. Некоторые из таких помилованных участвовали в его убийстве.

А ведь в городе-государстве, жившем по законам общины, большой деревни, элита составляла 200 семей, и они буквально все знали друг о друге. Разумеется, Цезарю не раз говорили о заговоре. Кроме того, был прорицатель, который видел дурные предзнаменования.

Цезарь не обращал внимания на предупреждения. Накануне убийства его жена проснулась в рыданиях: «Мне приснилось, что распахнулись все окна, двери… Тебя закололи мечом. Не ходи сегодня в Сенат!»

Сначала он обещал не пойти. Но его переубедили посланцы заговорщиков.

Наверное, Цезарь не мог поверить в то, что в заговоре участвуют его друзья, прежде всего – Брут. Ходил слух, будто Цезарь готов был его усыновить. В Риме тех лет усыновление означало передачу власти.

И вот в последний день он пошел в Сенат, пошел несмотря ни на что. По дороге некий раб сказал ему: «Возьми записку, очень важную». Записка была от прорицателя:

«Бойся мартовских ид (15 марта); не ходи в Сенат». Но и это его не остановило.

Даже когда на него набросились убийцы, он не понял, что происходит, и сказал одному из них: «Ты что, с ума сошел?»

Заговорщики решили, что каждый нанесет Цезарю удар. Он уворачивался, отбивался палочкой для письма. Наивно! Когда же увидел Брута с ножом, будто бы воскликнул: «И ты, Брут!», накрыл голову тогой и перестал сопротивляться. Скорее всего, это легенда, в которой отражено представление человечества о высшей мере предательства. Каким бы ни был Цезарь, он столкнулся со степенью предательства, непереносимой для человеческого существа.

Яркий, неординарный, он неизбежно раздражал многих. Наверное, не случайно, а, увы, столь характерно для человечества, что именно он стал жертвой такого наглого, откровенного, злобного политического заговора и убийства.

Марк Юнии Брут. Жизнь в плену имени

Никто не знает наверняка, была ли действительно произнесена фраза «И ты, Брут». Но человек, к которому она якобы была обращена, знаменит невероятно. Чем знаменит? Убийством. Вместе с другими заговорщиками он 15 марта 44 года до н. э. участвовал в убийстве Гая Юлия Цезаря и лично нанес ему один из ударов. Это сомнению не подвергается.

При этом находятся авторы, которые по сей день идеализируют его, видят в нем гуманиста и идеалиста. Убийца-идеалист – довольно странное сочетание! Защитники Брута заявляют: Данте поместил его в девятый, самый страшный круг Ада, наверное, потому, что выступал за монархию и для него Цезарь был очень дорог. Вряд ли это правильно. Мы скорее должны доверять гуманистической интуиции Данте.

Марк Юний Брут (85–42 годы до н. э.) родился в семье плебейского рода. В Риме I века до н. э. это уже не означало низкого происхождения. Просто его далекие предки были из плебеев времен позднеродовой аристократической республики, во главе которой стояли, по существу, племенные вожди, именовавшие себя царями.

Отец – тоже Марк Юний Брут. У римлян было принято, чтобы имена повторялись, Юний означало чаще всего «младший».

Рим переживал страшные времена – эпоху гражданских войн. Римская республика, которая перестала быть дееспособной как государственный механизм, тем не менее прожила еще долго.

Поверить в ее уход было невозможно. Но объективно она уходила. И шла борьба за власть. Когда Бруту было около 7 лет, его отец погиб в войне, вспыхнувшей после смерти Суллы.

Это не была гибель в бою.

Денарий Марка Юния Брута «Мартовские Иды»

Отец Брута – заметный человек, сенатор, сторонник сенатской республики. После смерти Суллы, с окончанием его кровавой диктатуры, появился шанс вернуться к былой аристократической республике. А очень многим новым силам, прежде всего войскам и полководцам, это было вовсе не выгодно. И считается, что Помпей – один из полководцев, которые боролись за власть, подослал к Бруту-старшему убийц. Они настигли сенатора на Эмилиевой дороге, близ долины реки По на севере Италии. Мальчик вырос в ощущении ненависти к Помпею, предательски убившему его отца.

Мать Брута – Сервилия, развратная женщина. Для той эпохи очень характерная фигура. Такой статус был в это время в Риме весьма распространенным. Это, конечно, осуждалось, но не слишком.

В молодости Сервилия – любовница самого Гая Юлия Цезаря. Расставшись с Цезарем, она пользовалась, как и многие другие дамы, свойствами его натуры. Он старался расставаться, как мы сейчас говорим, по-хорошему. Считается, что Сервилия выпрашивала у него разные ценные подарки. Сначала он дарил ей

ценные жемчужины, но по мере того, как росли его возможности, росли и ее претензии. И он начал дарить ей дома, конфискованные у врагов отечества.

Появился у Брута и отчим – Децим Юний Силан, человек, видимо хороший, доброжелательный, нисколько мальчика не угнетавший. Однако он ни в каком смысле не мог дотянуть до героизированного образа погибшего знаменитого отца.

Эту нишу занял другой персонаж. И это очень важно. Образцом, сопоставимым с покойным отцом, стал для Брута дядя – сводный брат его матери, Марк Порций Катон-младший, со временем получивший прозвище Утический. (Утика – место его будущей гибели.) Идеал образцового римлянина, почти боготворимый в этот жестокий век. Бескорыстен, отважен, честен. Вошел в пословицы. Например: «Один свидетель – не свидетель, будь это хоть сам Катон». Или «Я усомнился бы в какой-то новости, даже если бы об этом рассказал сам Катон». Это целая характеристика.

Мать, мало интересовавшаяся воспитанием сына, отдала его дядюшке. А разница в возрасте между дядей и племянником была всего девять лет. Так что Марк Порций Катон-младший сделался для мальчика кем-то вроде старшего брата. Конечно, образ порядочного человека, любящего родину, повлиял на юношу, потому что был воплощен в лице живого, близкого человека.

Тянуться к идеалу, связанному с родом, – исконно римское свойство. Известно, что в каждом достойном римском доме непременно было особое помещение, где стояли статуэтки богов ларов, символизировавшие предков. Культ предков свойствен Риму, как всякому традиционному обществу, которое несет на себе отпечаток родоплеменных отношений.

Старший друг Брута Катон был стоиком. Что это означает? Он полагал, что добродетель— высшее благо для смертного. Мальчику внушалось, что надо быть добродетельным, таким же честным, таким же благородным, как отец, и желательно так же героически погибнуть, чтобы оставить прекрасный след в истории.

Брут получил классическое римское образование, которое предполагало изучение нескольких языков, основ истории, астрономии, математики. Преобладало филологическое направление. Завершал он учебу в Афинах, в Греции, которую очень любил.

О Греции говорили так: завоеватель, который покорил завоеванного. Греция была формально завоевана Римом, но греческое ядро оказалось в основании буквально всех римских культурных достижений.

Для Брута Афины – родина идей демократических, республиканских, идей того замечательного общественного устройства, которое в тот момент в Риме пошатнулось. Среди его идеалов такие люди, как Демосфен, в свое время боровшийся до последней секунды жизни против македонского завоевания, готовый умереть за свободу Греции.

В 60-х годах I века до н. э. Брут, которому было около 25 лет, путешествовал по Греции, посетил Дельфы, побывал на островах, а ведь каждый греческий остров – это бывший полис, свободное государство, гражданская община. И эти идеи там жили. Он ими напитался с юности.

А в это время в Риме формируется первый Триумвират. Союз трех правителей – Цезаря, Помпея и Красса, видных политиков и честолюбцев. Понятно, что такой союз прочным быть не может.

На устах у этих троих одно – Республика, Отечество, счастье народа. В глубине их сознания другое. Пришло время – и Сулла это доказал, – установить единую, прочную, централизованную власть. Разумеется, чтобы «спасти страну». Все, кто рвется к власти, непременно «спасают страну» и «защищают народ».

Впрочем, объективно триумвиры были правы. Республиканские механизмы уже не работали. Пока Рим был маленьким городом-государством, маленьким полисом, даже когда он охватывал только Италию, республиканское управление оправдывало себя. Но когда Рим стал мировой державой, государством, простирающимся от долины Тигра и Евфрата через Северную Африку, Балканский и Апеннинский полуостров до Галлии (будущей Франции), делать вид, что – это единая гражданская община, нереально. Есть предел управляемости.

Однако доказать это римлянам очень трудно. Единовластия они не принимают. Правители в те годы занимали республиканские должности: консул, претор; даже император – это только почетное военное звание. Они скрывали, что готовы были стать единоличными правителями. Слишком кровавый след оставила диктатура Суллы. Хотя диктатура – это тоже республиканская магистратура. Диктатор – должность в системе римского республиканского правления, его назначают в минуты крайней опасности.

Вернувшись в Рим, Марк Юний Брут оказался в очень сложной ситуации. Его имя не было пустым звуком ни для Помпея, ни для Цезаря. А его искренние республиканские идеи были им глубоко чужды.

И вот его первое соприкосновение с Цезарем, не прямое, но судьбоносное. Некий человек, арестованный в это время в связи с заговором против консула Помпея, называет среди причастных

молодого республиканца Марка Юния Брута. Его жизнь в реальной опасности. Тем более Помпей прекрасно знает, что у молодого человека есть основания ненавидеть его за смерть отца. Появился прекрасный повод на всякий случай убрать его из своей жизни.

Но мать Брута, Сервилия, хотя она и мало занималась сыном, на сей раз бросилась к Цезарю и стала просить заступиться за него. И Юлий Цезарь спас юношу, жизнь которого висела на волоске.

Брута не тронули, но отправили с дипломатической миссией прочь из Рима, на Кипр. Переговоры он провел неплохо, ничего особенного не достиг, но в целом с делом справился.

В 51 году до н. э. Брут встречается с Марком Тулием Цицероном, гениальным римским оратором, замечательным писателем, талантливым человеком, заслуженным, уже немолодым, значительно старше Брута. Сначала они встретились в Киликии (на территории современной Турции), где Цицерон был наместником, то есть самым влиятельным человеком. К нему обратился его лучший друг Аттик, с которым он постоянно переписывался и попросил поддержать молодого человека Марка Юния Брута, у которого есть какие-то просьбы. После знакомства Цицерон отметил в своих записках: «Он мне надиктовал целую записную книжку своих просьб».

К тому времени тридцатилетний Брут начал политическую карьеру и приобрел некоторую известность. Выступал с речами. Писал кое-какие литературные труды. Все это очень по-римски, так вели себя многие люди его круга. Выступил с несколькими речами на судах и был замечен. Не более того.

Цицерон его принял и ужаснулся. Он обнаружил, что этот милый молодой человек, за которого просил его лучший друг, – злостный тайный ростовщик. Он под псевдонимом давал деньги в рост, причем под 48 %! Цицерон возмутился, сказал, что с таким человеком не хочет иметь дела. Те, кто пытается идеализировать Брута, конечно, бывают смущены этим обстоятельством и пытаются даже оправдать его дурной наследственностью со стороны матери, которая, как известно, всегда была корыстна.

А Цицерон и Брут тем не менее позже станут друзьями и политическими соратниками. Жизнь неоднозначна, и в черно-белые цвета ее не покрасишь.

Семейная жизнь Брута была вполне по-римски достойной. С первой женой, Клавдией, он прожил недолго и быстро развелся с нею. А затем женился на дочери того самого дядюшки, идеального римлянина Катона, который погиб в 46 году до н. э. в Утике, осажденной войсками Цезаря. Свою вторую жену, по

имени Порция, Брут любил всю жизнь. Между ними были нежные и в этом смысле уже не римские отношения.

Брут жил в страшном мире гражданских войн: горы трупов, безжалостная расправа с врагами. Как будто многомного Варфоломеевских ночей подряд.

Незадолго до этого Сулла сделал великое кровавое открытие – проскрипции. Объявлялись списки врагов, убивать которых считалось хорошим и полезным делом. Причем надо было еще и принести голову убитого, в прямом, физическом смысле слова. Это страшно.

Поощрялись доносы. За них платили. Доносительство не только не унижало человека, но, напротив, возвышало его.

Итак, идет гражданская война. Теперь между Помпеем и Цезарем – двумя оставшимися триумвирами (Красс погиб в военном походе на Востоке). На устах обоих противников – Родина, Рим, республика, порядок, благо граждан.

Помпей считается сторонником возрождения аристократической республики, он за то, чтобы вся реальная власть была у Сената. Он даже в какой-то мере готов был на это пойти. Цезарь представляет себя ставленником народа (конечно, в римском смысле этого слова). И народ его любит. Даже люмпены на его стороне.

10 января 49 года до н. э. Цезарь переходит реку Рубикон и идет на Рим. Звучит его знаменитое «жребий брошен». Помпей бежит в Грецию, собирает войска.

В такой момент любой человек, желающий в дальнейшем быть кем-то в Риме, в его политической инфраструктуре, должен сделать выбор. Позже его обязательно спросят, с кем он был. Предстоит такой выбор и молодому Бруту.

И он делает в каком-то смысле удивительный выбор.

Он становится на сторону Помпея, считающегося убийцей его отца. С самим собой он договорился очень легко – убедил себя, что для настоящего римлянина Родина превыше всего, даже памяти отца. А во имя Родины надо поддержать Помпея, который ратует за традиционную аристократическую республику.

Но в военном отношении ставка, сделанная Брутом, оказалась неправильной. Помпей не был талантливым полководцем. Хотя у него случались победы, но над кем? Его удел – разделаться с пиратами в западной части Средиземного моря. Но как военный стратег и тактик, командуя боем и выбирая позицию, он уступал Цезарю. Это проявилось 6 июня 48 года до н. э. в знаменитой битве при Фарсале, в Греции, где победил именно военный гений Цезаря.

Помпей бежал на остров Лесбос, потом в Египет и там был

убит по распоряжению юного египетского царя Птолемея, считавшегося до этого его другом. Такова гражданская война! Сегодня друг – завтра убийца. Сегодня заклятый враг – завтра друг.

По преданию, Цезарь сказал о Бруте: «Этого не убивать». Видимо, любил Сервилию. Ведь она уже однажды спасла жизнь своего сына, попросив Цезаря его защитить.

К тому же Цезарь был убежден, что мужчина, воин, римлянин может принимать самостоятельное решение. И порой прощал врагов. Он был в этом оригинален. Другие просто рубили головы всем, кто сражался против них.

В общем, Цезарь обнял Брута и сказал: теперь будем вместе! И Брут согласился, пообещал служить Цезарю.

Победивший Цезарь стал реальным правителем Рима и назвался, как и Сулла, диктатором. Без ограничения срока пребывания на должности. А по законам Древнего Рима срок должен быть установлен. Ведь диктатор назначался, избирался Сенатом в связи с какой-то опасностью. Когда Цезарь превратился в бессрочного диктатора, это встревожило его былых сторонников, защитников истинной республики. Они поняли, что дело идет к монархической власти.

До гибели Цезаря оставалось четыре года, до утверждения в Риме единоличной власти – около двадцати лет. В 27 году до н. э. установится единоличная власть Октавиана, который потом получит прозвище Август. Принципат – это такая стыдливая монархия, монархия в республиканских одеждах.

А пока противники установления единоличной власти (а их было еще очень много) вдруг увидели в лице Брута, прощенного и обласканного Цезарем, попавшего в его ближайшее окружение, потенциальную силу, знамя для свержения диктатора.

Можно сказать, к нему взывали – убей Цезаря! Убей Цезаря!

Почему? Брут оказался в плену собственного имени.

В далеком и легендарном VI веке до н. э. в Древнем Риме был некий Брут, который изгнал последнего римского царя по прозвищу Тарквиний Гордый.

Причем служил этот Брут трибуном целеров, то есть состоял в личной охране царя, командовал его гвардией. Предал. Изгнал.

Древний Брут патриархальных времен – римский идеал, весьма своеобразный. Его сыновья были замешаны в каком-то заговоре – он приказал их казнить и лично присутствовал при казни. Чудовище, а не идеал! Но такова римская психология.

Эжен Делакруа. Данте и Вергилий в Аду. 1822 г.

Придя к власти, Цезарь вел политику милосердия к врагам. Он не казнил былых противников, не мешал им даже делать карьеру. И в этом смысле он был уникален. Что его и сгубило.

Враги его говорили: надо убить Цезаря, чтобы снова древний Сенат решал все. Пусть все будет как вчера. Это называется социальный идеал, обращенный в прошлое. Он недостижим. Но крови всегда проливается очень много, прежде чем люди поймут, что воплотить это уже невозможно.

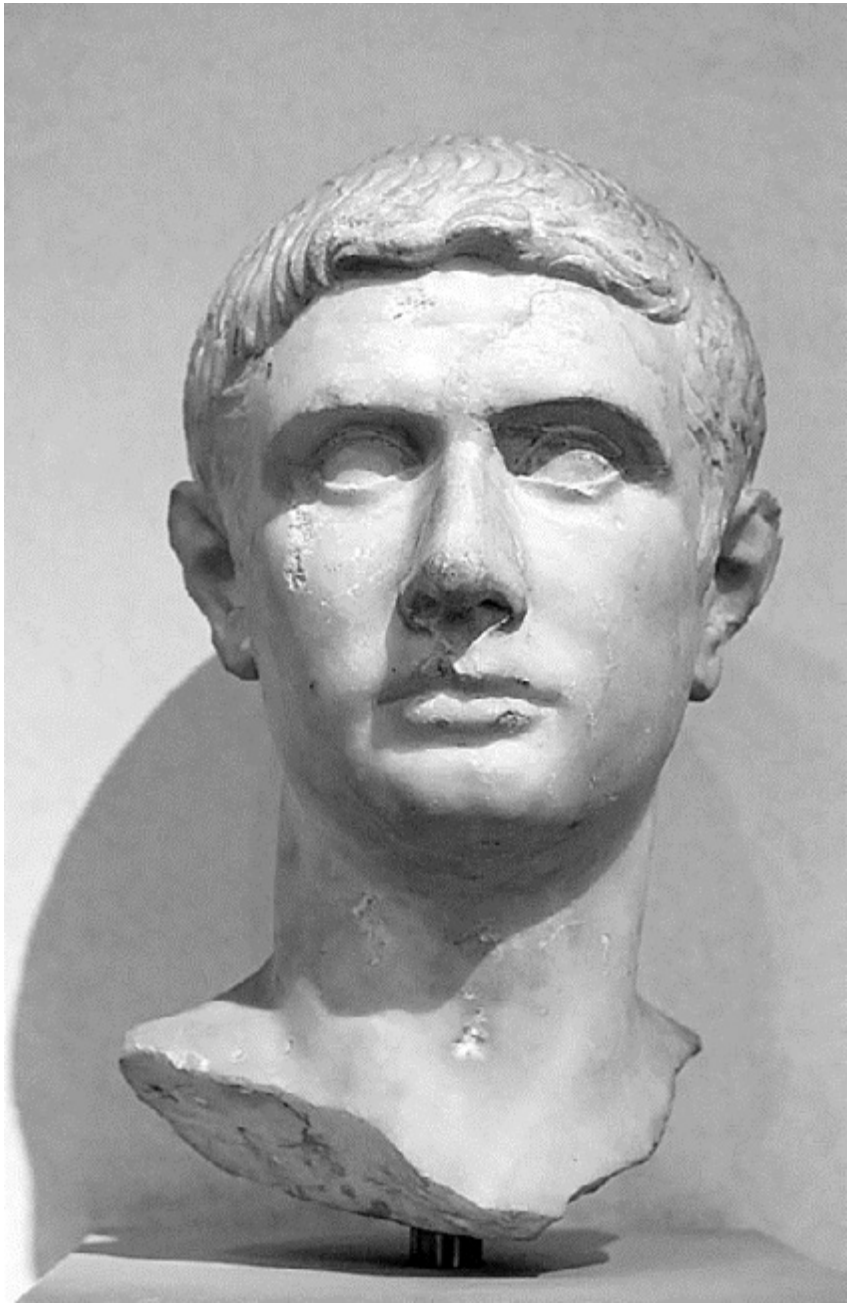
Брут получал анонимные письма, в которых его убеждали: ты Брут, значит, ты должен, обязан уничтожить Цезаря. Его спрашивали: ты хочешь, чтобы твое изображение 1430-е—1460-е гг. было покрыто черным платком? Имелись в виду изображения предков, стоявшие в римских домах. Черным платком покрывали фигуры тех, кто совершил дурные деяния. А римлянин очень заботился о том, каким он останется в памяти будущих поколений.

Пламенный республиканец Цицерон вел переписку с Брутом, в которой много говорил о том, как это было бы прекрасно. Не хотел ли великий оратор сам возглавить новое государство?

За республику выступал и сблизившийся с Брутом Кассий Лонгин – яркая личность, талантливый полководец, философ.

На Брута постоянно оказывалось давление. И он оказался

постепенно втянут в заговор.



Мраморный бюст Брута.
30–15 гг. до н. э.

Цезарь не мог не знать о заговоре. Но он был фаталистом: чему быть – того не миновать.

Несмотря на многочисленные предупреждения и даже предзнаменования, он отправился в Сенат в роковой день 15 марта 44 года. Там, у статуи его былого соперника Помпея, на него набросились заговорщики. У них была идея – пусть каждый нанесет удар, чтобы не было единоличного убийцы Цезаря.

Паоло ди Джованни. Убийство Юлия Цезаря. Фрагмент

Они кололи и резали его кинжалами; он сначала пытался уворачиваться от ударов, даже отражать их с помощью

заостренной палочки для письма… У него не было охраны. Он этого не хотел. Сохранял образ человека, близкого к народу. Наверное, у него нашлись бы защитники, но все произошло слишком быстро. Соратника Цезаря Марка Антония, который обязательно бросился бы в драку, специально отвлекли.

По легенде, когда Цезарь увидел лицо Брута, он сказал: «И ты, Брут!», закрыл голову краем одежды и перестал сопротивляться. Красиво! Было или не было, мы никогда не узнаем, но в этой формулировке люди отразили свое отношение к самому подлому и низкому предательству.

И вот диктатор мертв. Брут и его ближайший соратник по заговору Кассий победили. Есть версия, что Брут, приподняв окровавленное оружие, меч или кинжал, прокричал одно слово: «Цицерон!» Это могло означать: это ради тебя, великий республиканец!

Действительно, Цицерон сначала был в восторге. Он думал, что начнется стремительная деятельность по возрождению республики. А Брут и Кассий медлили, теряли время. Народ не выразил никакой радости по поводу убийства Цезаря, тем более что Марк Антоний немедленно добился оглашения завещания. Цезарь завещал каждому гражданину Рима существенную сумму – 300 сестерциев. Подарил городу свои великолепные сады, приказав сделать их общественными. Люди вздрогнули. Зачем было такого убивать? И чем будет лучше тот, кто придет ему на смену?

Под флагом борьбы за славу Цезаря, за отмщение, за память выдвинулся Марк Антоний. Он организовал пышные похороны. Как ни удивительно, тогда, до нашей эры, действовало то же правило, что и в новейшее время: смотри, кто возглавляет похороны, – догадаешься, кого прочат в новые начальники. Брут и Кассий оказались без опоры, без почвы под ногами.

Уже 12 апреля 44 года до н. э. они покинули Рим и отправились в Грецию. Греки устроили им торжественную встречу. И бывшие заговорщики на минуту, наверное, встрепенулись. Все будет замечательно! Возродим республиканский Рим, войдем в Историю героями!

Самоубийство Брута.
Иллюстрация. XIX в.

Не получилось. Войско, правда, собрали быстро. Под их властью оказались Греция, Македония, Адриатическое побережье. Цицерон посылал воспламеняющие письма, в которых призывал к действию! Но в декабре 43 года до н. э. он был убит по приказу Марка Антония.

Наконец, 3 октября 42 года до н. э. состоялось решающее сражение при Филиппах между войсками Антония с одной стороны и Брута и Кассия – с другой. Силы были относительно равны. Но победил Антоний.

Оказавшись проигравшими, Брут и Кассий превратились из героев в простых убийц. И они оба покончили с собой. Брут бросился на меч, который приказал держать рабу.

Так он оказался в Дантовом Аду – дважды спасенный Цезарем, больше других им обласканный – и принявший участие в его убийстве. В «Божественной комедии» мы видим его в девятом, самом страшном кругу:

«Вот Брут, свисающий из черной пасти.
Он корчится и губ не разомкнет».

Это пасть Люцифера, рядом с Иудой. Грустная судьба!

Император Клавдии. Нетипичный римлянин

Секрет сложного отношения историков к императору Клавдию состоит в том, что это совершенно нетипичный римлянин. Он не воплощал в себе набора римских доблестей классической эпохи – I века н. э. Прежде всего мужчина – это воин, готовый с радостью, с улыбкой, с гордостью отдать жизнь за родину, беспощадный к врагам, уважающий память предков и т. п. Эту совокупность добродетелей римляне называли непереводимым на русский язык словом «virtus».

У Клавдия же не было стремления к воинским доблестям. Даже внешность его совершенно не подходила для героического римского воина. А любимое занятие – писать историю. Как это странно для человека, оказавшегося на вершине римской власти!

Клавдий прожил 64 года, достаточно долго для той эпохи. Из них он 13 лет правил Римом.

Это была эпоха принципата – системы правления, которую в 27 году до н. э. создал в стихийном социальном творчестве великий предок Клавдия Октавиан Август, божественный Октавиан. Порядок, который можно назвать «застенчивой империей». По сути это уже монархия, власть одного человека. Но она стыдливо декорирует себя республиканскими одеждами. Есть Сенат, есть народные собрания, есть будто бы независимые суды, и считается, что они что-то решают, но в действительности это не совсем так.

Былые республиканские институты подавлены центральной властью.

И в Сенате принцепс – только первый в списке, «первый среди равных», он первым высказывает свою точку зрения, а затем уже остальные, причем говорят они, зная, что их может ждать. Поэтому они просто повторяют мнение принцепса.

Рождающаяся империя достигнет расцвета при Антонинах во II веке н. э. А в эти годы складывается множество нелепых ситуаций, когда кто-то неожиданно, случайно оказывается у власти. Это связано с тем, что система еще несформировалась, нет четких механизмов наследования, нет бюрократического аппарата, считается, что в Риме вовсе не монархия.

«Золотой век Римской империи» еще не настал. И Клавдия мы видим в истории в чудовищном окружении – между Тиберием, Калигулой и Нероном.

Будущий император родился 1 августа 10 года до н. э.

в Лионе, на территории нынешней Франции. Тогда там располагалась римская провинция Галлия, не так давно завоеванная великим Гаем Юлием Цезарем, но уже сильно романизованная.

Отец – известный в Риме человек, полководец Друз-старший, родной брат императора Тиберия, пасынок Октавиана Августа. Самого божественного Августа! Август женился на его матери, а она через три месяца родила. Был сочинен стишок (некоторое вольнодумство в Риме существовало) с такой строкой: «Везучие родят на третьем месяце». Ходили слухи, что это, может быть, и не пасынок, а зачатый вне брака родной сын Августа.

Популярность Друза была основана на том, что он успешно воевал с германцами. Считался сторонником восстановления республики. А это все еще нравилось народу. Пусть он ничего не предпринимал, но славился независимостью мнений.

Друз умер через год после рождения Клавдия. Упал с коня, получил перелом бедра, от которого уже не оправился. Нелепая для воина смерть.

П. А. Сведомский.
Мессалина. 1900 г.

Мать Клавдия, Антония-младшая, дочь знаменитого Марка Антония, – добродетельная женщина. А в Риме тех лет добродетель была большой редкостью. Антония угодна императору Тиберию – долго находившемуся у власти жестокому

правителю. Однажды она спасла ему жизнь. Ей стало известно, что против Тиберия составлен заговор (типичнейшее явление для той эпохи), и она сейчас же донесла, предотвратив покушение. С тех пор и она, и ее дети были в безопасности.

У Клавдия было удивительно тоскливое детство. Он рос болезненным и заброшенным ребенком. Состояние мальчика очень тревожило его внучатого дядю, великого Августа. Вот что он писал: «Если он человек полноценный и у него все на месте, то почему бы ему не пройти ступень за ступенью тот же путь, который прошел его брат, великий Германик? Но, может быть, он поврежден и телом и душой?»

Как пишет историк Саллюстий, Клавдий проводил время в обществе женщин-прислужниц, рабов и вольноотпущенников. Почему он оказался в таком положении? Прежде всего потому, что у него был блестящий брат. Вот его горе! Рядом с Клавдием его антипод Германик, старший брат, наделенный всеми доблестями. Его боготворили в Риме – и твердо надеялись, что он со временем сменит Тиберия. Мысли о том, что императором когда-нибудь может стать Клавдий, даже не возникало.

Мать странно относилась к своему младшему, болезненному сыну. О человеке, который оказывался круглым дураком, она могла сказать: «Он даже глупее моего Клавдия». Он был для нее воплощением тупоумия. Известно еще одно ее изречение: «Природа начала над ним работать, но не закончила». Каково приходится такому ребенку?

И вдруг в 19 году до н. э. Германик неожиданно умирает, находясь в одной из дальних восточных провинций. Тогда все считали (хотя степень надежности этой информации под вопросом), что он скончался от отравления. Предполагалось, что отравил его наместник в Сирии, и уж совсем тихо шептали, что не без ведома императора Тиберия, который не хотел иметь такого очевидного, готового, любимого народом преемника.

У Германика остался сын, и тень популярности отца привела его к власти. Это был ужасный человек, который вошел в историю с прозвищем Калигула. Звали его Гай Цезарь. Калигула в переводе – «сапожок». Будучи сыном воина, он вырос в военных лагерях и походах. И носил сшитую для него детскую форму, напоминавшую одежду легионера, в том числе и особые сапожки.

Маленький ребенок в походах! Это было так трогательно! Кто же знал, что из него получится чудовище!

Клавдий же предпочитал держаться в тени. Сидит себе в тиши, в уголке, как правило в каких-то дальних поместьях, и пишет, пишет, пишет.

Несмотря на отношение матери, он получил потрясающее

образование. Великолепно знал языки. Владел литературным стилем. Он начал писать римскую историю по-латыни по совету великого ученого Тита Ливия. Затем он написал историю этрусков и Карфагена на греческом языке, возможно, владел он и этрусским языком.

Правда, нельзя сказать, что он совсем не стремился к тому, чтобы получить какие-либо должности, и вести себя как должно римлянину. Он обратился в поиске должностей к Тиберию и получил отказ.

В 37 году до н. э. Тиберий умер. Смерть его была ужасна. В Риме шептались по углам, обсуждая жуткие подробности. Тиберия, совершившего массу жестокостей, боялись до безумия. И вот, казалось, наступила агония.

Но через некоторое время Тиберий очнулся. Тогда окружавшие его люди задушили его подушками.

Клавдию было тогда 47 лет. В Риме о нем окончательно забыли. Да и сам он даже мысли не допускал о том, чтобы оказаться у власти, хотя он и был, наряду с Калигулой, законным наследником императора.

Он попытался вернуться в политику. Ему, немолодому уже человеку, позволяли участвовать в какой-нибудь процессии. На некоторых торжествах вдруг выкрикивали: «Да здравствует дядя императора!» – но тут же о нем забывали.

Любопытно вот что: Калигула, опасаясь конкуренции, истребил массу своих родственников. Даже дальних. А вот Клавдия не тронул. Этот человек считался настолько непригодным к власти, что не представлял никакой опасности.

Он оставался в своем дальнем углу. Правда, ему присвоили консульское звание. Должность консула в то время – не более чем декорация. Империя сохранила звание консула, но власти у него не было.

Над Клавдием при Калигуле нередко насмехались. Приглашали на какой-нибудь пир таким образом, чтобы он опоздал. Когда он приходил, то места уже не было. Он долго бродил по залу, находил какое-нибудь убогое местечко, пристраивался. Причем он любил поесть, ел слишком много, что вредило его здоровью. А когда наедался, задремывал. Это все знали. Тогда шуты начинали стрелять в него финиковыми косточками и пытались надеть ему на руки сандалии. Когда Клавдий просыпался, у него была манера потереть лицо. Так вот надо было добиться, чтобы он потер лицо собственными сандалиями. Какой хохот поднимался вокруг!

Всем было смешно, что он такой. Он интеллектуал, а интеллектуалы должны быть обслугой, как, допустим, учителя из

Греции, завоеванной Римом. А интеллектуал на троне – это вообразить трудно. Впереди в римской истории император-философ Марк Аврелий, но это случится еще нескоро.

Пока же такое трудно вообразить. Вот почему, когда Клавдий начал догадываться, что может стать императором, он увидел в этом лишь одно бесспорное преимущество: «Тогда я сумею добиться, чтобы читали мои сочинения».

Как же случилось, что столь неподходящий человек сделался римским императором? Это походило на трагикомедию.

Трагическая сторона событий – заговор против Калигулы. То, что он возник, вполне естественно, подобным злодеям не помешало бы знать, что рано или поздно это должно случиться. Успешный заговор и зверское убийство. Во время Палатинских игр Калигула убит офицером, которому когда-то нанес страшное оскорбление. Таких насчитывалось много, но не всякий был готов ударить принцепса мечом в затылок. И вот это случилось.

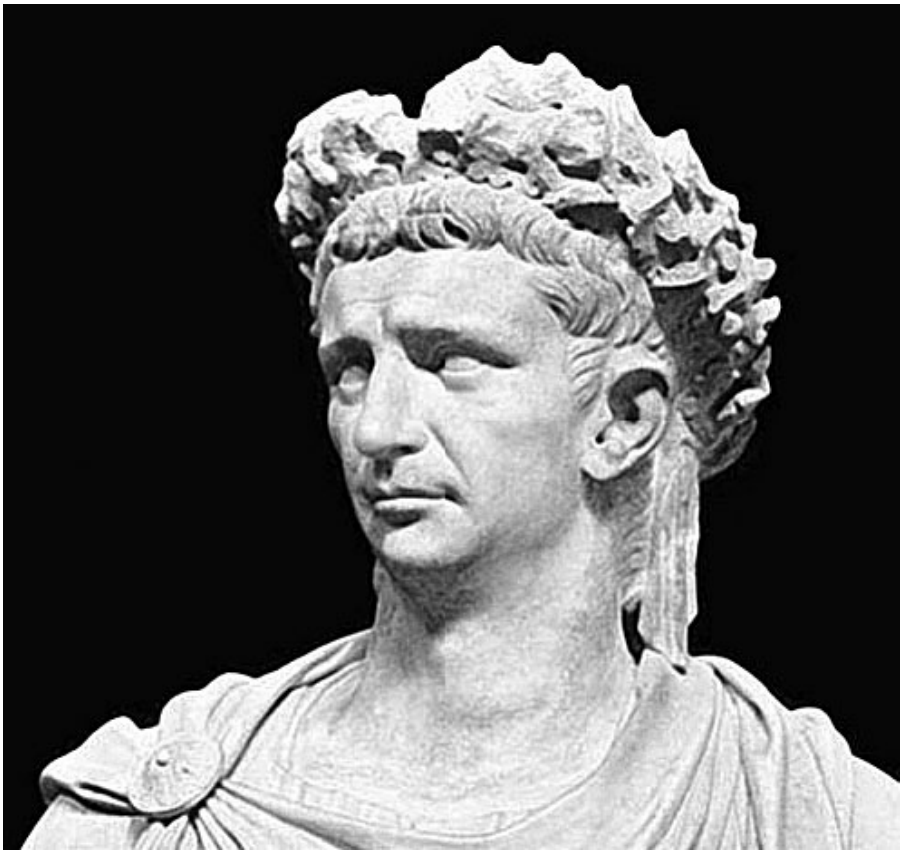
Смятение. В течение двух дней принцепса в Риме нет. Института наследования тоже нет. Все предыдущие правители приходили к власти по-разному. Август – в боях, в длительных гражданских войнах отстоял эту возможность. Тиберия он потом пригрел как пасынка. А строгого, юридического механизма передачи власти просто нет.

В отсутствие принцепса сейчас же поднимает голову республиканская партия, которая еще сильна. Большая часть сенаторов мечтает, чтобы возродилась республика, при которой они, сенаторы, были выше чьей-либо индивидуальной власти. Уже заходит разговор о восстановлении республики.

Но республиканцы не учли, что с 27 года до н. э. по 41 год н. э., почти за 70 лет, в жизни Рима произошли большие изменения. И в первую очередь изменилась роль военных, в чьих руках политические перевороты. Это преторианцы, гвардия, охраняющая первое лицо государства.

Преторианцы забеспокоились. Если не будет принцепса, кто тогда станет давать им деньги и привилегии? Они заметались. Надо кого-нибудь сделать императором. И один из представителей гвардии отыскал прятавшегося во дворце Клавдия. Дядя убитого императора, старый, безобидный человек, немощный, трусливый – да ведь это то, что надо!

Клавдий притаился то ли за портьерой, то ли под кроватью, то ли в ванной комнате. В любом случае картина была довольно занятная.



Клавдий.
I в. н. э.

Понятно, куда он не посмел бы пойти – в конюшню. Ведь там стоял любимый конь Калигулы, которого тот обещал сделать сенатором. Вот до какого состояния доведена была высшая власть в Риме! Калигула прямо заявлял: «Я сделаю его сенатором! Мой конь умней многих из вас!»

Когда гвардейцы схватили Клавдия, он пал ниц и стал молить, чтобы его отпустили. Он был уверен, что его хотят убить. Тем более что было известно: вместе с Калигулой убиты жена и маленькая дочь. Наверное, дошла очередь и до дяди…

Ничего не объясняя, его сажают на носилки. Преторианцы, сменяя друг друга (вспомним, как Клавдий любил поесть, можно вообразить, насколько он был тучен), тащат его куда-то.

Но Клавдий был не только труслив, но и очень умен. Сообразив, как все может повернуться, он сказал: «Раз так! Я обещаю каждому из вас, если стану императором, по 15 тысяч сестерциев». Ох, как им это понравилось!

Он свое слово сдержал. Они получили обещанные деньги. Так

родилась новая, на много десятков лет традиция – преторианцы стали торговцами. Они станут устраивать самые настоящие аукционы: кто больше даст – тот и будет императором.

Так в 41 году н. э. Клавдий оказался на престоле. К власти пришел очень неожиданный человек.

А правителем он оказался толковым. Римские авторы пишут об этом с искренним удивлением. Обычно они не обращают внимания на то, что он был эрудит, знаток языков и истории. Написание карфагенской истории требовало глубокого понимания природы возвышения этого северо-африканского государства, которое чуть не подавило Рим в III–II вв. до н. э., понимания системы управления, а он сделал это! Осмысление законов истории не могло не повлиять на его правление.

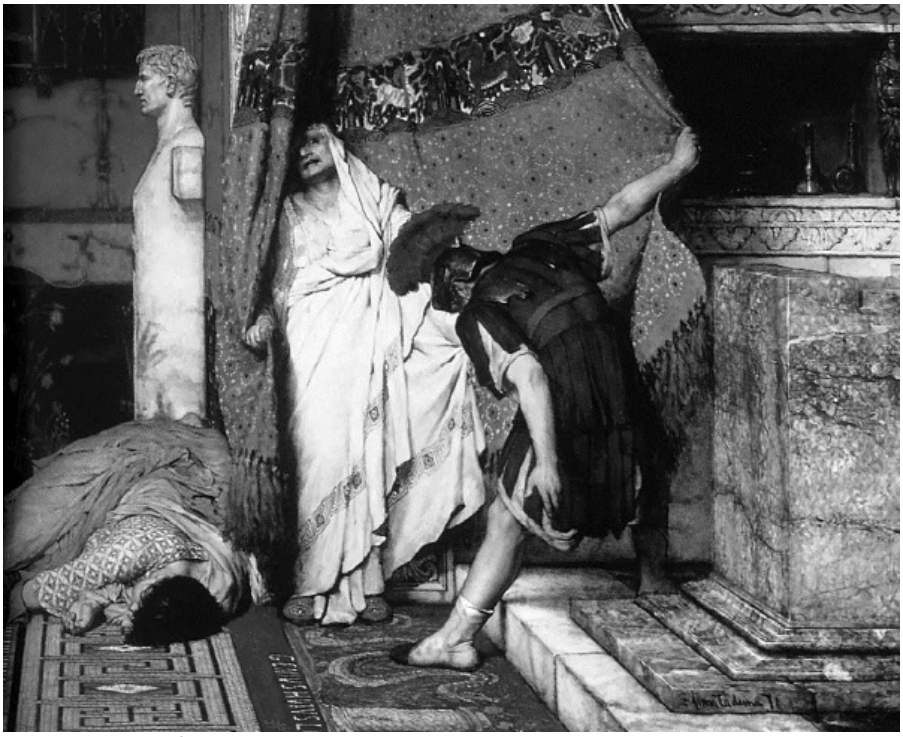
Первый его шаг – шаг умного человека. Он объявил амнистию всем тем, кого осудил и преследовал Калигула. И сразу завоевал симпатию народа и преданность элиты, которая при Калигуле всегда была в опасности.

Затем Клавдий принял ряд финансовых мер в сфере налогообложения и управления недвижимостью. Он ограничил произвол в судах, который был наиболее мучителен для римского общества при системе принципата.

Следующий шаг был очень важен. Он начал без шума, без какой-либо рекламы, не отменяя республиканских институтов, создавать бюрократический аппарат. В этом остро нуждалась рождающаяся империя. Организовал канцелярию императора, подразделения – прообразы будущих министерств.

Заметил Клавдий и еще один, самый больной и не обсуждавшийся в Риме открыто вопрос – рабский. И опять же без шума, без внешних эффектов, решился на первую пробную меру в отношении рабов.

Дело в том, что классическое рабство к тому времени безнадежно устарело. Система, при которой раб приравнен к инструменту (Instrumentum vocalis – «орудие говорящее», по словам Варрона), была уже не жизнеспособна.



Лоуренс Альма-Тадема.
Грат провозглашает Клавдия императором.
Фрагмент картины. Холст, масло, ок. 1871 г.

Клавдий издал приказ, согласно которому рабы, состарившиеся или серьезно больные, не находящиеся под опекой хозяев, которых выбросили, как ненужный материал, становятся свободными. Выясняется, что граница между свободным и рабом, которая для классической эпохи была непреодолима – это существа разной породы, – может быть проницаема. Нарушен величайший принцип классического рабства.

Среди прочих деяний Клавдия самое неожиданное то, что он возглавил военный поход в Британию. Это вполне объяснимо. Ему хотелось остаться в истории. И ему даже удалось завоевать часть Британии.

Клавдий, лично участвовавший в походе, получил имя Британик. И своего сына назвал Британик. Это имя должно было затмить тень брата, Германика, которая прежде затмевала его.

Римляне больше всего восхваляли Клавдия за строительство. Например, постройку водопровода или знаменитое осушение Фуцинского озера в Средней Италии. В связи с этим событием Клавдий, как классический римлянин, приказал устроить сражение гладиаторов на воде.

Он расширял римское гражданство. И это у многих вызывало

страшное недовольство. Фактически все свободные жители Галлии получили статус римских граждан, а два галла были возведены в сенаторский статус. Поистине дерзкий шаг.

В общем, это был старательный, добросовестный, правитель-бюрократ, не абсолютный злодей, хотя жил он в окружении страшнейших злодеев.

Что же сгубило императора Клавдия?

У него было три страсти. Он любил писать книги – раз, хорошо поесть – два и красивых женщин – три. За всю его жизнь у него было четыре жены.

С первыми двумя он развелся по разным причинам. В Риме развод был легким. Эта еще очень ранняя цивилизация многого достигла благодаря рабскому труду; немало у нее и интеллектуальных достижений, но Рим как община в чем-то напоминает компанию довольно жестоких подростков. Достаточно сказать, что у них все еще жил обычай сбрасывать со скалы неполноценных детей. Клавдию повезло: наверное, он заболел потом, а не родился убогим. Со скалы сброшен не был. Когда пришла весть о гибели Германика в Сирии, в Риме был такой взрыв отчаяния, что некоторые люди посбрасывали со скалы больше младенцев, чем собирались, просто в знак скорби.

Так вот на этой стадии цивилизации развод еще очень прост. Особенно для имеющих власть. Хочу развестись – разведусь.

Третья жена Клавдия – знаменитая Валерия Мессалина.

Ее имя стало нарицательным. Она была безмерно красива, и он был безумно ею увлечен. Женщина эта отличалась феноменальной развратностью. Ее поведение, видимо, выходило даже за не слишком строгие рамки морали, принятые в среде римской знати. Но что-либо сказать ему о ней все боялись. Стоило ей улыбнуться и нежно с ним поговорить, как он все ей прощал. А его гнев мог очень дорого обойтись тому, кто проговорится.

Мессалина толкала его на многие неблаговидные поступки. От природы он не был жесток, но под влиянием жены издавал бессмысленные приказы о казнях или просто не возражал против казни того, кто ей был неугоден, чье имущество оказывалось соблазнительным для конфискации. Принципат, начиная с Октавиана Августа, использует конфискацию как мощный рычаг пополнения казны. Расправа с неугодными богатейшими людьми – метод, который постоянно применяет власть. Клавдий сам по себе к этому не стремился, но известно, что Мессалина не раз толкала его на такие шаги.

Но однажды она превзошла всякую меру. По выражению римских авторов, она воспылала страстью к самому красивому в

Риме юноше Гаю Силию. Добилась его развода с женой, осыпала его подарками и, можно сказать, преследовала своей страстью. Парочка решилась на безумный поступок: воспользовавшись непродолжительным отъездом Клавдия для жертвоприношений, они затеяли свадьбу в императорском дворце. Супруга императора решила выйти замуж за Гая Силия!

Демонстрационный разврат на грани безумия характерен для таких переходных эпох, как та, которую переживал Древний Рим.

Итак, было пиршество, «молодые» провели ночь в императорской спальне.

Золотой ауреус с изображениями Клавдия и Агриппины. I в. н. э.

Когда Клавдий возвратился, Мессалина, видимо, спохватившись, решила сама ему во всем признаться и подать то, что произошло, как шутку. Ближайшее окружение, ненавидевшее Мессалину, опасалось, что Клавдий опять ее простит. А казнить, не дай бог, прикажет тех, кто донес. И все-таки нашелся решительный человек – знаменитый вольноотпущенник Нарцисс. Он решился убить Мессалину.

Прямого указания от Клавдия он не имел. Но император, до которого какая-то информация, конечно, дошла, как истинный мудрец, сделал вид, что ничего не знает или не понимает.

Мессалине не дали встретиться с Клавдием и не позволили его уговорить. Нарцисс просто убил ее.

Надо сказать, что немедленно начался торг: на ком бы Клавдию теперь жениться. Приближенные предложили ему несколько вариантов. Среди прочих была его родная племянница, Агриппина-младшая.

Это страшная фигура. Мать Нерона, этим уже многое сказано. У нее есть любимый сын, и она заботится исключительно о его

судьбе. Известно, что какой-то предсказатель предрек ей: если она родит сына, ему предстоит убить свою мать. Она сказала: «Пусть убьет, лишь бы царствовал!» Вот такая женщина.

Она была намного моложе Клавдия, очень привлекательна и владела искусством обольщения.

Римский закон запрещал брак между дядей и племянницей. Но специально для императора закон изменили. Брак был разрешен и состоялся.

Так Клавдий подписал себе смертный приговор.

Агриппина боялась, что власть не достанется ее сыну Нерону, потому что у Клавдия был свой сын – Британик. Она добилась согласия, что править будет Нерон, что именно ему император завещает власть. Но все-таки она хотела «подстраховаться». И просто отправила Клавдия на тот свет. В этом ни у кого из историков нет сомнений.

Агриппина обратилась к знаменитой отравительнице Локусте. По ее совету приготовила собственными руками, чтобы растрогать любимого мужа, изысканное блюдо из грибов.

Клавдию стало плохо, но он не сразу умер. Был приглашен медик, и Агриппина позаботилась, чтобы тот помог ему умереть. Когда Клавдию становилось лучше, врач вводил ему в горло с помощью перышка с отравленным снадобьем дополнительный яд.

В итоге император скончался, пробыв на престоле 13 лет. Ему принадлежит важная роль в становлении Римской империи. Он внес свой вклад в строительство новой формы государства, которая пришла на смену обветшалой республике. Это было направлено на благо римского государства и действительно позволило продлить дни, даже столетия этой по-настоящему великой Цивилизации.

Император Марк Аврелий. Предчувствие христианства

Марк Аврелий – последний яркий представитель династии Антонинов, династии римского «золотого века», который продолжался с 96 по 192 год. За эти неполные сто лет Римом правили Нерва, Траян, Адриан, Антонин Пий (его приемным сыном был Марк Аврелий), сам Марк Аврелий и трагически завершивший «золотой век» сын Марка, Аврелий Коммод.

Почему тот век назвали золотым? Правители той эпохи, все кроме Коммода, претендовали на некое сочетание монархии и свободы. Они рассматривали свое правление, вообще императорскую власть не как тиранию, а как служение. Не всегда, не во всем, не идеально следовали они этому принципу, но сама идея в сознании власти – это уже немало!

К тому же время Антонинов пришло на смену страшному периоду конца гражданских войн. Рим сотрясло множество заговоров. Да и впереди были тяжелейшие испытания, связанные с уходом с исторической арены великой римской цивилизации.

Одна из особенностей Антонинов состояла в том, что они сохранили республиканские институты, в частности Сенат. В отличие от ранних Цезарей, они не воевали с Сенатом, а старались примириться, добиться того, чтобы монархия опиралась на аристократию.

Очень разумный ход, не вполне успешный, но давший некоторые результаты.

Марк Аврелий жил со 121 по 180 год н. э. Как ни парадоксально, будучи римским императором, он прославился не столько деяниями, сколько своим дневником, который был найден после его смерти.

Об этом дневнике, написанном по-древнегречески, при жизни автора практически никто не знал. По-русски его условно называют «Наедине с собой» или «К самому себе».

Да, видимо, он писал для себя; нет никаких оснований предполагать, что он хотел сделать дневник достоянием общественности. Перед смертью (а по воспоминаниям его окружения, он чувствовал приближение последнего часа) Марк Аврелий вполне мог сделать распоряжение о том, чтобы его записи передали кому-то. Но он такого решения не принял. Это был все-таки именно разговор с самим собой.

Дневник Марка Аврелия настолько поразителен, что он оказывается ярче его реальной жизни. Потому и биографы

сбиваются порой на его пересказ, как, например, известный французский политик Франсуа Фонтен (его книга «Марк Аврелий» вышла в серии ЖЗЛ).

Когда читаешь дневник, становится ясно, что Марк Аврелий жил особой, потайной внутренней жизнью. Не поразительно ли, что он, язычник, постоянно повторяет: «Бог, думай о Боге»? Кого он имеет в виду?

Как явствует из текста, его Бог – не что иное, как человеческая совесть.

Когда Римом правил Марк Аврелий, христианство уже существовало, но ему было еще очень далеко до положения господствующей религии. Просто некая истина открылась этому необычному императору. Как он к этому пришел?

Родители Марка Аврелия поселились в Риме как раз перед его рождением. Отец его, вероятно, происходил из римской провинции Испания. Земли он мог получить после второй Пунической войны, как участник победы над Карфагеном.

Отец, Анний Вер, очень знатный человек, был претором, выше этой должности была только должность консула. Вер по-латыни— «истинный, верный, добропорядочный». О юном Марке Аврелии однажды было сказано так: «Если он из Веров, то лично он Вериссимус». То есть «наивернейший, наисправедливейший».

Мальчику было три года, когда умер отец, не доживший и до тридцати лет. Никаких личных воспоминаний не сохранилось – только рассказы.

Порой ему казалось, что он видит отца, трагически погибшего, коварно убитого. Отзвуки заговоров времен гражданских войн сохранялись и в это относительно стабильное время.

Мать Марка Аврелия – Домиция Луцилла, «простая и строгая нравом», как говорят источники. Для Рима это было особенно важно: очень уж типичны стали фигуры развратных матрон. Впрочем, и Луциллу не следует идеализировать. Состояние ее семьи – это, скорее всего, результат доносов, репрессий, конфискаций времен гражданских войн. Никакой безупречности, абсолютной чистоты здесь не было.

У Марка Аврелия был сводный (а может быть, и названый) брат Луций Вер. А важнейшая фигура в семье – дед, Анний Вер. Он дважды становился консулом, то есть занимал высшую должность, при императоре Адриане.

Именно дед позаботился о том, чтобы мальчик получил совершенно блестящее образование. «Деду Веру, – пишет

Марк Аврелий в дневнике, – я обязан сердечностью и незлобивостью. Славе родителя и оставленной им по себе

памятью – скромностью и мужественностью. Матери – благочестием, щедростью и воздержанием не только от дурных дел, но и от дурных помыслов, а также и простым образом жизни, далеким от всякого роскошества. Прадеду – тем, что не посещал публичных школ, пользовался услугами прекрасных учителей на дому и понял, что на это не следует щадить средств». Интереснейший самоанализ, проведенный за много веков до появления такой науки, как генетика!

Обратим внимание: две строчки посвящены отцу, две – матери, чуть подробнее сказано о деде и прадеде. Но больше всего Марк Аврелий говорит о своем воспитателе. Воспитателю он обязан «тем, что не интересовался исходом борьбы между «зелеными» и «голубыми» (между гладиаторами фракийского и галльского вооружения), что выносливв трудах», а также тем, что довольствуется малым, не поручает своего дела другому, не берется за множество дел и невосприимчив к клевете. Этими словами подтверждена великая роль учителя и учительства.

Имена учителей известны. Фронтон занимался с будущим императором латинской риторикой. Учитель и ученик переписывались потом более двадцати лет. Квинт Юний Рустик – философией. Эти уроки сильнее всего повлияли на увлеченного ученика: Марк Аврелий полюбил философию в 12 лет – и на всю жизнь. С этого возраста он предпочитал спать на голых досках, укрывшись шкурой: приучал себя к лишениям. Мать даже беспокоилась о его здоровье.

Правда, это было беспокойство, так сказать, «издали». Непосредственным воспитанием сына она почти не занималась.

Марк Аврелий прекрасно знал античную классическую литературу, древнегреческий язык. Интересно, что его влекла именно гуманитарная наука. Его современниками были великие ученые-естествоиспытатели Птолемей и Гален, но он их будто не заметил. А ведь он мог привлечь их ко двору! Марк Аврелий был человеком своей эпохи – времени заката римской цивилизации, которая недооценивала сферу производства и естественных наук. Врачи, астрономы привлекут внимание влиятельных особ уже в эпоху Возрождения.

Марку было восемь лет, когда его заметил император Адриан. Заметил – и полюбил этого «тихого печального ребенка», по выражению Д.С. Мережковского. Но не Адриан, а его преемник усыновил мальчика.

Адриан 25 февраля 138 года усыновил Антонина – будущего императора Антония Пия. А Антоний в том же году усыновил Луция Вера, сводного брата Марка, и самого Марка Анния Вера.

Предположительно именно Адриан потребовал, чтобы

Антонин сделал это одновременно, чтобы обеспечить преемственность достойных, порядочных людей. Такова была специфика римской императорской власти. По многим показателям это – монархия. Престол передается по наследству. Но вместе с тем, императоров тревожит мысль о том, что власть достанется случайному человеку. И поэтому они стараются выбрать, усыновив достойного преемника.

Семнадцатилетний Марк сделался наследником наследника, приемным сыном приемного сына императора. Он стал императором только через 23 года.

Это были, как ни удивительно, 23 года спокойного ожидания. В заговорах не участвовал, незаконным образом к власти не рвался, вообще не совершал никаких поползновений, направленных на то, чтобы приблизить этот счастливый миг.

Марк Аврелий.
II в.

В эти годы названый отец император Антонин отдал в жены своему приемному сыну Марку Аврелию дочь Фаустину-младшую. Из нее получилась типичная римская матрона той эпохи – развратная красавица. О ней ходят ужасные слухи. Говорили, что ее любовниками были и матросы, и гладиаторы… Впрочем, сегодня трудно сказать, что из этого достоверно, а что просто соответствует некоему мифу, представлению толпы о властях предержащих.

В любом случае для Марка Аврелия это было тяжелое

испытание. Он так ценил то, что его мать была благочестива! О жене же ему все, кто мог, рассказывали дурное. Тем не менее после ее смерти он молил Сенат о том, чтобы ей даровали обожествление как императрице. Несмотря ни на что, он отмечал ее заслуги, прежде всего в том, что она сопровождала его в ряде походов. За это он назвал ее «матерью лагерей», простив ей все грехи.

Антонин Пий, благочестивый, добропорядочный император, неожиданно скончался 7 марта 161 года. Он заблаговременно позаботился о подготовке наследника. У сорокалетнего Марка Аврелия к моменту восшествия на престол имелся определенный опыт государственной деятельности. Он уже был квестором – это высокий чин, предполагающий большую административную деятельность в системе римских должностей. Он три раза был консулом, то есть чиновником высокого ранга с немалыми полномочиями.

Несмотря на то что у императора было два наследника – Марк Аврелий и Луций Вер, передача власти произошла спокойно. Марк Аврелий первым подчеркнул, что их двое. Обретя власть, он остался самим собой, что так редко бывает в любую эпоху. Новый император немедленно пригласил Луция Вера – и в течение восьми лет, с 161 по 169 год, они были соправителями. Нет никаких данных о том, чтобы между ними была какая-либо борьба. Хотя в источниках многократно отмечается, что это были совершенно разные люди. Луций Вер не имел ни малейшей склонности к философии, предпочитал веселую, широкую жизнь, транжирил деньги, любил и умел воевать.

Сам же Марк Аврелий воевать не любил. Однако ему приходилось это делать. Он не мог не защищать римский мир и сам участвовал во многих походах.

Не раз в своих диалогах с совестью он добивался побед над сомнениями, тревогами. Дневниковые записи отражают его «предхристианское» мировоззрение.

«Никогда не следует отвечать злом на зло. Лучший способ оборониться – это не уподобиться обидчику». Он пишет даже о любви к врагам. «Помни, – говорит он сам себе, – даже ненавидящие тебя – по природе твои друзья».

Золотой ауреус Марка Аврелия

Он называл себя гражданином мира. Это совершенно не римская позиция. Настоящий римлянин – гражданин исключительно римского мира. Все остальное для него – варварская периферия. А у Марка Аврелия все иначе. Он заявляет: все мы люди. В его сознании уже укоренилась эта христианская мысль, хотя он и не считает себя христианином.

Более того, при нем не прекратились преследования христиан. Он и сам бывал на страшных представлениях, где христиан должны были пожирать дикие животные. При этом он не бывал поглощен зрелищем – сидел отрешенно, что-нибудь читал и конспектировал. Конечно, он оставался истинным римлянином. Но не исключено, что он внутренне боролся с соблазном принять новую религию.

Еще одна дневниковая запись: «Не живи так, точно тебе предстоит еще 10 тысяч лет жизни. Уже близок час. Пока живешь, пока есть возможность, старайся стать хорошим». А старался ли быть хорошим он сам?

В 171 году произошло знаменитое восстание на востоке во главе с наместником императора замечательным полководцем Овидием Кассием, героем войны с Парфией. Этот любимец Рима возглавил восстание с целью свержения Марка Аврелия и захвата власти, абсолютно в духе традиции.

Войска под предводительством Марка Аврелия выдвинулись на подавление бунта. Увидев приближение римских легионов, недавние сторонники убили Кассия. И все современники утверждают, что ко всем остальным Марк Аврелий отнесся очень милосердно, не в традициях былых страшных времен Суллы, Августа, Нерона, когда кровь лилась рекой. Предполагали даже, что, если бы Кассий остался жив, он не был бы наказан. В этой ситуации Марк Аврелий повел себя вполне по-христиански.

Однако тайным христианином он не был. Ему оказалась чужда идея обожествления кого-то одного, в этом ему виделся фетишизм и фанатизм. Просто у него было ощущение, что в душах римлян должно произойти некое важное переустройство.

В 169 году в походе против германцев умер своей смертью его соправитель Луций Вер. Единоличная власть – большой соблазн. Но Марк Аврелий проявлял неизменное уважение к Сенату.

Тем временем ситуация в римской политике существенно менялась. Была завоевана последняя провинция, Дакия, и она же была первой оставлена: у империи уже не хватало сил контролировать свою колоссальную территорию. От завоевательной политики они перешли к обороне.

Марк Аврелий стал заниматься укреплением границ, прежде всего в придунайских областях, на территории нынешней Германии, там, где происходила очевидная активизация периферии.

Обратил внимание император-философ и на болезненный рабский вопрос.

По классическим римским представлениям двуногие делятся на людей и instrumentum vocalis – говорящий инструмент. Лучшие умы уже понимали, что разделение на рабов и свободных таит в себе огромную опасность для Рима. Знаменитый философ Сенека писал, что некоторые сенаторы, горячие головы, предлагают ввести форму для рабов. Что может быть глупее? Страшно подумать, что будет, если рабы начнут считать господ. Самые умные догадались, как опасно то, что свободные превращаются в горстку, окруженную морем ненавидящих их рабов.

И Марк Аврелий вел политику медленного, осторожного ограничения прав свободных людей по отношению к рабам. Он принял закон о защите имущества рабов, мелкого, жалкого, но имущества. Поощрял отпуск раба на волю за особые заслуги, что, разумеется, нравилось далеко не всем. Стараясь таким образом защитить Рим, император объективно способствовал его будущему крушению.

Свой трон Марк Аврелий окружил философами. Главный среди них – Квинт Рустик, из числа его учителей. В Рим были вызваны Аттик, Фронтон, Клавдий Север.

В Афинах он учредил четыре кафедры, для каждого направления философии: академического, перипатетического, стоического и эпикурейского. Профессоров этих кафедр взял на государственное содержание.

Жозеф-Мари Виен. Марк Аврелий, раздающий хлеб народу. 1765 г.

Он вообще очень увлекался государственной благотворительностью, давал много денег на воспитание детей из бедных семей, ввел специального претора – крупного чиновника, занимавшегося социальной деятельностью. Кроме того, он боролся за контроль в судах, надеясь добиться от них большей справедливости. Всячески стремился сохранять мир с Сенатом.

Одной из трагедий эпохи была занесенная в Рим из военных походов так называемая Антонинова чума. Инфекция поселилась в Риме, и изгнать ее не удавалось. В традиционных обществах тяжелые болезни принято рассматривать как наказание. Ранние христиане были совершенно убеждены, что чума – наказание безбожному Риму за грехи.

Марк Аврелий в юности.
II в.

Марк Аврелий видел, что чума неискоренима. Его долг как римлянина был – сражаться. И он вел непрерывные войны на Дунае, получившие название маркоманских войн. Позже он бился и с другими германскими племенами: яцигами, квадами. В 176 году, как он сам пишет, он одержал победу над германцами и сарматами. Этот философ на троне не вел войн только 4 года из 18 лет своего правления! Наступила эпоха, когда миролюбие не

считалось достоинством.

Правда, Марка Аврелия отличала странноватая, с точки зрения современников, политика милосердия по отношению к врагам.

Самый страшный поступок Марк Аврелий совершил в 176 году, за четыре года до своей кончины. Он чувствовал приближение смерти, хотя и не был глубоким стариком. И он назначил соправителем, а значит, наследником своего сына Коммода. Сын, прекрасный внешне, атлет, подражающий герою римской мифологии Геркулесу, более 200 раз выходивший на арену как участник гладиаторских боев.

Несомненно, Марк Аврелий знал, что Коммоду не надо править, но, увы, никого не усыновил.

Умер Марк Аврелий в походе от чумы, не допуская к себе в палатку никого, даже Коммода, во избежание заразы. Это случилось на месте нынешней Вены.

А его наследник Коммод оказался чудовищем на троне.

Великий мыслитель Платон, которому так верил Марк Аврелий, писал: «Государства процветали бы, если бы философы были властителями или если бы властители были философами».

Марк Аврелий, философ и властитель, передав власть Коммоду, ускорил и без того неизбежную трагедию римской цивилизации.

Женщина-фараон Хатшепсут. «Первая среди благородных»

Фигура Хатшепсут, женщины-фараона, всегда привлекала внимание ученых. В последние годы она особенно интересует тех, кто занимается так называемой «гендерной историей», то есть смотрит на события прошлого с точки зрения половой принадлежности их участников. Конечно, исследователей не может не заинтересовать судьба женщины, прятавшейся под мужской маской.

Хатшепсут, жившая три с половиной тысячи лет назад, не уходит в небытие. Ей посвящена книга египтолога В.А. Большакова «Хатшепсут. Женщина-фараон», уделено внимание в известной «Истории Древнего Востока» Б.А. Тураева, в монографии французского ученого К. Жака «Египет великих фараонов», о ней статьи востоковедов Р.А. Орехова, С.В. Архиповой, Л.Л. Селивановой и многих других.

Правила Хатшепсут долго, вероятно около двадцати лет. Ее деятельность оценивается в литературе очень по-разному, порой совершенно противоположно. Для одних – и это весьма давнее представление – она узурпатор, женщина, захватившая власть, не подпускавшая к трону законного фараона – своего пасынка.

В последнее же время преобладает другая точка зрения. Утверждают, что Хатшепсут – умный правитель, миротворец, созидатель.

Исследователи называют и разные даты ее правления. Сходятся на том, что это вторая половина XV века до н. э., эпоха Нового царства. Хатшепсут принадлежала к самой знаменитой династии фараонов – восемнадцатой. Ее прадед Яхмос был выдающимся правителем: именно он объединил Египет и начал борьбу против завоевателей. Это произошло в период упадка Египта, когда в северо-восточной части дельты Нила осели гиксосы – таинственный народ, пришедший из Азии. Их столицей стал город Аварис. А центром сопротивления завоевателям стали Фивы. Яхмос I добился изгнания гиксосов. Их след затерялся в истории. А прадед Хатшепсут прославился как блестящий воин.

Рельеф из «Красного святилища» в Карнаке, изображающий Хатшепсут рядом с Тутмосом III

К той же восемнадцатой династии принадлежали Аменхотеп I, Тутмос I – отец Хатшепсут – и Тутмос II – ее муж. А продолжателем ее стал Тутмос III – величайший завоеватель. Кристиан Жак называет его Наполеоном древнеегипетской истории. За ним последовали Аменхотеп II, Аменхотеп III – отец знаменитого реформатора, еретика Эхнатона. Затем сам Аменхотеп IV, или Эхнатон, и Тутанхамон. На нем завершился расцвет Египта Нового царства. Потом был переворот Хоремхеба, затем к власти пришла девятнадцатая династия Рамессидов.

Но вернемся к началу жизни Хатшепсут. Ее отец, фараон Тутмос I, был, безусловно, замечательным человеком. Но когда современные авторы пишут, что Хатшепсут боготворила отца, к этому сложно отнестись без иронии. Откуда мы черпаем сведения о людях Древнего Египта? Из надписей, высеченных ими на стенах храмов и пирамид. О каждом событии рассказывалось с помощью последовательности картинок, ставших далеким прообразом будущих мультфильмов. Восторженные надписи о своих родственниках – это традиция Древнего Египта.

О Тутмосе I говорится, что он совершил завоевательный

поход на юг, в Нубию, а также на север, где дошел до Евфрата. В одной из надписей он называет себя Владыкой Вселенной.

В северном походе произошел забавный случай, о котором свидетельствуют надписи. Прежде египтяне знали одну реку – Нил. Поскольку он течет на север, «плыть по Нилу» означало для них «плыть на север». И вдруг они обнаружили, что Евфрат течет на юг! Поэтому они написали так: там есть такая река, по которой, плывя по течению, плывешь против течения. Это – то ли древнеегипетский юмор, то ли просто замечательная образность.

Мать Хатшепсут – дочь фараона Аменхотепа I, по имени Яхмос.

«Жена царева Великая», таков ее официальный титул. У фараонов были многочисленные второстепенные жены, или наложницы, но обязательно одна главная жена.

Царственное происхождение Хатшепсут наверняка сделало ее очень честолюбивой. К тому же ее соперник, тот, кого она постарается сместить с трона, – ее сводный брат, племянник, пасынок, был рожден не официальной женой фараона, а наложницей.

Хатшепсут, как было принято в Древнем Египте, выдали замуж рано, наверное, лет в 14–15, за ее сводного брата, сына Тутмоса I от наложницы Мутнофет.

Жениться на родной сестре считалось спокойнее и надежнее для судьбы династии. Не ведая ничего о законах генетики, древние египтяне многие сотни лет заключали близкородственные браки. Конечно же, это привело к врожденным болезням (мы помним египетские изображения фараонов и их близких со странно деформированными черепами) и очень высокой ранней смертности.

Муж Хатшепсут Тутмос II тоже умер молодым. Археологи обнаружили его мумию, которая хранит признаки болезни, напоминающей оспу.

У Тутмоса остались две дочери от Хатшепсут и сын от побочной жены – потенциальный преемник, будущий Тутмос III. Когда скончался отец, ему было около пяти лет. Так что естественно, что Хатшепсут стала при нем кем-то вроде регента.

Положение женщины в Древнем Египте существенно отличалось от того, которое знакомо нам по ситуации на арабском Востоке. Знатная дама могла играть заметную роль в общественной жизни. Супруга фараона становилась порой, как Нефертити, соратницей своего мужа. До Хатшепсут уже были две египетские женщины-правительницы: Нейтикерт в Древнем царстве и Нефрусебек – в Среднем. И хотя их правления были недолгими и правили эти царицы в периоды упадка, когда не

оставалось других претендентов на престол, – все-таки такой опыт уже существовал.

На официальных изображениях первых лет так называемого «правления» Тутмоса III Хатшепсут всегда рядом с ним. Считается, что они царствуют вместе.

А вкусив власти, Хатшепсут не смогла от нее отказаться. И вряд ли в этом надо искать что-либо «гендерное». Столько в мировой истории подобных примеров!

К тому же на сторону Хатшепсут, а не взрослевшего Тутмоса III встали фиванские жрецы, хотя поначалу они поддержали мальчика и он был коронован. Жрецы, которые ему служили, некогда вдохновляли соплеменников на изгнание гиксосов. Поэтому они и сделались вершителями судеб. А Хатшепсут сумела сговориться именно с ними.

Во время коронации жрецы несли на носилках статую Бога Амона. Перед кем они поставят эти носилки и падут на колени – тот и есть законный правитель. И это был Тутмос.

Но постепенно Хатшепсут переманила жрецов на свою сторону. Верховный жрец Хапусенеб получил статус визиря, то есть правой руки фараона.

Правительница создала вокруг себя своего рода интеллектуальный кружок. В него вошли военачальники – соратники ее отца, мыслители (например, такие ее советники, как Тутти, Инэни и Сененмут), люди искусства. Очевидно, Хатшепсут умела убедить приближенных, что при новой власти им будет хорошо. Например, ее фаворит, архитектор Сененмут, имел двадцать должностей и титулов.

И вот традиционный церемониал стал меняться. Теперь жрецы ставили носилки и опускались на колени не перед Тутмосом, а перед Хатшепсут. С седьмого года своего правления она официально становится фараоном.

Это не был переворот.

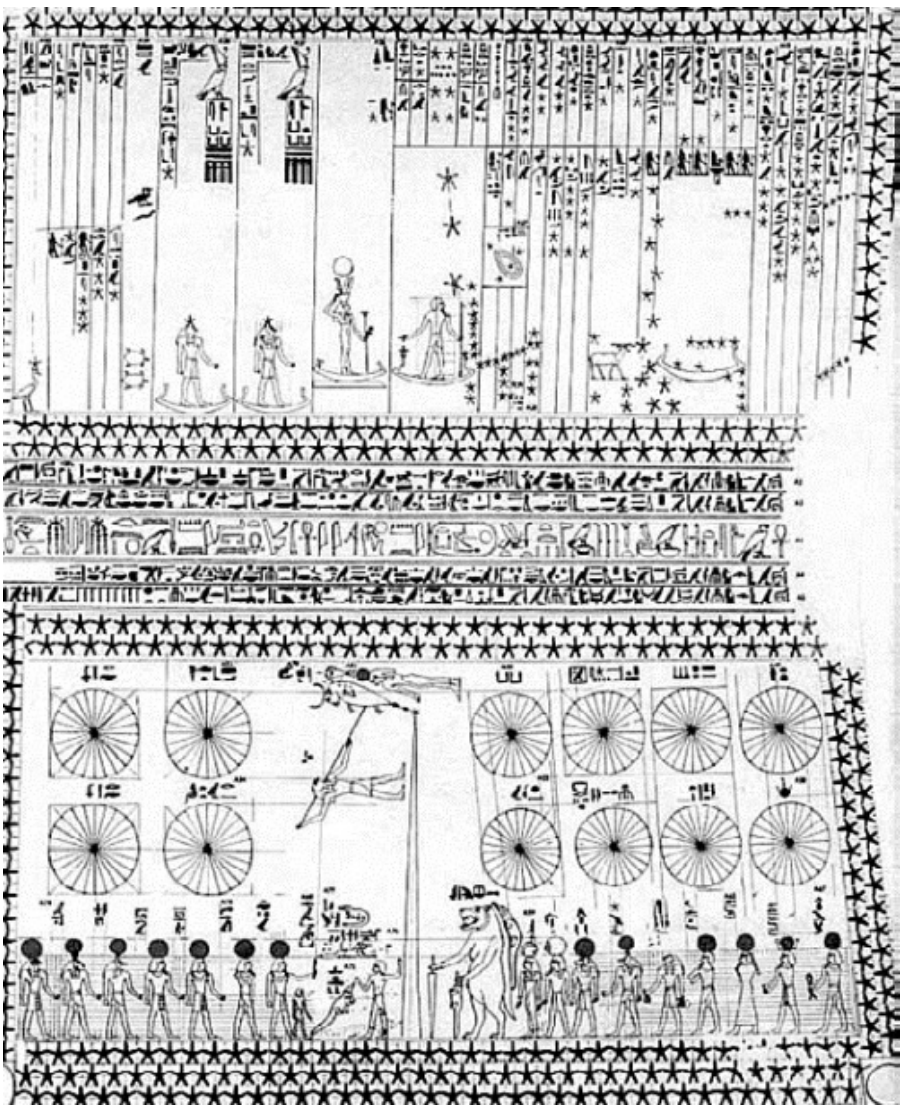
Дело в том, что в Древнем Египте не существовало никаких письменных документов, определявших правила престолонаследия. Традиция, восходившая к Древнему царству, состояла в том, что фараоны стремились передать престол прямым наследникам, обычно по мужской линии, как и в большинстве древних цивилизаций. Но поскольку положение женщины в Египте не было угнетенным, допускалось и наследование по женской линии.

Правда, Хатшепсут не просто узурпировала власть – она все очень хорошо продумала. У нее было много титулов: «Дочь царя», «Сестра царя», «Великая царская супруга». Но больше всего она любила титул «Супруга Бога». Вполне официальный высший

жреческий женский титул. Она сделала ставку на то, чтобы, будучи жрицей, сделаться самой преданной и последовательной служительницей Амона-Ра.

Буквальный перевод имени Амон – потаенный. Это действительно загадочный Бог. В начале Нового царства он становился все более популярным, его образ слился с солнечным божеством Ра.

Видимо, при ней был введен замечательный праздник Опет. При Хатшепсут его отмечали 11 дней. С годами все дольше и дольше. Египет жил все хуже, а праздники становились все длиннее. При Рамзесе III, когда Новое царство угасало, продолжительность праздников доходила до 24 дней.



На потолке гробницы Сененмута изображение северных созвездий и двенадцати месяцев года, которые символизируют круги с радиусам

Празднование Опет описано очень подробно. Торжественная процессия двигалась из Карнака в Луксор, жрецы шествуют в накидках из шкур леопарда. По реке тащат барки с изображениями Амона. Причем в роли таких «бурлаков» выступают вельможи, ведь это великая честь – тащить по Нилу барку с изображением божества. Музыка, жертвоприношения. И наконец, важнейший момент. Фараон Хатшепсут остается в маленьком помещении один на один с Амоном. И выходит оттуда осчастливленной и помолодевшей.

Царица очень умно вела себя и в отношении оттесненного от власти Тутмоса. Она женила его на своей старшей дочери Нефрура, воспитателем которой был фаворит Хатшепсут архитектор Сененмут. Сохранилось изображение, на котором он держит девочку-царевну на руках. Причем ребенок изображен с небольшой фараонской бородкой! Надо сказать, что и сама Хатшепсут, после того как была коронована жрецами, начала появляться на официальных приемах в мужском костюме, с привязанной искусственной бородой – для того, чтобы соответствовать облику фараона. Она требовала, чтобы и в надписях ее называли «царем» – и в то же время «прекраснейшей». Женщина остается женщиной.

Сененмут, создававший изображения своей возлюбленной, не мог не показать ее женской красоты. Точно так же через сто лет скульптор Тутмос оказался не в состоянии передать исключительно духовную красоту Нефертити – он воплотил в ее портретах свою любовь. Недаром люди и через тысячи лет сочиняют романы о красавицах Древнего Египта и их поклонниках.

Итак, Хатшепсут обеспечила себе тесные родственные связи с Тутмосом. Однако Нефрура рано умерла. Тогда его женили на второй дочери Хатшепсут Меритра.

Не исключено, что ее отцом был фаворит царицы Сененмут. Доподлинно известно одно – он стал исключительной фигурой при дворе Хатшепсут. Будучи незнатного происхождения, он получил титул «Вольный шагать по дому царя». Сначала он управлял хозяйством царицы, а затем стал главным зодчим. Крупнейший его шедевр – погребальный храм Хатшепсут в Дейр-эль-Бахри. Этот храм поразил своей красотой гениального французского ученого Франсуа Шампольона, расшифровавшего в 20-е годы XIX века древнеегипетские письмена.

В конце правления Хатшепсут имя и изображения Сененмунта внезапно исчезли отовсюду. Может быть, он умер, а может быть, впал в немилость. Дело в том, что он позволил себе неслыханную дерзость – заготовил в погребальном комплексе Дейр-эль-Бахри место для собственного погребения и высек там свое имя. Это было, конечно же, действием зарвавшегося фаворита. Архитектору никогда не нашлось бы места среди царей.

Главное, что на протяжении многих лет укрепляло абсолютную власть Хатшепсут, – это версия ее божественного происхождения. Причем это была первая известная нам в истории женщина, сделавшая такой ход. Начав править как фараон, она изменила имя Хатшепсут, которое означает «Первая среди благородных», на другое – Маат-ка-Ра, буквально – «Жизненная сущность Бога Ра». Теперь она уже не женщина и не мужчина. Она сама жизненная сущность верховного солнечного божества.

История ее божественного рождения детальнейшим образом представлена в ее заупокойном комплексе, исследования которого продолжаются (как пишут специалисты, понадобится еще лет 50, чтобы завершить работы). Это сказочное место, где есть аллеи сфинксов, и у каждого – лицо Хатшепсут. На естественных террасах стоит удивительный комплекс храмов, и кажется, что он вырастает из скал.

Высеченные там тексты переведены. Согласно им, бог Амон держал совет с другими богами. Они одобрили его идею произвести на свет дитя, которое родит самая прекрасная женщина на земле. Этой прекраснейшей оказалась мать Хатшепсут, царица Яхмос. Получив согласие совета богов, Амон отправился к ней, приняв облик ее мужа Тутмоса II.

Правда, царица поняла, что это не ее муж. Она догадалась об этом по тому благоуханию, что исходило от Бога. У него и дыхание было не человеческое, а божественное. От их союза и родилась Хатшепсут. В текстах говорится, что боги предсказали рождение именно девочки. На стенах заупокойного комплекса можно видеть барельефы, на которых изображена царица, ожидающая ребенка. Она знает, что этому ребенку будет уготована великая власть.

На следующем изображении бог Тот сообщает счастливой матери время рождения чудо-ребенка и ведет ее в специальное помещение, где все должно совершиться. Роды происходят в присутствии Амона и еще девяти богов.

Есть и сцена кормления грудью. Есть тексты о том, что девочка росла лучше всего, что способно расти, лучше травы, лучше цветов, лучше животных.

Жрецы Амона, которые когда-то поддерживали юного Тутмоса III, теперь полностью приняли эту версию и признали божественное происхождение Хатшепсут. Понятно, что потребовалась колоссальная работа, чтобы этого добиться.

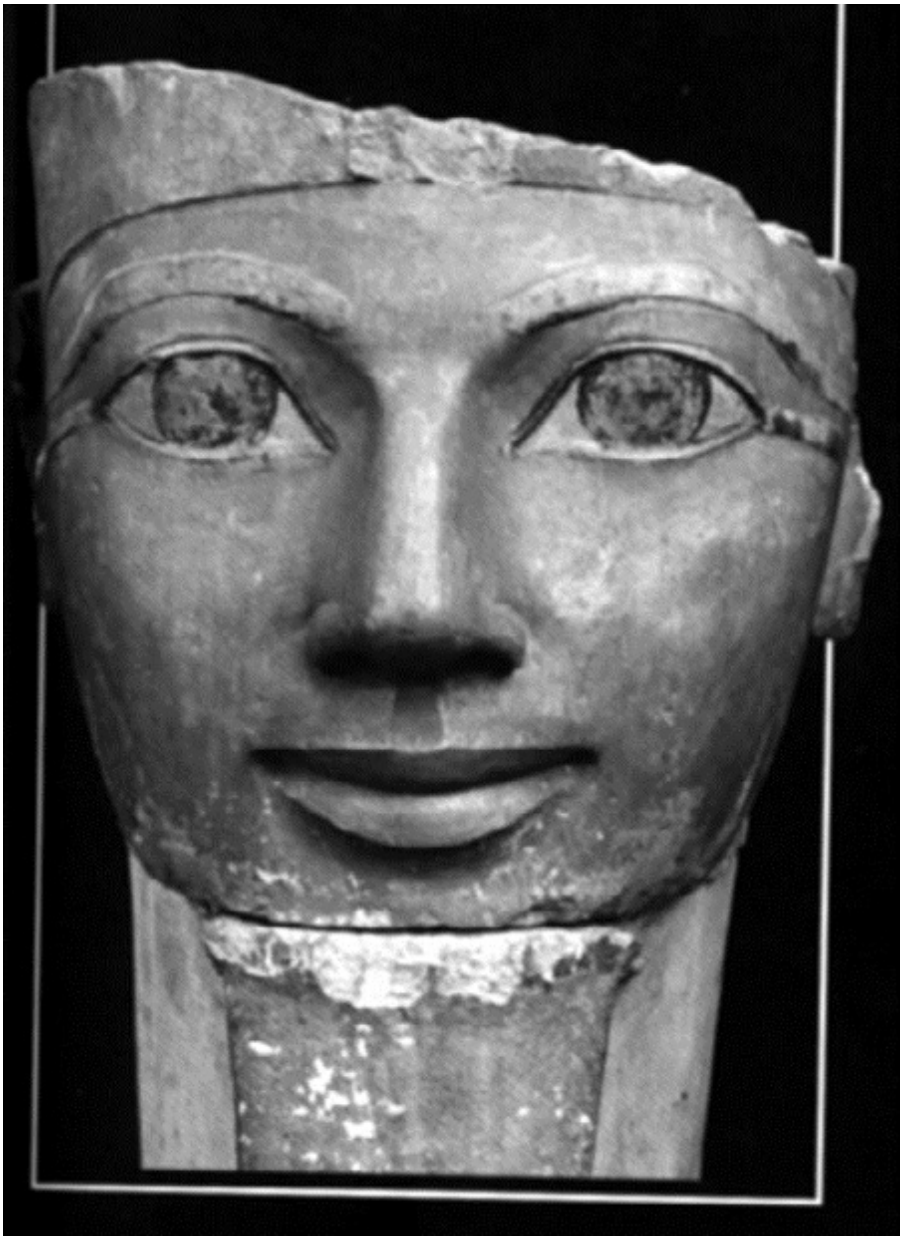
Но Хатшепсут занималась далеко не только созданием собственного образа. Ее правление славится также расцветом строительства. Царица возродила традицию монументального строительства, существовавшую в эпоху Древнего царства, когда были возведены знаменитые пирамиды Хуфу и Джосера.

При Хатшепсут были возведены погребальный комплекс в Дейр-эль-Бахри, а также два уникальных обелиска в честь Амона в Карнаке высотой около 30 метров. На них высечены слова, которые Амон произносит, обращаясь к Хатшепсут: «Я возвожу тебя на мой трон. Я вручаю тебе скипетр и опахало. Я породил тебя, дабы ты стала опорой этой земли». В благодарность за такое доверие Хатшепсут и возвела обелиски высотой примерно с 10-этажный дом, весом около 400 тонн. В надписи она обращается к Богу Амону: «Размышляя о моем создателе, подсказало сердце мое сотворить для него два обелиска, покрытых электрумом (это сплав серебра и золота), высота которых достигает небес». И эти незаурядные сооружения просуществовали три с половиной тысячи лет.

Но и это не все, чем выделяется Хатшепсут. Она прославилась тем, что отправила великую экспедицию в загадочную страну Пунт. Специалисты по сей день спорят о том, что это за место. Одни считают, что территория нынешнего Сомали, другие – что Южная Аравия.

Справа – вождь Параху, слева – его жена Ати

Экспедиция двигалась вдоль побережья Красного моря. Пять больших кораблей, на каждом примерно 30 гребцов. Отчет об этой экспедиции, высеченный на стенах Дейр-эль Бахри, – удивительное древнее «кино», позволяет нам увидеть, как путешественники приплыли в страну Пунт, как их встретили правитель и местные жители. У этих людей в голове перья, живут аборигены в домиках на сваях. Египтяне вручают дикарям дешевые подарки… А в ответ получают драгоценные вещи: эбеновое дерево, золото, ладан, слоновую кость и самое главное – благовония и мирровые деревья, которые привезли и посадили вокруг заупокойного комплекса Хатшепсут.



Голова статуи Хатшепсут

В современной историографии такие отношения называют насильственным обменом. Он характерен для эпох, в которые еще слабо развиты товарно-денежные отношения. Трудно сказать, был ли целью экспедиции сбор своего рода вассальной дани, или ее отправили с целью изучения окружающих стран и народов. В любом случае это событие было очень заметным. И Хатшепсут сознавала свою миссию. В одной из ее надписей (а тексты,

конечно же, согласовывали с царицей, прежде чем высечь на камне) говорилось: «Я восстановила то, что разрушено. Я возвела то, что рухнуло с тех пор, как азиаты поселились в Аварисе, в Дельте. и стали править без участия Ра. Я прогнала их, ужас богов, вдаль, и земля стерла их следы».

Нельзя отрицать и того, что Хатшепсут оказалась правителем-миротворцем. Она не вела завоевательных войн. А это совершенно не соответствовало практике правителей долины Нила со времен Древнего царства. Как известно, древние цивилизации развиваются экстенсивно, то есть методом приращения. Больше территорий, больше рабов, больше богатств. Предшественники Хатшепсут, в том числе ее отец, а затем и ее преемники вели множество захватнических войн. После нее Тутмос III стал великим завоевателем. А прекратил воевать необычный фараон Эхнатон. Но не стоит приписывать относительное миролюбие Хатшепсут ее женской природе. История знает немало женщин-воительниц.

Для Хатшепсут, пришедшей к власти не вполне законным путем, было исключительно важно постоянно подчеркивать, что она прекрасный правитель. Ключевые идеи ее идеологии – изгнание врагов и воссоздание былого величия Египта. Она жила в тени предков, сражавшихся с дикарями, и искала формы взаимодействия с окружающими племенами.

Важнее всего для нее было не присоединить территории, а покорить их – продемонстрировать соседям мощь египетского войска, впечатлить их так, чтобы богатства отдали добровольно. И надо признать, это неплохо у нее получалось.

Хатшепсут ушла из жизни, по-видимому, естественным путем. Ее захоронение было найдено в Долине царей Говардом Картером, великим открывателем гробницы Тутанхамона. Вырубленный в скале изумительный саркофаг был пуст. Мумии не оказалось.

В 2006 году доктор Захи Хавас, министр археологии Республики Египет, объявил на конференции в Нью-Йорке, что нашел мумию Хатшепсут на третьем этаже египетского музея в Каире. Музей этот наполнен мумиями, многие из которых не идентифицированы. В XIX – начале XX века их свозили туда на всякий случай. Доктор Захи Хавас создал специальную генетическую лабораторию, специалисты которой установили, что ДНК одной из мумий соответствует ДНК некоторых определенно известных представителей восемнадцатой династии. Можно ли делать на этом основании окончательные выводы? Пожалуй, нет, если учесть, что все правители Древнего Египта состояли в довольно близком родстве.

Впрочем, посмертная судьба Хатшепсут – это не только поиски ее мумии. Невозможно не задуматься и над тем, почему многие изображения и надписи, связанные с этой царицей, были кем-то намеренно повреждены в древности. Первая мысль очевидна: Тутмос III, 20 лет ожидавший власти, в ярости уничтожал следы правительницы-узурпатора. Но исследователи доказали, что сбивать надписи начали примерно через 13 лет после воцарения Тутмоса. Почему он так долго медлил?

Вероятно, сначала он должен был стать великим завоевателем. И когда он почувствовал свою силу, его начали особенно терзать унизительные воспоминания о годах, проведенных в тени Хатшепсут, в жалком положении безвластного фараона. Если это действительно так, остается лишь удивляться тому, что исполнители его воли действовали не очень старательно, не слишком последовательно – и не все посбивали.

По другой версии, уничтожение памяти Хатшепсут началось в XIV веке до н. э., в эпоху фараона Эхнатона. Этот правитель-интеллектуал заменил культ великого Амона-Ра почитанием Солнечного диска Атона. Это сделало фараона-реформатора противником Хатшепсут, объявлявшей себя дочерью Амона-Ра. Но Эхнатон правил недолго, власть его была не очень велика. Его сторонники не справились с задачей – разрушили далеко не все.

Беспощадное время вообще неизбежно уничтожает что-то из прошлого. Но в целом доносит до нас его облик. В том числе – и облик Хатшепсут, которой совсем не идет фараонская борода.

Дарий III. Последний из Ахеменидов

Персидский царь Дарий III мало персонифицирован в историческом знании. Тексты античных источников созданы через несколько столетий после того времени, когда он жил и воевал против Александра Македонского. И писали древние именно об Александре. Противоположность характеров и судеб Александра и Дария безусловна. Причем Дарий интересует античных авторов лишь как деталь, необходимая для создания идеализированного образа завоевателя, оттеняющая величие Александра.

Как известно, историю пишут победители. Ахемениды не создали серьезной историографической традиции, которая сохранила бы их образы.

Но фигура Дария может быть названа знаковой и по иной причине. Он символ конца мировой державы Ахеменидов, последний правитель из этой яркой династии. Он воплощение внезапно обнаружившийся слабости изнеженного Востока перед более молодой европейской цивилизацией, перед Македонией, «проглотившей» эллинский мир и пришедший в страны Востока.

Даты жизни Дария III известны – 381–330 годы до н. э. Царем он сделался только в 336 году в возрасте 45 лет.

Дарий – представитель боковой ветви династии, основанной полулегендарным Ахменом и правившей к тому времени уже достаточно долго. В середине VI века до н. э. Кир II создал великую империю Ахеменидов. Их государство простиралось от долины Инда на востоке до Эгейского и Средиземного моря на западе. В ее состав входили Египет, часть Ливии, часть Балканского полуострова (север Фракии и Македонии), некоторые земли великой Скифии, Аравия. То есть это была гигантская мировая держава.

Ядро империи составляла территория современного Ирана. Более позднее слово «Иран» происходит от сокращения названия «Ариянам» – «Страна ариев». А Персия – греческий вариант древнего слова «парса».

Персы вышли на историческую арену на рубеже I–I тысячелетия до н. э. Они заселили современную иранскую провинцию Фарс, затем захватили древнее государство Элам, где жили племена, родственные дравидийским – коренному темнокожему населению Индии. А затем уже на эти земли пришли белокожие арии.

Дарий III – правнук царя Дария II, родившийся через 25 лет после смерти своего прадеда. Имя отца – Арсам, матери –

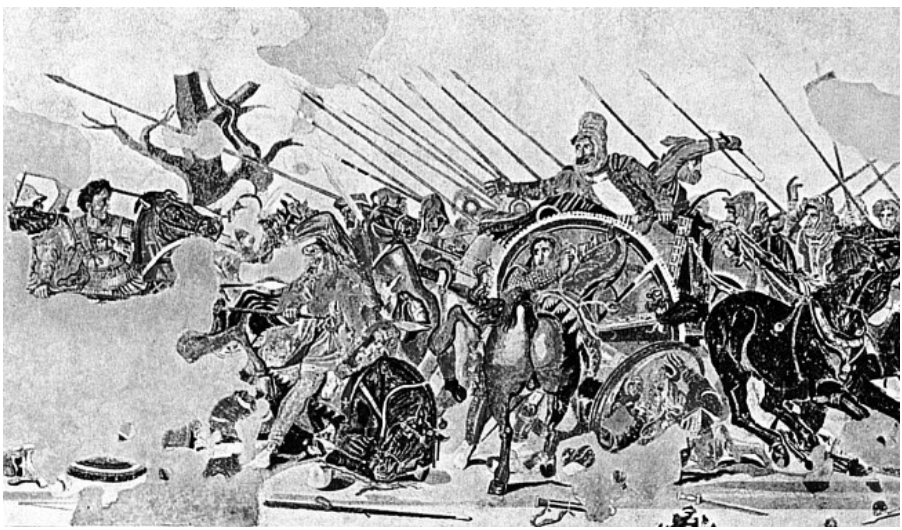
Сисигамбис.

Первоначальную известность будущий Дарий III обрел под именем Кодоман. Как прославился этот человек? По легенде, когда Кодоману исполнилось двадцать лет, он отличился в поединке перед битвой. На глазах царя Артаксеркса он одолел богатыря из враждебного племени. Удивительно, что позже греки напишут о полной неспособности Дария к воинскому искусству.

Вообще, когда человек становится царем, многие доблести приписываются ему задним числом. Может быть, юный Дарий и правда победил в поединке, а может быть, и нет…

Зато не вызывает сомнений то, что он сделал успешную карьеру чиновника и стал сатрапом Армении. Сатрапии – это области внутри Ахеменидской державы. Начавший править в 522 году до н. э. Дарий I провел серию реформ, укрепивших целостность империи. Одно из важнейших его нововведений – территориальное административное деление.

Сатрапы обладали всей полнотой административной, военной, судебной власти, чиновники назначались лично царем. Можно представить, каково было поведение сатрапов в реальности. Они истово служили персидскому царю, часто попирая любые нравственные нормы.



Мозаика, найденная в Помпеях.
Битва при Иссе. В центре – Дарий

Одной из областей, или сатрапий, и была Армения – очень важная часть империи. Именно через этот северный район, граничивший со скифскими территориями, Ахмениды продвигались в Европу.

Сатрап Армении – должность значительная. Но нельзя забывать и о том, что Кавказ оставался для персов глубокой провинцией. В центрах персидской цивилизации – Персеполе, Вавилоне, Сузах, Экбатаны – об Армении мало кто слышал.

Что же позволило сатрапу этой далекой области взойти на персидский престол? Сведения об этом мы черпаем в основном из значительно более поздних греческих и римских источников.

Известно, что важную роль в возвышении Дария сыграл один из придворных – евнух по имени Багой, египтянин по происхождению. Сегодняшнее представление о евнухе только как о смотрителе гарема далеко от истины. Просто через гарем легче всего было приблизиться к особе властителя, установить с ним личные отношения – и так обрести политический вес. Неудивительно и появление при царской особе египтянина, а не перса: больше доверия вызывает тот, у кого здесь, в центре империи, минимум личных связей.

Александр перед телом Дария.
Гравюра. XIX в.

Багой был первым министром при персидском дворе. Ему удалось, действуя через придворного медика, отравить предшественника Дария, Арсеса, который был у власти всего два года. Показательно, что правление Дария началось с преступления, было отмечено цепью злодейств и пришло к абсолютно трагическому финалу.

Наверное, Багой, помогая Кодоману занять престол, полагал, что реально будет править он сам – опытный царедворец, а не сатрап, много лет проведший в провинции. Да и в натуре Дария III, несомненно, было что-то, позволявшее Багою строить такие планы, – некая непоследовательность и склонность часто менять решение.

И все-таки Багой просчитался. Новый правитель расправился

с ним очень быстро, громко объявив его цареубийцей. А убийц, как известно, надо наказывать…

Заняв трон, Дарий III стал активно пользоваться благами своего положения. Он очень быстро пристрастился к утонченной роскоши. По словам античного историка Плутарха, Александр Македонский, захвативший шатер Дария после одного из сражений, нашел там сосуды, кувшины, тазы, флаконы для протираний, искусно сделанные из чистого золота, почувствовал удивительный запах душистых трав и других благовоний. Царская палатка изумляла размерами и убранством лож и столов. Видя все это, Александр посмотрел на своих друзей и сказал: «Вот это, по-видимому, и значит – царствовать».

У Дария была жена – красавица Статира, о которой Плутарх с детской наивностью, свойственной древним, пишет: «Красивейшая из всех цариц».

Их старший сын погибнет в сражении с македонским войском при Гранике, младший будет захвачен после битвы при Иссе, а на одной из дочерей женился Александр Македонский.

Богатства Дария были неисчислимы. Александр вывез из Персии такое количество золота, серебра, драгоценных камней, что для этого понадобились тысячи мулов и верблюдов. В пересчете на современные единицы измерения это были многие тонны сокровищ. Когда Александр начинал свой великий восточный поход, в его казне было 70 талантов. В Персии он обрел десятки тысяч. Так что напрасно в более поздние времена на Востоке искали богатства Дария.

Персидский царь неплохо представлял себе масштаб, доставшейся ему от предков державы. Он знал о географии значительно больше, чем, допустим, люди европейского Средневековья, которые, отправляясь из Франции на Восток, не имели ни малейшего понятия о том, где и на каком расстоянии находится Иерусалим.

Пока же с запада на восток двинулось войско Александра Македонского, воцарившегося в одно время с Дарием и через два года объявившего ему войну.

В ходе этого противостояния Дарий III совершил множество ошибок. Он, как и его предшественники, не без оснований очень боялся отца царя Македонии Филиппа. Это был сильный и грубый правитель, пришедший с севера покоритель Греции. Персы догадывались, что он готовит поход на Восток, и хотели его убрать. Филипп был убит – и вряд ли дело обошлось без персидского золота. Но кто мог вообразить, что еще больше надо бояться восемнадцатилетнего Александра, сына царя. Не было даже уверенности, что именно он станет преемником отца на

троне.

Дарий III считал, что убийство Филиппа обезопасило империю от нашествия. К тому же в 335 году до н. э., за год до начала великого похода, Александр отозвал из Малой Азии своего лучшего полководца Пармениона. Дарий расценил это неправильно: он решил, что Александр на восток не пойдет. Сатрапы Малой Азии докладывали царю, что они изгнали Пармениона и теперь все в порядке. Сатрап – он на то и сатрап, чтобы, создавая видимость бесконечной лакейской преданности господину, постоянно ему врать, тем самым его предавая. В данном случае сатрапы Дария обманывали его, чтобы он, опасаясь угрозы с запада, не начал укреплять побережье Малой Азии и не усилил свои позиции на их землях. Они утверждали, что все прекрасно. На самом же деле Александр вызвал к себе Пармениона именно для подготовки к походу.

А введенный в заблуждение Дарий бездействовал, хотя бежавшие из Греции враги Александра предупреждали его. Более того, пребывая в великом заблуждении, Дарий самодовольно писал Александру: «Ты успеешь постареть за то время, которое тебе понадобится для того, чтобы только пройти по моим владениям». Более того – он приказывал своим сатрапам непременно взять Александра живым, если он вдруг рискнет показаться в Персии. Захватить и доставить в Сузы.

Весной 334 года до н. э. Александр Македонский начал поход в Азию. Силы его казались очень небольшими в сравнении с персидским войском: около 30 тысяч пехоты и 4,5 тысяч конницы, в то время, как у персов только в Малой Азии было 40 тысяч человек, а если понадобится, Дарий мог мобилизовать и 100 тысяч.

Македонцы переправились через Геллеспонт (древнегреческое название Дарданелл, пролива, разделяющего Европу и Азию). Первая битва произошла на реке Граник. Дарий в ней не участвовал. Войском командовал его лучший полководец – грек Мемнон, бежавший из Греции. Он вообще советовал не принимать немедленно сражения с Александром. Пусть молодой, горячий, энергичный македонец застрянет в пустынной Малой Азии. Разумнее было бы постепенно ослаблять его войско постоянными нападениями. Но эта умная тактика не была принята. И персы, имевшие численный перевес, потерпели при Гранике поражение.

Дарий потерял значительную часть войска. В бою погиб один из его сыновей, а также зять, сатрап Лидии и Ионии Спитридат, перед тем ранив Александра. Молочный брат Александра Македонского Клит отрубил Спитридату руку, когда тот едва не

убил Александра. (Позже, во время похода, в глубинах Азии Александр насмерть поразил копьем Клита, дважды спасавшего его жизнь.)

Судя по всему, Дарий счел поражение своей армии не началом великой трагедии, а ошибкой, недоразумением. Он сделал ставку на типичный восточный метод ведения политической борьбы – подослал к противнику убийцу. Выбор его пал на Александра Линкесетийца, который командовал у Александра Македонского фракийской конницей. За убийство была обещана награда – тысяча золотых талантов и македонский трон. Александр Линкесейтиец был готов пойти на это преступление. Но некий схваченный македонцами персидский лазутчик под пытками выдал замысел Дария.

Командир фракийской конницы был взят под стражу. Александр не хотел широкой огласки этого события, не желая демонстрировать, насколько сложна ситуация в его войске. И сведения о предателе канули в лету.

Дарий же, наверное, опять решил, что это случайность. Правда, у него была серьезная проблема – отсутствие военачальника. После смерти Мемнона выдвинулся другой грек, Харидем, изгнанный из Афин по приказу Александра. Он готов был возглавить войско. Но Дарий получил на него донос от сатрапов: он якобы готовил предательство. Как истинный восточный правитель, Дарий приказал на всякий случай казнить Харидема.

Идя на казнь, тот сделал предсказание, звучавшее примерно так: «Ты поплатишься за то, что ты сделал со мной, скорой потерей своего царства». Вероятно, это позже сочиненная легенда.

Но царство Дария действительно было обречено.

Его держава трещала по швам. Дарий то принимал решения, то отменял их, он не был способен действовать стремительно, как его противник Александр Македонский.

Эти постоянные колебания позволяют историкам проводить далекие аналогии: Дария сравнивают даже с последним российским императором Николаем II.

Больше всего Дарий верил в колоссальную численность армии, надеялся на мощь своего огромного государства. Еще одну ошибку он совершил, когда лично возглавил войско. Почему он это сделал? Ему приснилась македонская фаланга. Это шесть рядов воинов с копьями разной длинны, у последних копья пятиметровые. Такое построение было придумано предшественником Александра Филиппом II. Во сне Дария фаланга была охвачена пламенем, Александр же прислуживает ему, входит при этом в храм и исчезает. Угодливые придворные

сразу же истолковали этот сон как гарантию победы.

В 333 году до н. э. произошла битва при Иссе – в глубине Азии. И здесь Александр Македонский доказал, что не числом, а военным талантом, маневренностью и отвагой можно завоевать победу. Армия Александра двигалась к югу, в сторону Финикии. Узнав, что за ним может погнаться, придя с востока, несметное войско Дария III, Александр развернулся и пошел навстречу опасности.

Дарий, не бывший талантливым полководцем, сделал неудачный маневр. Его громадному войску требовалось огромное поле. Он же сам завел армию в тесное пространство в горах. Здесь и началась резня. Важно и то, что македонцы дрались более яростно. Персидское войско составляли насильственно согнанные люди, представители самых разных племен. Что им Дарий? За что они воюют? У них не было никакой идеи. А Александр внушал своим воинам: мы, просвещенные греки, идем отомстить за былые обиды, мы несем в чужие земли великую культуру.

Во время сражения Дарий был на боевой колеснице, и Александр рвался к нему, был ранен в бедро, но не остановился. Дарий же проявил малодушие, сошел с колесницы, которая не могла двигаться, потому что вокруг были одни трупы, вскочил на коня и покинул поле боя. Он поступил так первый, но не последний раз. Особенно поражает то, что он оставил свою семью: мать, жену, маленького сына и двух взрослых дочерей-красавиц. Все они стали пленниками Александра.

Через некоторое время Дарий обратился к Александру с письмом. Он предлагал мир, готов был сдаться на определенных условиях, разделив власть в империи. В пересказе одного из римских историков ответ Александра звучит так: «Ты с помощью Багоя убил Арсеса и захватил власть – несправедливо, наперекор персидским законам. Ты несправедлив к персам. Ты разослал неподобающие письма эллинам, призывая их к войне со мной. Ты отправил эллинам деньги, и твои послы подкупили моих сторонников и постарались разрушить мир, который благодаря мне воцарился в Элладе. Я победил в сражении, сначала твоих военачальников-стратегов, а теперь тебя и твое войско. И владею этой землей, потому что боги отдали ее мне. Я теперь владыка всей Азии. И когда в дальнейшем будешь писать мне – пиши как царю Азии, а не обращайся как к равному».

В этой переписке отразилось грандиозное противостояние молодого лидера западноевропейского мира и последнего Ахеменида, который еще не сознавал своей обреченности. Борьба Дария и Александра – это очередная встреча Востока и Запада, которые то и дело происходят на протяжении мировой истории.

Восток и Запад сближаются, сталкиваются, в чем-то друг на друга влияют, и снова расходятся.

Дарий предложил Александру возвратить его семью за 10 тысяч талантов (это двести шестьдесят тысяч тонн золота и серебра) и все земли за Евфратом. То есть он отдавал Сирию, часть Ирана, большую часть Малой Азии, Египет и Аравию. А еще он предлагал Александру свою дочь в жены в знак дружбы и союза.

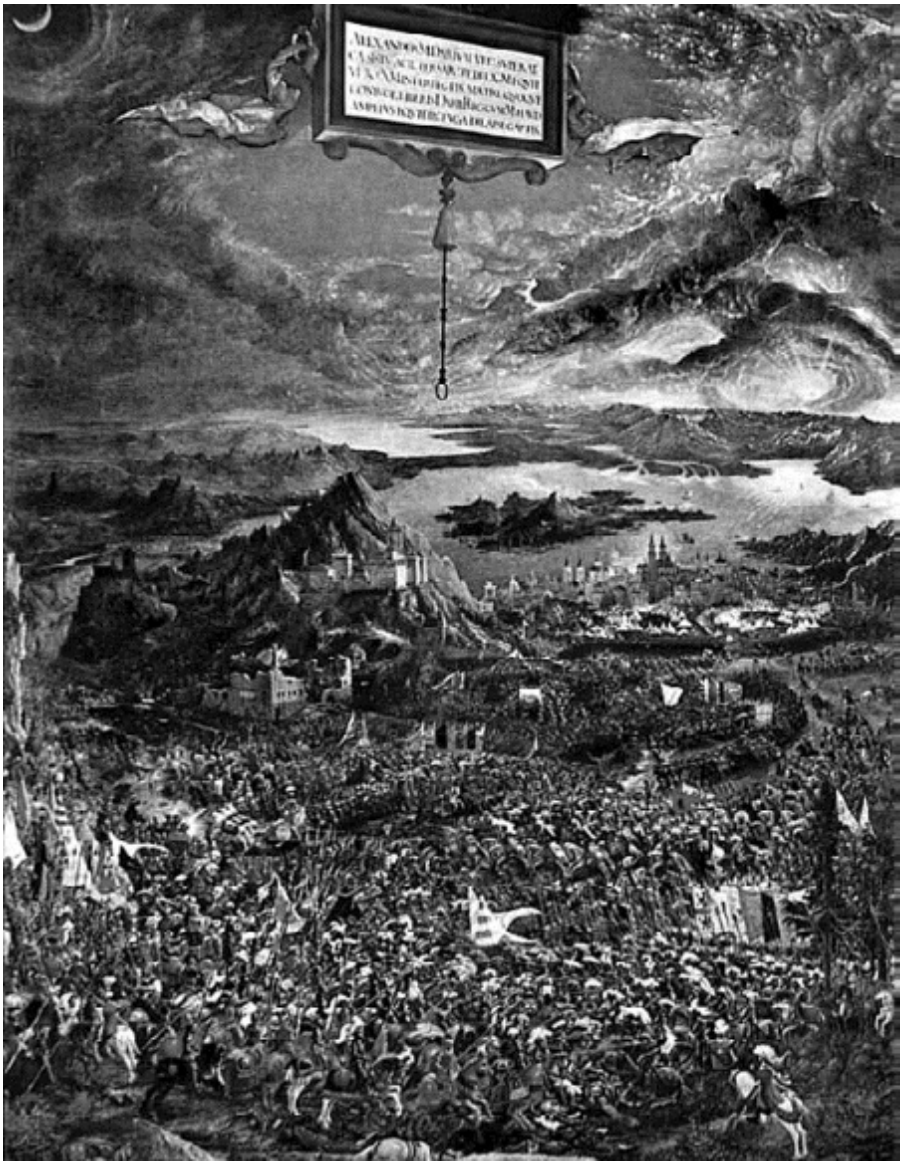
Когда принесли это послание, опытный полководец Парменион произнес знаменитую фразу: «Будь я Александром, я принял бы эти условия». И последовал не менее знаменитый ответ Александра: «Клянусь Зевсом, я сделал бы так же, будь я Парменионом. Но я Александр».

Он написал Дарию, что жениться на его дочери может и без его согласия.

Через некоторое время жена Дария умерла в плену при родах. И Дарий мучился вопросом о том, чей это был ребенок. По официальной версии, Александр содержал пленников в хороших условиях, даже не убавил количества их слуг, и относился к женщинам с должным уважением. Но для Дария это был жестокий удар.

Последнее решительное сражение состоялось при Гавгамелах – на реке Тигр, в сердце современного Ирана, недалеко от развалин столицы Древней Ассирии Ниневии. Дарий собрал несметное войско. Древние авторы пишут о миллионе воинов. Современные историки считают это большим преувеличением. Наверное, там было 100 тысяч. Против 40 тысяч у Александра.

У Дария было 200 колесниц, 15 слонов. В его войске сражались индусы, жители Бактрии и Согдианы, выходцы из Центральной Азии. Сейчас у всех них была причина для отчаянного сопротивления. Зная о предыдущих поражениях Дария и победах Александра, они не без оснований могли предположить, что македонец пойдет дальше – на их родные земли.



Альбрехт Альтдорфер. Битва Александра Македонского с Дарием. 1529 г.

В тот момент сам Александр не знал этого наверняка. Он еще не принял окончательного решения двигаться дальше на восток или нет. Но, во всяком случае, на сей раз войско Дария сражалось более энергично, чем прежде. И неслучайно именно эта битва отражена на одной из знаменитых греческих мозаик. Сейчас эта мозаика I века н. э. со стены в городе Помпеи находится в Национальном музее в Неаполе. На ней мы видим Дария – вновь на колеснице.

Есть люди, склонные повторять свои ошибки. Казалось бы, Дарий убедился, что колесница не может двигаться среди многочисленных тел павших воинов и убитых животных. Но он, человек Востока, тяготеет к стабильности. Он знает, что царю положено сражаться именно так. И он опять держит боевой лук, который ему совершенно не нужен.

Александр же во время сражения проявил себя как талантливый полководец. Его сила не в луке или мече, а в способности думать и принимать решения.

Бегство Дария в битве при Гавгамелах.
Рельеф XVIII в.

И Дарий снова бежит, Александр преследует его, но персидский царь укрывается в столице Мидии Экбатанах. Оттуда ему надо пробираться дальше на восток, чтобы собрать новые силы. У него еще есть шанс, если учесть огромные размеры его империи. Понимает это и Александр. И устраивает погоню.

Дария сопровождают несколько сатрапов и греческих наемников, которые всегда дольше других сохранили верность тому, к кому нанялись на службу. Один из сатрапов, по имени Бесс, дальний родственник Ахеменидов, объяснил окружению Дария, что этот дважды бежавший в пылу сражения человек не годится для спасения персидского царства. И предлагает в спасители себя.

Дарий низложен. Теперь ему не оказывают никакого почтения. Он жалкий, закованный в кандалы пленник. Когда же стало ясно, что Александр нагоняет беглецов, Дария просто зарезали. Видимо, это сделал лично Бесс, претендовавший на царскую власть.

Интересно, что Александр, который во всем был великим политиком, приказал покарать убийц и оказать покойному Дарию III царские почести. С царями, полагал он, надо обращаться по-царски.

Потом появилась легенда, по которой Дарий, умирая, попросил поблагодарить македонского царя за то, как он отнесся к его семье, и пожал руку греку, который оказался рядом, чтобы тот передал рукопожатие Александру.

Через некоторое время Александр все-таки женился на дочери Дария и умер, когда она ожидала ребенка. Сразу же после смерти своего великого супруга она была убита, так что общему наследнику Дария и Александра править не довелось.

Судьба Дария III – это отражение судьбы великой империи – грандиозного, яркого, но очень кратковременного государственного образования. Кстати, жизнь империи Александра Македонского оказалась еще короче.

На месте центральных владений Дария образовалось государство Селевкидов, которое возглавил один из преемников Александра Селевк. Оно стало ядром нескольких будущих империй, сменявших друг друга. Как известно, все тленно в этом мире.

Октавиан Август. «Первый среди равных»

Император Август, чьи годы жизни – 63 до н. э. – 14 н. э., рубеж дохристианской и новой эры, – человек многоликий.

В памяти человечества он – великий правитель великого Рима, который оставался у власти в течение 40 лет. Сам Октавиан считал, что покончил с гражданскими войнами. В определенном смысле это так. Но до этого он принимал в них активное участие. При Августе утвердилась новая форма политического правления, которая получила название принципат.

Это монархия в республиканских одеждах. Она театральна, как многое в жизни Октавиана.

Его незаурядный актерский талант давал потрясающие политические результаты. Но Октавиан Август – это не только политик, получивший необъятную власть. Его правление – истинный золотой век римской культуры. Это времена Горация, Овидия, Вергилия. Лучшим другом Августа был Меценат, имя которого стало нарицательным и сегодня означает – покровитель искусств.

Об Октавиане Августе написано много. В 2001 году в Петербурге вышла книга В.Н. Парфенова «Император Цезарь Август. Армия, война, политика», в 2003-м, в серии «ЖЗЛ» – переведенный с французского труд П. Мередо «Август». Посвящены Бюст императора Августа ему и многие страницы работ Е.В. Федоровой «Люди императорского Рима» и «Императорский Рим в лицах».

Писали о нем и римские историки: Сенека, Светоний, Аппиан, Плутарх. Один из самых значительных документов эпохи «Перечень деяний божественного Августа, при помощи которых он подчинил весь мир власти римского народа, и тех затрат, какие произвел он в пользу государства и народа римского», составленный им самим. Оригинал этого текста не сохранился, а копия найдена в XVI веке на месте древнего города Анкиры, нынешней Анкары.

Чрезвычайно богата и иконография Августа. Его многочисленные скульптурные портреты мало отличаются один от другого. Запоминается его тонкое лицо, которое не назовешь открытым. И в облике его, и в поступках есть что-то лисье.

В конце II века до н. э. Римская республика умирала. Политическая система в огромном государстве одряхлела и перестала быть эффективной. Когда Рим умещался в пределах Лацио – небольшой области в центре Италии, республиканская система управления была весьма действенной. Но потом власть

Рима распространилась на всю Италию, а затем и далее, республиканские органы управления стали давать сбои. Может ли выполнять свои функции народное собрание – управлять страной, раскинувшейся от Испании до Малой Азии? От него оставалось только имя.

У Августа были ярчайшие предшественники и не менее заметные соперники. Великий полководец Марий около пяти лет удерживал власть; кровавый злодей Сулла назвался диктатором без ограничения срока, но пробыл у власти всего три года. Помпей – сильный, волевой человек, старавшийся соблюдать республиканские законы, погиб в политической борьбе. Хитроумный Гай Юлий Цезарь достиг, казалось, абсолютной власти, но монархом не стал и был убит заговорщиками, оставаясь диктатором в республиканских одеждах. Даже пламенный Антоний, физически мощный человек, отважный воин, громогласный оратор, решительный, склонный к авантюризму, не сделался первым реальным монархом Древнего Рима. А стал им тихий, незаметный поначалу, Гай Октавий. Такое имя дали ему при рождении.

Какова разница между диктатором и монархом? Диктатура входит в систему римских республиканских магистратур (должностей). Диктатора в случае опасности для государства назначали консулы по решению Сената на шесть месяцев. Так было во времена республики. Но уже в I в. до н. э. и Сулла и Цезарь, ставшие диктаторами, нарушили закон и закрепили за собой власть пожизненно. Изобретенный Августом принципат тоже не соответствовал римским законам. В древности существовала должность принцепса Сената. Это был, как правило, самый пожилой, уважаемый сенатор, который первым высказывал свое мнение в дискуссии. Такая позиция имела характер honoris ееиБае (в буквальном переводе – «ради чести»). И эту должность Август использовал для получения неограниченной власти.

Он родился 23 сентября 63 г. до н. э. в Риме. Отец его, Гай Октавий, происходил из рода Октавиев. Его мать, Атия, была племянницей Юлия Цезаря.

Со временем вокруг рождения Гая Октавия возникли различные предания. Якобы его отец Октавий опоздал на заседание Сената и стал просить извинения, объясняя, что на рассвете у него родился сын. Тогда один из сенаторов, Фигул, пифагореец и знаток астрологии, спросил, в котором часу, в какую минуту это произошло, в каком положении было солнце, затем задумался и изрек: «Это будущий властелин Вселенной».

Мать воспитывала Гая Октавия в строгости и простоте, как велели старинные римские обычаи. Мальчику дали традиционное

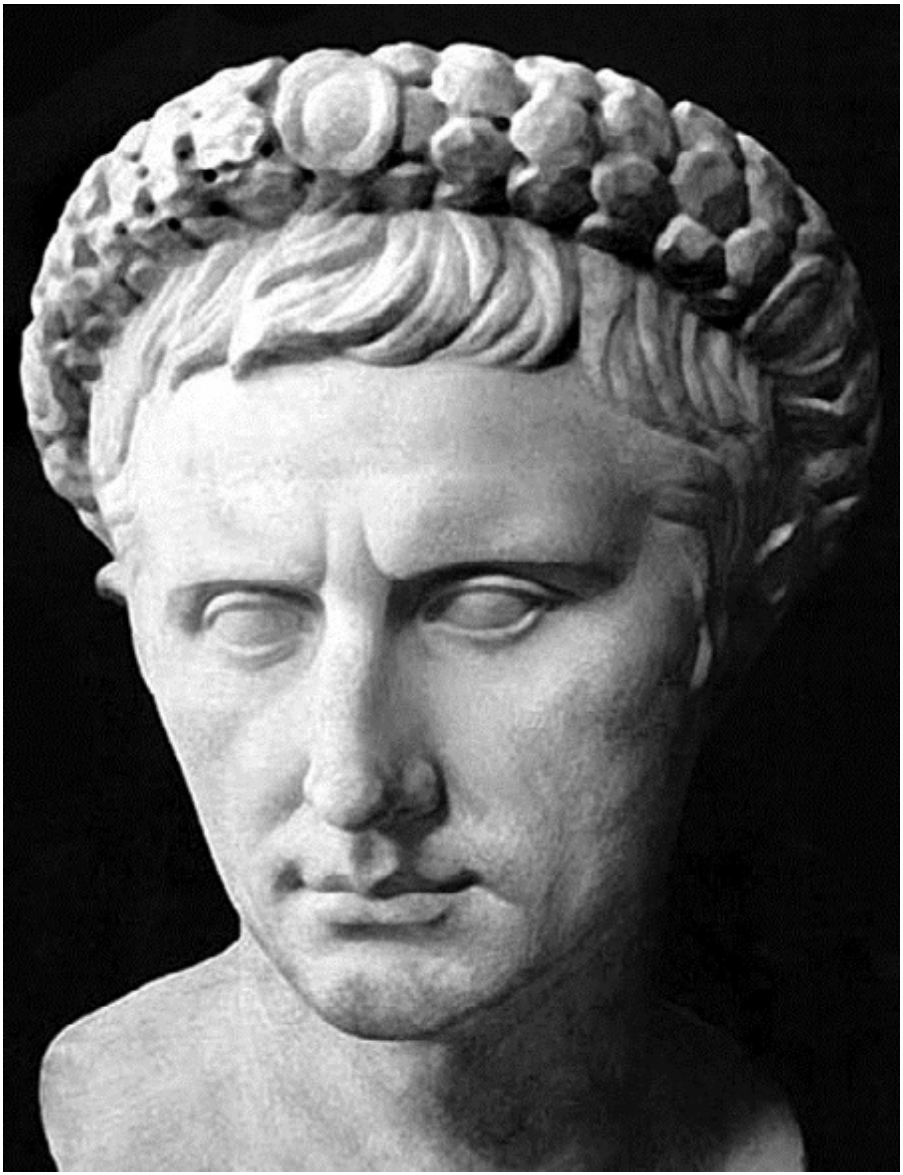
для человека его круга образование, включавшее знание языков, римской истории, основ математики и музыки.

Родители старались, чтобы сын чаще бывал в обществе Юлия Цезаря, которому приходился внучатым племянником. Им удалось даже на некоторое время отдать мальчика в дом к этому замечательному родственнику. Гай Октавий, тихий, усердный, умевший держаться с достоинством, понравился Цезарю. Он всегда нравился тем, кому хотел. Было в его характере что-то от грибоедовского Молчалина. За год до своей смерти Цезарь взял внучатого племянника в один из своих военных походов. А сразу после убийства великого диктатора, не имевшего законных сыновей, обнародовали его завещание: он объявил девятнадцатилетнего юношу своим приемным сыном и наследником. К тому же Октавий был женат на племяннице Юлия Цезаря. Великий правитель Рима оставил родственнику три четверти своего состояния. Четверть предназначалась для раздачи денег римскому народу.

Известие о смерти Цезаря застало Гая Октавия вне Рима. Он находился в Аполлонии (город на территории современной Албании), где были собраны войска Цезаря, предназначавшиеся для похода на Восток, в Парфию. Гай Октавий поспешил в Рим, где он на тот момент не пользовался никаким влиянием. Деньги Цезаря перенесли в дом к Марку Антонию, который выступал в роли духовного преемника Цезаря, устроил торжественные похороны, обещал хранить его память. Вдова Цезаря не возражала против того, чтобы деньги попали к Антонию, а тот вовсе не собирался отдавать их юному Октавию. Люди во все эпохи трудно расстаются с деньгами.

Но Октавий нашел выход из положения. Он сделал эффектный театральный жест. Продав часть того, что ему все-таки удалось получить, он от имени Цезаря организовал раздачу денег народу. Население Рима можно назвать очень пестрым, было там и немало нищих. Поступок Октавия пришелся им по душе. Он был замечен.

Юноша тем временем оформил свое усыновление и получил новое имя – Гай Юлий Цезарь ан Октавиан. «Ан» в римской традиции означает, что он перешел из рода в род. Из рода Октавиев – в род Юлия Цезаря. А Юлии по легенде вели свое происхождение от Марса и Венеры.



Бюст императора Августа

Так началась политическая карьера Октавиана. Но у него не было покровителя. Выбор молодого человека пал на великого оратора и публициста Марка Тулия Цицерона. В тот момент Цицерон был злейшим врагом Марка Антония и яростно обрушивался на него в своих речах. Цицерон убеждал публику, что искренне хочет спасти старую, добрую Римскую республику. Конечно, в глубине души он тоже хотел власти, но власти в республиканских одеждах.

У Цицерона появилась идея использовать приемного сына

Цезаря Октавиана, тем более что тот был явно неглуп.

У юноши имелись все основания биться за власть. А потом немолодой, многоопытный политик Цицерон рассчитывал его отодвинуть. Он просчитался, и в итоге это стоило ему жизни.

Возраст Октавиана не позволял ему занимать ключевые должности. Но Цицерон добился, чтобы в 43 году до н. э., всего через год после убийства Цезаря, Сенат разрешил юноше на 10 лет раньше положенного стать консулом. В эти годы римляне сами нарушали свои законы. Здание республики рушилось, и спасти его было уже нельзя.

Доводы Цицерона были таковы: зрелые мужи допустили множество злодейств. Например, во времена Суллы публиковались списки осужденных (проскрипции), и каждый имел право убить попавших в них людей. На смену прежним политикам должен прийти новый, юный и незапятнанный, а именно Октавиан.

Став консулом и получив право управлять войском, Октавиан сразу же вступил в союз с Марком Антонием. Чтобы сблизиться с ним, Октавиан выдал за него замуж свою сестру Октавию, которую за добродетель и благородство уважал весь Рим. Ради брата она согласилась стать женой развратного и грубого Антония.

Заручившись поддержкой патриция Лепида, Октавиан и Антоний создали то, что вошло в историю под названием Второй Триумвират. Три сильных политика взяли на себя ответственность за судьбу государства на ближайшие пять лет. Первый Триумвират составили в 60 году до н. э. Цезарь, Помпей и Красс.

Статуя Октавиана из Прима Порто

Теперь, в 43 году до н. э., Октавиан, Антоний и Лепид не без труда и борьбы поделили римские провинции и приняли решение вернуться к страшной системе проскрипций.

Составлялись списки людей, «опасных для государства». В XVIII веке, годы Великой Французской революции, их назовут

«врагами народа». Этот термин позже перекочует в советскую политическую практику.

Когда появились списки «опасных для государства», в Риме началась вакханалия. Масштабы политических убийств превзошли кровавые времена диктатора Суллы. Люди прятались в подвалах, на кладбищах, часами сидели в воде, надеясь, что наемные убийцы пройдут мимо.

Списки росли: сначала они включали 18 человек, затем – 130, потом 150 и т. д. В итоге погибли 300 сенаторов и 2000 прочих граждан Рима. Триумвиры требовали, чтобы им приносили головы убитых. Донос оплачивался, конфискация имущества убитых производилась в пользу триумвиров и доносчика.

Все это напоминает человеческие жертвоприношения. Но ради чего были все эти жертвы? Триумвират преследовал сразу несколько целей: обогатиться, уничтожить политических соперников и – что очень важно – повергнуть римский народ в ужас.

Под внешней мягкостью Октавиана скрывалась беспощадная жестокость. В 40 году до н. э. в одной из областей Италии он приказал в память Цезаря казнить в неком храме 300 знатных человек, которых считал опасными.

Триумвиры долго спорили о том, включать ли в списки Цицерона. Ведь Октавиан называл его отцом! Два дня он спорил с Антонием и Лепидом, а на третий день согласился – в обмен на то, что в список будет включен и некий родственник Антония, политически опасный для Октавиана.

Цицерон пытался бежать из Италии, но был опознан и выдан властям. Голову великому оратору, политику, писателю отрубил центурион, который был лично ему обязан победой в судебном деле. Яркая, но не уникальная форма «благодарности»!

Союз триумвиров не мог быть прочным. Совместно они осуществили только одно: осенью 42 года до н. э. победили убийц Юлия Цезаря – Брута и Кассия. На территории Греции, куда те бежали после заговора и убийства, состоялось знаменитое сражение при Филиппах. Брут и Кассий погибли. А освободившись от них, триумвиры начали соперничать друг с другом.

В 36 году до н. э. Октавиан ловким маневром лишил Лепида войска и власти, тем самым убрав его с политической арены. А в 32 году произошел разрыв с Марком Антонием. Их союз продержался девять лет.

Антоний после битвы при Филиппах отправился в восточные римские провинции для сбора средств и надолго задержался в Египте, поддавшись чарам египетской царицы Клеопатры. Он

сообщил своей римской жене, что разводится и официально женится на Клеопатре. Однако Октавиан понимал, что рано или поздно ему придется сойтись с Антонием в решающем сражении – и это будет сильный противник.

Симпатии римлян оказались на стороне Октавиана. Антоний был далеко, наслаждался жизнью с египтянкой. По мнению римлян, он предал римские ценности, объявив о раздаче восточных провинций детям Клеопатры. Октавиан же был рядом с гражданами. Скульптурные портреты запечатлели его облик: и стрижка, и одежда у него традиционно римские. Он истинный римлянин, верный муж и надежный правитель.

На самом деле он сменил трех жен, что не так уж много по римским представлениям. В 38 году до н. э. Октавиан познакомился с женщиной по имени Ливия, когда она была замужем и ожидала ребенка. В то время вторая жена самого Октавиана, Скрибония, тоже ждала ребенка. Но для Октавиана это не имело значения.

Еще до того, как Ливия родила, он забрал ее к себе в дом и женился на ней. Ливия была женщина умная, хитрая, интересовалась политикой и поставила целью своей жизни, чтобы наследником ее великого мужа оказался ее родной сын от предыдущего брака Тиберий. И она этого добилась.

Ради своей цели она готова была терпеть бесконечные измены, которыми славился Октавиан. Ему часто пеняли на его неверность. Но Октавиан отвечал, что делает это в политических целях: через женщин можно разведать, что думают их мужья – его враги, какие у них злые умыслы. Он мог вывернуться из любого положения.

В 31 году до н. э. в битве при Акции у берегов Северной Африки Октавиан разбил войско Антония. В этом бою Антония предала Клеопатра, уведя свои корабли, он вынужден был покончить с собой. Вслед за ним свела счеты с жизнью и сама Клеопатра.

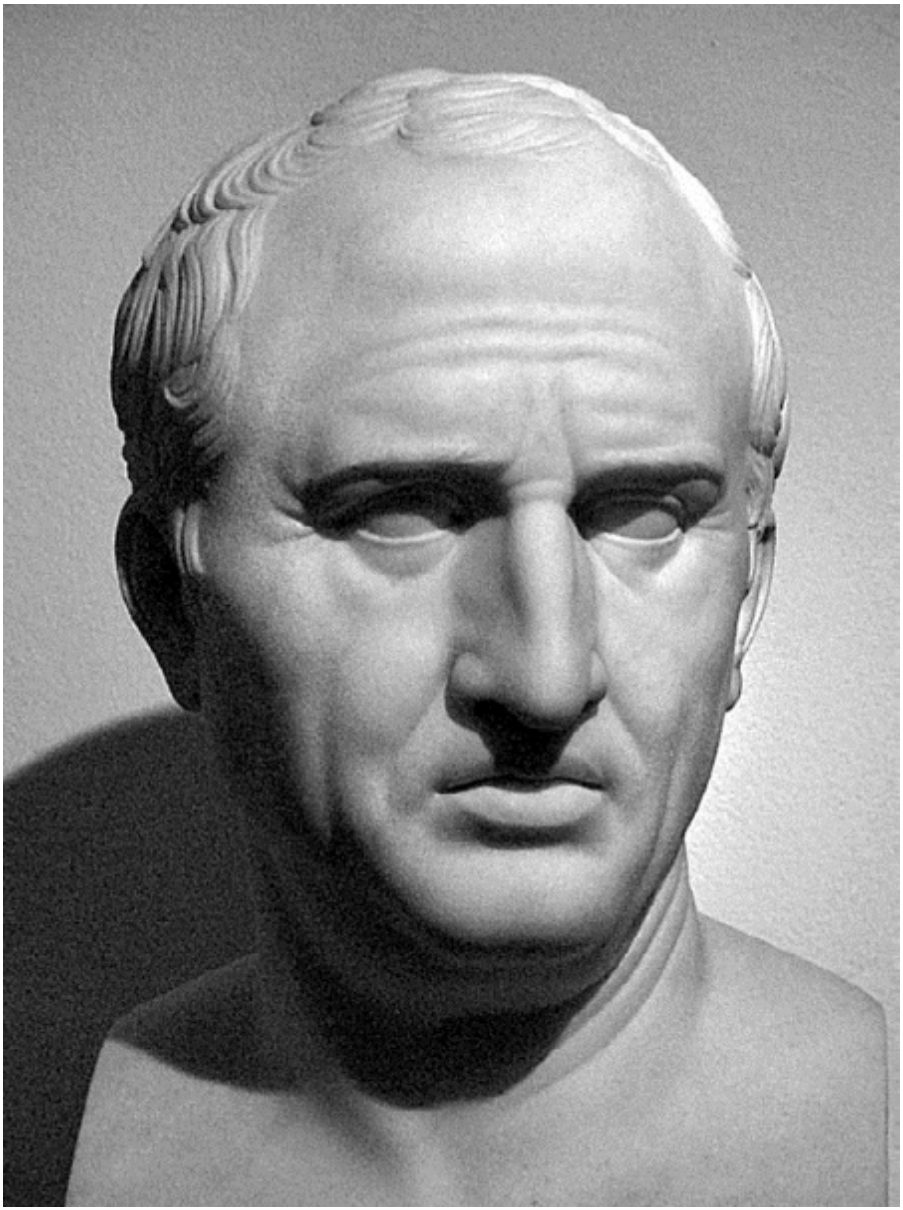
Когда же все враги Октавиана были уничтожены, он заявил в Сенате: «Я сделал свое дело и теперь ухожу. Живите, как хотите». Конечно, он не сомневался, что его никто не отпустит.

Сенат начал умолять его остаться. Наконец-то, говорили ему, нет твоих соперников, нет проскрипций, мир, созидание… останься! Ему присвоили титул Августа. Это что-то вроде «отца отечества». Так называли того, кто обеспечил процветание государства.

К титулу прибавились и различные почетные должности. Самая демократичная римская должность – народный трибун. Она возникла в глубокой древности для защиты интересов

плебеев. Трибун – защитник народа. Октавиан по закону не имел права на эту должность, потому что он происходил не из плебеев и усыновлен был родом аристократов Юлиев. Это не помешало ему избираться народным трибуном 37 раз!

Оставаясь у власти сорок лет, он многократно избирался и консулом, и верховным жрецом. Так родилась фактически «изобретенная» Октавианом Августом система принципата, при которой верховный правитель Рима теоретически считался лишь «первым среди равных». Реально же он и его преемники правили единолично.



Марк Тулий Цицерон. Копия с римского оригинала

Каковы его достижения как правителя? Почему он оставил такой яркий след в истории Рима? Новых территориальных приобретений при нем не было. Октавиан присоединил лишь Паннонию – территорию нынешней Румынии и Венгрии. Несколько продвинулся в Германию, но встретил отпор. Римляне были разбиты германцами в Тевтобургском лесу в 9 году н. э. После этого, как пишут античные авторы, Октавиан несколько месяцев не стригся и не брился, а потом стал время от времени

биться головой о дверной косяк и кричать, обращаясь к своему разгромленному и покончившему с собой полководцу: «Квинтилий Вар! Верни мне легионы!» Великий актер!

В сущности, в правление Октавиана Рим перешел к оборонительной политике. Это можно было воспринять как позор, но Август сумел подать все совершенно иначе. Он возвел в Риме грандиозный Алтарь мира – красивейшее сооружение – и начал внушать гражданам, что мир – это прекрасно. Такая точка зрения была римлянам абсолютно несвойственна. Но Август обладал даром убеждения. Он не скупился на хлеб и зрелища для народа, покровительствовал искусству.

Его друг Меценат познакомил его с поэтом Вергилием, и тот взялся за создание великого эпоса о римской истории. Правда, Вергилий умер раньше Августа, не завершив работы над великой «Энеидой», и выяснилось, что в завещании поэт написал: «Уничтожить». Он не посмел ничего сказать против Августа при жизни, но не хотел, чтобы сохранилась рукопись, проникнутая имперским духом. Август же позаботился о том, чтобы она была сохранена. Он поручил друзьям Вергилия завершить поэму и придать ее гласности.

Чем гордился сам Август? Что хотел оставить в памяти потомков? Он писал о себе «скромно»: «Спас государство». Вообще он даже скромность умел проявлять тогда, когда это было ему выгодно, и несколько раз отказывался от триумфов. Он утверждал, что занимал должности по закону, раздавал народу деньги и хлеб, украсил Рим новыми архитектурными сооружениями, очистил море от пиратов, наполнил житницу государства. Прекраснейший человек!

А еще он всегда своевременно раскрывал заговоры. Он узнавал о них, когда они только намечались, и одних врагов убирал беспощадно, а других задабривал или отсылал куда-нибудь.

Прожив 76 лет, Октавиан умер своей смертью, легко и быстро, успев в последние минуты сказать окружающим: «Хорошо ли я сыграл комедию жизни?»

Константин I Великий. Власть и вера

Нам часто кажется, что слова «великий человек» непременно имеют сугубо положительное значение. Но когда начинаешь разбираться в биографии конкретного человека, все оказывается несколько сложнее.

Жизнь Константина I Великого, римского императора, который Рим практически не посещал, строится вокруг двух начал – власти и веры. Широко известно, что он разрешил в языческом прежде Риме христианство, выпустив так называемый «Эдикт о веротерпимости». До этого христиан активно преследовали. Впрочем, прекращение гонений на христиан – не его личная заслуга.

Многие знают также, что после Никейского Собора 325 года христианство стало не просто разрешенной, но и официально признанной, даже привилегированной религией. Император поддержал именно эту церковь. Притом сам он – что также общеизвестно – принял крещение только на смертном одре.

Константин прославился и тем, что перенес столицу Римской империи в бывшую греческую колонию Византий и создал город, который еще при его жизни стали называть «городом Константина» – Константинополем. А русичи так восхитились этим городом, что назвали его Царьград – «царь всех городов».

Сегодня Константин Великий – равноапостольный святой православной церкви. Это высокая категория святости в восточной ветви христианства. Западные христиане – католики – его таковым не почитают. Да и реальная его жизнь очень далека от святости.

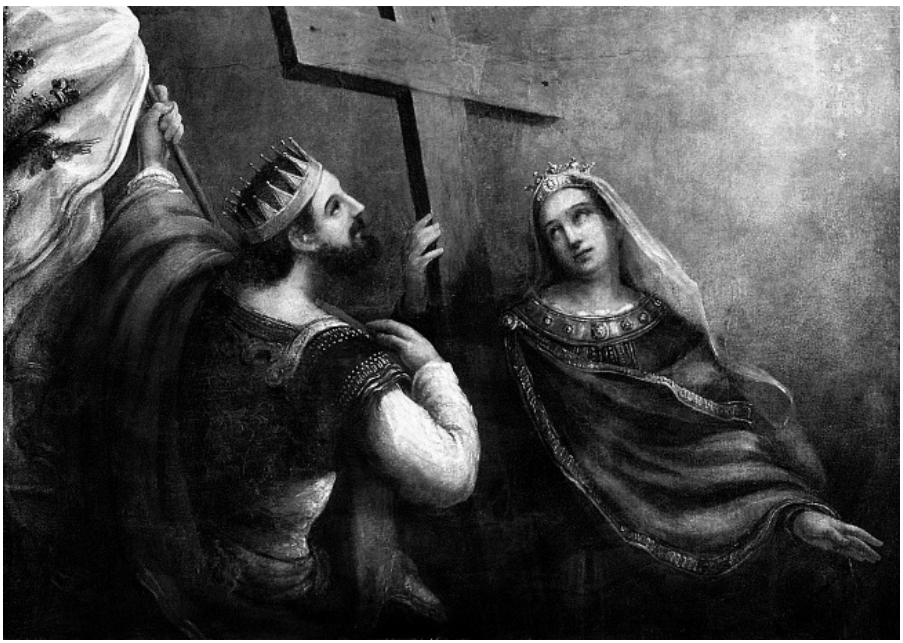
В обширной литературе личность и деятельность Константина оценивают весьма по-разному, порой даже противоположно. Русская дореволюционная профессура, церковные писатели, преподаватели духовных академий отзываются о нем только положительно. Случается и так, что кто-то из современных светских авторов слагает ему панегирики, повторяя утверждения древних источников и полностью им доверяя. Но среди специалистов XX века немало и таких, кто видит исключительно отрицательные стороны этой личности.

А правильнее всего, конечно, искать золотую середину, как это делает, например, современный специалист по античной истории М.М. Казаков в статье «Обращение» Константина I и Миланский эдикт», опубликованной в 2002 году в журнале «Вопросы истории».

Дата рождения Константина в точности неизвестна. По

некоторым сведениям, он родился в 272 году новой эры. А может быть, это произошло на десять лет позже. Такие искажения могут быть связаны с подобострастным желанием придворных историков «омолодить» императора. Скончался же он в 337-м, прожив, вероятнее всего, около 65 лет.

Место рождения Константина очень далеко от Рима. Это город Нэсс в римской провинции Мезия между Дунаем и Балканскими горами, на территории современной Сербии.



В.К. Сазонов.

Святые Константин и Елена вокруг Животворящего Креста Господня

Отец – Констанций Хлор, сын пастуха и дочери крестьянина-вольноотпущенника. Мать – Елена, дочь трактирщика из Вифинии, с северо-запада Малой Азии. Нет сомнений в том, что она была христианкой. Лет до 11–12 сын жил вместе с ней и находился под ее влиянием.

Несмотря на такое скромное происхождение, Константин сделал головокружительную карьеру и стал правителем огромной империи.

К тому времени ушли в прошлое времена республики, когда правитель должен был родиться именно в Риме. Ряд историков называет III век новой эры концом классической римской истории. А для истории византийской появление правителя-простолюдина было довольно характерно. Например, будущая

императрица Феодора – супруга Юстиниана – в юности была цирковой танцовщицей. В другом историческом контексте такое сложно представить.

Подробных сведений о детстве будущего императора нет. При рождении мальчику дали римское имя Флавий Валерий Аврелий Константин. В юношестве он занимался преимущественно спортивными упражнениями. Особой склонности к интеллектуальной деятельности не проявлял.

Отец, состоявший с матерью Константина в гражданском браке – так называемом «конкубинате» (лат. concubinatus), служил в одном из дунайских легионов и редко бывал дома. Он не имел влиятельных родственников и покровителей и пробивался по службе только благодаря собственным способностям. В начале 80-х годов III века он стал наместником Далмации – провинции на севере Балкан (на территории современной Хорватии).

Констанций Хлор не был ярым преследователем христиан. Наверное, сказывался брак с христианкой Еленой. Однако его сын Константин посещал в Нэссе языческую школу и почитал языческих богов (в частности, Геркулеса и Аполлона). Однако христиан в империи было уже около 10–12 процентов от общего числа населения.

Это была эпоха угасания старой римской политической системы. Классическая республика перестала существовать в I – начале II века новой эры. Ее сменила система принципата, по сути мало отличавшаяся от монархии. Император фактически был единоличным правителем. Но формально он должен был опираться на Сенат.

После политического кризиса первой половины III века империя на время распалась. Начались годы так называемых «солдатских императоров», которые сменяли друг друга раз в месяц. Бывало и по несколько императоров одновременно: их провозглашали разные армии.

Казалось, Риму пришел конец. Но затем наступил период временной стабилизации, вершиной которого стало правление императора Диоклетиана (284–305). Именно тогда и жил Константин.

При Диоклетиане сложилась новая политическая система – доминат. Правитель, доминус, осуществлял высшую власть. По отношению к нему подданные должны были вести себя как на Востоке: бить земные поклоны, падать перед ним на землю… Вырос громадный бюрократический аппарат. Былые римские должности (магистратуры) – консул, претор, цензор и др. – превратились просто в почетные звания.

Диоклетиан создал систему, получившую название «тетрархия» – «власть четырех». Суть ее в том, что у огромной империи сразу два высших правителя – два августа. Сам Диоклетиан – правитель Востока. Он избирает себе соправителя, августа Запада – Максимиана. Империя едина, и они правят совместно. Кроме того, они клянутся, что берут власть только на 20 лет. И по прошествии этого срока они действительно от нее откажутся!

У соправителей есть заместители – цезари. На одной из римских скульптур, получивших название Тетрархия, изображены все четверо: два августа и два цезаря, спинами как будто подпирающие друг друга.

С чем связано появление новой системы власти? Конечно, сделана попытка поддержать, укрепить рушащееся здание римского государства.

Таким образом, Константин живет во времена относительного усиления Рима. Его отец Констанций Хлор делает невероятную карьеру: один из двух августов – Максимиан – назначает его цезарем Запада. Условием этого стала женитьба на падчерице Максимиана Феодоре. Христианка Елена, мать Константина, в этот момент исчезает из жизни сына.

Константин не отправился с отцом на Запад, а остался в восточной части империи, в Никомедии, при дворе Диоклетиана, фактически в качестве заложника, чтобы обеспечить лояльность цезаря Запада Констанция Хлора по отношению к августу Диоклетиану. Наверное, было известно, что мальчик, пусть и рожденный не в законном браке, дорог отцу.

В Малой Азии Константин провел 12 лет. Он участвовал вместе с Диоклетианом в военных походах, например в Египет, и показал себя как хороший воин. Несомненно, что он освоил и непростую науку дворцовой интриги.

1 мая 305 года состоялось величайшее событие. Августы Диоклетиан и Максимиан после 20 лет тиранического правления отреклись от власти. Современники утверждали, что Максимиан не хотел этого делать. Но воля Диоклетиана была сильнее, и он заставил соправителя выполнить свое обещание.

Была устроена грандиозная церемония, на которой старых августов сменили новые – отец Константина Констанций Хлор и Гай Галерий. Константин, которому было около 33 лет, пережил в тот день величайшее разочарование: он не был назначен цезарем, правой рукой отца, получившего высшую власть на Западе. Вероятнее всего, Диоклетиан был против подобного «наследования»: оно разрушало устойчивость тетрархии. Известно, что Константин присутствовал на церемонии и,

несомненно, ждал, что отец назовет его. Но было произнесено имя другого человека.

Итак, Константин, бастард, заложник, обманут в своих ожиданиях. Может быть, взглянув в этот тяжелейший момент на изображение Юпитера, Константин затаил обиду на верховное божество? Не этим ли был предопределен его постепенный отход от традиционной римской религии?

Пьеро дела Франческа.
Сон Константина. Фреска. 1450-е гг.

Он остался придворным заложником и явно тяготился этим положением. А через год, в 306-м, пришло известие о том, что август Констанций Хлор, находившийся в тот момент в Британии, тяжело заболел. Константин обратился к августу восточных

земель Галерию и получил разрешение навестить больного отца.

Уже наутро Галерий передумал и потребовал вернуть Константина. Но тот был далеко. Он мчался из нынешней

Турции на север нынешней Англии. Чтобы не догнали, приказывал убивать оставшихся позади почтовых лошадей. Ему не было их жаль, как позже не было жаль и людей, мешавших его карьере.

Отца Константин застал при смерти. Вскоре тот умер, все-таки объявив сына своим наследником и нарушив тем самым законы тетрархии. Назначение Константина поддержали легионы – из уважения к Констанцию Хлору. Так в британском городе Йорке Константин приступил к единоличному правлению.

Но на власть были и другие претенденты, в том числе никогда не желавший ее отдавать Максимиан и его сын. В итоге на рубеже 307–308 гг. в Риме оказалось даже не четыре, а шесть правителей. Такая система не была, конечно, жизнеспособной. Стареющий отставной император Диоклетиан изо всех сил пытался примирить соперников. Он собрал их на Дунае и предложил договориться и прекратить распри. Однако переговоры закончились ничем. Рим был на пороге гражданской войны. И развязал ее именно Константин.

Ему предстояло биться за власть с целой группой соперников. Их было не менее десяти. Входе этой борьбы тесть его отца, Максимиан, был казнен. Причем Константин по-родственному разрешил ему самому выбрать вид казни. А после смерти Максимиана была уничтожена сама память о нем, стерты все надписи, в которых упоминалось его имя.

Сын Максимиана, Максенций, засел в Риме. Константин же бился за империю, в столице которой он ни разу не бывал.

Несмотря на непрекращающиеся войны, Константин не забывал и о личной жизни. Сначала у него, по примеру отца, была сожительница-конкубина. Она родила ему сына Криспа. Но потом Константин отверг гражданскую жену и вступил в брак с Фаустой – дочерью Максимиана и сестрой Максенция.

Рафаэль и ученики.
Крещение Константина. 1510-е гг.

Апологеты Константина уверяют, что он испытывал к Фаусте пламенные чувства и долго добивался взаимности. Это маловероятно. Скорее всего, он заключил обыкновенный династический брак.

На протяжении нескольких лет в войнах, которые вел Константин, сложно заметить отзвуки какой либо религиозной идеи. Впервые она прозвучала в ходе знаменитого сражения двух августов – Константина и Максенция – у Мильвийского моста на окраине Рима 28 октября 312 года.

Максенций подготовился к битве по-язычески. Он обратился к жрецам, и ему ответили, что враг Рима будет повержен. Решив, что речь идет о Константине, Максенций приказал рядом с Мильвийским мостом построить еще один – ловушку, обманный мост, который в любую минуту мог быть разведен. Туда предполагалось заманить войско Константина и сделать так, чтобы оно рухнуло в реку.

История этого сражения как нельзя лучше иллюстрирует русскую пословицу «Не рой другому яму – сам в нее попадешь». В бою войска Константина, хотя и меньшие по численности, оказались сильнее. Армия Максенция и он сам побежали по обманному мосту. А он, построенный наспех, рухнул сам, без приведения в действие специального механизма.

Максенций утонул. По приказу Константина его тело выловили и отрубили голову – и с ней победитель торжественно вступил в Рим. Трудно назвать это христианским поведением.

Однако предания сохранили образ Константина, вооруженного истинной верой. Религиозные авторы утверждают, что перед самым сражением ему было видение креста с надписью «Сим победиши». Увидев во сне этот крест необычной формы, Константин приказал изготовить особое знамя – лабарум. Оно напоминает значки римских регионов, но более вытянуто по горизонтали. И победил он, как считают его апологеты, потому что шел под этим христианским знаменем.

Так или иначе, Константин наконец оказался в Риме и, судя по всему, Рим ему не понравился. Он ощутил себя там провинциалом, чужаком. Это был не его город.

Надо сказать, что Константин был правителем западной половины империи. На Востоке утвердился муж его сестры, Лициний. После вступления Константина в Рим они встретились в Медиолане (современный Милан) и договорились вернуться к системе двоевластия, которая существовала при Диоклетиане. Соправители подписали документ, вошедший в историю под названием Миланский эдикт.

Миланский эдикт представлял собой декларацию, адресованную наместникам всех римских провинций. Он провозгласил веротерпимость: христианам разрешалось отправлять их культ так же, как и всем остальным. Веротерпимость должна была объединить огромную империю, населенную разными народами.

Эдикт имел колоссальное значение для христиан, которых еще недавно подвергали страшным гонениям: их лишали имущества, подвергали пыткам, сжигали на кострах, отдавали на растерзание львам. Многие из ранних христиан проявляли в эти годы невероятную нравственную стойкость. Теперь же у них появилась возможность вернуться к обычной человеческой жизни. Через десять лет после подписания документа, в 323 году, Лициний был тайно убит и Константин стал единоличным правителем империи. Поэтому в истории именно он остался автором знаменитого эдикта.

Он был толковым и умелым правителем. Вступив в могучий союз с христианской церковью, он сделал ее опорой крайней централизации. Так был установлен последний столб, призванный спасти рушащееся государственное здание.

Основание Константинополя.
Гобелен. XVII в.

В 325 году на знаменитом Никейском Соборе христианство было провозглашено официальной, фактически государственной религией. Был принят так называемый «Символ веры» – текст молитвы, утверждающий основы христианства. Он начинался со слова «сгеёо» («Верую»). После Никейского Собора христианам были дарованы некоторые важные привилегии. Например, при составлении завещания часть имущества, которая ранее в обязательном порядке отходила императору, теперь предназначалась для христианской церкви – в качестве компенсации за страдания, которые претерпели христиане в ходе преследований.

Были и другие реформы, направленные на укрепление централизованной власти. Произошло так называемое «закрепощение сословий». Колоны – полузависимые крестьяне – были прикреплены к земле, чиновники – к должности.

Наконец, в 330 году Константин избрал для империи новую столицу. Для этого не подходили ни Никея, расположенная в Малой Азии, ни чуждый ему Рим. Новой столицей был избран Византий, бывшая греческая колония, куда еще в VII веке до н. э. прибыли поселенцы из города Мегара.

Византий расположился на европейской стороне Босфорского пролива – между Европой и Азией. Много позже Карл Маркс назвал его золотым мостом между Востоком и Западом. Мост был поистине золотым: Константин направил на строительство столицы огромные средства.

11 мая 330 года произошло освящение города, названного Nova Roma – Новый Рим. Но очень скоро, еще при жизни Константина, столице было дано имя Константинополь.

Здесь Константин постарался максимально возвеличить себя. В Константинополь были перевезены многие изумительные произведения греческого искусства. Константина не смущало, что искусство это языческое. В честь его победы над Максенцием была поставлена арка, украшенная барельефами в античном стиле. В надписи на этом сооружении Константин назван «освободителем города» (то есть Рима) от «тирана» (Максенция). За победу над претендовавшим на власть политическим противником Константин назван «восстановителем мира».

Константину возвели в его новой столице памятник высотой 20 метров. Если на миг представить себе, что этот исполин поднялся на ноги, его рост составил бы около 40 метров!

Финал жизни Константина Великого был ужасен. За год до смерти, в 336 году, он приказал убить своего сына Криспа по подозрению в том, что тот пытался изнасиловать свою мачеху, жену Константина Фаусту. Это была либо чистая фантазия, либо подстроенная провокация.

Криспу было к тому времени уже около 40 лет, а он все еще не получил никакого статуса в государстве. К тому же у Константина было три сына от Фаусты. Может быть, она заботилась о них и убирала с дороги их старшего сводного брата – Криспа. Она вполне могла попытаться соблазнить его, чтобы скомпрометировать перед отцом.

Константин глубоко переживал смерть Криспа и раскаивался в содеянном. А через месяц ему представили доказательства, что его любимый сын был оклеветан мачехой. Тогда он собственноручно с ней расправился: по одной из версий, отправил ее в жарко натопленную баню и запер двери. Там она и задохнулась. Народу же сообщили, что Фауста приняла слишком много снотворного и ей сделалось дурно в ванне.

Константин будто почувствовал приближение смерти. Он

много грешил, и потому неудивительно, что он тайно отправился в паломничество в Иерусалим. Как пишет его биограф Евсевий, там Константин и уверовал. Возможно. Правда, тот же биограф отмечает: в преклонные годы Константин стал сильно болеть и надеялся на исцеление на Святой Земле.

За некоторое время до этого его престарелая мать Елена побывала в Иерусалиме и организовала раскопки пещеры, в которой якобы был погребен Иисус Христос. Она же основала церковь Рождества Христова в Вифлееме.

Константин Великий приносит город в дар Христу. Мозаика над входом в Святую Софию.

Стареющий Константин как будто вспомнил христианские заветы матери и испытал потребность в покаянии.

Исцеления не произошло. Император умер в Никомедии 21 мая 337 года. Но на смертном одре Константин принял христианство. Его крестил ближайший друг и биограф Евсевий. По его словам, в последнюю минуту жизни Константин улыбался. Он был погребен в Константинополе, в храме Апостолов.

Судьба оказалась неблагосклонна к его сыновьям. Старший, Константин II, был убит в войне с братом Константом. А Констант погиб в результате заговора. Третий сын, Констанций II, пал в войне с двоюродным братом Юлианом – тем, что на время вернул в Рим языческих богов (вошел в историю под именем Юлиан Отступник).

Что касается самого Константина, то его заслуги перед христианской церковью несомненны. Святость же далеко не так очевидна. Ведь его борьба за веру всегда была борьбой за власть. Он – святой как бы «за заслуги перед церковью», а не за святую жизнь.

Император Юлиан Отступник. Утопия накануне катастрофы

Римский император Юлиан – грандиозная фигура в истории. Причем ему очень трудно дать сколько-нибудь определенную оценку.

И это несмотря на то, что его личность отражена во множестве источников. Среди них – труды его друга и сторонника Аммиана Марцеллина, замечательного римского писателя, грека по происхождению. Он был с Юлианом до последнего часа его жизни. Писал о нем и Либаний, известный софист, мастер ораторского искусства, учитель Аммиана Марцеллина и тоже сторонник Юлиана. Огромную панегирическую биографию он назвал «Надгробная речь Юлиану».

Много писали о Юлиане и христианские авторы, относившиеся к нему откровенно враждебно. В их текстах переплетены факты, мифы и сплетни, которых всегда немало создается вокруг столь противоречивых личностей.

Юлиан – человек новой, христианской эры. Год его рождения – 331-й. А в 361-м он возглавил Римскую империю, все еще великую, единую, не разделившуюся окончательно на Восток и Запад. Это был порог ее крушения.

Юлиан правил всего два года – в 363-м он умер. Казалось бы, что такое два года для всемирной истории? Всего лишь мгновение, крошечный эпизод! Но имя этого императора не забыто. Ему посвящена обширная научная, научно-популярная и художественная литература. Юлиан имел множество талантов, и талантов очень разнообразных. Но в учебники он вошел прежде всего как тот, кто пытался увести Римскую империю, уже принявшую христианство, обратно к язычеству. Причем это не совсем верно. В действительности он вел государство по особому, ему одному известному пути. Но достичь цели не успел.

А еще он был талантливым полководцем, одним из последних, кто по-настоящему бил германцев. Это потом, уже после него, германцы били римлян, вытесняя их из пространства великой империи.

Юлиан не только политик и воин. Он также писатель, страстный поклонник древнегреческой культуры, чуть ли не экстатически влюбленный в Гомера, Сократа, Платона. Как ни удивительно, его восторженное отношение к Платону будто предугадывает то восхищение этим античным философом, которое будет свойственно людям эпохи Возрождения.

Полное имя будущего римского императора – Флавий Клавдий Юлиан. Происхождение знатное. Его отец – брат Константина I Великого Юлий Констанций. Мать – вторая жена Юлия Констанция Василина.

Место рождения – Константинополь (первое название – Нова Рома, Новый Рим, не прижилось). Новую столицу в 330 году основал Константин I Великий. Это был правитель исключительно коварный и жестокий. Впрочем, именно он разрешил христианство. В 313 году он вместе с Лицинием написал Миланский эдикт – документ, в соответствии с которым христианство объявлялось официальной религией империи. А в 325 году на созванном им Первом Никейском Соборе были сформулированы основные принципы этой государственной религии.

Детство Юлиана счастливым не назовешь. Ему было меньше года, когда умерла мать. А в 337 году, когда мальчику было шесть лет, умер его дядя Константин. И почти все члены семьи, включая отца, были перебиты солдатами во время борьбы за власть, развернувшейся после смерти императора. Историк Д.Е. Фурман насчитал как минимум девять близких родственников Юлиана, истребленных во время этой резни.

В живых остались Юлиан и его старший брат Еалл, настолько болезненный, что солдаты, ворвавшиеся в дом, увидев его, убивать не стали: думали, что все равно не жилец.

Семь лет, до 342 года, мальчики провели в доме матери. Точно неизвестно, кто и почему их приютил. Так или иначе, они не привлекали внимания среднего сына Константина I Великого, нового императора Констанция II, укрепившегося на троне в 351 году, после четырнадцати лет междоусобиц.

Статуя Юлиана II Отступника

К Юлиану был приглашен наставник, епископ Евсевий. Раннее христианство имело немало направлений. Евсевий придерживался учения, которое называлось арианство (по имени александрийского священника Ария). В этом духе воспитывал он и своего ученика.

В одном из писем Юлиан обронил упоминание о том, что его христианские наставники больше напоминали надсмотрщиков, чем учителей. Видимо, так оно и было. Констанций поначалу

рассчитывал, что у него будет свой наследник или он изберет себе преемника, и тогда мальчики ему не понадобятся. Вот почему наставникам велено было не столько образовывать, сколько контролировать этих детей. А ведь во все века плохо, когда учитель не развивает творческое мышление ученика, а, наоборот, стремится его ограничить. Может быть, это стало одной из причин того, что в будущем Юлиан отвернулся от христианства.

Итак, наставники следили за образом мыслей Юлиана. Да и потом ему, уже взрослому, пришлось несколько раз являться в Константинополь к императору для отчета о направлении своих мыслей.

В детстве ближе других Юлиану был евнух по имени Мардоний, родом из варваров. В ту эпоху образованные евнухи нередко служили при императорском дворе. Мардоний был пылким поклонником эллинской культуры. И он привил Юлиану любовь к великой культуре Эллады.

После смерти Евсевия Юлиана и Галла отправили в казенное поместье под названием Мацелл в Каппадокии, где была огромная личная библиотека епископа Георгия. Здесь Юлиан нашел себе новых наставников. Ими стали книги. В то время как его брат Галл фехтовал и ездил верхом, он зачитывался античными авторами.

Пять лет мальчики провели в Мацелле. А у Констанция II за это время так и не появилось наследника. Его красавица жена Евсевия считала, что бездетность была наказанием ему за многочисленные зверства.

В 347 году император вдруг принял решение сделать Галла цезарем, то есть своим соправителем. Надо помнить, что система соправителей была введена при императоре Диоклетиане. Это делалось ради спасения пошатнувшегося Римского государства. И, как многие усовершенствования в управлении, она вовсе не учитывала человеческих характеров и страстей.

Два верховных правителя – Запада и Востока – должны были в один день отречься от власти и передать престол своим соправителям, или цезарям. Цезари превращались в августов. Предполагалось, что соправитель уже подготовлен к власти. Но только как же страсти людские? Ведь не каждый согласится в положенный срок от власти отречься!

Уже при Диоклетиане стало ясно, что система работает плохо. Августы и цезари насмерть перессорились, пошли войной друг на друга. Однажды на Дунае император попробовал всех их собрать и помирить. Диоклетиан рассчитывал на свой авторитет. Но выслушав его, соправители вернулись к междоусобицам.

Прекратить распри было уже невозможно.

Впрочем, система продолжала существовать. И это позволило Констанцию II сделать Галла правителем Востока. В том же, 347 году Юлиана вызвали в Константинополь – под строгий надзор. Там он продолжал учиться и был замечен, потому что отличался незаурядным интеллектом, много читал, прекрасно говорил. В 351 году его вновь выслали из столицы, на сей раз в Никомедию – столицу Вифинии, небольшого царства в Малой Азии. Это была глухая провинция, но там хранилось великое множество книг. Поэтому Юлиан был не просто доволен очередной ссылкой – он был счастлив!

Кроме того, в Никомедии жил Либаний – великий ритор и софист. Однако император Констанций запретил Юлиану встречаться со знаменитым оратором. Запрет приходилось соблюдать: юноша был окружен шпионами. При этом ничто не мешало Юлиану зачитываться речами

Либания. К нему попадал текст каждой из них, переписанный образованными рабами-греками.

Тем временем император получил известие о том, что на Западе узурпатор Магниций взял Рим. Констанций отправился туда с войсками. В Константинополе остался цезарь Галл. Это был человек буйного нрава. В отличие от младшего брата он явно мало читал и не был тонким политиком. Столкнувшись с неподчинением со стороны чиновников императора, он просто убил их. Преданные Констанцию люди послали вслед ему несколько доносов. Они сообщали, что Галл ведет себя не как цезарь, а как август, и собирается захватить власть. В 354 году вернувшийся Констанций II вызвал Галла к себе. Но встреча не состоялась: по дороге во дворец соправителя убили по приказу императора. Так Юлиан стал единственным наследником престола.

В свои 22 года он был разносторонне образован и очень умен. Он прекрасно понимал, что его жизнь под угрозой. Как все деспоты, Констанций II надеялся править вечно. В то же время он хотел, чтобы в случае его смерти у власти оказался представитель семьи. Причем соответствующим образом воспитанный.

Юлиан был вызван в Милан, где располагался в тот момент императорский двор, для дознания о поведении и умонастроениях. На все расспросы Юлиан отвечал однозначно, что к власти он вовсе не стремится и хочет одного – заниматься философией.

Тем не менее Констанций, как полагают многие исследователи, все-таки склонялся к тому, чтобы убить Юлиана. За молодого человека вступилась супруга императора Евсевия. Ей

понравился этот неординарный, ярко одаренный юноша. Ее окружали воины, узурпаторы, доносчики, заговорщики. А этот был совершенно иным. Таким его сделало знание античной культуры. И Констанций II прислушался к словам Евсевии.

Поднадзорного наследника отправили в Афины. Наверное, в ту минуту Юлиан стал самым счастливым человеком на свете. Ведь Античность была для него всем. Герои греческой мифологии присутствовали в каждом его тексте. В похвальном слове своей заступнице Евсевии, написанном очень искренне, он сравнивает ее с мудрейшей Афиной, прекрасной Афродитой и верной Пенелопой. Доказывая, что благородный человек должен уметь испытывать благодарность, он ссылается на Гомера, Сократа, Платона, Аристотеля.

Юлиан провел в Афинах несколько замечательных месяцев. Он общался и с язычниками, и с христианами, бывал на церковных службах. В этот период он приобщился к так называемым Элевсинским тайнам – сохранившимся языческим обрядам. Его другом стал элевсинский жрец.

А через некоторое время Юлиан был вновь вызван ко двору – и арестован. Жизнь его висела на волоске.

Не случайно он, гонимый с самого детства, увлекся учением, именуемым неоплатонизм. Эта философия – синтез идей Платона, Аристотеля и некоторых восточных течений. По мысли Платона, в мире существует триада: единое, ум и душа. Неоплатоники ставили своей целью поиск единого абстрактного божества – при сохранении многочисленных языческих богов как второстепенных. Они считали, что над всем в мире есть некое сверхсущее Единое (или Благо).

Неоплатонизм не предполагал непременного отрицания христианства. Просто эта религия понималась как одна из многих, составляющих общую, всемирную. Путь к постижению этой всемирной религии и философии проходил через теургию – практические способы единения с божеством, своего рода магию.

Юлиан настолько глубоко погрузился в мир неоплатонизма, что у него стали случаться видения и обмороки. Постепенно он пришел к мысли, что высшее божество во вселенной – это солнце, Гелиос. И что надо поклоняться именно ему. Все остальное второстепенно. Видимо, он начал ощущать себя жрецом великого бога Солнца.

Впрочем, Констанция II волновали вовсе не религиозные взгляды последнего оставшегося в живых родственника. Он просто боялся захвата власти.

Монета с профилем Юлиана Отступника

Когда Юлиана доставили к императорскому двору, ему немедленно сбрили бороду. По представлениям римлян борода – очевидный признак варварства. Правда, с распространением христианства восприятие бороды стало меняться. Ведь она была неотъемлемой частью облика церковного служителя. Но Юлиан должен был предстать перед императором в виде, соответствовавшем римской культуре.

Почему же Юлиан вновь не был убит? Может быть, за него вновь заступилась Евсевия. Может быть, свою роль сыграло и то, что у Констанция II за почти 20 лет правления так и не появилось наследника. Детей у него не было, родственников он уничтожил, достойного преемника так и не нашел. Он никому не доверял. Юноша философ показался ему несколько безобиднее других.

Император решил сделать Юлиана цезарем Запада – без каких бы то ни было реальных полномочий, женив его на своей сестре Елене. Не исключено, что Констанций, старея, захотел оставить о себе добрую память. Все получалось очень красиво: он не только не убил юношу, но простил его, выпустил из тюрьмы, женил на императорской сестре и сделал соправителем.

Оставался и вполне реальный шанс, что Юлиан, отправленный в лесистую и болотистую Галлию, завоеванную Гаем Юлием Цезарем за 400 лет до этого, просто не выдержит, пропадет, погибнет. Ведь у него не было никакого опыта управления!

Юлиан, глубоко напуганный своими злоключениями, каждую минуту ожидавший смерти, поспешно написал Констанцию II панегирик. Текст получился довольно абстрактным и холодным, можно сказать – казенным.

Но самое главное – Юлиан уцелел! Через некоторое время он прибыл в статусе цезаря в Галлию (на территорию нынешней Франции). На Галлию оказывали давление свирепые племена,

жившие на землях современной Германии. Приближалось то, чего никто из современников не мог вообразить, то, что потом назвали падением Западной Римской империи, Великим переселением народов. Людям той эпохи это казалось совершенно невозможным. Они видели лишь тревожную ситуацию на границах.

Полномочия Юлиана были эфемерны: он мог командовать только своей охраной – это 360 человек. Причем и их подбирал император Констанций. Так что, трудно сказать, были ли они не столько охранниками, сколько тюремщиками.

В Галлии стояли легионы – несколько десятков тысяч римских солдат. Они подчинялись не цезарю, а офицерам, назначенным императором. Был среди них и убийца Галла. Юлиан оказался в положении крайне унизительном. Солдаты наверняка смеялись над ним. Для них он был никем – неопытный в военном деле, проведший юность среди книг.

Но скоро выяснилось, что он вовсе не так прост. Постепенно, шаг за шагом, он отстранял от должностей императорских офицеров. А воевали они, кстати, безобразно. Терпели поражения от варваров.

Юлиан не гнушался учиться у солдат, которые сразу к нему расположились. У него была сформирована привычка учиться. Раньше он учился философии, теперь – военному делу. И на глазах войска он превратился в офицера. Научившись же, он вступил в бой с превосходящими силами германцев – и начал побеждать. Юлиан-философ сделался Юлианом-полководцем.

Он стал, пожалуй, последним, кто так всерьез и решительно громил германцев. Численно они все время превосходили римлян. Но на стороне Юлиана были быстро приобретенное умение и отчаянная решимость. Юлиан был абсолютно уверен, что классический Рим незыблем, непоколебима и его военная мощь. И это помогало в бою. Л.Н. Толстой гениально заметил, что дух войск – великая сила.

По данным многочисленных источников, на стороне римлян было примерно 13 тысяч легионеров, а германцев – 60 тысяч или около того. И даже при таком соотношении Юлиан одерживал победы. Он снял осаду с Отена, Страсбурга, Зальца, Майнца, Кельна, Вормса; возвратил Риму 40 захваченных германцами крепостей. Он построил флот, который начал господствовать на Рейне. А ведь даже в классические времена принадлежность этой реки Риму была под сомнением.

Юлиан разбил алеманнов, салических франков, хамавов. Закрепив завоевания Рима, он готов был идти дальше. А ведь некогда великий Цезарь, перейдя со своими легионами Рейн и

повстречавшись с германцами, отступил и не советовал Сенату вести войну с этими племенами.

Во время галльской кампании Юлиан не только стал из книжного мальчика полководцем, он превратился в реформатора. На территории Галлии он провел колоссальные реформы. И прежде всего более чем в три раза снизил налоги. В Константинополе это не могло вызвать восторгов. Но расстояния были огромны, коммуникация затруднена. И пока весть не дошла до столицы, Галлия, разрушенная войной, стремительно расцвела.

Немало делалось для развития правосудия. Небезуспешной была и борьба с коррупцией. Характерный показатель – глава финансового ведомства Флоренций стал заклятым врагом Юлиана.

Правитель Галлии вообще был окружен врагами, прежде всего – ставленниками Констанция II. Историк И.М. Гревс называет только трех человек, по-настоящему преданных Юлиану: это раб Евгемер, врач Орибасий и помощник Саллюстий. А еще Юлиан, как и любой полководец-победитель, был любимцем солдат. Победоносные легионы стали его капиталом. И он наконец-то почувствовал себя уверенно.

В 360 году, через пять лет пребывания Юлиана в Галлии, до Констанция II дошло, что его последний родственник слишком самостоятелен и успешен. Уничтожить его было невозможно: император не имел других наследников. Поэтому он принял решение, которое должно было подрубить влиятельность Юлиана и снова сделать его фигурой малозаметной и неопасной.

Под предлогом похода на Восток Констанций II решил отозвать из Галлии все лучшие легионы Юлиана. Поход был организован потому, что после некоторого упадка персидской державы возникло новое Сасанидское государство. А персы – вечная угроза античному миру.

Но одно дело – прислать приказ, другое – добиться его выполнения на месте. Начиная со II века в Риме было известно: императора создают войска.

Полученный из Константинополя приказ подтолкнул легионы Юлиана к бунту. Они отказались отправиться к Констанцию II и короновали Юлиана. И у того не осталось выбора – надо было идти войной на Констанция II. С 20 тысячами легионеров он двинулся на Восток, где была неизбежна встреча с императорской армией. Это означало начало очередной гражданской войны.

Интересно, что Юлиан пытался оправдаться перед жителями империи. Сохранились его послания, которые он разослал по многим городам. Самое знаменитое – послание к Сенату и народу

афинскому. Жителям своего любимого города Юлиан особенно подробно объяснил мотивы своих поступков. Он начал со слов: «Ничто так не родственно мудрости, как справедливость». Решение принять коронацию от легионов Юлиан назвал справедливым.

Он рассказывал, что происходит из одного рода с Констанцием, отцы их были братьями, император уничтожил шестерых его двоюродных братьев, отца, дядю и братьев. Рассказывая о детстве, Юлиан подчеркивает страдания, пережитые в ссылке, где он был вместе с братом Галлом: «Никому тогда не позволяли приходить ко мне, меня забирали из школ, хотя я был еще совершенно мальчиком. Как мне описать те шесть лет, что мы с братом были там? Мы жили с чужим имуществом, жили словно бы под охраной персов. Никто из гостей не мог видеть нас, никто из старых друзей не мог добиться разрешения встретиться с нами. Мы были лишены серьезной науки».

Юлиан доказывает, что у него есть моральное право идти войной на убийцу и мучителя. Не забывает упомянуть и о том, что не хотел высшей власти, отказывался, но теперь вынужден ее принять.

Подчеркивает он и нежелание развязывать большую войну. «Я убедил своих солдат, – пишет Юлиан, – не требовать ничего больше, но только чтобы он, император, позволил нам спокойно оставаться в Галлии и согласился с уже существующим порядком вещей». В этих рассуждениях нельзя не заметить лицемерия. Юлиан был прекрасно осведомлен о том, что Констанций уже не мог отменить свой приказ. Приказ императора – это абсолютно.

Ситуация стала необратимой. Констанций подсылал в Галлию лазутчиков, которые должны были подговорить германцев снова ударить по Юлиану. Более того, император сообщил в Италию, чтобы там остерегались войск, движущихся из Галлии.

Вряд ли Констанций ставил целью уничтожение Юлиана. Вероятнее всего, он намеревался разбить своего единственного наследника в бою, продемонстрировать ему силу и заставить, зализывая раны, вернуться в далекую провинцию, а самому продолжать спокойно править.

В 360 году Юлиан с 20-тысячным войском вышел из Виенны (современного Вьена – французского города на реке Роне). Он шел с запада; Констанций, вынужденный прервать персидский поход, – с востока. Им предстояло сойтись в районе Константинополя.

Перед выступлением на восток Юлиан в последний раз присутствовал на христианском богослужении. Он не скрывал

собственного язычества. Но документ, который он подписал, назывался Эдикт о веротерпимости. Хотя сам Юлиан уже созрел для того, чтобы отвергнуть христианство и вернуть Рим к былой чистой античной религии, в эдикте провозглашалось, что великий Рим принимает все вероучения. Христианство лишь переставало считаться официальной религией. В дальнейшем Юлиан не удержался на этой позиции. От идеи веротерпимости он перешел к грубому насилию. А пока он изображал великого миролюбца.

Войско двинулось через северную Италию, Паннонию (современную Венгрию), Мезию (север Балканского полуострова). По мере приближения к Константинополю

Юлиан рассылал повсюду послания с объяснением своих действий.

А 7 ноября 361 года произошло одно из тех событий, которые называют великими историческими случайностями. Констанций II внезапно скончался. Это произошло в Азии, в городе Тарсе – на территории современной Турции. Видимо, смерть этого немолодого и нездорового человека была естественной. В отношении Юлиана историки не высказывают никаких подозрений. Да и действительно не в его характере было бы подослать к противнику наемных убийц.

Так или иначе, Юлиан вступил в Константинополь уже фактическим единым правителем единой империи. Причем не как завоеватель, не как император, провозглашенный солдатами, а по праву наследования. Сразу забыв все свои обиды, Юлиан с почетом похоронил Констанция. Это было важно для сохранения стабильности власти.

Так началась третья часть жизни этого удивительного человека. Сначала книжник, потом полководец, он стал реформатором духовной жизни империи. Юлиану предстояло править всего два года – с 361 по 363-й. Именно на этом этапе он обрел прозвище, с которым остался в истории, – Отступник.

В чем же состояла реформа религиозной жизни, начатая Юлианом, как только он вступил на престол? Неправильно считать, будто он решил просто запретить, отменить христианство и вернуть языческую веру. Это явное упрощение. Вообще директивно, сверху, менять веру, религию – затея практически безнадежная. Когда Константин Великий допустил распространение христианства и сам крестился перед самой смертью, это было отражением глубинных процессов развития империи. Он пошел за переменами, которые уже произошли. А Юлиан, преданный эллинской культуре, солнцепоклонник, пытался остановить время, сделать так, чтобы все было как вчера.

По его приказанию было открыто множество языческих

храмов, уже заброшенных, находившихся в полном запустении. Очевидцы рассказывают, в какой ужас впал Юлиан, когда посетил один из таких храмов и увидел полуживого жреца с облезлым гусем для жертвоприношения. Как можно было отречься от веры предков! Юлиана, человека очень эмоционального, зрелище заброшенного храма тяжело угнетало.

Он стал сам принимать участие в языческих жертвоприношениях, во множестве приносить жертвы богам, с которыми с юности, с того момента, когда увлекся Гомером, надеялся вступить в контакт. Злые языке говорили: «Скоро народу не будет хватать мяса: по милости императора все съедят боги!» Эта шутка говорит о том, что усилия Юлиана не находили отклика в сердцах людей. Невозможно вмиг изменить религиозные чувства.

Но Юлиан не сдавался. Он набирал новых языческих священнослужителей, пытался вырвать из рук христианской церкви такое важное дело, как филантропия. Ведь популярность христианских храмов во многом определялась тем, что они раздавали имущество нищим, организовали школы и больницы. Император ввел то, что в новые и новейшие времена назовут запретом на профессию. Он отстранил христиан от преподавания в муниципальных школах, дабы они не искажали античную культуру, которая им чужда и непонятна. У христианской (главным образом арианской) церкви начали отбирать имущество.

В одном из посланий Юлиан со свойственным ему литературным даром писал: «Приверженцы арианской церкви, которым придало наглости богатство, осмелились учинить в Эдессе такое, чего не может быть в порядочном городе». Имелось в виду сопротивление, оказанное тем, кто отнимал имущество у церкви. Юлиан иронизировал: «А так как их поразительным законом им заповедано раздать свое имущество, чтобы без труда войти в царствие небесное, мы, присоединяясь в этом к усилиям их святых, повелеваем, чтобы все движимое имущество Эдесской церкви было отобрано и отдано солдатам, чтобы, став бедняками, христиане образумились и не лишились царствия небесного». Послание завершалось угрозами. Тем, кто продолжит сопротивляться, было обещано наказание мечом, огнем и изгнанием. Логика событий привела к тому, что император, поначалу провозглашавший веротерпимость, начал поощрять погромы христианских церквей.

Юлиан II Отступник.
Гравюра. XVI в.

Религиозная реформа не была успешной. Христиане оказывали власти отчаянное сопротивление. Происходило постоянное ожесточение сторон. Юлиан закономерно перешел от логики интеллигенции к логике власти, логике силы. И все, в

сущности, ради того, чтобы люди приняли его эклектическую религию, которую он сам сотворил. Чтобы поверили в платоновское Единое Сущее и его воплощение в Солнце. Гелиос – одно из древнейших божеств, сын титанов, брат Селены и Эос. В мифологии Гелиос – всевидящий бог. Особенно хорошо он видит дурные дела. И наказывает за них людей. В этих представлениях нет, кстати, существенного расхождения с идеями христианства. Но в мифах фигурируют также сын Гелиоса Фаэтон, пронесшийся по небу на огненной колеснице, и внучка – колдунья Медея. Все это языческие сюжеты.

Юлиан написал сочинение под названием «К царю Солнцу». В нем упоминается и Аполлон – античное солнечное божество. Император будто пытался с помощью новой эклектичной религии сплотить трещавшую по швам великую мировую державу. Ему казалось, что если он удержал и обустроил Галлию, ему удастся также удержать Римскую империю.

Утопическое стремление! Именно это увидел в своем персонаже автор романа «Юлиан Отступник» Д.С. Мережковский. Он очень точно показал Юлиана как предтечу идей Возрождения, как человека, родившегося будто вне своей эпохи.

Странно, что в литературе, посвященной Юлиану, не упоминается древнеегипетский фараон Эхнатон. Их разделяют тысячи лет, но между ними, несомненно, есть что-то общее. То же солнцепоклонство, та же попытка соединить рассыпающееся громадное политическое образование…

Что касается экономических реформ, то Юлиан, воцарившись в Константинополе, надолго от них отвлекся. Преобразования, которые он столь блестяще провел в Галлии, имели успех региональный. Что такое Галлия по сравнению с мировой колоссальной державой? Юлиану не по силам было трансформировать всю Римскую империю.

Гораздо больше императора привлекала идея победоносной войны. Понятно было, что она всех обрадует, успокоит, укрепит его власть. Юлиан фактически перенес столицу империи, перебравшись в Антиохию (территория современной Сирии). Там он начал торопливо готовить поход на Восток, против Сасанидской Персии.

В своих трудах и письмах этого времени он начал сравнивать себя с Александром Македонским, с образом, вечно тревожившим правителей-завоевателей. Как ни поразительно, Юлиану начало казаться, что он, в сущности, Александр. По утверждению одного из современников, Сократа-схоластика, император прямо говорил, что он Александр в другом теле. Немаловажно и то, что Александр бесконечно изображался скульптурами в образе

Гелиоса. Для Юлиана он – сын Солнца, хотя сам Александр Македонский считал себя сыном Зевса. У этого великого завоевателя древности была идея объединить тогдашний мир, Восток и Запад. Создать единый мир стремился и Юлиан Отступник, когда готовил укрепление и расширение границ своей колоссальной державы. А единому миру нужен был единый бог. Александр Македонский никогда не спорил с тем, что он сам бог. Юлиан до такого представления о себе не дошел, но полагал, что находится с Гелиосом в некоем родстве.

Император лелеял планы расширения религиозной реформы и крупных военных успехов. Однажды победив германцев, он решил, что будет побеждать их и далее, а духовно сплоченная великая держава, восходящая к античным языческим богам, останется незыблемой. Конечно, он и представить себе не мог, что завоеватели германцы: вестготы, остготы, лангобарды, франки, алеманны, бургунды – заселят всю территорию Западной Римской империи. Что вандалы и вестготы будут захватывать Рим, грабить и крушить Вечный город. Что разлом империи на западную и восточную части станет очевидным фактом.

Но пока могучий римский утопист Юлиан верил, что он может все. Он не сомневался в помощи Гелиоса, забыв, что сам взгляд этого древнего бога испепеляет. И Гелиос будто действительно испепелил его армию. Легионы дошли до персидской столицы Ктесифона, но взять ее не смогли. Они решили продвинуться дальше на восток. Но проводник из местных, этот древневосточный Иван Сусанин, сознательно завел войско в безводную пустыню, где солнце начало истреблять завоевателей.

Изнемогая от жажды, легионы с великим трудом вышли к берегам Тигра. 26 июня 363 года произошла битва при Маранте. Бой складывался тяжело. Войска шахиншаха Шапура II Великого были очень сильны, хорошо подготовлены и не боялись римлян. Персы имели немалый опыт побед над римскими легионами. Например, еще в I в. до и. э. их предшественники – парфяне уничтожили войско Красса.

Войско Юлиана дрогнуло. И тогда он, фанатично веривший в свое избранничество, ринулся в самую гущу сражения. Аммиан Марцеллин, талантливейший римский историк IV века, спутник Юлиана в этом походе, описывает его трагическую гибель. Юлиан, пытавшийся остановить свое войско, получил удар копьем в бок, видимо в печень. И похоже, что удар этот нанесли не персы. Скорее всего, кто-то из своих. Может быть, фанатичный поборник христианской веры или кто-то из отчаявшихся офицеров, которые чуть не погибли в этой пустыне. Тяжело

раненный, Юлиан продемонстрировал невероятную силу духа. Он прокричал: «Подождите, не падайте духом, я вырву его!» И вырвал копье, разрезав себе руку. Истекая кровью, он продолжал призывать войска идти вперед. Но поражение было уже неизбежно. Те, кто был предан императору, окружили его и стали очевидцами его кончины.

Вокруг смерти Юлиана существует множество легенд. По самой знаменитой из них, он произнес: «Ты победил, галилеянин», как бы обращаясь к Христу. Это наверняка миф. А еще рассказывали, что он зачерпнул горсть собственной крови и метнул вверх, навстречу Солнцу, сказав: «Я иду к тебе».

Умирая, Юлиан вновь обрел философское спокойствие. Он утешал тех, кто был рядом, говоря: «Не рыдайте, раз боги так решили, я ухожу к отцу своему». Он имел в виду Солнце.

Царица Клеопатра. Конец эпохи эллинизма

Клеопатра – женщина-миф в нашем сознании, в долгой культурной традиции – в литературе, театре, кинематографе. Обольстительная сирена и зловещая убийца, Афродита и Изида, загадочная романтическая фигура. А между тем это реальное историческое лицо. Клеопатра знаменовала своей жизнью и гибелью конец целой эпохи, очень важной для истории мировой культуры.

Эпоха эллинизма наступила после распада державы Александра Македонского.

Его преемники в результате долгой борьбы разделили империю на независимые государства, получившие общее название эллинистических.

Культура эпохи эллинизма – это блистательный сплав восточных и греческих традиций. Она дала такие замечательные произведения, как, например, Лаокоон и Венера Милосская.

К пантеону египетских богов, не отвергая их, не вычеркивая, из Македонии добавили Диониса и Аполлона. Образовался удивительный культурный сплав.

Клеопатра стала последним формально независимым правителем одного из эллинистических государств – Египта. С ее смертью владыкой мира стал Рим. Эпоха эллинизма сменилась римской эпохой.

Интересно, что о Клеопатре писали Плутарх, Светоний, Аппиан, Дион Кассий, Иосиф Флавий, Страбон. Это блистательные имена. Но ведь все они говорили о Клеопатре с откровенной неприязнью! Причина кроется в том, что в конце ее жизни Рим воспринимал Клеопатру как символ опасности. Опасности не военной: победить Рим в военном отношении она не могла и не пыталась. От нее исходила опасность культурного вторжения, измены римским богам. А это очень серьезно.

Клеопатра родилась в 69 году до н. э. В 51-м, в возрасте 18 лет, она стала правительницей Египта – Клеопатрой VII. В ее роду было принято большинство девочек называть Клеопатрами. И она стала седьмой по счету правительницей под таким именем.

Для понимания этой необыкновенной судьбы очень важны предки. Она происходила из рода Птолемея I Сотера, основавшего египетское государство после смерти Александра Македонского, одним из полководцев которого он был. Когда в 323 году до н. э. Александр умер в Вавилоне, именно Птолемей увез его тело в Александрию, город на самом севере Египта, в дельте Нила. Забирая тело покойного царя, Птолемей, безусловно, пытался

представить себя его первым преемником. Но были и другие кандидаты. Они назывались диадохи, то есть наследники. Им предстояло воевать друг с другом 40 лет и стать основателями эллинистических государств. Государство Селевка возникло в Сирии, потомков Антигона – в Македонии и Греции, Птолемея I Сотера – в Египте.

Сам Птолемей происходил из Македонии – Северной Греции, из крестьянской семьи. Бывший македонский козопас… Его потомки свято хранили память о том, что они – представители греческого рода. И чтобы не нарушить прямую линию наследования, они восприняли, конечно же на свою беду, древнеегипетскую традицию браков между ближайшими родственниками. Чтобы власть не уходила из рук греков, они, как правило, женились на своих сестрах, а иногда даже матерях. Это закономерно привело к тому, что на некоторых членах семьи появилась печать вырождения – физическая слабость и психические особенности. Но Клеопатре, видимо, повезло. Правда, бытует упорная молва о том, что она была дочерью Птолемея XII Афлета не от законной жены, а от наложницы. И это в некоторой степени объясняет то, что она выделялась среди своих братьев и сестер внешностью, интеллектом, силой характера.

Микеланджело.
Клеопатра

Прослеживая историю египетского царского дома примерно за 100 лет, порой приходишь в ужас. Это сплошная цепь не только внутрисемейных браков, но и внутрисемейных убийств.

Расцвет династии Птолемеев наступил в III веке до н. э., при Птолемее Евергете, который победил Селевкидов, присоединил к Египту Сирию и соседей помельче и претендовал на то, чтобы воссоздать громадную египетскую державу. Отец Клеопатры

Птолемей XII Афлет правил в I веке до н. э. Он не был мощной фигурой и имел прозвище Дудочник за то, что обожал игру на флейте, любил участвовать в праздничных шествиях и других развлечениях. Современники воспринимали его с иронией.

Как не вспомнить, что греческий политик и полководец Алкивиад в юности отказался играть на флейте, потому что человек, надувающий щеки, выглядит комично.

Птолемей XII Афлет не боялся принять этот забавный вид. И подданные над ним потешались.

Детство Клеопатры прошло в Александрии. Это был замечательный город, осененный тенью Александра Македонского. КІ веку до н. э. Александрия стала вторым после Рима городом античного мира – по размеру, по интенсивности торговли, по общей значимости. Сюда будто переместился мир Древней Греции. В Александрии в разные годы жили и творили Архимед, Эвклид, астрономы Аристарх Самосский и Птолемей, философы Филон и Платин, поэты Каламах и Феокрит. Здесь находился величайший культурный центр древности – Александрийский мусейон с библиотекой.

Мусейон – кусочек древнегреческой культуры на территории Древнего Египта – был построен по приказу основателя династии Птолемея I, который хотел создать центр науки и образования по образцу Афин. Александрийская библиотека ко временам Клеопатры насчитывала около 700 тысяч свитков. Увы, эта духовная копилка Античности не сохранилась, погибла еще в древности. Причем первым пожаром она «обязана» просвещенному Гаю Юлию Цезарю. Затем римский император Аврелиан в III веке н. э., штурмуя Александрию, окончательно разрушил и сжег Мусейон. Остатки библиотеки были спрятаны в Серапиуме – храме, посвященном богу Серапису. Потом их уничтожали христианские фанатики, а вслед за ними – мусульмане. И этот величайший центр античной культуры исчез бесследно.

А Клеопатра с детства посещала Мусейон. От своих братьев и сестер она отличалась страстью к науке. Известно, что она владела семью языками: греческим, латынью, персидским, ивритом, египетским, аравийским, эфиопским. Не все Птолемеи брались за труд изучить язык древних египтян. Она потрудилась. Ей был знаком даже язык полудиких кочевников берберов. Ходила молва, что она кичится знанием языков. Более того, в Мусейоне она изучала медицину. Биографы с ужасом пишут, что на этих занятиях вскрывали человеческие тела! Особенно же сильна Клеопатра была в математике, что отмечают даже ее враги. Это совершенно нехарактерно для женщины древности!

Но детство Клеопатры – это не только общение с самыми просвещенными людьми ее эпохи. В ее жизни было и немало страшного. В 58–55 годах до н. э., когда ей исполнилось 11 лет, в Египте вспыхнул бунт, связанный с неурожаями, налогами и вообще недальновидной политикой ее отца-флейтиста. Птолемей был временно свергнут взбунтовавшейся толпой. Ему пришлось бежать за помощью к римлянам. Тем временем его старшая дочь Клеопатра VI провозгласила себя царицей, узурпировав власть отца. Помощь римлян можно было только купить. О чем Птолемею XII Афлету римские власти сказали прямо. И он заплатил огромные деньги – 6 тысяч талантов золотыми слитками и монетами. Это равнялось примерно годовому доходу всего Египта. Чтобы внести эту сумму, Птолемей занял денег у римского ростовщика Бая Рабиния Постума и был объявлен «другом и союзником римского народа».

Для Клеопатры все это стало школой жестокой борьбы за власть. Но сначала надо было просто выжить. Она была с отцом в Риме. Не исключено, что тогда она, 14–15-летняя, впервые увидела своих будущих возлюбленных Марка Антония и Рая Юлия Цезаря. И они могли ее заметить. Молодой командир конницы Марк Антоний от имени римского народа восстанавливал Птолемея XII на престоле.

Рим помог свергнутому царю, направив в Египет полководца Рабиния. Получение титула друга и союзника римского народа означало, с одной стороны, помощь, с другой – возникновение своего рода вассальных отношений. Отныне Египет не был уже вполне самостоятелен. Рим не объявлял его своей частью, но лишал статуса независимой страны.

В самом Риме в этот период было очень неспокойно, шла эпоха гражданских войн. Их участники остро нуждались в деньгах. А Египет представлял собой такой лакомый кусочек! Житница древнего мира, хранитель сокровищ фараонов!

Самопровозглашенная правительница Клеопатра VI была убита собственным окружением. На короткое время царицей была объявлена вторая дочь Птолемея Береника. В 55 году до н. э. римляне восстановили на престоле Птолемея XII. Членов семьи, поддержавших царицу-узурпатора, беспощадно казнили.

Клеопатра не играла никакой роли в этой кровавой борьбе. Однако уже тогда она поняла, что с Римом надо дружить. На это была направлена вся ее дальнейшая политическая деятельность. Ее задачей стало приблизить к себе Рим, чтобы занять самостоятельную позицию.

В 51 году Птолемей скончался. Последние пять лет его правления были трудными: восстановление стабильности после

долгих беспорядков шло медленно и мучительно. Птолемей оставил завещание. Как правитель Египта и союзник и друг римского народа он оставил власть двоим – 18-летней дочери Клеопатре и ее младшему брату, 10-летнему Птолемею. Им положено было сочетаться браком.

И они действительно вступили в символический брак. При этом она приняла тронное имя – Теа Филопатор, что значит Богиня, любящая отца. Потом она дважды его уточняла: Богиня, любящая брата (в совместном правлении с одним, а потом вторым братом) и Богиня, любящая сына.

Формально независимое государство оказалось под властью юной девушки и ее условного соправителя. Клеопатра получила страну в плохом состоянии. И как нарочно, как это часто бывает в пору социальных потрясений, произошло еще и стихийное бедствие. Обмелел Нил. Это настоящая катастрофа для Египта: нет разлива Нила – нет урожая на полях. Древний Египет возвысился как цивилизация благодаря водам Нила, орошавшим поля и позволявшим снимать минимум два, а то и три урожая в год.

Как только Нил обмелел, крестьяне начали разбегаться, спасаясь от голода. Когда в стране хаос, при дворе обязательно возникают враждующие партии. Одна из них – антиримская, а значит, действующая против Клеопатры. Молодая царица, как мы уже знаем, занимала проримскую позицию. Например, она направила войска в Сирию в помощь Риму против Парфии – сохранившегося в глубинах Азии обломка державы Александра Македонского.

Среди противников Клеопатры был евнух Потин. По древней восточной традиции, придворные евнухи энергично занимались политикой. Кроме того, в антиримской партии оказались талантливый полководец Ахилл (или Ахиллас) и воспитатель ее младшего брата Теодот (или Феодот). Все они были заинтересованы в том, чтобы свергнуть Клеопатру, оставить у власти маленького Птолемея XIII и править самим. Клеопатра не устраивала их своей самостоятельностью, независимостью, решительным характером. Надо сказать, что хотя в истории она прославлена как женщина, правила она как мужчина.

В 48 году до н. э. обстановка при дворе стала настолько опасной, что Клеопатра вынуждена была бежать. Она отправилась в Сирию, собрала войско – и началась гражданская война между соправителями.

Войско Клеопатры стояло на границе, готовое пойти против узурпаторов. В это время в Египет направлялся римский полководец Помпей, разбитый в борьбе с родственником и

бывшим другом Гаем Юлием Цезарем. Потерпев поражение в знаменитой битве при Фарсале, Помпей в надежде на защиту и денежную помощь двинулся туда, где правил друг и союзник римского народа. Помпей был уверен, что его хорошо примут. Но реальная власть была не у 14-летнего Птолемея XIII, а у коварной придворной троицы. Помпею передали, что его ждет достойный прием, но только после того, как он с небольшим сопровождением высадится на берег.

Не зря Цезарь однажды сказал о Помпее, что тот не умеет побеждать. Помпей оказался слишком доверчив. На небольшой лодке он подплыл к египетским берегам. Стоило ему ступить на сушу – его схватили и обезглавили. Все произошло на глазах его семьи, оставшейся на корабле.

Зачем это было сделано? Египетские правители слышали, что за побежденным Помпеем гонится победитель Цезарь. А его они очень боялись. Ему хотели радостно предъявить голову врага.

Трудно сказать, какие именно чувства должен был испытывать Цезарь. Но можно предположить. Он начинал политическую карьеру рядом с Помпеем, дружил с ним, отдал за него свою любимую дочь Юлию…

Цезарь, отставший от Помпея всего на два дня, увидел его отрубленную голову с искаженным мукой лицом и пришел в ужас. Он приказал с почестями похоронить голову своего соперника у стен Александрии и там же возвести святилище богини Немезиды, богини мщения. Это был явный намек заговорщикам.

С прибытием Цезаря в Египет начался новый этап в жизни Клеопатры. Римский полководец знал о ее существовании и даже взял на себя миссию арбитра между враждующими братом и сестрой. Демонстрируя миролюбие, Цезарь хотел вернуть деньги, некогда занятые Птолемеем XII у римского ростовщика. Они были нужны для победы в гражданской войне. Рим – финансовая держава, там умели вести денежные дела. Цезарь перекупил вексель и привез, чтобы предъявить наследникам.

Цезарь стремился обеспечить себе влияние в Египте, но не собирался пока делать его провинцией Рима и отдавать кому-то в управление. Это понятно. Тот, кто остался бы управлять этой территорией, стал был слишком богат и слишком независим. Он мог превратиться в нового соперника в гражданской войне. Светоний прямо пишет: «Наместник далекого и богатого Египта был бы слишком опасен для Цезаря».

Умный Цезарь призвал к себе обоих соправителей. Но Клеопатра была в изгнании. Тем временем в Египте начался антиримский бунт. Дворец окружили войска евнуха Потина и

Птолемея. Бои шли с переменным успехом. Птолемей XIII бежал вместе с сестрой Арсиноей.

У Цезаря было 7-тысячное войско, гораздо меньшее, чем у противников. Тем не менее он сумел захватить и казнить евнуха Потина. Однако в конце концов Цезарю пришлось спасать собственную жизнь, вплавь выбираясь из дворца. В сентябре 48 года до н. э. он был осажден, отрезан от подкрепления в царском квартале Александрии.

И вот в этой обстановке к Цезарю прибыла Клеопатра. История очень романтическая, но, видимо, достоверная. Хрупкую юную царицу принесли к Цезарю – то ли закатанную в ковер, то ли спрятанную в мешок для постельных принадлежностей. Так или иначе, ее пронесли через все кордоны. Если бы она попала в руки врагов, ей, не задумываясь, отрубили бы голову.

Но замысел удался. Они с Цезарем встретились. Биографы единодушны: Клеопатра произвела на него глубочайшее впечатление. Чем же он был ошеломлен? Самое очевидное объяснение – он значительно старше, ему 52 года, ей 21, он неравнодушен к женской красоте. Он страстно влюбился в нее. Но вряд ли дело только в этом. Цезарь был не так прост. Он увидел личность. Плутарх писал: «Ее облик, сочетавшийся с редкой убедительностью речей, с огромным обаянием, сквозившим в каждом слове, в каждом движении, накрепко врезался в душу. Самые звуки ее голоса ласкали и радовали слух». Это признает Плутарх, всегда готовый написать о ней что-то враждебное.

Не только чарующие звуки ее голоса, но и ее образованность, ее характер – все это впечатлило Цезаря. Это был не банальный страстный роман. Это были отношения мудрого, начинающего стареть политического деятеля и полководца с незаурядной, удивительной женщиной.

Когда подошло подкрепление, враги Цезаря и Клеопатры были разбиты. 15 января 47 года до н. э. ее брат и формальный супруг, 15-летний Птолемей XIII, убегая от римских легионов во время сражения около Мареотийского озера, утонул в водах Нила. Что неудивительно: он был облачен в тяжелейшие золотые доспехи. Бедный ребенок, никогда не бывший реальной политической фигурой, утонул из-за воспринятых греками традиций фараонской пышности.

Но поскольку по закону править в Египте могли только двое, Клеопатру немедленно выдали замуж за следующего брата – 13-летнего Птолемея XIV. Цезарь совершенно равнодушно отнесся к этому браку.

Ему хотелось увидеть Египет. И он отправился с Клеопатрой в путешествие по Нилу. Они плыли на огромном царском корабле –

90 метров в длину, 40 в ширину, роскошно отделанном золотом. Его прозвали гигантской супружеской спальней. Сопровождение составляли 400 кораблей. Они шли по Нилу мимо храмов, пирамид, и Цезарь вникал в историю этой страны и отдыхал от вечных сражений, окруженный прекрасными цветами и звуками музыки. А царица уже ждала от него ребенка.

Цезарь отдыхал в этом путешествии, отдыхал чуть ли не единственный раз в жизни. Отдыхал от всего – только не от мыслей о власти. В союзе с Клеопатрой Цезарь, безусловно, видел возможное укрепление своей власти в Риме. И может быть, в Риме, понимаемом как мировая держава. В Фивах Цезарь вслед за Александром Македонским получил через жрецов благословение бога Амона. Надо сказать, что Цезарь с 20-летнего возраста говорил о своем божественном происхождении: род Юлиев, по преданию, происходил непосредственно от Венеры. Теперь его поддержали и жрецы древнего культа Амона в египетских Фивах. Это было явное продолжение идеи всемирной власти, волновавшей Александра Македонского, Цезаря и многих других в последующие века мировой истории.

По возвращении Цезарь уехал вновь воевать за власть – отправился в Малую Азию подавлять опасное для Рима движение под руководством понтийского царя Фарнака, сына знаменитого Митридата VI Евпатора. Эта победа Цезаря особенно знаменита. Немыслимо быстро приведя войска в Вифинию, он разбил противника и послал в Сенат знаменитое донесение – «Veni, vidi, vici» – «Пришел, увидел, победил». В этих крылатых словах слышится и ликование 54-летнего мужчины, у которого, помимо всего прочего, случился удивительный роман с юной красавицей. У него было воистину победоносное настроение.

Клеопатре Цезарь оставил для защиты три легиона. Это не так мало: в то время римский легион насчитывал 5–7 тысяч человек. Три легиона – и никакого наместника. Египтом должна была править Клеопатра. Трудно сказать, чего было больше в ее отношении к Цезарю – любви или расчета. Но она наверняка пыталась сохранить свое государство, покорив не Рим, а римлянина, приручив его и получив право управлять в дружбе с Римом.

После отъезда Цезаря Клеопатра родила сына и назвала его Птолемей-Цезарь. А народ Александрии прозвал его Цезарион – Маленький Цезарь.

Летом 46 года до н. э. Цезарь вызвал Клеопатру вместе с сыном в Рим. Роскошь ее появления многократно описана античными авторами, может быть, с некоторыми преувеличениями. Цезарь поселил царицу на своей вилле на

берегу Тибра, в знаменитых садах, которые он потом завещал римскому народу. Пребывание Клеопатры в Риме должно было выглядеть как укрепление союза между Востоком и Западом.

Однако по Риму поползли слухи, которые, видимо, специально распространяли враги Цезаря. Говорили, что у Цезаря есть план перенести столицу римского государства в Александрию. Это был страшный удар по честолюбию римлян и, несомненно, могло усилить недовольство Цезарем и приблизить его убийство. Вот что значит вовремя распространить слух, будоражащий чернь! Казалось бы, ей должно быть все равно, где она будет получать хлеб и зрелища. Но нет! В ней легко пробуждается отчаянный патриотизм.

Позиции Цезаря и без этого не были прочны. Многие в Риме, и прежде всего в Сенате, были недовольны тем, что он стал пожизненным диктатором. Это означало нарушение римской республиканской традиции. 15 марта 44 года до н. э. Цезарь был коварно убит группой заговорщиков, которую возглавляли Брут и Кассий.

Клеопатра находилась в Риме. Цезарь – ее возлюбленный, отец ее ребенка, о чем вовсю говорится, хотя он никогда официально этого не признавал. После смерти покровителя она покинула Рим, реальным хозяином которого стал бывший близкий соратник Цезаря Марк Антоний, и отправилась обратно в Египет.

Марк Антоний много лет сражался рядом с Цезарем в галльских походах. Это был прекрасный воин, полководец, известный своими чисто римскими качествами: он все решал с помощью удара меча. После смерти Цезаря он, бывший вместе с ним консулом, произнес пламенную речь об отмщении убийцам.

По завещанию Цезаря его наследником стал внучатый племянник Октавиан Август. Но никто не принял этого всерьез. И Антоний не увидел опасности. Позже Октавиан, тихий, неброский, вовсе не воин, победит всех и станет во главе Рима. Может быть, Цезарь успел заметить некоторые качества этого юноши и решить, что в трудный момент для достижения примирения Риму нужен именно такой человек – умный, тонкий и изворотливый. Но сначала между Антонием и Октавианом готова была разразиться очередная гражданская война. Клеопатра же в Египте заняла выжидательную позицию. Рядом с ней были два опасных человека, два врага – брат-супруг Птолемей XIV и сестра Арсиноя. Цезарь после укрепления Клеопатры на престоле увез Арсиною в Рим. Когда эту хрупкую девушку вели в триумфе Цезаря, народ Рима, отличавшийся непостоянством, вдруг умилился, растрогался, начал скорбеть над ее тяжелой судьбой –

и ее не казнили после триумфа, как было принято, а дозволили ей удалиться и укрыться в храме Серапиона в Эфесе. Там она, как и другие представители семейства Птолемеев, провозгласила себя правительницей.

Клеопатре непросто было решить и чью сторону принять в противостоянии Антония и убийц Цезаря. У нее просили денег. Она колебалась и изворачивалась.

Тем временем ее брат и супруг Птолемей XIV внезапно скончался. Античные авторы, разумеется, говорят, что она его отравила. Действительно, очень уж вовремя все произошло: ему как раз исполнилось 14 лет, в Египте он считался взрослым и мог начать борьбу за реальное правление.

Рокуэлл Кент.
Антоний и Клеопатра

После смерти Птолемея Клеопатра взяла себе в соправители маленького Цезариона, вступив с ним в ритуальный брак, и провозгласила себя Богиней, любящей сына. В течение трех лет она правила самостоятельно.

В 42 году до н. э. Антоний разбил Брута и Кассия в битве при Филиппах. Оба убийцы Цезаря погибли. С Октавианом же Антоний достиг договоренности. Октавиан стал императором Запада, Антоний – Востока. Конечно, долго двум императорам не бывать. Рим стремительными шагами шел навстречу утверждению императора не как полководца, а как полновластного правителя. И в будущем, во время кризиса, разные армии станут провозглашать разных императоров.

Римлян давно тянуло на Восток. В восточном походе в свое время погиб полководец Марк Красе. Антоний также грезил Востоком. Он надеяся, что хранящихся там сокровищ будет достаточно, чтобы покорить главного врага Рима – Парфию. Государство Парфия образовалось в III веке до н. э. к югу и юго-востоку от Каспийского моря. Присоединяя все больше и больше территорий, включая Сирию, Парфия стала серьезным соперником Рима.

Почему для Антония было так важно победить Парфию? Вряд ли он собирался там поселиться и стать восточным правителем. Просто человек, который вернулся бы в Рим с лаврами победителя парфян, имел бы величайший авторитет.

Антоний решил встретиться с Клеопатрой, чтобы наказать ее за политические колебания. Он прибыл на юго-восток Малой Азии, в Киликию, и вызвал туда правительницу Египта. Он и представить себе не мог, какова Клеопатра, когда она ставит цель. А цель у нее была – сохранить Египет, не уступить его надвигающемуся Риму. Ей надо было завоевать следующего римлянина, имеющего огромную власть. Правда, в отличие от Цезаря Антоний не был единственным хозяином Рима. Но сделать ставку она могла только на него – императора Востока.

Клеопатра прибыла на корабле, будто сошедшем со страниц восточной сказки. Он был обит золотом, весла – серебром. Сама Клеопатра появилась под звуки флейты, овеянная благовониями, в костюме Афродиты. Служанки были одеты нимфами.

Антонию было 40 лет. Клеопатре – 29. Ее нельзя назвать идеальной красавицей. Она унаследовала черты, характерные для рода Птолемеев – довольно длинный прямой нос, несколько выдающийся подбородок, высокий лоб, строгий профиль. Но ее очарование было непередаваемо. И к тому же волшебный голос!

Антоний прибыл ее покарать, а сам был покорен! Клеопатра сделала свой выбор. Великий роман начался мгновенно. Антоний нисколько не был похож на Цезаря, который, спасаясь вплавь от врагов, одной рукой держал над головой дощечки для письма, дабы их не повредить. Антонию дощечки для письма очень мало интересны. Это человек-меч и человек-пиршество. Он так любил

пиры, что на форум являлся порой после большой попойки и говорил в ответ на упреки: «Больше не буду пить эту гадость!»

Вообще Антония не назовешь образцом благородства. По его велению был казнен великий Цицерон. Были и другие жестокие и несправедливые поступки. Но он не был и более порочным, чем его политические соперники. Тишайший Октавиан пролил в дальнейшем реки крови.

41-40 годы до н. э. – время начала «великого романа» Антония и Клеопатры. Ей оставалось жить немного больше десяти лет, из них – десять с Марком Антонием (с перерывами, но буквально до гроба). Антоний на несколько месяцев бросился, как в омут, в развлечения и праздники с Клеопатрой. Между тем политика призывала его в свои железные объятия. На Востоке Парфия теснила Рим: потеряны Сирия и юг Малой Азии. В Риме Октавиан говорит о готовности «все простить» и править великим государством совместно… Наверное, только великая власть— реальная соперница великой любви…

В 40 году до н. э. Антоний, покинув Клеопатру, отправился в Рим. Октавиану удалось «приручить» его. Дело в том, что жена Антония Фульвия скончалась и Октавиан женил его на своей добродетельной сестре Октавии. Однако Октавиан напрасно рассчитывал связать Антония домашними узами. Даже в удалении от Клеопатры Антоний испытывал большое ее влияние. Ведь именно по ее просьбе он отдал приказ казнить ее сестру и соперницу Арсиною, укрывавшуюся в храме.

Пока Антоний находился в Риме, Клеопатра в Египте родила ему близнецов. Они были названы Александр Гелиос (Солнце) и Клеопатра Селена (Луна). Солнце и Луна – главные объекты поклонения и символы божественного в Парфянском царстве. Клеопатра намекала, чтобы Антоний не оставлял идею покорить Парфию.

Антоний вернулся в Египет, оставив благонравную Октавию в Риме, и в 37 году до н. э. женился на Клеопатре. Октавии он отправил письмо о разводе, тем самым порвав отношения с Октавианом. Тем более что двум императорам все равно было не ужиться.

Царица Клеопатра в изображении художника Серебряного века

Некоторые авторы называют свадьбу Антония и Клеопатры бракосочетанием Востока и Запада. Все было очень пышно. Антоний поднял над головой близнецов, признав их своими детьми. Вскоре он начал раздавать им всякие титулы. Он признал и Цезариона, сына Цезаря, которому был присвоен титул Царь Царей.

С точки зрения римлян, все это было совершенно возмутительно. Но если бы Антоний добился военного успеха в Парфии, ему бы многое простили. Однако поход против Парфии 37–36 годов до н. э. оказался неудачным: Антоний потерял 20 тысяч пехоты и 4 тысячи конницы, преимущественно римских солдат и офицеров. Граница между римскими и парфянскими владениями была установлена по Евфрату. Покорение Парфии, о

котором мечтал воинственный Рим, в очередной раз не состоялось.

Потерпев поражение, Антоний продолжал вести себя так, как будто дразнил судьбу. В Риме стало известно, что он раздает владения своим детям от Клеопатры, которая родила к тому моменту еще одного сына – Птолемея Филадельфа.

Когда Антонию удалось наконец одержать одну существенную военную победу – над царем Армении, он устроил по этому случаю триумф не в Риме, а в Александрии. Самоубийца! Ясно было, что Клеопатра управляет его настроениями и решениями. В Риме стали говорить, что он больше не римлянин.

Не дремал и Октавиан. Он узнал о том, что Антоний прислал в Рим свое завещание и по традиции передал его на сохранение жрецам храма Весты. Октавиан был хорошим актером. Он разыграл сцену праведного беспокойства и немыслимого гнева. Ворвавшись в храм, он потребовал показать ему завещание Антония. Жрецы не имели права это делать. Но Октавиан был в такой безумной ярости, что, испугавшись за свою жизнь, жрецы показали ему завещание. Он сделал из него некие выписки и отправился в Сенат.

Что в действительности говорилось в завещании, неизвестно. Но в Сенате было объявлено, что в завещании Антония упомянуты дети Клеопатры, а две дочери Антония от благородной римлянки Октавии забыты. Репутация Антония была погублена окончательно, и это очень важно. Для римлян превыше всего были любовь к родине и подлинно римские доблести. Человек, попирающий эти принципы, погибал в их глазах. И поэтому Антоний погиб гораздо раньше своей физической смерти. Впереди была война, в которой он оказался против Октавиана и всего Рима. И главным губительным фактором для Антония стало массовое дезертирство армии его сторонников-римлян, их переход в лагерь Октавиана.

Решающим в войне стало знаменитое морское сражение 2 сентября 31 года до н. э. при Акциуме. Вообще-то римляне были сильнее на суше. Когда они воевали с Карфагеном, морской державой, то от отчаянья изобрели абордажные мостики. Перекинув их между кораблями, они превращали морское сражение, которое ведется на расстоянии, в непосредственное столкновение, как на суше.

Почему бой состоялся на море? Есть предположение, что это была идея Клеопатры. У нее был флот, и не малый. Иона верила, что флот важнее, чем сухопутное войско. Антоний же свой военный опыт взращивал не на воде, а на суше. А здесь взялся

командовать морским сражением.

Мыс Акциум – это греческая территория, Ионическое море. Туда прибыла армия Октавиана, с одной стороны, и войска Антония и Клеопатры – с другой. Личное присутствие Клеопатры как будто означало, что командующих двое. Причем один из них – женщина. Со стороны Октавиана в битве участвовало 260 кораблей, со стороны Антония – 170, из них 60 египетских.

Это страшное истребительное сражение протекало с переменным успехом. Войско Октавиана возглавлял талантливый полководец Агриппа, что имело очень большое значение.

Знаменитым стал эпизод, когда посреди сражения корабли Клеопатры развернулись и ушли. Наверное, это была попытка спасти хотя бы часть флота. И это удалось. Но Антоний, потеряв голову, бросился следом за возлюбленной, оставив свое войско на произвол судьбы.

Разгром был полным. Около пяти тысяч трупов осталось в море около мыса Акциум. Страшное сражение.

Антоний, уже раньше уничтоженный Октавианом морально, теперь был разбит и в военном отношении.

Вместе с Клеопатрой Антоний бежал в Египет, где составлялись планы спасения, например в Индии. Но отправить туда удалось только несчастного Цезариона. Потом враги Клеопатры выманили его обратно, и он был убит. Римлян не устраивала ситуация, что где-то жил сын Цезаря. Ведь рано или поздно он мог заявить о своих правах.

Антоний и Клеопатра остались в Египте. Они знали, что обречены. На смену былым праздникам, которые иногда длились неделями, пришел Союз стремящихся к смерти. Это был кружок людей, поклявшихся, что они лишат себя жизни, если римляне придут на египетскую землю. А ведь было совершенно ясно, что придут. Когда же это случилось, массовых самоубийств не было. Но Антоний, Клеопатра и две ее служанки действительно покончили с собой.

А пока Октавиан был на пути в Египет. Чего он хотел от этого похода? Очень многого. Прежде всего ему нужны были сокровища Клеопатры. Одержав победу, он вывез из Египта несметные богатства, восходившие еще к фараонам и сохраненные Птолемеями. Возы золота, серебра, драгоценных камней… Это было древнее общество, а ему свойственно накопление богатств.

Но этого Октавиану было мало. Он мечтал провести Клеопатру и ее детей в триумфе. Он понимал, что Антония захватить не удастся. Ведь это был пусть и переродившийся, но римлянин. Ясно было, что он убьет себя во избежание позора. А вот провести по Риму Клеопатру и ее с Антонием детей – это

было политически важно. Октавиан стоял на пороге единоличного правления. Вскоре ему предстояло стать принцепсом, то есть первым. Первым среди сенаторов. По существу это была уже монархия, слегка задрапированная в республиканские одежды.

Единственная оставшаяся преграда на его пути – Египет, последнее государство – прямой преемник великой державы Александра Македонского, последняя эллинистическая держава, юридически считавшаяся не провинцией Рима, а только «другом римского народа». Октавиану было необходимо превратить эту страну в одну из римских провинций. И он это сделает, оставив Египет под своим личным управлением. Ведь неплохо иметь в собственности такое «хозяйство», откуда можно черпать огромные богатства. А пока ему нужна была Клеопатра.

А тем временем Антоний, получив ложное известие о том, что Клеопатра уже покончила с собой, заколол себя мечом. Но Клеопатра была еще жива. Она обняла умирающего супруга, простилась с ним, а потом похоронила его. Октавиан позволил это сделать. У римлян было принято с уважением относиться к смерти.

Есть версия, что Клеопатра хотела отравиться. Она прежде испытывала на заключенных, приговоренных к смерти, различные яды и лучшие хранила у себя. Но их успели у нее изъять.

Существует предположение, что Клеопатра пыталась соблазнить и Октавиана. Едва ли. Она была уже не в том возрасте, чтобы очаровать молодого Октавиана, который к тому же никогда не славился особым интересом к женскому полу. Известно только, что он ласково поговорил с ней, пытаясь усыпить ее бдительность. Клеопатра просила только разрешить ей посетить могилу Антония и пощадить ее детей. Октавиан отвечал, как всегда, уклончиво. Вскоре доверенные люди сообщили ей, что на самом деле он собирается доставить ее живую в Рим и провести в цепях в триумфе.

Может быть, она уморила себя голодом. Может быть, все-таки отравилась с помощью змеи, принесенной в корзине с фруктами, – то ли во дворце, то ли в гробнице, которую заранее, как египетские фараоны, себе заготовила. Это было в 30 году до н. э.

Октавиан приказал пронести по Риму ее статую и провел в триумфе ее детей от Антония. Но это было, конечно, совсем не то, на что он рассчитывал. Дети, кстати, воспитывались потом женой Антония, сестрой Октавиана, благонравной Октавией. И одну из девочек даже удачно выдали замуж за некоего правителя в римской Африке. Мальчики же по неизвестным причинам рано

ушли из жизни.

Потрясающий роман, в основе которого была попытка спасти последнее эллинистическое государство, закончился крахом главной героини. Наступила эпоха абсолютного римского мирового господства.

Вокруг имени Клеопатры по сей день множество легенд. И это не случайно. О ничтожных людях легенд не слагают.

Средние века

Авиценна. Целитель, мудрец, странник

Его имя Ибн-Сина, но Европа зовет его Авиценна. Не злодей, не герой. Я бы сказала: интеллектуальное чудо. А его жизнь – словно перелистываешь страницы «1001 ночи». Он родился в 980 году, умер – в 1037-м. Много ездил, жил в разных местах. Скончался где-то в Иране, там и похоронен. Чем славен этот человек в истории?

Величайший медик, сравнимый с Галеном и Гиппократом, выдающийся естествоиспытатель уровня Галилея, математик, физик, химик, специалист по физиологии животных. А еще он занимался теорией музыки и его познания в этой области пригодились в эпоху Ренессанса. Трудно перечислить все таланты этого человека. Подчас природа являет свои чудеса, чтобы не забывали о ее могуществе, и тогда рождаются Авиценны.

Микеланджело считал, что «лучше ошибиться, поддерживая Галена и Авиценну, чем быть правым, поддерживая других». Такая оценка, скорее морального свойства, из уст великого гуманиста многого стоит. Специалисты спорят о количестве трудов Авиценны, причем называются цифры и 90, и 456. Очевидно, ему приписываются подделки, подражания – талантам всегда подражают. Самая гениальная его книга – «Канон врачебной науки». Но и другие труды вошли в историю, стали классическими – «Книга спасения», «Книга знания», «Книга указаний и примечаний», «Книга справедливого разбирательства»… Он был предвестником гуманизма, ибо его учение о человеке – это учение о единстве тела и души. И когда – в XI веке! Писал Авиценна в основном на арабском языке. Но это вовсе не означает, что он – часть арабской культуры. Наверное, с самого своего рождения он принадлежал всему миру, труды его становились достоянием всех цивилизаций.

И все-таки до сих пор спорят, чей он. Туркестан, на территории которого он родился, Узбекистан, Турция – все эти страны считают Авиценну своим достоянием. В Турции вышла не так давно монография «Ибн-Сина – великий турецкий ученый». Персы в ответ заявляют: «Он наш. Он у нас похоронен. Он был при дворах эмиров». Его присутствие ощущается и в европейской культуре – уже с XII века о нем шла молва. Это был человек с всемирной известностью. И таким он остается сегодня. Когда в 1950-е годы отмечалось тысячелетие со дня его рождения, весь мир участвовал в праздновании. О нем написаны огромные тома, ученые до сих пор пользуются его мыслями, а обычные люди учатся у него мудрости.

Авиценна.
Фото репродукции

Откуда мы знаем о человеке, который жил более тысячи лет назад? От него самого и его любимого ученика. И это, как кажется скептикам, дает почву для сомнений в его гениальности. Абсолютно беспочвенный скептицизм! Ибо молва, начиная с XI века бережно хранила память о его талантах, что и дало основание называть его гениальным ученым. Сохранился рассказ самого Авиценны о себе, о своем детстве. Остальное дописал Убайд аль-Джурджани, его любимый ученик, который провел с ним больше 20 лет жизни. Он сопровождал своего учителя, ведь

Авиценна был бесконечным странником. Нигде не задерживаясь надолго, он шел по земле, стараясь как можно больше увидеть, узнать и понять. Гудящая, волнующая, одуряющая красками, запахами, звуками, безотчетно меняющая жизнь притягивала его, становясь не только мукой, радостью или печалью, но и предметом изучения. Он рассматривал ее словно под увеличительным стеклом и видел то, что не видели другие. Попробуем понять, почему в X веке могло появится такое чудо, как Авиценна.

Напомним, что X век – это время крещения Руси, на престоле Владимир Святославич, четвертый русский князь. А там, на Востоке, – Возрождение. Что возрождалось? Да примерно то же, что и в Европе во времена Каролингского Возрождения IX–X веков. Тогда при дворе Карла Великого, при дворе германских императоров Оттонов впервые после войн и хаоса Великого переселения народов интеллектуальная элита обратилась к истокам своей культуры, к античности, к рукописям – греческим, римским.

И примерно то же самое было на Востоке. В том культурном контексте, который породил Авиценну, сплелись местные традиции с наследием античным, образуя особый эллинистический вариант синтетической культуры. Авиценна родился близ Бухары. Известно, что по этим местам, чуть севернее, прошел великий Александр Македонский. Именно в Согдиане он устроил знаменитые 10 тысяч браков своих полководцев и воинов с местными восточными женщинами. Интересно, что только Селевк, один из сподвижников Македонского, сохранил свой брак и именно ему досталась самая большая часть державы. Вот эта держава Селевкидов и стала в IV веке до н. э. носительницей эллинистической культуры, впитав античность. С 64 года н. э. эти края стали римской провинцией. А Рим, как известно, – прямой наследник античной греческой или эллинистической культуры. С III века начала формироваться Восточная Римская империя – Византия, которая находилась в тесном торговом и культурном взаимодействии с Востоком. Так сплетались разные культурные корни, но получалось, что все они испытали влияние античности. В результате именно здесь и оказались истоки будущего восточного Возрождения.

Поход арабских завоевателей был коротким, арабов быстро прогнали. Завоевание началось в VIII веке и в том же столетии в основном и закончилось. Но язык, как это бывает в культурных процессах, остался и стал универсальным языком. Когда арабское завоевание удалось одолеть, отстояв свою культуру, тогда и начинается Возрождение.

Авиценна был не один. Персидский Восток – родина Фирдоуси, Омара Хайяма, Рудаки. На самом деле в поэзии, литературе, архитектуре и медицине людей выдающихся, знаменитых было много. Возрождались традиции древней восточной медицины, в каждом городе открывались больницы – своеобразные лечебные и исследовательские центры, где не только врачевали, но и занимались научными изысканиями, опытами, исследованиями. Возникают библиотеки – хранилища рукописей. Интеллектуальная жизнь становится напряженной и могучей. Наступает та пассионарность духа, о которой говорил Лев Гумилев, и благодаря которой становился возможным прорыв в будущее.

Авиценна (его полное имя – Абу Али аль-Хусейн ибн-Абдаллах ибн-Сина) родился в богатой семье. Отец, Адаллах ибн-Хасан, был сборщиком податей. Не самая уважаемая профессия, можно сказать, мытарь. Но при этом богат, образован, видимо, неглуп. Известно, что умер отец Авиценны собственной смертью, никто его не убил, не зарезал за злодеяния. Мать Ситара (что означает «звезда») происходила из маленького селения близ Бухары Афшана. В этом селении и появляется на свет Авиценна. Так звезда родила звезду.

Его родным языком был фарси-дари – язык местного населения Средней Азии. На фарси он писал четверостишья – газели, как их называли на Востоке, – по его выражению, для «отдохновения души».

Городок, в котором он родился, был оживленным, с большим шумным базаром, куда стекалась уйма народа. Здесь были больницы и школа, в которой мальчик начал учиться, очевидно лет с пяти, потому что к его десяти годам выяснилось, что в школе ему уже делать нечего. Там изучали языки – фарси и арабский, грамматику, стилистику, поэтику, Коран, который Авиценна к 10 годам знал наизусть. Это был так называемый гуманитарный класс. Мальчик еще не приступил к изучению ни математики, ни тем более медицины. Со временем он скажет: «Медицина – очень нетрудная наука, и к шестнадцати годам я ее освоил полностью».

Конечно, в его словах можно усомниться – мало ли что может сказать про себя человек? Но семнадцатилетнего Авиценну ко двору призывает сам эмир, прося исцелить от серьезного заболевания. И Авиценна ему действительно помог. Необычный был мальчик.

В доме его отца собирались ученые люди, исмаилиты – представители одного из течений в исламе. Их рассуждения были очень похожи на ересь, со временем их и признали еретиками.

Они хотели очистить Коран от невежественных наслоений, призвав на помощь философию. Опасное занятие. Маленький Авиценна присутствовал при этих беседах, но повзрослев, не принял исмаилитский образ мышления. А вот его брат увлекся этими взглядами. Авиценна же официально остался в рамках ортодоксального ислама, хотя ортодоксом никогда не был.

Итак, к десяти годам в школе ему делать было особенно нечего. И вот – счастливый случай! Отец узнает, что в Бухару приезжает известный ученый того времени Патолли, тут же едет к нему и уговаривает поселиться в его доме. Он обещает кормить его, хорошо содержать и вдобавок платить ему жалование с условием, что ученый станет заниматься с мальчиком. Патолли согласился, и занятия начались. Очень точно сказал о годах своей учебы сам Авиценна: «Я был лучшим из задающих вопросы». И опять ему можно поверить, занятия с Патолли это подтверждают. Довольно скоро ученик стал задавать седобородому учителю такие вопросы, на которые тот ответить не мог. А вскоре Патолли сам стал обращаться к Авиценне, к маленькому Хусейну, за разъяснениями самых трудных мест из Евклида и Птолемея, и они уже вместе искали ответы.

В 15–16 лет юноша стал учиться сам. Его озадачила книга Аристотеля «Метафизика», которая там, в далекой Средней Азии, была переведена на несколько языков и неоднократно прокомментирована. Авиценна рассказывает, что он не мог постичь эту книгу, хотя, читая много раз, почти выучил ее наизусть. Судя по его рассказам, а потом по воспоминаниям его учеников, чтение и письмо были главными занятиями его жизни, и он наслаждался ими, являя собой тип высочайшего интеллектуала, которых время от времени порождает человечество. Об аристотелевском сочинении юноша узнал совершенно случайно. Однажды на базаре, рассказывает сам Авиценна, когда он бережно перебирал свитки, книги, рукописи, книготорговец вдруг сказал ему: «Возьми вот это замечательное произведение, комментарии к «Метафизике» Аристотеля некоего Фараби, восточного мыслителя, философа. Увидишь, какое это сокровище». Мальчик схватил эту книжку, это было то, что он подсознательно хотел найти. Авиценна был поражен, ему открылось то, над чем он сам тщетно бился. Тогда-то он и назвал Аристотеля своим учителем, проникся его представлениями о мире, мыслью о единстве и целостности бытия, сознания и духа, воспринял аристотелевские идеи о форме нашей земли, ее устройстве.

И шестнадцатилетний юноша начал заниматься… медициной. Разумеется, напрямую «Метафизика» Аристотеля к

этому не толкала, а косвенно – да. Возможно, мысль Аристотеля о единстве материального, телесного и духовного оказалась для Авиценны определяющей, настолько важной, что привела его к делу всей жизни.

Когда Авиценна излечил эмира Бухары, тот разрешил ему пользоваться своей библиотекой. Надо сказать, что Авиценна лечил бесплатно, и награды более ценной для него не существовало. Книги, рукописи и свитки хранились в сундуках, в каждом – по какому-нибудь одному предмету или науке. И сундуки эти занимали много комнат. В городе говорили, что он просто с ума сошел от счастья. В своих воспоминаниях Авиценна написал, что «видел такие книги, которые потом не видел никто». Почему? Скоро библиотека сгорела. И злые языки распускали слухи, что это он, Авиценна, сжег библиотеку, чтоб никто больше не прочел эти книги и не смог сравниться с ним в мудрости. Трудно придумать большей глупости! Книги были для него святыней. Как мог он сжечь их!

С 18 лет Авиценна совершенно осознанно посвящает свою жизнь занятиям наукой. Он много пишет, и слава о нем крепнет. В 20 лет его приглашают на постоянную службу к хорезмшаху Мамуну II в Хорезм. Мамун II был одним из лучших представителей сильных мира сего и, безусловно, лучший из тех, кого на своем пути встречал Авиценна. Этого правителя можно сравнить, пожалуй, с Лоренцо Великолепным. Он также собирал при дворе выдающихся людей, приглашал их отовсюду и не скупился в деньгах, считая развитие культуры и науки делом первостепенным. Он, так же как Лоренцо, создал кружок, который назвали Академией Мамуна. Там шли постоянные диспуты, в которых принимали участие многие, в том числе и Бируни, но побеждал почти всегда Авиценна. Слава его росла, он много работал, его почитали, признавая во всем его авторитет. Он был счастлив.

И вот тут на горизонте его жизни появляется роковая фигура – султан Махмуд Газневи, создатель Газневийского султаната. По происхождению он был из числа гулямов, так назывались рабы-воины тюркского происхождения. Вот уж поистине из рабской грязи – в большие князи! Такие люди отличаются особенной спесью, обостренным честолюбием, своеволием, распущенностью. Прослышав, что в Бухаре собран цвет культуры, Махмуд пожелал, чтобы весь этот ученый круг был отдан ему. Правитель Хорезма получил приказ: «немедленно всех ученых ко мне» – туда, в Персию, в нынешний Иран – ослушаться было невозможно. И тогда правитель Хорезма сказал поэтам и ученым: «Уходите, бегите с караваном, ничем больше я не смогу вам помочь…»

Авиценна со своим другом тайком ночью бежали из Хорезма, решив перейти через Каракумскую пустыню. Какое мужество, какое отчаяние! Ради чего? Чтобы не пойти в услужение к Махмуду, чтобы не унизиться и показать: ученые не прыгают по команде, как дрессированные обезьянки.

В пустыне его друг умер от жажды – не перенес перехода. Авиценна выжил. Теперь он снова оказался в западном Иране. Некий эмир Кабус, сам блестящий поэт, собравший вокруг себя великолепное литературное созвездие, радостно принял Авиценну. Как похожи между собой деятели Возрождения, будь то в Италии или на Востоке! Для них главное – жизнь духа, творчество, поиски истины. На новом месте Авиценна начал писать свой величайший труд «Канон врачебной науки». Жил он в купленном для него доме – казалось бы, вот оно, счастье! Но жажда к перемене мест, страсть к путешествиям, к новизне гнала его всю жизнь с мест насиженных и спокойных. Вечный странник! Он опять уходит, снова странствует по землям нынешнего, центрального Ирана. Почему не остался у Кабуса? Среди своего круга людей, в собственном доме, не зная нужды и гонений? Мне не удалось понять его.

Авиценна. Экспонат музея Авиценны в Бухаре.
Фото репродукции

Около 1023 года он останавливается в Хамадане, что в центральном Иране. Излечив очередного эмира от желудочного заболевания, он получает неплохой «гонорар» – его назначают визиром, министром-советником. Кажется, о чем еще можно мечтать! Но ничего хорошего из этого не вышло. Дело в том, что к службе он отнесся честно, тщательно вникал в детали и, как человек чрезвычайно умный и образованный, стал делать реальные предложения по части преобразования системы правления и даже войска – вот что удивительно! Но предложения Авиценны оказались совершенно не нужны окружению эмира. Там были свои министры обороны! Среди придворных плетутся

интриги. Вспыхивает зависть и злоба – ведь врач всегда так близок к правителю!

Дело начинало принимать плохой оборот, стало ясно, что он в опасности. Некоторое время он скрывался у друзей, но ареста ему избежать не удалось. А тут сменился правитель, и сын нового правителя захотел иметь Авиценну около себя – слава его была слишком велика, а практические медицинские умения хорошо известны. Он провел в тюрьме четыре месяца. Заточение его не было безнадежно тяжким, ему разрешали писать. Выйдя на свободу, он вместе с братом и своим преданным учеником вновь отправляется в путь. И оказывается в глубинах Персии, Исфахане.

Исфахан – крупнейший город своего времени с населением около 100 тысяч человек, шумный, красивый и яркий. Авиценна провел там немало лет, став приближенным эмира Алла Аддаула. Снова его окружает культурная среда, снова проводятся диспуты, снова течет относительно спокойная жизнь. Здесь он очень много работает, много пишет, по объему больше всего написано именно в Исфахане. Ученики говорят, что он мог работать ночь напролет, время от времени освежая себя бокалом вина. Мусульманин, который взбадривает свой мозг бокалом вина…

Авиценна спешил. Как врач и мудрец он знал, что ему немного осталось жить и потому торопился. То, что он постигал тогда, в те давние времена, кажется невероятным. Например, писал о роли сетчатки глаза в зрительном процессе, о функциях головного мозга как центра, куда сходятся нервные нити, о влиянии географических и метеорологических условий на здоровье человека. Авиценна был уверен, что существуют невидимые переносчики болезней. Но каким зрением он их увидел? Каким? Он говорил о возможности распространения заразных болезней через воздух, сделал описание диабета, впервые отличил оспу от кори. Даже простое перечисление сделанного им вызывает изумление. При этом Авиценна сочинял стихи, написал несколько философских произведений, где ставил проблему соотношения материального и телесного. В поэзии Авиценны очень емко выражено его стремление видеть мир единым, целостным. Вот его четверостишие в переводе с фарси: «Земля есть тело мироздания, душа которого – Господь. И люди с ангелами вместе даруют чувственную плоть. Под стать кирпичикам частицы, мир из которых создан сплошь. Единство, в этом совершенство. Все остальное в мире – ложь». Какие удивительные, глубокие и серьезные мысли! И какие грешные. Бога он понимал по-своему. Бог – творец, Он этот мир сотворил. И на этом, как полагал Авиценна, Его миссия закончилась. Думать, что Господь повседневно следит за мелочной суетой

людей, участвует в их жизни, – это варварство. В этом были убеждены древние греки. Но Авиценна высказывает и еще более еретическую мысль: творение Бога было предначертано некой сверхбожественной силой. Что это за сила? Что имел в виду Авиценна? Возможно, уже тогда он думал о космосе? Таким людям, как он, подобные глубокие мысли были свойственны.

После того как Авиценне удалось бежать через пустыню, он долго скрывался от султана Махмуда. Правитель активно разыскивал беглеца и даже разослал в 40 экземплярах что-то вроде листовки или предписания с рисунком, изображающим Авиценну. А судя по тому, что удалось реконструировать по его черепу, он был красавец, без каких-либо особо ярко выраженных восточных, азиатских или европейских черт. Махмуду так и не удалось вернуть Авиценну.

Преемник султана Махмуда Масуд Газневи в 1030 году послал свое войско к Исфахану, где находился Авиценна, и учинил там полный погром. Авиценна пережил настоящую трагедию: был уничтожен его дом, пропали многие его труды. В частности, навсегда исчез труд в 20 частях «Книга справедливости». Это была одна из последних его книг. Может быть, как раз в ней содержались его итоговые, самые глубокие мысли. Но мы о них, видимо, никогда не узнаем. Не станут нам известны и обстоятельства его личной жизни – об этом нет упоминаний в воспоминаниях учеников или просто современников. Он писал о женщинах стихи, воспевающие красоту, гармонию и совершенство. И это – все.

Умер Авиценна в военном походе, сопровождая эмира и благодетеля своего Алла Аддаула. Как врач, он знал, что его организм исчерпал себя, хотя ему было всего 57 лет. Раньше он неоднократно лечил себя и излечивал. На этот раз Авиценна знал, что умирает, и потому сказал ученикам: «Лечить бесполезно». Похоронен он в Хамадане, там сохранилась его гробница. В 1950-е годы ее заново отстроили. Вот слова Авиценны перед смертью, переданные нам, потомкам, его учениками: «Мы умираем в полном сознании и с собой уносим лишь одно: сознание того, что мы ничего не узнали». И это сказал человек, с восторгом посвятивший познанию всю свою жизнь, энергию, молодость и здоровье.

Алиенора Аквитанская. Бабушка средневековой Европы

Почему «бабушка»? Конечно, это метафора, и все-таки большая доля правды в ней есть. Потому что ее внуки, а затем и правнуки правили во многих государствах Западной Европы. В Англии, во Франции, на Сицилии (Сицилийское королевство), в Германии, в Кастилии – всюду были ее потомки. Эта женщина уникальна во многих отношениях и в этом, плодовитости, – тоже. Она родила десятерых детей от двух королей – французского Людовика VII и английского Генриха II Плантагенета. Капетинги и Плантагенеты – а между ними Алиенора Аквитанская, дочь герцога Аквитании Гийома.

Аквитанский дом считался, и совершенно справедливо, пристанищем поэтов, трубадуров. Ее дед – поэт, отец – тоже поэт. Это особый край, Юго-Запад Франции, насыщенный солнцем, красками, яркой мощной растительностью, прекрасными виноградниками и, конечно, вином. Здесь всего в избытке, и радость бытия бьет через край. Герцогство Аквитанское огромное, самое большое во Франции в те времена и, очевидно, самое богатое. И вот в 1152 году, после смерти герцога Аквитанского, оно становится приданым Алиеноры, пятнадцатилетней девочки, скажем от себя – роскошным приданым. Алиенора – завидная невеста, от претендентов нет отбоя, короли, герцоги выстраиваются в ряд. Еще и потому, что она была официально признана первой красавицей Европы. Европа внимательно следила за ней и ее потенциальными женихами.

Почему ее звали так необычно – Алиенора? Дело в том, что, когда она родилась, в семье уже была Элеонора. Поэтому ее назвали «Другая Элеонора», от слова alienus – «другой, иной».

Итак, на редкость завидная невеста, красавица ждет жениха. И наконец его имя называют – это Людовик VII, король французский из династии Капетингов. Европа недоумевает. Капетинги откровенно бедны в то время, их земли – Иль-де-Франс – крошечное блюдечко между Парижем и Орлеаном. Когда французская знать выбирала первого Капетинга, учитывались многие факторы, в частности стремились, чтобы он не был сильнее других. Что-то подобное происходило и в России, когда выбирали Романовых. Начиная с 987 года Капетинги стали управлять Францией, хотя и не имели особенно сильной власти.

Неизвестный художник. Алиенора Аквитанская. XIX в.
Фото репродукции

Постепенно ранние Капетинги шаг за шагом наращивали свое влияние. Особенно заметно это стало при Людовике VI, прозванном Толстым. Его умный и образованный советник аббат Сугерий сумел всеми доступными ему средствами добиться брака сына короля, тоже Людовика, и блестящей «аквитанской

невесты». Прямо во время свадебного пира, который проходил в Бордо, пришло известие о смерти Людовика VI. Получилось, что Алиенора вышла замуж не за принца, а за молодого короля – Людовика VII. И вот к такой крошке, Иль-де-Франсу, присоединилась огромная и прекрасная Аквитания.

Прошло тринадцать лет брака, она родила детей, но это были три девочки и ни одного мальчика. И король потребовал развода, официально объяснив свое требование неспособностью жены родить мальчика, наследника. Событие невероятное само по себе в Средневековье, а для королевской семьи – еще невероятней. Католическая церковь не допускала разводов. Но Людовик все-таки добился своего. В чем дело? Почему? Как можно было добровольно отказаться от жены-красавицы, от ее приданого – Аквитании? Ходила молва, что все дело в ревности, ревновал он ее столь сильно, что жизнь стала ему не мила, и потому все здравые доводы перестали действовать. И он добился разрешения папы уже под другим предлогом – якобы внезапно было обнаружено слишком близкое между их домами родство. Чепуха абсолютная! Во-первых, где же он был все эти тринадцать лет?! А во-вторых, все королевские дома Европы в какой-то мере были родственны между собой. Но… с папой удалось договориться. И развод состоялся. Потеряна Аквитания. По феодальным законам того времени, родовые владения нельзя было отторгать, что свято соблюдалось. Только сыновья могли претендовать на ее земли. Сыновей не было. И она вместе со своей Аквитанией снова становится завиднейшей невестой Европы.

Напомню – ей двадцать восемь лет, и у нее одна забота – спрятаться, как бы ее кто не похитил, не выдал бы замуж насильственно. Она устала от семейной жизни, от постоянных беременностей, от этикета, от несвободы – у нее другой нрав, она Алиенора Аквитанская, этим многое сказано. И вдруг – граф Анжуйский Генрих, моложе ее на одиннадцать лет. Если в наши времена такая разница в возрасте супругов не слишком поощряется, то тогда это было неслыханно, греховно. Он же почти мальчик, какой он муж! Но вот тут настояла Алиенора, а в ней говорила любовь, возможно впервые испытанная, которая не знала преград. В 1152 году, очень скоро после развода с Людовиком VII, был заключен новый брак с Генрихом Анжуйским, союз, связанный страстным чувством.

Очень скоро оказалось, что он – антипод ее первого мужа. Тот был немного фанатичным в вере, много молился. Даже Крестовый поход для него – прежде всего не война, а паломничество в Святые земли… Как-то у Алиеноры вырвались слова о том, что Людовик VII – скорее монах, чем король. А страстная аквитанка

искала в мужчине чего-то другого. И это другое она находит в графе Анжуйском. Через два года, в 1154 году, он становится английским королем Генрихом II, а это значит, что Алиенора снова королева, теперь королева Англии.

Генрих Анжуйский не был сыном короля. Его мать – Матильда, наследница английского престола из первой норманнской династии, заключила договор со своим соперником, Стефаном Блуаским. Согласно этому договору, она отказывалась от притязаний на престол в пользу своего сына, Генриха Анжуйского. Эту перспективу, возможно, Алиенора принимала во внимание. Герцогская корона ей дана была от рождения, французскую она носила целых тринадцать лет, а теперь второй брак сулил ей корону английскую. И все-таки есть много оснований предполагать, что между Алиенорой и Генрихом Анжуйским, который в Англии стал править как основатель династии Плантагенетов, была страстная любовь. И главное доказательство этому – бешеная ненависть, которая пришла ей на смену.

Поначалу они неразлучны. Она участвует в государственных делах, подписывает документы, что было, кстати, не принято, они вместе принимают послов, гуляют по паркам, скачут на лошадях, всюду звучит их смех – супруги близки как никогда и счастливы. Одна беременность следует за другой, Алиенора рожает мальчиков! Европа в изумлении застывает, а потом, вероятно, разражается смехом – совсем недавно первый ее муж официально заявлял, что она неспособна родить наследника. И вот – пожалуйста, пять мальчиков подряд, один, правда, умирает в младенчестве. Она полностью реабилитирована. Но Генрих Анжуйский, совсем недавно такой любящий, начинает изменять Алиеноре и решает заточить надоевшую жену в отдаленном замке. Она провела в этом относительно почетном заключении целых шестнадцать лет.

Считается, что причиной была ее ревность к любовнице короля Розамунде. Очевидно, как когда-то ее первому мужу, это чувство не давало Алиеноре жить, стала тем кошмаром, от которого она не могла избавиться. Наверное, и Генриху приходилось нелегко, потому-то он и заточил ее в замке. Конечно, не в цепях она была и не в подвале – у нее был даже свой маленький двор, своя свита, но ее лишили того, без чего ей было невозможно жить – свободы. И еще одна непереносимая для этой женщины потеря – отсутствие общества. А потребность быть на людях, участвовать в разговорах, красоваться, обольщать – все это было свойственно Алиеноре Аквитанской в высшей степени. Потребность эту она сохранила всю свою долгую жизнь. А

прожила наша героиня восемьдесят два года. Уникальный случай! Она не превратилась в дряхлую старуху, а была активна, деятельна, рассудительна до самого последнего вздоха. Когда ей было почти 80, она совершила путешествие за Пиренейские горы к своей внучке Бланке Кастильской. Бабушка забрала ее с собой во Францию и просватала за французского принца, будущего Людовика VIII. Брак состоялся, и Бланка Кастильская родила французам, наверное, самого замечательного средневекового правителя, Людовика IX, имевшего прозвище Святой (а такие прозвища случайно не даются).

Продолжу рассказ об уникальности Алиеноры. Родить десятерых детей – нечастое явление в королевских семьях. В восемьдесят лет путешествовать за Пиренеи отправится далеко не каждый – это совершенно очевидно. Носить три короны на одном веку – кто еще может этим похвастать? Алиенора прожила несколько жизней, как минимум три – одну во Франции, другую в Англии, третью в изгнании. Она была свидетельницей самого расцвета рыцарского века. И, думаю, именно Алиенора и ее любимый сын, Ричард I Львиное Сердце, стали символом женского и мужского начал в рыцарстве.

Ричарда Алиенора вырастила в Аквитании, обожала его с самого рождения, и он в юности очень ее любил. Трубадуры в честь своей правительницы слагали стихи и пели песни. Она прекрасно владела несколькими языками, знала риторику. Когда ей надо было бороться за освобождение своего сына из плена, она писала папе римскому: «В то время как мой сын, подобно Ахиллу, сражался под стенами Аккры, коварный Филипп Французский покинул его как предатель…» Так все и было, один сражался, другой покинул, но – какой стиль! Античный. На память приходит Гомер.

Ее молодость – зенит западноевропейского Средневековья. Рождается рыцарская литература, появляется роман о Тристане и Изольде, творит Кретьен де Труа. Но, как известно, после зенита движение возможно только вниз. Закат рыцарского века уже недалек. И жизнь, личная жизнь Алиеноры, ее судьба, как раз пришлись на этот взлет и падение, стали олицетворением их. Уже Филипп II Август во Франции осмелился попирать рыцарские идеалы, когда они помешали реальной политике. И Иоанн Безземельный, младший сын Алиеноры Аквитанской, пытается делать то же самое, хотя мало что умеет, демонстрируя вырождение рыцарства внутри семьи. Вообще, Иоанн – фигура для нее трагичная. Он родился нежданным, последним, и был он не таким статным, красивым, как его братья. Ричард Львиное Сердце с могучей гривой огненно-золотых волос, красив как бог, в

бою – как лев отважен и силен, первым бросался на врагов, был страшен в индивидуальном бою, не ведал страха. И вместе с тем – маменькин сыночек. Она повезла Ричарда в Аквитанию, подальше от английского двора и там, среди стихов и песен трубадуров, ласкала, растила его. И он усвоил с младенчества поэзию и рыцарское поведение, став рыцарем не только внешне, но и по убеждению.

Интересно, что жизнь Алиеноры Аквитанской – истинный роман, увлекательный, полнокровный, яркий – в литературе, в искусстве примитивно и грубо упрощается. Мне всегда казалось это странным. Чего стоит только одно ее участие во Втором крестовом походе! Она проскакала большую часть пути верхом, какую-то часть ехала на повозках, но ведь от Парижа до Иерусалима около шести тысяч километров! Невероятная женщина! Во время Третьего крестового похода, одним из вождей которого был Ричард Львиное Сердце, она женила своего львиного рыцаря на Беренгарии Наваррской, снова не побоявшись отправиться в неблизкий путь за невестой. А дальше – многолетнее заточение. Как только умер Генрих II, взошедший на престол Ричард I ее освободил. Она вернулась нисколько не усталой, не сломленной и сразу окунулась в жизнь активную – политическую и личную.

Позже, в кино, литературе, театре ее представляют совсем не такой. Вот пьеса Джеймса Голдмена «Лев зимой». Генрих Плантагенет показан на склоне лет, ему около пятидесяти – для Средневековья старик. Ей шестьдесят три. Но она – молодая женщина и выглядит лучше его и чувствует себя бодрее, чем его очень огорчает. У нее, видимо, было железное здоровье – это отмечали очевидцы ее участия в Крестовом походе. Но в пьесе показана лишь одна грань ее характера, поведения и всего два дня жизни – Рождество 1183 года. Голдмен, который очень старается следовать исторической правде, смотрит на нее глазами главного персонажа – Генриха. Не того молодого, который страстно любил ее, а престарелого, измученного жизнью, уже пережившего свое чувство и ненавидящего супругу. В жизни она оказалась сильнее его. Оптимистичнее, смелее и значительнее. Это простить мужчина вряд ли может. Генрих ненавидит ее открыто, зло называя Медузой Горгоной. К ней плохо относятся и сыновья, которые ссорятся из-за престола, не зная, кому из них она станет помогать. Но это – совсем маленький кусочек жизни, взятой вне всего жизненного контекста. А такой взгляд – всегда нарушение правды. Нет ни трубадуров, ни Крестового похода. И в этой стареющей и не желающей стареть женщине совершенно не проглядывает та,

молодая Алиенора. В жизни – все не так. Лучшая книга о ней написана француженкой Режин Перну, но это не вполне художественное произведение. Книга вышла на русском языке в 2001 году, и я очень советую ее прочесть.

Кроме официальной литературы и науки, которые ею занимаются, есть еще и молва об Алиеноре Аквитанской. Эти народные толкования иногда даже более интересны, ведь «нет дыма без огня». Мифы и легенды о ней начали слагать еще при ее жизни. Все они ее осуждают и в целом рисуют образ негативный. Во время Крестового похода она, мол, время от времени скакала впереди крестоносного войска, окруженная своими фрейлинами, в костюме амазонки. А это значит, что одна грудь должна была быть обнаженной. Для Средневековья это безнравственно. И мало того – сидела на лошади не боком, как подобает женщине, а верхом, и не в дамском седле… Нехорошо, некрасиво. Рассказывали, что у нее было несколько романов. Например, с бароном Жоффруа де Ранконом – знатным, видным, красивым, но оснований для того, чтобы поверить этому – а Режин Перну очень тщательно изучала множество самых разных материалов – нет. Молва, и все. А уж коннетабль Аквитании Сель де Брейль – это вообще вряд ли. Перну совершенно справедливо пишет, что он ниже ее рангом, для нее это было важно, она же носительница трех корон!

Наиболее подходящей по статусу фигурой мог быть ее молодой дядя Раймунд де Пуатье. Он красив и отважен, а это нравится женщинам. Встретившись во время Крестового похода, они много времени провели вместе. Но это могло значить совсем не то, что приписывала молва. Дело в том, что в детстве дядя часто бывал в их доме, она прыгала у него на коленях, а он играл с ней, маленьким ребенком. С тех пор они долго не виделись. Встреча с человеком, которого помнишь с детства, вызывает особые, очень теплые, почти родственные чувства. И доказать, что тут непременно разврат, – невозможно, да и нет таких доказательств.

Само ее появление в Париже, возможно, возмутило парижан – она уже пришла с некой молвой. На роскошном бракосочетании в Бордо они увидели очаровательную пятнадцатилетнюю девочку в пурпурном платье, красивую, яркую, совсем не забитую, не смирную и не стеснительную. Они-то представляли ее бледной, печальной, со слезами на глазах из-за разлуки с родиной… Ничего подобного! Она приезжает из мира солнца, вина, куртуазии, где, кажется, нет места унынию и печали, в Париж, который по сравнению с ее родиной – край северный, строгий, холодный. Юг и север Франции – Лангедок и Лангедойль – очень

отличались друг от друга по культуре вплоть до XIII века. По существу это были две цивилизации. Юг испытал гораздо большее влияние римлян, чем север. И кроме того Париж вовсе не был затронут арабским влиянием. Северу был чужд Восток с его поэзией, гортанными языками, с его музыкой, тяготением к роскоши, шелкам, мехам, духам… И вот юная особа, выросшая в этой атмосфере, приезжает в Париж. Молва вполне естественно не одобряет ее, Алиенора со своими куртуазными привычками должна была показаться в Париже развратницей. Такой и показалась.

А потом – еще дальше на север, в Лондон, куда она прибывает королевой английской. Здесь традиция еще более строгая, чем в Париже, в ней сплелось англосаксонское наследие с норманнским, а Нормандия и ее жители – все-таки потомки суровых и бесстрашных викингов. Она прибывает в другой, суровый мир, довольно мрачный и холодный, а главное – совсем непохожий на ее родину.

Людовик VII и Алиенора молят Господа о даровании сына. Средневековая миниатюра. Фото репродукции

Уместно будет вспомнить, что Аквитания, эта прекрасная земля, долго была независимой. Ее жители мужественно и

самоотверженно боролись, стараясь сохранить свои самостоятельность и самобытность. Лишь в результате Альбигойских войн XIII века Север, наконец, расправится с этой цивилизацией. Алиенора, ушедшая из жизни в самом начале XIII столетия, оставалась аквитанкой – она впитала все соки этого края и никогда в своей жизни не изменяла особенностям, там приобретенным.

И вот народная молва творит образ Алиеноры. Какой? Она меняет любовников, отравила Розамунду, возлюбленную своего мужа Генриха Английского… Отравила ли? Никаких доказательств нет, но слухи упорно ходят. А как же?! Розамунда своя, из Уэльса. А эта – чужая, иноземка, разведенная жена французского короля. Молва враждебна к ней изначально. За то, что она из южной Франции, за то, что манеры не те, за то, что во время Крестового похода скакала не так, как положено, за то, что в походе у нее было очень много повозок с плащами, меховыми воротниками, платьями, и она их меняла, несмотря на усталость и невероятные трудности… Но она Алиенора Аквитанская, и у нее свой собственный стиль. Ну, как могла она в Константинополе не появиться в роскошном наряде? Ведь это византийский двор, император принимает их торжественно и пышно. Она, воспитанная в Аквитании, считает, что надо пышностью ответить и посостязаться с ней. А традиция севера Франции и Англии – другая, здесь царит дух умеренности и непритязательности. Здесь мужчины одеты в кольчуги, в дорожные грубые плащи, они неделями не слезают с седла, рубятся тяжелыми грубыми мечами, а на их лицах – выражение суровое и непреклонное. А она не похожа на людей севера ни внешностью своей, ни выражением лица, ни улыбкой. Остается только изумляться, как можно было в совершенно ином, чуждом мире оставаться самой собой! И в этом ее уникальность.

И тут, надо признать, – аквитанская закваска оказалась очень мощной. Не зря именно в этом крае куртуазии и рыцарства была сложена знаменитая «Песнь о Роланде», великий рыцарский эпос. Не зря именно там прижилась «альбигойская ересь». Этот край тяготел к большему вольнолюбию, открытости, взаимодействию культур. Именно туда с востока через Пиренейский полуостров прибывают знаменитые врачи, например Авиценна. Там роза ветров европейских культур.

И снова вернусь к Алиеноре. Конечно, это личность неоднозначная. Сильный характер, воля, одаренность натуры делали ее человеком не простым, экстраординарным. И потому отношения ее даже с самыми близкими людьми складывались трудно. Когда сыновья были детьми, она их любила, одного

больше, другого меньше. Когда они выросли, все изменилось. Оказалось, что перед ней – люди с характером, не желающие становиться пешками в чужой игре. Все, включая бездарного Иоанна, были способны действовать самостоятельною. Сыновья дрались за власть. А уж если кто их и стравливал, так точно не Алиенора, а французский король Филипп II по прозвищу Август, сын от третьего брака того самого Людовика VII, который много лет назад развелся с Алиенорой.

Он мог бы быть сыном Алиеноры! Удивительный французский король, прозвище Август тоже случайно не получают. Начав править в 1180 году, он получил очень урезанную за счет английских владений Францию, а завершил свое правление в 1223-м, имея территорию в два раза большую, отвоевав английские эти самые владения во Франции. Каким образом это удалось? Хитростью и подначиванием сыновей Генриха II и Алиеноры Аквитанской. Вот кто виртуозно владел придворными интригами, был редкостным лицемером и выдающимся для своего времени дипломатом! Он по очереди дружил с каждым сыном Алиеноры и предавал их в самую решающую минуту. Все Плантагенеты – старший сын Генрих, второй – Жоффруа, а также Ричард Львиное Сердце и Иоанн Безземельный – в какой-то момент своей жизни понимали, что обмануты Филиппом. Оказалось, дети Алиеноры люди довольно простодушные и доверчивые. Например, с Ричардом Львиное Сердце, истово и искренне стремившимся на Восток, Филипп II играл роль верного крестоносца. И вдруг этот ближайший и любимый Ричардом человек тайком убегает из-под стен Аккры, оставляя его одного. Ужас! Я представляю себе лицо Ричарда – он понимает, что надо мчаться в Европу, потому что Филипп отнимет принадлежащие английской короне французские земли. А как убежать, тут войско?! Что скажут о нем, великом рыцаре, его воины!

Так же предательски поступил Филипп и с Иоанном Безземельным. Иоанн никому не верит, особенно матери, которая хочет открыть ему глаза на французского короля. Он уверен, что Филипп – его главный заступник. Дело кончается, как всегда, предательством. Филипп вызывает Иоанна Безземельного в суд по обвинению в убийстве своего племянника, Артура Бретонского. Обвинение состряпано по слухам, никаких доказательств нет. Хотя Шекспир полностью принимает эту версию, считая ее доказанным фактом. «Ты причастен к убийству, явись на суд» – вот требование, предъявленное Иоанну. Совершенно потрясенный, он отказывается явиться, и тогда Филипп II Август снимает маску окончательно. Он начинает военные действия и

отвоевывает значительные земли у англичан. Известие о падении в 1204 году замка Шато Гайяр, столь любимого Алиенорой, стало для нее смертельным ударом. По ее просьбе Ричард Львиное Сердце был впоследствии похоронен рядом с ней.

Ричард Львиное сердце. Незаслуженно возвеличенный

Ричард Львиное Сердце – герой без страха и упрека! Рыцарь на белом коне… Кто же не зачитывался в юности романами «Айвенго» и «Талисман»! Кто не смотрел прекрасный фильм «Робин Гуд – король воров»! Ричард – невероятно популярный герой. Вот как пишет о нем Генрих Гейне:

В пустынной дубраве несется ездок,
В роскошном лесистом ущелье
Поет, и смеется, и трубит он в рог,
В душе и во взоре веселье.
Он в крепкую броню стальную одет,
Знаком его меч сарацинам,
То Ричард, Христовых то воинов цвет,
И Сердцем зовут его Львиным…

Вот такой прекрасный образ! Такого Ричарда мы знаем, им восхищаемся и любим. Некоторые считают, что «Львиное Сердце» – это литературный эпитет, который появился много позже и после смерти Ричарда. На самом деле нет. Он получил его во время Третьего крестового похода (1189–1192). Это время – важнейшая веха в его жизни. В 1189 году Ричард коронован английским королем в Лондоне. Сразу после коронации начинается поход, который оказался исключительно успешным – были захвачены Сицилия, Кипр, Аккра.

Скажу сразу – Ричард был необычайно храбр, складывалось впечатление, что страх вообще неведом ему. Необыкновенно сильный и развитый физически, он всегда оказывался в первых рядах, всегда рубился с преобладающим противником и всегда оказывался сильнее врагов. Известно, что однажды он поднял и бросил о землю недруга тоже не слабого десятка с оружием в руках и в латах весом сорок-пятьдесят килограммов. Да так, что тот едва остался жив. Это было абсолютно в духе Ричарда. Легенды еще более усиливали его мифологические черты, но они были у него и так – сила, храбрость, красота. Роскошная грива золотисто-рыжих волос придавала ему облик сказочного, былинного героя. Кстати, именно эти прекрасные волосы и невероятная отвага явились причиной появления эпитета «львиное сердце».

Он родился в 1157 году в Оксфорде, но вырос при дворе

своей матери Алиеноры Аквитанской, в Аквитании на юго-западе Франции. Его отец очень скоро после женитьбы стал английским королем Генрихом II. Их брак поначалу был счастливым, супруги обожали друг друга, не разлучались даже тогда, когда того требовали дела государственной важности. Все сыновья, а их было пять, были рождены в любви и были желанными. Ричарда любили особенно сильно – он был красив от рождения, а красота никого не оставляет равнодушным, тем более родителей. Родившись в Англии, он фактически всю жизнь прожил во Франции. Умер в 1199 году.

Ричард был третьим сыном Генриха II Плантагенета, поэтому у него практически не было шансов стать королем. Но первые два брата умерли неожиданно рано – и дорога к трону оказалась открыта. Сразу после коронации он отправляется в Крестовый поход. Его манила слава, личная слава, ради которой он готов был умереть. Он рисковал жизнью постоянно! Первым бросался в строй противника, и смерть отступала перед таким безрассудством. Это удивительно! Ведь он был человеком набожным, правда, в меру, без крайностей, но жизнь человеческую ценил крайне низко. Как это сочеталось? Вера в Бога и безрассудная смелость, при которой жизнь не стоила и копейки! Трудно сказать, трудно понять.

У него была мечта, которая сильно кружила ему голову. Слава освободителя земель на Востоке – вот что не давало ему покоя! В Первом крестовом походе (1096–1099) эти земли были завоеваны западноевропейскими рыцарями, а теперь отбиты султаном Саладином, блистательным полководцем Востока… Победить Саладина, отбить Храм Гроба Господня – значило прославиться дважды и навсегда остаться в мировой истории. Вот какова была цель жизни английского короля Ричарда I. И в достижении ее Англия, королем которой он только что стал, мало его интересовала. Ее казна – вот что было для него крайне важно и нужно, просто казна и ничего больше. Он ее и использовал. Но как? Попросту обобрал. А когда Ричард попал в плен и Алиенора стала собирать деньги на выкуп, казна оказалась практически пустой. Но что интересно? Несмотря ни на что, он был любим в Англии. Его не просто любили – им гордились. Факт поразительный, но объяснимый.

Ричард Львиное Сердце.
Фото репродукции

Во-первых, люди любят победителей во все времена. И, увы, наша эпоха не является исключением. Звонкая военная победа – вещь привлекательная. Хотя какой он победитель, Ричард Львиное Сердце? Боролся вместе с братьями против отца, дважды

его предавал, вроде бы пытался отравить французского короля Филиппа II, в Крестовом походе не победил, попал в плен. Вот она – реальность. Но тут вернее работает миф, легенда, чем правда. Правдой, если она неприятна, можно и пренебречь. А потом, это же век рыцарства. Для этой эпохи вполне понятен и по-своему прекрасен поступок английского короля в захваченной крестоносцами Аккре. Увидев в крепости, отнятой с большим трудом у турок, знамя герцога австрийского Леопольда, Ричард лично сорвал и растоптал его. При этом все знали, что войско Леопольда сыграло большую роль в захвате Аккры. Тем, кто видел, как Ричард расправился с герцогским знаменем, он заявил: «А ну, выйдите, кто посмеет мне возразить». Вот он какой победитель!

Ричард с детства впитал в себя атмосферу рыцарства. Его дед, отец матери Гийом Аквитанский, был знаменитым трувером – исполнителем собственных стихов. Считается, что именно с него начинается век миннезанга, время расцвета куртуазной культуры Юго-Запада Франции. Прадед тоже был трубадуром, и оба они пользовались любовью и известностью. Когда Ричард вырос, он поступил подобно матери – окружил себя плотной толпой трубадуров и поощрял тех, кто воспевал его. Например, Бертрана де Борна, великого певца рыцарства. Что же писал Бертран? «Как мне нравится звон мечей; как я обожаю, когда падают лошади, когда валятся раненые и убитые, и моря крови». Уж такой это был век. И поэтому Ричард Львиное Сердце считался победителем. Да и Ахилл-то, с которым его сравнивали, тоже хорош! Ведь не он же взял Трою, которую захватили лишь благодаря хитромудрому Одиссею или Улиссу.

Памятник Ричарду Львиное Сердце у здания парламента в Лондоне. Установлен в 1860 г. Современный вид

Нужно сказать, что в жизни Ричарда был свой Улисс – Филипп II Август, французский король, хитрости которого хватило бы не на одну сотню правителей. Он не бился в открытых боях, но неизменно выигрывал в политических интригах. Филипп бросил Ричарда в Крестовом походе, а после смерти Ричарда у его

брата Иоанна Безземельного отобрал почти все французские владения английского дома. И при этом и Ричард, и Иоанн считали Филиппа лучшим другом, не говоря о том, что все они были братьями.

Уже современники начали создавать миф о Ричарде. Вот знаменитая «Священная война», написанная Амбруазом. Автор – участник Крестового похода – имел возможность наблюдать за действиями короля ежедневно. Но если в хронике проскальзывает что-то не слишком благородное и героическое, то Амбруаз тут же старается оправдать Ричарда, объяснить, что, дескать, не виноват он, таковы обстоятельства. Между строчками «Священной войны» проступают и безмерная вспыльчивость, и несправедливость, и жестокость короля. Например, по его приказу под стенами Аккры были казнены две тысячи пленников. Но ведь это сарацины, безбожники! И значит, такой поступок не пятнает рыцаря. Амбруаз с гордостью восклицает: «Как овцы перед волком, разбегаются перед Ричардом его враги…» И далее отмечает, как великодушен был король к своему младшему брату Иоанну. Уходя в Крестовый поход и надеясь, что брат будет вести себя прилично, Ричард осыпает его дарами щедрой рукой. Щедрость – тоже отличающее рыцаря качество… Вот такой он, прекрасный герой рыцарской эпохи.

Думаю, его знаменитый меч рассекает время надвое, и расцвет рыцарства позади. Впереди – другое время. Ричард I, этот «поющий король», как назвали его в современном романе, этот трубадур с мечом в руках и бесстрашным сердцем, – именно он знаменует начало новой эпохи.

Саркофаг Ричарда Львиное Сердце.
Фото репродукции

Интересно, как складывается его образ. С одной стороны –

грубиян с тяжеленными кулаками, тысячами уничтожающий врагов и не знающий к ним пощады. С другой – сладкозвучный трубадур, воспевающий доблесть, честь, щедрость и женскую красоту. Ричард совмещает в себе, кажется, несовместимые черты. Так в народном сознании складывается полновесный, яркий и вполне живой образ рыцаря.

Наделяется ли эта личность идеальными чертами? Полагаю, да. Но идеализировали его именно потому, что он был очень похож на героя. Ричард Львиное Сердце нравился своей эпохе. В нем восхищало все – внешность, происхождение, поступки. Вот она почва для рождения героя, рыцаря, легенды! И в результате именно о нем слагались лучшие народные баллады, в результате именно он стал символом отваги и благородства.

Упомянем еще о некоторых обстоятельствах, неизменно вызывающих к нему симпатию и сочувствие. По законам той эпохи было несколько причин считать Ричарда несправедливо и очень серьезно обиженным, пострадавшим. Основная причина – предательство Филиппа II. Это он во время Крестового похода коварно бросил Ричарда под стенами Аккры и без предупреждения отплыл во Францию. Фактически предал. Предательство не прощалось ни в какие времена. И пострадавший от него – уже герой. Но война продолжается. Ричард продолжает сражаться на Святой Земле, бьется неистово за Христово дело и свою славу. А потом начинаются неудачи, и он заболевает лихорадкой. И в это время приходит известие, что Филипп готовит во Франции войну против него. Ричард мечется, не зная, что предпринять. Остаться в захваченной Аккре означало потерять свою страну, во всяком случае, многовековые владения английской короны во Франции…Что, что делать? И Ричард оставляет свои войска. Так поступит через несколько сотен лет Наполеон в Египте, а потом в Москве. И Наполеона обожают, обожают до сих пор!

По дороге обратно через Европу (Ричард I пробирался в Англию инкогнито) он попадает к австрийскому герцогу, чье знамя он когда-то растоптал. Тот решает свести счеты и берет Ричарда в плен, заточив короля в замок где-то на Дунае. А крестоносца, кроме как в бою, в плен брать было нельзя. Значит – нарушены высочайшие заповеди эпохи. И выходит Ричард – опять пострадавший.

Ричард как бы исчезает, никто точно не знал, где он находится. Уже в XIII веке появляется прелестная легенда про то, как он был найден. Некий трубадур бродил от замка к замку и пел балладу, сочиненную им вместе с Ричардом. И вот у очередного замка, пропев куплет, он услышал, как кто-то под

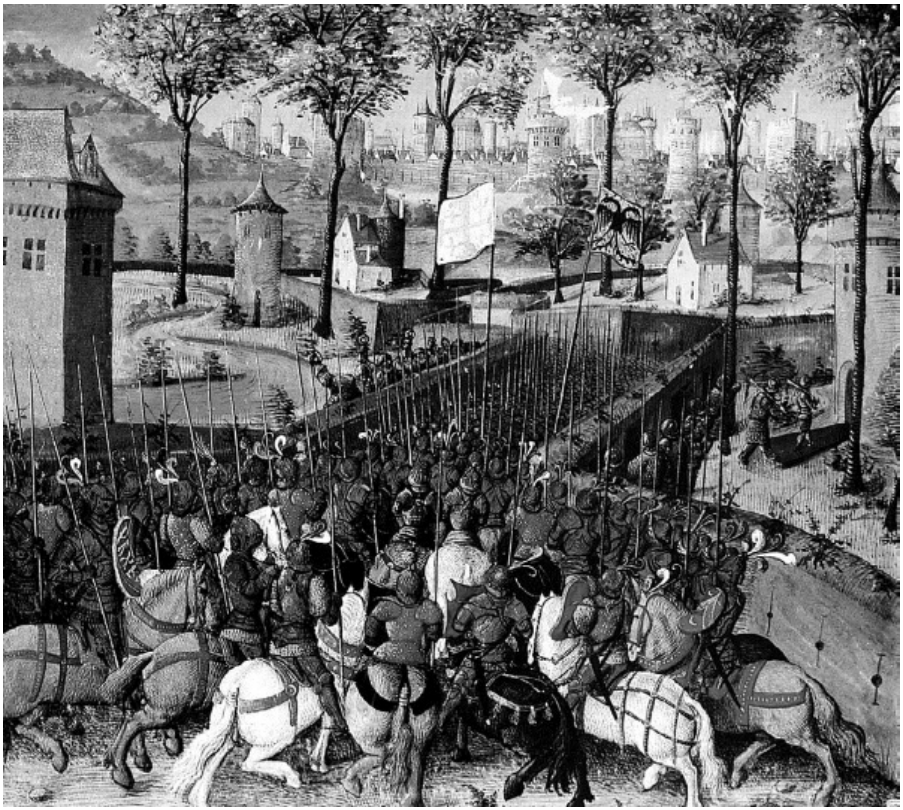
самой крышей продолжает петь. «Ричард здесь!» – понял трубадур и рассказал это в своих песнях всей Европе…

Чтобы освободить короля, полагалось заплатить огромный выкуп. В Англии начался сбор денег. А французский король Филипп II вместе с братом Ричарда Иоанном платили, чтобы его не выпускали из плена! Это известно по документам. Платили за каждый дополнительный день, проведенный королем Англии в плену. И снова молва клеймит врагов Ричарда на века – предательство, предательство! Брат, родной брат и французский король, которого они оба считали ближайшим другом, который посвящал его в рыцари, и вдруг – такое страшное коварство! Что по сравнению с этим две тысячи казненных неверных, вспышки гнева, грубость и несдержанность, которые так свойственны Ричарду…

Предательство, коварство – все это ужасно, и нет этому никакого оправдания. Но а если на минуту забыть об обидах, наносимых Ричарду то французским королем, то австрийским герцогом, то собственным братом? Какого Ричарда мы увидим? Что за поступки он совершил?

Молодой человек, очень амбициозный, дважды участвовал в мятеже против отца, знаменитого английского короля Генриха II Плантагенета. В 1189 году в результате второго мятежа Генрих умер. Сразу после воцарения Ричард, обобрав Англию, отправляется в Крестовый поход, во время которого бесконечно ссорится с союзниками. Далее – перебил две тысячи заложников, оскорбил этого несчастного Леопольда Австрийского. За что? Отказался жениться на сестре французского короля – то есть публично оскорбил девушку… Хотя и здесь все не так просто и пару слов надо сказать, справедливости ради. Судя по всему, эту девушку сделал своей наложницей его отец, Генрих. Далее Ричард покидает свое войско, потому что его власти угрожает младший брат. Затем плен, выкуп, который собирали ради него, и пустая казна Англии. Меньше чем через год он начинает воевать во Франции, потому что Филипп угрожает его владениям.

И наконец, последнее. Смерть от заражения крови. Перед кончиной он назначает своим наследником… Кого? Безвольного и мало пригодного к управлению государством братца, известного негодяя Иоанна Безземельного. Зачем? Почему? Да потому, что Ричарду наплевать было на Англию. Вот Бретань – другое дело, сюда он посылает племянника, Артура Бретонского.



Крестоносцы осаждают Дамаск. 1138 г.
Фото репродукции

Что же это за человек такой – Ричард Львиное Сердце? Противоречивый, страстный, готовый на неожиданные решения. И может быть, отчасти этим привлекательный. А если говорить о предательстве, ведь и он, этот рыцарь без страха и упрека, дважды предал отца. Говорят, над этой семьей, над всеми ее членами, тяготело проклятие Мерлина, знаменитого средневекового колдуна, который как-то изрек, что пришли они от дьявола и к дьяволу же уйдут, ибо в этой семье сын будет восставать против отца, брат против брата. А если говорить об отношении Ричарда к Иоанну Безземельному, кажется, он хотел полюбить брата. Вот чем объясняется щедрый жест – передача престола Иоанну. Не то – сам Иоанн. В отношении него можно быть совершенно уверенным – никаких родственных чувств, только расчет и коварство. Это Иоанн позаботился о том, чтобы другого варианта не было в вопросе о престолонаследии. Ведь Артур Бретонский, сын Жоффруа, брата Ричарда и Иоанна, то есть их племянник, погиб при очень загадочных обстоятельствах.

Загадок немало и вокруг Ричарда. Например, после его

возвращения из Крестового похода все ожидали, что он покарает, накажет Иоанна Безземельного за злодеяния. Ничего подобного он не сделал. Почему? И предательство, и история с пленом говорили не в пользу брата. И тут кроется какая-то тайна, никем не тронутая и немногими замеченная. Вряд ли любовь его к Иоанну была столь жертвенной. Тогда, быть может, он хотел сохранить образ Христова воина? Там, на войне, он был вспыльчив и гневлив, но, возможно, здесь, на родине, Ричард хотел предстать настоящим христианином, проявить гуманность?

Загадочна и смерть Ричарда. Известно, что в него попал стрелой некий рыцарь при стычке по мелкому поводу. А стрела, видимо, была отравлена. В советской литературе писали, что Ричард был убит на юге Франции «случайно пролетавшей стрелой». Хорош юг Франции, где случайно пролетают стрелы!

Нет, думаю, совсем не случайно она там пролетала. Ричард Львиное Сердце был на пороге войны с Филиппом Августом, а французский король очень боялся этой войны, он боялся и самого Ричарда, отлично понимая, как сильно ему навредил и как может тот его ненавидеть. А раз так, лучше всего избавиться от него еще до начала войны. Кто знает, как она обернется! Найти рыцаря, который был бы обижен на короля, дело нетрудное. Вот он и нашел. Стрела вернее всего действительно была отравлена. И Ричард умер, несмотря на то, что рана была совершенно неопасна.

И опять легенды. Якобы, умирая, он просил близких не наказывать убийцу. Поистине королевский поступок! Вальтер Скотт так написал по этому поводу: «Лев не питается падалью». Более того, рассказывали, что умирающий король, узнав, что этот рыцарь некогда пострадал от несправедливости, приказал отпустить его и чуть ли не дать денег. И дальше молва рассказывает, что после кончины Ричарда его приближенные, охваченные печалью и яростью, вздернули этого рыцаря. Вокруг легендарных людей всегда легенды. Он сам дает для них повод!

Как это ни печально, никакие самые точные исторические сведения конечной истины нам не дадут. Ее надо бесконечно искать, причем не только в исторических источниках. С первой половины XX века и даже точнее – с Марка Блока, великого французского историка, стало понятно, что почвой для реконструкции истины может быть и психология, и филология, и лингвистика. Стройте антропологическую историю – и тогда, пожалуй, вы поймете, насколько в ней больше жизненной полноты и правды, чем в самом добросовестном историческом исследовании! Вот почему мне кажется, что литературный взгляд на историю, при всех издержках, поправках, преувеличениях,

вместе с тем дает то, чего не найдешь ни в каких документах. Даже простое сравнение Ричарда с Ахиллом, а Филиппа с Улиссом – высвечивает новую грань Третьего крестового похода, грань, которую никогда не обнаружишь ни в одном документе эпохи.

Саллах ад-Дин. Рыцарь Востока

Интересно, что Данте в своей «Божественной комедии», помещая Саллах ад-Дина (или, как его чаще называют, Саладина) в Ад, посылает его в самый щадящий, мягкий круг, где находятся личности совершенно особые, ни на кого непохожие, гениальные, такие, как, скажем, Цезарь, Гомер, Гораций, Овидий, Лукиан. Их единственная вина состоит в том, что они родились до рождения Христа. И вдруг вместе с ними – Саладин. Он-то родился после Христа, но главное он – «неверный»! Почему так решил Данте? Ведь у Саладина нет на это никаких прав. Может быть, гений ошибся? А может быть, просто последовал за легендой? Ведь мифы о Саладине, одни из самых изысканных, витиеватых, как восточный узор на ковре, напоминающие искусство Востока, рождались уже при его жизни.

О нем в самых восторженных и восхитительных тонах пишут не только арабские биографы, что совершенно естественно, потому что для них он – их Петр I, реформатор, истинный правитель, его всячески превозносят и христианские биографы. И получается, что образ его – это миф двух цивилизаций, случай нечастый, а может быть, и уникальный. Видимо, сама эпоха, XII век, Крестовые походы, и в ответ – та священная война, или «священный поход», как первым назвал Саладин борьбу против христиан, стали источником этих мифов. Их различная стилистика зависит от того, к какой цивилизации принадлежит тот или иной рассказ о Саладине.

Недавно вышел фильм о Крестовых походах – «Царствие Небесное», сразу же замеченный публикой и встреченный ею с большим интересом. Авторы, режиссер, актеры, операторы – все, на мой взгляд, работали очень добросовестно и создали почти идеально достоверную картину, за исключением незначительных ошибок, о которых можно и не говорить, потому что главное – достигнуто. Очень точно психологически передано, что, в сущности, каждый, кто принял участие в Крестовых походах, нес с собой свою мечту. Мечта, возможно, у всех была разная, и зависела от обстоятельств – домашних, нравственных, материальных. Но мечта была. И там, на Востоке, эти замыслы либо воплощались в жизнь, либо погибали. Романтический ореол, которым окружили потомки тему Крестовых походов, коснулся и Саладина. Третий, самый знаменитый, крестовый поход (1189–1192) начинался как «поход трех королей» – Фридриха I Барбароссы (Германия), Ричарда I Львиное Сердце (Англия) и Филиппа II Августа (Франция). А Саладин был первым, кто

организовал реальную оборону и наступление против крестоносцев, пришедших из Западной Европы.

Напомню, что такое Крестовые походы. В 1095 году на юге Франции, в городе Клермоне, римский папа Урбан II обратился к христианам с призывом отправиться на Восток и освободить Иерусалим, окружающие его земли и главное – Храм Гроба Господня от неверных – турок-сельджуков. И в общем, конечно, ни он, ни другие представители Церкви не ожидали, что призыв этот всколыхнет не только воинов-рыцарей, но и самые глубины народных масс и вызовет поразительный энтузиазм. Около 100 тысяч человек, как считают современные исследователи, отправились на Восток по первому зову папы! Это очень много.

Первыми двинулись крестьяне с криком «Так хочет Бог!». Они не были вооружены и не знали, куда идут. Что же толкало их на это, мягко говоря, непростое путешествие? В речи Урбана II, блестящем экземпляре ораторского искусства, демонстрирующем неплохое знание психологии, красной нитью проходит мысль, адресованная не только рыцарям, часть которых разорялась и беднела в то время, но и крестьянам: «Кто здесь горестен и беден, там будет радостен и богат». Тысячи самых разных людей услышали папу. Помимо религиозного чувства, которое владело ими, они, уставшие от жизненных невзгод, шли за радостью и благополучием. Им казалось, что если они совершат подвиг во имя Христа, он наградит их безбедной и счастливой жизнью.

В XVIII веке, в эпоху Просвещения, как только не называли это предприятие! Самым странным примером человеческого безумия, страшной эпидемией, охватившей внезапно всю Европу… Просветители клеймили то, что для крестоносцев было целью и смыслом жизни. Время поразительно меняет многие суждения и по-новому расставляет акценты. Нам тоже важно понять ту эпоху и события, которые ее наполняли. Римский папа Иоанн Павел II в XX веке принес извинения за Крестовые походы. И это очень существенно. Потому что порыв, поднявший людей с мест и бросивший их на многие годы в пучину ненависти, зла и жестокости, стоил неисчислимых бед и страданий и европейцам, и, конечно, жителям Ближнего Востока. Личность Саладина, его качества, особенности характера и поведения проявляются особенно ярко именно во время Крестового похода. Тогда он и обретает свою славу.

Но начнем сначала. Саладин родился в 1138 году в Тикрите, небольшой деревушке посреди страны курдов на правом берегу Тигра. (Любопытно, что в этой же деревушке родился Саддам Хусейн.) По происхождению он курд. Его первое имя Юсуф, а Салах ад-дин или Саладин – это не имя, а прозвище, данное ему

при рождении и означающее «благочестие веры». Интересно, что оно стало его судьбой, вело его на протяжении всей жизни. Саладин не родился правителем. Вообще мы очень мало знаем о раннем периоде его жизни. Забыв на минуту, что он курд, скажем, что он суннит и именно на суннитской версии мусульманства настаивал самым категорическим образом. Его культ в Ираке был связан именно с этим.

Его родня – не последние люди на Востоке – состояли на службе халифа. Его дядя – полководец Фатимидского халифа Нур ад-Дина. Юный Саладин не обделен вниманием родственников, которые серьезно заняты его образованием. Он изучает религию, философию, литературу, увлекается поэтами-суфиями и их идеями, например такой: «Походить на Бога, погружаться в Бога». Кажется, юношу ждет судьба интеллектуала, философа или поэта. Военные интересы не для него, и меч в его руке – вещь невозможная. Так живет он на протяжении тридцати двух лет – срок немалый, целая жизнь.

В тридцать два года Саладин начинает делать политическую и военную карьеру, а в 33 – он уже правитель Египта. Вместо тихого, поэтичного, философствующего Юсуфа прямо на глазах, совершенно неожиданно, как по волшебству, рождается полководец, политик, правитель, султан – жесткий человек действий и поступков. Чтобы не впасть в идеализацию и не последовать за Данте, посмотрим на нашего героя пристально с разных сторон.

Его «уход» от художественных и поэтических грез, в которых он пребывал большую часть своей жизни, был вынужденным. Дядюшка из семьи Айубидов, основав новую династию, буквально вытолкнул Саладина на военную службу. Почему он так поступил, сказать трудно – никакие, даже самые мелкие черты в характере Саладина не могли натолкнуть на это решение. И тем не менее, дядя поступил именно так, и человечество обрело одного из выдающихся полководцев.

Очень скоро при поддержке Саладина удалось предотвратить захват крестоносцами Египта. Этот новоявленный военный вдруг проявляет удивительные качества. Никто не ждал от него такой бешеной энергии, такой беспрекословной властности и главное – поразительной способности рождать новые идеи. Думаю, первая и главная причина молниеносного восхождения Саладина состоит в том, что вместо обороны он предложил перейти в наступление, отправиться в священный поход и раз и навсегда остановить крестоносцев. Так вопрос еще никто не ставил, защищались, оборонялись – да. Но и только. Хотя идея Саладина лежала на поверхности.

Что такое крестоносцы на Ближнем Востоке? Не будем говорить про кровавое безумие, но скажем, что их идея была в высшей степени утопической и абсолютно нереальной. Что реально могут выстроить в пустыне люди, которые понятия не имели, куда они идут и что им предстоит сделать? Хроники сохранили очень любопытные детали первых походов крестьян, называемых крестоносцами, этих орд голодных, несчастных людей, совершавших погромы на своем пути. Добравшись таким образом до Германии и увидев большой собор в Кельне, они спрашивали: «Скажите, это не Иерусалим?» Они были вне реальности, и в этом смысле то, что они хотели построить, – Царство Божие, – было скорее внутри них, чем вовне. Но и внутри не было ничего, кроме страданий, боли и отчаянья.

И вот руководителем сопротивления крестоносцам становится Саладин. Обладая умом и обычным здравым смыслом, совсем нетрудно понять, что в этой ситуации не обороняться, а завоевывать надо. И по натуре-то он завоеватель. А здесь, как говорится, сам Бог велел. Свое-то царство, отнюдь не небесное, Саладин создал путем завоеваний. Он покорил области в северной Африке, Йемен, северную часть Месопотамии, подчинил Дамаск, а потом и всю Сирию. И только потом пришел к идее священного похода.

Но Салах ад-Дин, он же Саладин, не султан. Как же стал он султаном? Вопрос что называется «на засыпку». Все, что связано с его приходом к власти, вызывает большое подозрение у специалистов. Скорее всего, власть он узурпировал. Он был назначен первым министром за свою энергию, за редкую работоспособность и за разумность в решении сложных вопросов. И хотя в Египте он оставался чужеземцем, «сирийцем» – так называли и курдов, и евреев, и представителей других ближневосточных народов, – но придворные довольно быстро стали его бояться и решили его убить. Это должен был сделать евнух, начальник гаремов султана. Говорили даже, что сам халиф ал-Адид вложил в руки слуги меч. Но… как бы мы сказали сейчас, до Саладина дошла информация вовремя, и евнух был схвачен. Он был подвергнут страшным пыткам, во время которых во всем признался.

Пытки Саладина не смущали. В те времена по отношению к врагам милосердие не являлось добродетелью. И он расправился с заговорщиками быстро и жестоко. При этом нубийская гвардия, темнокожие стражи султана (именно эта гвардия должна была подстраховывать покушение), была перебита без всякой пощады. После этого Саладину никто не смел противоречить. А султан вскоре умер. Главное – очень вовремя.

Так выдвинулся наш герой, перейдя от философии и поэзии к решительным действиям в придворной, политической и военной жизни. Все больше и больше он проявлял себя как успешный полководец, завоеватель и создатель некоего, пока довольно рыхлого государственного образования на Ближнем Востоке. Именно оно, по его соображениям, и должно было противостоять крестоносцам. Не могло не противостоять. И вот почему.

В 1096 году в ходе Первого крестового похода было создано Иерусалимское королевство, которое с некоторыми перерывами просуществовало до конца XIII века. Эта была совершенно утопическая попытка переселить часть Западной Европы на ближневосточную почву, хотя в ее реализацию было вложено много сил и энергии. Но утопическая – только на первый взгляд. Дело в том, что западноевропейскому рыцарству стало тесно в своем регионе. С конца X столетия в Европе действовал принцип майората. Это значило – все неделимое земельное владение доставалось после смерти отца только старшему сыну. А куда деваться средним и младшим? Уже с рожденья они были обделены, лишены крова над головой. Как в западноевропейской сказке: одному сыну – мельница, а другому – только кот. И не все коты оказываются волшебными. Вера в прекрасную сказку – таков был ответ массового сознания на сложнейшую жизненную коллизию.

Продать свой меч, вернее себя с мечом, тоже невозможно – еще нет сильных, крепких, централизованных монархий, которым можно будет служить. Пока действуют вооруженные отряды, и в них – рыцари, лишенные наследства, средние и младшие сыновья, очень быстро превращающиеся в разбойников. Рыцарский разбой становится бичом Западной Европы. И в призыве папы Урбана II пойти на Восток могло содержаться и это стремление – умиротворить Европу. «Выпустить пар», снять напряжение, убрав наиболее буйную и активную часть рыцарства, направив ее в новые земли, – вот чего хотела западноевропейская верхушка во главе с церковью.

Иерусалимское королевство было почти образцовым феодальным государством. Во всяком случае отцы-основатели стремились сделать его таким. Был разработан свод прав, и он сохранился, – это «Иерусалимские Ассизы». Кстати, он более совершенный, чем в Западной Европе, где правила соблюдались больше по традиции, чем по закону. Цели, которые преследовали составители свода – обеспечить гарантированное поступление ренты от крестьянства. Понятно, что этнически крестьяне здесь совершенно иные, чем в Западной Европе, потому иные и традиции культуры, и сельского хозяйства, и торговли. Но было

предпринято много усилий, чтобы сделать это королевство жизнеспособным и жизнестойким.

Усыпальница Салах ад-Дина в Дамаске, Сирия.
Фото репродукции

В фильме «Царствие Небесное» показано историческое событие – падение Иерусалима в 1187 году. Королем в это время был Ги де Лузиньян, представитель французской знати из Пуату. Ги вошел в историю, в воспоминания современников как неудачливый, неумелый и недальновидный правитель, который все время проигрывал в интеллектуальных состязаниях с Саладином. И причина понятна. Его окружала толпа грубых и бездарных людей, в то время как Саладин приблизил к себе умных, толковых и исполнительных. По не вполне ясным причинам Ги не руководил обороной Иерусалима, руководил ею барон д'Эбелин. Как только Лузиньян вышел с войском из города, так сразу оказался в плену. Но… Саладин его отпустил. И в некоторых арабских хрониках находится очень нестандартное объяснение этому поступку – Саладин якобы считал, что для него лучше, если во главе крестоносного воинства будет стоять слабый, некомпетентный и заносчивый правитель. В это легко поверить, потому что умен был Саладин, вот этого у него не отнимешь.

И вот Иерусалим, город, находившийся под властью христиан восемьдесят лет (а это немалый исторический срок), пал. В знаменитой «Истории Крестовых походов» французского историка Мишо – наверное, лучшей романтической версии падения Иерусалима – проникновенно описывается, какое горе испытали

христиане. Вот они рыдают, целуют землю, по которой проходил Иисус Христос, идут, повторяя его крестный путь, на Голгофу. Скорбь их непомерна.

А что же победитель Саладин? Вместо того чтобы учинить резню, как это сделал Ричард Львиное Сердце, когда захватил Аккру, Саладин печально смотрит на страшную картину разрушения, как пишут все хроники, и арабские, и христианские, смотрит без всякого злорадства победителя. А потом объявляет побежденным: идите с миром и возьмите столько, сколько можете унести. Увидев, что многие несли на себе престарелых родных, раненых, Саладин был так растроган, что тут же отменил для бедняков и так сравнительно скромный выкуп за выход из города. Он нашел еще и слова ободрения для королевы Сибиллы… Умен был человек!

Но самое главное – по его приказу был сохранен Храм Гроба Господня, самая бесценная святыня всех христиан. Все остальные церкви – их было много – тут же переделывались в мечети, омывались водой с розовыми лепестками (считалось, что так будет стерта память о прошлом). Он великодушно разрешил христианам совершать паломничество к Храму Гроба Господня, правда, за умеренную плату. Но и это еще не все его благодеяния. Когда генуэзцы отказались бесплатно пускать на свои корабли беглецов из Иерусалима, Саладин и его брат заплатили за них. Что двигало им в его добрых делах? Я склонна думать, что для него не прошли напрасно его интеллектуальные штудии.

Однако как он попал на трон? Никогда не признавался открыто тот факт, что Саладин – основатель новой династии Эйюбидов. А где же старая? Известно, что Саладин, при всех его привлекательных личных качествах, о демонстрации которых заботился и он сам, и его окружение, был жесток с врагами и расправлялся с ними очень сурово. И это не вяжется с рыцарской моралью, которой он придерживался. Как свидетельствуют исторические хроники, ударом меча Саладин лично обезглавил взятого в плен барона Роже де Шатийона прямо в своем шатре. Уж этот поступок – нарушение всех рыцарских норм! Более того, кровью врага он осквернил свой шатер. Но справедливости ради надо сказать, что в Средневековье убийство врага не считалось грехом. Расправиться с противниками, жестоко наказать их – вот закон того времени. И Восток в этом отношении не сильно отличался от Запада. Меч и вера – это сочетание было вполне гармоничным в ту эпоху. В связи с этим можно вспомнить и о 230 храмовниках, рыцарях-тамплиерах, очень воинственных, обезглавленных по приказу Саладина, поскольку именно они были главной силой сопротивления восточному рыцарству.

Полагаю, Саладин был убежден, что действует правильно.

Так почему же восточный кодекс чести оказался более живучим, чем западный? Думаю, тут целый комплекс причин. Во-первых, будем иметь в виду разницу путей развития Востока и Запада. Средневековая Европа – это цивилизация, ограниченная сроком жизни в 1000 лет. На Востоке понятие Средневековья в привычном смысле слова вообще не существует. Европейское тысячелетие растягивается там на время, значительно большее. А во-вторых, Востоку гораздо более свойственна эволюция в процессах социальных, экономических и духовных, нежели революция – Западу. Здесь не происходит, как на Западе, таких гигантских подвижек, скачков, переворотов, как Возрождение, Реформация, во время которых меняются коренным образом существеннейшие представления и ценности, а вместе с этим и установления нравственного порядка, такие, как рыцарский кодекс. Можно констатировать, что в Западной Европе он не дотянул до середины XV века и был окончательно изжит во время Столетней войны.

Восток эволюционирует, но при этом сохраняет традицию мощной центральной власти, по сути безграничной, поскольку халиф – это и духовный лидер, и лидер политический. В средневековой Европе короли уверены, что их власть от Бога, но с этим вечно кто-то спорит! На Востоке не спорит никто. Здесь царит полнейшая уверенность в том, что подданные и их властители слиты с божеством. Понятно, что в такой жесткой системе процессы самого разного свойства эволюционируют, меняются очень медленно. Кодекс чести относится к их числу. Но где-то к XVIII века он тоже отмирает, потому что нет ничего вечного.

Однако вернемся к истории Саладина и его антиподу Ричарду Львиное Сердце. Или другу? История с династическим браком переходит из романа в роман. В романе Вальтера Скотта «Талисман» она хорошо описана. Ричард якобы должен был отдать свою сестру то ли Саладину, то ли его брату. Версия сомнительная, так как речь шла о том, чтобы отдать христианку в жены «неверному». Думаю, это было совершенно невозможно. Идея принятия другой веры еще не пришла в мир. Вера была тем смыслом, которым руководствовались люди в жизни. И если католичка, скажем, могла перейти в православие, то мусульманину стать христианином или христианину сменить веру на мусульманскую в то время было практически невозможно. Слишком велик был водораздел, который проходил между двумя мировоззрениями. Я думаю, этот миф сотворила молва, опираясь на рыцарский кодекс. Именно этот кодекс чести объединял людей

разных вероисповеданий, создавал те горизонтальные связи, при которых становились возможны любые союзы.

«Горизонтальная» близость рыцарей оказывалась подчас важнее, чем «вертикальная». Единое нормативное поведение – благородство, законы чести, поклонение красоте – все это было превыше всего. И тогда не важно становилось, кому ты служишь. Но религия, к сожалению, и в эту идеалистическую, придуманную игру вносила свои коррективы.

Чем труднее складывалась судьба Иерусалима, тем сложнее налаживались возможные связи и контакты, тем более грозным становился окрик Церкви. И рыцарство со своим кодексом и неписаными законами отступало перед вопросами, ответы на которые все время искали, словно не ведая, что они давно даны. В Библии. История эта вечна. Иерусалим вновь возвратился под власть христиан в 1228 году, но в 1244-м – опять потерян. Нет Саладина, но дело, им начатое, продолжается.

Саладин умер сразу после Третьего крестового похода. Умер естественной смертью. И сразу в его державе, как всегда после таких сильных личностей, начинаются безумные распри и отчаянная борьба претендентов на престол. Восток переживает то, что мы называем в нашей истории «феодальной раздробленностью». И чем крупнее была личность, на время державшая земли под железной своей дланью, тем ожесточеннее, безнадежнее эти распри после его ухода из жизни. Но не из Истории.

Фридрих I Барбаросса. Миф и реальность

Этот человек известен скорее своим прозвищем, чем, собственно, обстоятельствами жизни. Речь идет о Фридрихе I Барбароссе, германском императоре из дома Гогенштауфенов. Если спросить русских людей, что для них означает слово «Барбаросса», большинство скажет, что так назывался план нападения гитлеровской Германии на Советский Союз. В чем дело? Почему план молниеносной волны против СССР был назван именем этого императора?

Думаю потому, что эта личность абсолютно мифологизирована в исторической науке и художественной литературе. Прежде всего, конечно, в литературе немецкой – там этот процесс мифологизации особенно заметен.

Согласно средневековому мифу, император Фридрих I Барбаросса не умер, а спит в горах Тюрингии. В день Страшного суда он возглавит воинство, которое будет противостоять Антихристу. Его внук – Фридрих II Штауфен – тоже спит, но уже в кратере Этны. Каждому народу хочется иметь своего короля Артура. Это понятно. Что еще из этого мифа существенно для нас? В народном сознании Фридрих Барбаросса превосходит самого Карла Великого, ибо именно Фридрих – лично! – канонизировал этого славного правителя. Этим он нарушил субординацию, ибо канонизировать может только римский папа. В 1165 году под восторг толпы в Аахене Фридрих I Барбаросса объявил франкского правителя рубежа VIII–IX веков святым и по этому случаю устроил самый пышный пир в истории европейского Средневековья. А в Средние века было важно, чтобы о пире знал весь мир. В 1184 году, на закате своей жизни, Фридрих Барбаросса в честь своего сына устроил близ Майнца такое пиршество, о котором долго и восторженно восклицала вся европейская общественность – от верхушки общества до простонародья.

Итак, Барбаросса велик в своих победах, от его имени дрожат враги. Но кто он таков, чтобы возглавлять борьбу с Антихристом? Или канонизировать Карла Великого? Каковы его заслуги?

Я назову имена двух исследователей, которые занимаются этой личностью. Это Марсель Пако, французский историк, который написал научно-популярную книгу «Фридрих Барбаросса». Она переведена с французского на русский в 1998 году. И это Василий Балакин, автор книги «Фридрих Барбаросса», изданной в серии «Жизнь замечательных людей» в 2001 году.

Василий Балакин пишет: «Смерть Барбароссы в Крестовом

походе, пусть и не в сражении с неверными, являлась достойным завершением славной жизни». Как же было не назвать план молниеносной войны именем такого человека? Интересно, что удивительнейшим образом план «Барбаросса» при его осуществлении воспроизвел в основных контурах судьбу Фридриха I Гогенштауфена. Обратимся к биографии этого человека. Надо напомнить, что его родовое имя – Гогенштауфен – происходит от названия горы в Швабии. Он родился в 1125 году, прожил до 1190-го, германским королем стал в 1152 году, а через три года – императором «Священной Римской империи». Он поставил перед собой цель реально подчинить Италию германской короне. Говорят, что он даже заявил однажды римскому папе, что намерен восстановить великую Римскую империю во всем ее былом величии и блеске. Будем справедливы: не он затеял объединять Италию с Германией. Идея объединения Германии, Италии и некоторых других земель в «Священную Римскую империю» родилась в 962 году, когда германский король Оттон I начинает вести завоевательную политику в Италии. Интересно, что все германские правители ощущали себя римскими цезарями. Утопической идее воссоздания империи они посвящали себя полностью, без остатка, не жалея ни силы, ни денег, ни, в конце концов, жизни. Мысль, овладевшая ими, кажется такой естественной: ведь Италия – соседняя страна. Альпы, конечно, преграда, но они уже проходимы, перевалы известны. А за ними какой дивный, роскошный, богатый край – бывшее сердце Римской империи! Уже в XII веке итальянские города превратились в центры мировой торговли. Ну как их не ограбить? Соблазн невероятный еще и потому, что в Италии не было единого правителя. Кажется, приходи и бери, что и сколько хочешь.

Фридрих I Барбаросса.
Средневековая миниатюра. Фото репродукции

И северные завоеватели идут сюда с мечом, гремя доспехами. А на пути – всего два препятствия. Одно – в лице папы римского, который все время маневрирует. Он то коронует этих императоров, то вступает с ними в борьбу. И второе препятствие, кажущееся сущим пустяком, – это свободолюбие жителей Италии. Да кто они такие? Плебеи. Даже на конях биться не умеют. Так думал Фридрих и на этом-то обжегся в знаменитой битве при Леньяно (1176), которая стала настоящим Сталинградом XII века. Ополченцы – ремесленники, оружейники, ювелиры, мясники, кожевники – оказались отважными защитниками своего богатства и своей свободы. Как показывает человеческая история, за свободу и независимость люди готовы умирать и драться насмерть. Так и произошло.

Начало правления Барбароссы такое же, как и у его предшественников. Он, представитель новой династии Гогенштауфенов, поставил цель покорить итальянские города. Время от времени все императоры так называемой «Священной

Римской империи», возрожденной Западной Римской, приходили в Италию короноваться. По дороге, конечно, грабили и за короткий срок собирали большие богатства. Грабили они однако довольно элегантно. Входя в город, они обыкновенно спрашивали, кем недовольные горожане. А слабостью обывателей всегда было недовольство соседями. Поэтому жалоб было много и жаловались всегда. Тогда император говорил: «Ах так! Накажу!» И города подвергались полному разграблению, якобы за плохое поведение в отношении соседей. Это стало традицией. Но вот Фридрих I принимает решение: наконец полностью завоевать благословенный край. Он предпринимает несколько походов, и кажется, что цель близка. Правда, с римским папой договориться сложно, но и это императору удается. И вот в 1158 году начинается самый знаменательный поход Барбароссы. Но он сразу же встретил серьезное сопротивление в Милане. Миланцы сопротивлялись отчаянно, осада длилась месяц. Наконец город сдался.

Но Барбароссе мало этой капитуляции. Он захотел унизить побежденных (что, кстати, предусматривалось и знаменитым планом «Барбаросса», по которому должны были быть предприняты меры устрашения покоренного населения). Фридрих I заставил жителей Милана прибыть к нему в военный лагерь и пасть перед ним ниц. Император, видимо, был доволен собой чрезвычайно. Далее он собрал в Ронкальской долине так называемый сейм – представителей всех крупных итальянских городов Ломбардии по долине реки По. Местность, где проходил сейм, была плотно окружена его рыцарями, и он фактически предъявил побежденным ультиматум. В каждом городе появлялся наместник императора, называющийся подеста, городское самоуправление отменялось. Высший суд вершит сам Фридрих, и самое главное – было объявлено о регулярной подати в пользу императора. Все помнили, как капитулировали миланцы, поэтому приняли эти условия. И Барбаросса, ликующий, удалился.

Стоило ему уйти за Альпы, как Милан немедленно восстал. Темпераментные итальянцы расправились с подестом, и события стали приобретать драматический характер. И это понятно. У Барбароссы не было выхода – с Миланом надо было покончить. И он учинил расправу. Фактически в течение двух лет (1160–1162) город был в осаде. И все это время миланцы рассылали воззвания к соседним городам, надеясь, что они придут на помощь, станут союзниками. Прежде довольно дружные северноитальянские города сейчас не торопились. Не будем идеализировать средневековых горожан. Причина простая: в конце XII века торговля на севере Италии кипела вовсю, и финансовая

конкуренция давала себя знать. Видимо, у соседей Милана родилась простая и неблагородная мысль – пусть Барбаросса как следует накажет этот город, и тогда в лидеры вырвутся другие – Болонья, Пьемонт, Винченца, Генуя, Венеция. Претендентов полно.

На этот раз фантазия Барбароссы превзошла саму себя. Надо было придумать что-то очень страшное. И он придумал. Расправа была чудовищна. Он приказал обратить жителей мятежного города Милана в рабство, изгнать их из родного города. Им было разрешено взять с собой лишь то, что они могли унести в руках. А Милан велено было разобрать – полностью. Дома, соборы, стены, возведенные еще в древнеримскую эпоху… Ничего не уцелело от целого города. Ну, теперь, кажется, все. Но нет, Барбароссе было этого мало. На рыночной площади он приказывает провести борозду плугом и засеять ее солью. А жителей исчезнувшего с лица земли города он распорядился провести под связанными кольями, символизирующими ярмо для волов. Так в древнем Риме поступали с побежденными, так римляне действовали в Карфагене во II веке до н. э.

Сколько же лет прошло… В Средневековье, как в Древнем Риме, был важен жест. Потому что на первых порах средневековая эпоха – это цивилизация не пишущая и почти не читающая. Жест заменял текст. И вот Фридрих Барбаросса, наказывая мятежников, как бы говорит: «Да, я настоящий римский император и с мятежным городом поступаю так, как римляне в Третьей Пунической войне» Основные реалии античной истории, хотя и сильно искаженные, а подчас наивно перетолкованные, жили в сознании средневекового человека. Он помнил знаковые фигуры прежней эпохи: Ахилла, Гектора, Александра Македонского, Ганнибала, Сципиона Африканского.

Расправа с Миланом была чудовищной. И Барбаросса остался доволен собой. Но император ушел, у него дома было много забот: борьба с крупными вассалами, которые восставали при малейшей возможности, отнимала много времени. А Альпы – хорошая преграда, благодаря им можно вести себя очень независимо. Итак, император ушел, а итальянские города объединились в мощную Ломбардскую лигу. Общая казна, общее войско и полная самостоятельность во внутригородских делах – это стало залогом успеха. Созданная Лига сильно напоминала древний Афинский морской союз.

Члены Ломбардской лиги понимали, что рано или поздно император вернется. Это был человек рыцарской эпохи. И потому он должен был вернуть себе славу победителя – подтвердить, что и Ломбардскую лигу он тоже покорит. Барбаросса вернулся. И в

1176 году встретился, опять около Милана, километрах в 20 от города, у деревушки Леньяно – теперь там музей – с войском Ломбардской лиги. Именно с этого события современная Италия ведет отсчет своей национальной истории. У нас вообще не знают этой битвы, а между тем ей посвящена одна из лучших опер Джузеппе Верди. В битве при Леньяно рыцарская конница Барбароссы потерпела сокрушительное, страшное поражение от североитальянского ополчения. У итальянцев тоже была конница, но слабая. Она разбежалась и была подавлена. Зато пешее войско, с длинными пиками, встало намертво вокруг своей знаменитой повозки короччо, где были сложены городские реликвии. Эти люди готовы были умереть за свою землю. Это важный фактор любого сражения и любой войны, и его, видимо, мало учитывал Барбаросса. Битва складывалась не в пользу немецких рыцарей. Их сбрасывали с коней обычные городские ремесленники. Упавший с коня рыцарь в доспехах весом в 30–50 килограммов был малоподвижен и без посторонней помощи подняться не мог, а находившиеся обычно при рыцарях оруженосцы разбежались или погибли. Сам император был сбит с коня. Симпатизирующие ему авторы пишут, что «он, как молния, метался, пока не убили коня…». О том, что было дальше, источники сообщают невнятно. Фридрих исчез с поля боя. А у ломбардцев остались его знамя, пика, крест и шлем. Интересно, что современные авторы мало обращают внимания на то, что это было столкновение рыцарского века с приближающимся веком новым. И горожане именно северной Италии раньше других отошли от чистого Средневековья. Они-то и воплощали будущее, эпоху буржуазии со всеми ее пороками и добродетелями. А что же с Барбароссой? Он подписывает в 1183 году в Констанце мир с Ломбардской лигой, которая признала его своим сюзереном чисто формально, а реально сохранила все свои свободы.

Барбаросса все потерял в результате поражения. И наш великий, непобедимый герой вынужден был покаяться, поклониться и поцеловать ногу папе Александру III. Видимо, эти унижения побуждают Фридриха Барбароссу в его годы (а ему шестьдесят пять лет, для Средневековья это очень много) принять крест и отправиться в 1190 году в Крестовый поход.

В глубину религиозности многих представителей высшей знати поверить трудно. Ритуально – да, они соблюдали положенные обряды, а принятие креста – это не только мужество, но сегодня мы сказали бы – имидж. Он должен был вернуть себе имидж. Император принял крест торжественно, на съезде князей. Огромное, стотысячное войско верит в своего императора и в его победу. Несмотря на поражение в Ломбардии и фактически

признание независимости ломбардских городов. Ведь Барбаросса по природе своей завоеватель: он все время воюет, воюет жестоко, сжигает города, уничтожает жителей. То, что Фридрих I возглавил Третий крестовый поход в возрасте 65 лет, вероятно, для современников было очень важно. Войско было воодушевлено. Барбаросса соответствовал образу героя своей рыцарской эпохи – высок ростом, могуч телосложением. Светловолос и с рыжей бородой. В бою он часто проявлял себя как отважный воин. Вот она – благодатная почва для мифа.

Фридрих I Барбаросса (в центре).
XIII в. Фото репродукции

В немецких исследованиях 1930-х годов Барбаросса всячески превозносился. В современных же книгах ему посвящается полторы странички, а его военным «успехам» – сотня страниц. Подробно освещается история покорения Италии – сколько он

уничтожил городов, с кем поссорился, кого обманул. Смотрите, миф работает, он живет своей жизнью. О Леньяно все постарались забыть. В процессе мифотворчества общественное сознание, как мне кажется, умеет само с собой договориться – а именно высвечивать то, что подходит для принятого образа, и не видеть то, что диссонирует с ним.

Смерть застала императора в Малой Азии. Есть две версии того, как это произошло. Его войско с трудом продвигалось вперед. На пути – речка Салев, вдоль которой долго идут его воины. Трудная местность, пустыня. Согласно первой версии, император решил перейти реку. Ему казалось, что по другой стороне идти легче. Он решил переправиться прямо на лошади. Стояла страшная жара, но вода в горной реке была холодной. Из-за контраста температур сердце Фридриха не выдержало. Это стало причиной мгновенной смерти. Версия вторая гласит, что император благополучно переправился и на том, более ровном берегу устроил пир. Пир состоялся, Фридрих впал в такое хорошее настроение, что решил искупаться в этой горной речушке. И тот же результат – сердечный приступ. Из реки выловили мертвое тело. Но это не все. Было принято решение: захоронить его внутренности там, где он утонул, недалеко от города Тарсе – города апостола Петра. Но император мечтал быть погребенным в Иерусалиме, и крестоносцы решили исполнить волю Фридриха. Они увезли с собой его кости. Но Иерусалим тогда не был взят крестоносцами. С костями помаялись, помаялись и закопали их где-то в пустыне, недалеко от Аккры.

Существует немало изображений Барбароссы. Скульптурные портреты, его изображения на монетах. Я думаю, что все они действительно передают что-то из его реальной внешности. А в годы Первой мировой войны в Германии ему был воздвигнут монумент. Это символическая фигура огромного размера с невероятно большим мечом. Только такой исполин мог стать символом непобедимости немецкого, в скором времени арийского духа. Жизнь Фридриха I Барбароссы оказалась прекрасным материалом для рождения мифа.

Чингисхан. Бежалостный завоеватель мира

Начало кровавой дороги

Каждый школьник знает имя Чингисхан. На самом деле монгольского хана звали Темучин, по-монгольски Тэмуджин. Он родился в 1155 или в 1162 году – историки не единодушны, умер 18 августа 1227-го. В 1206 году он основал Монгольское государство. Чингисхан – организатор завоевательных походов в Азию и Восточную Европу, великий реформатор и объединитель Монголии. Прямые потомки Чингисхана по мужской линии – чингизиды. Все это можно прочесть в энциклопедии. Нас же интересуют подробности его жизни. Хотя, если вы спросите, какой след оставил этот человек в истории, я, не задумываясь, отвечу – кровавый.

Он из тех же мест, что и гунны, – какое-то поистине мистическое место в Монголии! Оттуда дважды поднимались страшные, сметающие все на своем пути силы… Завоевателей в жизни человечества было много, но ни вождь гуннов Аттила, один из величайших правителей варварских племен, когда-либо вторгавшихся в Римскую империю, ни Александр Македонский, ни Бонапарт и никто другой из многочисленных претендентов на мировое господство не отличался такой неутолимой жаждой жестокости, зверств и разрушения всего, что встречалось на пути, какая была у Чингисхана. Это была его страсть, его цель – уничтожить все, не столько взять, сколько уничтожить.

Очень страшно, что в XX веке его идеализируют и возвышают, как например, в художественном фильме режиссера Синитиро Саваи «Чингисхан: до самого конца земли и моря» (Монголия – Япония, 2007). Возможно, это какая-то тяга на генетическом уровне, на психофизическом, космическом, тяга к поклонению перед силой. Создатели фильма ищут что-то привлекательное в этой страшной личности. Ищут и находят – вот что самое печальное. Остановимся на нескольких эпизодах его жизни, которые так занимают кинематографистов. Например, на том, как он по смешному поводу убил брата Бектера – на охоте не поделили то ли рыбу, то ли маленького жаворонка. И вот из-за этого он со своим сводным братом Хасаром совершил такое злодейство. Конечно, в истории это – обычная ситуация. Каин убил Авеля из-за желания отстоять свое первенство. Но наше отношение к Каину явно отрицательное, людям всегда не нравится, когда брат убивает брата. А в фильме, и не только в

нем, Чингисхан – герой. А убийство Джамухи? Да, они соперничали, но ведь были же побратимами, как же так? Если историки спорят, кто именно приказал сварить в огромном котле пленников, Чингисхан или Джамуха, то мы усматриваем в этом зверство особого свойства. Здесь явно, говоря языком Стругацких, превзойден «нормальный уровень средневекового зверства».

Монгольская статуэтка эпохи Чингисхана.
Фото репродукции

Что же восхищает потомков? Да, Чингисхан завоевал территорию от Индии до Средней Азии. Затем отправился в европейские степи, вторгся на территории русских земель. Все знают о знаменитой битве на Калке 1223 года. И опять особые, изощренные зверства. Победители-монголы пировали на деревянном настиле, который положили на живых еще участников сражения, прежде всего на князей и вождей, умирающих людей…

Однако одна из задач наших – попытаться восстановить обстоятельства жизни и облик этого человека (хотя на мой взгляд, человеком его можно назвать лишь условно), разобраться, что же с ним случилось и как такое могло быть. Источников о жизни Тэмуджина, Чингисхана, много. Самый главный – «Тайная история монголов, или Сокровенное сказание» («История» существует в русском переводе). Это эпическое повествование о Чингисхане и его роде написано близкими к хану людьми в середине XIII века, примерно через 13 лет после его смерти. Записанная на монгольском языке китайскими иероглифами (к тому времени монголы еще не создали своей письменности) рукопись предназначалась только для членов рода и хранилась в царской сокровищнице. Существует много ее переводов, в том числе и на русский язык. Интересно, что найдена была эта «История» русским китаеведом Палладием Кафаровым в 1866 году. Отец Палладий, в миру Петр Иванович Кафаров (1817–1878), был человеком напряженной духовной жизни, талантливым ученым, членом тринадцатой Русской Православной миссии в Пекине. Он является создателем китайско-русского словаря и транскрипционной системы. Найденную им «Историю» он же и перевел на русский язык.

Второй источник тоже чрезвычайно важный и серьезный – сборник летописей персидского историка начала XIV века Рашида ад-Дина. Его произведения считаются официальной историей монголов. В сборнике летописей есть элемент отстраненности, а потому он отличается более объективным взглядом на события, чем монгольские или китайские источники такого рода. К тому же арабская культура в те времена была на очень высоком уровне, уже существовали прекрасные традиции научного письма. Представляется, что этот автор использовал источники на монгольском языке, которые не дошли до нас, в частности «Золотую книгу». Арабские авторы Средневековья очень часто использовали древние рукописи.

И наконец, в нашем распоряжении документы официальной истории правившей в Китае до 60-х годов XIV века монгольской династии Юань. Последний правитель из династии Юань, напуганный антикитайским восстанием, бежал в Монголию, а к власти пришла основанная восставшими династия Мин. Таковы основные источники, которые дают возможность восстановить довольно подробную картину жизни Чингисхана и его окружения. Особенно пристальное внимание уделим его детству. Оно привлекало и средневековых авторов, ибо в детские годы закладываются основные качества характера.

Обстоятельства его рождения обрастали мифами, что естественно и очевидно для этой стадии развития общества. Считалось, что Чингисхан родился со сгустком крови в правой руке, и сгусток этот имел форму камня. Это сочтено было особым знаком, о чем и впоследствии много раз вспоминали. Лицо его светилось, волосы и глаза были слишком светлыми для монгола, а взгляд не по-детски пристальным. Объясняли это просто – род Темучина восходит к потомкам некоего небесного человека со светлыми глазами по имени Бодончар. Конечно же это был намек на божественное происхождение. Мать его рассказывала, будто ей являлся некто во время беременности и она видела в небесах какое-то свечение.

От мифов обратимся к фактам. Его отец – Есухей-богатур. Заметим, что времена Чингисхана, то есть XII век, – расцвет рыцарства, зрелое высокое Средневековье в Западной Европе. На Востоке же, в Монголии, царит совершеннейшее варварство. Богатур-богатырь – глава улуса, кочующей группы людей, большой семьи – пользуется уважением, умеет воевать, дает отпор соседям, у него есть небольшая дружина. Представить себе, что римская фамилия вместе с рабами кочует по полям и равнинам, невозможно. Здесь же у каждого улуса существовали свои границы, нарушение которых вело к военным столкновениям. Мать Чингисхана была красавицей, ее имя известно – Оэлун. Ее Есухей-богатур похитил из племени меркитов. Нравы того времени ему это вполне позволяли, в таком поступке не было ничего необычного. Но вот, что было неестественно: он отбил молодую красавицу, которая только что вышла замуж. Вот из-за этого обстоятельства и возник вопрос о законности происхождения Тэмуджина. Кто был его отец? Есухей-богатур ли? Это мучило Чингисхана всю жизнь. Может быть, меркитское семя уже было во чреве его матери, когда Есухей-богатур похитил ее? В юности, если хотели его унизить, оскорбить, говорили – «ты, меркитское отродье». Это считалось ужасным оскорблением. И конечно, у него на этой почве возник

комплекс неполноценности. Мать намекала на его божественное происхождение, возможно, для того, чтобы этот комплекс мальчик преодолел. Но это, видно, мало помогало – эти сомнения он пронес через всю жизнь.

Воин-монгол.
Фото репродукции

Мстительность – одна из главных его черт, он был вечным мстителем. Оскорбления, полученные в юности, не давали ему покоя всю жизнь. Самая страшная его месть была татарам, одному из монгольских племен, которому, по иронии судьбы, дали название «монголо-татары». Есухей-богатур успешно воевал

с ними, но однажды татары предложили ему выпить отравленный кумыс. Он выпил и умер. Месть татарам была как будто завещана Тэмуджину отцом, и он отомстил – татары были уничтожены. Ему приходилось всю жизнь помнить и о меркитах, с которыми он беспощадно расправлялся. Он копил обиды, никогда их не забывал, никогда их не прощал, казалось, он состоял из одной яростной, слепящей мести. Мстительность – это на всю жизнь.

Перед смертью Есухей решил найти своему сыну невесту. Ею стала десятилетняя девочка Борте. Став женой Чингисхана, она сыграет большую роль в его жизни. А пока родители договорились, что их дети поженятся, но не сразу, а в будущем. И тут умирает Есухей.

Со смертью отца улус распался. Тэмуджину было в то время девять лет. Его мать была женщиной с сильным и крепким характером, она как могла боролась, чтобы сохранить это объединение людей, ибо только большой семьей можно выжить в кочевье, но у нее ничего не получалось. Дружина Богатура, родные и близкие друзья уходили. И они имели на это законное право. Ведь человек, которому они приносили личную вассальную клятву, умер. Они имели право и возможность признать преемником сына Есухея, Тэмуджина, но очень уж не хотелось это делать. Шансы, что этот мальчик скоро станет отважным и сильным воином, способным повести за собой людей, были чрезвычайно малы. А ведь нужен именно такой вождь, чтобы спокойно жить, зная, что всегда сможешь дать отпор опасным соседям. И вот тогда-то, очевидно, чтобы оправдать свой отказ присягать сыну Богатура и уход из улуса, вассалы Есухея пустили слух о сомнительном происхождении Тэмуджина. У мальчика было три родных брата, все младше его – Хасар, Хачиун, Тэмугэ – и два сводных – Бэгтэр и Бэлгутэй. Все они входили в этот улус, поэтому шансы на возрождение рода были. Но на это требовалось время. А вассалы ждать не стали и ушли.

Очевидно, именно к этому, весьма плачевному периоду относится тяжелое для Тэмуджина событие. Он оказывается в плену у монгольского племени тайчиутов, они держат подростка в деревянных колодках – в фильмах этот эпизод обычно смакуют. А на самом деле Тэмуджин вместе с братом убили в ссоре молодого воина из этого племени. Вот вождь тайчиутов и заковал его в колодки. Так он жил не месяц и даже не год, а может быть, несколько лет. Вокруг него были рабы и скот. Этот период жизни повлиял на формирование его личности особенно катастрофически. Спустя много-много времени, когда этот самый Тэмуджин станет великим Чингисханом, он придумает законы – и их запишут с его слов, – среди которых будет и такой, лично

выстраданный, для него – безусловный: «Монгола нельзя держать в рабстве».

Для того чтобы понять, как этот закомплексованный и не очень счастливый подросток превратился во властелина половины мира, надо припомнить, кто такие монголы в это время. Монголы – это одно из племен, которое дало название большой племенной группе, включающей в себя разные народы, например, меркитов и татар. Точно так же среди германских племен, населивших будущую Францию, были не только франки, но и швабы, бургунды и другие. Франки оставляют им свое имя – и так рождается название государства. Большой племенной союз существует с середины VIII века, и именно с этого времени начинается его движение на Запад. В сущности, это одна из поздних волн Великого переселения народов.

Обратимся к событиям, предшествующим походу на Запад. Монголы не были сильным и воинственным племенем, наоборот, их считали слабыми – само слово «монгол» означает «бессильный» или «простосердечный». Они были почти полностью истреблены племенем кидани в районе большого Хингана и реки Аргун, в глубинах Монголии. Как говорит предание, остались всего двое мужчин и две женщины. Ах, как они потом за все это отомстили!

Предание есть предание. Однако понятно, что племя монголов не сразу и не вдруг, а через сложные исторические перипетии стало лидером. По легенде, которая, как мне кажется, содержит зерно истины, монголы, научившись плавить железо, расплавили гору и вышли на простор степей. Конечно, расплавленная гора – это фантастическая деталь, но факт освоения железа налицо. В монгольских степях было немало залежей руды, что позволяло даже при самых примитивных орудиях – кузнечных мехах и кострах – начать выработку железа. И понятно, что именно это умение выдвигало тех, кто овладел им, на авансцену истории. Вспомним вторжение дорийцев в Грецию около 1100 года до н. э. Почему варварам удалось победить греков с их высочайшей культурой? Они умели ковать из железа наконечники для стрел. А повстречавшаяся на пути завоевателей крито-микенская культура находилась в бронзовом веке. Бронза прекрасна, красива, хороша в обработке, но в прочности она сильно уступает железу. Когда-то кочевое племя гиксосов сумело захватить большую часть Древнего Египта по той же самой причине. Хотя кто такие гиксосы по сравнению с цивилизованными египтянами? Дикари!

Ко времени появления Чингисхана монголы – это уже сильное и знатное племя. Позднее варварство сочетается у них с

еще ранним степным рабством. Чингисхан, переживший унижения в юности, очень болезненно воспринимал попытки кого-либо нарушить иерархию в обществе. Ему приписывают слова: «Если раб не предан хозяину – убить его!» А вообще он мало что понимал во взаимоотношениях с другими людьми и народами. К его времени в обиход входит слово Ван, что значит в переводе с китайского «князь». Китай сильно опережал монголов в своем развитии. Там уже появилось неравенство, и княжеский титул это подтверждает. Тэмуджин такого титула пока не имел, но он получил от китайского императора должность «джаутхури», военного комиссара, сотника, за участие в истреблении татар и возрождение своего улуса. Когда и как ему удалось вырваться из плена, на самом деле никто не знает. Есть несколько версий. Согласно одной из них, ему удалось бежать во время сильной грозы, которую древние монголы очень боялись. Он каким-то чудом убил двух стражников, сломав им хребты – это его любимый способ казни – и скрылся. Тэмуджин вернулся в разоренный род, на пепелище и мог бы пасть духом. Но у него была яростная, всемогущая вера в свои особые возможности и сжигающая его жажда мести. Может быть, именно она давала ему эти сверхъестественные силы? А поводов для мести у него было много. После плена он женился на красавице Борте. Но горькая ирония судьбы! Вскоре после свадьбы она была похищена меркитами, которые не забыли, как его отец увел женщину их племени. С трудом собрав небольшой отряд, Тэмуджин обращается за помощью к другу детства и своему побратиму Джамухе. Они вместе отбивают Борте у меркитов. И опять сомнения… Она ждет ребенка. Чей он? Его ли? В судьбе Тэмуджина, как в зеркале, повторяется жизнь его отца. Первого сына Чингисхана Джучи недруги будут называть «меркитское отродье».

Почему же все-таки именно Тэмуджин из мелкого бандита, которым долгое время оставался, превращается в бандита мирового масштаба, императора монгол, повелителя народов? Чем он отличался от всех остальных, тоже жаждущих власти и могущества? Если коротко, то можно сказать, что его энергетической пружиной была ненависть. Он был пропитан ею. А ненависть, к великому сожалению, способна стать стимулом для завоевания половины мира.

Океан зла

Чингисхан. Определенно интерес к этой личности растет. Как

растет и желание показать его великим и гениальным. Особенно страшна попытка сделать из него героя. Я никак не разделяю этих настроений. Мне хотелось бы противопоставить его апологетам свои аргументы. Постараюсь подтвердить свое мнение фактами из его жизни и словами самого Чингисхана, которые дошли до нас в источниках.

Монгольское войско в сражении.
Фото репродукции

Его разбег, подготовительный этап – это 1189 год, когда Тэмуджин был избран ханом. Сколько ему лет? Если он родился в 1155 или в 1162 году, он уже достаточно зрелый, хотя и молодой мужчина. Представители знатных родов большей части Монголии признали его ханом, то есть «стоящим над всеми». А ведь совсем недавно монголы отказались от этого института верховной власти. Все вожди равны – утверждали они. К тому же еще был жив сын последнего хана из ханского рода Хутулы-хагана – Алтай, да и многие его родственники. Несмотря на все эти обстоятельства большая группа знати решила признать Тэмуджина ханом. Процедура избрания была очень простой – вожди подняли его на кошме над собой и произнесли клятвы. Они клялись при разделе добычи выделять ему очень хорошую долю, обещали быть верными и следовать за ним, куда бы он их ни повел. Такой обряд был принят и у германцев в Западной Европе. Хлодвиг в VI веке провозглашается франками своим вождем-правителем, затем – королем именно таким образом.

Только в Европе поднимали на щит, а в Азии – на кошму.

И вот Тэмуджин хан. Почему же именно он? На это было несколько резонов. Во-первых, он был из рода последнего хана. Во-вторых, что еще более важно, Тэмуджин – удачливый предводитель, чрезвычайно беспощадный, невероятно жестокий. А у варварского окружения жестокость вызывает одобрение. Он убьет своего главного соперника, второго претендента на ханский титул – своего друга и побратима Джамуха. Под разными предлогами и без всяких предлогов Чингисхан убьет и всех родственников последнего хана, одного за другим. Возвышало его в глазах знати и то, что Тэмуджин получил от китайского императора должность джаутхури – пограничного чиновника, военачальника. И опять-таки он обратил на себе внимание китайских начальников своей жестокостью при беспощадном истреблении татар. Считалось, что татары отравили его отца, и поэтому Чингисхан проявил особые чудеса жестокости по отношению к ним. По его приказу убивали всех мужчин, кто был ростом выше оси колеса. То есть в живых оставались двух-трехлетние мальчики.

Варварский кочевой мир одобряет и приветствует такие поступки. По мнению варваров, только такой лидер мог быть надежным заступником. Но даже их Чингисхану удалось смутить. После своей победы над Джамухой он приказал сварить пленников в семидесяти котлах. Вот с такого старта начинаются завоевания Чингисхана.

В 1206 году, в год Барса, Курултай – большое собрание представителей всех монгольских племен – избрал Тэмуджина своим главой. За ним утверждалось серое знамя с белым кречетом. Отныне он будет носить имя Чингис, что означает «океан» или по другой версии «избранник неба». Сам Чингисхан предпочитал называть себя избранником неба и светлого духа Тенгри – божества, в которое верили монголы. Почитание Тенгри-Хана – небесного духа-хозяина широко распространено среди народов Центральной Азии.

Размышляя о том, почему монголы вернулись к ханской должности, я думаю о той непримиримой межплеменной вражде, которая вообще характерна для кочевой стадии развития общества, но у монголов она достигла такого предела, такой меры озверения и дикости, что существовала реальная возможность полного истребления племенами друг друга. И в этой ситуации они предпочли жестокого лидера самоистреблению. Категорически утверждать это трудно, но предположение возможно в качестве гипотезы. Обозначу некоторые вехи завоеваний Чингисхана, они производят сильное

впечатление.

В 1207 году он покоряет племена в верховьях реки Енисей, целую группу племен – найманов, кераитов, меркитов. В 1209 году в восточном Туркестане ему подчиняются уйгуры, более цивилизованные, чем монголы, владеющие письменностью (именно на уйгурском языке писались документы в эпоху Чингисхана). Через два года начинаются войны с Китаем, великой, огромной империей. Через пустыню Гоби течет целый океан монгольских войск, уничтожая все на своем пути. 1215 год – важнейший в войне с Китаем: монголами взят Пекин. Город горел целый месяц. А вообще в войне с китайцами Чингисхан уничтожил девяносто городов. В 1218 году с берегов Иртыша началось наступление монголов на Среднюю Азию. Пали и уничтожены Бухара, Самарканд, Ургенч, Хорезм. Погиб Хорезмшах – правитель Хорезма, древнего государства Средней Азии с центром в низовьях Амударьи. В 1220 году Чингисхану подчинились Северный Иран, Закавказье и Крым. Через три года монголы стояли на реке Калка. А это уже Европа! В 1226–1227 годах уничтожено государство Си Ся, созданное в конце X века тибето-бирманскими племенами минья на территории современного северо-западного Китая. Отряды Чингисхана дошли до Инда. Масштаб завоеваний колоссальный. И в памяти человечества они оставили сильнейшее впечатление.

Очень пугает в современном мире нездоровое тяготение к символам силы, успеха, основанного на насилии. Например, прошло сообщение, что в Республике Тува обнаружен дворец Чингисхана. Какая радость! Как все гордились, что именно там найден этот дворец. Но, думаю, у нормально мыслящего и развитого человека, с нравственной природой, это не должно вызывать безумного ликования. Оценки надо корректировать. Да, это громадные завоевания, но какой ценой! Как они происходили! Приведем некоторые факты из истории войн Чингисхана в Китае. На том пути, что вел из Монголии в Китай, стоял город Хуалай, крупный торговый центр. Современники отмечают, что много лет спустя после того, как монголы его взяли, территория примерно в пятнадцать квадратных километров была покрыта человеческими костями. Уничтожение людей становится нормой походов Чингисхана. Город Цзинань, расположенный на западе провинции Шаньдун, важное связующее звено между Северным и Восточным районами Китая, хорошо описан в источниках. Его украшали фонтаны, озера с прекрасными цветами лотоса, огромные парки, скульптуры, наконец, знаменитая гора Тысячи Будд с изваяниями, созданными в VII веке. Все это было уничтожено!

Чингисхана, этого классического степняка, город вообще

раздражал. Ему было непонятно, где там пасти скот. Сохранилась гравюра XIII века, написанная, видимо, китайским или арабским художником. Гравюра называется «Зверства монголов». Значит, люди еще в те времена прекрасно понимали, что Чингисхан перешел некую грань жестокости, что они имеют дело с чем-то доселе неизвестным. Смотрите сами. На гравюре изображены монгольские воины, одни несут отрезанные, отрубленные человеческие ноги, другие – руки. Над костром, на вертеле – человеческое тело. При этом монголы не были каннибалами. Случаи каннибализма отмечались у них только в случаях длительных осад. Что это, как не зверство? И это говорю не только я, но и художник XIII века.

Иногда в споре со мной говорят: «А крестоносцы? А Нерон? Калигула?» Жестокость есть жестокость, и Калигула был патологически жесток, и Нерон тоже. Но если таких варваров – целая орда, последствия их деяний не поддаются описанию. Тут речь идет об уничтожении целых цивилизаций и сотен тысяч людей. При штурме городов Чингисхан гнал впереди войска тысячи пленников, чтобы они первыми пали под стрелами тех, кто держал оборону. Эти тысячи становились, как сейчас говорят, пушечным мясом, по их телам текла лавина орды. Человеческая жизнь не стоила абсолютно ничего. Вот что страшно, и это не следует забывать, рассуждая о великом завоевателе.

1214 год – осада Пекина. Город представлял собой укрепленную крепость с мощными башнями и стенами, длина которых составляла 43 километра. Чингисхан понимал, что взять этот город будет трудно, и предложил горожанам откупиться. Колоссальный по тем временам выкуп ему был предоставлен: тонны золота, серебра, 500 мальчиков, 500 девочек, тысячи лошадей. Чингисхан снял осаду. Но ровно через год вернулся, устроил страшный штурм, после которого город горел на протяжении месяца. Посол Хорезмшаха был очевидцем этих событий. Вот как он описывает это зрелище: «Кости убитых образовали горы, почва стала жирной от человеческой плоти, и гниющие повсюду тела вызывали болезни, от которых некоторые из нашего посольства умерли. 60 тысяч девушек бросились с крепостных стен, чтобы избегнуть рук монголов». Даже современники, видевшие насилие на каждом шагу, останавливаются в изумлении перед этой жестокостью. Для Чингисхана она – норма.

И вот он устремляется на юг от Аральского моря в Хорезм – на территорию, где сегодня находятся Афганистан, Туркестан и Иран. Хорезм, добившийся в начале X века независимости от арабов, процветает. На протяжении двадцати лет страной правит

султан Мухаммед, и он еще молод. И посол передает ему письмо от Чингисхана, в котором тот пишет, что хотел бы видеть Мухаммеда своим сыном. Естественно, султана охватывает ужас. Дикий монгол, страшный завоеватель зовет его в сыновья! Дело безнадежное, никаких равноправных отношений быть не может, но все-таки правитель Хорезма пытается с помощью дипломатии хотя бы оттянуть время. Бесполезно! Начинается беспощадная истребительная война. Хан стремится уничтожить все!

Приведем свидетельства об уничтожении Бухары. Арабский историк Ибн Аля Сир писал: «Это был ужасный день, отовсюду слышались рыдания мужчин, женщин и детей, разделенных навеки монголами. Варвары бесчестили женщин прямо на глазах у этих несчастных, которые в своей беспомощности могли только плакать. Многие зрелищу этого ужаса предпочитали смерть». Если бы о зверствах орд Чингисхана писал один очевидец, то можно было бы усомниться в его объективности, но свидетелей тому множество, и, к сожалению, сомнений не остается.

Современники свидетельствуют, что у Чингисхана начались разногласия со старшим сыном, тем самым, который, возможно, происходил из меркитского рода. Джучи стал высказывать сомнения в целесообразности истребления всех и вся. Дело в том, что для Джучи эти города были его улусом. И он не хотел, чтобы разоряли его, хотя и не завоеванную еще до конца территорию. Но все его доводы, возражения и просьбы были категорически отвергнуты. А потом Джучи внезапно умер. Сразу поползли слухи о том, что его убили отравленной стрелой. Слухи не были беспочвенными – ведь над недовольными Чингисхан обычно чинил быструю расправу. Напомним, Джучи был отцом хорошо и печально известного в России хана Батыя (Бату-хан, 1205–1255), монгольского полководца и государственного лидера, чингизида, хана Золотой Орды.

Многие историки пишут о военном искусстве Чингисхана. Конечно, в течение тех многих лет, что он воевал, его тактика и стратегия не раз менялись. Например, поначалу он использовал конницу при штурме крепостей, а впоследствии понял, что это абсолютно бессмысленно и разработал метод применения осадных орудий, к которым приставлял пленных. Его пленники, беспомощные и безусловные смертники, копали подкопы, ровняли площадки для осадных орудий, под обстрелом готовили осаду. Чингисхан стал применять разведку с переодеванием своих людей, которые проникали в стан врагов. Монгольское войско, по мнению специалистов по военному искусству, имело большие преимущества по сравнению с армиями цивилизованных стран, в том числе Хорезма и Китая. Неприхотливость, готовность к

дальним походам, необычайная выносливость, которые были результатом многовековых усилий и генетического отбора, – вот что отличало монголов. Кочевники были несравненно более сильными воинами, чем европейцы. И их было больше, это была огромная, бесчисленная сила. Цивилизованные народы изначально были поставлены в гораздо более уязвимую позицию. Они могли победить в столкновении, только играя по своим правилам. И, наконец, монголы применяли тактику выжженной земли, известную, правда, и у других завоевателей. Вспомним хотя бы Пекин, который горел месяц. Потому что цель монгольских завоеваний была одна – все сжечь, уничтожить.

Памятник Чингисхану в Улан-Баторе, Монголия.
Установлен в 2006 г. Современный вид

Лишь в самом конце жизни Чингисхан начал несколько сомневаться в целесообразности своих действий. Это случилось, когда он занялся обустройством своей колоссальной империи. Что он сделал? Ему приписывают, видимо не без оснований, приказ о создании яса (от монгольского «жасак» – «запрет», «наказ, закон», «налог, подать») – свода законов, Монгольской правды, наподобие Русской правды. Кроме того, Чингисхан ввел единое административное устройство своего необъятного государства. Территория была разделена на 95 военно-административных районов, которые состояли из «тысячи». Так называлась территория, выставляющая тысячу всадников. Он

создавал государство, работающее на войну. Оно включало 16 служб, в том числе службу сокольничьей охоты. А как же? Ведь он очень любил охоту. Представителями местной власти были темники, тысячники, сотники, десятские. Все понятно из названий. Они руководили военными подразделениями и в то же время решали на местах мирные вопросы. Чингисхан в конце жизни повелел знатным юношам изучать уйгурскую письменность, чтобы они могли вести делопроизводство в письменной форме. В начале своего пути он категорически отвергал все дары городской цивилизации, считая, что она рождает слабых, изнеженных, не пригодных к войне людей. Жечь все, брать только самое ценное – золото, серебро, пленников, остальное – в огонь. Такова была его позиция. Конечно, он менялся. Жизнь меняет каждого человека, даже такого чудовищного, каким был Чингисхан.

Почему же все-таки «чудовищный»? Я приведу маленький отрывок из арабского источника, автор которого приписывает Чингисхану такие слова: «Самая большая радость для мужчины – это побеждать врагов. Гнать их перед собой, отнимать у них имущество, видеть, как плачут их близкие, ездить на их лошадях, сжимать в своих объятиях их дочерей и жен». Те же крестоносцы проявляли жестокость. Но масштаб не сопоставим совершенно. Крестоносцы соблюдали правила войны, некий рыцарский кодекс. И когда эти установления нарушались, можно было пожаловаться королю или римскому папе, которые, как правило, наказывали виновного. Здесь же – другое. Нарушение всех человеческих представлений – это принцип. Это прекрасно – сжимать в объятиях чужих жен, насиловать их на глазах мужей, гнать перед собой врагов, волоча их на канате или привязав к хвосту лошади. Это прекрасное зрелище – видеть, как корчится в муках твой враг. Возможно, причина кроется в истории и предыстории, которая протекала в других условиях по сравнению с европейской. Возможно, так сильно отличающаяся форма восприятия жизни связана у монголов с кочевым образом жизни. Гунны в описаниях римских историков очень похожи на монголов. В IV–V веках римляне увидели в Аттиле «бич Божий». Римляне очень тонко подметили, что у гунна нет понятия родины, ибо он зачат в одном месте, выношен в другом, а родился – в третьем. Его родина – кибитка. Сидя на выносливой, тяжелой лошади, он может справлять нужду, спать, торговать… Словом – жить, не слезая с седла. Такой образ жизни, возможно, является в некотором роде объяснением той жестокости и беспощадности, которые характерны для кочевых народов. Лотосы, плавающие в озерах китайского города, для диких монголов – странность,

ненужность, извращенность.

Каков же был закат жизни нашего персонажа, создавшего огромную империю на территории от Венгрии до Индии? Как и все злодеи, после пятидесяти лет он начал панически бояться смерти. Сила христианской морали была ему не знакома, но что-то он все-таки чувствовал: безусловно, груз злодейств давил на него. Несмотря на свою неприязнь к книжникам, Чингисхан требовал, чтобы к нему доставляли то одного, то другого китайского мудреца. Посетил его даже знаменитый даосский монах Чан Чунь, который, как считалось, познал тайну бессмертия. От всех мыслителей хан ждал утешительных предсказаний. Под страхом смерти Чингисхан всегда запрещал говорить с ним о милосердии, но на склоне лет впервые проявлял что-то вроде терпимости. Мудрецы вышли от него живыми, а это немало.

Скончался Чингисхан в походе против китайского государства Си Ся. Он умер под стенами его столицы на шестьдесят шестом году жизни, взяв обещание со своих наследников истребить тангутов полностью. Его завещание было выполнено. Еще он потребовал, чтобы гробницу его спрятали так, чтобы и века спустя найти ее было невозможно. И это его желание было исполнено.

Людовик IX Святой. Последний крестоносец

Из всех французских королей лишь один получил прозвище Святой, да еще при жизни. Людовик IX – король из дома Капетингов – правил Францией с 1226 по 1270 год. Великий насмешник и критик монархии Вольтер написал о нем весьма лестные слова: «Его благочестие – благочестие анахорета – не лишило его ни единой королевской добродетели. Рачительно хозяйствуя, он не стал менее щедрым, он умело сочетал мудрую политику с непогрешимым правосудием. И быть может, это единственный государь, который заслуживает и такой похвалы: он был трезво мыслящим и непреклонным в Совете, несгибаемым, но не безрассудным в сражении, и так умел сострадать, словно всю жизнь его преследовали несчастья. Больших добродетелей человеку не дано».

Высокую оценку давали ему и близкие современники. Например, хронист Матвей Парижский (сам он был англичанином) написал очень коротко и выразительно: «Король Франции является королем земных королей». Русский историк XIX века Тимофей Николаевич Грановский, можно сказать, произнес ему панегирик в кратких восторженных словах: «Король и правда сделались в то время однозначащими словами для Франции».

Однако и список его хулителей не мал. Многие, писавшие о Людовике IX, называли его наивным, недалеким, ничтожным. Каким же он был?

На время его правления приходится расцвет французского Средневековья. Уже одно это выделяет Людовика из ряда многочисленных и весьма известных средневековых правителей. Общепризнанным считается то, что перемены в управлении страной, которые он осуществлял в течение своего долгого правления, были в целом успешными и полезными для государства. Такие оценки получал в истории далеко не каждый человек, стоявший у власти.

Однако по-настоящему выделяет Людовика IX из среды правителей прошлого то, что еще при жизни он получил знаковое прозвище. Затем, после его смерти, примерно через двадцать лет, его святость была официально признана Католической Церковью. Такой срок для канонизации в Средневековье можно признать ничтожно малым.

Людовик IX Святой.
Средневековая статуя. Фото репродукции

Вообще, надо сказать, что прозвания правителей прошлого, сохранившиеся в веках, достаточно показательны и в каком-то смысле могут рассматриваться как исторический источник. Достаточно вспомнить эволюцию этих прозвищ во Франции. От

Ленивого, Простоватого, Заики до Великого, Благочестивого, Красивого и Августа. Но Святой среди них лишь один – Людовик IX.

Во времена абсолютного господства в исторической науке прямолинейного материализма это прозвище связывали с крайней и непонятной людям XX века приверженностью Людовика идее Крестовых походов, которую индустриальная эпоха непременно стремилась объяснить сугубо материальными мотивами. Это приводило к парадоксальным результатам: получался странно противоречивый образ монарха, который был прагматиком и реалистом в управлении Францией и мечтателем-идеалистом в своих устремлениях на Восток.

Между тем более пристальное изучение биографии короля, знакомство с его личными качествами, на мой взгляд, избавляет от этого противоречия. Прежде всего, надо отметить его искреннюю веру, которая сочеталась с горячим желанием добра своему королевству. Он видел высшее благо для жителей своей страны в том, что так близко человеку любой эпохи – в мире и справедливости. Взглянув на эту фигуру под таким углом зрения, понимаешь, чем были продиктованы так называемые «реформы Людовика IX», которые обычно объясняют исключительно стремлением короля укрепить центральную власть во Франции.

Желая прекратить бесконечные феодальные междоусобицы, Людовик сделал очень смелый и рискованный шаг: он запретил феодалам немедленно решать любой спорный вопрос, любую ссору привычным «Иду на Вы», как говорили по такому случаю на Руси. Между поводом к войне и ее началом должно было, согласно королевскому постановлению, пройти не меньше сорока дней, в течение которых король пытался уладить дело миром, что могло обернуться особенно удачно, если к нему обращалась за справедливостью более слабая сторона.

Тема справедливости была так значима для Людовика IX, что он стремился преподать личный пример жителям своего королевства. Современники и очевидцы поведали нам о том, что время от времени король принимался сам вершить правосудие, расположившись в окружении опытных правоведов под большим дубом в Венсенском лесу.

Для многих критически настроенных потомков это стало свидетельством его наивности или позерства. Но разве не так подчас выглядит человек, носящий в себе даже малые крупицы того, что называют таким труднообъяснимым и малораспространенным понятием, как святость? При этом современники Людовика IX замечали за собой, что к слову «король» они все чаще прикладывают эпитет «справедливый».

Итак, Людовик IX провел значительную часть времени своего правления за пределами Франции в далеких Крестовых походах. В 1248 году он возглавил Седьмой крестовый поход в Египет, в 1270 году – Восьмой в Тунис.

Несмотря на длительные отлучки короля, его замыслы неуклонно воплощались в жизнь. Ведь его замещала в качестве регента мать, королева Бланка Кастильская, очень мудрая женщина. Крестовые походы по-своему содействовали внутреннему миру в стране, так как король уводил за собой наиболее воинственную часть французского рыцарства.

Интересно, что, отдавая много сил и времени подготовке военных кампаний, Людовик успевал заботиться о мире и порядке во Франции и на ее границах. Так, он вступил в сложные переговоры с английским королем Генрихом III по поводу давних территориальных разногласий. И хотя в Англии в это время было очень неспокойно, часть королевского окружения находилась в оппозиции к Генриху III, Людовик IX не оказал давление на соперника. Скорее наоборот: он привел дело к мирному договору, добровольно уступив английскому королю часть спорных владений во Франции. Кое-кто из окружения Людовика решился высказать сомнения в разумности такого решения. «Блаженны миротворцы», – отвечал им король.

Однако сам он абсолютным миротворцем не был. Вся воинственная энергия короля, присущая его натуре, была направлена на борьбу против «неверных» на Востоке, на укрепление позиций христианства в мире. Правда, сохранились любопытные данные о том, что и здесь Людовик IX, возможно, предпочел бы решить дело миром. Его порой охватывали наивные мечтания о том, что было бы славно уговорить нехристианские народы добровольно принять истинную веру. Так, когда кто-то рассказал ему о монголах, пребывающих в плену ложных верований, Людовик IX тут же отправил к ним в немыслимую и туманную для средневекового европейца даль большую депутацию во главе со священнослужителями. Они везли с собой священные книги, богослужебную утварь и… королевское поручение попытаться убедить монголов принять христианство. Конечно, из этого ничего не получилось, остался лишь повод для очередных разговоров о наивности французского короля.

Людовик IX плывет в крестовый поход.
Средневековая миниатюра.
Фото репродукции

Наверное, неизбежно выглядит наивным тот, чья вера даже в высокорелигиозном средневековом обществе имела столь страстный и последовательный характер. Людовик IX возглавил Седьмой крестовый поход 1248–1254 годов на том историческом этапе, когда их идея была по существу исчерпана и обесценена. Движение, начавшееся более полувека назад, в 1196 году, знало и взлеты, такие как взятие Иерусалима, создание христианских государств на Ближнем Востоке, и страшные поражения в сочетании с еще более страшным отступлением от сущности и духовного смысла движения, как это произошло при захвате христианского Константинополя в 1204 году. Иерусалим, который был главной целью крестоносцев, шедших на Восток под лозунгом освобождения его святынь от мусульман, несколько раз отвоевывали и снова теряли. С 1244 года город находился под властью египетского султана.

Людовик IX Святой.
Фото репродукции

Именно против Египта и решил направить силы французского войска Людовик IX. Он был к этому моменту зрелым, для Средневековья даже немолодым мужчиной. Ему – тридцать один год. Однако идея Крестовых походов не охватила его «вдруг», он

жил ею с самой юности.

Итак, оставив королевство на попечение своей матери, Людовик IX отплыл со своим войском на Восток. Именно в этом предприятии, в целом неудачном, особенно ярко раскрылась натура французского короля, что дало основание современникам и потомкам называть его Святым.

Совершив традиционную остановку на Кипре, который около полувека назад был завоеван английским королем Ричардом I Львиное Сердце и с тех пор был базой крестоносцев, Людовик отправился на борьбу с египетским султаном.

Поначалу войску французского короля удалось достичь некоторого успеха: был захвачен город Дамьетта (1249) и одержана победа при Мансуре (1250). Последняя в описании очевидцев была блестящим примером рыцарской доблести французов. Заметим, что «золотой век» рыцарства был уже позади, и Людовик IX ощущал дыхание Нового времени, о чем свидетельствуют его деяния во внутренней политике, будь то усиление позиций правоведов, или ограничение произвола феодальных сеньоров, или попытка ввести единую монетную систему. Однако на Востоке в Крестовом походе Людовик IX превратился в рыцаря, персонажа древних баллад, бьющегося «без страха и упрека» за христианское дело.

В сражении при Мансуре французские рыцари почти не использовали лучников и арбалетчиков, положась на традиционную отвагу рыцарской конницы. Сам Людовик под громкие звуки труб и литавр, в золоченом шлеме, сверкающем на его голове, взмахом меча направил рыцарей в атаку. Его старший брат Роберт Артуа очертя голову бросился на мусульман, попал в западню и погиб под ударами их мечей.

Таково было начало, дальше для крестоносцев наступили суровые испытания. Военная тактика войска египетского султана была мало известна французам, и потому они часто терпели поражение. Особенно страдали европейские рыцари от «греческого огня», зажигательной смеси, которая применялась при осаде крепостей. К тому же в войске начались эпидемии, столь характерные для местного жаркого климата. Французское войско оказалось обессиленным и окруженным врагами. Советники короля настаивали на возвращении в неприступную для врагов Дамьетту. Однако Людовик, конечно же, не мог согласиться на это. В результате он вместе с многими французами оказался в плену у султана.

Все источники отмечают его выдержку, спокойствие и мужество во время пребывания в заточении в суровых условиях (это не был почетный европейский королевский плен). Как сказал

известнейший французский историк Жак Ле Гофф, «нет большего несчастья для христианского короля, чем попасть в плен к неверным». Людовик, по свидетельствам очевидцев, поддерживал дух других пленников и дожидался выкупа, который собирала его жена королева Маргарита, сопровождавшая короля-крестоносца на Восток.

Сохранились интересные рассказы о поведении Людовика IX в этом злополучном Крестовом походе. Говорили, что из-за ран и эпидемий тела погибших французских рыцарей были столь устрашающими, что даже служители церкви боялись участвовать в их погребении. Однако король заявил, что будет лично присутствовать на похоронах каждого, тогда все погибшие были преданы земле.

Очень любопытна подробно описанная очевидцами история о том, что некий приближенный Людовика IX попытался при выдаче выкупа за короля обсчитать противников на 20 000 ливров. Это вызвало страшный гнев короля, так как он считал, что даже с «неверными» надо поступать честно и быть верным своему слову.

Во время пребывания Людовика IX в плену при дворе султана произошел переворот. Мамелюки-заговорщики убили египетского правителя. Один из убийц якобы показал пленному французскому королю вырванное из груди владыки сердце и спросил, рад ли он. Рассказывают, что Людовик молча, с отвращением, отвернулся.

Одно из замечательных качеств Людовика IX, выделяющее его из ряда других правителей, – способность в самых разных обстоятельствах оставаться верным себе и своим идеям.

В 1254 году, возвратившись во Францию, Людовик продолжил свои реформы. Он усиливает контроль за соблюдением королевских указов, вершит правосудие, ищет поддержки у городов, а также выступает по поручению папы римского миротворцем в международных делах. Так продолжается до 1270 года. И все это время Людовик IX живет мечтой о новом Крестовом походе. Когда, наконец, удачный момент наступил, король уже не молод. Ему было 53 года, для той эпохи возраст старика. Тем не менее, он бросил все свои силы на сборы войска. Военная экспедиция вновь направилась к берегам Северной Африки, к Тунису, представлявшему большую угрозу для христианских государств на Средиземном море.

Там, в Тунисе, по существу так и не начав военных действий, предводитель крестоносного войска Людовик IX, уже прозванный к тому времени Святым, стал жертвой эпидемии, поразившей его войско, и скончался. Есть соблазн с высокомерием потомков презрительно назвать этого французского короля неудачником.

Но Время, История, да и его современники уже давно вынесли свой вердикт: «Святой».

Робин Гуд. Человек из баллады

Робин Гуд – человек, образ, символ. Сразу хочу вспомнить Владимира Высоцкого, он часто бывает гениальным в своих «попаданиях». Он написал «Балладу о вольных стрелках» для кинофильма «Стрелы Робин Гуда».

Если рыщут за твоею
Непокорной головой,
Чтоб петлей худую шею
Сделать более худой,
Нет надежнее приюта —
Скройся в лес, не пропадешь,—
Если продан ты кому-то
С потрохами ни за грош.
Бедняки и бедолаги,
Презирая жизнь слуги,
И бездомные бродяги,
У кого одни долги, —
Все, кто загнан, неприкаян,
В этот вольный лес бегут,
Потому что здесь хозяин —
Славный парень Робин Гуд!

Здесь все есть: и человек, и образ, и символ. Робин Гуд жил (или не жил?) между XII и XIV веками в средневековой Англии. А Высоцкий написал этот текст во второй половине XX века, в 1975 году. Тем не менее, мне кажется, между ними есть какая-то внутренняя перекличка. Робин Гуд своего рода тоже поэт, что заставляет меня сомневаться в его крестьянском происхождении. Он слишком поэтичен, слишком любит красоту, любит позу. Не крестьянские качества, что и говорить! Но в науке спорят – реальное ли это лицо? Был ли на самом деле такой человек?

Соображения о том, что фигура это реальная, высказываются в серьезной научной литературе. Уже давно родилось предположение, что он был, скорее всего, незаконнорожденным потомком Рандульфа, графа Честерского. Граф – лицо историческое. Правда, жил он как-то неправдоподобно долго в XII – начале XIII века. Его упоминают и при Ричарде I Львиное Сердце, и при Иоанне Безземельном, и при Генрихе III. В одной из баллад о Робине Гуде, а их очень много, говорится: «А дом его сожгли враги». Конечно, это мог быть и крестьянский дом, но

вспоминается история Дубровского и Яна Жижки. Робин Гуд – в одном ряду с ними. Все они – рыцари, жаждущие справедливости, готовые вступиться за униженного.

Английская баллада в прекрасном переводе Самуила Яковлевича Маршака рассказывает историю рождения нашего персонажа. Простой паж, юноша (он мог быть и незнатного рыцарского рода), которому просто повезло в жизни, влюбился в графскую дочь. Между ними – большая дистанция, но оба молоды, прекрасны и любят друг друга. Она ждет ребенка. И ей приходится бежать из отчего дома, боясь гнева отца.

Зеленая чаща приют им дала,
И прежде чем кончилась ночь,
Прекрасного сына в лесу родила
Под звездами графская дочь.
Не в отчем дому,
Не в родном терему,
Не в горницах цветных,
В лесу родился Робин Гуд
Под щебет птиц лесных.

Очень возможно, что этот поэтичный рассказ передает реальность, хотя и приукрашивая ее. Старик граф, обнаружив пропажу дочери, бросается на поиски. И наконец находит ее с младенцем в лесу: «Спящего мальчика поднял старик и ласково стал целовать. Я рад бы повесить отца твоего, да жаль твою бедную мать».

В средневековой Англии даже в королевских семьях принято было признавать незаконнорожденных детей, особенно сыновей. Процедура отличалась крайней простотой: отцу достаточно было поднять ребенка на руки и немножко приподнять над головой. Все! Ведь Средневековье – это скорее цивилизация жеста, нежели цивилизация текста. А сложилось так потому, что после расселения германских племен на территории бывшей Западной Римской империи, начинается упадок культуры и, в частности, – грамотности. Письменный текст становится доступным очень немногим, а он совершенно необходим для закрепления официальных процедур, решений, действий. И вот тогда жест начинает заменять его, становится текстом, выраженным иными средствами.

Итак, поднятый над головой ребенок – это вполне юридическая процедура признания его законным. Мог ли Робин Гуд принадлежать к такой категории? Судя по имеющимся крупицам информации мог. Но почему же тогда – разбойник,

почему не живет в родовом замке? Прежде чем ответить на этот вопрос, вспомним о принципе или правиле майората, утвердившемся в Западной Европе в X веке. В России это случилось в XVIII веке при Петре I, в совершенно в другую эпоху. Что за принцип? С целью сохранения массивов земельных владений, самой большой ценности феодального мира, принимается решение о том, что наследовать недвижимое имущество – замок и землю – может только старший сын.

Принцип майората имел свои плюсы и минусы, как всякое важное государственное решение. Да, сохранялись массивы крупнейших феодальных владений, но, как свидетельствовали современники – хронисты, появилась проблема средних и младших рыцарских сыновей. Лишенные недвижимости и крестьян, они оказывались зачастую вовсе без средств к существованию. Пахать, заниматься производительным трудом рыцарю не позволял его статус, поскольку по образному выражению, бытовавшему в Средневековье, «рыцарь рождается на коне и опоясанный мечом». Его удел – воевать. Регулярного войска, куда бы он мог пойти служить, еще не было. Дружины совсем немногочисленны. Со своим мечом и конем он оказывается выброшенным из своей социальной ниши.

Куда деваться бедному рыцарю? Он идет в леса, где легко и органично превращается в разбойника. В результате рыцарский разбой на дорогах оказывается настоящим бичом для Западной Европы. Дороги стали мало проходимы и очень опасны. Один из кардиналов, который направлялся к папе Урбану II на Клермонский собор, а напомню – это 1096 год, был захвачен разбойной шайкой. Его взяли в заложники не с целью причинить вред, а чтобы получить выкуп.

Памятник Робин Гуду в Ноттингемшире, Англия.
Современный вид

Одной из причин Крестовых походов, их двигателем как раз и была крайняя необходимость обеспечить средних и младших сыновей землей. В речи на Клермонском соборе папа Урбан II, призывавший к походу в Святые земли, говорил: «Да не

привлекает вас эта земля, где число ваше множится, а богатства скудеют. Пойдете и там не только Гроб Господень мечом освободите, но и земли себе добудете». И действительно Крестовые походы были одним из способов борьбы с этой напастью.

Мог ли среди лесных разбойников оказаться такой персонаж как Робин Гуд, который свой разбой оправдывал некими благородными идеями? Допускаю, что да. С кем он сражался? Были ли у него враги? В балладе они названы – это нормандские бароны. В 1066 году, как известно, северофранцузский герцог Вильгельм Нормандский, получивший потом прозвище Завоеватель, покорил Англию. Это было совсем нетрудно – завоевать достаточно слабое государственное образование едва-едва объединившихся групп англосаксонских королевств, пройдя с относительной легкостью по всей стране от юга, где состоялась битва при Гастингсе, до Шотландских гор на севере. А северофранцузские рыцари, по происхождению норманны, были викингами, которым в XI веке при некоем Роллоне и последних слабых каролингских правителях были отданы во владение обширные земли. Они там осели, и образовалась область Нормандия. На новом месте пришельцы быстро ассимилировались, и образовался особый слой – норманны, так их называли, хотя на самом деле в них было понамешано много кровей: германская, скандинавская, галло-римская. Вообще, надо сказать, что викинги были удивительно пластичны в этническом отношении. Существовать на каменистых полуостровах и островах было непросто, и потому они мигрировали, обосновываясь где-то на стороне.

На Британские острова норманны пришли как завоеватели и повели себя соответственно. Местную англосаксонскую знать они отстранили от общественной жизни полностью: им было запрещено воевать за короля и быть при дворе, а что еще тогда делать этой знати? Так вот, у Робина Гуда могли быть этнические враги, и об этом говорится в балладе. Встретив крестоносца, которого лишили имущества, он спрашивает: «Это норманнские бароны отняли твою землю и изгнали твоего сына?» Услышав «да», он велел его накормить, одеть и дать ему все, что приличествует рыцарю, и даже золотые шпоры. Так Робин Гуд борется с норманнскими баронами. Но при этом он признает короля из Норманнского дома, потому что монархическая власть в ту эпоху сомнению не подвергается, ибо король – помазанник Божий. И получается, что Робин Гуд участвует в национальной борьбе, если говорить сегодняшним языком.

Кроме того, он, конечно, боролся против сильных мира сего.

Это особенно подчеркивалось в учебниках советского времени. Это те, кого можно назвать крупными феодалами. При этом идеализировать ни Робина Гуда, ни его отряд нельзя. Они проявляют нормальную средневековую жестокость – победив врага, они с ним расправляются. Вот строки из баллады: «И вместо охотников трех молодых повешен один был шериф». Это сюжет о том, как Робин Гуд со своим отрядом освободил трех юношей, детей вдовы, схваченных шерифом Ноттингема за то, что они охотились в королевском лесу и убили оленя.

Охота в королевских лесах запрещалась законом, несмотря на то что в те времена могучие лесные массивы простирались по всей стране. Вспомним, что местом обитания Робина Гуда был знаменитый Шервудский лес. Повсюду водилось много дичи, особенно оленей, которые ценились особо. Ведь их мясо, шкуры и рога – все шло в дело. Но было категорически запрещено в этих лесах охотиться кому-либо, кроме короля, хоть с голоду умирай. За убитого королевского оленя полагалась смертная казнь через повешение. Тех, кто нарушил запрет, казнили там же, в лесах, и оставляли для устрашения прочих. Жестокость была поистине средневековая! А шерифы – это чиновники, исполнители законов, главные полицейские, обеспечивающие внутренний порядок. В балладе шериф представлен настоящим злодеем и выродком, которого нужно повесить. Что и делает Робин Гуд. И Маленький Джон, соратник благородного разбойника, говорит в обвинении шерифа: «Для господ закон не писан». Хотя правильнее было бы сказать, что именно для них-то он и писан. Робин Гуд исполняет волю угнетенных, когда вешает шерифа. Его поступок – это проявление классового гнева. За это бедняки его и почитают. В одной балладе говорится, что каждый виллан, то есть крепостной крестьянин, и каждый раб, хотя рабов в античном смысле уже не было, готовы отдать ему, Робин Гуду, свою «шкуру» на сапоги. И в беде они поминали прежде его, а потом уже Святую Деву.

Робин Гуд – символ неприятия зависимости, рабского положения человека. Для Спартака в Древнем Риме величайшей ценностью была свобода. Нельзя человеку быть в рабстве! Крепостная зависимость в Средневековье – это то же рабство. И потому Робин Гуд – символ независимости и свободы для всех нищих и зависимых.

В замечательной книге М.А. Гершензона «Робин Гуд», написанной строго по документам, перечисляются обязанности зависимых людей. Я назову только некоторые. В вилланскую подать входили: плата за выпас свиней, сбор на починку мостов, рождественский подарок сеньору (хлеб и три курицы), а также пасхальный (20 яиц). За право собирать валежник в лесу (сухие

веточки всего лишь!) полагалось выложить двух кур. Каждую неделю с праздника Святого Михаила до 1 августа, то есть все лето, работник должен в течение трех дней делать у хозяина то, что он прикажет, любую работу. Если ему будет приказано молотить, то за один рабочий день он должен обмолотить 24 снопа пшеницы или 30 снопов ячменя. И нет конца обязанностям одного-единственного виллана. В итоге сложился огромный социальный контраст: богатая и обеспеченная жизнь господ и нищее существование всех остальных.

Интерес к Робину Гуду особенно обострился в Англии в XIV столетии. Потому что это время протеста, распространения раннекоммунистических идей, стихийных бунтов крестьян, городских восстаний. В 1381 году английские крестьяне даже добиваются встречи с королем Ричардом II. Один из популярных проповедников того времени Джон Болл произносит горячие речи, прямо призывая к тому, что все надо поделить поровну. По моему мнению, этот лозунг – убедительное свидетельство того, что Джон Болл происходит из крестьян и является крестьянским идеологом. Робин Гуд такой идеей не озабочен. Он разве что с иронией и даже может быть с издевкой, совсем не свойственной крестьянскому сознанию, производит такой передел. Однажды кто-то из отряда Робина Гуда остановил двух явно состоятельных священников и потребовал их кошельки. Те отвечали: «У нас ничего нет!» – «Ну, раз так, – сказал Робин Гуд, – давайте вместе молиться, чтобы Бог что-нибудь вам послал». После молитвы разбойники обыскали их сумки, а там – золото, деньги. И наш герой с иронией воскликнул: «Как же хорошо вы молились!» Не любил, не любил он служителей церкви, что тоже довольно загадочно для средневекового сознания.

Надо сказать, что к церкви и церковникам относились с насмешкой не только в Англии. Известно, что на Руси испокон веков встретить попа было дурной приметой. Почему? Думаю, потому что не было доверия к этим людям: многие из них говорят одно, делают другое. Проповедуют бедность, скромность, лозунги их благородные, священные, а сами погрязли в грехах, разжирели от жадности и богатеют за счет народа. И так было во всех странах в той или иной форме. Таких по-настоящему святых людей, как например, Франциск Ассизский, жизнь которого полностью соответствовала возвышенным и прекрасным идеалам, было всего несколько человек, и каждого мы вспоминаем по сей день. Итак, в XIV веке происходит всплеск интереса к Робин Гуду.

Так все-таки кем же был наш герой? Я склоняюсь к тому, что он мог быть по происхождению рыцарем. Свидетельство тому – сами баллады о Робине Гуде, которые впервые были собраны и

изданы в Англии в 1510 году и назывались «Little geste of Robin Hood». Обычно баллады слагались о людях знатных, об их рыцарских доблестях. И наш персонаж – один из героев специального сборника «A little geste». Мне неизвестны больше случаи, чтобы «geste» был составлен о незнатном человеке. Во многих балладах, связанных с Робин Гудом, упоминается великий рыцарь западноевропейского Средневековья – Ричард I Львиное Сердце. Молва утверждает, что они встречались, и Робин Гуд был приглашен Ричардом на службу, но отказался, сказав: «Натура у меня не та, чтобы служить кому-нибудь, хотя ты – лучший из тех, кого можно было бы себе представить». Значит, ему нравится рыцарь. Это тоже важно. Крестьянину с крестьянскими корнями рыцарь чужд раз и навсегда.

Источник Робин Гуда в Шервудском лесу, Англия.
Современный вид

В подтверждение нашей мысли рассмотрим два интереснейших сюжета в балладах о Робине Гуде. А мы рассматриваем баллады как исторический источник, поскольку наукой давно признана фольклорная литература. Робин Гуд дважды, насколько мне известно, попытался заняться каким-то крестьянским делом. В один прекрасный момент он решил стать рыбаком, приобрел небольшое суденышко, вышел вместе с рыбаками в море, но рыба у него не ловилась, как он ни старался. Рыбаки над ним посмеиваются – какой из тебя рыбак! И вдруг появляется пиратский корабль. Робин Гуд скомандовал: «Все быстро спрячьтесь! Я их встречу», – и взял свой волшебный лук –

волшебный значит – точный. Запела тетива, полетели знаменитые стрелы, и он перебил всех, кто был на корабле, все 12 человек. Стрельба из лука в средневековой Англии – это великое искусство, которым, кстати, владела и верхушка крестьянства – йомены, и рыцари, безусловно. «А теперь, – обратился он к рыбакам, – давайте на корабль». Так с огромной добычей они вернулись домой. Так кто же над кем посмеялся?

Еще забавней история о том, как Робин Гуд решил торговать мясом. Встретил он как-то на дороге мясника, который ехал на рынок, и закупил у него весь товар по огромной цене. Широко заплатил, по-рыцарски. Крестьянин не любит, когда переплачивают, он это не признает, идейно с этим борется и осуждает расточительство. Робин Гуд – человек щедрый, а щедрость всегда считалась одним из важнейших рыцарских качеств. Он пришел на рынок и с этим мясом встал за прилавок. Народ к нему сразу повалил, потому что уж больно цены хорошие, низкие. Но сам он остался внакладе.

С другими купцами он сел торговать,
Хоть с делом он не был знаком.
Не знал, как продать, обмануть, недодать,
Он был мясником – новичком.
«Дворянский сынок, – мясники говорят, —
В убыток себе продает.
Он, видно, отца разорит до конца,
Бездельник, повеса и мот».

Баллада рассказывает об этом, кажется, лишь для того, чтобы показать все грани его натуры – в чем он органичен и хорош, а в чем – неумел и смешон. А все потому, что дело, за которое он взялся, ему чуждо.

В российской литературе личностью Робин Гуда занимались люди замечательные, выдающиеся, удивительно привлекательные. Это Самуил Яковлевич Маршак и Михаил Абрамович Гершензон. Романтики, лирики, благородные натуры, доказавшие это всей своей жизнью. Маршак в начале XX века учился в Англии, много путешествовал по стране, был и в загадочным кельтском Уэльсе, где всегда традиционно романтизировали всяких разбойников. В 11 лет этот талантливый человек, знавший английский, французский, немецкий, итальянский и многие другие языки, уже переводил стихи древнеримского поэта Горация. Гершензон, который пересказал в прозе баллады о Робин Гуде, был поклонником Байрона и Шелли. В 1942 году он погиб в Великой Отечественной войне, погиб

геройски. Михаил Абрамович был военным переводчиком, то есть человеком совершенно невоенным, и когда был убит командир батальона, он выбежал вперед, схватил гранату и с криком «Вперед, за мной!» бросился в атаку, за ним пошли солдаты. Его смертельно ранили, но он успел написать жене, что счастлив, потому что принял достойную смерть. Вот такая совершенно робин-гудовская романтическая ситуация.

История смерти Робин Гуда, описанная многократно в балладах, очень далека от романтики и героизма. И это лично меня сильно удивляет, хотя очень возможно, что как раз этот факт и является важнейшим аргументом в пользу того, что Робин Гуд был в реальности, что это вполне историческая личность, человек, которому не чуждо все человеческое.

Английские археологи произвели раскопки в тех местах, которые описаны как место смерти Робин Гуда – в монастыре Кирклей. Существует большая степень вероятности того, что одна из могил, которую они обнаружили, и есть могила Робин Гуда. Казалось бы, такой эпический герой должен и умирать эпически, геройски, сражаясь со своим врагами. В балладах же все по-другому, по-житейски понятно и просто.

С годами Робин Гуд стал хворать. И когда болезнь совсем измучила его, он сказал своему верному соратнику Маленькому Джону: «Глаз у меня не тот, и стрела летит уже не так, надо мне в монастырь пойти, чтобы там подлечили. В монастыре Кирклей есть монахиня, знаменитая своим умением лечить людей. Туда отправлюсь». Сюжет этот в балладе отнюдь не героический, наоборот, сильно приземленный, бытовой. Но ничего не поделаешь, слова из баллады не выкинешь. Монахини в Средневековье очень часто были знахарками, лекарями, так что желание Робин Гуда отправиться в женский монастырь вполне естественно. Маленький Джон очень горюет, печалится, чует недоброе. Робин Гуд утешает его. Меня настораживает – как же так? Ведь он всю жизнь не доверял служителям церкви, всю жизнь презирал их и вдруг – отправиться в монастырь, чтобы именно им, этим служителям вверить свою жизнь! Может быть, женщины – это несколько другое. Да и идти было больше не к кому, ведь не к цирюльнику же.

И он пришел в этот монастырь и попросил монахиню «отворить» ему кровь. Пускание крови вплоть до XIX века было делом обычным, можно сказать, считалось панацеей от всех болезней. В некоторых случаях это действительно помогало, например, при так называемом апоплексическом ударе. И дальше в разных балладах удивительно сходно, с бытовыми подробностями описывается, как ласково монахиня его приняла,

но обошлась с ним зло и коварно. Она отворила кровь, кровь была черная, плохая, но вот уже стала появляться и яркая, алая. Значит, надо было прекратить кровопускание, и монахиня, казалось, уже собралась это сделать, но… передумала. Возможно, она вдруг вспомнила, что перед ней – все-таки разбойник, кроме того, давний и ярый враг церкви. Словом, не остановила она кровь. Описание его смерти изумляет реалистичностью, так несвойственной средневековым балладам. Он слабеет, чувствует, что силы уходят. Идет к окну, но вылезти через него уже нет сил. Он берет свой рог, пытается трубить в него, но звук получается слишком слабым. Но Маленький Джон, а Маленький – это ироническое прозвище могучего богатыря необыкновенного роста и необыкновенной силы – услышал призыв Робина Гуда и примчался на помощь. Однако успел только попрощаться со своим умирающим другом, сказав: «Позволь, чтобы этот проклятый Кирклей со всем вороньем был сожжен». Робин Гуд отвечал: «Милости этой не жди, женщины я не обижу вовек, и ты монастырь пощади». Так он и ушел из реальной, земной жизни, если она у него была, в благородном, рыцарском обличии.

Ян Гус. Человек-знамя

Имя этого человека навсегда запечатлелось в истории и памяти людей. Память эта имеет разнообразные грани и оттенки: для одних он вдохновитель освободительной борьбы чешского народа против иноземной власти на пороге раннего Нового времени; другие же видят в нем прежде всего теолога, предшественника такой великой духовной революции, как Реформация; наконец, он, бесспорно, мученик, отдавший жизнь за свои убеждения. Этот человек, который, вероятно, никогда в жизни не держал в руках оружия, дал свое имя мощному освободительному движению чехов, так называемым Гуситским войнам 1419–1434 годов, оказавшим огромное влияние на жизнь всего европейского континента.

Его жизненный путь прост и даже, можно сказать, скромен: в нем нет каких-либо крупных потрясений, переворотов и событий. Главные потрясения, которые превратили Яна Гуса в «человека-знамя», происходили в глубинах его души.

Ян Гус родился в 1371 году в семье крестьянина Михаила в местечке Гусинец близ городка Прахатице. Родители, у которых было еще два сына, возможно, увидели или ощутили в Яне склонность к учению и определили его в школу, надеясь, что сын сумеет выбиться из крестьянской бедности и станет священником. Школа находилась в Прахатице, в часе ходьбы от Гусинца. По сравнению с родной деревней это был большой городской центр, где производились знаменитые изделия из стекла и серебра, проходила дорога на Прагу и в южную Германию, а главное – был собор.

Освоив грамматику, риторику и диалектику, а в старших классах – арифметику и астрономию, восемнадцатилетний Ян из Гусинца (так сложилась его фамилия – Гус) дерзнул отправиться в Прагу, чтобы поступить в университет. Пражский университет – один из старейших в Европе. К моменту, когда Ян Гус отправился в Прагу, университету было более сорока лет.

Наивно и трогательно звучит позднейший рассказ самого Гуса об этом путешествии. Он пошел в Прагу вместе с матерью, которая по-крестьянски простодушно хотела помочь сыну в его смелом намерении получить образование: она несла в подарок университетскому начальству большой мягкий калач и гуся, который коварно сбежал по дороге.

Ян Гус

Тем не менее, талантливый юноша, страстно стремившийся к знаниям, был принят на факультет свободных искусств. В 1393 году, после нескольких голодных студенческих лет, Гус получил степень бакалавра, а в 1396-м – магистра. Он, очевидно, был одержим стремлением к познанию, все более склонялся к теологии и сразу после получения степени магистра был приглашен преподавать в университет.

Молодой двадцатилетний магистр Ян Гус с самого начала повел себя не как все: он начал изучать со студентами труды известного английского богослова Джона Виклефа, прославившегося в 80-х годах XIV века взглядами, которые многие считали еретическими.

Гус не только не побоялся излагать учение серьезно заподозренного в ереси Виклефа, но и начал его развивать,

решительно отвергая безграничную духовную власть римского папы и утверждая, что истинный глава католической церкви – сам Христос. Более решительно, чем Виклеф, Гус критиковал богатство церкви.

Несмотря на такое опасное поведение (пройдет несколько лет, и архиепископ Збынек лично предаст в Праге сожжению сочинения Виклефа) магистр Гус был избран в 1401 году деканом факультета, а в следующем году – ректором Пражского университета.

Как могло случиться, что крестьянский сын с неординарным и подозрительным образом мыслей занял столь почетное в социальном смысле место в обществе? Ответ на этот вопрос кроется не только в явной талантливости и образованности Яна Гуса. Начиная с 1401 года он проповедовал в пражской Вифлеемской часовне, которая благодаря этому сразу стала знаменита. Дело в том, что он там публично говорил правду о критическом состоянии католической церкви, бичевал нравы ее служителей.

После так называемого периода «Авиньонского пленения» пап (в 1309–1377 годах папы временно пребывали не в Риме, а во французском городе Авиньоне под надзором королей Франции), в католической церкви начался так называемый «Великий раскол». Высшие церковные иерархи разделились на группировки и партии и стремились посадить на папский престол «своего» человека. В результате не раз случалось, что два и даже три кандидата объявляли себя законно избранными папами и начинали шумно поносить и предавать анафеме соперников. При этом никто из них не стеснялся в выражениях и не скупился на самые страшные проклятия.

Нетрудно представить, каким ужасом и болью эта немыслимая ситуация отзывалась в сердцах искренне верующих людей. Магистр Ян Гус был именно таким человеком. Но в отличие от остальных, он решил бороться против непристойной ситуации. Более того – он отважился показать ее разлагающее, тлетворное влияние на служителей церкви, в рядах которых множилось число циников, развратников и мздоимцев. Когда Виклеф в свое время обрушился с критикой на богатства церкви, это было дерзко и рискованно. Однако он бичевал организацию, учреждение, говоря современным языком, что всегда менее чувствительно, чем задевать конкретных людей. К тому же у Виклефа нашлись высокие покровители, которые рассчитывали поживиться за счет конфискации церковного имущества, прежде всего – земли.

Ян Гус затронул самое острое, даже болезненное – моральный

облик людей, причисляющих себя к служителям Бога. Он беспощадно вскрывал несоответствие их образа жизни и конкретных деяний прекрасным евангельским принципам, учению и жизни Христа. Он говорил в Вифлеемской часовне страшные вещи, например, объяснял, что реликвии, которые хранятся в соборах и привлекают туда верующих, – ложны! Известные всей Европе пеленки Христа, скатерть с Тайной Вечери, веревка, которой был связан Иисус Христос, рука Лазаря – все обман! А фрагменты берцовой кости святой Бригитты, которые можно найти почти в каждом европейском соборе? Бриггита, должно быть, была сороконожкой.

В целом учение Яна Гуса и его критика католической церкви развивались по возрастающей линии. До 1409 года он был известен в основном как патриот Чехии, как человек, вышедший из народа. С середины XIV века его родина оказалась в сильной зависимости от германской «Священной Римской империи». Чешские короли получили статус курфюрстов – то есть главнейших, лидирующих, но все же подданных императора. Постепенно выходцы из Германии заняли ключевые позиции во всех основных областях жизни Чехии, что вызывало в обществе глубокое недовольство. Между тем в стране была жива память о том, что еще в начале XIII столетия один из правителей германской империи, знаменитый Фридрих II Штауфен, юридически признал независимость Чехии (так называемая Золотая сицилийская булла 1212 года).

Сожжение Яна Гуса.
Миниатюра 1485 г. Фото репродукции

Патриотические выступления магистра Яна Гуса, возглавлявшего Пражский университет, пали таким образом на благоприятную почву. Это подтвердило издание в 1409 году Кутногорского декрета, согласно которому руководство Пражского университета должно было принадлежать чехам. При этом сам Ян Гус подчеркивал культурно-патриотический, а не националистический смысл своей позиции. Он говорил: «… доброго немца я предпочитаю злому чеху, хотя бы этот последний был моим родным братом».

В 1409–1412 годах Ян Гус развивает свои взгляды в стройное учение, опирающееся на труды его предшественника Джона Виклефа и доказывающее необходимость пересмотра некоторых догматов католической церкви (например, касающегося понимания сущности таинства пресуществления). По существу, его взгляды во многом предвосхищали будущую европейскую Реформацию. Главным объектом его обличительных проповедей начиная с 1412 года стали папские индульгенции. За деньги папы

предлагали верующим отпустить любые грехи (даже еще не совершенные!).

Для того чтобы понять, как стало возможным такое безумие, надо вспомнить, что XIV век был временем реального, фактического заката Средневековья в Западной Европе и ее движения к Новому времени. Современники осознают это не сразу, но ощущение пришедших перемен у них, как правило, есть.

Во времена Яна Гуса претензии папства на высшую, идущую от Бога духовную власть над людьми стали анахронизмом, как и упомянутые выше церковные реликвии. Однако люди часто пытаются продолжать жить в условиях, которых уже нет в реальности. Чешский проповедник с его истовой и искренней верой в возможность морального возрождения католической церкви и ее служителей стал, сам того не ведая, провозвестником перемен в устройстве Западной ветви христианской церкви, реальным предшественником Лютера. Только тогда еще не было произнесено слово «Реформация».

В октябре 1414 года Гуса официально призвали прибыть в южногерманский город Констанц, где собрался Вселенский собор. Высшие иерархи церкви и император Сигизмунд, которому юридически подчинялась Чехия, в один голос твердили, что они хотят выслушать знаменитого проповедника Яна Гуса и разобраться в его учении.

Верующие и нравственно чистые люди часто бывают достаточно наивны. Магистр Ян Гус, по-видимому, поверил, что Собор действительно будет внимательно его слушать и постарается понять… А что еще нужно для счастья?

Осенью он приехал в Констанц и попытался воззвать к совести собравшихся прелатов, доказать необходимость перемен в церковной организации. В работе Собора участвовали семьсот человек, а магистр Гус был один… Его не слушали, ему мешали говорить, шумно демонстрируя свое негодование.

На двадцать пятый день пребывания в Констанце Гус был арестован и заточен в мрачном подвале одного из замков. Он прекрасно понимал, какая судьба ждет его. Перед отъездом из Чехии он составил завещание. В одном из писем друзьям непреклонный узник, еще способный шутить, писал: «Гусь еще не изжарен». От него требовали покаяния, обещая сохранить жизнь. Он не мог и не хотел отступить от своих убеждений.

В июле 1415 года Ян Гус был казнен. Пламя этого костра не уничтожило память о великом человеке, чье имя стало знаменем чешского народа в Гуситских войнах, примером и опорой для многих деятелей Реформации в XVI веке, символом чистоты помыслов и моральной стойкости на все времена.

Ягайло. Победитель тевтонцев

В Варшавском национальном музее есть замечательное полотно художника Яна Матейко «Грюнвальдская битва». Идет жестокое сражение, и на небольшом холме стоит Ягайло с развевающемся знаменем в руках. У картины своя история. Когда Варшава была захвачена гитлеровцами, полотно исчезло. Фашисты его искали с очевидной целью – уничтожить. Оно и понятно: Грюнвальдская битва – это битва объединенных славянско-литовских сил против Тевтонского ордена, против германцев, а значит – против немцев. Картину искали, вели следствие, допытывались, даже пытали, кто-то из работников музея погиб. Конечно, кому-то было известно, что картина, свернутая в трубочку, лежит где-то под Варшавой, закопанная в сарае. Но никто не выдал. Удивительно, насколько важен бывает символ – важнее жизни. Кажется, что Грюнвальдская битва – дело давно минувших и забытых дней. Ан, нет!

И там, на этом полотне, как бы в одной из версий исторической памяти, Ягайло, вдохновитель, организатор этого сражения, прекрасен, одухотворен, смел и силен. В жизни он был мало похож на своего двойника с картины. Он основатель династии Ягеллонов, которая находилась на польском престоле довольно долго, до 1572 года. Для Польши этот факт значим. В летопись истории Европы навсегда вписана Грюнвальдская битва. Все так. Однако сама его личность, все эти деяния никак не способны осветить безоблачным, чистым светом. Не такой это человек, вот в чем дело, слишком противоречив.

Ягайло прожил 84 года, пример редчайшего долголетия в Средневековье. Он родился в 1350 году, с 1377 года – носил титул Великого князя Литовского. Он был внуком правителя Литвы Гедимина, любимым сыном князя Ольгерда и православной княгини Юлиании. Кто такая Юлиания? Ульяна Александровна, тверская княжна. То есть по матери он тесно связан с русскими землями. Есть даже версия, что в детстве он был крещен в православной вере и наречен именем Яков (Иаков). Но многие считают, что Ягайло, как и его отец, Ольгерд, до принятия католичества был язычником, княжил в Витебске. Но это лишь одна из версий.

Союзник Мамая, он никак не проявил себя на Куликовом поле. Согласно одним источникам, большое войско, которое Ягайло вел к Мамаю, было задержано князем Олегом Рязанским, который навязал ему бой. По другим документам, он просто опоздал к битве. Оценки его личности тоже совершенно разные.

Ягайло то обвиняют в нерешительности, трусости, то восхищаются его геройством, вдохновившим народы на великую Грюнвальдскую битву. А по мнению Гумилева, он все-таки пришел на Куликово поле, увидел, что русские победили, но уж очень хотел насолить им, и тогда его молодчики перерезали всех, кто оставался живым в обозе. Думаю, что это малоправдоподобно, но симптоматично – если такое черное деяние приписывалось ему, значит, он был похож на человека, способного это сделать.

Возможно, это было связано с мрачными эпизодами его юности. В 1382 году в борьбе за престол, за великое княжение в Литве Ягайло заточил своего дядю Кейстута в Кревский замок, где тот был задушен по приказу племянника или сам покончил с собой – точно мы не знаем. И другое злодеяние, которое ему приписывают, – расправа с женой Кейстута, Бирутой. И то и другое – ужасно. Но, по-моему, есть в этих обвинениях некая предвзятость, и кажется очевидным влияние Ордена. Слишком уязвлена была эта воинственная и сильная организация своим поражением при Грюнвальде.

Известно, что перед тем сражением он не торопился. И это ему ставили в вину – дескать, трус, боялся. У деревни Грюнвальд он строил объединенные войска. Он готовил их к битве не спеша, находя каждому нужное место. Ягайло сумел привлечь в сражение своего двоюродного брата – литовского князя Витовта. К ним пришли очень разные люди, там были и татары, и смоленские полки, и русские и больше всего было литовцев. А тевтонские рыцари, горделивые, зазнавшиеся, зарвавшиеся, запугавшие, в общем-то, всю Центральную Европу своей агрессией, жестокостью, решили нанести Ягайло личное оскорбление перед боем. К нему прислали герольда с тевтонскими мечами, который сказал оскорбительные слова: «Раз у тебя, Ягайло, нет никакой личной храбрости, вот на тебе два меча наших. Может быть, хоть они тебя поддержат». На что их противник спокойно ответил: «Наверное, не положено брать у врага оружие, но я его приму, чтобы вы увидели, как страшно оно обернется против вас». И результат – битва оказалась трагедией для Ордена, который, в сущности, уже никогда больше не возродился. И я допускаю, конечно, ничего не утверждая, что легенды вокруг Ягайло творились не случайно – нужно было очернить его, оставив в истории образ жестокого и недалекого правителя. Ян Матейко, написавший героическую картину о Грюнвальдской битве, наоборот, хотел создать образ героя-символа, человека, объединившего и собравшего такие разные и могучие силы, которые сокрушили ненавистный Орден.

Во второй половине XIV века два государства – Литва и

Польша – стали активно выдвигаться вперед на европейской исторической арене. Сначала два слова о Польше. В X веке, как и на Руси, Польша принимает христианство. К концу столетия, в 999-м, присоединением Кракова завершилось объединение польских земель, и Польша стала заметной политической единицей на карте Европы. Но со всех сторон княжество Польское (с 1025 года – королевство) окружено воинственными соседями. С начала XI века оно мужественно сопротивлялось агрессии «Священной Римской империи». Но давление воинственного германского духа было слишком сильным, и в середине XI столетия королевство было вынуждено признать зависимость от империи. В XII веке Фридрих I Барбаросса заставил подтвердить эти вассальные отношения. А с середины XIII столетия все сильнее ощущается давление Тевтонского ордена. Итак, на севере – Орден, на западе – «Священная Римская империя», на востоке – Великое княжество Литовское.

Ян Матейко. Ягайло.
Рисунок конца XIX в. Фото репродукции

Что это за княжество? Весьма и весьма воинственное и сильное. Сохранился документ, по которому золотоордынский хан Тохтамыш, например, обещал Великому князю Литовскому передать ему все русские земли. А реально Литвой к тому времени были захвачены Киев, Смоленск, Вязьма и области в верховьях Оки – нынешние Калужская, Тульская, Орловская области. Граница между Русью и Литвой проходила по Можайску,

то есть практически по сегодняшнему Подмосковью. Это было сильное, воинственное государство, долго сохранявшее язычество. И только в 1387 году произошло крещение Литвы.

Польша, зажатая в кольце врагов, искала союзников. В 1370 году она заключила союз с Венгрией, а в 1385-м – знаменитую Кревскую унию с Великим княжеством Литовским. Это политическое объединение сыграло очень большую роль в судьбе Центральной Европы. Образовалась сила, которая позже заявила о себе при Грюнвальде. Формировалась новая Центральная Европа. Ее привыкли считать языческой, отсталой, варварской, слабой. Но она начинает заметно заявлять о себе. Ее главный враг был, конечно, Тевтонский орден, которому необходимо было противостоять. И Ягайло предпринимает ряд действий, усиливших его политические позиции. Он делает то, что характерно для всех правителей Средневековья – удачно женится. Женится на удивительной красавице, польской королеве Ядвиге, в 1360 году. На самом деле она была наполовину француженкой и происходила из Анжуйского рода. И у нее был жених, которого она любила. Под давлением польских магнатов, которые сочли, что союз с Литвой безусловно важнее ее личного счастья, она отказала Вильгельму, сыну Леопольда Австрийского. Женитьба на польской королеве укрепила позиции Ягайло в борьбе за власть, за трон, на который претендовала куча его родственников – 11 братьев и сестер и 6 двоюродных братьев. И свое наследство они делили страшно и истово.

Казалось, что одному из его соперников – двоюродному брату Витовту – суждено было погибнуть в этой борьбе. Дело в том, что Витовт был заточен вместе с Кейстутом и Бирутой, но ему чудом удалось спастись, переодевшись в женское платье, которое дала ему девушка Анна, прислуживавшая ему и его полюбившая. Так или не так, но он остался жив. И впоследствии он стал важнейшим союзником Ягайло и прославился как несокрушимый, доблестный рыцарь в Грюнвальдской битве. Если Ягайло вдохновлял воинов на победу, то Витовт реально руководил военными действиями.

Но как им удалось сойтись? Витовт бежал из плена – это факт. Он нашел прибежище у тевтонцев, у этого заклятого врага и Польши, и Литвы, и всей Центральной Европы. Ему просто некуда было деться. Известно, что там Витовт принял некоторое участие в каких-то малозначительных походах. Но как сумел Ягайло добиться примирения с ним? Вернуть себе расположение человека, смертельно ненавидящего и имеющего основания ненавидеть, найти слова, аргументы, какие-то гарантии, чтобы обрести в результате необходимейшего союзника, – на это

требуется талант, светлый разум, уверенность, упорство. И значит, качества эти у Ягайло были, потому что противники договорились. Ягайло, ставший польским королем после женитьбы, оставляет Витовта Великим князем Литовским. Сам же именуется Верховным правителем.

Все его деяния имели одну цель – Грюнвальд. И вот тут нельзя не отдать должного Ягайло, потому что Тевтонский орден был очень силен. Вспомним немножко его историю. Почему он запугал всю Центральную Европу? Он был основан в 1128 году в Иерусалиме во время Крестовых походов. Цель благороднейшая – помощь богатых немцев бедным паломникам и захворавшим в Палестине людям, прежде всего из Германии. Но очень быстро его задачи изменились. Уже в 1189 году сын германского императора Фридриха I Барбароссы придает ему военный характер. Ордену вменяется Устав, форма по образцу тамплиеров, только плащ с черным крестом, а не с красным. Во главе ордена встает гохмейстер, главный управитель. И очень скоро становится совершенно очевидно, что военные цели быстро вытесняют любые, самые благородные и миротворческие идеи. Они мгновенно улетучиваются, словно их и не было никогда. Из благотворительной организации Орден становится духовно-рыцарским и весьма воинственным объединением.

Когда в XIII веке крестоносцев вытеснили с Востока, Тевтонский орден сначала обрел резиденцию в Венеции, но это не очень устраивало руководителей Ордена, потому что в Италии не было возможности для создания собственного государства. А именно к этой цели начали стремиться гохмейстеры. В 1228 году они получили грамоту от императора Фридриха II, согласно которой им предоставлялась резиденция, «…чтобы ввести там хорошие обычаи и законы для упрочения веры и установления благополучного мира между жителями». Что же это был за мир?

Пруссию, как известно, в то время населяли язычники. И вот в течение 55 лет Орден насильственно обращал пруссов в христианство самым жестоким и безумным образом. Там, где тевтонцы захватывали земли, начиналось зверское истребление людей. Вот один пример. В 1336 году – уже близко к Грюнвальду! – осада очередного литовского замка. Четыре тысячи литовцев, чтобы не попасть в плен к рыцарям Тевтонского ордена, перебили друг друга, когда поняли, что их дело безнадежно. Битва 1242 года на Чудском озере, хорошо известная всем как Ледовое побоище, была лишь одним из первых деяний Ордена, некоей прелюдией его военной агрессии. Орден стал символом мрака и жестокости, злобы, непримиримости. И ужас был в том, что внешне обеты целомудрия, покровительства бедным

сохранялись, но на самом деле тевтонцы погрязли в разврате, роскоши, лицемерии, и это уже было демонстративным отступлением от идеалов христианства. Мысль о том, что Орден должен быть наказан, крепла в Центральной Европе, находя отклик в душах многих людей.

В сущности, почему при Грюнвальде были разбиты тевтонские рыцари? Теоретически они могли победить. У них было больше бомбард, хотя противники превосходили их числом. Но главное – против Ордена стояли люди, воодушевленные идеей. Это были русские, чехи, литовцы и даже татары. Среди них, видимо, находился и Ян Жижка, который пришел добровольно с небольшим отрядом.

Яркое описание битвы оставил хронист Ян Длугош. Он имел в своем распоряжении много источников и составлял хронику, когда воспоминания о Грюнвальде были еще свежи. Сражение началось рано поутру и закончилось затемно. Грохот скрежещущего железа, доспехов, удары мечей, крики умирающих, ржание коней – все смешалось, создавая ощущение апокалипсиса, конца света.

Сначала битва шла неудачно для союзников, потому что первый удар литовская пехота нанесла по рыцарям. Удар не получился, и тогда литовцы начали отступать и обратились в паническое бегство. Они бежали с поля битвы, надеясь спастись, переправившись через озеро. Когда битва начинается с бегства, ждать хорошего не приходится. И вот здесь Ян Длугош, нисколько не симпатизирующий русским, настроенный скорее против них в целом, отдает дань уважения смоленским полкам. Они были вассалами Витовта, и тот отвел им ответственную, но очень невыгодную позицию. Из песни слова не выкинешь. На них должен был прийтись очень тяжелый и, наверное, главный удар тевтонцев. Длугош пишет, что витязи земли Смоленской покрыли себя неувядаемой славой. Они гибли, но не отступали ни на шаг. В них-то и завязла знаменитая конница Тевтонского ордена.

А пока смоляне стояли насмерть, Витовт бросился в погоню за своими воинами. Они были легко вооружены и потому бежали быстро и убежали далеко. Главнокомандующий нашел их на берегу озера, перестроил и повел обратно. Длугош пишет, что над полем боя, где стойко держалась польская конница, где стояли насмерть русские полки (одна их линия была вырублена полностью, вторая уже гибла), неожиданно пронеслось: «Литва возвращается! Литва возвращается!» Прошелестело, прогудело и ударило радостной волной в сердца – есть еще сила против жестоких захватчиков, есть воинство, способное сплотиться, объединиться в единый кулак и ударить. Чувство братства и

единения – сильнейшее духовное переживание, способное многое преобразить, изменить. «Литва возвращается!» Трудно представить себе, как это всех воодушевило и, собственно, решило исход битвы. Правда, в эту минуту едва не был убит Ягайло. Тевтонский рыцарь, прорвав ряды защиты, оказался недалеко от польского короля. Ягайло спас мальчик-паж, ничем не вооруженный, но готовый умереть за своего короля. Он просто выставил на пути этого рыцаря обломок копья. Рыцарь покачнулся, споткнулся и, всей тяжестью своих доспехов навалившись на лошадь, упал наземь… Этого было достаточно. Дальше набежали люди, и Ягайло был спасен.

Оскар Сосновский. Ядвига и Ягайло. XIX в.
Статуя в библиотеке Литовской академии наук, Вильнюс.
Фото репродукции

С этого момента союзники стали теснить тевтонов. Гохмейстер, воинственный и воинствующий рыцарь Ульрих фон Юнгинген не мог поверить, что его рыцари отступают. Он бросил последний резерв, последние свежие силы конников, сам ринулся в атаку и был убит рогатиной литовского воина. Вот таким примитивным способом покончили со знаменитым гохмейстером Тевтонского ордена. День клонился к закату, и рыцари бросились

бежать. Их почти не преследовали, за что часто упрекают Ягайло. Говорят, надо было сразу ворваться в их резиденцию Мальбрук и там добить зверя. А Ягайло не погнал свои войска, и Витовт, видимо, поддержал его в этом решении. Кто смог убежать, тот убежал и добрался до своего «осиного гнезда», как называли в Европе Мальбрук. Надо сказать, что этот замок существует до сих пор и производит очень мрачное впечатление. Кажется, будто воинственный, злой, беспокойный дух живет в нем.

В брошенных обозах рыцарей было обнаружено множество кандалов, которые предназначались для литовцев и славян. Вот насколько тевтонцы были уверены в своей победе. Однако кандалы понадобились, чтобы заковывать их самих. Орден потерпел серьезнейшее поражение. Затем Ягайло устроил осаду Мальбрука, которая не принесла результатов. За это его тоже упрекали. В войсках начался мор. И он отказался от этого предприятия. В результате мир, который был заключен в 1411 году, был для тевтонцев не таким уж страшным. Только в 1464 году Орден был вынужден признать себя вассалом Польши – вот она, ирония судьбы. К XVI веку он выродился в кузницу наемников, головорезов, воюющих за деньги.

Ягайло идеализирован и возвышен в польской историографии и в ее культурной традиции. А русские историки всегда очень сдержанно старались пройти между, так сказать, Сциллой и Харибдой. С одной стороны, он как будто участник Куликовской битвы на стороне Орды. С другой – союзник русских князей против Тевтонского ордена. Польский король был враждебен русским, его брат Витовт покорил много русских земель. Но ведь нельзя не отдать должного великой битве народов, во главе которой стоял Ягайло. Интересно и очень важно, что в истории титул-звание «Битва народов» заслужили несколько сражений. Так назвали битву 1813 года под Лейпцигом, в которой Наполеон потерпел поражение от союзных армий России, Австрии, Пруссии и Швеции. Такое же название закрепилось за сражением при Каталаунских полях (451), в котором гунны были разбиты объединенным войском римлян и германцев. Битвой народов называют и столкновение франков и арабов при Пуатье (732). Кто присуждает такой почетный титул, пожалуй, и не скажешь. Вернее всего, молва, глас народа. Гумилев о Куликовской битве пишет, что на поле Куликово пришли представители русских княжеств, а ушли с поля русские. Любопытное выражение. Что-то подобное произошло и при Грюнвальде. Против тевтонцев встало соединенное войско, собранное польским королем и Великим князем Литовским, его союзником Витовтом, а победу над Орденом уже праздновали

люди, которые ощущали свою принадлежность к Центральной Европе, были причастны к ее судьбе.

Династия Ягеллонов, которая в Польше в почете, прославилась начиная с Ядвиги. Вообще некоторые историки и по сей день считают Ягайло слабым правителем, королем-консортом. Очень может быть, потому что по-настоящему – он литовский князь, а Владиславом – польским королем – стал лишь по случаю. Просто тогда нужно было создать временный союз. Как известно, дальше Польша стала Польшей, Литва – Литвой. Но рождение значительной, сильной, самостоятельной Центральной Европы, вхождение целой группы государств и государственных образований в европейскую историю – процесс, продолжающийся и сегодня, – начался со времени Ягайло и его усилиями. И хотя бы только поэтому считать его королем ничтожным невозможно. Хочу порекомендовать читателям книги Генриха Сенкевича «Огнем и мечом» и «Потоп». Они – об этом времени. И думаю, читатель разберется, кто такой Ягайло. Сенкевич создал очень яркий и, видимо, совершенно точный образ рыцарей Тевтонского ордена, выродившихся в сатанинскую организацию. И как тут не вспомнить Наполеона Бонапарта! Это он запретил этот Орден и упразднил его окончательно. Как и испанскую Инквизицию. Есть личности, которые совершали поступки, действия, оказавшие существенное влияние на ход истории. Среди них и Ягайло, который может не нравиться, но не отдать должное его исторической роли невозможно.

Балтазар Косса. Пират в папской тиаре

Были у Балтазара Коссы и обаяние, и харизма, иначе он не прожил бы ту удивительную жизнь, которую прожил, ибо действительно в течение пяти лет, с 1410 по 1415 год, этот человек под именем Иоанн XXIII занимал папский престол. Сравнительно легитимно, скажем так, для того времени. Потому что это время великого раскола. И в тот момент на пике кризиса, который переживало папство, было три папы. И Констанцский собор в 1415 году пресек этот кризис. Но для того времени все три папы были легитимны, потому что одного выбирали кардиналы в Риме, другого в Авиньоне. А Косса был избран в Пизе. Сегодня должно быть 100 с лишним голосов, чтобы состоялось избрание, для Коссы и 17 оказалось достаточно.

Итак, кем он остался в истории? Реальной фигурой под именем Иоанн XXIII? Однако церковь хотела вычеркнуть из истории это имя и этот, так сказать, номер. Иоанном XXIII в середине XX века нарекли другого человека, другого папу, делая вид, что Коссы никогда и не было. Однако переписывать прошлое очень сложно, – не раз мы в этом убеждались. Вычеркнутое возвращается, причем нередко в болезненной, изощренной форме.

А Балтазар Косса реально существовал. Он остался в исторической литературе, в источниках. Многие документы той эпохи дошли до нас. Мы знаем и о его жизненной истории, и о его поступках, нередко неблаговидных. Например, будучи еще папой, он принял решение передать Яна Гуса в следственный комитет, когда тот приехал объяснить свое учение на Констанцский собор. А в результате они оказались потом в одной тюрьме. Такое вот переплетение судеб! Один остался в истории как очень светлая личность, репутация другого, при всей его яркости и таланте, небезупречна.

Низложен Косса был решением этого же Вселенского собора. Сохранились приговоры, протоколы суда над ним, но они рисуют такую картину, что она кажется недостоверной, сильно преувеличенной и вызывает большие сомнения – а не дело ли это рук его недругов, уж очень похоже!

Его биография не совсем ясна, но я попытаюсь нарисовать основные контуры. Родился, по-видимому, около 1360 года, умер в 1419-м. Сохранилась его могила во Флоренции – великолепное погребение, надгробие для которого изваял не кто-нибудь, а великий Донателло.

Антипапа Иоанн XXIII.
Фото репродукции

Косса происходил из знатной, графской семьи. Его отцу принадлежал остров Искья в Неаполитанском заливе. А там четыре-пять деревень, которые давали вполне приличный доход. Никакого бедственного детства, никакой нищеты. Свой род он возводил ко временам Древнего Рима. Начинающееся и ярко разгорающееся Возрождение, которое возрождает интерес к античности, для многих было толчком к поиску своих корней. И чем глубже, тем, конечно, лучше. Семейство графов Косса находит в V веке до н. э., когда и Рим-то еще не был величайшим государством древности, некоего полководца под именем Косса. С него они начинают свое генеалогическое древо. Скорее всего, это

легенда, не имеющая отношения к действительности.

В семье было четверо детей. Его старший брат, Гаспар, имел прозвище «адмирал пиратского флота». И когда братишке Балтазару исполнилось тринадцать лет, Гаспар взял его в свои разбойные набеги. Балтазар прекрасно себя там чувствовал, получая удовольствие от воровской жизни, полной опасностей и приключений. Это длилось целых семь лет, пока мать не дала Балтазару совет – прекратить, по крайней мере, на время эти, мягко говоря, незаконные и опасные занятия и пойти учиться. Она заметила, что среди ее четырех сыновей Балтазар самый способный, любознательный и развитый мальчик, и не ошиблась. Он отправляется в Болонский университет – величайший университет средневековой Европы, самый древний, самый многочисленный и самый престижный.

И поступает на теологический факультет. И вот тут начинают проявляться его неординарные качества, его харизма. Понятно, что прорваться к папскому престолу обычному пирату невозможно. Но Косса был человек совершенно необычный. Прежде всего, он прекрасно учился, выделяясь среди студентов, великолепно владел пером, отлично писал. Но помимо этого, он был лидером, вожаком. А учащиеся Болонского университета XIV века – это не современные студенты, хотя в чем-то, конечно, похожие. Те студенты, без преувеличения сказать, управляли городом. Болонья того времени – город студентов, молодых, смелых, активных, которые все время чего-то требуют, собираются, выступают, подчас хулиганят по молодости. Балтазар – их бессменный предводитель. У него было окружение, примерно с десяток молодых людей, которых в Болонье называли «Десять дьяволов». Их знали все, они властвовали в Болонье, иногда бесчинствовали, вызывая негодование, подчас устраивали праздники с песнями и гуляньем. Но все при этом учились.

Студент Балтазар Косса – не только блестящий и разбойный предводитель молодежи, шайки «Десять дьяволов», но и герой любовных приключений. Он оставался им до конца своих дней. Надо, правда, заметить, что в описании его грехов есть элемент литературности, именно литературности Раннего Возрождения, свойственной и Петрарке, и Боккаччо. У него было множество романов, была и одна пламенная любовь. О ней великолепно написал греческий автор Александр Парадисис в книге «Жизнь и деятельность Балтазара Косса». Книга, кстати, переведена на русский язык.

В один прекрасный день Балтазар встречает девушку по имени Яндра де Ла Скала. Эта встреча – в который уж раз! – полностью меняет его жизнь. Девушка изумительно красива (есть

приписываемый ей портрет) и необычайно умна. Яндра скрывается от Инквизиции, которая преследует ее за то, что она училась в Париже, бывала в Европе, за то, что она прекрасно образованна и выделяется среди всех остальных. Ее обвиняют в ведовстве и собираются сжечь на костре. Балтазар страстно влюблен, и для него нет преград. Препятствия никогда не останавливали этого человека, он их всегда преодолевал, особенно в любви. Поначалу он вместе с Яндрой совершает побег, но их хватают и бросают в тюрьму. Теперь и ему грозит костер.

Но… у него есть другие любовницы. К нему в тюрьму приходит одна из них – верная, нежная, правда, не такая красивая – ее портрет тоже существует – Има Даверона, которая любила его всю жизнь, буквально до гробовой доски. Она приносит, как и положено в романах, напильник в пирожке. Он не воспользуется этим напильником, а хладнокровно убьет одного за другим двух стражников и, переодевшись в их одежду, спокойно покинет тюрьму Болоньи.

Теперь надо выручать Яндру. С помощью той же верной Имы Балтазар дает знак своим друзьям, брату, «адмиралу» Гаспару. И студенты, объединившись с пиратами, штурмом берут город и захватывают тюрьму. На руках он выносит Яндру из темницы. Роман продолжается, они счастливы. Но теперь он, конечно, снова пират. Ему просто нет другой дороги. И четыре года он гуляет по Средиземноморью, становится капитаном, получает корабль. Он оказывается хорошим полководцем.

Один из исследователей, писавших о его жизни, отметил, что гораздо менее он был заметен в делах церкви, чем в делах светских и на поле брани. И в денежных делах – добавлю я. Вот договор, который он в 1385 году заключил со своей командой: «Все добытое в операциях будет немедленно делиться на четыре части. Две из них будет получать экипаж, четверть пойдет моим верным и храбрым друзьям, Ренере, Джованни, Аванте, Бернарде и Бйорда, последнюю четверть буду получать я, как капитан корабля и руководитель операции. Если в нашей операции кто-то потеряет глаз, он получит компенсацию в 50 золотых цехинов, дукатов или флоринов, или 100 скуде или реалов, или 40 сицилийских унций, или, если он это предпочтет, одного раба-мавра. Потерявший оба глаза получит 300 цехинов или дукатов, или 600 скуде, или неаполитанских реалов, или 240 сицилийских унций, или, если захочет, 6 рабов. Раненый в правую руку или совсем ее потерявший получит 100 золотых цехинов, флоринов или дукатов. Если кто-то потеряет обе руки, то он получит 300 дукатов, 600 реалов или 6 рабов. Парализованная рука или нога приравнивается к потеряной». Очень деловой и точный договор.

Не случайно именно Балтазару Коссе самые серьезные авторы приписывают инициативу создания первого папского банка, существующего и поныне. Это банк Святого Духа. Умел человек совмещать романтику и дело. Не путал, не смешивал.

Пираты. Иллюстрация XIX в.
Фото репродукции

Где гуляли пираты, заключившие с ним договор? Северное побережье Африки – Тунис, Алжир, Марокко, нынешние – Испания, Южная Франция, Италия. Грабежи, добыча сокровищ. Они богатеют все больше и больше.

Но однажды попадают в страшный шторм, корабли тонут, на одном из них находилось пятьсот пленников, которых он собирался сделать рабами. Он с тремя приближенными и Яндрой чудом хватаются за какую-то лодчонку, которая вот-вот пойдет ко дну. И тогда мужчины дают обет – если Бог сохранит им жизнь, они станут служителями церкви. Впоследствии говорили, что шторм был Божиим наказанием Балтазару за то, что он ограбил святилище пиратов, забрал драгоценности, которые пираты приносили Деве Марии. Но, надо сказать, что это был не первый случай святотатства, он грабил все церкви, что попадались ему на пути.

Были ли все эти события на самом деле, или это только красивая легенда, – неизвестно. Но так или иначе, волею судьбы Косса стал священнослужителем. За его плечами – теоретическая подготовка теологического факультета Болонского университета и практика разбойника, удивительно выпадающая из религиозного контекста. После этого шторма Балтазар Косса оказывается на службе у папы Урбана VI.

Урбан VI маниакально жестокий человек. Современники очень много неоднократно писали о том, как он наслаждался зрелищем пыток, всегда присутствовал при них и требовал более жестоких казней. То есть Балтазар попал к человеку, от которого никак нельзя было ждать пощады. Однако этот маниакальный злодей, возможно, почувствовал родственную душу или угадал в Коссе ту самую харизму. Услышав про обет, папа пригласил Балтазара к себе на службу. На какую? Вести следствие над врагами церкви, быть главным дознавателем. Косса, конечно, согласился.

Это было очень близко к должности палача, потому что те, кто вызывал недовольство Урбана VI, попадали в тюрьму, где к ним применяли пытки. Балтазар Косса для этих дел идеально подходил.

Прежде чем сказать, как продвигался Балтазар, разбойник и пират, к папской тиаре, надо хотя бы в общих чертах обрисовать, что представляло собой папство в этот момент.

Папство – один из институтов христианской церкви, а затем ее западной, католической ветви. Институт папства возник задолго до разделения церквей. Начиная с II века уже существовало понятие – папа, происходящее от греческого слова,

означающего «отец», «наставник». Теоретически – это человек, самый близкий к Богу, Его наместник. Обычно папой становился епископ города Рима. Римская империя была авторитетом всегда, даже когда стала ослабевать. И быть римским епископом значило пользоваться большим авторитетом, чем другие. Богатея, укрепляя свои связи, римские епископы добились того, что заняли особенное положение среди других иерархов христианской церкви.

Они приписали себе роль наследников святого Петра и считались людьми совершенно особыми, находящимися в прямых отношениях с Богом. Средневековая Европа еще только формировалась, светские правители еще были слабы, и папы стали претендовать на особое положение в государстве, настаивая на том, что они выше любого императора и короля. Есть Бог на небе, а на земле первые – они, а потом уже земные правители.

Но и светская власть развивалась. Когда европейские государства окрепли, началась отчаянная борьба между папами и светской властью. Папская теократическая идея разбилась о крепнущее национальное самосознание именно в XIV веке Тогда папы давали последний бой в надежде удержать светскую власть под своим контролем. И этот последний бой они проиграли. Крушение Иоанна XXIII и решение Констанцского собора, в частности, были одним из проигранных эпизодов великого противостояния земных и духовных властителей.

Однако ранее, в эпоху Средневековья, римские папы пользовались большой властью. Вспомните знаменитое унижение германского императора Генриха IV в Каноссе, когда папа Григорий VII отлучил правителя от церкви и заставил его каяться. Само слово «Каносса» стало с тех пор нарицательным. Был Вормский конкордат (1122), который зафиксировал временный компромисс власти с папами и частично признал их право на светскую власть. В XIII веке римский папа Иннокентий III так ретиво сражался с еретиками, в частности с альбигойцами на юге Франции, что действительно на время в своей власти стал выше светских правителей.

Вспомним и другое. Например, эпизод начала XIV века, когда французский король Филипп IV Красивый послал своих приближенных во главе с канцлером Гийомом Ногаре дать пощечину римскому папе Бонифацию VIII. Или наконец, историю семидесятилетнего «Авиньонского пленения пап» (1307–1378). В эти годы французская монархия удерживала пап под своим контролем. Такова предыстория этой борьбы.

В то время, когда все более заметной становилась фигура Балтазара Коссы, противостояние светской власти и папства

достигло своего апогея. Критическое состояние морали и нравственности среди духовенства было главным козырем светской власти. Она обвиняла в очевидном падении нравов церковь и хотела всячески ограничить ее власть. Но церковь сама впадает в тяжелый кризис. В 1378 году, после «Авиньонского пленения», итальянские кардиналы избрали в Риме Урбана VI, того самого, которому служит Косса, а французы в Авиньоне – Климента VII. Они оба пробыли на папском престоле довольно долго, один – до 1389 года, другой – до 1394-го, посылая друг другу взаимные проклятья.

Урбан VI сам писал об этой эпохе: «Жестокий и губительный недуг переживает церковь, потому что ее собственные сыны разрывают ей грудь змеиными зубами». Писать они умели, все были хорошо образованными и не лишенными интеллекта. И вот в этой безнравственной и постыдной для церкви ситуации, как в мутной воде, выплывает Балтазар Косса, возведенный в феврале 1404 года одним из римских пап, Бонифацием IX, в сан кардинала. Препятствий к тому не было – происхождение у него знатное, образование соответствующее. Жизненный опыт, который он приобрел при папском дворе, тоже очень ценен – у него есть связи, контакты. Только где-то там, в туманной дали, маячит его пиратское прошлое. Но ведь при желании его можно счесть за эпизод или клевету врагов!

Косса очень скоро показал свой талант полководца, и папа в 1403 году отправляет его на покорение мятежных областей, которые были под властью пап, но всячески старались отделиться. Болонью, Перуджу и Ассизу было приказано вернуть под строгую длань римского первосвященника.

Дело в том, что с VIII века папы имели в своем владении в самом центре Италии бывшие земли лангобардов, роскошные богатые земли, где процветало виноделие, ювелирное искусство, земледелие – это был царский подарок основателя династии Каролингов, Пипина Короткого. Владения приносили огромный доход, и папы богатели, поднимались, укрепляясь в собственной власти. Земли эти всегда были неспокойны.

И вот Балтазар, посланный покорить строптивые области, блестяще справился со своей задачей. Умел он это делать, учился и тренировался с 13 лет. Приведя их к повиновению, он стал править здесь от имени папы, получив город Болонью в качестве главной своей резиденции. Теперь его судьба на долгие годы будет связана с этим городом.

А дальше – он становится первым кардиналом. Вот уж поистине личность, не лишенная способностей! Он продвигается и продвигается по ступеням власти, вокруг полно интриг, тайных

убийств и заговоров, отравлений, ударов кинжалом… Но он чувствует себя вполне комфортно, не испытывает неудобств, наоборот вполне соответствует этой обстановке, безнравственной и опасной.

Итак Бальтазар на службе у папы Урбана VI. В 1390 году по приказу своего патрона Косса пишет письмо с проклятиями, адресованное сопернику Урбана «антипапе» Клименту VII. Вот отрывок из этого письма: «Правителю мрака, сатане, обитающему в глубине преисподней и окруженному легионом дьяволов, удалось сделать своего наместника на земле, антихриста Климента VII, главой христианства, дать ему советников – кардиналов, созданных по образу и подобию этого дьявола, сынов бахвальства, стяжательства и их сестер – алчности и наглости». Чудовищное было время! Даже искренне верующие люди отворачивались от церкви.

Первый кардинал не отличался высокоморальными качествами – о его прошлом, конечно, шептались всегда, но громко заговорили перед Констанцским собором. Ходили слухи и о том, что он отравил преемника Бонифация IX, Иннокентия VII. На Констанцском соборе ему будут это инкриминировать, хотя доказательств нет.

Но вот, наконец, папой в Риме был избран Григорий XII, который зависел от Балтазара Коссы, боялся его и потому решил сместить его с поста первого кардинала. В ответ Косса взбунтовался, объявил себя правителем тех областей, которые завоевал. Справедливости ради скажу, что сделал он для института папства, как светского образования того времени, очень много. Благодаря его усилиям, ловкости и изворотливости именно Рим признается большинством ведущих и крепнущих национальных государств Западной Европы главным городом пап. Рим, эта великая древняя традиционная база христианства, остается центром и по сей день, а не Авиньон, который долгое время поддерживала французская монархия и отчасти Кастилия.

Будучи первым кардиналом, Косса отличился своим умением выбирать легатов, посланцев римского папы. Он заправлял всеми делами при Александре V, который по существу уже не правил, а вскоре и сменил его на папском престоле.

Но пока он не стал папой, скажу два слова о его личной жизни. В один, далеко не прекрасный момент Косса узнает, что горячо любимая им Яндра изменяет ему. И с кем? С его лучшим другом. Это особенно сильно его задевает. И кроме того, становится известно о ее намерении подослать убийц к его самой верной, надежной женщине – Давероне. Именно она вызволяла когда-то его и Яндру из тюрьмы. Это взбесило Балтазара

настолько, что он убивает Яндру. Было ли так на самом деле – неизвестно. Обвинения Констанцского собора – слишком зыбкая почва. Даже о смерти неаполитанского короля Владислава, которую также связывают с Балтазаром, невозможно говорить с полной уверенностью. Ужасающие многочисленные преступления, в которых обвинили папу Иоанна XXIII, могли быть отчасти придуманы его многочисленными недругами.

Поэтому некоторые сомнения в его виновности у меня есть. И они не на пустом месте. Хочу процитировать несколько пунктов обвинения, предъявленных ему на Констанцском соборе, а всего их было 54. «Занимался продажей церковных постов» – безусловно. А кто не занимался?! Все они продавали посты. «Один и тот же пост продавал нескольким лицам» – вот это уже нехорошо, это уже шулерство, мошенничество. «Смещал людей неугодных» – да, все правильно. «Хотел продать Флоренции останки святого Иоанна за 50 тысяч золотых флоринов». В наше время этот пункт обвинения воспринимается как черная ирония. «Разрешал предавать анафеме своих должников» – тоже дело обычное в церковной среде. А вот дальше пункт 6: «Отрицал загробную жизнь, не верил в воскресение умерших». Для того времени это – большой грех. Но как, оказывается, быстро меняются представления людей! Дальше – про сожительство со своей дочкой, внучкой, матерью, о связях с сотнями замужних женщин. До конца XX века не утихали споры – 200 или 300 монахинь он соблазнил. Это уже смешно! «Был опорой нечестивцев». Ну, несерьезно. «Отрицал добродетель», «был средоточием пороков» – это можно написать в целом про служителей церкви эпохи упадка нравов.

Но с чего вдруг так упали нравы? Такое уже было с Западной церковью в X–XI веках. Потом Крестовые походы словно просеяли мораль, оставив ее более чистой и возвышенной. Но все-таки чем вызван этот упадок? Вопрос не простой. И, очевидно, на него нет однозначного ответа. Я могу высказать лишь свои мысли по этому поводу. То тотальное господство над душами людей, которое церковники себе присвоили, как и всякая абсолютная власть, развращает человека, развращает его душу. Когда все дозволено – это так страшно! А результат всегда один – руины морали.

Ян Гус – это редчайшее исключение для того времени. Как истинный пастырь, он был убежден в том, что может позволить себе не больше, а меньше всех остальных. Таких, как он, как правило, отправляли на костер. Ведь и сегодня инакомыслие не поощряется там, где нет свободы.

Но вернемся к Балтазару Коссе. Как произошло избрание его папой? Легко! Он просто купил голоса семнадцати кардиналов.

Купил, посулив им виллы, земли, виноградники, высокие посты, и, между прочим, выполнил свои обещания. Что же тут особенного? Подкуп не был тогда делом необычным. Непривычным было то обстоятельство, что кроме него были избраны еще двое пап, один в Риме, другой – в Авиньоне. Однако его сметающая все самоуверенность и та харизма, которая вынуждала других ему подчиняться, были ему порукой. Он вышел победителем из этой странной ситуации и стал править католическим миром. Правда, недолго.

Что же случилось? Почему на Констанцском соборе в 1415 году были осуждены два столь не похожих друг на друга человека – Ян Гус и Балтазар Косса? Чрезвычайно интересный вопрос. Я долго размышляла над ним. XIV–XV века – это «мое» время в научно-исследовательском смысле. В ту эпоху сложились основы того, что потом определили как «нация». Возникли такие представления и понятия, как «национальное самосознание», «национальное достоинство», и потому папские теократические притязания на абсолютную власть перестали устраивать и правителей, и главное – церковную паству. Люди не хотели больше чувствовать себя овечками папы. Они ощущают себя народом, народами – французами, англичанами, итальянцами, испанцами.

Вселенский собор в Констанце показал, что есть силы, способные призвать папу к ответу и бороться за чистоту нравов духовенства. Эти силы формировались в монастыре на юге Франции, в местечке Клюни, и потому движение получило название клюнийского. Во главе него стояли искренние люди, готовые к самой отчаянной и трудной борьбе за чистоту нравов служителей церкви. Даже в высших эшелонах католической церкви склонялись к мысли: «Вселенский собор выше лично папы». Эти настроения, а они преобладали, и позволили вытащить на поверхность темную биографию Балтазара, заговорить о ней громко и принять те решения, которые подвели черту под его карьерой. Собор низложил Иоанна XXIII.

Кроме того, Вселенский собор вынудил отречься второго папу Григория XII и отлучил Бенедикта XIII – таким образом избавились от всех трех пап. На папский престол был избран Мартин V Римский, кстати, приятель Балтазара. Так был преодолен великий раскол в католической церкви.

В середине XX века кардинал Ронкалли взял себе имя Иоанна XXIII

Косса бежал. Ему опять помогала его возлюбленная. Просила за него, ходатайствовала и в итоге добилась для него встречи с новым папой и его представителями. Поистине, непотопляемый Балтазар Косса! Ни шторм его не берет, ни тюрьма. Он выкупил себя из тюрьмы за огромную сумму – 38 тысяч золотых флоринов. А дальше – не пожалел средств, чтобы оставить при себе

кардинальскую шапку!

Жить ему оставалось всего четыре года. Косса поселился во Флоренции. К концу жизни он лишился всех своих сокровищ, награбленных в пиратских набегах, сокровищ фантастических. Правда, многие исследователи считают, что это миф, но, на мой-то взгляд, это – чистая правда. А дело было так. Уезжая в Констанц, деньги свои он доверил банку, который создал Джованни Медичи – один из основоположников этого в будущем сказочно богатого семейства. Когда, наконец, Балтазар вернулся, восстановившись в кардинальских правах, и попросил свои деньги обратно, услышал очень остроумный ответ банкира: «Я могу вернуть эти деньги только папе Иоанну XXIII, а его нет». И спорить с этим было невозможно, папы Иоанна больше не существовало. Впоследствии говорили, что именно эта сумма и была основой благополучия семейства Медичи.

Бывший папа Иоанн XXIII умер в 1419 году. Ему устроили пышные похороны. Гениальный скульптор Донателло создал для него роскошную усыпальницу. По заказу кого? Козимо Медичи. Возможно, у него были остатки совести.

Напомню, что Иоанн XXIII – это единственный папа в истории, чей порядковый номер был повторен. И это значит, что человек был вычеркнут, как будто его и не было. В середине XX века кардинал Ронкалли взял себе имя – Иоанн XXIII…

Улугбек. Ученый на троне

Улугбек Мухаммед Тарагай родился в 1394 году, умер в 1449-м, был правителем Мавераннахра, что по-арабски означает «то, что за рекой». Название это со временем стало обозначать не только правый берег Аму-Дарьи, но и в целом междуречье Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи. Он управлял государством, в которое входили такие города, как Самарканд, Бухара, Ходжент, места, культурно отмеченные в истории человечества. Улугбек был известным ученым, величайшим астрономом не только своей эпохи, но на все времена. А еще он математик, географ, литератор, историк – трудно объять круг его интересов. Улугбек-ученый принадлежит эпохе Возрождения – такой же размах, такая же мощь. Сказав эти формальные вещи, можно догадаться, что жизнь его простой не была и быть не могла. И это – любимый внук Тамерлана, величайшего завоевателя, воина и полководца, не знавшего пощады и жалости. У такого деда – такой внук! Природа преподносит неисчислимые и порой необъяснимые загадки.

Владения Тамерлана раскинулись от Волги до Ганга и от Тянь-Шаня до Боспора. У Улугбека свои «завоевания» и владения. Он создатель знаменитой самаркандской школы астрономов и математиков, автор-составитель знаменитого «Зиджа Улугбека», или «Султанского зиджа» (зиджи – особый жанр литературы на Востоке). Его сочинения имели практическое значение, были своего рода практикумами для наблюдений за небесными телами. Улугбек – создатель обсерватории в Самарканде, блестяще оснащенной и самой крупной для своего времени. Он принял мученическую смерть из-за козней своего старшего сына. Тело Улугбека было найдено в середине XX века, в 1941 году, и по черепу восстановлен его облик. В 1994 году широко отмечалось 600-летие этого выдающегося человека.

Памятник Улугбеку в Риге.
Современный вид

Он родился 22 марта 1394 года в городе Султания – Иранский Азербайджан – там тогда стоял военный обоз его деда Тамерлана (Тимура). Это было во время пятилетнего похода Тимура в Иран и Персию. Рождение Улугбека связано со счастливым событием. Надо сказать, что жестокость Тамерлана была его принципом. Это был демон зла, внушающий ужас. Взяв очередной населенный пункт, он в полной уверенности в своей правоте, истреблял все его население. Он любил повторять, что поскольку есть только одно Солнце на небе и только один Бог, то и на Земле должен быть только один правитель. Конечно, он сам. В день рождения Улугбека он захватил крепость Мардин, где началось поголовное истребление жителей. В этот момент к

Тимуру прибыл гонец и сказал, что одна из его невесток – а в обозе он возил с собой довольно много родни – родила мальчика. Рождение младенца мужского пола, сколько бы жен ни было, сколько бы детей они ни рожали, было всегда большим праздником. И по этому случаю Тимур отступил от своего принципа – он приказал не истреблять больше жителей этой крепости. Маленький Улугбек своим рождением спас от смерти многих людей. Интересно, что в дальнейшей его жизни это событие не исчезает бесследно, а коррелируется с некоторыми его поступками и движениями души.

У него был замечательный воспитатель: шейх Ариф Азари – поэт, ученый. Когда мальчику исполнилось три года, дед приказал воспитателю быть с этим ребенком неотступно, очень разумно считая, что воспитанием надо заниматься от трех лет до семи, а потом – уже поздно, время упущено. И воспитатель не скупился в своем стремлении научить, рассказать, приобщить к наукам и образованию жадного до знаний мальчика. Он взращивал его на сказках и мифах средневекового Востока, на этих бездонных и богатейших сокровищах культуры. Сказания Востока – они красочны и изумительны. Чего стоит «1001 ночь»! Ариф Азари старался вырастить в воспитаннике поэта с тонким восприятием прекрасного и душой, отзывающейся на чужие страдания. И во многом ему это удалось. Правда, поэта в мальчике перевешивал астроном, но ведь можно считать и астронома в некотором роде поэтической натурой. Когда Улугбек через 46 лет встретил своего воспитателя, то тотчас же радостно узнал его.

Со временем Улугбек окружит себя выдающимися людьми, приблизит к себе знаменитых астрономов Кази-заде Руми и Масуда Кашани. Это крупнейшие ученые своего времени. И надо признать, что здесь он подражал деду. Тимур, будучи все время в походах, создавая всемирную империю, тем не менее, не забывал следить за двором. По его понятиям, вокруг него должны были концентрироваться интеллектуальные силы, создавая особую атмосферу, которую только и могут создать люди мыслящие – философы, художники, поэты. И они действительно были при его дворе. Правда, добивался он этого довольно варварскими средствами – под угрозой смерти переселял людей заметных, известных к себе, в свою грандиозную империю. Тимур хотел прослыть правителем, который не только сражается и побеждает, но также умеет ценить и понимать материи тонкие, художественные. Он полагал, что культура, собранная, созданная с его помощью, возвысится над целым миром…

Этому Улугбек будет подражать. Правда, методы будут

другие – никакой свирепости и варварства, как у деда. Знаменитых зодчих, поэтов, ученых он окружает вниманием, относится к ним с огромным уважением, воздавая должное их талантам. Но это – в будущем. А сейчас, с самого раннего детства – грозные завоевания, бурлящая вокруг деятельность придворных, холуйствующих, неверных, продажных, не давали возможности уединиться, побыть наедине с собой. Это противоречие между деспотичной, жестокой действительностью и желанием жить внутренней интеллектуальной жизнью, тоже насыщенной и напряженной, неотступно преследовало сначала мальчика, а потом и взрослого человека.

В 1404 году десятилетний Улугбек участвовал в походе двухсоттысячного войска Тимура в Китай. В том же году он вместе с другими внуками грозного завоевателя участвовал в дипломатической церемонии – приеме посланника короля Испании. Дети должны были взять верительные грамоты у посла и передать их деду. С самого детства Тимур стремился развить в мальчиках чувство приобщенности к власти, понимая, что именно им придется в будущем эту власть взять на себя. Сама судьба подбрасывала Улугбеку мысли о мировом господстве и походах, победах и власти.

В том же 1404 году Тимур устроил громадные торжества по случаю победы над турецким султаном Баязидом. Это действительно была грандиозная победа! К этому торжеству были приурочены свадьбы нескольких внуков. В том числе и десятилетнего Улугбека. Все эти события и вместе, и по отдельности вовлекали, толкали в обычную и привычную придворную жизнь детей и внуков владыки большой державы. Это было неизбежно. И потому ранний этап жизни Улугбека протекает преимущественно вблизи двора, а также в военных походах. Но, очевидно, уже тогда внутри него зрело и требовало выхода что-то, абсолютно противоположное тому, что он видел вокруг и в чем сам участвовал. Это было его безграничное любопытство к миру, к его устройству и проявлениям. Возможно, эта особенность Улугбека и привлекала деда. Тимур отдавал ему явное предпочтение. Другие внуки ревновали.

Но у этого необычного мальчика, воспитанием которого талантливый воспитатель начал заниматься с трех лет, были необычайные задатки. Со временем султан Улугбек сумеет в уме вычислять долготу Солнца и производить другие сложнейшие математические действия. Об Улугбеке сохранилось очень много источников. Множество рукописей, связанных с его деятельностью, и прежде всего, его трудов – на персидском и на арабском языках – хранятся в архивах Узбекистана и Турции. Но

самый драгоценный документ – это письмо его ученика Гияса ад-Дина аль-Каши, выдающегося математика и астронома из Самарканда, отправленное своему отцу. В нем Аль-Каши подробно описывает, какое впечатление на него произвел самаркандский двор, личность правителя, его ученые занятия. В неспешных, точных словах рассказывается о жизни Улугбека, его разговорах, поведении. И перед нами предстает человек выдающегося ума и редких способностей. Таких детальных и ярких описаний мы нигде больше не находим, их просто нет. Рукопись этого бесценного письма хранится в одной из мечетей в Иране.

Тимур занят совершенно другими делами: разгромил Орду, совершил поход в Индию, захватив Дели, победил Турцию, разбив войска султана Баязида I, завоевал Хорезм и Хорасан, Иран, Закавказье. И наконец отправился в поход в Китай, во время которого и умер. Интересно, что у Тимура была особая привязанность к Самарканду. Возможно, потому что он был женат на сестре эмира Самарканда Хусейна. И то, что в удел любимому внуку Улугбеку достается именно этот город, думаю, неслучайно. А надо сказать, что дальнейшая судьба Улугбека будет связана с этим местом.

Дед умер в 1405 году. Когда уходит такой грандиозный и мощный правитель, в средневековой истории все рушится – неизбежно возникают распри и жестокая борьба за власть. Колоссальное государство распадается, разваливается, как когда-то держава Александра Македонского после его неожиданной кончины. Сыновья и внуки Тимура дерутся друг против друга, между ними нет ни союзов, хотя бы временных, ни объединений. Победителем выходит отец Улугбека, Шухрух. Шухрух, видимо, был человеком достаточно сильным и значительным, и ему удалось удержать в своих руках значительную часть этого государственного объединения.

Улугбеку было 11 лет, когда умер его дед. Отец отправляет его в Самарканд – удерживать северную границу бывшей империи Тамерлана от кочевников – это была задача очень трудная. Но Улугбек, как ни странно, выполнил ее. Он не снискал себе славы победителя, он вообще никогда не был воином. Единственное, пожалуй, что ему удалось, так это как-то справиться с северными кочевниками. Но даже эти действия, отвлекающие его от научных занятий, были ему в тягость. Такой настрой все больше и больше не нравился современникам, прежде всего, духовенству.

В 30 лет он сосредоточился на научной и просветительной деятельности. Воевать он не умел и не раз был разбит противником, а в 1427 году потерпел очень серьезное поражение.

Тогда его отец, султан Шухрук, запретил ему, правителю Самарканда, лично командовать войсками. Что оставалось? То, о чем он мечтал постоянно и желал бесконечно – занятия наукой и культурой. Думаю, можно совершенно искренне поблагодарить Шухрука за это человеческое решение, иначе судьба науки могла сложиться в дальнейшем совсем по-другому.

Имя Улугбек означает «великий правитель». Правда, в полной мере величие и значительность этого человека проявились в науке, но и в управлении он сказал свое слово. Желая улучшить ситуацию в государстве, он провел денежную реформу. Как считают специалисты, очень полезную. Согласно реформе, был увеличен вес медных монет, они стали более полновесными и потому более привлекательными и ценными для торговли. Была осуществлена централизация чеканки монет – очень важное мероприятие для оживления внутренней торговли и активизации торговли внешней. Известно, что междуречье Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи – место, где пересекались мировые торговые пути. И здесь, на перекрестке этих путей, необходимо было использовать свое выгодное положение с наибольшей пользой, о чем и заботился Улугбек и в чем значительно помогали его научные занятия.

И второе, что он сделал – ввел новый торгово-ремесленный налог. Налог, «тамга», лег серьезным бременем на духовенство, на церковные учреждения и крупных земельных собственников, которые одновременно занимались и торговлей. Если учесть, что и войско было недовольно Улугбеком, – ну а как же? Ни одной победы, ни одной возможности пограбить побежденных! У султана появились чрезвычайно серьезные недоброжелатели. Но главное, что вызывало враждебность, злобность, а возможно, и зависть у людей гражданских – это его независимость, заметное пренебрежение властью и постоянные занятия наукой. Он все больше и больше погружался в ту самую научную и просветительскую жизнь, которая его окружению и, прежде всего церкви, была всегда чужда, а со временем начала казаться опасной.

А Улугбек увлекался этим все больше. Он основал три медресе: в Бухаре, в Самарканде и Гиждуване. Самаркандское медресе – самое великолепное, украшенное майоликой, прекрасно сохранилось. Это был крупный, отлично организованный центр науки и просвещения. В нем до XIX века учились и жили студенты. У каждого была своя небольшая комната, где он чувствовал себя защищенным и мог спокойно предаваться занятиям и раздумьям. Одновременно в медресе учились около 100 студентов, Не так уж мало для «глухого Средневековья». Помимо лекций там проходили диспуты, и в них

часто принимал активное участие сам правитель. Вот он – ученый на троне! Иногда, как пишут источники, Улугбек специально ставил на обсуждение сомнительный или даже неверный тезис, и тех, кто пытался как-то угодить султану, придумывая ответ к абсурдному вопросу, он педагогически наказывал – отправлял на дополнительные занятия. Неординарный был человек, сильно опередивший свое время!

Особенно это видно, когда читаешь его труды. Вернемся к его знаменитейшему сочинению «Зидж Улугбека». Почему астрономия? Почему он сосредоточился именно на ней? Он пишет в предисловии: «Науки вечны, на них не влияют ни смены народов и религий…» Как? Вот это уже ересь! И в глазах представителей духовенства – преступное заявление, ибо религия влияет на все. Этот же человек говорит, что наука вечна, над ней не властно даже время. Важно то, что мы делаем и «что мы оставим, когда уйдем». Звезды непреходящи, они пребывают всегда – наши деяния должны быть подобны звездам, должны остаться в вечности.

Когда мне однажды посчастливилось оказаться на родине Улугбека, я поняла, почему он должен был появиться именно здесь. Звезды в этой части земли сияют, как алмазы на черном бархате. Они настолько яркие и такие близкие, что невозможно не обратить на них внимание. Воздух там другой, более сухой, может быть, поэтому звезды завораживают и притягивают к себе. Их стремишься разглядеть, сосчитать, запомнить расположение. Это поразительный феномен! Они слишком блистательны и прекрасны, чтобы такой человек, как Улугбек, мог пройти мимо них. И он не прошел. Он стал самым крупным астрономом до телескопической эры, а телескоп, как известно, впервые собственными руками сотворил лишь в XVI веке великий Галилей. Но дотелескопическая наука – здесь, и Улугбек – ее абсолютный лидер.

Первая книга после введения называется «Опознание эр». Он описывает различные мировые календарные системы: мусульманский лунный календарь, который назван «Эрой Мухаммеда», греко-сирийский солнечный – «Греческая эра», персидский солнечный календарь, маликшахский, то есть персидский, который реформировал великий Омар Хайям и наконец, китайско-уйгурский. Улугбек формулирует правила перехода из одной системы в другую, отмечает знаменательные дни в разных календарных системах. Вот чем он был озабочен.

Обсерватория Улугбека в Самарканде.
Фото репродукции

В Европе эти материалы были опубликованы лишь в середине XVII века оксфордским ученым Грифсом. И сразу произвели сенсацию. Европейцы довольно долго не знали, что творится в глубинах Азии. И представить себе, конечно, не могли, как далеко

на Востоке ушла вперед астрономия. Построенная Улугбеком обсерватория была грандиозным сооружением. Самый знаменитый прибор, «секстант», остатки которого нашли в 40-х годах XX века, был около 30 метров высоты. И это грандиозное сооружение позволяло ученым-астрономам вести наблюдения над звездами, писать о синусах, тангенсах – примерно о том, что мы сегодня изучаем в школе, – и это пять веков назад! Есть в этом что-то ошеломляющее.

Он оставил после себя не только открытия в астрономии и научные сочинения. Он был рачительный хозяин и много строил. Мосты, медресе, караван-сараи. Это было в традиции Возрождения. В Средние века в Центральной Азии было, по выражению Льва Гумилева, несколько, ярких вспышек пассионарности. В такие периоды время ускоряет свой бег, а жизнь становится ярче и интенсивней, создаются бессмертные произведения искусства, шедевры в архитектуре, делаются научные открытия. Первое Возрождение началось сразу после изгнания арабов в VIII–X веках. Потом временный откат, отступление, упадок. И вот снова шаг к Возрождению. И строительство – знак этого явления. Улугбек строил на века – добротно, не скупясь на дорогие материалы, приглашая талантливых зодчих и художников. Медресе в Самарканде отделано нестареющей майоликой с изображением животных, причудливых растений. Эти яркие сверкающие картины, как музыка, звенят и переливаются. Понятно, что церковь не могла разрешить такие вольности, а он все больше и больше отходил от религии и жил светской жизнью. Он не трогал ислам, относился с подчеркнутым уважением к людям культа, но продолжал делать свое дело.

В 1447 году умирает отец Улугбека Шухрук, и Улугбек оказывается его единственным наследником, выжившим в бесконечных войнах. Но стать правителем ему очень сложно, поскольку сразу объявились другие претенденты. Старший сын Улугбека заявил, что он не намерен отступать, что трон будет принадлежать ему, а дело отца – заниматься наукой. Имя этого человека – Абд ал-Латиф – предано проклятью в памяти человеческой. Был и другой претендент на власть, племянник Улугбека Алла Аддаула.

Они прекрасно знали, что войско настроено не в пользу Улугбека. Ученый на троне солдат мало вдохновляет. Духовенство давно против него затаило раздражение и злобу, и подай только знак, с ним тут же расправятся. Кроме того, общая атмосфера эпохи средневекового общества была такова, что его гуманистические деяния и, в частности, занятия наукой и

просветительством, мало кого воодушевляли, слишком узкий круг образованных людей мог поддержать его в то время. И уж никак его деятельность не вызывала поддержку и сочувствие в народе.

В Европе, благодаря античному наследию, образованных людей было больше, их круг шире. Хотя и здесь, на Востоке, античность после походов Александра Македонского обрела благодатную почву. Имена Птолемея, Эвклида, их труды становились известны. Хочу напомнить, что именно Самарканд, центр той области, которая когда-то называлась Согдиана, сыграл в судьбе похода и жизни Александра заметную роль. На пути в Индию он в Самарканде убил в горячности своего молочного брата, побратима Клита – это оказалось знаковым событием. На обратном пути из Индии снова в районе Самарканда Александр устроил знаменитые десять тысяч браков своих воинов и полководцев с местными восточными женщинами и девушками. Тогда его преследовала глобальная идея вырастить новую расу людей. Между прочим, внешний облик Улугбека, который удалось восстановить советскому скульптору и антропологу Михаилу Герасимову, являет собой пример смешения кровей. Ведь Азия была настоящим котлом, в котором переплавлялись народы. Его лицо не отнесешь ни к европейскому типу, ни к азиатскому.

Однако если вернуться к вопросу о социальной поддержке Улугбека и посмотреть на расстановку сил, то окажется, что против него были все – армия, духовенство, ремесленники, торговые люди, крупные землевладельцы. Этот налог, тамга, который он ввел в начале своего правления, давал хороший доход казне, и позволял Улугбеку строить медресе, улучшать дороги. Но людям трудно заглядывать в будущее, им нужно сытное настоящее, а введение нового налога – лучший способ возбудить недовольство. Улугбек в этом был неосмотрителен, он больше думал о будущем и больше смотрел на звезды, чем в лицо действительности.

Он только два года был великим султаном – с 1447-го по 1449 год. Его преследуют распри и заговоры, ему не на кого опереться. И в конце концов, его правление омрачила прямая, открытая война со старшим сыном Абд ал-Латифом. Два войска сошлись, и войско Улугбека наголову было разбито.

Улугбек сдался сыну и смиренно попросил отпустить его в паломничество, в Мекку. В том, что старый человек покинет страну, уйдет далеко и наверняка уже не вернется, не было никакой угрозы для узурпатора власти. И Абд ал-Латиф дает согласие, но, оказалось, он ведет двойную игру. Над отцом

устраивается церковный суд, на котором обвиняемый не присутствовал. Улугбека обвинили в ереси и отступничестве от Корана, который он, кстати, знал наизусть. Он совершенно свободно цитировал Коран и не подвергал сомнению значимость этой великой книги. Он находил там свое, и в этом-то, очевидно, и была его вина с позиции церковников.

Итак, его обвинили в ереси и вынесли смертный приговор. Но лишить его жизни было поручено не палачам, а некоему Аббасу, который по законам шариата имел право на кровную месть. Отец Аббаса некогда был казнен по приказу Улугбека. Молва говорит о том, что казненный был главой заговорщиков. Всех заговорщиков Улугбек пощадил, а его одного, как непримиримого главаря, по закону того времени предали смерти. И, таким образом, Аббасу было поручено привести приговор в исполнение.

Он догнал свою жертву совсем недалеко от Самарканда. Улугбека схватили, связали и отрубили голову, без всяких слов и церемоний. Но Абд ал-Латиф, старший сын Улугбека, по приказу которого было совершено злодеяние, на этом не успокоился. Он приказал казнить и своего младшего брата, Абд ал-Азиза, который проявлял интерес к наукам и потому был особенно любим отцом.

Узурпатор, злодей и отцеубийца правил недолго, меньше года и был убит заговорщиками. Существует легенда о том, что Абд ал-Латифу приснился сон и во сне ему преподнесли на блюде его собственную голову. Проснувшись в ужасе, он начал гадать по книге стихов Низами, что было принято в то время. И наткнулся на такие строчки: «Отцеубийце не может достаться царство, а если достанется, то не более, чем на шесть месяцев». Он пробыл на троне чуть более этих шести месяцев.

Существует еще одно предание. Оно повествует о том, что любимый ученик Улугбека аль-Каши, узнав о мученической смерти учителя (люди на базаре только об этом и говорили), надел кольчугу, хорошо понимая, что его могут убить, и бросился в знаменитую обсерваторию. Он спешил и боялся, но, превозмогая страх, стал собирать книги и рукописи, чтобы вынести их оттуда. И этому отважному человеку посчастливилось. Наняв каких-то людей, он вытащил, а потом надежно спрятал книжное собрание Улугбека. Не соверши он тогда, почти шесть веков назад, этот героический поступок, как бы мы сегодня узнали о занятиях и достижениях Улугбека?!

Аль-Каши стал одним из первых средневековых эмигрантов. Он боялся султана и поэтому бежал в Турцию, захватив часть архива Улугбека с собой. Аль-Каши был ласково принят при дворе и успел даже побыть советником при турецком султане. Вот

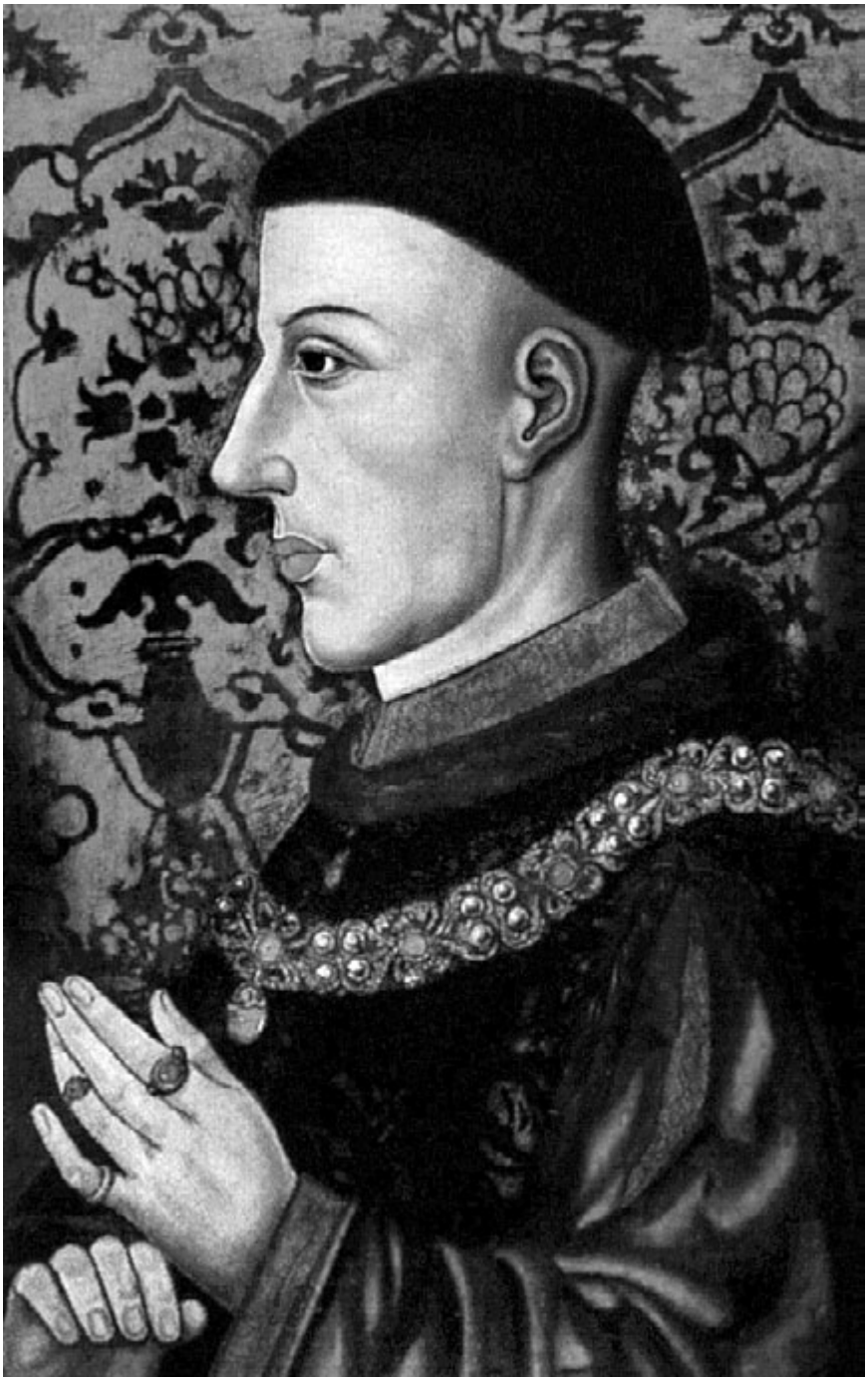
таким образом значительная часть архива была спасена, и имя Улугбека, этого великого звездочета, ярко сверкает среди звезд первой величины на историческом небосводе, потому что, как он говорил, важно лишь то, что ты оставляешь после своего ухода.

Генрих V Победитель. За что его приукрасил Шекспир?

Король в Средневековье – личность, почти равная Богу. Правда, не всякий король оставляет след в истории, но каждый стремится к этому. С этой целью ко двору приглашались хронисты, которые составляли жизнеописания королей, запечатлевали буквально каждый их шаг и таким образом служили истории – историки обожают жизнеописания, тщательно изучают их и каждый раз по-иному прочитывают. Поэтому с философской точки зрения, исторический источник бездонен, ибо его глубина и познавательная сила зависят от вопросов, которые мы ему задаем. Одна эпоха спрашивает об одном, другая – совершенно о другом. Как правило, каждое время ищет в личностях прошлого какие-то аналогии, ассоциации, ответы на волнующие сегодня вопросы. Для Шекспира, например, его Генрих V – это прежде всего носитель национальной идеи.

Похож ли реальный король на героя шекспировской драмы? Можно ли сказать, что Шекспир пренебрег документами эпохи и создал своего Генриха V? Англия в XVI веке при королеве Елизавете выдвигается на мировые рубежи, становится владычицей морей. Такого положения у нее прежде не было, и, значит, поиск национальной идеи вовсе не выдумка Шекспира.

Шекспир конечно же не игнорировал источники. Он использовал хронику Холиншеда, ряд других анонимных хроник. Эти документы, созданные современниками Генриха V, передают то состояние, которое охватило англичан после победы над французами при Азенкуре в 1415 году. После возобновления Столетней войны и долгой череды неудач в 70—80-е годы XIV века это была первая победа английского оружия. Гром победных фанфар стал самой желанной музыкой для англичан. Можно представить себе, кем становится Генрих V в глазах своих соотечественников. Хочу напомнить несколько строчек из Шекспира: «Когда бы Генрих принял образ Марса! Кто, битву пережив, увидит старость, тот каждый год, в канун собрав друзей, им скажет: “Завтра праздник Криспина!” Рукав засучит и покажет шрамы: “Я получил их в Криспинов день!”». А день святого Криспина – это день битвы при Азенкуре. И далее Генрих говорит: «Для нас война суровая работа. В грязи одежда, позолота стерлась. От переходов тяжких и дождей, на шлемах нет ни одного пера – залог того, что мы не улетим…»



Генрих V Английский.
XV в. Фото репродукции

Итак, кто такой Генрих, в юности – принц Гарри? Что сегодня мы можем добавить к его безусловно идеализированному

портрету, созданному Шекспиром? По происхождению он – принц. Его отец Генрих Болингброк был старшим сыном Джона Гонта, герцога Ланкастерского, четвертого сына знаменитого английского короля Эдуарда III, начавшего Столетнюю войну. Сын четвертого сына короля – конечно же королевский внук, принц, но у него практически нет шансов на корону. Мать – Мария де Боэн из рода графов Херефорда, Эссекса и Нертгэмптона – родила своего первенца, будущего короля Генриха V, когда ей было семнадцать лет. В двадцать четыре года она скончалась при очередных родах, имея уже шестерых детей. Так что воспоминания о матери у него были смутными. О его детстве и образовании мы практически ничего не знаем – по-видимому, он жил так же, как все юноши его круга: охота, военное искусство, парады, рыцарские турниры заполняли все его время. Поворотным в его судьбе стал 1399 год, когда его отец стал английским королем Генрихом IV.

Шекспир молчит о том, что Генрих IV взошел на престол в результате государственного переворота. Двор и парламент провозгласили его королем Англии взамен свергнутого и насильственно доведенного до отречения Ричарда II. Вскоре Ричард, нелюбимый, непопулярный (при нем были неудачи в войне с Францией, и он прекратил ее), был убит. Итак, страной начал управлять Генрих IV Болингброк из дома Ланкастеров, а его сын становится наследником престола.

Напомню, что Ланкастеры (их эмблемой была Алая Роза) являлись потомками четвертого сына знаменитого короля Эдуарда III. Они-то и узурпировали власть в результате переворота, ущемив права потомков третьего сына Эдуарда III – Лайонелла и его сыновей. Конечно, в глазах большей части общества Ланкастеры и вместе с ними Генрих V – узурпаторы. Мне кажется, в его жизни это обстоятельство имело огромное значение, он все время жил с ощущением страха, наконец, просто не был уверен в своем будущем.

Что нужно тем, кто не очень уверен в своей власти? Маленькая победоносная война. Таков закон истории человечества, он верен и сегодня. И потому перед битвой при Азенкуре Генрих произнес воодушевляющую речь, а в сражении проявил удивительную личную храбрость. Он хотел стать героем, чтобы все забыли о незаконности его прав на корону. И потому возобновляет войну, которую никто не называл тогда Столетней (кстати, она длилась больше ста лет). Возобновляет, чтобы упрочить династию, доказать собственную легитимность и, конечно, присоединить новые территории. Заметим, что ему всего двадцать пять лет. Он, кажется, знает способ, как добиться

желаемого. «Я обещаю вам поместья», – посулил он англичанам и в том был для них интерес – экономический и политический. И он выполнил свое обещание. После победы при Азенкуре Нормандия была оккупирована англичанами на двадцать пять лет.

Среди монархов он, пожалуй, первый, кто нарушил рыцарские правила. Надо вспомнить, что это была переходная эпоха, приближалось Новое время. Рыцарство тогда было не в большой чести, хотя во Франции в середине XIV века правил Иоанн II Добрый, который создал рыцарский орден Звезды и верил, что спасет страну только рыцарство. В Англии тоже верили в идеалы Круглого стола и короля Артура. А Генрих совершил невиданный поступок. Какой же?

Во время сражения при Азенкуре, как пишут очевидцы, случилась вылазка французских разбойников. Они напали на английский обоз и ограбили его. Это осложнило ход битвы, и Генрих был вынужден принять опасное решение: убить пленных и сдавшихся французских рыцарей. Чтобы представить себе, насколько чудовищным был этот поступок, скажу, что у рыцаря даже не отбирали оружие, если он поднимал руку и говорил, что сдается. Рыцарского слова было достаточно

Что же это были за разбойники? В «Хронике первых четырех Валуа» (анонимная французская хроника, написанная, видимо, горожанином) нахожу потрясающие подробности: «разбойники» ограбили обоз, залезли на колокольню, стали бить в набат и распевать «Тебя, Господи, хвалим». Но главное – они кричали во все горло, что английский король убит, а это уже чистая, как мы сегодня сказали бы, дезинформация. Из источника становится понятно, эти так называемые разбойники и грабители были, по сути, французскими партизанами. Французы воодушевились, момент был переломным. Тогда-то он и отдал этот страшный, нерыцарский приказ. В результате была завоевана победа при Азенкуре. Генрих V – победитель, захватил северную Францию, взял Париж и объявил себя наследником французской короны. И не просто объявил, а добился в 1420 году подписания договора в городе Труа. Для Франции это был тяжелейший договор, согласно которому и происходило объединение корон.

Во Франции правит Карл VI – душевнобольной человек, он старше Генриха на 20 лет. Средняя продолжительность жизни в Средние века была не так велика, всего около 40 лет, и было совершенно ясно, что после скорой смерти Карла Генрих V станет королем и Англии, и Франции. Имея в виду эти приятные перспективы, он женится на дочери Карла VI – прекрасной Екатерине. Шекспир вдохновенно рассказывает нам историю их любви, их романтических взаимоотношений. Это не более чем

художественный вымысел. Все началось с обычного сватовства, а закончилось королевской свадьбой. Но он женится на красивейшей принцессе! В те времена в Европе точно знали, при каком дворе находилась первая красавица. В тот момент это была Екатерина.

Брак состоялся, пошли дети, а с ними – и многие несчастья английского двора. Екатерина была психически здорова, а вот ее детей, внуков душевнобольного Карла, поражали душевные болезни. Это обстоятельство тяжело сказалось во второй половине XV века во время войны Роз, потому что последний Ланкастер, Генрих VI, сын Генриха и Екатерины, был как раз душевнобольным.

Казалось бы, Генрих V – счастливый завоеватель. Но в жизни, как видим, все сложнее. Не так просто сдавалась Франция. Даже самые маленькие крепости оказывали сильное сопротивление. Французы говорили, что не хотят (хроники так и пишут: «не хотим») становиться англичанами. Почему? Но ведь и по сей день этническая самоидентичность – животрепещущий вопрос. А тут она только возникала, только-только появлялось чувство единой общности, и принадлежность к ней была очень важна, являлась гарантом безопасности. Англичане – отдельно, французы – отдельно, а когда-то их королевские дворы были очень сильно переплетены.

Генрих выходит из себя из-за того, что французы сопротивляются, он окончательно теряет рыцарский облик. Маленький городишко Мой не сдается, стоит насмерть. Комендант там – гасконец-рыцарь. Гасконцев и французы-то не жаловали, тем более англичане: безобразники, хулиганы, говорили про них. Генрих, уже официальный наследник французской короны, привез к стенам городка безумного Карла VI, и тот просил защитников города подчиниться их законному правителю, его «возлюбленному сыну» (по договору в Труа, Генрих именовался сыном Карла). А гасконец не сдается. Когда все-таки пала эта крепость, Генрих приказал заковать коменданта в железную клетку (это рыцаря-то!) и возить для назидания по городам северной Франции.

Таким образом, идеализация Генриха – это работа потомков, в реальной жизни все смешано – светлое и темное, доброе и злое, героизм и жестокость, любовь и коварство.

Не для того чтобы оправдывать Генриха, а правды ради скажу, что в реальной жизни нарушения рыцарских установлений начались давно. Времена Роланда прошли. Рыцарские идеалы переживают кризис, но они тем не менее никем не отменены, и потому для недругов и недоброжелателей английского короля

история с комендантом-гасконцем – прекрасный повод бросить в него камень, осудить, создать враждебное общественное мнение.

При французском дворе говорили о жестокости англичан, о том, что их правители чуть ли не монстры. Это звучит даже в официальной французской хронике. Конечно же мнение предвзятое, но распространенное. «Никогда не будем отдавать наших принцесс замуж в Англию», – так говорили французы и до Генриха V. При нем эти настроения вспыхивают с новой силой – англичане «жестоки, как звери». А в самом конце Столетней войны появляется такая молва: англичане – не люди, под одеждой они прячут хвосты. Об этом пишет хронист Жуанвиль.

И все-таки поначалу Генрих чувствовал себя окрыленным. Ведь совсем скоро умрет безумец Карл VI, и он объединит две короны. Почти трехсотлетний спор – будут эти земли вместе или нет – почти окончен. Теперь, и Генрих в этом уверен, это вопрос самого ближайшего времени. И он совершил этот подвиг во имя родины.

А что же родина? В Англии зреет почва для будущей войны Роз, которая разразится в 1455 году и продлится 30 лет до 1485 года. Это была война кланов английской знати – Йорков и Ланкастеров. Но откуда взялись недовольные? Победитель щедро раздает земли, пришел желанный реванш – Франция покорена, скоро она станет частью Англии. Не об этом ли мечтали их предки?

Въезд Генриха V в Париж. Миниатюра.
1421 г. Фото репродукции

И действительно поначалу страна ликовала: повсюду проходят пышные шествия, молебны. Но потом наступают будни. Покорение Севера идет очень тяжело, Франция яростно сопротивляется. Что и говорить – будни всегда разочаровывают. Например, монастырь Мон Сен-Мишель, расположенный у самых берегов Нормандии, не сдавался 25 лет. Небольшой гарнизон, всего несколько десятков человек, зная, что Нормандия оккупирована, жил и сопротивлялся, не признавая договор в Труа, отказываясь присягать королю Генриху и после смерти Карла VI. Таких случаев было немало, и это мучило Генриха V. Огромная часть Франции была не в его руках. На Юго-Западе засел сын безумного Карла VI, будущий дофин Жанны д'Арк и победитель в Столетней войне. Этот человек войдет в историю как Карл VII Победитель.

Договором в Труа он был обойден, его права забыты. При дворах пустили слух, что он не родной сын безумца, что его мать Изабелла Баварская была беспутной женщиной. Он выглядел жалким и никогда не надеялся стать королем. А потом случилось непредвиденное – умер молодой Генрих V. Внезапно, вдруг. Это случилось в 1422 году.

Как такое могло произойти? Войско осаждало очередную крепость, двигаясь к юго-западу. Стояла дикая жара, характерная для южной Франции, начались желудочные заболевания. Предположительно, он умер от какой-то эпидемии. Эпидемии в войсках были частым явлением в те времена. Но с таким же успехом он мог быть и отравлен. Только кто, какие силы – Франции или Англии – привели в движение адскую машину? Вопрос остается без ответа.

Весть о его смерти прогремела подобно разорвавшейся бомбе. Никто – ни друзья ни враги не ждали ее. С его уходом развалился договор в Труа, подразумевавший, что со смертью безумного короля Франции молодой и сильный Генрих V, женатый на французской принцессе, красавице Екатерине, продолжит управление объединенным королевством. И вдруг ни того, ни другого не стало. И вот тут оживился дофин. Надо было быстро решать вопрос с престолом. Ланкастеры хотят сохранить власть всеми силами и какое-то время ее удерживают. У Генриха остался малолетний сын. Его короновали, но это означало отсутствие какой бы то ни было власти. В младенческие годы Генрих VI не знал, чем правит, а когда вырос – это была уже трагедия, он то пребывал в сознании, то полностью его терял, пока не был убит в Тауэре. Таково было потомство Генриха V и красавицы Екатерины.

Имя Генриха поднимают на щит, потому что XV век – это исток национального самоопределения и для французов, и для англичан, и для немцев. Это столетие показательно, не зря оно считается рубежом Средневековья и начала Нового времени. Такой король, как Генрих V, в своих целеполаганиях, устремлениях, в своем поведении уже отчасти человек новой эпохи, ибо он попирает рыцарские идеалы и совершенно не мучается по этому поводу. Шекспир рисует его рыцарем, но он и жестокий завоеватель. Если в первой половине Столетней войны Эдуард III и его сын Эдуард Черный принц действовали по-средневековому, устраивая грабительские рейды по захваченной территории, то Генрих V отнесся к завоеванию Франции по-другому. Он начал методично захватывать крепости и гарнизоны. Французские современные авторы пишут, что это была попытка систематической оккупации Франции, которая вызвала в ответ общенародное сопротивление, окрашенное в национальные тона. В каком-то смысле, точнее – в идеологическом, Генрих V породил Жанну д'Арк. Тактика реального превращения Франции в территориальное образование при английской, формально англо-французской короне, вызывает сопротивление потому, что в это время в Европе складываются нации, оформляется национальная идея. Английский язык наконец становится главным в Англии. Здесь говорили по-французски со времен норманнского завоевания XI века, когда французский герцог Вильгельм покорил разрозненные англосаксонские королевства и объединил их.

Генрих V живет совсем в другое время. Французы не хотят покоряться Англии и стойко сопротивляются. Через 7 лет после смерти Генриха V появится Жанна д'Арк.

А дофину Карлу, будущему Карлу VII, даже во сне не может присниться, что он будет коронован в Реймсе по воле крестьянской девушки Жанны д'Арк, что она будет стоять рядом в своих белых доспехах, держать белое знамя, олицетворяя собой образ Франции.

Хлодвиг. Основатель королевства франков

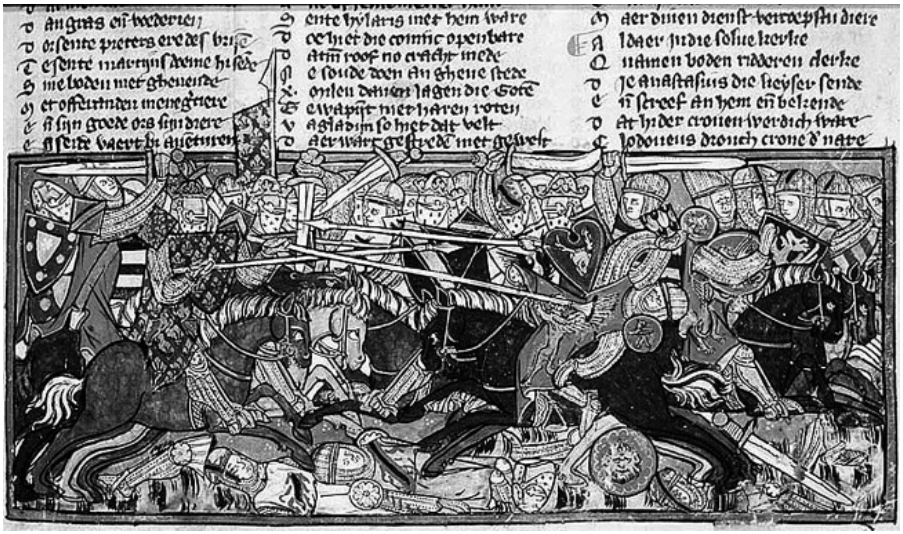
Имя Хлодвига упоминается в школьных учебниках истории. Но знают о нем очень мало.

Тем, кого интересует эта фигура эпохи раннего Средневековья, есть что почитать на русском языке. Прежде всего, было несколько изданий «Истории франков», написанной Григорием Турским, младшим современником Хлодвига. Еще одна публикация источника с хорошими комментариями – «Хроники длинноволосых королей» (так называется книга, вышедшая в серии «Азбука средневековья», Санкт-Петербург, 2006 год). Там масса ярких подробностей из жизни Хлодвига. Кроме того, «Рассказы из времен Меровингов» французского историка Огюстена Тьерри. Научные труды: «Средневековая цивилизация Западной Европы» Жака Ле Гоффа и «Королевство франков VI–IX веков» Стефана Лебека.

Хлодвиг – племенной вождь, а затем правитель, живший в V – начале VI века, в эпоху великой трагедии – распада Западной Римской империи. Он вождь франков, одного из германских племен, того, что дало название Франции.

Правил он немыслимо долго для своего времени – 30 лет. Основал первую династию предшественников французских королей – Меровингов. Они вошли в историю под двумя забавными прозвищами – «ленивые короли» и «длинноволосые короли».

Родился Хлодвиг предположительно в 466 году. Через 10 лет после его рождения, в 476-м, произошло событие, которое позже условились считать границей эпох, – переворот в Риме. Был свергнут последний римский император, который, по иронии судьбы, носил имя одного из основателей Рима – Ромул. Символы императорской власти были отправлены в Константинополь, столицу восточной части Римской империи. Во времена Хлодвига Великая Римская империя теоретически существовала, но это была уже ее восточная часть, будущая Византия.



Битва Хлодвига с вестготами.
Миниатюра XIV в.

Франки сложили о себе предание, согласно которому они вели свое происхождение от царя Трои Приама (а это XIII век до н. э.!). После падения Трои оставшиеся в живых троянцы разделились. Эней повел людей в область Лациум в Италии, будущий Рим; другая часть пошла в Македонию; третья с вождем Торквотом – в Азию (это будущие турки). А отряд во главе с Франком двинулся к берегам Рейна.

Что касается реальных сведений о франках, то они появляются на исторической арене со II века до н. э. Это племя периодически совершает набеги на северную часть Римской империи, в районе реки Рейн. Известно, что франки принимали участие в знаменитой битве 451 года на Каталаунских полях, когда римляне в союзе с германцами встали на защиту своей территории против страшных, неистребимых, непобедимых гуннов. И близ города Тура одержали победу.

Франки жили при позднем родоплеменном строе. Современные археологи и этнографы изучают их капища – священные места, где помещались изображения богов и другие символы. Находят там и черепа людей, что, возможно, говорит о человеческих жертвоприношениях.

Это были варвары, которые скакали на неоседланных лошадях и блестяще владели фрамеями – своим коронным оружием, которое представляет собой заостренное древко, не очень большое, но и не очень маленькое. Прообраз копья. Была у них на вооружении и секира.

Германцы не возводили военных лагерей, крепостей, как

римляне. Их воины шли в бой, а за войском двигались обозы с женщинами и детьми. Почему у германцев отступление было невозможно? Им некуда было отступать. За их спинами женщины и дети. Поэтому они должны или погибнуть, или победить.

Франки носили одежду из шкур, что потрясало римлян. Эпоха торжества варваров была в глазах римлян истинным концом света. В общем, это правильно – пришел конец Великой всемирной империи.

Отец Хлодвига – вождь франков Хильдерик, из рода Меровеев. Дед, Меровей, по-видимому, возглавлял войско франков в битве на Каталаунских полях. О нем сохранилась легенда, будто он родился от союза морского чудовища с земной женщиной. Мифологический шлейф обязательно появляется, когда племенная власть готова перерасти во власть монархическую. Тогда один из вождей хочет показать, что он не такой, как все остальные, и потому имеет право занимать особое положение.

Мать – Базина Тюрингская – была женой племенного вождя и бежала от мужа к Хильдерику. После важных предзнаменований, описанных в хрониках, она родила Хлодвига. Нельзя не удивиться тому, что хроники все-таки ведутся и в это страшное время, когда происходит крушение цивилизации. Некоторые книжники все же уцелели. В хронике римлянина Исидора Севильского, «Истории франков» епископа Григория Турского VI века, «Хронике Фредегара» середины VII века, хронике Павла Диакона VIII века рассказывается о Хлодвиге.

В 481 году, в возрасте четырнадцати лет, он начал после смерти отца править частью салических (то есть «приморских») франков, тех, что жили на побережьях северных морей. (Еще были рипуарские франки, селившиеся по берегам Рейна [ripus— лат. Река].)

Пять лет ему пришлось драться за объединение двух народов и завоевывать римскую Галлию – северо-восток будущей Франции. Там правил римский наместник Сиагрий.

Управляемая им провинция была окружена со всех сторон франками, готами, бургундами. А в самой римской Галлии сохранялся островок рухнувшей империи, так как Сиагрий не подчинился власти Одоакра, свергнувшего последнего римского императора.

Хлодвиг в союзе со своим родственником королем Рагнахаром разбил Сиагрия, и тот бежал к готскому королю Алариху II, просил у него убежища. Однако Аларих из страха перед Хлодвигом выдал связанного Сиагрия послам. Продержав пленника некоторое время под стражей, Хлодвиг повелел

заколоть его мечом. Король франков был прост и жесток.

Франки признали Хлодвига своим единственным вождем, совершив незамысловатый ритуал: просто подняли его на руках над собой.

Галлия V века – это смешение этносов и культур. Германцы пришли туда, где проживали галлоримляне, исповедовавшие христианство. Ведь христианская религия была в позднем Риме официальной.

Хлодвиг принял христианство в его ортодоксальной версии. Но его путь к этой религии не был прямым.

В процессе завоевания Галлии франки захватывали города и грабили церкви. Они были язычниками и не боялись чужого и непонятного бога. Один эпизод из жизни Хлодвига особенно красочно передан Григорием Турским. Франки устроили разграбление города Суассона. В храме среди реликвий была некая драгоценная чаша, дорогая местному епископу и как предмет культа, и как произведение искусства.

Хлодвиг – это дикарь, одетый в шкуру, косматый, потому что у Меровингов семейная традиция – никогда не стричь волосы. Считается, что если они остригут волосы, то потеряют свою силу. И вот этот лохматый, полудикий язычник почему-то решает прислушаться к просьбе епископа. Так подсказывает чутье. Хлодвиг дает обещание, что получит эту чашу и вернет ее в церковь Суассона.

Раздел награбленного у франков совершался по жребию. Но на сей раз было сказано, что вождь дополнительно к своей доле хочет и эту чашу. И нашелся поборник демократии, который не почувствовал, что времена меняются, и возмутился: «Почему это так? Пусть получит как все! Только по жребию!» А чашу уже отложили, чтобы отдать вождю. Этот воин схватил свою секиру и ударил по чаше. Расколол он ее или только повредил, мы не знаем. Но удар секирой был.

Хлодвиг все-таки получил чашу и вернул епископу, хоть и в поврежденном виде.

Воин не понес никакого наказания. Военная демократия была еще жива. Но, как пишут источники, вождь затаил обиду в сердце. И все поняли силу этой обиды ровно через год, когда Хлодвиг устроил традиционный смотр своего войска. Все должны были с оружием построиться на большом поле. Хлодвиг прошел вдоль рядов. Он узнал того воина, схватил его секиру, сказал, что она в беспорядке, не начищена и бросил на землю. Когда воин нагнулся за оружием, Хлодвиг своей секирой то ли рассек ему голову, то ли отсек ее, со словами: «Так ты поступил с суассонской чашей». После этого все замерли и, как пишут авторы хроник, старались

никогда больше ему не перечить. И были правы, потому что скоро выяснилось, насколько свиреп его нрав.

Тем удивительнее, что такой человек пришел к христианству.

К 496 году Хлодвиг стал уже сильным, признанным властителем.

Он был женат. Его жена, которую звали Хродехильда из дома Бургундов, была христианкой. Она уговаривала мужа принять христианство, а он отказывался и говорил, что ее бог никак не явил своих сил. Хлодвиг был уверен, что его языческие боги, прежде всего Один, хранят франков.

Когда родился первенец, Хродехильда, конечно же, решила крестить его. Хлодвиг не возражал. Этот варвар занял позицию наблюдателя. Жена понесла крестить этого мальчика, наследника. И он умер прямо в крестильных одеждах. Казалось бы, теперь Хлодвиг должен был окончательно отказаться от мысли креститься самому. Но Хродехильда проявила истинно христианское смирение, сказав: «Благодарю своего Господа за то, что он призвал это маленькое существо в свое счастливое царство».

Она родила второго ребенка – Хлодомера. Снова крестила. Он начал болеть. Хлодвиг сказал: «Ты видишь, что творит твой бог!» Но мальчик выжил.

И тогда Хлодвиг решил испытать этого христианского бога. Он заявил: «Я иду в поход против алеманнов. Они воинственны, опасны. Поход тяжелый. Если твой бог дарует мне победу, я в него уверую».

Все получилось удивительно. Алеманны при виде франкского войска просто побежали, а их вождь погиб в бою. В те времена это значило, что войско сдается. Хлодвиг свой обет решил выполнить и заявил епископу, что готов принять христианство.

Его крестили. Вместе с ним крестилось его войско. После крещения епископ прочел проповедь о страстях Христовых. Хлодвиг заявил: «Если бы я там был вместе с франками, мы бы освободили его от несправедливости». Епископ сказал: «Что ж, ты настоящий христианин».

Лоуренс Альма-Тадема. Воспитание детей Хлодвига. XIX в.

После этого поход против готов проходит уже под христианскими лозунгами. Готы, как и другие германские племена, тоже приняли христианство, но не в ортодоксальной версии, как Хлодвиг, а в форме одной из его «боковых ветвей» – арианства. Эта версия христианской веры и организации церкви была названа по имени священника Ария. Она отличалась большей простотой и доступностью. Однако ортодоксальная церковь признала ее ересью. Это позволило весьма сообразительному вчерашнему дикарю Хлодвигу объявить свой завоевательный поход против готов «борьбой с еретиками-арианами». Хронисты отмечают чудеса, помогавшие Хлодвигу: огромный олень показал, где перейти разлившуюся реку, над шатром короля близ Пуатье появился большой огненный шар.

Поход удачный и очень важный. Хлодвиг захватил Бордо, Тулузу, сокровища великого вестготского вождя Алариха. Эта победа, более значительная, чем все прежние, убедила его в силе христианского бога.

Хлодвиг устроил торжества в городе Туре, оформив их в римско-христианских традициях. Он получил грамоту Византийского императора Анастасия, который объявил его консулом. Подобно римскому императору, Хлодвиг облачился в пурпурную тунику и тогу, с диадемой на голове проехал по городу, разбрасывая золотые и серебряные монеты на радость

толпе. Все смешалось в эту эпоху, называемую эпохой Великого переселения народов.

Столицей Хлодвиг сделал город Париж. Это было место укрепленное и относительно безопасное, островное, окруженное болотами, речками. А ведь в те времена каждый правитель должен был постоянно думать об обороне. И вот Хлодвиг избрал Париж, который не все время потом был столицей, долго оставаясь резиденцией графов, но в конце концов, в X веке, сделался главным городом Франции – чутье, которое было так развито у этого человека, при всей его косматости и неотесанности не подвело его.

Безусловно, Хлодвиг тянулся к цивилизации, и это касалось отнюдь не внешнего вида. Именно при нем около 500 года происходит первая запись обычного права – тех законов, которые до этого были обычаями, хранились устной традицией. Записывается знаменитая «Салическая правда». Подобные «правды» постепенно появились у многих германских племен: «Алеманнская правда», «Бургундская правда», «Вестготская правда» и другие. Но «Салическая» – из самых ранних.

Сам же Хлодвиг оставался, по существу, варваром. Хотя формально у него была только одна жена, известно, что все Меровинги совершенно спокойно смотрели на многоженство. Епископы не могли их уговорить, что жену положено иметь одну. И после Хлодвига тоже. И Карл Великий, уже из следующей династии Каролингов, тоже смотрел на это совершенно спокойно.

В числе заметных качеств Хлодвига – беспощадность к врагам… и родственникам. В хронике говорится: «Он мудро утверждал, что никто из его родни не должен остаться в живых, за исключением того семени, которое ныне правит». То есть он счел необходимым истребить родственников только потому, что они могут помешать дальнейшему правлению его сыновей. И это для него дело очень простое. Он действительно воевал против родственников и уничтожил их всех, кого-то даже лично, просто потому, что это родственники.

Людей, которые помогли ему истребить родню, он подкупил запястьями и перевязями из золота. А потом обнаружилось, что это не золотые вещи – они только позолочены, а внутри медь. Получатели взятки возмутились. Хлодвиг же ответил: и так много для предателей, не надо было предавать своего господина!

В Кельне, у рипуарских франков, правил некий Зигиберт. Хлодвиг указал его сыну, Хлодерику, на старость и слабость отца. Обещал обеспечить сыну власть после его смерти. Хлодерик понял намек и убил отца. После этого наемники убили Хлодерика – и Хлодвиг захватил его «королевство».

И этот полудикий человек варварской эпохи обладал, тем не менее, чем-то вроде политического чутья, тем, что много веков спустя назовут умением лепить свой образ. Да и то, что потом назовут цинизмом и коварством, было его повседневной практикой.

Хлодвиг принимает крещение.

Изображение из Жития святого Дионисия. XIII в.

Умер Хлодвиг в Париже, предварительно разделив королевство между четырьмя сыновьями. Похоронен был в соборе, построенном по его же приказу.

Конец правления Меровингов был очень печальным. В то время большая часть земель Галлии была покорена, за исключением Прованса, Септимании и королевства бургундов. Три сына Хлодвига: Хлодомер, Хильдеберт и Хлотарь – в соответствии с франкской традицией получили более или менее равные части. Хлодомер унаследовал территорию бассейна Луары, Хильдеберт – земли, впоследствии получившие название Нормандии. Младший сын Хлотарь – северные земли салических франков: от прирейнской низменности до Суассона (в том числе город Турне). Четвертая же, северо-восточная часть, между

Рейном и Луарой, самая большая, включавшая около трети территории Галлии (две римские провинции Германии, Первая Бельгия и юго-восточная часть Второй Бельгии, а также земли по среднему течению Рейна), досталась Теодориху, старшему сыну Хлодвига, который был рожден от брака короля с язычницей.

Новые короли относились к этим землям как к собственным поместьям: бесконечно делили землю, объединялись и снова начинали все делить. В итоге они растеряли свой личный земельный фонд. Меровингов стали называть «ленивыми королями», а точнее было бы перевести их прозвище словом «безвластные». Они утратили реальную возможность управлять, и власть захватили те, кто назывался управителями дворца – майордомы. В середине VIII века, в 751 году, они сменят Меровингов на престоле будущей Франции. По имени их самого яркого представителя бывшие майордомы будут называться Каролингами.

Времена Меровингов, которых так ярко представляет фигура Хлодвига, – это, можно сказать, предыстория, пролог к будущей подлинной истории Франции.

Карл Великий. Был ли он великим?

Император Карл остался в веках с прозвищем Великий. Случайностью это быть не может. Никогда в истории то или иное прозвище не доставалось тому, кто не был его достоин.

Первый император в Западной Европе со времен Древнего Рима. Коронован примерно 1200 лет назад. Создал огромные территориальные объединения в границах бывшей Западной Римской империи, за которые отчаянно воевал.

Завоеватель— и одновременно реформатор. Постоянно находясь в походах, проводил реформы, которые имели значение для истории.

То, что началось при его правлении в духовной жизни, называют «каролингским возрождением». Это сочетание слов обычно берут в кавычки – и напрасно. Это было именно возрождение античного просвещения.

Чего стоит одна только реформа письменности! Стали писать по-другому, так, что гораздо доступнее сделались рукописи. До этого их могли читать только избранные.

И наконец, Карл Великий— герой «Песни о Роланде». Не каждый политический деятель вошел в героический эпос.

Во всяком случае, то небрежение, которое проявлялось по отношению к фигуре Карла Великого в советское время, абсолютно несправедливо. О нем писали с каким-то странным презрительным оттенком: «Лоскутная империя, которую он создал, распалась вскоре после смерти создателя». Как будто ее распад должен нас раздражать или возмущать.

Вместо этого надо спокойно и внимательно посмотреть на жизнь и дела этого великого человека.

Карл родился, видимо, в 742 году, точная дата неизвестна. Отец— Пипин по прозвищу Короткий, майордом (главный министр) Хильдерика III, последнего из династии Меровингов правителя Королевства франков. Таких германских, варварских королевств немало образовалось на территории Западной Европы после распада великой Римской империи. Говоря об их правителях, мы употребляем слова «король», «королева», так именуются они в древних текстах, но надо помнить, что это вчерашние племенные вожди, это еще довольно диковатый, варварский мир.

Видимо, мальчик был назван в честь деда – Карла Мартелла (Мартелл означает «молот»). Дело в том, что имя Карл вообще не пользовалось популярностью у Пипинидов. Но в данном случае было сделано исключение: родной дед Карла – герой,

остановивший движение арабов с Пиренейского полуострова в Западную Европу. В 732 году объединенное германское войско – основу его составляли франки, но участвовали и бургунды, и алеманны, и другие – под его командованием разбило арабов при Пуатье (в центре современной Франции). Если бы это сражение не было выиграно, возможно, карта Европы и ее этнический облик были бы иными. Карл стремился, наверное, подражать великому деду, быть могучим «молотом» для врагов.

В 751 году Пипин, заручившись поддержкой Папы Римского Захария, узурпировал власть, отправив прежнего короля в монастырь. Папа одобрил это деяние, зная, что получит в благодарность подарок – папское государство. Каких только не бывает подарков! В данном случае – кусок земли в центре Италии.

Мать будущего Карла Великого – королева Бертрада, властная, энергичная, участвовала в политической жизни, побывала с визитами в Баварии у герцога Тасселона, в Северной Италии у короля лангобардов Дезидерия. Она преодолела немалые расстояния – при тогдашних коммуникациях! У нее была идея заключать союзы с соседними королями, чтобы франки не воевали, а действовали с ними заодно. Эта идея полностью провалилась. Сын Бертрады Карл доказал, что сплотить народы в то время можно было только силой.

Королева привезла Карлу из Италии невесту, младшую дочь короля Дезидерия Дезидериаду. Двадцативосьмилетний Карл был женат, но мать заставила его отторгнуть предыдущую супругу и жениться на Дезидериаде. Это была наивная попытка наладить отношения с лангобардами. Свадьба игралась торжественно, на Рождество.

Надо сказать, что Карл очень любил Рождество. Он был искренне религиозным человеком. И все знаменательные события его жизни происходили, как правило, под Рождество или во время Рождества.

Пипин рано начал приобщать старшего сына к государственным делам. Когда Карлу было только 11 лет, отец направил его встречать Папу Римского Стефана II. Визит Папы – это очень важно. А в 761–762 годах девятнадцатилетний Карл сопровождал отца в аквитанских военных походах, успешных для франков.

В 768 году Пипин умер. В отношении наследства он поступил так же, как его предшественники Меровинги, – отнесся к королевству, как к личному поместью, и разделил его между сыновьями. Это было, конечно, крайне глупо – биться за укрепление власти, а потом делить земли.

Карлу досталась странная территория в форме полумесяца, вдоль Бискайского залива и Ла-Манша. А внутри, в середине, были владения его младшего брата Карломана. Отношения между братьями сразу же стали натянутыми. Назревала война. Неизвестно было, на чью сторону встанет мать, вдовствующая королева.

Но вмешалось провидение. В 771 году Карломан внезапно умер. Молодой и вовсе не болезненный человек. Подозрения, безусловно, возникают. Однако никаких свидетельств того, что он был убит, не сохранилось.

Как пишет исследователь жизни Карла Великого замечательный медиевист А.П. Левандовский, «дорога завоеваний открылась».

Карл немедленно отодвинул с политической арены мать, вскоре отправил обратно в Лангобардию жену Дезидериаду. Ранние варварские короли смотрели на развод очень просто. Христианская церковь внушала им, что браки совершаются на небесах, что жена – навсегда. Они вежливо выслушивали епископов, делали вид, что согласны, но потом, когда им мешала жена, просто отправляли ее куда-нибудь подальше. Они жен не казнили, это потом, по мере развития цивилизации, все приняло такие жестокие формы. А Меровинги, Каролинги отправляли жену прочь, брали другую. И церемонии развода не было.

Каролинги – название новой династии. Это не просто звучит красивее, чем Пипиниды. Сама история признала Карла самым значительным правителем из этого рода.

Он начал с войн. Война была для него нормальной формой существования и главным политическим инструментом. Надо сознавать, каково было общество, возникшее на руинах Западной Римской империи. Ведь абсолютное большинство людей тогда разучилось писать и читать – такова была степень варваризации.

Карл вроде бы научился читать по-латыни и даже сколько-то по-гречески. Правда, миф утверждает, что писал он одно слово – Carolus, то есть ставил свою подпись. Но может быть, он к готовой подписи добавлял лишь какой-то крючочек. Сохранились эти подписи, где слово Carolus выведено писцом, а Карл поставил завитушку в знак того, что его рука приложена.

В этом варварском мире война – норматив. Общество развивается, обогащается только путем простого арифметического действия – сложения. Больше земли – больше богатства – больше людей – больше доходов. Расширение границ. А возможности для расширения есть, потому что все государства еще относительно слабы, у них нет ни стабильных границ, ни постоянного войска, ими правят позавчерашние племенные

вожди, которые делят богатые территории.

Войны Карла многочисленны. В 774 году он покоряет королевство лангобардов, принадлежавшее Дезидерию, его бывшему тестю, и начинает называться «Король франков и лангобардов, Римский Патриций».

Обратим внимание на слово «римский». Дело в том, что Карл с самого начала своего правления продолжил курс своего отца на тесное взаимодействие с Папами. Римские первосвященники – это бывшие епископы, возвысившие свою власть и претендующие на роль главных посредников между Богом и людьми. Карл сделался их вернейшим союзником. Он всячески подчеркивал свою набожность и преданность римскому престолу. Это был важный политический шаг. Именно от Папы Карл получил санкцию на покорение лангобардов. Прекрасный дипломатический флаг. Папу надо защитить!

Карл все время расширяет территорию. В 776 году воюет с Византией за владения в Италии, не забывая добавлять римским Папам кусочки земли, дабы укрепить важнейший политический союз.

Далее 787 год – германская Бавария, а также Каринтия и Крайна, земли на границе с Германией, населенные славянами.

Тридцать с лишним лет войны в Саксонии – 772–795 годы. Здесь ему оказали максимальное сопротивление, и никаким идеальным героем эпоса он не выглядел. Было много жестокости, крови, более четырех тысяч заложников перебиты по приказу Карла. Война ведется под религиозным флагом, происходит насильственное обращение язычников-саксов в христианство. Можно сказать, что Карл в определенном смысле – предшественник Крестовых походов.

В 778 году – знаменитый поход за Пиренеи, в результате которого и родился эпос «Песнь о Роланде».

Это был поход против арабского государства, руководимого династией Омейядов. Помогая одному арабскому властителю в борьбе против другого, Карл, как всегда, рассчитывал прирастить территории. Поход оказался не очень удачным, но кое-какая добыча огнем и мечом была получена. Карлу достался небольшой участок на границе Наварры и Пиренейских гор – он назвал его Испанская марка.

При возвращении из этого похода случился такой эпизод. Войско растянулось в горах, и в районе Ронсевальского ущелья обоз, который двигался сзади, обремененный добычей, сильно отстал – авангард ушел далеко. На отставший обоз напали вовсе не арабы (мавры, как их называет героический эпос), а христиане – баски, вытесненные этими самыми арабами в горы, голодные,

жившие в тяжелых условиях. Им нужна была только добыча. А всех франков они изрубили.

Арьергардом командовал граф Роланд. Граф в те времена – вовсе не представитель аристократии, это чиновничья должность.

Через сотни лет, в XI веке, складывается «Песнь о Роланде». Ее пели воины Вильгельма Нормандского перед битвой в 1066 году при завоевании Англии. А в XII веке она была записана. По легенде, которая все преображает и приукрашивает, на доблестных рыцарей напали злодеи мавры. Битва превращается в столкновение христиан с мусульманами.

В соборе Св. Петра Папа Лев III возлагает императорскую корону на голову Карла. XIII в.

Перед походом Карл дал Роланду рог и велел трубить в случае опасности. Но мужественный рыцарь не трубит, пока не начинает истекать кровью. А услышав звуки рога, Карл приходит на помощь: «Был на коне прекрасен Карл Великий! Поверх брони

висит брада седая (он никогда не носил бороды!) И по примеру Карла все брады свои не скрыли под броней. Легко узнать средь войска наших франков. Прекрасен, строен, могуч король! Лицо его сияет, на скакуне гарцует гордо Карл».

Вспоминаются другие строки: «Из шатра, толпой любимцев окруженный, выходит Петр. Его глаза сияют. Лик его ужасен. Движенья быстры. Он прекрасен. Он весь как божия гроза!» А ведь это пушкинская «Полтава». Прямая перекличка двух персонажей, безусловно идеализированных!

Карл выделяется на фоне остальных правителей, и не только тем, что чаще всего побеждает в сражениях (хотя у него были, конечно, и отдельные поражения). Он заметен как дипломат, как политик. Может быть, сказывается то, что он все-таки читает по-латыни и по-гречески. Он ведет себя умнее других.

В 799 году Папа Лев III был свергнут в результате заговора римской знати и скрылся в монастыре, в ужасном состоянии, ослепленный, с отрезанным языком. Потом он, правда, чудеснейшим образом от всего этого исцелился.

Видимо, источники несколько преувеличивают то, насколько он был искалечен. Но обижен точно был. Из монастыря он бежал, бежал к великому поборнику папской власти, западному правителю, который обязательно поможет. При дворе Карла Папа был принят ласково. А затем возвращен в Рим. Когда выяснилось, что за спиной опального Папы стоит могучий франкский правитель, римская знать сразу же изменила позицию. От Папы потребовали только принести устную присягу, поклясться, что тех злодеяний, в которых его обвиняли, он не совершал. Слово Папы священно, его признали невиновным.

Фигура Карла уже значительна. Все знают, что к нему нельзя проявлять неуважение – иначе он двинется в поход.

Проходит год. И 25 декабря 800 года, на Рождество, Карл снова в Риме. Он стоит в соборе, молится в алтаре. И Римский Папа возлагает ему на голову императорскую корону. Замечательно пишет придворный хронист Эйнхард: это произошло вдруг. Слово «вдруг» очень выразительно.

Карл, по словам Эйнхарда, потом говорил, будто, знай он заранее о намерениях Папы, он бы в тот день не пошел в церковь, невзирая на торжественность праздника. Вот она – дипломатия! Вот он – язык лжи! Вот оно – притворство!

Эйнхард тут же проговаривается. После того как корона была возложена, все присутствовавшие в соборе римляне и франки хором трижды прокричали один и тот же текст: «Да здравствует и побеждает Карл Август, богом венчанный, великий и миротворящий римский император». Все хором, трижды и по-

латыни! И это все «вдруг»?

Так или иначе, Карл стал первым западноевропейским императором. Где-то далеко на Востоке, в Константинополе, был византийский император, но Восточная Римская империя отделилась, давно жила собственной жизнью и территориально, и сущностно. Теперь же и здесь, в Западной Европе, возродилась традиция императорской власти.

Призрак Римской империи не уходил на протяжении тысячи лет Средневековья, с V по XV век. Тень эта периодически материализовалась. Ее ранняя материализация – Карл Пипинид, император.

Это событие очень важное, и на него нервно реагируют в Византии. Обостряется соперничество, бывшее в течение некоторого времени не очень заметным. Но Карл опережает возможные действия Византии и снаряжает посольство к императрице Ирине, узурпаторше, которая правит вместо своего сына Константина и чувствует себя не совсем уверенно.

Денье Карла Великого

Карл заручился поддержкой римского Собора, который постановил: «Поскольку сейчас в стране греков нет носителя императорского титула, а империя захвачена местной женщиной, последователям апостолов и всем святым отцам, как и всему остальному христианскому народу, представляется, что титул императора должен получить король франков Карл, который держит в руках Рим, где некогда имели обыкновение жить Цезари».

Это поведение человека, поднимающегося над варварством эпохи, стремящегося мыслить государственно.

В 802 году посольство делает Ирине простое и логичное предложение. Брак между Карлом и Ириной, который был бы,

конечно, замечательной формой соединения двух частей распавшейся Римской империи. Призрак ее материализуется еще более решительно. Карл в своей дипломатии намного забегает вперед: браки германских правителей не означали никакого объединения земель. Скорее дочь, отправленная к другому варварскому правителю, становилась заложницей. Карл же планирует династический брак и соединение власти.

Ирина готова была дать согласие, спасительное в ее шатком положении. Но как только стало ясно, что она собирается принять предложение, придворные решительно объединились против нее. Флагом для них стало то, что она намерена вступить в брак с варваром-франком. Она была немедленно низложена, власть перешла к императору Никифору, – бывшему руководителю финансового ведомства Византии.

Но это не означало поражения Карла. В 810 году Никифор признал его императором Запада.

Карл умел заставить окружающих поверить, что он фигура серьезная.

Его посольство ко двору багдадского правителя Харуна аль-Рашида, халифа из династии Аббасидов, для этой эпохи почти невероятно. Так далеко! Так туманны сведения об этом Востоке! Пишут, что, когда Карл увидел сделанную из слоновой кости статуэтку слона, он спросил, из чего она. Ему сказали, что из зуба животного. Он поразился: какое же это животное?

Карл Великий и Папы Римские Геласий I и Григорий I.
Миниатюра из молитвенника короля Карла II Лысого. IX в.

Но Карл знает, что на крайнем западе его империи, где он создал свою Испанскую марку, живут соперники Аббасидов, представители другой арабской династии – Омейяды. Поэтому Карл и рассчитывает, что Аббасиды, заинтересованные в его поддержке, забудут о религиозных разногласиях и заключат с ним союз.

Известно, что Харун аль-Рашид в ответ прислал подарки как знак дружелюбия. Среди них – знаменитый слон, которого Карл

Великий потом долго повсюду водил за своим двором. Только через восемь лет слон умер в Саксонии.

Что сказать о частной жизни императора? У Карла было шесть или семь жен, три наложницы, восемнадцать детей, включая незаконнорожденных – бастардов.

От первой жены – сын Пипин, который получил прозвище Горбатый. Он считался злым горбуном и пытался совершить государственный переворот в 792 году. Был заточен в монастырь, где и окончил свои дни.

Дочерей Карл от себя не отпускал, замуж им выйти не позволял, но не запрещал вести вольную жизнь. Нравы при дворе не были строгими – в поведении царило варварство.

Наследовавший Карлу сын Людовик Благочестивый провел реформу двора, удалил наложниц и действительно вел благочестивую жизнь.

Но при всей вольности и дикости нравов именно Карл начал каролингское возрождение, возвышение культуры. Он собрал к своему двору всех самых образованных людей эпохи. Таковых было немного, и их знали по именам. Среди них Алкуин, которого доставили с Британских островов, Петр из Пизы, Агобард и Теодульф из мусульманской Испании, астроном Дикуил. Около двадцати человек – немало для той эпохи. Их объединение было названо Академия. Императора явно тянуло к чему-то античному.

Деятельность этих людей науки и искусства имела важные последствия. Неслучайно двор Людовика Благочестивого стал уже совершенно другим: там интересовались литературой, читали стихи, занимались живописью, расцветала книжная миниатюра.

Карл Великий поддерживал открытие школ и, подобно Петру I, заставлял учиться детей знати. Система обучения Тривиум – Квадривиум включала грамматику, риторику и логику, а затем арифметику, музыку, геометрию и астрономию. Дети императора тоже получили образование.

Он одобрял поиск и собирание древних рукописей.

Чтобы читать их, требовалось знание латыни. При монастырях открыли специальные мастерские, которые назывались скриптории, где переписывали, подчас с ошибками, но переписывали древние тексты.

Очень важной оказалась реформа письма. На смену неразборчивому, так называемому меровингскому курсиву пришел каролингский минускул – прообраз будущих типографских готических шрифтов. Его уже гораздо легче читать. Он доступен более широкому кругу людей.

Созданы библиотеки, прежде всего в Сен-Дени. Некоторые из

них существуют по сей день.

И когда Карл направлял графа-военачальника руководить какой-либо областью, то с ним посылал образованного епископа, при котором обязательно состояли писцы.

Стихийное осознание того, что все это важно, позволило Карлу приостановить разрушение античного культурного наследия.

Конец жизни Карла Великого обычный, совсем не героический. С 810 года, когда ему пошел восьмой десяток, он начал болеть. Похоронил нескольких своих детей. Надо сказать, что он был любящий отец и очень страдал. В 810 году умер Пипин, в 811 – Карл-младший, наследник престола. В 813 году Карл сам короновал своего оставшегося сына Людовика, а 28 января 814 года умер, не дожив нескольких месяцев до 72 лет.

Его могила не сохранилась, хотя известно, что он был похоронен в Аахене (земля Северный Рейн современной Германии).

В 1000 году набожный император Оттон III приказал вскрыть могилу и взял оттуда крест, потому что призрак империи требовал этого символа прямой преемственности императорской власти. Все германские императоры считали Карла своим покровителем.

Но он скорее был тем, чем назвал его в XVIII веке Август Викебарт – автор книги «Сравнение Петра Великого с Карлом Великим» (в 1809 году она была переведена на русский язык). В ней Карл и Петр называются «законодателями своих народов» и «бессмертными просветителями наций».

Харун аль-Рашид. Халиф 1001- й ночи: народная мечта

Харун аль-Рашид жил во времена отдаленные, в VIII–IX веках, и жизнь его окружена мифами.

Кто он в истории? Пятый по счету багдадский халиф из династии Аббасидов, владевших знаменитым государством, огромным и недолговечным. Его правление – время последнего расцвета Багдадского халифата. При нем же начинается закат. А после него – развал.

«После него» не означает «из-за того, что его не стало». Но народной памяти не прикажешь. Фольклорная фантазия создала своего халифа, воплотив вечную мечту о великолепном правителе, при котором «все было хорошо». Понятно, что после него «стало плохо». Идеальный образ халифа известен нам по циклу сказок «Тысяча и одна ночь»: добрый, благородный, отважный, любит народ.

В состав Багдадского халифата входила громадная территория – результат арабских завоеваний, движения на запад и в Африку. Сейчас на этих пространствах арабские государства Азии, Иран, южная часть Средней Азии, Северная Африка.

Это колоссальное государство оставалось самостоятельным не очень долго, с 750 по 945 год. Потом оно было завоевано соседним мусульманским государством Буидов, которые пришли из глубин нынешнего Афганистана. А в 1055 году покорено турками-сельджуками.

Получается некая почти призрачная страна, где сменялись на престоле арабские и иранские правители. В этом отличие халифата Аббасидов от халифата Омейядов на Пиренейском полуострове, где было только арабское правление.

О Харуне аль-Рашиде написаны многочисленные средневековые труды. У арабов была высокоразвитая письменная культура. Специалисты даже называют ее филологической. От средневекового арабского Востока сохранилось больше рукописей, чем от Запада той же эпохи. И это несмотря на то, что огромное число письменных памятников было уничтожено в результате монголо-татарского завоевания. Среди сотен тысяч уцелевших рукописей – «Тысяча и одна ночь».

Сохранились произведения богослова Ибн-Джарира, ат-Табари, младшего современника Харуна. Практически в одно время со знаменитым халифом жил и Абу-ль-Хасан аль-Масуди, историк, географ и путешественник. Его труды переведены на

русский язык.

А еще от людей той эпохи остались дневники, личная переписка…

Харун аль-Рашид родился в 763 или 766 году (есть сомнения в датировке) в городе Рее, близ современного Тегерана. Он был третьим сыном халифа, а значит, имел немного шансов на престол.

Отец – халиф аль-Махди, при котором империя тоже процветала. Мать – рабыня из Йемена по имени аль-Хайзуран, знаменитейшая женщина. Дело в том, что халиф женился на ней официально в 775 году.

Халифы всегда держали женщин в гареме, а с некоторыми заключали брак. У халифа аль-Махди тоже было много жен из разных стран, много детей. Все это способствовало придворным интригам.

Мать Харуна аль-Рашида оказалась талантливейшей интриганкой. Она твердо решила, что для престола подходит именно ее сын. Все силы она отдала тому, чтобы возвести его на трон, а потом в течение семнадцати лет сама добросовестно правила.

Важную роль сыграл в жизни Харуна воспитатель – некто Йахья ибн Халид, из знаменитого персидского рода Бармакидов, выходцев из Индии. Вероятно, он принял ислам, но до того был приверженцем какого-то из индийских вероучений.

А старший сын воспитателя был молочным братом Харуна аль-Рашида. И любимцем. Как считают биографы, любимцем во всех смыслах.

Пятнадцатилетним юношей Харун сделал первый шаг к воцарению. Его мать и воспитатель Йахья добились, чтобы он был поставлен командовать большим аббасидским войском в двух военных походах против Византии.

Надо сказать, что соседняя Византия – крупное, хотя и рыхлое государственное образование, христианская, в дальнейшем православная страна – была главным противником халифата Аббасидов.

Харун аль-Рашид возглавил два похода против соседей-иноверцев. Реально он, конечно, ничем не командовал, был окружен военачальниками, зато его имя зазвучало.

В 779–780 годах арабы захватили значимую для Византии крепость Самалд. А самое важное, что в 781–782 годах это войско под командованием пятнадцатилетнего Харуна вышло на Босфор.

Прежде арабы никогда морем не интересовались. Это была сухопутная завоевательная цивилизация. Именно при Харуне море было замечено. Появилась идея господства на море.

За бесспорные заслуги отец назначил Харуна правителем больших областей: Ифрикии (современный Тунис), Сирии, Армении и Азербайджана.

Теперь Харун был достаточно близок к трону, чтобы мать и воспитатель осуществили свой план – сделать из него преемника.

Они убедили халифа аль-Махди пренебречь правами старшего сына, Мусы, и назначить наследником Харуна. Чтобы убедить Мусу отречься от своих прав, халиф направился к нему в одну из провинций – и в пути умер при загадочных обстоятельствах. Ведь у Мусы были свои придворные сторонники.

Итак, первая смерть на пути легендарного Харуна к престолу. К власти же все-таки пришел Муса. Он правил под именем аль-Хади. Харун был заключен в тюрьму, его мать отодвинута в тень, Йахья обвинен в неверии, ему грозила смерть.

Но Бармакиды не сдавались. Они верили в успех и продолжали плести интриги. Всего через год молодой и здоровый аль-Хади внезапно умер. Молва твердо говорила, что он был задушен во сне. Видимо, зря он не отправил Хайзуран в темницу.

После этой смерти и Харун, и Йахья были немедленно освобождены, мать и воспитатель начали править вместо нового халифа.

Похоже, Харун и не рвался тогда к реальной власти. Ему нравилось именоваться халифом, но он предпочитал сначала пожить в свое удовольствие. На какое-то время он предался отстраненной праздности. В его поведении появились черты, так ярко отразившиеся в сказках «Тысячи и одной ночи». Например, походы по Багдаду с Джафаром, сыном Йахьи, ближайшим другом, наперсником, советчиком. Правда, походы эти вовсе не имели цели узнать, как живет народ. Это была скорее форма развлечения.

А в 803 году, через семнадцать лет, сразу после смерти матери, Харун аль-Рашид, можно сказать, совершает государственный переворот при собственном дворе.

При жизни матери, которую он, видимо, искренне любил, он ни разу не попытался лишить ее власти. Но как только она скончалась, Харун пожелал стать единоличным, никем и ничем не ограниченным правителем.

Произошло стремительное падение семейства Бармакидов, а любимый друг Джафар был казнен. Очередной труп на пути к единоличной власти…

Тело Джафара было расчленено, а куски разбросаны по мостам, дабы все видели, что ждет того, кто покусится на власть халифа.

Что дало Харуну основания подозревать Джафара в измене?

Есть предположение, что друг, пользуясь близостью к семье властителя, тайно женился на его сестре. У них было двое детей. И халифу это совсем не понравилось.

Великий визирь Йахья и все члены его семьи были отправлены в темницу.

Харун начал править сам. До его кончины оставалось всего шесть лет, и все это время он усердно занимался делами государства. Нельзя сказать, чтобы у него не было вовсе никаких свершений.

Какие проблемы он должен был решать? Главное – это соперничество с Омейядами. Халифат, охватывавший огромную часть тогдашнего цивилизованного мира, распался по политико-религиозным мотивам. Аббасиды вели свой род от дяди единственного на земле пророка Мухаммеда, а Омейяды – от дочери пророка Фатимы и его зятя. В основе противоречий – спор о том, чья власть теснее связана с пророком, а следовательно, более законна. К этому прибавлялись и некоторые расхождения в политическом устройстве.

Конечно, обе династии имели притязания на дальнейшее расширение территорий. В этом смысле чрезвычайно существенно, что Харун еще в юности обратил внимание на морские направления. Теперь он продолжил эту линию завоеваний.

Юлиан Кохерт. 1864.

Посольство Карла Великого перед халифом Харуном аль-Рашидом

В 805 году он осуществил морской поход на Кипр, в 807-м – набег на остров Родос. Им овладела несвойственная ранее арабам идея морского могущества.

Кроме того, он продолжал борьбу с Византией, причем был совершенно непримирим. Этим столкновениям он придавал отчетливо религиозный характер. (Сам он был глубоковерующим человеком и не раз совершал паломничество в Мекку.) По договорам, заключенным в 90-х годах VIII века с императрицей Ириной и императором Никифором, Византия платила халифату дань, и это поддерживало авторитет Аббасидов.

Но Харун проявил религиозную беспощадность, уничтожив все христианские церкви на отвоеванных и пограничных с Византией территориях. У него была могучая идея укрепления веры. Вера в Аллаха, единственного бога, давала фундаментальную основу для завоеваний и подавления других народов.

Арабы обжили Аравийский полуостров в IX веке до н. э. И за шестнадцать столетий доисламской истории они не создали никакого государства, хотя и не были никем покорены. Кочевники, бедуины, патриархальная, ровная, спокойная жизнь… Со 106 года они провинция Рима – Аравия. В VI веке Византия ненадолго покорила арабские племена Сирии.

В общем, арабы не покорились никому, кроме ислама. Рождение пророка Мухаммеда датируется примерно 570 годом. В VI веке начинается победоносное шествие новой религии. Именно ей арабы предались всецело.

Внутри державы Харун ввел определенные ограничения для иноверцев. Они должны были подпоясываться веревками, носить специальные безобразные стеганые шапки, ездить только на ослах и так далее. Типичная дискриминация.

Но и у основной массы народа Харун популярностью и любовью вовсе не пользовался, потому что налоги выколачивал беспощадно.

Показательно, что халиф старался не жить в Багдаде, где собирался самый энергичный, мыслящий, готовый к бунту народ. Ссылаясь на климат, он переехал в Ракку, на реке Евфрат: там, мол, свежий ветерок от воды веет. И в Багдаде бывал только наездами.

Есть какая-то ирония судьбы в том, что он, восславленный в сказках как путешественник по ночному Багдаду, именно этого города боялся и совсем его не любил.

Харун аль-Рашид обладал еще одной гранью натуры, столь характерной для его легендарного образа. Он был покровителем наук и искусств.

Надо сказать, что он в этом совершенно не оригинален. Деспотические правители Востока в силу каких-то труднообъяснимых внутренних побуждений намного раньше, чем это случилось на Западе, начали стягивать к своим дворам просвещенных людей. В ту же эпоху, что и Харун аль-Рашид, в Европе ученым покровительствовал император франков Карл Великий.

По легенде, между этими двумя правителями были контакты. Так ли это в действительности? Некоторые специалисты, например отечественный востоковед В.В. Бартольд, считают их чистым вымыслом. Другие, и среди них А.П. Левандовский, ссылаясь на многочисленные европейские хроники и свидетельства одного из придворных Карла Великого, подтверждают, что Харун действительно прислал императору подарки, в том числе белого слона. Сохранилось даже имя слона – Абу-ль Аббас. Карл долго повсюду водил его за собой.

Бартольд ссылается на отсутствие верительных грамот, вообще каких бы то ни было документов, которые прямо доказали бы наличие посольства. Но время так беспощадно к документам! Левандовский же рассуждает так: соперничество Аббасидов и Омейядов могло подтолкнуть Харуна к контактам с христианским правителем, то есть, с его точки зрения, язычником. Карл Великий, завоевав Северную Испанию, создав там провинцию – Испанскую марку, – стал соседом Омейядов. Дружить с соседом своих врагов было дипломатически очень предусмотрительно.

Сохранилась фигурка из слоновой кости, которая точно попала к Карлу Великому с Востока. Европейского императора поразил и облик животного, и, главное, материал, из которого фигурка была изготовлена. Он спросил, что это. Ему ответили – зуб животного. Он был потрясен и захотел, чтобы такое огромное животное появилось при его дворе.

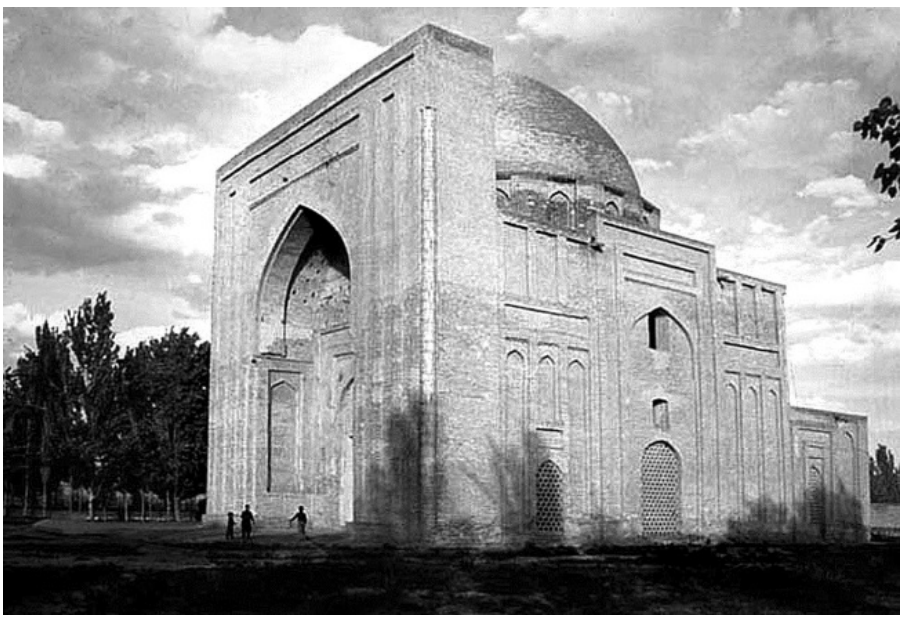
Если Харун действительно прислал слона, то не самого обыкновенного, а белого. Слоны-альбиносы – это редкость. Подарок должен был польстить честолюбивому западному правителю.

Покровительствуя наукам и искусствам, Харун создал Дом знаний. Здесь собирались ученые и сочинители, среди которых преобладали стихотворцы. Это время не случайно называют арабским Возрождением. Поэтическое слово ценилось очень высоко. Даже историю и географию писали в стихах. Один из древних историков Аравии Хишам ал-Калби написал такие строки о ком-то из героев прошлого: «Я не слышал стихов о нем, ни у них, ни у других племен». В его устах это фигура забвения. Если о ком-либо или о чем-либо нет стихов, значит, это не существует.

Харун аль-Рашид поддерживал строительство школ, больниц, при нем было собрано много рукописей – сотни тысяч томов.

Славилась благотворительностью и его любимая жена – Зубейдэ. На собственные средства она раздавала исключительно щедрую милостыню. По дороге в Мекку построила колодцы из камня, тиса, обожженного кирпича, очень надежные, которые сохраняли воду, в том числе и дождевую. Это были искусственные водоемы для паломников, путников, чтобы они не мучились от жажды. Эта женщина сумела оставить по себе добрую память. Может быть, она пыталась искупить грехи своего супруга-узурпатора.

У них было три сына: Мухаммед Аль-Амин, что означает «надежный», Абдалла Аль-Мамун – «достойный доверия», Касим Аль-Мотаман— «уверенный». Чувствуется надежда на преемников.



Мавзолей Харуна аль-Рашида в Тегеране

Но Харун аль-Рашид, которого никак нельзя назвать мудрым правителем, совершил страшную ошибку, типичную ошибку этой стадии развития цивилизации. Он разделил свою империю. До него халифы объявляли наследником одного из своих детей. Харун же, наверное, очень любил сыновей. Он стал намечать, кому из них достанется какая часть. И окрылил их этими обещаниями.

Смерть настигла его внезапно. Ему было 47 лет. Он направился на подавление одного из многочисленных восстаний,

которые то и дело вспыхивали на границах халифата, в Хорасан, на северо-восток Ирана. И умер в пути. Молва утверждала, что он был отравлен.

После его смерти начались гражданские войны между сыновьями.

В арабской истории Харун аль-Рашид вовсе не считается образцом правителя. Его как не любили в Багдаде при жизни, так и не полюбили после. А вот в нашем европейском сознании красота восточных сказок вылепила его привлекательный образ. Уж очень хороши сказки!

Почему же Харун аль-Рашид, узурпатор, жестокий правитель, реально правивший всего шесть лет, но так очевидно испорченный абсолютной властью, запечатлен в них как образец благородства? Само имя его означает «справедливый». В сказках «Тысячи и одной ночи» он возвращает бедняку присвоенные богачами деньги, жалеет вдову, подает милостыню нищему, наказывает судью, принявшего несправедливое решение. Будто и не было крови, грязи, заговоров, интриг!

Вот что пишет по этому поводу профессор МГУ И.М. Фильштинский: «…в процессе создания мифа реальность, какой бы достоверной и очевидной она ни была, оказывается бессильной перед творимой коллективным сознанием легендой, отвечающей неким социально-психологическим потребностям общества определенного времени. Энергия противостояния мифа реальности не ослабевает под напором достоверных и широко публикуемых фактов. Мы имеем возможность убедиться в этом, будучи свидетелями новейшей истории. Напротив, противоборство с фактами придает мифу некую агрессивность. Так на наших глазах рушится старая просветительская утопия, согласно которой знание побеждает предрассудки и заблуждения». Грустная, но убедительная мысль. И очень созвучная новейшей истории, включая и день сегодняшний. Миф становится реальностью. И он, в общем, непобедим.

Император Василии ii болгаробоица. Византийская жестокость

Василий II Болгаробойца – одна из самых ярких фигур на византийском престоле. Он жил с 958 по 1025, правил с 976 по 1025 год. Общепризнанно, что именно при нем Византийская империя достигла максимального расцвета. В этот период территория государства стала огромной: он вернул себе практически все земли былой восточной части Римской империи. Уже этим он привлекает внимание. А что касается его прозвища, Булгароктон, или Болгаробойца в русском варианте, то оно, конечно, свидетельствует, что он отличался свирепостью, выделяющей его даже в те жестокие времена.

Его биография характерна для правителей Византии, этого удивительного, единственного в своем роде государства.

Историки полушутя говорят иногда, что Византия – государство, точная дата рождения и смерти которого доподлинно известны. 11 мая 330 года, так сказать, открытие Константинополя. Сегодня сказали бы – презентация новой восточной столицы. И 29 мая 1453 года – завоевание Константинополя турками. Арифметически 1123 года. Были моменты, когда это государственное образование совершенно разваливалось, казалось, оно уже не возродится. Но, умирая, оно прожило более тысячи лет.

Уже в начале византийской истории население страны – больше 30 миллионов жителей, и численность их нарастала. Многочисленные территории – Придунайские области, Македония, север Балканского полуострова, северная часть Фракии, Малая Азия, страны Ближнего Востока, Египет. Удивительная пестрота! Этническая, географическая, геополитическая. Удержать под единой властью такую махину было трудно. Василий II мучительно и упорно добивался того, чтобы подчинить себе всю страну. А сразу после него наступил полный развал!

По образному выражению одного из исследователей, Василий «хотел закрепить X век в Византии навсегда». А ведь есть знаменитое латинское крылатое выражение: «Non progredi est regredi «(«Не идти вперед – значит идти назад»). В традициях Восточной Римской империи были попытки остановиться и закрепить достигнутое, не позволяя развиваться новым отношениям.

Именно во времена Василия II Византию перестают называть

Империей ромеев – римлян. Но она еще не утвердилась как Империя греков. Это переломный момент. И слово «греки» используется здесь весьма условно. На территории Византии жили греки, сирийцы, копты, фракийцы, иллирийцы, армяне, грузины, арабы, иудеи. Большая часть названных народов была эллинизирована, говорили в основном по-гречески. Латынь постепенно уходила. Но все равно царила огромная этническая пестрота, и это сказывалось и на властях предержащих.

Например, один из предшественников Василия II, захвативший престол, был из Армении. Такое было возможно, потому что строгих правил престолонаследия, юридически оформленных, очень долго не существовало.

Василий II на престоле с двухлетнего возраста. С 960 года он вместе с братом Константином называется соправителем отца, императора Романа II. С 963 года, то есть с пяти лет, он юридически император, тоже вместе с Константином, который после его смерти будет очень недолго править, уже весьма престарелым (Константин VIII). При Василии он ни во что не вмешивался.

Только с 976 года, с восемнадцати лет, Василий правил фактически. Вначале он твердо опирался на некоего евнуха Василия Нофа, а через девять лет сослал его и стал вполне самостоятельным.

Василий II Болгаробойца, коронуемый ангелами.
Миниатюра из Минология Василия II. Ок. 985 г.

Его успехи в международных делах были бесспорны: он восстанавливал и расширял границы империи (многое было потеряно предшественниками). Кроме того, он провел строгую инвентаризацию имущества, добился более четкого налогообложения, наполнил казну. Своему беспутному брату он оставил несметные сокровища. Правда, наследники продемонстрировали, как быстро все это можно растерять.

Жизнь Василия складывалась очень непросто. Были весьма сложные предварительные обстоятельства. Его дед – император Константин VII Порфирогенет (Багрянородный). Багряница – это

помещение, где должны были рождаться законные наследники престола. Отец, Роман II, сын Порфирогенета, был императором с 945, фактически – с 959 года. В 956 году он потряс двор женитьбой на дочери харчевника. Есть какая-то странная закономерность в поведении византийских императоров. Известно, что Юстиниан, например, женился на Феодоре, женщине из низов.

Дочь харчевника Анастасия получила тронное имя Феофано. О ней немало свидетельств в источниках. Это была пишущая цивилизация. Небольшая, но очень образованная элита писала по-гречески, чрезвычайно подробно, хотя и очень предвзято. В императрице отмечали удивительную красоту в сочетании с жестокостью и властолюбием. Буквально то же самое писали и о Феодоре, так что не исключено, что здесь присутствует элемент какого-то литературного клише.

Носились слухи, что внезапная неодолимая хворь Романа II очень напоминает отравление. После его смерти к власти пришел не Василий, не его брат Константин, а полководец Никифор Фока.

Это был кровавый переворот. Императрица Феофано удалена от власти и глубоко обижена (ее вернет как раз Василий II, но не даст ей никакой политической роли). Начались бои на улицах Константинополя. Некоторые люди, конечно, вспоминают, что есть законные наследники. Но император-узурпатор силой утверждается на престоле. Никифор Фока прославился своей жестокостью, он вызывал страх, который и принес ему победу.

В частности, была знаменитая история, когда он во имя интересов Византии воевал на Крите с арабами. Он потряс тамошних пиратов, людей жестокосердных и видевших много жестокости, тем, что собирал головы убитых. Их было приказано отрубать, часть выставить перед лагерем, а частью голов убитых врагов обстреливать город Хандак, забрасывать с помощью камнеметов. Даже у современников складывалось впечатление, что полководец жесток как-то не в меру.

Ходили упорные слухи, что он хочет оскопить мальчиков – сыновей Романа II, чтобы у них не было потомства и чтобы Македонская династия не вернулась и не утвердилась на византийском престоле. В такой обстановке рос мальчик. Детские впечатления Василия были довольно мрачными.

Конец Никифора II тоже ужасен. Совершился дворцовый переворот и тайное убийство, описанное не без трагикомических деталей. Заговорщики ворвались в спальню – и не нашли императора. Их охватила паника, показалось, что он убежал, спрятался. И вдруг смотрят – он уснул на полу, около камина. Можно догадаться при каких обстоятельствах. Как говорят

источники, «после коротких издевательств» его убили. В это время в двери начала стучать гвардия. Гвардейцам показали отрезанную голову императора Никифора. И те успокоились.

К власти опять пришел незаконный правитель – Иоанн I Цимисхий из армянской знати (забавное прозвище от армянского слова «туфелька», в связи с малым ростом). Еще один значительный полководец.

Во внутренней политике он наметил линию, которую потом продолжил Василий II, – начал подчинять крупные землевладения жесткой центральной власти. Он сослал в монастырь императрицу Феофано, которая только несколько месяцев была регентшей. Ее так потряс этот наглый захват власти, что в храме Святой Софии она пыталась вырвать Иоанну глаза и разразилась такой бранью, которая тут же напомнила всем, что она дочь харчевника.

Василию пришлось ждать осуществления своих законных прав на престол на протяжении тринадцати лет. За такое время наследники обычно звереют. Это известно со времен Древнего Египта, когда в XVI–XV веках до н. э. царица Хатшепсут на много лет отодвинула от власти своего пасынка Тутмоса III, будущего великого завоевателя. И это очень дурно сказалось на его характере.

У Василия, ставшего наконец императором в 976 году, были, разумеется, не только тягостные черты. Современники отмечают, что он был неглуп, хотя и не слишком хорошо образован. В поведении простоват, но одарен способностью руководить.

Однако первые годы его пребывания на престоле были омрачены двумя крупными внутренними мятежами. Их подавление, изысканно сложное, жестокое, видимо, навсегда наложило отпечаток на его натуру, на дальнейшее поведение.

Первый мятеж – сразу после смерти Иоанна I. Василия и Константина наконец-то признали правителями. Но реально править они еще не были способны. Власть в руках придворного деятеля Василия Нофа, евнуха, как это было тогда принято.

Из-за чего вспыхнул мятеж? Был смещен некий Варда Склир, наместник восточных провинций, и отправлен стратигом в Месопотамию, то есть фактически в ссылку. В ответ на этот приказ он вместе с еще одним полководцем поднял военный бунт, охвативший почти всю Малую Азию. Восстала и Болгария, которая хотела отстоять свою независимость. Императорская армия была разбита. Василий ничем еще фактически не руководил.

На подавление мятежа был призван полководец Варда Фока, племянник убиенного императора Никифора. Еще в 970 году он

сам бунтовал, поскольку считал, что тоже имеет права на престол. В каком-то смысле это так и было. Тогда он был сослан в монастырь. Но теперь сложилось настолько безвыходное положение, что призвали этого опального, подозрительного человека – и он снова проявил себя как полководец. Византия вообще была богата талантливыми военачальниками.

Важную роль сыграли огненосные суда – знаменитый греческий огонь, они сожгли флот Склира, и мятеж удалось подавить. Сам Склир в поединке с Фокой был ранен и после этого бежал в Багдад. Казалось бы, о нем забыли навсегда.

Но через девять лет Склир, уже престарелый, снова появился в пределах державы. И Варда Фока опять выступил против него. Власть надеялась на скорую победу. И вдруг Фока провозгласил себя императором. Да нет, не так уж вдруг. Он уже семнадцать лет бился за свои права. Он хитростью захватил бунтовавшего Склира в плен, соединил войска. Дело императора было плохо. Все это заставило Василия II обратиться за помощью к великому князю киевскому Владимиру Святославовичу, будущему Владимиру Святому.

Почему именно к нему? Еще до него Никифор II использовал князя киевского Святослава Игоревича в борьбе с Болгарским царством. Есть довольно туманная информация о том, что Святослав деньги взял, Плиску захватил, но уйти оттуда отказался. А воевали киевские князья хорошо, это было русско-варяжское войско, с прекрасными варяжскими традициями.

Византийский писатель Лев Диакон говорит в своей «Истории»: «Росы, которыми руководило их врожденное бешенство, в яростном порыве устремились, ревя, как одержимые, на ромеев. А ромеи наступали, используя свой опыт и военное искусство».

В общем, представители Византии и Древней Руси сталкивались и как союзники, и как противники, и было известно, что воевать русичи умеют. Когда Василий II вынужден был просить помощи у князя Владимира Святославовича, тот согласился при условии, что Василий отдаст ему в жены свою родную сестру Анну, дочь императрицы Феофано. Согласие далось непросто. Дело в том, что византийцы смотрели в то время на Русь как на варварскую периферию. И у них не было традиции отдавать своих принцесс варварам. Но положение тяжелое. И Василий согласился на то, чтобы его сестра отправилась на Русь и вступила в брак с киевским князем.

При этом он поставил условие. Князь примет христианство. Условие было принято. Конечно, деньги тут тоже были замешаны.

Русско-варяжский отряд, шесть тысяч человек, мощный,

умелый, вступил в Константинополь зимой 988 года, разгромил значительную часть войска Фоки и спас Василия II в очень тяжелой, критической военной ситуации. А Василий, не отличавшийся высочайшими нравственными качествами, не торопился выполнять обещание и отправлять свою сестрицу Анну в русские земли. Тогда, рассердившись, Владимир со своим войском осадил и взял Херсонес Таврический, город в Крыму, принадлежавший Византии.

После этого Анну сразу посадили на корабль и отправили на север. Состоялась свадьба – и предполагаемое Крещение Руси, событие, дата которого вызывает сомнения – то ли 988, то ли 989 год. Понятно, что князь крестился не один, а в сопровождении своей дружины. С этого начинается большой, длительный процесс прихода христианства на русские земли. Он, конечно, не мог совершиться по воле одного человека. Везде и всюду, во всем мире, распространение христианства было долгим и непростым процессом. Но здесь отправная точка была именно такая.

Что касается шеститысячного отряда, то он стал наемной гвардией Василия II и служил ему очень хорошо.

Конец мятежа был связан с личным вмешательством Василия, который начинал уже становиться самим собой. 13 апреля 989 года у Авидоса, на берегу пролива Дарданеллы, он дал последнее сражение. Варда Фока во время этой битвы отчаянно прорывался к императору Василию, чтобы вступить с ним в поединок. В этом так хорошо виден лик времени: поединок должен был решить, как в Древнем Риме, кто лучший воин. Но произошел поразительный случай. Фока вдруг повернул коня назад, сошел на землю, лег и умер.

Сейчас же возникла версия отравления. Будто бы Василий II сумел договориться с его виночерпием. А перед боем как было чарочку не выпить! Так или иначе, на этом закончился второй мятеж.

И с этого же начался Василий II – правитель. Он изменился разительно, все обратили внимание на огромные перемены в его натуре. Он перестал бражничать. Провел тщательную перепись имущества землевладельцев, очень аккуратно пресекал рост крупных земельных владений, крепя, образно говоря, византийский абсолютизм. Он пытался, как бы продолжая линию позднего Рима и предвосхищая то, что придет в конце Средневековья, создать сильную централизованную систему правления, в тесном союзе с христианской церковью. В союзе гораздо более прочном, чем между христианской церковью и светскими правителями на Западе.

Все эти меры давали результаты. Тем более что Василий

постоянно доказывал, что он еще и полководец, и присоединял новые земли.

Бунты не кончились насовсем. Надо сказать, что для той мрачности, которая его отличала, для его суровости, жесткости, которую он стал проявлять, все время были основания.

Убийство болгар.
X в.

За три года до окончания его правления, в 1022 году, опять был бунт. Император находился на Кавказе, а восстал его давний соратник, Никифор Ксифий, объединивший усилия с сыном Варды Фоки. Они, правда, поссорились, и Ксифий убил Фоку, сам был арестован, пострижен в монахи, а евнух, который им помогал, отдан на съедение львам. Львы в тот день очень хорошо поужинали. Таков был Василий II.

С годами он становился все более и более жестоким. И настало время, когда он получил свое потрясающее прозвище. Есть много прозвищ правителей. Традиционно – Великий, Святой, бывают забавные – Толстый, Заика, Птицелов. А такое, как это, Болгаробойца – уникально.

Василий 13 лет воевал с болгарами, что его раздражало, хотя это не был рекорд. Карл Великий больше 30 лет покорял саксов, тоже проявляя жестокость. Сотни заложников были перебиты по приказу Карла.

Здесь же все случилось после битвы, которая произошла у подножья горы Беласица в 1014 году. В тот момент болгарский царь Самуил, возглавлявший попытки болгар сохранить свою

независимость, отсутствовал. И его полководцы, видя, как плохо складывается сражение, как они беспомощны перед камнеметными машинами византийцев, понимая, что просто идет истребление войска, приказали воинам сдаться. Сдались 15 тысяч болгар. И тогда Василий II отдал удивительный приказ, который был выполнен. Он приказал этим 15 тысячам пленников выколоть глаза. Каждым ста – оба глаза, а сто первому – один. И чтобы вот так, ведомые одноглазыми сотниками, они вернулись к царю болгар Самуилу. При виде этого страшного зрелища Самуил покончил с собой.

То, что он ослепил 15 тысяч человек, было невероятно, фантастично. Вспоминаются представления древних греков о том, что именно где-то здесь, между Болгарией, Македонией, на севере Балканского полуострова, находился выход из Тартара. И очень часто в истории оттуда действительно приходили войны и какие-то мрачные идеи. Это событие – одно из самых ярких в этом ряду.

Василий добился победы, хотя и не мгновенно, через четыре года. И на 170 лет Болгария оказалась под властью Византии.

А прозвище ему нравилось. Наверное, он рассчитывал, что с таким ореолом свирепости станет страшен для всех своих врагов, внешних и внутренних. Судить его с позиции сегодняшней нравственности очень соблазнительно, но нельзя.

Зная его биографию, понимаешь, что ему все время грезились заговоры, отрубленные головы, отравленные правители. Он принимал очень серьезные меры против того, чтобы поднялись крупные феодальные правители со своими дружинами, и положил начало такому государственному устройству, при котором наемники – главная опора императора.

Он до конца не понимал, сколь ненадежна эта опора. Не мог же он видеть сквозь века, что, когда в XV веке надо будет защищать Константинополь от турок, не найдется тех, кто готов спасать свою родину. В те же годы, когда правил Василий II, во Франции утверждалось понятие Франция, в Англии – Англия, в германских землях, при всей их разобщенности, крепло понятие Германия. То же самое происходило на Пиренейском полуострове, на Скандинавском. А здесь, в Византии, существовало нечто объединяемое политической властью единого правителя, правящего как бы по воле Бога. Император был окружен тесной толпой придворных, которых он кормил со своей ладони. Он имел огромную казну, на которую мог нанять любое войско. В сущности, это большая ошибка, которую он не осознавал.

Как Василий II закончил свою жизнь? Так же, как все успешные правители и успешные завоеватели. Он должен был

бесконечно доказывать подданным, что он вполне способен к следующим завоеваниям. Поэтому умер он во время подготовки очередной завоевательной экспедиции на Сицилию, против арабов, захвативших этот остров – вечный объект раздора.

Войско уже грузилось на корабли, когда император занемог и 15 декабря 1025 года умер. Тело его не получило упокоения. В 1204 году, во время Четвертого крестового похода, войска латинян, рыцарей с Запада, разбойно захватили Константинополь и осквернили многие захоронения, в том числе надругались над телом Василия II.

А в 1261 году, когда восстановилось византийское государство, солдаты императора Михаила VIII Палеолога нашли тело Василия, по крайней мере, считается, что это его тело. Оно оставалось в полуразрушенном храме, с волынкой в руках – а это надругательство – и свистулькой, вставленной в иссохшие челюсти. Насмешка! Точные мысли осквернителей мы восстановить, конечно, не можем, но это был, наверное, какой-то вызов высшему расцвету Византии и тому, что ее император претендовал когда-то на то, чтобы быть выше западных правителей.

Василий II предпринял попытку утвердить прочную центральную единоличную власть. Соблазнительно! Но последствия всегда очень печальны.

После смерти Василия престол перешел к его брату Константину, который с младенчества числился императором. Константину было уже 68 лет, но он оставался рабом собственных удовольствий. Старик неутомимо бражничал, пировал, раздавал деньги и разбазаривал то, что нажил его усердствовавший на государственном поприще брат.

Началась смута. За 66 лет на троне перебывало 14 правителей. Смута продолжалась до 1081 года и воцарения династии Комнинов.

А государство Василия II, как оказалось, было выстроено на песке. На песке, пропитанном кровью.

Нормандскии Герцог Вильгельм. Завоеватель Англии

Вильгельм – герцог норманнов или нормандцев? Историки не пришли к окончательному согласию, потому что норманны – это викинги, а нормандцы – жители современной французской Нормандии. А что же те, кого возглавлял Вильгельм в XI веке? И то и другое.

До прибытия в Англию и завоевания целого королевства у герцога было два прозвища – Вильгельм Рыжий и Вильгельм Незаконнорожденный. И то и другое соответствовало истине. Но ни то ни другое ему, возможно, не нравилось. Если с улыбкой посмотреть на эту отдаленную историю, Вильгельм мог отправиться в поход для того, чтобы сменить прозвище. И он действительно остался в истории как Вильгельм Завоеватель.

С 1066 года он не герцог Нормандии, а английский король. И современные англичане поступают мудрее, чем некоторые все еще горячащиеся нации: они считают эту дату одной из главных отправных точек своей истории. Их нисколько не смущает то, что это было завоевание страны чужаками, которые приплыли через Ла-Манш из нынешней Северной Франции – тогда фактически независимого герцогства Нормандского. И битву при Гастингсе 1066 года, в которой англосаксонские правители по терпели поражение, признают началом английской истории.

В отношении источников эту эпоху можно назвать пограничной – между Сагой и Историей. О Вильгельме писали немало: «Деяния герцогов Нормандских», «Деяния Вильгельма, короля Англии», «Песня о битве при Гастингсе». Это замечательные тексты, но они неотделимы от мифа, близки не только к хронике, но и к художественной литературе. Поэтому у исследователей остается много вопросов.

Удивительный, уникальный источник об экспедиции Вильгельма и о битве при Гастингсе – это знаменитый ковер, гобелен из Байе, льняное полотно, расшитое крашеной шерстью. 70 метров длиной и 50 сантиметров шириной. Это свиток, вышитый монахинями Кентенбери по заказу сводного брата Вильгельма Завоевателя, епископа Одо из Байе. Там изображено 58 эпизодов истории завоевания, и лишь некоторые, самые последние – победа и коронация – не сохранились.

Те, кто создавал гобелен, сами видели корабли Вильгельма. Как ни странно, искусство этой эпохи по-своему реалистическое. Потрясает та подлинность, с которой мастерицы воспроизвели

образы кораблей – красочно, с мельчайшими деталями!

Такие источники, одновременно точные и поэтичные, и позволяют воссоздать биографию Вильгельма Завоевателя.

Дата рождения, как всегда в ту эпоху, приблизительна. Вероятно, 1027. Год смерти – 1087. Долгая жизнь для раннего Средневековья.

Отец – герцог Нормандии Роберт II, по прозвищу Дьявол. А надо сказать, что прозвища той эпохи наивные, но всегда точные. «Что вижу, то пою». Толстый – так Толстый, лысый – так Лысый. Встречаются среди людей этого времени, например, Вилобородый, Нерешительный. Или Эдвард Мученик, король, которого убили молодым. Эдмонд Железобокий, король Гарольд Заячья Нога…

А вот отец Вильгельма – Дьявол. Хоть мы и не знаем деталей его характера, но о многом можем догадаться. Он герцог, первое лицо в Нормандии, богатой, стратегически важной области.

Мать, Херлева, – простолюдинка, предположительно дочь кожевника. Брак с нею исключался. Поэтому Вильгельм и известен изначально как бастард. Это, несомненно, налагает на его характер очень серьезный отпечаток.

Герцог Роберт, вероятно, любил эту женщину из простых. А может быть, просто хотел, чтобы происхождение сына выглядело поприличнее. Так или иначе, родственников Херлевы он приблизил ко двору, а саму ее выдал замуж за дворянина. И все-таки сознание незаконнорожденности очень влияло на Вильгельма.

В 1033 году отец отправился в паломничество, или на богомолье, как пишут в русских переводах источников, в Палестину. Наверное, пошел замаливать какие-то грехи, за которые получил свое нехорошее прозвище. Он оставил единственного сына, шестилетнего Вильгельма, наследником. Герцог принудил свое окружение скрепя сердце признать это. Как выяснилось потом, признание было совершенно неискренним.

Через два года, в 1035-м, пришло известие о смерти Роберта Дьявола в дальних краях. Нормандские бароны, которые давали ему клятву, что признают его сына, тут же восстали против восьмилетнего незаконнорожденного наследника.

Ничто не помогло бы ему, если бы не вмешательство его покровителя – французского короля Генриха I из династии

Капетингов (того, что был женат на русской княжне Анне Ярославне). Генрих являлся верховным сюзереном Нормандии и герцогов нормандских. Никакой реальной власти над Нормандией французские короли не имели. Герцогство было гораздо богаче и больше, чем домен Капетингов – крошечная

территория, «остров Франции» (Иль-де-Франс) между Парижем и Орлеаном. Но существовала традиция признавать этих удобных, безвластных королей. И она помогла бедному незаконнорожденному мальчику. Заступничество сюзерена сыграло свою роль, бунт прекратился – и маленький наследник остался с герцогской короной на голове.

Дальше была сплошная война. Вся юность Вильгельма проходит в войнах с соседями, а позже – с этим самым сюзереном. Вильгельм не был христиански безупречным и вечной благодарности не продемонстрировал. Как только появились какие-то противоречия, он превратился в бунтующего вассала, знающего, что он сильнее и богаче. В результате он вопреки воле сюзерена расширил свои владения, подчинив графство Мэн, небольшое, но богатое, расположенное в центре Франции. Вильгельм сумел отвоевать Мэн у графов Анжуйских, сильных и богатых феодалов. Это должно было способствовать формированию его великих завоевательных планов.

Подчинив себе строптивых баронов, Вильгельм, казалось, мог бы успокоиться. Но баронов, чтобы они были относительно покорными, надо было кормить. А чем их можно кормить в те времена? Добычей! Зная это, Вильгельм и замыслил свое великое деяние, оставившее такой глубокий след в европейской истории.

Почему он решил захватить именно Британию, Лондон? Этот вопрос занимает историков на протяжении многих лет. Очень уж много в источниках туманных деталей. В частности, Вильгельм был дальним родственником того, кто правил в это время в Англии, – Эдуарда Исповедника, англосакса, но, кстати, тоже выросшего в Нормандии.

До этого Британия находилась некоторое время под властью датчан. Нормандское завоевание – это, скорее всего, третье завоевание Англии. Первое – это переселение германских племен англов и саксов, которые вытеснили местных кельтов, второе – датское завоевание 1003–1016 годов. На престоле с 1017 по 1035 год датский властитель Кнут, объединивший Данию, часть Норвегии и большую часть Англии. Викингская империя. И вот наконец снова англосаксонский правитель Эдуард, по прозвищу Исповедник.

Когда-то дочь одного из нормандских герцогов Эмму выдали замуж в Англию, и отец Вильгельма был племянником матери Эдуарда Исповедника. Такое родство не дает никаких прав на престол.

Герцог Вильгельм убивает короля Гарольда в битве при Гастингсе.

Иллюстрация из рукописи конца XIII в.

Но у Вильгельма имелись и другие резоны. В 1051 году, когда ему было 24 года, он посетил в Англии своего дальнего родственника Эдуарда. По легенде, король, который был старше лет на 25, пожилой для тех времен человек, пообещал молодому нормандскому герцогу, крепкому, хорошему воину, что, так

сказать, порекомендует его на роль короля. Дело в том, что английские короли не получали власть без утверждения наследника Советом Старейшин (витенагемотом). И «добрый дядюшка» Эдуард обещал племяннику, что порекомендует именно его.

Интересно, что этот король был потом идеализирован в глазах общественности и со временем даже канонизирован, хотя никаких выдающихся заслуг перед церковью не имел.

Фольклор создал образ доброго человека на троне. А при его жизни народ против него бунтовал, потому что при дворе было слишком много нормандцев.

Итак, Эдуард Исповедник как будто пообещал Вильгельму, что сделает его своим наследником, хотя это не было только в его власти. Вильгельм возвратился в Нормандию успокоенный: у него такая перспектива – стать английским королем! Тогда уж все забудут о его происхождении.

Он прилагал немалые усилия и к тому, чтобы установить хорошие отношения с Римскими Папами, с папским двором. Это очень важный и умный шаг. Дело в том, что английская церковь, отдаленная, находящаяся на Британских островах, вела себя в отношении римского престола относительно независимо. Это никогда не нравилось Римским Папам – и нравиться не могло. Устанавливая добрые отношения с папством, Вильгельм готовил будущую поддержку своей авантюрной военной экспедиции.

В январе 1066 года Эдуард Исповедник скончался. Волю свою он действительно выразил, сообщил, кому хочет передать престол. Его выбор пал на человека молодого, энергичного, пользовавшегося симпатиями современников в качестве рыцаря – воина по имени Гарольд.

Кто он такой? Гарольд происходил из англосаксонской знати, его отец – правитель Эссекса – в последние годы жизни Эдуарда Исповедника фактически ведал всеми делами двора, реально управляя королевством. Гарольд тоже был близок к власти. Поэтому некая логика в передаче ему английской короны была. Его короновали немедленно, торопливо, в узком кругу тех, кто его поддерживал. Причем произошло это не в Вестминстере, как полагалось; не было и утверждения Советом Старейшин.

А ведь соперники его были сильны. Один – Вильгельм Нормандский. Второй – король Норвегии, тоже по имени Гарольд.

Этот Гарольд Суровый был уже немолод и прожил очень бурную жизнь! Он много путешествовал, побывал при Константинопольском дворе, при дворе Ярослава Мудрого, был влюблен в одну из дочерей Ярослава Мудрого, Елизавету. Он всегда был склонен к авантюрам. И вот он вспомнил молодость –

и ринулся бороться за английскую корону. Но 25 сентября 1066 года, через несколько месяцев после смерти Эдуарда, Гарольд Норвежский был разбит в единственном сражении и больше в борьбе за престол не участвовал.

Вильгельм же понимает, что час пробил, пора найти идеологическое обоснование своей экспедиции. Он готовится к ней очень серьезно. Прежде всего, он добился, чтобы его поддержал римский Папа Александр II, придав походу характер не авантюры, а серьезного политического и военного предприятия.

Папа отлучил наспех коронованного английского Гарольда от церкви. Что стало для этого основанием? Молва! Молва о том, что Гарольд – клятвопреступник. Якобы не только немолодой уже Эдуард когда-то обещал Вильгельму Нормандскому сделать его наследником, но и Гарольд принес такую же клятву.

Гарольд побывал на континенте. Иногда нам кажется, что люди в Средние века жили очень изолированно, каждый в своем уголке. Относительно крестьянина это именно так. А вот верхушка легко снималась с места – и в паломничество, и в завоевательные экспедиции. И Гарольд, будучи еще просто приближенным Эдуарда Исповедника, отправился с визитом в Нормандию. По пути он якобы был захвачен в плен и освобожден своим дальним родственником – представителем нормандского дома Эдуардом. И как бы в благодарность за это освобождение дал ему клятву, что поддержит кандидатуру Вильгельма Нормандского в качестве правителя Англии.

В ту эпоху неписаные клятвы очень важны. По словам французского историка Ле Гофа, это цивилизация жеста больше, чем цивилизация текста. Грамотных очень мало, и поэтому важнее всего клятва произнесенная, сопровождающаяся каким-нибудь ритуальным действием. Например, важен ритуальный поцелуй между сеньором и вассалом.

И если была клятва, то Гарольд – клятвопреступник. Теперь он отлучен от церкви, а предприятие Вильгельма обретает серьезную идеологическую оболочку. Папа как бы поручает Вильгельму восстановить свои законные права, а заодно добиться большей покорности английской церкви святому престолу.

И вот собирается войско, для своего времени очень большое – до 70 тысяч человек. Это зрелище грандиозное, величественное, в глазах и в памяти современников оно отпечаталось как замечательное.

Нормандцы высадились на юге Англии. Причем именно тогда, когда войска Гарольда ушли на север, где разбили норвежца Гарольда Сурового. Так что на юге никакого

сопротивления Вильгельм не встретил.

Однако надо сознавать, что в любой ситуации англосаксонское войско было обречено на неудачу. Нормандское войско принципиально отличалось от англосаксонского и стояло на более высокой ступени развития. Главная сила нормандцев – тяжеловооруженные рыцари, эти танки Средневековья, которые примерно до начала XIV века оставались главной ударной силой в любом сражении.

А англосаксонское войско, еще только выходившее из стадии родоплеменного строя, состояло из крестьянского ополчения, вооруженного боевыми топорами, рогатинами. Военные силы несоизмеримы.

Гарольд принял оборонительный бой близ местечка Гастингс 14 октября 1066 года. С момента его коронации не прошло и года. А месяц назад на севере была битва с норвежцами. То есть борьба за остров имела, в сущности, европейский масштаб.

Войско Гарольда укрепилось на холме и сражалось очень мужественно, даже отчаянно. Пешее крестьянское ополчение с боевыми топорами, дротиками, щитами, в военном отношении слабее противника, зато был силен дух этих людей, которые бились за свое, за родное, против завоевателей. Дух войска должен был, казалось бы, победить. Но трагическую роль сыграло то, что Гарольд погиб в сражении. Гибель полководца – это знаковое, судьбоносное событие.

Если бы он остался жив, многое сложилось бы иначе. Он был молод, имел военные заслуги, устраивал обе стороны. На его коронации произносились речи на двух языках – английском и французском. Известие о его смерти сыграло очень важную роль. Хотя все было кончено далеко не сразу.

Вильгельм имел очевидные минусы по сравнению с Гарольдом: ему уже 39 лет; он пришлый, значит, он приведет других людей. Сопротивление не закончилось в день битвы при Гастингсе. И Лондон не был готов с объятиями принять нового правителя. Пришлось долго договариваться.

У Вильгельма хватило ума не штурмовать и не разрушать Лондон. Чувствуя за собой победу, он был готов поторговаться. Он многое пообещал лондонской верхушке – и ему открыли ворота.

Матильда Фландрская, жена Вильгельма.
Иллюстрация XIX в.

Причем обещания он выполнил. Он вообще не вызывал у англичан полного отвращения. Только у отдельных людей. Для кого-то тиран, для кого-то мудрец. Всякий, кто имеет большую власть, очень по-разному характеризуется своим окружением.

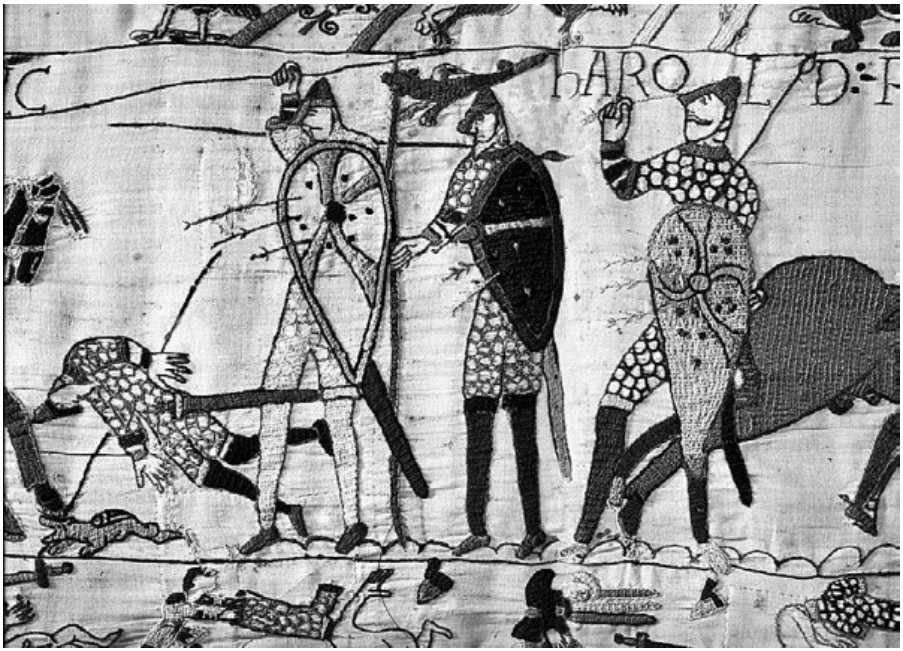
Вильгельм торжественно короновался в Вестминстере. С тех пор это единственно законная коронация для Англии (так же как во Франции можно короноваться законно только в Реймсе). Корона была византийской работы, представляли короля на двух языках – английском и французском, подчеркивая, что он будет милостив и к своим англосаксонским подданным, и к нормандцам. То есть политическое поведение нового правителя было довольно разумно. Похоже, что прозвище Завоеватель вовсе

его не радовало. Он хотел быть не завоевателем, а законным наследником. Но вот ирония судьбы! Все равно в истории он остался Завоевателем.

Сопротивление британцев оставалось значительным. И концом этого процесса считается 1071 год. Пять лет Вильгельму приходилось воевать, случались англосаксонские восстания, довольно заметные. Так продолжалось, пока верхушка англосаксонской знати – тэны, коренные англосаксы – не была истреблена физически. Завоевывая Британию, Вильгельм дошел до Шотландских гор (шотландцы, как всегда, остались независимыми). Не до конца был завоеван Уэльс: там, где оставалось кельтское население, полного подчинения не произошло.

Когда основное сопротивление было сломлено, Вильгельм еще раз показал, что он значительный правитель. В 1086 году, чуть больше чем за год до смерти, он отдал приказ провести первую известную нам в европейской средневековой истории поголовную перепись населения. Тщательную, подробную, чтобы описать все завоеванное, уже как свое, родное, домашнее. Очень важно было систематизировать налогообложение.

Переписчики говорили крестьянам: «Клянись, что говоришь правду, как на Страшном суде». Между прочим, сегодняшних переписчиков почти так же воспринимают многие люди. Их почему-то тревожит, когда приходят и не документы спрашивают, а просто требуют говорить правду о себе, родственниках и доходах.



Стрела попала в глаз Гарольду.
Гобелен из Байе. Фрагмент

Та, первая перепись получила название «Книга Страшного суда». Студенты-историки и сейчас изучают ее в обязательном порядке. В этом документе описаны разнообразные категории крестьянства, с размерами земельных участков, и для каждой категории определено, у кого сколько акров земли, сколько скота и домашней птицы.

Отражено в переписи и имущественное положение знати, в том числе родственников короля. Сразу после завоевания Вильгельм наградил всех, кого следовало, понимая, что иначе его свергнут. Но раздавал он земли очень благоразумно, с точным прицелом на будущее.

Приближенные получали поместья в разных частях Англии. Вильгельм заботился о том, чтобы на Британских островах не возникло ничего похожего на герцогство Нормандское, которое лишь формально оставалось под властью французского короля. И чтобы не было ничего подобного графству Шампань, которое французскому престолу толком не подчинялось вплоть до нового времени. Он не позволил возникнуть и очередному герцогству Бургундскому, которое во время Столетней войны будет выступать на стороне врагов французской короны. Он все это как будто предвидел. Ведь именно тогда появились сами названия – Англия и Франция. Две эти страны начали размежевываться. Не желая, чтобы здесь, в Англии, все было как во Франции,

Вильгельм седьмую часть всех земель оставил за королем. А поместья знати разбросал по разным частям страны.

Умер Вильгельм смертью воина. В 1087 году ему пришлось воевать с очередными недовольными баронами в Нормандии. Захватив город Мант, он объезжал его пылавшие развалины – и был сброшен конем на землю. Такое падение в возрасте 60 лет оказалось роковым. Король был перевезен в Руан, где вскоре умер. Преемником стал его второй сын, тоже по имени Вильгельм, который вошел в историю с прозвищем Рыжий. От судьбы не уйдешь!

Готфрид Бульонский. Защитник гроба господня

Слово «Бульонский» для русского уха звучит занятно. Но носитель этого имени – фигура вполне серьезная. Герцог Нижней Лотарингии. Бульонский – по названию родового замка Bouillon. Дата рождения предполагаемая – 1060, дата смерти определенная – 1100 год. Точная причина смерти неизвестна.

Один из предводителей Первого крестового похода 1096–1099 годов. Главный ли он в этом походе? Споры бесконечны. Точно одно – при нем шло 20-тысячное войско, собранное в Лотарингии. И доподлинно известно, что в Иерусалиме, куда крестоносцы все-таки дошли, где они на время победили мусульман, Готфрид приобрел необычайный титул – Защитник Гроба Господня.

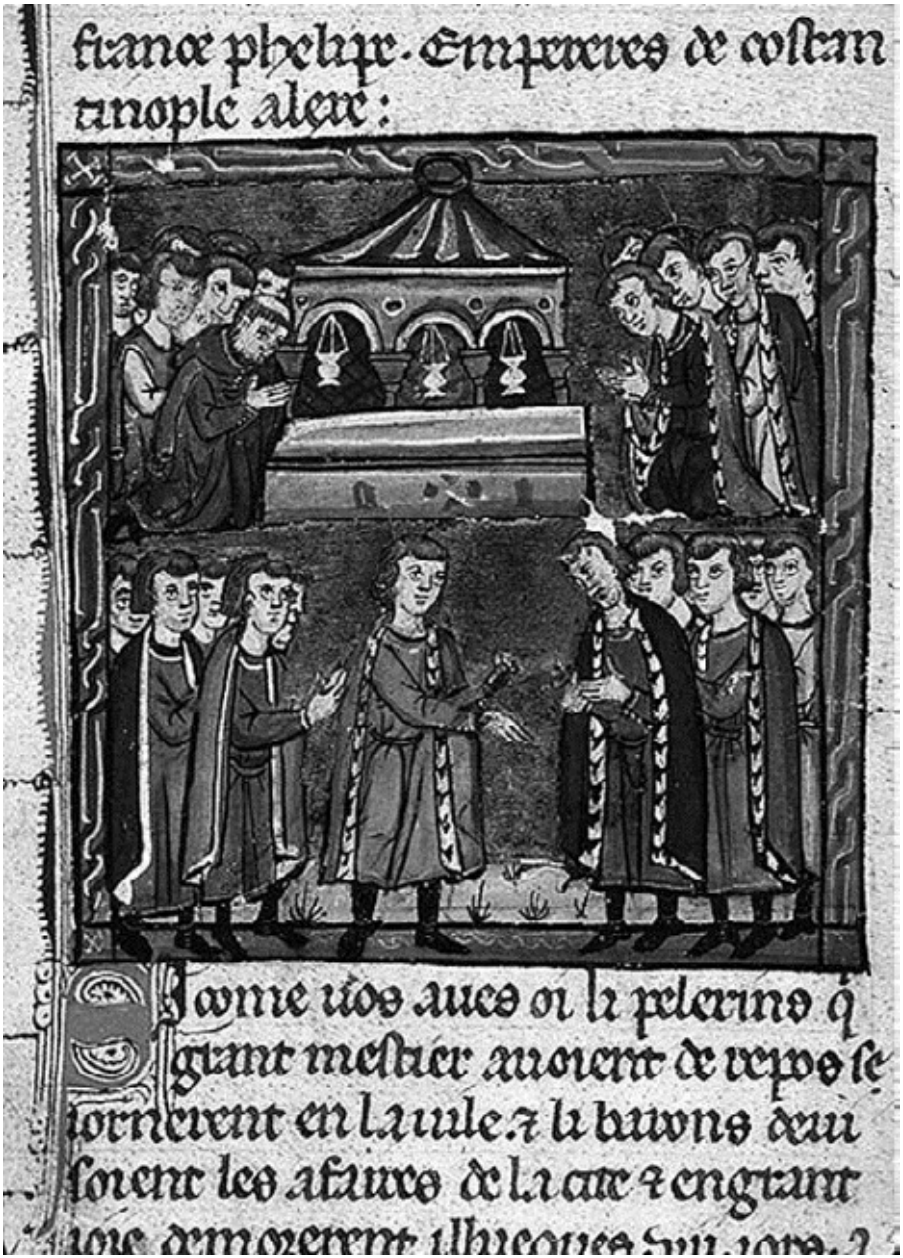
Но вернемся к началу. Что же такое Лотарингия? Это вечное яблоко раздора между Францией и Германией, образовавшееся в IX веке, когда

11 августа 843 года три внука Карла Великого – сыновья короля франков Людовика Благочестивого Лотарь I, Карл II Лысый и Людовик II Немецкий заключили Верденский договор – соглашение о разделе империи.

Западно-франкское королевство получил Карл Лысый. Восточно-франкское – будущую Германию – Людовик Немецкий. А между этими владениями оставили воображаемый (а потом и реальный) коридор, часть Северной Италии, завоеванную Карлом Великим, и земли по течению Рейна. Промежуток между будущими Францией и Германией. Так и образовалось это яблоко раздора – Лотарингия, которая досталась старшему брату по имени Лотарь.

Королевство Лотаря было, конечно, нежизнеспособно. Позже, в середине X века, Нижняя Лотарингия отделилась от Верхней. Сегодня эта долина реки Мааса частично в Бельгии, частично во Франции, Германии, Люксембурге.

Готфрид из рода графов Булони, которые утверждали, что восходят прямо к Каролингам. По крайней мере, его мать Ида, безусловно, была из потомков Карла Великого. Ее брат – герцог Нижнелотарингский Готфрид. Он передал любимому племяннику свой титул.



Избрание Готфрида Хранителем
Гроба Господня. XII в.

Отец – Евстафий II – верный друг и приверженец Генриха IV, германского императора, вступившего в непримиримую борьбу с отчаянным, харизматичным Папой Григорием VII. Известен эпизод трехдневного покаяния императора перед Папой в городе Каноссе в 1077 году.

Евстафий, который был на стороне императора, оказался

враждебен Папе Римскому. Есть версия, что личный энтузиазм Готфрида в отношении участия в Первом крестовом походе отчасти связан с желанием искупить отцовский грех противостояния самому Папе.

Когда Готфрид сделался знаменит как Защитник Гроба Господня, молва приписала ему задним числом необычное происхождение. Будто бы происходил он от некоего рыцаря-Лебедя, – это персонаж лотарингских саг, символ рыцарства. И мать якобы предсказала будущее этого ребенка.

Графы Булони были обеспеченнее многих других:

Нижняя Лотарингия в те патриархальные времена побогаче многих других областей.

Однако в положении Готфрида есть один минус. Большую часть своих земель он получил от благодарного императора Генриха IV в качестве бенефиция. Была такая форма земельного владения, возникшая в Западной Европе в VIII веке. Это земля, даваемая сеньором вассалу при выполнении определенных условий. Прежде всего, военная служба, клятва верности. Доходы с этой земли бенефициарий (то есть тот, кому она дана) получает полностью. Но он владеет ею только на протяжении жизни. Бенефиций не наследуется. Наследственным позже станет феод.

Так что основная часть земель Готфрида— бенефиций. И это толкает исследователей, склонных толковать Крестовые походы грубо материалистически, утверждать, что главным было получение земель на Востоке, а вовсе не религиозная идея.

Наверное, определенная доля истины в подобных рассуждениях есть. Людям свойственно думать о потомках. Кстати, братья Готфрида – старший, граф Евстафий Булонский, и младший, Будуэн, вообще не имевший владений, тоже очень энергично проявили себя в Крестовом походе.

XI век – это рубеж раннего и зрелого Средневековья. В Крестовых походах как в капле воды отражается существо эпохи со всеми ее противоречиями.

Официально было восемь Крестовых походов, между 1096 и 1270 годами. В 1270, при подготовке восьмого похода, умер французский король Людовик IX Святой, его совершенно правильно называют «последний крестоносец». Движение иссякло.

Что стало поводом для походов? В 70-х годах XI века в результате нескольких акций турки-сельджуки отвоевали у слабеющей Византии Иерусалим, связанный со всеми христианскими преданиями. Это город, где должна находиться Голгофа, где был распят Христос, где он прошел свой Крестный путь с терновым венцом на голове и где был христианский храм,

называвшийся храмом Гроба Господня. Хотя гроба как раз у Христа не было. В храме и по сей день находится камень, на котором омыли его тело, прежде чем совершить захоронение в пещере, по законам того времени и приперев вход в пещеру тяжелым камнем. То есть Иерусалим – это святыня святынь. Это камни, по которым ступали ноги Христа, апостолов, место, где все начиналось.

Турки захватили город, построили мечети и поместили там свои мусульманские святыни. А религиозные чувства были в эту эпоху очень сильны в Западной Европе.

В ноябре 1095 года в южнофранцузском городе Клермоне Папа Урбан II, человек значительный, сильный, умный, хитрый политик, созвал Собор. После девяти дней работы, в течение которых разрабатывались реформы по очищению церкви, было объявлено, что Папа выступит с речью за городской стеной.

В том, что он решил выступить не в церкви, было что-то необычное. Стали сооружать помост. Стук топоров, визг пил, всеобщее волнение… 26 ноября 1095 года Папа, в роскошной тиаре, во главе торжественной процессии вышел из городских ворот на поле, возбуждение многотысячной толпы достигло очень высокого уровня.

Сохранились несколько описаний папской речи. Одно из надежных оставил хронист Роберт Реймский, который, видимо, присутствовал там лично.

Папа говорил перед огромной толпой. После каждой фразы делал большую паузу, чтобы те, кто его услышал, пересказывали другим. А те – следующим. Так что каждый фрагмент повторялся по многу раз. Поэтому речь запомнилась, и текст ее нам известен.

Сначала Папа описал страдания христиан на востоке. Раздался общий плач. Вообще человек Средневековья бурно проявлял свои чувства. В нем была свойственная ранним цивилизациям детскость и простота.

Затем Урбан II сказал рыдающей толпе: «Земля, которую вы населяете (а это юг Франции), сжата отовсюду морем и горами. Поэтому она сделалась тесной при вашей многочисленности. Богатствами же она не обильна и едва прокармливает тех, кто ее обрабатывает. Отсюда происходит то, что вы друг друга кусаете и попрекаете, аки псы, ведете войны, наносите раны. Пусть же теперь прекратится ваша ненависть, смолкнет вражда, стихнут войны и задремлют междоусобия. Идите ко Гробу Святому. И Святая Церковь не оставит своим попечением ваших близких… Освободите святую землю из рук язычников и подчините ее себе».

Не забыл Урбан II сказать и о материальной стороне дела. Вдруг нечто такое практическое звучит в его высокодуховной

речи: «Земля та течет молоком и медом. Иерусалим – пуп земли, плодороднейший, второй рай. Он просит, ждет освобождения. Кто здесь горестен и беден – там будет радостен и богат!»

Слова Папы прозвучали очень вовремя. Это было тяжелое время после Великого переселения народов. В Западной Европе перед первым Крестовым походом случились так называемые «семь тощих лет». Неурожай, страшный голод. А раз голод – значит эпидемии, вымирают целые деревни. Призывы Папы упали на подходящую почву. Люди готовы были бежать от своих бед. Туда, куда указал Папа.

Готфрид во главе войска. XII в.

Урбан II призвал начать поход 15 августа, в день Вознесения Богородицы. Но крестьяне не вытерпели, пошли раньше – и не

дождались огромного урожая 1096 года.

Начало Крестовых походов было просто ужасно. Крестьяне не знали толком, куда идут. Ничего не знали о расстоянии, о географии. Завидев какой-нибудь немецкий город, увидев шпиль собора, спрашивали: «Это не Иерусалим?»

Поначалу выражения «крестовые походы» не было. Говорили «путь к Храму». Паломничество. Так называли это современники. А название «крестовые походы» возникло потом, потому что участники этого движения нашивали на одежду кресты. Самые фанатичные могли даже в религиозном порыве выжечь или вырезать крест на своем теле.

Духовная составляющая была очень важна. В рационально мыслящем XVIII столетии просветители назвали Крестовые походы «странным памятником человеческой глупости», «кровавым безумием». Безусловно, нужен элемент безумия, чтобы отправиться вот так, совершенно не понимая куда. Крайние скептики со второй половины XIX века вообще заявляют: «Да они просто грабили по дороге!» Грабили. Еще как грабили. Совершали всяческие жестокости? Безусловно. Где же их религиозность? Ну, жестокость против «неверных» казалась участникам этого движения вполне оправданной.

Это страшное воинство, разграбив по дороге Венгрию, появилось в Константинополе. Пришли к императору Алексею II Комнину и потребовали: «Переправляй нас в Иерусалим, мы защитим, спасем, освободим земли!» Он увидел, что это такое, и поспешно отправил паломников в Малую Азию.

Там десятки тысяч людей, не дойдя до Иерусалима, безоружные, считавшие, что стены его падут, когда появятся правоверные, были практически полностью истреблены турками-сельджуками.

А что же рыцари? Элита тоже испытывала большие трудности. В Западной Европе возник принцип майората. Все богатство, недвижимость в рыцарской семье достаются по наследству от отца только старшему сыну. В итоге младшие и средние сыновья становятся бичом Европы. В кого они превращаются?

Ни один из них не пойдет пахать. Это обученные вооруженные люди. И они естественным образом превращаются в разбойников.

Западную Европу настигает такой кошмар, как рыцарский разбой. Дороги непроходимы. Рыцарские шайки грабят, захватывают людей в плен, требуют выкуп. Знакомое явление, увы, не оставшееся в Средних веках.

Христианская церковь, призванная умиротворять паству,

обеспечивать душевное спокойствие, ощущает свою ответственность за то, что творится. А умиротворить ее не так просто. К тому же в 1054 году произошло разделение церквей на Западную и Восточную, в будущем католическую и православную. Никто не думал, что это надолго. Все были убеждены, что это временные догматические расхождения, которые будут скоро преодолены. А каждая из ветвей надеялась, что объединит всех именно она, объединение произойдет под ее крылом.

И поэтому замысел грандиозного мероприятия был логичен.

Крестовый поход – это смесь духовных идей, политических амбиций и страстей, материальных интересов. Религиозное начало нельзя приуменьшать. Для человека Средневековья церковь была почти единственным центром духовной культуры: живопись, витражи, музыка, даже церковный театр. Там – знание. Конечно, она очень влиятельна. И страшные сцены мучений в аду на стенах соборов…

Готфрид Бульонский отправился в Крестовый поход в возрасте 36 лет. Поэтому странно, что многие хронисты называют его «юным». Для Средних веков это даже не молодость. Видимо, его отличала какая-то пылкость и горячность натуры, умение и желание воевать, а также привлекательная внешность. Все это для рыцаря той эпохи было совершенно обязательным. И, конечно, то, что он снарядил отряд из 20 тысяч человек.

Конных рыцарей в отряде была примерно треть, остальные – пешее войско. Но все равно затрачены огромные деньги. Один только рыцарский конь стоил невероятно дорого. Он был специально обучен мчаться на врага, даже кусать его. Рыцаря в полном вооружении называют «танк Средневековья». Он несется на врага, держит наперевес тяжелое копье. Его задача – обязательно сбить противника с коня, потом уже любым оружием добивать на земле. Это очень сложное и дорогостоящее войско.

Готфрид первым подготовился к походу и единственный уложился в тот срок, который определил Папа Римский. Чтобы снарядить отряд, он продал, причем быстро и потому не очень выгодно, родовой замок.

Свое 20-тысячное лотарингское войско Готфрид повел пешим путем, тем же, которым шли крестьяне, – через Венгрию, Болгарию, Фракию, в Византию, в Константинополь.

Появившись на берегу бухты Золотой Рог, Готфрид запросил, чтобы Алексей II Комнин обеспечил передвижение войска в Малую Азию. Император, наверное, испытывал сложные чувства. Вдруг произойдет то же, что с крестьянским воинством? Но нет, рыцари вели себя иначе. Он сразу откликнулся на просьбу обеспечить их провиантом, но вступил с Готфридом в

бесконечные переговоры: требовал, чтобы Готфрид поклялся, – а для рыцаря это очень серьезно в эту эпоху, – поклялся, что все земли, какие будут завоеваны на Востоке, он примет как вассал византийского императора.

Готфрид категорически отказался от вассальной клятвы, сказав, что он служит только Богу.

Но его взяли измором. Император византийский прекратил снабжение войска и не переправлял его через пролив. Возникла угроза бунта, голода, мора. Готфриду пришлось сдаться, как, впрочем, и остальным предводителям Крестового похода.

Он вел людей не один. Такими же видными фигурами были еще два человека. Первый – граф Раймонд Тулузский. Ему было уже за 60, хотя он и держался очень бодро. Он был очень знатен и богат. При этом страшно жаден. Не тратился, как Готфрид. Имел опыт борьбы с мусульманами, с арабами. Будучи алчным, отличаясь дурным нравом, со временем перессорился со всеми соратниками. И признавать его абсолютное лидерство мало кто был склонен.

Второй, самый заметный, – Боэмунд Тарентский, родом из Тарента, маленького княжества на юге Италии. Ему примерно 40 лет, он сын знаменитого нормандского вождя Роберта Гвискара, того, что завоевал Южную Италию и Сицилию и создал там королевство.

Боэмунд Тарентский вел за собой викингов. Среди них был легендарный Танкред, который во всех источниках представлен как идеал рыцарственности: в нем сочетаются физическая сила, бесстрашие, несклонность к политиканству.

Кроме того, в войске присутствовал папский легат Адемар де Пюи, епископ, которого Урбан II назначил духовным главой первого Крестового похода.

Так что нельзя утверждать, будто Готфрид Бульонский был единственным, кто мог со временем занять главенствующее место среди крестоносцев.

Готфрид все-таки дал византийскому императору вассальную клятву – и его первым переправили в Азию.

Важнейшее сражение первого Крестового похода происходит у стен Никеи, которая 20 лет назад отвоевана у Византии турками-сельджуками. Готфрид впереди. Но, судя по данным хронистов, среди рыцарей не выделяется.

Победа далась тяжело. Пало две тысячи крестоносцев, это очень много. Но впереди еще более тяжелые испытания у стен Антиохии. Тяжелейшая осада, болезни, стычки. Готфрид получил тяжелую рану.

Больше всех отличился Боэмунд Тарентский. Как

предводитель он более заметен.

Готфрид и византийский император.
Гравюра XIX в.

Дальше – еще страшнее. Те, кто захватил Антиохию, сами оказываются в осаде. Подошли сельджуки, сильная армия

Кирбоги Мосульского.

Пошла молва, что дело плохо. При осаде рыцари понесли страшный урон. Находится некий священник, который говорит: «Мне было видение, что в одной из христианских церквей Антиохии зарыто чудесное копье». То ли это копье, которым римский легионер проткнул тело распятого Христа, то ли то, которое почему-то было символом духовной силы самого Христа. В общем, веря в эти сказки, крестоносцы начинают искать. Если найдут – победа гарантирована, нет – плохо дело.

Копье, которое они в итоге нашли, было явно мусульманским, судя по форме, римским оно быть не могло. Но для рыцарей это не важно. Не догадываются они и о том, что священника, у которого «было видение», вероятно, подослал граф Тулузский, чувствуя, что Боэмунд его опережает. Ведь стоит вопрос, кто будет править Антиохией после гипотетической победы.

Найдя копье, воодушевленные крестоносцы одержали победу. Причем превзойти Боэмунда Тарентского все-таки никому не удалось. Он становится первым в княжестве Антиохийском.

Распри среди единоверцев были непозволительны. Они, конечно, случались, но до смертоубийства не доходило.

Готфрид Бульонский двинулся дальше. Пошел на Иерусалим. Описания того, как крестоносцы появились под стенами Иерусалима, производят сильное впечатление.

Устроили крестный ход вокруг стен города. Надеялись, что стены рухнут. Нет, не рухнули.

Готфрид Бульонский был не только верующим, но и реалистом. Именно по его инициативе, по его приказу и, наверное, на его средства была изготовлена деревянная башня, которая прикрывала штурмующих, подобно римской боевой технике. Это не буквально римское стенобитное орудие, но нечто подобное. Такое приспособление позволило подойти вплотную к стене в той части, где Готфрид возглавлял штурм, на северо-востоке. Он выделился из всех вождей. И буквально первым или среди самых первых ворвался в Иерусалим.

Штурм произошел 15 июля 1099 года. Считается, что это произошло в день и час смерти Спасителя. То есть без религиозной подоплеки там ничего не происходило.

Потом последовали два дня абсолютного истребления. Страшнейшая резня! Даже в Средние века не всегда, не во всяком захваченном городе устраивалась такая бойня. Убийство мусульман, иудеев, вообще всех нехристиан, считалось делом благим. Очень немногие были проданы в рабство.

А ведь подойдя к Иерусалиму, крестоносцы все хором

рыдали. И есть множество живописных полотен XVIII, XIX веков, где трогательно изображено, как при виде священных стен они все пали на колени, полные возвышенных чувств. И они же двое суток заливают реками крови этот великий город.

По легенде, Готфрид лично в этом не участвовал. Оставив оружие, пошел в храм. Но именно таким его и следовало изобразить – истинным Защитником Гроба Господня.

Кто будет править городом? Ходили разговоры о том, что нужен единый правитель. Церковники хотели, чтобы высшим правителем стал глава церкви – Папа, наместник Бога на земле. А низшим чинам никакие правители особенно не симпатичны. И в этих борениях умов на первом месте твердо оказывается Готфрид Бульонский.

Создана коллегия из десяти человек – Совет уважаемых. Они опросили всех, как трогательно подчеркивают источники, даже домашних слуг, каков Готфрид в повседневности. И, придя к выводу, что очень хорош, избрали его. Но он сразу сказал: «В городе, где Иисус носил терновый венец, я никакого венца на свою голову не надену». И принял титул не короля, не царя, а Защитника Гроба Господня. Красиво.

Но судьба не дала ему долгой жизни. Вполне может быть, что он был убит, но доказать ничего невозможно. Готфрид был избран в 1099 году, а умер в 1100. Один год пробыл в статусе Защитника.

Перед смертью успел распорядиться, оставил титул младшему брату. А тот принял корону и стал первым главой Иерусалимского королевства. Оно просуществовало не очень долго, формально до 1291 года.

А сам Готфрид был похоронен в храме Гроба Господня, у входа. В XIX веке могила была разрушена. Но все равно он, как и предполагал, остался в Святой Земле.

Марко Поло. Европейский взгляд на чудеса востока

Марко Поло, итальянский купец и путешественник XIII века, оставил письменное свидетельство, не очень объемное, но потрясшее Европу. Потрясшее именно потому, что он описал Азию. Перечислю нынешние страны, на территориях которых он побывал, – Иран, Китай, Монголия, Индия, Индонезия. А также не азиатские, но не менее экзотические Армения и Азербайджан. Огромный круг. А по рассказам он знал даже о Японии, потому что там побывали люди хана Хубилая, у которого он служил.

Хубилай – монгольский правитель Китая, скромно называвший себя владыкой мира. Служба у него при дворе и путешествия заняли 24 года жизни Марко Поло. Но биография его на этом не завершилась. Он вернулся в Венецию, воевал, оказался в генуэзском плену. И в тюрьме продиктовал свою удивительную «Книгу о разнообразии мира». До нас дошло около ста ее списков. Эта книга была, например, на корабле Колумба, который сделал на ней 70 пометок.

Воссоздать жизнь человека, чья книга сыграла такую важную роль в европейской истории, очень заманчиво. А ведь далеко не все известно точно: очень уж давно он жил.

Марко Поло родился в Венеции в 1254 году (для сравнения: это времена монголо-татарского нашествия на Русь).

Умер там же в 1324 году. Долгая жизнь для человека Средневековья!

Его мать очень рано умерла. Отец— Никколо Поло, торговец ювелирными изделиями и пряностями. И тоже путешественник.

О происхождении Марко Поло немало написано. Например, хорватские исследователи XIX века утверждали, что он был родом из Хорватии. Дело в том, что недалеко от Дубровника, на острове Корчула, есть дом, принадлежавший семейству Поло.

Да, они много и интенсивно торговали, не были бедны, владели домами в разных частях света. А Далмация, где расположен этот дом, находилась под большим влиянием соседней Венеции.

Есть и совсем спекулятивная версия, что «поло» – это поляк. Возникла она из-за того, что на обложке одного старинного издания слово «поло» написано с маленькой буквы. И получается тогда не фамилия, а что-то вроде прозвища на немецкий лад. Но подобные предположения более чем сомнительны, и всерьез их принимать нельзя.

Документов, связанных с Марко Поло, сохранилось немало, но они касаются в основном поздних этапов его жизни. А детство остается в полной тени.

Марко родился, когда отец был в далеких краях. Он отправился вместе с братом Маффео в путешествие, оставив жену в ожидании ребенка, и отсутствовал ни много ни мало 15 лет. Представители семейства Поло были удивительно подвижными: у них внутри будто работал какой-то двигатель, который увлекал их в дальние края.

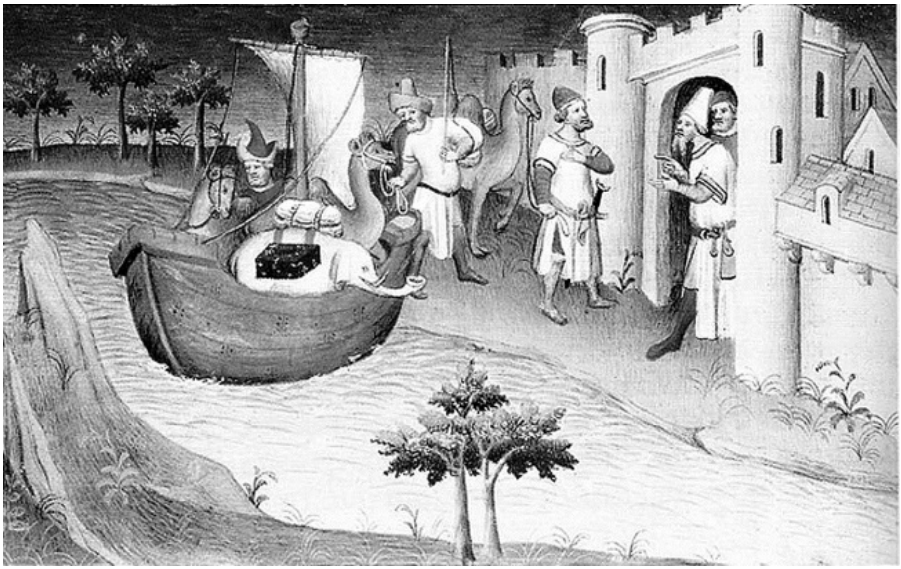
Иногда пишут, что это просто купеческая страсть. Венеция была крупным торговым центром. Вскоре после Марко Поло, уже в XIV веке, там зародятся основы капиталистической экономики, а эти отношения начинаются как раз с торговли и потом приходят в производство. Да, наверное, купцов влекла прибыль. Но все-таки не только она.

Итак, тяга к путешествиям была у Марко Поло в крови. О его детстве мы ничего не знаем наверняка. Неизвестно, ходил ли он в школу, был ли образован. Зато в путешествиях он совершенно точно овладел как минимум четырьмя языками. То есть безграмотным его не назовешь.

Можно лишь представить себе, как могло протекать его детство. Маленький Марко мог и должен был заходить в собор Святого Марка в Венеции, видеть дивные скульптуры коней, работы Лисиппа, которые были привезены в качестве трофея из Константинополя…

Только с его 15-летнего возраста у нас есть точные данные.

Его отец Никколо и дядя Маттео (или Маффео) для начала отправились в Крым, центр торговли в Солдайя, нынешнем Судаке. Там торговал их третий брат. Они прибыли с целью продвинуть дела семьи. В этих местах шла торговля рабами, самая выгодная в то время. (В Венеции XIV века были и рабы, и работорговля.) А побыв у брата, они, вместо того чтобы отправиться домой, двинулись на Восток. Прибыли в Поволжье, побыли у хана Берке, который приходился внуком Чингисхану, и через год, как пишет в своей книге Марко Поло, «отправились на восход солнца». Можно, конечно, пытаться объяснить это исключительно их алчностью. Но есть еще и колоссальная любознательность, а также свойственная западным людям того времени романтизация Востока.



Марко Поло входит в город.
Миниатюра из «Книги чудес». Нач. XV в.

Сведения о Востоке были весьма специфичны. В средневековых энциклопедиях утверждалось, например, что там обитают единороги – животные с телом быка или лошади и с длинным прямым рогом на лбу. И подчинить их могут только девственницы. А еще в восточных землях «живут существа с одной рукой и одной ногой. И потому, не умея ходить, крутятся колесом». Водятся люди хвостатые, как собаки. Есть предположение, что хвостатыми людьми называли человекообразных обезьян, увиденных кем-то из путешественников. Появляется и гигантская птица-рок с огромными крыльями. Схватив слона, которого западные люди тоже представляли себе очень приблизительно, она бросает его с большой высоты на землю и потом пожирает его мясо.

Замечательный поэт Н.С. Гумилев дает такой ответ на вопрос о том, что влекло братьев Поло «на восход солнца»:

Купцам и прибыль и почет.
Но нет; не прибыль их влечет
В нагих степях, над бездной водной;
О тайна тайн, о птица Рок,
Не твой ли дальний островок
Им был звездою путеводной?

Поэт понимает глубже.

Так или иначе, братья Поло добрались до Бухары и пробыли

там три года. После походов Чингисхана Бухара была совершенно разрушена. Но сын завоевателя Угедей восстановил город, который теперь снова прекрасен. Теперь там правил Боракхан, правнук Чингисхана.

Итальянские путешественники были приняты милостиво, вот что интересно. Почему монгольские правители после кровавых нашествий, покорив столько европейских стран, так мило, спокойно и благожелательно принимают людей с Запада? Видимо, дело в том, что монголы к этому времени абсолютно уверовали в свое всемогущество.

В большинстве своем они считали себя владыками мира. И им уже не казались страшны представители разоренных, покоренных ими стран. Но они были им интересны, почти так же, как европейцам единороги.

Так что отец и дядя Марко Поло спокойно любовались Бухарой и, наверное, занимались торговлей. Они разбогатели, причем все их богатство было в драгоценных камнях – в том немногом, что можно везти на огромное расстояние.

А потом они двинулись дальше «на восход солнца», а именно – в Китай. Туда, где была главная столица Монгольской империи. В пути они пробыли год, среди кочевников. Те никогда не стирали одежду, боясь, что боги накажут их за осквернение воды. Ребенка монголы мыли четыре раза в течение первых 28 дней его жизни. И все. После этого – никакого мытья.

Западноевропейцы не отличались высоким уровнем бытовой гигиены. Они только в Крестовых походах в XII веке узнали, что можно мыться горячей водой, и узнали именно на Востоке. Но в цивилизованных странах Востока. Кочевники же были совершенно иными.

Итальянцы прибыли к великому Хубилаю – внуку Чингисхана. Тогдашняя столица Китая, которую завоевал Чингисхан, называлась Дасин. Она была разрушена, а на ее окраине выстроен город Ханбалык, будущий Пекин.

Хубилай оставил в истории очень заметный след. Человек с крепким характером, он пришел к власти после междоусобиц среди потомков Чингисхана, сумел подавить сильных конкурентов, и прежде всего своего брата. Укрепившись на престоле, он действительно ощутил себя владыкой мира, ведь пространство, покорившееся монгольской династии, было совершенно невероятно. Именно Хубилай завершил покорение Китая.

Путешественники были приняты при его дворе необычайно хорошо. Этому есть объяснение. Мать Хубилая Сиур Коктени была христианкой из татарского племени кераитов, крещенных по

несторианскому обряду.

Хубилай приказал Никколо и Маттео передать послание Папе Римскому. Он, владыка мира, предлагал Папе, чтобы тот стал его вассалом. Конечно, при таком отправном пункте трудно было надеяться на успех переговоров.

Тем не менее Хубилай попросил также прислать ему проповедников христианства, намекая, что, может быть, и примет эту религию. Он велел также привезти немножко маслица, как он выразился в послании, – с гробницы Христа в Иерусалиме. «Владыке мира» была свойственна относительная веротерпимость.

В книге Марко Поло описываются буддистские храмы, мечети и несторианская христианская церковь. Гости с Запада, поборники Крестовых походов, были наверняка поражены этим спокойным отношением к разным религиям. Они не могли знать, что это общее свойство той стадии развития цивилизации, на которой находился монгольский Китай: здесь недавно царили родоплеменные отношения, при которых не бывает религиозного фанатизма.

С этим заданием братья, пробывшие у Хубилая три года, в 1269-м отправились обратно в Венецию. Правитель дал им в дорогу золотую дощечку, на которой были знаки, служившие пропуском по всей необъятной империи монголов. Путешественников никто не смел обидеть.

Когда отец и дядя вернулись в Венецию, Марко было 15 лет. Мать к тому времени уже скончалась. Отец сразу женился на другой и ненадолго зажил вместе с сыном посемейному.

Но надо было выполнять поручение. И вряд ли от страха перед Хубилаем, который был все-таки очень далеко. Просто хотелось вернуться с выполненным заданием и заслужить благодарность великого правителя.

Однако произошла заминка: один римский Папа скончался, другой не был избран. Пришлось мучительно ждать. Наконец появился Папа Григорий X, и братьям Поло удалось с ним встретиться, рассказать о своем задании. А у Папы была мечта – союз с монголами против мусульман. Не был он и против того, чтобы осуществить евангелизацию монгольской династии в Китае.

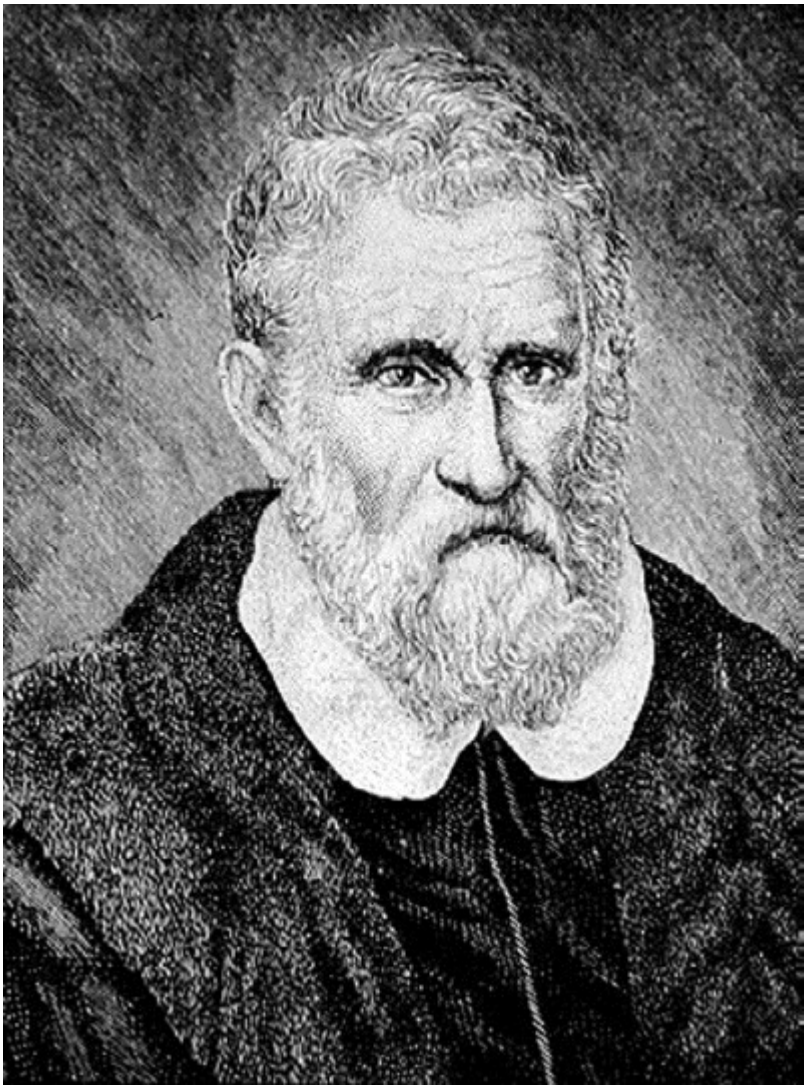
Поэтому он дал людей, чтобы те поехали с братьями Поло, но не сто, а двух человек. А еще с собой взяли юного Марко (ему исполнилось 17 лет). Вместе с отцом и дядей он отправился в Китай через Месопотамию, Иран, Памир, Кашгарию. Безумство! Папские посланцы по дороге измучились, оголодали, расхворались и покинули отчаянных путешественников Поло.

Но они не сдались и продолжили со своей золотой дощечкой пробираться через разные земли, где были и противоречия, и местные войны, и разбой. Может быть, у них была счастливая звезда… Марко Поло позже напишет, что Создатель позволил им совершить эти великие путешествия.

Прибыв в 1271 году, путешественники пробыли при дворе Хубилая 24 года. За это время они заняли там довольно значительное положение. Правителю особенно понравился

Марко – полный энергии, деятельный юноша. Когда читаешь книгу Марко Поло, легко представить себе ее автора – очень любознательного, доброжелательного человека, совершенно лишенного злобной ограниченности. Для него характерна фраза «я внимательно приглядывался ко всему». О многом он пишет: «Это я видел сам». А когда он передает что-то, что ему рассказывали, то предупреждает, что эти сведения получены от «людей нелживых и верных». Через некоторое время Хубилай сделал Марко Поло членом Тайного совета. Это, видимо, сразу вызвало напряжение среди придворных.

Венецианцы не были первыми, кто побывал у монгольских правителей Китая. Так, в 1249 году в Каракоруме (это в Монголии), бывшем столицей Монгольской державы до Пекина, был посол французского короля Людовика IX Святого, францисканец Андре Лонжюмо. Людовик тоже искал союза с монголами против мусульман.



Неизвестный художник.
Марко Поло. XVI в.

В 1252 году была знаменитая миссия Гильома Рубрука; после седьмого Крестового похода, после неудач в Египте и Тунисе, его тоже отправил туда Людовик IX, искавший союзников на востоке. Союза не сложилось. Но Рубрук оставил замечательные записки. В них он сообщает, что встретил у монгольских правителей Китая ювелира-парижанина, некую даму из Лотарингии, захваченную в плен в Венгрии (где только не побывали монгольские завоеватели!) и вышедшую замуж за угнанного монголами русского ремесленника.

Но, несмотря на эту пестроту, венецианцы явно продвинулись больше других.

Как член Тайного совета, Марко Поло начал выполнять поручения хана, о которых он пишет сдержанно, не очень ясно. Например, ему было велено отправиться на Цейлон и там попробовать купить величайшую ценность – зуб Будды.

Потом Марко предположительно стал управителем одной из китайских провинций Янчжоу.

Венецианцы разбогатели. В 1290 году они начали проситься домой. Томила тоска по родине? Вероятно, да. Хотелось увидеть близких, родную Венецию. Но, кроме того, как любимцы хана, они нажили много недругов. А Хубилай старел и слабел на глазах. Он мог умереть. Они понимали, что тогда их жизнь будет очень короткой.

В первый раз в просьбе им было отказано. Хубилай не гневался, не угрожал, а, напротив, ласково интересовался, что еще сделать для них, чтобы они остались. Они не посмели перечить.

Но через два года, в 1292-м, им на помощь пришел счастливый случай. Персидский хан Аргун, внучатый племянник и вассал Хубилая, прислал послов и письмо, в котором просил направить к нему в Персию невесту из рода своей матери. В этой части великой Монгольской империи в то время была традиция жениться на собственной матери. Был женат на своей матери и Аргун. Но она скончалась и взяла с него предсмертную клятву, что новую жену он возьмет только из ее монгольского рода. Специальное посольство из Персии прибыло к Хубилаю.

Был смотр девушек. Выбрали некую царевну Кокичин, которую сочли достойной. Она очень понравилась персидским послам, и решено было отправить ее в Персию. Караван отправился, но через восемь месяцев вернулся. Пройти в Персию не удалось: по пути было много войн, разбоя, и, вполне справедливо опасаясь за судьбу царевны, посланники возвратились.

А Марко Поло с родственниками недавно по поручению Хубилая побывал в Индии. И он сказал: «Я знаю морской путь в Персию, вокруг Индии. Я один или мы вместе можем показать его». И Хубилай вынужден был их отпустить, взяв страшную клятву, что они непременно вернутся.

Клятву они, конечно, дали – и радостно поплыли на запад. Западом для них в тот момент была Персия, а вдали – Венеция.

Хубилай отправил их с целым флотом – 14 кораблей. Флот для этого времени могущественный. На каждом корабле находилось от 200 до 300 моряков. По тем временам династия владела немыслимыми богаствами.

Царевну доставили, удостоились щедрой награды от

правителя и наместников, вассалов Хубилая на персидском Востоке. Получили еще четыре золотые охранные дощечки. На них разные рисунки. На одной орел, на второй другая какая-то фантастическая птица, на третьей и четвертой – загадочные письмена. Все это означает, что они избранные персоны, к ним надо относиться очень хорошо.

В Персии в 1295 году венецианцев настигло (пришло с караванами купцов) известие о смерти Хубилая.

Они свободны! И они двигаются дальше на запад, через Трапезундскую империю – торговое образование на северо-востоке Малой Азии под большим влиянием Венеции. И возвращаются домой.

Добрались до дома все трое: Марко и его немолодые уже отец и дядя, с великими богатствами и почетной свитой. А отец привез с собой еще и двух внебрачных сыновей, монголо-китайского происхождения.

Вернувшись, они еще пожили в Венеции. Эти Поло были удивительные люди, с каким-то мотором любознательности и отваги, заключенным в организме, и, видимо, с весьма крепким здоровьем. Своим восточным детям Никколо дал итальянские имена. Один из них стал потом управляющим делами Марко Поло. В общем, сложилось большое монголо-татаро-китайско-итальянское семейство. Какой-то удивительный средневековый интернационал!

Сначала, правда, не обошлось без драматизма. Когда путники постучались в свой старый дом, их не узнали. Ведь они были в истрепанной и странной одежде, да и черты их лиц изменились за 25 лет.

Потом признали, пустили в дом, но начали сомневаться в их рассказах. Трудно было поверить, что они были у китайского императора.

Поло устроили огромный пир, три раза во время этого пира меняли наряды, одеваясь все роскошнее и роскошнее и раздавая драгоценные ткани слугам, чтобы все поняли, как они богаты. А потом вышли в своей старой одежде, в которой прибыли, и на глазах изумленной публики стали из складок этой одежды вынимать драгоценные камни, которые составляли теперь их состояние.

Так они закрепились в Венеции. Маттео стал судьей, то есть занял очень приличное положение. А Марко уже в 1296 году, еще не обзаведясь собственной семьей, отправился воевать, ибо началась ожесточенная война между торговыми конкурентами, перешедшая в кровавую резню между Венецией и Генуей. Он командовал одной из венецианских галер. Человек отважный,

физически сильный, и мужества ему было не занимать. Но венецианцы потерпели поражение, Марко был захвачен в плен и посажен в генуэзскую тюрьму.

Не совсем понятно, насколько суровы были условия его заключения. Великолепный очерк написал о нем Жюль Верн, который всегда собирал очень надежную информацию. А первая версия книги Марко Поло была как раз на французском языке.

Марко Поло довольно быстро стал, так сказать, любимцем тюрьмы. Благодаря своим удивительным рассказам. Все сбегались его слушать. А потом его стали приглашать с этими рассказами в знатные дома, потому что такого нигде больше не услышишь.

Однако популярнейший рассказчик сам не писал. Может быть, не обладал литературным стилем. Он встретил товарища по тюрьме, сидевшего там гораздо дольше, человека из Пизы, тоже воевавшей с Генуей. Этот пизанец Рустичелло, или Рустичано, был литератором, он написал романы о короле Артуре и какие-то истории из французской жизни. У него была склонность к рыцарскому роману. Он слушал рассказы Марко, ставшие еще интереснее после того, как Марко добился, чтобы ему из Венеции привезли его записки, сделанные во время путешествий. Он заглядывал в записки и рассказывал. А Рустичано записывал. Такова удивительная история рождения этой книги.

Вот как она начинается: «Государи и императоры, короли, герцоги и все, кому желательно узнать о разных народах, о разнообразии стран света, возьмите эту книгу и заставьте почитать ее себе». «Почитать себе». Богатый наймет чтеца, а бедный просто не знает грамоты. Марко Поло обращается ко всем слоям общества.

Дальше: «Вы найдете тут необычайные всякие диковины и разные рассказы о великой Армении, о Персии, о татарах, об Индии и о многих других странах. Все это наша книга расскажет ясно, по порядку…» Здесь есть литературный стиль. И видимо, он принадлежит Рустичано. Книга получила стремительную и фантастическую популярность. Рукописи полетели по свету: во Францию, в Германию.

А Марко освобожден из генуэзской тюрьмы 1 июля 1299 года. Ему жить еще 25 лет. Но он ничего не пишет. Он не писатель, а рассказчик.

Он женится на богатой девушке по имени Доната Бадуэр. У него рождаются три дочери. И он живет семейной и торговой жизнью, занимается торговлей красителями для тканей, пытается внедрять в производство новые красители, рецепты которых привез с Востока, и продолжает свои устные рассказы.

Как говорил он сам, в конце концов он устал от собственных

рассказов. Потом устала и публика, и на закате дней его стали считать фантазером, над ним начали насмехаться. У него появилось не очень доброе прозвище Марко-миллион. Имелось в виду, что он и сам не беден, да еще вечно рассказывает о сокровищах Востока, твердит, что у Хубилая миллионы подданных, денег тоже миллионы…

А ведь он обладал наблюдательностью и тем, что мы сегодня называем толерантностью. В его книге говорится, что у цивилизованных народов Азии стоило бы многому поучиться. Например, воспитанности, достоинству манер, этическим правилам, поведению в обществе. Он с изумлением пишет о темнокожих людях, восхищается красотами природы, совершенно сказочными растениями и животными, вспоминает о львах, жирафах, иногда пересказывает фантастические вещи. По его словам, в Индии водятся куры без перьев, а шкура у них кошачья. Известен его тезис, что в Японии крыши всех домов из чистого золота. Эта фантазия очень возбуждает европейцев. И Христофор Колумб через 168 лет после смерти Марко Поло поплывет на запад, чтобы приплыть на восток.

Марко Поло умер и ушел из своей романтической жизни весьма прозаично. Он был окружен семьей, которая все больше ссорилась из-за денег, что его явно утомляло и раздражало. Сказывались и болезни. Он понимал, что дело идет к закату, и составил завещание. Оно сохранилось. В нем Марко распределяет средства между родными и дает свободу своему слуге-рабу, татарину по имени Петр. Этот человек через некоторое время стал полноправным гражданином Венецианской республики и много лет процветал, как и сводные братья Марко, привезенные с Востока отцом.

Перед смертью кто-то из близких спросил его: «Марко, признайся, что ты все сочинил!» И он ответил: «Я не рассказал и половины того, что видел».

Эдуард III Английский. Две жизни в одной

Эдуард III – одно из самых громких имен в английской истории. Он родился в 1312, умер в 1377 году. Он был на престоле 50 лет и 6 месяцев.

Для некоторых в образе Эдуарда III воплощен тип идеального правителя, идеального рыцаря. Но полностью принять эту версию мешает вторая половина его жизни. Можно сказать даже, что Эдуард III прожил две жизни. Первая завершилась абсолютным триумфом. И эта триумфальность по сей день привлекает тех, кто хочет его идеализировать. Вторая значительно короче. Но она столь провальна и трагична, что будто перечеркивает первую, и сохранить образ идеального государя становится довольно сложно.

Брак родителей Эдуарда имел целью примирить бесконечно долго, с XI века, враждовавшие династии Капетингов и Плантагенетов. Мать – королева Изабелла, дочь знаменитого французского короля Филиппа IV Красивого, сестра правившего в тот период во Франции Карла IV, последнего короля из дома Капетингов. Отец – Эдуард II из рода Плантагенетов, один из самых злосчастных английских королей.

XIV век, по выражению Йозефа Хейзенги, – «осень Средневековья»: эта эпоха уходит, с ее рыцарскими идеалами, турнирами, кодексом рыцарской чести. Но современники этого, конечно, не понимают, для них все по-прежнему.

И Эдуард II совершенно не годится на роль правителя, с точки зрения тех, кто руководствуется старыми представлениями. Он слабоволен, им всегда управляют фавориты, которых он часто меняет и которые ненавистны его подданным. На него поочередно влияют бунтующие баронские группировки.

Фавориты Эдуарда II – всегда мужчины. Сначала Гавестон, рыцарь, известный своим вызывающим поведением. Он издевался над придворными, побеждал их на турнирах, насмешничал, вызывая к себе страшную ненависть. Когда с ним было покончено, появились отец и сын Диспенсеры. Они распоряжались при слабом короле буквально всем.

Отношения между родителями будущего Эдуарда III обернулись войной. Мальчик, который изначально воспитывался как наследник престола, был вовлечен в конфликт. Он оказался на стороне матери.

В 1325 году королева Изабелла с тринадцатилетним сыном отбыла на континент под благовиднейшим предлогом – бороться за закрепление прав английской короны на юго-запад Франции.

Это были три области: Гиень, Гасконь, Понтье – с центром Бордо. Изабелла добилась, чтобы ее брат Карл IV принял клятву верности не от английского короля, как полагалось, а от принца Эдуарда. После этого ей следовало вернуться в Англию. Но она не торопилась.

Эдуард II был обеспокоен. Он писал: «Дражайший сын! Хоть Вы молоды и неопытны, хорошо помните о том, что мы поручили и повелели Вам при Вашем отъезде. И поскольку теперь Ваш оммаж принесен, предстаньте перед нашим дражайшим братом и Вашим дядей, королем Франции, простившись с ним, возвращайтесь к нам, вместе с нашей дражайшей супругой, Вашей матерью, королевой, если она согласится отправиться в путь не мешкая. А если она не поедет, приезжайте один как можно скорее».

Через три месяца, в марте 1326 года, второе письмо. Эдуард II, чувствуя, что под ним шатается трон, взывал к сыну. Он писал о королеве: «Она под надуманными предлогами отказывается вернуться к нам. Она приблизила к себе Мортимера, нашего смертельного врага и изменника. И с ним водит компанию в его жилище и за его пределами».

Роджер Мортимер – фигура весьма заметная. Он враждовал с Эдуардом II и в 1323 году бежал из Англии. И он стал любовником английской королевы.

Ситуация стала напряженной: наследник, надежда подданных, молодой принц Эдуард вместе с матерью не возвращался на родину. Он путешествовал по Европе. А в 1326 году, четырнадцати лет от роду, был помолвлен. Невеста – Филиппа, примерно его ровесница, дочь графа Вильгельма Геннегаусского, чьи владения располагались на территории современной Бельгии. Принц подписал брачный договор, обещая никогда не жениться ни на ком, кроме свой избранницы. Брак был заключен, когда Эдуарду исполнилось шестнадцать лет, и продолжался 41 год. Это была одна из самых больших удач его жизни.

Но не менее важен был и другой выбор. Когда Изабелла вместе с Мортимером на французские деньги собрала войско и снарядила корабли, чтобы идти войной на законного мужа, Эдуард присоединился к этому походу. Он выступил против отца вместе с любовником матери, которого ненавидел.

Изабелла была в заговоре с недовольными английскими баронами. Она знала, что внутри страны у нее есть поддержка. Конечно, знал это и будущий Эдуард III. Его злосчастный отец, Эдуард II, ненавидимый своим народом, потерпевший ряд поражений на внешнем фронте, в Шотландии, бежал вместе с

Диспенсерами, надеясь спастись. Но как будто сама природа была против него. Ветер пригнал его корабль к побережью Уэльса. Там его и арестовали.

Все было оформлено как законная акция. Решение принимал Парламент, который с начала XIII века, со времен знаменитой Великой хартии вольностей, имел очень большие права, в том числе – право низложить недостойного государя. Так и произошло. Палата пэров, равных королю, постановила низложить Эдуарда II за то, что он притеснял церковь («одних духовных особ он держал в темнице, а других – в глубокой печали»), потерял Шотландию и вообще «не изволил видеть и понимать, что хорошо, что дурно». Здесь закладывались традиции английского парламентаризма. И не случайно Эдуард III, как человек умный, будет много лет опираться именно на Парламент, а во второй половине своей жизни, решительно отличающейся от первой, вознамерится вообще его упразднить…

Судьба Эдуарда II была поистине ужасна. Его заточили в замок, и Парламент не мог принять решения, как с ним поступить. Ведь в Великой хартии говорилось, что короля можно низложить, но там не сказано, что его можно убить. Особа короля священна, его власть от Бога. Решиться на убийство очень страшно. Но страшно и то, что король может попытаться вернуться.

В истории случались примеры бесконечно долгих тюремных заключений. Однако вокруг фигуры узника неизменно начинали плестись заговоры. Поэтому Эдуард II был все-таки убит через несколько месяцев заточения, тайно и злодейски.

После смерти отца, 29 января 1327 года, пятнадцатилетний Эдуард III был коронован. На коронации он принес клятву, несколько нестандартную, что-то вроде ультиматума со стороны баронов. Он поклялся соблюдать законы королевства, быть справедливым, милосердным.

Но первые четыре года он правил лишь номинально. Реальная власть была в руках его матери королевы Изабеллы и ее любовника лорда Мортимера, человека крутого нрава. Подданным все это, конечно, не нравилось.

Дождавшись совершеннолетия, Эдуард III в 1330 году совершил небольшой, тихий дворцовый переворот. Ночью Мортимер был арестован и очень быстро казнен, без каких бы то ни было церемоний. Мать король отправил в замок. Он проявлял к ней внешнюю почтительность. Не стал ее ни упрекать, ни карать – просто предал забвению.

Эдуард III.
Средневековая миниатюра

И вот он наконец у власти. Образ Эдуарда III рисуется в знаменитых «Правдивых хрониках», написанных знатным горожанином Нидерландов Жаном Лебелем. Отмечена щедрость, куртуазность молодого короля. Не скупясь на великие торжества, турниры и балы для дам, он снискал такое расположение, что все отзывались о нем, как о втором короле Артуре. Выше похвалы для рыцаря просто быть не может.

С ним связано немало легенд. Например, рассказывали, что в 1348 году на одном из балов Эдуард танцевал с графиней Солсбери и у нее с ноги упала подвязка. Это вызвало насмешки кого-то из присутствовавших. Король же проявил свою куртуазность. Он поднял подвязку и демонстративно надел на ногу, прикрепив свой чулок. И будто бы сказал: «Пусть будет стыдно тому, кто плохо подумает об этом». Фраза стала французской поговоркой, которая живет по сей день.

Позже возник и Орден подвязки, изысканный, аристократический, для очень узкого круга людей.

Есть еще одна легенда – о том, как был оформлен Орден подвязки на сине-голубой ленте. Якобы в битве при Креси король дал сигнал к бою именно синей лентой, привязанной к копью.

Эдуард III оказался не только куртуазным рыцарем, но и толковым правителем. Покровительствовал торговле, ввел в оборот золотую монету. Принял угодное народу решение, ограничив роль папства и прекратив платить римским папам позорную вассальную подать, существовавшую с начала XIII века, со времен Иоанна Безземельного.

Он был осторожен в отношениях с Парламентом. Подсчитано, что за время правления он созывал Парламент 70 раз – достаточно часто.

Молодой король хотел, чтобы его полюбили. Как многие начинающие правители, он видел главное средство укрепления свой власти в войне. Он выдвинул серьезную программу процветания английского королевства, возрождения былого величия. Идеал его – времена деда, Эдуарда I, когда велись успешные войны.

Эдуард III тщательнейшим образом подготовил войну против Франции, ту, которую позже условно назвали Столетней. На самом деле это был длительный военнополитический конфликт. Причем на раннем этапе война стала для Англии очень выгодным предприятием.

В 1328 году, когда в Англии реально еще правила Изабелла, пресеклась прямая линия Капетингов, правителей Франции. У Карла IV Красавчика не было мужского наследника. Изабелла заявила права своего сына Эдуарда, внука великого Филиппа IV Красивого, на французский престол.

Пэры Франции отвергли эти притязания. Историки до сих пор спорят о том, было ли это правильно с юридической точки зрения. Но важнее другое. Тогда, в XIV столетии, зарождались основы будущих европейских наций. Именно тогда сформировался литературный английский язык и в Англии перестали при дворе говорить по-французски.

И французы не захотели признавать власть английского короля.

Пэры привели замечательный аргумент – документ 500 года «Салическая правда», гласивший, что земельное наследие не передается по женской линии.

Похоже было, что Эдуард примирился с отказом. В 1329 году он принес оммаж за свои владения во Франции тому, кто стал французским королем, родственнику Капетингов Филиппу VI Валуа. В этой клятве есть слова: «Я становлюсь Вашим вассалом». А в ту эпоху это было уже фактически невозможно.

И потому в 1337 году, пробыв семь лет реальным правителем Англии, добившись авторитета, и личного, и королевского, он объявил себя королем Франции. Он ввел в геральдическое поле английской короны лилии – французский символ.

Война была подготовлена, если говорить современным языком, «пропагандистски». Перед объявлением войны, в 1337 году, в английских церквах, на городских рыночных площадях зачитывалась декларация. Это потрясающий текст! В нем говорилось о том, как Эдуард III боролся за мир, пытался смягчить злобу французского короля и чего только для этого не делал! Но король Франции постоянно втягивал его в пустые словопрения, в ходе которых разными хитрыми путями урезал права короля Англии, например на герцогство Аквитанию. Эдуард представил себя жертвой французских происков.

О необходимости пропаганды своих идей он помнил постоянно. Когда в 1346 году в городе Канне, захваченном англичанами, был обнаружен договор Филиппа VI с нормандскими баронами о возможном завоевании Англии, Эдуард III распорядился обнародовать этот документ. Он заботился об общественном мнении во Франции, о том, чтобы его война имела моральное и политическое оправдание.

Парламент не сразу с одобрением отнесся к предстоящей войне. Эдуарду пришлось буквально выпрашивать деньги в Палате общин. Король был еще совсем юн, у него не хватило выдержки, – и он расплакался. Тогда его жена Филиппа сделала такой жест. Она заявила: «Я заложу все мои фамильные драгоценности, чтобы у моего мужа были деньги на эту благородную войну».

Первое сражение с французами состоялось в 1340 году – морская битва при Слейсе. Эдуард лично участвовал в сражении. Была одержана полная победа. Англичане уничтожили французский флот. Островитяне, они были значительно сильнее на море. А Филипп VI Валуа, не слишком умный человек и не очень талантливый полководец, не понял, что у него просто нет

надежды на морскую победу.

Следующая великая битва и великая победа Эдуарда III – при Креси, в 1346 году. Здесь лично присутствовали оба короля. Сражение вошло во все учебники военного искусства как одно из самых ярких доказательств того, что в оборонительном бою можно одержать блистательную победу.

До этого в эталонных средневековых битвах побеждали только атакующие рыцари. Эти «танки» Средневековья несутся вперед на конях, облаченные в 50–60-килограммовые доспехи. Они обладают колоссальной пробивной силой. Причем сражение представляет собой серию поединков.

Эдуард III, нарушив каноны, построил свое войско на холме. Он спешил рыцарей, а впереди поставил в шахматном порядке английских лучников, из свободных крестьян, которые блестяще владели своим оружием. Их стрелы пробивали рыцарские доспехи на расстоянии до 300 метров.

Прежде стрельба часто бывала беспорядочна, тороплива, потому что лучники боялись, что до них доскачут конники и порубят, свои же рыцари их не прикроют – увидят, что дело плохо, и ускачут. А в битве при Креси рыцари спастись не могли: рыцарь в тяжелом вооружении пешком далеко не убежит. Так что лучники стреляли не торопясь, прицельно.

Французы же атаковали легкомысленно, непродуманно. Прошел дождь, и они скакали по влажному вспаханному полю. Их движение замедлилось, и в них легко попадали стрелы. Хронист Фруассар – певец рыцарства – писал, что при Креси погиб цвет рыцарского мира.

Триумф англичан произвел в Европе совершенно ошеломительное впечатление. А в следующем году была одержана потрясающая победа в Шотландии.

Официальный союз Франции и Шотландии сложился в XII веке. Дело в том, что для шотландцев англичане – это страшный агрессивный сосед, и французы, противники англичан, – их естественные союзники.

При Невиль-Кроссе англичане одержали полную победу. Шотландский король Давид Брюс был заточен в тюрьму на одиннадцать лет, Шотландия поставлена на колени.

И не случайно в 1347 году Эдуард III получил предложение стать императором Священной Римской империи германской нации. Ему предложена корона, и какая! Императорская! Но он отказался. Он предпочел удержать то, чем реально владел, – французский юго-запад.

Его целью было объединение английской и французской корон. Его официальный титул в документах – Эдуард, Божьей

милостью король Франции и Англии, сеньор Ирландии, герцог Аквитании.

Жан Фуке.

Изабелла возвращается в Англию вместе со своим сыном Эдуардом. XV в.

Казалось, он действительно шел к победе над Францией, хотя она и была значительно богаче и во многом сильнее Англии. По

случаю побед устраивались бесконечные праздники, гремели рыцарские турниры. В Англию текли французские трофеи. Как писал хронист Уолсингем, не оставалось английского дома, где не было бы посуды, золота и тканей из Франции. Вот оно, кажется, счастье!

Правда, капля горечи была уже в этой череде блестящих побед. Речь идет об осаде города Кале.

После разгрома французского войска при Креси Эдуард III был совершенно уверен, что теперь уж ворота во Францию перед ним раскроются. Он прошел вдоль побережья с запада на восток Франции. Войско противника было разгромлено, цвет рыцарства уничтожен, Филипп VI Валуа морально раздавлен.

Но все повернулось несколько иначе. Победа при Креси была одержана 26 августа, а с сентября 1346 года Эдуарду III пришлось приступить к осаде Кале.

Осада в Средние века тяжела для обеих сторон. За стенами осажденной крепости, конечно, очень плохо: голод, лишения, вылазки удачные и неудачные. Но и тем, кто стоит вокруг стен, совсем не сладко. Осень, уже не идеальная погода, море начинает штормить. Трудно обеспечить снабжение войска.

Пока Эдуард стоял под стенами Кале, в душе у него, очевидно, нарастало раздражение. Он провел там 10 месяцев – до августа 1347 года. Это одна из наиболее длительных средневековых осад.

В какой-то момент возле Кале появился Филипп VI с войском. Жители в восторге высыпали на городские стены. Но, пройдя каким-то загадочным маршем, французский король увел войско и оставил горожан. Судя по всему, он не решился вступить в бой. Видимо, сыграл свою роль призрак Креси, моральный удар, нанесенный этим невиданным поражением.

Коронация Эдуарда.
Фруассар нач. XV в.

Жители Кале в отчаянии вступили с англичанами в переговоры о сдаче. Они пытались договориться, чтобы город не был полностью разграблен и уничтожен. Эдуард выдвинул условия. Пусть шесть самых именитых граждан, уважаемых, из лучших семей, выйдут с веревками на шее и с ключами от города. Они будут повешены. Тогда он не подвергнет город полному уничтожению.

И эти шесть человек вышли. Это были действительно представители лучших семейств. Через несколько веков французский скульптор Огюст Роден запечатлеет их в виде скульптурной группы – знаменитые «Граждане Кале».

Они вышли и должны были быть повешены. Но королева Филиппа, любимая жена, ожидающая ребенка (одного из двенадцати, родившихся в этом браке), бросается перед королем на колени и умоляет их пощадить. Был ли это заготовленный акт? Или импровизация Филиппы? Может быть, она не хотела, чтобы Эдуард остался в сознании людей не как триумфатор, а как тот, кто жестоко расправился с побежденными. В любом случае это выглядело красиво. И король пощадил граждан Кале.

Истребления горожан действительно не последовало. Однако Эдуард приказал всем им удалиться, разрешив забрать только то, что они могли унести на себе. А город стали заселять выходцами из Англии. Казалось бы, вновь триумф.

Но англичанам недолго пришлось радоваться. В 1348–1349 годах на Англию обрушилась «черная смерть» – эпидемия чумы, которая уже прокатилась по некоторым районам Европы. Потом было еще несколько ее посещений. В итоге, по различным подсчетам, погибли от половины, до двух третей населения. Страна вымирала.

Фортуна как будто отвернулась от короля. Видя, как «черная смерть» опустошает страну, он издал особые законы – прообраз будущего рабочего законодательства, обязывавшие людей наниматься на работу за низкую плату. Образ блестящего монарха явно начинал меркнуть.

Но его еще ожидал слабый призрак былых триумфов – в 1356 году, в знаменитой битве при Пуатье.

Это не была уже его личная победа. Английским войском командовал его старший сын и наследник Эдуард, по прозвищу Черный принц, популярный в Англии, соответствовавший эталонам рыцарства.

Уходя с исторической арены, рыцарство особенно энергично боролось за свои идеалы. Черный принц сражался на поединках, был щедр, смел, неукротим, жесток к врагам, верен своей религии.

При Пуатье он одержал блистательную победу над войсками французского короля Иоанна II Доброго, сына Филиппа VI. Часть французских отрядов покинула поле битвы. Сам Иоанн II оказался в плену. Казалось, окончательная победа англичан уже не за горами.

Если бы Эдуарду III удалось добиться подписания подготовленного уже Лондонского договора, свершилось бы то,

ради чего он начинал войну во Франции, – было бы закреплено существование колоссального континентального владения Плантагенетов – так называемой Анжуйской империи.

Иоанн II получил имя Доброго не за особые моральные качества, а за рыцарственность. Он, подражавший, как и другие европейские монархи той эпохи, королю Артуру, создатель Ордена Звезды, оказавшись в плену, готов подписать договор, согласно которому больше половины французских земель он уступал «брату» – королю английскому.

А ведь еще у Эдуарда III был шанс получить Шотландию, независимость которой пошатнулась, продвинуться в Ирландии… Должна была возникнуть большая континентальная империя.

Генеральные штаты Франции и дофин Карл, будущий французский король Карл V Мудрый, отказались принять этот договор. Наследник предпочел оставить отца в английском плену.

Вместо триумфального мира в 1360 году было заключено перемирие в Бретиньи. Эдуард III понимал, что дофин Карл готовится воевать.

В 1359 году Эдуард предпринял попытку высадиться в Кале и двинуться по территории Франции в Реймс – традиционное место коронации французских монархов. Он намеревался короноваться как французский король.

Ему было уже 47 лет, для средних веков возраст изрядный. Черному принцу – 29. Казалось, на престоле пора быть ему, овеянному славой Пуатье. Но, вероятно, Эдуард собирался жить и править вечно.

Пробиться к Реймсу не удалось. Удача изменила своему любимцу. В Англии война утрачивала популярность. Парламент неохотно давал деньги на предприятия, которые некогда принимались с восторгом.

Произошло что-то очень важное и с самим Эдуардом III. Можно назвать это постепенным распадом личности. Он резко и стремительно одряхлел, плохо выглядел, плохо себя чувствовал. Наверняка он остро чувствовал, что Англия вступила в полосу неудач.

Французский король Карл V возобновил войну. Это был не совсем обычный средневековый правитель. Он, судя по всему, был слабого здоровья: не мог держать меч и никогда не выходил ни на поле сражения, ни на рыцарские турниры. Но он поступил неординарно и мудро, назначив главнокомандующим Бертрана Дюгеклена, человека не из высшей знати, из бретонского мелкого рыцарства. Это потомки кельтов, переселившихся под давлением англосаксов из Англии на полуостров Бретань, Арморику. Их считали людьми второго сорта, диковатыми, отсталыми.

Дюгеклен оказался талантливым полководцем. На протяжении чуть ли не всех 70-х годов XIV века он наносил непрерывные удары на территории, захваченной английскими войсками. Некоторые современники сетовали на то, что сражался он не по-рыцарски. Например, нападал на арьергард противника, отбивал обозы. Более того, он вступал в тайные соглашения с жителями французских городов – совсем уж не по-рыцарски. Дюгеклен одерживал победы, освобождал французские земли.

А в Англии положение делалось все хуже. В 1361, 1369, в начале 70-х возвращалась эпидемия чумы. Эдуард вынужден был вместе с Парламентом начиная с 1349 года несколько раз принимать печально знаменитые статуты о рабочих и слугах. Все жители страны в возрасте до 60 лет, не имеющие состояния, обязаны наниматься на любую работу и соглашаться на ту же оплату, которая была до чумы. Это были мучительные условия для народа. Именно с того времени начал зреть будущий великий бунт английского крестьянства, восстание под руководством Уота Тайлера, которое произошло в 1381 году. Эдуарду III не суждено было этого увидеть, но его четырнадцатилетнему внуку, сыну Черного принца, ставшему английским королем Ричардом II, предстояло встретиться с восставшими крестьянами, пережить величайший страх, а потом печальнейшим образом закончить свою жизнь, будучи свергнутым, в 1399 году.

Чувствуя нарастающее недовольство подданных, Эдуард III применил для их успокоения любимый властью прием: в 1362 году он пышнейшим образом отметил свое 50-летие. Пир во время чумы, причем в данном случае – в прямом смысле слова! Приемы, балы, роскошества, опустошение казны.

Страна жаждала обновления. Но наследник, на которого возлагались большие надежды, Черный принц, умер от ран, не дождавшись, когда отец покинет престол. В 1369 году скончалась королева Филиппа, ангел-хранитель Эдуарда III. Она всегда заботилась о том, чтобы он в глазах подданных выглядел хорошо. А после ее смерти он стал выглядеть очень плохо.

Как сдержанно пишут английские авторы, которым хочется умолчать об этой части его жизни, он стал много пить и завел ужасающую фаворитку Алису Перрерс. Она как будто появилась из мрака, как крыса из подземелья.

О ней мало что известно доподлинно. Она была то ли из горожан, из средних слоев, относительно знатных, то ли из низов. Кажется, побывала замужем, может быть не один раз. Красавицей не была. Но дряхлеющему Эдуарду III нравилась до безумия.

Одна ее черта сомнений не вызывает – алчность. Она все время добивалась каких-нибудь новых милостей, пожалований,

пенсии для своих близких. И все кончилось тем, что, по одной из версий, король подарил ей драгоценности Филиппы. И она с ними сбежала.

А может быть, она успела сама прихватить драгоценности, будучи рядом с умирающим королем. Так или иначе, с этими сокровищами она и скрылась во мраке той неизвестности, из которой когда-то появилась.

Причем один раз она была выслана по решению Парламента, но перед самой кончиной короля возвращена. Почему?

Так решил начавший хозяйничать при старом короле его то ли третий, то ли четвертый сын Джон Гонт, герцог Ланкастерский. У Ланкастеров было большое будущее. Им предстояло сражаться за престол в так называемой «Войне роз», во второй половине XV века.

Джон Гонт не был особенно яркой личностью. Его попытки воевать во Франции оказались безуспешными. И он проявил себя на совершенно ином поприще. Среди бедствий, обрушившихся тогда на английское королевство, было и еретическое движение лоллардов. Еретики называли себя учениками Джона Виклефа – схоласта, теолога, видного мыслителя того времени. Позже именно они идейно оформили восстание Уота Тайлера.

А пока Джон Гонт объявил себя покровителем Виклефа и даже избавил его от церковного суда. Все могло закончиться для Виклефа, как для Яна Гуса, – осуждением, сожжением.

Но когда Виклеф предстал перед судьями, в собор вошел Джон Гонт, грохоча двумя мечами, нарочито задевая ими скамьи направо и налево, чтобы как можно больше было лязга и грохота. Приблизившись к судьям, он потребовал: «Ну, рассказывайте, в чем виноват этот человек!» Сообразительные служители церкви довольно быстро пришли к выводу, что ни в чем особенном. Просто собрались «поговорить».

Что заставило Джона Гонта поддержать Виклефа? Ученый, предшественник Реформации, настаивал на том, что церковь не должна быть богатой. И герцога Ланкастерского вдохновляла простая и понятная корысть – поживиться за счет секуляризации церковных земель.

Эдуард III все еще пытался переломить ситуацию и прекратить общественное бурление известным ему путем – возобновив успешную войну во Франции. В 1372 году, в возрасте 60 лет, он вознамерился лично отплыть на континент. Но сама природа ополчилась против него, как некогда против его отца. Ветер пригнал эскадру обратно, к английским берегам.

В последний год жизни Эдуарда, в 1376-м, собирается знаменитый Добрый Парламент. Слово «добрый» означает не

моральные качества, а скорее одобрительное отношение общества. Для короля же это бунтующий Парламент. Здесь видится прообраз далекой английской буржуазной революции, которая начнется в 40-х годах XVII века. Парламент станет и символом этой революции, и судьей английской монархии.

Эдуард III много лет жил в относительном мире с Парламентом – совещательным органом, финансировавшим его войны, поддерживавшим рабочее законодательство. Когда Парламент внезапно взбунтовался, может быть, король и припомнил судьбу своего отца, низложенного полстолетия назад.

Добрый Парламент поддержал Черный принц, давно, наверное со времен Пуатье, мечтавший о престоле. Но он умер за полгода до отца.

И тогда Парламент принял потрясающее решение. У Эдуарда III было множество детей. Джон Гонт чувствовал себя наследником. Но решено было, что следующим королем должен стать не сын, а внук – сын Черного принца. Это явный бунт!

Парламент почувствовал свою силу еще в XIII веке, когда заставил Иоанна Безземельного подписать Великую хартию вольностей. Англичане по сей день считают этот документ фундаментом своей Конституции.

На сей раз Парламент решил доверить престол четырнадцатилетнему Ричарду II, фактически ребенку. Считается, что потомок Черного принца угоден народу. И он явно лучше, чем Джон Гонт, не раз демонстрировавший лицемерие, склонность к заговорам и интригам.

Вообще ребенок на престоле – это всегда хорошо для баронов. Лучше только безумец, которым можно управлять всю жизнь.

Для Эдуарда III решение Парламента – это не только демонстрация силы, но и тяжкое напоминание о великом грехе его ранней юности, когда был низложен и уничтожен его отец. Мучимый этими мыслями, Эдуард III умер 21 июня 1377 года, а рядом с ним была женщина, думавшая не о нем, а о драгоценностях Филиппы.

Столь блистательно начавшаяся жизнь завершилась так бесславно! Однако ни наука, ни художественная литература никогда не забывали огромных заслуг монарха, стремившегося превратить небольшое островное государство в могучую европейскую империю.

Тамерлан. Природа зла

Сочетание слов «природа зла» можно толковать двояко.

С Во-первых, зло имеет некую природу. Во-вторых, природа иногда играет некие злые шутки. Так случилось и тогда, когда примерно в одном месте с интервалом всего в 109 лет она породила двух чудовищ – Чингисхана и Тамерлана (истинное имя этого человека— Тимур. В Европе он получил прозвание Тамерлан, Тимур-хромой).

Есть версия – ученые считают ее мифологической, что по линии матери в Тимуре была кровь чингизидов, потомков Чингисхана. На самом деле он просто родился в Центральной Азии, в краях, где чингизиды правили.

Год его рождения – 1336. Для сопоставления с европейской историей – за год до официального объявления Столетней войны между Англией и Францией.

Тамерлан – средневековый полководец из Центральной Азии. Даже не скажешь, из какого государства. Он создал свое – как результат завоеваний. С 1370 года эмир некоего «государства Тимура». Человек эталонной, изуверской жестокости, необычной даже для той эпохи.

Сохранились изощренные следы его жестокости. Памятники из человеческих голов, человеческих тел, стены, которые он создавал из живых людей, прокладывая тела кирпичами и скрепляя раствором. Злодейство, выставленное напоказ. А ведь он жил на сто лет позже Чингисхана и уже не был дикарем-кочевником.

Правда, в судьбе нашего отечества он, не ведая о том, сыграл объективно позитивную роль, потому что громил Золотую Орду.

Надо попытаться понять, откуда взялся этот великий злодей. Он родился 7 мая 1336 года в селении Ходжа-Ильгар, к югу от Самарканда или в городке Кеш (есть разные сведения). Но все это – владения потомков одного из сыновей Чингисхана, Джагатая. В момент рождения Тимура – Чагатайский улус. Власть потомков Чингисхана в Центральной Азии была слаба. Номинально она признавалась, но реально осуществить ее они не могли.

Отец, Тарагай, как пишут современные авторы, из тюркизированного монгольского племени.

Таинственный древний народ – тюрки – не создал своей государственности. Но оставили язык. И известно, что Тимур говорил на тюркском языке, зная еще и персидский.

Отец Тимура находился на военной службе. Не очень знатный бей, так его называют. Богатства особого не было.

Никакого образования Тимур не получил и был, судя по всему, неграмотен. Но любил слушать, когда ему рассказывали об истории, когда читали стихи. Принял мусульманскую веру, чтил духовных отцов, шейхов.

Среди многочисленных жен у него была любимая – Улджай Туркан-ага, сестра эмира Хусейна, с которым у Тимура была дружба, союз… и которого он предал. Многие злодейские черты были характерны для него с самой юности.

Тимур был высокого роста, волосы светлее, чем у большинства соплеменников. Он отличался личной воинственностью и физической силой. А в ту эпоху физическая сила была важнейшим качеством лидера. Если большинство воинов могли натянуть тетиву лука до уровня ключицы, то Тимур натягивал ее до уха.

Позже, в 1362 году, он получил в сражении ранение в правую руку и ногу. Позднейшие реконструкции показали, что с тех пор она не функционировала или очень плохо сгибалась в локте.

Тамерлан. Реконструкция М. М. Герасимова

Он стал командиром маленького разбойничьего отряда. Именно разбойничьего. Точнее всего об этом написал испанец Руй Гонсалес де Клавихо, путешественник, который был у Тимура как посланник кастильского короля Энрике III. Кастилия настолько опасалась в то время арабов, занимавших еще очень прочные позиции на Пиренейском полуострове, что, прослышав об энергичном правителе и завоевателе, сочла нужным отправить к нему посла.

По воспоминаниям Клавихо, сначала людей в отряде Тимура было совсем мало, три-пять нукеров – свободных воинов. Крошечная шайка. Клавихо пишет: «Он начал со своими нукерами отнимать у соседей один день барана, другой день корову… Наконец у него стало 300 всадников. Когда их набралось столько, он начал ходить по землям и грабить и воровать все, что мог. Для себя и для них. Также выходил на дорогу и грабил купцов».

У Клавихо не было оснований клеветать на Тимура. Ведь при его дворе он был встречен хорошо и вернулся к Энрике III с положительным ответом.

Важно, что у своих Тимур воровал осторожно, по чуть-чуть. А когда начал грабить всерьез, то грабил купцов, то есть людей пришлых, на большой дороге. Обычный разбой.

Шайку Тимура начинают нанимать эмиры и ханы, враждующие между собой. Регион переживает стадию феодальной раздробленности. Правители где-то далеко-далеко. Реальной власти нет.

Подобных разбойничьих шаек было немало, но выдвинулся именно Тимур. Ему помогла его трусливая и предательская позиция. В 1360 году в этих краях появился его тезка монгольский хан Тоглук-Тимур. Большинство мелких эмиров, которые реально не подчинялись центральной власти, разбежались. Пришел хан с войском – значит, лучше укрыться. А Тимур остался. И покорился. Предложил службу этому пришлому верховному правителю. Стал его правой рукой, визирем в захваченном Тоглук-Тимуром Мавераннахре. Очень ловко пристроился на службу.

Вскоре, однако, предал. Изменил сыну этого правителя, Ильясу-ходже, когда отец уже умирал. И сблизился с эмиром Хусейном, на сестре которого женился.

Четыре-пять лет, в 1361–1365 годах, Тимур и Хусейн воюют вместе. И вместе бегут от монгольского войска Ильяса-ходжи, хана, стремящегося покарать изменников.

Город Самарканд, центр Мавераннахра, брошен Тимуром, обречен на гибель. Его отстоял народ, во главе с лидерами – сербедарами. Это слово буквально означает «висельники». Удивительные люди, борцы за свободу от чингизидов. Они говорили, что скорее дадут себя повесить, чем покорятся. И вот когда Тимур бежал и скрылся, они вдохновенными речами подняли народ – и отстояли город. У сербедаров был свой вожак, Муалан-заде, человек, судя по всему, достойный, народом уважаемый.

Тимур и Хусейн вернулись в Самарканд, который отразил натиск чингизидов, и сказали народным вождям: «Мы готовы вам служить нашим мечом». Их приняли ласково, с радостью. А на второй день, когда сербедары пришли в ставку к эмирам, их схватили и перебили всех, кроме Муалана-заде, которого пощадил лично Тимур. Поэтому в глазах народа Тимур оказался лучше Хусейна. Он был очень хитер.

Следующим Тимур предал самого Хусейна. Тот, будучи очень жадным, затребовал какой-то части добычи с воинов, у которых в

этот момент богатства было недостаточно. Воины роптали. И тогда Тимур сказал: «Я заплачу за вас». Хусейн был убит взбунтовавшимися войсками. Не Тимуром, но «в его присутствии». В этой элегантной формулировке, передаваемой источниками, заложена информация о коварстве Тимура.

В 1370 году Тимур становится реальным правителем большой группы земель Центральной Азии. Собирается курултай – съезд кочевой знати, некоторых оседлых феодалов и мусульманского духовенства.

Тимур предлагает: «Давайте я буду вами править» – и принимает титул эмира. Одновременно он лицемерно заявляет: «Все-таки вернемся к чингизидам. Закон есть закон». Имелась в виду власть безвольного, слабенького человека из рода чингизидов Суюргатмыша. Тимур всегда умел лгать, даже себе самому.

Показательно, что, запрещая, по установлениям чингизидов, пить вино, сам он страшно пьянствовал. Перед самой смертью, понимая, что умирает, он приказал перебить все сосуды, которые использовались на пирушках, в надежде, что Аллах увидит, как он покаялся. Так он лицемерил буквально во всем.

Итак, в 34 года Тимур стал правой рукой чингизида Суюргатмыша. Получил титул зятя – ближайшего родственника хана. Источники сообщают, что незадолго до этого к нему пришел добрый вестник, некий шейх из Мекки, сказал, что ему было видение: Тимур будет великим правителем – и по этому случаю вручил ему знамя и барабан – символы верховной власти. Но Тимур эту верховную власть лично не берет. Остается рядом с ней. И начинает готовиться к великим завоеваниям.

Масштабы поражают: Персия; Северная Индия, включая Дели (город разорен, разрушен и подчинен); Месопотамия с Багдадом; Сирия, которая принадлежала египетским мамлюкам; Грузия; несколько раз разгромлена Золотая Орда во главе с ханом Тохтамышем.

В 1402 году разбита Османская империя. Султан Баязид I, прозванный Молниеносным, и Тамерлан перед сражением переписывались, грозили друг другу. Есть в этом что-то от животного царства, где тоже принято перед дракой принимать угрожающие позы, шипеть, рычать, распускать хвост. Один из русских историков так говорит об этой переписке: «Они исчерпали… все возможности ругательств средневекового Востока, которые только можно себе представить».

Знаменитая битва при Ангоре потрясла современников. Баязид I был неплохим полководцем, с сильным войском. Битва была тяжелой. Султан оказался в плену. Не вполне понятно,

какова была его дальнейшая судьба.

А Тимуру все было мало. Он умер во время похода на Китай.

Для нас актуальнее всего, конечно, западное направление его завоеваний. Видя в слабеющей, распадающейся Золотой Орде опасного врага, он двинулся на запад, чтобы продемонстрировать свой приоритет, преимущество перед монголами. Дважды (в 1391 и 1395 гг.) Тимур разбил войско хана Тохтамыша. Но дойдя до Ельца (это нынешняя Липецкая область, относительно недалеко от Москвы), вдруг развернулся и ушел.

Верующие на Руси связывали это с чудом иконы Владимирской Божьей Матери, которая как раз 26 августа 1395 года была перенесена в Москву и остановила Тамерлана. В честь этого чудесного события в Москве был поставлен Сретенский монастырь.

Ученые же пытаются найти более рациональное объяснение. И версий несколько. Говорят, например, что Тамерлан был обременен добычей. Вряд ли. Таких людей, как он, добыча не обременяет. К тому же основные сокровища были на Востоке, например, в Индии. Западная добыча для него не так привлекательна.

Даже свое войско он начал перестраивать на индийский манер. Ему нужны слоны, потому что он освоил войну на слонах. С боевых слонов он вел обстрел противника, используя приспособления, уже напоминающие огнестрельное оружие. Так что же могла дать ему Центральная Европа?

Вот на что еще надо обратить внимание. После победы над османами Тамерлан принимал послов из Европы. Он был очень горд, что к нему на поклон пришли послы Франции, Испании. И он задавал, например, такой вопрос: «А как поживает сын мой, король франков, живущий на краю света?» Для него Западная Европа – край света, причем самый дальний. Восточный край этим тюркизированным монголам ближе, понятнее, и сокровища Китая известны. Падение Пекина, захваченного и уничтоженного в свое время Чингисханом, было событием столь громадного масштаба, что память о нем жила. То, что несколько тысяч китайских девушек прыгнули со стены, чтобы не достаться монголо-татарам, – это забывается. А память о несметных сокровищах правителей Пекина жила.

На Руси же, по представлениям Тамерлана, вообще никаких сокровищ не было. Непонятные иконы чуждой религии ценности не представляли. Облачение русских священников, золотая церковная утварь… Да по сравнению с Востоком это ничтожно мало!

Тамерлан ушел, потому что ему не было интересно. Зачем

ему край света? Центр его мира – это Дели и Пекин. Завоевать их почетно. А завоевать Елец – не почетно.

Именно в завоевательных походах Тимур продемонстрировал свое знаменитое зверство. С особенной жестокостью он приказывал расправляться с теми городами и землями, которые оказывали ему сопротивление. После завоевания одного из крупных городов он велел воинам принести ему конкретное количество отрезанных голов. Такой норматив.

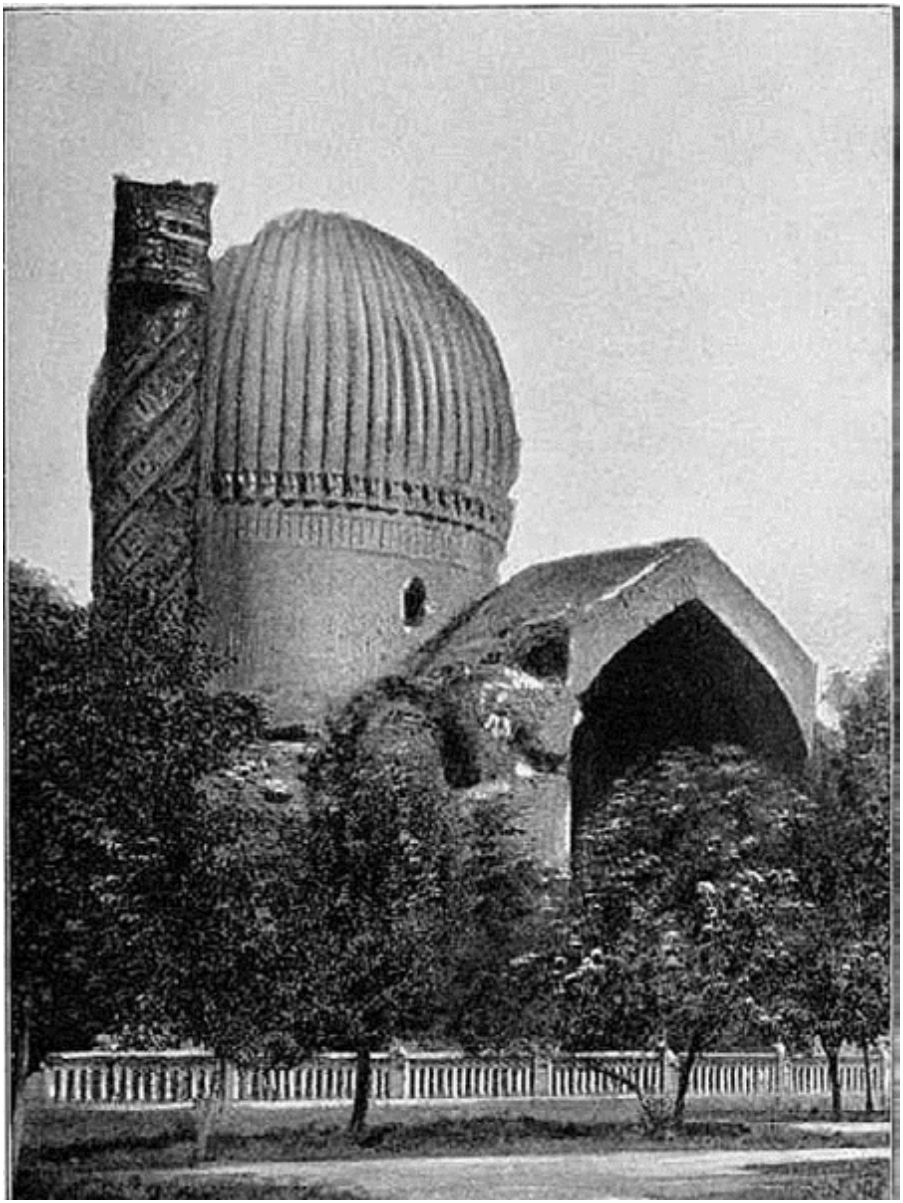
И собралась кровавая пирамида из 70 тысяч человеческих голов.

Так он показывал, что все должны ему сдаваться, покоряться, быть его рабами. Он типичный полководец полукочевого традиционного общества. И вместе с тем, человек, не ведающий моральных ценностей, что для того мира естественно.

Его поступки нельзя оценивать с современной точки зрения. Например, те, кто им восхищается, пишут: он покровительствовал ремесленникам. Покровительством это можно назвать лишь с большой натяжкой. По приказу Тимура его слуги пригоняли из всех завоеванных земель мастеров: архитекторов, ювелиров и других, чтобы украшали его столицу – Самарканд. Он говорил: «Над Самаркандом всегда будет голубое небо и золотые звезды». Он застроил свою столицу прекрасными дворцами. И они до сих пор радуют глаз, эти сине-белые изразцы, эти здания, будто плывущие на фоне синего неба и редких белых облаков; они сами как белые облака. Это чудо! Но чудо, подаренное самому себе! Хотя с течением времени оно стало радовать многих.

Иногда кажется, будто природа пыталась потом что-то искупить. Ведь родной внук Тамерлана – Улугбек. Забавно, когда о нем пишут: «Непригодный полководец, но великолепный астроном». А как может быть иначе? Или полководец, или знаток и любитель звезд! Улугбек – выдающийся ученый своей эпохи.

Для нашей страны Тамерлан – это не только зло. Разгромив Тохтамыша, он оказал услугу Руси. По словам Т.Н. Грановского, если бы не Тамерлан, может быть, окончательное освобождение от Орды произошло бы не в 1480 году, а еще лет через 75. Однако никакой персональной заслуги Тимура в ослаблении Орды не было. Как и в том, что он отсрочил на полвека падение Константинополя. Разбив османов в 1402 году, он, так сказать, позволил Византии продержаться до 1453 – еще 50 лет.



Могила Тамерлана

Образ зла сопутствовал Тимуру и после смерти. Как известно, советская археологическая экспедиция во главе со знаменитым антропологом М.М. Герасимовым вскрыла его могилу в июне 1941 года, буквально накануне начала Великой Отечественной войны. Все это потом обросло легендами. Там якобы была надпись: «Если вы вскроете эту гробницу, на ваш народ падут неисчислимые бедствия».

В реальности экспедиция начала вскрытие гробницы не 21

июня, а значительно раньше. В археологии ничего не делается в один день. А Вторая мировая война уже шла – вне всякой связи с могилой Тимура.

Кстати, и во всех пирамидах египетских фараонов были ровно такие же угрожающие надписи. И об их вскрытии ходили подобные легенды. Например, экспедиция Говарда Картера открыла в 1922 году гробницу Тутанхамона. И вот участники экспедиции все поумирали. Но, во-первых, в очень разные сроки, во-вторых, большинство – естественной смертью.

Эти легенды интересны сами по себе. В современной популярной литературе пишут, будто останки Тимура были нетленны. Да ничего подобного! Тогда же, в 1941 году, М.М. Герасимов опубликовал статью, где описал нормальные тленные останки, фрагменты синего покрывала со звездами, вытканными серебром, которым был укрыт гроб. Любопытно, что Тимур лежал в ногах у некоего праведника шейха, то есть был захоронен не так почетно, как его потомки, как его сын и внук.

Почему? Да потому что Тимур продолжал ловчить и после смерти. Ему казалось, что если он ляжет у ног праведника, то, может быть, на Страшном суде тот за него заступится.

Сейчас Тимура вновь возвеличивают, превращают даже в национального героя. Это, безусловно, право тех народов, которые связывают с его образом свою историю. Но важно помнить, что это был предатель всего и всех, человек, который не выносил, когда бьются за свободу, жадный и жестокий правитель.

Похоже, предательство было у Тимура в крови. Причем предательство как вассальное, так и личное. Правда, его нынешние поклонники подчеркивают, что он очень любил свою семью, своих родственников. Но это как раз понятно. Они же для него опора, преемники. Каждый создатель гигантской империи надеется, что она будет жить вечно. История в этом отношении ничему не учит. Она много раз доказывала, что такие гигантские образования, где из единого центра управляют огромными землями, нежизнеспособны. Но правителю всегда кажется, что империю удастся сохранить в веках.

Люди любят завоевателей. Даже тогда, когда они выглядят невероятно жестокими. Что притягивает в этом? Пока до конца никто, наверное, не объяснил и не объяснит природу зла. Зло – это давно отмечено и церковью, и философами – не только отталкивает, оно полностью отвращает лишь редкие исключительно нравственные натуры. В нем есть какая-то магнетическая сила. У Тимура она была.

Его не зря называют «кровавый дух войны». Война, как известно, из нашего мира не ушла. Но поклоняться ее духам,

наверное, торопиться не надо.

Жанна д'Арк. Жизнь как шедевр

Жизнь Жанны д'Арк поразительна настолько, что некоторые сомневаются: а было ли все так на самом деле? Безусловно, было. Об этом свидетельствуют многочисленные исторические источники: хроники, письма, судебные протоколы, сохранившиеся и во Франции, и в Англии.

О Жанне написаны целые библиотеки научных трудов и художественных текстов. Есть книга А.П. Левандовского в серии «Жизнь замечательных людей», есть прекрасная, хотя и очень небольшая книжка В.И. Райцеса «Жанна д'Арк. Миф и реальность», интересная работа двух французских ученых – Р. Перну и М. Клэн «Жанна д'Арк». В ней представлена жизнь Жанны, увиденная глазами людей, которые с ней встречались, а потом об этом рассказали или написали.

Об удивительной французской героине писал Анатоль Франс; крайне субъективно, но от того не менее интересно – Вольтер. И споры вокруг ее личности не утихают. Ее жизнь в истории составляет неполных три года – очень короткий срок. Но эти три года сделали ее бессмертной.

Она изумляла. Хотя совершенно неправильно создаваемое иногда школьными учебниками впечатление, будто она победила англичан. Нет, не только она, но и Франция в целом в те годы англичан в Столетней войне не победила. Это произошло позже. Неверно и то, что Жанна д'Арк была народной героиней, возглавила народное движение. Нет, ничего подобного. И этого она не делала. Она была полководцем короля.

Жанна родилась предположительно 6 января 1412 года. Как всегда в Средние века, дата рождения неточна. Зато трагически бесспорно, что эту совсем еще юную девушку сожгли 30 мая 1431 года на площади в Руане.

После ее смерти не раз возникали скандальные слухи, появлялись самозванки, называвшие себя ее именем. Это закономерно. Жанна – слишком чистый, слишком светлый образ, кажущийся идеальным. А у людей, видимо, есть в природе нехорошая потребность – бросить в эту чистоту ком грязи.

Как ни печально, первым начал бросать грязь великий Вольтер. Ему это казалось нелепостью – девушка (девственница в более точном переводе с латыни), символ чистоты, в окружении солдат. Но если вглядеться внимательно в ее жизнь, всему находится объяснение.

Родом Жанна из деревни Домреми. По происхождению она крестьянка, пастушка. Ее фамилия – Дарк; написание д'Арк,

свидетельствующее о дворянстве, появилось гораздо позже. Некоторым из тех, кто так яростно нападает сегодня на Жанну, просто не хочется признавать историческую роль человека из народа. Вот почему не раз подвергали сомнению ее крестьянское происхождение. Возникают версии о том, что она побочная дочь развратной королевы Изабеллы, отправленная в деревню младенцем.

Между тем, на процессе реабилитации Жанны д'Арк была собрана масса свидетельств. Очевидцы рассказали о ее детстве, юности, о том, как она принимала участие во всех деревенских праздниках, когда девушки водили хороводы.

Жанна родилась во время Столетней войны, за три года до возобновления этого великого противостояния двух ведущих западноевропейских королевств. Официально война шла с 1337 года. Было несколько крупнейших сражений – и все неудачные для французов. В 1340-м – разгром французского флота при Слейсе, в 1346-м – разгром французской армии в пешем сражении при Креси, в 1356 году – победа меньшего по численности английского отряда под командованием Черного принца Эдуарда над войском французского короля при Пуатье. Французская армия позорно бежала, король оказался в плену. В стране крепло ощущение национального позора.

Сразу после битвы при Пуатье в народе появилась идея человека из простой среды, который принесет спасение. В одной хронике есть рассказ о некоем крестьянине, который пересек всю Францию. Дело в том, что ему во сне явился ангел и велел идти к королю, передать, чтобы тот не принимал боя у Пуатье. Как ни поразительно, крестьянин действительно добрался до короля, попал в его шатер. Король выслушал и сказал: «Нет, я рыцарь! Сражение отменить не могу».

В 1360 году был заключен тяжелейший для Франции мир в Бретиньи: по нему примерно половина французских земель находилась под властью Англии. Возникла угроза самому существованию французского королевства и династии Валуа – побочной ветви Капетингов, правивших страной с IX века. Это древнее, стабильное, сильное, некогда прочное королевство могло просто исчезнуть!

В 1369 году война возобновляется. Замечательный французский король Карл V Мудрый и его полководец Бертран Дюгеклен одерживают победы. Территория Франции практически освобождена, но в руках англичан остались важнейшие французские порты на побережье Бискайского залива и Ла-Манша (Бордо, Байонна, Шербур, Брест и Кале). Перелом в войне кажется окончательным.

Но в Англии в 1399 году свергнут и убит Ричард II. К власти приходит новая династия Ланкастеров, которые стремятся доказать, что они не узурпаторы (в действительности они именно узурпаторы).

Генрих IV Английский только и живет этой мыслью – как бы отделаться от образа узурпатора. Его сын, Генрих V, человек храбрый, воинственный, совершенно разумно решает возобновить войну с Францией. Кто вернет эти владения, уже побывавшие в руках англичан, тот будет таким великим героем, что тень узурпатора растает. В 1415 году он высаживает английское войско на севере Франции и наносит при Азенкуре противнику очередное поражение, такое страшное, что чувствуется: Франции почти нет. А 21 мая 1420 года в городе Труа подписан договор, согласно которому после смерти правящего французского короля Карла VI королем объединенной Англии и Франции станет Генрих V Английский.

Наследник же французской короны – дофин Карл – приговаривается к изгнанию. В тексте договора не указано, но все знают почему. Потому, что сама его мать Изабелла Баварская распускает слухи (или, по крайней мере, не отвергает их), что это не законный сын короля Карла VI. А значит, он не имеет прав на престол. Идея законной передачи власти по крови уже очень прочна в Западной Европе.

Неизвестный художник.
Дофин Карл. XVI в.

Карл VI был психически болен. Он чувствовал себя стеклянным сосудом, а временами впадал в полное безумие. Начиная с 1401 года он уже редко приходил в себя – правила

фактически Изабелла Баварская. Вряд ли король понимал, какой договор он подписывает.

Итак, Франции уже практически нет. Причем многие крупные феодалы признали Генриха V будущим французским королем. Некоторые стали его союзниками, как, например, герцог Бургундский.

А тем временем девочка Жанна подрастала в своей деревушке. Ей было 13 лет, когда она впервые услышала голоса святой Екатерины, святой Маргариты и святого Михаила, которые стали передавать ей волю Божью, связанную со спасением страны. То, что она услышала голоса, совсем не уникально. Есть такое явление – средневековое визионерство. Видения, вещие сны, голоса свыше вполне реальны для человека Средневековья, с его неспособностью и нежеланием разделять непроходимыми границами жизнь небесную, потустороннюю, и здешнюю, земную. Для него все это цельно, едино. Например, при дворе дофина Карла, который не отправился в изгнание, а засел на юго-западе Франции, охотно принимали и любили всяких колдунов и пророков. Это вообще фигура не такая уж необычная для эпохи.

Так что представителей иного мира люди действительно видели, особенно в состоянии сильного возбуждения. А Жанну, как и многих других, тревожило, что идет бесконечная война. Бургундцы (по соседству с той областью, где она живет) вступили в союз с англичанами. Молва говорит, что англичане захватили всю Северную Францию, у них практически вся Нормандия, Париж, они подошли к Орлеану. Если они возьмут Орлеан – ворота в Южную Францию будут открыты, а там дофин, который объявил себя французским королем.

Когда заключался договор в Труа, предполагалось, что старый, с точки зрения той эпохи (ему за 50), и совершенно больной Карл VI должен скоро умереть, а молодой Генрих V – жить, объединить короны и править. Но в 1422 году они умерли оба, один за другим.

Юридически английский король уже властвовал во Франции. Но французы не подчинились! Дофин Карл объявил, что он законный наследник, а его сторонники короновали его в Пуатье. Это была не та традиционная коронация, которая, согласно многовековой традиции, должна проводиться в Реймском соборе, где хранится священный елей для помазания королей. И все-таки к Карлу устремились надежды тех, кому было бесконечно дорого уже родившееся понятие Франция. Не вполне законный король стал центром патриотических сил.

И вот шестнадцатилетняя девочка Жанна в мае 1428 года в сопровождении дальнего родственника приходит к коменданту

ближайшей крепости Вокулер Бодрикуру и говорит, что ей необходимо отправиться к дофину Карлу, потому что у нее поручение от Бога. Во-первых, она должна встретиться с дофином и получить право снять осаду с Орлеана. Во-вторых, добиться коронации наследника в Реймсе. Божья воля – признать законность его происхождения. Большей моральной поддержки ему в тот момент оказать было нельзя. Ведь для него главный вопрос – чей он сын, короля или нет.

Сначала Бодрикур отказался, сочтя все это полным бредом. Но девочка так и стояла у него под окнами в красном платье (кажется, оно было у нее единственным).

Потом комендант крепости выслушал ее еще раз. Говорила она просто, но что-то гениальное было в ясности ее ответов, в ее убежденности.

А Бодрикур, может быть, слышал, что при дворе дофина любят пророков. Это давало ему шанс: а вдруг и его заметят, если он поможет этой девушке. Хотя не исключено, что он ей правда поверил. От нее исходило что-то необычайное – вскоре в этом убедились тысячи людей.

Жанне дали сопровождающих, и она отправилась к Карлу, у которого получила аудиенцию. В зале, куда ее привели, было много людей.

Карл хотел, чтобы она сама поняла, кто здесь дофин. И она его узнала. Как это удалось простой крестьянке? С психологической точки зрения даются различные объяснения. Например, у Карла должны были быть самые испуганные, тревожные глаза.

Так или иначе, между дофином и Жанной состоялся короткий разговор с глазу на глаз. И после этого он согласился, чтобы ее проверила специальная комиссия, которая удостоверится, что она не является посланницей сатаны.

В Пуатье собралась комиссия богословов и беседовала с Жанной. Проверили и то, что она дева. Это было особенно важно. В массовом сознании существовала такая идея: женщина губит Францию, а девушка спасет.

Жанна д’Арк.
Миниатюра второй половины XV в.

Откуда такое представление? Страна монархическая, двигается к абсолютизму, растет роль королевского окружения. Несколько сюжетов времен Столетней войны народ связал с

дурным влиянием женщин на королей. Например, в 1347 году Филипп VI Валуа неожиданно появился под стенами осажденного англичанами Кале, но не помог, а шесть граждан Кале вышли с веревками на шее и их хотел казнить английский король Эдуард III. По мнению народа, только дурные советы королевы Жанны могли к этому привести.

Супруга Карла VI – Изабелла Баварская. Иностранка, что уже нехорошо. Муж безумен. Идеальное поведение жены при этом вряд ли возможно. Трудно сказать, была ли она такой уж развратной или просто политически выбрала себе в сторонники герцога Орлеанского. Договор в Труа тоже вдохновляла Изабелла. Она уговорила мужа подписать этот страшный документ. И молва твердила: женщины губят Францию.

А спасет девушка. У этих представлений библейские истоки: Богоматерь – символ чистоты, непорочности.

В самые трудные минуты жизни христиане обращаются к ее образу. К моменту появления Жанны при дворе дофина Карла в хрониках была уже масса записей о Деве. Люди ждали ее появления. Это случай массового эмоционального верования – проявление «коллективного бессознательного», как называли это представители французской исторической Школы Анналов.

Жанна возглавила снятие осады с Орлеана. Она сражалась мужественно и ничего не боялась. Маленькая фигурка в светлых доспехах, которые изготовили специально для нее, первой шла на штурм небольших крепостей вокруг Орлеана. В этих крепостях (их называли бастидами) засели осаждавшие город англичане. Жанна была идеальной мишенью для них. При взятии бастиды Турели она была ранена, стрела попала в правое плечо. Жанна упала, к восторгу своих врагов.

Но она сейчас же потребовала, чтобы стрелу извлекли, и снова ринулась в бой. И все-таки ее смелость – не главное. Ее противники англичане тоже средневековые люди. Они верят, что Дева способна творить чудеса. Записей о таких «чудесах» сохранилось немало. Так, когда Жанна с небольшой охраной направлялась ко двору дофина, надо было переправляться через реку, но поднялся сильный ветер. Жанна сказала: подождем, ветер переменится. И ветер изменил свое направление. Могло такое быть? Конечно! Но люди все объясняют чудом, в которое им хочется верить. Присутствие Жанны породило невиданное воодушевление французского войска. Солдаты и их командиры (например, свято веривший в миссию Девы герцог Алансонский) буквально переродились. Они выбивали англичан из бастид, разрушая кольцо осады. Все знали, что сказала Жанна о пути, который ведет к освобождению Франции: «Солдаты должны

сражаться, а Бог дарует им победу».

Совсем противоположные перемены происходили в английском войске. Англичане были потрясены внезапной переменой военного счастья, начали верить в божественную волю, выступающую на стороне французов. Возник слух, что еще в начале осады Бог указал англичанам на необходимость уйти из-под стен города тем, что допустил нелепую гибель главнокомандующего, знаменитого полководца графа Солсбери. Овеянный славой популярный военачальник погиб не в сражении. Он был убит ядром во время перестрелки у стен Орлеана.

Сменивший Солсбери гораздо менее авторитарный командующий граф Саффолк принял решение увести английское войско.

8 мая 1429 года осада с Орлеана снята, город освобожден. Первый пункт поручения, полученного Жанной свыше, выполнен. С этого времени Жанна – официальный полководец короля. Она в своих светлых доспехах, с мечом, который чудесным образом найден в алтаре, с белым знаменем – символом чистоты. Правда, во Франции белый цвет еще и символ траура.

Остался второй пункт. И Жанна ведет короля Карла VII к Реймсу. Ей открывают ворота занятых англичанами городов, выносят ключи, толпы людей выбегают навстречу. Если же этого не случается, ее войско принимает бой. Жанну окружили полководцы, которые поверили в нее, – прекрасные воины, имевшие большой опыт. И соединились две эти силы – духовная и чисто военная.

В Реймсе состоялась коронация. Сколько картин написано на эту тему! Каждая эпоха изображает это событие по-своему. Но, видимо, можно не сомневаться, что Жанна стояла рядом с королем, теперь законным Карлом VII. Она ехала вместе с ним по улицам Реймса, и в криках толпы «Да здравствует Дева!» звучало чаще, чем «Да здравствует король!». Не всякий человек это выдержит, особенно такой, как Карл, жаждущий самоутверждения после долгих лет унижений.

Наверное, в этот момент победы и славы Жанне и надо было вернуться домой. Но она не хотела. Известно ее высказывание: «Я должна биться до конца. Это благородно». Она искренне в это верила. И затеяла взятие Парижа.

Вот начало трагедии. Не потому, что это было невозможно в военном отношении. Просто к тому времени король стал уже ей враждебен: он не желал, чтобы Париж был освобожден руками какой-то крестьянки.

Показательно, что Жанна ничего не попросила у короля для себя лично, – лишь освобождения от налогов для жителей ее

родной деревни. И даже эта привилегия была дана не навсегда: потом было изменено районирование, уточнились границы – и все, крестьяне из Домреми все преимущества потеряли.

Для себя же Жанне ничего не было надо – только биться дальше. Хотя вообще-то в этот момент она перешла к той части своей деятельности, которая ей свыше не предписывалась.

Состоялась битва за Париж. Англичане отчаянно сопротивлялись. По одной из версий, до них дошли слухи, что Жанна утратила девственность и теперь им не страшна. Но главное – в разгар штурма король приказал трубить сигнал отбоя. Полководцы, даже те, кто любил Жанну, не могли не подчиниться приказу короля. Штурм не удался, а Жанна была ранена в бедро. Враги злорадствовали: она не является неуязвимой! Но она никогда себя неуязвимой и не объявляла.

После этой неудачи Жанна почувствовала, что все изменилось, ее вытесняют: не слушают, не приглашают на военный совет. И в апреле 1430 года она покидает двор. Она присоединяется к войску, которое отбивает у англичан замки и крепости в долине реки Луары.

23 мая 1430 года под городом Компьен она захвачена в плен. Перед ней опустилась решетка ворот, когда она возвращалась в город после вылазки. Она попала в руки бургундцев. В декабре они перепродали ее англичанам. Неизвестно точно, была ли Жанна предана под Компьеном. Зато не вызывает сомнений, что ее предали раньше – под Парижем, как предали и позже, когда не попытались отбить или выкупить у англичан.

Англичане решили судить Жанну, обвинив ее в том, что она служила дьяволу. Карл VII побоялся предложить за нее выкуп. Судя по всему, он допускал, что она дрогнет, отречется, признает, что она от дьявола. Тогда из чьих же рук он получил корону?

Тяжелейший процесс продолжался с января по май 1431 года. Расследование возглавлял французский епископ Кошон, в переводе с французского – свинья. С тех пор слово «кошон» связывают во Франции с темой национального предательства. Неправедный церковный суд признал ее виновной в ереси.

30 мая 1431 года ее казнили.

Ей удалось сохранить свои убеждения, веру в то, что она посланница Бога, хотя был момент, когда она дрогнула. Она готова была признать, что грешила, потому что носила мужской костюм. На суде она очень умно отвечала, «находясь постоянно среди мужчин, где гораздо приличнее быть в мужском костюме».

Через двадцать с лишним лет, в 1456 году, Карл VII, который продолжал воевать с англичанами и вошел в историю как Победитель (к 50-м годам XV века англичане были вытеснены из

Франции), организовал процесс реабилитации Жанны д'Арк. Теперь ему надо было закрепить в памяти поколений светлый образ Девы. Были вызваны многочисленные свидетели, которые рассказали о ее жизни, ее чистоте. Вынесен приговор – аннулировать осуждение Жанны д'Арк как необоснованное. А в 1920 году католическая церковь причислила ее к лику святых.

Сегодня мы понимаем, что именно во время короткой жизни Жанны Д'Арк сложилась и встала на ноги французская нация. А также французская монархия. И Вольтер не любил Жанну именно потому, что видел в ней отчаянную поборницу монархии, не понимая, что в Средние века король и нация, король и Франция – это одно и то же. А Жанна навсегда подарила нам прекрасную светящуюся точку своей жизни, неповторимой, как шедевр искусства.

Христофор Колумб. Открытие нового мира

В студенческой песенке поется: «Колумб Америку открыл – страну, для нас совсем чужую». Вроде бы все очевидно. На самом деле вокруг этой личности очень много легенд. Хотя сохранились судовой журнал, письма… Записки о Колумбе оставил его старший сын, который очень его любил и откровенно идеализировал. Есть книга священника Лас Казаса, очевидца освоения Америки, но он почти буквально следует тому, что раньше утверждал сын великого путешественника. Подчас в историческом знании изобилие документов вопроса не проясняет, а даже несколько его затуманивает.

Вот, казалось бы, самое простое – имя. В Италии это Коломбо, в Португалии – Кристобаль Колон, в русской транскрипции – Христофор Колумб. Коломбо (по-итальянски – «голубь») – очень распространенная фамилия. Отсюда существующие по сей день сомнения: а тот ли Колумб отправился в знаменитое путешествие? Он ли это?

Год рождения Кристобаля— 1446 или 1451. Ранние страницы его биографии абсолютно туманны. Отец, Доменико Коломбо, – чесальщик шерсти в генуэзском предместье. Мать Сусанна, дочь ткача.

Надо сказать, что чесальщики шерсти в Италии XV века – одна из низших категорий трудящихся. С XIV века известно о протестных выступлениях представителей этой малоуважаемой, низкооплачиваемой профессии. Но отец Колумба, кроме этого, торговал сыром и вином, служил привратником у городских ворот, был посредником при продаже недвижимости. Семья, в которой было четверо детей, считалась зажиточной. Сохранился принадлежавший им двухэтажный дом.

Долгое время считалось неоспоримым фактом, что Колумб происходил из семьи крещеных евреев. Но подтверждений этому нет. Более того, трудно представить себе, чтобы в таком случае он искал счастья на Пиренейском полуострове. А он со временем обосновался в Португалии, не менее католически фанатичной, чем Испания.

Мы не знаем точно, окончил ли он школу. Считается, что в молодости он был вообще неграмотен. И тем более странно, что в зрелые годы, когда он появился при дворах Португалии и Испании, это был человек, говоривший на нескольких языках и писавший на старокастильском стихи религиозного содержания.

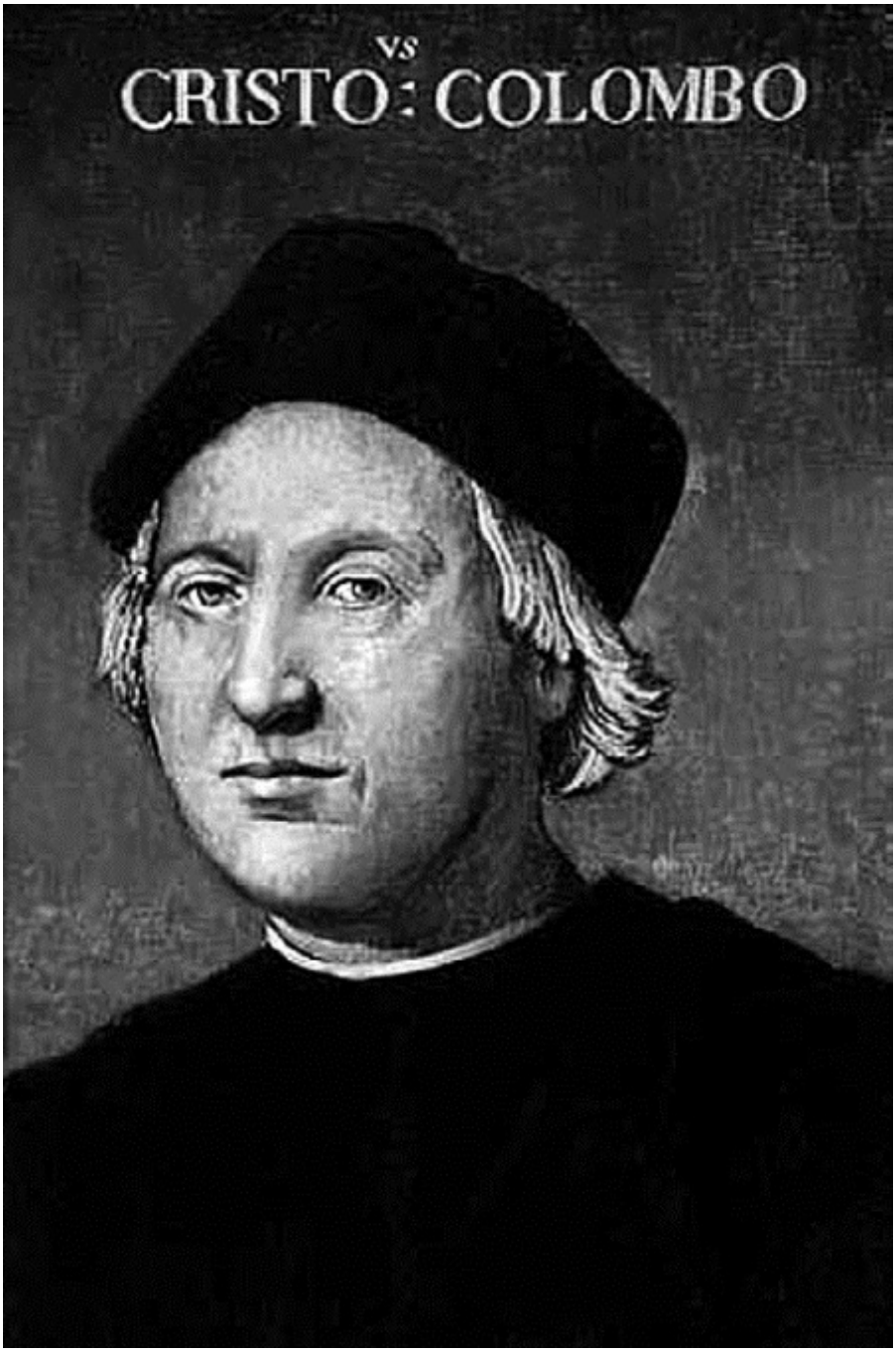
Как он связан с морем? По одним источникам, с 10, по другим – с 14 лет. В зрелые годы, в 1501-м, он писал о себе

королю и королеве Испании: «С младых лет я отправился в море. И продолжаю плавать до сих пор. Искусство морехода толкает тех, кто им занят, к знаниям и тайнам этого мира. Прошло 40 лет, и я побывал всюду, где можно плавать». Красиво! Надо сказать, он вообще стремился говорить о себе в подобных выражениях.

Доподлинно известно, что в возрасте примерно 20 лет он бывал на греческом острове Хиос: сохранились нотариальные акты и торговые документы. Видимо, отец к этому времени скопил кое-какой капитал и стал торговать. Ведь Северная Италия – это крупный центр торговли. Как компаньон отца Кристобаль продавал мастику – смолу мастиковых деревьев, которая применялась в медицине и весьма ценилась.

Некоторые авторы считают, что он плавал и в северных морях, в районе Исландии и Гренландии. Но вряд ли там требовалась мастика. Поэтому возникает закономерный вопрос: а не пират ли он? Понятно, что никто не «плавал» просто так, всегда была цель. Например, разбой, прибрежное пиратство. Но ни капитаном, ни хозяином корабля Кристобаль тогда не был.

А потом, в 70-80-х годах XV века, он вдруг появляется в придворных кругах Португалии и Испании будто совершенно иным человеком. Причем он женился на Филиппе Монис из уважаемой семьи, что помогло ему проникнуть в определенные круги. Он не только образован, но и появился с тем, что сегодня называют модным словом «проект». Его проект – открытие нового пути в Индию, такого, чтобы не пришлось огибать Африку. Для итальянской торговли того времени это вопрос жизни и смерти, потому что Средиземноморье было блокировано Османской империей. Из-за этого хирела торговля, которая прежде давала огромные доходы. Такова одна из причин, заставивших испанскую корону поддержать замысел Колумба.



Неизвестный художник.
Христофор Колумб. XVI в

Но были и другие мотивы. В Западной Европе в очередной раз ждали скорого конца света. Поводов для этого было более чем достаточно. Сначала конец света должен был наступить в 1000

году, потом к этой круглой дате прибавили 33 года жизни Христа, потом перенесли Страшный суд на 50-е годы XI века…

Через несколько столетий идея возродилась. XV век – время больших потрясений, прежде всего в религиозной сфере. В этом смысле очень страшная ситуация на Пиренейском полуострове… Португалия и Испания провели 500 лет в завоеваниях, постоянно продвигаясь на юг и оттесняя арабов. Это движение вошло в историю под именем Реконкисты – то есть отвоевание Пиренейского полуострова у арабов. В сущности, эти две страны жили полтысячи лет в состоянии внутренней колонизации и очень привыкли к тому, что у них постоянно прибавляются земли и богатства. Кроме того, это было движение под религиозным лозунгом, католическим, и оно постепенно переросло в борьбу со всяческим инакомыслием и другими конфессиями. Страшные побочные явления: истребление евреев на Пиренейском полуострове, изгнание всех нехристиан, насильственное обращение оставшихся в христианскую веру, полыхающие костры инквизиции. Падение Константинополя, захваченного в 1453 г. турками, – это еще и крушение христианской империи. Страшное время. Все это рождает мысль о надвигающемся конце света.

Себастьяно дель Пиомбо.
Христофор Колумб. XVII в.

А Страшного суда боятся все, ведь праведников очень мало. Испанская королева Изабелла, которая поддержала Колумба, была набожной до фанатизма. И может быть, открытие новых земель она связывала со спасением от будущей катастрофы.

Предположительно проект Колумба опирался на переписку с крупным итальянским ученым Паоло Тосканелли, который выполнил расчеты примерных размеров Земли. То, что Земля – шар, в XV веке было уже очевидно, хотя в прошлом столетии за эту мысль еще сжигали на кострах. Идея Колумба состоит в том, что, если плыть все время на запад, окажешься в конце концов на

востоке – в Китае или Японии.

Замыслы Колумба были связаны с идеей обогащения. Этот человек всю жизнь стремился к богатству, мечтал о нем, потом думал, что достиг его, покорив невиданный, неведомый мир. Но на самом деле по-настоящему богатым он так и не стал.

Колумб обратился со своим проектом к португальскому королю Жуану II, и не случайно именно к нему. Португалия больше других стран «выдвинута» в океан, она на краешке земли – это идеальный старт для того, чтобы в эти неведомые океаны, о которых все больше и больше думают в XV веке, наконец-то двинуться.

Кроме того, Жуан II интересовался математикой, естественными науками, создал математическую «хунту» – совет, совещательный орган для обсуждения теоретических вопросов навигации и географии. (Кстати, советники по математике были и при дворах итальянских правителей: они ведали строительством, оборонительными и другими инженерными сооружениями.) Колумб стал посещать эти математические занятия.

Но в расчетах своих он, несмотря на это, видимо, в итоге очень сильно ошибся. Он считал, что плыть до Индии западным путем, по крайней мере, в два раза меньше, чем это было в реальности. И если бы не эта ошибка, он, может быть, и не решился бы на такое страшное путешествие.

Колумб отдал свои расчеты на рассмотрение португальским математикам, и они пришли к выводу, что проект фантастичен, осуществить его нельзя.

Тогда около 1485 года он перебрался вместе с сыном в Испанию в надежде, что там найдет понимание. Его приняли, его выслушали, он был представлен ко двору. 1 мая 1486 года состоялась аудиенция у королевы Изабеллы.

Это интересная историческая фигура. Красавица блондинка вся в драгоценностях – и фанатичнейшая католичка. По легенде, она заложила свои драгоценности, чтобы снарядить экспедицию Колумба. Правда, без драгоценностей ее никто ни разу не видел. Может быть, она их заложила и продолжала носить?

Так или иначе, она приняла Колумба благосклонно. Но быстрого положительного решения не последовало. Он ждал еще семь долгих лет, в течение которых он чуть было не собрался бежать во Францию и там искать счастья.

Испанские католические священники в конце концов одобрили проект Колумба, видимо, потому, что это был знак скорого конца света. Свято веря в собственные религиозные предначертания, они не очень хотели лично участвовать в грядущем Страшном суде. Так что поиск иного мира на земле

должен был их вдохновить. Причем эти соображения, как нередко бывало в ту эпоху, прекрасно сочетались с материальными расчетами. Траты были велики, казна нуждалась в средствах, а слухи о богатствах Индии, изобилии драгоценных камней, золота, о дорогих пряностях распаляли воображение.

Колумба поддержали некоторые богатые люди: Пинелли, Сантахель и другие. Они вложили в это предприятие деньги и потом действительно разбогатели.

28 мая (по другим источникам 3 августа) 1492 года три каравеллы, «Санта Мария», «Пинта», «Нинья», вышли из Полосской гавани, взяв курс на Канарские острова. В экспедиции участвовали 88 человек. Списки сохранились.

В этом, первом плавании команда состояла из добровольцев. В дальнейшем дело с этим обстояло все хуже и хуже. Результаты первой экспедиции не вызвали большого энтузиазма. Те, кто вернулся, выглядели крайне изможденными, были больны тяжелыми болезнями. И в последнее плаванье Колумб отправился просто со всяким сбродом, в основном с преступниками, которым давалось помилование, если они примут участие в экспедиции. Вели они себя в походе соответственно.

А эти первые 88 человек в основном плыли добровольно, считая, что обогатятся, если уцелеют. Отчаянный народ!

Они везли бусы, бубенчики, разноцветные колпаки в расчете на то, что будут раздавать все это местным жителям.

К октябрю Колумб добрался до Багамских и Антильских островов. Он считал, что до Индии совсем недалеко, просто по пути встретились острова, где отныне утверждается власть испанских королей.

Он побывал на Кубе, на Гаити – и везде сходил на землю очень торжественно, а ему навстречу шли эти нагие люди, и у него возникали сомнения: а люди ли они вообще? Скорее всего, он аборигенов людьми не считал. Устраивалась торжественная церемония, большинство спутников Колумба появлялись в кирасах, в полном вооружении. Местным жителям торжественно объявляли, что отныне их земля принадлежит испанским наихристианнейшим королям. Устанавливались громадные кресты, аборигенам сообщали, что они будут теперь верить в нового бога.

Неизвестный художник.
Изабелла Кастильская. Нач. XVI в.

Особого сопротивления со стороны туземцев Колумб не встретил. Они и новому богу согласны были молиться – пусть будет еще один, у них же много всяких богов. Встречали чужеземцев, как правило, очень хлебосольно, очень добродушно. Ужасы были впереди. Никто еще этого не понимал.

Колумб в своих дневниках назвал местное население «индейцы», полагая, что находится неподалеку от Индии. Так, по ошибке, подарил он нам это слово. В его записях отмечено: индейцы со временем станут очень хорошими рабами испанских монархов. В этом он глубоко ошибался. Как раз из коренного

населения Америки рабы не получились.

Предстояла борьба на уничтожение. Через совсем небольшое время индейцев стали обращать в христианство огнем и мечом. Но рабов из них так и не сделали. Рабов привезли позже – из черной Африки.

А пока Колумб увидел-таки признаки огромных богатств: на многих аборигенах были золотые украшения. Он приказал схватить человек шесть, чтобы отвезти их в Испанию прямо в украшениях, как доказательство того, что в этих землях можно найти очень много сокровищ. Некоторые из плененных индейцев убежали, нескольких, самых слабых, ему удалось довезти.

Прибытие Колумба в Испанию 15 марта 1493 года было триумфальным. Путешественники побывали в неведомом мире, привезли неведомых существ! Они нашли золото! Состоялся пышный прием во дворце в Барселоне.

А потом дело пошло хуже. 25 сентября 1493 года было снаряжено и началось второе плавание. Деньги на экспедицию получены за счет конфискаций у евреев. То есть все зиждилось на горе и насилии. Теперь с Колумбом шло 1500 человек, в основном бандиты. А в тех землях, куда они плыли, почва для разбоя была прекрасная. Так что никак нельзя сказать, что Колумб – просто отважный мореплаватель, вечный скиталец (хотя он и назван в честь Христофора, по преданию перенесшего Христа через реку, покровителя отважных путешественников).

Участники второго похода были недовольны. Эти жадные люди хотели легкой добычи, и очень много. А ее было мало. Золото приходилось собирать по крупицам. А уже понеслась молва, что португальцы тоже готовят экспедицию. Действительно, скоро Васко да Гама и его совершенно бандитская экспедиция захватят очень много добычи и решительно превзойдут Колумба.

Колумб объявляет открытую землю собственностью испанского короля. XVII в.

Третье плаванье снаряжают 30 мая 1498 года с указанием привезти много, как можно больше золота. И вот Колумб на тех же островах (а он только в последнем путешествии достигнет американского континента, а именно – Панамского перешейка). Он грабит, применяя все более жестокие методы. Какую-то долю он оставляет себе, и все подозревают, что слишком много. Наконец из Испании направлена ревизия, чтобы проверить деятельность Колумба.

Для него это полная неожиданность. Он был по-своему наивен. Отправляясь в первое плаванье, писал царствующим супругам Изабелле и Фердинанду: «После высылки всех евреев из ваших владений вы повелели мне снарядить сильный флот, возвели меня в дворянское звание, назначили меня адмиралом моря и океана, пожизненным вице-королем и губернатором всех островов и земель, которые я открою, и утвердили, что мой старший сын будет мне наследовать титул и так на все времена». И вдруг – ревизия!

Проверкой руководит личный недруг Колумба, человек, который с самого начала был против этой экспедиции, некто Франциск Бобадилья. Явно ожидался предвзятый суд. А в это время Колумб уже достиг западного берега Бразилии и грабил побережье. Он не добрался, в отличие от своих последователей,

до империй майя, ацтеков, где были главные залежи золота. Здесь, на островах и побережье, жили небольшие племенные группы, которые не имели громадных сокровищ, не накопили горы золота.

Ревизия сделала выводы очень быстро. В 1499 году было объявлено, что Колумб и его братья Диего и Бартоломео, которые были с ним, арестованы. Причем они не просто арестованы, а закованы в кандалы и так, в цепях, отправлены в Испанию.

По одной версии, как только корабли отплыли, узникам предложили снять цепи, но Колумб сказал: «Нет! Я желаю предстать перед своими благодетелями королем и королевой Испании вот в этом виде, чтобы они видели всю несправедливость». Но может быть, никто и не предлагал снять цепи; арестованных довезли до берегов Испании и уже там, у берегов, расковали, чтобы не получилось слишком большого контраста с первым триумфальным возвращением Колумба.

Обвинения довольно скоро были сняты. Выяснилось, что никаких громадных присвоений Колумб не допускал. Однако энтузиазм в отношении его путешествий абсолютно угас. И даже отобранные после ревизии титулы ему так и не вернули. К тому же появился Васко да Гама с огромными богатствами, которых Колумб так никогда и не добыл.

Последнее плавание состоялось в 1502 году. Особенно известен один его эпизод. На Ямайке аборигены отказывались поставлять путешественникам продовольствие. Колумб, пользуясь их невежеством, заявил, что испанский бог, который сильнее их богов, украдет Луну. Он просто знал, что будет полное лунное затмение. И когда Луна действительно исчезла на некоторое время, индейцы бросились к ногам Колумба и принесли ему все бесплатно.

В 1504 году умерла королева Изабелла, главная покровительница Колумба. Он оказался в трудном положении. У него многое не ладилось. Умерла жена, он сошелся с другой женщиной, некой Беатрис Энрикес. Она родила ему второго сына, Фернандо, которого он вроде бы любил. Но второй раз так и не женился. Ведь он вице-адмирал и даже «вице-король», а она из простых. Мелкое честолюбие!

Мелочные черты его натуры в сочетании с величием его плавания создают противоречивый образ. Колумб не был напрочь лишен совести. Вот отрывок из его завещания, где он просит своего первого сына, наследника имущества и титулов (которые вроде бы должны были вернуть): «Беатрис Энрикес, мать дона Фернандо, должна быть возведена в подобающий ее положению ранг, чтобы жить почитаемой и в достатке, так как я ей обязан

многим. Я поступаю так, чтобы снять с моей души тяжкий гнет и успокоить совесть, чьи укоры меня терзают».

Могила Колумба в Севилье

Колумб умер в Испании в 1506 году. В 1542-м тело перевезли на Гаити, а в 1795 году, когда остров перешел к Франции, – на Кубу, в Гавану. В 1898 году, после испаноамериканской войны, прах перевезен в Испанию, в Севилью. И во всех этих перемещениях он был утрачен.

Кто же такой Колумб? Сам он не был бандитом, но, в сущности, готовил почву для дальнейших зверств колонизаторов на американском континенте. Не был он и ученым.

Его не отнесешь к числу отважных открывателей земель, хотя он, безусловно, открыл Америку. Правда, названа она не в его честь, а в честь Америго Веспуччи, который этот континент тщательно описал.

Сегодня модно выражать сомнение в том, что Колумб – открыватель Америки. Пишут, что задолго до него, в IX веке, там

побывали викинги. Это бесспорно, поскольку остались археологические следы, например затопленные корабли с амфорами на борту. Вероятно, добрались до американского континента и китайцы. Так что ореол единоличного открывателя Америки на рубеже XX и XXI веков сделался несколько размытым. Но это не значит, что о его заслугах пора забыть. Каким бы ни был Христофор Колумб – он совершил свои великие плавания, и они знаменовали вступление средневековой Европы в Новую эпоху. И мы должны сегодня смириться с тем, что в эпоху великих географических открытий новые земли открывали отнюдь не только прекрасные романтики.

Генрих II Плантагенет. Начало династии

Генрих II – один из великих английских правителей.

И один из великих правителей Европы. Именно так оценивает его современная английская историография. Его нередко называют величайшим английским королем. Но был ли он англичанином? По рождению Генрих – граф французской области Анжу.

Однако Генриха II ценят в Англии не за происхождение, а за дела. Его жизнь не похожа на учебник истории. Это роман, причем роман общеевропейского масштаба. Войны, приключения, страсти – все было в этой удивительной жизни.

Плантагенет – прозвище Генриха, доставшееся ему от отца, графа Анжуйского Жоффруа. Оно образовано от названия растения plantaga – подорожник. Его листьями отец любил украшать свой шлем, сражаясь на турнирах. Генрих II сохранил эту традицию. А его прозвище дало имя династии, которая оставалась на английском престоле 245 лет, до 1399 года, когда был низвергнут последний Плантагенет Ричард II.

Генрих родился 5 мая 1133 года во Франции. Его мать, Матильда, была внучкой Вильгельма I Завоевателя. Она побывала замужем за германским императором Генрихом V, овдовела, и затем вышла замуж за Жоффруа, но никогда не забывала о том, что носила императорскую корону.

К тому же Матильда являлась единственной наследницей своего отца, английского короля Генриха I. Правда, она женщина, а права женщин на престол всегда оспариваются. Но все-таки призрак этой второй короны не переставал тревожить ее воображение. А тем временем рыжеволосый, очень подвижный мальчик Генрих, в те годы даже не принц, и не помышлял ни о каком престоле.

Анжу – область плодородных и изобильных земель в самом сердце Франции, в нижнем течении Луары. Эта территория упоминается еще в римское время, а в IX веке, при Каролингах, становится графством. В середине XI века правители Анжу присоединяют еще две области, сравнительно небольшие, но очень ценные со стратегической точки зрения – Турень и Мэн. С 1154 года, когда Генрих стал английским королем, графство Анжу сделалось частью английских владений во Франции.

Когда мальчику было два года, в Англии умер король Генрих I, и Матильда, его дочь, начала отстаивать свои права на английский престол. Сторонники немедленно объявили ее законной королевой, но короноваться она только через шесть лет

– в 1141 году.

Реально страной в те годы правил двоюродный брат Матильды Стефан Блуаский. Вплоть до 1153 года между сторонниками Матильды и Стефана шла тяжелая борьба, которую называют баронской войной. Фактически это была гражданская война.

Граф Жоффруа Анжуйский упорно отстаивал права своей жены. В 1140-х годах он завоевал практически всю Нормандию. В 1144 году он взял Руан и получил титул герцога Нормандского, который позже перешел к Генриху.

Стефана же поддержали английские бароны, которым он обещал всевозможные вольности и привилегии. Он разрешил им свободно строить замки, где угодно и сколько угодно, без контроля со стороны королевской власти.

Результаты впечатляют: при нем было построено 1115 баронских замков! Это значительно осложнило будущее движение Англии к централизованной власти.

Война между группировками измучила страну. Особенно нарастало недовольство среди горожан, прежде всего лондонцев, которым для успешной торговли необходимо было спокойствие на дорогах. А Лондон определял ситуацию в стране. И недовольство населения заставило Матильду и Стефана пойти на компромисс.

Они заключили договор: Матильда уступила свои права на английский престол – при условии, что наследником Стефана будет ее старший сын Генрих. Разумный поступок, если учесть, что Стефан был немолод и бездетен. Точнее – не имел законных детей.

Через год Стефана не стало. Генриху Плантагенету, графу Анжуйскому, открылся путь к престолу.

Родители и прежде выделяли старшего сына, заметив, видимо, что он энергичнее и сильнее братьев – Уильяма и Жофрея. Граф Жоффруа позаботился об образовании Генриха. В историографии называются имена его учителей: это известный своей образованностью Аделард Батский, а также французский философ Гильом Конхезия. Генрих читал по-латыни и говорил на нескольких языках, включая, например, провансальский, что не вполне типично для XII столетия. А мэтр Петр Сентский занимался с юношей стихосложением – и не без успеха. Получать дальнейшее образование Генрих был отправлен в Англию, в Бристоль. Здесь его обучал мэтр Матвей, канцлер его матери Матильды.

Но Генрих был увлечен отнюдь не только учебой. Он придавал большое значение внешности, модно одевался

(юношеское прозвище его было – Короткий Плащ), пылко любил охоту.

С 14 лет, возраста, в котором человек уже считался юношей, Генрих принимал участие в войне за английский престол, возглавляя небольшие отряды анжуйцев. Правда, ни тогда, ни через два года, когда он вновь принял участие в военных действиях, успех ему не сопутствовал. Интересно, что в 1149 году, когда он потерпел очередное поражение в Англии, обратную дорогу во Францию ему оплатил главный противник— Стефан Блуаский.

Когда в 1150 году Генрих вернулся в Нормандию, ему было 17 лет. И здесь у него возник конфликт с королем Франции. Людовик VII напал на молодого Генриха, пользуясь тем, что герцоги Нормандии являлись вассалами французской короны. Генрих откупился от француза, пойдя на несколько мелких уступок.

В это же время и начался один из ярчайший романов в истории…

Юный наследник английской короны полюбил королеву Франции, тридцатилетнюю Алиенору Аквитанскую. Несмотря на разницу в возрасте, Алиенора надолго пережила Генриха и в любом возрасте выглядела значительно лучше его.

Знакомство могло состояться в Париже, где Генрих побывал вместе с отцом в 1151 году. Король с супругой уже были на грани развода, который вскоре потряс всю Европу.

До встречи с Генрихом Алиенора, как пишут хронисты, знала его отца Жоффруа Красивого. Учитывая ее небезупречную репутацию, в слове «знала» есть некая двусмысленность. Когда Генрих II был еще маленьким, Алиенора Аквитанская отправилась с мужем в Крестовый поход и проскакала с крестоносцами через всю Европу. В те годы распространились слухи о ее излишне вольном поведении. А отец Генриха II Жоффруа Красивый был в королевской свите. Впрочем, все это только слухи.

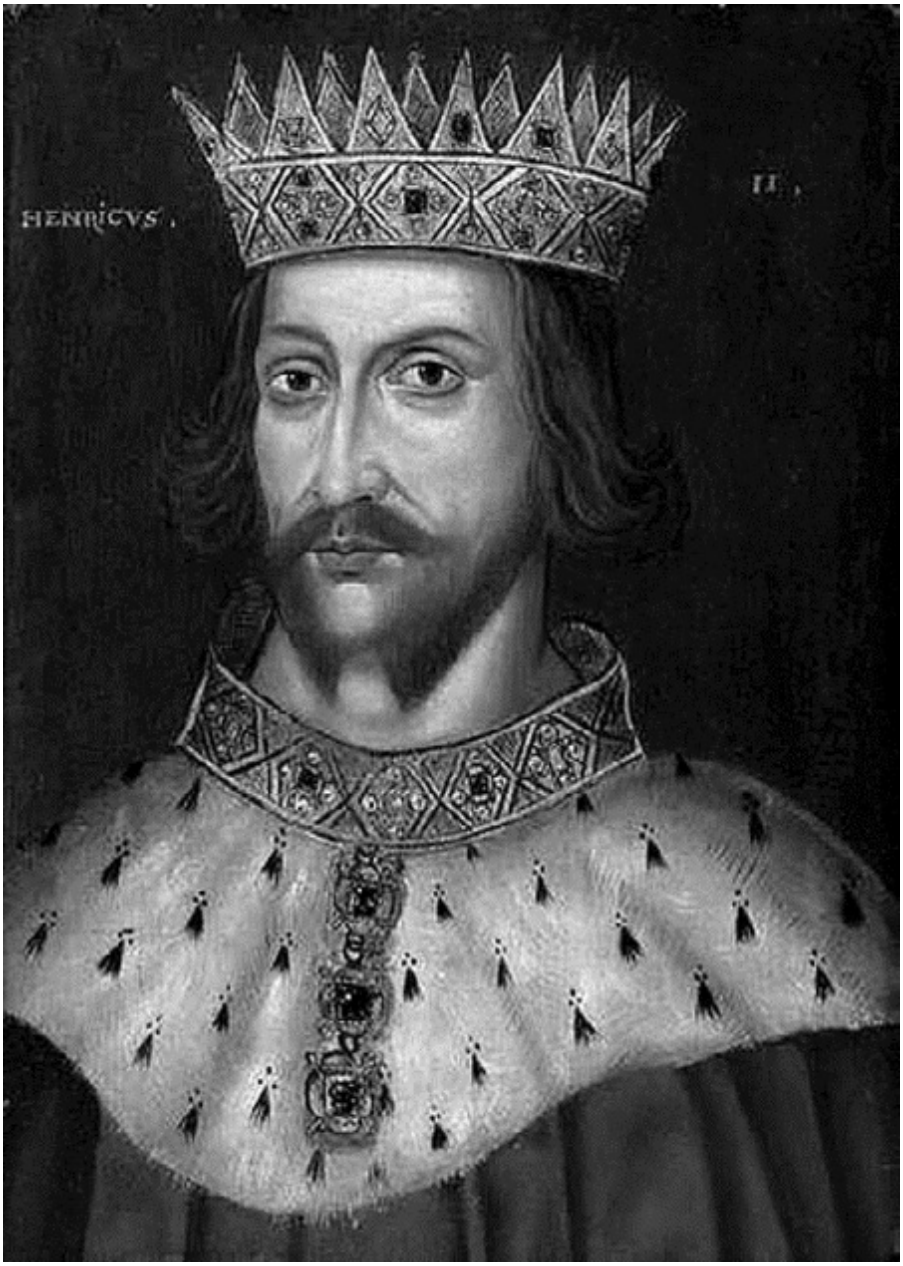
Не исключено, что между Алиенорой и Генрихом вспыхнули искренние чувства, не угасавшие в первые годы их брака. Но был в стремительной женитьбе наследника английской короны и некоторый расчет.

Как только развод Алиеноры Аквитанской с Людовиком VII состоялся, объявилось множество претендентов на ее руку и ее приданое – Аквитанию, огромное герцогство на юго-западе Франции. По дороге из Парижа в Пуатье Алиенору дважды чуть не похитили. Один раз это был граф Шампани Тибо, а второй раз – младший брат Генриха, Жоффруа, который все время хотел что-нибудь отнять у старшего. Например, он требовал себе право на

наследование Анжу, ведь у Генриха уже была Нормандия. Но Генрих не отдал этого права брату, вопреки воле покойного отца. Не отдал, разумеется, и невесту.

Как показала вся последующая жизнь, отнять что-либо у Генриха Плантагенета можно было лишь ценой собственной жизни.

Итак, в 1152 году, через два месяца после развода Алиеноры с Людовиком VII, был заключен ее новый брак. Из-за скандальности ситуации свадьбу сыграли тихо.



Неизвестный художник.
Генрих II. XVI в.

В 1154 году, после смерти Стефана, Генрих стал английским королем. Алиенора Аквитанская обрела третью корону после герцогской, доставшейся ей при рождении, и французской, которую она носила в течение 13 лет брака с Людовиком VII. А Генрих II, который никогда никому ничего не отдавал, имел такие

титулы: герцог Нормандии, граф Анжуйский, Туреньский и Мэнский, герцог Аквитании. Через некоторое время он добился еще одного титула – суверен Ирландии, завоевав небольшую часть этой страны. Все это вместе стало средневековой империей.

Прибыв в далекую и чужую Англию, молодой король бросил огромные силы на ее обустройство. Именно здесь находилось сердце огромного, рыхлого государственного образования, раскинувшегося от Пиренейских гор до Ирландии. И Генрих заботился о благоустройстве центра своих владений.

Алиенора же обеспечила будущее династии. Вступив во второй брак в 30 лет, она родила с 1152 по 1166 год десять детей, пять из которых – мальчики. Один из сыновей рано умер, остальные – Генрих, Жоффруа, Ричард (будущий Ричард Львиное Сердце), Иоанн Безземельный – росли, привлекая взоры всей Европы. А ведь в качестве предлога для развода с Алиенорой Людовик VII выдвинул то, что она не в состоянии родить наследника. Оскорбленная королева рожала Генриху мальчика за мальчиком, и теперь всем европейским дворам стало известно, кто виноват в том, что у французского короля не было сыновей.

Убийство Фомы Бекета.
Средневековая миниатюра

Что же Генрих II сделал для Англии? Прежде всего, он решил укрепить центральную власть. Это было очень трудно после феодального разгула, царившего при Стефане. Генрих приказывал срывать замки, которые Стефан разрешил построить.

Молодой король вступил в борьбу и с церковью, доказывая ее служителям, что власть светская выше власти духовной. Он был абсолютно убежден в своей победе, потому что возвел на архиепископский престол своего друга Томаса (Фому) Бекета. Король верил в то, что он всегда будет на его стороне.

Тут Генрих ошибался. Как только Фома Бекет сделался архиепископом Кентерберийским, он словно переродился: все дни он проводил в молитвах, благотворительности и посвящал Богу каждую секунду своей жизни.

Замыслы, которые лелеял Генрих: ограничить функции церковных судов, а со временем, может быть, добраться и до налогообложения и что-то получить с церкви, натолкнулись на

непримиримую позицию архиепископа. В этой борьбе Фома Бекет на правах старого приятеля позволял себе слишком много. Он поносил королевскую особу, будто забыв, что монарх – помазанник божий. Наверное, только былая дружба может переродиться в такую яростную вражду.

Один шаг от любви до ненависти был сделан и в королевской семье. Дело в том, что после рождения младшего сына Иоанна Генрих решительно и резко охладел к Алиеноре. Он нашел себе возлюбленную – прекрасную Розамунду, дочь рыцаря. Поначалу она была просто фавориткой, у нее рождались дети, которых король не собирался признавать, а Алиенора все это терпела. Но постепенно король вовсе перестал уделять внимание законной жене. Теперь Розамунда повсюду появлялась рядом с Генрихом. Более того – Генрих завел с Папой Римским разговор по поводу возможного развода. Здесь, правда, он встретил категорический отказ. Папство вообще было им недовольно из-за его конфликта с архиепископом. Больше к теме развода Генрих не возвращался. Тем более что Алиенора в ярости покинула Англию.

На шесть лет был изгнан из Англии и Фома Бекет – вместе со всеми родственниками. Правда, при посредничестве Папы Римского король и архиепископ на короткое время формально примирились. Но вернувшийся после изгнания Бекет стал еще более пылко обличать короля. Стало совершенно очевидно, что такое поведение могло накликать беду. И беда пришла.

Генрих, находившийся во Франции, получил письмо, в котором говорилось о том, как Бекет унижает его в глазах всей страны. Скомкав это письмо, король сказал: «Неужели нет никого, кто освободил бы меня от этого попа?» Желающие сейчас же нашлись. Несколько придворных отправились в Англию и убили архиепископа в храме прямо в время службы. Это убийство не забыто и по сей день.

Страна содрогнулась. На могиле Фомы Бекета сейчас же начались чудеса. Генрих оказался в очень трудной ситуации. Через два года, в 1172-м, ему пришлось покаяться. Баронов-убийц он отправил замаливать грехи на Святую Землю.

А сам король по распоряжению Римского Папы подвергся прилюдному бичеванию. Генрих потерпел поражение.

Однако в других своих начинаниях Генрих добился успеха. Одно из важнейших его достижений – судебная реформа. В стране было введено единое уголовное право, суд присяжных (правда, только для свободных людей и за высокую плату). Этот шаг положил конец всевластию баронов.

Вторым значительным успехом Генриха II была военная реформа. Он дерзнул отказаться от традиционной военной

службы крупных феодалов (40 дней в году в пользу короля вместе с дружинами). Вместо этого Генрих ввел так называемые «щитовые деньги». То есть вместо службы бароны должны были выплачивать определенную сумму. На эти деньги снаряжались наемные отряды, которые были в полном личном распоряжении короля. Это обеспечило будущие победы Англии в Столетней войне.

Собирая деньги с баронов, Генрих в 1181 году обязал свободных горожан тоже иметь вооружение. Этим самым он возродил традицию англо-саксонского ополчения, которое называлось фирд. Со временем такое право закрепилось за европейскими горожанами наряду с другими вольностями, дарованными им королевской властью. Городское население относительно свободных Нидерландов, Италии, юга Франции считало соответствующее его статусу вооружение одной из важнейших своих привилегий.

Ф.К. Купер.
Королева Алиенора и Розамунда

Напрашивается интересная аналогия. В русской истории относительно вольными были Новгород и Псков, и там тоже существовало народное ополчение. Но есть один важный нюанс. Оружие, которое принадлежало каждому члену этого ополчения,

в русских вольных городах Средневековья хранилось на общественном складе и раздавалось только по соответствующему решению городских властей в случае какой-либо опасности. У западноевропейских же горожан оружие было в руках, и они более независимо им распоряжались.

Могила Генриха II и Алиеноры Аквитанской в аббатстве Фонтевро

Но вернемся к Генриху II. Его законная жена Алиенора не могла пережить появления рядом с ним постоянной фаворитки Розамунды и удалилась во Францию. Она настраивала против Генриха крупных французских феодалов и – его собственных сыновей. Внезапно скончалась «прекрасная Розамунда», как ее называли при дворе. Немедленно поползли слухи о том, что ее отравила Алиенора Аквитанская, отвергнутая королем. Кто знает? Была ли в этом хотя бы доля истины? Историки спорят об этом до сих пор.

Отношения короля с сыновьями и до этого нельзя было назвать простыми. Слишком уж крутой, жесткий у него был характер. Например, он сам короновал старшего сына, назвав его «молодой король». Более того – после коронации стал ему прислуживать, говоря: «Смотри, какая высокая честь – тебе прислуживает сам король!» На что сын ответил: «Не так велика честь – сын графа прислуживает сыну короля!» Судя по этой

реплике, лада в семье уже не было.

Молодой Генрих был коронован, но не получил никаких полномочий. Его отец в очередной раз продемонстрировал, что никто и никогда не сумеет ничего у него отнять.

И вот в 1173 году сыновья Генриха подняли мятеж. На континенте у них был замечательный союзник – французский король Людовик VII, бывший муж Алиеноры, заклятый враг Генриха. Английские принцы бежали к нему в поисках защиты от самодура-отца. Два года длилась война между сыновьями и отцом и Генрих вышел их нее победителем. Алиенора на долгие 16 лет оказалась в заточении.

Генрих продолжал править единолично. Его сыновья начали стареть – а им все еще приходилось лишь мечтать о власти. Они устраивали все новые и новые заговоры.

В 1180 году умер король Людовик. На престол взошел его сын, умный и дальновидный Филипп II Август. Он был сыном Людовика VII от третьего брака.

В 1188 году Генриху доложили об очередном заговоре. Он спросил, кто его возглавляет. Ему показали список. Во главе заговорщиков был его любимый сын, будущий Иоанн Безземельный. После этого Генрих отвернулся к стене, два дня лежал не шевелясь и не принимая пищи – и на третий день он скончался.

Он оставил Англии традиции сильной власти – и память о семейной драме.

Изабелла Английская. Француженка на троне

По отношению к Изабелле родители проявили ту династическую жестокость, которая так характерна для Средневековья. Ведь обращение с невестами королевской крови в ту эпоху – это своего рода торговля детьми. В 16 лет ее выдали замуж за английского короля. И именно этот брак заложил основы будущей страшной Столетней войны.

Изабелла прожила 66 лет – с 1292 по 1358 год. Ее отец – французский король Филипп IV по прозвищу Красивый. Его современники в один голос утверждали, что он и в самом деле был красив. Писатель Морис Дрюон посвятил ему один из томов серии «Проклятые короли» – роман «Железный король». Филипп действительно был человеком с железным характером. Сам того не ведая, он закладывал основы французского абсолютизма.

Именно он одержал победу над папством – великой моральной и политической силой в средневековой Западной Европе. Эта политическая победа позволила французскому королю возвести на папский престол своего ставленника и даже перенести резиденцию пап из Рима в город Авиньон на юге Франции на долгое время (так называемое «Авиньонское пленение» пап продолжалось около 70 лет).

Привыкший побеждать, Филипп беспощадно расправился с Орденом тамплиеров. И глава Ордена Жак де Моле проклял его из пламени костра.

Филипп IV отличался безмерной жестокостью, но в тоже время высоко ценил знание. При нем были советники – знатоки права, так называемые легисты, помогавшие ему решить сложные дипломатические вопросы. Король много читал, любил знаменитое сочинение римского философа Боэция «Утешение философией», увлекался рыцарскими романами.

Но ученость в то время не была предназначена для женщины. В XIV веке была одна женщина – писатель и историк, Кристина Пизанская, но это совершенно нетипично. В королевских семьях девочек растили с расчетом на династический брак. Принцессы – это бесценный товар. И относились к ним соответственно. Они должны быть хорошо одеты, прилично образованны, например, говорить на иностранных языках. Их и обучали языкам и танцам, но не литературе или философии.

Французский двор считался очень свободным, даже несколько фривольным. Постоянно устраивались большие

приемы и балы, на которых юных принцесс демонстрировали гостям в качестве потенциального «товара».

Матерью Изабеллы была Жанна Наваррская. Французские короли не раз женились на представительницах этого дома. Наварра, несмотря на свои крошечные размеры, занимала важное стратегическое положение: она располагалась между собственно Францией и английскими владениями на юго-западе – Гасконью с центром в Бордо.

Гасконь была частью Аквитании, которая с XII века принадлежала как вассальное владение английским королям. И они должны были приносить вассальную клятву за него. Таким образом один король являлся вассалом другого. Вот тот узел противоречий, который нельзя развязать и который сможет разрубить лишь Столетняя война. Наварра находилась на границе этих владений. И поэтому отношения с наваррским двором были для французских королей важнее, чем, например, с германским, земли которого лежали за полунезависимыми французскими графствами и герцогствами, такими как Бургундия и Шампань.

Изабеллу выдали замуж в 1308 году, в возрасте 16 лет, что было для той эпохи совершенно нормально. Она считалась уже зрелой девушкой. Ее супругу – английскому королю Эдуарду II – было 24 года. Он взошел на престол годом ранее, сменив своего отца Эдуарда I, которого современники называли Великим. Эдуард I успешно правил страной 35 лет – в течение жизни целого поколения. Он достиг значительных успехов в освоении новых земель (например, покорение и колонизация Уэльса). Он поощрял просвещение. Вообще в Англии, казалось, царило процветание.

Сменить на троне великого короля – тяжелый удел. И в этом заключалась одна из трагедий Эдуарда II. Мучительно было и то, что на него уже при рождении сделали некую ставку. Отец объявил его первым принцем строптивого, но завоеванного Уэльса. От наследника ждали великих достижений.

Наверное, непросто дался ему и этот брак. Между английской и французской коронами были серьезные династические противоречия. В XII веке разведенная жена французского короля Людовика VII Алиенора Аквитанская вышла замуж за английского короля Генриха II Плантагенета. При этом огромное герцогство Аквитанское на юго-западе Франции осталось ее владением, которое перешло вместе с ней под эгиду английского королевского дома. Это создавало почву для непрерывных конфликтов между двумя королевскими домами – французских Капетингов и английских Плантагенетов.

В XIV веке между соседними монархиями назревало

обострение конфликта, но та эпоха не знала никаких средств разрешения противоречий, кроме войн и династических браков. Поэтому Филипп IV и решился отдать Изабеллу английскому королю.

Брак оказался неудачным. Судя по всему, между королем и королевой не сложилось даже просто добрых отношений. Изабелла не была допущена к участию в государственных делах. Ее отодвинули на задний план, а всеми важными вопросами при Эдуарде II ведали его фавориты.

Первый из них – Пьер Гавестон, бедный дворянин из Гаскони. Английская знать была в ужасе от того, что король приблизил к себе выскочку. Даже во Франции гасконцы считались менее родовитыми, чем жители центральной и северной частей страны. Отношение к провинциалам, а особенно к гасконцам, сохранявшееся на протяжении веков, очень точно передано Александром Дюма в романе «Три мушкетера». Д'Артаньян в XVII веке появляется в Париже, прибыв из Гаскони, и становится объектом насмешек. При этом самого его отличают авантюризм и бесшабашность. И он будто специально дразнит столичную знать.

Обладал этими чертами и Пьер Гавестон. Он был другом наследного принца, будущего Эдуарда II. Однако разумный Эдуард I, опасаясь усилившегося влияния гасконца на наследника, выслал того из Англии. Как только Эдуард II взошел на трон, он вернул своего любимца и необычайно возвысил. Гавестон фактически стал правителем Англии.

Ненависть к Гавестону заставила английских аристократов сплотиться. В оппозицию вошли представители самых знатных семейств – графы Ланкастер, Уорик и Пемброк.

В эти годы Изабелла была в тени. На четвертом году брака она родила первого сына. А всего у них с Эдуардом было четверо детей. Слухи о том, что король придерживался нетрадиционной сексуальной ориентации, идут от средневекового хрониста аббата Фруассара – певца истинного рыцарства. Ему не мог нравиться нерыцарственный Эдуард II, которого всегда окружали не фаворитки, а фавориты. Фаворитами короля становились его товарищи по оружию. Один из наблюдательных современников писал: «Он специально возвышал не самых знатных, для того чтобы они полностью от него зависели». Эдуард противопоставлял своих фаворитов высшей знати. Случилось так, что подозрения на его счет попали в романы. Но ведь авторы романов имеют право на вымысел! В том числе и Морис Дрюон – серьезный ученый-медиевист, сочиняя романы, позволял себе домыслы и гипотезы.

Надгробие Изабеллы Английской.
Рисунок XVIII в.

В 1309 году, еще до рождения старшего сына Изабеллы и Эдуарда, знать открыто выразила свое недовольство. Парламент не дал денег на войну в Шотландии, используя завоеванное еще в XIII веке право санкционировать такие крупные государственные

траты. Бароны заставили короля изгнать Гавестона. Он сделал это, но, как только Парламент закрылся, вернул на прежнее место, будто дразня высшую знать.

В 1310 году собрался новый Парламент и создал Комитет ордейнеров в составе 21 человека, предоставлявший нечто вроде баронской олигархии. Об участии Изабеллы в деятельности баронов в этот период ничего не известно. Она раскрыла карты стремительно и намного позже.

Поведение баронов становилось все более вызывающим и независимым. Пользуясь тем, что король отправился в Шотландию, они казнили Гавестона. Эдуарду пришлось сделать вид, что он с этим примирился. Он чувствовал, как шатается его трон.

Ордейнеры постоянно унижали короля. Парламент отказывался выделять деньги на его личные нужды. Было заявлено, что королевское семейство должно жить за свой счет. Этого мало: Эдуарда лишили права покидать страну.

Вместо того чтобы попытаться поладить с баронами, Эдуард II нашел в 1321 году двух новых фаворитов, деятельность которых переполнила чашу терпения всех слоев общества. Это были отец и сын Деспенсеры, невысокого происхождения, явные авантюристы. Конечно, они служили королю истово.

И уже этого Изабелла не вынесла. Вместе со старшим сыном Эдуардом она отплыла во Францию, ко двору своего брата Карла IV.

Братья Изабеллы – Людовик X, Филипп V и Карл IV Красивый – принадлежали к династии Капетингов, правившей во Франции с 987 по 1328 год— более 300 лет. За это время сменилось 14 властителей – не так много для столь огромного срока. И вот столь плодовитая и стабильная династия после Филиппа IV Красивого стала угасать.

Молва не сомневалась в том, что именно произошло: сработало проклятие, которое произнес великий магистр Ордена тамплиеров генерал Де Моле из пламени костра. Он якобы сказал: «Будешь проклят ты и род твой до седьмого колена». Орден был упразднен в 1312 году, а в 1314-м неожиданно и нелепо окончилась жизнь Филиппа IV: он упал на охоте с лошади, слег – и больше не поднялся.

Ему наследовал старший сын Людовик X, который правил два года и внезапно умер в 27 лет. Затем на троне шесть лет был Филипп V – он тоже умер неожиданно; ему было около тридцати. Всего шесть лет предстояло править и последнему из братьев – Карлу IV. К нему отправилась Изабелла вместе с сыном Эдуардом, наследником английского престола. Видимо, у нее были замыслы,

связанные с заговором, зревшим в это время в Англии.

Но, оказавшись при французском дворе, Изабелла поначалу забыла о политике с головой погрузившись в бурный роман. Как и все в ее семье, она отличалась необыкновенной красотой. Отношения с мужем не сложились, брак был служением, а себя она всегда чувствовала товаром, отданным во вражеский стран.

Считалось, что любовные приключения при дворе должны быть только тайными. Изабелла же повела себя демонстративно, за что ее сурово осуждали. Возлюбленным королевы стал Роджер Мортимер, барон Вигморский – один из самых знатных людей Англии. Он тоже бежал во Францию, потому что был злейшим врагом Диспенсеров.

Тридцатипятилетний Мортимер был воплощением рыцарства: красивый мужчина, боец, участник военных походов, совершивший недавно побег из английской тюрьмы… Неудивительно, что Изабелла, которой исполнилось тридцать, прежде не знавшая любви, потеряла голову, а ведь прежде она сама осуждала придворных дам за легкомыслие.

Однако кроме страсти, вероятно, королевой руководил и политический расчет. Изабелла решила возглавить заговор против мужа. К тому же на французском престоле находился ее последний брат. И у него не было наследников. (Когда он умер, его жена ожидала ребенка, но родила девочку.)

Во французской истории немало выдающихся женщин-правительниц. В XII веке Алиенора Аквитанская пользовалась большим влиянием на своего мужа Людовика VII. Третья жена Филиппа II Августа, Адель Шампанская, стала регентом во время пребывания мужа в Палестине. Наконец, в XIII веке Бланка Кастильская была регентом при своем сыне Людовике IX Святом – сначала в годы его малолетства, затем когда он сражался в Крестовых походах. О ней известный современный французский медиевист Робер Фавье сказал: «Ее должно и в самом деле считать настоящим французским королем».

Изабелла почувствовала запах власти. И начала самостоятельно принимать решения. Муж засыпал ее письмами, умоляя вернуться в Англию. Самому ему бароны запретили свободный выезд из Англии. Писал Эдуард II и десятилетнему сыну, прямо обвиняя его мать: «Она приблизила к себе Мортимера, нашего смертельного врага, изменника, и с ним водит компанию в своем жилище и за его пределами». Так изящно король формулировал свои претензии. Он требовал, чтобы сын вернулся – с матерью или один. Но его не слушались. Власть Эдуарда II таяла. Он находился под полным контролем комиссии ордейнеров.

Возлюбленный Изабеллы, граф Мортимер – это, конечно, человек-орудие. Он должен был возглавить выступление против Деспенсеров и ничтожного Эдуарда II и сделать то, чего не могла седлать королева, – повести в бой вооруженных людей.

Изабелла собрала деньги и армию. Для этого она женила сына на Филиппе Геннегауской, чей отец, граф Геннегаузский, дал ему войско. Карл IV не помогал сестре открыто, потому что Эдуард II был его вассалом. Но втайне французский король поддерживал заговор. Не возражал он и против того, чтобы Изабелла оставила Францию.

Осенью 1326 года она отплыла в Англию, организовав дерзкий военный десант. Королева не просто выступила против супруга, она посягнула на законного короля, помазанника божьего. В средневековой Европе считалось, что королевская власть имеет сакральный характер. Один из ранних Капетингов писал в XI столетии: «Известно, что милостью божьей мы возносимся над всеми прочими смертными так, что следует всячески стараться повиноваться нам по воле того, кто нас сделал первыми».

Едва ступив на британскую землю, Изабелла издала прокламацию, обращаясь к народу Англии со словами: «Хорошо известно, что английская святая церковь и державная власть были многими способами жестоко поруганы и уничтожены из-за злых советов и подстрекательств Хьюго Диспенсера, который, побуждаемый гордыней и жаждой править и помыкать всеми другими, присвоил королевскую власть». Она высказывалась не только против фаворитов, но и против мужа: «Мы прибыли в эту страну, дабы вернуть в должное положение святую церковь и государеву власть, оградить народ от перечисленных бед и тяжелого угнетения».

Эдуарда никто не поддержал. В его распоряжении не было крупного войска, а горожане Лондона прямо сказали, что не будут его защищать. Он счел за лучшее бежать вместе с Деспенсерами. Но и природа была против него. Ветер пригнал его корабль обратно, к берегам Уэльса, где король был схвачен.

Младшего Деспенсера казнили немедленно, старшего заточили. Судьбу короля решила Изабелла. Палата пэров Парламента давно присвоила себе юридическое право низложить или отстранить государя. И вот какое решение было принято: «Постановлено, что сир Эдуард, старший сын короля, возьмет бразды правления королевством в свои руки. И будет коронован по нижеследующим причинам. Причина первая. Прежде всего, из-за того, что особа нынешнего короля, Эдуарда II, не способна к самостоятельному правлению».

Далее в декларации Парламента говорится о том, что государством при Эдуарде II управляли другие люди, процветал фаворитизм. В документе есть замечательная фраза: «Одних духовных особ он держал в темнице, а других – в глубокой печали». Пылко описано горе всей страны. Обоснована необходимость избавиться от неспособного правителя. Отчаянный шаг! Изабелла на исторической арене и ведет себя невероятно дерзко.

Почему бароны пошли за королевой? Конечно, они видели опасность в лице Мортимера, но полагали, что его можно будет убрать. Наследник был юн, ему всего 15 лет. А уж слабую женщину отодвинуть совсем не сложно.

Эдуард II был отстранен и через несколько месяцев тайно убит в одном из замков. Юный наследник был коронован. Бароны были уверены, что получили власть. Мортимер думал, что главный теперь он, а Изабелла намеревалась править сама.

Изабелла и Мортимер сразу же попытались исправить некоторые ошибки, допущенные Эдуардом II. Прежде всего, для изменения настроений в стране, как всегда, требовалась успешная война.

Роковым для них стал 1328 год. Они вместе отправились на войну в Шотландию, но потерпели страшное поражение. Английская армия была разбита. Прежде Эдуарда II попрекали тем, что Шотландия отстояла свою независимость, но изменить ситуацию не удалось. Так Мортимер лишился репутации удачливого военачальника. В том же году во Франции умер последний брат Изабеллы, Карл IV – и она заявила свои права на французскую корону – не для себя, а для своего сына Эдуарда III, уже ставшего английским королем. Этим она ускорила начало Столетней войны. Ведь было ясно, что Эдуарду откажут, несмотря на то, что он внук великого короля Франции Филиппа IV. Для французов сын английского короля был чужаком, иностранцем. Окончательно национальное самосознание двух народов сформируется в эпоху Столетней войны.

И Эдуарду отказали. Французская знать вспомнила традиции избрания первых Капетингов и возвела на престол Филиппа, племянника Филиппа Красивого, ничем себя до той поры не проявившего. Юридическим обоснованием отказа Эдуарду стал раннесредневековый судебник VI века

«Салическая правда», согласно которому у предков французов, франков, земельный надел (аллод) не наследовался по женской линии. Эдуард III был внуком великого короля Франции по женской линии. Так что, если рассматривать французское королевство как очень большой земельный надел.

Конечно, это была юридическая натяжка. Однако, не будь ее, Изабелла все равно получила бы отказ под каким-нибудь другим предлогом. Она воплощала во Франции не фигуру своего знаменитого отца, а враждебное английское королевство.

Тем временем поражение в Шотландии усиливало недовольство внутри Англии. Особое раздражение всех слоев общества вызывал Мортимер, который, чувствовал себя королем. Королева одаривала его драгоценностями, награждала землями, отнимая их у других баронов. Он получил титул графа Марчского.

Власть портит людей, и придворные фавориты рано или поздно становятся крайне самонадеянными. Так случилось и с Мортимером. К решительным действиям его врагов подтолкнул заговор графа Кентского – любимого дяди короля. Граф выступил против фаворита королевы и был публично обезглавлен. Мортимер поднял руку на особу королевской крови!

А 13 ноября 1330 года исполнилось 18 лет Эдуарду III. Через две недели после совершеннолетия он совершил мгновенный тихий переворот. Успеха он достиг в первую очередь потому, что не создавал разветвленной сети заговорщиков, иначе его непременно кто-нибудь выдал бы. С несколькими верными людьми, ненавидевшими Мортимера, юный король сделал главное. Фаворит был без долгих разбирательств казнен, причем казнен публично – его повесили, что не соответствовало положению лорда.

Изабелле было 38 лет. Сын отправил ее в один из замков недалеко от Лондона. Ей предстояло прожить еще очень долго – 28 лет, но уже вне исторической арены. За эти годы она должна была узнать о том, что важные деяния, не удавшиеся ни ей, ни Мортимеру, удались ее сыну. Эдуард III, для которого она билась за власть, стал великим королем. Его походы в Шотландию были успешны, что вызывало радость англичан. На его правление пришлось и триумфальное начало Столетней войны. Изабелла не могла не слышать о победах над французами при Слейсе, Креси, Пуатье. Задуманное ею воплощалось в жизнь.

Династия Валуа во Франции правила долго – 260 лет. А последней из этого дома стала женщина – Маргарита, дочь Генриха II и жена Генриха IV Наваррского, которая тоже пережила всех своих братьев, только не трех, а четырех.

Изабелла Английская стремилась войти в историю как наследница славы великого короля и сильная правительница, но ее судьба сложилась совсем не так, как она предполагала. После нескольких по-настоящему ярких лет ее ждали долгие годы заточения и забвения.

Королева Польши Ядвига. Любовь и долг

Королева Ядвига прожила всего 28 лет – с 1371 по 1399 год – и тем не менее осталась в истории. Осталась как символ благородства и жертвенности. Ее чтит католическая церковь: благодаря этой женщине были обращены в христианство по католическому обряду последние язычники в Европе – литовцы. В XX веке Ядвига была объявлена блаженной и святой. И на стене знаменитого Ягеллонского университета в Кракове есть памятная доска с ее профилем, потому что в жизни этого учебного заведения Ядвига сыграла очень важную роль.

Место, где будущая королева появилась на свет, в конце XIV века принадлежало Венгрии. Сегодня это территория Словакии.

Ядвига была младшей дочерью Людовика I Великого (по-венгерски Лайоша), короля Польши и Венгрии, и Елизаветы Боснийской. Великий польский художник XIX века Ян Матейко создал портрет Лайоша. Художник подчеркнул ум и силу этой незаурядной личности.

Людовик I вошел в историю как добрый правитель, любимый и польским, и венгерским рыцарством. Он был представителем Анжуйского дома – одной из ветвей французских Капетингов, который в 1268 году закрепился в Южной Италии и, вытеснив оттуда Священную Римскую империю, и создал Неаполитанское королевство. Германская корона все время пыталась закрепить эти земли за собой. По просьбе Папы Римского французский король Людовик IX отправил туда своего брата Карла Анжуйского, и там утвердился Анжуйский дом.

Людовик I энергично расширял свои владения в Центральной Европе. Он воевал на Северных Балканах – в Далмации, а также в Болгарии и создал в итоге одно из крупнейших имперских объединений европейского Средневековья. Оно простиралось от Балкан до Балтики и от Черного моря до Адриатического.

Надо признать, что история Центральной Европы известна нам меньше, чем прошлое Европы Западной. Причем так сложилось очень давно. Знаменитый польский хронист Галл Аноним писал на рубеже XI–XII веков: «Страна польская удалена от проторенных путей паломников. И знакома она лишь немногим». Современные же польские историки отмечают: «Польша возникает как государство в границах латинского государства и может рассматриваться как молодая Европа».

Ядвига.
Рисунок Яна Майтеко

Ядвига была младшей из трех дочерей Людовика. И хотя ее отец отстоял право передавать корону по женской линии (что было невозможно, например, во Франции), шансов оказаться у власти у нее было немного. Разве что после сестер – Екатерины и Марии. Но дальнейшие обстоятельства сложились самым

неожиданным образом…

Польское княжество приняло христианство в X веке, а в XI-м князь Болеслав I Храбрый получил титул короля. Польское королевство вынуждено было при Болеславе IV Кудрявом признать себя вассалом Священной Римской империи германской нации – самого сильного государства Центральной Европы.

К XIII веку Польша оказалась в очень трудном положении, между двумя опасностями – воинственным Тевтонским орденом с центром в Прибалтике и монголо-татарским нашествием. Надо сказать, что король Людовик I умел ладить с Орденом. Сохранились даже письма Великих Магистров, которые хвалили его за правильное поведение. Он не отказывался от переговоров и вовремя делал подарки. И это понятно: он хотел сохранить мир на этой границе, чтобы удержать в руках свое громадное государство.

Сведений о детстве Ядвиги сохранилось совсем немного. В ее воспитании большое значение придавалось придворным манерам, танцам, но ее воспитатели уделяли внимание и ее религиозному воспитанию, познакомили Ядвигу также и с некоторыми книгами античных авторов. Девочка владела несколькими языками, включая французский и латынь.

Ребенком Ядвига была обручена с малолетним австрийским эрцгерцогом Вильгельмом. Ее отец, озабоченный тем, чтобы венгерская и польская короны достались его дочерям, обручил их с видными представителями европейской элиты. При этом в 1373 году он добился от сейма – собрания строптивой польской знати, согласия на то, чтобы ему после его смерти наследовала старшая дочь Екатерина.

Но в том же году Екатерина умерла. Шляхта же немедленно заявила, что согласие было дано только на передачу короны Екатерине. Вообще же права на женское наследование по-прежнему не было. Более того, существовало решение от 1355 года о том, что по женской линии престол не переходит.

Отношения с аристократией у польских королей складывались непросто. Об этом говорит, например, тот факт, что Людовик I после коронации увез корону и все польские королевские регалии в Венгрию, потому что боялся, что в его отсутствие коронуют кого-нибудь другого. Немаловажно, что он не был для поляков своим, не имел прямых родственных связей с польской династией Пястов. Правительницей Польши официально считалась его жена Елизавета.

В 1374 году Людовик дал шляхте так называемый Кошицкий привилей, предоставив мелким и средним рыцарям самостоятельность, освободив их от обязательной военной

службы и от всех повинностей кроме небольшой подати с земли, а также гарантировав им государственные должности. Фактически он уравнял их с феодальной верхушкой. В обмен на это они признали право женщины наследовать корону.

В 1382 году Людовик Великий скончался. По Кошицкому привилею, корона Польши должна была перейти к старшей из оставшихся двух дочерей – Марии. Но шляхта вновь выступила против. Мария была обручена с Сигизмундом, графом Бранденбургским. А поляки не желали видеть немца своим королем. К тому же Мария получила как наследница венгерскую корону, и полякам не нравилась идея слишком тесного объединения с венграми.

Вдове Людовика Елизавете пришлось решать сложнейшую задачу. Она не хотела, чтобы в стране началась гражданская война. Но столкновения уже начались. Возникла конфедерация, которая требовала, чтобы на польский престол взошел человек, связанный с древней знатью и династией Пястов.

Подходящей кандидатурой оказался князь Мазовецкий Земовит по прозвищу Семка, сильный, энергичный, а главное – свой, поляк, в отличие от Марии, жившей в Венгрии. В мае 1383-го сторонники Земовита провели в городе Серадзе незаконную коронацию.

Согласно очень древней традиции, они просто подняли его над собой. Тем более, что официальная церемония была невозможна – ведь польская корона находилась в Венгрии.

Вот что пишет о событиях тех лет польский хронист: «Магнаты и шляхта жгут и грабят друг друга. И есть между ними такие, которые вовсе не желают короля, а стремятся овладеть коронными имениями и обратить их в свою пользу».

Часть шляхты соглашалась принять и Ядвигу, но при условии, что она будет постоянно жить в Польше. Ядвиге было в это время одиннадцать лет. Мать не сразу решилась отправить девочку в бурлящую Польшу.

Шляхта тем временем разработала новый план – расторгнуть помолвку Ядвиги с Вильгельмом Австрийским и выдать ее за князя Земовита. Появился даже план похищения девочки. Земовит устроил засаду на пути следования Ядвиги в Краков, но ошибся: из Венгрии в тот момент отправились в Польшу только послы, юная же королева еще не выехала, и похищение не удалось.

15 ноября 1384 года, в обстановке гражданской войны, Ядвига была коронована в Кракове. Интересно, что во время церемонии ее называли rex («король»), чтобы не подчеркивать, что на престол восходит наследница женского пола.

К тому времени Ядвига уже славилась выдающейся красотой. Ее сравнивали даже с Еленой Прекрасной из греческой мифологии. Некоторые специально приезжали в Краков, чтобы увидеть юную красавицу. Туда же прибыл ее жених, четырнадцатилетний эрцгерцог Вильгельм Австрийский. Дело в том, что церемония, проведенная, когда Ядвиге и Сигизмунду было пять-семь лет, могла рассматриваться не просто как обручение, а как заключенный заранее брак. Теперь Вильгельму предстояло только подтвердить этот брак и вступить в права короля Польши.

Венсан де Лессер.

Ядвига. 1803 г.

При встрече будущие супруги очень понравились друг другу. В одном из францисканских монастырей на окраине Кракова им было разрешено встречаться, конечно, в окружении свиты. Они общались на балах, танцевали и проникались все большей взаимной симпатией. А польские магнаты тем временем принимали важные дипломатические решения.

Они пришли к выводу, что брак королевы с Вильгельмом не дает тех преимуществ, которые можно получить, если она станет женой литовского великого князя Ягайло. Он был на 21 год старше Ядвиги, но когда и кого это смущало? Не была безупречной и его репутация. Ягайло прославился своей жестокостью. Например, он приказал убить в тюрьме своего дядю Кейсута и, возможно, утопить его жену Бируту. Однако все это не имело значения в сравнении с открывавшимися политическими возможностями.

Матерью Ягайло была русская княгиня Ульяна Тверская. Не исключено, что в детстве его крестили по православному обряду. Потом, правда, он, воспитанный литовцами, стал язычником. Теперь же он был готов принять вместе с польской короной христианство и обратить в него весь свой народ. Грандиозное историческое событие в масштабах Европы! Немаловажно было и то, что Ягайло был непримиримым врагом Тевтонского ордена.

Когда решение о столь важном брачном союзе было принято, перед Вильгельмом Австрийским заперли ворота Кракова – больше его в этот город не пустили. Польское предание говорит, что пятнадцатилетняя Ядвига, выхватив секиру у одного из стражников, своими слабыми, нежными ручками пыталась разрубить ворота, чтобы догнать Вильгельма. Все безнадежно.

Епископ краковский Петр Выш призвал Ядвигу на духовный подвиг. Обращение Литвы в католицизм, союз против Тевтонского ордена – все это ради Польши, ради христианской веры. Осознав неизбежность происходящего, Ядвига отправила к нему доверенного человека. Она вообще не могла себе представить, что значит не веровать во Христа. К тому же о язычниках ходили страшные слухи: говорили, что они дикари и ходят в шкурах. Поэтому королева велела своему посланцу убедиться, человек ли вообще этот Ягайло. И ее слуга, честно исполняя поручение, прежде всего пошел с Ягайло в баню, чтобы проверить, не отличается ли строение его тела от человеческого. После этого он доложил Ядвиге, что ее будущий жених точно человек. Это ее немного успокоило. Но ей никогда уже не суждено было стать счастливой. Потерпев поражение в борьбе за

свое счастье, она вынуждена была пойти под венец с диким и свирепым язычником.

15 февраля 1386 года состоялась свадьба Ядвиги и Ягайло. Они были, мягко выражаясь, разными людьми. Если она знала несколько языков и любила читать, то он, вероятнее всего, вообще был неграмотен. По легенде, его мать так любила сына, что позволила ему не учиться. Из языков он знал не латынь, а русский. Ягайло хорошо относился к русским, были они и в его свите, и гусляры играли при его дворе. На Куликовское поле он, правда, опоздал и реальной помощи русским не оказал.

Больше всего на свете Ягайло любил охоту. Современники вспоминали, что после удачной охоты он становился таким добрым, что в этот момент у него можно было попросить почти что угодно – он всех жаловал.

Ядвига и Ягайло совершили одно совместное деяние – они отправились в Литву, где королева присутствовала на торжествах по поводу обращения литовского народа в христианскую веру.

В остальном супругов мало что объединяло. Ягайло проводил время на охоте, развлекался с любовницами. При этом, когда он задержался в Литве, а Ядвига вернулась в Польшу, нашлись придворные клеветники, которые обвинили королеву в неверности. Конечно, это был злобный вымысел. Но Ягайло то ли поверил, то ли сделал вид… И тогда Ядвига проявила твердость, которая вообще свойственна тихим, но сильным натурам. Она прекратила с мужем супружеские отношения. А поскольку она была христианкой и ходила на исповедь, ее духовники знали, что между королевой и королем нет отныне супружеской близости. К тому времени у них еще не было детей. А ведь это судьба династии!

И тогда руководство польской церкви пошло на то, чтобы организовать публичный суд, на котором королева могла добиться полного оправдания. При этом двенадцать шляхтичей объявили, что независимо от исхода суда будут в бою отстаивать честь королевы. Тот, кто победит, докажет, что она невиновна.

В конце концов клеветник— человек по имени Гневош – признался, что оговорил королеву. Ядвига потребовала наказать его по древнему славянскому обычаю. Виновный должен был прилюдно залезть под лавку и оттуда громко объявить: «Я клеветник, я оклеветал королеву, я пес паршивый». И завершить свою речь подражанием собачьему лаю.

Итак, Ядвига была полностью оправдана. Более того – Ягайло покаялся, носил темную одежду и постился. Причем, став католиком в зрелые годы, Ягайло соблюдал пост в очень строгом варианте: по нескольку дней жил только на хлебе и воде. С

годами на нем, безусловно, сказалось облагораживающее влияние жены, которой было свойственно истинное благочестие.

Надо сказать, что и сама Ядвига в супружестве очень изменилась. Она оставила светские развлечения и никогда более не появлялась на балах. Но у нее появились новые интересы. В те годы знаменитый Краковский университет, один из старейших в Европе, основанный в 1364 году, испытывал очень большие затруднения. Несмотря на то что там учились студенты из разных стран Европы, в период гражданской войны университет не получал королевской финансовой поддержки и пришел в упадок.

Наверное, Ядвига чувствовала свою вину: трудные времена предшествовали ее приходу к власти. Она продала все свои драгоценности и пожертвовала средства на возрождение и расширение Краковского университета. Можно сказать, что благодаря этим заботам Ядвига обрела душевный покой.

Ягайло.
Рисунок Яна Матейко

В 1399 году Ядвига наконец родила дочь. Но ребенок прожил всего месяц. И двадцативосьмилетняя королева угасла вслед за ним, успев перед смертью раздать остатки своего состояния бедным.

Ягайло, потеряв жену, рыдал над ее могилой и всячески демонстрировал отчаяние. Правда, это не помешало ему потом еще трижды жениться. Скорее всего, его публичная скорбь была

политическим жестом. Он демонстрировал полякам, как дорога ему была их, польская, королева.

Прожив больше восьмидесяти лет, Ягайло стал основателем династии Ягеллонов, которая правила в Польше до 1572 года. В 1410-м он участвовал в Грюнвальдской битве, в которой Польша и Великое княжество Литовское нанесли поражение Тевтонскому ордену. Так что его заслуги перед польской историей несомненны. И все-таки немного обидно, что университет, для которого так много сделала королева Ядвига, носит название Ягеллонский…

Когда в 1997 году Папа Римский Иоанн Павел II канонизировал свою соотечественницу – польскую королеву, он произнес: «Долго ты ждала, Ядвига». Да, со дня ее смерти прошло почти шестьсот лет. Но за эти годы не угасла память о редкой самоотверженности и об истинном благородстве.

Карл VII. Король-победитель, или «Милый дофин» Жанны Д’арк

Фигура французского короля Карла VII из династии Валуа всегда находилась в тени, прежде всего – в тени великих событий Столетней войны. А кроме того – в тени Жанны д'Арк. Во французской историографии он остался правителем, при котором была одержана победа в величайшей войне Средневековья, а также королем-реформатором, чудом вознесенным на престол из самого жалкого положения!

Карл родился в 1403 году. Он был третьим сыном короля Карла VI, одиннадцатым из двенадцати его детей. В Средние века третий сын в королевском семействе имел минимальные шансы стать королем. И Карл знал это с рождения.

Его отца, Карла VI, прозвали Безумным, и это не метафора. С юности у него случались припадки, которые со временем становились все чаще и продолжительнее.

Умер Карл VI в 54 года, а находился на троне в течение 42 лет.

Будущий Карл VII родился, когда отцу было уже 36 лет, и приступы безумия все реже сменялись периодами просветления. По словам современников, король бегал по коридорам Лувра и выл, как животное, не узнавая близких. Когда к нему подвели его жену-королеву, он спросил: «Кто эта женщина?» Со временем ему стало казаться, что он стеклянный сосуд и с ним надо обращаться очень аккуратно. Например, ему нельзя подниматься ни на какие возвышения: оттуда сосуд может упасть и разбиться. Уже в XX веке подобные заболевания начали объяснять внутренней хрупкостью личности и ощущением враждебности окружающего мира.

Мать Карла VII – Изабелла Баварская была чужестранкой. Это был вполне типичный для Средневековья династический брак. Часто в историографии встречаются утверждения, что королева Изабо была легкомысленной развратницей. И эта точка зрения имеет под собой некоторые основания. Юный Карл с детства слышал, что его мать распутна. Многие даже сомневались в том, что он рожден от короля.

Надо заметить, что в историографии, особенно во французской научной литературе второй половины XX века, представлена и другая версия. Некоторые авторы утверждают, что слухи о безнравственности королевы – это просто плод недоброй фантазии придворной толпы, которую раздражала чужеземка на

троне. А на самом деле Изабелла была прекрасной, преданной женой, которая любила мужа в минуты его просветления. Так или иначе, детство Карла не назовешь веселым и беззаботным.

Образ Карла сохранили многочисленные портреты. Судя по ним, у него были основания для недовольства своей внешностью, очень характерной для представителей династии Валуа, но проявившейся в каких-то крайних формах.

Он рос очень замкнутым. Нет источника, в котором, когда речь идет о Карле, не употреблялось бы слово «скрытность». Со временем это свойство его характера переросло в политическую недоверчивость.

Карл был младенцем, когда началась война, которую тогда никто, конечно, не называл Столетней. Этот термин появился в европейской историографии только в XIX веке. Современники же просто жили в эпоху непрерывных столкновений между королевскими домами Франции и Англии. Истоки этих противоречий надо искать в истории XI–XII веков. У английской короны были немалые владения на территории Франции. Французские же короли из дома Капетингов, а затем Валуа не были еще по-настоящему сильными правителями. Рядом были герцоги и графы, которые нередко оказывались богаче и влиятельнее их.

В конце XIV века в войне наступило затишье – после того как французы потерпели несколько страшных поражений: они были разгромлены в битве Слейсе в 1340 году, при Креси в 1346-м и в битве при Пуатье в 1356 году. Зыбкое перемирие не позволяло надеяться на то, что войне пришел конец: земли, из-за которых она началась, не были отвоеваны.

Битва при Форминьи

В 70-х годах XIV века, при Карле V Мудром, благодаря знаменитому полководцу Дюгеклену часть этих владений возвратилась под власть французской короны. Но в начале XV столетия страну расколола гражданская война.

Когда на троне оказывается безумец или ребенок, неизбежно начинается борьба за влияние на слабого монарха.

Жан Фуке. Портрет Карла VII. 1445 г.

При Карле VI на власть претендовали два герцога – брат безумца Людовик Орлеанский (с ним в первую очередь связывали дурную репутацию королевы Изабеллы) и герцог Бургундский, по прозвищу Жан Бесстрашный. В его владении находились Бургундия, Шампань, Артуа и Фландрия – самые богатые торговые области современной Франции и Бельгии. И на деле оказалось, что герцог Жан был намного богаче и влиятельнее короля.

В 1407 году, когда будущему Карлу VII было четыре года, герцог Жан быстро и эффективно устранил конкурента. Людовик Орлеанский был убит. Всем было понятно, что за гибелью брата короля стоит герцог Бургундский. Но он был прощен королем и стал самым влиятельным человеком во Франции. Вряд ли король

сознавал, кого и за что он прощает. Пошли разговоры о том, что всеми делами управляет королева Изабо.

Вскоре после убийства герцога Орлеанского в стране началась гражданская война. Сторонников герцога Бургундского называли бургиньоны. Им противостояли последователи убиенного Людовика Орлеанского. Их партия получила название арманьяки: один из их лидеров имел титул графа Арманьяка. Силы были приблизительно равны. Обе партии сознавали, что необходим некий «камешек», который перетянет чашу весов на их сторону. Эту роль могли сыграть англичане.

Слово «Франция» появляется в источниках начиная с X века. И французы со времени поражений при Креси и Пуатье начали чувствовать себя именно французами.

Они испытывали к англичанам неприязнь. Поэтому то, что политики начали искать союзников в лице англичан, стало для Франции настоящей трагедией.

Обе партии вели переговоры, торговались – и каждая стремилась побольше уступить главным врагам своего королевства. Страшная штука – борьба за власть!

Англичане почувствовали, что пришло время для возобновления войны. Тем более что на престоле был Генрих V, представитель новой династии Ланкастеров, пришедшей к власти не совсем законным путем. В таких случаях всегда требуется, как сейчас говорят, «маленькая победоносная война».

В готовности французской верхушки идти на союз с ними Ланкастеры увидели реальный шанс объединить Францию и Англию под властью одной короны.

В 1415 году Карл Безумный получил от английского короля письмо, в котором говорилось: «Благородному принцу Карлу, нашему кузену и противнику во Франции, Генрих, Божьей милостью король Англии и Франции». Это означало, что Генрих, опираясь на давние притязания англичан, объявляет себя главой обоих королевств и возобновляет войну.

После долгих переговоров и своего рода политического «перетягивания каната» союзниками англичан стали бургиньоны. И это был мощный союз. В то время герцогство Бургундское реально претендовало на то, чтобы быть самостоятельным королевством, и практически стало таковым. Бургундский двор, богатый, сохранявший дух рыцарства, был очень силен. Почему такой вариант европейской истории все-таки не воплотился в жизнь? Наверное, главная причина состоит в том, что в герцогстве Бургундском отсутствовало этническое единство, оно было очень пестрым по составу населения. Но вероятность возникновения отдельного государства, несомненно,

существовала.

Будущий Карл VII по-прежнему оставался в тени. Ему было 12 лет, когда умер один его старший брат, 14 – когда скончался второй. Так Карл стал дофином (наследником престола). У него появилась надежда получить французскую корону.

Тогда же, в 1415 году, французские войска были разбиты в сражении при Азенкуре. В последующие три года англичане и их союзники победоносно прошествовали от северного побережья Нормандии до Парижа. Было ясно, что Франция гибнет.

Захватив в 1418 году Париж, бургундцы повели себя хуже, чем любые иноземные завоеватели: они несколько дней грабили, жгли и убивали. Пятнадцатилетний дофин Карл чудом выбрался из Лувра в сопровождении старого коннетабля, преданного дому Валуа. Наследника престола спасло лишь то, что его слуга знал потайные ходы в этом громадном лабиринте. Пережив подобное потрясение, Карл сделался еще более мрачным, унылым, подавленным.

Ему удалось прорваться на юго-запад Франции. Там, в Пуатье, он объявил себя регентом, так как его безумный отец остался в руках бургундцев.

Укрывшись в Пуатье, дофин созвал парламент и создал счетную палату в Бурже, из-за чего позже, когда он объявил себя королем Франции, враги стали презрительно называть его «Буржский король».

Случилось так, что первый крупный поступок, совершенный Карлом, объективно сделал его знаменем сопротивления англичанам. Вот почему вскоре именно к нему отправилась Жанна д, Арк.

Но сначала Карл пытался договориться с бургундцами и убедить сражаться против англичан. Для этого в 1419 году была устроена встреча на мосту в Монтеро. Но во время переговоров один из придворных Карла убил Жана Бесстрашного. Многие и сейчас считают, что это был бессмысленный поступок, совершенный себе во зло. Но нет, это был поступок потаенно-решительный!

Пока был жив Жан Бесстрашный, сильный лидер, союзник англичан, Карл вряд ли мог победить. В одном из источников говорится: Карл велел объявить, что совершившееся убийство – кара Жану Бесстрашному, который «обещал, но не вел войны против англичан».

Сын убитого, Филипп Добрый, поклялся посвятить всю свою жизнь мести за отца. Характерный для эпохи жест! Он долго был верен клятве и оставался союзником англичан даже тогда, когда это стало очевидно невыгодно для Бургундии.

Но сначала победы англичан были несомненны: они покорили половину Франции. В 1420 году в городе Труа Карл VI и Генрих V английский подписали договор, который французские авторы и сегодня называют позорным. Конечно, безумный король не понимал, что он творит, – считается, что его рукой водила Изабелла Баварская. В соответствии с договором Генрих V становился регентом вплоть до смерти Карла VI. В дальнейшем же он должен был жениться на дочери французского короля Екатерине и их наследники должны были окончательно объединить короны. Что же касается дофина, то он приговаривался к изгнанию из Франции. Причем Изабелла Баварская (считается, что за немалую плату) публично заявила, что Карл вообще не сын короля.

Ситуация была безнадежной. Но вмешалось провидение. В 1422 году молодой и цветущий английский король Генрих V умер от болезни. А всего через шесть недель после него скончался и Карл VI Безумный. Идея двуединой монархии рассыпалась. И вот тогда дофин Карл провозгласил себя королем. Его сторонники – приверженцы партии арманьяков – устроили ему коронацию в Пуатье. Это было не вполне законно: французские короли с незапамятных времен должны были короноваться только в Реймсе. Франция обрела сомнительного короля, но с несомненным девизом войны против англичан и их союзников бургундцев.

А в феврале 1429 года, на следующий день после того как Карлу исполнилось 26 лет, к нему в замок Шинон пришла Жанна д'Арк. Об этой легендарной встрече написано бесконечно много. Пришедшая издалека деревенская девушка утверждала, что голоса святых Маргариты, Екатерины и Михаила сказали ей: «Иди к дофину». Когда ее спросили, почему она называет короля милым дофином, она объяснила: «Пока он не коронован в Реймсе, он дофин для меня». По словам Жанны, она пришла от имени Бога сказать Карлу, что он победит и что он – законный король.

Карл VII не торопился встречаться с этой сомнительной божьей посланницей. Его уговорила теща, Иоланта Арагонская, женщина яркая и властная. Она очень любила прорицателей, пророков, колдунов, что весьма типично для позднего Средневековья.

Есть разные описания первой встречи Карла и Жанны. Точно известно, что она пришла в мужском костюме, с волосами, постриженными в кружок.

Все это было совершенно поразительно. К тому же она сразу узнала, кто из присутствующих – король, хотя он и пытался спрятаться за спинами придворных. Жанна решительно

обратилась к нему, опустившись на колени, и сказала, что послана Богом, чтобы помочь дофину добиться справедливости – победить англичан и короноваться в Реймсе.

Карл повел себя в этой необычной ситуации очень разумно. Внутренне сомневаясь, он сдержанно ответил, что это должна подтвердить коллегия знатоков права и богословия. Расследование состоялось. Сама королевская теща Иоланта принимала участие в работе комиссии, которая должна была среди прочего уточнить, действительно ли Жанна – Дева. Богословы сказали Карлу, что девушка благочинна, умна и заслуживает доверия. И тогда он сделал то, о чем Жанна просила, – отослал ее к войску. И состоялся знаменитый триумф Девы в Орлеане.

Карл остался в Пуатье. Осада с Орлеана была снята без его участия. Жанне удалось добиться успеха благодаря сильным военачальникам и, конечно, вере в чудо, которую она породила у солдат. Освободив Орлеан от осады, она остановила англичан на пути к Буржскому королю, то есть спасла его. Но на торжества по поводу снятия осады Карл не приехал. Его ждали, даже город украсили особенно торжественно, но он без объяснений не появился.

С Жанной он встретился вскоре после торжеств в аббатстве близ Орлеана. Главное, что он ей осказал: «Отдохни, Жанна. Ты так устала! Ты столько дней сражалась!» Это была правда. Жанна провела много времени в доспехах, участвовала в битве, была ранена. Но в ответ на предложение короля она разрыдалась. Он довел ее до слез, сказав вместо слов истинной благодарности это страшное «отдохни». Карл хотел немедленно отослать ее, но она в слезах умоляла позволить ей провести его через земли, оккупированные англичанами, в Реймс для коронации.

Жанна говорила: «Клянусь, я надежно поведу благородного дофина Карла и его войско, и он будет коронован в Реймсе». Эту миссию она выполнила. На пути к Реймсу важнейшие города сдались без боя, потому что могучая слава Жанны следовала впереди ее. И сама Дева была впереди со своим белым знаменем. И вот наконец 17 июля 1429 года состоялась коронация в Реймсе. После этого Карл VII – король в полном юридическом смысле слова. Это стало событием для всей Западной Европы. Характерно, что на коронации присутствовала делегация герцога Бургундского. Он почувствовал, что оставаться совсем в стороне не стоит, раз во Франции появился законный король.

В торжествах по поводу собственной коронации Карл не мог не участвовать, и ему пришлось быть рядом с Жанной. В соборе она стояла со знаменем. Позже, на суде инквизиции, ее спросили:

«Почему ты позволила себе держать знамя в соборе?» Она сказала: «Оно столько трудилось, что оно это заслужило». Но чувствовал ли это Карл, было ли знамя победителей и ему так необходимо?

Карл слышал, что «Да здравствует Дева!» на улицах кричали не меньше, чем «Да здравствует король!». И это не могло ему нравиться. Вся его дальнейшая линия поведения в отношении Жанны – это медленное, как вообще свойственно ему, потаенное, скрытное движение к тому, чтобы убрать ее с исторической арены.

В его документах она практически не упоминается. Один или два раза, и очень бегло. Рядом с Карлом – его советник, его главный временщик де ла Тремуйль, который ненавидит Жанну и боится соперничества. Враждебное Жанне окружение короля при его молчаливом согласии сделало все возможное, чтобы провалилась ее попытка взять штурмом Париж. И вот дело сделано – Жанна покинула королевский двор, отправилась биться за французские крепости в долине реки Луары. Блеск ее славы больше не угрожает Карлу VII.

Как известно, Жанна попала в плен к бургундцам. Нам никогда уже не узнать, кто именно и как осуществил это практически и, главное, кто был, выражаясь современным языком, «заказчиком» этого захвата. Бургундцы продали пленницу англичанам, которые организовали над ней судебный процесс.

Он длится целый год, страшный последний год ее жизни. За все это время – ни звука в ее защиту. Карл VII, который стал легитимным королем только благодаря Жанне, молчит и ничего не предпринимает. Его поведение иногда оправдывают тем, что Жанну судили не за военные действия, а за ересь. А во времена абсолютной духовной монополии католической церкви, если король вступается за еретичку, это делает его трон очень шатким. Так или иначе, лишенная королевской поддержки, Жанна сражается одна, и это свое последнее сражение она морально выигрывает, но страшной ценой. В 1430 году она казнена. И даже после ее смерти Карл XVII о ней будто не вспоминает.

Надгробие Карла VII и его жены Марии Анжуйской.
Рисунок XVIII в.

В эти годы он становится действующим политиком и военачальником. Он лично, причем успешно, руководит военными действиями в конце Столетней войны. Став во главе армии, он не терпит ни одного поражения. В 1436 году его войска

вступают в Париж. За этим следует громадный дипломатический успех – договор в 1435 году в Аррасе с герцогом Бургундским, который отказался от союза с английским королем. В 1448–1450 годах французы освобождают Нормандию и занимают Руан – город, где судили Жанну.

Во время этих событий Карл кажется совершенно преображается. Он ведет самостоятельную политику. В ходе освобождения Нормандии он создает постоянное конное и пешее войско, которое приходит на смену феодальным отрядам. Он вводит постоянные налоги. В 1438 году он решается подписать Прагматическую санкцию – документ об ограничении прав Папы Римского на территории Франции. Он идет почти на открытый конфликт с папством. Это смело. Теперь уже никто не может сказать, что он номинальный король.

А сильных людей рядом с собой он не терпел, как и прежде. Один из его советников – Жак Кер, который проводил налоговую реформу и даже ссужал короля деньгами, был арестован и тихо, без каких-либо открытых обвинений заключен в тюрьму.

И только через годы после казни Жанны д'Арк Карл VII тайно инициировал ее реабилитацию. После освобождения Руана он писал своему советнику, доктору теологии Гийому Буйе: «В этом городе был проведен некий процесс, организованный нашими старинными врагами и противниками англичанами». Король лишь намекнул на то, что результаты процесса надо пересмотреть.

Процесс реабилитации был проведен очень тщательно в 1455–1456 годах. В результате опроса многочисленных свидетелей, было принято решение «аннулировать осуждение» Жанны д'Арк. Спустя четверть века после расправы над героиней ее доброе имя было восстановлено. Однако цель Карла VII, вероятно, была и в том, чтобы никто не смел связывать его коронацию с «еретичкой».

Последние годы жизни Карла VII были омрачены конфликтом с сыном, будущим Людовиком XI. Изгнанный отцом из-за подозрений в том, что слишком откровенно ждал его смерти, сын бежал не к кому-либо, а к герцогу Бургундскому. После этого Карл не видел сына 12 лет – до самой своей кончины.

К старости у Карла стали все ярче проступать черты безумия, унаследованные от отца. Он панически боялся быть отравленным по приказу Людовика. Из-за этого король фактически перестал принимать пищу – и умер от истощения.

Через столетия оказалось, что Карл VII больше всего интересен истории как «милый дофин» Жанны д'Арк. Конечно, он стал со временем заметным политиком и провел важные

реформы, – но это, в сущности, могли сделать и другие. А история Жанны и дофина абсолютно уникальна.

Сулейман Великолепный. Взлет перед закатом

Великолепным турецкого правителя именовали в Европе. Подданные же называли его Кануни – Законодатель. Это был десятый турецкий султан, правивший с 1520 по 1566 год. При нем Османская империя достигла пика своего величия. Как известно, после высшей точки, зенита, согласно законам физики, возможно движение только в одну сторону – вниз. Оно и началось после правления Сулеймана Великолепного. В XVII веке империя пришла к закату, а в XX-м после поражения в Первой мировой войне, распалась.

С 1922 года Турция – светское государство, республика.

Сулейман Великолепный лично возглавил 13 военных компаний, 10 из которых – в Европе. В нем самом было много европейского. Но, несмотря на большое число военных походов, некоторые султаны – его предшественники – завоевали больше территорий, чем он. Его слава напрямую связана с расцветом искусств в годы его правления. При нем создано чудо архитектуры – мечеть Селимие в городе Эдирне, недалеко от Стамбула, в европейской, балканской части Турции.

Сохранилось изображение Сулеймана, наверняка идеализированное. Он очень красив. Точеный профиль, небольшая аккуратная бородка… и невероятно огромный тюрбан. И, несмотря на такой головной убор, – проскальзывает что-то европейское в его внешности.

Сулейман родился около 1495 года. Его дед, Баязид II, имел прозвище Святой (а такие прозвища в те времена случайно не давались). Его правление вошло в историю Османской империи как редкостно миролюбивое и спокойное, без массовых убийств, которые так характерны для последующих периодов турецкой истории.

Баязид Святой назначил своего внука Сулеймана, тогда еще ребенка, наместником в Крыму. Крымское ханство – один из обломков громадной Орды – признало себя вассалом османских правителей. Юность Сулеймана прошла в городе Кафа (это нынешняя Феодосия) – центре тогдашней мировой работорговли.

Отец Сулеймана, султан Селим I, вошел в историю с прозвищем Грозный, по-турецки Явуз. Он восстал против своего состарившегося отца, чтобы помешать получить власть своему старшему брату Ахмеду.

Надо сказать, что в Османской империи в те времена

существовала примечательная традиция: новый правитель при вступлении на престол убивал всех своих братьев. Зачем? «Дабы избежать братоубийственных войн и розни». Этот закон перестали соблюдать только в XVII веке, когда казнь заменили заточением.

Поднятое Селимом в 1511 году восстание оказалось неудачным. Он бежал в Крым, к юному сыну Сулейману. Тот принял его, поддержал, дал возможность подготовить армию, и Селим снова пошел на Стамбул. На сей раз он добился низложения своего отца Баязида и отправил его в изгнание. Но по пути бывшего султана отравили. Такова была кровавая увертюра правления Сулеймана Великолепного.

Когда Селим I пришел к власти, он уничтожил около 40 своих сводных братьев, а заодно и других родственников мужского пола. Кроме того, он истребил шиитов в Малой Азии – примерно 45 тысяч человек. Он был очень скор на расправу и говорил: «Править— это сурово карать». До XIX века дожило турецкое проклятие: «Чтоб тебе быть визирем у султана Селима!» Это означает, что тебя каждую минуту могут либо удавить, либо отравить.

Интересно, что в том же XVI столетии на Руси некто Ивашко Пересветов, как говорят, выходец из Литвы, подавал царю Ивану Васильевичу «эпистолы» – записки, в которых советовал принять «грозность» по примеру турецких султанов как государственную необходимость. Он писал: «О, если б к московской истинной вере, да правда турецкая, так ведь с русскими сами ангелы беседовали бы». И нельзя не признать, что Иван Васильевич Грозный был во многом подобен Селиму Явузу. Показательно, что османские правители XVI века не были настолько отрешены от Европы, а московские – от Азии, насколько может на первый взгляд показаться. Османская империя в ту эпоху играла важную роль в европейской истории.

Это государство выросло на развалинах восточной части великой Римской империи. Оно было создано тюркскими племенами в Анатолии в эпоху заката Византии и существовало до создания Турецкой республики в 1922 году. Империя-долгожитель!

В XVI веке европейская часть Османской империи была по размеру сопоставима с азиатской. Сейчас европейская Турция – это территория вокруг Стамбула, причем не такая уж маленькая: там расположены три города с населением более 100 тысяч человек каждый. До сих пор турецкие футбольные клубы играют в Европейской лиге, а сама Турция претендует на вхождение в Евросоюз. Эта претензия – след угасшей звезды, европейской звезды Османской империи.

Основателем государства был некто Осман, правивший в 1259–1326 годах. Он получил от своего отца Эртогрула пограничный удел, или «удж», как его называли турки, Сельджукского государства в Малой Азии. Есть версия, что Осман со своими войсками помог туркам-сельджукам противостоять монголо-татарам. И за это турки укрепили его «удж», из которого потом родилась империя.

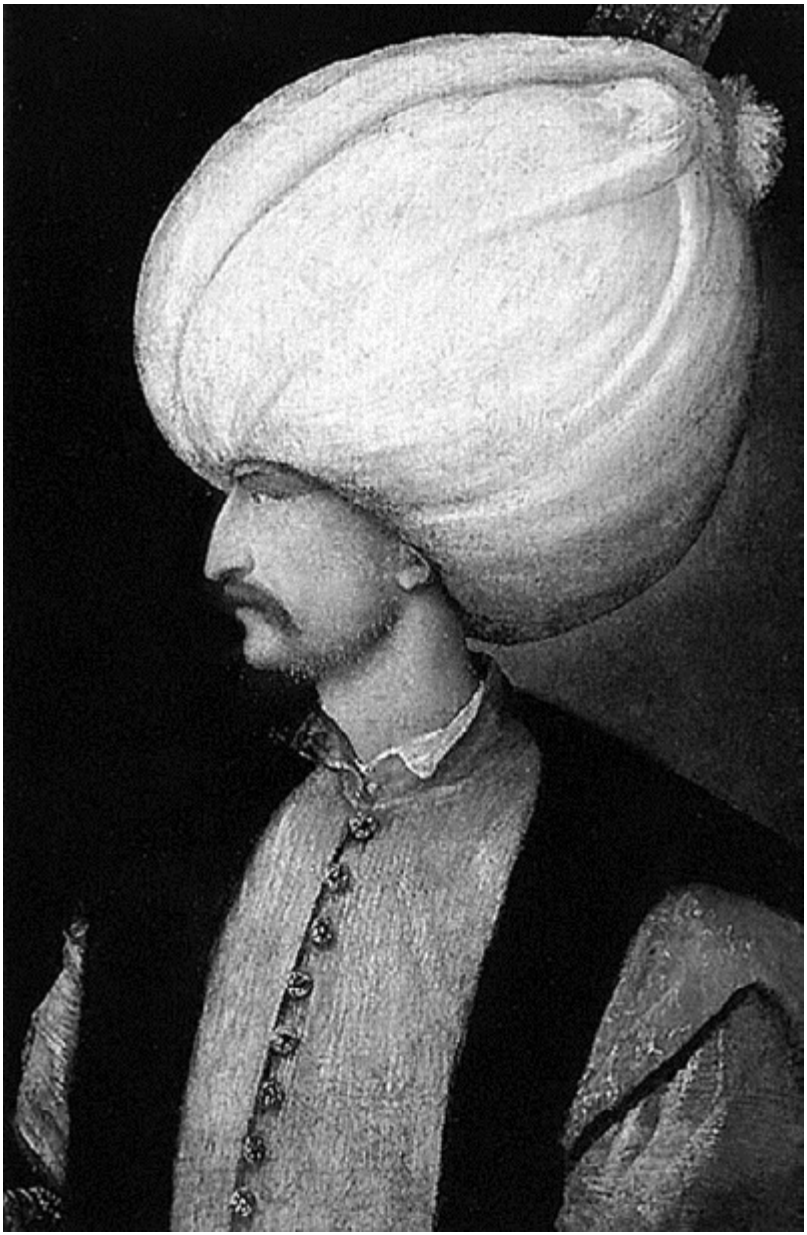
С XIV века потомки Османа начали движение в Европу, на Балканский полуостров, движение страшное, неукротимое. Казалось, ничто не способно его остановить. Главной турецкой военной силой стали созданные тогда же, в XIV веке, войска янычар. Слово «янычар» буквально означает «новое войско». Оно было создано в соответствии с гениальным замыслом. Янычары – это рабы султана, набиравшиеся только из детей христиан, в том числе и славян, воспитанные в полной изоляции от семьи, от родины и своей веры. Для таких, как они, через много столетий появится в литературе слово «манкурты» – люди, не знающие своих корней, всецело преданные султану. Кроме того, турки создали великолепный флот и даже сдавали его в аренду некоторым европейским державам.

В 1389 году османы одержали величайшую победу на Косовом поле в Южной Сербии. Их противники – сербы, боснийцы и их союзники – проявили истинный героизм. В этом сражении султан Мурад I был убит в собственном шатре легендарным сербским князем Милошем Обиличем. Несмотря на это, войска султана победили и продолжили движение на запад. В 1453 году Мехмед II завоевал Константинополь. Эта лавина остановилась лишь у стен Вены, хотя сейчас турецкая власть на территории Австрии кажется даже гипотетически невозможной. Огромные завоевания были у османов и на Востоке. При Селиме I они захватили Сирию, Египет и часть Персии. Царствование Сулеймана стало вершиной мощи и непобедимости турецкого войска.

В 25 лет Сулейман унаследовал власть у своего отца Селима. Итальянский политик Паоло Джовио писал об этом: «Бешеный лев оставил своим наследникам ласкового ягненка».

Благодаря действиям Селима I Сулейману не пришлось исполнять закон об истреблении ближайших родственников мужского пола. У него к моменту наследования не было таких конкурентов.

Судьба избавила его от подобного злодейства. И как ни удивительно, в обществе, где кровопролитие – норма, тот факт, что делать этого не пришлось, вызвал к молодому султану общую симпатию.



Неизвестный художник.
Сулейман Великолепный. XVII в.

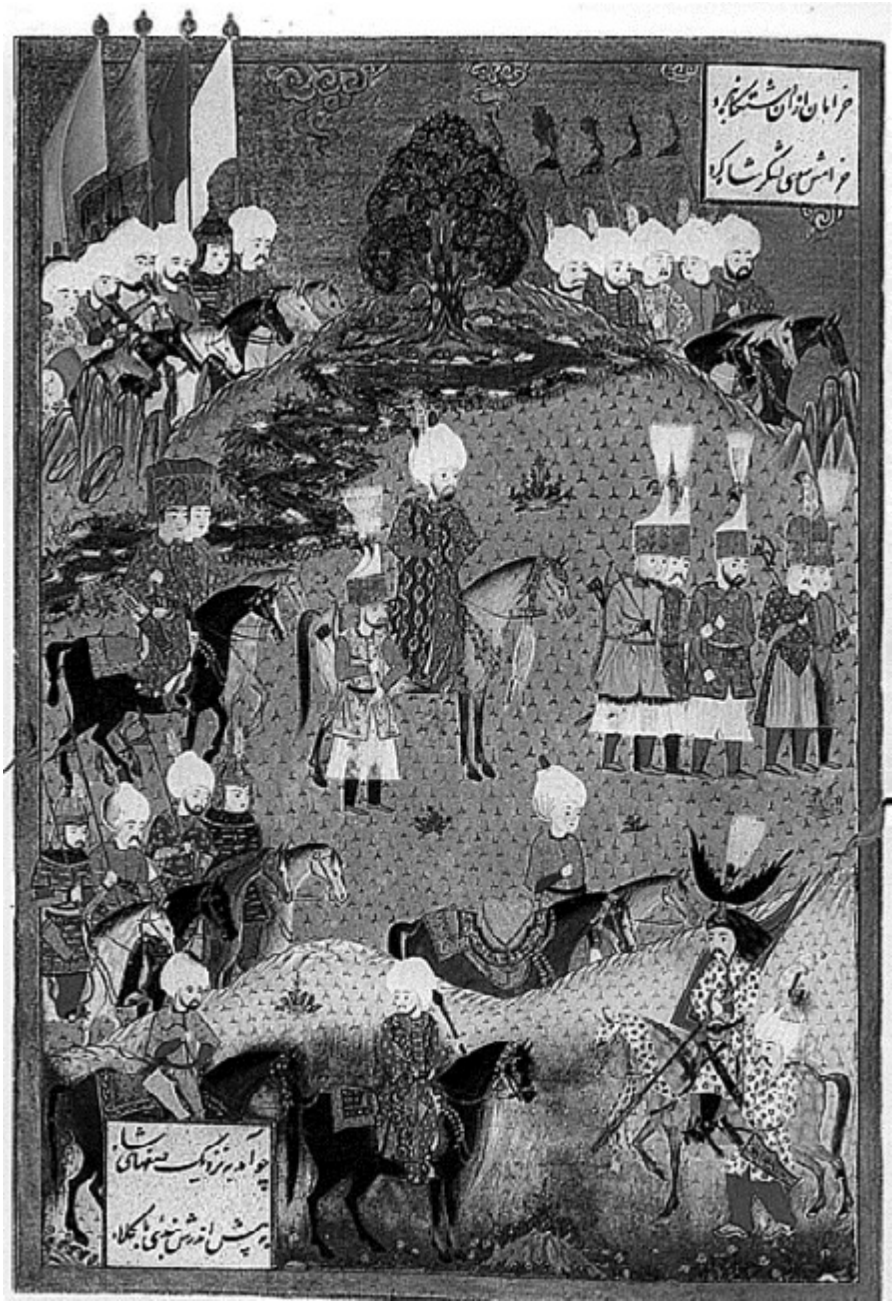
Подданные сразу отметили его благоразумие. Например, разрешил плененным прежде, при его грозном отце, ремесленникам и купцам из других стран вернуться на родину. Этот благожелательный шаг существенно улучшил торговлю. Правда в Османской империи торговля понималась однобоко. Ее

правители хотели, чтобы все товары только ввозились в Турцию: не понимая роли экспорта, предпочитали импорт. Тем не менее, торговля оживилась.

Кроме того, Сулейман настаивал на создании светских законов – и они были созданы. В большинстве стран мусульманского Востока в то время никаких светских законов не существовало, действовали лишь законы Шариата. Принятое при Сулеймане законодательство, судя по всему, позволяло учитывать особенности завоеванных стран. Это было очень важно, чтобы разрастающаяся империя не делалась пороховой бочкой.

Сулейман вырос в Крыму, его любимая жена Роксолана была славянкой. Его тянуло в Европу, и именно туда он совершил большую часть походов. Кроме этого, он, продолжая политику отца, воевал с Ираном и отнял у него Западную Армению, Грузию и Ирак. В 1534 году Сулейман покорил Тунис, но ненадолго. Через год император Священной Римской империи Карл V отвоевал его обратно. Там же, в Северной Африке, вассалом Сулеймана признал себя Алжир.

И все-таки важнейшей целью оставалась Европа, а главными противниками— австрийские Габсбурги. Вражда с ними достигла апогея при Карле V. Серьезный удар Сулейман направил также против Венгрии – тогда заметного в Западной Европе и очень воинственного королевства. Венгры наследовали умение воевать и стремление к войне от своих предков – гуннов. Политическим центром Венгрии в XVI веке был Белград, являющийся сейчас столицей Сербии.



Сулейман Великолепный возглавляет поход на Нахичевань (лето 1554 г.)

Миниатюра. XVI в.

Древние греки считали, что где-то на Балканском полуострове находится вход в царство Аида, то есть в ад, и там постоянная война неизбежна. Так или иначе, оттуда начался

поход Александра Македонского.

В первый год правления, в 1521-м, Сулейман покорил Белград. Это был большой военный успех. В следующем году он занял маленький остров Родос, расположенный между Турцией и Грецией, – мощный военный центр духовно-рыцарского Ордена иоаннитов. Иоанниты видели свою главную задачу в заботе о больных, нищих, страждущих, но умели и воевать. На Родосе у них были мощные укрепления. Итальянцы провели там значительную реставрацию, фактически выстроив все заново, но по точным эскизам прошлого. Обороняющиеся полгода выдерживали жестокую осаду, но поняли, что им не устоять, и сдались Сулейману, который в этот момент продемонстрировал свои европейские, а не восточные черты. Побежденных рыцарей не истребил поголовно, а позволил им уйти, не затребовав даже выкупа. Иоанниты ушли и обосновались на Мальте.

А Сулейман двинулся в Венгрию. В 1526 году он одержал победу над венграми, чехами и хорватами при городе Мохач. В сражении погибло 8 тысяч венгров из 20-тысячного войска, в бою пали 8 епископов. После битвы была сложена пирамида из 8 тысяч голов, а Сулейману принесли голову венгерского короля Людовика (Лайоша) II. Гора отрубленных голов – отражение азиатского отношения к цене человеческой жизни.

Продвигаясь в глубь страны, Сулейман взял Буду (этот город, объединенный с Пештом, стал столицей современной Венгрии). В 1529 году турки осадили Вену. Однако взять город им не удалось, несмотря на значительное численное превосходство: армия Сулеймана составляла около 120 тысяч человек.

Надо помнить, что в Средние века и раннее Новое время осада города – это тяжелейшее испытание не только для осажденных, но и для осаждающих. Под стенами крепости войско страдает от болезней и морального разложения. Начинается мародерство и падает боевой дух армии. И Сулейман Великолепный, потеряв около 40 тысяч человек из своих 120 тысяч, отступил.

Сулейман вновь двинулся в поход против Австро-Венгрии в 1532 году. Дойти до Вены ему не удалось, но значительная часть Венгрии осталась под его властью.

В 1536 году Сулейман добился важного дипломатического успеха – заключил союз с Францией против Северной Италии. Он провел несколько победоносных военных кампаний против Венеции – серьезного соперника, обладавшего могучим флотом.

Почему Франция – лидер европейской цивилизации – пошла на союз с мусульманской Османской империей? Это стало результатом вражды внутри европейского стана.

Главным врагом для французской монархии были Габсбурги. А поскольку Сулейман воевал с ними, Франция сочла возможным воспользоваться турецкой военной мощью. И в дальнейшем западноевропейские державы не раз с удовольствием наблюдали, как ослабляли друг друга два монстра, две агрессивные империи. Приятнее всего в такой ситуации остаться в стороне, не вмешиваясь в смертельно опасную игру.

Когда Франциск I заключил союз с Сулейманом Великолепным, французские купцы получили льготы, а турецкий флот был предоставлен в распоряжение французского короля. Сегодняшние исследователи полагают, что французы XVI века воспринимали договор с османами как обычный европейский союз двух императоров. Сулейман же понимал все совершенно иначе. Он полагал, что поощряет торговыми льготами и предоставлением флота тех, кто признал величие турецкого султана.

Итак, французам удалось направить на Габсбургов мощную разрушительную силу Османской империи. В 1540–1547 годах вспыхнула новая война, по итогам которой вассалом Сулеймана стала румынская Трансильвания. Венгерские земли были фактически разделены на турецкую и австрийскую части.

Но и эта война с Австрией не стала последней. Османы вновь выступили против Габсбургов в 1551 году, в 1552-м осадили Эгерскую крепость. О ее героической обороне есть прекрасный венгерский фильм «Звезды Эгера». Талантливое произведение искусства передает средствами кино дух сопротивления османскому нашествию, который жил в Центральной Европе. И для христиан-европейцев было совершенно безразлично, какой именно султан направляет силы османов в сердце Европы. Сулейман был «Великолепным» лишь в глазах своих подданных на Востоке.

До последнего дня своей жизни Сулейман оставался воителем. В промежутках же между военными кампаниями он вел пышную дворцовую жизнь, поощрял искусство. Сам султан писал стихи, приближал к себе поэтов. Его любимцем был Абдул Бакы, которого называли в Турции «султаном» турецких поэтов. При дворе Сулеймана был и знаменитый зодчий Синан. Он построил три великие мечети, которые считаются шедеврами мировой архитектуры: Селимие, Шахзаде («заде» означает по-персидски «рожденный», «шах-заде» – сын шаха, принц) и Сулеймание.

Сулейман пытался провести и административную реформу, но она оказалась неудачной. Вообще постоянные завоевания не способствовали успехам в управлении: каждое новое приращение земель прибавляло империи и проблем.

Антон Хикель.
Роксолана и султан. 1780 г.

Когда султан был в походах, управлением занимался визирь Ибрагим-паша. Он погиб от интриг любимой жены своего господина. Роксолана, которая, вероятно, была дочерью священнослужителя, католика или православного, провела в

гареме практически всю свою жизнь и стала мастерицей по части интриг. Она хотела, чтобы престол достался ее сыну Селиму, и ради этого шла на все. Она добилась казни не только великого визиря, но и старшего сына Сулеймана, Мустафы.

Рожденный другой любимой женой Сулеймана, Мустафа был официальным наследником. С юности он отличался деспотизмом и жестокостью и стал бы, видимо, вполне традиционным восточным правителем.

Роксолана устроила так, чтобы были изготовлены подложные письма от Мустафы, который якобы писал иранскому шаху и готовил заговор против отца. Поверив в предательство, султан приказал убить сына.

Сулейман умер в Венгрии во время очередного завоевательного похода. Ему было уже за 70. Тело было доставлено в Турцию с великой пышностью.

Сын Роксоланы, Селим, вошел в историю под именем Селим II Пьяница. Мусульманин-пьяница – просто невероятное сочетание! Может быть, Роксолана дала ему не вполне правоверное исламское воспитание. Был он еще и поэтом, что сочетается с пьянством гораздо чаще.

Под властью Селима II Османская империя начала терпеть военные поражения. Главное— в 1571 году, в морском сражении при Лепанто. В этой битве Испания, Венеция, Мальта, Генуя, Савойя в союзе нанесли первый сокрушительный удар по османскому движению на запад. До этого ни одна победа европейцев над турками не выглядела столь убедительной. Теперь же был развеян миф о непобедимости Османской империи.

Сулейман Великолепный не увидел заката своего государства. Его правление, с человеческой точки зрения, можно назвать счастливым. Он создал османский золотой век. Но этим были заложены и основы трагедии. Очень долго потом значительная часть турецкого общества стремилась к тому, чтобы все оставалось как при Сулеймане. Но попытка остановить историю – это смерть.

Жак де Моле. Крах тамплиеров

Всем, кто в детстве не отрываясь читал Мориса Дрюона, знакомо имя Жака де Моле – двадцать третьего и последнего Великого магистра Ордена Бедных рыцарей Христа, или Ордена Иерусалимского храма – тамплиеров. Этому монашескому ордену посвящено великое множество исследований, в том числе французских, переведенных на русский язык. Среди них – книги Режин Перну «тамплиеры», Марселя Лобе «Трагедия Ордена тамплиеров», Ги Фо «Процесс тамплиеров», Жака Бордонова «Повседневная жизнь тамплиеров в XIII веке».

А вот индивидуальная биография Жака де Моле, можно сказать, отсутствует. Он человек без биографии. Известна лишь его трагедия. Именно его ужасная гибель сделала его знаковой фигурой европейской истории.

До момента своей страшной смерти Жак де Моле – не очень умный, не гибкий, политически наивный магистр, абсолютно уверовавший в то, что величие Ордена – навсегда, потому что величие, опирающееся на деньги, это надежно. Большое заблуждение во все эпохи!

Жак де Моле родился в 1244 году. Он родом из Бургундии, из рыцарской семьи. Никаких деталей о его семье история не сохранила. Можно с уверенностью предполагать, что образования он не получил, возможно, даже писал с большим трудом. Это не редкость в рыцарской среде того времени.

В 1265 году, в возрасте 21 года, он посвящен в члены духовного рыцарского Ордена тамплиеров в присутствии двух высокопоставленных представителей этой организации – Эмбера Де Пейро, генерального визитатора Ордена в Англии и Франции, и Амори де Ла Роше, магистра Франции. Европейский масштаб.

В те годы Бургундия фактически представляла собой самостоятельное государство. Был у нее шанс остаться таковым в истории. Но этого не произошло. В XIV–XV веках герцоги Бургундские были европейскими государями. И только ближе к концу XV века, в 1477 году, в битве при Нанси эта страница была перевернута: швейцарско-лотарингские войска при поддержке Франции разбили бургундское войско Карла Смелого. Герцогство Бургундское навсегда вошло в состав Французского королевства.

Жак де Моле

В середине XIII века у бургундского рыцарства были глубокие традиции в области морали, политики, военного дела. Важную роль в их становлении сыграли Крестовые походы, в которых бургундцы активно участвовали.

Западноевропейское рыцарство присвоило себе особый статус

защитников христианских святынь на Ближнем Востоке. В 1096 году начался Первый крестовый поход: европейцы пошли отвоевывать Святую землю у турок-сельджуков и в 1099-м взяли штурмом Иерусалим.

Казалось бы, миссия выполнена – крестоносцы вернули католической церкви величайшие святыни, связанные с жизнью, смертью и вознесением Иисуса Христа.

Однако они не знали, что это лишь начало огромной драмы.

В результате крестовых походов на Ближнем Востоке возникло несколько рыцарских государств: Иерусалимское королевство и вассально зависимые от него графства и герцогства – Антиохия, Триполи и Эдесса. На гребне этого успеха появились и духовно-рыцарские Ордена. Они объединяли рыцарей, воюющих за святое дело.

Создатели Ордена тамплиеров, оформившегося в 1118 или в 1119 году, примерно через 20 лет после успеха Первого крестового похода, не были монахами. Согласно преданию, это были девять отважных французских рыцарей во главе с Гуго Де Пайеном. Они образовали братство для защиты паломников на дорогах Палестины.

Нужно сказать, что для Средневековья очень важна магия чисел. Особая значимость числа 3 связана с образом Святой Троицы. А 9 – это 3 раза по 3. В течение 9 лет 9 доблестных рыцарей позволяли паломникам спокойно следовать в Иерусалим и никого не принимали в свое братство.

Рыцарские Ордена были в определенной степени национальными. Если Орден тамплиеров объединил французов, то в возникшем одновременно с ним Ордене госпитальеров преобладали итальянцы.

Разные рыцарские Ордена были заняты, по сути, одним делом. И это должно было рано или поздно породить между ними какую-нибудь форму соперничества. Так и произошло.

Каждое братство получило от Иерусалимского короля место для своего размещения. Тамплиерам досталось некое сооружение, которое, по преданию, стояло на месте древнего иудейского храма царя Соломона. Христиане превратили это здание в церковь. Отсюда другое название тамплиеров – рыцари храма.

Что известно о ранних тамплиерах? Они были бедны. Это подчеркивает их первоначальный символ – два всадника, сидящие верхом на одном коне. В литературе сохранился их романтический образ. Французский писатель Жюль Руа в пьесе «Благородная кровь» говорит о них: «С непокрытыми головами, стриженые и бородатые, в белых плащах с алым крестом. Плащи развевались у них за плечами, подобно крыльям ангелов. Они

стремительно носились на низкорослых арабских скакунах от битвы к битве, погибали один за другим, истекая кровью, и все это ради единственной цели, отвергнутой обществом, – ради вечного спасения и чести христианства». Ах, если бы так и было!

Параллельно складывался другой, народный облик тамплиеров. Дело в том, что Орден стремительно богател, используя разнообразные способы накопления богатства. Тамплиеры фактически изобрели аккредитив: люди вкладывали деньги или сокровища в один монастырь в одной стране, получали бумагу и с нею отправлялись в другую страну, где в другом монастыре могли получить наличные. Если же «вкладчик» погибал, что случалось даже очень часто, деньги оставались у тамплиеров.

Талантливые финансисты, тамплиеры ввели очень строгие правила. К их уставу приложил руку Бернар Клервоский, один из самых суровых законодателей церкви. В соответствии с уставом Орден получал от братьев особенно много имущества. С бедных паломников денег не брали: это уронило бы рыцарей в глазах религиозной общественности, однако богатых людей они принимали в свое братство с условием пожертвований в пользу Ордена земель – основного богатства в эпоху Средневековья.

Но, конечно, правила касались не только пожертвований. Тамплиер, например, не имел права отступить в сражении, если против него выступало не больше чем три человека. Трудно сказать, как рыцарь мог вести такие подсчеты во время боя, но «на всякий случай» тамплиеры никогда не отступали. По крайней мере, так гласит молва. И они действительно многократно демонстрировали это, проявляя отчаянное мужество в сражениях. Известно было, что тамплиер не дрогнет, даже истекая кровью перед лицом смерти. Захваченные в плен тамплиеры не отрекались от веры, когда мусульманские правители предлагали им за это жизнь. Предпочитали мучительную казнь.

В 1187 году тамплиеры во главе с Великим магистром героически сражались в битве при Хаттине. Рыцари потерпели поражение, что в итоге привело к потере Иерусалима, но их воинская доблесть стала широко известна.

Допрос Жака де Моле.
Гравюра. XIX в.

Сам Великий магистр Ордена, предшественник Жака де Моле, раненый, сражался у стен Акры, пока не упал мертвым.

Дела на Востоке шли все хуже и хуже. Несколько раз Иерусалим переходил из рук в руки. В очередной раз Вечный город был утрачен крестоносцами в 1244 году, в год рождения Жака де Моле.

В это время происходило угасание крестоносного движения. После победоносного Первого похода подобных успехов достичь больше не удавалось. В Четвертом походе 1202–1204 годов были хотя бы финансовые приобретения – за счет ограбления христианской Византии. Пятый поход против Египта в 1217–1221 годах вообще не дал никаких результатов. По итогам Шестого похода 1228–1229 годов Иерусалим в очередной раз временно перешел к христианам – и вновь был захвачен мусульманами.

Последние Крестовые походы – Седьмой и Восьмой – возглавил яркий политический деятель, французский король Людовик IX Святой. Он истово веровал в крестоносную идею, но и его усилия оказались безрезультатными, а сами походы – мучительными. Людовик Святой скончался во время подготовки Восьмого крестового похода в 1270 году. Со времени очередной утраты Иерусалима прошло меньше тридцати лет. Многие помнили, как город и прежде переходил из рук в руки, и считали, что он потерян не окончательно.

Во второй половине XIII века тамплиеры располагали

значительными военными силами: около 15 тысяч рыцарей и 45 тысяч пехоты. Для Средневековья это серьезная армия. Кроме того, у них были корабли и значительные денежные средства.

Жаку де Моле было к этому времени уже около 30 лет. Он наверняка глубоко верил в дело крестоносцев. Об этом свидетельствует его участие в военных кампаниях на Святой Земле: в морских налетах на Александрию (город в Египетском султанате), походах в Акру, попытках отбить остров Тартос близ Кипра. Именно Жак де Моле захватил остров Руад, полагая, что там можно разместить главную базу. Большого военного успеха бог ему не послал, да и, наверное, в это время уже не приходилось ждать успехов от крестоносцев на Ближнем Востоке.

Зато Жак де Моле сделал карьеру внутри Ордена – дорос до Великого прецептора Англии. А в 1293 году, в возрасте 49 лет, он стал после смерти предшественника Великим магистром Ордена. После этого он в течение нескольких лет в Италии, Франции, Англии пытался собрать деньги на Крестовый поход. Великий магистр был уверен, что христиане вернутся в Палестину. В этом его поддерживал Папа Римский Бонифаций VIII.

У Жака де Моле было великое множество проектов – от договора с Малой Арменией до обращения в христианство монголов и привлечения их к войне против турок. Безусловно, нам сегодня все это кажется абсурдом. Но ведь люди XIII века не могли знать, что живут в период зенита Средневековья, за которым последует неминуемый закат.

Де Моле организовал отправку на Кипр, куда перебралась резиденция Ордена тамплиеров, кораблей с зерном, оружием, одеждой. Но Ордену было тесно в кипрском Лимассоле. Вообще рыцарские Ордена переживали в этот период большую драму. Ведь они были созданы для защиты тех земель, которые теперь оказались утрачены.

Одни Ордена, и среди них Тевтонский, сумели перестроиться, поставить перед собой новые задачи. В Европе тоже были объекты для христианизации и длительных завоеваний, например народы Прибалтики. Положение других было безысходным. На Кипре и на ближайших к нему землях жили только христиане. Правда, еще шла

Реконкиста – борьба за освобождение народов Пиренейского полуострова от арабов, но и она уже вступила в решающую фазу и не требовала вмешательства.

Тамплиеры искали себе применения и нового места дислокации. В 1306-м или начале 1307 года Жак де Моле по приглашению французского короля приехал во Францию. Там у Ордена уже была резиденция в Париже – замок Тампль. Великий

магистр встретился в Пуатье с Папой Климентом V, всецело зависевшим от французского короля.

Жака де Моле очень ласково принял и сам король – Филипп IV по прозвищу Красивый. Это был крупный, сильный, воинственный человек. Морис Дрюон называет его Железным королем.

Филипп окружил себя правоведами – они назывались легистами, такими как Гийом де Ногарэ и Ангерран де Мариньи. Король добился огромных успехов в централизации Франции. Он присоединил к королевскому домену путем династического брака корону Наварры, графства Шампань, Ангумуа, город Лион с округой. Правда, он же потерпел страшное, не сразу понятое им самим поражение во Фландрии, которую не смог поглотить. В 1302 году организованные фландрские горожане вырезали французские гарнизоны (это событие получило название Брюггская заутреня). Потом произошла битва при Куртрэ, или «битва шпор», в которой фландрское ополчение разбило французских рыцарей. И все-таки в целом Филипп укрепил центральную власть.

Прославился король и тем, что проводил внезапные массовые и очень успешные конфискации имущества евреев. Тех евреев, которые подолгу жили в его королевстве, занимались финансовыми операциями, многим давали в долг, в том числе и самому королю… а он вдруг изгонял их, отбирая у них богатства. Несколько выселений евреев и страшных еврейских погромов давали французской короне кое-какой доход, однако не избавляли от проблем: Филипп IV продолжал испытывать постоянные финансовые затруднения. И он надумал обложить налогами духовенство. В сущности, дело было не только в денежных средствах. На пути к абсолютной власти церковь была единственным серьезным конкурентом монарха.

Филипп вступил в конфликт с Папой Бонифацием VIII. Подобного не знала средневековая Европа. Гийом Ногарэ отправился к Папе в город Ананьи, где тот в это время находился, и нанес ему какое-то оскорбление. В источниках отражены разные варианты: ударил по лицу, открыл ногой дверь в резиденцию, безобразно разговаривал… Как говорится в одном наивном исследовании, «не вынеся унижений, гордый старик вскоре скончался».

Сведя в могилу Бонифация VIII, Филипп посадил на его место Климента V, не напрасно рассчитывая, что тот будет ему покорен. Папская резиденция была перенесена во Францию, в город Авиньон. Очевидная дикость! Апостол престола Святого Петра, с рождения христианства находившийся в Риме, перебрался во

Францию почти на 70 лет.

Интересно, что Филипп собирался и сам вступить в Орден тамплиеров – но его не приняли. Он, однако, горячо приветствовал Великого магистра и даже просил его стать крестным отцом одного из королевских детей. Правда, несмотря на такую демонстративную близость, де Моле проявил неуступчивость в одном вопросе. Ему предложили обдумать будущее объединение тамплиеров и госпитальеров на основании того, что их цели очень близки. Такая перспектива не могла не привлекать Филиппа IV, так как давала ему шанс овладеть обоими Орденами. Скорее всего, он рассчитывал сделать новым Великим магистром одного из трех своих сыновей.

Де Моле возражал по многим пунктам. Его возражения документально зафиксированы. Казалось бы, он цеплялся за мелочи, но приближающейся настоящей беды не чувствовал.

12 октября 1307 года, накануне того страшного дня, когда по всей Франции были арестованы тамплиеры – около трех тысяч человек, он присутствовал на похоронах родственницы короля, принцессы Екатерины Де Куртене, супруги Карла де Валуа, внучки императора Византии. Де Моле стоял рядом с королем и в соответствии с обрядом держал в руке кусок шнура, которым был окантован гроб. Невозможно быть ближе к королевской персоне!

Поэтому случившиеся наутро внезапные аресты были восприняты как чудовищное недоразумение, ужасная ошибка. А ведь и в XX веке такая иллюзия возникала у многих жертв незаконных репрессий.

Поводом для массовых арестов стал донос некоего Экьо де Флуарана, на всяческие безобразия, которые якобы творятся в Ордене. Нужно сказать, чт незадолго до этого он был исключен из Ордена. Такие случаи бывали. Из Ордена тамплиеров действительно исключали за некоторые проступки, в том числе за пьянство. (Была, правда, поговорка «Пьет, как тамплиер», но так говорили только от зависти к богатству.) До этого Экьо де Флуаран пытался изложить то же самое королю Арагона Хайме II и предложил ему разобраться с тамплиерами, которых было немало на Пиренейском полуострове. Король Хайме не откликнулся, хотя на всякий случай дал Флуарану денег. Доносчики, как правило, не остаются внакладе.

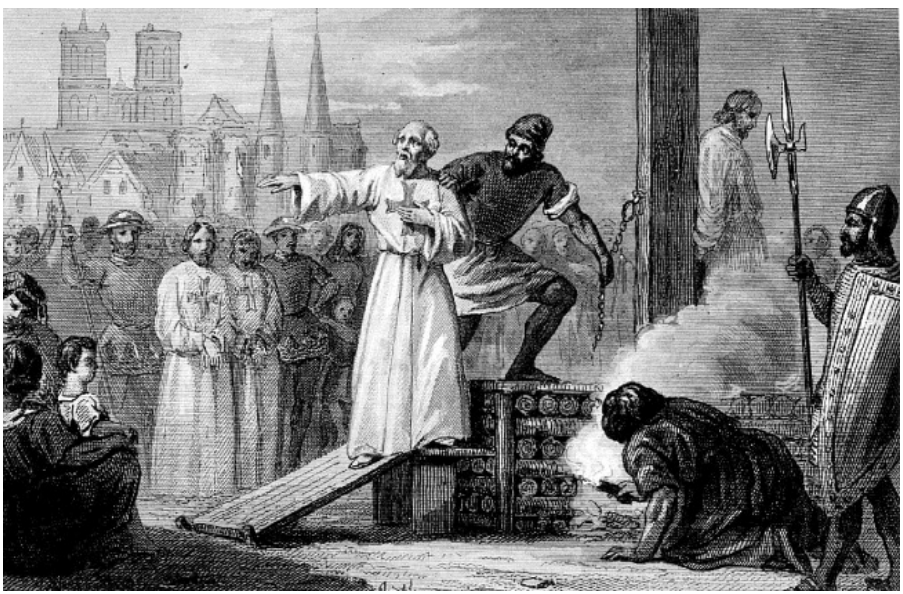
Упорный Флуаран добрался до Филиппа IV – и тот, вероятно, с восторгом принял его донос. Приказывая арестовать тамплиеров, французский король лицемерно писал, что это «дело горестное, прискорбное, которое воистину подвергает в ужас, о котором страшно слышать, отвратительное преступление, гнусное деяние». И ссылался на «донесения многих людей, достойных

доверия». Не было, конечно, этих «многих людей».

Когда тысячи тамплиеров были арестованы, началось следствие. В роли свидетелей выступали исключенные члены Ордена. Некоторые руководствовались обидой. Других запугали или подкупили. Но те и другие согласились дать чудовищные показания. Процесс длился долгих семь лет.

Выяснилось, что у тамплиеров есть тайные обряды, которые они скрывают от всех людей. При посвящении в члены Ордена принимаемый должен был якобы плюнуть на крест или на изображение Христа! Назывались и другие непристойные действия. Некоторые свидетельствовали, что тамплиеры поклоняются Бофамету – это какая-то загадочная голова, некий идол. Мало того – оказалось, что на собраниях тамплиеров якобы бывает сам Сатана. Лжесвидетели описывали его внешность и утверждали, что от него пахнет серой. Средневековые люди очень хорошо знали, как выглядит Дьявол: они видели его изображения на стенах церквей.

Очень скоро под пытками (жестокость которых превзошла все пределы) Жак де Моле дрогнул и подписал все, чего от него требовали. Правда, он все-таки подчеркнул, что при посвящении плюнул не на крест, а на пол.



Казнь Жака де Моле.
Гравюра. XIX в.

По уставу судить тамплиеров мог только Папа Римский. Ведь до 1312 года Орден не был упразднен, а Жак де Моле оставался Великим магистром. Климент V начал следствие, но оно шло

вяло. Папа предлагал наказать тамплиеров не слишком сурово.

Но Филиппа Красивого это никак не устраивало. Слухи о несметных сокровищах тамплиеров сделали свое дело. Когда де Моле в свое время въехал в Париж, за ним несли сундуки, наполненные сокровищами. Это было грандиозным искушением для французского короля. И Филипп IV тоже плюнул – если не на распятие, то на свою совесть. Ведь всего за год до этого он нашел убежище у тамплиеров во время бунта против его налоговой политики, против порчи монеты. Тамплиеры спасли ему жизнь. А выйдя из укрытия, он сказал: «Вы, наверное, сами бунт и организовали». Он отрешился от всего, что связывало его с тамплиерами.

Он добился, чтобы процесс пошел более интенсивно. Видимо, главным мотивом для французского короля было то, что финансово независимые тамплиеры фактически строили во Франции «государство в государстве». Это решительно не совпадало с очевидным укреплением центральной власти в стране. Не менее 150 тамплиеров во главе с Великим магистром подписали признание. Почему дрогнул Жак де Моле? Кроме чудовищных физических страданий была еще одна причина – надежда на личную встречу с папой. Он надеялся продемонстрировать Клименту V всю нелепость предъявленных обвинений. Но надежда оказалась напрасной.

Некоторые члены Ордена, сначала признавшие свою вину, позже отказались от этих показаний. И тогда начались казни. Это должно было устрашить и тех, кто намеревался заступиться за тамплиеров.

Казнь Жака де Моле состоялась в Париже. На ней присутствовали Филипп IV, Климент V, Ногарэ и многие другие. Все происходило на маленьком островке близ острова Сите (сейчас это центральный район Парижа). Тамплиеры, которых вели на казнь, были искалечены пытками, изуродованы, физически сломлены. Но в последние мгновения жизни они будто поднялись над всем земным. И Жак де Моле произнес свои пророческие проклятья.

Поскольку он сначала признался, а потом отрекся, его, вторично впавшего в ересь, было приказано казнить на медленном огне. Но таким образом его не только покарали – ему дали время высказаться. По легенде, сначала он проклял себя – за слабость. Но сказал, что верит во всепрощение Господне. А потом произнес: «Назначаю тебе, Филипп, тебе, Папа Климент, тебе Гийом де Ногарэ, встречу – не позже чем через год».

И все сбылось. Папа Климент V умер через месяц, скоропостижно и таинственно. Гийом де Ногарэ – через месяц

после папы, в возрасте 43 лет, тоже необъяснимо почему. Филипп IV – через семь месяцев, в возрасте 46 лет. Он упал с лошади, получил травму – и уже не выздоровел. Затем правили его сыновья, и все неизменно умирали, не оставляя мужского потомства. А через 20 с небольшим лет началась Столетняя война. Причем связь ее с этими событиями очевидна. Со смертью сыновей Филиппа IV пресеклась линия династии Капетингов, что стало одним из важных поводов к началу военных действий.

Тайна сокровищ тамплиеров осталась загадкой на все времена. Некие бесценные клады то ли не существовали вовсе, то ли до сих пор сокрыты в тайнике, так и не раскрытом Жаком де Моле. И хотя люди нашего времени прекрасно понимают, что тамплиеры поддались вечному искушению богатством, стали ростовщиками и банкирами, их мученический конец оставляет в памяти романтический облик, например, такой, который представил французский писатель Жюль Руа в XX веке.

Тоетоми Хидэеси. Из крестьян в самураи

Кто такой Тоётоми Хидэёси? Человек, живший в XVI столетии, с 1537-го по 1598 год. Современник Ивана Грозного, который был старше его всего на семь лет, а умер существенно раньше. В отличие от своего знаменитого российского современника, Хидэёси происходил из низов. Но добился, как и русский царь Грозный, огромной власти в своей стране.

Японские острова, боже мой, как это далеко! Просто другой мир. Многое в обычаях живущего там народа очень непривычно для Европы. Тем не менее, вглядевшись, понимаешь, что борьба за власть одинакова повсюду. Во многом похожи и люди, рвущиеся к власти, как бы далеко друг от друга они ни находились.

Выйдя из крестьянской среды, Хидэёси достиг самой высокой власти, которую можно было тогда вообразить. Император не в счет: для средневековых японцев он бог и сын неба. Он даже не правит – он вечный символ. А Хидэёси идет к реальной власти. Он стал единственным в японской истории крестьянином, занявшим должность дадзедайдзина – великого министра. Он добился невозможного!

Был Хидэёси и регентом. И мечтал о мировом господстве. На этом основании современные гиды, показывая его невиданный дворец в городе Осака, говорят: «Это был наш, японский, Наполеон Бонапарт». Мечта о мировом господстве – это единственное, что дает основание для такого сопоставления. Да и «мир» виделся японскому политику XVI века и европейскому завоевателю века X1X-го абсолютно по-разному. Для японца эпохи Средневековья «мировое господство» значило покорить Китай, Корею и, может быть, Индию. «Мир» на этом заканчивался.

Впрочем, и такого «мирового господства» Хидэёси не достиг. Зато по его воле было сделано очень много для объединения разобщенной феодальной Японии. Как все претендующие на славу великого правителя, Хидэёси провел важные реформы. Благодаря этому его глубоко почитают в современной Японии. Правда, так было не всегда.

Что же это была за страна – Япония XVI столетия? Она находилась на самом краю света – и это не вполне метафора. На ней кончался физически достижимый мир. В XIII веке о ней слышал совершенно фантастические рассказы великий путешественник Марко Поло, долго живший при китайском дворе. Марко Поло записал, что в Японии вдоль побережья стоят дома под золотыми крышами. Эти рассказы не имели ничего

общего с реальностью. Но почему вокруг Японии возникали такие удивительные легенды? Чтобы понять это, надо заглянуть в глубины японской истории. Происхождение страны действительно было особенным.

Некоторые исследователи считают, что первоначальное население Японских островов пришло из Юго-Восточной Азии, с существовавшего некогда материка Сунда (район современной Индонезии), который поглотил Мировой океан. Часть населения погибавшего материка направилась на юго-восток, в Австралию. Другая часть – на северо-восток, на Японские острова. Некоторые специалисты настаивают, что этнически австралийские аборигены и исконные жители Японии – айны – очень похожи: у них мягко-волнистые волосы и вообще вовсе не классическая азиатская внешность. Со временем айны были вытеснены со своих земель, почти уничтожены, сейчас сохраняются лишь небольшие резервации на севере острова Хоккайдо.

Ёситоси Цукиока. Тоётоми Хидэёси трубит в горн

На рубеже новой эры появились и другие переселенцы с континента. Не вызывает сомнений, что какая-то их часть пришла из Южного Китая, возможно через корейский полуостров. Особая цепкость тех, кто заселял Японию, отчаянная борьба за каждый клочок земли были связаны не только с тем, что острова не очень

большие, но и с тем, что уйти с них по тогдашним меркам было уже некуда. Психология оказавшихся на краю мира кое-что объясняет в японской истории.

В Японии было долгое Средневековье. При всей азиатской экзотике эта феодальная цивилизация в принципиальных моментах похожа на средневековую европейскую. То же землевладение, те же крестьяне, сидящие на земле и попадающие в разные формы зависимости, та же борьба феодалов – только масштаб земельных владений поменьше. Становление японского Средневековья приходится на VII–IX века, расцвет – на X–XIV. Примерно так же, как в Западной Европе.

Зенит Средневековья – это высшая точка развития замкнутой аграрной инфраструктуры, жестко структурированной элиты, начало стремительного развития городов, политическая разобщенность – и бешеная борьба за то, кому удастся ее преодолеть.

Полного совпадения цивилизаций Востока и Запада быть, безусловно, не может. Например, в средневековой Японии крестьянин, который был тесно связан со своим земельным наделом, должен был отдавать две трети урожая в пользу государства и властителя. Это очень много. Причем все подати измерялись в коку. Коку – это объем риса, достаточный для содержания одного воина в течение года. Примерно 180 килограммов.

Тоётоми Хидэёси появился на свет в момент, когда политическая разобщенность достигла уровня хаоса. Все крупные землевладельцы воевали со всеми. Позади была эпоха ранних сегунатов. Сегун – это военный правитель, который управляет страной, формально получив от императора такие полномочия. Император остается чисто символической фигурой. Но через определенное время и сегуны оказались безвластны. Было неясно, кто теперь получит реальную власть.

Хидэёси родился в 1536 или 1537 году в деревне Накамуру провинции Овари. Сейчас эта бывшая деревня входит в состав города Нагоя. Семья была, скорее всего, крестьянская, хотя не исключено, что отец – Киносита Яэмон был слугой или даже мелким самураем. Он как солдат участвовал в междоусобных войнах, был ранен в ногу, вернулся в деревню и снова стал крестьянствовать.

Мать – Нака, из соседней деревни. Позже, по мере того как Тоётоми Хидэёси продвигался к власти, был создан миф о том, что она имела знатное происхождение. Объясняли это тем, что в деревне жили знатные люди, сосланные туда за провинности. А Нака служила у каких-то знатных и богатых людей. Но все это

было выдумано, чтобы облагородить происхождение ее великого сына.

В средневековой Японии был обычай несколько раз менять имена в течение жизни. Так что при рождении мальчик был назван просто Хиеси. После совершеннолетия юношу стали называть Киносито Токини. В 26 лет он женился и взял имя Хидэёси, которое осталось при нем. А Тоётоми— это аристократическая фамилия, которую он через много лет получил от императора, приближаясь к вершинам власти. Тоётоми Хидэёси – так он именовался в последние 12–13 лет своей жизни.

А пока – голодное детство. Когда Хидееси было восемь лет, умер его отец. Мать вышла замуж второй раз. Всего в семье было четверо детей – двое от первого брака, двое – от второго. Отчим крайне неприязненно, видимо даже с ненавистью, относился к старшему мальчику. Мало того, что это неродной сын, лишний рот при малом достатке. Есть еще один, для Средневековья очень понятный резон. Хиеси внешне был удивительно нехорош. Как говорят современники, почти уродлив. И при этом подвижный, шустрый. Отсюда его прозвище – Косару, Обезьянка. Всю дальнейшую жизнь друзья звали его ласково – Обезьянка, а враги – Черная Обезьяна, Злобная Обезьяна, Коронованная Обезьяна.

Для средневекового человека отталкивающая внешность – отражение некоего промысла богов. Если человек не соответствовал строгим канонам красоты, считалось, что с ним что-то не так. И мать с отчимом отправили Хиеси в храм. Была в Японии такая традиция – хэраси, «сокращение ртов»: бедные семьи могли отдавать детей в храм, чтобы те не умерли с голоду. В храме им предстояло прислуживать и учиться основам грамоты. Как там жилось Хиеси – неизвестно. Но вряд ли очень уж хорошо.

В возрасте 15 лет он бежал оттуда, скитался, кормился случайными заработками. Рубил лес, пытался торговать по мелочам. Есть версия, что побывал в разбойниках. И на дороге случайно встретил своего первого благодетеля. Это был, условно говоря, самурай средней руки – Мацусита Кахэй.

Самураи – военное сословие, которое в то время только формируется, а потом станет закрытым, замкнутым именно по воле Тоётоми Хидэёси. Сам вырвавшись в самураи, он сделает так, чтобы другим это не удавалось. Но во времена его юности многие выходцы из крестьян, которые служили в войсках и научились военному искусству, могли стать самураями.

Мацусита сначала не понял, кто перед ним, ребенок или обезьяна. Темное лицо, смутные, необычайно подвижные черты. Но почему-то именно это странное существо он взял в свой дом.

Хиеси попал в мир самураев, или буси, что означает «воин».

Дружины богатых феодалов вербовались из крестьян. К XVI веку у самураев, как и у западноевропейского рыцарства, выработался особый кодекс чести – неписаный, но строжайший – бусидо. Буквально это слово переводится как «путь самурая-воина». У самурая должны были быть три основные доблести: ти – мудрость, дзин – гуманность и ю – храбрость. Было и нечто отличавшее самураев от рыцарей – то, как они понимали готовность умереть за своего сюзерена. На Западе предполагалось — умереть в бою. В Японии же, если сюзерен трагически погиб, преданный самурай, его воин, должен покончить с собой. С этим связана знаменитая традиция сэппуку (другое название – харакири) – лишение себя жизни путем взрезания живота. Это целый торжественный ритуал. Приобщенность к нему отделяет самураев от простого народа. Условно считается, что искусство самообороны, которое разработали самураи, легло в основу дзюдо. Крестьяне тоже пытались создать собственную самозащиту. Их приемы стали базой для каратэ.

Покровитель Хиеси не был ни особенно богат, ни особенно знатен. В его доме юноша провел примерно три года. Там в 16 лет он прошел обряд инициации, повзросления, когда молодому человеку выбривают голову или половину головы и дают взрослое имя. Получил ли тогда будущий Тоётоми Хидэёси и самурайский меч – неизвестно.

Почему он ушел от своего первого благодетеля? Мацусита прослышал, что в провинции, откуда происходил Хиеси, появились новые доспехи – не кожаные, а металлические, более прочные и ценные. Очень хотелось их получить! Поэтому юноше дали денег и отправили на его родину, в провинцию Овари. В средневековых источниках информация часто бывает не очень точной. Понятно одно: ни он сам, ни деньги не вернулись. Судя по всему он купил доспехи, но не благодетелю, а себе. Правда, забегая вперед, можно сказать, что безнадежно неблагодарным в отношении Мацусита Тоётоми Хидэёси не был: достигнув высокой власти, он вознаградил первого благодетеля поместьем и землей. Но пока он присвоил деньги и не вернулся.

Почему? Стал искать более высокого покровителя. И нашел – в лице знаменитейшего человека того времени по имени Ода Нобунага. Это был объединитель Японии. Он 17 лет находился у власти и был фактически диктатором. Тоётоми Хидэёси оказался у него на службе до того, как тот поднялся на вершину власти и пережил это восхождение вместе с ним.

Всего Хидэёси провел при Нобунага 27 лет и выжил под его железной рукой. Ода отличался настоящей свирепостью. Известно, что однажды, когда у него в замке проводили ремонт,

ему что-то не понравилось – и он лично снес мечом голову одному из работников.

Как же Хидэёси удалось выделиться при таком господине? Тем более на фоне блистательных полководцев, которыми был окружен Ода Нобунага. Для них Хидэёси не более чем «гражданский выскочка». Зато, как ни удивительно, «носитель сандалий» (так называлась первая должность восемнадцатилетнего Хидэёси) оказался успешным хозяйственником.

В резиденции Ода, которую он очень ценил, начался ремонт обвалившихся укреплений. Шел он медленно и не очень успешно. И вот Нобунага поручил заняться этим Хидэёси. И тот за три дня так мобилизовал рабочих, что произошло чудо! Причем он сам лично во всем участвовал, поражая окружающих подвижностью и верткостью. Ода Нобунага умел ценить чудеса. Хидэёси был замечен. Может быть, даже именно за это он был пожалован в самураи, что, конечно, вызвало насмешки военных. Они не знали, как заблуждаются!

Замок Тоётоми Хидэёси в Осаке

Проявил он себя и в строительстве военных укреплений. В 1566 году Ода, который все время с кем-нибудь воевал, поручил Тоётоми Хидэёси создать укрепление на болоте. Казалось бы, это вообще невозможно. Но он справился за ночь. Так он умел организовать людей. В итоге удалось провести успешный штурм

вражеского замка. С тех пор многие относились к Хидэёси с уважением.

А он двигался дальше – и превратился в настоящего полководца. В 70-х годах XVI века в составе армии Ода

Нобунага он участвовал в важных военных операциях, а в 1570 году, в походе против правителей северной провинции из рода Асакура, был оставлен прикрыть отступление. То есть на верную смерть. По самурайским понятиям было бы достойно умереть в этом арьергарде. Такое случалось, кстати, и в Западной Европе. Французский эпос донес до нас историю графа Роланда, точно так же защищавшего арьергард армии Карла Великого. Рыцарь Роланд красиво умер в последнем бою. А Тоётоми Хидэёси, к изумлению всех, не только защитил отступавшую армию Ода Нобунага, но и вернулся живым и невредимым.

С этого момента он был признан в самурайской среде. Никого больше не интересовало, что он начинал как носитель сандалий и, говоря современным языком, хозяйственник. Став полководцем, Хидэёси приблизился к вершинам власти. Ибо в зените средневековой восточной инфраструктуры путь к высшей власти идет только через войну. Все сегуны были военными предводителями.

В течение нескольких лет Тоётоми Хидэёси командовал военными отрядами. Он участвовал в одной из самых знаменитых битв того времени – сражении при Нагасино. Ода был жестокосердным человеком, но прогрессивным военным. Он модернизировал войско и, помимо традиционной конницы, создал отряд пехотинцев с аркебузами. Так ему удалось победить знаменитую конницу рода Такэда, которая считалась непобедимой, но отступила перед солдатами, вооруженными огнестрельным оружием.

Это было первое масштабное применение огнестрельного оружия. Оно несколько десятилетий назад было завезено в Японию португальцами, долго имевшими монопольное право на торговлю с японцами, и прежде всего – на поставку вооружения. Но широко огнестрельное оружие не применялось. Чтобы было понятно, что произошло в битве при Нагасино, можно использовать историческую аналогию. Когда против лихой конницы Буденного и Ворошилова, казавшейся непобедимой в Гражданскую войну, идут танки, силы становятся просто несопоставимыми.

Ода Нобунага продемонстрировал истинное полководческое мастерство. Послушав иностранных военных советников, он грамотно расставил аркебузиров, продумал очередность стрельбы, чтобы, когда одни заняты перезарядкой, стреляли

другие. Получился настоящий шквальный огонь. После этого сражения аркебуза начала вытеснять меч – главное оружие японского воина, символ не просто мужества и доблести, но и священной императорской власти.

Надо сказать, что и в Западной Европе распространение огнестрельного оружия ознаменовало закат эпохи рыцарства. Пушки пробили неприступные стены замков. Рыцарь, продающий свой меч, сделался не нужен – и сословие угасло. Различия между Востоком и Западом порой не так велики, как кажется на первый взгляд.

Что же происходило в жизни Тоётоми Хидэёси? Будучи помощником главнокомандующего, он однажды не согласился с военной операцией, которую разрабатывал штаб. К мнению Хидэёси не прислушались, решение было принято, приказ есть приказ. Но этот независимый человек совершил дикий поступок – он покинул штаб. Просто ушел. Строго говоря, это было дезертирство.

Операция, как и предсказывал Хидэёси, оказалась неудачной. Но дезертира в любом случае ожидала смерть. Если бы не мудрый Ода, которому уже не так много оставалось жить на свете… Он решил не казнить виновного, сказав: «Он пригодится». И ограничился, так сказать, «дисциплинарным взысканием».

В 1582 году, во время войны против рода Мори – закоренелых врагов Ода Нобунага, Тоётоми Хидэёси приказано было взять неприступный замок Такамацу. В Средние века существовало понятие неприступной крепости. Таков был, например, французский монастырь Монт-Сен-Мишель в Нормандии, который за 25 лет английской оккупации во второй половине Столетней войны так и не был взят англичанами.

Чтобы справиться с поставленной задачей, Тоётоми Хидэёси сделал ставку на инженерное творчество. Он приказал разрушить дамбы вокруг крепости. Многочисленные реки изменили русло – и замок превратился в остров. Он оказался отрезан от всех коммуникаций. Понятно было, что он вот-вот падет. И именно в этот момент пришло известие о гибели великого Ода Нобунага. Он вынужден был совершить сэппуку, став жертвой жестокого предательства. Предателем стал Акэти Мицухидэ – военный, равный по рангу Тоётоми Хидэёси. Все могло сложиться иначе…

Но уж если все произошло именно так, быстрый ум бывшего носителя сандалий сразу же определил линию поведения. Тоётоми Хидэёси объявил себя мстителем за предательство и помчался в Киото.

Конечно, таких «мстителей» набралось немало. Главным соперником Хидэёси стал Токугава Иэясу – будущий сегун. Важно

было, кто первым прибудет в столицу. И оба гнали своих солдат. Тем временем изменник получил аудиенцию у императора и объявил себя сегуном. Но на карту было поставлено буквально все, и Тоётоми Хидэёси не знал ни страха, ни усталости. За три дня его армия проделала несколько сотен километров. Такой скорости не развил ни один другой конкурирующий «мститель». По пути были засады, но юркому Хидэёси удалось и это преодолеть.

Достигнув Киото, Хидэёси пошел войной на Акэти Мицухидэ. Он посягнул на особу, которую признал император, разгромил врага и уничтожил. Потом схватился с еще одним претендентом – Сибата Кацуиэ, победил и его. Ничто не могло остановить человека, так рвавшегося к власти.

В 1583 году Хидэёси писал о разгромленном сопернике: «Когда повсюду воцарилось безмолвие, Кацуиэ убил свою жену, детей, прочих членов семьи, а потом вскрыл себе живот одновременно с восемьюдесятью из его вассалов. Он поднялся на девятый этаж своего донжона (имеется в виду башня в центре замка), откуда обратил несколько слов к тем, кто собрался внизу, и объявил о намерении покончить с собой, чтобы послужить примером грядущим поколениям. Его люди, потрясенные, промокали слезы рукавами одежд, надетых поверх доспехов». Почему эта леденящая кровь сцена описана с таким спокойствием? Надо помнить, что в средневековой Японии такое поведение было нормативным. Заметим: победитель подчеркивает, что его соперник ушел достойно.

Потом Тоётоми Хидэёси удалось стравить между собой сыновей покойного благодетеля Ода Нобунага и объявить наследником его трехлетнего внука. Сыновья были отправлены в монастырь, а внук— в замок Гифу. Как пишут специалисты по японской истории, «с тех пор его никто не видел».

Фактически у Хидэёси остался один потенциальный враг – Токугава Иэясу. Чувствуя, что одолеть его не удастся, Хидэёси с ним поладил. Они обменялись заложниками. Со стороны Тоётоми заложницей выступала его собственная мать. Он всегда говорил о том, как он ее обожает. Но и Токугава отправил в заложники родного сына. Так утвердилась система заложничества – санкин катай, ставшая нормативным средством разрешения противоречий в Японии XVI века.

В силу своего крестьянского происхождения Тоётоми Хидэёси не мог назваться сегуном. Ему разрешалось бы это сделать, если бы он был усыновлен кем-то из потомков сегунов. Такая практика существовала. Но никто из них на это не согласился.

Тогда Хидэёси нашел себе хорошую должность. Может быть,

это решение даже показалось ему лучшим. В 1585 году он объявил себя регентом (кампаку) при символическом, безвластном императоре. Но и этого ему было мало! Он стал также дайдзедайдзином – главным министром. В 48 лет он получил наконец высшую власть. И удерживал ее в течение 13 лет.

В 1587 году, уже пробыв некоторое время у власти, Тоётоми Хидэёси решил всем продемонстрировать, кто он. Он пригласил к себе самого императора. Встреча должна была состояться в грандиозном дворце Дзюракудай в Киото.

Домашним у Тоётоми Хидэёси был другой замок – в Осаке, грандиозный, построенный из громадных плит, сопоставимых с теми, из которых сложены древнеегипетские пирамиды. Вся Япония таскала эти камни. Только в этой резиденции он чувствовал себя в безопасности. А дворец Дзюракудай был построен для изящества и красоты и заполнен прекрасными вещами, драгоценными произведениями искусства, многие из которых были привезены из Китая.

В предыдущие 150 лет императоры Японии, эти живые боги, не наносили визитов смертным людям. И вот Тоётоми Хидэёси, человек с непомерным честолюбием, добился визита безвластного императора по имени Гоедзэй. Торжества подробно описаны в источниках. Улицы Киото были заполнены народом, восторженно лицезревшим живое божество. Императора принесли во дворец Дзюракудай, где он провел несколько дней. Тоётоми Хидэёси делал ему ценные подарки – земли и дворцы. Не император подданному, а подданный императору! И они были приняты!

Но если императору-символу не приходилось особенно тревожиться за судьбу страны, то Тоётоми Хидэёси должен был выстраивать и внутреннюю, и внешнюю политику.

Во внутренних делах Хидэёси вновь проявил себя заботливым хозяйственником. Он обустраивал Японию. Это даже дало основание автору современного биографического исследования, француженке русского происхождения Даниэль Елисеев, дать книге о Тоётоми Хидэёси несколько преувеличенный подзаголовок – «Создатель современной Японии».

Главное достижение регента – земельный кадастр. Земля закреплялась за основной массой крестьян. Но и крестьяне были закреплены за землей. При этом они отдавали землевладельцам две трети урожая. Тоётоми Хидэёси писал по этому поводу: «Нужно, чтобы кадастр был составлен повсюду с большой тщательностью. Если его составляли без тщательности, это надо рассматривать как преступление». А значит— взять в заложники жен и детей виновных. Это, по словам Хидэёси, «мера хорошая».

Кроме того, на крестьян были возложены обязанности, которые в Европе и в России называли гужевыми повинностями. Эти правила предусматривали, на какое расстояние крестьяне должны доставлять товары в города. И эти расстояния Тоётоми Хидэёси все время увеличивал.

Из-за огромных поборов и тяжелых гужевых повинностей в стране начались крестьянские выступления, страшные, как и все бунты Средневековья. Но и подавление было жестоким. Тоётоми Хидэёси приписал: «Если же кто-то смеет противиться, то если это владелец крепости, его надо блокировать в этой крепости и убить всех, не щадя никого. Если это крестьяне из самых презренных, их надо убить всех».

Ради наведения порядка Тоётоми Хидэёси приказал провести перепись населения и закрепить сословные границы, прекратить свободный переход из сословия в сословие. Теперь для других стало недоступно то, что удалось ему самому.

Все эти серьезные реформы были направлены на то, чтобы прекратить прежний политический и экономический хаос. Забирая у крестьян две трети урожая,

Тоётоми Хидэёси обеспечивал питание воинов, а значит, порядок.

Он хотел, чтобы порядок стал вечным. Для этого был издан его самый колоритный указ – «об изъятии мечей» у крестьян. Отныне они не должны были иметь никакого оружия. У крестьян отняли не только мечи.

Им запрещалось иметь серпы, вилы, ножи. Все это хранилось на складе у деревенского старосты и выдавалось подконтрольно. Зато самураям разрешено было вместо одного меча носить два. Вот откуда знаменитый сюжет классического фильма «Семь самураев». Вот почему крестьянские общины вынуждены были нанимать воинов для своей защиты.

Изъятое оружие Тоётоми Хидэёси велел направить на создание гигантской статуи Будды. Переплавить металл на скобы для статуи! Он явно пытался осенить свой деспотический указ чем-то божественным.

Кстати, что значит «божественное» для Тоётоми Хидэёси? В Японии XVI века сосуществовало несколько конфессий. И по крайней мере с одной из них он решительно разошелся. Португальские миссионеры появились в Японии давно, и их деятельности никто не препятствовал. Тоётоми Хидэёси первый проявил нетерпимость в отношении христиан. По одной из версий, он увидел в христианской церкви опасного соперника в борьбе за власть.

Вероятно, ему не нравилось и то, что европейские

проповедники рассказывали о великих земных правителях. Для него европейцы были западными варварами. Как мог он смириться с тем, что они восславляли своих королей, в особенности Филиппа II Испанского. Хидэёси показали условную карту, отражавшую колоссальный масштаб владений Филиппа II. Такое соперничество было невыносимо!

Могли быть и другие соображения. Некоторые исследователи упоминают даже об упорстве девушек-христианок, которые не желали идти к первому министру в наложницы. А у него, начинавшего сходить с ума от неограниченной власти, было уже немыслимое число наложниц, которых ему, по японской традиции, заботливо подбирала законная супруга. Вряд ли поведение каких-то девушек могло стать истинной причиной притеснения христиан. Но гонения действительно были.

Наконец, Тоётоми Хидэёси, как и все тираны-централизаторы, был озабочен расширением территорий, над которыми властвовал. Самые удачные его шаги в этом направлении – завоевание островов Сикоку и Кюсю, к югу и юго-западу от главного японского острова Хонсю, где находилась его столица Киото. Покорять новые территории были посланы огромные армии, от 100 до 200 тысяч человек. Завоевание шло нелегко. На острове Кюсю, который был экономически и стратегически очень важен, вспыхнуло сопротивление, организованное влиятельным родом Симадзу. Сначала Хидэёси попробовал вступить с противниками в переговоры, но получил такой ответ от главы рода: «Тоётоми Хидэёси захватил императора. Приказы, которые отдаются от имени последнего, вовсе не обязательно выражают желание повелителя. Этот Тоётоми Хидэёси, полагаясь на удачу, которая последнее время улыбалась ему, думает, что можно свысока говорить со мной. Так обезьянья морда полагает, что принудит меня к повиновению, оскорбляя меня! Что за жалкий наглец!» После этого ничего не оставалось кроме войны.

Китагава Утамаро. Тоётоми Хидэёси со своими женами. Ок. 1805 г.

Завоевания островов оказались успешными и совершенно вскружили Тоётоми Хидэёси голову. Ему казалось, что теперь он может все. У него возникли планы мирового господства. То есть господства над Китаем, Кореей и, может быть, туманно известной

Индией. Реальных размеров Китая Хидэёси не представлял. Да в то время у Китая и не было строгих границ.

Для начала Тоётоми Хидэёси решил завладеть Кореей, бывшей формально вассалом Китая. Он писал правителю Кореи Вану: «Расправив крылья, как дракон, я покорил Восток, устрашил Запад». Так японский властитель расценивал покорение сравнительно небольших островов Сикоку и Кюсю.

«Покорил юг и сокрушил север». Это означает – подавил сепаратизм феодалов. «Быстрый и грандиозный успех сопровождал мое возвышение, подобно восходящему солнцу осветив всю землю». Здесь он уже явно сравнивает себя с императором.

«Я соберу могучую армию и вторгнусь в великую Мин». Это Китай. «Холод моих мечей заполнит все небо над четырьмястами провинциями». Названное в тексте количество провинций условно. Оно означает просто, что их много. «Если я приступлю к исполнению этого замысла, то надеюсь, что Корея станет моим авангардом, пусть же преуспеет в этом. Ибо моя дружба с вашей почтенной страной целиком зависит от того, как вы себя поведете, когда я направлю свою армию против Китая». Итак, он предложил Корее добровольно сдаться и стать его союзницей в борьбе против Китая. Этот политический расчет оказался глубоко неверным.

В жизни Тоётоми Хидэёси началась полоса неудач. Первый крах он потерпел в домашней, личной жизни. Как не подумать о том, что и японские боги наказывают за грех гордыни!

У Хидэёси не было сына-наследника. Его жена, видимо, была бесплодна. Конечно, при огромном гареме он имел бесчисленное количество детей. Рождались и мальчики. Но очень рано умирали. Наконец в 1589 году, когда Тоётоми Хидэёси было 52 года, его любимая юная наложница по имени Едогими, родственница Ода Нобунага, родила мальчика Цуругамацу. Тоётоми Хидэёси лишился разума от радости. Он даже писал себе письма от имени сына-младенца. И отвечал на них. Эти письма сохранились. «Я получил Ваше письмо, оно меня очень порадовало. Я Вам отвечаю. Будьте хорошим мальчиком». Чистое безумие!

А в 1591 году, в возрасте двух лет, мальчик умер. Для Тоётоми Хидэёси это был внутренний крах. Только мировое господство могло компенсировать страшную потерю.

В 1592 году тысяча кораблей двинулась на завоевание Кореи, так и не изъявившей готовности перейти из вассальной зависимости от Китая к союзу с Японией. Для Кореи привычнее был большой и несколько вялый в тот период Китай, чем

малознакомая воинственная Япония.

Сначала был успех. На первом этапе войны японцы захватили столицу Кореи Пхеньян. Они демонстрировали крайнюю жестокость. Японские завоеватели тщательно подсчитывали отрезанные уши и носы убитых корейцев. Их отправляли в Японию для статистики. Доходило до сотен тысяч. О достоверности этих цифр судить нельзя. Но по сей день в Киото есть место, которое называется «Могила ушей».

Закономерно, что в Корее началось бешеное сопротивление. Нашелся очень талантливый флотоводец, адмирал Ли Сунсин. Пользуясь тем, что корейские корабли были лучше укреплены, он громил японцев на море. Фактически он утопил японский флот.

Чтобы избавиться от опасного противника, японцы путем подкупа и шпионажа сумели скомпрометировать Ли Сунсина. Он чудом остался жив и был разжалован в рядовые. Правда, через некоторое время его вернули – и он одержал новые победы.

Тоётоми Хидэёси собирался лично отправиться в Корею, но так этого и не сделал. В 1595 году судьба подарила ему последнее утешение. Наложница Едогими опять родила сына, которого назвали Хидэери. Казалось бы, рождение позднего долгожданного наследника должно было смягчить нрав тирана. Но нет – многие авторы свидетельствуют, что он, напротив, окончательно потерял человеческий облик. Ему было за 60, и он торопился создать условия для передачи власти единственному сыну. Это была вовсе не любовь к ребенку. Это была любовь к собственной власти.

До рождения Хидэери Тоётоми Хидэёси готовил в преемники своего племянника, сына сестры, Хидэцугу, которого для этого усыновил. Мальчик был официально объявлен наследником. Ради этого Хидэёси даже передал ему должность кампаку.

Но с появлением младенца племянник сделался помехой на его пути.

Несчастного Хидэцугу обвинили во всем, что только можно было придумать: в разврате, шпионаже, приверженности христианству и даже садизме. И его принудили совершить сэппуку. Но и этого мало. Добившись самоубийства племянника, Тоётоми Хидэёси приказал зверски перебить всех близких ему людей, родственников и друзей, около 20 человек. Для этого были наняты бандиты с большой дороги. После этого дворец Дзюракудай, где Тоётоми Хидэёси когда-то принимал императора и где затем жил наследник, был полностью уничтожен.

Многие замечали в поведении Тоётоми Хидэёси признаки безумия. К тому же начались неудачи в войне с Кореей. Возвращенный к командованию Ли Сунсин вновь громил японцев

на море. А на суше развернулась партизанская война, которая, по замечанию Л.Н. Толстого, не бывает неудачной. Это справедливо во все времена и для всех народов.

Для человека, мысленно приравнявшего себя к императору, военное поражение было невозможно. Тоётоми Хидэёси собрал совет из приближенных людей, среди которых был и Токугава Иэясу, и взял с них клятвы в том, что они всегда будут верой и правдой служить его сыну Хидэери. Конечно, они поклялись. И конечно, потом они нарушили свои клятвы. Они глубоко ненавидели эту всевластную обезьяну и с нетерпением ждали ее ухода.

После смерти Тоётоми Хидэёси его сменил Токугава Иэясу. Династия Токугава закрепилась у власти в Японии на 264 года, до середины XIX века.

Хидэери на протяжении 20 лет жил в изоляции в Осаке. И хотя Токугава женил его на своей внучке, это не помешало жестоко покончить и с ним, и с внучкой, которая оказалась верной женой. Судьба наследников высшей власти часто бывает трагической. В Западной Европе принцы и принцессы – своего рода «династический товар». На Востоке – жертвы на заклание.

Конечно, Тоётоми Хидэёси не мог этого предвидеть. Но предчувствие трагедии есть в прощальном стихотворении, которое он написал чуть ли не за несколько часов до кончины. В нем он упоминает Нанива – свой любимый замок в Осака:

Я пришел, как роса,
Я уйду, как роса.
Моя жизнь, мое творение в Нанива —
(это Осака. – Н.Б)
Не более чем сновидение сновидения.

Какое позднее озарение!

Эпоха Возрождения (раннее Новое время)

Томас Мор. Наставник тирана?

Знакомьтесь, наш герой – Томас Мор, человек малоизвестный для нашей страны. Мы только знали о нем, что он написал некую книгу «Утопия», и значит в идеологическом смысле он – дедушка Карла Маркса. На самом деле эта личность намного глубже, значительнее и разнообразнее, чем мы привыкли думать о ней.

Чем же на самом деле Мор прославился в истории? Это был гуманист во всех смыслах, поэт, автор интересных, умных эпиграмм, философ, наконец, государственный деятель – заметный, но странный. Во время правления тирана и убийцы своих жен Генриха VIII он пытался проводить в жизнь благородные идеи, пробуждать сочувствие к слабым, милость к обездоленным… Поразительный государственный деятель. Он был еще и автором «Истории Ричарда III», переведенной на русский язык, книги интересной, а сегодня, пожалуй, еще более актуальной, чем во времена Мора. Ну и, наконец, Мор для современников – образец нравственной чистоты, благородства, силы духа. Неправедный суд, по указке Генриха VIII, приговорил его к смертной казни. Идя на смерть, он хранил исключительное мужество. Он готовился принять физические муки ради верности своим принципам.

Сохранилось два его портрета. Один – работы Ганса Гольбейна Младшего, написанный в 1527 году. На портрете – зрелый муж, ему почти пятьдесят, знатный вельможа на пороге своего канцлерства. Прекрасный парадный портрет.

И портрет другой – словесный, составленный его старым другом и великим человеком Эразмом Роттердамским. Эразм Роттердамский в письме к другому великому гуманисту, Ульриху фон Гуттену, описал, каков Мор. Этот текст, щемящий, трогательный, совсем не похожий на парадный портрет, более точно схватывает суть личности Мора. Приведем несколько фраз оттуда: «Кожа на лице у него белая с нежно-розоватым оттенком, волосы черные, переходящие в шатеновые, борода редкая. Глаза синевато-серые с пятнышками. Такие глаза указывают обыкновенно на выдающийся ум и считаются у англичан особенно красивыми. Его лицо часто озаряется улыбкой, и вообще оно служит верным зеркалом его внутренних качеств, его веселого и любезного нрава. Действительно, Мор скорее веселый человек, чем серьезный, степенно важный муж». А вот слова другого его современника – Роберта Уиттингтона: «Мор – человек ангельского ума… Ангельского ума и редкостной учености. Ибо где еще найдется человек такого благородства, скромности,

любезности. И если ко времени – предающийся удивительной веселости и потехе, в иное же время – грустной серьезности, человек для всех времен». Эта характеристика дала основание английскому драматургу XX века Роберту Болту назвать свою пьесу о Томасе Море «Человек на все времена».

Томас Мор в свою эпоху, эпоху странную, бурную, переходную, был образцом и примером порядочности и нравственности не только для мыслящих людей – это бы еще ладно – но и для простолюдинов. Когда в Лондоне случился бунт из-за очередных королевских поборов, он в составе депутации уважаемых горожан ходатайствует перед королем о замирении. Быть справедливым в жесточайшую эпоху, находясь на высочайших государственных должностях, – это ли не жизненный подвиг!

Прожил он не так уж долго – 57 лет, а успел очень много. Отец его – лондонский юрист, королевский судья, получивший дворянство. Семья жила хотя и небогато, но прилично и очень достойно. Отец отдал его в грамматическую школу при госпитале Святого Антония. Там все обучение шло на латыни, и потому ею он владел как родным языком. Подростком, как и положено дворянину, он начал служить. Его определили в Ламбетский дворец к архиепископу Кентерберийскому. Архиепископ заметил юного пажа и принял участие в его судьбе, определив в Оксфордский университет. И не ошибся.

Мор рано лишился матери. Отец его был человеком авторитетным и, видимо, с довольно жесткой волей. Исполняя желание родителя, юноша окончил специальные адвокатские школы и в 1494 году стал юристом. Он сразу стал зарабатывать очень хорошие деньги. За дела бедняков Мор брался бесплатно, а вот богачи должны были ему платить. Кроме того, он получал хорошее жалованье.

Обладая редким красноречием, Мор побеждал в состязаниях, которые уже тогда устраивались в лондонском суде. В результате к нему пришла популярность. В 1504 году он избран членом Палаты общин и вскоре принял участие в решении важного государственного вопроса. Генрих VII затребовал от парламента санкции на увеличение собственных расходов, ссылаясь при этом на крупные траты в связи со смертью своего старшего сына, случившейся два года назад, и недавней свадьбой дочери. Теперь же он ждал, что эти суммы будут ему возмещены. Мор проявил себя человеком государственного ума – его выступления побудили членов парламента дружно отказать королю в его требованиях. Современник писал: «Какой-то безбородый мальчишка расстроил весь замысел короля».

Такой поступок не мог пройти незамеченным. Из-за опасности попасть под репрессии Мор ушел в тень. Но в тени пробыл недолго. Грамотные, образованные люди тогда ценились. В них нуждалась не только рождающаяся и становящаяся на ноги буржуазия. Тирану на троне тоже нужны были умные советники. В итоге в 1510 году Мор становится помощником шерифа в Лондоне. Он пользуется любовью и уважением горожан. В 1515 году в составе королевского посольства он отправляется во Фландрию, где проявляет себя как тонкий дипломат – очень хорошо, умно и миролюбиво улаживает торговые конфликты с Фландрией, а они связаны с вопросом о шерсти – для Англии самый острый вопрос в то время. В 1518 году он удостаивается чести докладывать королю о прошениях, поступивших на высочайшее имя. Великое дело – доступ в королевскую приемную. Мор не просто докладывает, он трактует и расставляет акценты. И король Генрих VIII это дозволяет.

Давайте чуть отступим от темы и зададимся вопросом: что связало гуманиста с тираном на троне? Генрих VIII, который считается первым английским монархом абсолютистского типа, рубил головы направо и налево. Его власть становилась со временем все более страшной.

В 1509 году Генриху VIII, только что вступившему на престол, было всего 18 лет. Тогда появились надежды у мыслящей, думающей, гуманистически настроенной части общества на то, что он не повторит ошибок своего отца, Генриха VII, что Звездная палата по расследованию измен будет упразднена и кровь подданных более не прольется. И Мор написал оду на коронацию Генриха VIII и его жены королевы Екатерины Арагонской. Там есть такие строчки: «День этот – рабства конец, этот день – начало свободы, рады законы теперь силу свою обрести». Мору 31 год. Он несколько наивен, но не настолько, чтобы во все это категорически верить. По-видимому, в духе античной традиции он вложил в оду программу действий для короля. Вот, дескать, юноша, как надо править!

Ганс Гольбейн Младший.
Портрет Томаса Мора. 1527 г.
Фото репродукции

А затем между ними возникло что-то похожее на симпатию. Король повышает его в должностях, поручает ответственные задания. И вдруг в 1523 году, когда Мор уже был спикером Палаты общин, король ему предлагает – прямо как в XX веке! – «А не поехать ли тебе, друг мой Томас, послом в Испанию?».

Отправить из Лондона в Мадрид – это уже признак начавшегося охлаждения. Когда же исчезли дружеские чувства? По свидетельству зятя Томаса Мора Ропера, Генрих иногда наезжал в Челси в дом тестя. Тогда это была деревня на Темзе за Лондоном. Король не однажды там обедал, а потом гулял по саду, как пишет Ропер, «обняв Мора за шею». Может быть, Мор впал в обольщение? Нет. Он сам сказал Роперу: «Я ведь понимаю, при всех этих объятьях, если что, он эту самую голову с шеи снесет…» Он словно предвидел свой конец и все-таки продолжал служить королю. В 1529 году Мор стал лордом-канцлером. Выслушав известие о своем назначении, он сказал ответную речь. В ней есть такие слова: «Если бы не милость короля, я считал бы свое место столь же приятным, сколь Дамоклу был приятен меч, висевший над его головой». Напомню, что Дамокл жил в V–IV веках до н. э. и был любимцем сиракузского тирана Дионисия Старшего. Завидуя правителю, он как-то воскликнул: «Как же тебе хорошо, как же замечательно, что ты первый». И тогда тиран устроил такую шутку: на один день уступил своему любимцу все – трон, дворец, власть. И Дамокл уже готов был наслаждаться всеми полученными дарами, когда вдруг поднял случайно глаза и увидел, что над его головой висит обоюдоострый меч, подвешенный на конском волосе. Как всегда, античный анекдот образен, метафоричен. И Дамокл резко расхотел властвовать. Он поблагодарил Дионисия за урок и перестал ему завидовать.

Мор дал понять в своем ответном слове, что осознает ту страшную опасность, с которой сопряжена его новая должность. Он все еще надеялся воспитать Генриха VIII? И почему вообще надеялся? Наивность была тогда одной из норм гуманистического мышления. Генрих VIII получил хорошее образование. А гуманистам-интеллектуалам тогда казалось, что образованный человек не может быть безнравствен. Сегодня мы хорошо знаем, что они ошибались.

Лорд-канцлер – это второй человек в стране после короля, хранитель большой государственной печати, принимающий участие в обсуждении всех важных вопросов. К этому времени Мор пользовался огромным моральным авторитетом не только в Англии, но и в Европе – его знали самые знаменитые и мыслящие люди в Голландии, Германии, Италии, его имя было известно при королевских дворах. И Генрих решил, что такой человек должен быть при нем. И наверное, он рассчитывал превратить Томаса Мора в свое покорное орудие. А вот это оказалось невозможно, что скоро и выяснилось.

Напомню, что за два года до назначения Мора канцлером Генрих начал бракоразводный процесс. Это оказалось делом

невероятно трудным. Брак с королевой Екатериной Арагонской был законнейший, освященный католической церковью, в нем были рождены дети. И папа уперся. Король обратился к ученым лучших английских университетов и посулил им большие деньги, чтобы они научно обосновали его право на развод.

Генрих обратился за помощью и к своему канцлеру, но тот заключения не дал. Свою семью Томас Мор обожал. Его жена, которую он очень любил, умерла молодой. Второй раз он женился на женщине, как пишут современники, немолодой и некрасивой. По его же словам, она была молода, красива и прекрасна. Он дал ей почувствовать себя такой. В доме царили лад и покой. Старшая дочь Маргарита хорошо понимала своего отца и разделяла его взгляды. Она едва не умерла от страданий в день его казни. И чтобы такой человек одобрил деяния Генриха VIII? Это было невозможно.

Карта страны Утопия Томаса Мора.
Фото репродукции

Но что же еще натворил Генрих? Прежде всего напомню, что это было время так называемых огораживаний, массового сгона крестьян с земли. И у Мора в «Утопии» об этом написано так: «Говорят, наши мирные овечки стали такими хищными, что пожирают людей». Многие крестьяне оказались оторванными от

земли. Они становились бродягами, разбойниками, ворами, попрошайками. При Генрихе VIII было повешено 72 тысячи человек. Какое кровавое, страшное время! И на этом фоне – светлая фигура Томаса Мора. Неужели он мог поддержать человека, начавшего эти казни?

Генрих VIII обладал чувством вседозволенности. Раз папа уперся и не благословляет развод – упраздним папу. Так родился знаменитый акт о супрематии – упразднении духовной власти папства над Англией и превращении короля в верховного руководителя церкви. Так родилась англиканская церковь.

Конечно, многие были недовольны папской властью. Гуманисты нередко критиковали духовенство, однако они не видели смысла поддерживать Лютера, Кальвина – новых фанатиков, непримиримых, жестоких и узколобых. Мор не был религиозным фанатиком, но мысль о том, что, единожды присягнув католической церкви, изменить ей, была для него невозможна. Это первое. И второе: новое устройство церкви неминуемо привело бы к конфискации монастырских земель и, значит, к увеличению числа попрошаек. В этой обстановке он выражает несогласие с Генрихом VIII. А королю его поддержка была очень нужна. И хотя Мор остается лордом-канцлером почти три года, всем ясно: он обречен. Он сам уходит в отставку 15 мая 1532 года, когда английское духовенство присягнуло королю как главе церкви.

Мор уехал в Челси. На коронацию новой супруги Генриха Анны Болейн он демонстративно не явился. Он знал, что это будет расценено королем как вызов, но не мог поступить иначе. Появись он на церемонии, ему пришлось бы присягнуть новому акту о престолонаследии. А это было для него неприемлемо. «Сражение выиграно», – скажет он. С самим собой. И дело не в том, кто будет на престоле. Нельзя менять убеждения по приказу короля.

Его без суда заключили в Тауэр, где он просидел 15 месяцев. За это время он закончил «Трактат о страстях», о страстях Христовых, сочинил «Диалог об утешении среди невзгод». Он писал углем, письменные принадлежности у него отобрали. Его вдохновлял на творчество пример Боэция. Когда Боэций, мыслитель и ученый рубежа V–VI веков, заключенный королем Теодорихом в темницу, ждал исполнения смертного приговора, он написал потрясающее произведение – «Утешение философией». И Мор, скорее всего, решил последовать его примеру.

Потом был формальный суд, протоколы зафиксировали: на первом допросе Мор «злонамеренно и преступно молчал». Его

обвинили в государственной измене. Разве тот, кто отказался присягнуть актам, менявшим вековые традиции, – изменник? На казнь его вели через Лондон, через Сити, так велел король. Было много народа, и воздух буквально сотрясался от громких рыданий. Генрих в ожидании исполнения приговора завтракал вместе с Анной Болейн. Наконец к нему пришел гонец и сообщил: «Томас Мор казнен». Генрих вскочил из-за стола – он очень любил поесть, ел много и долго, – оторвался от своего любимого занятия и сказал раздраженно Анне: «Это все из-за тебя». Может быть, с этого момента начались ее несчастья?

Спустя 400 лет, в 1935 году, Томас Мор был объявлен католической церковью святым.

Эразм Роттердамский. Вольтер XVI века

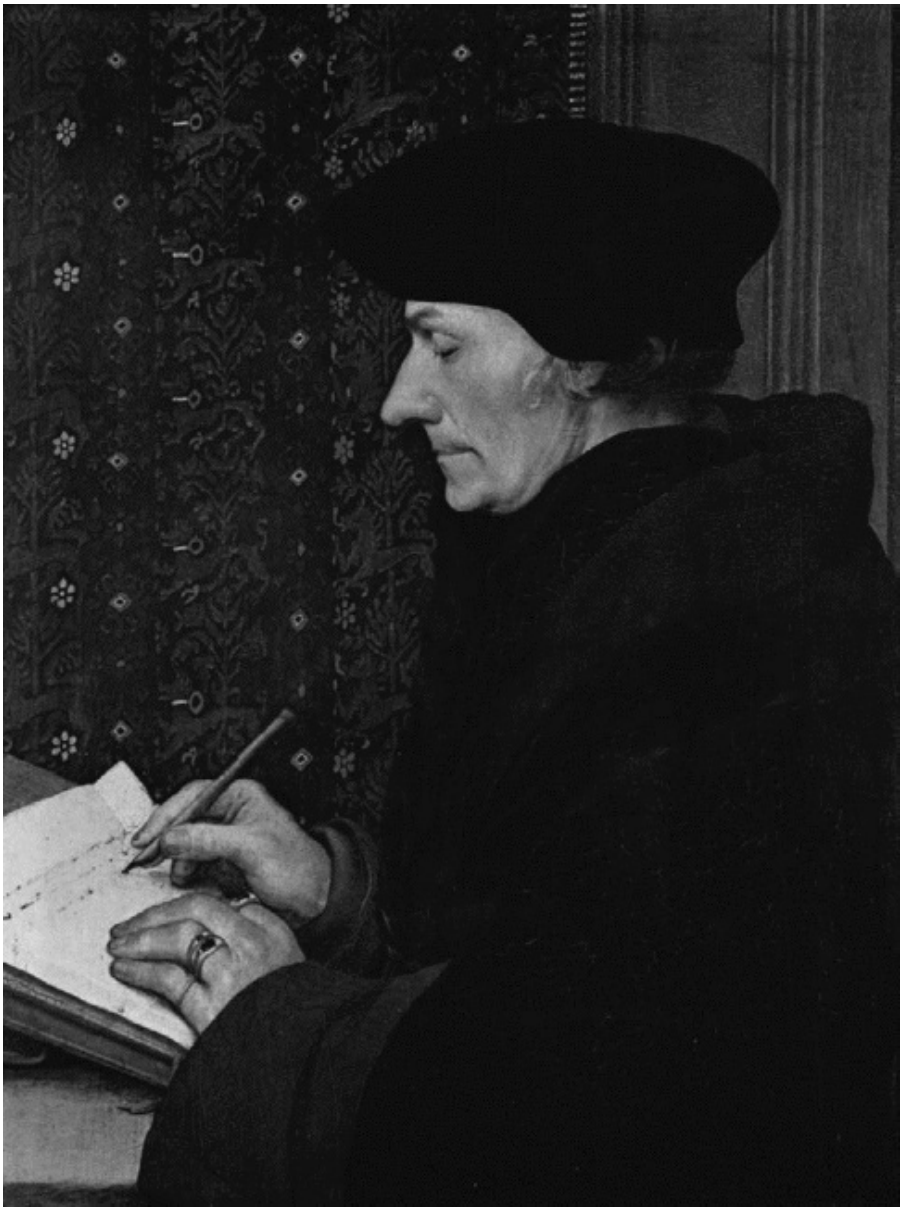
Почему «Роттердамский»? Герой моего повествования родился в Роттердаме. А во времена, когда фамилии еще не везде распространились, важно было знать место, откуда происходил человек. Прожил он в этом городе очень мало, так как был невероятно непоседлив. К нему, как ни к кому другому, подходит определение – «гражданин Европы». И не только потому, что Эразм объездил Европу и сделал ее своим домом, а прежде всего потому, что принадлежал к некоему негласному сообществу гуманистов-интеллектуалов, родина которых – весь интеллектуальный мир. И жизнь его, скудная на реальные приключения, переполнена приключениями жизни духа и интеллекта, событиями захватывающими и возвышенными. Это был человек особый и особенный, впоследствии, в XIX столетии, его стали называть «Вольтер XVI века» или «Оракул Европы». Не занимая никаких особенных должностей, а к концу жизни – должность чисто символическую, он был человеком, к которому приходили за помощью и за советом умнейшие люди, в том числе государи. Царствующие особы считали лестным для себя проводить время в беседах с ним. Его принимали римские папы, хотя мысли Эразма трудно назвать верноподданническими или религиозно окрашенными. Итак, перед нами – Властитель дум, Человек сам по себе, Оракул Европы и лучший друг Томаса Мора.

Эразм Роттердамский родился в 1469-м (правда, иногда эта дата оспаривается), умер в 1536 году, через год и шесть дней после казни Томаса Мора. Будущий великий мыслитель был незаконнорожденным сыном бюргера из маленького голландского городка Гауда (городок известен нам по названию сыра). Место называлось Батавы (так звали народ, населявший Нижние Земли, Low Countries). Дед Эразма не разрешил его отцу вступить в брак со страстно любимой, обожаемой женщиной. Упорство старика было достойно лучшего применения, но у него были свои резоны – он готовил сына к священнической деятельности и потому брак запретил. Но любовь молодого человека и его избранницы была так велика, что они, в то время, когда это страшно осуждалось, а в Голландии особенно, жили вне брака и родили двух сыновей. Один из них и был Эразм. Его назвали на самом деле Гергард, что означает «желанный», «дитя любви». Они хотели этого ребенка, несмотря ни на что, и очень любили его.

Но обстоятельства жизни были таковы, что в четыре года бедного мальчика и его старшего брата отдали в школу «Братьев

общей жизни», в приют для детей в Гауде. Считалось, что это очень хорошая школа жизни, потом, во взрослые годы, Эразм поведал, как однажды он чуть не умер от несправедливого наказания. В своей книге «Похвала глупости» Эразм не случайно назвал школу «казематом для пыток». Жить там было, очевидно, очень тяжело. Будучи взрослым, он писал, что телесные наказания еще можно вытерпеть, но душевные муки, которым подвергают детей, непереносимы, и такое обращение с детьми – настоящее преступление.

В 13 лет он становится круглым сиротой. Мать и отец умирают от чумы. Что делать? Жить не на что, полная нищета. Он бы с радостью ушел из школы, но куда? Единственное место, где принимали детей-сирот в те времена, – монастырь. И он уходит в монастырь. Два года живет там и… обретает свою усладу. Поистине никогда не знаешь, где найдешь, где потеряешь! Потом он рвался оттуда, но сначала монастырь стал для него счастьем и радостью. Почему? Он нашел там древние рукописи и манускрипты. Как он любил их – описать невозможно. Современники говорят, что при виде этих текстов, он впадал в какой-то экстаз. Это были переводы античных авторов средневековыми монахами. Эразм переводил с греческого на латынь, правил уже переведенное, приближая к подлиннику то, что было выражено неудачно, ибо плохой перевод хуже, по его мнению, его отсутствия, так как искажает мысль автора, подчас меняя смысл и содержание. Филология отныне становится его богиней, ей он поклоняется, ей он молитвенно служит.



Ганс Гольбейн Младший.
Пишущий Эразм. 1523 год.

Итак, Эразм нашел свою усладу, благодаря этим рукописям он приобщился к античной культуре. Он нашел свое место, ощутив свое предназначение. И это было спасением, потому что кем же мог стать этот незаконнорожденный мальчик, сирота? Изгоем, отверженным, всегда чужим, человеком «не их круга», о каких бы кругах ни шла речь. Избрав своим полем деятельности переводы, он пренебрег реальностью, он презрел ее, и уже этим

возвысился над ней, отряхнув, словно пыль то, что мешало ему быть составной ее частью. Приобщение к античной культуре рождало в нем гуманиста, чего он сам еще не понимал, хотя жил в гуманистическую эпоху, охваченную страстью к античному наследию. Дитя любви, он нашел свою любовь, нашел в монастыре…

Он жил в обители, почти ни с кем не общался, но монахом не стал. В те времена можно было жить при монастыре – бездомным давали приют – и кормиться при нем, и работать в его богатейших библиотеках. Тогда еще не все монахи забыли важнейшие христианские заповеди и обеты. И ценили ту пользу, которую могли приносить такие люди, как Эразм, – они разбирали рукописи, приводили в порядок хранилища. А когда выяснилось, что он еще и прекрасно выражает свои мысли на бумаге, стало ясно, что нужно искать покровителя. Ибо такой талантливый юноша кому-нибудь должен был пригодиться.

И покровители нашлись. Первым был епископ Генрих Бергенский. Одаренный юноша, блестяще владеющий языками, стал его секретарем. Эразм проработал два года, и это позволило переехать во Францию, в сущности, неподалеку, рядом. В 1492 году в 23 года Эразм становится студентом Парижского университета. Учился он со страстью. Но нищета, голод, страдания не оставляли его. Дело доходило до голодных обмороков. Чудом выживший в таких условиях, он спасся тем, что занялся… репетиторством. Он пошел по стопам Галилея, которого в труднейший момент жизни это выручает, дает кусок хлеба. Эразм стал готовить детей богатых голландцев, французов к поступлению в университет. Он был гражданином Европы, и его родиной был весь мир гуманистов. Репетиторство дало ему деньги, и в итоге в 1499 году он все-таки закончил университет. Из-за бесконечных болезней на учебу ушло семь лет.

Для Эразма Роттердамского начинается время мечтаний. Одаренный, прекрасно образованный, знающий языки и уже начинающий писать стихи, он всей душой рвется в Италию, центр Возрождения, а главное – в ее монастыри, чтобы увидеть подлинники, сами рукописи. Для такого, как он, это – высшее счастье. Сбылась мечта в 1506 году. Некто Баптисто Боэрио, генуэзец, лейб-медик и фаворит Генриха VII, английского короля, первого Тюдора, в один прекрасный для Эразма день решил отправить двух своих сыновей в Италию для продолжения образования. Отправлять одних не хотел, боялся – мало ли что случится в чужой стране. А Эразма к этому времени уже знал – непоседливый юноша успел побывать в Англии. Боэрио предложил Эразму поехать в Италию вместе с его сыновьями в

качестве репетитора по древним языкам. О, великое счастье! Оказывается – мечты сбываются!

И вот, Эразм в Италии. Сначала путешественники задержались в Турине, задумав там изучать юриспруденцию, но потом несколько раз меняли университеты – такова была принятая в Европе практика, ибо программы были везде сходны. И странствовали долго – ведь путешествовать и учиться можно бесконечно! Ах, какое незабываемое время, какое плодотворное и счастливое! А еще в путешествии, чтобы не было скучно в дороге, писалась книга, которую потом назовут гениальной.

В Турине Эразм Роттердамский совершил поступок, который итальянским гуманистам был непонятен: в стенах местного университета он провел диспут, за что получил звание доктора богословия. Докторами богословия становились обычно схоласты, ученые средневекового типа, на которых интеллектуалы эпохи Возрождения смотрят слегка презрительно. Но Эразм, который всегда был сам по себе, не обратил внимания, нравится это кому-то или нет. Он устроил блестящий диспут, все его ответы разили наповал. Уже тогда он заявил о себе как о выдающемся ораторе, лекторе и ученом. Он доказал, что может победить в любой богословской дискуссии, прибегая к схоластике. Но схоластом никогда не стал. Получил степень и отправился дальше.

Впереди была Болонья, город с известными вольнолюбивыми традициями и древнейшим университетом. В то время, когда наши юноши туда прибыли, его жители находились в большой вражде с одним из самых несимпатичных римских пап Юлием II, по сути – там разгоралась война. И причина была смешная и недостойная – горожане хотели построить собор, который превосходил бы по размерам собор Святого Петра в Риме, и даже собрали на это деньги. Папство не могло допустить осуществления этой идеи. Правда, к чести папы надо сказать, что выход он нашел прекрасный – дал деньги на развитие университета, чтоб только прекратили строить собор. И юноши наши оттуда бежали, от войны, распрей, крика городской толпы. Бежали во Флоренцию.

Флоренция в тот момент – это сверкающая звезда, чудо культуры Возрождения. Она так гармонична и совершенна, что и сейчас захватывает дух при виде этого божественного города. Там одновременно творят Леонардо да Винчи, Микеланджело, Рафаэль, а секретарем республики трудится Макиавелли, и вот в этот высший момент, момент взлета, напряжения всех творческих сил и особой силы духа, свойственной духовной элите этого города, во Флоренцию прибывает наша молодежь. И что же? В бесконечных письмах Эразма Роттердамского (а он оставил их

очень много), в его стихах, трактатах и переводах, наконец, в знаменитых десяти томах его сочинений нет ни одного слова об этих титанах Возрождения…

Это нуждается в объяснении. Можно считать это слабостью Эразма или ограниченностью, но у него не было желания общаться с гениями. Он довольствовался их произведениями. Можно говорить, что он кабинетный ученый, что зациклен на себе, что воздвиг себе башню из слоновой кости и пребывал там, но это было бы неверно. Все не так в его случае. Его интеллект настолько силен, что сам излучает мощным потоком идеи, подобно яркому свечению. Он светит, и потому заботы его – о поддержании светильника. Жизнь духа в философическом смысле, божественная душа человеческая – вот, что его волнует. А меценатство, которое прославило Флоренцию, кажется ему излишним, лучше бы просветительством занимались, а не соборы строили и картины писали… Слишком темен человек и душа его темна – вот что тревожило этого гражданина мира.

Эразм Роттердамский был человеком толерантным, никогда и никого не бичевал, лишь в той шутливой, иногда ироничной форме, которая стала отличительным знаком «Похвалы глупости», самого, пожалуй, известного его произведения. А судил он прежде всего фанатиков – например, Савонаролу, заставившего пусть на короткое время Флорентийскую республику отречься от своей любви и привязанности к красоте и прекрасному. Но что сказал он в этом крайнем случае? «Этого крикуна-монаха я, конечно, не одобряю», – вот и все его осуждение, потому что принять этого человека не мог, а бичеванием не занимался.

Эразм не переносил глупость, узколобость, его мозг отказывался это воспринять. Вот, например, интересный эпизод. После Флоренции наша троица вернулась в Болонью. Война там закончилась, и можно было продолжить начатые занятия. Это было в 1507 году. Первое, что увидели путешественники – это пышные торжества, которые устроил папа Юлий II по поводу победы над строптивыми болонезцами. Сам папа в кирасе и доспехах a la Юлий Цезарь появился на этом празднике через пролом в крепостной стене, оставленный его ретивыми войсками… Это невероятно шокировало Эразма. Были вещи, которые он все-таки осуждал, но опять-таки с иронией, может быть, с горькой усмешкой. Поистине смешно, когда бы не было так грустно. И единственное, что позволил себе Эразм, так это сказать: «Он был воистину достоин имени Юлия…» Понятно, что Эразм имел в виду несовместимость статусов духовного главы христианской церкви и правителя светского государства. Может

быть, поэтому многие думали, что Эразм станет горячим поборником Реформации, протестантизма, но ошиблись. Он – человек сам по себе.

Собственно, за что его человечество так ценит? Что принес он в этот мир, который, кажется, повидал все и удивить который ох как нелегко. Может быть, одна из главных его идей, во все времена злободневная и наболевшая – это равенство людей, независимо от этнической и национальной принадлежности. Как-то он заметил в одном из писем: «Говорят, что я француз. Я этого не утверждаю. Но и не отрицаю». Неважно, кто ты, – считал Эразм, – важно, что ты за человек. Он ненавидел войну. Сегодня его назвали бы пацифистом. Он утверждал свободу воли человека, заложенную в его совести.

В 1507 году, будучи в Венеции, он отказался от репетиторства и вернулся к любимому делу. Книги, которые к этому времени начали выходить, приносили ему доход. Однажды, это был уже 1517 год, он явился к знаменитому издателю Альду, в доме которого расположился некий кружок гуманистов. Слуга сообщил, что господин Альд никого не принимает. «Скажи ему, что я Эразм из Роттердама», – промолвил посетитель. Слуга ушел, и уже через минуту вылетел сам Альд с распростертыми объятьями – слава опережала Эразма. Издатель был счастлив, что этот выдающийся человек пришел именно к нему. Конечно, сразу же поселил его в своем доме, и Эразм, наконец-то, обрел человеческие условия для работы. А дальше – рукописи, сочинения, классические переводы и собственные труды. Вот, собственно, и вся его жизнь.

Эразм дважды оказывался в ситуации, когда перед ним стоял серьезный выбор. В первый раз – когда его пригласили в Англию, ко двору Генриха VIII Тюдора. Короля воспитывали гуманисты. Казалось, Генрих VIII разделяет их мысли. Он сам говорил: «Что я без ученых? Я ничто». Ему верил великий Томас Мор, которого король сделал лорд-канцлером. Возможно, поначалу король даже любил Мора и, безусловно, очень ценил. В честь восшествия короля на престол Мор сложил торжественную оду. Гуманисты радовались – наконец-то! Редкий король! Они готовы были даже признать его своим просвещенным государем.

Эразм, получив предложение из Англии, поехал с радостью и надеждой, которую внушал ему король. Чем это кончилось, мы знаем: Генрих VIII все быстрее и быстрее отступал от гуманистических идеалов и более того – превращался в чудовище, тирана. Надежды гуманистов рухнули. Стало ясно, что мечтания интеллектуалов смешны, а надежды на короля – химеры. Просвещать тиранов, о чем мечтали в древности Платон и

Аристотель, – дело глупое и безнадежное. И Эразм покидает Англию.

И второй раз он встал перед выбором, когда в 1517 году Мартин Лютер предал огласке «95 тезисов» о вере. Вся мыслящая Европа смотрит и ждет, что скажет Эразм, поскольку его авторитет был чрезвычайно высок. Многие уверены, что вот сейчас он встанет на сторону Лютера, потому что реформатор говорит о тех же недостатках духовенства, что и Эразм, он бичует то, что не одобряет Эразм, – то, что попы корыстны, неописуемо примитивны, что они давно забыли о христианских идеалах и ведут неподобающий, развратный образ жизни. И поначалу Эразм как будто устремлен в сторону неистового проповедника, что-то не совсем ясное, но определенно дружеское веет в словах его, в разговорах об этом человеке. Но по мере того, как Лютер начинает действовать, Эразм затихает, умолкает, а потом окончательно разочаровывается.

Почему? Он увидел нетерпимость Лютера, его нежелание идти на диалог, склонность насаждать свои идеалы, бесспорно, либеральные, насильственным образом. Вот с этим Эразм никак не мог согласиться и примириться. Фанатизм – это, пожалуй, то, что Эразм ненавидел более всего на свете, считая одной из главных причин всех бедствий человечества. Нет, он не отошел от церкви, остался верным идеям католического учения. Он отошел от Лютера и окончательно утратил надежду на исправление нравов духовенства.

Эразм прославился своим сочинением «Похвала глупости», которое имело невероятный успех в Европе. Подобный триумф случится и с Бомарше, автором «Женитьбы Фигаро». Книги только-только входили в обиход, только появлялось понятие тиражей. Альд, этот великий издатель, сам приходил в цех, где стучали машины, пахло типографской краской, сам сидел за корректурой, правил ошибки. Тут же рядом с ним был и Эразм – добавлял что-то или вычеркивал, а Альд все удивлялся: «Как ты можешь работать в этом шуме?» Впервые люди в Европе поняли, какова может быть сила книги. Сам Эразм называл «Похвалу глупости» безделицей – хорошо помня, как писал ее в дороге, чтобы не было скучно… «Ну, представьте себе, – говорит он в предисловии, – что мне захотелось поиграть в лошадки, поскакать на хворостине». Он посвящает книгу Томасу Мору, своему лучшему другу. В одном из писем Эразм описал его улыбку как что-то самое светлое и ясное, что видел в жизни. Не было у него никого ближе и любимее Мора. «Вот дарю тебе, мой милый Мор, эту шутку», – так отозвался Эразм о своем произведении. «Шутка» загремела по всей Европе, это была первая книга такого

масштаба, духовная и в то же время совершенно светская и главное – доступная, всех задевающая. Ею зачитывались, ее заучивали наизусть, читали вслух – ее любили.

«Похвала глупости» – не единственное произведение Эразма Роттердамского. Очень известны его педагогические произведения, в частности, «Разговоры запросто». Интересно, что в Россию книги Эразма привез Петр I. Царю очень понравились его идеи о воспитании. Он прочел и тут же приказал перевести это сочинение на русский язык. Очень интересовался Эразмом Ломоносов. Он перевел его диалог «Рассвет» и предпослал ему такое предельно лаконичное предисловие: «Разговор Дезидери и Эразма Роттердама, называемое «Утро», в котором он учит не терять времени напрасно». В России у книг Эразма – своя судьба. Не все они переведены на русский язык. И сегодня многие его произведения востребованы, а некоторые даже трудно бывает найти.

Неизвестный художник.

Эразм Роттердамский – наставник будущего императора Карла V. XVI в.

Фото репродукции

Необходимо сказать о его педагогических идеях, ибо они на долгие века определили развитие педагогики. Вот здесь он был совершеннейший человек Нового и Новейшего времени. Ян Амос Каменский, знаменитый педагог XVII века, в сущности, на идеях

Эразма Роттердамского строил свое здание педагогики.

Глупец. Гравюра по рисунку Ганса Гольбейна Младшего к «Похвальному слову глупости» Эразма Роттердамского. 1515 г.

Фото репродукции

В чем же суть воззрений Эразма? Что же это такое – педагогические идеи Эразма Роттердамского? Главное – развивать личность ребенка, не подавлять, не наказывать – наказание всегда ломает, меняет, иногда неузнаваемо. И как можно раньше приобщать ребенка к науке. «Это невозможно сделать прямолинейно», – писал Эразм. Но через игру возможно. Трудно представить, что это говорил человек почти пятьсот лет тому назад. Сегодня нет более свежих, полезных и умных идей. Но главное в отношениях учителя и ученика – любовь, считает Эразм, и ему мы можем поверить. Особенно если вспомним, что пережил он, будучи ребенком в приютской школе «Братьев общей жизни», в этом, по его словам, каземате. Ему можно верить и потому, что с четырех лет он был лишен родительской любви и

ласки, а в тринадцать – остался полным сиротой. И когда такой человек говорит о роли любви в жизни ребенка, он знает, что это такое. Ребенок не может любить науку, – продолжает Эразм, – ибо он ее не понимает, но он может любить учителя, верить ему и тогда путь к знаниям будет открыт его наставником. Поразительные мысли и такие простые! Почему же человечество бесконечно топчется вокруг очевидных вещей, понятных всем здравомыслящим людям?

Два слова еще о Лютере. Бесконечно важный и принципиальный спор, который начал Лютер, имел позитивную основу, своими тезисами он высвобождал человека из-под тысячелетнего засилья католической церкви как единственного авторитета в духовной жизни. Он говорил: «Человек не нуждается в этом посреднике. Человек прямо может обратиться к Богу, и Бог его услышит». Этим революционным тезисом он, конечно же, начал великую революцию в умах, которую продолжили затем Цвингли, Кальвин. Но при этом он полностью подчинял человека божественной воле. Кальвин разовьет его идеи дальше, он скажет, что каждый от рождения Богом уже предопределен – кто к спасению, кто к погибели. Если ты в жизни преуспеешь – значит, ты был предназначен к спасению. Не преуспеешь – такова судьба, трудись все равно, веди себя добропорядочно, старайся… В общем, предлагалась мораль, которая полностью соответствовала наступающему Новому времени. И еще Лютер говорил, что «воля человека подобна ослу: кто ее оседлает, тот на ней и едет». Этот тезис о рабской воле никак не мог устроить Эразма Роттердамского, который сам, своей жизнью доказал, что воля подвластна человеку, и именно она – та сила, которая формирует личность. Эразм, ненавидевший всяческое рабство – духовное, интеллектуальное, физическое, ответил Лютеру трактатом, в котором высказал свою позицию.

Война, по его мнению, была одним из тех кошмаров, от которых человечество должно отрешиться в первую очередь. Потому что нельзя жить, когда льется кровь, рушатся города, гибнут люди. И он уверен, что прекращение войн – вполне в силах человека. Вот что он пишет: «Мне стыдно вспоминать, что из-за каких пустейших и суетных причин ввергают мир в войны христианские государи. Один государь отыскивает или присваивает себе какой-нибудь старый опороченный титул, как будто в нем заключается нечто весьма важное для властвования и управления королевством, словно в этом заключаются все выгоды и благополучие страны. Другой государь находит, что какая-то мелочь, я уже даже не могу сказать, какая, пропущена в перечислении его титулов. И так далее». Лютер тоже ненавидит

войну, выдвигает революционный тезис против нее, но насаждать, внедрять его собирается железной рукой. Эразм ненавидит «железные руки», то есть революционные методы, которые сами по себе и есть уже война. Он не революционер, а гражданин мира, гражданин интеллектуального, высочайшего космического пространства.

Как жилось такому человеку? Что его поддерживало? Во-первых, стали издаваться его рукописи. Они ходили по рукам, их читали, Эразма знали. Он стал получать за это деньги. Кроме того, в 1516 году он нашел себе покровителя в лице испанского короля Карла I, который через три года стал императором «Священной Римской империи». Довольно скоро этот правитель объявит войну Нидерландам и зальет кровью родину Эразма. Но в юности этот Карл испанский тоже показался на время надеждой просвещенных людей. Цепь людских заблуждений – поистине бесконечна. Он предложил Эразму должность королевского советника. Без малейших обязанностей, но с жалованием – 400 флоринов в год. Эразм принимает предложение, ибо до злодейств этого правителя еще далеко. К счастью, Эразм так и не узнает о том, как запылают костры на его родине.

Конец жизни Эразма грустный. Он одинок и во многом разочарован. Ни семьи нет, ни детей. В 1535 году он поселился в Базеле, в самом нейтральном месте Европы. Получив известие о казни Томаса Мора, Эразм записал: «Я почувствовал, как будто бы вместе с Мором умер я сам». Через один год и шесть дней умер больной и одинокий Эразм Роттердамский, все это время томившийся тоской по другу, ибо были они людьми одного интеллектуального пространства, одной родины, одна душа жила в них.

Лоренцо Великолепный. Блестящий правитель Флоренции

Лоренцо Медичи, Лоренцо Великолепный – правитель Флоренции, человек, прославивший ее в веках. А что мы знаем о нем? Хотя его пример мог бы послужить и к пользе нашего отечества. Римский папа, узнав о его смерти, сказал: «С уходом Лоренцо закончился мир во Флоренции».

Природа по-своему отозвалась на это событие: молния с такой силой ударила в купол церкви Санта Репарата, что обрушилась часть храма. И Никколо Макиавелли, человек строгого ума и не склонный к восторгам, младший современник Лоренцо, написал в своей «Истории Флоренции» (книга переведена на русский язык и прекрасно издана в серии «Памятники исторической мысли» в 1973 году): «Никогда еще не только Флоренция, но и вся Италия не теряла гражданина, столь прославленного своей мудростью и столь горестно оплакиваемого своим Отечеством. И небо дало весьма явные знамения бедствия, вызвав всеобщее изумление и ужас».

И несмотря на такую всеобщую любовь, признание, славу у Лоренцо всегда были враги. Против него составлялись заговоры, на его жизнь дважды покушались. Это был человек, который вызывал споры, хотя, думается, любая значительная личность не может быть однозначной. К Лоренцо это относится в полной мере. Но для того чтобы это понять, два слова о его времени.

В XV веке большая часть городов-государств Италии в какой-то мере играла в античность, в чем-то реально к ней возвращалась. Эта тяга к античности отразилась прежде всего в устройстве этих вольных городов. Так сложилось, что на протяжении всего Средневековья в Италии не было единого, тем более жесткого правления. Когда-то в советских учебниках истории это рассматривалось как бедствие. Ведь централизованная, мощная власть считалась – да и сегодня считается – высшим благом. Но при ней никогда не бывает такого духовного расцвета, такого взлета культуры, какое было в Италии во времена античности и в эпоху Возрождения. Тут уж что-нибудь одно.

Трудно сказать почему, но Италия первой в Западной Европе почувствовала приближение Нового времени. Развитие того, что потом назовут капитализмом, здесь началось очень рано. В 1378 году во Флоренции произошел бунт черни – чесальщиков шерсти, которые назывались чомпи. И бунт этот в высшей степени похож

на первые выступления рабочего класса, которые произойдут в Европе много позднее. В городах-государствах Италии очень рано произошла дифференциация. Образовалась верхушка – богатая и уже по-своему знатная в городском масштабе, которую стали называть патрициатом. Медичи были финансистами и по праву принадлежали к ней. Сегодня их прозвали бы олигархами. Но ведь и олигархи бывают разные. Та эпоха породила особенных олигархов – банкиров, стремящихся к науке и искусству. Быть интеллектуалом, заботиться о распространении просвещения было среди них модно. По-хорошему модно то, что делали Медичи, то, что делал Лоренцо – открыл университет и библиотеку во Флоренции, школу – в Пизе.

Дед Лоренцо, Козимо Медичи, умер, когда Лоренцо было 16 лет; авторитет и уважение, каким пользовался во Флоренции Козимо, по наследству перешли не его сыну Пьеро, а внуку. Пьеро, как пишут многие историки, был умственно неполноценным, физически больным, в кое-каких изданиях встречается его прозвище – Подагрик. Ничтожный правитель, он не очень долго находился у власти.

Лоренцо Медичи.
Бюст работы скульптора Андреа Верроккьо, 1480.

После его смерти депутация самых богатых и уважаемых горожан приходит к молодому Лоренцо, ему тогда было 20 лет, и предлагает ему стать первым среди них – приором республики, первым гражданином Флоренции. Они просят его принять на себя ответственность за Флорентийскую республику, позаботиться о том, чтобы в городе-государстве процветали мир и благополучие.

Он оправдал их надежды даже более, чем они могли ожидать.

Считается, что к началу своего правления Лоренцо уже имел прозвище «Великолепный». Сохранилось даже предание, многое объясняющее в характере этого человека. Будучи подростком, Лоренцо получил в подарок от сицилийской родни лошадь. В ответ он преподнес им нечто более ценное и на вопрос, к чему такой дорогой подарок, отвечал: «На свете нет ничего более достойного, чем превосходить других в щедрости». Это станет девизом всей его жизни. Он не скупился в средствах, поддерживая искусство, науки. И заражал всех своим личным примером;

Микеланджело, создавая гробницу Медичи, передал ощущение силы и величия Лоренцо, не прибегая, как подчеркивают специалисты, к портретному сходству. Лоренцо был внешне не особенно привлекателен и лишен обаяния. Для любого другого это могло стать причиной серьезного психологического дискомфорта. Но только не для Лоренцо. В меру религиозный, он был отличный семьянин (что, однако не мешало ему увлекаться привлекательными молодыми женщинами), с удовольствием проводил время со своими детьми. Такой облик правителя как нельзя лучше соответствовал ожиданиям формирующейся буржуазии. С детства Лоренцо страстно увлекался древнегреческим, латынью. В юности его настольной книгой была «Божественная комедия» Данте. Он восхищается Петраркой, подражает ему и поклоняется философии Платона.

Лоренцо говорил, что прибавил к баснословному состоянию деда 660 тысяч золотых флоринов. Однако существует другая версия, правда недоказанная, что на самом деле он много потратил и, может быть, даже почти разорился. Жизнь его гладкой назвать никак нельзя. Не успел он стать первым гражданином республики, как столкнулся с заговором. На глазах Лоренцо был зарезан его собственный брат. Случилось это страшное событие в 1478 году. И за ним стоял папа римский Сикст IV.

Надо сказать, что роль пап в это время в Италии была достаточно мрачной. Получив когда-то в VIII веке от Капетингов государство в центре Италии, они его расширяли, укрепляли, удаляя соперников и стремясь к единовластию. Естественно, в Лоренцо папа Сикст IV увидел конкурента и решил задавить его экономически, прекратив ведение своих финансовых дел в банке Медичи и передав все дела конкурентам Медичи в финансовой области, неким Пацци. Те же, в ответ, обязались убить Лоренцо.

Местом убийства Лоренцо и его брата Джулиано была избрана церковь. Заговорщики пришли туда с оружием. Знаком к

убийству должно было быть причастие. Джулиано убили наповал ударом кинжала в горло. Лоренцо, раненный в плечо, по описаниям свидетелей, не растерялся. На рану он намотал плащ, сделал что-то вроде щита, а здоровой рукой схватил меч и начал обороняться. Тут подоспели друзья, которые его плотно окружили, втолкнули в какое-то внутреннее помещение в церкви и закрыли медную дверь изнутри на засов. Боясь, что кинжал, которым был нанесен удар, отравлен, друзья высосали кровь из его раны и донесли его до дома тесными переулками. Но в это время в город вступили две тысячи наемников, которых наняли Пацци. Казалось бы, страшная резня и гибель Медичи были неминуемы. Но народ, тот самый народ, угнетаемый, темный, переменчивый в своих привязанностях, здесь сказал свое слово. Горожане растерзали большую часть заговорщиков и вступили в бой с наемниками. Те, не ожидая серьезного сопротивления, бежали, и власть Медичи была сохранена.

Итак, Лоренцо чуть не погиб. Один из заговорщиков с несколькими приближенными бежал. И добрался не куда-нибудь, а в Константинополь ко двору султана Магомета II, будучи уверен, что уж там-то скроется. Но у Магомета II к этому моменту были хорошие отношения с Лоренцо: они подписали взаимовыгодный договор, облегчавший торговлю между Флоренцией и Александрией. Султан решил выдать злоумышленника. В цепях его доставили к Лоренцо. Расправа была жестокой: убийца и наемники Пацци были повешены. Но жестокость эту понять можно. На глазах Лоренцо зарезали его любимого брата, он сам чудом уцелел. Лоренцо дожил до 1492 года и многое еще успел сделать для процветания своей родной Флоренции, но папа предал его анафеме…

За что? Не «за что», а «отчего» – от злости. Как пишут многие современники, папа почти сошел с ума от неудачи. В союзе с королем Неаполитанским он объявил войну Флоренции. Все складывалось плохо для Флоренции, ее союзники – осторожные венецианцы не торопились с военной помощью. И тут Лоренцо совершил поступок совершенно поразительный, недооцененный, кстати, современниками. В одиночку он отправился в стан врага – в Неаполь, к королю Фердинанду, чтобы уговорить его заключить мир. Он отправился тайно, никому ничего не говоря, потому что ни друзья, ни окружение его бы не отпустили. Отправился, чтобы стать добровольным заложником. Три месяца Лоренцо пробыл во вражеском Неаполе, рискуя жизнью каждую минуту. Поразительно, но ему удалось найти аргументы и уговорить короля заключить мир. Редкий мир, заключенный в результате уговоров! Его возвращение во Флоренцию было триумфальным.

Полициано, великий поэт и лучший друг Лоренцо, не смог пробиться сквозь толпу, чтобы обнять его. По поводу дипломатического триумфа он разразился стихами. Толпа неистовствовала, ликовала, торжествовала. В эту минуту она обожала своего правителя.

Но очень скоро все было забыто. Неблагодарная забывчивость, увы, свойственна людям. В 1481 году на него было совершено еще одно покушение. Однако друзья были бдительны – они все время рядом и все время при оружии.

Чем же запомнилось его правление? Для народа это была бесконечная череда праздников. А что же для интеллектуальной верхушки? Это время кватроченто, вершина кватроченто, высшая точка в культуре Возрождения. В это время во Флоренции при Лоренцо Медичи творили Гирландайо и Боттичелли. Юный Микеланджело, подросток, прожил во дворце правителя два года. Увидев талантливого юношу, Лоренцо ввел его в свой дом и свой круг. Как писали о Лоренцо Медичи современники, каждого, кто отличался талантом и интеллектом, он делал своим домочадцем. И когда Лоренцо умирал в окружении своих родных, за дверью безутешно рыдал юный Микеланджело.

Лоренцо окружали интеллектуалы. Лидером их был Марсилио Фичино, очень видный гуманист, философ, мыслитель. В 1469 году в одном из своих трудов философ назвал Лоренцо Великолепным, Magnifico, и с этой приставкой он навсегда остался в истории. Лоренцо Медичи подарил ему виллу, где можно было спокойно работать. Многие поэты получали от него щедрое вспомоществование, благодаря которому и жили. Гениальному Полициано Лоренцо подарил виллу и в дарственной написал: «Для уединения и досуга».

Лоренцо жил в великолепном окружении и, как мог, опекал своих приближенных. Он восстановил Академию классических наук в Пизе, поддерживал Платоновскую академию и философов круга Фичино.

Страсть вернуть ту непревзойденную в интеллектуальном отношении эпоху, какой была античность, временами охватывала Европу. Во времена Платона основной формой деятельности Академии были дружеские собрания-пиры-беседы, которые назывались исимпосионы, или симпозиумы, как мы сказали бы сегодня. Платон очень любил эту форму общения, в которой главным было пиршество духа, роскошь человеческого общения. Интеллект должен был кипеть, это была своеобразная религия интеллекта. Платон умер на одном из таких пиров в день своего рождения 7 ноября, в возрасте 81 года.

Интеллектуалы Флоренции чтили этот день рождения-смерти

и всегда отмечали его. Они воспевали добродетель великолепия, которую понимали как готовность жертвовать крупные средства на общественные нужды, и превозносили тех, кто траты эти осуществлял. И так получалось, что вкладывать деньги в развитие города, в сооружение прекрасных построек, тратить их на приобретение картин и статуй, помогать художникам, мастерам, интеллектуалам было в ту эпоху делом чести, совести и достоинства. Так было в античности, к этому стремились во времена итальянского Возрождения.

Возможно, получается слишком идиллическая картина. Лоренцо Великолепный живет в праздности в окружении друзей, занимается философскими рассуждениями и раздает заказы мастерам на создание произведений искусства. Чего стоит знаменитая гробница Медичи, настоящий шедевр! На самом деле все не так. Кстати, надгробия он не заказывал вообще, оно было создано существенно позже.

Он очень много сам писал, был хорошим поэтом. В трудах о литературном творчестве Лоренцо подчеркивается, что если бы не такая величайшая, ослепительная конкуренция его современников, знаменитой триады – Данте, Боккаччо и Петрарки, то, может быть, не затерялось бы его имя среди поэтов этого времени. В юности он увлекался элегическими любовными стихами, откровенно подражая Петрарке, но потом ушел от подражания и в результате оставил большое литературное наследие. Он написал несколько произведений, где пародируется куртуазная любовь. Предметом обожания и восхищения он избирает … пастуха и очень удачно, остроумно моделирует смешные ситуации, в которые он попадает. Тоскана, безусловно, была центром формирования из «вольгаре» национального языка, и Лоренцо как писатель внес свой вклад в этот процесс.

Интеллектуальные досуги, по мнению флорентийского правителя-философа, не есть праздность, а форма умственного напряжения. Он написал серьезный философский трактат «Сельва любви» о гармонии бытия – неба и земли, дня и ночи, весны и осени. Думаю, Микеланджело читал это произведение. И, может быть, его аллегорические фигуры в знаменитой гробнице Медичи, потрясающие своей глубиной и символикой, навеяны трактатом Лоренцо.

Вместе с тем Лоренцо умел управлять, править. Многие исследователи считают, что он держал Флоренцию железной рукой. В годы его правления жалоб на налоговый гнет стало меньше. Но после смерти Лоренцо все рухнет, и рухнет очень быстро, через четыре года, практически мгновенно. И это значит, что многое в устройстве республики держалось на нем. Не желая

нарушать обычай, он не вводил во флорентийский сенат своих людей, зато смело создавал параллельные органы власти. При такой политической системе очень важна фигура самого принцепса. Без личности яркой, талантливой система просто не работает. Без изворотливости, гибкости Лоренцо, его дипломатического таланта, характера, склонного к компромиссам, не было бы, думаю, такого блистательного взлета Флоренции. Но когда эта личность уходит, случается трагедия.

Беноццо Гоццоли. Шествие волхвов. 1459–1461 гг.
Фрагмент фрески в палаццо Медичи-Риккарди.
Фото репродукции

Что осталось после Лоренцо? Еще его дедом, Козимо, во Флоренции была основана библиотека. Но наполнил ее колоссальным богатством именно Лоренцо Медичи (при нем она насчитывала более 10 тысяч томов). Он возрождал бесспорные ценности. Книги, знания, собранные в них, – ценность бесспорная. В Европе это была первая публичная библиотека. По масштабу и ценности собрания она сравнима со знаменитой Александрийской. Эта библиотека работает по сей день, называется она Лауренциана.

Бесценная коллекция искусства, принадлежащая ему и его

семье, стали основой выдающейся галереи Уффици. Школа в Пизе благодаря его финансовой помощи превратилась в университет. Это был первый научный центр в Европе, где изучали древнегреческий. У себя во Флоренции он основал университет, в котором собралось множество интеллектуалов, бежавших из Константинополя, ибо в 1453 году столица Византии была захвачена турками. Многим из беглецов он дал работу и возможность преподавать.

Ярчайшая вспышка кватроченто была по всей Италии. Но нигде искусство не находилось под таким заботливым покровительством, как во Флоренции. Лоренцо и в этом следует античному образцу. Человека, которому подражал Лоренцо, звали Меценат. Это был один из друзей Октавиана Августа, принцепса сената в древнем Риме, человек, прославивший себя тем, что вкладывал деньги в культуру и помогал людям искусства. Лоренцо, подражая ему, уделял искусству и культуре больше внимания, чем укреплению флорентийского флота, в чем некоторые историки упрекают его и по сей день. Зато в трудах о Флоренции того времени можно найти и такую формулировку: «Не сеньория и не Медичи правили Флоренцией в эти годы. Ею правила культура». Метафора, но она очень точно передает дух того времени. Важно помнить о таких людях и продолжать их великое дело, хорошо понимая, что культура – такая хрупкая вещь, которая разрушается первой в любые революционные, военные эпохи, а восстанавливается с огромным трудом, да и то не всегда.

Очень скоро настанет тяжелое время, и на смену просвещенному, щедрому меценату Лоренцо придет мрачнейшая, страшная фигура Савонаролы. Этот безумец овладеет умами людей и захочет вместо цветка, каким была Флоренция времен Лоренцо, сделать из нее строжайший монастырь. Запереть лучшие умы в нем, уничтожить многие произведения этой эпохи и – самое страшное – заставить художников (и даже постаревшего Боттичелли) в этом участвовать.

Отзыв Макиавелли о Лоренцо нам уже известен. Макиавелли был свидетелем деяний и Савонаролы, и Лоренцо. Он наблюдал за правлением безумного фанатика, которого к власти привела чернь, был свидетелем нескончаемых казней. Он видел и Медичи, которые тратили большие деньги на процветание культуры, науки, образования. Но как только черни не хватает чуть-чуть хлеба или зрелищ, она забывает все былые заслуги своего правителя и приводит к власти кого угодно. Поэтому, кажется, что для понимания Макиавелли важна платоновская мысль о том, что идеальную форму правления можно представить, воплотить

же ее, видимо, невозможно. Но надо делать все возможное, чтобы к ней хоть маленькими шажками приближаться.

Торквемада. Личность из мрака

Он был жесток, как повелитель Ада, великий инквизитор Торквемада» – так писал о нем знаменитый американский поэт Генри Лонгфелло. И был прав. Всматриваясь в его биографию, я не вижу в ней ни одного хотя бы небольшого, светлого пятнышка. Это был страшный человек. Он родился в 1420 году, умер – в 1498-м. 78 лет – это возраст для нашего времени почтенный, а уж что говорить о Средневековье. Может быть, такая долгая жизнь и была наказанием ему? Этот зловещий человек не был безоблачно счастлив. Темен он, темна его душа, и, наконец, темен его жизненный путь. И нет подробных научных книг, рассказывающих о нем, зато много предположений и гипотез, потому сама Инквизиция, которую он так энергично и фанатично возглавлял, была окутана тайной, и тайна была одним из средств ее могущества.

Пиренеи, родина Томаса Торквемады, не были центром интеллектуальной жизни Западной Европы, да и не могли им быть, потому что начиная с VII века здесь шли непрерывные войны против завоевателей-арабов. Христианские народы Пиренейского полуострова жили все время в состоянии войны и в условиях постоянной внутренней колонизации. Поэтому высокий расцвет культуры здесь едва ли был возможен. Культура же, которую сюда принесли арабы, была иной, неевропейской. Полуостров – это всегда пересечение цивилизаций.

Торквемада был хорошо образован и обладал красноречием. В первый раз он отличился на богословском диспуте, где превзошел в ораторском искусстве очень известного доминиканского приора Лопеса из Серверы, который сразу предложил юноше примкнуть к Доминиканскому ордену. Латинское название Ордена – «Domini cani» – «Псы Господни». Торквемаде был уже 31 год, не юноша. Доминиканцем был его отец, Иоанн, который участвовал в осуждении Яна Гуса на Констанцском соборе 1415 года.

Томас Торквемада не сразу вступил в Орден ревнителей чистоты веры. Говорили, что в молодости он много путешествовал по Пиренейскому полуострову, любовался красотами, морем, солнцем, в общем, радовался жизни. Тогда же увлекся некой красавицей, что в юности понятно. Имя ее мне установить не удалось. Она отвергла Торквемаду и предпочла того, кто на Пиренеях долгие годы ассоциировался с образом врага, предпочла мавра, человека арабского происхождения. И унеслась с ним в Гранаду, которая еще оставалась под властью

арабов. Эта неразделенная любовь могла стать для Торквемады сильной психологической травмой, жестоким оскорблением. Так или иначе, но лицо Торквемады, много раз изображенное на полотнах художников, поражает своим аскетизмом, мрачностью, неотступной суровостью. Как знать! Быть может, это шрамы неразделенной любви, перенесенного оскорбления?

Когда речь заходит о том, как лично по приказу Торквемады были сожжены 10 тысяч человек, тут же находятся его апологеты, готовые объяснить все злодеяния преданностью святой церкви. Я решительно не могу согласиться с этим доводом. Верить-то он верил, но только ли верой руководствовался в своей деятельности и жизни?

Политик, может быть, даже политикан, умеющий бороться за власть, он стал ближайшим человеком «знаменитой четы католических государей». Так назвал королеву Кастилии Изабеллу и короля Арагона Фердинанда сам папа. Два слова о них. В XVI веке Испания еще не едина, несколько христианских государств то разъединяются, то соединяются, но среди них налицо два лидера – Кастилия и Арагон. Вокруг кастильского престола неспокойно. Король Энрике IV получил в народе прозвище Бессильный, которое намекало не только на его физическую слабость на поле брани, но и на неспособность к деторождению. Ходили упорные слухи, что у короля не могла родиться дочь Иоанна, единственная наследница престола. А раз она все-таки родилась, значит, она дочь не его. И создается партия сторонников сестры Энрике, Изабеллы. Всем было ясно, что Бессильный долго править не будет. Появляются сторонники и у Иоанны, и начинается обычная придворная борьба – кто кого осилит.

Ж.-П. Лорен. Папа Сикст IV и Торквемада. XV в.
Фото репродукции

На Торквемаду, образованного и преданного Ордену доминиканцев, как из рога изобилия сыплются заманчивые предложения – то возглавить крупный монастырь, то окормлять богатый и достойный приход… Он от всего отказывается. Из благородных ли побуждений? Он – духовный отец, наставник совсем еще юной Изабеллы. И с этим положением он ни за что не желает расстаться. Интуиция его не обманывает, она подсказывает, что королевой будет его духовная дочь. И никакие щедрые посулы не могут изменить его решения. А обстоятельства меняются часто – начинается серьезная борьба группировок и партий за престол, но он сделал свой выбор раз и навсегда, предпочитая любым сиюминутным выгодам положение духовника Изабеллы. Именно он, почти тайно, сумел добиться заключения в 1469 году брака Изабеллы с Фердинандом Арагонским. Его верность будет вознаграждена.

Анализируя ситуацию, внимательно всматриваясь в нее, скажем, что шансов у Изабеллы на престол почти не было. Подумаешь, сестра несчастного короля… Ведь у него есть дочь, и разговоры о ее незаконнорожденности – всего лишь слухи, козырь совсем незначительный в руках сторонников Изабеллы. То, что Торквемада что-то знал, предвидел или предчувствовал, говорит о его способности к трезвому и жесткому политическому расчету.

Именно поэтому думать о нем просто как о человеке, впавшем в религиозный экстаз, я бы не стала. Он выиграл и затем на протяжении долгих лет влиял на политическую жизнь объединившихся Кастилии и Арагона.

В 1475 году Изабелла после смерти брата становится королевой Кастилии и Леона. Ее муж король Фердинанд – правитель Арагона. Кастилия, Леон и Арагон – вот она, объединенная Испания! Власть королевской четы простиралась фактически на все области Пиренейского государства, кроме самостоятельной Португалии на западе и остающегося под властью мусульман Гранадского эмирата на юге. Эта едва появившаяся страна огромна. И он, Торквемада, – правая рука королевы. При поддержке королевы и с одобрения папы он получает титул Великого инквизитора, верховного судьи по религиозным делам. Как прирожденный дипломат, Торквемада играет на самой чувствительной, самой характерной именно для Испании струне – религиозности и трепетном отношении к католической церкви.

На Пиренеях эти чувства были особенными в силу объективной исторической судьбы полуострова. С VIII века здесь началась Реконкиста, отвоевание территории у арабов. Христиане постоянно продвигались на юг, шаг за шагом возвращая то, что арабы еще в VII веке, будучи мощной силой, накрыли, словно волной. На подвластных им землях арабы создали свой мир. Все в нем – и язык, и культура, и архитектурный стиль – было непохоже на европейские христианские государства. И в конце концов на Пиренеях сложился некий сплав, синтез цивилизаций. Произошло и разделение занятий – арабы прежде всего занимались строительством, евреи, жившие здесь задолго до прихода арабов, – финансовой и торговой деятельностью, а христиане – войнами. Здесь, на Пиренейском полуострове, на своей, но завоеванной иноземцами земле, христиане объединились в сообщества рыцарей. Их знаменем, единственно возможным и естественным для того времени и для той исторической ситуации, конечно, стала католическая церковь. К тому времени как появился на исторической сцене Торквемада, она успела заслужить непререкаемый авторитет и занять в обществе совершенно особое положение. Не могу удержаться, чтобы не порекомендовать в этой связи книгу знаменитого исследователя Лиона Фейхтвангера «Испанская баллада». Автор описывает события, предшествующие этой истории, рассказывает о взаимодействии культур – христианской, иудейской и исламской, – рассказывает захватывающе интересно.

Военные успехи испанцев изменили ситуацию на Пиренеях.

Взятие Толедо в XI веке было решающим моментом Реконкисты! И теперь, опираясь на все более широкие слои населения, на новых поселенцев, короли начинают раздавать щедрые привилегии. В кортесах, в парламенте, в этом органе сословного представительства в Испании, крестьянство обрело свой голос. И это – единственный пример в целой Европе! И понятно почему. Ведь крестьяне – это те же воины, колонисты, опора королевской власти… Не одно столетие они живут на своей земле в состоянии постоянной колонизации. Думаю, неслучайно именно испанцы в скором времени стали зачинщиками великих географических открытий и освоения Нового Света.

Особая роль церкви, конечно, многое объясняет и в появлении такой фигуры как Торквемада. Как только не называют его сторонники – «лев религии», «лев веры». Я бы сказала – «лев злодейства», думаю, так будет точнее. Смотрите сами. Сначала он убеждает Фердинанда и Изабеллу бороться за веру, укреплять ее, а инакомыслие выжигать каленым железом. Но уже в 80-е годы XV века он говорит о необходимости конфисковывать имущество еретиков. Великий инквизитор думает и о земном. Удивительно точно рассчитанный прием! В народе хорошо были известны религиозный фанатизм Изабеллы и алчность Фердинанда. У каждого была своя ахиллесова пята. Изабелла глубоко привержена вере, боится гнева Господня, верует во все, что ей проповедует ее духовник. А Фердинанд очень жаден. Он готов был, между прочим, вступить в переговоры с иудеями, которые предлагали ему огромную денежную сумму, прося взамен покончить с их преследованием. Король был в нерешительности. Деньги – это такой соблазн!

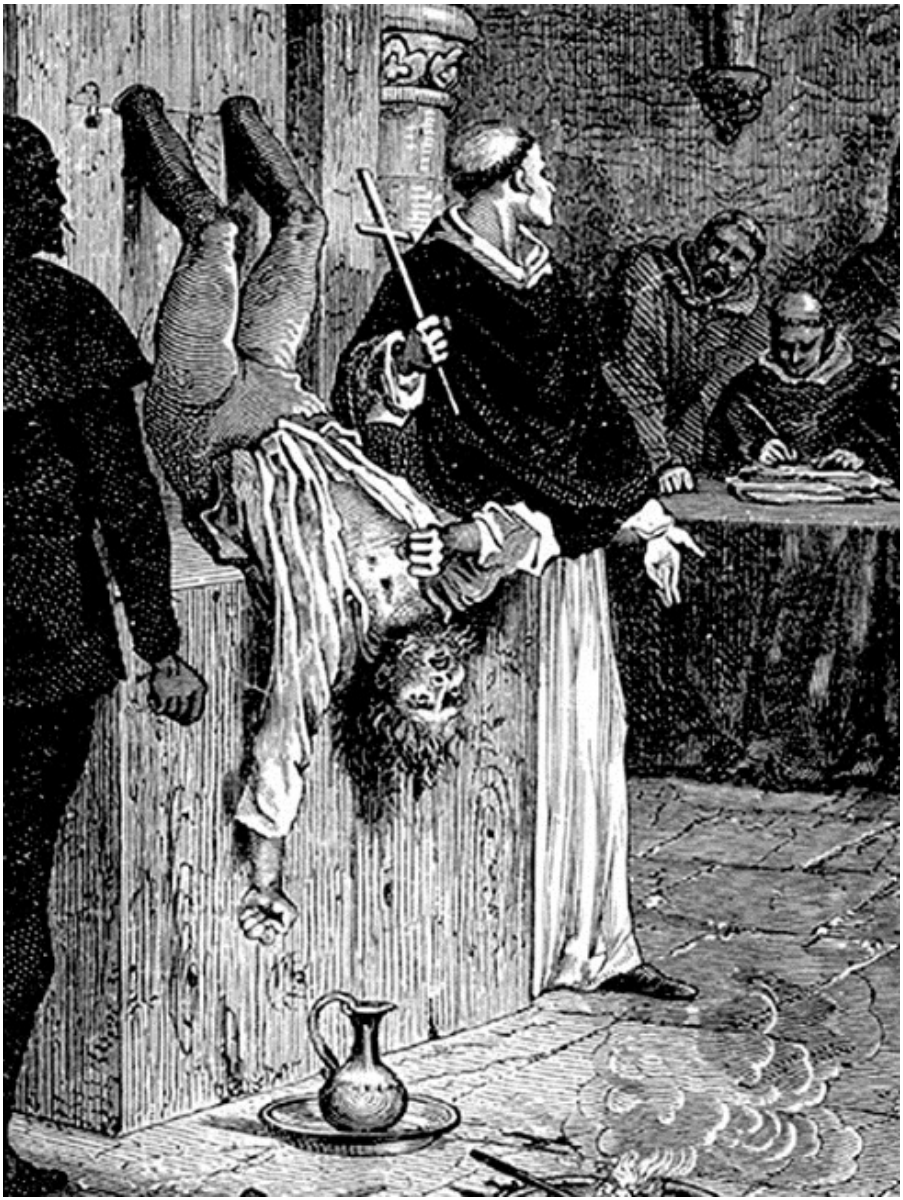
Но Торквемаду не страшила потеря денег, он боялся потерять свой особый статус при чете христианнейших государей! И вот он швыряет наземь серебряное Распятие и говорит, обращаясь к ним: «Однажды Он был продан за 30 серебряников, вы готовы продать Его за 30 тысяч или миллионов – не имеет значения!» Эта сцена производит огромное эмоциональное впечатление на Изабеллу. Она потрясена. Как могла она хоть на минуту усомниться в правоте духовника? А Изабелла имела влияние на Фердинанда. Дальше все решилось так по-человечески, по-семейному. И короли отказываются принять выкуп. А затем еще сильнее заполыхали костры.

Тут надо сказать несколько слов об Инквизиции. В личности Торквемады все-таки было маленькое светлое пятнышко – он навел порядок в допросах, выпустил массу инструкций, которыми регулировалось применение пыток. Те, кто нарушали инструкции, навлекли на себя гнев великого инквизитора. «Порядок»

Торквемады напоминает «Ordnung» фашистского режима в Третьем Рейхе. И делается сразу мрачно и жутко. В политике Третьего Рейха было очень много похожего на действия инквизиторов в Испании времени Торквемады – и уничтожение книг, и преследования, и искоренение инакомыслия.

Какова была главная идея Инквизиции? Карать не за действия, это само собой, а лишь за помыслы, за иной ход мысли. Вот одно из распоряжений великого инквизитора: «Суду подлежит всякий причастный к ереси словом, делом или сочинением». Каждый иноверец автоматически превращался во врага государства, а значит, – народа. И потому его надо уничтожать.

Роль Торквемады в укреплении испанского абсолютизма, того мрачного, жесткого абсолютизма, который при Филиппе II сделается вообще величайшим анахронизмом в западноевропейском регионе, была огромна. И, как пишут некоторые испанские историки, деятельность Торквемады, направленная на истребление как можно большего числа мыслящих людей, людей интеллектуально развитых, независимых, внутренне свободных и даже просто активных, деятельных – уничтожение целого пласта таких людей катастрофически повлияло на генофонд нации. Отсталость Испании, ставшая очевидным фактом в XVI веке, о чем с такой болью и так гениально писал Сервантес, начиналась с Торквемады. Специалистам заметны следы этого отставания и по сей день.



Пытки инквизиции. Гравюра XIX в.
Фото репродукции

Объявив всякую иную веру враждебной государству, он подтолкнул массовую кампанию по насильственному обращению иноверцев в христианство. Для тысяч людей устраивалось аутодафе, формальное название – «акт веры» или публичное сожжение. Перед каждым стоял выбор – смерть или отречение от веры предков. И многие выбирали переход в христианскую веру. Отношение христиан к этим новообращенным, «конверсус», все

равно было безжалостным и убийственным. Называли их «мараны», что на староиспанском означало «свиньи». Торквемада был первейшим мастером по разжиганию этой розни. Мастер он был первостатейный.

Инструкция Торквемады для инквизиторов содержала великое множество пунктов, и была крайне сложна для использования. Многие распоряжения совершенно туманны, и трактовать их можно как захочется. Инструкция вообще страшна, без дрожи читать невозможно. Например, знаменитая пытка «велья», которую применили к Томазо Кампанелле позже в XVI веке в Италии, длилась всего-навсего 40 часов! За это время человека медленно опускали, сажали на кол. Изуверство выражалось и в следующем: после истязаний, а у каждого вида пыток – своя продолжительность, достаточная, чтобы измучить человеческое тело до предела – обвиняемый должен еще раз подтвердить свои показания. Хотя Инквизиция скрывала от общества свои деяния, кое-какие документы найдены. Например, протокол допроса некоей женщины. После перенесенных мучений от нее потребовали повторить показания. Она отвечала: «Я не помню». И это расценили как враждебное религии поведение.

Ожесточение нарастало. Следует вспомнить, что Инквизиция возникла в Западной Европе еще в XIII веке и всегда была связана с жестокостями. Известна фраза римского папы Иннокентия III: «Убивайте всех, а Господь рассудит, кто из них свой». Это был его ответ на вопрос, как отличить правоверных от еретиков. Приверженцы иудейской веры – отрекшиеся, не отрекшиеся – оказались на передовой линии фронта. Современники пишут: стоило мужчине надеть в субботу чистую рубашку, а женщине оставить домашние дела, их объявляли отступниками. Если какой-то человек, собираясь в дорогу, устраивал маленькую пирушку, тут же выносилось заключение: он соблюдает иудейские традиции. Таким образом, подвести под преступление против веры можно было практически любого. Жестокость и абсолютное бесправие постепенно охватывают все общество. В глазах людей поселился ужас, насаждаемый Торквемадой.

Но в ужасе живет и Торквемада. У него охрана из 250 человек – 50 всадников и 200 пехотинцев, а в Средние века это почти армия. Он боится быть убитым или отравленным. На его столе всегда лежит рог единорога, который, как считалось, должен покраснеть от присутствия рядом ядов и таким образом предотвратить попытку отравления. Разумеется, боялся он не случайно. Торквемада был окружен страшной, нечеловеческой ненавистью. Она, как плотный туман, лишала его жизни, иссушала его. И ненавидели его не только мараны, но и мавры, то

есть обращенные арабы, в прошлом мусульмане. Он преследовал всех: простых граждан, ученых, чиновников, бедных, богатых, епископов, близких к королю людей. Для него не существовали даже социальные различия. Все были равны перед Инквизицией.

Может быть, он боялся соперников? К чему такое рвение в уничтожении себе подобных?! Но он оставался духовником королевы сорок лет. О каком соперничестве можно было говорить? Тогда что, что заставляло его быть исчадием ада? Может быть, как раз эта монополия духовного влияния на королей, которую он не мог уступить ни епископу, ни гранду, ни отважному воину? Ему надо было сохранять свое монопольное положение…

И апофеозом его деятельности было изгнание всех иудеев из Гранадского эмирата. В 1492 году, после тяжелой войны, Испанское королевство завоевывает последний оплот мусульман на юге полуострова. Многие арабы покинули Испанию и пересекли Гибралтар. С оставшимися был заключен договор. Но он окажется фикцией, люди будут обмануты. Торквемада добивается полного изгнания иудеев. Им дано три месяца, чтобы покинуть землю, где жили их предки на протяжении многих веков. Им разрешено вывезти все, кроме – обратите внимание! – золота, серебра, металлических монет, лошадей и оружия. Так что же остается? Подушка и одеяло. Понятно, что это ограбление в самой лицемерной, гнусной форме. В 1992 году нынешний король Испании Хуан Карлос, а также Доминиканский орден принесли извинения за эту страшную акцию, за нетерпимость Торквемады и гонения еретиков. Потому что большинство изгнанников погибло. По вине этого человека и Инквизиции произошла огромная трагедия XV века.

Заметим, это происходит в тот самый год, когда Колумб открыл Новый Свет. Расширяется горизонт представлений человека о мире, просветляется разум, химер в головах становится меньше. А Испания по милости Инквизиции надолго погружается, как в топкое болото, в атмосферу бесправия, темноты, предательства.

Торквемада после этой акции сам уходит в отставку. Его никто не изгоняет. Последние годы своей жизни он проводит в монастыре. Что за этим стоит? Не знаю. Возможно, его стали преследовать тени бесконечных жертв.

Могила Торквемады сохранилась и привлекает массу туристов. И у него до сих пор есть сторонники и поклонники.

Инквизиция в Испании была отменена только декретом Наполеона Бонапарта в 1808 году. Но в 1814-м, после Венского конгресса, после поражения Наполеона, она была восстановлена.

И окончательно отменена лишь в 1835 году. Хотя некоторые ее методы живут, увы, на нашей планете по сей день.

Леонардо Да Винчи. Зашифрованная жизнь

Леонардо – человек настолько необыкновенный, что существуют даже версии, что он инопланетянин. Люди в глубине души ощущают его непохожесть: не Бог, но и не человек. И получается, что он – «родственник» Прометея, Атланта, Мнемозины, титанов, известных нам из древнегреческой мифологии. Родственник не людей, а небожителей! Титан Возрождения – это уже образ.

Но обратимся к фактам. Годы жизни – 1452–1519, переломная эпоха. Это время Великих географических открытий, прежде всего путешествия Колумба к берегам Америки, которое современной историографией признается рубежом Нового времени. Леонардо родился за год до капитуляции Бордо, формального окончания Столетней войны. «Войны Роз» в Англии еще впереди. И вот, на переломе Средневековья и Нового времени появляется на свет этот мальчик. Где это случилось – тайна номер один. Одни пишут, что в городке Винчи, отсюда, собственно, и «да Винчи», так звали его отца, другие – что в деревне Анхиано, что неподалеку. Но о месте его рождения нет ни одного слова в источниках.

Однако главная тайна – полнейшее отсутствие информации о его матери. Об этом факте много, ярко и талантливо писал Зигмунд Фрейд. Видимо, сам он мало что знал, но выстроил целую теорию. По документам известно лишь одно – ее звали Катерина. Зато много версий. Согласно наиболее распространенной, она была крестьянка. Согласно другой – хозяйка таверны.

Известно, что она крестила мальчика и что на крестинах присутствовал отец ребенка, Пьеро да Винчи, который его признал, но почему-то тут же отдал в деревню Анхиано, то ли дальним родственникам, то ли чужим людям. Отец тут же женился на другой женщине. Мать вышла замуж за другого. История, конечно, уникальная. Она удивляет еще и потому, что разводы в те времена были запрещены. Как все происходило на самом деле, мы не знаем и вряд ли узнаем когда-нибудь.

Отец Леонардо был нотариусом. Не аристократ, но состоятельный горожанин. В год рождения сына ему двадцать пять лет, и вскоре он женится на Альбиере Амадоре, шестнадцатилетней девушке. Через четыре года отец заберет сына из семьи, куда тот был отдан, и его молодая жена станет Леонардо доброй мачехой. Отец дожил до семидесяти семи лет, имел четырех жен, трех из которых похоронил, и двенадцать

детей, причем последний родился, когда Пьеро было семьдесят пять лет. Он любил красивую жизнь, элегантную одежду, хорошую пищу, комфорт. Никаких черт необычности, которые так проступают в Леонардо, в его отце нет и в помине.

О детстве мальчика мы не знаем почти ничего. Лучший из его биографов, Джорджо Вазари, писавший о Леонардо через 31 год после его смерти, занимался тем, что мы сегодня называем устной историей, – он опрашивал его учеников, знакомых, каждого, кто хоть что-то мог рассказать.

Вазари пытался реконструировать детство Леонардо, исходя из описаний местности, где тот жил в раннем возрасте. Городок Винчи, расположенный недалеко от Флоренции, находился в удивительно красивом месте. С одной стороны протекала речка Арно, очень живописная, изящная, с другой подступали горы. Там росли миндаль, оливковые деревья, виноградники. Весной все цвело и благоухало. И когда насыщенный светом и благоуханием воздух начинал дрожать, появлялась эта таинственная дымка, особый, окрашенный цветением воздух, который может быть сопоставлен в дальнейшем со знаменитым «сфумато» в картинах Леонардо.

Леонардо да Винчи.
Автопортрет. Около 1513 г.
Фото репродукции

В доме отца жилось неплохо, мачеха относилась к мальчику с добротой и заботой. Очень важен один эпизод, он знаменует рождение в юноше необычного таланта. Отец, давая ему домашнее образование, явно бессистемное, о чем потом не раз, видимо, Леонардо сожалел, заметил склонность сына к рисованию и сделал ему заказ. Один крестьянин, перед которым

Пьеро был в долгу, попросил подарить ему щит. Иметь такую вещь дома было тогда модно. И отец поручил Леонардо расписать щит для этого человека.

Мальчику было 13–14 лет, и он отнесся к работе исключительно серьезно. Леонардо изобразил на щите Медузу Горгону, так как, согласно мифологическому сюжету, она отпугивает врагов одним своим видом. А вокруг нее – ящерицы, змеи, пауки, которых он приносил в дом и рисовал необычайно реалистично с натуры. Отец, увидев сверкающий щит, с которого смотрели на него совершенно живые гады земные, чуть не упал от потрясения, ничего подобного он никогда не видел и вообразить не мог. Это было настоящее произведение искусства, и оно стало украшением их дома. Предположительно, этот щит или его очень хорошая копия хранится теперь во Франции.

И видимо, после этого случая Пьеро отдал своего мальчика в обучение во Флоренцию к художнику Верроккьо, уже тогда известному и процветавшему. Так начинается первый творческий этап жизни Леонардо, флорентийский.

Юноша попал во Флоренцию Лоренцо Великолепного в самый пик расцвета, высшей точки напряжения творческих сил, созидания этого божественного города. Интеллектуальные штудии собирали лучшие умы Европы. По улицам ходили Боттичелли, Гирландайо, Верроккьо, они раскланивались друг с другом, а сойдясь, нередко горячо спорили, высекая искры мыслей и пророческих догадок.

Почему в этой Флоренции Леонардо ни с кем из них не сблизился, а так и остался один, сам по себе? Это был человек, склонный к сознательному одиночеству. Среди его немногих записей есть такая: «Если ты одинок, то полностью принадлежишь самому себе. Если рядом с тобой находится хотя бы один человек, то ты принадлежишь себе только наполовину или даже меньше, в пропорции к бездумности его поведения. А уж если рядом с тобой больше одного человека, то ты погружаешься в плачевное состояние, все глубже и глубже». Эту запись он сделал в зрелом возрасте, но, видимо, уже тогда, в 14–15 лет, болезненно ощущал для себя ненужность общества, бремя толпы. Кстати, очень интересные рассуждения об одиночестве Леонардо да Винчи можно найти также у Фрейда, очень советую с ними ознакомиться.

Во Флоренции Леонардо так и не стал участником праздника жизни, хотя был молод, умен и очень хорош собой. Портретов молодого Леонардо нет, но по сведениям, собранным Вазари, он был красив, высок, темноволос, с очень пышными и красивыми волосами. Необычайно сильный физически, он спокойно сгибал

правой рукой подкову.

Его удивительное тяготение к уединенности почти полностью лишило исследователей сведений о нем. Нежелание делить с кем бы то ни было свое время, мысли, жизнь сделало его человеком почти полностью закрытым. Он создает даже особое письмо – пишет одинаково хорошо и правой и левой рукой (эта способность называется амбидекстр), но в основном справа налево, переворачивая буквы. Читать его письмо можно, но с трудом, только с помощью зеркала. Но ведь зеркало – один из наивных, ранних способов шифрования документов в начале Нового времени! И он, совсем еще юный человек, почти подросток, вместо того, чтобы веселиться и радоваться жизни, сознательно шифрует записи, никому не доверяя своих мыслей, уходя полностью в свое одиночество.

Итак, в праздничной Флоренции этот человек не выглядит праздничным. Поведение его необычно. С одной стороны, богатырь, красавец, все девушки заглядываются на него. С другой – чудак: не употребляет мясную пищу, покупает на рынке птиц и отпускает их на волю. Любит всякую живую тварь. Он часто присутствует при казнях, которых немало в праздничной Флоренции, быстро и точно зарисовывает выражение лиц людей, идущих на смерть. Для чего? Возможно, уже предчувствовал, что ему предстоит через много лет передать разнообразные проявления страстей человеческих в «Тайной вечере».

Сначала он создаст сценарий этого произведения, опишет, кто как реагирует на слова Христа «один из вас предаст Меня». Художник делает словесный набросок будущего полотна: «Один отодвинул пищу и отошел от стола, другой в ужасе бросился к своим сотоварищам спрашивать, что думают они». Все это он хорошо продумал, представил, пережил, очевидно, очень глубоко, очень лично. Написать полотно «Тайной вечери» он смог именно потому, что вся его предшествующая жизнь была подготовкой к этому.

Известен его ранний рисунок флорентийского периода – казненный человек по имени Бандино Баранчелла, один из покушавшихся на Лоренцо Великолепного, убийца брата Лоренцо Джулиано. После покушения и убийства он бежал в Константинополь, но был выдан султаном флорентийскому правителю. Лоренцо приказал повесить убийцу в проеме окна палаццо Веккьо. Этого повешенного Леонардо и зарисовал. Помимо рисунка сохранилось и отстраненное, точное описание его одежды от шапочки до чулок. Способность на все, даже на самое непереносимое смотреть глазами исследователя, отстраненно, профессионально – это качество редкое, подчас

малообъяснимое. Думаю, именно из таких качеств и способностей складывается и формируется загадочная личность Леонардо.

Иногда, пытаясь понять его поведение и поступки, натыкаешься на причины простые, прозаические. Почему все-таки он не вошел в круг интеллектуалов, «любимцев богов», который создал при своем дворе Лоренцо Великолепный? В конце концов, окружение могло по-свойски втянуть в свои интеллектуальные занятия. А дело оказывается было в том, что для Леонардо, этого титана мысли и таланта, латынь так и не стала родным языком, на котором свободно изъяснялись в платоновской академии (академии, разумеется, условно), созданной Фичино. Леонардо страшно досадовал, но так и не смог преодолеть этой преграды. Потому и не был зван на празднования дней рождений Платона, которые регулярно проводились и становились празднествами мысли и духа.

Назовем и вторую причину. Художник во Флоренции того времени не считался интеллектуалом. Интеллектуалами были философы, поэты, филологи, переводчики с античных языков, мыслители. А художник, он по тем понятиям – ремесленник, ну, скажем, маляр высокой квалификации. Ему дают заказ – расписать стены. И он расписывает. Но ни заказчику, ни исполнителю тогда еще невдомек, что эти росписи – шедевры, которые переживут века и будут восхищать не одно поколение потомков. Известно, например, что Гирландайо, расписывая монастырь во Флоренции, кормился объедками с монастырской кухни, и отношение к нему было как к слуге, ничуть не уважительнее.

Леонардо да Винчи.
Мона Лиза (Джоконда). 1503–1505 гг.
Фото репродукции

А Фичино и его круг – это соперники Петрарки, поклонники Платона, развивающие идеи античного философа и желающие воплотить их в жизнь. Это люди, которые создавали общественное

мнение, чьи слова ловили, а поведение и одежду старались копировать. То, что их горячие споры, умные речи, абстрактные построения канут в Лету, а росписи Леонардо останутся на века, – об этом тогда никто не подозревал. Поистине «нам не дано предугадать, как слово наше отзовется». И не только, очевидно, слово, но и дело.

Однажды Верроккьо, учитель Леонардо, поручил ему написать фигуру ангела на одном из своих полотен, посвященном крещению Христа. Леонардо исполнил поручение. А дальше существует предание, что, увидев этого совершенно дивного ангела, мастер никогда больше не брал в руки кисть, поскольку осознал, что превзойден своим учеником. Изображение ангела сохранилось, оно прекрасно. И очевидно, вскоре после этого Леонардо открыл свою мастерскую, где начал работать самостоятельно.

Он хотел стать состоятельным. Хорошим примером в этом смысле был для него отец. К тому же он полагал правильным и справедливым для художника не нуждаться в деньгах, не думать постоянно о хлебе насущном. Но он не богатеет. Многих из его великих современников – Гирландайо, Боттичелли, Перуджино, Филиппо Липпи – папа Сикст IV приглашает работать в Ватикан. Леонардо приглашен не был. Возможно, поэтому у него могла родиться какая-то досада или даже обида. Он не был своим среди художников. Судьба свела его с ученым Тосканелли. Тогда впервые у него начали проявляться естественно-научные и инженерные наклонности. В это время он пишет свое знаменитое письмо к Лодовико Сфорца по прозванию Моро, правителю Милана, в котором говорит о своем желании перебраться в этот город.

Милан – город оружейников, мастеров, крепких людей, которые довольно скоро создадут здесь сильный промышленный центр. Флоренция, конечно, никогда таковой не была, можно даже сказать, что она была полной противоположностью Милана. Во Флоренции царил дух, Милан был сугубо материален. И двор известного Лодовико Сфорца не был таким изысканным и блестящим, как двор Лоренцо Медичи. Бывали там и праздники, и костюмированные балы, но до Флоренции им было далеко. Однако именно Милан, по-видимому, обладал свойствами, которые и заставили Леонардо сделать выбор в его пользу.

Вот оно, знаменитое письмо, в котором Леонардо, ищущий покровителя и денег, позиционирует себя строго как инженера и, более того, инженера военного: «У меня есть планы мостов, очень легких и прочных, весьма пригодных к переносу. Я нашел способы, как разрушить любую крепость или какое-либо другое

укрепление, если, конечно, оно не построено на скале». Все очень рационально, четко, с этой замечательной оговоркой, потому что многие средневековые замки стоят на скалах, которые, кроме как динамитом, ничем не разрушишь. «У меня есть также чертежи для изготовления пушек, очень удобных и легких в транспортировке, с помощью которых можно разбрасывать маленькие камни наподобие града. Я знаю, как добраться в определенное место через пещеры по секретным путям без всякого шума. Я могу делать закрытые колесницы», – танк, танк, он говорит о танке, – «безопасные и неприступные, которые со своей артиллерией врываются во вражеский строй. Я могу создать катапульту, баллисту или другую машину удивительной силы». И в самом конце бегло: «Во дни мира я – зодчий и живописец». И это пишет создатель «Джоконды», «Тайной вечери», «Мадонны в гроте», «Мадонны Литы», «Мадонны Бенуа». «В дни мира» – значит, так, между прочим. Но дней мира было очень мало в Италии в то время. В сущности, все воевали против всех. И поэтому спрос на него как инженера должен был быть велик.

Леонардо да Винчи. Тайная вечеря. 1495–1498. Санта-Мария-делле-Грацие, Милан

Леонардо это понимает, он рационален, умен и точен. Ясно и коротко он говорит, что может предложить, что умеет. И Лодовико Сфорца принимает его предложение. Леонардо перебирается в Милан.

Что оценил Моро в Леонардо? Трудно поверить, но прежде всего правитель просит Леонардо продемонстрировать свое искусство игры на лютне. Было известно, что Леонардо превосходно играет на этом инструменте, который он собственноручно сделал из черепа лошади. Обрамленная

серебром, лютня Леонардо издавала прекрасные, удивительные звуки, превосходя, конечно, лютню обычную. Фурор при дворе был грандиозный.

Очень скоро выяснилось, что Леонардо – отличный чтец, декламатор, что он виртуозно на ходу сочиняет стихи, а искусство импровизации ценилось в то время очень высоко. Он оказался прекрасным организатором праздников и карнавалов и делал это с удовольствием. Постепенно здесь, в Милане, раскрывались его удивительные качества, но Моро, и это была главная беда, не понимал, что ему достался волшебник. Его приказания были на редкость простыми, приземленными. Вот он просит Леонардо соорудить ванну для своей молодой жены, в которую страстно влюблен. Смешно!

Правда, первый его заказ был серьезным. Он приказал Леонардо да Винчи изготовить конный памятник основателю династии Сфорца, Франческо Сфорца. Как всякий узурпатор, Моро больше всего хочет доказать законность своей власти. Роскошная конная статуя должна была убедить всех в этом. Работа над статуей коня заняла шестнадцать лет. Согласимся, не у всякого правителя хватило бы терпения столько времени ждать.

Но лошадь вышла необыкновенная. Первая отливка в бронзе не удалась, потому что Леонардо все время экспериментировал, вводил новые материалы. Он снова изготовил макет. Но даже в макете лошадь потрясала, люди ходили на нее смотреть, зрелище было необыкновенное. Однако вскоре, когда Милан был захвачен французскими войсками, гасконские стрелки устроили из коня Леонардо мишень, а время, сырость, дождь завершили свое дело – статуя разрушилась. До потомков она дошла только в рисунках.

В Милане Леонардо работает над «Тайной вечерей». Вскоре всем становится совершенно очевидно, что художник он гениальный, очень скоро его назовут божественным. Единственным его соперником в живописи останется Микеланджело. Как инженер Леонардо тоже гениален – им создано бесчисленное множество удивительных проектов, в которых осуществлены идеи фантастические для того времени, совершенно неслыханные. Но они так и остаются проектами, ни один из них не воплощается ни в дереве, ни в металле. Это удручает его, ему кажется, что его знания и усилия напрасны. И тем не менее он получает огромное наслаждение осуществлять в чертежах и рисунках свои идеи, фантазировать, но со знанием дела, с отличной осведомленностью в самых разнообразных областях человеческих знаний.

Круг интересов его огромен. Он сказал свое слово в геологии, физике, анатомии, математике, ботанике, космологии,

астрономии, механике. Он блестящий, прирожденный естествоиспытатель. И все-таки наибольшую, самозабвенную радость ему приносит инженерное дело. Здесь нет ему равных.

Почему же все-таки не реализуются его инженерные идеи? Многие считают, что до воплощения не доходило потому, что проекты требовали огромных затрат и еще потому, что кто-то должен был так же загореться, как и он. А Леонардо, выдвинув идею, придумав, как ее осуществить, тут же брался за другую. Мощно, не иссякая, работали фантазия и воображение, и глубокие познания, словно деревянные поленья, он с легкостью подбрасывал в этот искрометный костер созидания.

Перечислим некоторые его инженерные идеи. Проект канала от реки Арно, соединяющий Пизу и Флоренцию и питающийся ее водами. По подсчетам Леонардо, канал приносил бы огромный торговый доход, но никто этим не озаботился. Он сделал чертежи мельницы и других самых разнообразных механизмов, использующих силу воды. Их можно было построить без особых затрат. Не построили. Так и остались на бумаге спроектированные им машины для прядения и крутки шелка. В Милане, в этом огромном для того времени, густо заселенном городе, где очень часты были эпидемии чумы и страшная смертность, он разрабатывает проект города будущего – с широкими улицами, красивыми и чистыми домами, системой канализации. Но кто был в состоянии осуществить идею такого масштаба? Он придумал снаряды, которые взрываются, разбрасывая куски металла. В конце XVIII века это изобретение повторит британский офицер с французской фамилией Шрапнель.

Леонардо предложил идею массового производства, о чем еще никто не задумывался в то время. Например, он изобрел машину для шлифования игл с частотой вращения 100 оборотов в час, и точно подсчитал, какой доход она может дать. Оказалось, огромный. Но опять-таки никто этим не занялся. Придуманная им вращающаяся цепь для велосипеда будет заново изобретена и внедрена во Франции в 1832 году. А еще Леонардо рисовал сверлильные станки, конструировал шлюзы, плотины, землечерпалки, подъемные краны. Он фактически изобрел вертолет, парашют и ряд летательных аппаратов. Он жил напряженной, интенсивной жизнью изобретателя, создавая то, чему еще не было названий и чье время не пришло. И, конечно, именно в этом была причина неосуществления его проектов. Не было спроса на его предложения.

В 1499 году в Миланское герцогство вторгаются французские войска, Лодовико Сфорца бежит, и Леонардо остается без

покровительства. Но, кажется, политические события его мало волнуют, они вынуждают его искать себе новое пристанище, только и всего. И в сущности, покинув Милан, он нигде не остается надолго. Начинается период его скитаний. Он то возвращается во Флоренцию, то на время отправляется в Рим по приглашению папы, то идет на службу к безусловному злодею Цезарю Борджиа, правителю Романии.

То редкое равнодушие прежде всего к политическому контексту жизни, которое изначально присуще Леонардо, в этот период проявляет себя особенно сильно. Но поскольку все зашифровано, скрыто от посторонних глаз, нет никаких реплик, хотя бы случайно долетевших слов, мы так и остаемся в неведении. Ну почему он идет служить к Борджиа, этому самому жестокому и коварному злодею и отравителю? Нет ответа.

Сфорца убил только одного своего родственника в борьбе за власть, Борджиа убил всех, до кого только мог дотянуться. Это был страшный правитель. Он получил от своего отца, папы Александра VI Борджиа, в управление очень привлекательную область – Романия на северо-западе Италии. Кто только не был там правителем! И византийцы, и лангобарды, и в «Священную Римскую империю» она входила, и, наконец, досталась папству. И вот Цезарь Борджиа решил именно здесь создать свое абсолютистское государство.

Вряд ли Леонардо идет к нему на службу от отчаяния. Ему не грозит нищета, его знают и уважают. Может быть он занимает должность архитектора, инженера в надежде воплотить хотя бы некоторые свои проекты? Это единственное разумное объяснение, хотя еще раз хочу напомнить – обычные человеческие мерки к Леонардо вряд ли применимы. В пору короткого служения у Борджиа он встретил в Урбино и подружился с человеком, которого можно назвать его единственным другом, – с Николо Макиавелли.

Оба не в меру умные, критически настроенные и слишком сильно отстраненные от реалий жизни. Ведь надо же было быть Макиавелли, чтобы в Цезаре Борджиа найти идеального правителя! А может быть, это тот уровень здравого смысла, который твердит тебе – «политик есть политик, не призывай его к нравственности, не будь наивным». По крайней мере, именно такая мысль владела Макиавелли.

После очередного, уже не первого массового убийства, которое устроил Борджиа, Леонардо его покидает. Связаны ли эти события? Не знаю. Вопрос остается открытым. Он снова попадает во Флоренцию, и городские власти поручают ему участвовать в росписи Дворца Синьории, где уже работает Микеланджело. И вот

два этих титана трудятся каждый над своим произведением. Конечно, они ревнуют друг друга к работе, к заказчику, к славе. Леонардо уже где-то обронил, что у Микеланджело не живопись, а рисованная скульптура. А время от времени к ним заходит юный Рафаэль посмотреть, как идут дела. Сколько гениев на квадратный метр площади, просто невероятно!

Переезжая, странствуя, выполняя разные поручения, заказы, Леонардо создает несколько шедевров, которые возит с собой, не желая с ними расставаться. Это портрет Моны Лизы («Джоконда»), Иоанна Крестителя в молодости, Мадонны и святой Анны.

По приглашению французского короля Франциска I Леонардо приезжает во Францию. Для чего он нужен Франциску I? Для красоты, для почета и престижа. Потому что его называют «божественный Леонардо», и интеллектуальный, художественный мир знает это имя. И Франциску не терпится сказать: «Леонардо? Так он же у меня при дворе». Правда, король несколько раз давал понять Леонардо, что ждет от него чего-нибудь прославляющего, но все как-то не складывалось. Правая рука художника была парализована, левая работала, но… все шедевры были уже созданы. И тогда Франциск приобрел у него «Джоконду», проявив вполне деловой подход эпохи раннего Нового времени.

Последние годы Леонардо особенно занимали летательные аппараты и вопросы геронтологии. Известно, что он изучал тело некоего человека, который умер от старости, а потом написал: «Я анатомировал его, чтобы понять, как это происходит». Скончался Леонардо в небольшом французском городке Амбуаз, на реке Луаре, недалеко от королевского дворца. В полном сознании он написал: «Пора составить завещание, поскольку принимаю во внимание уверенность в смерти и неуверенность в часе оной». Он завещал свои рукописи и книги Франческо Домельти, одному из любимых учеников (он был всегда окружен учениками), и тихо скончался 2 мая 1519 года. У него есть такие строки: «Я не устаю, принося пользу. Естественно, природа сделала меня таким». Думаю, он сам ответил на таинственные вопросы, связанные с его жизнью, сказав слово «природа».

Мишель де Монтень. Свобода в «Башне из слоновой кости»

История человечества – это история людей и того, что им сопутствует. Не антропологической она быть просто не может, хотя о таком подходе, как о чем-то ультрамодном и современном, заговорили сравнительно недавно. Люди, обстоятельства, судьбы – вот, что нас всегда волнует и привлекает.

Наш герой – Мишель де Монтень, не знаменитый сегодня человек, не оглушительное имя. Но было время, когда оно звучало в самых изысканных и интеллектуальных салонах и собраниях. Монтень является «отцом» века Просвещения, века энциклопедистов, вдохновителем целой эпохи. Его как только не называли – «французским философом-стоиком», «эпикурейцем», «одним из величайших французских писателей» и, наконец, «последним гуманистом». Почему «последний»? Потому что имеется в виду эпоха между Средними веками и Новым временем, когда рождается редкий тип человека, предпочитающего жизнь разума и интеллекта всему остальному. Тишина библиотек была для него самой лучшей музыкой, шуршание страниц приводило в трепет, а рождение мысли становилось событием вселенского масштаба.

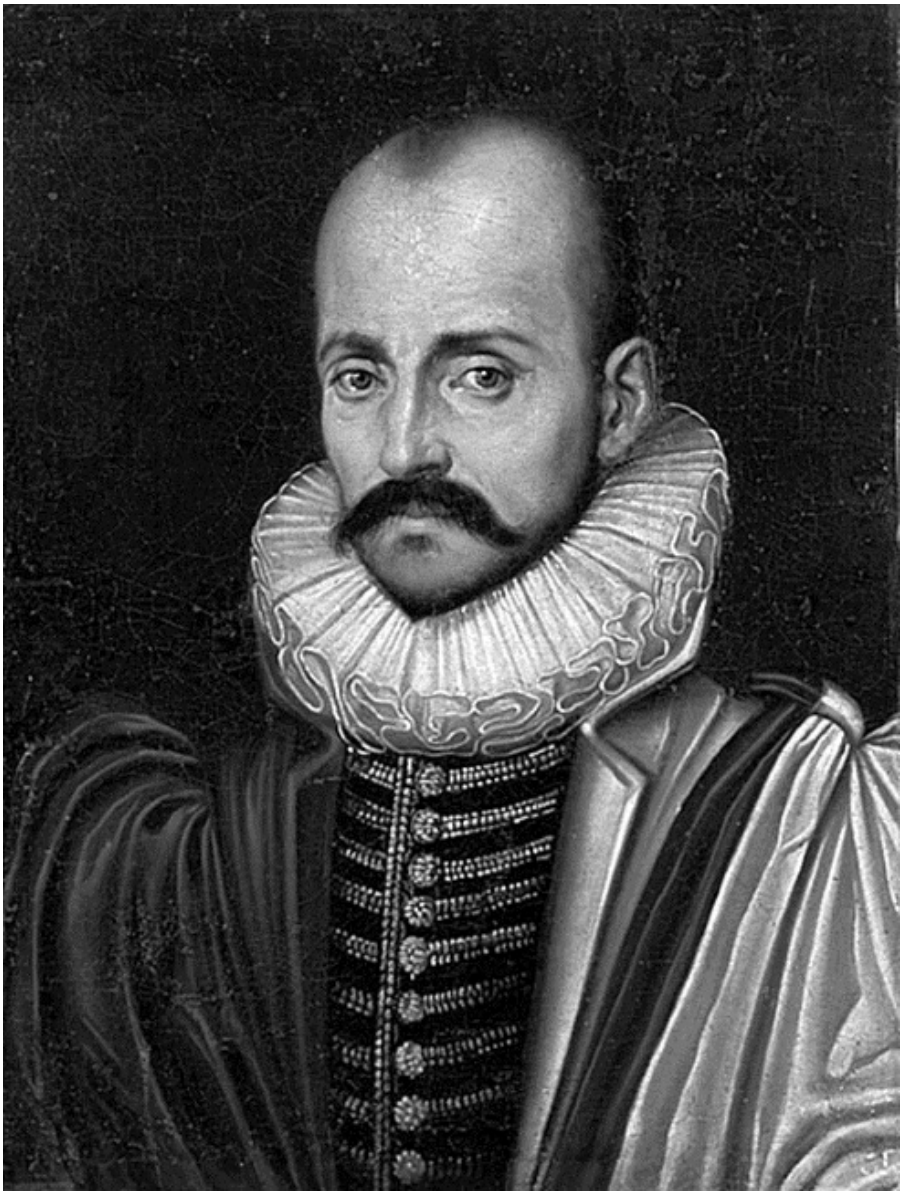
Монтень жил во времена кровавых гражданских войн во Франции. Он родился в 1533-м, умер в 1592 году. Это было время крайнего ожесточения, религиозных распрей. Прошла Варфоломеевская ночь 1572 года, одно из самых страшных событий в истории, а он… не заметил. Чтобы понять, почему столь оригинальный человек мог появиться и существовать в такое бурное время, хочу добавить к его эпитетам выражение – «философская башня». Он сам был философской башней.

Мишель Монтень родился в богатой дворянской семье. Дворянство было приобретенным, что уже практиковалось, а более дальние предки Монтеня были очень успешными торговцами. Родился он в Бордо, на Юго-Западе Франции. Его родина – Аквитания, богатейший, цветущий, красивейший край! Край поэтов, трубадуров, философов. Исторически сложилось так, что именно там был перекресток цивилизаций, и потому влияние арабской культуры и культуры великого Рима ощущалось во всем. Он родился в месте, которое само по себе располагало к его будущей биографии.

Прежде фамилия семьи была Эйкем. Но после того, как прадед купил замок со звучным, аристократическим названием –

Монтень, отец нашего героя отказался от своей фамилии, став Монтенем. Блестяще образованный, он отлично знал и любил древние языки. Человек далеко не ординарный, он совершенно сознательно и целенаправленно стремился вырастить из Мишеля человека, который был бы так же тонок в восприятии мира и так же аристократичен, как и он сам. Рыцари ушли – кончился век меча. Потомки голубых кровей утрачивали свое привилегированное положение, потому что дворянство можно было купить. И Возрождение, начиная с XIV века внесло другой тип аристократичности – аристократичность духа. Отец мечтал вырастить Мишеля аристократом духа.

Что же он для этого сделал? Создал новую, совершенно замечательную педагогическую систему – не больше – не меньше! И применил ее. Многие исследователи отзываются о ней презрительно, дескать, «тепличное воспитание». А мне она очень нравится. Зная или догадываясь, что ранние детские ощущения и впечатления не покидают нас всю жизнь и становятся основой в сотворении личности, отец распорядился, чтобы Мишель просыпался только под звуки прекрасной музыки. Я вполне с этим согласна и вообще запретила бы будильники, которые, безусловно, травмируют психику человека внезапностью и резкостью звука. Почему бы людям не просыпаться под музыку? Когда мальчик немного подрос, он был отдан на некоторое время в крестьянскую семью. Зачем? Затем чтобы знать, как живут простые люди. Отец запретил сыну разговаривать по-французски. Приказ был очень строгий: родители и учителя говорят с ним только на латыни. А что делать этим бедным крестьянам? Потом в окрестных деревнях наблюдалось занятное явление: некоторые предметы крестьяне называли по-латыни, сами не ведая того. Главной целью воспитания было не нарушать равновесие души ребенка. Душа должна быть спокойна. А для этого всегда в его комнате – цветы, красивые вещи, тихая музыка.



Неизвестный художник.
Мишель де Монтень. XVII в.
Фото репродукции

С 7 до 13 лет – интенсивное изучение древних языков. Затем Мишель заканчивает университет в Тулузе, приобретает профессию юриста и в течение 10 лет исполняет должность члена парламента в Бордо. Он честно, как учили родители, выполнял свою работу, но не чувствовал к ней никакого интереса и влечения. Монтень не переносил смертной казни и потому не мог зачитывать смертные приговоры даже уголовным преступникам.

Это было противно его природе. В эпоху религиозных войн он оставался католиком, но избегал расправ над гугенотами, всячески от этого уходил, устранялся – спокойно, но твердо и непреклонно. «Не могу, не хочу, мои глаза этого не увидят, мой голос не произнесет смертный приговор, мои руки не коснутся того, что считаю нечестным», – так можно было понять его настроение. О законах он говорил так: «Эти созданные людьми паутины таковы, что в них может запутаться любой, самый невинный человек». Говорил, зная юриспруденцию по-настоящему, изнутри, не понаслышке – ведь в университете он был отличником. И вот, не принимая свою профессию, считая законы паутиной, а юридическую практику пагубной, он все-таки член парламента Бордо.

Два слова о Бордо. На протяжении 300 лет Средневековья – с XII до середины XV века – этот центр английских владений во Франции жил особенной жизнью, его нисколько не затрагивало английское влияние. Поскольку король, имевший сюзеренные права на Бордо, бывшую Аквитанию, жил далеко – в Лондоне, здесь витал дух некоей свободы, большей независимости. Поэтому член парламента в Бордо это было, конечно, совсем не то, что член парламента в Париже.

Монтень работал честно, но примерно с 1570 года, за два года до Варфоломеевской ночи, коллеги начали выказывать ему свое раздражение. Они были страшно недовольны тем, что он не участвует в гонениях на еретиков-гугенотов. Уже было замечено, что у него прекрасное перо – почему бы ему не написать хлесткий, острый, смертоносный памфлет против тех, кто неправильно верует в Господа? Но он не пишет, ссылаясь на все, что угодно, и каким-то образом умудряется жить миролюбиво в ставшем враждебным для него лагере. Монтень уходит в отставку сразу после смерти отца. Ранее он не отважился на такой шаг из-за боязни огорчить человека, которому был многим обязан.

Однако поводов для огорчений у отца было более чем достаточно. Вложив все силы в воспитание сына, он вправе был ожидать от него большой карьеры. И все шансы были. Мишель был замечен королем Генрихом III, который неоднократно через разных людей осведомлялся о его мнении относительно тех или иных вопросов. Очевидно, что молодой человек мог быть призван ко двору. Но сразу после смерти отца Мишель де Монтень уходит в отставку и всецело предается тому, что сам называет «умственной деятельностью». Некоторые говорят о его сибаритстве. Но разве он виноват, что богат, что в наследство ему достался прекрасный замок?! Уйдя со службы, Монтень приказал пристроить к замку высокую башню, в которой ничто не

отвлекало его от интеллектуальных занятий. Поднимаясь по винтовой лестнице, он исписывал стены башни латинскими выражениями, которые буквально рвались из его души.

Мы хорошо знаем на опыте собственной истории, что одно из самых страшных явлений в истории человечества – гражданская война. Во Франции она тоже была трагична и ужасна. И в это самое время, в разгар войны, незадолго до Варфоломеевской ночи Монтень удаляется в башню, специально пристроенную к родовому замку!

В публикациях и работах о Монтене, выходивших в советское время, проскальзывает наивная и мелкая неприязнь к нему. Почему? Потому что этот демонстративный отказ участвовать во взаимном истреблении был расценен как уход от классовой борьбы. А марксистско-ленинская теория этого не допускала. Наоборот, вражду следовало разжигать. Но это, к счастью, – в прошлом, в нашем прошлом. А тогда Монтень приказал пристроить к дому, где мирно и спокойно жили его жена и дети, башню для уединенных занятий. Он был счастлив в браке с женщиной, которую выбрали ему его родители. У него рождались дети, которые, правда, умирали во младенчестве.

Итак, внизу шла обыденная жизнь, а над ней – он, всегда сосредоточенный, недоступный. На сводах своей библиотеки он приказал начертать по-латыни следующий текст: «В год от Рождества Христова 1571 на 38 году жизни, в день своего рождения, накануне мартовских календ, в последний день февраля Мишель Монтень, давно утомленный рабским пребыванием при дворе и общественными обязанностями и находясь в расцвете сил, решил скрыться в объятиях муз, покровительниц мудрости. Здесь, в спокойствии и безопасности, он решил провести остаток жизни, большая часть которой уже прошла. И если судьбе будет угодно, он достроит это обиталище, это угодное сердцу убежище предков, которое он посвятил свободе, покою и досугу». Через 10 лет он добровольно вышел из своего заточения.

Вышел потому, что захотел опубликовать написанное за это время. Монтень еще не знал, что его назовут одним из виднейших французских писателей. Он еще не был уверен в своих писательских силах и возможностях, но предполагал, что его образованность, утонченность и знание античности пригодятся людям в их исканиях истины. Но, главное, думаю, даже не в этом – его переполняли знания. Они, словно мощная река, схваченная плотиной, жаждали вырваться на волю. В его многотомных произведениях – он их назвал «Опыты» – более тысячи цитат из античных авторов. Он собирал мудрость, примеряя ее сначала на

себя.

В 1580 году первая книга «Опытов», под названием «Эссе», была опубликована в Париже и сразу вызвала интерес. Нельзя сказать, что успех был огромный, но книгу заметили, она вошла в интеллектуальную жизнь элиты. И Монтень, словно освободившись от внутреннего груза, отправился посмотреть мир. Башня осталась в прошлой жизни. Он предпринял большое путешествие: побывал в Германии, Швейцарии, надолго задержался в Испании и, конечно же, Риме. Там Монтеня охватило суетное желание, совсем не характерное для его философического настроя, но очень объяснимое. Ему страшно захотелось получить статус гражданина этого Вечного города. Захотелось страстно, непреодолимо перенестись в тот, Древний Рим, так хорошо ему известный, так сильно любимый и ощущаемый как свое место в жизни, стать частью романского мира – populus romanum, в котором он мысленно жил. Желание было так сильно, что Монтеня не пугала даже бюрократическая процедура. Может быть, единственный раз в жизни он трудился для себя, а не для других. И добился своего: его назвали гражданином Рима.

Людей, чья жизнь заполнена приключениями духа, не так много. Эразм Роттердамский, Томас Мор… Для сообщества гуманистов характерно стремление строить иную, внутреннюю, многогранную реальность и жить в ней. Обыденность их тяготила. Монтень мечтал вернуться в оставленную башню. Но не вышло. Находясь в Италии, он получил известие, что граждане города Бордо почти единодушно и с большим энтузиазмом избрали его своим мэром вместо известного герцога Бирона. На два года – таков был положенный срок. Первый его порыв был – отказаться, о чем он сам и написал. Но как выяснилось, король Генрих III уже утвердил его избрание. После этого отказаться было невозможно.

Известно, что Монтень правил гуманно, отвергая смертные приговоры, и поэтому был избран еще на два года. А религиозные войны тем временем разгораются, на юге Франции особенно. Жить становится все хуже и страшнее. И в этих условиях оставаться у руля для такого человека, как Мишель Монтень – слишком большая тягость. Но он был человеком долга, настоящим аристократом духа. Тем временем в Бордо случилась чума. На протяжении всего Средневековья эта эпидемия косила население, как траву. Лишь в середине XIV века она унесла жизни почти половины жителей Западной Европы. Никакими указами победить ее было нельзя, можно было только спасаться бегством. И кто мог, покидал свой город. Покинул его и Монтень с семьей.

Когда гражданские войны пошли на спад, Генрих IV пригласил его ко двору.

Отношение к Монтеню и при его жизни, и сегодня неоднозначно. Как можно уйти от реальности во время тяжких потрясений, которые переживает твоя страна? Как можно сидеть в своей башне и не участвовать в жизни семьи, не знать, сколько у тебя детей, не заниматься их воспитанием? Вопросов – множество. Я хочу только, чтобы читатели поняли – эпохи и времена меняют акценты, меняют этику поведения. Трансформируются не только наши представления о самых разных проявлениях жизни, но и отношение к ним. Чтобы понять характер его эмоций, реакций на какие-то вещи, надо учитывать контекст эпохи и, прежде всего, традицию антично-гуманистического мышления. А она, эта традиция, во многом опирается на философическое отношение к жизни. К тому же, как человек истинно верующий, он был фаталистом. И потому смерть своих детей воспринял как неизбежное – такова Божья воля. Представления другой эпохи трудно объяснить. Лучше прочту строчки из Монтеня: «Размышлять о смерти – значит, размышлять о свободе. Кто научился умирать, тот разучился быть рабом. Готовность умереть избавляет нас от всякого подчинения и принуждения, во всем прочем возможна личина. Наши превосходные философские рассуждения сплошь и рядом не более как заученный урок, а всякие житейские неприятности очень часто, не задевая нас за живое, оставляют нам возможность сохранять на лице – подчеркиваю, – на лице – полнейшее спокойствие». Возможно, кто-то подумает, что невозмутимое выражение лица свидетельствуют о спокойствии души, но это будет ошибкой. Может быть, вернее сказать о нем – стоик, скептик.

Принимать жизнь надо философски. И наверное, не случайно многие серьезные исследователи связали имя Монтеня с Шекспиром. Шекспир, как считается, мог читать Монтеня в английском переводе, сделанном Джоном Фолио в 1603 году. На страницах этого перевода, находящегося в библиотеке Британского музея, сохранился автограф Шекспира, достоверность которого некоторые исследователи подвергают сомнению – вокруг Шекспира всегда много домыслов! Однако тщательные текстологические и серьезные филологические исследования его произведений свидетельствуют: некоторые мысли, вложенные им в уста своих персонажей, были навеяны Монтенем. Особенно в «Гамлете». Вспомним самый знаменитый монолог «Быть или не быть?». И сравним с высказыванием Монтеня: «Мы стремимся вперед вместе с течением. Но повернуть

назад, к себе самим, – действие болезненное. Так и море волнуется, бушует и тревожится, когда преграды заставляют его повернуть обратно. Смириться, плыть дальше или…?» Переклички обнаружены и в других драмах Шекспира. Упомянем в этой связи исследование В.П. Комаровой «Шекспир и Монтень», в котором высказывается интересное соображение: гениальные мысли, может быть, когда-то в виде маленького зернышка, были обронены еще до нашей эры, а потом время от времени бесконечно возникали в разных умах. Вспомним толстовское: «Все по-настоящему великие мысли чрезвычайно просты».

Монтень очень часто опережал свое время. Например, он много писал о животных. И высказывал порой замечательные и парадоксальные суждения: «Когда я играю со своей кошкой, кто знает, не забавляется ли скорее она мною, нежели я ею?» Этология, наука о поведении животных, появилась сравнительно недавно, и вопрос, который задает себе Монтень, теперь интересует серьезных ученых.

Он не видит прогресса, не чувствует его, не восхищается им, за что многие его осуждают, в частности Д.С. Мережковский. А чем восхищаться? Если в далекой древности была высокоинтеллектуальная элита – философы, мыслители, поэты, скульпторы, если в эпоху Возрождения природа вновь явила миру гениев, то в промежутке между этими двумя яркими периодами истории человечества были Средние века, когда героями становились те, кто с мечом в руках отправлялись на завоевания. Что несет этот прогресс? Только кровь, которую они проливают. Уже знатность можно купить, так что же дальше? Приближается эпоха денежного мешка? Теперь-то мы знаем, что так оно и есть, но ему было мучительно принять это открытие. И в этом смысле прогресс он принять никак не мог.

И к науке Монтень относился не по-дилетантски. Ведь что такое наука? Он верил, что для благородной души она может быть очень полезным обретением. Но для всех прочих – явлением вредоносным и пагубным. Уместно вспомнить недавние споры о том, в чьих руках атомная бомба смертельно опасна, а в чьих – жизненно необходима. В «Опытах» Монтеня трудные вопросы находят простой и ясный ответ. Вспомним его изречение: «Если хочешь излечиться от невежества, надо в нем сначала признаться». Здесь он перекликается с Сократом, который говорил: «Я знаю, что я ничего не знаю». Думаю, что молодым людям полезно заглянуть в книгу Монтеня, людям зрелым – обязательно прочитать и перечитывать, а склонным к серьезным размышлениям – глубоко знать ее. Каждый человек может пить из этого чистого источника разума!

Вспомнила полусказочную историю о нашем современнике, человеке из породы Монтеня. В 1955 году – естественно, после смерти Сталина – советским историкам впервые позволили принять участие во Всемирном конгрессе исторических наук, который проходил в Риме. Возглавить делегацию поручили академику Сергею Даниловичу Сказкину, который заведовал кафедрой на истфаке в МГУ, где я училась. Образование у него было дореволюционное, он закончил пажеский корпус и совершенно свободно говорил на нескольких европейских языках. Потому его и послали в Рим, дескать, знай наших. И там с ним произошел курьез. Всем делегатам настоятельно рекомендовали не отбиваться от группы, ходить всем вместе, иначе могли заподозрить в шпионской деятельности. Сергей Данилович неукоснительно старался соблюдать это правило, но где-то залюбовался узенькой римской улочкой и заблудился. Испуганный до полусмерти, он бросился к первому прохожему и от страха заговорил с ним по-латыни. Для него это был родной язык, как и для Монтеня. Но чудо состояло в том, что он напал на учителя гимназии, который преподавал латынь. Тот был изумлен, ибо никто в Риме не говорил на латыни. Узнав, что перед ним человек из Советского Союза, он изумился еще больше.

На самом деле, античная склонность к раздумью, размышлению, которую демонстрирует автор «Эссе», свидетельствует отнюдь не о праздности, а о серьезнейшем, мучительном интеллектуальном труде. И только эта напряженная интеллектуальная работа дала Монтеню мужество оставаться самим собой во время гражданской войны, проявить толерантность к враждующим сторонам.

В энциклопедии о нем написано так: «Мишель Эйкем де Монтень, 1533 год, замок Монтень – рождение; смерть – замок Монтень близ Перигора, 13 сентября 1592 года». Вся жизнь уместилась в этом замке, а родиной духа был весь мир.

Мигель Сервантес. Пасынок судьбы

Спросите любого, кто такой Сервантес и вам ответят – автор «Дон Кихота». Между тем, жизнь его настолько яркая и поразительная, что никак не сводится к авторству пусть даже великой книги. О нем написаны горы литературы. Кто только не писал – Шеллинг и Гегель, решительно спутав автора с его героем, Достоевский и Томас Манн, Тургенев, мечтавший перевести «Дон Кихота» на русский язык, Набоков, автор потрясающего курса лекций, прочитанного в Америке о произведениях Сервантеса, о «Дон Кихоте». Художники, вдохновленные этим романом, создавали знаменитые полотна – Хогард, Гойя, Доре, Пикассо. Великие композиторы писали музыку – Мендельсон, Рихард Штраус, Рубинштейн… Невозможно всех перечислить. И все-таки с горечью я говорю о нем – пасынок судьбы. А вот и сам он как-то признался: «Не было в жизни моей ни одного дня, когда бы мне удалось подняться на верх колеса Фортуны. Как только я начинаю взбираться на него, оно останавливается». Емко и точно, про жизнь, в которой нищета, годы жуткого плена, несколько неудачных побегов, отрубленная рука… Его судьба полна тяжелыми и горькими событиями.

Припомним страницы его биографии. Мигель Сервантес родился в 1547 году в городке Алькала-де-Энарес в 20 милях от Мадрида. В абсолютно обедневшей семье провинциального дворянина очень знатного рода де Сааведра. Представители рода Сааведра были известны с XI века как активные, заметные участники знаменитой Реконкисты, борьбы против арабов. И вот взамен славы тех легендарных времен – нищета, о которой лучше Сервантеса никто не написал. Цитирую: «Несчастные эти – это нищие рыцари – щекотливо самолюбивые люди, воображающие, будто все видят за милю заплатку на их башмаке, вытертые нитки на их плаще, пот на их шляпе и голод в желудке». Знатный род, благородная кровь – наивысшие ценности в Испании, и тем не менее в XVI веке многие люди, знатные и благородные, оказались нищими и униженными. Неизвестно, хватило ли денег у его родителей, чтобы отдать его в школу. Неясно, учился ли он там систематически. Отец, чтобы как-то свести концы с концами, занимался медицинской практикой, что для рыцаря считалось позорным.

Точно известно, что в течение двух лет Мигель Сервантес изучал юриспруденцию в Саламанском университете. Но по-настоящему его университетами были книги. Только книги. Он читал подряд все. Его биографы замечают даже такой

удивительный момент: в детстве, если он видел на мостовой исписанную бумажку, он поднимал ее и читал. При виде письменного текста мальчик испытывал жгучее желание узнать, что там написано. Вдруг что-то тайное, неведомое?

Его учителями были бродячие актеры. В католической Испании XVI века, где хозяйничала Инквизиция, люди именно этой профессии были глубоко презираемы. Но он, этот знатный потомок рыцарей, бегал за ними, искал их и в разговорах с ними испытывал душевные волнения, а в их незамысловатых пьесках находил пищу для размышлений. Возможно, даже черпал вдохновение, ибо будучи подростком, победил в конкурсе на лучшее стихотворение по случаю кончины королевы Изабеллы Валуа. Королева Изабелла, жена Филиппа II, подозревалась в том, что отвечает на страстную любовь дона Карлоса, своего пасынка, сына Филиппа. И вдруг – ее безвременная кончина. Отчего? Неизвестно. Все помнят, очевидно, оперу Верди «Дон Карлос», она написана по этому сюжету.

Итак, в стихотворном конкурсе победил Мигель Сервантес де Сааведра. Его стихи были особенно трогательными и возвышенными. И тут его заметил один из очень немногих в его жизни благодетелей – кардинал Аквавива. И увез с собой в Рим – писать стихи и продолжать образование. Все прекрасно, радуйся! Фортуна улыбнулась тебе. Но… не тут-то было.

Х. де Хореги. Портрет Мигеля Сервантеса. 1600 г.
Фото репродукции

В это время в Италии, куда он приехал с кардиналом, собиралась христианская армия, чтобы дать бой туркам-османам на Средиземном море. За этим стояли вполне реальные интересы Венецианской республики, которой турки мешали торговать в Средиземноморье, папы римского Пия V, желавшего высоко поднять христианское знамя, и знаменитого испанского короля

Филиппа II. Они создали Священную лигу против турок и объявили набор добровольцев. Призыву Мигель не подлежал – младшего сына в семье в армию не брали. Он идет добровольцем. Во имя христианской идеи, во имя борьбы с неверными он становится под знамена Священной лиги и отправляется воевать с турецким флотом.

Кто повернул Фортуну? Он сам. Да, пожалуй, и в дальнейшем, в ответственные моменты жизни, наш герой никогда не плыл по течению, а принимал решения, которые потом становились судьбоносными. Он был человеком редкой породы. Истинные человеческие ценности – благородство, искренность и прямодушие, милосердие, отвага и самопожертвование – то, что составляет величие души, были присущи ему в полной мере. «Рыцарь без страха и упрека» это он, а потом уже Дон Кихот.

Итак, наш воин-доброволец попадает к знаменитому полководцу дону Хуану Австрийскому. Этот принц, незаконнорожденный сын Филиппа II, был, кстати, сильно романтизирован в глазах публики. «Он поведет нас, он великий воин, он отважный, защитник веры» – такие стихи слагали про него. Защитниками веры, впрочем, можно назвать всех добровольцев, вставших под знаменем Лиги. Однако, интересно, что ортодоксальность нужно было подтверждать. Подтверждать должна была, конечно, церковь. В архивах обнаружено письмо Мигеля к отцу. Он пишет ему перед битвой при Лепанто: «Срочно вышли бумаги, свидетельствующие о незапятнанности моего вероисповедания».

На борьбу с турками брали только по чистоте крови – а именно, рыцарей-христиан. Католическая церковь выдавала характеристики в те времена не хуже, чем когда-то советские парткомы. С такой же четкостью, регулярностью и строгостью: «Морально устойчив, в вере не колеблется». Какая невероятная перекличка эпох! Это ведь Испания конца XVI века! Страна жесточайшего абсолютизма власти и преследования всякого инакомыслия! Здесь преследовали евреев за их иудейскую веру, морисков, то есть мусульман, насильственно обращенных в христианство, мавров – всех, кого можно было заподозрить в отступлении от «истинной веры». И потому нужно было представить бумагу. Если ее нет, об участии в военных действиях можно забыть. Инквизиция проследит за этим.

Мигель получил подтверждение своей благонадежности. Мы даже можем назвать дату, когда это случилось, – 7 октября 1571 года. И тут же записался во флот. Вскоре он принимает участие в крупнейшем сражении при Лепанто, где впервые европейцы разбивают наголову турок-османов и останавливают их

экспансию. 275 турецких кораблей во главе со знаменитым флотоводцем Али-пашой и 217 со стороны испанско-венецианской Лиги во главе с доном Хуаном Австрийским сходятся в открытом море.

Сервантес не должен был участвовать в битве, ибо накануне, когда только-только сошлись флотилии, с ним случился жесточайший приступ лихорадки. Он был почти без сознания. Но, узнав о грядущем сражении, он выполз на палубу – шатающийся, как его Дон Кихот, с пылающим взором и со словами на устах: «Я предпочитаю умереть, сражаясь за Бога и короля, вместо того чтобы укрываться в безопасном месте». Он потребовал, чтобы его послали в самое пекло. И там, в этом пекле, турецкая сабля отсекает ему левую руку. И кроме того он получает три очень тяжелых ранения. Казалось, он больше никогда не вспомнит о своих воинских порывах. Но ничего подобного.

Я смотрю на его лицо, время сохранило его портрет. Лицо редкой красоты. С глубоким, умным и проницательным взглядом. В нем нет и намека на то, что мы называем «донкихотством». С портрета смотрит человек твердой воли, душевного благородства, много переживший и испытавший, закаленный этими испытаниями и принявший их покорно, как и подобает христианину. Вся его жизнь доказывает, что он соответствует своему портрету.

Несмотря на однорукость – у него была отсечена кисть, а ранением в плечо перебило нерв, и левая рука висела, как плеть, – его тем не менее оставляют на военной службе, оценив необычайную отвагу. И даже увеличивают жалованье, что зафиксировано в дошедшей до нас ведомости, – теперь он получает до четырех дукатов в месяц. Он принимает участие в экспедиции на Корфу, участвует в захвате Наварина и оккупации Туниса. Его гарнизонная служба – Неаполь, Генуя, Палермо, Мессина. Так проходят долгих четыре года, и его начинает тянуть домой. И вот вместе с братом Родриго они садятся на корабль «Эль Соль», что значит «Солнце», и отплывают в Испанию. Все прекрасно, они оба мечтают о том, как окажутся дома. Но… корабль захватывают пираты, пираты из Алжира.

Алжир, формально вассал Османской империи, в это время представлял собой некое царство-государство пиратского свойства. Чем живет весь тамошний сброд? Прежде всего работорговлей и выкупами. Вот к ним и попадает Сервантес со своим братом.

У Мигеля при себе были рекомендательные письма от Хуана Австрийского к испанскому королю, в которых воспевалась доблесть Сервантеса. Именно эти письма и превратили

ближайшие годы его жизни в мучительную, тяжелейшую пытку. Жадные пираты вообразили, что вот она, знатнейшая, а значит, богатейшая птица, которая попала в их силки. А значит, за обычный выкуп они никогда ее не отпустят. Это был жуткий плен, братья часто спали в оковах, подвергались всяческим издевательствам, голодали, болели, работали в поте лица. Отец заложил все, что имел (это был жалкий клочок земли), чтобы освободить сыновей из плена. И предложил пиратам выкуп за сыновей. Они рассмеялись, взяли, но сказали: «Здесь разве что за одного». Дальше нам ясно, что сделал Мигель. Он сказал: «Конечно, домой отправится Родриго». А сам остался.

Остался и стал вдохновителем и организатором побегов. Желание действовать, бороться, сопротивляться и главное – спасать людей от неволи делают его дух несокрушимым. Воин-романтик, всегда живущий в нем, обретает силу, а обстоятельства вынуждают его действовать. С этого времени его поведение находится в полной гармонии с его идеалами. Он организовывает побеги – один, другой, находит людей, готовых помогать. И даже предательства, неудачи и смертельная опасность не останавливают его. А предательств хоть отбавляй.

Поразительно, как много вокруг подлых людей! Это более всего удручает Сервантеса, великая печаль поселяется в его сердце. Каждый раз, когда чей-то побег срывается и его выдают, Сервантес говорит своим обвинителям одно и то же: «Я один. У меня не было сообщников. Это был только я». Уж он-то не выдаст никогда. Те, кто помогал побегам, а находились такие благодетели-христиане, относительно состоятельные люди, всегда боялись одного: «Если будете схвачены, вы нас выдадите», – говорили они, и это понятно – тому были примеры. Сервантес, видимо, обладал огромной силой внушения и доверия. Когда он отвечал: «Я не выдам. Если меня даже разрежут на куски, ваши имена никогда не будут известны», – они верили ему и продолжали помогать пленникам пиратов.

Его личность, безусловно, обладала какой-то странной, особой силой. Можно назвать ее мистической или магической, но объяснить ее трудно. Очевидно, истоки ее были в безграничной вере в добро и готовности претерпеть за нее любые испытания. Подтверждением этого является отношение к нему некоего Гассана-паши, злодея, свирепого рабовладельца. Он испытывал к Сервантесу чувство благоговейное, почти мистическое. Всякий раз призывая пленника к себе после очередной неудачной, раскрытой затеи с побегом, он не мог огласить приговор. А приговоры были суровейшими – выколоть глаза, посадить на кол, отрезать уши, отрубить голову. И каждый раз Мигель Сервантес

шел спокойно, без гнева, жалоб и упрека, шел, чтобы принять все, что пошлет ему Бог, не надеясь, что «минует его чаша сия». Удивительный, невероятный человек! Стоило паше посмотреть в его глаза, которые и сегодня так же смотрят на нас с его портрета, он говорил: «Нет, пусть живет в плену, в цепях, в оковах…» А потом даже заявил: «Пока этот испанец вот здесь, у меня в плену, мои богатства, мои корабли, моя земля будут в безопасности».

После одного из неудачных побегов все сообщники Сервантеса и он сам были выведены на площадь. Здесь кричала и улюлюкала толпа. Приговор был таков: сначала отрезать уши, а потом всех повесить. Когда очередь дошла до Сервантеса, Гассан-паша вдруг сказал: «Приковать его на пять месяцев к каменному полу в одиночной камере, это будет наказание». Но толпа начала протестовать, и тогда Гассан-паша поднял руку и вынужден был добавить: «И сто ударов плетью». И это все, на что он пошел. Почему всех его сообщников убили, а его, главного виновника, оставили в живых? Этого объяснить нельзя, если не понимать, что за человек был Мигель Сервантес. Думаю, ответ кроется в качествах его личности.

В конце концов благотворители выкупили Сервантеса. Спустя 10 лет после Лепанто он сражается у Азорских островов. Это 1581–1582 годы. Он далеко не юноша, без одной руки, переживший муки плена. Но дух его по-прежнему несокрушим.

Прославившись еще раз в сражении у Азорских островов, овеянный романтикой алжирской неволи, этот легендарный человек появляется в Испании в кругах аристократии. И производит ошеломляющее впечатление, особенно на дам, они от него в полном восхищении. В 1580-е годы у него вспыхивает роман с некой очень знатной дамой. Рождается дочь Изабелла. И он всю жизнь – он, а не ее мать – растит Изабеллу и заботится о ней в силу своих небогатых возможностей… Это его единственный ребенок.

12 декабря 1584 года он вступил в брак с донной Каталиной Воцмедиана, женщиной очень знатного, но тоже обедневшего рода. Ему 37 лет, ей – 19. Ее полное имя – Каталина де Паласьос-Салазар-и-Воцмедиана. Вскоре он скажет: «Один древний мудрец говорит, что в целом мире есть только одна прекрасная женщина, и советует каждому мужу, для его спокойствия и счастья, видеть эту единственную женщину в своей жене». Он так и делал.

Источники донесли до нас список ее приданого. Если учесть, что эта девушка из знатного рода, остается только удивляться. Вот этот список: два матраса, подушка, две лестницы, две кастрюли, два кухонных горшка, статуэтка Девы Марии из

алебастра, статуэтка Девы Марии из серебра, изображение св. Франциска, Распятие, 6 мер муки, 45 кур, 4 улья и небольшой участок земли, засаженный виноградниками и оливковыми деревьями на сумму в 5 тысяч реалов. Практически ничего. Описывая унижения знатного, но бедного человека, Сервантес писал: «Как волнуется нищий дворянин – вдруг заметят, что одна пуговица у него деревянная, другая стеклянная, третья из металла». Ведь это позор, но купить одинаковые пуговицы – товар для него дорогой – он не может.

Ему было за 40, когда он начинает писать свое великое произведение. Для XVI века 40 лет – это старость. К тому же калека, на его обеспечении сестра. И своя семья – он, жена и дочь Изабелла. Его дочь бесприданница, и мужа ей найти трудно. По существу они нищие. Женщины шьют одежду по заказам богатых людей, потому что прокормить их своим литературным трудом Сервантес не может. Он пытается, все время что-то пишет. Но денег это не приносит. С детства он сохранил любовь и верность театру. Где-то на задворках Мадрида он организовывает маленький театрик, но театр прогорает. Он пишет нравоучительные пьесы в надежде облагородить общество, но публика не хочет это смотреть…

Он начал писать «Дон Кихота» в тюрьме, куда был посажен на три месяца. Дело в том, что король все-таки взял его на государственную службу: собирать налоги. Служба не только оскорбительная для знатного идальго, но и особенно трудно исполнимая лично для Сервантеса. Быть мытарем, выколачивать деньги из бедняков, таких же нищих, как он, – это претит его натуре, несовместимо с его моралью. В результате он недобрал некоторую сумму и попал в тюрьму, так как из-за собственной бедности не мог погасить даже самый незначительный долг. Происходит и другая беда – его отлучают от церкви за то, что он брал налоги с монастырей. Отлучают от церкви человека глубоко и истинно верующего, закончившего свои дни членом Ордена францисканцев…

Но нет худа без добра. Сервантес вплотную приступает к роману. По его собственному признанию, он решил сочинить веселую пародию на рыцарские романы – вот та скромная цель, которая им движет. Пародию на нечто несерьезное, устаревшее, глупое. Потому что за этим глупым кроются очень серьезные вещи. Испания – отсталая страна, она продолжает держаться своих феодальных нормативов в эпоху, когда в других странах Западной Европы началось уже Новое время.

Что же случилось? Испанцы оказались лидерами в Великих Географических открытиях и награбили в Америке столько

золота, что о дальнейшем экономическом развитии страны, казалось, могли не беспокоиться. А почему оказались первыми? Да потому что за 500 лет Реконкисты они привыкли жить, непрерывно колонизируя, осваивая новые земли. Испанцы дошли до Геркулесовых столпов, поплыли по морям и океанам, достигли берегов Америки, и в то время, как в Англии назревает промышленный переворот, во Франции происходят серьезные усовершенствования в мануфактуре, в сукноделии, Голландия основывает капиталистическое производство, здесь – богатые землевладельцы пасут своих овец. Они ведут нерациональное хозяйство, но защищены королевскими патентами.

В образе идальго Дон Кихота, который борется с ветряными мельницами, можно усмотреть образ Испании, сильно отставшей от века. Но есть там и другое. Есть образ самого Сервантеса с благородными порывами и устремлениями. Роман принят публикой, его читают, обсуждают. Кто-то, не самого далекого ума, смеется над Дон Кихотом, хотя мне кажется, что если и смеяться, то разве что сквозь слезы. Но люди смеются, потому что он мельницы путает с врагами, с чудовищами, потому что он проткнул бурдюк, думая, что это дикий вепрь, а оттуда вместо крови полилось вино. Заступился за избитого пастушонка, так в ответ его избили еще больше. Освободил каторжников, сочтя их невинными пленниками, – они его и поколотили. Ах, как смешно!

Не смешно – трагично. И, конечно, часть интеллектуальной публики это понимала. Сервантес пытался за иронической улыбкой, за придуманной, почти сказочной ситуацией спрятать истинное страдание. Рассмеяться, чтобы потом задуматься. Вот, например, из наставлений Дон Кихота для Санчо-губернатора: «Пусть слезы бедняка найдут в сердце твоем больше сострадания, чем дары богатых. Когда придется тебе судить виновного, смотри на него, как на слабого и несчастного человека». Если говорить это серьезно, решат, что ты сошел с ума. Уж лучше прикинуться человеком не от мира сего, и тогда сможешь сказать все, что захочешь. Какой спрос с юродивого? И юродивые во все времена имели колоссальную привилегию – говорить правду в глаза даже тиранам. В «Драконе» у Евгения Шварца притворяющийся безумным бургомистр говорит: «Люди… я сошел с ума, я сошел с ума! Люди, возлюбите друг друга!» Так маскировался Шварц. По-своему маскируется и Сервантес.

Итак, книга принята, ее раскупают. Вот она, слава! Значит, сейчас придут и деньги. И вдруг некто, никому неизвестный, анонимный автор, пишет и издает продолжение «Дон Кихота»! В нем аноним поносит Сервантеса, всячески насмехается над ним, даже над тем, что он – калека… А маститые драматурги и поэты,

во главе с баловнем судьбы Лопе де Вегой, очерняют всячески литературный стиль, качества его великой книги.

Конечно, зависть, ревность. Лопе де Вега, безусловно, был талантливым человеком. Его пьесы в те времена пользовались большим успехом, некоторые ставятся в театре и по сей день. Но масштабы несопоставимы. Сервантес – гений, и книга его – на все времена. И, конечно, коль скоро Лопе де Вега умен и талантлив, он должен был понимать, что такое «Дон Кихот», но как видно, сдержать себя не мог. И он заявляет: «Нельзя писать хуже Сервантеса. Сервантес – худший писатель». Как это унижает Лопе де Вега!

Памятник Сервантесу в Мадриде.
Современный вид

Однако, это был тяжелый удар для Сервантеса. Когда вышло фальшивое продолжение, где его откровенно оплевывали, казалось, он умрет от горя. Он вложил в эту книгу всю душу, все свои помыслы и желания. Но он был воин. И на поле брани, и в

жизни. И принял единственно правильное решение – взялся писать вторую часть своей книги. Он сидел над ней дни и ночи и очень скоро закончил.

Теперь, по прошествии веков, мы можем поблагодарить плагиатора и анонима: не напиши он свой мерзкий пасквиль, не было бы второй книги «Дон Кихота». Сервантес уже болел, плохо себя чувствовал, у него было столько житейских проблем! Но фальшивка его подстегнула и заставила писать. Когда-то он говорил, что «лишив меня левой руки, Бог заставил мою правую трудиться сильнее и сильнее». В книге он говорит и о плагиаторе, навсегда клеймит его подлую и примитивную шутку.

К чести публики надо сказать, что она во всем разобралась. Случай довольно редкий. Подлинного «Дон Кихота» расхватали мгновенно. Классическая литература несет на себе печать истинности, тем она и притягательна. Ей веришь. Даже если нет в жизни Дон Кихота и ветряных мельниц. На самом-то деле они есть, и каждый из нас это знает. Еще при жизни Сервантеса интеллектуалы сравнивали его с Шекспиром и Рабле – его современниками. Его ставили в первый ряд великих художников всех времен. Сравнивали его впоследствии и с Франциском Ассизским, святым человеком XIII века. И, конечно, неслучайно. Глубочайшая вера и безмерная готовность пострадать за нее привели Сервантеса на склоне жизни в Орден францисканцев. Орден, в который вступили в свое время Данте и Рабле. Под влиянием Сервантеса его обе сестры и жена постригаются в монахини. Остается только изумляться, как во времена Инквизиции и тех злодейств, которые она порождает, он сохраняет истинную веру.

О Сервантесе столько написано! Но меня привлек Владимир Набоков, взявшийся прочесть в США курс лекций о нем. «Мы более не смеемся над ним (имелись в виду, конечно, и автор, и его герой). Его герб – жалость, его знамя – красота. Он олицетворяет все благородное, одинокое, чистое, бескорыстное и доблестное». Это фразы из лекций, и для меня очень важно, что именно Набоков, человек отнюдь не сентиментальный и не восторженный, всегда настроенный очень критически в отношении того, на что нацелен его точный и верный взгляд, глубоко окунувшись в бездонный мир Сервантеса, пришел к точным мыслям и прекрасным словам.

И наконец, последнее. В Москве, близ станции метро «Речной вокзал», стоит памятник Мигелю Сервантесу. Копия замечательного и единственного памятника великому писателю в Мадриде, отлитого в бронзе в XIX веке. Великолепная копия, великолепное лицо – истинное лицо Сервантеса. И что же

началось, едва его поставили? Какие-то люди, наши сограждане, неоднократно отламывали ему шпагу. Тогда рядом поставили милиционера, и шпагу не трогали. А потом она вновь исчезла. Так и стоит по сей день Сервантес с обломком шпаги. Вряд ли эти люди читали Сервантеса, вряд ли знают про Дон Кихота. Но за державу обидно.

Ришелье. Государство превыше всего

Думаю, трудно найти человека, который бы не читал «Трех мушкетеров» Дюма. Пожалуй, это одна из самых любимых, самых «зачитанных» книг. Не могу представить себе юность без нее. Но и в зрелые годы снова к ней возвращаешься, уже, правда, по-другому, как к историческому источнику. Потому что события, описанные в книге и касающиеся, в частности, кардинала Ришелье, это не вымысел. Мало того, историческая правда! На самом деле Дюма опирался на мемуары современников, прежде всего воспоминания принца Ларошфуко – оппозиционера, недруга Ришелье. Они не любили друг друга. Но все-таки Ларошфуко остался в живых, несмотря на то что Ришелье был беспощаден к тем, кто, по его мнению, был опасен для государства.

Ларошфуко писал много, подробно и искренне о том, что происходило на его глазах или о чем он слышал из достоверных источников. Поэтому события, герои, их отношения, расстановка сил при дворе и даже история с подвесками – все это чистая правда. Перу Дюма принадлежат эмоциональные оттенки, окраска. Он художник, и художник талантливый. Красочный, эмоциональный фон ему совершенно необходим, иначе не было бы романа, и мы лишились бы этой радости – читать «Трех мушкетеров». Дюма не погрешил против истины, когда писал о любви Ришелье или, скажем мягче, его симпатии к Анне Австрийской. Это было замечено многими при дворе. Но… наш герой давал епископскую клятву, в которой назвал своей невестой Церковь.

Арман Жан дю Плесси не стремился стать епископом. Этот сан был предназначен его старшему брату, но тот категорически отказался от него. Это угрожало финансовому положению семьи, так как были бы утрачены доходы от владения, полученного при Генрихе III в местечке Плюсси в трехстах километрах от Парижа. Его родители были не особенно богаты. Мать стала умолять: «Арман, семье угрожает утрата этих денег». И он как человек долга не только в отношении государства, но и в отношении своих родных ушел из военного училища и стал епископом. А ведь мечтал стать маршалом, и нет никаких сомнений в том, что он мог бы им стать! Ришелье не раз командовал французскими войсками во время Тридцатилетней войны. И командовал успешно.

Вообще у него были многочисленные таланты. Он оказался прирожденным придворным, мастером политической интриги, готовым как к компромиссам, так и к жестокости, когда это было

необходимо. Он был всесторонне одарен, но меньше всего рвался к церковной стезе. Вернее, он даже не помышлял о ней, но долг перед семьей вынудил его принять церковный сан, и свалившемуся на него нежданному выбору он следовал неукоснительно. Но все это вовсе не значит, что ему не могла понравиться Анна Австрийская. Ей было 24 года, и она была первой красавицей в Европе. Почему он должен был оставаться к ней равнодушным? Как раз в это время из Англии с дипломатической миссией посватать сестру короля Людовика XIII приезжает блистательный герцог Бэкингем, и он тоже сражен Анной Австрийской.

Итак, действие начинается. Великий Ришелье родился 9 сентября 1585 года. Его отец – не последняя фигура во Франции, но и не особенно важная – занимал пост главного прево Франции. Это служба порядка. У матери – полученное, жалованное дворянство. В это время дворяне имели разные статусы. Отец – из потомственных, родовитых дворян Пуату. Скажем прямо, местечко не самое престижное. Не так плохо, как Гасконь, но тоже Юго-Запад Франции. Наследственное владение небольшое, от Парижа достаточно далеко, это провинция. Отец возвысился при Генрихе III, последнем Валуа. Но вскоре начинаются распри, религиозные войны, и Генриха убивают при штурме взбунтовавшегося Парижа. Рядом с ним был отец нашего кардинала.

После смерти отца семья остается плохо обеспеченной. Тем не менее, Арман был принят в Наваррский колледж, самый престижный в стране, где учились короли – Генрих III и Генрих IV. Здесь говорили только по-латыни, изучали испанский и итальянский языки. Он во всем этом преуспел. И преуспел настолько, что, решив под давлением родных принять церковный сан, он, двадцатилетний юноша, замахнулся сразу на высокое церковное звание кардинала. Для этого нужно было официальное согласие римского папы. Но Арман был слишком молод, на это звание он мог претендовать лишь после 23-х лет. Однако юноша проявил упорство – отправился через Альпы в Рим и произнес перед папой на латыни такую речь, что тот сказал: «Коль человек так возвышен своими талантами, надо сделать для него исключение». Арман был блестящим юношей, со многими дарованиями, и в Риме заметили и оценили это.

Арман принимает имя Ришелье и становится епископом города Люсона, епископом люсонским. Не сразу и не вдруг складывается его карьера, хотя он рвался ко двору. Очевидно, впервые он обратил на себя внимание во время созыва Генеральных штатов в 1614 году. Какие лозунги он выдвинул?

«Франция для французов» – это был верный девиз и по разным причинам затрагивал сердца многих патриотов. Второй призыв Ришелье был абсолютно беспроигрышным во все времена и идеальным для борющихся за власть: «война коррупции». Вот с этими лозунгами он и обратил на себя внимание.

Еще более привлекательной была его личность. У него было все то, что отличает человека выдающегося от ординарного – уверенность в себе, безукоризненный язык, темперамент, эмоциональность. Не могу удержаться, чтобы не прочитать маленький отрывок из сочинения, который он написал, еще не будучи заметным придворным. Текст называется «Наставления и правила, которыми я намерен руководствоваться, когда буду состоять при дворе». Это было время царствования Генриха IV. Что же пишет Ришелье? Это своего рода инструкция, интересная во все времена. Ибо всякая власть стремится к абсолюту. А Ришелье служил монархии, формировал абсолютную власть во Франции и делал это умело. Он пишет: «Надлежит почаще повторять королю, что только обстоятельства вынуждают меня ограничиваться оказанием маловажных услуг и что для верноподданного нет ничего трудного или невозможного на службе у такого доброго государя и такого великого монарха». Заметьте, монарха при этом могут звать как угодно, ты только говори ему, что он велик. «Важнее всего – наблюдать, откуда именно дует ветер. И не мозолить глаза королю, когда он в дурном расположении духа. Особенно важно заручиться расположением таких служащих, которые в чем-либо могут пригодиться. Письма, которые опасно сохранить, следует немедленно сжечь». Вот таких жизненных правил придерживался Ришелье. Он сам их для себя открыл, сам убедился в их безотказном действии и стал применять в жизни.

В фильмах Ришелье упрощают, представляя примитивным злодеем. Это далеко не так. Он идеолог, апологет нескольких основополагающих идей начала Нового времени. «Власть должна быть сильной», – это одна из них. А к народу он относился, как это не покажется странным, абсолютно искренне, а вовсе не цинично, как принято считать. В средневековом обществе искренне верили, что народ – это мул, которого надо нагружать, но до разумного предела. Тут важно не переусердствовать, но, с другой стороны, если мул находится в бездействии, у него решительно портится характер и поведение. В своем знаменитом политическом завещании Ришелье воспроизводит этот взгляд на народ. Думаю, лучше, чем французский средневековый поэт Бертран де Борн, никто не сказал об отношении господствующего класса к простому народу: крестьяне – это навозные жуки. «И мне

любо видеть его грязным, забитым – это его доля». Примерно эту идею продолжает Ришелье: возвышен над всеми лишь государь, власть его должна быть реальной, истинной и сильной. Дворянство – очень важная часть общества, создающая культуру, формулирующая законы, хранящая традиции. У дворянства опасная, подчас очень трудная и ответственная роль. А народ создает материальные ценности, тем и служит отечеству. Навозный жук, одним словом! Соблюсти баланс между всеми этими частями сложнейшего организма – вот в чем видел Ришелье свою задачу.

Филипп де Шампень.
Кардинал де Ришелье. Примерно 1635 год

А задача его была очень непростой: кто грешен, того на эшафот. Рубил он головы известным дворянам за заговоры. Но самое поразительное, он запретил дуэли и вознамерился рубить головы дуэлянтам. Поначалу никто не воспринял этот запрет

всерьез. В 1619 году погиб старший брат Ришелье, тот самый, который отказался идти в священнослужители, но который очень помог Арману продвинуться при дворе. К нему, как, впрочем, ко всем в своей семье, Ришелье был очень привязан. Брат погиб на дуэли. Кардинал этого не забыл.

Несмотря на недовольство дворян запретом, ведь дуэли – это их привилегия, Ришелье добился первых казней. 22 июня 1627 года были казнены знаменитый дуэлянт граф Бутевиль и его секундант, тоже граф – де Шапель. Это произвело на дворянское общество сильнейшее впечатление. Возникают заговоры, воцаряется атмосфера ненависти и страха. Ришелье отвечал казнями заговорщиков, а заговоры возникали постоянно, и казни не прекращались. Но удивительно: враги в своих документах, мемуарах, письмах, пересказах современников, при всем при этом отдавали ему должное. Они оценили его политическую смелость и твердость.

Королеве Анне Австрийской, прелестной молодой красавице, жене Людовика XIII, которую кардинал, вероятно, любил, он вредил и сильно досаждал. Досаждал, потому что ревновал ее к Бэкингему. Но дело не только в этом. Она, испанка, представительница всесильного дома Габсбургов, попыталась вмешаться в политику Франции в пользу своих соотечественников. Этого Ришелье допустить никак не мог. В этом случае его личные чувства отступали, и ничто не могло остановить его. А ее так дома научили: «Никогда не забывай, – говорили ей родители, – что ты испанка». Для Ришелье же существовал один бог – Франция. Он идеолог абсолютизма, убежденный сторонник величия французского государства, которому беззаветно служил и преуспел в своем служении. В основном именно его усилиями, а потом уже и Мазарини, механизмы абсолютистского правления во Франции достигли почти совершенства и стали образцом.

Отличной «почвой» для заговоров и недовольства были феодальные бароны, принцы крови, многочисленные родственники королей, в том числе незаконнорожденные королевские дети. Напомню, что отец Людовика XIII, Генрих IV, оставил множество узаконенных бастардов, признанных герцогами. Признанные и не признанные, все они были королевской крови, и потому могли оказаться наследниками престола. Их называли «дети Франции». И это была гремучая, взрывная масса в переходную эпоху. Потому что они все хотели жить по-старому, как в Средние века: воевать, сражаться (отсюда и страсть к дуэлям), получать средства существования от мула-народа, не участвуя, естественно, ни в какой производительной

деятельности. А Новое время уже вступило в свои права, и Ришелье понимает, что надо поддерживать мануфактуры, покровительствовать отечественному производству. И совсем не знатные люди нужны будущему, нужны стране. Старое дворянство мешает, его и теснит Ришелье.

А при дворе своя жизнь. Бэкингем, прибывший из Лондона, производит на Анну Австрийскую ошеломляющее впечатление. Ларошфуко описывает их бурные, пылкие встречи, о которых Дюма говорит более аристократично и сдержанно, без пикантных подробностей. Вспыхнувший роман мгновенно становится «секретом Полишинеля». Ришелье был прекрасно осведомлен о нем, и сам несколько раз мог видеть их встречи. Однажды не сдержался, ворвался в спальню, пал на колени, молил ее оставить Бэкингема. История была действительно бурная. Правда и то, что у Ришелье в Англии была возлюбленная, графиня Карлейль, прообраз Миледи в романе Дюма. И Ришелье просил ее следить за Бэкингемом, поскольку это – враг, противник, соперник Французского королевства, тут дело не только в Анне Австрийской. Вот она и подметила, что Бэкингем стал носить новые, очень эффектные алмазные подвески. На балу, как пишут мемуаристы, они были, видимо, ею срезаны. Обнаружив пропажу, Бэкингем закрыл все английские гавани для выезда. Как разворачивались действия дальше – известно по книге. Кроме совсем уж незначительных деталей, вся канва главного сюжета, главной коллизии «Трех мушкетеров», построена на документах.

Откуда же взялся Мазарини, сменивший всесильного кардинала? Ришелье уникален: он нашел себе продолжателя, преемника, политического наследника и успел вывести его на историческую сцену, уже будучи очень больным и хорошо понимая, что скоро уйдет из жизни. Он познакомил Мазарини с Анной Австрийской – а ведь она станет регентшей на несколько лет при малолетнем Людовике XIV. По словам современников, он сказал примерно следующее: «Познакомьтесь, Ваше Величество, Вы его полюбите. Он чем-то похож на Бэкингема». Не забыл, не смог промолчать! А затем, как считается, у Анны Австрийской был тайный брак с Мазарини, и они жили достаточно открыто вместе.

Вернемся к противникам Ришелье. Поступая с ними жестоко, он не раз говорил: «У меня нет врагов, мои враги – это враги государства». Двусмысленная, кстати, фраза, особенно если вспомнить нашу историю. Для Ришелье врагами государства были знатные и близкие ко двору люди. Такие, как герцоги Монморанси, Шале, Орлеанский и последний, самый знаменитый фаворит короля, двадцатилетний неотразимый красавец Сен-Мар.

Все они будут казнены по наущению великого кардинала.

В чем же дело? Дело вполне понятное: если Франция не расстанется со своими средневековыми традициями, то придворная знать будет вертеть королями, как это не раз бывало в прошлом. Вот почему на первое место он ставил то, что формулировал как государственный интерес. И в этом смысле представители старой знати были не просто его личными соперниками, он их воспринимал как врагов единой сильной власти. Любая власть стремится к абсолюту. Таково свойство этой философской и социальной категории. В любом масштабе – в маленьком и, конечно, в большом, в размере государства.

Король Людовик XIII и Ришелье умерли с разницей в несколько месяцев. Я хорошо помню замечательную, историческую фразу Ришелье перед смертью (она приведена у Дюма, а также в чьих-то мемуарах): «Я иду, чтобы указать Вам дорогу, Ваше Величество». Через полгода и Людовик XIII умирает.

Анна Австрийская и герцог Бэкингем.
Рисунок XIX в. Фото репродукции

Итак, вернемся к Сен-Мару. Уже в конце жизни Ришелье сам приближает ко двору этого юношу. Но те, кто ненавидел Ришелье всерьез, его соперники в придворной жизни, вовлекли Сен-Мара в очередной заговор против кардинала. Было решено убить

Ришелье в тот момент, когда рядом с ним не будет стражи. Расчет был простой – врагов у кардинала при дворе столько, что король не посмеет всех наказать.

Но, по сообщениям источников, происходит нечто поразительное. Взглянув в глаза кардиналу, Сен-Мар оцепенел и не смог отдать команды расправиться с ним. Такое уже случалось. Гипнотическую силу взгляда кардинала испытал на себе другой известный заговорщик – герцог Орлеанский. В обоих случаях убийство, которое казалось делом весьма вероятным, удалось предотвратить.

Франсуа Жирардон. Гробница кардинала Ришелье в капелле Сорбонны, Париж. 1694 г.

Фото репродукции

Каким предстает Ришелье в воспоминаниях и в художественной литературе? Тонкие черты лица, красивые жесты, аристократическая бледность, афористическая речь, политическая мудрость – все это так. Это находит подтверждение и в иконографии, то есть в прижизненных портретах, и в описаниях – в документах, мемуарах, рассказах. Относительно гипнотического взгляда не говорится ничего. Но факт остается фактом: Сен-Мар и герцог Орлеанский казнены, а Ришелье остается жив.

Да, конечно, казни были, но государственный интерес всегда стоял для него выше личного, даже в случае с Бэкингемом. Как известно, английского премьер-министра убивает католический фанатик накануне того дня, когда тот должен был возглавить флот, направляющийся на помощь протестантской Ла-Рошели. Уж больно своевременно убивает! Под угрозой – интересы Франции. А если была крайняя необходимость, погнушался бы Ришелье тайным убийством? Думаю, нет. Потому что Ла-Рошель была для кардинала символом религиозно-дворянской смуты, и эту занозу надо было выдернуть окончательно. Так считал Ришелье.

Он сам был родом из Пуату, он хорошо знал эти места и особенности местных дворян. Он знал их сепаратистские традиции, древние и глубокие. И, думаю, дело в том, что очень давно, в юности, он дал самому себе раз и навсегда индульгенцию, называемую «государственный интерес». Он сам с собой твердо договорился и был убежден, что ради Франции можно все. Бог не осудит. А человек он был глубоко верующий, много молился, однако расправу с врагами грехом не считал. Такая крупная личность не может быть однозначной.

При его идеализации авторы, включая современных, выдвигают интересные сравнения. Чаще всего его сравнивают с Бисмарком. Ришелье создал великую и могучую Францию, Бисмарк «железом и кровью» – методы сходны – объединил Германию, заложил основу для ее могущества. Сравнивают его с Петром I, хотя контекст, конечно, другой, характер и судьбы очень разные. Но сходны результаты их политики и та главная краеугольная идея, которая лежала в основе всех действий и поступков – величие государства превыше всего.

В нашем сознании с подачи подобных личностей понятия государства и общества были сильно спутаны. Государство – и им, и нам, особенно в советское время – казалось чем-то, что важнее

человека и самого общества. На его благо нужно было трудиться не покладая рук и даже отдавать жизнь, в случае если оно этого потребует. Эта абсолютистская, в корне ложная идея, ни к чему хорошему никогда не приводила, но адепты ее рождаются до сих пор.

Но как удалось Ришелье стать первым человеком в государстве? Мало ли было епископов вокруг? Будущему Людовику XIII было девять лет, когда его отец, Генрих IV, был злодейски убит фанатиком во время торжественной процессии. Регентом при малолетнем короле стала его мать, Мария Медичи. В стране религиозные войны, одним словом – смута. Такие, как Мария Медичи, нуждались в сильной опоре. Ришелье прилагает усилия, ему помогает старший брат, который уже при дворе. И в результате он завоевал доверие правительницы. Ничего удивительного: если уж он на папу римского произвел такое впечатление, что раньше срока стал епископом, то воздействовать на женщину эмоциональную и, как дружно говорят современники, не самую умную и явно нуждающуюся в умных советах, было намного легче. Да, Ришелье умел нравиться и нравился не только ей. Он становится духовником Анны Австрийской. А дальше – Генеральные штаты 1614 года – важный момент его биографии. Ришелье заметили, к нему стали прислушиваться. Талантлив был человек, это бесспорно! Он учится в военном колледже всего два года – а потом в ряде сражений Тридцатилетней войны сыграл очень заметную роль. Да и взятие Ла-Рошели – это его заслуга, страница его военной биографии. Когда не было возможности победить силой, он умел договариваться. Тридцатилетняя война 1618–1648 годов завершится уже после Ришелье, лавры победителя достанутся Мазарини и Людовику XIV, Королю-Солнце, но Ришелье заложит основу для будущих успехов, и его роль в этом трудно переоценить.

Посмертная судьба Ришелье была чудовищной. В ходе Французской революции его останки были вытащены из гробницы, брошены на мостовую, и толпы парижан с хохотом пинали их и гоняли ногами его череп, словно футбольный мяч. Откуда такая ненависть?

Толпа – это явление страшное, особенно в первые годы Великой французской революции. Бастилию срыли до основания! Спрашивается, для чего уничтожать прекрасный замок? Ответ простой – это был символ, ненавистный символ власти, силы и несправедливости. Вот и уничтожили. Ненависть толпы была обращена не персонально к Арману дю Плюсси, а к кардиналу Ришелье, олицетворявшему абсолютизм. Ришелье прожил такую

жизнь, что остался в памяти потомков апологетом абсолютной королевской власти. Он не просто монархист. Он супермонархист. Все говорили о нем: «Всесилен, всесилен». А он в соответствии со своей инструкцией только и делал, что воспевал величие короля. Он никогда не был временщиком. Он был первым министром. А король для него – это идея. С этой идеей восставшие в 1789 году французы насмерть бьются, не зная, что это будет названо Великой французской революцией. Они бьются с абсолютизмом, который сделал атмосферу во Франции к концу XVIII века столь удушающей, что отдать в этот момент должное апологету абсолютизма было невозможно.

Сегодня во Франции к нему относятся с уважением, почти как к Наполеону. И это понятно. Французами очень долго владела идея сильной власти. И я не могу сказать, что она полностью исчезла и сегодня. Де Голля ведь тоже подозревали во властолюбии. Во Франции демократии трудно, и иногда начинает казаться, что с идеей всесилия монарха жить проще, однако же это далеко не так. И история демонстрирует это всякий раз, когда власть начинает превышать свои полномочия.

Галилей. Фигура эпохи Возрождения

Мы знаем о Галилее не так уж мало: он боролся с церковью, пытался объяснить строение мира, убедился, что Земля вертится вокруг Солнца, но, испугавшись Инквизиции, отрекся от своих взглядов и, отрекаясь, якобы сказал: «И все-таки она вертится».

Говорил ли он эти слова? Или это красивый миф? Слишком рискованно на суде Инквизиции. Мысленно, наверное, говорил. Но дело в том, что с Галилеем произошла удивительная вещь: этот эпизод его долгой, интересной, яркой жизни затмил и жизнь эту, и его самого. О Галилее написано много. И все-таки, в мнении народном, инквизиционный процесс вытеснил все остальное. А между тем Галилей, например, завещал похоронить себя в церкви Санта-Кроче, рядом с Микеланджело. И через сто лет после смерти его воля была исполнена. Этот факт говорит о многом, потому что в его натуре и биографии было много такого, что роднило его с Микеланджело и уж, конечно, не сводилось к знаменитому «все-таки она вертится».

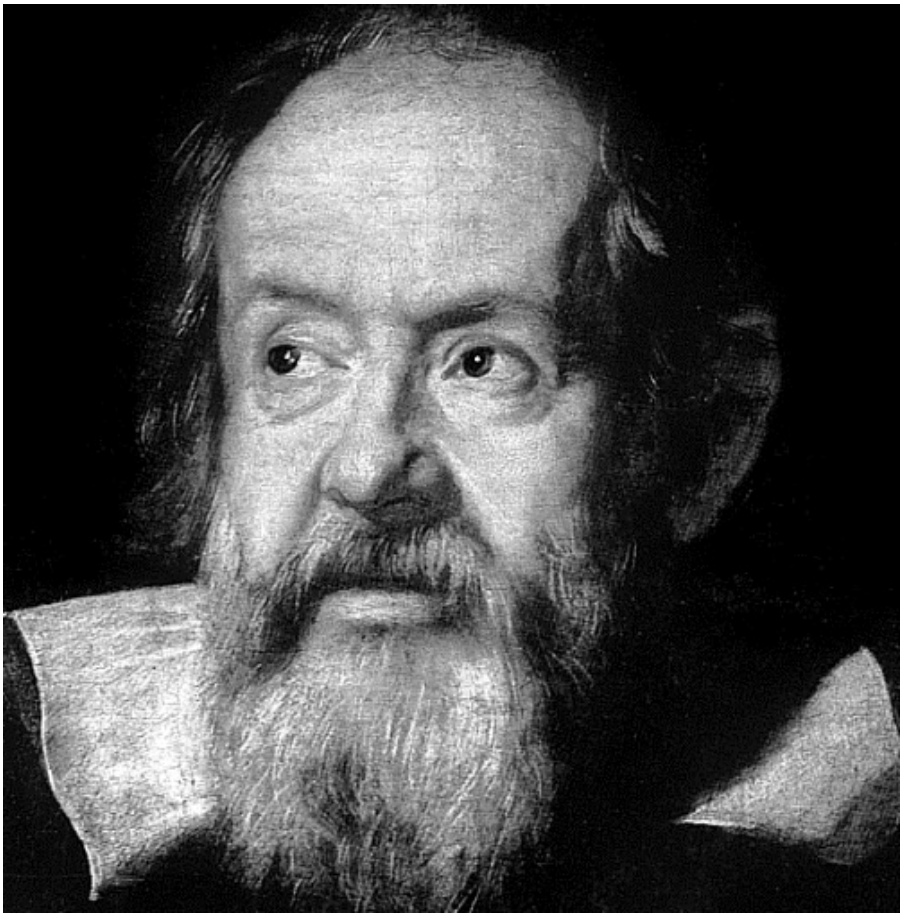
Галилей неповинен в своей посмертной однобокой славе. Это сделали потомки. В разные эпохи люди видели в нем пример – пример революционного мышления. Галилей отказался от привычного видения мира, отверг птолемеевскую систему, в которую верили на протяжении тысячелетия. Верили? Более того, не сомневались: Земля – центр мироздания, вокруг нее вращается Солнце. Это так естественно для людей. Такой взгляд, отчасти опиравшийся на Аристотелеву «Физику», христианская церковь превратила в догму. И потому усомнившийся в этом Галилей – не просто усомнившийся, а совершенно уверенный, что мир устроен иначе, перевернул тем самым всю свою жизнь.

Вспомним факты из его биографии. Он родился в Пизе в 1564 году, прожил 78 лет – срок огромный для XVII века. Умер Галилей в 1642 году под Флоренцией, в Арчетри, в своем имении. Последние годы были омрачены тяготами домашнего ареста – девять лет он был узником Инквизиции.

Его всегда увлекала физика. Механик, технический гений, астроном, он одновременно был и поэтом, филологом, критиком. Он изумительно играл на лютне, доставлял наслаждение слушателям своей игрой, увлекался живописью и писал картины, которые, увы, до нас не дошли. Ему принадлежали трактаты по живописи, по искусству. Словом, он был человек Возрождения!

Его отец – музыковед, страстно увлеченный музыкой, тонко чувствующий искусство, хотел, чтобы Галилео, его старший сын, стал врачом. Врачам очень хорошо платили. А семья беднела.

Отец время от времени с неохотой занимался торговлей сукном, чтобы поддержать семью, а потом снова отдавался искусству. В доме всегда звучала музыка. До одиннадцати лет Галилео учился в школе в Пизе. Затем семья переехала во Флоренцию, где он продолжил обучение в местном монастыре. Он изучал историю искусств, латынь, греческий. Классическое образование в эпоху Возрождения! Затем он поступил в Пизанский университет на медицинское отделение, как велел ему отец. Но его влекли математика и физика. Галилей еще не думал о звездном небе, его интересовали проблемы движения. Он задавался простыми вопросами: что такое движение, почему камни, которые он кидал с Пизанской башни, падают на землю. Галилео тайком от родных начинает заниматься математикой с преподавателем, кстати, другом отца. Боясь столкнуться с непониманием, он прячет от посторонних глаз книги по математике, прежде всего Евклида, и свою, можно сказать, настольную книгу – «О физике Архимеда». Когда отец появлялся в его комнате, на видном месте всегда лежали сочинения Гиппократа – на всякий случай, чтобы он думал, что его сын изучает медицину.



Неизвестный художник.
Галилео Галилей. XVII в.
Фото репродукции

Он никогда не превращался в сухого ученого, который занимался только своими профессиональными вопросами. Да это и не было в духе времени. В его доме всегда звучала музыка, слышались разговоры, споры об искусстве. Современник и биограф Галилея Вивиани оставил нам замечательное сообщение: «Так как отец однажды объяснил ему, Галилео, что живопись и музыка, к каковым искусствам Галилей сильно тяготел, имеют своим источником и основой геометрию, то сие побудило в нем потребность в ее изучении». Так, значит, стимулом для изучения геометрии были музыка и живопись!

Галилей – блистательный спорщик – получает среди студентов прозвище Задира. Дискуссия, диспут увлекают его.

Человеком, сильно повлиявшим на Галилея, был его учитель математики Остилио Риччи. Выдающийся ученый, он чуть позже

стал советником по вопросам математики при Тосканском дворе. Не правда ли, интересно, зачем при типичном итальянском дворе советник по вопросам математики? Оказывается, нужен: строительство крепостей, укреплений и огнестрельное оружие – все это в его компетенции. Изучение этих наук имело прагматическую сторону и относилось к военному делу – военной инженерии, в то время решительно рванувшей вперед. Между прочим, Леонардо да Винчи, когда искал себе применение при дворах итальянских правителей, позиционировал себя прежде всего как военного инженера: «Умею строить подкопы, умею обеспечить подрыв этого подкопа под крепостью», – заявлял он. Писать трактаты по инженерному делу – для этого необходим писательский талант. Произведение на любую тему должно быть художественно оформлено. Таково требование эпохи Возрождения. И потому среди занятий Галилея есть и литература. А писать по военному делу ему приходилось много, ведь он – основатель баллистики. В других науках он был недоучкой.

Как это? Галилей-недоучка – это нонсенс. Дело в том, что его не удовлетворяла система обучения, учили-то по канонам очень жестким, в университетах царили догмы, сложившиеся еще в Средневековье. Не удовлетворял и стиль преподавания. Впоследствии он сам станет педагогом, преподавателем, блестящим лектором.

И тем не менее именно его выгонят из университета. Уволили его из Пизанского университета из-за одной простой истории: он раскритиковал трактат вельможи по поводу гидравлической машины. К сожалению, вельможа этот оказался побочным сыном Козимо Медичи… Не помогло даже то, что этот правитель был учеником Галилея. В сущности, мир в своих поступках мало меняется.

Надо сказать, что, несмотря на доходы поместья, которым владел Галилей, он жил очень стесненно, вынужден был преподавать ради денег. Зарплату в Пизе он получал очень скудную – 60 скудо в год. Такая вот тавтология получается. Для сравнения, зарплата профессора медицины составляла две тысячи скудо. Никогда в своей жизни Галилей этих двух тысяч в год не получил. Никогда! Он был счастлив, когда платили тысячу скудо в год за частные уроки, которые он давал детям местных аристократов. В моде была наука, и потому учеников нашлось немало.

Но и уроки не помогали. Тогда он организовал для своих учеников полный пансион. И все равно с трудом сводил концы с концами. На то была причина. После смерти отца, сравнительно ранней, на его попечении остались две сестры и брат. Брат –

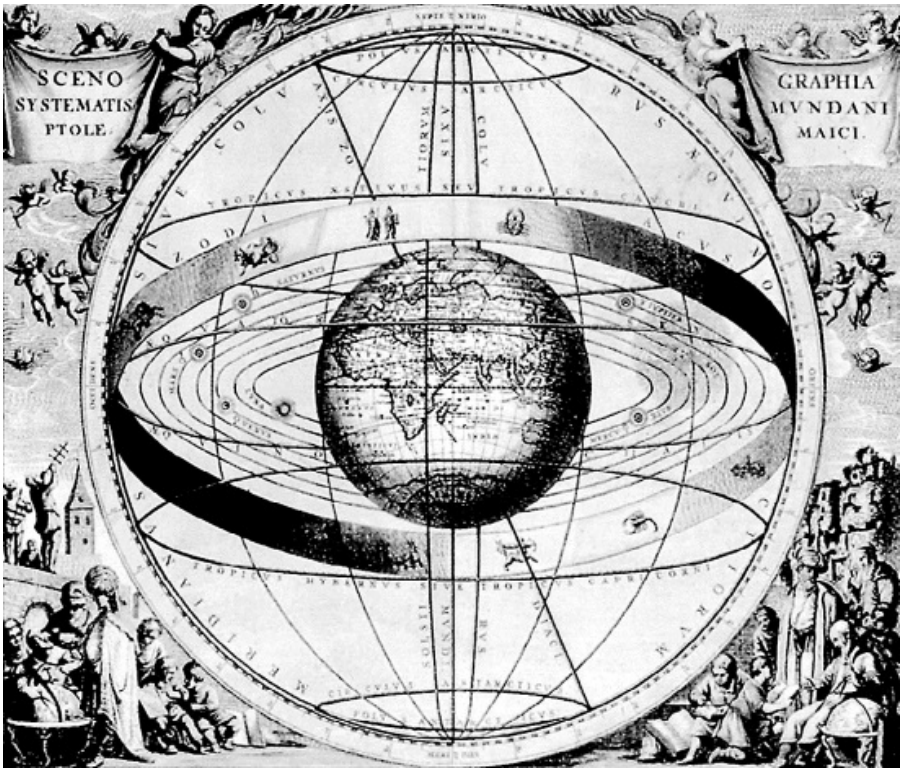
человек легкомысленный, склонный к мотовству, не умеющий зарабатывать, – был талантливым музыкантом. Он все время требует у Галилео денег. Так, на свою свадьбу он запросил немыслимую сумму. Сестрам тоже нужно было помогать. Галилею приходилось очень трудно.

Всю жизнь Галилей окружен недругами. Слишком неординарен, слишком заметен был этот человек. То ему не нравится, что преподаватели должны ходить в торжественной мантии, то он час наблюдает, как летят брошенные им с Пизанской башни шары разного веса, желая доказать, что законы движения иные, чем принято было думать. Аристотель в свое время считал, что чем тяжелее предмет, тем он падает быстрее. Это кажется таким логичным! Во время службы в церкви Галилей засекает амплитуду движения кадила… В церкви молиться надо, а он время отмеряет по собственному пульсу. Словом, Галилей прослыл чудаком, да еще с гонором, со своим мнением, на котором настаивает. Таких обычно не любят и гонят.

Он все-таки станет профессором университета – университета в Падуе, в Венецианской республике. Не будем забывать, что Венецианская республика только что выдала Инквизиции Джордано Бруно. И теперь туда приглашен Галилей. Он приглашение принимает, потому что обещаны деньги. Пока малые – 72 скудо вместо 60. Но… он рад переменам, надеется на лучшее, блестяще читает вступительную лекцию. С тех пор лекции Галилея проходят в переполненных аудиториях. Это вызывает нелюбовь коллег. Как можно простить такую популярность? Но это еще не все. Он живет гражданским браком с Мариной Гамбой, венецианкой. У них уже трое детей. Жить с прелестной венецианкой – это нормально. Но держать ее в своем доме, иметь детей, будучи невенчанным, – неслыханное богохульство. Когда со временем у них в доме поселилась и его мать, которая не очень ладила с Мариной, повседневная жизнь Галилео сделалась очень тяжелой.

Но не все было так безнадежно: он приглашен ко двору того самого Козимо Медичи, который когда-то был его учеником. Теперь Галилей – философ, математик, астроном при флорентийском дворе. Он занимает это место долго, почти два десятилетия. Обласканный двором, он получает официальное звание – Первый математик Пизанского университета Тосканского герцогства. Ему 46 лет. Он пишет герцогу: «Я хотел бы перестать читать лекции». Почему? «Мне нужен досуг, – поясняет он. – Но не для праздности, для написания нескольких книг, которые рвутся из моей головы, из моего сознания». Одна из них – та, которая его и погубит. Для того чтобы понять, что

произошло потом, надо напомнить: эпоха, в которую жил и творил Галилей, явилась мрачным предисловием к его судьбе. Почему мрачным? Ведь произошли Великие географические открытия, и Колумб, и Васко да Гама открыли морской путь в Индию, а Фернан Магеллан совершил первое кругосветное путешествие. В том, что Земля шар, уже никто не сомневается… Но не будем забывать и о другом… С 1545-го по 1563 год, в течение 18 лет с перерывами, работает знаменитый Тридентский собор, призвавший апологетов католической церкви сплотить ряды перед лицом надвинувшейся угрозы – Реформации. Поначалу они – Лютер, Кальвин – казались обычными еретиками, мелкими отступниками. Но оказалось – целые страны охвачены их идеями! В Голландии произошла кальвинистская революция. Страшно! И вот как раз в год рождения Галилея в результате деятельности Собора был выработан и принят новый символ веры для католиков, с клятвой послушания папе. Понятно, что это была ловушка для многих. Механизм контрреформации был запущен. Составлен индекс запрещенных книг – «Index librorum prohibitorum». Впоследствии в течение почти двухсот лет он неизменно включал книгу Галилея «Диалог». В 1540 году папой утверждено создание Ордена иезуитов. Игнатий Лойола, основатель этого ордена, организовал его исключительно с целью борьбы против всякой ереси.



Система Птолемея.
Гравюра XVI в.
Фото репродукции

В 1542 году была проведена реформа: преобразована Инквизиция, которая существовала с XIII века. В результате преобразований был укреплен ее давний принцип: «лучше осудить десять невиновных, чем оправдать одного виновного», запрещена какая-либо защита обвиняемых, допускалась анонимность свидетелей. Задачей судьи объявлялось (вот это ново!) не столько наказывать виновного, сколько раскрыть его тайные намерения. Слово «намерения» – ключевое. Потому что «злая воля», «склонность к преступлению» отныне караются с той же жестокостью, что и свершившееся злодеяние. Распознать в человеке «злую волю», то есть склонность к богоотступничеству, можно пытками. Тем более что, согласно воззрениям инквизиторов, испытание тела возвышает и очищает дух. Жизнь Галилея удивительно вписалась в эпоху. Он родился, когда началась антиреформационная консолидация, и созрел как выдающийся ученый, механик к тому моменту, когда все было готово к тому, чтобы испытывать человеческое тело в борьбе со злыми намерениями.

К этому времени Галилей – знаменитый человек, придворный

ученый, философ, астроном, физик, не лишенный художественных способностей. Он великолепно работает руками. К слову, циркуль, созданный им для строительных расчетов и собственноручно изготовленный, был настоящим произведением искусства. Приобрести этот циркуль желали многие.

Галилей изготовил зрительную трубу, впоследствии ее назовут телескопом. Он смотрит на звезды и показывает их всем желающим. И вдруг выясняется: Млечный Путь – не пятно на куполе небесной тверди, а сгущение звезд. Он открывает новые звезды, он видит спутники планет… Первый его телескоп давал увеличение в три раза, последующие – в девять и, наконец, – в тридцать два раза. В изготовление телескопа он вкладывал весь свой талант художника.

Галилей написал несколько литературных произведений. Из-за одного из них его вызвали в Рим, как раз в то время, когда труды Коперника внесли в индекс запрещенных книг. На самом деле этот вызов в Рим 1613 года подвергается некоторыми современными исследователями сомнению. Но вокруг него сгущаются тучи – это было совершенно очевидно. Потому что его деятельность попадает под запреты Тридентского собора, которые стали флагом современности для католической церкви. Тысячу с лишним лет начиная с IV века она была абсолютной владычицей умов, собственноручно рисуя картину мира, редактируя ее так, как считала нужным, наказывала отступников. После тысячелетнего идеологического господства смириться с изменившимся статусом было невозможно.

Галилей пишет о своем видении картины мира и о своих собственных наблюдениях. Но ему не все верят. В трубу его знаменитую посмотрят – восхитятся. А потом говорят: «Да может быть, это просто ночь такая была, а в более темную ничего не видно». Вот о таких недоброжелателях он пишет: «Пока они не допустят что-либо изменить на небесах Аристотеля, они яростно будут оспаривать то, что видят на небесах природы. Не верят, даже когда видят».

И вот в 1632 году он создает свой знаменитый труд «Диалог». «Диалог» – это разговор трех людей об устройстве мира. Какие выводы может сделать читатель из их разговора? Наука не может опираться на цитаты, как было на протяжении тысячи лет. Нужен опыт: наблюдение за звездным небом, за падающими шарами и за качающимся кадилом… Кроме того, трое собеседников анализируют птолемеевскую и коперниковскую модели устройства мироздания, но не делают окончательных выводов, какая из них лучше. Самый простодушный из них, «симпличчио», все время вскрикивает: «Ой, неужели это так! Ах, как интересно!»

Что и говорить, он немного глуповат. И как только книгу издали и начали распространять первые экземпляры, недруги Галилея пустили слух, что в образе простака выведен сам римский папа Урбан VIII. Когда эта молва дошла до папы, неглупого человека, близкого знакомого Галилея, он был взбешен. К тому же в окружении папы было много людей, которые говорили: «Пора бороться с ересью, пора наказать и Галилея». Вызов Галилея в Рим означал начало инквизиционного процесса. Впереди – допросы, несколько допросов. Как они проходили? До сих пор это остается спорным моментом. Ему показали орудия пытки или применили? Неизвестно. Но разговор сводился к одному: он должен категорически отказаться от учения Коперника, отречься от своих наблюдений, признать, что истинна аристотелева картина мира и прежняя, птолемеевская. Так или иначе, но Галилей приносит покаяние.

Как только не характеризуют его поступок: как следствие испуга от пыточных орудий, как проявление малодушия, как пример рационального расчета – «покаюсь, но еще много успею написать». Но сколько бы мы ни спорили о мотивах, покаяние принесено. Он каялся, стоя на том месте, на котором Джордано Бруно выслушивал свой смертный приговор. Бруно категорически отказался отречься от своих взглядов и был сожжен на площади Цветов в Риме. Бруно был моложе и сильнее. Он сказал инквизиторам (хотя, наверное, это тоже миф): «Произнося приговор, вы дрожите больше, чем я, выслушивая его».

Что же произошло дальше? Приговор Галилею был ужасным, лицемерным, как сама Инквизиция, – бессрочный домашний арест, книга «Диалог» запрещена навсегда. «Навсегда» не получилось: идите сегодня в магазин и купите ее. В течение ближайших трех лет Галилею предписано вычитывать семь покаянных псалмов в день, далее – по усмотрению церкви. Приговор подписали семь из десяти кардиналов. Значит, не было согласия даже в самой Инквизиции.

Жизнь делает свое дело, смягчает самое строгое наказание. Вскоре появились некоторые послабления и в «покаянной жизни» Галилея. Сначала было разрешено принимать друзей, приходящих поодиночке, разговаривать с ними о спасении души при постоянном наблюдателе-монахе. Дальше – больше: к Галилею стали наведываться люди, которым удалось-таки увезти его новую книгу – «Беседы и математические доказательства» – за границу, где она была издана. Придраться церкви было не к чему, потому что в книге не было ничего об устройстве мироздания, а только о движении, механике, математике.

Великий гений Возрождения Галилео Галилей умер в 1642 году собственной смертью, но «под контролем церкви». Он скончался ровно в тот год и день, в который родился Ньютон. Такая вот поразительная передача искры великой мысли… В ту эпоху тесно было от великих личностей. И потому они все время пересекались, встречались.

В ноябре 1979 года, более чем через 300 лет после смерти Галилея, папа римский Иоанн Павел II официально признал, что Инквизиция в 1633 году совершила ошибку, силой вынудив отречься ученого от теории Коперника. Практически он принес Галилею извинения.

Карл I Стюарт. Репрессированный монарх

Жизнь английского короля Карла I настолько богата событиями, переживаниями, потрясениями, что их хватило бы не на один роман. Но я постараюсь взглянуть на эту фигуру не глазами романиста, а глазами историка. Хотя мне кажется, настоящий историк обязательно должен быть чуть-чуть писателем и, возможно, романтиком. Потому что история – это великий роман, который пишет о самом себе человечество.

Я назвала бы Карла I человеком, репрессированным революцией. Как это ни странно звучит. В начале января 1649 года специальным решением парламента был создан революционный суд, а 30 января король уже был казнен. Надо сказать, что никаких таких судов знаменитая английская конституция, берущая начало с XIII века, не предусматривала. И на суде Карл I отстаивал то феодальное право, по которому он получил трон и по которому пытался править. Доказывал, что нет такого закона, чтобы судить и казнить короля. И это было правдой. Такой закон отсутствовал.

После «Великой хартии вольностей» (1215) на протяжении столетий шло разграничение полномочий короля и парламента, – на что парламент имеет право, а на что нет. Карл I не понимал, что происходит революция. Слово было известное, с латинским корнем «revolutio» – «откатывание, переворот». В естественных науках им пользовались уже с XIV века. Название труда Коперника, в русском переводе известное как «О вращении небесных сфер», содержит как раз «De revolutionibus», то есть речь шла о движении, вращении, коловращении и возвратном движении. Но к событиям социальной жизни слово это никогда раньше не применялось. И применяться стало как раз со времен злосчастного Карла I. Первоначально смысл этого слова в приложении к общественной жизни был явно негативный, и так было вплоть до XVIII–XIX веков. А в XVII столетии слово «революция» означало откат социальной жизни от порядка к беспорядку, к хаосу, произволу, несчастьям.

Революцию часто сравнивают со стихийным бедствием. Действительно – разрушения, масса обездоленных людей, страдания. И остановить эту лавину бедствий невозможно, она только набирает силу по мере развития событий. Трудно представить себе, что торнадо или землетрясение могут быть поводом для всеобщего ликования. А во время революции восторги и крики «Ура!» совершенно естественны и даже, я бы сказала, необходимы. Хотя разрушений – масштабных,

глубинных, революция несет несравненно больше и последствия их гораздо тяжелее. Но такова психология масс, а чаще толпы – следовать не столько логике и разуму, сколько эмоциям и порывам. А в порывах восторга и ненависти людям часто кажется, что все дозволено. Вот и решились казнить короля собственной страны. Казнь была публичной, показательной. Ее совершили от имени народа, по революционному закону. Она превратилась в событие историческое. И большая часть английского общества это прекрасно понимала.

Но давайте вглядимся в этого человека. Почему он так горделиво взошел на эшафот? Именно горделиво. Почему ни в чем не раскаялся? Епископ, который принял его последнюю исповедь уже на эшафоте, говорит ему: «Осталась одна последняя ступенька, сэр. Трудная, страшная, но очень короткая. Вы смените царство временное на Царство Вечное – хорошая перемена». Вот такие слова утешения. Но Карл не нуждался в моральной поддержке, он поднимался с гордо поднятой головой и со словом «remember» («помни»), которое вряд ли он обращал д'Артаньяну, как пишет Дюма, хотя д'Артаньян – реальная личность, современник событий. Думаю, на самом деле, «remember» он обращал к человечеству, прежде всего, конечно, к английскому обществу. «Помните, помните! Это неправедная казнь».

Антонис ван Дейк. Портрет Карла I на охоте. Примерно 1635 год.

Теперь мы знаем, что англичане очень скоро вернулись к монархии. Правда, не к такой, какую хотел видеть Карл I Стюарт – наследник Средневековья, правивший единолично. Он не почувствовал, как ушло время и потому его преследовали только неудачи…

Карл родился 19 ноября 1600 года и был в семье вторым сыном. Детство он провел в тени своего очаровательного старшего брата. Карл не был наследником престола, он с самых

ранних лет знал, что королем станет привлекательный, уверенный в себе, популярный в английском обществе Генри. Их отец, Яков I – существо мрачное, злодейское. Он замучил всех, от него устали. Вся надежда при монархии – на наследника. И вдруг в 1612 году Генри умирает. Карлу в это время только 12 лет, совсем мальчик. И как выразился один из английских исследователей, новый наследник «прискорбным образом негоден к правлению». Почему же?

Вглядимся: немного заикается, застенчив, и в то же время высокомерен, подвержен внезапным приступам гнева. Скажем прямо, личные его качества не очень хороши. Но он – наследник. Его начали готовить к трону. Однако время уже упущено. В Средние века 12 лет – это возраст юноши. Да и подготовка-то была несерьезная – преимущественно танцы, придворные манеры, музыка и история предков. При этом наследнику известно, что отец злодей, кругом заговоры… Настоящему образованию, наукам, искусствам время не уделялось.

Карл I стал королем в 1625 году. Он был молод, очень молод и, как показывают источники, очень благорасположен к этой миссии. Его первая речь в парламенте весьма интересна в этом смысле. Он говорит о своей молодости, о благих намерениях, о добросердечии, с которым готов взаимодействовать с парламентом. Но уже в этой, первой речи звучит ставший траурным мотив его жизни: «Я согласен на то, чтобы парламент участвовал в моих решениях, корректировал мои действия – но только по моему повелению». Вот эта «идея повеления» была у него почти маниакальной.

Настроенный таким образом молодой король решил действовать. Возможно, все было бы не так плохо, не появись на его горизонте злой гений. За два года до коронации, будучи принцем-наследником, он избрал себе в наперсники человека всего на восемь лет старше – Джорджа Вильерса, герцога, известного под именем Бэкингем. Герцог Бэкингем, знакомый всем нам по бессмертной книге Дюма! Но, как шутят англичане, герцог, изображенный Дюма, так же отличался от реального герцога Бэкингемского, как шхуна от крейсера.

В реальности он был не благородным красавцем, пылким романтиком, а демонстративно легкомысленным, обожающим лесть и тщеславным человеком. Он желал во всем, даже в костюме, выделяться – быть одетым богаче всех, красивей всех, шикарней всех… Герцог обожал авантюры и в 1623 году уговорил Карла инкогнито отправиться в Мадрид, чтобы загодя увидеть свою предполагаемую невесту, испанскую инфанту. Совершенно запрещенный в монархической среде, мягко говоря,

нетрадиционный поступок.

Карл называл себя в этом путешествии странствующим рыцарем, Бэкингем – его слугой. При этом все знали их настоящие имена и истинные цели. Католическая Испания, в которой восторжествовала Контрреформация, в которой царила свирепая Инквизиция и существовал строгий двор, была шокирована. Это фривольное приключение, даже не в английском, а скорее во французском духе, почему Дюма и увлекался этим сюжетом, покоробило испанское общество. Инфанту Карл так и не увидел, это было невозможно, запланированный брак не состоялся. Хотя для разрыва существовали и политические мотивы, но выходка английского принца сыграла не последнюю роль.

Несколько позже Бэкингем отличился еще раз, да так, что вошел в историю. Его отправили во Францию вести переговоры о предполагаемом браке Карла Стюарта с французской принцессой, сестрой французского короля Людовика XIII Марией Генриеттой. В сущности, он должен был, руководствуясь теми указаниями, которые получил от парламента, уговорить французскую принцессу на этот брак, безусловно, очень выгодный для английского наследника.

Что же сделал Бэкингем? Демонстративно и бесстыдно стал ухаживать за молодой королевой Анной Австрийской, женой французского короля. Он был, мягко говоря, так настойчив, что ей пришлось звать людей на помощь. И этот дикий случай стал достоянием гласности, опозорил не только герцога, но и Англию с ее наследником. И несмотря на это, герцог по-прежнему оставался любимцем Карла.

Самое интересное, что, несмотря на скандал, разразившийся при французском дворе, Бэкингему все-таки удалось сосватать французскую принцессу, и Карл женился на Марии Генриетте. В домашней жизни Карл I оказался человеком нравственным и был предан своей жене. После смерти Бэкингема, этого злого гения, супруги сблизились еще больше.

Бэкингем был убит в 1628 году религиозным фанатиком Джоном Фельтоном, который действовал по личным мотивам. Дюма был неправ, смерть герцога вызвала в Лондоне ликование. Вокруг башни, в которую Карл заточил убийцу, собрались толпы народа, они воспевали «нашего маленького Давида», который выступил против Голиафа-Бэкингема, называли его освободителем, поэты слагали стихи в честь Джона Фельтона.

Однако радость и торжество английского народа были преждевременны: на смену Бэкингему пришли другие – Страффорд, Лод, действовавшие в традициях крайнего

абсолютизма, то есть в соответствии с убеждениями Карла I Стюарта. Эти-то убеждения и вели его на эшафот. Так называемый Долгий парламент уже проявляет строптивость и неповиновение. «Мы будем вырабатывать новые законы», – заявляют депутаты. Кроме того, у парламента появляется знамя протестантской религии, которое он получил в результате проведенной еще в 30-х годах XVI века Реформации. Правда, среди английских протестантов существуют различные течения, как умеренные, так и радикальные: индепенденты, левеллеры, и наиболее крайние – диггеры. Однако все они были согласны в одном – власть короля нужно сильно ограничить. А Карл I в это самое время отдает приказ: во всех церквях Англии проповедовать учение о слепом повиновении власти короля! Вспомню интересную историю с корабельной пошлиной. Король требует от парламента ввести ее, так как ему необходимы деньги для ведения войны. Парламент резко возражает. Однако Карл нисколько не смущен: «Вы не имеете права возражать, – заявляет он, – потому что все ваши права влиять на пошлины даны вам в свое время королями. Значит, королевская воля над всем». Он дерзко нарушает вековую традицию – является на заседание парламента в сопровождении 400 вооруженных людей, чтобы арестовать лидеров оппозиции. Арестовать ему никого не удается, оппозиционеров предупреждают, и они бегут, но остается гнев и раздражение депутатов парламента.

Всеми своими действиями, вызывающими поступками, наконец, высокомерным тоном Карл как будто бы провоцировал против себя ответные действия. И рано или поздно они должны были последовать. Когда король понял, что неизбежна война с парламентом, то вместо того, чтобы избежать ее, погасить напряжение, он идет ей навстречу. Почему? Потому что у него тоже есть идеалы. Он ждет от подданных абсолютного повиновения, поскольку все права, в том числе и полномочия парламента, даются только королем. Вот с этим средневековым феодальным щитом он хочет ворваться в начинающуюся промышленную революцию, даже не догадываясь, что он обречен. Откуда у него такая индивидуальная глухота ко времени и слепота к жизни, сказать трудно. Я уже начинаю подумывать о том, что род Стюартов был кем-то проклят.

Родная бабушка Карла – шотландская королева Мария Стюарт – после 20-летнего заточения была казнена по обвинению в заговорах. Казнь была жестокой, палач не сумел с первого удара отрубить ей голову. Мрачные случайности сопутствуют представителям рода Стюартов. Кто они такие? Они из Шотландии, из низов. «Стюарт» в буквальном смысле –

«управляющий домом», в каком-то смысле слуга. Но когда некий Стюарт в XI веке женился на дочери легендарного шотландского короля Роберта I Брюса, они породнились с королевским домом. Но и сам Брюс не урожденный король, а скорее, национальный герой-освободитель, он происходил из графского рода.

«Проклятье» действует на протяжении нескольких веков. Яков I Шотландский – зарезан баронами. Надо сказать, что шотландские бароны – это почти племенные вожди, особенно Дугласы, диковатые и совершенно не подчиняющиеся никаким законам. И потому короли живут в постоянной борьбе с ними. Яков II – погиб при разрыве пушки. Почему она вдруг разорвалась прямо около него? Яков III Шотландский пал в битве, хотя предполагают, что он был предательски заколот в спину своими воинами. Яков IV – с ним ничего необычного: женат на дочери английского короля Генриха VII, смертельно ранен в битве с англичанами при Флоддене – шотландцы всю жизнь воюют за свою независимость. Яков V, отец Марии Стюарт, в сражении с англичанами потерял двух сыновей, сошел с ума на этой почве и умер безумным через несколько дней после рождения дочери. Ну, и Яков VI Шотландский, он же Яков I Английский, отец Карла. Я думаю, что у истоков его власти – страшный поступок. Ведь это он дал молчаливое согласие на казнь матери. Без этой казни Елизавета I Английская едва ли сделала бы его своим наследником.

В лице Карла I «проклятый» род, в истории в которого много темных, мрачных страниц, был демонстративно наказан за все еще раз. Сам же Карл при ближайшем рассмотрении не производит отталкивающего впечатления. Просто он был совершенно не подготовлен жить и править во времени, в котором оказался. И думаю, в этом была большая вина тех, кто его окружал. Учить танцам правителя важно, но недостаточно.

Мы будем несправедливы, если не скажем о том, что Карл I пытался сражаться за свои монархические убеждения, за то, что считал благом для Англии. Он был воином и, в сущности, пошел навстречу Первой Гражданской войне 1642–1646 годов. Он делал ставку на монархически настроенный север Англии – дворянство севера – и на Шотландию. На родную Шотландию, где были его корни. Но шотландцы его продали в прямом смысле слова, за 400 тысяч фунтов стерлингов… И передали суду парламента. Но это будет потом. А поначалу он организует сопротивление, воюет, борется за сохранение абсолютной власти короля. У него есть сторонники – роялисты, шотландцы и ирландцы, они поддерживают его, но до тех пор, пока он действует им на пользу. Очень ненадежные союзники! Карл этого не понимал. Не понимал

и того, что против него страна, о которой он почти ничего не знает, страна, охваченная революцией.

Вскоре у вышедших из повиновения англичан появился свой харизматический лидер – Оливер Кромвель, человек одаренный, талантливый. Прекрасный полководец, с сильным, властным характером и глубоко верующий в идею полностью реформированной церкви – в протестантизм. При поддержке парламента, шаг за шагом он создает новую революционную армию, которую парламент признает законной, что для менталитета англичан чрезвычайно важно.

Его бойцы, их называли «круглоголовые» или «железнобокие» – кто они такие? Тот самый восставший народ, который не хочет больше жить при крайнем абсолютизме. Это ремесленники, крестьяне, люди, поверившие в справедливость, в возможность добиться лучшей жизни и, к тому же, очень религиозные. Сила этой армии, чего совершенно не понимал Карл, состояла еще и в том, что ее составляли люди, идущие в бой с пением псалмов и с безграничной верой, что на их стороне Бог. Каждый нес эту веру в своем сердце, она придавала им силу и потому «железнобокие» скоро стали непреодолимой преградой для традиционной королевской армии, в которой было все: военная дисциплина, владение приемами боя, но не было той оглушительной веры, того фанатизма, которые сильнее смерти.

В 1646 году Карлу I приходиться сдаться в плен шотландцам. Он же считал себя шотландцем, поэтому делал это без страха. Но они продали его, как я уже говорила, за 400 тысяч фунтов. Была и Вторая Гражданская война, которая разразилась в 1648 году. И Карл I снова бежал. Он укрылся на острове Уайт близ шотландских берегов.

Здесь нужно небольшое отступление. Надо сказать, что шотландцы и судьба Шотландии в Средневековье – это захватывающая история постоянной непрекращающейся битвы за независимость. Шотландцы – потомки кельтов, а не германцев, как англы, саксы, бритты, юты, населяющие Британию. А значит, там, за Шотландскими горами – другая традиция, другая культура, другая стадия развития цивилизации. У них гораздо медленнее разрушалась родоплеменная структура. Чтобы отстоять свою независимость, шотландцы вступили в союз с Францией, что совершенно логично: если это заклятый враг англичан, значит, это их союзник. Союз был долгим и юридически сложным. Но воевать они умели только в горах, где с успехом применяли партизанскую тактику. Стоило им вступить на английские просторы и столкнуться с дисциплинированной, хорошо вооруженной армией, как они терпели поражение. А уж о

«железнобоких» и говорить нечего. И потому ставка Карла на шотландцев, настолько понятная по-человечески, была совершенно безнадежна.

В жизни Карл I часто был идеалистом и разбирался в людях плохо. А увидев свою ошибку, казнил «виновных», он же монарх! Графу Страффорду, своему советнику, велел отрубить голову. И архиепископу Лоду тоже. Хотя это были его горячие приверженцы. Пусть они совершали ошибки, но ведь вместе с ним! Казнив своих ближайших соратников, он не слишком опечалился. Даже смерть Бэкингема его мало тронула – не заставила его страдать, мучиться. А ведь, казалось, он искренне любил этого человека, был сильно привязан к нему! Откуда такая душевная черствость? Возможно, виной тому – идея, которая полностью владела им: «Я один, Я от Бога, и власть моя от Бога».

Возможно, в силу своей натуры и некоторой внутренней отстраненности от многих сторон жизни, Карл готов был к веротерпимости. Он не был религиозным фанатиком. И это в эпоху крайнего фанатизма! С одной стороны его жена, французская принцесса Мария Генриетта, – фанатичная католичка. С другой – пуритане во главе с Кромвелем. Это были две непримиримые позиции. Однако Карл I пытался не замечать реальности и твердил: «Все англичане – мои дети». И религиозные фанатики с обеих сторон не очень были этим довольны. Тем самым он не угождал никому. Он не хотел впадать в фанатизм, у него за спиной были примеры, в частности – Мария Кровавая. Он знал, что религиозная нетерпимость – это всегда реки крови. Тогдашнему взволнованному, революционному, клокочущему миру он никак не подходил.

Мы приблизились к последней, трагической сцене в жизни английского короля. Созданный по решению парламента суд приговаривает его к казни. Судьи пытаются обосновать свое право выносить королю приговор. Карл заявляет, что в английской конституции нет пункта, который позволяет судить короля, нет ни строчки, ни слова. Он отстаивает свои королевские права со ссылкой на английскую традицию, но «право» – самое неуместное понятие во времена революций. Карл смущал суд своими высокомерными речами, раздражал его, приближая себя к той последней ступеньке эшафота, на которую взошел по-королевски, не раскаиваясь и не прося пощады. Суду было важно создать прецедент, доказав, что и короли подсудны.

Палата общин назначила 135 судей. 50 из них сразу отказались участвовать в этом деле. Многие под разными предлогами так и не подписали приговор. Короля обвинили в том, что он враг английского народа, враг королевства… Это был

зыбкий приговор. Кстати, 13 судей, поставивших свои подписи, впоследствии казнили. Потом, в будущем, лидеры следующих буржуазных революций – американской в виде освободительной войны, Французской революции XVIII века – позаботятся о том, чтобы обосновать право подданных на сопротивление деспотизму.

И вот Карла ведут по Лондону. По пути народ оскорбляет его, кричит, неистовствует, какой-то солдат плюет ему в лицо. Король внешне остается невозмутим, он говорит: «Несчастные! Дай им шесть шиллингов, они также поступят со своими главарями». И в этом он был абсолютно прав.

Микеланджело Буонаротти. Он мог все

Масштаб личности Микеланджело Буонаротти с веками становится все крупнее. Четыре Музы склонились у его колыбели, когда он родился – музы архитектуры, скульптуры, живописи и поэзии. И все четыре таланта он реализовал в своей жизни. Потому его и называют порой супергением. Он сопоставим лишь с Леонардо. И они друг друга по этой причине недолюбливали.

Микеланджело – титан Ренессанса. Создать бессмертные скульптуры Давида и Пиеты в соборе Святого Петра в Риме, фрески «Страшного суда» – это что-то невероятное. Но он и прожил почти 90 лет – с 1475 по 1564 год. Это почти все итальянское Возрождение, и Микеланджело менялся вместе с эпохой. Если в начале своего творчества он очень хорошо вписан в культуру своего времени и еще не слишком оригинален, то поздний, зрелый, он совершенно самобытен.

При жизни Микеланджело были написаны две его биографии; их авторы – Асканио Кондиви и Джорджо Вазари. Известнейший труд Вазари называется «Жизнеописание наиболее знаменитых живописцев, ваятелей и зодчих». Автор слегка подражает греческим и римским биографам. Но рассказывает он не о правителях государств, а о тех, кто правил умами в эпоху Возрождения.

Кроме того, мы знаем Микеланджело по очень важному источнику – его письмам. Когда читаешь подлинное письмо, личность раскрывается очень глубоко. Микеланджело писал друзьям, знакомым, любимому племяннику, римским папам, своему гениальному современнику Бенвенуто Челлини, тому же Джорджо Вазари.

Еще один источник – стихи. У Микеланджело немалое поэтическое наследие. В стихах личность раскрывается не буквально, не прямолинейно, зато там можно ощутить такие движения души, что-то такое потаенное, что не раскроется ни в одном другом тексте.

Микеланджело родился 6 марта 1475 года в горах Тосканы – это средняя Италия, в городке Капрезе. Его отец, Лодовико – отпрыск благородной фамилии Буонаротти, был подеста – городским правителем и судьей, избираемым городским населением. В итальянских городах вокруг этой должности всегда шла борьба. В XII веке Фридрих I, король, а потом император Священной Римской империи, пытался ввести принцип назначения подеста. Но это стоило ему битвы при Леньяно и поражения, точнее – полного разгрома. Так что отец

Микеланджело был подеста избранный. А значит, он был уважаемым человеком.

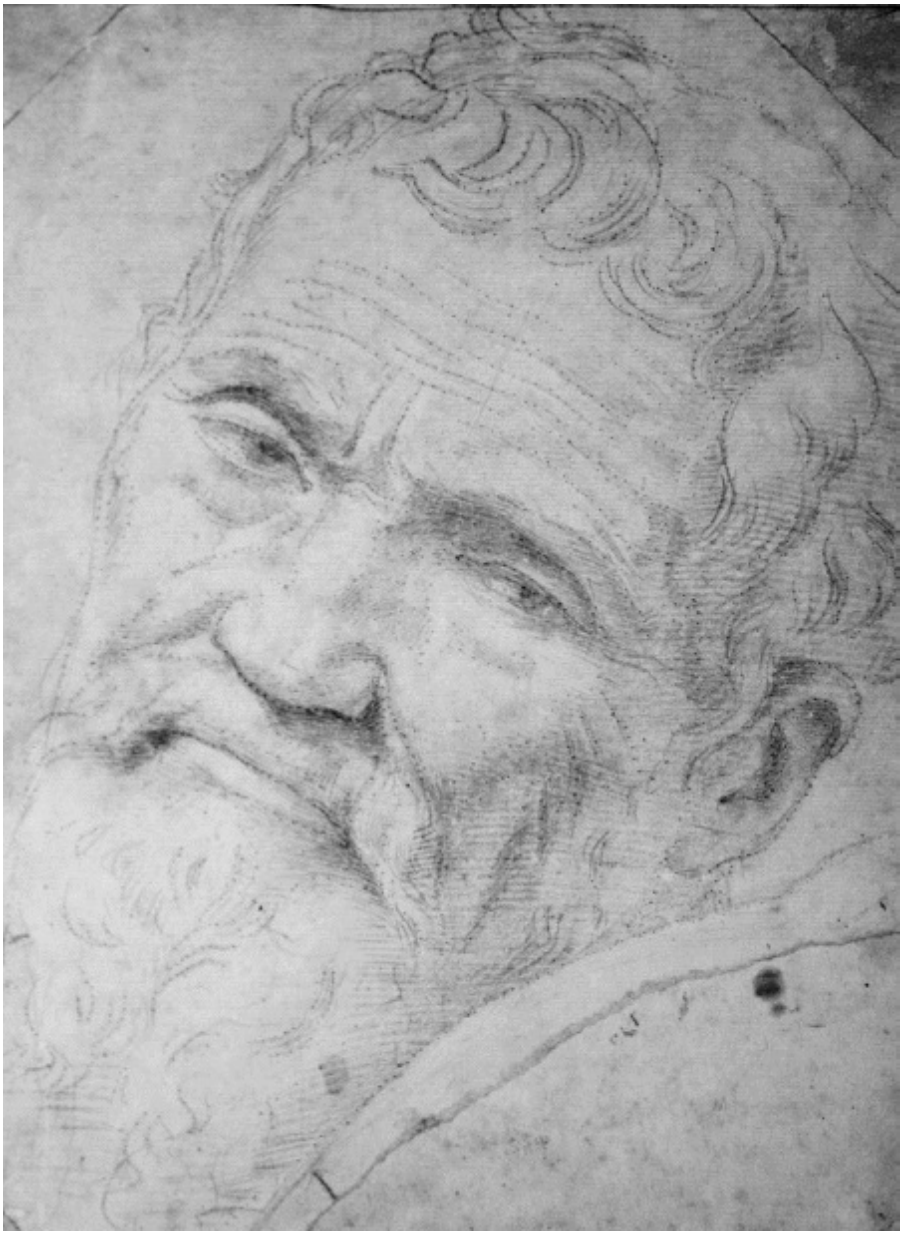
Уже в зрелые годы Микеланджело на некоторое время занялся поиском своих более знатных предков. Искал среди графов Каносса – это центральная Италия. Зачем ему это было нужно, трудно сказать. Но понятно, что тогда он не до конца еще осознал, что его имя будет звучать более гордо, чем имена любых графов и даже королей.

А назван он был в честь архангела Михаила. Выбирая это имя, родители удивительно точно предугадали характер сына. Архангел Михаил славен суровостью, он поборник справедливости, с мечом в руке. Строгим борцом за правду стал с годами и Микеланджело.

Мать, Франческа Нери ди Миниато дел Сера, умерла, когда сыну было шесть лет. Мальчик воспитывался у кормилицы, в семье каменотесов в деревне Сеттиньяно. Там же у его родителей было небольшое поместье. Ребенок рос под звуки, с которыми рубят, пилят камни. Позже он писал в стихах, что с молоком кормилицы впитал любовь к своему будущему главному ремеслу, ибо скульптор – это каменотес, тот, кто высекает из камня.

Отец Микеланджело всю жизнь был озабочен тем, чтобы семье хватало денег. Отслужив свой срок на должности подеста, он вернулся во Флоренцию. Известно высказывание Александра Дюма: у отцов бывает особенный талант толкать своих сыновей к ненавистному им занятию. Например, Бенвенуто Челлини говорил о «проклятой флейте», которую ненавидел все свое детство. Челлини – гениальный ваятель и ювелир. А его заставляли играть на флейте.

У отца Микеланджело тоже была своя родительская мечта. Когда его сын, воспитывавшийся до десяти лет вне дома, вернулся в семью, Лодовико решил заняться его будущим.



Даниэле да Вольтерра.
Портрет Микеладжело Буонарроти. 1500е.

Мотивация вполне понятна. Сам отец был малограмотным, едва умел читать и писать. Всегда хочется дать сыну то, чего у тебя не случилось. Кроме того, это был разгар эпохи Возрождения, когда в моде все античное, и прежде всего античная грамотность. Так что отец отдает сына в грамматическую школу, замечательную, высокого уровня, где тот должен освоить латынь,

греческий, стихосложение, как все лучшие люди его времени. А у Микеланджело ко всему этому неприязнь, как у Челлини к флейте. Он рисует в тетрадках, рисует на стене дома, за что отец его поколачивает. У отца была тяжелая рука.

Лодовико был убежден, что действует во благо сына, нашел для него перспективное занятие. Как часто и сегодня люди не понимают, что вопреки собственным склонностям нет смысла осваивать никакое ремесло – все равно это не даст тебе будущего.

Модное занятие XV века – копировать так называемые антики, произведения античных авторов. Этим занимались, в частности, ученики художника Доменико Гирландайо, чья мастерская находилась по соседству. И Микеланджело тоже стал участвовать в этом копировании. Гирландайо заметил способности тринадцатилетнего мальчика и пошел к его отцу. Лодовико совершенно не понимал изменений, которые несло будущее, – он жил старыми представлениями о ремесле художника и скульптора как маляра и каменотеса. И он не хотел, чтобы их род был связан с этими профессиями. Его сын должен был стать поэтом, философом, мыслителем – вписаться в этот прекрасный ряд. Тогда еще не было столь очевидно, что Микеланджело ни в какой ряд не вписывается.

Гирландайо сказал отцу одаренного мальчика: отдайте его мне, я хочу сделать из вашего сына прекрасного художника. Вот текст договора, который отец скрепя сердце подписал: «1488 года, апреля первого дня. Я, Лодовико, сын Леонардо ди Буонаротти, помещаю своего сына Микеланджело к Доминико и Давиду Гирландайо на 3 года от сего дня на следующих условиях. Названный Микеланджело остается у своих учителей эти 3 года, как ученик, для упражнения в живописи, и должен, кроме того, исполнять все, что ему хозяева прикажут».

Микеланджело с радостью покинул школу грамматики и начал работать и учиться в художественной мастерской. И хотя он должен был выполнять любые приказания, нет сведений о том, чтобы его угнетали и мучили. Скорее он обрел себя.

Но следующий момент его жизни оказался еще более прекрасным и счастливым. Должно же и гениям когда-нибудь очень повезти! Юный Микеланджело был замечен Лоренцо Великолепным – просвещенным правителем Флоренции, обладателем множества достоинств. Он часто ходил по городу без охраны и однажды застал подростка Микеланджело за работой. Он занимался копированием античной скульптуры Фавна в садах Медичи, где реставрировали памятники и отделывали очередную виллу. Микеланджело копировал – творчески. Голова Фавна получилась у него старой, но смеющейся. Это и увидел случайно

проходивший мимо Лоренцо и спросил: «Ты что, изобразил очень веселого Фавна?» – «Да, – сказал мальчик. – А что, этого не видно?» – «Это видно. Но где ты видел, чтобы у старых людей все зубы были на месте?» – заметил Лоренцо и, смеясь, удалился. Микеланджело, пылкий по натуре, схватил резец и выбил Фавну два зуба. Эта скульптура и сейчас находится во Флоренции с выбитыми зубами.

Когда же наутро юноша пришел к своему произведению, его не было на месте.

Слуги Лоренцо пригласили Микеланджело во дворец, где скульптура уже стояла на высокой консоли. Медичи были великими меценатами – они вложили много золота в покупку произведений искусства. Эта скульптура находится сегодня во Флоренции в знаменитой галерее Уффици.

В доме Лоренцо Великолепного была школа для одаренных детей, хотя тогда их так не называли. Просто они жили там, вместе творили, вместе обедали. Им создавали все условия для работы. Интересно, что за стол садились не по чинам, а в зависимости от того, кто раньше придет. Поэтому Микеланджело мог не раз обедать вместе с самим Лоренцо.

Медичи пригласил отца Микеланджело, объяснил, что надо разорвать контракт с Гирландайо, что было сделано без труда, и даже предложил Лодовико какую-нибудь должность. Тот, подумав, попросил достаточно скромную должность на таможне. Лоренцо расхохотался и сказал: «Ты никогда не будешь богатым».

Благодушное отношение Лоренцо, его искреннее расположение наложили отпечаток на этот, счастливейший период жизни Микеланджело. Никогда не было ему так спокойно и радостно. Круг его общения – это первые гуманисты эпохи. Среди них философ Марсилио Фичино – глава Платоновской академии, где ежегодно праздновали день рождения Платона и слагали стихи. Под его влиянием Микеланджело вскоре узнал «Божественную комедию» Данте. Знаком он и с поэтом и филологом Анжело Полициано, а также с графом Пико делла Мирандола, комментатором Данте.

Скульптуре и ваянию Микеланджело учится у Бертольда ди Джованни, ученика Донателло и большого поклонника античного искусства. И хотя он наверняка сам пришел к преклонению перед антиками, влияние учителя было очень важно.

Мастерство Микеланджело было поразительно. «Он может все», – сказал о нем позже Бенвенуто Челлини. В юности художнику не раз хотелось проверить свои способности: точность рук, верность глаза. И однажды в 1490-х годах, когда его попросили сделать очередную копию, он не только сделал ее

изумительно, но и «состарил» листочек, а потом вернул копию вместо оригинала, причем владелец ничего не заподозрил: рисунки были идентичны.

Микеланджело исполнилось 17 лет, когда в 1492 году скончался его благодетель. Лоренцо Медичи уходил из этого мира в здравом уме, собрав вокруг себя семью и пытаясь дать родным последние наставления. А в одной из соседних комнат горько рыдал юный Микеланджело.

После смерти Лоренцо он вернулся в дом отца. Лодовико тревожился: сможет ли сын обеспечивать свою жизнь? Но Микеланджело уже верил, что сможет.

В этот период он выполняет гигантскую статую Геркулеса, больше человеческого роста. Эта статуя подтвердила его мастерство, и он получил некие деньги. Еще в XVII веке она была цела и стояла в садах Фонтенбло. Но потом исчезла. И это не единственная загадка, связанная с наследием Микеланджело.

К власти во Флоренции тем временем пришел сын и недостойный преемник великого Лоренцо – Пьеро Медичи. Два года он не вспоминал о Микеланджело. И вдруг вспомнил. Во Флоренции выпало много снега, и у Пьеро появилась фантазия сделать снежную скульптуру. Микеланджело, с горечью сознавая, что скульптура обречена, тем не менее изготовил ее. Это стало поводом вернуть его ко двору.

Микеланджело Буонаротти.
Аллегорическая фигура. 1530 г.

Однако двор был совсем не тот, что прежде. Пьеро хвастался, что у него есть конюх, которого не обгонишь на коне, и Микеланджело, который может вылепить, изваять все что угодно. Он уже понял, что это выдающийся человек, но равнял его с

конюхом, а не с античными скульпторами.

В 1490-х годах во Флоренции появился Савонарола – страстный проповедник благороднейших идей христианства, равенства, борец с коррупцией и всякой несправедливостью, но вместе с тем человек фанатичный, аскетичный – и потому враг искусства. У Микеланджело сложилось к нему противоречивое отношение. Он тоже был всей душой за справедливость и не одобрял жадности толстосумов. Но он не мог быть против всех богатых людей, потому что видел среди них истинных меценатов. И он, конечно, не мог согласиться с тем, что любое произведение искусства объявляли развратом.

В те же годы гениальный художник Сандро Боттичелли поддался проповедям Савонаролы и собственными руками бросил несколько своих картин в так называемые «костры покаяния». Савонарола заставлял людей бросать в огонь произведения искусства и драгоценности. Он страшно воздействовал на молодежь.

Видя происходящее, Микеланджело бежал в Болонью. Это древний, прекрасный, самобытный город. Но именно там его приняли плохо. Знатная семья Альдовранди отнеслась к нему хорошо, поселила в своем доме. Но болонские мастера встретили Микеланджело в штыки. Это понятно: они сразу поняли, что он получит множество заказов и лишит их работы. В одном из писем Микеланджело говорит, что в Болонье ему грозили смертью. Началось то, что будет сопровождать его всю оставшуюся жизнь. С одной стороны, интересы искусства, с другой – что-то мирское, политическое, враждебное. Жить беспечно, как в садах Медичи, ему больше уже не придется. К тому же такое возможно только в юные годы.

Микеланджело был глубоко предан своей семье. Он содержал отца и братьев, видя в этом свой долг. Но в характере его уже проступило нечто такое, что создавало сложности для общения. Он несколько замкнутый, нелюдимый, у него нет собственной семьи, он не бывает на пирушках, праздниках, карнавалах. Ему это чуждо.

Известен его разговор с Рафаэлем. Увидев на улице Рафаэля с учениками, Микеланджело сказал: «Что это ты, Рафаэль, всегда окружен людьми, как вельможа?» А Рафаэль ответил: «А вы одиноки, как палач».

Микеланджело Буонарроти.

Гробница Медичи, ок. 1520 Базилика Сан-Лоренцо, Флоренция

Микеланджело не был добр к окружающим, привык над всеми насмехаться. И это стоило ему сломанного носа. На поздних портретах кривой нос очень хорошо виден. Это результат удара, который нанес Микеланджело молодой художник Пьетро Торриджано, обидевшись на едкое замечание по поводу своего рисунка.

В 1496 году Микеланджело покинул Болонью и вернулся во Флоренцию. Там ему пришлось нелегко. Он писал: «Я взялся сделать статую для Пьеро Медичи и купил мрамор. Но даже не начал еще работу над ним, потому что он не выполнил то, что обещал мне. Я предоставлен сам себе и делаю статую для своего удовольствия».

Во Флоренции Микеланджело создал оригинальную скульптуру – «Спящий Амур». Это его собственный сюжет, его идея, возникшая под влиянием античного искусства.

К этому времени народ изгнал Медичи из Флоренции. Но некоторые возвращались, сменив имя. Один из родственников покойного Лоренцо Великолепного, тоже Лоренцо, назвался Пополане— «Народный». Именно он посоветовал Микеланджело «состарить» скульптуру, чтобы поднять ее стоимость. Пусть она выглядит так, будто бы пролежала несколько веков в земле. А ведь в XV веке из земли извлекли многие великие античные

скульптуры. Микеланджело последовал совету, и «состаренная» скульптура была продана в Рим кардиналу Риарио.

Кардинал восхитился и заплатил большие деньги, из которых Микеланджело получил очень мало: все досталось посреднику. Но слухи о том, что это творение современного скульптора, поползли. И любознательный и неглупый кардинал Риарио послал своего человека во Флоренцию выяснить правду. Тот нашел Микеланджело, который сам назвал в числе своих произведений «Спящего Амура». Он не делал из этого тайны – он доказывал, что может все. И тут же получил приглашение в Рим. Потому что такие золотые руки нужнее всего там.

В Риме Микеланджело увидел столько античных работ, сколько и представить себе не мог во Флоренции. Но он не получал заказов.

Зато когда заказ наконец появился, он оказался просто потрясающим. По инициативе и при поручительстве банкира Якоба Галло поступил заказ от настоятеля аббатства Сен-Дени, приближенного французского короля Карла VIII. Аббат решил оставить Риму выдающееся произведение искусства. И нашелся банкир по имени Якоб Галло, любитель античности, понимавший, что у его имени мало шансов остаться в истории. Его обессмертили такие строки: «Я ручаюсь, что названный Микеланджело закончит названную вещь «Скорбящая Мадонна» в течение года. И это будет лучшим мраморным изваянием, которое Рим сможет показать в настоящее время. И ни один художник в наши дни не сможет сделать чего-то более совершенного». Удивительный банкир! Удивительный поступок!

Якоб Галло не ошибся. Знаменитая «Пиета», изготовленная за 450 папских дукатов, – мраморная группа в человеческий рост, изображающая Деву Марию с мертвым Христом на руках, – и сегодня производит ошеломительное впечатление. Скульптура стоит в соборе Святого Петра. У Девы Марии крупное тело и совсем юное, хрупкое, страдающее лицо. Искусствовед В.Н. Лазарев отметил, что в этой скульптуре отражено не горе Марии, а горе всего человечества. А в это время автору всего 23 года…

Кто-то спросил у Микеланджело: почему же такая юная Мадонна? Он сказал, что целомудренные женщины не стареют. Но важнее, наверное, то, что это не бытовая сцена, а символ. Символ нашего мира, убивающего все самое чистое и возвышенное. «Пиета» – единственная скульптура, которую Микеланджело подписал. Единственный его автограф. Может быть, он тогда уже догадывался, что это гениальнейшая работа.

Вот две строчки из его стихов: «Когда скалу мой жесткий молоток в обличия людей преображает, без мастера, который

направляет его удар, он делу б не помог». Он узнал себе цену.

Начался зенит гения. Гения, не узнавшего заката. Микеланджело был во власти своей очевидной гениальности, с одной стороны, и во власти реальных правителей, светских и церковных, с другой. Каждый из сменявшихся на святом престоле римских пап хотел иметь при себе Микеланджело.

В 26 лет, через три года после «Пиеты», Микеланджело получил новый крупный заказ, который добыл его благодетель банкир Галло. Пятнадцать мраморных фигур для алтаря в городе Сиене. Он с радостью принимает этот заказ – и тут же получает еще один, от родной Флоренции, которая предлагает ему высечь «Гиганта». Именно так он называется в тексте договора. Скульптура на тему Давида и Голиафа. В библейском предании юноша Давид победил, метнув камень из пращи в великана Голиафа. Цель «Гиганта», как его называют в документе, – воспеть республиканские идеи Флоренции, показать, что такое человек, готовый отдать жизнь за свободу.

Скульптора вдохновило и то, что его пригласили в родной город, и то, что высечь фигуру предложили из огромной глыбы мрамора, которая ждала своего часа не один десяток лет. Несколько мастеров прежде брались за нее, но у них ничего не получалось.

В общем-то, мрамор был испорчен. Даже деньги, потраченные на эту глыбу, были давно списаны, но Микеланджело за нее взялся.

Последним толчком к такому решению стало то, что предложение сделали и Леонардо да Винчи, тоже великому художнику, на 20 лет старше Микеланджело. Единственный, с кем он готов был соперничать и мысленно соперничал, – это Леонардо. От предложения флорентийцев Леонардо мягко уклонился. Микеланджело же охватил юношеский задор: «А я смогу!»

Следуют два года адской работы. Микеланджело еще очень молод и трудится довольно быстро. И шедевр изготовлен. Когда пришли смотреть статую, правитель Флоренции Содерини, большим умом не отличавшийся, сказал: «А мне кажется, что нос надо подправить». К изумлению окружающих, Микеланджело с покорным видом полез на леса с резцом. Но многие увидели, что в мешочке у него мраморная пыль. Он забрался наверх, сделал вид, будто работает резцом и сыплет эту мраморную пыль. Потом спустился и спросил: «Ну как?» – «О! Теперь совсем другое дело», – сказал правитель Флоренции.

Всем же остальным и так было ясно, что перед ними шедевр. На плече Давид держит пращу, в правой руке – камень. Его лицо

передает удивительное состояние готовности к подвигу.

До Микеланджело Давида изобразил Донателло, отлив его в бронзе. Это юноша, попирающий ногой голову Голиафа. Совершенно стандартно. Микеланджело же создал образ вне стандарта.

Сегодня скульптура стоит в здании Академии во Флоренции. На темени Давида по сей день есть следы чужого резца. И на спине не хватило нескольких миллиметров мрамора, чтобы довершить строгую округлость мышц. Ведь это был испорченный камень.

В январе 1504 года специальная комиссия решала, где установить шедевр. В состав ее входили Сандро Боттичелли, Давид Гирландайо, Филиппо Липпи, Леонардо да Винчи. Во время заседания комиссии Микеланджело, как обычно, сильно повздорил с Леонардо. Сошлись на том, что скульптура должна стоять около Дворца Республики. Сорок человек четыре дня волокли подвешенного гиганта на специальной станине. Они преодолевали расстояние, которое можно пройти за 10 минут.

Установка Давида стала общеитальянским событием. Италия в то время страдала от разобщенности. Маленькие города-государства делались добычей бесконечных завоевателей. Идея отстоять свободу, свой путь в истории, так потрясающе переданная в Давиде, произвела впечатление на всю страну.

И Микеланджело получил новый заказ. Правитель Флоренции Содерини захотел, чтобы новый зал Большого совета расписали два гения: одну стену – Микеланджело, а другую – Леонардо. Художникам поручили осветить что-нибудь из ярких эпизодов прошлого Флоренции. И оба согласились. Правда, они не должны были работать прямо напротив друг друга в зале – они готовили картоны, чтобы потом перевести их в роспись. Леонардо избрал в качестве сюжета битву под Ангиари 1440 года, Микеланджело – битву при Кашине 1364 года. Картоны были написаны. Это были два шедевра, судьба которых оказалась грустной. Картон Микеланджело не сохранился.

Известно, что Микеланджело, чтобы делать все не так, как Леонардо, избрал для своего произведения не сам момент сражения. На его картине купались, отдыхали флорентинцы, не зная, что противник близко. И вдруг на них налетели враги. Он показал, как люди, обнаженные, вылезают из озера и хватаются за оружие. Они пойдут в бой без одежды.

Изваяв статую Давида для Флоренции и написав картон для зала Большого совета, Микеланджело до конца своей жизни оказался во власти римских пап. Его призвал Папа Юлий II. Это яркая, заметная фигура. Он двадцать лет, будучи кардиналом,

ждал папской тиары, пережил трех предшественников и в 64 года наконец с трудом занял этот престол. Будучи крепким и боевым стариком, он лелеял честолюбивые замыслы. Прежде всего – объединить Италию, но только под властью Папы. В процессе этого объединения он готов был сражаться с врагами Италии.

Некоторые итальянские авторы пишут, что Юлий II был склонен к мании величия. Призвав Микеланджело в 1506 или 1507 году, он первым делом захотел соорудить себе гробницу на манер египетских фараонов. И чтобы по масштабу она была не мельче. По его приказу Микеланджело запланировал более 40 фигур. Они должны были олицетворять Землю, Небо, Космос и Искусство, которые стали пленниками смерти. Проект очень понравился Папе.

Работа давала простор фантазии Микеланджело, его великолепному резцу. Художник с радостью отправился в горную Тоскану, в Каррару, руководить добычей мрамора и самому рубить в каменоломне. Он провел там восемь месяцев в суровых условиях (в этих краях холодные зимы). Очень счастливый, он отправлял партиями в Рим великолепный мрамор. Когда вернулся, увидел, что большая часть площади Святого Петра завалена горами мрамора. Картина радовала глаз.

И вдруг Микеланджело столкнулся с трудностями при оплате последней партии камня. До этого Юлий II всегда говорил: «Заходи прямо ко мне, подписывать бумаги буду я». Теперь же Микеланджело не мог попасть к нему день, другой, третий. А потом охранники сказали ему, что именно его не велено принимать. Для Микеланджело, гордого, знающего себе цену, это был такой удар, что он вернулся домой и немедленно, ничего толком не собрав, уехал из Рима. Он не мог вынести такого оскорбления.

Папа тут же отправил за ним посланников. Но Микеланджело не возвращался. Это был настоящий бунт. Юлий II стал писать во Флоренцию, чтобы ему вернули Микеланджело. Власти города стали опасаться ссоры с Папой.

Наконец Юлий II прибыл по своим делам в Болонью и затребовал, чтобы туда приехал Микеланджело. Доброжелатели объяснили художнику, что не откликаться нельзя – его жизнь в опасности. Встреча состоялась в 1507 году. Папа сварливо сказал: «Что это такое? Я за тобой сюда прибыл!» Но простил Микеланджело и срочно заказал ему статую.

А почему же раньше, в Риме, его перестали принимать? Причиной тому интриги. Интриги главного соперника и завистника, хотя и талантливого архитектора Донато Браманте. Он опасался, что, пока изготавливается гробница, все деньги

пойдут Микеланджело. Кроме того, Браманте умело злоупотреблял средствами, отпущенными для строительства. Микеланджело же никогда этого не делал. Браманте сделал все, чтобы отговорить Папу от строительства гробницы. Он сказал, что нужно сначала перестроить собор, а потом заниматься всем остальным, и намекнул, что это дурная примета – строить себе гробницу при жизни. Юлий II собирался жить долго. Он испугался и решил все отсрочить. Причем в такой оскорбительной форме.

Итак, в Болонье состоялось примирение и тут же поступил заказ – отлить фигуру Юлия II в бронзе. Свободолюбивая Болонья всегда была в конфликте с папством. Юлий II решил в наущение жителям города поставить свою бронзовую фигуру на фасаде главного собора.

Микеланджело очень быстро ее изготовил. Это большая фигура, высотой четыре метра в сидячем положении. В левой руке Папа держит ключи – символ своей власти. Юлий II, разглядывая статую, спросил Микеланджело: «А что это я делаю правой рукой?» – «Благословляете и немножко грозите».

Конечно, Болонье эта скульптура не понравилась. О ее художественных достоинствах мы судить не можем: через четыре года она была сброшена с крыши собора во время очередного мятежа и разбилась. Враг Юлия II герцог Феррарский закупил сохранившиеся фрагменты и приказал отлить из них пушку. И в насмешку над Папой назвал эту пушку Джулия.

А у Микеланджело было впереди новое выдающееся деяние – роспись Сикстинской капеллы в Риме. Он получил такой заказ, потому что его недруг Браманте попытался продолжить интриги. Он сказал Папе: «А пусть Микеланджело делает росписи», надеясь, что Микеланджело не художник и с кистью не в такой дружбе, как с резцом. Но завистник ошибся.

Опять последовали годы безумно тяжелой работы. Микеланджело расписал громадную галерею – 600 квадратных метров. Он четыре года провел на лесах, чаще всего там и спал, то есть жил совершенным отшельником, фанатично исполняющим свою работу.

С Юлием II у него не раз возникали конфликты, потому что тот хотел контролировать, как идет работа. Говорят, что Микеланджело иногда специально сбрасывал с лесов какие-то мелкие доски, чтобы Папа испугался и больше не приходил.

Но когда работа была открыта, Юлий II взглянул и сказал, что эти росписи, эти библейские сюжеты из простой жизни прекрасны, но бедновато выглядят. Надо было пройтись золотом. Микеланджело ответил, что те, кто здесь изображен, тоже были бедноваты. И ничего исправлять не стал.

Этот шедевр поднял его имя в Италии и во всей Европе на невиданную высоту.

В 1513 году Юлий II умер. Как выяснилось потом, Микеланджело после его смерти продолжал работать над егогробницей и частично этот заказ выполнил. Величайшая скульптура Моисея и некоторые фигуры рабов делались именно для этой гробницы. Эти потрясающие скульптуры свидетельствуют о том, что Микеланджело испытывал симпатию к Юлию II, который, наряду с невероятной гордостью, имел благородные идеи и художественный вкус.

Следующие Папы были хуже.

В 1523 году престол занял Климент VII – родственник Медичи, великого благодетеля Микеланджело. Незаконный сын брата Лоренцо Великолепного. Как и другие властители, он захотел иметь при себе Микеланджело и дал большой заказ – изваять усыпальницу дома Медичи.

Микеланджело сам сделал пристройку к церкви во Флоренции и создал проект, опять колоссальный, который в основном выполнен. Фигура Лоренцо в римском костюме, в доспехах, фигура его брата, Джулиано, коварно убитого заговорщиками, величайшие символические фигуры Ночь, День, Утро, Вечер.

В зените славы Микеланджело трудился безостановочно, без отдыха. Леонардо, всегда элегантный, очень модно или необычно одетый, упрекал его в том, что он выглядит и ведет себя как ремесленник, как каменотес, как рабочий. Но это была просто совершенно особенная натура. Работа поглощала его.

Была ли в его жизни любовь? Есть предположение, основание для которого дают его стихи, что в 1508 году, покидая Болонью, он скорбно прощался с некой златовласой красавицей. Из поэтических текстов мы знаем, что она украшала волосы цветами, что у нее тонкая талия, перетянутая пояском. Микеланджело пишет: «Что же теперь будут обнимать мои руки?»

А потом была любовь, очевидно платоническая, в возрасте 60 лет. Некая Виттория Колонна, очень знатная дама, маркиза, вдова, рано потерявшая мужа. Она жила при монастыре, не будучи монахиней. Женщина, которая поклонялась гуманистам, восхищалась стихами и терпимо относилась к Реформации. Виттория была известна прелестной внешностью и праведной жизнью. Судьба свела их, и Микеланджело отправлял ей стихи, посылал рисунки, сравнивал ее с Богоматерью. По его словам, больше всего в жизни он скорбел о том, что, прощаясь с ней, умершей, поцеловал ее руку, а не лоб. Это было чувство очень высокое. А в его замкнутой душе нашлось место нежности.

Была в его натуре и доброта. Он очень заботился о родных, содержал их всех, раздавал деньги, подарки и всегда понимал, что он – главная опора семьи. Вот строчки из письма к обожаемому племяннику по имени Леонардо: «Хочу, чтобы 46 эскудо ты раздал беднякам. Постарайся выведать о ком-нибудь, кто нуждается особо, и дай ему тайно эти деньги, дабы не знали, от кого они». Он был искренним христианином.

Микеланджело Буонарроти.
Мадонна Медичи, ок. 1521–1534.
Капелла Медичи, Флоренция

Наверное, поэтому ему так трудно давалась фреска «Страшный суд», на которую ушло шесть лет жизни. Интересно, что среди грешников Микеланджело поместил вполне

узнаваемый портрет римского Папы Павла III, известного тем, что он продавал церковные должности, а также изображение некоего церемониймейстера Бьяджо да Чезена. За то, что Чезена выступал против обнаженных фигур, считая их непристойными, Микеланджело нарисовал его в виде беса с ослиными ушами.

Кстати, когда Чезена побежал жаловаться, Папа ответил ему: «Ничем не могу помочь. Если бы Микеланджело изобразил тебя в чистилище, я бы постарался тебя вытащить, но в аду… это не мой департамент». Так что у Павла III явно было чувство юмора, хотя в целом это мрачная фигура. Именно он собрал в 1545 году знаменитый Тридентский собор, который разработал план суровой войны против Реформации. За этим последовали индексы запрещенных книг, усиление работы инквизиции, многочисленные костры.

И отдельным решением Собора было такое – одеть персонажей фрески «Страшный суд». Но Микеланджело ответил: «Передайте Папе, что это дело маленькое и уладить его легко. Пусть он мир приведет в пристойный вид, а с картинами я сделаю это быстрее». И опять отказался что-либо переделывать. Драпировки пририсовал один из его учеников.

И сейчас в Сикстинской капелле можно видеть эту великую работу Микеланджело. Изображенный им ад находится как раз на уровне пола, по которому идут орды туристов. Они шумят, акустика потрясающая, в зале стоит гул. И ты вдруг ясно ощущаешь, что находишься в аду. И твой рост не позволяет тебе подняться даже в чистилище.

«Страшный суд» – это еще не конец жизни Микеланджело. Он прожил еще 20 лет, был свидетелем того, как его фрески хулили за непристойность и «одевали». Это тоже надо было пережить.

И потом не раз творения Микеланджело становились жертвами человеческого лицемерия, ханжества и безумия. Его замечательная картина «Леда и лебедь» была сожжена по приказу французской королевы, жены Людовика XIII, за неприличность содержания. Очень многие из его шедевров пропали, были разрушены.

Микеланджело работал до последнего дня. Приглашенный главным архитектором собора Святого Петра, он продолжал в основном воплощать замысел уже покойного Браманте. Он сохранил идею центричности великолепного здания и усовершенствовал ее в соответствии с возможностями своего уже зрелого блистательного гения.

Приладив свечу на голову, по ночам рубил мрамор. И продолжал писать стихи, заявляя: «Пусть говорят, что я впал в детство. Писал стихи и писать буду!» Вот его строки в переводе

А.Б. Махова:

Сколь смел бы ни был замысел творца,
Он в грубом камне заключен в избытке,
И мысль в нем отразится без ошибки,
Коль движет ум работою резца.

Микеланджело был одарен почти фантастически. Не получив, в сущности, никакого специального образования, он всему научился сам, включая анатомию и инженерное дело. Какое-то особое зрение позволяло ему видеть, что скрыто в глыбе мрамора. Однажды в горах Каррары он увидел скалу и сказал, что, если ее обработать резцом, получится потрясающая скульптура, неотделимая от живой природы. Была в нем такая космичность.

Он знал, что гениален, был добр к людям, допускал ошибки, но злодейств не совершал и при жизни был назван божественным. Счастливая судьба.

Игнатий Лойола. Генерал ордена Иисуса

Игнатий Лойола – фигура почти фантастическая. Вокруг него, как вокруг всех ярких людей, созданы многочисленные мифы. Причем совершенно невозможно однозначно оценить эту личность. Но плохо ли это?

Официально он святой, канонизирован в 1622 году. Спаситель истинной веры, создатель отряда «папских янычар». А в некоторых советских книгах по истории Ордена иезуитов он представлен как «исчадье феодально-католической реакции».

Он действительно создатель Общества Иисуса, будущего Ордена иезуитов. Но он и воин, герой обороны Памплоны, города в испанской Наварре, осажденного французскими войсками. Он же кавалер, любимец дам – и калека, который прошел пешком, хотя у него плохо двигалась одна нога, из Испании в Париж. А еще он визионер, который вводил себя в транс и слышал голоса святых. Мифология доходит до того, что Лойола якобы властвовал над ветром и дождем, болезнями и смертью.

Нельзя ставить знак равенства между Игнатием Лойолой и Орденом иезуитов. Сам он вообще свое создание духовно-рыцарским орденом не считал заслугой. Да и дальнейшая судьба этой организации значительно изменила ее характер. С течением времени иезуиты стали все больше заниматься просветительской деятельностью. Их школы и колледжи есть по всему свету, в том числе и в нашей стране. Многие оценивают их педагогическую систему весьма высоко. Но у истоков движения стоял, безусловно, Игнатий Лойола.

Он родился в 1491 году в замке Лойола на севере Испании, в провинции басков. Его имя – Иниго Лопес де Лойола. Происходил он из очень знатного, но обедневшего рода, типичного для Испании этого времени, и был тринадцатым из четырнадцати детей в семье. Следовательно, он не мог рассчитывать ни на какое наследство.

С его детством связано много мифов. Якобы мать предвидела рождение необычного ребенка, божьего любимца, и сознательно родила его в хлеву, как Мария Иисуса. И якобы, будучи грудным, он лично потребовал, чтобы его назвали Игнатием, от латинского «игнатус» – «простой, скромный».

Неизвестный художник.
Игнатий Лойола. XVI в.

Есть замечательная статья нашего соотечественника, эмигранта, культуролога П.М. Бицилли «Лойола и Дон Кихот». Он пишет: «Дон Кихот и Игнатий Лойола взаимно дополняют и поясняют друг друга». Что между ними общего? Юношеское увлечение рыцарскими романами, свойственное сословию дворян. Опыт неудачных благодеяний. Например, известно, что в Монсеррате Лойола отдал нищему свою богатую рыцарскую одежду – и вскоре того арестовали по подозрению в краже. Именно так неловко часто получалось и у Дон Кихота.

Их сближает и переход от подвигов описанных к реальным. Лойола много читал о рыцарях (настольная книга – рыцарский роман «Амадис Галльский») – и стал рыцарем.

А позже он был вдохновлен образами святого Доминика и святого Франциска. То есть у обоих – реального человека Игнатия Лойолы и литературного персонажа Дон Кихота – было стремление принимать написанное как истину и подражать ему.

Правда, если Лойола и Дон Кихот, то без великой природной доброты. Их роднят именно черты социального поведения. А это диктовалось свойствами времени.

Будучи весьма знатного происхождения, Лойола юношей начал службу при дворе. Его первая должность – паж, что очень характерно для отпрысков дворянских семейств. Он был в свите католичнейшего короля Фердинанда Арагонского, супруга Изабеллы Кастильской (их брак объединил Испанию).

И даму сердца Лойола, в рыцарских традициях, старался избирать из числа принцесс. Он рано почувствовал себя кем-то значительным. Но будущего своего поприща пока совершенно не представлял.

В молодые годы он был судим в Наварре за некие весьма серьезные преступления. Это может быть и соблазнение замужней дамы, и даже смертоубийство. Таково рыцарское поведение XVI века.

В 1521 году Лойола, уже зрелый человек, – руководитель защиты Памплоны, столицы Наварры, от войска французского короля Франциска I во время франко-испанских пограничных войн. Там, держа на себе всю оборону, он доказал, что умеет воевать и командовать. Но силы были не равны, испанцы обречены на неудачу. Лойола получил тяжелейшее ранение. Ядро разрушило стену, и он попал под обломки. У него были раздроблены обе ноги. Французы, у которых он оказался в плену, за отвагу отпустили его без выкупа: они тоже рыцари…

Он был с почетом отправлен домой, где перенес тяжелейшие операции (надо помнить, каков уровень медицины XVI века). Одна нога срослась совершенно неправильно. И он приказал вновь ее сломать. Это была его воля. Нога все равно срослась очень плохо, вроде бы даже часть кости торчала из колена. После операций Лойоле пришлось год лежать, страдая физически. По одной из версий, он просил принести ему рыцарские романы, но их не оказалось под рукой, и богобоязненная мать дала ему жития святых. И вдруг это чтение его поглотило!

Лойоле было тогда 33 года – возраст Христа. И он абсолютно перестроил свою жизнь. Став инвалидом, он понял, что ни на военном, ни на придворном поприще уже не продвинется. И стал

искать нечто иное. По крайней мере, его недоброжелатели подчеркивают именно эту, так сказать прагматическую, причину его преображения. Наверное, она тоже имела некоторое значение, но не была единственной.

В 1522 году он решил сделаться рыцарем и воином Христа, Богоматери и святого Петра. В сущности, он остался верен себе, просто сменил поприще. Влияние духовной литературы, плюс физические страдания, плюс необычность его страстной натуры, которая ищет себе применение. Все это вместе дало такой эффект.

Лойола отправился в паломничество в монастырь Монсеррат, в сердце Каталонии, недалеко от Барселоны. Там и сейчас хранится чудотворный образ Девы Марии – статуя, по преданию вырезанная из черного дерева лично евангелистом Лукой и принесенная в Испанию святым Петром. Очень необычное изображение: из-за цвета материала Богоматерь Монсерратская выглядит чернокожей. Эта фигура – объект величайшего почитания и в Средние века, и сегодня. Монастырь был основан в XI веке на высоте 725 метров над уровнем моря, на почти отвесном утесе. Сейчас там есть подъемники для туристов. Во времена Лойолы ничего подобного, разумеется, не было. И этот калека вскарабкался на гору!

Именно там Лойола принял окончательное решение служить единственной, высшей Даме сердца – Богоматери. Повесил под ее изображением свое оружие и всецело посвятил себя ей.

Неподалеку, в пещере, он написал свое знаменитое произведение «Exertitia spiritualis» – «Духовные упражнения», руководство по тому, как достигнуть духовного совершенства, приблизиться к божественным мыслям, услышать слово Божье. Эти упражнения чем-то напоминают распространенный сегодня аутотренинг. А один из исследователей назвал методику Лойолы «нравственным гипнозом».

Но этот новый рыцарь Девы Марии не ограничился самосовершенствованием. Он встал на путь создания воинствующей духовной организации. Чтобы найти причины этого решения, надо вспомнить, что это была эпоха мучительного, но блистательного шествия Реформации по Европе.

На протяжении тысячи лет католическая церковь имела почти абсолютную духовную монополию. После крушения Западной Римской империи церковь осталась единственным источником просвещения и культуры. Собор был и школой, и консерваторией, и картинной галереей. Получая постоянные пожертвования от светских правителей, церковь богатела и приобретала власть. Она сделалась единственной властительницей дум и нравственным

цензором, все больше и больше влияла на светскую жизнь, конфликтовала с королями и императорами. И вот на пороге Нового времени случился перелом.

Идеологи Реформации: Ян Гус, Мартин Лютер, Жан Кальвин, Ульрих Цвингли – говорят, что между Богом и людьми не нужен такой мощный, богатый, пышный и властный посредник. Достаточно с искренней верой обратиться к Богу, и он тебя услышит. А церковь – просто молельный дом. Это точно соответствует Новому времени, с его расширяющимися горизонтами, с изменившейся экономической и более вольной духовной, жизнью. В наступившую эпоху люди вернулись к мысли, что Земля – шар, сделали великие открытия в естественных науках; изменилось искусство, перестав служить одной только божественной идее, художники начали черпать вдохновение в подражании античности…

Но после тысячелетнего владычества церковь не собиралась сдаваться. Для папства реформаторы – это кто-то вроде гуннов, против которых надо сомкнуть ряды и с кем следует воевать любыми средствами. Уже скоро, в 1545 году, состоится Тридентский собор, где будет принята программа противостояния духовным варварам. Усиливается существующая с XIII века инквизиция. Тридентский собор даст ей особые наставления. И искания Лойолы вписываются в эту ситуацию, соответствуют оборонительно-наступательной позиции церкви.

У Лойолы случались видения, он слышал голоса Богоматери, Иисуса, святого Петра. Они вдохновили его бороться за распространение истинной католической веры среди мусульман. В 1523 году он отправляется в Святую Землю, в Иерусалим. Это был незаурядный паломник. Он не знал теологии, не владел латынью, не представлял себе, на каких языках говорят неверные, но утверждал, что лично общается с Христом и Девой Марией. Все это очень подозрительно, с точки зрения инквизиции. И церковь не принимает его, а отталкивает как еретика.

Обескураженный, он вернулся в Испанию и занялся изучением богословия. При этом обучал детей философии, толковал слово Божье.

Им заинтересовалась инквизиция. После как минимум двух арестов, когда ему каким-то образом удалось уцелеть, он понял, что надо уходить из Испании, где инквизиция особо свирепствовала, и в 1528 году прибыл пешком в Париж.

Он вообще постоянно истязал свое тело во имя взлета духа: бичевался, совершал, страдая от боли в ногах, огромные пешие переходы. Правда, потом, когда с годами его здоровье сильно пошатнулось, он стал осуждать истязание тела и в Ордене этого

не насаждал. Говорил, что народу и церкви нужны крепкие, здоровые члены организации.

В Париже Лойола продолжил свое образование, поступил в Коллегию по изучению латыни. В возрасте 37 лет с невероятным трудом добился звания магистра теологии.

Рядом с ним собрался небольшой кружок друзей, последователей. Появились и те, кто готов был на их служение дать какие-то средства.

Сегодня таких людей называют меценатами или спонсорами. Недруги Лойолы говорят, что особенно охотно его финансово поддерживали богатые женщины.

В 1534 году эта так называемая Компания собралась в церкви Святой Марии в Париже. Члены кружка дали клятву идти в Палестину, а также приняли обет целомудрия и бедности. Это были шаги к созданию Ордена, до которого оставалось еще шесть лет.

Духовно-рыцарские ордена родились во время Крестовых походов XI–XIII веков для защиты паломников и завоеваний крестоносцев на Востоке. Монахи-воины одинаково истово молились и сражались против неверных, защищая то, что у них отвоевали. Когда же их постепенно изгнали из Палестины, духовно-рыцарские ордена: тамплиеры, доминиканцы, бенедиктинцы и другие – переселились в Европу. Здесь им уже нечего было защищать, и они начали приспосабливаться к новому служению – бороться за чистоту веры и нравов. При этом некоторые из них успешно торговали, стали финансистами, как, например, тамплиеры.

Доминиканцы были инквизиторами, францисканцы – врачами.

Лойола, с его огромным честолюбием, не хотел избирать поприще, на котором уже преуспели другие. Компания его друзей собиралась отплыть в Иерусалим для борьбы с неверными. Отъезд не состоялся из-за ситуации на Средиземном море, где шла война между Италией и Турцией. Пока ждали подходящего момента для отправки, на Лойолу снизошло очередное озарение. Он осознал, что в Европе врагов истинной веры не меньше, чем на Востоке. Причем они еще страшнее, потому что, называя себя христианами, отшатнулись от великого здания церкви, от чистоты и красоты католического служения Богу.

Образно говоря, он увидел «гуннов», с которыми отчаянно боролось папство. Обнаружив эту нишу, он отказывается от идеи скромного ухода за больными, проповедей, просвещения. Добивается свидания с Папой Павлом III. После долгой беседы Папа говорит о нем: «Да это же перст Божий!» И дает добро на

создание новой организации.

Надо сказать, что не все кардиналы поддержали эту идею, многие сомневались, помня, что Лойола был в свое время заподозрен в ереси. К тому же он человек с очень светским прошлым, который осмеливается утверждать, что общается непосредственно с небесными силами. А кто же тогда Папа? Ведь только он должен напрямую разговаривать с Богом!

Но в ситуации опасности для католической церкви, страха перед тем, что рушится ее монополия, «перст Божий» получает добро. Он лично пишет устав Ордена, пишет по-испански, потому что по-латыни, как положено, он написать не в состоянии: слишком труден этот язык, и слишком поздно он начал его изучать. Кто-то из соратников переводит устав на латынь.

В 1540 году Папа, с трудом сломив сомнения своего окружения, утверждает устав Ордена, а в сущности духовного войска, которое будет биться со всеми отступлениями от идей истинной католической церкви. Позже недруги назовут их «папскими янычарами».

В 1541 году Лойолу избирают генералом Общества Иисуса. Он не сразу согласился, заставил всех несколько раз голосовать за свою кандидатуру. Когда же все-таки был избран, то на несколько дней отправился прислуживать на кухне, для того чтобы отдать должное самоуничижению.

Что это – гордыня, поза, притворство? Но ведь он прислуживал реально, а не просто обещал это сделать. Такова его сложная личность, одержимая идеей не отступать от духовного служения.

Несомненно, фанатичная готовность к служению по-своему опасна. К тем принципам, которые были признаны всеми духовно-рыцарскими орденами: целомудрию, бедности, послушанию, – Лойола прибавил один, но страшный. Безусловное подчинение, повиновение и служение Христу, католической церкви и Папе. По мысли Лойолы, тот, кто хочет посвятить себя Богу, должен отдать ему свою волю и свой разум.

Идеальный иезуит, как определил Лойола, смотрит на старшего, как на самого Христа. Он повинуется старшему, «как труп, который можно переворачивать во всех направлениях, как палка, которая подвластна всякому движению, как шар из воска, который можно видоизменять и растягивать во всех направлениях».

И как раз эта идея безусловного служения, безусловного подчинения становится основой организации, которая по сей день вызывает противоречивые оценки. С точки зрения иезуитов, ум человеческий, отказавшись от всякого личного суждения, должен

быть всегда готов к полному и совершенному повиновению церкви.

Питер Пауль Рубенс.
Чудеса св. Игнатия Лойолы.
1620–1621 гг.

Уже после смерти Лойолы иезуиты развили его идеи.

Человек, вступающий в Орден, обязан отречься от всего, в том числе от своих родных. О матери он может говорить только в прошедшем времени— «была», даже если она жива, и воспринимать ее как умершую. Он должен весь отдаться служению и бороться против любых отступлений от чистоты католической веры. Лойола говорил: «Если римская церковь назовет белое черным, мы должны без колебания следовать ей».

Надо признать, что Орден имел немалый успех. Об этом говорит его быстрый численный рост. В год смерти Лойолы он насчитывал 1 000 человек, к началу XVII века – 13 000, в XVIII веке – 22 000. При этом, если иезуитов изгоняли из какой-нибудь страны, они со временем возвращались и множились. Была у их служения какая-то магия.

С 1552 года решением папства иезуитские коллегии были приравнены к университетам. Они проникли в Италию, Португалию, Испанию, Германию, Австрию, Индию, Китай и Японию. Иезуиты-миссионеры проповедовали с большим успехом. Они содействовали отмене подписанного в 1598 году французским королем Генрихом IV Нантского эдикта, который был знаком веротерпимости. Иезуиты оказывали сильное личное влияние на Людовика XIII и Людовика XIV, подсылали убийц-фанатиков к тем правителям, которых они подозревали в отступлении от чистоты веры.

В России иезуиты тоже имели немалое влияние. Любимец царевны Софьи князь Михаил Михайлович Голицын был ими очень заинтересован. С 1685 года в Москве существовала иезуитская школа. Петр I изгнал иезуитов в 1689 году, но Екатерина II позволила им вернуться и не стала их преследовать, несмотря на то что в 1773 году Орден был официально упразднен римским Папой. Павел I положительно относился к генералам Ордена иезуитов. При нем пользовался влиянием в России генерал Ордена Грубель. При Александре I в Полоцке действовала иезуитская Академия.

Но во время войны 1812 года иезуиты были небезосновательно заподозрены в неких политических действиях против интересов России. Надо сказать, что после смерти своего создателя-основателя они все активнее приходили в политическую жизнь.

Лично Игнатий Лойола склонен был оставаться в лоне духовной борьбы. Однако один из его принципов – «Цель оправдывает средства». Страшная мысль, находящая сторонников во все времена!

В 1550 году Лойола изъявил желание сложить с себя полномочия и звание генерала. Трудно сказать, было ли это

вполне искренне. Может быть, как истинный политик, он проверял прочность своей власти. И руководство Ордена решительно воспротивилось его уходу – он остался во главе организации до конца. Он пережил триумф, видя, как Орден завоевывает сердца сторонников. Вместе с тем, как человек очень умный и наблюдательный, он понимал, что абсолютной победы нет. И вероятно, догадывался, что она невозможна.

Близость своего физического конца Лойола ощущал ясно. Он никогда не намекал на то, что он какой-то особенный и останется жить вечно. Наверное, и голоса свыше сообщили ему, что уход неизбежен.

Умер он в Риме в 1556 году, похоронен там же, в церкви Иисуса Христа. А в 1622 году официально канонизирован папой Григорием XV и числится в списке католических святых с именем Святой Игнатий.

Девиз иезуитов – «К вящей славе Господней». Все можно, чтобы слава Господа росла. Вечное «во имя». Сколько этот тезис провозглашали и будут провозглашать в разные времена и на разных поприщах: политическом, духовном, художественном. «Во имя» – значит все можно. Как привлекательно и как опасно!

Герцог Альба. Бич Нидерландов

Герцог Альба – известный злодей и палач. Именно такой его образ создан Шарлем де Костером в романе «Тиль Уленшпигель». Да и что иное можно сказать о человеке, который гордился тем, что лично подписал постановления о казнях почти двадцати тысяч человек?

Казалось бы, если руководствоваться этическими соображениями, он вообще не должен быть запечатлен в истории. Но он остался в ней, пробив себе путь именно ни с чем не сравнимыми злодеяниями. Кто он без них? Полководец, который воевал много и удачно в войсках императора Карла V, побеждал немцев, итальянцев. Но таких военачальников было в ту эпоху немало. А вот казни тысяч людей и попытка уничтожить экономически, психологически, нравственно, да и физически – просто сжечь небольшую страну Нидерланды – все это сделало его имя широко известным. Ведь, увы, человеческой истории нет и без таких ужасающих деяний.

Альба был человеком идейным и педантичным. Он не сомневался, что дело его богоугодное и благородное. Но когда в Нидерланды пришло известие, что он туда направляется, сто тысяч человек эмигрировали. Сто тысяч из приблизительно трех миллионов жителей.

Полное имя будущего притеснителя Нидерландов – Дон Луис Альварес де Толедо. Он родился в 1507 году в весьма знатной семье. Его отец погиб в войне с маврами (так называли арабов на Пиренейском полуострове), то есть в ходе Реконкисты. Десятилетие войны испанцев с Гранадским эмиратом – последним оплотом арабов на Пиренейском полуострове – завершилось в 1492 году падением Гранады. Но оставалось еще немало очагов сопротивления. В понимании европейцев XVI века отец Альбы пал за праведное, христианское дело.

Мальчика растил дед – герцог Толедский. Толедо до 1561 года— столица объединенной Испании. Титул герцога Толедского – высший после короля. Так что ребенок рос в кругу позднефеодальной испанской элиты. Его род принадлежал к числу тех тринадцати, представители которых имели право не обнажать голову перед королем. А нормальное занятие аристократов – воевать.

С 16 лет Альба участвовал в войнах. Он командир в походах Карла V, знаменитого императора из династии Габсбургов, который говорил, что в его владениях никогда не заходит солнце. Действительно, они охватывали не только значительную часть

Европы (Германия, Нидерланды, Испания, Австрия, Венгрия), но и большие территории в Америке (Мексика, Перу и др.). Казалось, что эта колоссальная империя будет вечной. На самом деле в 1555 году Карл V отречется от престола и разделит эту империю на две части, отдав одну – Испанию и Нидерланды – своему сыну Филиппу II, а Германию – брату Фердинанду I.

Альба воевал во Франции, Италии, Венгрии, Германии и даже в Африке. С его именем связаны два известных военных эпизода. В 1547 году он отличился в битве при Мюльберге, в Германии – возглавил решающую атаку рыцарской кавалерии в ту минуту, когда казалось, что успех на стороне германской армии, чьи саксонские полки очень хорошо умели воевать. Альба ринулся в атаку и личным примером увлек испанских рыцарей. Стоит отметить, что ему было к тому времени около сорока лет. Значит, некоторая известность пришла к нему через двадцать с лишним лет военной карьеры.

Затем, в 1557 году, Альба в Италии, в Абруцах, сражался с войсками Папы Римского Павла IV. Не странно ли: фанатичный католик – и воюет против Папы. Причина в том, что Павел IV враждовал с испанским королем и заключил союз с Францией, тогда враждебной Испании. Альба бился за интересы своего короля, полагая, что таковы же и интересы католической церкви. Он готов был поправить самого Папу. Причем любыми средствами.

Он вообще никогда не разбирал средств. Любил и умел конфисковывать имущество у богатых людей, которым лично подписывал смертные приговоры.

В 1566 году король Филипп II направил Альбу на «умиротворение» Нидерландов. «Умиротворение» герцог понимал вполне кладбищенски. Сам он полагал, что подавляет мятеж, борется с ересью. Гораздо позже стало понятно, что это было мощное освободительное движение, направленное против чуждой Нидерландам испанской власти.

В Средние века Нидерланды (в буквальном переводе – Нижние земли) – это не вполне та же территория, которую занимает современная Голландия. Это название носила группа небольших и фактически независимых графств и герцогств. В I–II веках здесь была провинция Римской империи, затем, после Великого переселения народов, оказавшаяся на периферии Франкского королевства. Жители Нидерландов, пользуясь тем, что центральная власть далеко, добились многочисленных вольностей. Они формально признавали свою вассальную зависимость то от германских императоров, то от французских королей, а реально никогда никому не покорялись.

Они были очень трудолюбивы и отвоевали у моря огромные земли. Построили потрясающие укрепления, знаменитые плотины. Сегодня Амстердам находится на 8 метров ниже уровня моря.

Этот народ был чрезвычайно вольнолюбив. Богатые города жили независимо, откупаясь от тех, кто хотел их себе подчинить. Территориями управляли Генеральные и региональные штаты.

И надо же было именно такой стране оказаться под властью консервативнейшей испанской монархии!

И вот в силу такого феодального явления, как династические браки, Нидерланды в XV веке оказались под властью герцогов Бургундских, продолжая жить достаточно вольно. Однако Бургундия столкнулась в своих амбициях с французским королем Людовиком XT В 1477 году в сражении при Нанси бургундский герцог Карл Смелый потерпел страшное поражение и был убит на поле боя. Его дочь и единственная наследница Мария Бургундская, боясь оказаться во власти крепнущей Франции, поспешно сочеталась браком с Максимилианом Габсбургом. Нидерланды были частью ее владений и официально стали доменом германских императоров. Это было не особенно страшно, потому что в Германии не существовало мощной центральной власти.

Но история совершила причудливый поворот. Сын императора Максимилиана I эрцгерцог Филипп Красивый женился на королеве Испании Хуане Безумной. Она и стала матерью Карла V и бабушкой Филиппа II Испанского, которому служил герцог

Волнения в Антверпене во время иконоборческого восстания 1566 г. Гравюра XVI в.

Альба. Кстати, черты безумия совершенно очевидны не только у бабушки, но и у внука.

Карл V переименовал бывшие вольные нидерландские герцогства, епископства и графства: Фландрию, Брабант, Геннегау, Артуа, Люксембург, Голландию, Зеландию, Утрехт, Фрисландию – в провинции. Так был подготовлен грядущий исторический взрыв.

События, с которыми связано прибытие Альбы в Нидерланды, принято называть буржуазной революцией, но, по существу, это освободительная антииспанская война. В процессе ее был избран путь не к католичеству и архаичному испанскому феодализму, а к реформации и развитию мануфактурного производства, торговли – к капитализму.

Нидерланды были к этому очень предрасположены. Они вели интенсивную торговлю. Города Гент, Брюгге, Ипр называли

великой триадой. Там развивалось сукноделие, производили великолепное сукно; шерсть везли из Англии, и англичане были весьма заинтересованы в этой торговле. В годы Столетней войны жители Нидерландов на стороне Англии, потому что там шерсть, а они здравые, деловые люди. Совершенно особенная страна. Она по образу жизни, по сознанию бесконечно далека от Испании, у которой была иная историческая судьба.

Тициан. Дон Фернандо Альварес де Толедо, великий герцог Альба.

Ок. 1516 г.

В развитии Испании важнейшую роль сыграла растянувшаяся почти на пять столетий Реконкиста (обратное завоевание или отвоевание Пиренейского полуострова у арабов). Эта страна

сплотила жителей Пиренейского полуострова вокруг христианского знамени. Здесь как будто законсервировались многие черты Средневековья.

Филипп II был женат на Марии Тюдор, получившей в Англии прозвание Кровавой за непримиримую борьбу против протестантов. Он отстаивал позиции католической церкви в Европе, где уже стало мощным движение Реформации. Действовал он фанатично, безумно, например, вмешивался в религиозные войны во Франции. Испанские войска были даже в Париже. В 1588 году он снарядил «Непобедимую армаду», огромный флот, отправленный на завоевание Англии. Он дал немыслимые полномочия инквизиции, преследовал так называемых морисков (арабов, принявших христианство) на Пиренейском полуострове. Все его действия – против духа свободы. И против хода истории.

Ему казалось, что маленькие Нидерланды можно раздавить в два счета, особенно если направить туда герцога Альбу.

Адриан Томас Кей.
Вильгельм Оранский. 1580 г.

В 1566 году там случилось крупное иконоборческое восстание. Жители Нидерландов беспощадно громили католические церкви, отрезали уши священникам. Это уже было начало того, что называется страшным словом «революция».

К этому моменту испанским правлением недовольны были все: дворяне, горожане, рыбаки, крестьяне. Рождающаяся нация объединена общим чувством. Дворяне образовали свой союз – Конфедерацию. Ее лидерами стали принц Вильгельм Оранский и графы Эгмонт и Горн. Их цель – договориться, убедить испанцев, что Нидерланды – не Испания и нельзя переносить сюда ту же непримиримость во взглядах, ту же инквизицию и огромные

испанские налоги.

Но договориться ни с Филиппом II, ни с Альбой, которого он в 1567 году прислал в помощь своей наместнице и сводной сестре Маргарите Пармской, было нельзя. Когда представители Конфедерации пришли к дворцу Маргариты Пармской в Брюсселе, она соизволила их принять. А ведь они вели себя как верноподданные: шли, построенные в шеренги по пять человек, что было унизительно для дворян. И одеты они были очень скромно, особенно по сравнению с крайней пышностью испанского двора. И кто-то из испанских придворных сказал Маргарите: «Неужели вы боитесь этих гезов?» Гезы – это нищие, босяки.

Они это услышали и назвали себя гезами, а потом это имя взяли себе партизаны из народа. Гезы-дворяне одно время фрондировали, надевая одежду с заплатами, конечно нашитыми специально, а через плечо – суму для подаяния.

Революция пробивалась все дальше и дальше. Появились лесные гезы, а потом противники испанцев создали и свой флот – и пошли против, казалось бы, великой и неодолимой силы, называя себя морскими гезами.

Вот в такую страну и в такую ситуацию прибыл пятидесятидевятилетний герцог Альба. Будучи хитрым придворным, он пригласил лидеров сопротивления на совещание. Вильгельм Оранский отказался прибыть к нему и тем более давать ему присягу и эмигрировал. Он отговаривал и своих товарищей – графов Эгмонта и Горна. Но они отправились к Альбе, были арестованы и вскоре казнены. А их весьма значительное имущество конфисковали.

Бельгийский историк первой трети XX века Анри Пиренн пишет об Альбе: «Он знал только один способ управления – силу, или, вернее, террор. Недоступный ни пониманию возможного, ни чувству сострадания, он непоколебимо, со спокойной совестью шел вперед по развалинам. Чувство долга, а не жестокость, заставляло его подписывать смертные приговоры, и его душевное спокойствие по отношению к своим жертвам можно было бы сравнить с душевным спокойствием Робеспьера. Как у того, так и у другого жестокая искренность была столь же полной, сколь и ужасной». Характерно, что Робеспьер – за революцию, Альба – против, но фанатические натуры их сходны.

Альба казнил и казнил, причем преимущественно богатых людей, обогащая испанскую казну и докладывая своему возлюбленному королю, как много денег дали эти казни. Фанатичный и практичный одновременно, он писал, что для полного «умиротворения» надо для начала казнить примерно две

тысячи еретиков. (Всех жителей Нидерландов он называл в письмах «недосожженные еретики».) Он создал новый орган – Совет о беспорядках, или о мятежах, который народ молниеносно переименовал в Кровавый совет. За три первых месяца правления Альбы состоялось 1800 казней. И это было только начало.

Альба с воодушевлением занимался конфискациями, и хотя нет сведений о том, что он сам на них наживался, благосостояние его семьи стремительно возросло после пребывания в Нидерландах. Четыре пятых конфискованного шли в казну, пятую часть получал король. Но ведь он вполне мог из полученных средств вознаградить герцога за службу!

В условиях этого террора жители Нидерландов, будущие голландцы и бельгийцы, не сдавались. Действие вызывало противодействие. В ответ на пылающие костры, льющуюся кровь нидерландцы завешивали стены городов антииспанскими плакатами, карикатурами, памфлетами. Некоторых из тех, кто это делал, удавалось поймать, остальные скрывались и продолжали.

Началось преследование всякой свободной мысли. Был установлен жесточайший контроль над школами, типографиями. Из магазинов изымались книги, которые Альба считал опасными. Он запретил выезд студентов для обучения в протестантские страны: Англию, Германию, вообще куда-либо кроме Испании. Начал бороться против браков с иностранцами и иностранками. И писал, что такие браки порождают инакомыслие и способствуют, говоря современным языком, утечке денег. Средства уходят от испанского короля!

Наконец, главное, что он совершил и что сделало революцию неизбежной, – это решение, которое должно было привести к экономической смерти Нидерландов. Вот знаменитые строки из его письма: «Бесконечно лучше путем войны сохранить для Бога и короля государство обедневшее и даже разоренное, чем без войны иметь его в цветущем состоянии для сатаны и его пособников еретиков». Альба решил ввести в Нидерландах старинный испанский налог алькабалу.

Алькабала родилась в недрах классического Средневековья. 1 % – с недвижимого имущества, 5 % – с движимого и 10 % – с каждой торговой сделки. Для времен натурального хозяйства это было нормально, но в торговых Нидерландах, где каждый товар проходит через несколько рук, такой налог подрывает основы экономики.

И 1 апреля 1572 года нидерландские торговцы просто закрыли свои лавки. Закрылась и биржа.

Народ, фактически приговоренный к смерти, стал энергичнее участвовать в движении гезов. До этого у них случались лишь

отдельные стычки с испанцами. Теперь же гезами был захвачен небольшой город Бриль. С этого начинается победное, хотя и нелегкое шествие народной армии. А на юге войско, состоявшее в основном из наемников, возглавил принц Вильгельм Оранский.

Альба неправильно оценил ситуацию. Когда ему доложили о высадке гезов, он сказал, что это не важно. С дворянской точки зрения, противником мог считаться только Вильгельм.

Но все было совсем не так, как виделось Альбе. При знаменитой осаде Лейдена, когда ситуация складывалась очень тяжело для города, горожане вместе с окрестными крестьянами приняли решение своими руками разрушить дамбы и пустить море. И корабли гезов подплыли к стенам города. Народ, который веками строил эти дамбы, был готов на все, демонстрируя невероятную волю к победе.

Альба и представить себе не мог, что осажденные в городе Гарлеме ответят на его ультиматум: «Пока вы слышите за стенами города мяуканье кошки и лай собаки, мы живы и сражаемся. Но когда и этого не будет, каждый из нас отрубит свою левую руку и съест ее, чтобы правой сражаться за свою веру, за свою страну!»

Нельзя сказать, чтобы Альба не одерживал военных побед. Но все они оказались эпизодическими и бесполезными. В конце концов он был отозван из Нидерландов. Это был финал его карьеры.

Интересно, насколько он не сознавал, что происходит. Еще в разгаре борьбы во дворе своей цитадели в Антверпене он приказал поставить себе памятник. Горделивая фигура

Альбы попирает ногой две жалкие согнувшиеся фигурки – аллегории мятежа и ереси. Он думал, что победил.

Казалось, герцог Альба умрет в безвестности. Но он был не таков и снова проявил себя на службе: в 1580 году он достаточно успешно участвовал в завоевании Португалии. Когда король велел ему отправляться на завоевание этой страны, Альба при всех сказал: «А куда в таком случае будут бежать дворяне от гнева нашего короля?» Эта фраза повторялась повторялась при дворе.

Альба позволил себе дерзость! Но только на словах. На практике – пошел и завоевал. Правда, Португалия очень ненадолго оказалась под властью Филиппа II, она стала независимой уже через двадцать – тридцать лет.

А имя герцога Альбы осталось в истории не только как символ фанатизма и жестокости, но и как символ неизбежного провала, ожидающего политика, не готового ни к какому компромиссу.

Елизавета I Английская. «Дева нации»

Британская королева Елизавета I сделала политическое знамя из своей девственности. А ведь примерно за 100 лет до нее во Франции тоже была Дева – Жанна д'Арк. Образ этот связан с очень сложным этапом становления нации. Люди, прежде объединенные в первую очередь как подданные одного короля, начинают ощущать новое, более прочное единство. И когда это происходит, очень важны символические фигуры и события. «Дева» является к народу, которому трудно и необходим чистый символ.

Конечно, Елизавета Английская ни в коем случае не копировала Жанну д'Арк – просто разные люди приходят порой к сходным решениям.

Елизавета была на троне 45 лет. Она правила страной с 1533 по 1603 год. Именно в это время Англия вышла в первые ряды цивилизованных, сильных, стремительно развивающихся государств на пороге промышленного переворота и Нового времени. Кроме того, именно при Елизавете Англия победила владычицу морей Испанию, разгромив знаменитую Непобедимую армаду.

Интересна Елизавета и тем, что проделала путь от незаконнорожденной, презираемой, вечно боящейся за свою жизнь принцессы до боготворимой королевы, объекта восторга нации. Процветание Англии при Елизавете не было безоблачным, очень велики контрасты богатства и бедности. И все-таки имя королевы превратилось в национальный символ.

Елизавета совершенно не подозревала, что живет в эпоху великого Шекспира, не замечала его, хотя он уже начал свою актерскую карьеру. Известно, что она была на премьере его «Комедии ошибок», но не догадывалась, что автор обретет мировую славу. Во всяком случае, ни покровительницей драматурга, ни вообще меценатом в отношении театра она не стала. Напротив, издавала указы, фактически вводившие цензуру для театров и ставившие их под контроль местных властей.

Ганс Гольбейн Младший.
Генрих VIII. 1534–1536 гг.

Больше всего Елизавета была занята «лепкой» собственного образа. А тем временем в Англии происходили разнообразные объективные процессы, лучшие из которых общественное мнение и историческая память твердо приписали ей.

Год рождения Елизаветы – 1533-й. И ее появление на свет стало трагедией. Дело в том, что ее отец – знаменитый тиран Генрих VIII – был убежден, что он может повелевать буквально всем. Он приказал природе, чтобы его вторая жена Анна Болейн

родила мальчика, и не сомневался, что наследник родится. К тому же какая-то угодливая гадалка предсказала Анне Болейн, что у нее точно будет мальчик. В связи с этим уже состоялись преждевременные торжества.

Наследника ждали уже давно. Первая жена Генриха VIII, испанка Екатерина Арагонская, родила 11 младенцев. Три из них были мальчиками, но все они жили несколько дней и умирали. Выжила только одна девочка – Мария, будущая страшная правительница королева Мария Кровавая.

Из-за отсутствия наследника Генрих VIII решил развестись с Екатериной Арагонской. Для развода имелся формальный предлог: юридически Екатерина сначала была женой старшего, вскоре умершего брата короля. Это можно было при желании назвать кровосмесительством.

Но Римский Папа отказал английскому королю в праве на развод. Развод в католической церкви – процедура сложная. В принципе, такую санкцию можно было получить. Однако в данном случае возражал Карл V – всемогущий правитель Испании, племянник Екатерины Арагонской. И Папа просто не решился идти против него.

Тогда яростный, необузданный Генрих VIII сам возглавил английскую церковь и провел то, что сегодня называется реформацией, опираясь на учение Джона Виклифа и Мартина Лютера. Произошел великий культурный переворот – реформация в монархической форме, поводом для чего стало желание короля расторгнуть брак.

После этого Генрих VIII женился на фрейлине разведенной и заточенной в монастырь Екатерины Арагонской Анне Болейн, чья старшая сестра Мэри уже побыла его любовницей. Анна была хороша собой, образована, знала языки, интересовалась теологией, прошла «придворную стажировку» в Париже и обладала прекрасными манерами. С 1528 года она фаворитка короля, активная участница дворцовых интриг, потом жена. В 1533 году, перед рождением ребенка, она была коронована. И у нее рождается девочка! Генрих VIII с большим трудом преодолел свое желание объявить траур по поводу появления на свет этого ребенка.

Девочка, названная Елизаветой, ненужная и нежеланная, родителей своих почти не видела. А через три года – в 1536-м – Генрих VIII приказал Анну Болейн казнить. Казнить за измену сразу с пятью мужчинами, что было, конечно, полной бессмыслицей. Один из них – придворный музыкант – под пытками признался в прелюбодеянии, остальные – дворяне высокого ранга – не признались ни в чем. И все, естественно,

были казнены.

Известны предсмертные слова Анны Болейн: «Вы, Ваше Величество, подняли меня на недосягаемую высоту. Теперь Вам угодно еще более возвысить меня, на эшафоте, – Вы сделаете меня святой». Такова была мать Елизаветы.

Будущая королева была еще маленькой девочкой и ничего не понимала. Но с каждым годом ей становилось все яснее, каково ее место при дворе. Акт Парламента и папская булла, объявившие ее по воле Генриха VIII незаконнорожденной, не были отменены. Она росла на положении бастарда.

У самого же Генриха VIII случались припадки очень странного поведения: он начинал всем и каждому рассказывать, видимо стремясь как-то оправдаться, что Анна Болейн изменяла ему с сотнями мужчин. Один иностранный дипломат написал об этом своему государю: «Никогда не встречал рогоносца, который бы так гордился своими рогами».

Эволюция Генриха VIII была страшной. Он начинал с идеи стать королем гуманистов. Ему верил Томас Мор, позже им же казненный. Эразм Роттердамский умер от горя, узнав о казни этого прекраснейшего человека.

Король быстро трансформировался в абсолютного тирана. После Анны Болейн он казнил еще одну свою жену – Екатерину Ховард – в 1541 году. И развелся еще с очередной женой – Анной Клевской.

Это был его четвертый брак, состоявшийся в 1540 году. Генрих VIII выбрал себе новую жену по портрету работы Ганса Гольбейна Младшего. На миниатюре светленькая, нежная девушка выглядела ангелом красоты. Когда же король приехал встретить приплывшую к нему на корабле из Германии Анну Клевскую, он был в ужасе от того контраста, который обнаружился между образом, созданным гениальным художником, и реальностью. И иначе как «немецкой телкой» Генрих Анну Клевскую больше не называл. Участь ее была решена, но стала не самой трагической: король ограничился разводом, который по протестантскому обряду был не очень сложным.

Но чтобы испытать удовлетворение, Генрих VIII должен был обязательно снести чью-нибудь голову с плеч. На сей раз это была голова Томаса Кромвеля, его первого министра, того, кто устроил это сватовство.

Отец Елизаветы был не только любителем женщин, но и совершенно невероятным, раблезианским обжорой в самой крайне форме. Славился он и цинизмом. Например, пировал сразу после казни Анны Болейн. Страшный человек!

Но Елизавета была предана его образу, не раз говорила и писала о своем пиетете перед отцом и о том, что хотела бы быть ему подобной. Она хотела походить на него в его величии.

Ее шансы на престол равнялись нулю. Ведь у нее была старшая сестра Мария от первого, узаконенного католической церковью брака Генриха VIII с Екатериной Арагонской.

Неизвестный художник.
Анна Болейн. Копия конца XVI в. с утраченного оригинала 1533–1536 гг.

Затем эти шансы опустились как бы «ниже нуля», ибо третья жена Генриха VIII – Джейн Сеймур, с которой он сочетался браком по протестантскому обряду, родила наконец мальчика – принца Эдуарда, а сама умерла при родах в 1537 году.

Король не только не интересовался младшей дочерью, но и содержал ее не очень хорошо. Подчас она просто бедствовала. Ее любимая няня и воспитательница писала, обращаясь с просьбами к королевскому двору, что девочка выросла, не влезает в прежние платьица, ей малы туфельки, – и просила помочь материально. Помощь приходила, но не очень щедрая.

Неизвестный художник.
Принцесса Елизавета. 1559 г.

Елизавета не могла не быть изломанной, потому что воспитывалась в обстановке жестокости и страха. Ведь при всех казнях присутствовали в том числе и дети. Во дворе Тауэра была зеленая лужайка, где ставили плаху, и палач топором сносил очередную голову, причем довольно часто женскую.

При этом Елизавете все-таки давали образование. И она любила учиться. Овладела латынью. Не так блестяще знала, но изучала греческий. Увлекалась языками всю жизнь. У нее был настолько свободный французский, что французы даже не догадывались, что она иностранка. Изучала она также испанский, итальянский, немецкий.

Учитель Елизаветы Роджер Эшем, человек гуманистически образованный, избрал себе такой девиз: «Науки – убежище от страха». Это очень важно для понимания той атмосферы, в которой росла Елизавета, и этой сложной натуры, лицемерной, но вовсе не бездарной.

В 1548 году Генрих VIII умер. В завещании он восстановил законность рождения Елизаветы. Ведь он по-прежнему считал, что ему подвластно все. Была незаконной – стала законной. Он описал порядок наследования, который и был воплощен. Ему наследует принц Эдуард, тогда еще малолетний; если Эдуард вдруг умрет, правит старшая дочь, принцесса Мария.

Все это дорого далось Англии. Шесть лет у власти был болезненный Эдуард, страдавший, вероятно, костным туберкулезом. В возрасте 12 лет он писал: «Распространились слухи о моей смерти, и потому пришлось проехать через Лондон». Когда он скончался, ему наследовала дочь первой жены Генриха VIII Мария I Тюдор, получившая заслуженное прозвище Кровавая. Она правила пять страшных лет. Ярая католичка, она организовала преследование тех, кто перешел из католичества в протестантскую веру. Были массовые казни, бесконечные подозрения в изменах, в том числе и в отношении Елизаветы, которая провела три месяца в тюрьме Тауэр.

В 1558 году Мария умерла бездетной. И двадцатипятилетняя Елизавета в отсутствие других наследников взошла на престол. Что это значило для нее в тот момент? Она получила во владение страну, которую мотало, как кораблик, попавший в бурю: поражение в войне с Францией, затем страшная, истребительная война Роз, насильственная реформация, а следом массовые казни тех, кто принял протестантизм.

Главное же, что является истоком будущего величественного

образа Елизаветы, – ее тяготение к равновесию. Она не бросилась ни в какую крайность, не начала истреблять католиков, хотя сама была протестанткой.

Даже когда у нее со временем оказалась в заточении ее родственница, католичка Мария Стюарт, Елизавета далеко не сразу решилась с ней расправиться. Она думала почти 20 лет, прежде чем казнить Марию. Так проявлялась взращенная в ней осторожность.

Англия была одной из ведущих держав того времени. Правда, пережив тяжелые времена, она сильно отставала от Испании. Управлять было чрезвычайно сложно. И Елизавета не побоялась окружить себя умными людьми.

Ей было вдвойне трудно потому, что она женщина. Ее окружение не сомневалось в том, что она должна избрать себе мужа. Быть, так сказать «за мужем». Но Елизавета ни за кем быть не хотела. Она унаследовала от отца нежелание с кем-либо делить власть.

Кто только к ней ни сватался! Она 20 лет играла в сватовство, никому резко не отказывая. И Габсбурги, и Филипп II Испанский, и герцог Савойский, и кронпринц Швеции, который стал затем шведским королем, принцы Анжу, Алансонский, даже царь Московии Иван Васильевич.

Молодой Иван Грозный решил наладить контакты с Англией, считая, что она может стать его союзником против Литвы и Швеции в Ливонской войне. Он добился подписания договора о взаимном убежище. Это означало, что, если ему потребуется, он найдет убежище в Англии, а если понадобится Елизавете, она найдет убежище в Московии. (Для королевы английской Московия была, конечно, символом края света.) Правда, Иван Васильевич в толк не мог взять, что значит «договор подписан королевой, но должен быть утвержден Парламентом». В одном из писем царь задал Елизавете вопрос в таком духе: ты, мол, кто там у себя дома-то, царица али какая-то девица в терему? И затем надумал свататься.

Переписка Ивана Грозного с Елизаветой была осложнена отсутствием общего языка. Европейские государи называли друг друга в письмах «возлюбленный брат мой», «любезнейшая сестра». Поэтому и Ивана Васильевича поименовали в одном из английских писем «возлюбленный брат и племянник». Русские были возмущены: какой же царь Иван племянник английской королеве? Но толмачи разъяснили, что это просто недоразумение.

Елизавета предложила русскому царю в качестве возможной кандидатуры не себя, а свою дальнюю родственницу. Иван Васильевич послал боярина Писемского «проверить, дородна ли»

невеста. Боярин понаблюдал за девицей, когда она гуляла в парке, и в отчете сообщил: «Больно руки худы». Представления о красоте у русских и у англичан явно не совпадали.

Итак, Елизавета сделала из сватовства большую и небесполезную дипломатическую игру. Она постоянно говорила о своей девственности, что являлось вопиющим лицемерием: у нее были фавориты, в том числе и очень заметные. Прежде всего – лорд Сэсил, а также друг детства Роберт Дадли, который когда-то помогал ей материально. Другие ее фавориты – Уолтер Рейли и граф Эссекс – очень яркие натуры. Когда однажды королева дала Эссексу пощечину на заседании Совета, он схватился за меч. Позже, в 1601 году, он все-таки оказался во главе заговора и поплатился головой за свой характер.

При всем этом Елизавета повторяла, что будет вполне удовлетворена, если на ее мраморном надгробии напишут: королева была девственницей и такой осталась навсегда. Очень уж привлекателен был образ Девы, признаваемый как католиками, так и протестантами.

Елизавета была отнюдь не глупа. Ее отличали гибкий ум, умение приспосабливаться к обстоятельствам. Она фактически объявила себя обрученной с нацией. Не случайно ей нравился фольклорный образ белого пеликана, который якобы вырвал мясо из собственной груди, чтобы спасти своих птенцов от голодной смерти. Медальон с изображением этого белого пеликана королева носила на груди.

Елизавете принадлежит еще одно открытие в области политики. Она создала феномен, условно говоря, «государственного пиратства». Ведь она приласкала, пригрела, приблизила ко двору таких людей, как Фрэнсис Дрейк, и несколько других могучих капитанов. Елизавета стала раздавать им королевские патенты и благодарности за то, что они грабили на морях других грабителей – испанцев.

Испанцы вели по морям корабли, нагруженные американским золотом, а какой-нибудь Дрейк выслеживал их у берегов Панамы, отнимал эти килограммы золота и привозил своей королеве немыслимое богатство. За это он был посвящен в рыцари.

А в 1588 году пятидесятипятилетняя Елизавета предстала, можно сказать, официально в обличии Девы нации. Испанский король направил к берегам Англии Непобедимую армаду – громадный, невиданный дотоле в истории Европы флот – мощные, тяжелые галеоны. Их команды составляли люди опытные, умелые, бесстрашные, имевшие огромный опыт курсирования между континентами.

Возникла серьезная угроза Британии. И королева Елизавета

повела себя так, как должна была: облачилась в светлые доспехи, вызывавшие ассоциации с Жанной д'Арк, надела шлем с плюмажем и на берегу, перед сухопутным войском и флотом, произнесла речь. Это было выдающееся выступление: «Знаю, выгляжу я слабой и хрупкой женщиной, но у меня сердце и дух короля, короля Англии. Защищая мое королевство, клянусь честью, я сама возьмусь за оружие, стану вашим военачальником».

Солдаты кричали от восторга. При этом королева не забыла пообещать им выплатить то, что казна задолжала за службу в предыдущие годы. Потом она этого так и не сделала.

Вероятно, главным полководцем, который одержал победу над гигантским испанским флотом, была все-таки природа. Важную роль сыграла и тактическая ошибка испанцев: нельзя было в узкий пролив Ла-Манш загонять флот, состоявший из многочисленных тяжелых кораблей, маневр которых затруднен самим их размером. Началась буря. Английские корабли не так сильно от нее пострадали, а испанский флот был уничтожен.

По поводу Армады остроумные англичане стали говорить, переиначивая знаменитую фразу Юлия Цезаря «Пришел, увидел, победил»: «Пришла, увидела, бежала».

Есть ли в победе английского флота заслуга Елизаветы? Конечно, есть. Восторг, который она вызвала у подданных своими светлыми доспехами, хрупкой фигурой, знаменитыми красивыми белыми руками, обеспечил тот самый дух войска, о котором гениально написал в «Войне и мире» Лев Николаевич Толстой. Слабая женщина, претендующая на особую роль хранительницы чистоты и девственности, – такова важная часть морального капитала, который она копила всю жизнь.

Конец правления Елизаветы – это угасание. Она рано состарилась. Все источники свидетельствуют о том, что к 60 годам она была абсолютной старухой и внешне, и внутренне. Потеряла практически все зубы, которые тогда не умели лечить. Речь ее стала не очень связной. Обострились черты характера, унаследованные от отца: безумная вспыльчивость, припадки ярости. Для них были мотивы. Англия не достигла того состояния безоблачного процветания, которое, казалось бы, сулили ей развитие сукноделия, успехи в войнах, захваченное у испанцев золото. В сущности, правление Елизаветы – прощальный триумф абсолютизма. До публичной казни в 1649 году ее внучатого племянника Якова I, сына Марии Стюарт, оставалось меньше 50 лет. А эта казнь и стала страшным, жестоким символом расставания Англии с идеей абсолютной королевской власти.

Елизавета же умерла своей смертью в 1603 году. Показывая

на перстень, который надела в день коронации, она произнесла последние слова: «Это мое единственное обручальное кольцо». Так и ушла – в образе Девы. И вместе с ней ушел в прошлое абсолютизм, который стал непригоден для эпохи уже стучавшейся в двери промышленной революции.

Фрэнсис Дреик. Вокруг света под пиратским флагом

Имя Фрэнсиса Дрейка навсегда связано в нашем сознании с черным полотнищем, на котором изображены череп и кости. Но на самом деле под таким флагом он никогда не плавал. И применительно к нему пиратский флаг может рассматриваться только как символ.

В начале жизни Дрейк – торговец, в конце – вице-адмирал Английского королевского флота. Это человек на королевской службе.

Он совершил шесть больших плаваний к берегам едва открытой тогда Америки. Этот континент только начинали называть Америкой, чаще говорили «Новый Свет», «Ост-Индия». Одно из этих плаваний, 1577–1580 годов, – кругосветное, второе по счету после совершенного Магелланом и его спутниками.

В плаваниях Дрейк сочетал разбой и грабеж с живым интересом к тому новому миру, который европейцы узнали меньше века назад, в 1492 году, после великого открытия Колумба. Знаменитый пират увлеченно изучал неведомые прежде края и искал… Антарктиду. Искал южную землю, о существовании которой люди начали догадываться на рубеже Нового времени.

Наконец, Дрейк – участник разгрома великого испанского флота в 1588 году, так называемой Непобедимой армады.

Такую многогранную фигуру, такую богатую биографию не сведешь к понятию «пират». И все-таки это в первую очередь бросается в глаза. Пираты в истории романтизированы, воспеты литературой и кинематографом. Чего стоят одни только «Пираты Карибского моря»!

Реальные пираты были иными. Откуда они брались? Это обездоленные, часто выброшенные из нормальной жизни люди. Не так уж часто встречались среди них благородные мстители вроде Робина Гуда. И Дрейк совсем не таков. Если Робин Гуд помогал бедным, то Фрэнсис Дрейк помогал английской королеве. Разница велика.

Родился Дрейк в 1540 году на ферме в Кроундейле, в графстве Девоншир на юго-западе Англии. Его предки – потомственные фермеры, арендаторы земли.

Отец, Эдмунд Дрейк, – из младших сыновей в семье, из тех, кому земли не хватало. И потому, наверное, что на земле тесно, доходы недостаточны, он стал моряком, во многом определив

этим решением судьбу будущего своего первенца Фрэнсиса. А всего у Эдмунда было двенадцать детей.

Неизбежная в столь многодетной фермерской семье бедность породила в Фрэнсисе страсть к богатству и роскоши. Всю дальнейшую жизнь он вырывался из скудости и простоты.

С юности он был неистовым протестантом. В 1549 году королева Мария Тюдор – Мария Кровавая – предприняла насильственную попытку вернуть в Англии католическую веру как официальную. Делалось это чрезвычайно жестоко. Прозвище Кровавая случайным не бывает.

Родители Дрейка, протестанты, были вынуждены вместе с детьми бежать из Девоншира. Сначала они направились в Плимут, но там началось то же самое – поддержанное властью восстание сторонников католической веры.

Семья Дрейков была гонима в собственной стране, причем гонима католиками. Не отсюда ли будущая ненависть Фрэнсиса к католической Испании, к инквизиции?

Не найдя себе другого применения, Эдмунд Дрейк стал корабельным священником. Это жалкая позиция. И опять нищета. Зато раннее детство Фрэнсиса прошло на корабле. Чем не знак Судьбы!

Никакого образования мальчик не получил. Отец научил его читать и писать, причем писать Фрэнсис всю жизнь не любил, говоря: «Это слишком трудно. Я устаю от письма».

В пятнадцать лет – важный момент биографии – отец пристроил его юнгой на торговый корабль, который ходил к берегам Франции и Нидерландов.

В жизни семьи поворот к лучшему совершился в 1558 году, когда на престол взошла Елизавета I, тоже в начале жизни гонимая, объявленная незаконнорожденной после казни матери, Анны Болейн. Это очень важно. Дальнейшая преданность Дрейка Елизавете отчасти связана и с этим обстоятельством.

Отец, благодаря хлопотам девонширских друзей, устроен викарием церкви в Кенте. Это самая благополучная область Англии в тот период. Фрэнсис, проплавав год или чуть больше, получил по завещанию от капитана, которому служил, маленький кораблик «Юдифь» водоизмещением 15 тонн (для сравнения: будущий флагман Дрейка «Золотая лань» – это 200 тонн водоизмещения). Что-то было в этом юноше – талант врожденный, морская душа, – что заставило капитана поступить именно так. Как не вспомнить прекрасного Грея из повести Александра Грина «Алые паруса»! Ведь и он получил в наследство корабль не от отца, а от капитана…

Откуда мы черпаем сведения о дальнейшей судьбе Фрэнсиса

Дрейка?

Описания его плаваний рано начали публиковаться.

Этот не любивший и толком не умевший писать человек описан лучше многих. Священник Флетчер, который не раз ходил с ним в плавание, подробнейшим образом все фиксировал.

Вот он-то любил писать! И его подробнейший журнал начали издавать при жизни знаменитого мореплавателя.

Кроме того, Дрейк 15 месяцев насильственно удерживал на своем корабле лоцмана, португальца Нунуша да Сильву. Тот непосредственно наблюдал за Дрейком, а затем, когда был отпущен, оказался под следствием у мексиканских инквизиторов.

Нельзя не признать, что ужасные инквизиторы – творцы исторических источников. Будучи дотошными в своих расследованиях, они подробнейшим образом записывали ответы на вопросы. А спрашивали буквально обо всем. В итоге протоколы допросов лоцмана составили великолепный исторический источник.

Когда Дрейк получил корабль, началась его самостоятельная карьера. У истоков ее – сотрудничество с родным дядей Джоном Хоукинсом, который всего на восемь лет старше Фрэнсиса. Денег у Хоукинса было побольше, корабль получше.

Маркус Гирертс.
Фрэнсис Дрейк.
XVI в.

Два молодых человека начали действовать. Они занялись тем, что не одобрялось даже в те времена, – работорговлей. Чернокожих африканцев захватывали в плен и везли на американский континент. Их называли «черным товаром».

Хоукинс был работорговцем заметным. Подчас на его

кораблях находились одновременно до 500 рабов. В испанской Америке формально действовал запрет на работорговлю. Представителям наикатоличнейшего короля Филиппа II было очень свойственно лицемерие в ряде вопросов, и в частности в этом. Изничтожая аборигенов Америки, мечом и огнем насаждая католическую веру, испанцы тем не менее провозгласили, что продавать рабов из Африки «нехорошо». В сущности, это было не что иное, как борьба с конкуренцией, прикрывавшаяся лицемерным лозунгом.

Но Хоукинс был малый ловкий. Хитрости научился у него и Дрейк. Они говорили: «Мы не будем никого продавать – давайте устроим обмен. Мы вам – черных африканцев, вы нам – жемчуг, золото, серебро». Этих богатств было так много на недавно открытом континенте!

Но уже к 1572 году Фрэнсис Дрейк, всегда мысливший самостоятельно, пришел к выводу, что не обязательно получать испанское золото таким сложным путем. Он решил брать богатство силой. Тем более что ненависть к испанцам у него была бешеная.

Есть подозрение, что в какой-то момент он ушел, бросив дядюшку в момент разгрома его эскадры. Так или иначе, дальше Дрейк действовал самостоятельно.

Первая его экспедиция – на двух кораблях к Панамскому перешейку. Там располагались основные и самые богатые владения Испании на американском континенте.

Эпоха была парадоксальная. Только что открыт Новый свет. Лидерами его освоения стали две страны – Испания и Португалия. Самим своим географическим положением выдвинутые в глубь океана, имея 500-летний опыт войны против арабов (так называемых мавров), они были готовы сделаться колонизаторами. И оказались лидерами эпохи Великих географических открытий.

Через год после прибытия Колумба в Америку, в 1493 году, Декретом Римского Папы весь вновь открытый нехристианский мир был условно поделен между Испанией и Португалией. Для Англии и англиканской церкви места не нашлось.

Дрейк догадался, что такая ситуация дает идеологическое обоснование его действиям. Испанцы жестоки, они безобразно обращаются с пленными англичанами, обижают английскую королеву, поддерживая и организовывая заговоры против нее (а это была правда). Получается, что флаг его не чисто пиратский, скорее государственный, с оттенком национального.

Отправившись к берегам Панамы, он начал беспощадно грабить, сжег испанские города Веракрус и Картахену. Захватил

немалые богатства (и еще большие были у него впереди).

В Англию он вернулся с большой добычей, которой не забывал поделиться со своими спутниками. Но важнее всего, что он догадался поделиться с королевой. Благодаря этому он был замечен и призван ко двору.

Дрейку предложили вместе с его моряками принять участие в подавлении восстания католиков в Ирландии.

Побывав на приеме у королевы, Дрейк изложил ей свои планы. Во-первых, это поиск неизвестной Южной земли, Терра Аустралис (будущей Антарктиды, которую откроют русские мореплаватели Беллинсгаузен и Лазарев в 1820 году).

Во-вторых, нападение на испанские поселения с запада, с той стороны, откуда противник удара не ждет.

Дрейк обещал королеве, что его предприятия окупятся многократно. Хотя, наверное, даже он не мог вообразить, что прибыль составит 4 тысячи процентов!

Идея была одобрена, королева даже внесла какую-то сумму на подготовку экспедиции, приняли участие в финансировании и другие пайщики.

Это путешествие 1577–1580 годов и стало кругосветным. Три года на кораблях. Сначала их было пять, флагман – «Пеликан». У берегов Америки Дрейк переименовал его в «Золотую лань». Небольшой красивый корабль, длиной 26 метров, шириной 7. Трудно представить себе три года на корабле такого размера. Поразительно, что эти люди доплыли до цели и вернулись.

Дрейк прошел сложнейший Магелланов пролив. Путаный, очень трудный для мореплавания. Он пробрался через него, вышел в Тихий океан и двинулся к югу, в надежде найти Южную землю. Бури не позволили ему достичь цели, но открытие он сделал. Дрейк догадался, что земля после Магелланова пролива – это не продолжение континента, а небольшой кусочек суши (Огненная земля, как мы сейчас знаем). И по сей день водное пространство между Огненной землей и Антарктидой называется пролив Дрейка.

В путешествии Дрейк постоянно делал наблюдения. Сам не писал, но велел брату зарисовывать берега, а грамотным людям вроде Флетчера – все записывать. Было обнаружено много интересного. Например, в записках Флетчера говорилось: «Мы установили, что великие философы Пифагор, Аристотель ошибались, считая тропическую зону ненаселенной; напротив, она оказалась поистине раем как на суше, так и на море».

Неизвестный художник.
Непобедимая армада. XVI в.

Участники экспедиции пишут о летающих рыбах, поразивших их воображение. Флетчер признается: «Если бы я не видел своими глазами – я бы не поверил».

Дрейк и его спутники – люди непросвещенные. Как они объясняли бурю? Дьявол вселился в аборигенов. Когда они видят корабль, то думают, что это португальцы, которые их обижали, берут горсть песка, сыплют – и получается буря. Истинные и важные для науки наблюдения сочетаются с детски наивными.

Путешествие проходило отнюдь не просто. Некий Хоуп по ходу экспедиции перестал верить в ее успех, пытался переубедить Дрейка, потом решил покинуть его. Предательства Дрейк не прощал. Он устроил суд. Сорок моряков должны были постановить, виновен ли Хоуп. А приговор Дрейк решил вынести сам. Моряки пришли к выводу, что Хоуп виновен, да и сам он покаялся. Тогда Дрейк спросил, что он предпочитает – чтобы его довезли до Англии или казнили здесь. Подсудимый ответил, что согласен на немедленную казнь. Они вместе с Дрейком причастились, пообедали. Затем Хоуп стал на колени, опустил голову – и был обезглавлен.

Когда Дрейку потребовались средства на продолжение путешествия, он ограбил испанский галеон (крупное парусное судно) под названием «Изрыгатель искр». Сгрузил оттуда 20 тонн

серебра, 80 фунтов золота, 13 сундуков с драгоценностями. Так у корабля появилось второе имя – «Изрыгатель серебра».

Все эти богатства Дрейк в 1580 году привез в Плимут. Совершил второе в истории человечества кругосветное путешествие, уцелел и вернулся богатым!

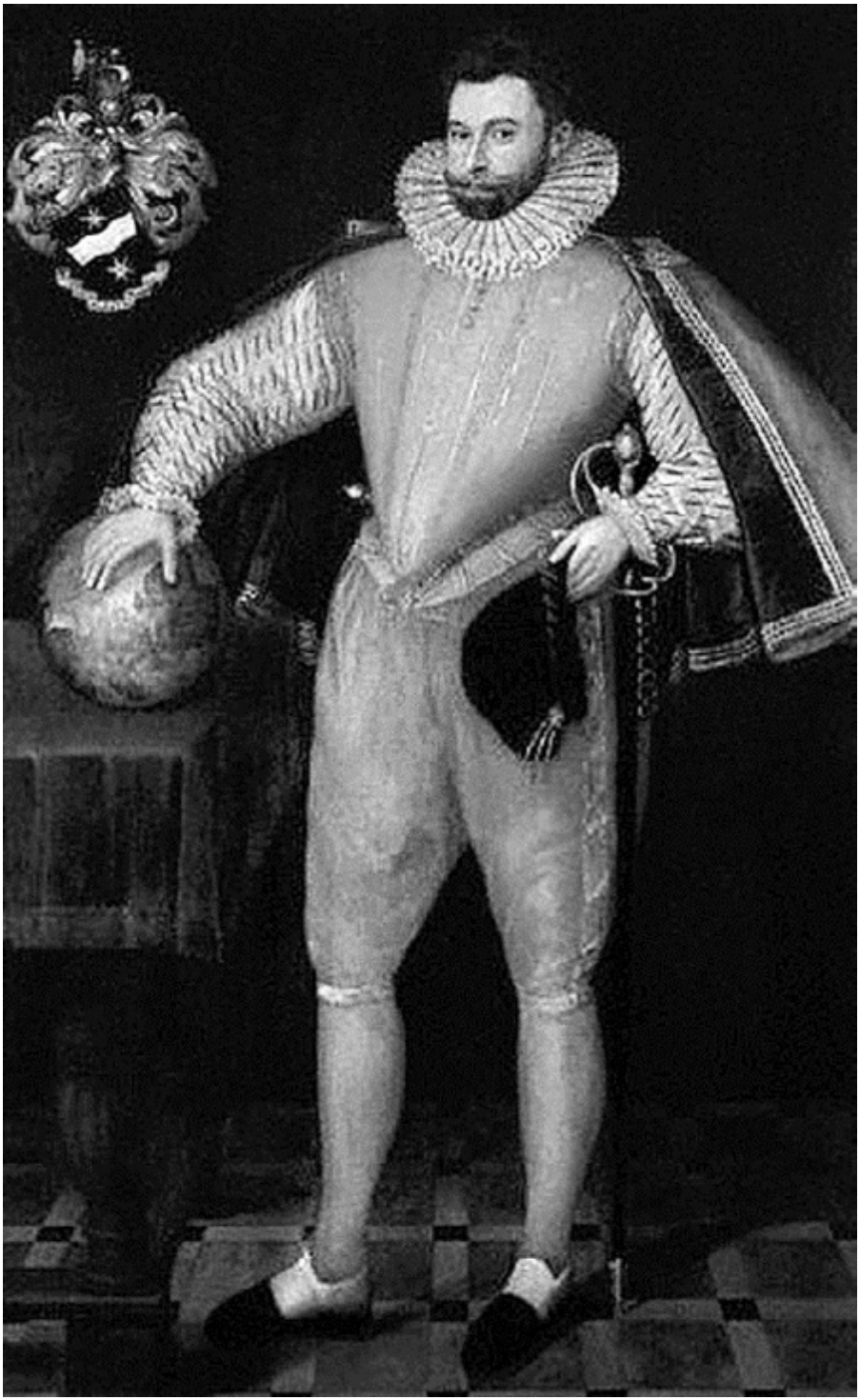
Сокровища Дрейка были для его родины поистине колоссальными. В XVI веке Англия – далеко не самая богатая страна, не то что Испания и Португалия, осыпанные американским золотом. Почему все так изменилось в дальнейшем? Да именно потому, что небогатая Англия пошла по пути промышленного развития, а Испания и Португалия почивали на лаврах. Став своего рода рантье, эти западноевропейские страны в начале Нового времени оказались на задворках европейской истории, так и не поняв, что это с ними случилось.

Пока же они были очень сильны, а грабивший их Дрейк и не думал останавливаться на достигнутом. В 1585 году организована третья экспедиция. Приказ королевы: выдать Дрейку корабли, поддержать его. Было снаряжено 25 кораблей. Под началом Дрейка впервые такое число людей – 2 300 человек. Поэтому и опустошение испанских поселений оказалось еще большим, чем прежде. Когда же испанский посол обратился по этому поводу с запросом к Елизавете I, она ответила, что не может запретить своим подданным посещать другие страны.

В Испании Дрейк приобрел особую, мрачную популярность. Его ненавидели истово, потому что он нанес этой стране значительный урон. Позже, узнав о смерти Дрейка, испанский король Филипп II сказал: «Никогда еще после Варфоломеевской ночи я не чувствовал себя так прекрасно».

Английскими же моряками Дрейк был любим. Как всякий умный полководец, к рядовым матросам он относился с сочувствием. Тела убитых требовал непременно похоронить. Если кто-то попадал в плен, делал все возможное, чтобы отбить его обратно.

Но проявляя уважение к матросам, Дрейк не забывал и о себе. Он уже чувствовал себя великим человеком, наслаждался роскошью, обожал красивые вещи. Старался вести себя как аристократ. Обустроил себе великолепную каюту. Ел только на серебре. Во время трапезы у его кресла стоял паж, а четыре исполнителя играли на музыкальных инструментах.



Неизвестный художник.
Фрэнсис Дрейк. XVI в.

Во время четвертой экспедиции 1887 года Дрейк грабит порт Кадис, топит 30 испанских кораблей. И вновь захватывает испанское и португальское золото. Как считают некоторые специалисты, этими действиями он на целый год задержал движение так называемой Непобедимой армады – испанского военного флота, созданного специально для завоевания Англии.

События 1588 года – одни из самых знаменитых в западноевропейской истории. Непобедимая армада – колоссальный по численности флот: 134 корабля, из них 33 – громадные галеоны. Около 8 тысяч матросов, 18 тысяч солдат. У англичан же было всего 90 кораблей.

Испанский король направил армаду к британским берегам, чтобы покончить с пиратством, а заодно и с английской военной мощью. Однако армада была разбита. Ее сокрушили две силы – морские бури, губительные для малоподвижных испанских кораблей, и военное искусство англичан, среди которых был и Дрейк. Королева очень высоко оценила его заслуги. Он был ею лично посвящен в рыцари и стал вице-адмиралом.

Но жизнь его завершилась не на этой триумфальной ноте. Дрейку все-таки довелось потерпеть поражение. Он не учел, что испанцы приняли к сведению преподанные им уроки: они укрепили западное побережье, перестали перевозить золото и серебро без охраны.

Так что дальнейшие предприятия Дрейка были неудачными. Он не смог взять Лиссабон, хотя и обещал королеве сделать это, надеясь подавить центр, откуда отплывали вражеские корабли. Не удалось на этот раз привести и большую добычу. Елизавета понесла урон, потеряв около 20 тысяч фунтов. А она была очень жадна. И Дрейк впал в немилость.

Его не убили, чему следовало радоваться. Предложили заниматься ремонтом укреплений в Лондоне. Он делал это на свои деньги.

А перед самой смертью он все-таки отправился в последнее плавание. Наверное, хотел умереть так, как жил.

Предприятие вновь оказалось неудачным. К Дрейку приставили некоего адмирала Баскервиля, которому он должен был подчиняться.

Дрейк чувствовал приближение смерти. Ему было 55 лет. Мучили старые раны (а он был ранен несколько раз – и в ногу, и в лицо). Навалились болезни, усиленные стрессом от преследовавших его неудач.

И вот в последний день жизни, 27 января 1596 года, он попросил помочь ему надеть доспехи и умер в них, как воин, еще раз подтвердив, что словом «пират» его личность никак не

исчерпывается.

Джордано Бруно. Человек вселенной

Джордано Бруно памятен в истории как страдалец.

Страдал он за свои убеждения. В 1600 году, после восьми лет заточения и непрерывных допросов, зверски казнен в Риме, на площади Цветов. Кроме того, это человек между молотом и наковальней. Реформация, контрреформация – два цунами, которые сошлись в его эпоху. А он не с теми, кто выступает за новую организацию церкви, но и не с теми, кто бешено защищает старое. Он католик. И от Бога никогда не отрекался. Но он не включен ни в одно из колоссальных течений, определявших эпоху.

Его имя обычно связывают только с Италией, а между тем он был фактически гражданином Европы. Жил и творил, кроме Италии, во Франции, Швейцарии, Англии, Германии. При самом беглом подсчете обнаруживается не менее 20 европейских городов, в которых он жил, писал и публиковал свои труды. От Неаполя до Парижа, от Праги до Лондона и так далее. Он встречался с царствующими особами, что совсем не соответствует классическому образу еретика.

У него была уникальная память. Стоило ему прочесть книгу, он запоминал ее полностью и навсегда. Он даже создал науку о запоминании – мнемонику. Правда, для того чтобы овладеть этими приемами, надо, как выяснилось, иметь удивительную память Бруно.

А самое главное, что в век мракобесия и нетерпимости Джордано Бруно утверждал бесконечность Вселенной и относительность движения.

Он родился в 1548 году (день неизвестен) в городке под названием Нола, в итальянской глуши. Это Южная Италия, 24 километра на северо-восток от Неаполя. Эти провинции были значительно более отсталыми, чем Милан, Венеция, Генуя. Территория аграрная, бесконечно переходившая из рук в руки, от властителей к властителям. Во времена Бруно здесь правил испанский вице-король. А Нола в те годы – почти деревня.

Его имя от рождения вовсе не Джордано, а Филиппо. Вполне верноподданные родители называли мальчика в честь испанского короля Филиппа II, мракобеса, религиозного изувера, злодея.

Джордано Бруно.
Гравюра XVI в.

Отец, Джованни Бруно, – военный, знаменосец, получавший гроши – 60 дукатов в год, в то время как средний чиновник получал 200–300 дукатов. Мать – Флаулиса Саволино. Родители приличного происхождения, но семья была настолько небогата, что отец, по рассказам Джордано, занимался садоводством и огородничеством на своем участке. А дворянину не пристало копаться в огороде. XVI век, угасание рыцарства!

Бруно, в силу своей уникальной памяти, вспоминал эпизод из младенчества: он лежит в колыбели, а в щель в стене дома заползла змея. (Можно представить себе качество этого дома!) Прибежал отец и отбивал его у этой змеи. Эта история ассоциируется с мифологическим детством Геракла. Что-то вроде символа будущей великой жизни.

Он очень любил свой край. Это его и сгубило. Ведь если бы он не вернулся из своих странствий по Европе, то остался бы жив. Он писал: «Италия, Неаполь, Нола! Страна, благословенная небом, глава и десница земного шара, правительница и победительница других поколений, ты всегда представлялась мне матерью и наставницей добродетелей, наук и человеческого развития». Везувий, который хорошо виден в Ноле, выглядел так, будто бы за ним кончается мир.

Отец много гулял с сыном (ведь это не требовало денежных затрат), и они любовались красотой Южной Италии. Искали могилу Вергилия. Поэтическое детство!

Школа в Ноле сугубо деревенская, там можно было только начать изучать латинский язык. Затем обучение в Неаполе: латынь, литература, логика. Бруно окончил школу в 1565 году, в 17 лет.

Он мечтал продолжить учиться в Падуе, где в знаменитом университете должен был читать лекции Галилей, но денег не было. Единственное место, где пытливый юноша с феноменальной памятью может учиться, – монастырская школа. Это бесплатно.

В 1565 году в доминиканском монастыре Сан-Доминико Маджоре появился послушник Филиппо. Проучился год, проявляя замечательные способности, и в 1566 году был пострижен в монахи. С этого времени он брат Джордано Ноланец.

Он проходит ступени, положенные в иерархии католической церкви: субдьякон, дьякон, а через шесть лет непрерывного обучения, в 24 года, рукоположен в сан священника.

В какой обстановке он жил эти годы? В школьной инструкции говорилось: «За студентами необходимо установить тщательный надзор. Должен быть назначен специальный брат, без разрешения которого студенты не имеют права вести записи в тетрадях и слушать лекции. Ему вменяется в обязанность принуждать студентов к занятиям и налагать взыскания. Студенты не должны изучать языческие, философские книги, предаваться светским наукам и тем искусствам, которые называют свободными.

Студентам запрещается чтение языческих и философских книг, хотя бы под предлогом изучения благих (как они выражаются) наук и выработки изящного стиля. Запрещено читать Эразма и книги, подобные его сочинениям, из которых они могут усвоить вредные учения и дурные нравы».

Четыре года он обучался на магистра теологии. Подготовка состояла в многолетнем изучении труда Фомы Аквинского «Свод Богословия», написанного в XIII веке. Давно канонизированный автор этого трактата сформулировал суть так называемого

томизма. Учение церкви есть единственная истина. В той же школьной инструкции утверждалось: «Никто из братьев не смеет излагать или защищать какое бы то ни было личное мнение, все должны следовать святым отцам, изучать их труды, подкрепляя свои мнения цитатами из их книг».

Подобный духовный диктат мучителен для человека с воображением, с живым умом, с фантазией. Понятно, что Бруно должен был идти на какие-то внутренние компромиссы. Он защитил две докторские диссертации в Риме, в сердце контрреформации: одну по Фоме Аквинскому, вторую по Петру Ломбардскому. Стал старшим лектором монастырской школы. На диспутах он, с его начитанностью и выдающейся памятью, был абсолютно непобедим.

И он начал ощущать Вселенную. Именно ощущать, потому что он не имел возможности проводить эмпирические наблюдения. Первый телескоп был создан Галилеем только через девять лет после казни Бруно.

А пока он был в Риме, защищал диссертации и получал новое назначение, на него появился донос. Друзья сообщили ему из Неаполя, что в его келье был обыск. Нашли труды отцов церкви. Это вроде бы отлично. Но с комментариями Эразма Роттердамского. Эразма, чьи труды внесены в индекс запрещенных книг!

Получается, что Бруно длительное время просто скрывал, что жил в глубоких внутренних противоречиях. Как человек, вышедший из крайней бедности, он решил, что любой ценой займет достойное положение. Но он разоблачен. Комментарии Эразма – это перспектива тюремного заключения и пыток для уточнения того, почему же у него появился запрещенный Эразм.

И тогда брат Джордано порывает со своим саном, надевает светское платье, снова становится Филиппо Бруно и бежит в Европу.

Он, конечно, не предполагал, что это будет такое долгое путешествие. Но сложилось так, что он отсутствовал долгих 16 лет. Очень недолго он пробыл в Италии: Парма, Генуя, Турин, Венеция. Учил детей латинскому языку, надеясь, что агенты инквизиции не найдут его.

Но, видимо, тучи сгущались, и он отправился во Францию. В тогдашней Европе не было непреодолимых границ. Он двигался в сторону Лиона, потом повернул – и оказался в Швейцарии. Там, в Женеве, он пробыл полгода. Это Женева после Кальвина, умершего в 1564 году. Его ретивые последователи начали делать то же самое, что католическая церковь, – преследовать тех, кто не принимает его учение, кальвинизм. И так же жестоко с ними

расправлялись. Уже сожжен Мигель Сервет, испанец, философ, который высказывал мысли, сходные с тем, что вскоре стал предполагать и Бруно. Специально связанный мокрыми веревками, чтобы медленней гореть, обложенный сырыми дровами, Сервет, по преданию, сказал из костра: «Неужели того золота, которое вы у меня отобрали, не хватило на хорошие дрова?»

В стране, где шла столь непримиримая борьба, Бруно предложили принять новую, реформированную религию, кальвинистскую. В ответ он заявлял: «Там, в Италии, меня принуждали к суевернейшему, бессмысленному культу». (Конечно, он назвал так не религию как таковую, а тот ее официальный, ортодоксальный вариант, на котором настаивал Тридентский собор.) Теперь его увещевали принять обряды реформированной религии. Но вместо того чтобы примкнуть к новому учению, Бруно написал дерзкое сочинение против одного из реформаторов, высмеял его. У него была независимая натура.

В итоге – две недели тюремного заключения, причем с какими-то издевательскими деталями. Ежедневно его вели босого, с ошейником на шее, по улицам, чтобы люди плевали в него и оскорбляли. Вели в церковь, где заново читали приговор.

После освобождения он бежал дальше. Лион, Тулуза, где он провел почти два года. Здесь он преподавал, начал писать ученые книги. И здесь же его впервые оценили. Французский король Генрих III назначил Бруно профессором.

Генрих III увлекся мнемоникой. Бруно с некоторой самоуверенностью обещал научить любого. Судя по всему, сам в это искренне верил. На время приближенный к королю, Бруно создал знаменитое произведение «Искусство памяти». Но успех не был достигнут: король так и не смог вы учить, например, всего Гомера. И тогда Бруно тихо и спокойно, без конфликтов, удалился в Англию.

Памятник Джордано Бруно в Риме на Площади цветов

В Лондоне он провел замечательное время с 1584 по 1585 год. Ему было уже за тридцать. Елизавета I, очень умная, аккуратная, со свойственной ей осторожностью стремилась к равновесию реформированной и католической церквей. Она не хотела уподобляться своей старшей сестре Марии Кровавой и

истреблять сторонников Реформации. Сама приняв протестантизм, она вообще никого не собиралась истреблять. И такая противоречивая фигура, как Бруно, человек, который ни с кем в этой борьбе, просто ученый, не случайно получает статус именно в Англии. Он зачислен в свиту французского посла при дворе Елизаветы I. Это очень достойное положение. Есть жалование, можно спокойно писать труды и издавать их. И он это делает. Наступает довольно счастливый отрезок его жизни, в целом, безусловно, трагической.

В одном из своих сочинений он описал не без ядовитой иронии диспут в Оксфорде, в котором принимал участие. Бруно восстановил против себя всю теологическую профессуру. А назвал он это произведение «Пир на пепле». Когда знаешь его дальнейшую судьбу, это воспринимается как некий мистический символ.

В Англии же опубликован его великий труд «О бесконечности, Вселенной и Мирах». В нем он выдвигает свое учение, возникшее на основе трудов Коперника, уникальное, одинокое в ту эпоху, – о бесконечности Вселенной, бесчисленности миров.

К этому времени церковь сдала одну очень важную позицию. Ей пришлось признать, что Земля имеет форму шара. Это было ясно всем образованным людям. Уже почти век назад открыта Америка… Магеллан совершил кругосветное путешествие. И церковь отступила от некоторых догматических средневековых представлений об устройстве Земли. Но небо она крепко держала в своих руках. По церковным положениям, это свод, купол, на который как бы налеплены звезды, как на какой-нибудь рождественской игрушке.

Разум мыслящего человека эпохи Реформации, гуманизма, Возрождения не мог этого принять. Бунтарь Бруно создавал книгу за книгой. В работе «О причине, начале и едином» он фактически отождествляет Бога с природой. Природа едина, вечна, неисчерпаема, а все остальные категории относительны, например движение. Может быть, он просто не успел прийти к выводам об относительности времени.

Бруно абсолютно не догматически судит о человеке. Различные расы и секты человечества, пишет он, имеют свои особые культы и учения, проклиная культы и учения других. В этом он видит причину войн и разрушения естественных связей. Человек – более страшный враг человека, чем всех остальных животных.

Он рубит под корень главные постулаты официальной католической церкви. Причем не вступая с ней в дискуссию.

Его идеи ошеломительны не только для его эпохи. Через несколько веков советские исследователи с грустью констатировали, что Бруно «к сожалению, верил в переселение душ». Соблазнительно было как бы «присвоить» себе этого ученого, сделав из него атеиста. Но атеистом он не был. В Бога веровал. Он только хотел, чтобы церковь шире смотрела на вещи. Хотел ей помочь.

Он стремился даже встретиться с Папой Римским и объяснить ему, что отказаться от догматизма лучше для самой церкви. И ведь оказался в этом совершенно прав!

Но тогда, одинокий, парадоксально мыслящий, он нигде не мог прижиться.

Бруно покидает и Англию. Он снова в Париже, но там идет непримиримая война между католиками и гугенотами, и он перебирается в Германию. После Лютера в Виттенбергском университете царит относительная интеллектуальная свобода, и там Бруно вновь получает должность профессора, издает труды. Затем он в Праге, в Брауншвейге, во Франкфурте-на-Майне.

О незаурядном уме Бруно уже ходили легенды. Поэтому германский император Рудольф II приблизил его к себе в качестве алхимика, явно надеясь, что удастся получить много золота. Но Бруно не алхимик и ничего подобного не сотворил, так что эта «дружба» быстро остывает.

Трагический поворот случился в 1592 году. Бруно принял приглашение молодого итальянца Джованни Мочениго.

Неизвестный художник.
Генрих III, покровитель Бруно. XVI в.

Имя это должно быть проклято в Истории как имя провокатора, предателя, доносчика и, по-видимому, тайного агента инквизиции, хотя последнее и не доказано. По крайней мере, не исключено, что Мочениго, приглашая Бруно, стремился заманить его в сети инквизиции.

Позвал же он его как бы для обучения искусству памяти и изобретения. Опять мнемоника. Бруно, принимая приглашение, которое пришло из Венеции, не мог не сознавать, что там решительно действует инквизиция, выше которой только римская. В городе карнавалов аутодафе – сожжения еретиков –

были всегда приурочены к какому-нибудь празднику. И воспринимались как часть праздничного действа.

Почему Бруно решил поехать? Ему тяжело дались 16 лет без родины. Наверное, имел значение и денежный вопрос, хотя он всю жизнь умел довольствоваться малым. Но сейчас ему предложили нечто вроде репетиторства. А все великие деятели Возрождения репетиторствовали. Галилей создал целый пансион: ученики проживали у него дома. Платили ему деньги, он их и кормил, и учил.

Вот и Бруно приехал обучать молодого итальянца. А тот оказался предателем. Написал три доноса. Причем в первом есть слова: «Как я уже сообщал устно…». То есть сначала он донес лично, потом написал три текста. Мочениго удивительно откровенно говорит о том, как сначала постарался всячески расположить к себе Бруно: «Я стремился, чтобы он стал вести себя со мной доверительно». Он действует, как агент, профессиональный провокатор. Он добивался доверительных отношений, чтобы Бруно начал рассказывать, что он думает на самом деле. И был потрясен его «ужасными» взглядами.

Бруно вскоре что-то понял из его поведения, почувствовал, что надо уезжать, и сообщил об этом. И тогда Мочениго его просто запер. Сначала на чердаке, потом явился туда с дюжими ребятами, слугами. Бруно препроводили в подвал. А в Венеции в старых зданиях очень глубокие подвалы с толстыми стенами, обшитыми металлом, и очень надежные запоры, со времен Средневековья. Оттуда не убежишь. Тем более что Бруно был уже не юн. Ему 44 года. Он оказался под домашним арестом. А Мочениго, продолжая писать доносы, сдал его с рук на руки венецианским инквизиторам.

Были проведены допросы Бруно. Судя по протоколам, на Бруно собирались наложить не самое крайнее взыскание. Хотели отпустить, потребовав покаяния. Ведь свидетели не подтвердили многого из того, что говорилось в доносах. Например, ничего дурного не сказали о нем книгопродавцы. Как нормальный интеллигент, он проводил свободное время в книжных лавках. И инквизиция поинтересовалась тем, в каких книгах он рылся. Ничего крамольного не обнаружилось.

Бруно и сам вроде бы сначала поколебался и был готов в самой мягкой форме отгородиться от крайностей, о которых писал Мочениго. А потом вдруг понял, что это и будет покаяние. Что это будет самопредательство. И тогда произошла передача Бруно в руки римской инквизиции, гораздо более свирепой. Не исключено, что Римский Папа приложил определенные усилия к тому, чтобы независимая Венецианская республика выдала Бруно.

Казнь Бруно состоялась в Риме, после бесконечно долгих допросов. Все восемь лет Бруно находился в застенках, но его воля только крепла. Он продолжал настаивать, что природа превыше всего, Бог есть природа. Короче говоря, вел себя так, будто сам рвался на костер. Что ж, есть версия, что он своей кончиной хотел взволновать мыслящих людей и показать пример несокрушимости.

И вот 17 февраля 1600 года в углу маленькой римской площади Цветов был разложен костер.

Следственное дело Бруно оказалось надолго церковью засекречено. И только во второй половине XIX века найдено и опубликовано. Тогда же был поставлен памятник Бруно на площади Цветов. Памятник мученику. И свободному человеку.

Николай Коперник. Переосмысление вселенной

Для людей XXI века фигура Николая Коперника значит куда больше, чем для его современников в XV–XVI веках. При его жизни мир вовсе не был взволнован его открытием. Как известно, «большое видится на расстоянии». А ведь он, в сущности, перевернул картину Вселенной.

Коперника можно назвать «тихим революционером». Он жил и работал на окраине Европы начала Нового времени – на границе Польши и Пруссии. Он сам говорил, что живет в отдаленнейшем уголке земли, и не стремился к тому, чтобы о его открытии много шумели. Со своей первой книгой он знакомил только друзей и близких знакомых.

Коперник хорошо понимал, чего ему могут стоить его идеи. Он родился за 75 лет до Джордано Бруно, казненного инквизицией прежде всего за следование учению Коперника, и за 91 год до Галилео Галилея, который тоже принимал его теорию и за это подвергался преследованиям.

Важно и то, что Коперник – человек эпохи Возрождения. С этой точки зрения он малоизвестен – мы традиционно сводим все к астрономии. А деятели Возрождения были людьми многогранными. Был таким и Коперник.

Он родился 19 февраля 1473 года в польском городе Торуни (Торне). После долгой борьбы Тевтонский орден признал себя вассалом польского короля, и земли Западной Пруссии находились под властью Польши. Торн – торговый город на правом берегу Вислы, в нижнем ее течении. За 20 лет до рождения сына отец Коперника переселился туда из столичного Кракова. Николай Коперник-старший занимался торговлей и был человеком состоятельным. Его не раз избирали судьей, как говорили, – за справедливость.

Мать Коперника звали в девичестве Барбара Ватцельроде. Ее брат Лука сделал довольно успешную карьеру на церковном поприще. Простой каноник стал епископом. Николай – четвертый ребенок в семье – был любимцем дядюшки. В возрасте девяти лет мальчик лишился отца, и дядя взял на себя его воспитание, образование и карьеру. Он увидел незаурядные способности Николая и сделал все, чтобы развить их.

Ян Матейко.
Астроном Коперник. Разговор с Богом. 1873 г.

В 1491 году восемнадцатилетний Коперник поступил в Краковский университет – один из лучших университетов Европы, основанный в 1364 году, куда уже проникла, как пишут некоторые современники, «гуманистическая зараза». Среди профессуры и студентов были популярны тексты древних авторов – они казались интереснее, чем труды отцов церкви.

Дядя хотел, чтобы Николай получил богословское образование, но тот поступил на факультет искусств. Там увлекались комментированием произведений Аристотеля, Вергилия, Овидия, Цицерона, Сенеки. На кафедре астрономии изучались труды Эвклида, Птолемея и других античных мыслителей. Николай увлекся астрономией. Но на его личности заметно отразились и занятия литературой.

Любимым учителем Коперника стал профессор математики и астрономии Альберт Брудзевский. Имя его было столь известно в Европе, что студенты из многих европейских стран специально приезжали слушать его лекции. Брудзевский был известен как убежденный сторонник взглядов Аристотеля и Птолемея на устройство Вселенной. В соответствии с их геоцентрической системой Земля – центр Вселенной, а вокруг нее вращаются все остальные планеты. Но, похоже, что у Брудзевского были некоторые сомнения, и Коперник чутко уловил их.

В 1494 году Лука Ватцельроде, уже ставший епископом,

отправил своего любимого племянника Николая вместе с его братом Андреем в Италию, для продолжения обучения. Коперник провел там девять лет, которые стали самым счастливыми в его жизни. Поступив в старейший в Европе Болонский университет, он оказался в среде самых передовых людей своей эпохи и ощутил себя частью этого сообщества ученых-гуманистов. Он овладел греческим языком настолько, что мог сводобно читать и переводить подлинные тексты: Аристотеля и Птолемея по астрономии, Платона по литературе и философии. Здесь же он встретил учителя астрономии – замечательного профессора по имени Доменико Мария Новара, который оказал на него огромное влияние.

Лука Ватцельроде тщательно планировал жизнь любимого племянника и рассчитывал, что тот вернется на берега Вислы. Поэтому он добился, чтобы в 1497 году Николай Коперник был заочно избран каноником Вармийского капитула. 16 таких каноников осуществляли исполнительную власть при епископе, который управлял церковной епархией. Коперник получил хорошую должность, которая гарантировала ему неплохие пребенды – так называли церковное жалование. В источниках нет прямых сведений о его рукоположении в священники. Но, так или иначе, он стал служителем церкви.

Сразу после заочного избрания каноником Коперник получил трехлетний оплачиваемый отпуск для продолжения образования. Поэтому до 1499 года он оставался в Болонье.

В 1500-м Коперник почти на год приехал в Рим. Это был особый год – здесь, в центре Италии, готовились к празднованию столетнего юбилея Римской курии – администрации Святого Престола в Ватикане. Римские папы умели пышно праздновать юбилеи, подтверждая свой авторитет и претензии на вселенскую духовную власть. Город был наполнен людьми, всюду устраивались пиры и шествия. В Риме царил дух праздника Возрождения. Но после празднеств Копернику все же пришлось отправился к месту будущей службы.

Однако, вернувшись на родину, он очень скоро сумел выхлопотать себе еще один отпуск – на сей раз для получения медицинского образования. К тому моменту Коперник еще не имел докторского диплома. Но параллельно с богословием он хотел освоить и медицину для того, чтобы помогать страждущим. Несомненно дядюшка тоже болел, и ему, конечно, могли пригодиться советы племянника. Так что он дал согласие, и Николай отправился в Падую, где учился преимущественно по трудам Авиценны – основоположника медицины той эпохи. Так Коперник стал квалифицированным медиком. Его даже

сравнивали порой с легендарным древнегреческим целителем Эскулапом.

В 1503 году Николай получил, наконец, докторскую степень в области канонического права. Это произошло в небольшом университетском городе Феррара. Итак, после девяти лет в Италии он – философ, юрист, врач, математик, астроном. Сохранился портрет, где Коперник держит в руке ландыш – символ медицины. Не исключено даже, что это автопортрет. Если он был и художником, то это прекрасно вписывается в общую картину. Человек науки и искусства, фигура, характерная для эпохи Возрождения.

Но для маленького польского города, куда Коперник прибыл к месту службы, такая личность вовсе не была типичной. Что заставило молодого ученого все-таки возвратиться в польскую провинцию? Скорее всего – чувство долга, благодарность дяде, который так много для него сделал. Не вернуться к нему было бы непорядочно. А непорядочных поступков Коперник не совершал.

Городок на севере Польши, куда он приехал, был по сравнению с Италией совершенно захудалым, хотя епископский двор в Гейльсберге считался богатым и даже роскошным. Несколько лет Николай провел при дяде. Вместе с ним присутствовал в 1512 году в Кракове на венчании короля Польши Сигизмунда I, а затем на коронации молодой королевы. Это большие государственные события, и приглашение на них было большой честью.

На обратном пути Лука Ватцельроде тяжело заболел. Ему говорили, что надо остановиться и подлечиться. Но, как многие пожилые люди, он твердил: «Нет, нет. Только домой». До дома он доехал, но очень быстро скончался. Николай, не раз лечивший дядю, оказался уже не в состоянии помочь.

Лишившись покровителя, Коперник отправился туда, где ему предстояло прожить многие годы, ведя почти затворнический образ жизни.

Это старинный городок Фромборк в северной Польше, на берегу Балтийского моря. Николай поселился в городской башне близ собора, построенного в XIV веке. Сам он говорил, что старался быть ближе к звездам. Действительно, живя в башне, он получил возможность наблюдать за звездным небом, которое волновало его все сильнее.

С течением времени Коперник становился более и более одинок. В 1516 году умер его любимый брат Андрей. После Италии он заболел некой загадочной и очень заразной болезнью, чем-то вроде проказы, и видеться с ним с тех пор было нельзя. Теперь он ушел навсегда.

Коперник сформулировал три цели в жизни, к достижению которых потом неустанно стремился. Первая – как можно более добросовестно исполнять долг церковного пастыря. Вторая – никогда не отказывать в медицинской помощи неимущим. И третья – все оставшееся время посвящать научным занятиям.

Надо сказать, что жизнь не позволила ему сосредоточиться на третьем пункте, потому что те обязательства, которые он взял на себя, заставляли его немало делать и для города Фромборка, и даже для короля Польши. Например, в 1519 году Копернику как человеку, известному своей ученостью, от лица короля предложили принять участие в монетной реформе. Польская монета становилась неполновесной, и это было очень опасно для государства. И Коперник создал трактат о чеканке монет. В нем сформулирован открытый автором закон: «Худшие деньги вытесняют лучшие». Коперник пишет: «Между многими бедами, угрожающими царствам и республикам, особенно важны четыре – раздор, смертность, неурожай и упадок стоимости монеты. Три первых причины известны всякому. Что касается четвертой причины, то многие не обращают на нее внимания именно потому, что она вредит государству не вдруг, она оказывает вредные действия мало-помалу, как бы втайне». Когда король Сигизмунд начал реформу монетной системы, в его указах содержались формулировки, взятые из трактата Коперника.

Человек эпохи Возрождения – это не только мыслитель, но и инженер, практик (таковым был, например, Леонардо да Винчи). И Коперник построил во Фромборке гидравлическую машину, поднимавшую воду на большую высоту. Она обеспечивала работу водопровода. Эта система сохранялась до начала XIX века, снабжая водой весь город. Есть сведения о том, что то же устройство было установлено и в других городах при личном участии Коперника.

А он, истинный человек Возрождения, параллельно занимался переводами. Еще при жизни дядюшки в 1509 году он опубликовал переводы с древнегреческого на латынь трудов византийского писателя Феофилакта Симокатты.

В университетах Европы сохранились интереснейшие автографы Коперника, и в том числе некоторые рецепты, написанные его рукой. Например, настойка для укрепления здоровья: гвоздика, анис, кардамон, корица, смола, шафран, сок алоэ. Звучит вполне современно. Правда, в другом рецепте отчетливо слышится отголосок Средневековья: лимон, шафран, жемчуг, смарагд (изумруд), рог единорога, золото, серебро, красный коралл.

Но и этим разносторонность натуры Коперника не

ограничивалась. Между Тевтонским орденом, некогда истребившим коренное население Пруссии, и Польшей шла постоянная борьба за Восточную Пруссию. Когда в 1516 году началось очередное военное столкновение, Копернику было поручено заняться обороной Фромборка и некоторых других польских городов от тевтонской опасности. В течение нескольких лет (1516–1520) он занимался этим очень энергично, инспектируя состояние укреплений и организацию их ремонта и обновления. Коперник даже ездил на переговоры с главой Тевтонского ордена.

Когда Папа Римский Григорий XIII начал реформу юлианского календаря, он предложил Копернику, известному всей Европе астроному, принять в ней участие. Его пригласили на Собор. Но Коперник, сославшись на здоровье, туда не поехал. Ему не хотелось быть служителем Рима.

Вскоре, когда началась жестокая борьба между реформацией и контрреформацией, оказалось, что и в этих столкновениях Коперник не желает быть ни на чьей стороне. Вообще, несмотря на постоянную активную деятельность, душа его тянулась к звездам, которые были так хорошо видны из его башни. И служить он стремился только Вселенной.

Инструменты для наблюдения звездного неба он изготовил своими руками, как потом, через 90 с лишним лет, Галилей сделал собственноручно первый телескоп. Инструменты Коперника были трогательно-наивно простыми. Они не давали большой точности наблюдений. Поэтому полученные им астрономические результаты надо принимать с осторожностью. Он и сам понимал, что его расчеты требуют поправок. И, тем не менее, его система перевернула представления человечества о Вселенной.

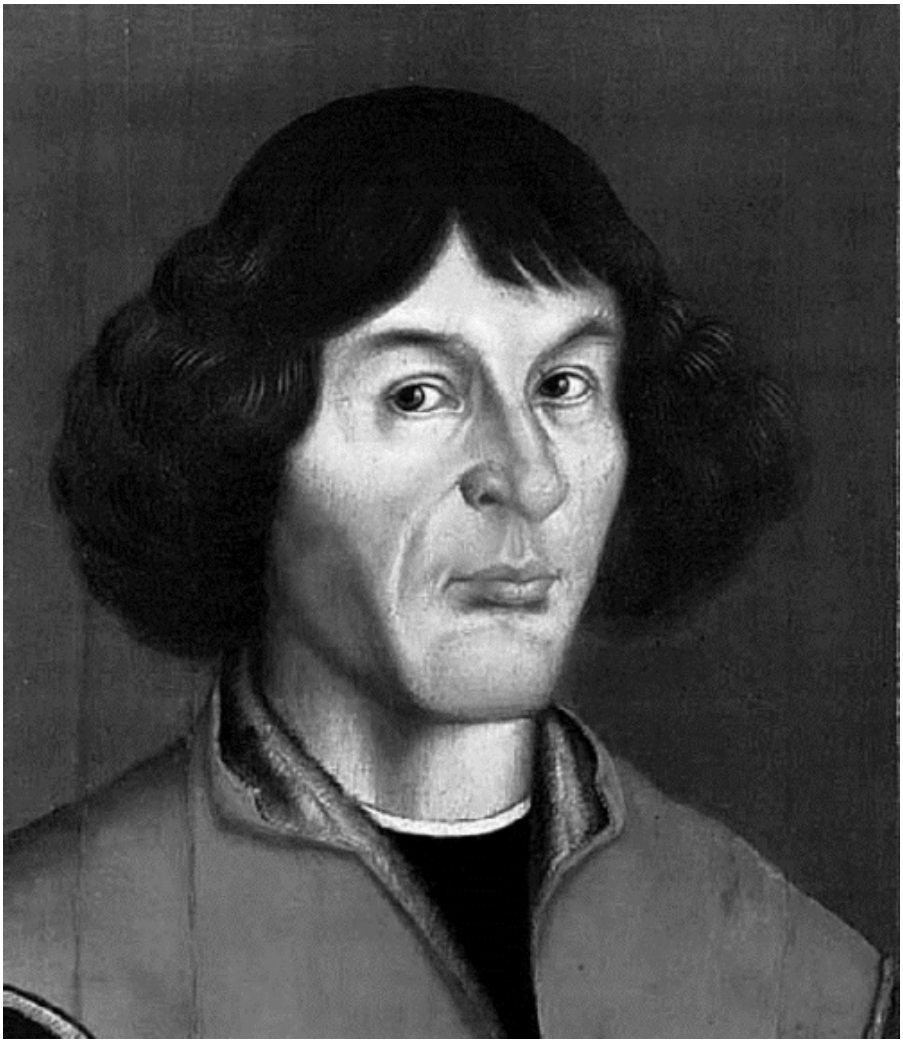
Видимо, к 30-м годам XVI века Коперник уже вполне осознал и сформулировал сущность своего учения. Для той эпохи это был «мир наизнанку». Астрономические взгляды современников Коперника восходили к древнегреческому астроному Клавдию Птолемею, творившему в Александрии во II веке новой эры. Его «Великое математическое построение астрономии» в 13 книгах вошло в историю под арабизированным названием «Альмагест» и стало своего рода научной библией для ученых последующих столетий.

По представлениям Птолемея, мир устроен так: земля неподвижна, и она есть центр Вселенной. Правда, почти за 600 лет до Птолемея греческий ученый Аристарх Самосский высказывал предположение, что Земля движется вокруг Солнца. Этим ученым восхищался в III веке до новой эры великий Архимед, иногда Аристарха называют «Коперником древности». И

в первоначальной версии астрономического труда Коперника Аристарх упоминался, но потом был, из осторожности, вычеркнут.

А. Лессер.
Смерть Коперника. XIX в.

Коперник вообще отличался большой осторожностью. Ему удавалось избежать преследований. В этом отношении показательна такая история. Как каноник, член капитула, Николай не должен был жениться. Долгие годы с ним жила экономка Анна Шиллингс. Как писали современники, у многих были такие экономки. Но в 1539 году, за четыре года до смерти Коперника, когда ему было за 60, очередной епископ по имени Датиск выразил недовольство тем фактом, что в доме каноника проживает женщина. Для Коперника это был страшный удар. Потерять человека, с которым прожил долгие годы, разрушить свой относительно спокойный быт! Он просил о снисхождении, но епископ настаивал на своем. И тогда Коперник не только удалил Анну от себя, но и написал епископу покаянное письмо.



Неизвестный художник.
Портрет Николая Коперника.
XVI в.

Понятно, что когда он осознал, что совершает переворот в представлениях о Вселенной, он не решился громко заявить об этом. Надо помнить, что еще была жива память о том, как был сожжен Ян Гус. Церковь уничтожала тех, кто выступал против нее. Как же страшен должен был быть удар по тому, кто разрушил одобренное церковью мировидение. Вот почему свой гениальный труд «De revolutionibus orbium coelestium» (традиционный перевод названия на русский язык – «О движении небесных сфер») Коперник долго держал под спудом. Известность ему принесло другое, маленькое сочинение – комментарии к собственному гениальному труду.

В 1539 году во Фромборк приехал немецкий профессор математики Георг Иоахим фон Лаухен, вошедший в историю под именем Ретик. Он был знаком с комментариями, которые переходили в рукописи из рук в руки, и решил познакомиться с великим астрономом лично. Ретик стал правой рукой Коперника, его учеником и сторонником, написав восторженный трактат о труде, который автор не решался опубликовать. Несмотря на ожидания читателей и уговоры Ретика, Коперник продолжал сомневаться. Он давал рукопись друзьям и забирал обратно, опасаясь преследований.

Правда, папа, до которого тоже дошли слухи о книге, отнесся к ней неожиданно спокойно. Католическая церковь была поглощена борьбой с Реформацией. У нее уже был враг – Мартин Лютер. Идеи же Коперника казались настолько отвлеченными, что не слишком пугали. Позже церковь опомнилась и включила труд Коперника в индекс запрещенных книг. Но это произошло уже после его смерти.

Интересно, что Лютер и его сторонник Филипп Меланхтон сразу отнеслись к воззрениям Коперника нетерпимо. Лютер просто назвал великого мыслителя дураком: «Этот дурак утверждает, что Земля движется. Это что такое? Как это может быть?» А Меланхтон писал: «Уймите этого сарматского мыслителя». Для него поляк— это примерно то же, что сармат. Так воспринимали современники отдаленность Польши от центров интеллектуальной жизни.

Чем же была столь поразительна книга Николая Коперника? В ней излагалось шесть аксиом. Коперник – опять же из осторожности – назвал свои постулаты аксиомами, чтобы в случае чего сказать, что они не требуют доказательств.

Аксиома первая – у всех небесных тел и орбит существует только один центр. Вторая – центр Земли не является центром мира. И это после полутора тысяч лет господства концепции Птолемея! Третья – все планеты обращаются вокруг Солнца. Те движения, которые мы видим на небе, являются не следствием движения неба, а результатом вращения Земли. Мы обращаемся вокруг Солнца так же, как и всякая другая планета.

Как было в это поверить? Сокрушительная концепция Коперника уничтожала общепринятое мировидение. А поскольку оно было санкционировано церковью, подрывавшие его идеи звучали революционно. Но Коперник не хотел быть ни революционером, ни мучеником!

Борцами и мучениками оказались его последователи. Джордано Бруно знал, что, развивая взгляды Коперника, может попасть на костер, и сделал свой выбор. Он погиб, отстаивая идею

множественности миров. И Галилео Галилей, который, согласно преданию, произнес: «А все-таки она вертится», не сомневался в правоте Коперника. Окончательно же его правоту доказал Иоганн Кеплер в начале XVII века.

Ретик много лет убеждал Коперника решиться на публикацию. В этом его поддерживал еще один друг ученого – прогрессивный епископ Тедеман Гиза. Наконец согласие было получено. Книга «О движении небесных сфер» вышла в Нюрнберге буквально в последние дни жизни автора. На всякий случай он посвятил свой великий труд Римскому Папе Павлу III. Предисловие не было подписано, но известно, что оно принадлежало перу теолога и математика Сеандра. Заботясь о безопасности Коперника, он характеризовал великую книгу чуть ли не как шутку, отвлеченную игру ума.

Перед смертью Коперник успел взять свою книгу в руки. И хотя на лице его была радость, но, как свидетельствовали очевидцы, его мысли были уже далеко. А вскоре он мирно ушел из жизни. Долгое время считалось, что могила ученого находится в Торуни. Но несколько лет назад его останки (их принадлежность подтвердил генетический анализ) были обнаружены в кафедральном соборе Фромборка. Весной 2010 года их планируется торжественно перезахоронить в том же костеле, близ алтаря.

Трактат «О движении небесных сфер», попав в индекс запрещенных книг, был исключен оттуда только в 1834 году. В XIX веке Копернику начали ставить памятники. В 1873 году его потрясающий портрет создал польский художник Ян Матейко. Сопоставляя время, в которое жил Коперник, с масштабом его открытия, люди следующих столетий отдавали ему все большую дань уважения.

Трудно сказать, кем осознавал себя сам Коперник в первую очередь: инженером, медиком, философом… Но в Истории он остался создателем картины мира, которую приняло затем все человечество.

Фернан Магеллан. Разорванный круг

Большинство из нас знает из школьного учебника: Магеллан совершил первое кругосветное путешествие. Но в действительности смерть разорвала тот круг, который он хотел совершить. Он не доплыл, домой вернулись его немногочисленные оставшиеся в живых спутники. В плавание вокруг земного шара отправлялось 200 человек, а вернулось 18…

Но Магеллан был столь значительной личностью, что первое кругосветное путешествие все равно связывают именно с его именем. Магелланов пролив между Огненной Землей и Южноамериканским континентом, сложнейший для мореплавания и по сей день, назван его именем. Тихий океан он назвал так по недоразумению. Целый месяц океан действительно был тихим, как будто специально для Магеллана. А ведь правильнее было бы назвать этот океан Буйным или Бешеным.

Боже, «из какого сора» росли великие географические открытия! Не только из любознательности, но из неудач, личной неустроенности, алчности и самого мореплавателя, и тех, кто его отправлял, из шпионажа и раздела сфер влияния. Коснулось все это и жизни Магеллана.

Он родился около 1480 года на севере Португалии, в гористой области Траз-уж-Монтиш, что означает «за горами». В детстве будущий путешественник не видел моря. Зато потом вся его жизнь была подчинена стремлению быть в море. И какой моряк из него получился! Интересно, что перед великим плаванием Магеллан указал в качестве места рождения город Порто – ближайший к его дому пункт, откуда море можно было увидеть.

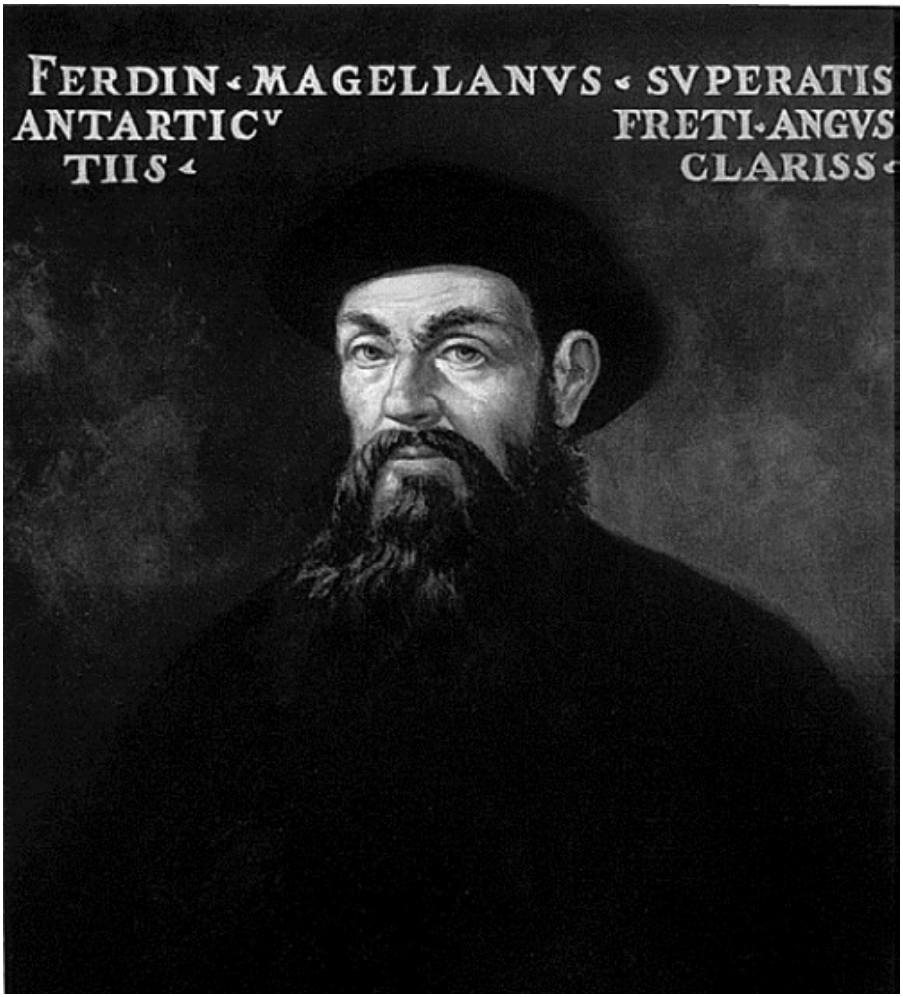
Происходил Магеллан из обедневшей дворянской семьи. Magalhres – по-португальски – обедневшие идальго. Таких было множество. Немало у него и однофамильцев. Когда историки занялись биографией этого человека, оказалось непросто установить, где говорится именно о нем.

О детстве и образовании Магеллана практически ничего не известно. В 12 лет он, благодаря своему безупречному происхождению, был отправлен ко двору португальского короля Жуана II и стал пажом его жены королевы Леоноры – известной покровительницы искусств. Здесь мальчик наверняка обучился чтению, письму, счету, музыке и танцам.

Королевский дворец находился в замке святого Георгия – бывшей арабской крепости. Это очень внушительное здание со множеством залов.

Сравнительно небольшая Португалия, расположенная на оконечности Пиренейского полуострова, претендовала в то время на мировое господство. Колониальная империя начала формироваться после того, как в 1498 году Васко да Гама открыл морской путь в Индию. Португалии удалось, не имея большой военной силы, благодаря лишь дерзости своих моряков, захватить колонии в Восточной Африке, Индии, Юго-Восточной Азии. На побережьях строились порты, куда приходили корабли за рабами, пряностями и другим ценным грузом. По сути, это был организованный грабеж.

Главный конкурент Португалии – Испания, которая в 1479 году объединилась благодаря династическому браку между кастильской королевой Изабеллой и арагонским королем Фердинандом. Изабелла славилась набожностью, Фердинанд— невероятной жадностью. Жажда наживы передалась и его преемникам – Карлу V и Филиппу II.



Неизвестный художник.
Портрет Фернана Магеллана.
XVII в.

Между Португалией и Испанией шла борьба за новые земли. В 1493 году Римский Папа Александр VI, опираясь на расчеты своих космографов, провел через Атлантический океан (тогда еще не имевший названия) воображаемую линию в районе островов Зеленого Мыса и Азорских островов. Все, что находилось к западу от нее, было объявлено потенциально принадлежащим Испании. Все расположенное к востоку – Португалии. Опорной точкой для Испании стал американский континент. Для Португалии – Индия и Малакка. В жизни Магеллана это сыграло огромную роль.

Португалия стала колониальной империей, а Лиссабон – центром значительной части тогдашнего цивилизованного мира, и потому при дворе особое значение придавалось церемониалу.

Магеллан, мальчик из далекой провинции, оказался в атмосфере имперской роскоши.

Но придворной карьеры он не сделал и через три года поступил на флот младшим солдатом. Как это произошло? Есть только версия. Изменения в его судьбе могут быть связаны с кончиной короля Жуана II. Вдовствующая королева Леонора не имела никакой власти. Новый король Мануэль I усложнил торжественный придворный церемониал, значительно усилилось при дворе преклонение перед королевской особой. Это отражало и его темперамент, и нараставшие претензии Португалии на мировое господство. Почему Мануэль на всю жизнь стал недругом Магеллана? Так или иначе, Магеллан нашел в себе мужество не цепляться за пребывание при дворе. И в 25 лет решился стать матросом.

Это был лишь один из его рискованных поступков. Вместо того чтобы посвятить себя придворным интригам, он отправился в экспедицию на Восток. Служил у берегов Африки, был ранен в Марокко и с тех пор охромел.

Магеллан был невысок ростом, коренаст, заметно прихрамывал, зато отличался отвагой и упорством. Он очень хорошо умел общаться с кормчими, которых почтительно называли «маэстрас». При необходимости он не чурался тяжелой работы, сам грузил снаряжение. Мог потратить свои личные средства на помощь бедным матросам.

Но карьера не складывалась. Судьба к нему не благоволила.

После Африки Магеллан сражался в Индии, участвовал в знаменитой битве при острове Диу, в результате которой в Индии утвердилось португальское влияние.

К этому времени образованные европейцы уже не сомневались в том, что земля имеет форму шара. Когда-то идея округлости земли была высказана в виде догадки древнегреческими учеными.

Но Средневековье эту идею забыло и сознательно перечеркнуло. Христианская церковь категорически отвергала эту мысль и принимала как незыблемое, как очевидное устройство земли в виде плоскости, окруженной Мировым океаном.

Однако в раннее Новое время идея округлости земли вернулась. Современники Магеллана сознавали, что, плывя на запад, можно попасть на восток. Вопрос был в том, чтобы решиться представить себе это расстояние, постараться его измерить и преодолеть. Что должно было двигать этими людьми? Дерзость, невероятная отвага? Особые психологические качества, которые формировало Возрождение?

Отважные путешественники пускаются в никем еще не

пройденный путь на кораблях, размеры которых сегодня просто пугают. Длина – 20–30 метров, ширина – от 7 до 10. На этом крошечном пространстве, скрипящем, гнущемся, шатающемся, под парусами, с припасами пищи, которых никогда не хватает на далекое плаванье, они отправляются в неведомые дали.

Как судьба привела к этому Фернана Магеллана? Он служил в Индии, в 1509 году после нескольких ранений отправился с португальской флотилией Диегу Сикейры к берегам полуострова Малакка в Юго-Восточной Азии. Эти места называли «острова пряностей».

Сегодня пряности есть на кухне у каждого. Но в XVI веке при перепродаже в Европе пряностей, приобретенных на Молуккских островах, их цена возрастала в 200 раз. Немыслимые барыши! Конечно, часть товара могла погибнуть в пути, случалось и так, что корабль грабили пираты, но торговцы пряностями шли на все ради невероятной прибыли.

Почему в ту эпоху пряности ценились так высоко? Возрождение означало переворот во всем, в том числе и в кулинарии. Одним из самых знаменитых гурманов был, например, в XVI веке английский король Генрих VIII. Он и здоровье свое погубил перееданием. Страсть к изысканным яствам пришла на смену тысячелетиям простейшего питания. Средневековые крестьяне едят хлеб, злаковые, бобовые, причем всего очень мало, мясо – великий праздник. У состоятельных людей на столе – кусок мяса, например баранья нога, обгрызенная со всех сторон. И никаких изысков. И вдруг оказалось, что еда может быть разнообразной и очень вкусной. К тому же произошло возрождение античных традиций, в том числе и культуры позднего Рима, где существовал культ изысканной пищи (чего стоит один только паштет из соловьиных язычков!) Для высших слоев общества сложные блюда с дорогими приправами означали еще и принадлежность к элите.

Король Мануэль поручил Сикейре освоить Молуккские острова, превратить их в надежную базу Португалии на Востоке и искать путь в Китай. Португальцам все было мало, они хотели двигаться дальше, грезили о немыслимых богатствах восточных стран. В составе этой флотилии Магеллан участвовал в пиратских, по существу, нападениях на арабские и китайские корабли. Он не раз проявлял личный героизм, спасая товарищей от туземцев. Но не получил ни наград, ни денег. А и то и другое было ему необходимо. Дела семьи поправить так и не удалось.

На Востоке Магеллан попытался заняться торговлей. Неудачно. Его партнер присвоил всю прибыль. Тогда Магеллан собрал груз пряностей и вместе со своими матросами попытался

довезти его до Португалии. Близ берегов Индии корабль потерпел крушение. Несмотря на все усилия, сохранить товар не удалось. В 1513 году он вернулся в Португалию нищим. Даже когда он просил возместить ему потерю лошади, ему выплатили только половину цены. На просьбу прибавить кормовые (что-то вроде жалования) после пяти лет службы последовал отказ. Более того, король Мануэль, приняв Магеллана, не пожаловал ему свою руку для поцелуя. Для дворянина это было страшное оскорбление.

Наверное, это была последняя капля, с тех пор Фернан Магеллан стал эмигрантом. Он перебрался в соседнюю Испанию. Португальские власти могли рассматривать это как предательство: он перешел к главным противникам.

Он поселился в Севилье среди таких же эмигрантов и в 1517 году женился на дочери португальца Диогу Барбоза, по имени Биатриче. Об этой молодой очаровательной женщине известно немного. Она не дождалась мужа из плавания и умерла, то ли получив известие о его смерти, то ли раньше, когда его оклеветали на родине.

А клеветали на него неоднократно. Еще в Португалии за ним ползли странные слухи, будто, сражаясь за португальскую корону в Африке и в Индии, он проявлял неожиданное снисхождение к маврам (арабам), например, вернул комуто стадо скота, которое отбили португальцы. Не значит ли это, что он находится в подозрительной связи с маврами? Конечно, никакой связи не было. Дальнейшая жизнь Магеллана показала, что к любому местному населению, исповедовавшему иную веру, он относился так же, как все колонизаторы-европейцы этой эпохи. Идальго XVI века легко превращался в идальго-конкистадора. Тем не менее, слухи были. А клевета – штука страшная.

В Испании, однако, Магеллан нашел покровителей в лице образованных людей. Он выдвинул проект о пути в Юго-Восточную Азию западным путем. И он был готов сам доплыть до Островов Пряностей, не огибая Африку (там была зона влияния Португалии), а двигаясь на запад. Он верил, что должен существовать некий проход через американский континент. Предложение Магеллана заинтересовало нескольких просвещенных испанцев, которые рассчитывали получить от экспедиции крупный доход. Так жажда открытий смешивалась с жаждой материальных приобретений.

Магеллан был представлен испанскому королю Карлу I, внуку Изабеллы и Фердинанда, – будущему Карлу V, императору Священной Римской империи германской нации. И он одобрил проект Магеллана. В основе уверенности Магеллана в том, что он доплывет до Островов Пряностей, были некоторые ошибки,

допущенные в расчетах, в частности астрономом Фалейру. Протяженность экватора Фалейру, как и многие другие в то время, преуменьшал примерно на 3 тысячи километров. И это имело значение для исчисления остальных расстояний. В итоге казалось, что Острова Пряностей значительно ближе, чем они были на самом деле. Может быть, это и хорошо, ведь в противном случае люди вряд ли отважились бы на такое безумное деяние.

Перед отплытием Магеллан подписал договор, в котором король Карл I давал ему такое наставление: «Да отправитесь вы в добрый час для открытий в части Моря-Океана, что находится в пределах наших рубежей и нашей демаркации. Означенные открытия вы должны делать так, чтобы никоим образом не открывать и не допускать иных дел в пределах рубежей и демаркации светлейшего короля Португалии, моего возлюбленного и дорогого дяди и брата, и не учинять ничего во вред ему».

Все это сплошное лицемерие, дипломатическая осторожность. В остальных документах и на словах устанавливалось, какая доля добычи кому достанется: сколько Магеллану, сколько отправлявшемуся с ним астроному, сколько испанской короне. Жадность, ставшая традицией, уже начала губить Испанию, чтобы к XVII веку превратить ее в захолустье Западной Европы. Но пока этого никто не понимал.

Подготовке экспедиции мешали португальские агенты. Магеллан получил старые корабли, низкокачественную муку, которая в пути быстро начала портиться, и так далее. Зато теперь он имел титул капитана-генерала. Для него это было исключительно важно. И тем, кто вернется из плаванья, Карл I обещал пожаловать дворянство.

10 августа 1519 года состоялось отплытие из Севильи. Пять кораблей: «Тринидад», «Сан-Антонио», «Консепсьон», «Виктория» и «Сантьяго». Никто не знал тогда своей судьбы. А судьба будет такая разная! «Святой Антоний» предаст Магеллана и вернется в Испанию. «Сантьяго» затонет близ американских берегов, «Тринидад» – около Молуккских островов. «Консепсьон» сами мореплаватели сожгут в районе Филиппин, когда не будет возможности на поврежденном корабле добираться домой. И только один корабль, с характерным названием «Виктория», обогнув земной шар, возвратится из экспедиции. На нем будет 18 человек.

Магеллан сразу пошел на юго-запад, а не строго на запад. Таким маневром он хотел запутать возможных португальских шпионов и пиратов, которые потопили бы его флотилию. Он не просто искал неведомые пути, но и боялся пересечения условной

линии и встречи с португальцами. Причем боялся не без оснований.

В последнюю минуту на борт одного из кораблей по чьей-то рекомендации погрузился некий Антонио Пигафетта. Он оказался по призванию летописцем. Подлинный дневник, который Магеллан вел на протяжении всего плаванья, в первоначальном виде не сохранился: бумаги Магеллана погибли вместе с одним из кораблей, который захватили португальцы. Но некоторые записи уцелели. И это история великого плаванья.

Путешественники двигались вдоль южноамериканского континента. Атлантику переплыли относительно благополучно. Там, где сейчас располагается южная часть Аргентины, они открыли географическую область, которую назвали Патагония. Эта часть Южной Америки уже не очень далеко от Антарктиды, там холодно. Европейцы увидели туземцев, одетых в шкуры животных. На ногах у них была обувь, напоминавшая валенки. Она делала ноги похожими на лапы. «Пата» – по-испански «лапа». Вот почему моряки назвали местных жителей патагонцами— «рожденными с лапами».

Здешнее население никогда не видело европейцев. Туземцы были сильны и очень опасны. По отношению к ним Магеллан повел себя как настоящий конкистадор. Летописец Пигафетта рассказывает с восхищением, как ловко капитан-генерал захватил однажды в плен двух этих могучих великанов. Он дал им много бус и других безделиц, которые специально везли на кораблях. Когда у них оказались полные руки вещей, он стал предлагать им непонятные металлические предметы и показал жестами: давайте я надену на вас эти украшения. И они позволили надеть им на ноги. ножные кандалы. Когда они поняли, что произошло, было поздно. Один смог вырваться, второй нет.

Магеллан, всегда помогавший своим матросам, не видит в туземцах людей. И это характерная черта эпохи.

Плаванье оказалось трудным. Был урезан рацион. Капитан твердил о проходе, который приведет всех к волшебным Островам Пряностей, но прохода все не было. На кораблях назревало недовольство. Появилось мнение, что Магеллан вообще не знает пути, что он, чужак, португалец, обманул короля Карла. На кораблях начался настоящий бунт.

Один из тех, кто готовил этот бунт, некто Картахена, повел себя вызывающе – он перестал называть Магеллана капитаном-генералом. Его успели его арестовать, ловко и внезапно. Он сидел в заключении в трюме, но бунт все равно начался 2 апреля 1520 года, после восьми месяцев пути. Капитаны «Консепсьона» Жуан Серран и «Виктории» Гонсало Эспиноса подняли мятеж вместе с

освобожденным Картахеной. Это было особенно опасно, потому что произошло далеко от цивилизации.

Однако Магеллан не потерял самообладания. Он умел сохранять спокойствие в любой ситуации. Дело было решено его хладнокровием и преданностью группы людей, португальцев и испанцев, которые за время плаванья оценили его незаурядные качества и верили, что он приведет их к цели.

Подавление мятежа очень соответствовало духу времени. Нож в горло одному из зачинщиков – и он тут же добит одним ударом кинжала. Остальные схвачены, организован так называемый суд, где главный судья – капитан-генерал, имеющий право выносить приговоры. Магеллан вынес около 40 приговоров: большинство осужденных он помиловал, несколько человек везли в цепях. Кому-то даровали жизнь за то, что согласился выполнить миссию палача. Картахену, как главного зачинщика, оставили где-то на берегу с одним монахом, который тоже подстрекал к бунту. Дальнейшая судьба их неизвестна.

Экспедиция двинулась дальше. И открытие все-таки состоялось! 21 октября 1520 года произошло великое историческое событие – был открыт проход из Атлантического океана в Тихий, тот самый Магелланов пролив. По сей день он считается одним из самых сложных для мореплавания. Некоторые корабли предпочитают не идти этим проливом, где требуется особое искусство мореплаванья, а просто обогнуть сравнительно небольшую Огненную Землю.

Как удалось пройти там Магеллану? Может быть, это чудо? Обстановка, в которой продолжалось плаванье, была сложной. Уже после открытия пролива, в ноябре 1520 года, дезертировал один из кораблей, «Святой Антоний». Почему кормчий Иштеван Гомиш принял такое решение? Им руководили страх и неприязнь к Магеллану, который многими своими качествами вызывал такое отношение.

«Святой Антоний» отправился обратно в Испанию, и вернувшиеся моряки оклеветали Магеллана. Они заявили, что он утаивает золото. Вот почему тем, кто пришел живым из его экспедиции, учинили потом множество допросов. А пока жена Магеллана была посажена под домашний арест. Она умерла, так же как и ее маленький сын, не дождавшись возвращения оклеветанного Магеллана.

А тем временем три корабля Магеллана продолжили плаванье по Тихому океану. Начался голод. Конечно, ловили рыбу, но этого было недостаточно. Дошло до того, что ели мышей, опилки, кожу с рей. Даже продавали друг другу мышей по пол золотого дуката. Невообразимо дорого!

В марте 1521 года корабли подошли к островам Юго-Восточной Азии. Причалили к берегам Филиппин. (Магеллан назвал их архипелагом Святого Лазаря, но закрепилось не это имя, а другое, в честь короля Филиппа II.) Магеллан дал передышку матросам. Самого же его увлекла перспектива христианизировать местное население. Можно сказать, что дело пошло успешно. Это связано с особым языческим безразличием, идущим от непонимания того, что такое бог для белых. Туземцы были не против присоединить к своим богам еще одного. Лишь потом они начали сознавать, что признать христианского бога означало еще и признать над собой власть какого-то далекого белого правителя. Ибо принятие христианства автоматически рассматривалось первооткрывателями как принятие подданства. В данном случае – испанского.

Между правителями отдельных островов начались распри: одни из них были за подчинение белым, другие против. Магеллан оказался втянут в междоусобицы. Правитель острова Мактан отказался принять чужую власть вместе с чужим богом. Магеллан решил, что это очередной бунт, который надо подавить. И потерпел поражение. Слишком много было туземцев, воинственных, на свой лад неплохо вооруженных, прекрасно владевших копьями и стрелами.

Магеллан был верен себе до последней минуты. Когда стало ясно, что туземцы одерживают верх, а испанцы бросились в морской прибой, к лодкам, чтобы уплыть на кораблях, он прикрывал отступление. Он был дважды ранен и затем его добили. Ему был всего 41 год.

Испанцы пытались потом выпросить у туземцев его тело. Им наотрез отказали, сказав, что тело убитого предводителя оставят себе для примера. Часть этого тела выставили на копьях на всеобщее обозрение, как это было принято в те дикие времена. Сейчас на острове Мактан Магеллану установлен памятник.

На родине Магеллана не оценили. Да и где его родина? В Португалии он считался предателем, его герб был сбит с ворот родового поместья. В Испании его воспринимали как человека, который не доплыл до места назначения. Через год после его гибели, 7 сентября 1522 года, вернулась «Виктория» под командованием кормчего Хуана Себастьяна Элькано, который был избран капитаном. На корабле было 18 европейцев и 4 индонезийца.

Элькано получил некий почетный знак и обещание пенсии, которой так и не дождался. Зато были бесконечные допросы: где золото, почему груз пряностей меньше, чем отмечено в журнале? И капитан вынужден был объяснять, что груз в основном состоит

из гвоздики, а она за время пути усохла и вес уменьшился. Впрочем, даже того, что привезла экспедиция, оказалось достаточно, чтобы казна не осталась в накладе.

В этой истории все переплетено: великая алчность – и великая любознательность. У Магеллана, несомненно, было стремление увидеть, что же находится там, за горизонтом, что такое этот огромный шар. И остался в истории не груз гвоздики, а морские проливы, великий Тихий океан и, конечно, имя человека, пусть далеко не безупречного, но невероятно отважного.

Григорий XIII. Воинствующий папа

Если о самом Григории XIII как человеке, церковном и государственном деятеле, у нас в стране слышали немногие, то словосочетание «григорианский календарь» широко известно. Да, это не пустяк – властвовать над временем! Хотя, наверное, сам Григорий XIII удивился бы, узнай он, что остался в памяти потомков именно как инициатор изменения календаря. Чтобы понять, почему он должен был этому удивиться, необходимо представить себе его жизнь.

Григорий XIII принадлежит к так называемым «воинствующим Папам» эпохи контрреформации. Это те, кто, занимая папский престол, отдавали все силы тому, чтобы остановить реформу церкви. Им казалось, что Ян Гус, Мартин Лютер, Ульрих Цвингли, Жан Кальвин – это просто несколько отступников, с наследием которых надо бороться. Защитники канонического католицизма не сознавали, что духовный переворот назрел и стал неизбежным. Он явился одним из важнейших знаков выхода Европы из Средневековья. Получается, что творец нового календаря в каком-то смысле пытался остановить время, повернуть вспять ход Истории.

Григорий XIII был активным поборником идеи папской теократии. Это означает, что папская власть рассматривалась им как идущая прямо от Бога и находящаяся над всеми остальными видами власти, духовной и светской. Будучи ярым католиком, Папа радостно праздновал Варфоломеевскую ночь. Он возродил явление, которое называлось непотизм (от латинского nepos – внук, племянник), по-русски – кумовство. В XV–XVI веках непотизм получил в Италии столь широкое распространение, что в результате из него родились даже некоторые самые знатные семейства – такие, как Боргезе, Лудовизи, Борджа.

Подробности частной жизни Римских Пап неизвестны широкой публике. О Григории XIII как человеке мы тоже знаем немного. В миру его звали Уго Бонкомпаньи. Он родился в 1502 году в богатой, очень знатной семье. Учился в университете своего родного города Болоньи, увлекся науками, в 28 лет стал доктором и занял кафедру канонического права. Так что это был грамотный юрист, и нельзя сказать, что его попытка остановить движение истории была следствием заблуждений непросвещенного ума.

В 1565 году он получил звание кардинала. Что это за сан? Слово «кардинал» образовано от латинского cardo, что означает – дверной крюк, стержень. В V–XI веках кардиналами назывались

духовные лица, занимавшие постоянные места в приходских церквях, но не сельских, а городских. Считалось, что они были так же прочно связаны со своими местами, как дверь соединена с крюком, на котором держится. В 1059 году, при Папе Николае II, декрет Латеранского Собора предоставил кардиналам право избирать Пап. Сначала конклав (специальное собрание, избирающее нового Папу) состоял из семи, затем одиннадцати человек. Сегодня он насчитывает около 70 кардиналов. Слово «конклав» (cum clave) в буквальном переводе – «запертый на ключ». До того момента, пока кардиналы не примут тайным голосованием решение, кто из их среды станет Папой, они не имеют права покидать специальное помещение. Не могут выходить и находящиеся при них слуги.

Уго Бонкомпаньи получил, как принято говорить, кардинальскую шапку. У кардиналов особый головной убор, выделяющий их, как и красный цвет одеяния. Для эпохи становления христианской церкви очень важен был визуальный ряд: лиловое одеяние епископов, белое или золотое— Римских Пап. «Картинка», позволявшая разобраться в иерархии, заменяла массово неграмотной пастве текст.

Став кардиналом, Уго Бонкомпаньи проявил себя как человек не только высокой образованности, но и незаурядного природного ума и невиданной энергии. Папа Пий IV направил его в Германию для участия в заседаниях Тридентского собора. Этот важнейший в истории католической церкви Собор продолжался с перерывами почти 20 лет (с 1545 по 1563 год) сначала в Германии в городе Триенте (по латыни в Триденте), а затем в Болонье, которая была в тот момент более позитивно настроена в отношении папства.

Здесь необходим краткий экскурс в историю христианства, без которого нельзя понять существо идейных борений начала Нового времени.

Первые древние христианские общины начала новой эры – это собрания единомышленников. Единственное существовавшее в них звание – харизматик, человек, обладающий харизмой, то есть боговдохновенный, умеющий проповедовать, вести за собой людей.

Потом начали появляться должности: пресвитеры, старейшины. Позже – дьяконы, те, кто обслуживает совместные трапезы, так называемые «трапезы любви», где люди совместно принимают пищу не просто, чтобы наестся, а вкушая при этом и светлые идеи. И наконец, епископы, которые выдвинулись, как организаторы хозяйственной жизни. Епископы владели кассой: у общины были определенные финансовые нужды. Постепенно

сложилась такая практика, что епископами становились те, кто побогаче. Это казалось естественным, потому что они могли что-то добавить в общую кассу от себя лично.

С формированием системы должностей стало меняться отношение церкви к рядовым верующим. В чести был уже не харизматик, а епископ, которого стали называть пастырем. А паству начали именовать стадом, которое «пасет» этот самый епископ.

Все это происходило очень медленно. Еще в начале IV века некий епископ Марцеллин именовал себя Папой. А к VI веку, после крушения Западной Римской империи и рождения варварских королевств, возникло представление о том, что римский епископ особенный, первый среди всех прочих. Он Папа – отец и наставник.

Доказательством особого положения Рима служило то, что именно здесь был епископом апостол Петр. Однако против этого возражала, например, община Иерусалима, заявлявшая, что святой Петр создал именно ее, а не римскую. И тогда был выдвинут совершенно сокрушительный аргумент. Земля Рима наиболее обильно полита кровью мучеников и великомучеников, которых преследовали римские императоры. Поэтому только здесь должен служить епископ номер один.

Так идея Римского Папы выросла из искренней, равноправной религиозной практики. Но со временем Папы сочли себя вправе руководить всем христианским миром и упорно на это претендовали.

Принцип абсолютной папской власти был поколеблен в разгар еретических движений, которые предшествовали Реформации. Это было спровоцировано тем, что на папском престоле не раз оказывались люди недостойные, развратные, и становилось ясно: такой человек не должен иметь всеобъемлющей духовной власти.

Наиболее отчетливо неприятие абсолютной папской власти сформулировал Ян Гус, который сказал, что истинный глава церкви – сам Иисус Христос. Вот уж фигура морально безупречная! А никакой человек, кто бы он ни был, не может быть бесспорным главой христианской церкви.

Надо сказать, что довольно долгое время – с XI по XV век – внутри церкви и в ее окружении шло широкое движение за реформу, получившее название клюнийского (по названию Клюнийского аббатства в Южной Франции, которое было его центром). Участники движения искренне хотели исправить нравы, очистить церковь от всего, что не соответствовало ее духу. Тридентский Собор подвел под этим черту.

Противники реформ стремились возродить догмат о непогрешимости папы, восходивший к древним временам Карла Великого и Папы Льва III, который сначала был ослеплен врагами, а потом очистился клятвой от ложных обвинений и прозрел. Конечно, попытки вернуть этот принцип в начавшемся Новом времени были обречены. XVI век – это эпоха экономически и духовно переродившейся Европы.

Лавиния Фонтана.
Портрет Григория XIII. XVII в.

Кардиналу Бонкомпаньи было 65 лет. Средняя продолжительность жизни в XVI веке – 40–50 лет. О людях за 50 в те годы писали как о глубоких старцах. Но в поведении кардинала не было ничего старческого. Он оправдал доверие Папы: последовательно, умно, юридически аргументированно он отстаивал абсолютную полноту папской власти, энергично доказывал, что Папа – наместник Бога на земле. Никакие реформы не нужны, потому что разговоры об очищении нравов духовенства неизбежно приводят и к критике Папы, а это

недопустимо. Папа абсолютно безгрешен.

И именно Бонкомпаньи, который продемонстрировал свою несгибаемую убежденность и бойцовские качества, в 1572 году стал воинствующим Папой. Избравший его конклав готовил кардинал Гранвелла – палач Нидерландской революции. Он был орудием политики испанского короля Филиппа II. В те годы Англия, Франция, Германия, Нидерланды были, как считала церковь, «заражены ересью». Испания же оставалась опорой католицизма. И конклав оказался под влиянием самых ярых католиков Западной Европы.

Избранный Папой Римским, Уго Бонкомпаньи взял имя Григорий – в честь Григория Великого, одного из ранних деятелей христианской церкви, который определил многое в догматике и ритуалах, насаждая строго вертикальную организацию церковной жизни.

Новый Папа был избран 13 мая 1572 года – за три месяца до Варфоломеевской ночи.

Интересно, что Григорий XIII, который всецело посвятил себя идее чистоты папской власти, имел побочного сына Джакомо. Считается, что это последний Папа, о чьих незаконнорожденных детях есть достоверные сведения. Вести политику кумовства в отношении сына Григорий XIII не решился, но двух своих племянников продвигал совершенно спокойно и очень высоко: он лично возвел их в кардиналы. То есть назвать самого Папу нравственно кристально чистым никак нельзя.

Когда у Григория XIII запросили разрешение на брак Генриха Наваррского с Маргаритой Валуа (такое разрешение требовалось потому, что в глазах католической церкви протестант Генрих был еретиком), он написал французскому королю Карлу IX: «Я не нахожу лучше средства покончить с еретиками, чем этот союз».

А когда за бракосочетанием последовала страшная резня в Париже и по всей Франции, только два крупных политика, Папа Григорий XIII и испанский король Филипп II, публично продемонстрировали радость по поводу гибели около 2 тысяч гугенотов в одну ночь и примерно 30 тысяч – в следующие две недели. Филипп II написал приветствие Екатерине Медичи, выразив восхищение ее сыном Карлом IX, который санкционировал подобные деяния. Григорий XIII писал, как он восхищен «сыном, что у него такая мать, и матерью, что у нее такой сын». А Папа организовал торжественные празднования в честь Варфоломеевской ночи – с фейерверком, иллюминацией, торжественной процессией, богослужением, изготовлением специальной памятной медали.

Кроме того, Григорий XIII заказал знаменитому живописцу

Джорджо Вазари картину под названием «Папа одобряет убийство еретика Колиньи». Она до сих пор находится в Ватикане. А ведь адмирал Колиньи был весьма немолодой человек, которого зарезали и чье тело сбросили с балкона и обезглавили. Как мог глава церкви приветствовать такую свирепость, такое грандиозное кровопролитие?

В какой-то мере это объясняется безнадежностью позиции папства в борьбе против Реформации. Тридентский Собор принял «Индекс запрещенных книг», который был отменен только в 1934 году. Среди авторов, чьи книги следовало уничтожать, в разные эпохи оказывались Ян Гус, Спиноза, Вольтер, Руссо, Стендаль, Гюго. Церковь пыталась запретить людям думать «неправильно», а для этого расширяла деятельность инквизиции. Кроме того, Папе было дано категорическое превосходство над Собором – коллегиальным органом церковной власти.

Единственная относительно созидательная, а не устрашающая мера – открытие дополнительных школ для священников-ортодоксов. Там преподавали иезуиты, которых Григорий XIII очень любил, а учащиеся должны были давать страшную клятву, что всю жизнь будут бороться за истинную веру, не отвлекаясь ни на что другое.

Григорий XIII стремился насаждать ортодоксальное католичество в сопредельных европейских странах, в том числе Швеции, Ирландии и России. По его приказу иезуит

Поссевино ездил к Ивану Грозному, чтобы уговорить его перейти в католическую веру, но миссия успеха не имела.

Зато проповедники-иезуиты энергично действовали в Китае и Японии. В Риме была создана специальная коллегия для иностранцев, где иезуиты готовили пламенных миссионеров, которым предстояло перевернуть мир, повести за собой народы.

Еще одной идеей Григория XIII была организация постоянных представительств Святого Престола в разных странах, в том числе и протестантских. Папа не отделял религиозных задач от общеполитических. Во всяком случае, считается достоверным предположение, что он при поддержке Филиппа II Испанского готовил новую Варфоломеевскую ночь, на сей раз в Англии.

Григорий XIII официально отлучил Елизавету I Тюдор от католической церкви, хотя и так было ясно, что она придерживается другой веры. Но сам факт отлучения – это идеологическая подготовка выступления католиков против королевской власти. Подданные-католики свободны от присяги королеве, если она отлучена. Это форма низложения монарха. Если бы восстание католиков против Елизаветы состоялось, оно рассматривалось бы не как бунт, а как идейное деяние.

Более того – Папа поддержал несколько заговоров, целью которых было покушение на жизнь Елизаветы. Он оправдывал возможное убийство опасностью, которую королева представляла для истинной веры.

Кое в чем Григорий XIII как политик, несомненно, преуспел. В Швейцарии, на родине одного из ведущих течений протестантизма, ему, в сущности, удалось разжечь гражданскую войну, организовать своего рода повторение Варфоломеевской ночи. В городе Вальтеллина при его полном одобрении было убито 600 протестантов. В результате несколько кантонов на время вышли из Швейцарского союза.

Подобные «успехи» были у Григория XIII также в Германии и Австрии. В частности, в Австрии, в городе Вюрцбурге, 62 тысячи протестантов были насильственно обращены в истинную веру. Папе казалось, что прямым кровавым и духовным насилием можно остановить процесс реформации.

Нынешнее папство старается избегать прямого вмешательства в политику. А для Григория XIII служитель церкви и политик по сути одно и то же. И это, наверное, неизбежно в XVI веке, во времена великого идейного разлома.

Но как же возникла у Григория XIII идея властвовать не только над умами, но и над календарем, то есть самим временем? Ведь это прямо не содействует борьбе с ересью.

Чтобы найти ответ, необходимо вновь заглянуть в более далекое прошлое. С глубокой древности существовало несколько систем летосчисления: календарь лунный, солнечный и лунно-солнечный. Каждый по-своему сложен. Гениальные астрономы и математики обнаружили связь между перемещениями небесных светил и сменой времен года на земле.

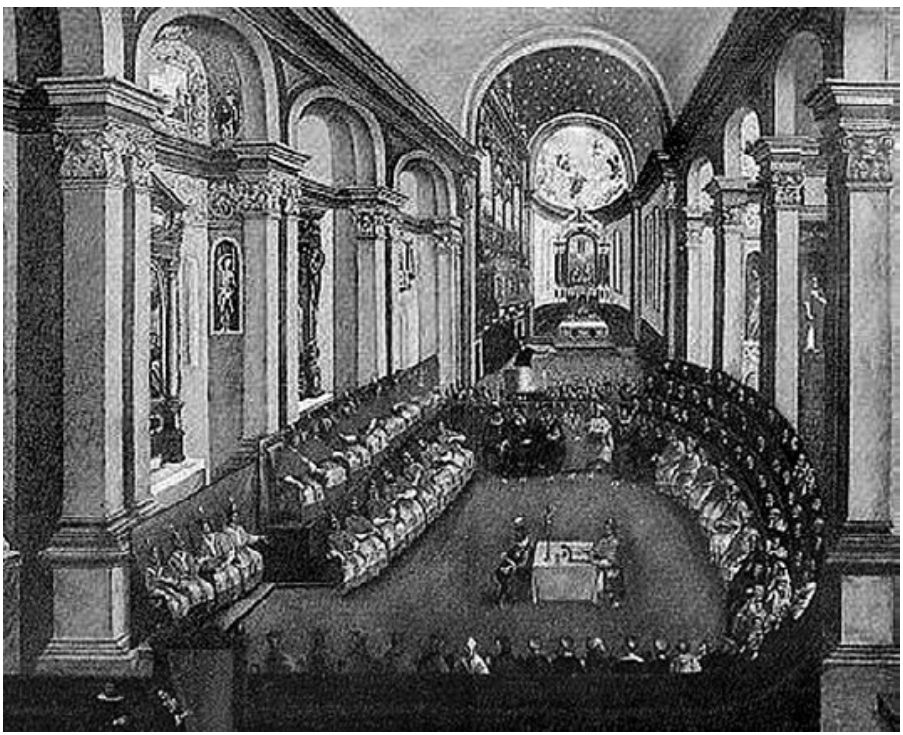
Каждая древняя цивилизация избрала какое-нибудь событие, реальное или условное, от которого начали считать историческое время. Так возникло понятие эры. В Египте, например, каждый первый год правления нового фараона был первым годом. В Древней Греции эра отсчитывалась от первых Олимпийских игр, условно это 776 год до н. э.

В 46 году до н. э. реформу календаря провел Юлий Цезарь. Рим уже стал к тому моменту мировой державой, и Цезарь должен был ощущать, что реформирует счет времени во всем цивилизованном мире. Египетский жрец Созиген посоветовал ему перейти с лунного на лунно-солнечный календарь. По имени Юлия Цезаря новый календарь получил название юлианский. Три года по 365 дней, один год – 366 дней. Плюс один день после 28 февраля.

В 325 году Никейский Собор христианской церкви принял

юлианский календарь, введенный римлянином-язычником, и на его основе ввел новую эру – от рождества Христова. А в VI веке монах Дионисий, по прозвищу Дионисий Малый, сделал перерасчет и выяснил, что 754 год от основания Рима и есть год рождения Христа. Так утвердился юлианский календарь.

Но постепенно начались недоразумения со временем. Например, срок Пасхи, который требовал сложных вычислений (Пасха празднуется в первое воскресенье после весеннего полнолуния), переместился к XVI веку с 21 марта – дня весеннего равноденствия— на 11-е. И христианская Пасха стала часто совпадать с еврейской, что совершенно не устраивало таких ортодоксов, как Григорий XIII.



Неизвестный художник.
Тридентский Собор. XVI в.

Папа был вдохновлен идеей более точно высчитывать Пасху, так, чтобы время этого великого христианского праздника соответствовало не иудейской Пасхе, а весеннему солнцестоянию. Для полного пересчета была создана комиссия, сначала из 10, потом— из 20 человек. Папа привлек к работе астрономов и математиков, в числе которых был Луиджи Луллий. В 1582 году Григорий XIII издал специальную буллу – «inter gravissimas» – по поводу создания нового календаря. Согласно этой булле, была

сделана важная поправка: после 4 октября сразу наступило 15-е. Разница между юлианским и новым, григорианским, календарем продолжала нарастать и сейчас достигает 13 дней.

Взаимоотношения человека со временем всегда очень сложны. Создатели первых календарных систем искренне стремились найти строгое соответствие между движением светил и сменой времен года, но из-за несовершенства измерений и сложности математических вычислений допустили немало неточностей. А вслед за этим человек захотел управлять временем.

Разные страны далеко не одновременно принимали новый, григорианский календарь. В России он был введен в 1918 году. А Русская православная церковь сохранила юлианское летосчисление. Отсюда, например, расхождения в датах католического и православного Рождества.

Григорий XIII умер в 1585 году в возрасте 84 лет. Его могила находится в Риме, в соборе Святого Петра. Борец с реформацией и великий реформатор по сей день остается одним из наиболее чтимых Пап в истории католической церкви.

Эрнан Кортес. Золото и кровь

Эрнан Кортес, или Фернандо, как его раньше было принято называть, родился в 1485-м, умер в 1547 году. Это исключительно яркая фигура в истории. Он конкистадор. В переводе с испанского – завоеватель. Один из самых знаменитых завоевателей американского континента, участник многочисленных походов в Южную и Центральную Америку в конце XV – начале XVI века.

Больше всего он известен как покоритель Мексики – империи ацтеков.

О нем написано немало.

Есть прижизненная биография, автор которой – Франсиско Лопес де Гомара – сам в Мексике не был, а основывался на рассказах очевидцев. И очень идеализировал Кортеса. Более критическое сочинение написал некий солдат, участник завоевательных походов Кортеса Бернар Диас дель Костильо. Большой интерес представляют труды Андрея Федоровича Кофмана – например, «Рыцари Нового Света (как покорялась Америка)» (2006). Кортес, если можно так выразиться, «образцовый» конкистадор. Испанский идальго, рыцарь, храбрый, дерзкий, способный на авантюрные поступки и отличавшийся немыслимой тягой к золоту. Это черта всех конкистадоров. Но именно Кортесу приписывают ответ на вопрос одного из индейских вождей о том, почему белые люди так любят золото: «Мы страдаем таким сердечным недугом, который излечим лишь золотом».

Полное имя великого завоевателя – Фернандо Кортес Монрой Писсаро Альтамарино. Традиция такого именования, с включением родовых имен, была в знатных испанских семьях. Отец – Мартин Кортес де Монрой, мать – донья Каталина Писсаро Альтамарино. Они были очень знатны, но совсем не богаты. В конце XV века разорилась значительная часть представителей феодальной элиты в Западной Европе. Они не умели и не стремились хозяйствовать – они привыкли жить, получая доходы от своих поместий. А время рождало зачатки капиталистических отношений, в Испании, правда, пока не очень заметных. Развивалась городская жизнь, торговля. Надо было учиться делать деньги. Аристократии это, как известно, несвойственно, она ищет готовых денег. Обогащение – очень важный мотив для участия испанских дворян в завоевательных экспедициях.

Эрнан Кортес

Кортес родился в городе Медилина, в Кастилии – центральном государстве будущей Испании. Объединенная Испания возникла через шесть лет благодаря династическому браку Фердинанда Арагонского и Изабеллы Кастильской.

По легенде, в детстве Эрнан был слабым мальчиком, очень

много болел. Мы мало знаем о том, где и как он учился. Но некое образование он явно получил. Об этом свидетельствуют, например, его сохранившиеся четыре письма к королю Карлу V. Специалисты признают, что они написаны очень неплохим литературным слогом.

Это довольно пространные сочинения, в которых Кортес пытается представить себя в наилучшем свете. Он как бы отчитывается перед королем, одновременно отвергая те обвинения, которые выдвигали против него недруги. Письма-оправдания, письма-отчеты, которые должны создать его привлекательный образ. Верный сын церкви, верный подданный Карла V, никогда лишнего от короля не утаивавший, всегда отдававший значительную часть богатств. С последним трудно поспорить. Кортес отдавал королю немало. Он платил за свою свободу, избегал преследований по суду.

Откуда у него хороший слог? В 1499 году родители определили четырнадцатилетнего Эрнана в известный университет города Саламанки, чтобы он изучал там право. Однако терпения его хватило только на два года учебы. За это время он выучил азы латыни и получил кое-какие знания, отличавшие его от других, вовсе не образованных конкистадоров. На фоне разбойников он, конечно, выглядел почти интеллектуалом.

В 17 лет Кортес едва не сделался калекой. Это могло бы совершенно изменить его биографию. Он забирался на балкон – на тайное свидание к некой красотке, сорвался и очень сильно разбился. Несколько недель пролежал в постели, видимо, размышляя о жизни.

Родители искали возможность пристроить сына к какому-нибудь делу. Учиться дальше он не желал, романы заводил такие, что постоянно подвергал себя риску быть проткнутым шпагой соперника. Спасительной показалась идея отправить его к родственнику, Николасу де Овандо, губернатору Вест-Индии. Овандо только что сменил Христофора Колумба, первооткрывателя этих земель, но со временем впавшего в немилость.

В 1504 году Кортес, кости которого благополучно срослись, прибыл к родственнику на остров Эспаньола (сейчас там расположены два государства – Гаити и Доминиканская Республика). Первый американский остров, на который в 1492 году ступила нога европейца – Христофора Колумба. Эспаньола – богатая, быстро расцветающая испанская колония, основная база для дальнейшего продвижения на континент. Европейцы уже точно знали, что пойдут дальше, но не представляли себе

масштабов того, что намеревались завоевать. Предшественники Кортеса думали, что, продвигаясь в сторону империи ацтеков, они в итоге попадут в Китай. Они не знали, что между новыми землями и Азией находится огромный океан.

Николас де Овандо встретил Кортеса очень радушно. Будучи человеком влиятельным, он дал юноше прекрасное имение, плантации вместе с невольниками. Плюс определил его к себе нотариусом. Живи и радуйся!

Но Эрнан и не думал трудиться. Жизнь помещика не привлекала его. Ведь он был так молод! Его сердце жаждало любви и приключений. И он сразу же прославился непрерывными дуэлями из-за прекрасных дам. У него появилось много ненавистников. Вскоре он с радостью присоединился к карательным экспедициям против непокорных индейцев. И, наконец, принял участие в крупном деле – завоевании Кубы.

Поход возглавил Диего Веласкес, человек на 20 лет старше Кортеса, один из спутников Колумба во время второго плавания 1493 года. В 1514 году, после успешного завоевания Кубы, испанский король назначил его губернатором этого острова. Веласкес был чрезвычайно доволен этим. А оставшегося служить при нем Кортеса такое назначение не обрадовало. Он считал, что Веласкес слишком много добычи забирает себе, мало делится с подчиненными. Кортес с нетерпением ждал того часа, когда он будет первым отбирать добычу.

Чтобы приблизить этот момент, он составил заговор недовольных. И как все заговоры в истории человечества, этот был выдан. У губернатора Вест-Индии были и другие поводы для гнева. Ведь Кортес оказывал очень заметные знаки внимания знатной девушке Каталине Суарес, на сестре которой Веласкес был женат. А Кортес явно не торопился связать себя узами брака.

В общем, Веласкес приказал посадить безобразника в тюрьму. Кортес оттуда дважды бежал. Причем в первый раз – с какой-то подозрительной легкостью. Наверное, Каталина помогала ему через свою сестру. Кортес просил защиты в храме: по традиции, там нельзя было трогать беглеца. Но как только он вышел из своего убежища, его вновь арестовали. И опять – побег! Совсем уж подозрительно: неподалеку вовремя оказалась маленькая лодочка, на которой он уплыл. Прямо как в авантюрном романе! А потом Кортес был прощен Веласкесом и немедленно женился на Каталине Суарес.

Сделавшись близким родственником губернатора, Кортес стал очень богат. Казалось бы, пора остепениться. Но нет! В то самое время племянник Веласкеса по имени Грихальва плавал вдоль берегов Юкатана и по Мексиканскому заливу с целью

изучить побережье. Там он наслушался рассказов местных индейцев о великом государстве в глубине суши. Ему объяснили, что надо идти вглубь, на запад, и там будет невероятно богатая страна. У индейцев были оттуда массивные золотые вещи. Грихальва все еще предполагал, что речь идет о Китае.

Кортес поставил своей целью возглавить экспедицию на запад. Чтобы добиться этого, он интриговал, хитрил, вербовал сторонников. Ему было 33 года, он имел опыт карательных операций, не раз проявил себя как вояка. Но Веласкеса смущал его характер. Как вскоре выяснилось, смущал совершенно справедливо: у Кортеса было очень трудно отобрать то, что он завоевал.

И все-таки, не без влияния жены и ее сестры, Веласкес решился назначить Кортеса руководителем экспедиции. Тот был счастлив и энергично подбирал себе спутников, готовил корабли и запасы оружия. Было снаряжено 11 кораблей, на которых отправилось 518 человек, из них только 16 – конные рыцари, остальные – пехотинцы.

Буквально в ночь накануне отплытия Веласкес вдруг передумал. Он решил не отпускать свояка в экспедицию и найти другого человека. Но Кортес, прослышав о колебаниях родственника, отплыл раньше, чем Веласкес приказал его остановить. И обвинить Кортеса было, в сущности, не в чем. Ведь он мог и не знать о том, что ему велено остаться…

Итак, «помахав рукой» разъяренному Веласкесу, 10 февраля 1519 года Кортес вышел в плавание. Он не знал, что отправляется на покорение империи ацтеков, будущей Мексики.

По пути на кораблях возник заговор тех, кто боялся идти в глубь неведомой земли. Кортес беспощадно расправился с заговорщиками. С годами он делался все более и более жестоким. В море он как капитан выступал в роли судьи и, подписывая смертные приговоры своим товарищам, произнес, по легенде, такую фразу: «Как бы я желал не уметь писать!» Но, разумеется, подписал. Это было только начало его будущей кровавой дороги.

Впереди была битва двух цивилизаций, неравная, безнадежная для индейцев. Кто такие ацтеки? В XII веке, то есть почти за четыре столетия до Кортеса, эта племенная группа пришла с севера и обосновалась в долине нынешнего Мехико. Сначала они зависели от других, более сильных племен и соперничали с ними. В 1325 году ацтеки основали поселение Теночтитлан. На его месте находится современный Мехико. В 1427 году, незадолго до прихода испанцев, ацтеки покорили всю долину и стали гегемонами на территории от современной Мексики до Мексиканского залива Тихого океана.

Ацтеки не знали железа, зато у них было много золота, серебра, а также медь и бронза. Они занимались сельским хозяйством, вели меновую торговлю. Из домашних животных держали только собак. У ацтеков уже была условная письменность. Их книги – это сборники рисунков. «Империя ацтеков» – условное название. Хронология у них была очень приблизительная, поэтому существует семь предполагаемых дат восшествия на престол первого великого правителя Мексики. Здесь еще сильны были пережитки родовых отношений, действовали советы вождей. У этой цивилизации был свой путь. Испанское нашествие сломало ее историю.

Ацтеки были опасными противниками для испанцев. Ведь верховным божеством этого племени был бог войны Уитцилопчтли, или Мекситли (может быть, от его имени происходит название Мексика). Известно было и то, что ацтеки практикуют человеческие жертвоприношения. Когда испанцы убедились в этом (некоторых из них ацтеки бросили на жертвенный камень), у них появился прекрасный предлог для расправ с местным населением. Конкистадоры подняли знамя христианства, не допускающего принесения человеческих жертв.

Почему именно испанцы столь решительно двинулись на завоевание новых земель? А потому что к этому времени у испанцев был многовековой опыт по завоеванию новых территорий. Дело в том, что с VIII по XV век разрозненные испанские государства отвоевывали Пиренейский полуостров у арабов, или мавров, как они их называли. Пятьсот лет практически непрерывной войны, получившей название Реконкиста. Решающий перелом в ней наступил только во второй половине XI века, в 1085 году, после взятия испанцами древней столицы Толедо. В 1212 году объединенные силы королевств Кастилия, Арагон и Наварра разбили арабов в битве при Лас-Навас-де-Толоса. И только в 1492-м, в год первого путешествия Колумба, пал последний арабский оплот на юге Пиренейского полуострова – Гранадский эмират.

Пять столетий испанцы шли по своему полуострову, от Пиренейских гор, к которым были прижаты в VII веке последние христиане, уцелевшие там после арабского завоевания. Теперь они двигались на юг, занимая все новые земли, основывая города, вытесняя арабов. И дошли до Геркулесовых столбов. А что дальше? Европейская территория кончилась. Оставались Африка и Новый свет. Вот почему испанцы – лидеры великих географических открытий!

За пять веков Реконкисты у испанцев сложилась традиция безграничного восхищения христианами, которые побеждают

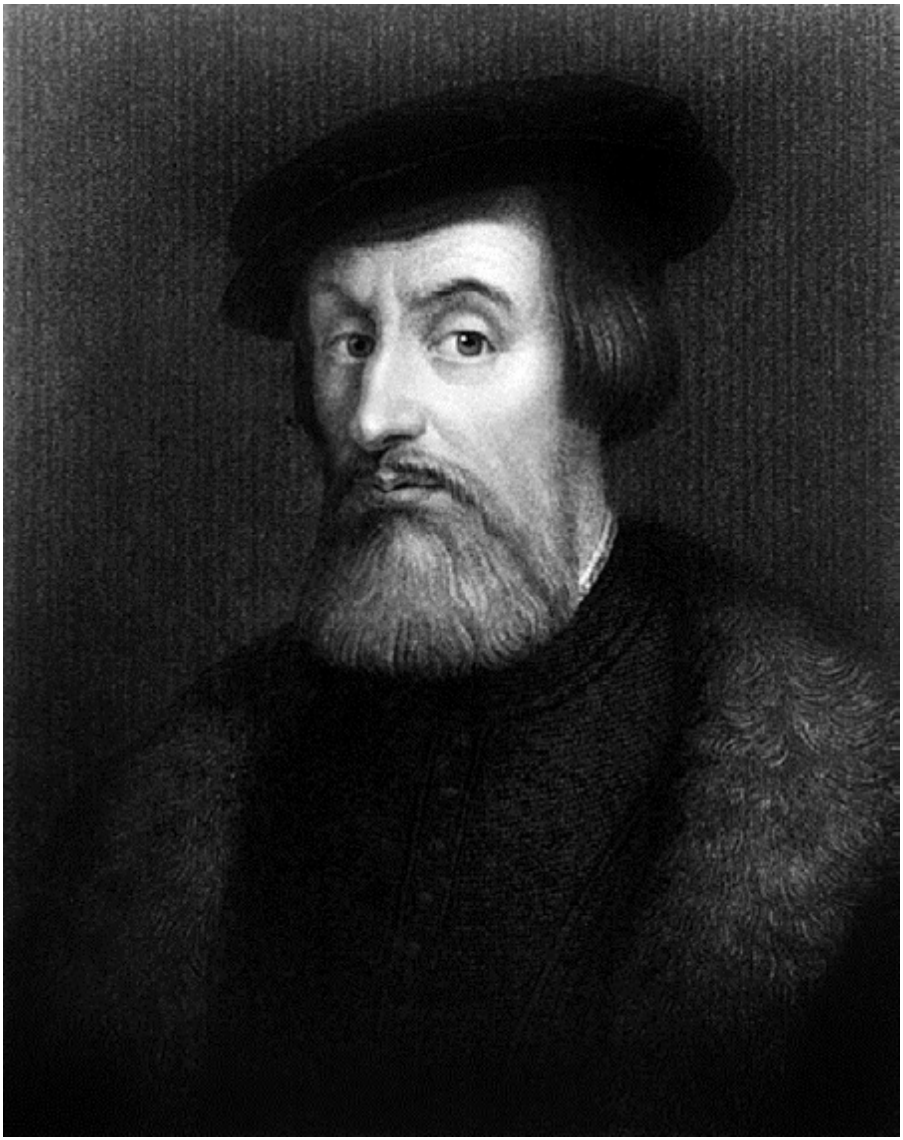
нехристиан. Знаменитый пиренейский эпос «Песнь о Сиде» рисует романтический образ воюющего человека. Рыцарь в доспехах на коне мчится сражаться с «неверными».

В Испании были очень сильны позиции католической церкви. В XVI столетии она стала церковью воинствующей. И движение конкистадоров было во многом движением духовным.

А.Ф. Кофман – автор замечательной статьи «Духовный облик конкистадора», опубликованной в журнале «Латинская Америка» в 2004 году, отмечает, что обязательным качеством испанского воина той эпохи была алчность. Столетия беспрерывной войны породили привычку получать большую военную добычу. Но была и мечта о славе, и, несомненно, острое любопытство, тяга к новому миру, открытому Колумбом. Кроме алчности, конкистадоров вела и любознательность. По словам А.Ф. Кофмана, «видеть в конкисте только жестокость и разрушения – все равно что судить о столичном городе, побывав лишь в его трущобных районах».

И вот Эрнан Кортес двинулся на запад. Он выдержал немало отчаянных боев с местным населением на полуострове Юкатан. Испанцев спасало только то, что аборигены не умели воевать в регулярном строю. Они шли лавиной, толкаясь и мешая друг другу, а испанцы воевать умели: все-таки за плечами 500-летний опыт.

Кроме того, индейцев сначала очень напугали лошади. Всадник на коне показался им единым существом, кем-то вроде кентавра. И они бежали при виде этого чудовища.



У. Холл.
Эрнан Кортес.
Гравюра

У некоторых индейских племен было предание о добром светлокожем боге, который в древние времена научил их предков выращивать урожай, пользоваться орудиями и многому другому. А передав им эти знания, бог удалился, обещав вернуться со временем. Кортес всячески поддерживал этот образ светлого бога, за которого его приняли индейцы. Это позволяло ему не выглядеть просто беспощадным завоевателем. Действительно, последний правитель ацтеков Монтесума II вначале пытался

поладить с испанцами. Правда, пообщавшись с ними, индейцы быстро поняли, что они – вовсе не боги.

Первым успехом экспедиции был захват города Табаско. Завоеватели получили роскошные подарки. Покоренные индейцы согласились стать союзниками испанцев. Но многие спутники Кортеса не хотели идти в глубь материка. Они были измучены бурями у берегов Кубы и тяжелыми боями на Юкатане. И хотя алчное воображение распалялось при виде золотых предметов, все равно было очень страшно. И тогда Кортес проявил характер. Он сделал потрясающий шаг – приказал сжечь корабли. Под смехотворным предлогом: якобы они заражены крысами, которые поселились на них. Все знали, что крысы разносчики чумы. А значит, и мысли не могло быть о том, чтобы ступить на палубы этих кораблей. Сожжение кораблей означало, что возврата нет. Экспедиция двинулась к Теночтитлану.

После взятия Табаско произошло важное событие в личной жизни Кортеса. Побежденные индейцы были изумлены тем, что среди пришельцев нет женщин. Непонятно, как можно так долго без них обходиться. И индейские вожди подарили конкистадорам 20 женщин. Среди них была красавица рабыня по имени Малинча. Ее сразу же крестили и дали ей новое имя – Марина. Позже и самого Кортеса называли Малинча, что буквально означало – повелитель Марины.

Она происходила из той самой страны ацтеков, куда двигалась экспедиция. Есть версия, что она была незаконнорожденной дочерью вождя, а в Табаско находилась в плену. Видимо, Марина обладала совершенно незаурядными лингвистическими способностями. Она знала множество местных наречий и очень быстро освоила испанский язык. А наличие переводчика было для завоевателей важнее важного.

Один из исследователей пишет: «Испанский язык стал для Марины языком любви». Да, она, рабыня, искренне полюбила своего хозяина. Ради этой страсти она предала свой народ, служила завоевателям и, когда вражда стала непримиримой, не раз выдавала испанцам планы ацтеков.

На пути к Теночтитлану Марина впервые помогла Кортесу раскрыть заговор. Одна из жен вождей, которые были в заговоре, пожалела, что Марина погибнет вместе с испанцами, и посоветовала ей принять меры, чтобы спастись. Та сказала: «Да, да, конечно», а на самом деле выдала заговор Кортесу. Расправа с индейцами была страшной. Кортес приказал убить несколько тысяч человек. Причем коварнейшим образом. Их позвали на праздник и, как только они расселись, окружили и стали палить по ним из тех немногочисленных пушек, которые волокли с

собой.

Итак, Кортес шел на Теночтитлан, уже найдя несколько тысяч союзников среди индейских племен, враждебных ацтекам, и имея в лице Марины прекрасную переводчицу и талантливого дипломата. Слухи о завоевателе докатились до ацтекского вождя Монтесумы. И тот решил откупиться. Он послал Кортесу роскошнейшие дары. Груды золота! Монтесума полагал, что белые люди возьмут золото и уйдут. Как он заблуждался! Ему казалось, что их жалкая горстка, что он несоизмеримо сильнее. Ведь когда его короновали, жрец говорил ему: «Ты правитель ацтеков, который должен поддерживать порядок во Вселенной».

На самом деле, отправив испанцам сокровища, Монтесума погубил себя окончательно. Дары разожгли их аппетит настолько, что теперь ничто не могло их остановить.

В 1519 году испанцы и их союзники из числа аборигенов подступили к Теночтитлану. Это был грандиозный для своего времени город, с населением не менее 100 тысяч человек.

Монтесума, все еще надеявшийся на мирные переговоры, позволил конкистадорам войти в город и даже поселил их во дворце своего отца. Там во время ремонта или строительных работ испанцы обнаружили немыслимые сокровища – часть ацтекской казны. О нет, уходить они вовсе не собирались!

Совсем скоро Монтесума стал пленником Кортеса. Обстоятельства этого события описываются источниками по-разному. Ацтекского вождя то ли уговорили, то ли угрозами вынудили жить в одной резиденции с Кортесом, и тот в течение шести месяцев от имени Монтесумы правил государством ацтеков.

Правил он, видимо, довольно толково. Но все время беспокоился о своих доходах. Согласно документам, одна пятая часть всей добычи шла испанскому королю. Остальное испанцы делили между собой, но далеко не поровну. Рядовым доставалось не так много. А высшие офицеры буквально купались в роскоши. Во дворце Монтесумы были устроены прекрасные бассейны, сады с экзотическими птицами, зверинцы, населенные ягуарами и пумами. Не менее четырех раз в день правитель менял роскошные одежды. Головные уборы украшались перьями редких птиц. Какао – новый для европейцев напиток – подавался в золотых чашах. Кукурузные лепешки, мясо, табак – все на золотой посуде. Все это распаляло «золотой недуг» испанских сердец.

Понятно, что у пришельцев появилось немало врагов. Прежде всего – жрецы, то есть те, кто поддерживал культ жестоких местных богов, требовавших человеческих жертвоприношений. В правление Кортеса человеческие жертвоприношения были

запрещены, сложнейший ритуал, который сопровождал их, отменен. В городе было несколько тысяч жрецов. И они не могли смириться с тем, что европейцы постоянно говорили о другом боге. А ведь испанская монархия четко прописывала обязанности конкистадоров, среди которых была и такая – обращать местное население в истинную веру. С аборигенами следовало обращаться хорошо, а карать только тех, кто сопротивляется. Впрочем, этого указания было достаточно, чтобы развязать завоевателям руки.

Постепенно изменялось и отношение к ним местного населения. Индейцы убедились, что перед ними не боги, а светловолосые люди, что всадник и лошадь – это не единое существо. Да и повседневное поведение испанцев развеивало ощущение божественного.

В июне 1520 года вспыхнуло восстание. Ночь на 1 июля вошла во все источники и в мировую историографию как Ночь печали. Так ее назвали сами испанцы. Движение было настолько массовым, что конкистадоры, несмотря на хорошее вооружение и военную подготовку, не могли ему противостоять. Монтесума, пытавшийся остановить восставших, был забросан камнями и погиб.

Конкистадоров захлестнула восставшая масса. Они бросились бежать.

Переплывая канал, очень многие утонули. Большинство – потому что не могли бросить мешки с золотом. Ведь это, как известно, самый тяжелый металл. Были и другие потери. Так, во время бегства пошел ко дну дневник Кортеса, который он вел с первого дня похода.

Но надежды аборигенов на то, что испанцы не вернутся, были напрасны. У конкистадоров не было иной жизни, кроме этой – с походами, войнами и грабежами. И им некуда было уйти. Поэтому они вернулись и с января по август 1521 года осаждали Теночтитлан.

Вот как описано это время в хронике «Анналы Тлателолько»:

«На улицах лежат сломанные дротики,
Валяются клочья волос.
Дома стоят покинутыми,
Сделались красными их стены…
На улицах и площадях кишат черви,
И стены забрызганы мозгами…
Вода стала красной, словно ее покрасили.
И когда мы пьем ее,
То как будто пьем горечь.
Мы едим тростниковые стебли,

Мы жуем соленую землю.
Камни, ящериц, мышей,
Дорожную пыль и червей…»

Наконец 13 августа 1521 года Кортес объявил штурм. Измученный голодом город был взят. Это был конец империи ацтеков.

С 1521 по 1524 год Кортес фактически единолично управлял покоренной Мексикой. При этом он не имел титула губернатора и был, в сущности, самозванцем. Ведь он оставался, с формальной точки зрения, нарушителем дисциплины, так как отправился в экспедицию вопреки воле губернатора Кубы Диего Веласкеса, назначенного волею короля Испании.

Судя по всему, Кортес, несмотря на тягу к неограниченной власти, никогда не переставал ощущать себя подданным испанской короны. Он не только обогащался, но и воевал за расширение владений в Новой Испании, как называли тогда американские земли. Имея титул генерала-капитана, он завоевывал Гватемалу и Гондурас. Испанский двор вожделенно и радостно подсчитывал доходы. Считается, что только Кортес доставил на родину около двух тонн золота. И это не так уж много, если учесть пышность испанского двора и огромные военные расходы. Да и большая часть предприятий Кортеса оказывалась дорогостоящей, трудной – и не очень успешной. Проявив исключительную жестокость при завоевании Гватемалы и Гондураса, он не смог там закрепиться.

В 1522 году к Кортесу прибыла его законная жена Католина Суарес. Неизвестно, звал ли он ее, но, так или иначе, она застала при своем муже множество наложниц-индеанок. Начались скандалы. А через три месяца Каталина внезапно и как будто беспричинно умерла. Сразу поползли слухи о том, что отравил ее Кортес. И хотя это так никогда и не было доказано, подозрения остались навсегда.

Личность Кортеса глубоко неоднозначна. Не вызывает сомнений его личная отвага. И его политика не была примитивной. В его посланиях Карлу V отразились попытки осмыслить новый, неведомый мир, который открылся европейцам в Америке. И если многие конкистадоры вообще сомневались в том, что индейцы – люди, то Кортес утверждал, что они заслуживают к себе доброго отношения. Все это была, правда, чистая теория.

Испанская монархия на словах проповедовала исключительно добро. В завещании королевы Изабеллы и ее дочери, Хуане

Безумной, и внуку – будущему Карлу V – предписывалось хорошо относиться к завоеванным народам.

Как Кортес понимал это хорошее отношение? Он просит прислать в Новую Испанию как можно больше служителей церкви, желательно францисканцев, известных энергичной миссионерской деятельностью. Он был убежден, что они будут обращать индейцев в истинную веру. Тогда все его деяния будут осенены этой благородной целью. Правда, сам Кортес все более ожесточался из-за постоянных бунтов местного населения. После смерти Монтесумы провозглашались другие правители, и последний из них – Коатемок – был неоправданно жестоко казнен Кортесом. А следом за миссионерами в Америку пришла инквизиция – и начались массовые зверства по отношению к аборигенам.

И все-таки Кортеса не следует упрощать. Он был не лишен и любознательности, свойственной части конкистадоров. Когда стало ясно, что за покоренными землями располагается не Китай, стало интересно: так что же там? Испанцы исследовали побережье, составляли первые карты. Поэтому некоторые считают Кортеса первооткрывателем Калифорнии.

В Испании же не дремали завистники и враги. До Кортеса дошли слухи о том, что на родине над ним готовится суд. Безусловно, его было за что судить. Но важнее то, что любой, кто занял бы его место, сразу сделался бы невероятно богат. Не Кортес ждал подачек от испанского короля – монарх рассчитывал на поступления из-за океана.

В 1527 году Кортес вынужден был оставить не вполне законный пост правителя Мексики, а в 1528-м отправиться в Испанию, чтобы доказать и закрепить свои права и снять с себя обвинения в том, что в свое время нарушил приказ губернатора Кубы. В это путешествие Кортес пустился так же отважно, как некогда в глубины неведомого континента.

Мы не знаем в точности, каким было его возвращение. Некоторые биографы пишут о его триумфальном шествии от Палосской гавани до Толедо. Палосская гавань – та самая, из которой отправлялись первые корабли Колумба, откуда началось открытие Нового Света. Толедо – древняя столица Испании. В пути с Кортесом были танцоры и жонглеры из индейцев: он хотел показать соотечественникам незнакомую культуру. Он привез в дар королю драгоценные предметы и произведения индейского искусства, видимо догадываясь, что они хороши, хотя для глаза европейца очень непривычны.

В жизни Кортеса многое изменилось. Скончался его отец, всегда за него хлопотавший. Надо было искать новое

покровительство. В 1529 году Кортес вступил во второй брак. Он умел быть расчетливым. На этот раз он женился на очень знатной даме, донье Хуане Рамирес де Орельяно де Суньига. Ему было 44 года, ей – около 20. У нее влиятельнейшие родственники при дворе. Трудно сказать, был ли брак счастливым, но точно известно, что в нем родилось шестеро детей. До этого у Кортеса законных детей не было – только бастарды в его своеобразном «гареме».

Благодаря точному расчету и новым покровителям Кортес получил долгожданную аудиенцию у Карла V. Он был прощен королем и даже получил из его рук титул маркиза. Это звучало прекрасно. А вот назначение оказалось не вполне таким, какого он ожидал. Кортес стал главнокомандующим войсками испанского короля в завоеванной Мексике. Светскими же делами отныне ведал другой человек, губернатор Антонио Мендоса. Трения между ними были неизбежны.

Некоторое время Кортес пытался жить относительно спокойно. У него были прекрасные имения, роскошные дворцы, множество работников. Испанское законодательство запрещало обращать индейцев в рабство. Да из индейцев никогда и не получались рабы. Вот почему белые завоеватели вскоре начали ввозить чернокожих невольников из Африки.

Кстати, Кортес был энтузиастом появления нового, смешанного населения Америки. Ко всем своим местным наложницам он относился очень хорошо и заботливо. Он дошел до Папы Римского, добиваясь, чтобы были признаны права его внебрачных детей от индейских женщин. Это наверняка стоило больших денег. И в итоге его узаконенные наследники получили титулы и звания, а девочки – состояние, чтобы благополучно выйти замуж. Интересно, что именно из таких детей, рождавшихся у представителей разных этносов, и сформировалось нынешнее население Центральной и Южной Америки.

Возвратившись в Америку в 1530 году главнокомандующим, он мог бы просто наслаждаться жизнью. Но нет! Теперь он увлекся географическим изучением Центральной Америки. Ему захотелось остаться в истории в роли исследователя. Губернатор Антонио Мендоса всячески препятствовал его предприятиям, тем более что они были очень тяжелы и дороги.

И тогда Кортес решил жаловаться королю. Отчаянный человек, в 1541 году, через 11 лет после аудиенции у короля, он снова отправился в Испанию. Это была большая и удивительная при его жизненном опыте ошибка. Наверное, в голове его всегда был мир сражений и дерзких побед. Он не знал мира

повседневности – придворных интриг и фаворитизма. И забвения заслуг. В Испании его походы и победы были давно забыты. Те, кто отправился в Америку после него, привозили значительно больше золота.

На сей раз Кортесу не удалось добиться аудиенции у Карла V. Его просто не принимали. Традиционная форма опалы! Имеется в виду, что человек должен быть доволен, если его не судят и не заточают.

Но не таков Кортес. По легенде, он сумел прыгнуть на подножку кареты, в которой ехал король. И тот с любопытством спросил, что это за человек. А Кортес ответил примерно так: «Я тот, Ваше Величество, кто присоединил к Вашим владениям земель больше, чем Вы получили в наследство от своих предков». Императору понравилось. Кортеса опять не казнили. Ему милостиво позволили на собственные средства стать участником еще одной завоевательной экспедиции на Севере Африки. Император решил дать ему шанс завоевать еще одну страну.

Но экспедиция была неудачной. Кортес потратил огромные деньги, которые казна обещала возместить, но, конечно, не возместила. Он глубоко прочувствовал смысл латинского крылатого выражения sic transit gloria mundi – так проходит земная слава. Его земная слава прошла. Он был по крайней мере богат! А многие из его солдат доживали свой век в нищете. Забытые ветераны – как часто это бывало в истории человечества! Один из них, рядовой участник экспедиции Кортеса Бернар Диас дель Кастильо, оставил удивительные записки. Будучи уже старым, он писал о Мексике: «Каждый из нас отдал бы все, чтобы снова увидеть эту страну». Он был уверен, что многие его товарищи умерли от тоски. Испания перестала быть их любимой родиной. У них появилась другая родина – Мексика. Наверное, мы сегодня недооцениваем совершившуюся тогда встречу миров. Да, были война, кровь и разграбление. Но не только это.

Надо попытаться представить себе людей, которые пересекли океан на утлых, с сегодняшней точки зрения, суденышках, и ступили на землю, на которой до них не бывал, скорее всего, ни один европеец. Им предстояло встретить аборигенов, таких далеких и непонятных, узнать, что такое климат, губительный для здоровья европейцев. И все-таки было сказочное ощущение покорения мира.

Кортес не составлял исключения. Его тоже тянуло в Мексику, которая стала для него родной. Он собирался туда. Но прозаически умер в 1547 году близ Севильи от дизентерии.

А после смерти у него началась вторая, какая-то страшная жизнь. Его прах перезахоранивали восемь раз. Из Севильи в 1566

году он был перевезен в Мексику и торжественно там похоронен. Но времена изменились, настало время мексиканской революции 1854 года. Для местных патриотов Кортес был врагом, завоевателем. Многие, особенно потомки аборигенов-индейцев, пытались полностью уничтожить память о нем. И сегодня осталась только скромная табличка в одном из соборов.

Испания, получавшая из своих колоний так много золота, стремительно двигалась к закату. Когда во многих странах началось бурное развитие промышленности, европейская цивилизация оказалась на пороге капитализма, Испания не испытывала в этом потребности. Она утопала в золоте. И вскоре превратилась из мировой империи в задворки Западной Европы. Тончайший художник Мигель Сервантес изобразил ее в образе безумного Дон Кихота, который не может расстаться с рыцарскими идеалами в наступившую уже новую эпоху.

Мария Тюдор. Кровавый символ

Мария Тюдор – английская королева с 1553 года. Это рубеж Средневековья и Раннего Нового времени в британской истории. Королева из династии Тюдоров, которую прославила, конечно, не она, а ее сводная сестра Елизавета I Великая, дочь Генриха VIII от другого брака. На правлении Марии история Тюдоров не завершилась, но сделала потрясающий зигзаг. Разворот в неожиданную сторону.

Дело в том, что для династии Тюдоров в целом характерна поддержка развивающегося раннего капитализма и реформации, причем поддержка разумная, без крайностей. И конечно, соперничество с Испанией. При Марии же все наоборот. Она, в сущности, попыталась остановить время, подняв знамя контрреформации. Римский император Юлиан Отступник другой эпохи.

Подобную политику мож но пытаться осуществить неключительно прямым насилием. Так и поступала Мария, которая вошла в историю с ужасным прозвищем – Кровавая. А сначала она была и любовью нации, и даже некоторое время настоящим идолом как гонимая, обиженная… Но тот же народ, что так сильно жалел ее, позже назвал ее Кровавой. Это прозвище встречается в протестантских памфлетах уже при ее жизни. И Елизавете I стоило немалых усилий справиться с последствиями политики Марии.

Безусловно, для странного, чуть ли не противоестественного поведения монарха должны быть очень серьезные причины. И личная судьба Марии Тюдор многое объясняет.

Она родилась 15 февраля 1515 года. Отец – Генрих VIII – стал королем в 1509 году. За годы правления он изменился чуть ли не до неузнаваемости. На престол он вступил почти гуманистом, любившим не только рыцарские турниры, но и античную литературу. Эразм Роттердамский написал хвалебную оду в его честь. Своим первым советником, лордом-канцлером, Генрих сделал Томаса Мора. И его же беспощадно казнил за то, что тот отвергал Реформацию.

К моменту рождения Марии король уже шесть лет с нетерпением ждал рождения наследника. А наследником мог быть только мальчик. Тогда никто и представить себе не мог, какую важную роль будут играть в истории Великобритании женские правления – от Елизаветы I Великой и королевы Виктории до премьер-министра Маргарет Тэтчер. В средневековой Европе считалось, что женщина не должна быть у

власти.

Супругой Генриха VIII в тот момент была Екатерина Арагонская. И у нее рождались мальчики – но только мертвые. Последовал длинный, тяжкий развод, которого она не признала до конца жизни.

Следующая жена – представительница английской знати Анна Болейн – стала матерью Елизаветы и была казнена по обвинению в государственной и супружеской измене.

После этого король женился на Джейн Сеймур, которая умерла вскоре после родов. Была еще Анна Клевская, которая настолько не понравилась королю, что он приказал отослать ее прочь и добился расторжения брака. Еще одна супруга – Екатерина Говард, была казнена за развратное поведение. Еенрих всем рассказывал невероятные истории о том, что она изменяла ему с сотнями мужчин.

Последней женой короля стала Екатерина Парр, молоденькая, милая, смирная, которая уговаривала старого обжору и развратника успокоиться и признать детей от предыдущих браков. Может быть, он казнил бы и их, если бы не ее облагораживающее влияние.

Мать Марии Тюдор Екатерина Арагонская была младшей дочерью Фердинанда и Изабеллы – знаменитых католических королей, объединителей Испании. Изабелла— фанатично верующая. Фердинанд— фанатично жадный.

В возрасте 16 лет Екатерина была доставлена в Англию и выдана за 14-летнего Артура – принца Уэльского, старшего брата будущего Еенриха VIII. Она вовсе не должна была становиться английской королевой. Супруг Екатерины был тяжело болен и вскоре ушел из жизни. Еенрих, едва став королем, женился на вдове брата, оставшейся в Англии из-за того, что ее невероятно скупой отец Фердинанд не желал выплачивать ее приданое. Вероятно, одной из главных причин решения Еенриха жениться на Екатерине было его намерение сохранять мир с набиравшей силу Испанией. Эта страна была частью империи Еабсбургов, над которой, по словам ее императора Карла V, никогда не садилось солнце. Империя объединяла немецкие, итальянские земли, небольшие владения во Франции, Нидерланды, владения в Новом Свете. Породниться с таким королевским домом было весьма соблазнительно. Тем более что к женитьбе Генрих VIII относился легко.

Екатерина была на шесть лет старше супруга. После двух сыновей, родившихся мертвыми, и третьего, умершего во младенчестве, она в 30 лет произвела на свет дочь Марию. И хотя это не был долгожданный наследник, надежда сохранялась и к

девочке относились хорошо. Отец называл ее «самой большой жемчужиной королевства». Она была очень хороша собой: пышные светлые кудри, стройная невысокая фигурка. Ее наряжали, приводили на пиры, просили станцевать перед послами. Кстати, именно их записи и сохранили историю ее детства.

У нее было все: и балы, и наряды. Не было только внимания родителей. Генрих VIII был занят и делами государства, и увеселениями, которые очень любил. Екатерина старалась не отстать. Она очень волновалась, как бы на его фоне не выглядеть старой. Тем более что у него всегда были фаворитки.

Маленькая Мария – это не только ребенок, с которым родители проводят слишком мало времени. Она с рождения стала тем, что можно условно назвать династическим товаром. В Средние века в королевских детях видели некий продукт, который можно выгодно продать на международном рынке. С трехлетнего возраста начались переговоры о ее будущем браке.

Расстановка сил в Европе XVI века была очень неопределенной. Система международных отношений сложилась значительно позже, в середине следующего столетия, после 30-летней войны. А пока ситуация оставалась нестабильной. Папство, эта уходящая теократическая сила, плело сложные интриги. Франция затеяла колоссальные итальянские войны. Французский король Франциск I в ходе войны с Габсбургами побывал в плену и стремился освободиться от этого унижения путем новых завоеваний. В этих противоречиях дружба с Англией могла стать сильным политическим козырем.

Мария как единственная наследница имела высокую цену. Сначала ее сватали за французского дофина, будущего Генриха II. Этот брак не состоялся. Позже, когда положение Марии сделалось не столь прочным, ей стали прочить в мужья максимум герцога Савойского.

В 1518 году у Екатерины Арагонской, все еще пытавшейся подарить королю наследника, родилась мертвая девочка. А в 1519-м у Генриха VIII появился незаконный сын от знатной придворной дамы Елизаветы Блаунт. Ему дали красивое романтическое имя Генри Фицрой. Маленькая Мария еще не понимала, какую опасность он для нее представляет. Королю ничто не мешало признать этого ребенка законным. Генрих VIII вообще ставил свою волю над всеми, даже над волей папского престола.

А. Мор.
Мария Тюдор.
1554 г.

Но пока у Марии продолжалась прекрасная жизнь. Ее обучали языкам. Она замечательно декламировала стихи на латыни, читала и говорила по-гречески, интересовалась античными авторами. Еще больше ее влекли труды отцов церкви. Никто из гуманистов, окружавших Генриха VIII, не занимался ее

воспитанием. И она росла истовой католичкой.

Тем временем над ней нависла страшная тень: Генрих VIII задумал развестись с Екатериной Арагонской. Развод с испанкой, католичкой, дочерью «наихристианнейших королей» Изабеллы и Фердинанда, приходившейся теткой императору Карлу V – эта затея выглядела безумной. Но Генрих проявил удивительное упорство.

Что руководило его поступками? Среди прочего – желание поживиться за счет богатств церкви. В Англии начиная с XIII века монархи то и дело оказывались в большой зависимости от римского престола, как, например, Иоанн Безземельный, который признал себя вассалом папы. То, что Святому Престолу выплачивалась большая дань, вызывало волну протестов. В конце XIV века уже был богослов Дисон Виклеф, который подверг теоретическому сомнению авторитет римских пап.

Когда Генрих VIII женился на Екатерине, ему пришлось получать разрешение Римского престола, вместе со специальным документом, подтверждавшим, что ее брак с принцем Артуром не был реализован и невеста сохранила чистоту. Теперь же Папа Римский не желал давать королю права на развод. В ярости Генрих объявил, что в Англии он сам является папой. И в 1527 году он сам себе разрешил развод. Более того – объявил брак недействительным, а Марию – незаконнорожденным ребенком.

В 1533 году Генрих VIII наконец «развел себя» с надоевшей женой. После этого Мария, которая прежде была единственной законной наследницей и уже имела титул принцессы Уэльской, была лишена статуса. С 12 до 16 лет она – дочь ненавистной разведенной жены, находящаяся в опале вместе с матерью. Теперь ее стали называть внебрачной дочерью короля. И обращались с ней соответственно: переселили в гораздо худшие условия, лишили собственного двора, всячески демонстрировали небрежение. У Марии появились основания бояться за свою жизнь: начались многочисленные казни неугодных Генриху VIII людей, прежде всего тех, кто не поддержал проводившуюся им политику реформации. Был казнен Томас Мор, отказавшийся принести присягу королю как главе англиканской церкви и признать законной его женитьбу на Анне Болейн. Томас Мор сделал это, прекрасно зная, что обрекает себя на смерть. Расправа с ним произвела ужасное впечатление на всю Европу. Вскоре после получения известия о казни Мора скончался Эразм Роттердамский, любивший его как ближайшего друга.

Неизвестный художник.

Мария Тюдор со вторым мужем Чарльзом Брэндоном. Ок. 1515 г.

Именно в этот страшный момент к Марии вновь пришла популярность. До этого она была милым ребенком, хорошенькой принцессой, танцевавшей для иностранных послов. Теперь же она, гонимая, стала популярна в народе. Екатерина Арагонская проявила в этой истории удивительную твердость. До конца своих дней она подписывалась «Екатерина, несчастная королева», хотя официально королевой уже не считалась. Она не была ни казнена, ни даже заточена, потому что была родом из могущественной Испании. Но ее обрекли на жалкое существование в отдаленном замке вместе с Марией. Девочку, отвергнутую отцом, в народе искренне жалели. Екатерина Арагонская и Мария стали знаменем будущей контрреформации. Особенно яростно сопротивлялась

реформам Генриха VIII Шотландия.

А реформация приняла в 30-х годах XVI столетия крайние, жесточайшие формы. Была, например, уничтожена знаменитая гробница Томаса Бекета, святого архиепископа Кентерберийского, убитого в XII веке. Это было место паломничества, где не раз происходили чудесные исцеления. И вот под флагом реформы церкви и борьбы с католическими предрассудками с ведома Генриха VIII гробницу разграбили, выковыряли драгоценные камни, растащили драгоценные ткани, а кости святого сожгли. Это делалось на основании разрешения Генриха VIII, который подписал такой текст: «Томас Бекет – бывший епископ Кентерберийский, провозглашенный римской властью святым, с этого времени таковым больше не является. И его не следует почитать».

В 1536 году Генрих VIII казнил Анну Болейн и через 11 дней вступил в новый брак – с Джейн Сеймур, которая в 1537 году наконец родила ему сына – будущего короля Эдуарда VI. Роды были очень трудные, и через несколько дней Джейн Сеймур умерла. По стране поползли слухи о том, что надо было бороться за жизнь и матери и ребенка, но король сказал: «Спасать только наследника».

Двадцатидвухлетняя Мария стала крестной матерью принца. Это вроде бы милость. Но теперь у нее не оставалось надежды вернуть себе статус наследницы. Положение ее было очень тяжелым: между враждующими родителями; между разными конфессиями; между двумя Англиями, одна из которых приняла реформацию, а другая – нет; между двумя странами – Англией и Испанией, где были родственники, писавшие девочке и старавшиеся ее поддержать. Могущественный Карл V, ее двоюродный брат, готов был в любую минуту двинуть против Англии свои огромные войска.

Между тем продолжались и торги на династическом рынке. Сначала Марию сватали за дофина Франции, потом Генрих VIII повернул к союзу с Габсбургами и она стала предполагаемой невестой своего кузена императора Карла V. Будучи еще ребенком, она даже прислала ему какое-то кольцо, которое он со смехом надел на мизинец и сказал: «Ну что ж, буду носить в память о ней». Позже в женихи намечался шотландский король и кто-то из юго-восточной Европы. Это означало падение статуса. В худшие времена ходили слухи, что Марию могут выдать за какого-нибудь славянского князя. Дальше возникла кандидатура сына герцога Клевского (это тоже провинция, низкий уровень). Рассматривался Франческо Сфорца – правитель Милана. И снова французский принц. Мария все время жила как в витрине,

выставленная на продажу.

В 1547 году королем стал ее сводный брат Эдуард VI. Положение Марии при дворе было восстановлено. Но у нее не было ни политических перспектив, ни личной жизни. Ее все больше занимали религиозные вопросы. Сказалось ее внутреннее одиночество, изломанная судьба. А для остатков католического духовенства она оставалась символом контрреформации. На эту роль она годилась как нельзя лучше: гонимая, живущая в непрестанных молитвах, верная католичка. К тому же она дочь фанатичной католички Екатерины Арагонской и внучка самых католических западноевропейских королей.

В Англии было немало тех, кто мечтал бы вернуться во вчерашний день. Туда, где не было реформации, раннего капитализма с его массовым обнищанием, огораживанием земель, мучительной ломкой привычных отношений. Ведь и сегодня нередко встречаются люди, утверждающие, что только в том, безвозвратно ушедшем мире им было бы хорошо.

Мы не знаем наверняка, насколько сознательно Мария играла роль вдохновительницы контрреформации. Скорее всего, политиканства в ее поведении было.

Эдуард VI умер очень рано – в возрасте 15 лет. Так в 1553 году Мария опять стала реальной наследницей престола. Однако придворные силы попытались помешать ей и выдвинули другую претендентку – юную Джейн Ерей – внучку сестры Еенриха VIII. Народ не поддержал такое решение. Лондонцы горячо вступились за Марию, набожную, незамужнюю, не давшую оснований ни для каких дурных слухов.

После нескольких дней народных волнений Мария Тюдор сделалась английской королевой. Призрак короны, казалось бы давно растаявший, вдруг стал реальностью. И она сразу взяла реванш за все годы гонений. Сейчас же начались казни. Были казнены многочисленные Греи – не только несчастная ставленница придворных, но и все ее родственники. Казнен архиепископ Кранмер, горячий сторонник реформации, человек широко образованный, интеллектуальный, сопоставимый с Томасом Мором. Ежедневно на кострах сжигали еретиков. В жестокости Мария превзошла даже своего отца.

Королева решила, что ее мужем может стать только один человек – сын императора Карла V Филипп II Испанский. Ему было к тому времени 26 лет, ей – 39. Но он был не просто молодым мужчиной – он успел, как и она сама, стать знаменем контрреформации, возглавив борьбу против кальвинизма, стремительно распространявшегося в Европе. В Нидерландах Филиппа, постоянно демонстрировавшего единство с

инквизицией, со временем стали считать чудовищем.

Как известно, супруг королевы в Англии не становится королем. Его титул – принц-консорт. Но даже несмотря на это, появление в королевстве столь одиозной фигуры было событием ужасающим. А Мария еще и подчеркивала, что это решение ее сердца, ее души.

Свадьба состоялась 25 июля 1554 года. Большинству мыслящих людей было ясно, что это черный день. Но Мария была счастлива. Молодой супруг казался ей красавцем, хотя его сохранившиеся портреты явно говорят об обратном. Начались придворные пиршества, балы. Марии хотелось возместить все потерянное в юные годы.

Но и проблем возникло немало. Филипп прибыл с большой испанской свитой. Выяснилось, что испанская аристократия плохо совместима с английской. Они даже одевались по-разному. У испанцев воротники были таковы, чтобы голову нельзя было опустить и человек приобретал надменный вид. Англичане с обидой писали об испанцах: «Они держатся так, как будто мы их слуги». Начались конфликты, при дворе доходило до драк.

Следовало судебное разбирательство, кого-нибудь казнили. А казнили щедро.

Филипп при дворе вел себя светски, но горячо поддерживал кровавую политику Марии. Он привез с собой специальных людей, которые проводили судилища над еретиками протестантами. Процедура сожжения стала повседневностью. Филипп как будто готовился к тому кошмару, который он устроит в Нидерландах в 1560-х годах.

В Англии во времена Генриха VIII оставалось три тысячи католических священников, которые нашли убежище в заброшенных, полуразрушенных храмах, в развалинах монастырей. Их разыскивали и изгоняли из страны. Триста из тех, кого считали особенно активными и опасными, были сожжены. Теперь же Мария и Филипп развернули репрессии против тех, кто принял Реформацию… Несчастная страна оказалась во власти религиозного фанатизма.

Преследуемые протестанты стали вызывать сочувствие народа. Как некогда сама Мария была объектом горячего сочувствия, теперь это место заняли ее враги. Во время публичных казней некоторые из них проявляли исключительное мужество. Если вначале многие каялись, как им приказывали, просили прощения, то перед лицом смерти они меняли свое поведение. Архиепископ Кранмер, тоже покаявшийся, перед самой смертью сказал: «Сожалею, что покаялся. Я хотел сберечь свою жизнь, чтобы помочь вам же, моим братьям, протестантам».

Народ был потрясен мужеством этих людей. Отношение же к Марии, напротив, делалось все хуже. Ведь никто не ожидал от нее ни подобной жестокости, ни толпы иноземцев.

Произошел и еще один важный казус. Народу объявили, что королева ждет наследника от Филиппа Испанского. Это важное известие означало, что возникла новая опасность: Филипп мог добиться, чтобы его признали и английским королем. Весть о беременности королевы оказалась ложной. Может быть, сама Мария верила, что у нее родится ребенок, или вела сложную политическую игру. Пыталась переломить народное мнение.

Людям свойственно верить, что женщина с рождением ребенка делается мягче, добрее. Да и супруг королевы, столь не любимый англичанами, устал от придворных развлечений и отплыл в Испанию. Подданные должны были верить, что теперь все будет хорошо.

Понятно, что слух о скором рождении младенца трудно поддерживать дольше 9 месяцев. Марии удалось продержаться 12 месяцев. Медицина той эпохи точностью не отличалась. Но в конце концов пришлось признать, что произошла ошибка. Это случилось в 1555 году, в то время когда Карл V отрекся от власти и Филипп стал испанским королем. Он получил половину империи Габсбургов и готовился бороться за объединение всех ее земель.

Чтобы поддержать супруга, Мария вступила в противоречия с Францией. Началась непродуманная война, к которой Англия была не готова. В 1558 году англичане потеряли Кале – «ворота Франции», последний обломок своих былых владений на континенте. Известны такие слова Марии: «Когда я умру и будет вскрыто мое сердце, там обнаружат Кале».

Вся ее судьба была одной большой неудачей. Народ при жизни стал называть ее Кровавой. А надежды свои возложил на другую принцессу – будущую Елизавету I. Как выяснилось – не напрасно. Будучи от природы гораздо более умной, Елизавета видела страшные ошибки сводной сестры, пытавшейся насильно повернуть Историю вспять.

Елизавета, некоторое время состоявшая в свите Марии, вела себя тихо и потому осталась жива. И после смерти сестры в 1558 году стала великой правительницей Англии.

Стефан Баторий. Грозный противник Ивана Грозного

Стефан Баторий – единственный польский правитель, который сумел одержать победу в войне с Россией. Он же положил начало пограничному противостоянию этих двух стран.

XVI век – время становления национального самосознания, государственности и заметного укрепления Московии, как ее называли в Центральной и Западной Европе. Это и период образования Речи Посполитой – унии 1569 года Великого Княжества Литовского и Королевства Польша. Формально Стефан Баторий – князь Трансильвании, король Польши и великий князь Литовский. Талантливый полководец, сильный предводитель сильного войска, правда меньше всего состоявшего из поляков. И сам он не поляк.

О жизни Стефана Батория мы узнаем из огромного количества источников. Участники его второго похода на Россию в 1580 году Ян Зборовский, кастелян, и Лука Дзялынский, начальник авангардного войска, вели дневники. Есть и созданная на Руси «Повесть о прихожении Стефана Батория на град Псков». Трогательное произведение, написанное неким очевидцем. Существует, наконец, «Дневник осады Пскова Стефаном Баторием», который, видимо, писал секретарь королевской канцелярии Станислав Пиотровский.

Стефан Баторий родился 27 сентября 1533 года в маленьком городке на территории современной Румынии. Его родители – Стефан Баторий, воевода Трансильвании, и Екатерина Телегди. Оба они этнические венгры. Имя мальчика должно было звучать так – Иштван Батори, а мы знаем его в польской транскрипции. Знаменитая мощная армия Стефана Батория будет состоять преимущественно из венгров и немцев.

Трансильвания – спорная территория, расположенная на территории современной Румынии. Когда-то здесь жили древние даки. Их не до конца оформившееся государство покорили римляне при императоре Трояне. В XI–XII столетиях, после ухода римлян, территория была подвластна королям Венгрии. В XVI веке, во время движения турок на Европу, она оказалась под управлением турецкого султана. В XVII веке Трансильванией завладели Габсбурги – австрийско-немецкая династия. И только в начале XX века она была закреплена за Румынией. Но и на этом перипетии на закончились. В 1940 году Трансильвания отошла к Венгрии, в 1947-м, по итогам Второй мировой войны, была

восстановлена граница 1938 года между Венгрией и Румынией.

Считается, что в Трансильвании родился знаменитый Влад III Дракула, господарь Валахии, с которым связано немало мрачных преданий. Ужасные истории рассказывали и о родственнице короля Стефана Елизавете (Эрджбете) Батори: она будто бы купалась в крови убиенных девочек – была у нее такая косметическая процедура.

Даже число девочек подсчитано – 80. Об этом роман А. Кордеску «Кровавая графиня».

Юность Стефана прошла при дворе императора Священной Римской империи Фердинанда I. Это центрально-европейская фигура, строго не принадлежащая ни одной национальной истории. Фердинанд I из династии Габсбургов родился и воспитывался в Испании, при дворе короля Карла I, затем ставшего Карлом V, императором Священной Римской империи. Когда Фердинанд был избран королем Чехии и Венгрии, он много воевал с турками и еще не окончательно покоренными венграми, участвовал во внутригерманской борьбе протестантских княжеств против католических. Дело в том, что в XVI веке границы в Центральной Европе еще не были четкими. В 1555 году, после отречения Карла V, Фердинанд стал императором Священной Римской империи.

Вместе с ним Стефан Баторий оказался в Италии, где поступил в Падуанский университет. Не самое типичное поведение для княжеского сына в XVI веке. Понятно, что у него была сильная тяга к образованию. Обучаясь в университете, Стефан блестяще овладел латынью. Позже, будучи правителем самых разных областей, он общался с местной элитой именно на латыни. Это был международный язык той эпохи, абсолютно непонятный для народа, но доступный людям образованным.

Мы не знаем наверняка, окончил ли Стефан Баторий университет. Зато точно известно, что он перешел от германского императора на службу к воеводе Трансильвании Иоанну Сигизмунду Запольскому, или Яношу Заполяну, как его называли на родине. Он был противником Фердинанда I и возглавлял не покорившуюся империи часть Венгрии.

Можно лишь предполагать, что заставило Стефана Батория столь решительно изменить свое положение. Наверное, тяготение к родным очагам Трансильвании.

На новой службе он обрел военный опыт, стал врагом немцев и даже провел три года в немецком плену. Это время он тоже использовал нестандартно для средневекового аристократа – упорно занимался самообразованием. Читал римских историков.

В XVI веке европейская элита во многом жила еще по законам

рыцарских времен. Стефан Баторий выделялся своим прекрасным происхождением, придворным и военным опытом, блестящим образованием. Польский историк XVII века И. Пасторий писал о нем: «Баторий был в костеле больше чем священник, в республике больше чем сенатор, в суде больше чем адвокат, в войске больше чем гетман, в бою больше чем солдат, а в перенесении неприятностей, в терпении, доброте и в прощении личных оскорблений – больше чем человек». Этот восторженный отзыв отдает придворной лестью, но, как правило, подобные характеристики все-таки имеют некое реальное основание.

То, что Стефан Баторий вызывал к себе уважение, вскользь отметил и Монтень в «Опытах». По его словам, Стефан Баторий правитель, который никогда не носит перчаток, хотя живет в стране с очень суровым климатом. Таковой западноевропейцы считали Польшу. Стефан Баторий запомнился современникам в небольшой шапочке с пером – это и венгерская традиция, и отчасти польская. Кстати, и черты его лица многие считали очень красивыми. Другими словами – он был человек видный со всех точек зрения.

Стефан Баторий

В 1572 году, когда умер король Польши Сигизмунд II Август, Стефан Баторий был князем Трансильвании. Причем он стал первым князем на этой территории: прежде были воеводы. Теперь статус правителя повысился.

В течение двух лет в Польше не было короля. В 1574-м на престол был избран французский принц Генрих Валуа. Почему избран? К XVI веку Польша значительно от личалась по своему устройству от других центральноевропейских и тем более западноевропейских стран. Когда Польша заключила унию с Великим Княжеством Литовским, образовалась Речь Посполитая, что было буквальным переводом на польский язык латинского слова «республика». Это была, как говорят современные историки, шляхетская республика. В ней феодальная элита, шляхта, занимала особое положение: она могла участвовать в избрании короля, а также имела большие полномочия в сейме.

Шляхта обладала правом вето. «Вето» по-латыни – «я запрещаю». Даже один несогласный депутат мог наложить вето на любое, даже королевское распоряжение. Феодальная вольница. Коллегиальное правление, а не железная рука одного человека. А значит, самосознание элиты как очень значимой. Чувство самоуважения было у польских аристократов очень сильным.

Безусловно, у такого государственного устройства есть и заметные минусы. Пока долго и трудно принимается решение, кого же избрать королем, в стране – межвременье, жестокая вражда кланов.

Ставший в итоге польским королем Генрих Валуа – сын Екатерины Медичи, будущий Генрих III Французский, пробыл на польском престоле около полугода. Получив известие о смерти брата, Карла IX, он тайком, бросив Польшу на произвол судьбы, покинул Краков. Надо было торопиться, чтобы французский престол не заняли соперники, среди которых был другой Генрих – Бурбон, будущий Генрих IV Наваррский. Шляхта гналась за королем, чтобы вернуть его на престол. Но ему удалось пересечь границу.

Нельзя было ожидать, что избрание нового короля пройдет легко. Часть литовской знати была настроена на отделение от Речи Посполитой. Многие не хотели, чтобы на престоле оказался поляк. Среди претендентов называли даже имя московского царя Ивана IV.

Трудная политическая ситуация подтолкнула Стефана Батория к тому, чтобы выдвинуть свою кандидатуру. Его поддержала средняя и мелкая польская шляхта. Что ее в нем привлекало? То, что он признанный полководец, который прославился, успешно отражая набеги татар. У него прекрасное наемное войско из венгров. Высшая же знать была против, сейм выступал за германского императора Максимилиана. И все-таки Стефан Баторий был избран, но с важным условием. Он должен был жениться на Анне Ягеллонке, сестре последнего Ягеллона Сигизмунда II Августа. Невеста была старше жениха на 10 лет. Условие было категорическим, и Стефан согласился.

Когда Стефан короновался в Кракове, ему было 43 года. Через несколько дней состоялась его свадьба. Этот брак означал, что в каком-то смысле продолжается польско-литовская национальная династия Ягеллонов. Для XVI века – времени укрепления национального самосознания многих народов – это исключительно важно.

Еще до восшествия Стефана на престол, в 1558 году, началась Ливонская война. В школьных учебниках ее традиционно трактуют как борьбу Руси за выход к Балтийскому морю. Но это

была далеко не единственная причина конфликта. Ливония – это часть территории современной Литвы и Эстонии, подвластная Ливонскому духовному рыцарскому ордену. Этот орден был некогда отделением знаменитого Тевтонского ордена, ослабленного войной против литовских, польских и русских сил в начале XV века.

Ливонские рыцари, владевшие землями, пограничными с русскими, решительно препятствовали контактам Московской Руси с Ерманией. А Иван Ерозный вполне сознавал важность этих отношений. В 1547 году он направил в германские земли вербовщика, чтобы тот собрал мастеров: строителей, ремесленников для работы по заказам русского царя. Были наняты 123 человека.

Император Священной Римской империи дал разрешение на проезд их в Московию через территорию Ливонского ордена. Однако ливонские рыцари остановили делегацию мастеровых, не пропускали дальше, а самого вербовщика бросили в тюрьму. В конце концов мастера просто разъехались. Нашелся один – некий Ганс, который настаивал, чтобы его пропустили в Московию. Его тоже посадили в тюрьму. Он сумел бежать и решил добираться в Москву самостоятельно. В двух милях от границы ливонские рыцари схватили его и на этот раз казнили. Это яркая иллюстрация того, как орден препятствовал включению Московии в европейскую жизнь.

Кроме того, территория Литвы, входившая в Речь Посполитую, в это время была местом эмиграции, бегства из Московии неугодных власти людей, тех, кто опасался за свою жизнь. Именно там нашел убежище знаменитый князь Андрей Михайлович Курбский. Он сначала участвовал в Ливонской войне на стороне русских, а в 1564 году, узнав, что царь задумал расправиться с ним, бежал в Литву и получил там земли.

По итогам Ливонской войны выход Руси к Балтийскому морю не состоялся. Но вряд ли это была единственная и даже главная цель Ивана Грозного. Ему удалось на первом этапе войны добиться секуляризации Ливонского ордена, прекращения его существования как военной организации. Земли Ордена попали под власть Польши. Русское государство совершило деяние, объективно очень полезное для европейской истории.

Но если первый этап войны был успешным для русских, то после воцарения Стефана Батория соотношение сил изменилось. Сначала бои шли с переменным успехом. Но на последнем этапе войны – в 1579–1583 годах, когда опытный полководец Стефан Баторий возглавил объединенное войско Великого княжества Литовского, оно в союзе со Швецией начало побеждать.

В 1579 году Стефан Баторий совершил поход на русские земли и захватил Полоцк и Великие Луки. Цена оказалась очень высокой. На пути к Полоцку находилась маленькая крепость Сокол. Защитники сожгли ее и сами погибли в огне вместе с семьями, чтобы не попасть в руки врага, – настолько мощным было сопротивление.

Война отличалась исключительной жестокостью. Это была феодальная распря, борьба за добычу. Грозный нуждался в средствах. Его удачные казанские, астраханские походы сначала дали огромную добычу, но средства была растрачены, да и воинство требовалось занять. То же самое и со стороны Стефана Батория.

Некоторые историки полагают, что Ливонская война имела религиозную подоснову, представляла собой столкновение католиков с православными. Вероятнее всего, это была все-таки оболочка для решения политических задач. В Средние века рассуждение о конфессии – одна из важнейших форм политической игры. Известно, что Иван Грозный некоторое время «размышлял», не принять ли католическую веру. Как не вспомнить XIII век, когда монгольский правитель Китая Хубилай играл подобным образом с королем Франции Людовиком IX Святым, сообщая ему, что думает принять христианство!

24 августа 1581 года, в недобрый для него час, о чем сам он еще не догадывался, Стефан Баторий лично прибыл к стенам осажденного Пскова.

Псков XVI века – город большой, хорошо укрепленный, богатый. Вот что писал в дневнике ксендз Пиотровский: «Любуемся Псковом. Господи! Какой большой город, точно Париж! Помоги нам, Боже, с ним справиться!» «Справиться» означало «разграбить».

Жители Пскова отчаянно сопротивлялись польской осаде. «Ядер и пороху, должно быть, там большой запас, – рассуждал Пиотровский. – Нужно усердно молить бога, чтобы он нам помог, потому что без его милости и помощи нам не получить здесь хорошей добычи».

Чтобы устрашить защитников города, Стефан Баторий устроил под его стенами военный смотр. Его войско было колоссальное – около 100 тысяч человек. У псковичей – предположительно 7 тысяч стрельцов и конницы и 10 тысяч вооруженных горожан. Поэтому поначалу Стефан Баторий абсолютно не сомневался в успехе. Он и подумать не мог, что на полгода задержится под стенами Пскова, сравнительно недавно, за 70 лет до этого, покоренного Московией и, может быть, таящего обиду на царя Ивана IV.

Когда Баторий понял, что быстро ему город не взять, он стал забрасывать его прикрепленными к стрелам письмами. В них содержалось предложение псковским боярам перейти на службу к польскому королю. Мол, принесите мне ключи от города – и я буду хорошо вам платить!

Из этого ничего не получилось. Псковичи переживали и огромный патриотический подъем, и величайший страх перед разграблением и уничтожением. Но это точно было особое, пассионарное состояние. И благодаря ему взять Псков оказалось невозможно.

Осаждающей армии удалось сделать проломы в крепостной стене, были уже захвачены две башни. Казалось, это конец. Но псковичи выстрелили из огромной пушки по одной из этих башен, и она обрушилась прямо на воинов Батория, которые в нее ворвались. Погибли и все ее защитники.

Тогда нападающие сделали девять тайных подкопов под стены города. Но псковичи нашли все и засыпали их. Секретарь Батория отмечал: «Русские в проломах, сделанных нами, снова ставят срубы и туры. И так хорошо исправляют их, что они будут еще крепче, нежели были прежде». Вот как они умели работать!

А потом на помощь защитникам Пскова пришел мороз. Тот знаменитый русский «генерал Мороз», который не раз появлялся в минуты страшной опасности. 28 октября 1581 года Пиотровский записал: «О Боже! Вот страшный холод! Какой-то жестокий мороз с ветром. Мне в Польше никогда не случалось переносить такое».

Фуражиры стали замерзать, когда отправлялись за припасами для армии. Недоставало денег, чтобы заплатить солдатам. В войске началось брожение. Псковичи отразили 31 приступ. Совершили 46 вылазок. Полководец Стефан Баторий споткнулся об этот город.

Два великих художника создали картины, связанные с обороной Пскова. Первый – польский баталист Ян Матейка. На его картине Стефан Баторий красив, величав, с оружием в руках, а русские слегка принижены и протягивают завоевателю что-то вроде хлеба-соли. Просят о мире.

Да, предложения о мире поступали. Но понятно, что просить мира с хлебом-солью было не в русской традиции. А «добро пожаловать» полякам под Псковом никто не говорил.

Второй художник, изобразивший осаду Пскова, – русский мастер Карл Брюллов. Полотно «Осада Пскова польским королем Стефаном Баторием в 1581 году», за казанное ему Академией художеств, и сегодня выставлено в Третьяковской галерее. Эту картину Брюллов должен был написать, чтобы стать полным членом Академии. Он, автор «Последнего дня Помпеи»,

воспринял это требование с обидой. Разве была необходимость подтверждать его мастерство? Но консервативная Академия настаивала на создании картины на заданную тему. Брюллов взялся за работу. Она продолжалась с 1839 по 1843 год и осталась незаконченной.

И хотя полотно писалось по принуждению, оно, как и другие произведения Брюллова, совершенно. В центре композиции – крестный ход, который, по преданию, остановил дрогнувших защитников Пскова. Поскольку картина недописана, середина ее выглядит почти импрессионистски. Усиливается ощущение божественного, неземного, которое несут служители церкви, вышедшие поддержать горожан.

Есть на картине и возглавлявший защиту Пскова Иван Петрович Шуйский, и местный воевода Андрей Иванович Хворостинин, и воевода Хрущев. Это были люди достойные, очень храбрые, проявившие удивительные личные качества. Их не сломило даже понимание того, что под стенами города стоит с войском сам Стефан Баторий.

Поражает и то, как много было в Пскове припасов. Дело в том, что Иван Грозный не прислал на помощь городу никого и ничего. В данном случае это не упрек. Наверное, он не мог этого сделать: Ливонская война истощила силы московского государства, да и на других театрах военных действий было занято много войск. Но в источниках отмечено, что в Пскове был огромный запас ядер, более того – их и отливали; было много пороха, артиллерия действовала потрясающе.

При осаде города осаждающие страдали почти так же, как осажденные, особенно если учесть русский мороз.

К тому же войско Стефана Батория постепенно отчаивалось и деморализовывалось. Да и сам главнокомандующий начал понимать, что здесь ему не приходится ждать великой славы. И он ушел из-под Пскова, ушел сам, оставив войско и дав согласие на мирные переговоры.

Мир был заключен в Яме Запольском 15 января 1582 года. Стефан Баторий не был полным победителем в этой войне, хотя в Польше его считали королем-триумфатором. Действительно, по итогам войны Ливония досталась ему. Но нельзя забывать о том, что победителем оказался и город Псков.

Ян Матейко.
Стефан Баторий под Псковом. 1872 г.

В последние годы жизни Стефан Баторий проводил заметные преобразования внутри своего государства. Так, он усовершенствовал судебную систему, идя навстречу устремлениям польской шляхты. Он основал в Вильнюсе Академию – будущий университет. И сегодня об этом напоминает памятная доска на Вильнюсском университете. Он поощрял развитие школьного образования. Поддержал в связи с этим иезуитов, в которых, правда, позже разочаровался.

Баторий был значительным правителем. Он составлял множество планов. Готовился воевать против турок и, судя по всему, предполагал совершить новый поход в Московию.

Его начинания прервала внезапная кончина. В 1586 году, через год после смерти Ивана Грозного, Стефан Баторий неожиданно заболел и вскоре умер. Ходили слухи об отравлении, но они не подтвердились. Но так или иначе, со смертью Стефана Батория была перевернута одна из страниц в непростых отношениях стран Центральной Европы и Руси.

Принц Вильгельм Оранский. Вождь революции

Этого человека многие знают по книге Шарля де Костера «Легенда об Уленшпигеле и Ламе Гудзаке». Те, кто читал ее, помнят, что в далекие времена Голландия была испанской провинцией. И там в XVI веке совершилась революция, которая стала не просто освобождением от испанского гнета. Это была борьба нескольких независимых областей Западной Европы против испанского абсолютизма и его главной опоры – Католической церкви.

Участники тех событий не ведали, что совершают буржуазную революцию. Они боролись за освобождение от испанского владычества за право быть кальвинистами, а не католиками, за свободу и независимость своих городов, за то, чтобы испанцы не обирали их до последней нитки. Возглавлял это движение местный аристократ, смелый человек, не очень удачливый полководец, но умелый политик, мастер лавирования Вильгельм I, граф Нассауский, принц Оранский, получивший прозвище Молчаливый. Принц стал вождем революции. Оказывается, в жизни может случиться и такое. Возник даже термин – «оранжизм» (потом его сменил «бонапартизм») – умение лавировать между интересами разных групп, способность корректировать свою позицию ради достижения цели.

Потомки Вильгельма Оранского, начиная с правнука Вильгельма III, занимают английский престол. Оранская династия. Вильгельм III, удачно высадившись в Англии и придя к власти, сравнивал себя с Вильгельмом Завоевателем – нормандским герцогом, ставшим английским королем еще в XI веке, в 1066 году. Ас 1815 года потомки этой же династии – короли и королевы Нидерландов.

Вильгельм, будущий принц Оранский, родился в своем наследственном германском графстве Нассау, в городе Дилленбурге, 24 апреля 1533 года. Его отец— граф Нассау, мать – графиня Юлиана Штольберг-Вернигеродская. Титул принца – вдобавок к графскому – мальчик получил в 11 лет от умершего бездетным кузена Рене. К его владениям прибавились княжества на юге Франции, в Провансе. Он сделался самым богатым среди нидерландских аристократов.

Кей Адриан Томас.
Портрет Вильгельма Оранского.
1575 г.

В тот период еще не существовало государства Нидерланды. Эти территории в центре Европы когда-то были римскими провинциями, затем, в XI–XV веках, – частью государства франков. Многочисленные мелкие герцогства и графства формально признавали вассальную зависимость – одни от германских правителей, другие от французских, – но по сути оставались свободными. Центральной власти там не было. Особую роль здесь играли города. Великая триада – Ипр, Гент,

Брюгге – были очень независимы; в них действовало самоуправление. Заметны были также Антверпен – мощный торговый и промышленный центр, Амстердам – город судовладельцев, богатевший на рыболовстве и торговле рыбой.

Свои вольнолюбие и силу города продемонстрировали в 1302 году, когда произошла так называемая «Брюггская заутреня». Французский король Филипп IV Красивый, имевший второе выразительное прозвище – Железный, попытался всерьез подчинить себе Фландрию, граф которой считался его вассалом, и разместил там французский гарнизон. И тогда жители города Брюгге организованно на рассвете, по удару набата, вырезали весь гарнизон. Король отправил во Фландрию карательное войско, чтобы проучить бунтовщиков. Произошло сражение при Куртре, которое вошло в историю под названием «битва шпор». В нем пало не менее тысячи французских рыцарей. Кто их перебил? Пешее войско лавочников, мясников, оружейников. После битвы они сняли с рыцарей шпоры, сложили их в соборе, в алтаре, что вообще-то было несколько кощунственно. Но для горожан чувство национального самоутверждения было настолько важно, что они поступили именно так. Они доказали, что умеют за себя постоять.

Однако в XV веке нидерландские города признали над собой власть герцогов бургундских, которые рвались к тому, чтобы стать самостоятельными европейскими государями, но были для этого еще недостаточно сильны. В 1477 году, при Людовике XI, бургундский герцог Карл Смелый потерпел поражение от французского войска и сам погиб в бою. Его единственная наследница дочь Мария Бургундская сразу же вышла замуж за сына императора Священной Римской империи Максимилиана Габсбургского. Так нидерландские земли оказались под властью Габсбургов. Сын Максимилиана и Марии Филипп Красивый женится на Хуане Безумной – матери испанского короля Карла I, ставшего императором Священной Римской империи Карлом V.

Многочисленные свободные герцогства, графства, независимые города стали частью огромной империи. А в 1555 году Карл V разделил свою империю и отрекся от власти. Он отдал Нидерланды вместе с Испанией своему сыну Филиппу II – самому фанатичному и беспощадному из католических правителей Западной Европы. И это столкновение свободолюбия, тяготения к кальвинизму, с одной стороны, и католического фанатизма – с другой, сделало революционером даже принца.

Детство Вильгельма Оранского прошло в Мадриде, при дворе Карла V, где он был пажом. Аристократия пыталась ладить с имперской властью. Карл V охотно брал ко двору отпрысков аристократических родов разных подвластных ему земель. Он

действительно стремился соединить немецкие, испанские, нидерландские земли, Неаполитанское королевство, колонии в Новом Свете – недавно открытой Америке… Ему не давал покоя призрак величайшей древней Римской империи.

Карл V обратил внимание на талантливого юношу. Интересно, что Вильгельм, происходивший из семьи протестантов, принял католичество, чтобы иметь возможность служить при дворе императора-католика. Правда, в душе Вильгельм, видимо, никогда не переставал тяготеть к протестантизму.

Когда его покровитель Карл V отрекся от престола, Вильгельму было 22 года. Он успел проявить себя как хороший воин и просвещенный человек. Знатность и богатство позволяли ему претендовать на должность наместника испанской короны в Нидерландах.

Но Филипп, осторожный, хитрый, недоверчивый, принял другое решение: официальной наместницей в Нидерландах стала его сводная сестра Маргарита Пармская. А Вильгельму были отданы в управление несколько северных областей – Утрехт, Зеландия и Голландия. Это были не самые богатые провинции – более бедные, чем Фландрия и Брабант. Статус, который получил Вильгельм Оранский, сопоставим со статусом губернатора.

Именно в это время он и получил прозвище Молчаливый. Это произошло, когда он по дороге на родину узнал от французского короля Генриха II о коварных планах Филиппа II в отношении Нидерландов – фактически превратить население страны в рабов испанской монархии. Все в Вильгельме восстало против этого ужасного замысла, но он нашел в себе силы промолчать, иначе не добраться бы ему до Нидерландов живым.

Прибыв в страну, которую он считал родиной (а именно так его воспитали родители), Вильгельм увидел, что над ней действительно нависла черная тень. Филипп вознамерился превратить эти области в оплот католицизма в Западной Европе. Это было для него очень важно, потому что во Франции активизировались гугеноты, шла Реформация и в Англии. Испанский король стремился создать в противовес этим сильным странам очаги контрреформации.

Но в Нидерландах – стране ремесла и торговли – были как раз очень популярны идеи кальвинизма, больше соответствовавшие духу эпохи. И вот на них надвинулась тень мракобесия.

При Маргарите Пармской всеми делами ведал известный в Европе мракобес кардинал Гранвела – мрачный фанатичный человек по прозвищу Красная Собака. Жизнь человеческая для

него вообще ничего не стоила. Пытки и казни тех, кого он считал врагами Испании и Католической церкви, были для него повседневностью.

Первый политический успех Вильгельма Оранского – вступление в 1565 году в союз с лидерами придворной оппозиции – графом Эгмонтом и адмиралом Горном. Они создали Лигу недовольных, сомневающихся дворян и пытались аккуратно убедить власть, что не надо ломать Нидерланды, каленым железом выжигать народ, который уже продемонстрировал свой характер. Недаром представители Филиппа II докладывали ему: «Нигде не видели такого упорства. С ними ничего нельзя сделать, они настолько тверды в своем уходе от католической веры и от верноподданнических чувств испанскому королю, что их можно только уничтожить».

В 1566 году в Нидерландах вспыхнуло мощное иконоборческое восстание под знаменем кальвинизма. Это была борьба за право быть кальвинистами. Восставшие уничтожали иконы и прочие пышные атрибуты католического вероисповедания. Причем убеждения участников были настолько сильны, что они, громя церкви, не растаскивали богатства, а именно уничтожали их. Нидерландам, в которых стремительно развивались буржуазные отношения, роскошь и пышность были глубоко чужды. Для последователей Кальвина истинная церковь – это скромный молельный дом, важнее всего искренняя вера, а Бог услышит и поймет человека и без многочисленных атрибутов.

Моро. Вильгельм Оранский

Дворянская оппозиция осталась в стороне от этих событий. Не поддержал восставших и Вильгельм. Но через год, в 1567-м, он узнал о назначении наместником в Нидерландах на смену Маргарите Пармской герцога Альбы. А это была известная фигура. И зловещая! Можно было предвидеть его жестокость и беспощадность. Узнав об этом, Вильгельм открыто перешел в протестантизм и уехал в свои владения в Германии. Там было относительно безопасно: Германия была самостоятельным государством под властью брата Карла V Фердинанда, который

был не в лучших отношениях со своим племянником Филиппом II и никогда не выдал бы ему беглеца.

Вильгельму не удалось убедить своих союзников и друзей, графа Эгмонта и адмирала Горна, также покинуть Нидерланды: дворянская честь не позволила им бежать. Кроме того, они еще надеялись уговорить герцога Альбу на смягчение испанской политики в Нидерландах. Они не так хорошо его знали.

Коварный Альба сначала сделал вид, что он, как принято выражаться сегодня, «готов к диалогу». А затем оба были арестованы и казнены.

Все произошло именно так, как Вильгельм и предвидел.

Узнав об отречении Вильгельма Оранского от католицизма, Филипп II издал указ, в котором говорилось: «За все преступления мы объявляем его изменником и изувером, врагом нашим и нашего отечества, изгоняем его навсегда из наших владений, запрещаем всем нашим подданным всех сословий иметь с ним явные и тайные сношения и доставлять ему пищу, питье, топливо или что-либо другое, необходимое для поддержания жизни. Имущество вышеупомянутого Вильгельма предоставляется разграблению каждого из наших подданных, позволяется нападать на его имущество и посягать на его жизнь». А позже король дополнительно назначил плату за голову Вильгельма – 25 тысяч золотых флоринов.

Будучи в Германии, Вильгельм на собственные средства собрал наемное войско. Но результаты были не блестящие. Известно, как воюют наемники. Экспедиции против испанской власти в Нидерландах успеха не принесли.

В 1570 году Вильгельм вступил наконец в контакт с теми, кого действительно можно назвать революционерами. По совету адмирала Колиньи он дал разрешительную грамоту голландским морякам – организовал каперство. Попросту говоря – пиратство. Голландцы получили право нападать на испанские торговые корабли, грабить галеоны, пускать их на дно и в такой форме сопротивляться испанской власти. Через два года действовало уже 24 корабля голландских пиратов, называвших себя «морские гезы». Гезами, т. е. нищими, назвали себя когда-то несогласные нидерландские дворяне. Они были действительно бедны по сравнению с испанской знатью. Теперь же слово «гезы» означало «борцы за народную свободу». Поддержавший их Вильгельм Оранский нарушил правила рыцарской войны.

Некоторые исследователи с неприязнью пишут о том, что Вильгельм пытался быть «народным принцем». Он мог похлопать простолюдина по плечу, выпить с ним рюмку в харчевне. Это и была его особая политика – оранжизм. Если ты пошел с народом –

надо вести себя соответственно. И она давала результаты.

В 1571 году по его инициативе Генеральные штаты Нидерландов приняли решение объявить Филиппа II низложенным. Вильгельм был легалистом – законником. Он считал, что важно юридически закрепить несогласие с испанской властью. После этого решения восставшие уже не могли считаться изменниками.

В 1572 году гезы взяли город Бриль в провинции Зеландия. Это стало концом правления Альбы в Нидерландах. Туповатый герцог ничего не понял. Когда ему доложили о взятии Бриля, он сказал: «Это неважно, важен только Вильгельм Оранский, там, на юге». Он даже не догадался о связи своего врага с морскими гезами.

В 1572–1573 годах Вильгельм Оранский участвовал в знаменитой обороне Гарлема, в снятии осады с Лейдена и в неудачной экспедиции во Францию, на помощь гугенотам. Там во время Варфоломеевской ночи погиб его добрый друг и родственник адмирал Колиньи, уговаривавший французского короля Карла IX послать войска на помощь восставшим Нидерландам.

Война против испанской власти становилась все более ожесточенной. Характерен такой эпизод. Во время обороны Гарлема осажденные сбросили со стен города бочонок, в котором лежали головы одиннадцати казненных испанских агентов и записка: «Это 10-процентный налог, а одиннадцатая – пени за просрочку в его уплате». Имелся в виду налог с торговых сделок, установленный в Нидерландах Филиппом II.

При обороне Лейдена измученные голодом защитники в ответ на предложение сдаться написали испанцам: «Пока вы будете слышать лай собак и мяуканье кошек в этих стенах, знайте, что город держится. А когда все, кроме нас самих, погибнут, будьте уверены, что каждый из нас съест свою левую руку, сохраняя правую, чтобы защищать наших жен, нашу свободу и нашу религию против иностранного террора».

Лейденцы приняли решение разрушить свои плотины, на которых буквально держалась их жизнь. Считается, что Вильгельм содействовал этому решению. В Голландии значительная часть суши отвоевана у моря. Например, Амстердам находится на 8 метров ниже уровня моря, и сегодня его жители с гордостью показывают туристам башню, где этот уровень хорошо виден.

Плотины создавались веками, великим трудом. Когда же голландцы рушили их, корабли гезов смогли подойти к городу и прорвать осаду. Испанцы бежали из-под Лейдена.

Медленно, но верно Нидерланды продвигались к победе.

Подобные освободительные движения вообще всегда побеждают, пусть не сразу, в результате кровавой борьбы.

А принц Вильгельм превратился из военачальника, привыкшего командовать хорошо вооруженными наемниками, в командира восставших, лидера народного дви жения. В сражениях с испанцами он потерял двух родных братьев – Людвига и Генриха.

В 1578 году произошло еще одно исключительно важное событие – был принят Эдикт о веротерпимости, то есть о праве человека самому выбирать близкую ему конфессию – католическую или протестантскую (Кальвинистскую) церковь. То, насколько упорно боролся за это Вильгельм Оранский, позволяет предположить, что и сам он придерживался широких религиозных взглядов. Опыт жизни привел его к мысли о том, что Бог должен быть у человека в душе, а значит, не очень важно, как именно ты веруешь. Редкое убеждение для XVI века!

В 1579 году северные провинции приняли Утрехтскую унию. Они объявили себя независимой республикой Соединенных провинций, предложили Вильгельму должность генерального штатгальтера, «почти короля», – и он ее принял. Нидерланды с трудом избавлялись от монархических иллюзий. А Вильгельм вовсе не был республиканцем.

Но не надо забывать о том, что Филипп II объявил Вильгельма Оранского вне закона и назначил награду за его голову. Естественно, нашлись желающие получить эти деньги. Первое покушение состоялось в 1582 году и было неудачным: наемный убийца не смог пробиться к Вильгельму в тесноте храма. А 10 июля 1584 года другой наемный фанатик, служивший, кстати, в войсках Вильгельма, – Бальтазар Жерар – убил его. Это произошло в собственном доме принца. Жерар сообщил, что пришел по какому-то личному вопросу, его просили подождать. А когда Вильгельм вышел к нему во двор, он на глазах у всех заколол его кинжалом. Филипп, узнав о смерти противника, злорадно сказал: «Ну все, им конец». Он глубоко ошибался. Вильгельму удалось сплотить нацию, и она была готова продолжать борьбу. А выборная должность штатгальтера немедленно перешла к его сыну.

Вильгельм был женат четырежды. Один раз развелся. Дважды овдовел. У него было 15 детей. От последнего брака, заключенного за год до смерти с Луизой, дочерью французского адмирала Гаспара де Колиньи, – только один ребенок, Фридрих-Генрих, чей внук стал в 1689 году английским королем Вильгельмом III. А один из сыновей от второго брака, Мориц Оранский, завершал начатое отцом дело освобождения

Нидерландов и был, в отличие от отца, выдающимся полководцем. Он повел очень успешную войну и изгнал испанцев из значительной части провинций. Только некоторые, в том числе богатая Бельгия, некоторое время еще оставалась под испанской властью. Но и это положение оказалось не вечным.

А Вильгельм I Оранский остался в истории Нидерландов как Отец Отечества – принц, возглавивший народную борьбу за свободу.

Новое время

Мария Антуанетта. Королева и толпа

Эта женщина, королева, прожившая недолгую жизнь, чем она запечатлелась в истории?

Думаю, поразительным легкомыслием и незнанием своего народа, своей страны – Франции. И незнание это зашло так далеко, что, когда народ восстал, и дело шло к революции, страшной и кровавой, она по-детски спрашивала: «Что это с ними?» – «Они хотят хлеба, у них нечего есть». – «Пусть едят пирожные», – отвечала она. Ее ответ стал историческим анекдотом. И как всякий исторический анекдот, он передает сущность, квинтэссенцию образа.

И второе. Всем запомнилась ее страшная смерть на гильотине. В 1793 году самая изящная головка Европы по требованию восставшего народа была отрублена и показана палачом яростной и улюлюкающей толпе. Жуткая, мрачная картина! Какой бы ни была Мария Антуанетта, этот финал, безусловно, пример бессмысленности и дикости революции.

Что может быть хуже революции? Спрашиваю я себя и отвечаю: только еще одна революция. Французская, которую в силу склонности обожествлять и возвеличивать любые потрясения, советское время называло Великой, была кровавой. И большевики учились именно у нее. Ленин был добровольным и, наверное, лучшим учеником Робеспьера и якобинцев. Оттуда – и «враги народа», и «тройки», и стучащая непрерывно гильотина – изменились лишь технические средства, и жертв стало неизмеримо больше. Как отличный ученик Ленин пошел дальше своего учителя.

Так вот, в это страшное время довелось оказаться во Франции Марии Антуанетте. Она родилась 2 ноября 1755 года. Ее родители – император Франц I Австрийский и Мария Терезия, его жена и соправительница. В 1770 году Марию Антуанетту выдают замуж за французского дофина. Ей 15 лет. Ему примерно столько же. Но у нее как-то затянулось детство, ей еще хотелось играть в куклы. Однажды в Версале ее застали в одной из отдаленных комнат, где она играла с кем-то «из простых». Отправляясь во Францию, она все порывалась взять свои игрушки, но ей запретили. Принадлежность к царствующему дому, требования соблюдения протокола вводили массу запретов, создавая своеобразную моральную тюрьму, в которой и оказалась эта девочка-подросток. Это меняет, уродует личность.

Неизвестный художник.
Мария Антуанетта.
Конец XVII в. Фото репродукции

Итак, супруги почти ровесники. Муж Антуанетты, Людовик – третий внук Людовика XV, и никто не рассчитывал, что он станет королем. И сам он к этому, судя по всему, был очень мало расположен. Но так получилось, что его старшие братья умерли, и он стал единственным дофином. А Мария Антуанетта – дофиной. И оказалось, что эта юная пара воплощает преемственность власти во Франции и вселяет надежду. Потому что последние годы Людовика XV – это годы разврата и морального разложения, время кризиса аристократии, кризиса абсолютистского режима. И старый король был живым воплощением всего этого. Неприязнь к

его образу жизни уже не скрывается в стране. Одряхлевший, развратный, король вызывает брезгливость. Сильное раздражение охватывает высший свет, когда фаворитка короля мадам Дюбарри, женщина из низов, из низов достаточно грязных, получает титул графини и начинает царить при Версальском дворе! Но такова была воля Людовика.

И вот тут-то и появляется эта юная девушка, Мария Антуанетта. Ее окружает Малый двор дофина, играющий очень заметную роль в политической жизни Франции.

Я не случайно назвала очерк «Королева и толпа». Как мне кажется, Мария Антуанетта провела свою жизнь между двумя разновеликими, но сильно враждебными толпами. Это толпа народная и толпа придворная. Сначала народ воспылал невероятной любовью к Антуанетте, двор же принял ее враждебно. Пройдет немного времени, и все окажется наоборот. Жизнь переменчива, особенно в революционную эпоху.

Ее бракосочетание было обставлено с необыкновенной пышностью. Этому браку придавался огромный политический смысл. Дело в том, что Габсбурги, к дому которых принадлежала Мария Антуанетта, довольно длительное время были гегемонами на европейской международной арене. При Иосифе I – это начало XVIII века – и при Марии Терезии отзвуки былого величия еще остаются. Иосиф II, брат Марии Антуанетты, известен как создатель просвещенного австрийского абсолютизма. Габсбургов не случайно называли великими, они – правители огромной империи, в состав которой, кроме Австрии, входят Венгрия, Чехия, Трансильвания (Румыния), Хорватия, Южные Нидерланды, земли в Италии, Северная Босния, часть Польши. По территории их империя уступает только России.

Но после серии войн во второй половине XVIII столетия на первые места в Европе устремляется Франция. Возникает серьезная опасность для австрийской гегемонии, между странами появляется большое напряжение. И посредством брака этих детей, красивой девочки и неуклюжего, застенчивого, не стремящегося к власти мальчика, Габсбурги стремятся смягчить сложную политическую проблему.

Здесь, во Франции, во время бракосочетания Мария Антуанетта впервые сталкивается с толпой. 350 лошадей составляют ее свадебный поезд! А по сторонам – восторженно орущие люди, много людей. Все обожают зрелища, а это зрелище – редкое, богатое. Привлекают молодость, красота молодоженов, радует надежда на новые лучшие времена, кажется, что сближение австрийского и французского домов станет залогом мира, предотвратит войны в Европе.

Символическая передача невесты из одного королевского дома в другой происходила на островке посреди Рейна, между Германией и Францией – такова была прихоть французского двора. Там был сооружен роскошный павильон, отделанный золотом и украшенный росписями и шелковыми шпалерами. Надо сказать, что на протяжении всей жизни ее сопровождает неоправданная, невиданная роскошь. Она к ней очень быстро привыкает и воспринимает как нечто совершенно естественное.

Существуют рассказы о том, что за определенную плату можно было пройти в павильон до появления там невесты. И среди тех, кто туда проник, был великий Гете. И он вдруг воскликнул (и это записали очевидцы): «Как можно на свадебных шпалерах и рисунках изображать свадьбу Медеи и Ясона? Это мерзкое, зловещее бракосочетание, которое в греческой мифологии привело к великой трагедии: она убила собственных детей и на крыльях ненависти улетела от Ясона. Это же дурная примета». Возможно, в действительности этого не было, но легенда, как говорится, к месту. Примета оказалась очень недоброй, если вспомнить, как закончилась жизнь этой королевской четы. А пока в этом павильоне девочку переодевают и отправляют в Париж. А там ее встречает вторая толпа, придворная. Во главе с мадам Дюбарри.

Мадам Дюбарри – женщину, видимо, далеко не глупую, наделенную житейским простонародным умом, при дворе воспринимали не иначе как выскочку. Осыпанная милостями и подарками короля она вызывала у многих злую неприязнь. Ее главные ненавистницы – две сестры дофина Людовика. Эти старые девы в связи с неустроенностью своей личной жизни больше всех злятся, негодуют и плетут бесконечные интриги.

Юная Антуанетта оказывается втянутой в мелочное, пустое, глупое и недостойное занятие, в какие-то кухонные дрязги. От нее требуют, чтобы она не разговаривала с Дюбарри, не здоровалась, не обращалась к ней ни с одним словом. А поскольку по этикету первой завести разговор могла только дама более высокого положения, а дофина молчала, Дюбарри была оскорблена. Двор же забавлялся.

Начинается дипломатическая переписка с матерью Марии Антуанетты, императрицей Марией Терезией. Она посылает послов, которые уговаривают юную особу быть снисходительной, не обострять отношения с мадам Дюбарри. И вот после долгой переписки, переговоров, сплетен наконец Антуанетта произнесла, обращаясь к мадам Дюбарри, семь слов: «Сегодня на приеме в Версале много людей». Молчание прервано, Дюбарри ликует, двор опять забавляется, занят сплетнями, думает, что бы еще

такое придумать.

Мелкая, ничтожная жизнь! Если бы Мария Антуанетта была другой, она могла бы стать выше этих интриг. Но она другой не была, и к той великой миссии, к которой ее предназначили, выдав замуж и отправив в семейство французских королей, она не была подготовлена или не годилась вовсе. А ведь ее мать была одной из умнейших женщин Европы, мудрой властительницей!

Смешно, но эта умная женщина, спохватившись, что дочь не соответствует своему положению, написала ей инструкцию, как надо вести себя и потребовала, чтобы она каждый месяц 21 числа эти правила перечитывала, таким образом запоминая их наизусть. Трудно себе представить, но мать, очевидно, не понимала, что никакая инструкция не заменит того главного, что определяет масштаб личности и ее значение – интеллект, образование, духовные и нравственные достоинства.

В 1774 году Людовик XV скончался в страшных мучениях. «Король умер, да здравствует король!» – дофин Людовик, муж Марии Антуанетты, становится королем Франции. Детей у них нет. И это порождает сплетни, многозначительные взгляды, намеки. Уже неинтересна мадам Дюбарри, ее отправили вон от двора – теперь есть вопрос поважнее. Почему нет детей, а значит, наследника? И какова вообще супружеская жизнь этой пары?

Ползут слухи, что из-за разности характеров они друг другу неинтересны, что у них в интимной сфере весьма неблагополучно. Подмечают, что король любит ложиться спать очень рано и, засветло поднявшись, идет работать на своих станках, токарных и слесарных, – он это обожает, либо скачет на охоту – вот оно королевское занятие, королевский досуг. А королева утром спит, а к вечеру отправляется в Париж на балы, маскарады, театральные представления. Вот и получается, что они вообще почти не видятся, какие уж тут дети!

Вопрос слишком важный, чтобы быть достоянием лишь закулисных сплетников. И тогда приезжает брат Марии Антуанетты, австрийский император Иосиф II. Что говорил император своей сестре и ее мужу, мы не знаем, но Людовик XVI очень деликатно писал, что приезд венценосного родственника был приятен и полезен, так как «очень хорошо все это повлияло на наши отношения». Настолько хорошо, что Мария Антуанетта беременеет и в декабре 1778 года у нее рождается первый ребенок, за ним – следующие. Казалось бы, слухи должны уняться – нет для них причин. Но придворная толпа не может жить без интриг и сплетен – она питается ими. И машина слухов работает без остановок, раздражая, огорчая, опечаливая Антуанетту. Королева негодует, оправдывается, то есть ведет себя не по-

королевски, признает власть толпы над собой.

Эта женщина, безусловно, не обладает теми данными, которые нужны для правления и реального участия в государственной жизни. Она не блещет умом и талантами, не имеет сильной воли и характера, но у нее доброжелательный от природы нрав, она покладистая и не злая. А придворная толпа словно нарочно стремится озлобить ее.

Мария Антуанетта склонна принимать желаемое за действительное. Вот что она пишет матери, Марии Терезии, о первом своем въезде в качестве королевы в Париж: «Последний вторник был для меня праздником, который я никогда не забуду. Наш въезд в Париж. Что тронуло меня больше всего – нежность и волнение бедного люда, который, несмотря на то что он обременен налогами, был счастлив видеть нас. Я не в состоянии описать тебе, дорогая мама, те знаки любви, радости, которые нам при этом выказывались. И прежде чем отправиться в обратный путь, мы приветствовали народ, помахав ему на прощание рукой, что доставило ему большую радость. Как счастливо сложилось, что в нашем положении так легко завоевать дружбу. И все же нет ничего дороже ее – я очень хорошо это почувствовала и никогда не забуду». Трагично звучат эти слова, если знаешь судьбу этой женщины.

Ей кажется, что народ любит своих королей и искренне радуется абсолютной власти, абсолютной монархии. Она принимает за чистую монету минутные изъявления любви и преданности и, помахав толпе ручкой, считает, что осчастливила ее. Страшная жизнь в страшном заблуждении! Мудрая правительница Мария Терезия упустила, может быть, самое главное в своей жизни. Инструкции, которые она написала 14-летней девочке, учили поведению, а не пониманию. Пониманию уже было не научить, слишком поздно, время ушло.

У Марии Антуанетты во Франции был наставник, некто аббат Вермон. Но его миссия сводилась к тому, чтобы помогать ей писать письма, потому что немецкий язык она подзабыла, а французский знает плоховато, делает орфографические ошибки, почерк корявый, учиться не хочет, хочет играть, отдыхать и развлекаться. Не было в ее жизни настоящего наставника! Старые царедворцы заняты своими делами, ее душа и мысли их не волновали. В лучшем случае они подсказывали правила этикета и старались, чтобы при дворе она вела себя правильно. В итоге больше всего ей хотелось из этого вырваться, сбежать. Отсюда и ее страсть к карнавалам, опере – это бегство от реальной жизни, жизни, не ставшей для нее своей. Другим прибежищем становится для нее любимый ею дворец Трианон, в который

вложены огромные деньги, в связи с чем еще до революции у нее появилось прозвище «Мадам Дефицит». Это прозвище придумали ее недоброжелатели во дворце, оно родилось не на парижских улицах.

У Марии Антуанетты были два крупных ненавистника. Это братья короля – граф д'Артуа, будущий Карл X, и граф Прованский, который станет королем Людовиком XVIII и будет править в 1814–1815 годах, после Наполеона. Они откровенно горевали, когда родился первый ребенок королевской четы, потому что рассчитывали на престол. В то время существовала раздача синекур, развратное явление. Королевские пенсии и дары раздавались за счет казны, за счет налогов. Так вот, граф д'Артуа получил перед революцией 23 миллиона ливров на покрытие своих долгов. Огромные деньги! И оплатил за это ненавистью. 1 200 тысяч ливров достались графине де Полиньяк. С какой стати? Она очень мила, нравится Марии Антуанетте, потому что приветливо улыбается. Кто еще получил королевские подарки? Граф де Гиш – 100 тысяч ливров на приданое дочери, и список можно продолжать.

И все эти факты, хорошо известные во Франции, порождают, конечно, озлобление против засевших во дворцах людей, которое и выльется в конце концов в непрерывный стук гильотины и в якобинскую диктатуру. Конечно, у нее, у этой диктатуры, глубокие экономические и идеологические корни. И в конце концов, именно век Просвещения подготовил революцию. Но все-таки непосредственный толчок, знаменитый революционный клич «за ira!», «так пойдет, пошло, пошло!» – результат этого озлобления.

Элизабет Виже-Лебрен.
Мария Антуанетта с детьми. Конец XVII в.
Фото репродукции

А Мария Антуанетта так далека от реальной жизни, что не видит угрозы революции! Она живет в своем небольшом, но роскошном Трианоне, украшенном зеркалами, которые стали производить во Франции только при Людовике XIV. Вокруг – английские газоны, гладь прудов с отраженной ясной синевой

неба, каскад водопадов, оранжереи с диковинными ароматными цветами, тенистые аллеи. И тишина. Она обожает стиль рококо, ведь он воспевает «галантную игривость, фривольную беззаботность», праздность, сладострастие, дары Вакха… Эта вопиющая, кричащая роскошь, бессмысленные, безумные траты, ставшая широко известной история с бриллиантовым колье, которое якобы тайно заказала королева и которое после головокружительных приключений ушло в Англию, – все это словно вызов тем голодным, которые закричат очень скоро «za ira, za ira!». Зная, что произойдет дальше, понимаешь закономерность финала этой истории. Слепота смертельно опасна, она ведет к гибели.

И, видимо, в это время Мария Антуанетта встречает человека, который, как она потом говорила и писала, стал ее единственным другом. Это шведский граф Аксель Ферзен. Фигура романтическая – красавец, рыцарь в поведении, готовый пожертвовать ради нее жизнью. Но несчастья уже на пороге. В 1789 году в начале июня в королевский дом приходит беда – умирает семилетний сын. 23 июня по настоянию бушующего народа Людовик XVI созывает Генеральные штаты. 14 июля – день взятия Бастилии – начинается грандиозная революция, которую назовут Великой французской…

Король – робкий, неумелый человек, хотя уже 15 лет на троне. У него были какие-то порывы, например, он очень интересовался научно-техническими достижениями, путешествиями на воздушном шаре, географией… Он сам писал инструкции великим путешественникам. Совершенно ясно, что ему надо было родиться в другом месте и заниматься другим делом. Когда восстал народ, он с самого начала пытается сохранить понимание между королем и подданными, как бы «влиться в революцию». И тут они совершенно расходятся с Марией Антуанеттой.

Антуанетта именно в это время превращается в королеву. Об этом прекрасно написал Стефан Цвейг в своей замечательной книге о ней. Она сказала «нет», никаких уступок, потому что «абсолютная власть – это абсолютная власть и каждому свое место». Это единственное, что она понимала. А Людовик XVI подписывает «Декларацию прав человека и гражданина». Скоро его назовут гражданин Капет, а он еще будет думать, что с восставшими можно договориться. 14 июля 1790 года, когда отмечалась годовщина взятия Бастилии, он присутствовал на торжествах на Марсовом поле и благословлял происходящее.

Королева – решительно против заигрывания с народом. В мирное время она участвовала в интригах, назначала и снимала

министров по прихоти, не вникая в суть дела, не интересуясь им. Теперь она начинает всерьез заниматься политикой и очень быстро обретает и королевское достоинство, и королевское призвание. Современники скажут про нее в это время – «единственный мужчина в королевской семье». Она становится королевой. Увы, гибнущей королевой.

Мария Антуанетта перед казнью. 1850 г.
Фото репродукции

Свою главную политическую задачу она вполне логично видит в том, чтобы вместе с собратьями-монархами спасти гибнущий французский королевский дом. Ведь он правил страной с конца X века, это огромный исторический срок, больше восьми столетий: с 987 года с Гуго Капета пошла прямая линия Капетингов, в 1328 году ей на смену пришли Валуа и с 1589-го – Бурбоны – боковые ветви династии Капетингов. Мария Антуанетта – «австриячка», как ее враждебно называют, происходила из столь же знатного рода. И потому она была абсолютно уверена, что нельзя идти на уступки, нельзя заигрывать с народом. Королевская власть должна остаться неприкосновенной.

Она все время пишет письма, тайком их пересылает и всерьез борется за спасение абсолютной власти и своей семьи. Вот отрывок из ее письма российской императрице Екатерине II от 1791 года (члены королевской семьи – еще во дворце Тюильри, но фактически они стали пленниками революции): «Унижения, которые мы постоянно переносим, бесчинства, свидетелями

которых мы являемся, не будучи в силах их пресечь, не имея возможности их приостановить, злодейства, которыми мы окружены, разве это не длительная нравственная смерть, в тысячу раз худшая физической смерти, освобождающей от всех зол?» Известно, что братья короля с его согласия покинули страну, известно, что Людовик настаивал на том, чтобы она с детьми уехала тоже. Она ответила: «Я королева Франции и умру королевой». И осталась. Ее дремавшие моральные силы под влиянием чудовищных обстоятельств мобилизовались.

И все-таки они, вместе с королем и детьми, предприняли попытку к бегству, так называемое бегство в Варен. Его готовил граф Аксель Ферзен, страстно любивший Марию Антуанетту и жаждущий ее спасти. Они продвигались к восточным границам Франции, надеясь там найти поддержку со стороны Австрии и Германии. Шансы на спасение, хоть и небольшие, у них были. В маленьком городишке Варен их опознал сын почтмейстера Друэ, опознал по изображению на монете. Он заподозрил, что это король, хотя Людовик XVI надел шапку простолюдина и как мог замаскировался. И этот юноша, окруженный революционно настроенной молодежью, ударил в набат и поднял город.

Королевскую чету схватили, приехали два депутата Национального собрания, чтобы арестовать их. Кто вел себя наиболее мужественно и достойно? Мария Антуанетта. В минуту крайней, смертельной опасности – а она, конечно, понимает, что это смертельная опасность, – эта женщина изменилась. Возможно, любовь Ферзена дает ей силы, а может быть, и надежду. Кто знает? То, что этот рыцарь и романтик безумно любил ее – очевидно. И она отвечала ему тем же в последние дни своей жизни. Из тюрьмы Тампль, куда посадили королевскую семью, она писала, что любит его и живет мыслями о нем.

Революция твердой рукой вела королевское семейство к погибели. Молоху революции всегда нужны жертвы. Вспомним семью русского самодержца Николая II. Между ними – полная аналогия. Собратья-монархи не пришли на помощь ни Людовику, ни Николаю. В итоге суд, который был откровенной пародией на закон, это был суд революции, предъявил французскому королю самое страшное обвинение: измена родине и разврат по отношению к сыну. Адвокаты Людовика XVI и особенно Марии Антуанетты, эти мужественные люди, защищали их юридически строго, в рамках закона. Доказать измену родине суду не удалось, тогда короля обвинили в «предательстве народа». Но что это такое? Есть стенограммы суда, тот, кто захочет, может ее прочитать.

В январе 1793 года был казнен Людовик XVI, в октябре –

Мария Антуанетта. Их дочь уцелела. Жертвой революции стала и сестра Людовика XVI – принцесса Елизавета.

По-настоящему о королеве скорбел лишь граф Ферзен. Его судьба поразительна. Когда Мария Антуанетта была в тюрьме, он несколько раз пытался устроить ей побег, но все попытки были неудачны. А после ее гибели он стал объезжать все европейские дворы, проявлять политическую активность. Он был очень близок шведскому королю, говорили, что он его правая рука. И вдруг стали распространяться слухи, что Ферзен хочет захватить власть в Швеции, стать королем, объявить войну Франции и таким образом отомстить за Антуанетту. И когда внезапно умер наследник шведского престола, по Стокгольму поползли слухи: «Ферзен – убийца». И на похоронах, куда он поехал вопреки предостережениям друзей, его растерзала, растоптала и уничтожила толпа. Толпа – явление страшное, неуправляемое и непредсказуемое, явление почти космическое. И горе тому, кто окажется объектом ее ярости.

Дантон. Между правосудием и революцией

Оценки роли Дантона в истории чрезвычайно противоречивы. Революция, в которой он прославился и проявил себя, была названа Лениным «Великой». Но французы ее великой не считают. Слишком очевидно, что главные преобразования во французском обществе достались слишком дорогой ценой. Французская революция конца XVIII века – прежде всего великая трагедия, так будет точнее. И в ней на первых ролях – Жорж Жак Дантон. Причем, он был выдающимся, блестящим актером.

О нем и при жизни ходили противоречивые толки. Его называли благородным трибуном, циничным манипулятором, революционером и тайным монархистом, а также сторонником реформ и правосудия. Слово «правосудие», правда, с обратным знаком, рефреном звучит в его жизни. Он один из основателей революционных трибуналов, один из организаторов террора… А это, безусловно – полная противоположность правосудию. Остается и множество безответных вопросов, некоторые из которых и сами по себе очень красноречивы, например, крал он революционные деньги или не крал? Брал взятки у всех подряд, начиная с короля, или не брал? Такой человек – этот Жорж Дантон – неординарный, броский. Одной краской его не окрасишь.

В великой драме, называемой Французская революция, роль Дантона вызывает такие же противоречивые чувства, как и оценка его личности. Он, сам великий мастер изречений, на пороге смерти совершенно правильно оценил себя, сказав палачу: «Покажи мою голову народу, после того, как она упадет с плеч, ибо она этого заслуживает». Он знал, что останется в истории, и не ошибся. Хотя начало его жизни этого не предвещало.

Родился он 26 октября 1759 года в маленьком, ничем не примечательном французском городке Арси-сюр-Об, в Шампани. С годами он все больше любил это местечко, тихую речку Об, чудные, девственные леса, безмятежный покой. В последние годы своей жизни Дантон не ведал покоя, но в мечтах стремился к этой тихой родине. Его отец – судейский чиновник, род отца – крестьянский, из Шампани, многие поколения его предков были людьми с мозолистыми, узловатыми руками, тружениками. Чтобы получать здесь хорошие урожаи, нужно было трудиться в поте лица.

Отец очень рано умер, и у Жоржа Дантона появился отчим, мелкий буржуа, на полступеньки выше его отца по социальной лестнице. Мать, Мадлен Камюс, тоже из мелкобуржуазной семьи.

Ее он нежно любил всю свою жизнь. Жорж Жак был четвертым ребенком в семье, и детство его не было ничем особым примечательно. Единственно, пожалуй, чем он отличался от всей деревенской ребятни, это большой физической силой и задиристым нравом. Жорж вырос богатырем, способным сразиться с быком и вепрем. Все лицо его было в шрамах и в следах от оспы, которой переболел в детстве. Он был на редкость некрасивым. Все его портреты и гравюры, созданные позже, приукрашивают его облик, но есть первоисточник – рисунок с натуры, сделанный великим Давидом. На этом рисунке мы видим лицо отталкивающе уродливого человека. И, естественно, политические враги, называя Дантона чудовищем, имели в виду не только его нравственные качества. Прозвище «чудовище» к нему очень подходило – он был кряжистым, жилистым, с громовым голосом и изуродованным лицом.

Школу он еле закончил, учиться было неинтересно. Самообразованием он займется потом и преуспеет, а тогда, в 1771 году, его отдали в духовную семинарию города Труа. И это понятно. Для того, чтобы сделать карьеру, четвертому сыну мелкого буржуа в королевстве Франция нужно было или пойти в армию, или встать на путь служения Богу. Выбор небольшой. Ему очень не нравилось в духовной семинарии. Не то чтобы он был как-то особенно антиклерикален, но «попы всяческие меня раздражают, что протестантские, что католические», – говорил он впоследствии. Не нравился ему и культ некоего высшего существа, который насаждали деятели французской революции, он был против всяческих культов и ритуалов. И через год ему удалось вырваться из семинарии, добившись перевода в колледж более светский. Там он занялся античным красноречием и изучением жизни таких мыслителей, как Тит Ливий и Плутарх. Потом ему очень пригодились эти знания, особенно приемы великой античной риторики.

Во время революции сложился культ ораторского искусства. Речи Дантона обращали на себя внимание, тем более, что был он одним из самых видных людей революции. А они все тогда старались превзойти друг друга. Вообще внешне революция выглядела как непрерывное состязание ораторов. Если бы не горы погибших, все было бы так безобидно! А главари революции оставались ораторами до последнего шага своей жизни. Уже ступив на плаху, они произносили яркие речи и сорили афоризмами!

Словесный портрет Дантона оставил известный французский историк Мишле: «Страшное лицо циклопа, жестоко изрытое оспой, напоминало лица из деревенских глухих углов,

напоминало лукавых земляков добряка Ла Фонтена».

Скажу, кстати, что читать сегодня книги советского времени, посвященные Дантону, и Французской революции в целом, трудно без слез, настолько они далеки от реальных событий и их героев. Кроме А.П. Левандовского и А.З. Манфреда, которых читать можно и нужно, все остальные авторы произносят заклинания, восхваляют якобинцев, обязательно стараются «пнуть» Дантона за то, что хотел остановить революцию! Именно за то, за что стоило бы его воспеть…

Итак, колледж кое-как закончен. Как все одаренные провинциальные люди из третьего сословия, Дантон отправился завоевывать Париж. И скоро, скоро зазвучит клич «аристократов – на фонарь!». Но тогда Дантон еще не был революционером, он просто хотел сделать буржуазную карьеру.

Жорж Жак Дантон.

Фото репродукции

В Париже в Королевской прокуратуре ему предложили должность переписчика бумаг, но он сразу проявил свой характер, страшно возмутившись: «Что?! Я появился в Париже не для того, чтобы переписывать бумаги». Интересно, что нанимателю его заявление понравилось. «Люблю наглецов!» – сказал он и взял Дантона к себе на службу чуть более почетную, чем переписывание бумаг.

Очень скоро Жорж понимает, что надо серьезно заняться самообразованием, потому что он – неуч, невежда, и здесь, в Париже, это особенно заметно. Все свободное время он отдает чтению. Его любимыми авторами становятся Монтескье, Руссо и особенно Дидро. Он штудирует знаменитую «Энциклопедию», увлекается блестящими французскими литераторами своей эпохи Корнелем и Мольером, зачитывается Шекспиром. То есть, ваяет себя, создает, строит. Но… без университетского диплома настоящую карьеру не сделаешь. Он уезжает в Реймс, откуда подозрительно быстро возвращается уже с вожделенной бумагой. Удивительно, как, в сущности, мало меняется мир! Сегодня «свои университеты» можно пройти даже легче, чем тогда, не надо ездить в Реймс.

После возвращения он ощущает себя уже в ином качестве и решает изменить свою фамилию, теперь он – д'Антон. Приставка «д», которая пишется через апостроф, означает «я – из дворян». Хотя понятно, что никаких оснований для такого заявления у Дантона не было. Если бы он знал, какую роль ему предстоит играть в революции, наверное, он этого бы не сделал. Но революция еще не грянула.

Итак, Жорж Дантон возвращается в Париж и ведет себя очень буржуазно, ничто не предвещает его скорой мимикрии. Даже представить себе невозможно, что этот человек станет одним из вождей грядущей революции. Он очень осмотрительно, выгодно женится. Его жена Изабель – дочь состоятельного владельца ресторана, совсем небедного человека. При этом – брак по любви, она ему нравится, очень мила, хороша собой. И отличное приданое! К тому же у тестя можно занять большие деньги. Для чего? Чтобы приобрести хорошую должность. Должности продавались легально, это была нормальная практика. Так он стал адвокатом при королевских советах. Чем не буржуа?

Что такое королевские советы? Какую стезю он избрал буквально накануне штурма Бастилии? Он помогает консультациями, готовит документы по имущественным вопросам. К нему обращаются буржуа, которые желают закрепить

свою собственность, аристократы – чтобы подтвердить свои наследственные права или выиграть что-то в судебном деле. То есть, избрав эту должность, он оказался на страже режима. Принимая на себя новые обязательства, Дантон произнес традиционную адвокатскую речь, тему он сформулировал так: «О политическом и моральном положении страны в отношении к правосудию». Речь завершалась такими словами: «Горе тем, кто провоцирует революцию. Горе тем, кто ее делает». Тогда даже в страшном сне ему не могло присниться, что это о себе говорил он в своей речи.

Ему 28 лет. Молодой, энергичный, полный планов и вполне счастливый, удовлетворенный жизнью. Все сломалось 14 июля 1789 года, в день штурма Бастилии.

Будучи подростком, он мечтал посмотреть на коронацию Людовика XVI, юного короля, на которого вся Франция сначала возлагала большие надежды. «Вот придет к власти молодой Людовик на смену старому и дряхлому, и все будет хорошо» – так думали многие. Он отправился в Реймс со своими приятелями, чтобы увидеть хоть краем глаза это чудесное действие, которое превращало человека вполне обычного в короля, существо божественное. И вдруг – штурм Бастилии. Народ в ярости крушит символ королевского абсолютизма.

В Париже, в районе, где живет Дантон, его замечают и избирают в народную гвардию, которая формируется в помощь революции. И вот он уже капитан отряда. Конечно, страшно видеть революцию – сломалась жизнь, рухнула эпоха, он отдает себе в этом отчет, но… он хочет быть там, где это происходит, хочет стать участником судьбоносных событий.

И очень скоро он заговорит на языке революции, а не на языке юриста, стоящего на страже закона. Нет, теперь все по-другому. Он вступает в якобинский клуб, избирается депутатом Коммуны. Надо сказать, что он с удовольствием обретает себя в ином качестве. Ему нравится активная позиция в жизни и собственная роль, которую он оценивает очень высоко, ибо считает себя способным решать судьбы людей и страны. Он искренне верит, что в этой революции родится другая Франция, которая ему, Дантону, умному, способному, умеющему в этой жизни продвигаться, подойдет больше, чем нынешняя. Он впал в это обольщение. И дальше вся его жизнь стала неотделима от основных этапов знаменитой и страшной драмы.

17 июля 1791 года произошло знаменательнейшее событие – массовое выступление народа на Марсовом поле. К революции примкнули поначалу и знатные люди, например, граф Мирабо, генерал Лафайет, ставший командующим революционными

войсками. И именно Лафайет отдает приказ расстрелять мирную манифестацию. Почему? В революции всем хочется всего и сразу. Почему мы не богатеем, а наоборот, наступает голод? Почему враги со всех сторон обступают революционную Францию? Хотим, чтобы все было, как сказано в гимне – «кто был ничем – тот станет всем». Вот настроения, требования народных масс. И Лафайет приказывает расстрелять мирное шествие.

Дантона в этом шествии не было. Есть версия, что он был в Англии и вел переговоры с теми, кто впоследствии будет пытаться приостановить революцию. Но, вернувшись, он снова включается в революционную деятельность. Его избирают заместителем прокурора Коммуны. В это время Людовик XVI «играет» с революцией в безнадежную игру, заявляет, например, что станет гарантом новой революционной конституции… Эти заявления смехотворны, однако Дантон все еще возлагает надежды на королевскую власть.

В сущности, он монархист. Интересно, что его соратники всегда подозревали, что это именно так, несмотря на всю его кипучую и страстную революционную демагогию. Хотя и заявлял он постоянно – «я имел счастье родиться не в среде привилегированных», его мечтой было оказаться как раз в этой среде, но раз уж не довелось, то лучше всего заявить, что «не больно-то хотелось». Высокого мнения о себе был этот человек. Вот что он писал: «Я сохранил всю свою природную силу, создал сам свое общественное положение, не переставая при этом доказывать, как в частной жизни, так и в избранной мною профессии, что я умело соединяю хладнокровие и разум с душевным жаром и твердостью характера». И это мнение он словно внушал окружающим. Из заместителя прокурора он становится министром юстиции революционного правительства. Трагический поворот судьбы, но он так этого и не понял.

Быть министром юстиции, заведовать правосудием в революционную пору, в эпоху беззакония – что может быть трагичнее и страшнее? Неудобства своего положения он скоро, однако, ощутит. Дело в том, что гаранта конституции из короля не получилось, дни Людовика были сочтены, близилась его казнь. Для Дантона это огромное испытание, он не хочет казни короля, внутренне не может ее допустить, но до обморока боится заявить об этом. Да и протестовать невозможно, иначе угодишь на гильотину. Он занимает очень неопределенную позицию, медлит, выжидает.

А пока он, министр юстиции, становится инициатором одного важнейшего и демократичнейшего закона – отмены имущественного ценза при выборах. Согласно новому

постановлению, все мужское население страны, достигшее определенного возраста, имело возможность выражать свое мнение. До этого существовал строжайший имущественный ценз, принятый жирондистами на первом этапе Французской революции. Это был разумный шаг, хотя и в революционном направлении.

Однако именно в это время пошла молва о том, что Дантон берет взятки. Он покупает в родном Арси замок и несколько домов. Откуда у него деньги? Когда Дантону были предъявлены официальные обвинения, а это случилось перед самым его падением, он ответил весьма художественно: «Я продавался не фактически. Я, люди моего покроя неоценимы, их нельзя купить».

Есть разнообразные версии, откуда у него взялись деньги. Самое простое объяснение – он брал взятки от английского правительства и от французских роялистов. Есть более сложное – якобы при расходовании средств революционного государства кое-что уходило через министерство юстиции на секретные нужды революции. А за этим могло скрываться все что угодно. Но есть и еще одна версия, на мой взгляд, самая подходящая и здравая. Дантон брал деньги у тех, кто хотел подкупить его, привлечь на свою сторону в качестве союзника. Деньги-то он брал, но не выполнял до конца то, что обещал, не становился послушным орудием тех, кто давал взятку. Короче говоря, оставался при этом Дантоном. Он мог сказать о себе: «Я беру деньги, но это не значит, что я куплен». Более определенных ответов на вопрос, откуда у него эти колоссальные суммы, не существует.

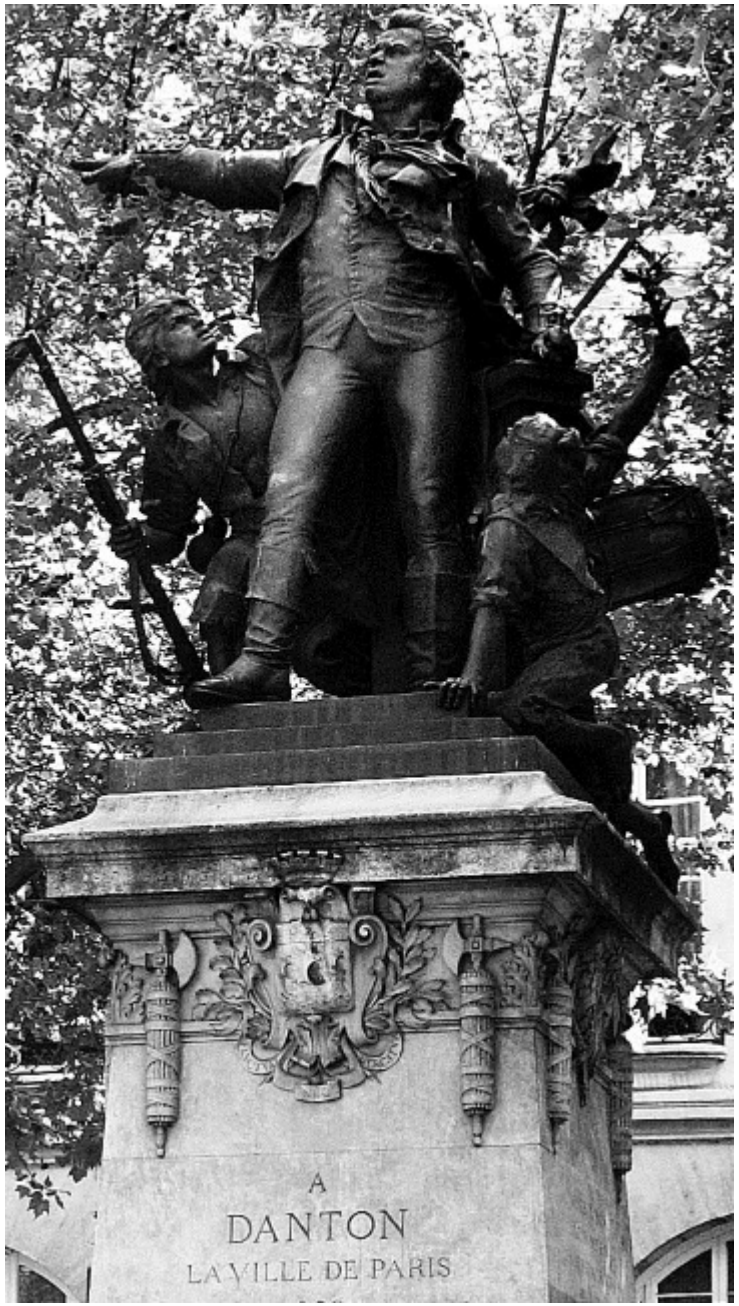
Он совершал покупки совершенно открыто, переписывая приобретаемое имущество на имя какого-то родственника, сестры, например. Известные по любым временам приемы! Чтобы доказать, что это ложь, подлог, нужны были специальные комиссии, тщательные расследования. В то время, конечно, было не до разбирательств. И те сторонники Дантона, которые указывали на отсутствие документов, подтверждающих его взяточничество, были абсолютно правы. Таких документов не было. Но правда и то, что деньги у него, человека совсем небогатого, появились огромные.

Сделаем еще один шаг в сторону и посмотрим на Жоржа Дантона в обыденной жизни. У него умирает любимая жена, Изабель, мать его троих детей. А Дантон в это время ездит по Франции, помогает в наборе армии. Опоздав дня на четыре на похороны, он приказал эксгумировать тело супруги, порыдал над ним, а через три неполных месяца женился на новой красавице. Вот и вся любовь!

Девушка была необычайно хороша собой, и Дантон потерял голову. Причем сложность была в том, что его возлюбленная ненавидела революцию. Более того – она не любила Дантона. Но отказать всемогущему министру юстиции, который без всяких затруднений может послать на плаху всю ее семью, было невозможно. И она поставила ему, казалось бы, невыполнимое условие – исповедаться перед неприсягнувшим революции священником. Таких священников не было, их всех казнили, поэтому она была совершенно уверена – она не станет его женой, к счастью для себя, никогда.

Увы, она недооценила Дантона. Он с помощью тайной полиции находит такого священника, приглашает его к себе в дом, исповедуется ему и получает благословение – он, неверующий! – на брак с Лиз. Любовь! Крепкий человек Жорж Дантон! Достаточно было одного доноса Робеспьеру, и голова Дантона слетела бы с плеч. Он это знал, но был отчаянно смел.

Смелость его не ограничивалась делами личными. И в своей общественной, революционной деятельности он, человек порывистый, эмоциональный, проявлял недюжинную смелость и изворотливость, пытаясь примирить правосудие и революцию. Это было очень опасно. 1792 год, он министр юстиции. Идет борьба между умеренным крылом революции и крайними. В данный момент крайние – это оголтелые якобинцы. Но несмотря ни на что Дантон обращается к народу: «Вы сделали то, что нужно, теперь остановитесь! Остановитесь! Восстание кончилось, начался Закон. И я – ваш защитник, я являюсь его олицетворением. Вас никто не тронет. Я, министр юстиции, отвечаю за все».



Памятник Дантону в Париже.
Установлен в 1889 г.
Современный вид

Конечно, эту страшную, ожесточенную схватку, с каждым днем только усиливающуюся, остановить было невозможно, и взывать к народу было наивно. Верил ли он в свои призывы? Он

хотел верить и хотел остановить эту машину смерти – это главное.

В 1792 году Париж оказался в кольце врагов. Прусская армия наступает, она уже рядом. Англия и антифранцузская Испания ее поддерживают. Родина в опасности. Что предлагает Дантон? Что предпринимает? Две совершенно противоположных меры. Он произносит речь, которая осталась в истории и обессмертила его имя. «Смелость, смелость и еще раз смелость, – говорит он, – и Франция будет спасена. Всем встать стеной вокруг Парижа и защитить его». Это лозунг человека страстного, неравнодушного, отчаянно любящего родину и боящегося ее потерять. Но тут же как министр юстиции, он обещает смертную казнь всем, кто уклонится от участия в обороне. Всем и сразу. И вот тут начинаются массовые казни без всякого суда. Говорят, было казнено до полутора тысяч человек. И это означало, что в стране напрочь отсутствовал закон, вообще не было никакой юстиции, правосудия. А министр юстиции стал главой революционной толпы, трибуном, глашатаем. Только сейчас Дантон понял, что оказывается, совсем не желая того, он выбрал сторону баррикад. Раньше он еще надеялся, что «чаша сия» его минует, он не был внутренне готов встать на сторону толпы, он никогда не был ее частью и ей не принадлежал. И действия его были вынужденными, они руководили Дантоном, а не он ими. Таковы законы игры, коль скоро ты взялся играть.

А толпа, эта страшная толпа, на чьей стороне Дантон так неожиданно оказался, все толкала и толкала революцию вперед, не желая останавливаться. Народные массы требовали, диктовали условия. Хотя кое-что уже было сделано: введены ограничения цен на хлеб, отменен имущественный ценз при выборах, но машина была запущена, и остановить ее бешеное движение разумными мерами уже невозможно.

Дантон никогда не являлся вождем народных масс или вождем так называемых «бешеных». Наоборот, в 1793 году, на пороге якобинской диктатуры, он получает новое прозвище – «Снисходительный». Прозвище оскорбительное для того времени, более того – смертельно опасное. Потому что – к чему он снисходителен? Ах, он и его сторонники против казни жирондистов? Против того, чтобы гильотина стучала непрерывно? Они хотят пауз в этом изумительном звуке? Значит – контрреволюционеры, лютые враги, и путь их на гильотину.

На самом деле Дантону были близки жирондисты – Бриссо, Вернье, Кондорсе, люди умные, образованные и уравновешенные. Но они в заточении, их вот-вот казнят. А по сравнению с Робеспьером, Маратом, Сен-Жюстом, Дантон слишком буржуазен.

И действительно, зачем Робеспьеру, этому провинциальному адвокату со склонностью к аскетизму, так поразительно похожему на Владимира Ленина, человека тоже на редкость скромного, всю жизнь проходившего в знаменитой жилетке, ну зачем ему дворцы? Людям такой породы нужно другое. Они получают высшее наслаждение от богатства иного свойства. Власть, неограниченная, абсолютная, возможность распоряжаться жизнями сотен, тысяч, а лучше миллионов людей – вот, к чему они стремятся с великим упорством, отрешенностью и талантом, и ничто не может остановить их в грозном напоре. Такие добиваются своего всегда, и им неважно, какова цена победы. А Дантон в последние дни своей жизни говорил: «Мне больше нравится быть гильотинированным, чем гильотинировать других». С таким революцию не сделаешь, он слаб, он «Снисходительный».

Но в 1793 году у них еще альянс, у революции «три головы» – Дантон, Марат и Робеспьер. Марата убивает Шарлота Корде, подосланная жирондистами. Дантон защищал в свое время Марата, не дал арестовать его в самом начале революции. Робеспьер при первых нападках на Дантона защитил его. Почему? Потому, что в ту минуту ему нужен был Дантон, его жар, чтобы бороться против Эбера и «бешеных», чтобы покончить с ними, срубить им головы. А друзья Дантона и он сам тогда не страшили Робеспьера, они были людьми умеренными, по его-то мнению просто слабыми, не годными для революции.

Однако время стремительно меняло черты на скорбном лике революции. Вот уже и Дантон Робеспьеру не нужен. Зачем? Делить власть? Но разделенная власть – власть не полная. Занавес вот-вот опустится. Друзья предлагают Дантону бежать, он отказывается. Он до самой последней минуты не верит, что Робеспьер осмелится его арестовать, что якобинцы решатся судить его. Робеспьер осмелился. Интересно, что на суде, который конечно, был не настоящим судом, а инсценировкой, как это бывает во времена беззакония, Дантон пытался представить себя решительным революционером, не знающим сомнений. Вот что он говорил перед самым падением занавеса: «Я заговорщик. Мое имя причастно ко всем актам революции – к восстанию, революционной армии, революционным комитетам, Комитету общественного спасения, наконец, к этому трибуналу. Я сам обрек себя на смерть и я – умеренный?!» Был ли он откровенен, искренен до конца или хотел спасти себя, убеждая своих мучителей в том, что было правдой лишь наполовину? Этого уже никогда не узнать.

Когда его вели на казнь, он пытался поднять толпу: ругался,

кричал, предавал всех проклятиям. Этот человек проявил редкую силу духа и на плахе. Приговоренных было 15 человек. Его казнили последним, пятнадцатым, он слышал, как 14 раз падал нож гильотины и видел, как отлетали головы всех его друзей. Дантон сохранял полное самообладание. Перед казнью он хотел поцеловать своего друга, Камилла Демулена, палач сказал: «Запрещено», на что Дантон ответил: «Смешной человек! Кто запретит нашим головам поцеловаться через несколько секунд в корзине?»

Когда его везли мимо дома Робеспьера, он крикнул: «Я жду тебя! Мы скоро встретимся!» Так оно и случилось. Они встретились очень скоро, меньше чем через четыре месяца, причем, Робеспьер был казнен уже без всякого суда.

Королева Виктория. Символ на троне

В этой главе речь пойдет о королеве Виктории, чьим именем в Англии называют почти весь XIX век. Не так много венценосных монархов дали свое имя целой эпохе. В России это, конечно, «Петровская эпоха». Но что же означает термин «викторианство»? Если ответить коротко, это – устойчивость, порядочность, процветание и стабильность. Именно в правление Виктории монархия в Англии из политического института превращается в институт моральный.

Чем же уникальна эта женщина? Она правила 64 года, уже само это время хронологически составляет целую эпоху и умерла в самом начале нового столетия – в январе 1901 года. После ее кончины сразу стали говорить: «Это знак ухода XIX века». При ней Англия – это огромная империя, кузница мира, одна из первых мировых держав. Королева окружила себя крупными государственными деятелями и работала в диалоге с ними. И неважно, что часто спорила, не соглашалась, даже повышала голос – она никогда из-за разногласий не изгоняла своих приближенных. Среди них был Пальмерстон, по поводу которого она говорила: «Ах, никакие мои протесты не действуют на лорда Пальмерстона!» Да, он был сам по себе, и она это хорошо понимала. До него – Мельбурн, тоже мудрый человек, толковый государственный деятель, который твердил ей одно и то же: «Будьте хорошей королевой», вкладывая каждый раз в эти слова разный смысл, и она старалась его слушаться. Знаменитый Дизраэли – интереснейшая, яркая личность. Он писал: «Каждый любит лесть. И когда вы приходите к Ее Величеству Виктории, вы должны поражать лестью». Отношения с каждым из них складывались по-разному, то гладко, то драматично, иногда она мучительно превозмогала себя, иногда выходила из терпения. Но Виктория сумела все-таки пройти через все рифы амбиций и пристрастий, неприязни и лести, честолюбий, зависти и откровенного недоброжелательства, пройти и уцелеть. Надо сказать хотя бы два слова о предыстории ее правления, о времени, предшествовавшем появлению нашей героини, которая родилась в 1819 году и в возрасте 18 лет стала королевой Англии.

Со средневековой монархией в Англии расправились в XVII веке во время Английской буржуазной революции. В 1649 году казнили короля Карла I Стюарта. С одной из великих династий, несущих в себе наследие Средневековья, было покончено. Правда, был короткий период Реставрации в 1660–1688 годах, когда после

смерти Кромвеля Стюартов призвали обратно, поскольку англичанам очень трудно даются кардинальные перемены, радикальных политических разрушений они не любят. В средневековом прошлом английской монархии и в истории революции было много крови, много жестокостей, и англичанам хотелось более мирного перехода к политической системе Нового времени. И в 1688 году произошла «Славная революция», во время которой низложили совершенно непригодного к правлению, бездарного Якова II Стюарта. Низложили почти элегантно, без крови и потрясений. Последнего Стюарта попросту выдворили из страны. Он был принят во Франции, где тихо закончил свои дни.

Неким переходным этапом в установлении новой политической системы было призвание в Англию в 1688 году Вильгельма III Оранского – мужа дочери Карла II из династии Стюартов Марии. Кто он такой, этот Вильгельм? Он происходит из знаменитой Оранской династии. Один из ее представителей, тоже Вильгельм, лет двадцать назад возглавлял освободительную войну Нидерландов за независимость и занимал должность штатгальтера Голландии. Голландия первой стала республикой, хотя и компромиссной. При главенстве республиканских институтов сохранялась преемственность монархической власти. И штатгальтер был ее символом. Интуитивно англичане уже искали то, что они потом нашли в Виктории. Постепенно приходило понимание, что власть не от бога, как утверждало Средневековье, а от народа, волю которого выражал парламент. Это важнейшая идея оформилась не сразу. Однако, по существу, переворот 1688–1689 годов, низложение Карла II по решению парламента и принятие «Билля о правах» утвердили в Англии конституционную монархию.

Королева Виктория.
Фотография 1887 г.

И еще раз сменилась династия. В 1714 году на английский престол был приглашен из Германии дальний родственник правящей династии Георг I Ганноверский. Но это был очень неудачный опыт. При дворе устанавливаются какие-то дикие нравы. Члены королевского семейства и их приближенные без зазрения совести тратят бешеные деньги, окружают себя средневековой пышностью. Людей подбирают по старому,

испытанному принципу – «нравится – не нравится», «родственник – не родственник». Между тем наступает другой век – век техники, паровозов, металлургии. Англии нужны профессионалы, которые понимали бы, как управлять в новой ситуации. А вместо этого правители пытаются вернуть абсолютизм, впадают в разврат, их двор превращается в настоящий вертеп. Среди королевских отпрысков много слабоумных. Таково печальное следствие кровосмешения (браков между близкими родственниками).

Разложение и упадок верхов вызывает у народа озлобление, недовольство и протесты. Окончательный кризис наступает при Георге III (1738–1820). Этот правитель Англии реально впал в безумие – он был человеком душевнобольным. У него было полным-полно детей – 7 сыновей, 6 дочерей, но ни одного реального наследника. Его старший сын, который был при нем регентом, здоровьем не блистал и был слишком стар. Два следующих сына немолоды, сожительствуют с артистками оперетты, что всегда вызывает осуждение, но главное – детей у них нет. А дочери – некоторые остались старыми девами, другие вышли замуж, но их дети умерли во младенчестве – опять явный кризис монархии. И тогда создается план рождения королевы Виктории.

Вестминстерское аббатство.
Фотография времен королевы Виктории

Да! Она была рождена по плану! Один из сыновей Георга, 50-летний герцог Кентский, относительно крепкий мужчина, решает бросить свой развратный образ жизни, вступить в законный брак с принцессой, дочерью герцога Сакс-Кобургского и зачать ребенка. Все это очень провинциально, но монархично!

Все именно так и произошло. Родилась дочь, крепкая нормальная девочка. Это и была будущая королева Виктория.

Отец умер, когда ей было 8 месяцев. Ее мать, принцесса Шарлотта, не имела достаточных средств к существованию. И это понятно – она из глубокой германской провинции. Зато Виктория была единственной реальной наследницей английской короны.

Ее крестили. Ее первый крестный – принц-регент, старший сын безумного Георга III, будущий Вильгельм IV. И второй – российский император Александр I, который лично на крестинах не присутствовал. Ей дали замечательное имя – Джорджина Шарлотта Августа Александрина Виктория. Александрина – в честь Александра, Виктория – в честь матери. За ней закрепилось это последнее имя – Виктория.

Виктория стала надеждой престола. Но узнала об этом только в 11-летнем возрасте. Правил тогда ее крестный, Вильгельм IV. Когда ей сказали, что она, видимо, будет королевой, Виктория воскликнула: «Я буду хорошей». И эта реплика очень метко характеризует ее. Всю свою жизнь она пыталась свое обещание выполнить и слушалась наставников, которые учили ее быть хорошей.

Она старается быть хорошей уже на коронации. Как происходило это событие, подробно описано в источниках. Поскольку за последнее время английская монархия «сбилась с пути» и утратила прежние традиции, создававшие красоту и величие ее образа, коронацию толком организовать не сумели. Действующие лица путали слова, фигуры, последовательность своих выступлений. В Вестминстерском аббатстве, совершенно выдающемся месте, где погребены Вильгельм Завоеватель, Мария Тюдор, Елизавета I, а также великие ученые Исаак Ньютон, Чарльз Дарвин, коронация сбивается, а юная Виктория каждую минуту спрашивает: «Умоляю, скажите мне, что я должна делать?» Кольцо, которое стал надевать ей духовный отец, оказалось мало, то есть все шло вкривь и вкось. Но все-таки Викторию короновали. Ей 18 лет.

С первого момента ей понадобились советники. Ей нужна была опора, и конечно, она намерена была вступить в брак. Она желала обрести стиль жизни и правления, отличающий ее от предшественников. От былого разврата она отсекает двор очень решительно и сразу – слишком она сама не подходит для прежней жизни, она явно другая. Но одной со всем этим не справиться. На кого-то надо опереться, чтобы стать тем самым эталоном, которого жаждут англичане. Ей предстояло не упразднить монархию совсем, но покончить со средневековой монархией. То, чего, между прочим, в это время в России не произошло. В России царь – это бог. Придворные Николая I пишут о нем: «Это наш живой бог», «это божество», «Их Величество

увидеть – это великое счастье», «Он на меня взглянул». Такая монархия англичанам уже не нужна. Такой они отрубили голову. А какая нужна, никто точно не знает.

Виктория оказалась весьма ординарной личностью. Что это значит? У нее мещанский вкус. Юная королева любила оперетту, немножко рисовала, совсем немного читала. Всего понемножку. Желая казаться неординарной, Виктория написала книжку, это было что-то вроде записок домашней хозяйки. И она была такой простодушной, что подарила свое «произведение» Чарльзу Диккенсу. В общем, личность средняя, банальная, обычная. Но далеко не во всем. Об этом мы еще будем говорить. Однако, самое главное – оказалось, что именно такая королева и нужна была королевству после всего того, что оно пережило.

Набиравшая силу буржуазия и англиканская церковь ратовали о возрождении семейных ценностей. После поры разврата в королевской семье должны были вновь утвердиться отношения чистые, строгие и благородные. И Виктория словно была создана для этого. Она настроена на замужество. Между прочим, среди возможных женихов был сын Николая I, будущий Александр II. Он посетил Англию, и есть данные, что, между молодыми людьми возникла взаимная симпатия, о чем Александр сообщил отцу, Николаю I. Ответ был абсолютно в духе той солдафонской эпохи, которая господствовала в России. Николай писал: «Россия нуждается в будущем царе, а не в муже английской королевы». И все. На этом все симпатии и, возможно, вспыхнувшие надежды молодых людей были уничтожены.

А Виктории подобрали другого жениха. За это взялся ее любимый дядя Леопольд, который к тому времени стал королем Бельгии. Явно с матримониальными планами он прислал в Англию своего племянника, принца Альберта Сакс-Кобургского, все из того же медвежьего угла Германии. Ему 22 года, Виктории 20. Ни знатным происхождением, ни богатством он похвастаться не может, но красив, благороден, манеры изысканные. Что еще нужно молодой девушке? Он был тот, кого она мысленно ждала. Виктория влюбилась в него мгновенно и очень достойным образом сама сделала ему предложение. Когда он дал согласие, она опять на редкость простодушно воскликнула: «Какое счастье, как я безмерно счастлива, благодарю тебя, мой любимый, обожаемый!» И никогда – а они прожили вместе 20 лет – из этого образа обожающей мужа жены она не выходила. Даже самые злые языки не могли придумать про нее ничего дурного. Отвечал ли он ей взаимностью? От их брака родилось девять детей. Возможно, это и есть ответ.

Ее чувство не знало границ. И в любви она была

неординарна. Это был ее талант – любить, забывая себя, и постоянно, в самых разных обстоятельствах, думать и заботиться о любимом. Придворные, пародируя королеву, часто повторяли ее слова: «Мы и наш возлюбленный Альберт». Она боролась с парламентом, добиваясь для Альберта статуса принца-консорта. Боролась и победила. И все во имя любви. Что ей войны? Была Крымская война, была Англо-бурская. Но войны – не ее прерогатива, она занималась благотворительностью. Но если дело касалось Альберта, тогда ее интересовало буквально все. И оказывалось, что она отлично разбирается в ситуации и проявляет недюжинные способности в решении тех или иных вопросов.

Итак, в их семье девять детей, со временем 40 внуков. Эталонный брак. Забот хватает, тем более, что один мальчик был болен гемофилией. Этот сын Виктории прожил сравнительно долго, до 29 лет, но она сильно горевала по поводу его болезни, часто впадала в отчаяние, с ней случались истерики, она замыкалась, уходила от всех, рыдала сутками, ее приводили в чувство – и все из-за болезни этого ребенка.

Королевская семья выглядела такой, какой хотела ее видеть Англия. Более того, кажется, что именно любовь королевы к мужу, ее верность, преданность, чистота, ее забота о детях, постоянное о них беспокойство – вот именно эти, не обязательно королевские черты, и сделали ее любимицей нации, и в некотором смысле эталоном королевы. И тем не менее время от времени англичане проявляли недовольство монархией. Почему?

Не все в Англии остались монархистами. Была большая категория людей – не будем забывать, это период интенсивного развития промышленности, – неизбежно живущих бедно и активно недовольных своим положением. Ширилось рабочее чартистское движение, которое того и гляди могло перерасти снова в революцию. Представители монаршего дома разъезжают в золоченых каретах, а вокруг полно нищих и голодных. Так думали многие, недовольных хватало. Семь раз королеву пытались убить. Организаторам и участникам покушений иногда выносили смертные приговоры – Виктория всегда заменяла их на пожизненные заключения. Однако любопытно, что после каждого покушения наблюдалась вспышка безумной народной любви к королеве и принцу-консорту.

Принц Альберт отличился только однажды: в 1851 году по его инициативе в Англии состоялась Всемирная промышленная выставка, восславившая достижения Англии, ее передовую роль в производстве промышленных товаров. Выставка очень всех привлекала и нравилась, особенно красотой, богатством

оформления, приподнятой, оживленной атмосферой. А в целом принц-консорт всегда был в тени, и, кажется, это плохо на нем сказывалось. Появившись в Англии 22-летним красавцем, к 40 годам Альберт выглядел на все 60, о чем вокруг много говорили. У Альберта, видимо, были какие-то серьезные заболевания, он быстро одряхлел и уж счастливым никак не казался. Но время от времени королева Виктория и принц-консорт Альберт проезжали по улицам Лондона, демонстрируя счастливое супружество.

Виктория устроила настоящее шоу из счастливого выздоровления своего сына. Заболев брюшным тифом, он находился между жизнью и смертью. Нация знала об этом, все волновались, потому что наследование – одно из самых важных событий в истории страны. И когда юноша выздоровел, Виктория выехала с ним на улицы Лондона. Выражая свою безмерную радость, она высоко поднимала его руку и целовала ее. Народ рыдал от умиления. Она умела вызвать умиление, превращая монархию в красивый и добрый символ.

Альберт умер рано, в 1861 году. Резко, сразу он очень сдал и стал угасать. Появились версии по поводу его смерти. Одни считали, что у него был тиф, другие – что виной тому вода, которая в Лондоне была очень плохой. Так или иначе, но Альберт умер. И Виктория занялась увековечиванием его памяти. Восемь лет строился мемориал, наконец, в 1876 году он был открыт. Его высота – 55 метров, четырехметровая фигура принца-консорта окружена 169 фигурами ученых, композиторов, артистов, поэтов, к которым Альберт, честно говоря, имел весьма отдаленное отношение. И сразу – народный приговор: «Великий мемориал невеликому человеку». И все равно симпатия к ней не ослабевает – симпатия к женщине, которая любит и скорбит.

После смерти супруга королева на несколько лет отошла от дел. И тогда даже парламент выразил недовольство таким долгим ее отсутствием. Пять лет не было тронной речи. Два года Виктория вообще не видела людей. Я смотрю на иконографию той эпохи – появилась уже фотография – и вижу: бюст Альберта, она стоит рядом в явно театральной позе, закатив глаза. Вот она рыдающая, вот она скорбящая! Другая фотография: она сидит в кресле, в руках ее – портрет Альберта. В этом есть что-то мещанское и несколько наивное. И тем не менее это могло нравиться и умилять, не появись рядом с ней другой человек, совсем неподходящий для королевского дома. У Виктории возникла привязанность к слуге – Джону Брауну, шотландцу, совсем простому мужику, конюху. Потом с ее помощью он стал кем-то наподобие дворецкого. Носил исключительно шотландскую юбку – ей это очень нравилось. Простой, грубый,

хамоватый, на глазах у всех при дворе он становился все более наглым. Его стали бояться. А королева вместо того, чтобы его одернуть, вдруг полюбила, после своей скорби, шотландские балы, где могла всю ночь плясать под волынки.

Неожиданно, вдруг она собралась и поехала в Шотландию, взяв с собой этого Джона Брауна. И по этому поводу написала книжку «О нашем путешествии по Шотландии». Слухи ходили разные. Многие не видели в этом ничего удивительного – одинокая вдова нашла свое утешение в объятиях этого мужлана. Некоторые предполагали, что Джон Браун – экстрасенс, как мы бы сказали сейчас, что-то наподобие Распутина. В Англии в это время многие увлекались паранормальными явлениями и спиритизмом. Вот и пошли разговоры, что Джон Браун приходит в покои королевы и проводит там много времени, потому что вызывает дух принца Альберта.

Никто никогда уже не скажет, какая версия истинна. Но ни одна из них не погубила моральный авторитет королевы Виктории. Она ходила в черном, вела себя скромно, хотя вдруг в 1870-е годы заявила: «Хочу быть императрицей». Что за каприз? А дело в том, что супруг ее старшей обожаемой дочери Вики, Фридрих, был наследником императора Германии Вильгельма. Как же так? Дочь станет императрицей, «а я всего-навсего королева»? И что же? Нация и парламент пошли ей навстречу, потому что это совпадало с интересами Англии. Ее объявили «императрицей Индии». И сделал это хитроумнейший Дизраэли. Как удалось ему всех убедить, уговорить – это разговор особый, потому что «императрица Индии» – есть в этом что-то смешное и несерьезное. Но дело было сделано. И английская королева Виктория добавляет себе новый титул.

Букингемский дворец.
Фотография времен королевы Виктории

Интересная тема – Виктория и Россия. Несмотря на то, что формально ее крестным был российский император Александр I, она не симпатизировала России. Карл Маркс писал (и он не ошибся), что весь XIX век – а это и есть время правления Виктории – прошел под знаком русско-английских противоречий. А почему? Что Англии Россия?

Интересный момент. В гостях у Виктории побывал император Николай I и страшно ей не понравился. Во-первых, на взгляд строгого английского двора, он приехал слишком внезапно. Королева даже не успела решить, принимает ли его, а он уж тут как тут. И когда она очень мягко сказала: «Как жаль, что ваш визит такой стремительный, мы не вполне приготовили покои для вас…», он буквально брякнул в ответ: «Выдайте мне клок соломы, я на нем и буду спать». Его слова ошеломили присутствующих, все онемели. Странное у нее было отношение к Николаю I – мужчина он видный, крупный (а она имела слабость именно к таким мужчинам), но клок соломы чем-то пугал, вероятно, она никак не могла забыть странные слова русского царя.

После убийства Александра II, которого королева Виктория когда-то в юности видела, она написала в 1881 году в письме к дочери: «Состояние России настолько плохое, настолько прогнившее, что в любой момент может случиться что-то страшное». Удивительно, как она была права! И эта интуиция, безусловно, выдает в ней накопившийся за долгие годы политический опыт. Что касается личной антипатии к Николаю I, думаю, как ни странно, в этом чувстве была некоторая доля зависти: русский царь олицетворял ту монархию, абсолютную, полную, которой английскую королеву лишили. Там царь – это бог. А она, хотя и называлась «императрицей Индии», бесконечно далека от абсолютной власти. Виктория хорошо понимала, что английский король лишь правит от имени бога. В сущности, он вообще не правит, им управляет парламент и платит ему жалование. И для того, чтобы укрепить в себе убеждение, что английская монархия верна и справедлива, ей, наверное, нужен был этот «обратный», негативный пример России. Возможно, Николай I олицетворял для нее образ русской абсолютной монархии, которая лишь совсем недавно отменила рабство. Но где царь – это бог.

Памятник королеве Виктории в Лондоне.
Современный вид

Хотела ли Виктория, образно говоря, быть богиней? На эту мысль наводят ее симпатии к Индии. Когда она добилась статуса «императрицы Индии», при английском дворе появилось много индийских слуг, предметов роскоши и украшений из этой страны.

Королева стала изучать хинди, хотя отнюдь не отличалась способностью к языкам. Да и возраст был уже солидный. Она сама писала: «Я изучила несколько слов на хинди». Вдруг ей понравился некий господин Мунши, который всегда носил классический индийский костюм и роскошные тюрбаны. К тюрбанам королева была неравнодушна и их расцветку подбирала ему сама. Чтобы увековечить экзотическую красоту индийца, она заказала его громадный портрет. Одним словом, чудачества, которые с людьми случаются, особенно к старости, не миновали и королеву.

Но ей теперь прощали все. После того как в стране утвердились стабильность и порядок, все остальное казалось мелочью. Какая в том беда, что королева не любит электричество, и потому Англия до сих пор освещена электрическими лампами, а дворцы – свечами. Это даже мило. Ну и пусть документы парламента отпечатываются на пишущей машинке «Ундервуд», а для прочтения их королевой переписываются от руки ее фрейлинами или дочерями. Королева так хочет, ей не с руки читать машинописный текст. Зато она умеет хранить английские ценности! Пусть будут маленькие капризы, зато без переворотов, революций, срывов и потрясений – именно так, наверное, рассуждали при дворе. Призрак чартистского движения, недовольств рабочих, бурлящая Ирландия – вот то, чего боялись в Англии. Этого же боялась и королева. Ирландию она не любила откровенно – это опять правильно, по-английски. «А ирландцы – все революционеры, не люблю», – говорила она, и это импонировало нации. Конечно, время от времени раздавались голоса: «Многовато уходит денег на содержание королевского семейства». Действительно, всех ее многочисленных детей надо было выдать замуж или женить, значит, парламент должен выдать приданое. Нескончаемые визиты, приемы – это тоже расходы. Но, кроме того, стареющую Викторию вдруг потянуло к роскоши. Она принимает персидского пашу в роскошнейшем туалете, усыпанном драгоценными камнями. На ней – бриллианты из Индии и из древних сокровищниц Англии. Потом она горделиво запишет (она очень любила дневники): «Я рада, что выглядела даже роскошнее этого гордого перса».

Виктория устроила некое шоу, как это не грешно звучит, даже из своей кончины. В свои 82 года она уже не могла самостоятельно передвигаться, пользовалась инвалидной коляской. И вот, чувствуя приближение смерти, она оставила подробнейшие распоряжения о своих похоронах, которые были свято выполнены. Но какие это были распоряжения! В гроб положить ночную сорочку принца Альберта, ее любимые кольца,

цепочки и украшения – не самые роскошные, но именно любимые. Обручальное кольцо, фотографии, связанные с Альбертом. А в левую руку вложить фотографию Джона Брауна и локон его волос…

Склонные серьезно относиться к смерти англичане выполнили последнюю волю королевы. Хотя участие в подобном шоу вызвало у многих шок, но к старой женщине уже удобно было относиться как к чудачке. Ведь с ней уходил целый век, и благодаря ее стараниям – век спокойный. Лучше всего, на мой взгляд, о сути перерождения монархии и превращении ее в символ сказал Джордж Оруэлл в 40-х годах XX века. Он написал: «Люди теперь не могут обходиться без барабанов, флагов, парадов. И лучше, если они будут боготворить кого-то, не имеющего реальной власти. В Англии же реальная власть у джентльменов в котелках, а в золоченой карете, символизирующей величие, восседает другая персона. И пока сохраняется такое положение, появление Гитлера или Сталина в Англии исключено».

С ее смертью уходила эпоха. За время ее правления Англия стала мировой державой, владычицей морей. И в промышленном отношении, несмотря на личную нелюбовь королевы к электричеству, Англия развивалась быстрыми темпами. Виктория ничему не мешала, стараясь помочь там, где это было нужно. Редкое качество для персоны столь высокого ранга! Она окружала себя людьми выдающимися, самостоятельными, дальновидными, подчас великими. И с Дизраэли, и с Гладстоном, и с Пальмерстоном она ссорилась и спорила, но никогда не строила им козни, потому что прекрасно понимала, что без них Англия не будет той страной, какой она хотела ее видеть. Политика, которую она вела – (а казалось, ничем особенным она не занимается!) – была на редкость разумной и главное – единственно правильной для Англии того времени. Подлинным символом английскую монархию сделала именно королева Виктория. И сделала это всей своей долгой жизнью.

Карл Маркс. Смысл жизни – борьба!

Карл Маркс – это человек-легенда, человек-символ. Трудно представить, что его когда-то не было. Неужели он, как все обычные люди ел, пил, спал?! Кажется, что он не имеет ничего общего с обыденной жизнью. Хотя вряд ли можно найти человека более земного. Но у нас создавался ОБРАЗ человека – о человеке никто ничего не знал – образ вымышленный, отлакированный и ничего общего не имеющий с действительностью. Я с изумлением обнаруживаю, что литература о Карле Марксе – человеке предельно скудная, а та, которая есть, исключительно на русском языке. Сейчас кое-что вышло на английском. Но все написанное настолько противоречиво, так полярно, что подчас трудно понять, что речь идет об одном и том же человеке. Одни идеализируют его, нам это хорошо известно. Но есть и столь же пламенные недруги, и они рисуют его только черной краской. И то, и другое вызывает огромное недоверие. Прошло более 130 лет со дня его смерти, но по-прежнему информация еще не «остыла». Сколько же понадобится времени, чтобы трезво и непредвзято посмотреть на этого человека и дело его жизни?

За долгую историю человечества было много претендентов на мировое господство, на мировое владычество в самом прямом смысле этого слова: Александр Македонский, рвущийся подчинить обозримый мир своей воле, смешать, соединить, народы, «вывести» новую расу людей с новой культурой, Чингисхан, задумавший огнем и мечом подчинить себе всех живущих, Наполеон, мечтавший о Франции как единой Европе. Наконец, был фюрер Третьего Рейха, утопивший Европу в крови ради господства одной нации над всеми остальными.

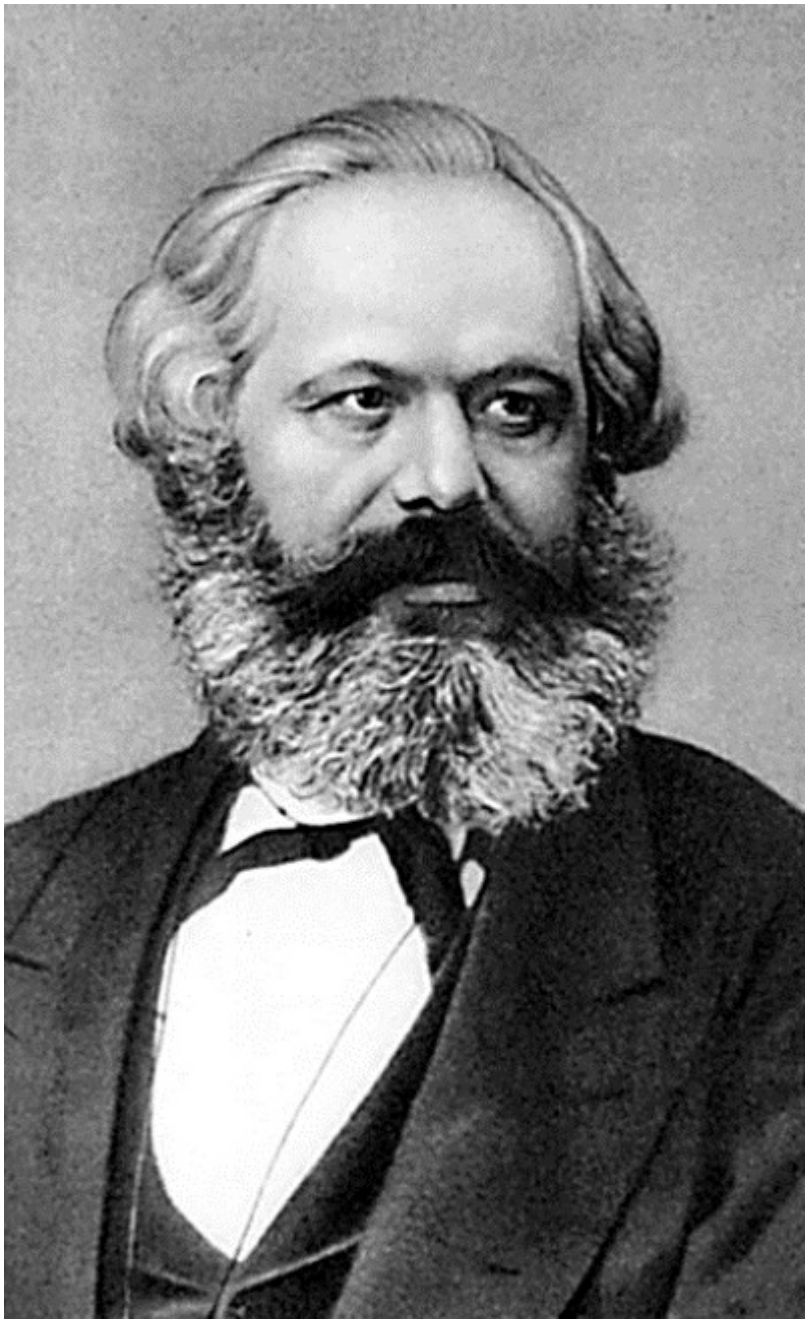
Здесь – другое. Маркс считал себя человеком, обладающим универсальным ключом к счастью всего человечества. Ключом было учение, созданное его интеллектом. В этом случае не требовалось ни армий, ни вооружений. Его воинством был пролетариат, единение которого, независимо от того, где этот пролетариат находился, как раз и гарантировало создание единого пространства, живущего свободно и счастливо. А Маркс оказывался вождем мирового пролетариата, тем, кто хорошо знает, как сделать всех счастливыми. Это совершенно невиданная позиция, дотоле истории не известная. У него был продолжатель – Владимир Ленин. Других не было. Но вернемся к нашему герою.

Перечислим основные факты его личной и творческой биографии. В 19 лет этот юноша из еврейской семьи женился на аристократке из рода Вестфаленов. Это казалось тогда

немыслимо! Вместе с Энгельсом он создал гениальное произведение, каким я считаю «Манифест Коммунистической партии», – утопическое, странное, но необыкновенно талантливое. Карл Маркс – автор «Капитала», той немыслимой, загадочной книги, которую так трудно расшифровать (два тома написал все-таки Энгельс), организатор Первого Интернационала, с нетерпением, надеждой и уверенностью ждавший европейских революций, но так их и не дождавшийся А еще он – отец шестерых детей, из которых дожили до зрелых лет лишь три дочери.

Его образ был почти обожествлен. Но где? В России, которую он откровенно недолюбливал. Маркс совершенно правильно оценивал политическую роль русского царизма, но всю Россию сводить к политическому режиму было, конечно, неверно. Он не знал и не понимал русскую интеллигенцию и русскую культуру. И именно поэтому Россия виделась ему страной зла.

Он очень любил образ Зевса, и в его кабинете, где бы он не жил (а жил он в разных странах), всегда стоял бюстик этого громовержца. Кстати, Маркса таким нам и рисовали – смелым мыслителем, энергичным создателем Интернационала, счастливым главой семьи. Действительно, жена и дети его обожали, но при этом никто из исследователей не проронил ни слова об умерших детях, о том, как бесконечно и тяжело болела жена Дженни, как они голодали, как рано состарился и одряхлел он сам.



Карл Маркс.
Фото 1867 г.

Он родился 5 мая 1818 года в городе Трир в Германии. Отец – Генрих Маркс, адвокат из семьи раввинов. И значит Карл не просто еврейский мальчик, он еще из семьи раввинов. Понятно, что значил этот факт для элиты. В 1824 году отец Маркса принял

протестантство, так как иудей в тогдашней Пруссии – а Трир перешел к Пруссии, Германия еще раздроблена, – не мог занимать никаких должностей. Это решение далось отцу нелегко, но призвав на помощь весь свой разум и рассуждая логически, он пришел к выводу, что для всей семьи будет намного лучше, если они станут протестантами. И вся семья перешла в протестантство. А еще Генрих Маркс был уверен, что у протестантов – самое рациональное учение и церковь у них самая рациональная. Соображение в духе времени! Ведь на дворе – XIX век.

Мать Карла Маркса, Генриетта Пресбург, тоже из семьи раввинов. Можно ли было помыслить, что с такими корнями Карл Маркс женится на аристократке из семьи Вестфален, да еще и станет вождем мирового пролетариата? Однако, жизнь фантастичней всех наших представлений о ней. И жизнь Маркса тому прекрасный пример.

У него были братья и сестры, но сколько их было, точно нам неизвестно, потому что источники противоречивы. Образование он получил неплохое, но не блестящее. В 1830–1835 годах юноша закончил с отличием гимназию в Трире. Его интеллектуальные, аналитические способности сомнению не подлежат, он необыкновенно развит умственно. Возможно, благодаря влиянию Вестфаленов, юноша проявляет интерес к античности.

Вестфалены были очень демократичны. Многие годы они принимали у себя этого красивого, живого и умного мальчика и его отца. Еврейские дети Генриха Маркса играли вместе с детьми аристократов, и Дженни была подругой Маркса с детства. Она была на 4 года с лишним старше Карла. Он нравился ей. Однако Вестфалены и помыслить не могли, что их дочку подстерегает опасность, что этот яркий, красивый молодой человек осмелится думать о браке с их Дженни. Но это – не скоро, а пока они симпатизировали ему, а он, общаясь с членами этого благородного семейства, имел возможность расширять свой кругозор. В итоге он поступает в Берлинский университет. Но происхождение, несмотря на переход в протестантство, все-таки мешало, и потому степень доктора философии Карл получил в 1841 году не в Берлинском университете, а в Йенском, где отношение к вопросам веры было проще. Диссертация была на тему, далекую от мировой революции – «Различия между натурфилософией Демокрита и натурфилософией Эпикура». Занимайся он и дальше этими проблемами, возможно, наш мир прожил бы другую историю. Но его тянуло в античную философию, которая всегда интересовалась понятием справедливости. А вот тут уже – один шаг до всеобщей справедливости, руководящей коммунистической идее.

В его жизни, в его судьбе огромную роль играла жена, Дженни фон Вестфален (1814–1881). Почти 40 лет она была секретарем Маркса и умерла за два года до его кончины. Всю жизнь она переписывала его неразборчивые рукописи. И если Софья Андреевна, жена Льва Николаевича Толстого, переписывала тексты гениальные, художественные, то Дженни писала то, что вряд ли могла понять. Энгельс, разбирая бумаги Маркса после его смерти, говорил: «Я работаю над неструктурированными рукописями второго, третьего тома «Капитала», я почти ничего не понимаю, работаю с трудом». И это говорил соавтор Маркса! Можно представить себе, каково приходилось этой самоотверженной, удивительно красивой женщине. Но это был ее собственный выбор.

Они обручились тайно от родителей в 1837 году. При всем своем либерализме аристократы фон Вестфалены принять этот брак были не в состоянии. Интересно, что и семья Маркса тоже была не в восторге от решения сына. Дженни, считали они, уже старовата для него, ей 23 года. Кроме того, его родители полагали, что он «рубит дерево не по себе», и к добру их брак не приведет. Но это была любовь, глубокая и преданная, особенно со стороны Дженни. Вся жизнь ее была тому свидетельством. Семь лет Дженни ждала, чтобы выйти замуж за Карла. Семь лет – срок огромный! Она чуть не превратилась в старую деву, и это она, первая красавица Трира, королева балов, получавшая предложения самых завидных женихов ее круга и отвергшая их! В конце концов родители уже стали беспокоиться за ее судьбу. О Марксе они никак не думали всерьез. «Ну, блажь, ну пройдет, раз родители категорически против», – размышляли они. Отец, не дождавшись разрешения этой тяжелой ситуации, скончался. И тогда мать, видя, что Дженни не выйдет ни за кого, кроме Маркса, понимая и то, что сама не сможет смириться с одиночеством дочери, отступила и дала свое согласие. Маркс писал в одном из писем, что Дженни пережила ад, отстаивая свое право на этот брак, «да и в моей семье, – намекнул он, – все было очень нелегко».

И они обвенчались. Коммунистические идеи Марксу, как видно, не помешали, он воспитан был в церковной традиции. Начинали они жить радостно. Наконец-то свершилось то, чего они так страстно желали – они вместе, и вместе будут всю жизнь, и это – счастье! Дженни начала сразу рожать детей. Всего их было шесть, трое из них – два мальчика и девочка умерли очень рано. Девочке было всего два года. Особенно они тосковали по девятилетнему Эдгару.

В молодости Маркс, яркий, жизнелюбивый, был очень

склонен к светской жизни. Он еще не отрастил мощной бороды, закрывающей лицо и шею, был смугл, синеглаз и очень привлекателен. Любил выпить хорошего вина, поиграть в карты, как это было принято в мужской среде той эпохи, то есть вполне годился на роль светского льва, но для того, чтобы сыграть эту роль, у него не было материальных возможностей. Может быть, чтобы не думать о земном, он и сосредоточился на идее?

Маркс писал стихи, которые Дженни обожала. Когда к старости он решил вдруг их уничтожить, считая слабыми (возможно, сравнивал с «Капиталом» или «Немецкой идеологией»), Дженни не позволила. Она сказала: «Нет, это мое. Я никогда в жизни не читала более прекрасных стихов». И они сохранились. Это романтические, лирические, прелестные стихотворения о любви.

Экономическая ситуация в Германии тогда была нестабильной. В атмосфере промышленного переворота очень трудно было не только приобрести капитал, но и сохранить уже имеющийся, накопленный. Не растерять, а приумножить могли только дельцы, а не аристократы и адвокаты. И потому семья Марксов бедствовала, хотя родители Дженни и Карла отнюдь не были бедняками.

Как только Маркс обзавелся семьей, он пошел на службу. Он стал сотрудником, а потом редактором «Рейнской газеты» в городе Кельне с хорошей – 500 талеров – зарплатой. Но в 1843 году он выходит из редакции. А газета (она была оппозиционной) вскоре закрылась. Регулярная работа его не прельщала, он любил и умел работать в одиночку. Возможно поэтому всегда складывалось так, что на службе он долго не задерживался.

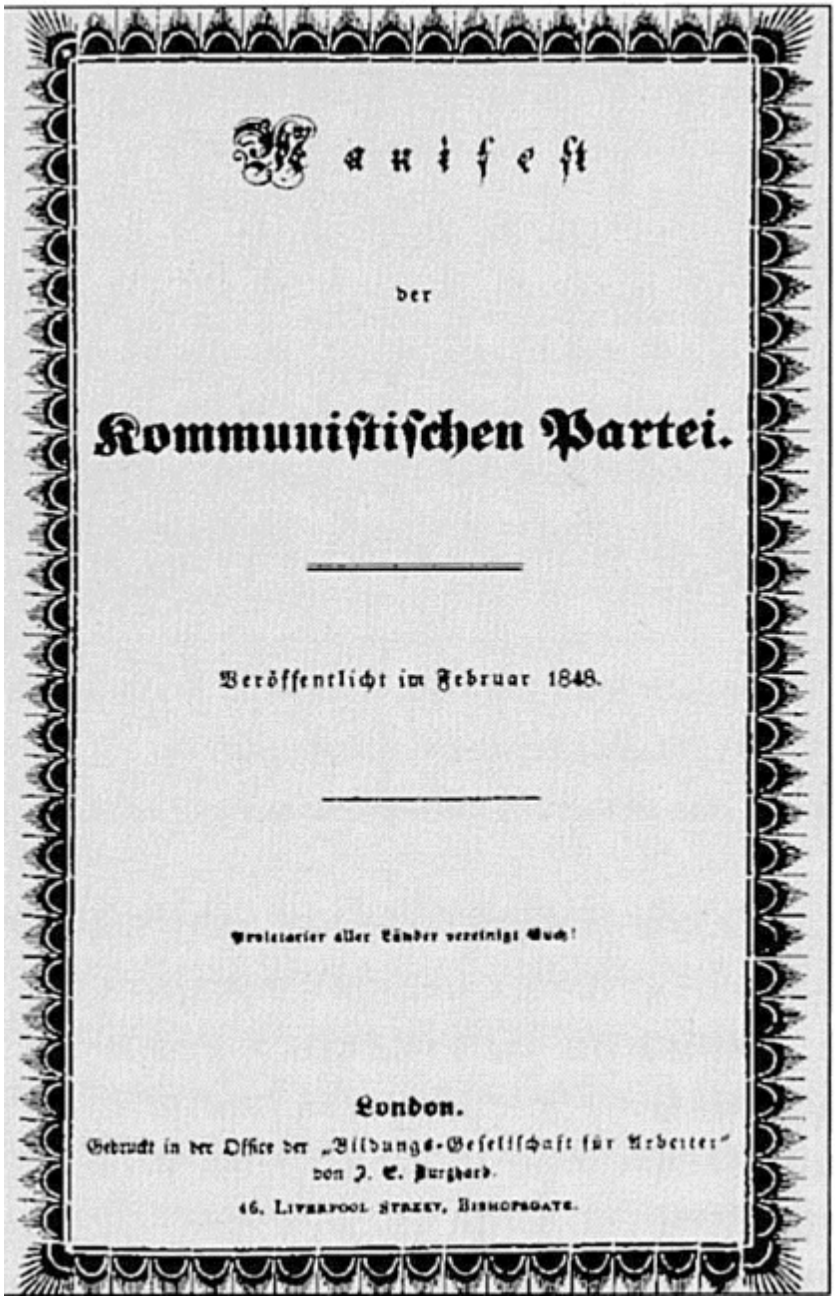
Однако из «Рейнской газеты» он ушел по идейным соображениям. Ведь он был действительно человек идеи. Как ее расценивать, эту идею? И как объяснить, почему возникла она именно у него, вовсе не пролетария? Честолюбивое желание быть вождем? Ощущение себя харизматической личностью? Вдруг возникшая уверенность, что именно он – обладатель рецепта счастья? И значит, конечно, войдет в мировую историю этаким Зевсом – громовержцем, перестроившим всю вселенную?! Головокружительные амбиции дорого стоили окружающему миру в целом и его семье, в частности.

Карл Маркс и его жена Дженни.
Фото 1869 г.

После закрытия по политическим мотивам «Рейнской газеты» Маркс становится «персоной нон грата». Он вынужден покинуть Германию под угрозой ареста. Он все больше ощущает себя оппозиционером, революционером. В 1844 году вместе с неким Арнольдом Руге он создает журнал «Немецко-французский ежегодник». Его сдвоенный номер, вышедший в Париже, оказался первым и последним. Почему? Маркс не сошелся с Руге по

идейным соображениям. Руге для него – человек слишком умеренных взглядов, не революционных, что его, Маркса, не устраивает. Он расстается с недавним компаньоном очень бурно.

Вообще со временем Маркс становится все более нетерпимым критиком любых других взглядов, кроме своих собственных. Любопытно об этом написали те, кто с ним встречался. Вот впечатления П.В. Анненкова в его книге «Замечательные десятилетия»: «Сам Маркс представлял из себя тип человека, сложенного из энергии, воли и несокрушимого убеждения. Он имел вид человека, имеющего право и власть требовать уважения, каким бы не являлся перед вами и что бы ни делал. Все его движения были смелы и самонадеянны. Все приемы были горды и как-то презрительны, а резкий голос, звучавший как металл, шел удивительно к радикальным приговорам над лицами и предметами, которые он произносил. Непримиримый, жестокий критик того интеллектуального круга людей, который был наиболее влиятельным и значимым в культуре. Кого он только не громил: младогегельянцев, Гегеля, Фейербаха, Прудона – всех. А ведь все они были искателями философского пути будущего развития европейской цивилизации».



Manifest

der

Kommunistischen Partei.

Veröffentlicht im Februar 1848.

Proletarier aller Länder vereinigt Euch!

London.

Gedruckt in der Office der „Bildungs-Gesellschaft für Arbeiter"
von J. E. Burghard.

46, Liverpool Street, Bishopsgate.

Манифест коммунистической партии.
Фото репродукции

Итак, Маркс опять без работы. Но она никогда не была его приоритетом, его жизнь – служение, служение мировому пролетариату – этой великой абстракции, которую с трудом можно себе представить. Зато очень хорошо можно представить

себе, как его семья бедствует, голодает, как дети умирают в нищете, и несчастная Дженни молит мужа найти хоть копейку, чтобы купить хлеба. Вот небольшая выдержка из одного письма Маркса, а таких писем множество: «Дженнии больна. Моя дочь Дженни больна. У меня нет денег ни на врача, ни на лекарства. В течение 8—10 дней семья питалась только хлебом и картофелем. Диета не слишком подходящая в условиях здешнего климата. Мы задолжали за квартиру. Счета булочника, зеленщика, молочника, торговца чаем, мясника – все не оплачены». Его устремленность в невиданное светлое будущее всего человечества очень трудно совместить с заботами дня – с зеленщиком, мясником и прочими реалиями жизни. Почти все письма Маркса изобилуют описаниями их скуднейшего быта, а в письмах к друзьям, знакомым, эмигрантам, тем, кто побогаче – постоянные просьбы о деньгах. В будущем они с Дженни получат небольшие наследства своих родственников, но все эти средства уйдут в уплату долгов, и на жизнь по – прежнему ничего не останется. Автор «Капитала» с деньгами был не в ладу.

Был случай анекдотический. Когда уже продали пальто Карла, и он пошел продавать что-то из семейного серебра дома фон Вестфален, его арестовали по подозрению в воровстве. И понятно – этот явно неаристократического вида человек держит в руках фамильное серебро людей знатных и известных! И Дженни, верная Дженни не в первый и не в последний раз извлекла его из кутузки! А потом они еще и посмеялись над этой грустной историей.

Встреча с Энгельсом была для него судьбоносной. А ведь они могли и не встретиться! Хотя это невозможно вообразить – Маркс и Энгельс воспринимаются как единое целое, почти как один человек. Фридрих Энгельс, благополучный, преуспевающий, интеллектуальный юноша, направляясь в Англию, совершенно случайно зашел в ту самую «Рейнскую газету», где служил одно время Карл Маркс. Зашел потому, что его уже привлекали оппозиционные издания, и он хотел начать сотрудничество с одним из них. У Энгельса было блестящее перо, он прекрасно писал, и знал, о чем надо писать. «Рейнская газета» представлялась ему как раз такой, которую читают мыслящие люди. Там он и встретил Маркса.

При первой встрече они не бросились друг другу в объятия, говорили мало, исключительно по делу. Маркс сказал, что да, действительно, в Лондоне очень полезно было бы иметь такого образованного и широко мыслящего корреспондента. Он еще не знал тогда, что большую часть своей жизни проживет именно в Лондоне. И они договорились. А затем очень скоро встретились в

Париже. И вот эта встреча уже была окрашена человеческой симпатией и теплом. Они сидели в небольшом ресторанчике, пили прекрасное французское вино, говорили о материях сложных, высокоинтеллектуальных и разнообразных и дивились, и радовались тому, что их мысли совпадают и что говорят они в унисон. Редкостная удача, поистине судьба – такая встреча на всю жизнь.

Идут 40-е годы XIX века. В воздухе ощущается революционный накал. И им, людям чувствительным, эмоциональным, умным, показалось, что революция непременно прокатится по Европе. А ведь так оно и случилось в 1848–1849 годах! Они это почувствовали и угадали. А раз так, значит именно они, молодые, талантливые, энергичные, вдохновленные освободительной идеей, сострадающие нищему пролетариату, должны возглавить революционное движение, духовно направить стихийный бунт в нужное русло, предотвратить катастрофу, которая надвигается, и научить несчастных, как жить. И тогда это будет не катастрофа, а великий праздник очищения, свободы, равенства, братства, праздник, к которому человечество стремится.

Они действительно сострадали нищим. Маркс – потому что и сам был таким, а Энгельс – потому что отличался редкой добротой, милосердием и совестливостью. Преуспевающий фабрикант, он мог бы и не думать о пролетариате, его счастье, свободе и благополучии, как не думали сотни таких, как он. Зачем это ему? Ан, нет. Он написал прекрасную книгу «Положение рабочего класса в Англии», она одна может многое рассказать о душевных качествах этого человека. Но в книге он выплеснул лишь малую часть своих чувств. Дружба и сотрудничество с Марксом – вот где раскрылась его нравственная красота в полной мере. Он назначил Марксу стипендию и каждый месяц, регулярно, в течение многих-многих лет посылал ее. Кроме того, когда стипендия заканчивалась раньше срока, он высылал дополнительные суммы. Собственно, именно для того, чтобы помогать этой семье, он пошел работать на фабрику, что сильно отрывало его от собственных интеллектуальных занятий. Но он не жаловался никогда. Более того, преклоняясь перед мощным умом Маркса, считал помощь ему своей обязанностью и помогал, конечно, не только материально.

16 августа 1867 году Маркс подписал последний лист I тома «Капитала» к печати. В письме, написанном Энгельсу в 2 часа ночи, он говорил: «Итак, этот том готов. Только тебе обязан я тем, что это оказалось возможным! Без твоего самопожертвования для меня я ни за что не смог бы проделать всю огромную работу для

трех томов. Обнимаю тебя, полный благодарности! Привет, мой дорогой, верный друг!» Об участии Энгельса в издании следующих двух томов уже говорилось, без него тома «Капитала» никогда бы не вышли.

Но и это еще не все. На склоне жизни Карла их священный роман с Дженни был омрачен. Проживающая в их семье домашняя хозяйка-экономка Елена (Ленхен) Дельмут внезапно родила ребенка, не будучи замужем. У Дженни появились скорбные сомнения. Ленхен, обожаемая Ленхен – на ней держалось все их скудное хозяйство, она умела на копейки кормить семью, умела экономить, терпеть и не жаловаться! Верный, прекрасный друг семьи! Как теперь жить? Дженни глухо писала в письмах: «Тяжелейший год. Тяжелейшие события в нашей семье». К ней является Фридрих и, потупившись, признается, что это его ребенок… Мальчика назвали Фредди и отдали на воспитание в чужую семью. Можно ли представить себе более преданного друга и благородного человека?

В 1848 году Маркс и Энгельс создали рабочую организацию «Союз коммунистов». И по поручению президиума этого «Союза», то есть самих себя, взялись написать некий документ – «Манифест Коммунистической партии». А дальше стали происходить удивительные вещи. Этот необыкновенный, ярко написанный, совершенно не казенный документ произвел в среде людей революционно мыслящих ошеломляющее впечатление. Этот «Манифест» сильно воздействует даже в наши дни. А тогда первые его читатели, разумеется, были не из рабочей среды, а из среды интеллектуалов, тех самых, которые должны была взвалить на свои плечи колоссальную ответственность за грядущие катаклизмы мира. Понимали ли они вполне меру своей ответственности? Вряд ли. Во всяком случае, именно эти революционно настроенные интеллектуалы начинают создавать кружки среди рабочих, где читали, пропагандировали «Манифест Коммунистической партии».

Этот документ пронизан молодой, умной и яркой убежденностью, что «это дело верное и победа будет за нами», – вот почему он был столь популярен. И самое главное, конечно, – реальность 1948 года, бурлящего событиями и выступлениями рабочего класса во Франции, Германии, Италии и в более мирных формах в Англии. Рабочий класс, получивший свой «Манифест», свою программу будущей борьбы, должен был бы одержать победу. Однако, как известно, успеха не было. Были огромная усталость и разочарование. Тяжелейшее время для Маркса! Успех пришел много позже, вождь мирового пролетариата не дожил, к счастью, до этих дней. И случился этот «успех» в России, о

которой Маркс вовсе не думал как о месте возможной революции.

Рассказ о нем будет не полным, если не сказать о его семье, его родных. Все домочадцы Маркса – революционеры, все, без исключения. Дженни разделяет его взгляды полностью, ни на минуту не сомневаясь в том, что ее муж Карл несет счастье всему человечеству. Это помогает ей стоически переживать собственные страдания, физические (она очень много и тяжело болела) и моральные, а также материальные лишения. Когда маленькую двухлетнюю девочку не на что было похоронить, она, как мать, могла отшатнуться от великих идей своего мужа. Нет, она по-прежнему абсолютно уверена, те жертвы, которые выпадают на ее долю, надо переносить во имя величайшего, благороднейшего дела на Земле.

Так же думали его три дочери. В одном из поздних писем младшая дочь Элеонора, правда, написала: «Наверное, нам надо было больше жить собственной жизнью». Однако это вовсе не значит, что Элеонора усомнилась в идеях своего отца – она была революционеркой до мозга костей. Нет, эта фраза была связана с личной жизнью женщины, в частности, с ее замужеством. Маркс, этот «Карл Великий» очень строго относился к женихам дочерей. Они должны были пройти у него некий «тестовый отбор». Женихов Дженни и Лауры он сразу одобрил, а вот с претендентом на руку Элеоноры возникли сложности. В итоге был выбран самый неудачный из всех, кого можно вообразить. Потому что Эвелинг, третий зять Маркса, оказался настоящим исчадием ада.

Итак, сначала три дочери Маркса становятся революционерками. Затем выходят замуж за революционеров. Дженни стала женой Шарля Лонге – французского журналиста и политического деятеля, члена Парижской коммуны 1871 года. Их сын Эдгар тоже революционер и тоже член Коминтерна, а с 1938 года – член компартии и участник французского сопротивления. Лаура, пожалуй, самая красивая и особенно поженски привлекательная, хотя все они на редкость хороши, вышла замуж за знаменитого француза Поля Лафарга – революционера, мыслителя и публициста. Из-за преследований, которым он подвергался на родине, они эмигрировали в Испанию, затем, впрочем, вернулись во Францию. Лаура переводит труды Маркса на французский язык, делая их достоянием многих.

В 1911 году Лафарги покончили жизнь самоубийством. Поль Лафарг был существенно старше Лауры и, достигнув определенного возрастного рубежа, счел себя бесполезным для партии, а потому принял решение уйти из жизни. Лаура заявила, что жить без него она не будет. И в одно ужасное утро домработница обнаружила их сидящими друг против друга в

креслах. Они одновременно приняли цианистый калий.

И, наконец, Элеонора, деятель международного рабочего движения, революционерка, наверное, самая страстная из сестер. Она принимала участие в организации стачек, манифестаций, рабочих кружков, собраний, занималась публикациями, переводами. Известно, что будучи на последних месяцах беременности, она выступала на рабочих собраниях. Главное для нее – революция, все остальное лишь помехи. Она вышла замуж крайне неудачно – за Эдуарда Эвелинга, революционера, публициста. Но, как говорят современники, человек он был злобный, неблагородный – словом, подлый человек.

Все члены семьи Маркса прожили интересную, хотя и трагическую жизнь. Ведь все они были фанатиками идеи. Идея во многих отношениях подавила их жизнь естественную. Хотя никто из них опять-таки не согласился бы с этим утверждением.

В последние годы жизни, после истории с Еленой Дельмут, Дженни, не опускаясь до семейных скандалов, всячески стремилась сохранить то, что называлось «атмосферой семьи». В частности, особенностью этой атмосферы была игра, все они были немножко актерами. Например, у всех были прозвища. Маркса звали Мавр. Они играли свою пьесу о счастливой и радостной семье, о счастливой и радостной жизни. Возможно, это многое объясняет.

Фридрих Энгельс. Золотое сердце

Предшественниками Владимира Ильича Ленина, как известно, являются Маркс и Энгельс. В моей молодости их имена сливались в одно, и мы так и произносили – «Марксэнгельс». Это удивительная пара и по сей день нам мало знакома, ибо интерес к ней был начисто отбит в школе и в институте принудительными и бездарными занятиями по марксизму-ленинизму. Мы поверхностно знаем и судим о них, о жизни этих выдающихся людей очень мало написано, особенно об Энгельсе, который всегда сознательно и убежденно ставил себя в тень великого Маркса. И потому свой очерк я мысленно называю «Жизнь в тени». Энгельс писал: «Маркс был гений, а мы в лучшем случае таланты», «То, что я внес, мог сделать Маркс и без меня, а того, что сделал Маркс, я не мог бы выполнить». Лично я в этом сильно сомневаюсь. Причем сомневаюсь с давних пор, с тех советских времен, когда нас, студентов истфака МГУ, заставляли конспектировать труды основоположников марксизма-ленинизма. Маркс – экономист, идеолог и понять его гораздо сложнее. Я любила читать Энгельса. Все, что он создал, написано сочно, талантливо, все окрашено его яркой индивидуальностью. Энгельс отличался невероятной эрудицией. Он владел 12 языками и читал на 20-ти, занимался естественными науками и писал о них, делая свои совершенно нестандартные и новаторские выводы. Его труды «Развитие социализма от утопии к науке», «Крестьянская война в Германии» и, конечно, «Происхождение семьи, частной собственности и государства» запоминаются, увлекают. Он сочинял стихи и был неисправимым романтиком. Я с интересом обнаружила, что в немецкой философской литературе начала XX века систему научного коммунизма называли Энгельс-Марксовой, потому что Маркс создал в ней только экономическую теорию. В его труде «Капитал», который с трудом доступен пониманию среднего человека, в первом томе есть 24-я глава, в которой знаменитые «огораживания» в Англии описываются так блестяще, что до сих пор я ее помню. И у меня навсегда осталось подозрение, что эту главу мог написать Энгельс – его стиль, его эмоциональность.

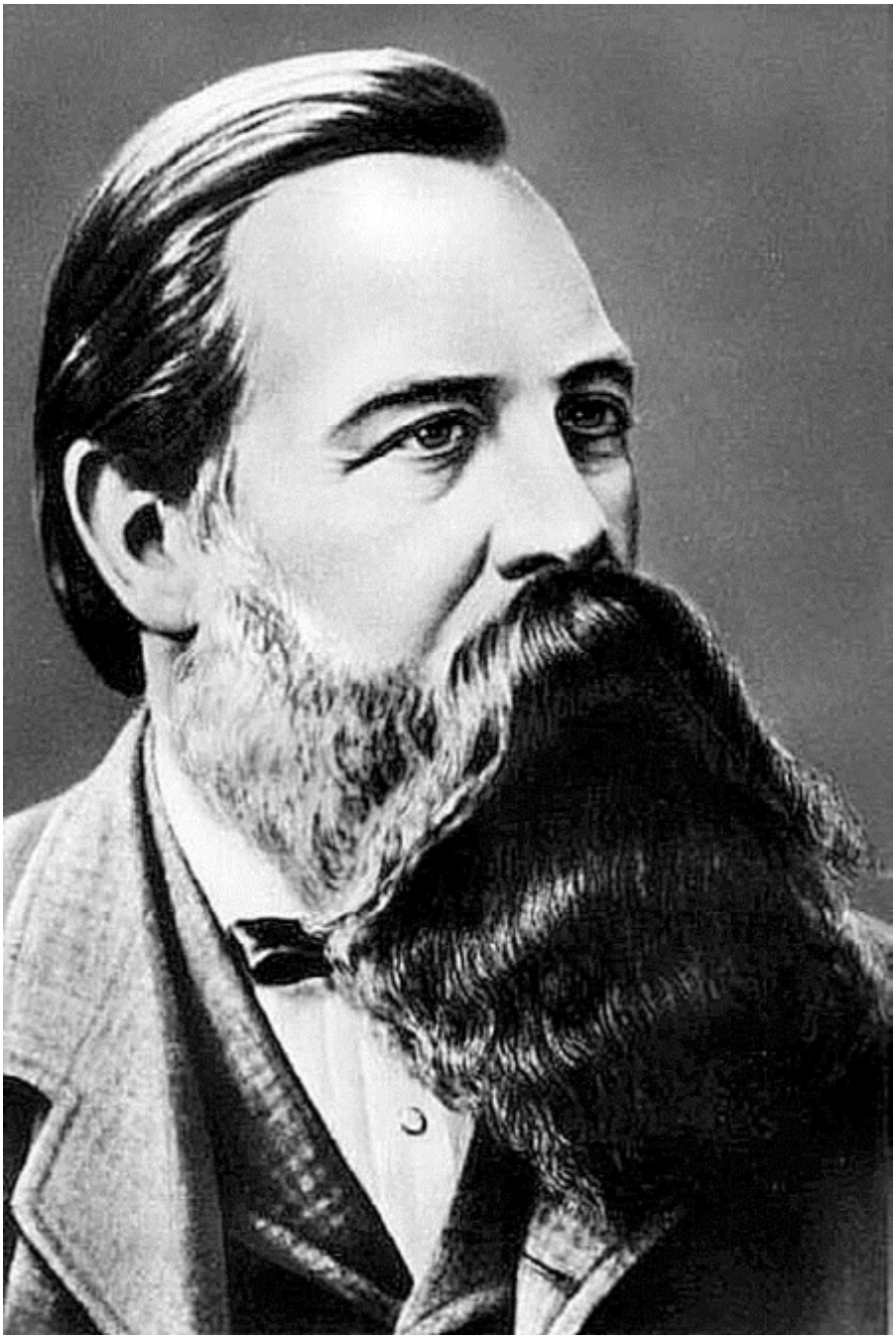
Он родился 28 ноября 1820 года в небольшом городке Бармен Рейнской провинции Пруссии. Его отец – Фридрих Энгельс-старший – богатый немецкий фабрикант, представитель постнаполеоновской буржуазии. Мать, Элиза Франциска Маврикия, тоже из состоятельной семьи. Фридрих-младший был не единственным ребенком в семье. С детства он отличался

какой-то замечательной просветленностью, жизнерадостностью, что в юности приведет его к романтизму. Он с увлечением читает древнегреческие мифы, древнегерманский эпос. «Кольцо Нибелунгов» становится его любимой книжкой, он знает и цитирует ее почти всю наизусть. Память у него была удивительная и способность к языкам тоже совершенно феноменальная. Каждому, с кем ему довелось состоять в переписке, он отвечал на его родном языке, добавляя смесь иностранных слов. И все это, шутя, играючи, с удивительной легкостью. Иногда, тоже с поразительным изяществом, он начинал писать на древнегреческом, затем переходил на латынь, а потом уже на современные европейские языки. Так он поступал, когда хорошо знал, что этим доставит адресату особое интеллектуальное удовольствие. Ведь мысли и чувства полнее всего можно передать, лишь владея разными языками. Талантливый человек, он постигает жизнь глубоко, но легко, как бы шутя, без «зверской» серьезности.

Фридрих Энгельс.
Фото 1860-х гг.

В юности начинаются столкновения Фридриха Энгельса с отцом, человеком в высшей степени буржуазным, строгим протестантом, который требовал от своих домочадцев подчеркнутой скромности, умеренности во всем. Однако мама любила Гете, музыку, литературу и была не чужда романтизма, и, несмотря на то что находилась под железной пятой мужа, влияла на сына. В 1834 году Фридриха отдали в городскую гимназию. Любимыми его предметами были история, языки. Он гуманитарий (скажем в скобках – в отличии от Маркса), и отец

этим недоволен, ему-то нужен экономист. Ему бы в сыновья Маркса! Но без революционных идей. Энгельс-старший хотел, чтобы его сын был человеком торговым, работником, настоящим преемником, чтобы это был коммерсант, и дело его попало в хорошие – свои руки. А мальчишка обожает своих учителей словесности и истории. В архиве Энгельса сохранилась тетрадь, в которой юный Фридрих записывал на основе лекций любимого преподавателя факты древней истории. Тетрадь так и называется – «От сотворения мира до Пелопонесской войны». Тут же иллюстрации, выполненные им самим. Вот рисунок с надписью «Колоссальный Сфинкс близ Каира», далее – Длинные ворота в Микенах, сцены из Греко-персидских войн. Талантливо, красиво, легко! Потом он даже публиковал некоторые свои карикатуры, ибо свой дар рисовальщика направил на революционную критику современного ему общества. Родись он на 50 лет раньше – быть ему энциклопедистом уровня Дидро, Монтескье. Его старая нянька вспоминала, как однажды юный Фридрих, ему тогда было лет двенадцать, появился в доме в дневное время с фонарем. На вопрос «Что ты делаешь?» он отвечал: «Ищу человека». Он играл в Диогена. В 16 лет он напишет поэму «Бедуин» и даже напечатает ее в немецком журнале, но вскоре признает, что «оседлать Пегаса» ему не удалось. Он всегда относился очень к себе требовательно и критично.



Фридрих Энгельс.
Фото 1870-х гг.

Итак, он человек гуманитарного склада и уже этим выделяется среди жителей буржуазного протестантского мирка, для которых переводы Ливия, Цицерона, Вергилия и Горация –

вещь абсолютно бессмысленная, а веселый нрав – безусловный грех. Но он сохранит до старости свою безудержную потребность в духовном и интеллектуальном питании. Уже в зрелые годы он станет переводить «Евгения Онегина», освоив русский язык… Энгельс-старший и Энгельс-младший были людьми из разных идеологических миров, и потому между ними установились натянутые отношения. И наверное можно понять трагедию отца, верующего протестанта, у которого сын не только стал революционером, но и воинствующим атеистом. Разочарованный в сыне, он проявляет очевидный отцовский деспотизм – не дает ему закончить последний класс гимназии. В 1837 году Фридрих Энгельс-младший, повинуясь воле отца, возвращается в отчий дом. Ему предстоит работать в торговой фирме «Гаспар Энгельс и компания» в Бармене. Отец рассуждал так: пусть мальчик окунется в конторские книги, включится в дела – а там, глядишь, и засосет его. И ведь скольких засасывало! Юный Фридрих работает добросовестно и старательно. И внешне все так, как и предполагал отец. Но это не мешает юноше публиковать своего «Бедуина», а также стихотворение «Из Испании», где есть такая знаменательная строчка: «Поэт дозором на башне более высокой, чем вышки партии, стоит». Это в зрелые годы Энгельс будет всецело предан коммунистической партии, которую они создадут с Марксом. А здесь, в юношеском стихотворении – он озарением, чувством, сердцем заметил превосходство поэзии над всякими умствованиями. Энгельс увлекается спортом. Высокий, крупный, физически сильный, он очень успешно занимается фехтованием, верховой ездой, плаванием. Его не пугает военная служба, он пишет об этом: «Настоящий мужчина должен отслужить в армии». Он еще не враг режима, и у него нет идейных соображений, препятствующих ему пойти в армию. В 1841 году Энгельс отбывает воинскую повинность в Берлине. Он был бомбардиром, артиллеристом. Занятно, что впоследствии он напишет несколько трудов по артиллерии и очень увлечется военной историей. И надо сказать, что в области военной истории Энгельс напишет много интересного. Не забудем правда, что при этом он во многом опирался на труды Карла фон Клаузевица, знаменитого специалиста по истории военного дела в Германии.

При этом молодой Энгельс посещал лекции в Берлинском университете. Университет в Берлине – один из самых видных, престижных в Германии. Энгельс был вольнослушателем, всей душой стремился в университетскую среду и, если бы не отец, конечно, получил бы настоящее фундаментальное образование. А так – остался самоучкой. Подумать только, Энгельс – самоучка! После военной службы Фридрих отправляется в Манчестер на

одно из предприятий отца «Эрмен и Энгельс». Отныне его жизнь будет неразрывно связана с Англией. По дороге туда, остановившись в Кельне, Энгельс впервые встретился с Марксом. Знал бы отец, что поездка в Англию перевернет судьбу его сына! Глава семейства все боялся влияния дурных романтических идей на Фридриха. По сравнению с тем, что произошло, все отцовские страхи кажутся смешными, наивными. Карл Маркс, главный редактор «Рейнской газеты», был на два года старше Энгельса. Энгельс зашел в редакцию, которая была ему симпатична своими ему либеральными взглядами, зашел, чтобы узнать, не требуется ли газете корреспондент в Англии. И какая удача! Ей как раз нужен был корреспондент и именно в Англии. Первая встреча Маркса с Энгельсом не привела немедленно к пылкой дружбе – встретились они довольно прохладно, уж больно были разные. Но впереди – такое тесное сотрудничество, такая бескорыстная и отчаянная – со стороны Энгельса – дружба, которые и вообразить-то себе в тот момент было невозможно.

В Англии Энгельс, будучи корреспондентом газеты, много ездил и видел жизнь страны в эпоху раннего капитализма. Положение рабочих в то время было далеко не блестящим, во многих районах – просто ужасным. Недаром в Англии в это время широко развилось рабочее движение, которое вошло в историю под названием «чартизм». Его взгляды быстро левели, вслед за Марксом, он проникался убеждениями, что пролетариат – самый передовой класс в мире и, в частности, в Англии и что революция пролетариата неизбежна. Очень скоро Энгельс начнет управлять текстильным предприятием отца в Манчестере, и сам увидит, как живет рабочий класс в Англии. Страдания людей поразили его доброе сердце. В сущности, сама реальность подтолкнула его к коммунистическому мировоззрению. На закате своих дней, пережив Маркса, он поймет, что все увиденные им в юности ужасы – неизбежные спутники раннего капитализма. Тогда он запишет: «Чем более развивается капиталистическое производство, тем менее оно уживается с мелкими приемами обмана и мошенничества, которыми характеризуются его ранние ступени». И о своей знаменитой книге, «Положение рабочего класса в Англии», написанной им в 22 года по манчестерским впечатлениям, он скажет за три года до смерти: «Положение вещей, изображенное в этой книге, принадлежит теперь, по крайней мере, в Англии, прошедшему». Он был человеком выдающегося ума, и мысль его никогда не стояла на месте. Коммунистическая идея, которую они с Марксом так блистательно оформят, была привлекательна и до нашей эры, и в Средние века, она остается привлекательной для многих людей и

сегодня. Это – кажущаяся возможность всеобщего счастья и благоденствия, наступающего в одночасье. Великое заблуждение! Но тогда в Англии в начале 40-х годов XIX века, видя непосильный труд рабочих и сострадая им, Энгельс сделался социалистом за полтора года. Тогда, в Англии, он жил очень интенсивно, он работал на фабрике, читал, занимался переводами, мысль работала напряженно. Она искала выход, и социализм показался тем единственным, который найден.

В Англии он встречает простую ирландскую девушку, Мэри Берне, которая в 1863 году становится его гражданской женой, выбор был сделан по велению сердца и под влиянием формирующихся у него убеждений, искренних и, как выяснилось, несокрушимых. Фридрих отказался официально оформить отношения, потому что в молодости (а ему 24 года) он относился к институту семьи как к делу вполне буржуазному и чрезвычайно искусственному, несправедливому по отношению к женщине. Уже тогда он пишет, что брак, закрепляющий доминирование мужчины над женщиной, которые изначально равны, не должен бы заключаться вообще – вот разве только церковный. В детстве он пылко верил в бога. А затем – в отсутствие оного. Он был пылким человеком, руководствующимся движениями сердца во многих своих важных поступках и отношениях, в частности, в отношении к Карлу Марксу. После полутора лет чрезвычайно добросовестной работы в Манчестере, он возвращается к отцу, став чартистом, социалистом, написав книгу, которая войдет в историю и станет учебником для многих поколений. И встретив подругу жизни. Возвращается, чтобы вскоре отправиться в Париж. Рада ли Мэри такой перемене в своей жизни? Думаю, что да. Прежде всего потому, что она была из простой семьи очень низкого достатка. И кроме того, считалось, что он взял ее с улицы, то есть были подозрения, что она не отличалась прежде идеальным поведением. После ее смерти он женится на ее сестре Лидии… А пока Фридрих дружно живет с Мэри, стараясь поднять ее до своего уровня.

В Париже Энгельс оказывается в 1844 году, в канун европейских революций 1848 года. И здесь он снова увидел Маркса. Часто встречаясь в кафе, где оба любили выпить хорошего французского вина, они сближаются, их встречи становятся дружескими. Карл и Фридрих оказались родственными душами. Оба эмоциональные, страстные, умны, хорошо образованы. Их очень интересовала жизнь общества, мира. Они и были людьми Мира. Энгельс горячо рассказывал о своих впечатлениях об английском рабочем классе, делясь с Марксом личным убеждением в том, что революция в Англии

абсолютно неизбежна. А Маркс видел, что она назревает во Франции и, не исключено, что и в Германии. И вот так, поддерживая и подогревая друг друга эмоционально, они создали полную иллюзию неизбежности европейской революции. Известны даже дата и место встречи Маркса и Энгельса, во время которой они пришли к единодушному мнению о скором наступлении революции в Европе. Это – 28 августа 1844 года «Кафе-де-ля-Режанс» в центре Парижа. Встретившись в тот вечер они многое поняли и на многое решились, на всю свою будущую жизнь. Те отношения, которые между ними сложились, вызывают уважение, к Энгельсу особенное. Почему? На долгие годы, примерно на 50 лет – а это срок немалый, – Энгельс добровольно взял на себя обязанность всячески поддерживать Маркса. Они переехали в Брюссель, где проводили вместе очень много времени и начали работу над знаменитым документом «Манифест Коммунистической партии». Думаю, что лучшие и самые яркие страницы этого текста созданы Энгельсом, в частности глава «Буржуазия». Дело в том, что так ярко о двух ликах буржуазии, которые он увидел в Англии, одном – прекрасном, привлекательном и другом – мерзком, отталкивающем, никто, кроме него, не мог написать. Это настоящее литературное произведение, а поскольку Энгельс никогда не переставал быть человеком художественно одаренным, я склонна приписывать авторство ему. В те же 1840-е годы он пишет об ужасном положении рабочих и опять-таки делает это как настоящий поэт. Например, он перевел с английского на немецкий известное стихотворение Эдуарда Мида о ненависти рабочих к фабрике и машинам. Приведем отрывок: «Есть на свете король, не из сказки король – тот румян, добродушен и стар. Этот зол и суров, губит белых рабов, беспощадный король этот – Пар». И дальше: «Хоть рука у тирана всего лишь одна, но владеет он силой такой, что сметает народы, крушит племена раскаленной железной рукой». Дальше он сравнивает машину с Молохом, который пожирает людей… Энгельс ухитрялся оставаться романтиком, даже становясь коммунистом.

Итак, приближается революция. Февраль 1848 года. Маркс и Энгельс переезжают в Германию, ожидая выступлений немецких рабочих, несокрушимо веря в их силу. Они много, захватывающе пишут в немецких газетах, и, конечно, в «Новой рейнской газете»… Эти молодые люди (старшему – Марксу – 30 лет) своими публикациями действительно приближают революцию. И она началась. Но… идет неудачно. Потому что Германия – это страна без жесткой центральной власти тут много либеральных

течений, разумная немецкая буржуазия хочет договориться с правительством и ей это отчасти удается. Маркса и Энгельса ждет большое разочарование, они были уверены, что рабочие должны победить. Ничего подобного! И это несмотря на их огромные усилия, на создание «Союза коммунистов», на бесконечные зажигательные публикации в «Новой рейнской газете». Маркс, лишенный гражданства, становится эмигрантом. Он переезжает сначала в Париж, а потом в Лондон. Энгельс оставляет швейцарское укрытие, где он спасался от ареста и бросается в арьергардные бои рабочих в юго-западной Германии. Вот он – романтизм в действии! А Энгельс применяет на деле свои практические военные знания, полученные во время военной службы, сражается у Пфальца, Бадена, участвует в знаменитом Эльберфельдском восстании – это был последний шанс восставших на победу. Не верю, что он с его умом и прозорливостью не понимал обреченности этого дела. Как военный, он видел, что выиграть нельзя. Но идеи требуют, чтобы он был с восставшими. После поражения революции в Пруссии он возвращается в Англию, чтобы продолжить их общее дело. И… как будто бы человека подменили! Этот 27-летний молодой человек, который вчера с ружьем воевал с прусскими войсками, становится буржуа, возвращается в контору. Перебесился – думает его отец и все окружающие. Но глубоко ошибаются. Энгельс делает это по причине, вполне прагматичной: нужны деньги на их Дело (слово это он произносит и пишет только с заглавной буквы). Нужны деньги и на большую семью его друга, в которой уже три дочери. Дженни фон Вестфален, жена Маркса, бежавшая из аристократической семьи к еврею-революционеру, полностью лишилась материальной поддержки богатых родственников. А без денег не проживешь. «Если Маркс начнет зарабатывать, он не завершит дело всей жизни – “Капитал”, в котором откроет всему трудящемуся человечеству ключ ко всеобщему счастью!» – так думает Энгельс и потому вновь окунается в коммерцию, которую умеет и делает хорошо, но сам называет в письмах «каторгой». Это была добровольная каторга. И все-таки, надо сказать, что зарабатывает он деньги не на создание рабочих союзов и не на поддержку чартистам, а чтобы друг его, бесценный и гениальный, ни в чем не нуждался. Вот так он относился к Марксу. А тот писал ему: «Спасибо, без твоих денег я не смог бы…» – и каждый раз перечислял, что ему удалось сделать благодаря помощи Фридриха. Маркс очень скоро привыкает к такому положению дел и, похоже, считает его чем-то естественным. А Энгельс посвящает всего себя заботам о нем, обожает все то, что делает его друг, и пребывает в полном

убеждении, что их величайшее Дело спасет все человечество. При этом он ненавидит то, что вынужден делать, ненавидит свой буржуазный образ жизни, в своем дневнике говорит о «египетском изгнании». Энгельс забывает о своих недюжинных талантах, прежних желаниях – писать, переводить, работать творчески, все забывает, думает только о том, чтобы заработать и отдать Марксу деньги. Вот так он ходит по своей пустыне… Правда, в эти годы Энгельс пишет и сам. Маркс с ним консультируется и в письме к кому-то замечает: «Многое-многое в “Капитале” мне удалось благодаря поддержке, советам Фридриха Энгельса». Они испытывали уважительное отношение друг к другу, но для Энгельса, говоря словами Станиславского, это была пристройка снизу. И так продолжалось в течение пятнадцати лет. Фридрих Энгельс становится очень удачливым английским предпринимателем, отец доверяет ему свой пай, свои акции. Из служащего он становится совладельцем предприятия. До последнего дня жизни Маркса он остается преданным ему. Энгельс был у постели умирающего друга, и когда все было кончено, сказал: «Он заснул вечным сном. Человечество стало на голову ниже». Это было в 1883 году. Энгельс проживет еще 12 лет.

Памятник Карлу Марксу и Фридриху Энгельсу в Берлине. Современный вид

Элеонора, дочь Маркса, сразу после смерти отца обратилась к нему как к другу семьи: «Напиши его биографию. Кто, кроме тебя, сможет так хорошо все изложить?» Рукописи второго и третьего тома «Капитала» Маркса находятся, как пишут специалисты, в беспорядке. Энгельсу приходится, не покладая рук, трудиться, чтобы подготовить их к публикации. На самом деле, конечно, он соавтор Маркса и в «Капитале». Последние годы его, думаю, были трудными. Он увидел, во что вырождается рабочее движение. И сам превратился в патриарха, в символ, в знамя, в свадебного генерала… Особенно грустно стало ему, когда он, побывав на занятиях рабочих кружков, увидел, как сильно упрощен марксизм. Тогда он воскликнул: «Какие кружки? Какие рабочие? Это просто какие-то попы марксистского прихода».

Как человек талантливый и объективный, Фридрих Энгельс, испугавшись «попов марксистского прихода», понял, что в учении

надо кое-что уточнить. Тогда он написал о том, что надстройка обладает относительной самостоятельностью по отношению к базису. Написал, потому что в кружках твердили обратное. Он ушел из жизни, видимо, с горечью в душе и с мыслями о своей романтической юности.

Энгельс многое передумал за последние годы, пересмотрел и от многого отказался, но остался романтиком. Недаром он приказал развеять свой прах над морем, чтобы не оставалось материальных следов – памятников, монументов… И его воля была исполнена. А умер он в Лондоне очень быстро: сгорел от рака горла. Ему было уже за 70. Слава богу, он не узнал, что впереди – страшный этап марксизма-ленинизма, превращение всего лучшего, что ими было сделано, в абстрактную и опасную догму.

Оливер Кромвель. Революционер поневоле

После смерти Кромвеля возник такой миф. Однажды в детстве Оливер гулял в чудесном саду, где собралось много детей, в том числе и высшей знати. Был там и принц Карл, тоже маленький. Мальчики сначала подружились, а потом, как это часто случается, подрались. И Кромвель в кровь разбил нос противнику, будущему казненному королю Карлу I – будущей своей жертве.

Но о Кромвеле есть, конечно, не только легенды. Существует и серьезная литература. Например, книга М.А. Барга «Кромвель и его время», изданная более полувека назад. В серии «Жизнь замечательных людей» в 1980 году появилась книга Т.А. Павловой. Представлена личность Кромвеля и в общих трудах по истории английской революции.

Кромвель – носитель невиданного титула, который он, видимо, сам придумал, – лорд-протектор Англии. Защитник страны и защитник революции. Имя его до сих пор вызывает страх. Ему установлен памятник. Но любовью в Англии этот человек не пользуется.

Его вознесли волны революции. Они оказались сильнее той несклонности к революционности, которая была свойственна его натуре. А ведь первые 40 лет своей жизни он провел в тени, в тихой заводи.

Он родился в 1599 году. Корни его семьи прямо восходили к безумным временам дикого английского абсолютизма Генриха VIII. Именно тогда род Кромвелей получил земли, конфискованные у католической церкви. На этом было основано их богатство.

Среди предков Оливера был некто Томас Кромвель, фигура большого масштаба. Будучи государственным секретарем Генриха VIII, он в 1535 году способствовал казни гениального гуманиста Томаса Мора. Но и сам сложил голову на плахе. Слишком близко оказался к королю. Генриху не понравилась невеста, которую выбрал для него Кромвель, и того казнили как еретика и предателя. Это произошло примерно за сто лет до начала революционной деятельности Оливера Кромвеля.

Самуэль Купер.
Незаконченный портрет Оливера Кромвеля. XVII в.

Многие предки Оливера Кромвеля добивались королевских милостей, особенно его дядя и крестный отец, тоже Оливер, в честь которого мальчика и назвали. Сэр Оливер унаследовал семейные богатства, копившиеся с XVI века. Он был заметен, богат и щедр. В 1603 году, когда его племяннику-крестнику было четыре года, в имении дяди принимали короля Якова VI Шотландского, сына казненной Марии Стюарт, который ехал в Лондон, чтобы короноваться и стать Яковом I Английским. Этот тщедушный маленький человечек, с большой головой и кривыми ногами, был так умилен щедрым приемом, что опоясал Оливера

Кромвеля-старшего, дядюшку будущего вождя Английской революции, рыцарским мечом.

Отец Оливера, Роберт Кромвель, ни в чем не походил на брата. Это был прежде всего пуританин, то есть он принадлежал к одному из течений в кальвинистской церкви – к числу поборников чистого кальвинизма. Пуритане заметили, что со второй половины XVI века, когда кальвинизм победоносно прошел по Западной Европе и в виде англиканства закрепился в Англии, в стране стали проявляться симптомы возврата к католицизму. Они осуждали элементы новой, англиканской пышности и выступали за чистоту в крайне буржуазном ее понимании. Они полагали, что ничего не следует тратить зря, в том числе на богослужение. Надо очень много молиться, петь псалмы, читать Библию – непосредственно общаться с Богом. И при этом наживать, экономить и копить деньги. Этим можно доказать свою избранность, отмеченность Богом.

Дядя Оливера, живший на широкую ногу, разорялся, а отец богател. Он был избран в Парламент, стал мировым судьей. В общем, сделал карьеру сельского помещика, сквайра.

Мать – Элизабет Стюарт. (Эта фамилия не указывает на родство с королевским домом.) Она была еще более ревностной пуританкой.

В семье было 10 детей, но два старших мальчика умерли в младенчестве, и Оливер, пятый ребенок по счету, рос в окружении сестер.

Дети бесконечно слушали рассказы из Библии и воспитывались в исключительном благочестии. Перед ними был пример родителей, которые много трудились, постоянно молились, все время думали о Боге и не отвлекались ни на что светское.

Когда Кромвель стал хозяином поместья, унаследованного от отца, соседи шутили, что дела у него идут хорошо, но могли бы идти еще лучше, если бы он по нескольку раз в день не отвлекал работников на разговоры о Боге и молитвы.

У самого Оливера была совершенно обычная биография. Образование он получил весьма скромное, учился в Хандингтонской начальной школе. Типичное провинциальное учебное заведение. Одна классная комната на всех учеников. И один учитель по всем предметам – Томас Бирд.

Он был крайне религиозен. Написал несколько религиозных произведений, в одном из которых утверждал, что Римский Папа и есть антихрист. Разыгрывал с учениками нравоучительные пьесы собственного сочинения, проповедовал в церкви. Говорил, что кругом царит грех и близок Страшный суд. Так что блестяще

Оливер Кромвель знал только Библию. И хотя он науками не увлекался, однако неплохо освоил латынь.

В 1616 году Оливер поступил в Кембриджский университет, в самый пуританский его колледж. Будучи студентом, отличался страстью к охоте, игре в мяч. Говорят, что из него мог получиться неплохой футболист. (Термина «футбол» тогда еще не было, но игра в мяч уже очень напоминала будущий футбол.) Кстати, физическое развитие пуритане не осуждали.

В колледже Кромвель проучился всего один год. В связи со смертью отца ему пришлось срочно вернуться домой, в поместье: решать проблемы, связанные с наследованием имущества. Наверное, эти заботы и начали настраивать его если не на революционный, то на антиабсолютистский лад. Потому что во времена Карла I произвола со стороны чиновничества было очень много, как всегда бывает в эпохи, когда власть шатается.

Поздние Стюарты хотели править, как в Средние века, не замечая, что страна стала другой. Поэтому увеличивались подати и поборы. Если бы предусмотрительный Роберт Кромвель, умерший внезапно и довольно рано, не написал завещание на имя жены, а не на имя сына, возникли бы большие проблемы. Ведь Оливеру было 18, то есть он не достиг совершеннолетия— 21 года. Ему назначили бы королевского опекуна и за время опекунства ободрали бы поместье как липку. Но Элизабет походила по судам – и сумела защитить свое имение. Она отличалась твердостью характера. Сохранились ее портреты. Это крепкая сельская женщина, скуластая, с твердым подбородком и очень жесткими глазами. Оливер бесконечно почитал ее. В детстве мать называла его Нолли. Как удивительно не соотносится это нежное имя с воинственной фигурой беспощадного лорда-протектора!

Так в 18 лет Оливер превратился в строгого сельского джентльмена. Он лишь ненадолго съездил в Лондон, собираясь изучать право. Но вместо этого нашел себе там жену. В 1620 году он женился на Елизавете Борчир, дочери богатого лондонского купца-меховщика. У них родилось восемь детей. Оливер уверенно шел по стезе крепкого хозяина – опоры страны.

Как пишет М.А. Барг, во всей Англии трудно было найти более типичного сельского джентльмена, чем Кромвель. Только близко знавшие его люди догадывались, какие внутренние силы таились в этом человеке.

В 1628 году Кромвель, как хороший хозяин, которого уважали соседи, был избран членом Палаты общин от своей округи. Но и там он тихо сидел на задних скамейках и не высказывался. А Парламент уже кипел – зрело то, чему предстояло превратиться

скоро в революцию и гражданскую войну.

Кромвель произнес в Палате общин одну, почти никем не замеченную речь. Она была посвящена защите прав пуритан.

Вскоре он получил наследство в городе Или, в графстве Кембридж. Там он тоже прекрасно повел свое хозяйство, еще больше разбогател. И снова был выдвинут в Парламент.

Он стал депутатом Палаты общин, знаменитого «Долгого Парламента», открывшегося в 1640 году и принявшего знаменитую «Великую ремонстрацию» – 204 пункта против абсолютизма. В 1642 году, в возрасте 43 лет, Кромвель предпринял свое первое революционное действие.

По решению Парламента, потребовавшего, чтобы каждый депутат наводил порядок в своем округе, Кромвель овладел замком в Кембридже, арестовал капитана королевского отряда графства. Потом он проявил и некоторую инициативу: на свои личные средства – около 500 фунтов стерлингов – организовал два отряда волонтеров, что-то вроде народной милиции. Эти первые отряды волонтеров, которые оказали сопротивление сторонникам короля, стали ядром будущей армии революции.

Начав набирать волонтеров и воевать, Кромвель ощутил, что это не менее, а может быть, даже более интересно, чем охота. И выяснилось, что у него есть особый талант. Он брал в свои отряды только убежденных, религиозно воодушевленных людей. В дальнейшем их назовут «железнобокие воины Кромвеля». Они шли в свои первые сражения, воодушевленные сэром Оливером, с пением псалмов, с фанатичной верой в пуританскую чистоту, в то, что они творят угодное Богу дело.

Кромвель понял силу идейной веры.

К 1643 году его заметили как полководца. Он предпринял очень умный маневр, отделяя восточную часть роялистских сил от западной. За эту операцию Парламент произвел его в чин полковника. А вскоре он стал и генералом. Кромвель оперативно и уверенно формировал подвластную Парламенту «Восточную армию».

Понятно, что не все шло гладко. Гражданская война – это ад, в который попадают обе стороны. В конце 1640-х годов Кромвелю пришлось столкнуться с дезертирством. Он расправлялся с дезертирами совершенно беспощадно. У него была железная воля. Такие люди часто выдвигаются в революционные эпохи.

События тем временем разворачивались драматично, особенно для Карла I и роялистов. Его сторонники, шотландцы, оказались слабыми и недостаточно преданными. В сущности, они хотели одного – независимости. Судьба Карла их не интересовала. Стюартов в Шотландии не любили еще со времен

глубокого Средневековья. А таких талантливых полководцев, как Кромвель, король не нашел. Ему не на кого было опереться.

Именно Кромвель стал инициатором казни Карла I, борцом за эту казнь. На суд Парламентом были отряжены так называемых комиссаров. Но на первое заседание из них явились только 53 человека. Не каждый хотел участвовать в принятии решения о казни законного помазанника божьего. Не пришел даже зять Кромвеля Ферфакс. Когда о нем спросили, его жена презрительно бросила из зала: «Он слишком умен, чтобы прийти сюда».

Эндрю Гоу.
Кромвель в битве при Данбаре. XIX в.

Кромвель убеждал участников суда: «Совершите короткое, но справедливое дело. Об этом во все будущие времена будут вспоминать все христиане с уважением и все тираны мира со страхом». Да, он высказывался как подлинный революционер. Колебавшимся судьям он объявил: «А я вам скажу, что мы отрубим ему голову. И вместе с короной».

Казнь короля свершилась и воодушевила будущую Французскую революцию XVIII века, да и вообще всех противников абсолютизма. Она заставила дрожать троны. А Кромвеля сделала всевластным.

19 мая 1649 года Англия была провозглашена республикой.

Упразднена «нецелесообразная» власть короля. И Палата лордов тоже. Позднее эти институты были восстановлены. Но в момент революционной горячки людям, доведенным до отчаяния поборами и произволом, казалось, что они спасли страну от тирании.

Кромвель проводил линию самой многочисленной буржуазной партии индепендентов – в буквальном переводе «независимых». Его оппонентами были левеллеры во главе с Джоном Лильберном. Они выступали за более демократичное устройство государства, указывали, что республика только называется республикой, а реальной правящей силой становится лично Оливер Кромвель. Лильберн написал знаменитый памфлет «Новые цепи Англии», где очень точно представил облик истинного Кромвеля как обманщика: он достиг всего, а народ нищий, ничего не получил от революции. В тексте он назван коварной лисой.

Были и еще более левые – диггеры, поборники наивного средневекового коммунизма. Они начали распахивать земли, свободные или отнятые у аристократов, и создавать что-то вроде коммун. Их идеолог Уинстенли – человек по-своему привлекательный. Но мечты их были абсолютно утопическими.

Кромвель, который стал командующим армией и фактическим властителем Англии, должен найти возможность противостоять всем этим течениям и одновременно утвердить авторитет юной республики на международной арене. Ему многое удалось. При этом западноевропейские монархи не проявляли большой солидарности с английским королем.

Внутри страны Кромвель закрепил свою власть самым решительным образом – и самыми позорными своими деяниями. Это войны в Ирландии и в Шотландии. В сущности, он исполнил мечту многих поколений английских королей, установив власть над этими территориями. Они были самобытны и этнически, и в плане религиозном и хотели сохранить независимость. Кромвель утопил их в крови. Сохранились документы, которые он подписывал: всем офицерам в Шотландии размозжить головы. Таковы были его средства.

В 1649 году Кромвель выиграл знаменитую битву при Денбаре в Шотландии, применив некий удачный маневр. Но потом писал, что это получилось случайно и он сам удивлен тем, что его позиция оказалась настолько удачной.

Он уничтожил треть населения Ирландии – полмиллиона человек. Например, при взятии крепости Дрогеды были уничтожены все, даже те, кто не оказывал сопротивления. Многие из оставшихся в живых ирландцев отправились за океан, в

Америку. Там образовалась большая ирландская община, влияние которой в Соединенных Штатах велико и по сей день.

Так же жестоко было подавлено восстание левеллеров, его бывших сторонников.

Кромвель менялся. В этом недавнем помещике все отчетливее проступали черты тирана. Он никому не доверял, он всех подозревал в измене. При этом он, по существу, создал собственный двор. Когда в 1654 году состоялась церемония вступления Кромвеля в должность лорда-протектора, пышность была чрезмерной. Сам он был в мантии, отороченной соболями, – типичный монархический облик. Начались приемы, шумные пиры. Куда делся пуританин!

Гаспар де Грайер.
Оливер Кромвель. XVII в.

А в 1657 году произошло то, что должно было произойти. Парламент в лице нескольких деятелей предложил Кромвелю корону. В истории такое случалось не раз. Например, Гаю Юлию Цезарю предлагали царский венец. Он воздержался.

Кромвель сказал, что подумает, поблагодарил Парламент и отказался. Он остался лордом-протектором при условии принятия новой Конституции, согласно которой он мог назначить себе преемника. И это было потом выполнено.

Почему он не пожелал стать королем? Вероятно, сработал здравый смысл провинциального помещика. Никогда Англия не приняла бы монарха из этой среды. Монарха, который, образно говоря, пас свиней. Невозможен монарх без аристократизма, без «голубой крови». Да, Стюарты были ужасны. Но многие уже начинали подумывать о том, что, может быть, следующие Стюарты будут лучше. И уже начали называть Карлом II и Его Величеством жившего в эмиграции сына казненного короля.

Кромвель все это, видимо, ощущал. Но, руководствуясь логикой революции, повел себя как истинный тиран. Он стал рассаживать по важнейшим должностям своих родственников. Его младший сын Генри сделался наместником в Ирландии, за счет которой еще можно было обогатиться. Зять фактически командовал армией.

Были родственники и в Государственном совете. А сам лорд-протектор, никому не доверявший, с каждым днем мрачнел все более и более.

Фактически он был королем. Налаживал контакты с монархами Европы. Он надеялся, что Англия достаточно запугана. И разогнал Парламент.

В конце жизни Кромвель отказывался от пищи и лекарств, говоря: «Я считаю, что я должен скорее уйти». За несколько часов до смерти он назвал преемника – любимого сына Ричарда. 3 сентября 1658 года диктатор умер в возрасте 59 лет, надеясь, что сын сумеет сохранить позицию лорда-протектора.

Но Ричард был похож на лорда-протектора не больше, чем его отец на аристократа. Молодой человек, не склонный к государственной деятельности, желавший только хорошо жить. Это повлияло на умонастроения в Англии. Та самая толпа, которая когда-то аплодировала казни Карла I, обожала Кромвеля, потом критиковала Кромвеля, теперь хотела вернуть короля.

Меньше чем через полгода Ричард отказался от должности. Он обеспечил себе долгую спокойную жизнь, а Англия бурно

приветствовала короля Карла II.

Оливера Кромвеля посмертно предали казни. Всего три года назад его пышно, как короля, хоронили в Вестминстерском аббатстве. Теперь же тела Кромвеля и двух его соратников извлекли из гробов и повесили за шеи. Скелеты висели до вечера. Потом их сняли, головы нацепили на копья и выставили в центре Лондона. Революция – мастерица страшных судеб!

Вольтер. Наставник королей

Казненный революционерами в 1793 году король Людовик XVI считал Вольтера и Руссо погубителями Франции и монархии. Сам же Вольтер стремился быть наставником королей и предпочитал, чтобы им не рубили головы. Он хотел, чтобы монархи прислушивались к его советам. Вольтер пытался внушить царям, что не государи и их воины, а законы, искусство, нравы и обычаи составляют суть истории.

Вольтер бесконечно многообразен. Он сам говорил: «Я люблю все девять муз». Это, конечно, преувеличение – он любил и умел преувеличивать. Но талантлив был многогранно. Философ, прозаик, драматург, борец за права униженных и оскорбленных. Он же – придворный Людовика XV во Франции и Фридриха II в Пруссии. Говоря иронически, «друг по переписке» российской императрицы Екатерины II. А в 84 года, в конце жизни – самый модный человек в Европе. Герой анекдотов, часто игривых, объект подражания со стороны истинных и мнимых вольтерьянцев.

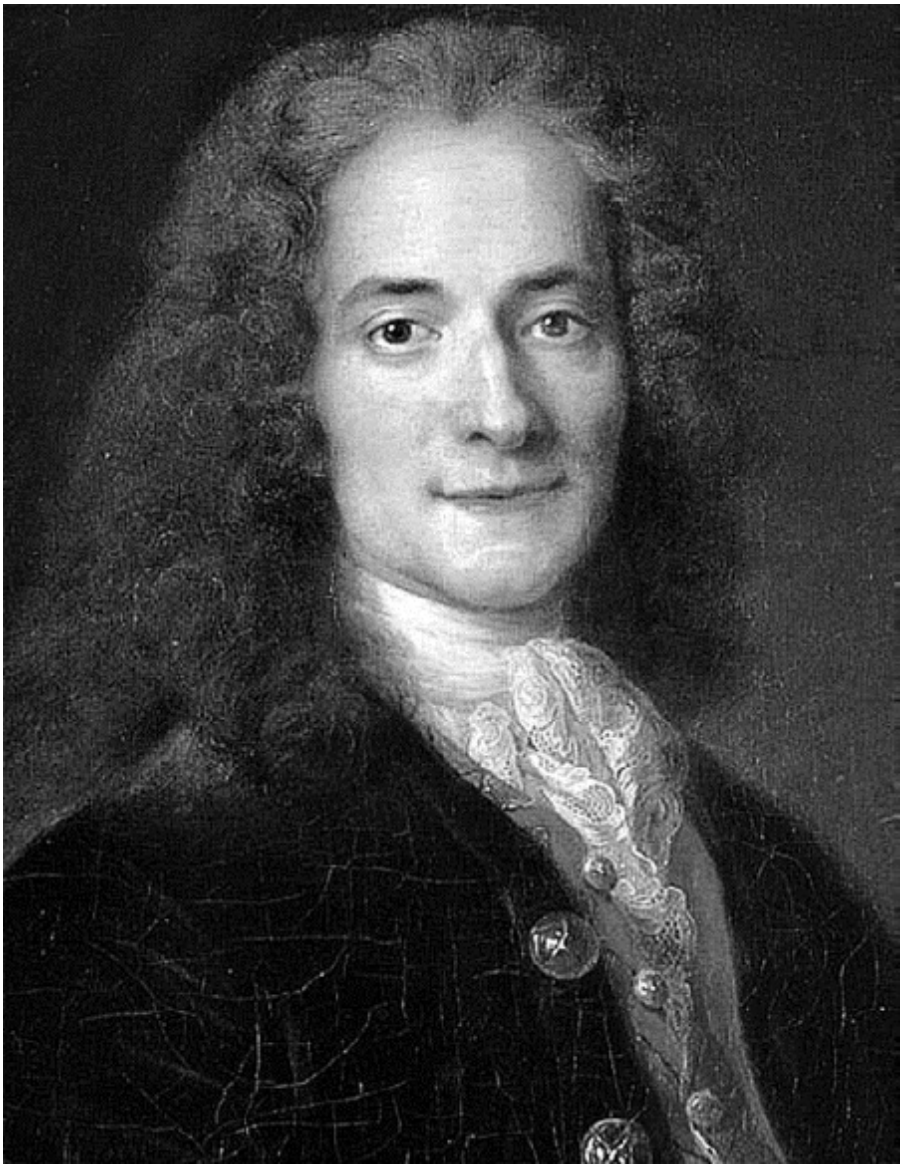
Сегодня он «вышел из моды». О нем пишут совсем не так много, как стоило бы. Среди доступных – книга А.А. Акимовой 1970 года, вышедшая в серии «Жизнь замечательных людей», и книга В.Н. Кузнецова «Франсуа Мари Вольтер» 1978 года издания. А лучше всего читать самого Вольтера, тем более что во многих его книгах есть вполне информативные предисловия и комментарии.

Он родился в Париже 21 ноября 1694 года, в конце XVII века, на закате правления Людовика XIV – «короля-Солнце». Настоящее имя будущего писателя, печатавшегося под псевдонимом Вольтер, – Франсуа Мари Аруэ.

Отец – Франсуа Аруэ – состоятельный буржуа, нотариус при судебной палате, затем чиновник казначейства.

Предки его всегда занимались ремеслом и торговлей. Он же купил себе дворянство. Такое во Франции допускалось, но купленное дворянство аристократами не ценилось. Неаристократическое происхождение всегда мучило Вольтера.

Родом из дворян была мать. Она организовала в духе времени салон, бывший своего рода клубом, но невысокого полета. Здесь она принимала свою подругу, знаменитую куртизанку Нинон Ланкло. В умах царил крестный отец Вольтера, аббат де Шатонеф, относительно известный стихотворец, шутник и волокита.



Николя де Ларжийэр. Вольтер.
1718 г.

Мать Вольтера умерла рано, в 1701 году, когда мальчику было семь лет. В тот же период впервые со всей очевидностью проступили его таланты. Вдруг было обнаружено, что мальчик говорит стихами с такой же легкостью, с какой все прочие люди – прозой. Увидев его способности, аббат де Шатонеф стал больше заботиться о нем. В частности, он представил его Нинон, которая была к тому времени пожилой дамой. Бывшая куртизанка, не лишенная интеллектуальных устремлений, восхитилась ребенком

и подарила 2 тысячи ливров на покупку книг.

Крестный устроил мальчика в иезуитский колледж Людовика Великого. Иезуитская система образования была основательной, хотя и пронизанной религиозным духом. В судьбе Вольтера это сыграло неожиданную роль. Насильственно внушаемая ему религиозность встретила мощное противодействие в его натуре.

Кроме того, в недрах колледжа он столкнулся с тем, что потом мучило его всю жизнь, – сословным неравенством. Условия проживания детей аристократов и детей буржуа были совершенно разными. Аристократы жили в отдельных помещениях, в комфорте, у них были слуги, а дети «из простых» помещались, как положено, в общежитии, на жестких койках.

Франсуа Мари уже понял, что он лучший. Его называли вундеркиндом, он стал самым знаменитым стихотворцем колледжа. Он, будучи ребенком, переводил Анакреона – греческого поэта VI–V веков до н. э., писал трагедии (которые, правда, потом уничтожил, считая их слишком наивными и простенькими). И все это как будто не имело значения. Важны были его предки. Век Людовика XIV обострил эти противоречия, сделал неизбежной грядущую революционную бурю.

В 16 лет Франсуа Мари заявил, что станет писателем. Отец был глубокого разочарован. Он хотел видеть сына нотариусом и определил его в Школу правоведения, которую тот крайне плохо посещал, не желая становиться юристом.

Отец сказал: если ты будешь писать, ты сделаешься обузой для семьи. Дело в том, что в те времена писательство еще не считалось профессией. Это было скорее развлечение для состоятельных людей.

Но для Вольтера пойти в чиновники означало не только заняться неинтересным делом, но и признать свое место в глубоко сословном французском обществе. А этого места он признавать не хотел. Он был убежден, что человека следует оценивать по его способностям, таланту, трудолюбию. Именно деятельность Вольтера способствовала тому, что писательство стало во Франции профессией, что за это занятие начали платить. Вольтер не стал обузой для семьи – он получал гонорары за свои труды.

Избрав себе поприще, он отказался от фамильного имени, не желая вписываться в ряд Аруэ-буржуа. Он предпочел вымышленное имя Вольтер – по географическому названию одного из французских местечек.

В 1713 году, когда юноше было 19 лет, крестный все-таки попытался определить его на службу – в свиту своего брата, маркиза де Шатонеф, который сделался послом французского

короля в Гааге. Завершилось все совсем недипломатично. Юный Вольтер соблазнил девушку – дочь эмигрантки мадам Дюнуайе – и готов был увезти ее без разрешения матери во Францию, чтобы там на ней жениться. Возник скандал, который пресек дипломатическую деятельность Вольтера.

Начало известности Вольтера тоже связано с его характером и острым нежеланием признавать несправедливость мира. Он подал некое свое произведение на литературный конкурс. Французская Академия присудила приз вовсе не ему, и Вольтер счел это несправедливым. В ответ он написал поэму «Трясина», в которой жестоко осмеял Академию. Поэму напечатали в Гааге, его друзья стали распространять ее, текст попал во Францию. Своего рода «самиздат» XVIII века.

Вольтер сделался знаменит. Он стал членом неформального кружка «La Soci e;du Temple» («Общество Храма»), куда, по словам одного из биографов, входили старые вельможи с донжуанским прошлым. Там обменивались интересными рассказами о жизни. Вольтер сочинял острые эпиграммы, и все хохотали. Он, острослов и вольнодумец, оказался в центре внимания.

Конечно, тень карающей десницы абсолютизма должна была над ним нависнуть. В 1715 году, после смерти Людовика XIV, на смену ему пришел его малолетний правнук Людовик XV. Регентом при нем стал родственник – Филипп Орлеанский, ничтожнейшая, судя по всему, личность. Вольтер написал на него сатиру и был выслан из Парижа.

Проведя восемь месяцев вне столицы, молодой писатель не унялся. В 1717 году появилась другая его сатира – «Царствование мальчика», очень смешная и очень острая. С игривостью недопустимой, с точки зрения XVIII века, Вольтер бичевал придворные нравы. Мальчик – это, разумеется, Людовик XV. А регент и его дочь – развратные и ничтожные люди, правящие Францией.

Абсолютизм верен себе – 11 месяцев автор вольнодумного сочинения проводит в Бастилии. Судя по тому, что он там много пишет и передает свои сочинения на свободу, условия заточения были не слишком жестоки. С годами сам Вольтер скажет: «Я поборник истины, но не великомученик. И к великомученичеству совершенно не стремлюсь».

Он вышел из Бастилии и оказался, можно сказать, на гребне славы. 18 ноября 1718 года состоялась триумфальная премьера его трагедии «Эдип». Автора, только что освободившегося из заключения, сравнивали с Корнелем и Расином.

Он продолжал распространять свои неопубликованные труды. Огромным успехом пользовалась поэма «Лига». Со временем она

перерастет в большое произведение о Генрихе IV Наваррском. Вольтер очень любил его за то, что он шесть раз менял веру.

Филипп Орлеанский захотел приручить прославившегося писателя и дал ему награду за «Эдипа», выделил пенсию, а также принимал при дворе Но Вольтер есть Вольтер. В ответ он попросил регента не беспокоить себя подысканием для него квартиры. И все понимали что имеется в виду Бастилия.

Вольтер умел разговаривать с сильными мира сего. Он не понес никакого наказания: удар смягчили восторги общественности вокруг его произведений.

С несправедливостью сословного устройства общества Вольтер вновь столкнулся в 1726 году. Некто Шевалье де Роган – человек аристократического происхождения – решил осадить зазнавшегося писателя. Он указал Вольтеру на его низкое происхождение. Вольтер как всегда отвечал публично – и всегда искрометно, наповал сражая противника словом. Тогда аристократ приказал своим слугам избить писателя. Сам он никогда не стал бы «марать об него рук».

Вольтер был избит. Для такой натуры, как он, это было особенно тяжкое оскорбление. Он начал искать заступничество. Обращался к своим влиятельным друзьям, но в ответ они только смеялись. Это же обычное дело – приказать слугам избить обидчика.

Он решил отомстить сам. И очень серьезно занялся фехтованием. Каким-то образом заставил Рогана принять вызов на дуэль. Причем аристократ испугался. Вольтер наверняка получил колоссальное удовлетворение. Боясь дуэли, Роган добился ареста Вольтера. И тот снова оказался в Бастилии.

На этот раз он оставался в тюрьме очень недолго, всего две недели: слава его была велика, его знали при дворе, да и история позорная, все понимали, что аристократ уронил достоинство своего сословия.

Сразу после Бастилии Вольтеру посоветовали уехать, и он отправился в Англию, где пробыл три года, с 1726 по 1729-й. Он восхитился результатами английской революции и стал об этом писать: в этой стране он увидел больше терпимости, демократичности. Вольтер обнаружил, что в Англии люди состоятельные, но не знатные чувствуют себя гораздо увереннее, чем в его отечестве, да и крестьяне живут лучше.

Произведения, в которых он об этом писал, рассматривались, конечно, как враждебные и опасные для абсолютистского режима Франции. И все-таки в 1744 году он был приглашен на придворную службу – на должность камергера. Вот его первый опыт «наставничества». В течение трех лет он советник Людовика

XV.

Видя, однако, что его мудрые советы не дают результатов, он вернулся к своей подруге маркизе Дюшатле, в чьем замке Сере между Шампанью и Лотарингией провел немало времени после возвращения из Англии. Маркиза не советовала Вольтеру иметь дело с сильными мира сего.

А его одолевал приглашениями сначала наследник, затем прусский король Фридрих II, который претендовал на то, чтобы именоваться Великим. В его пламенных письмах говорилось, что он преклоняется перед Вольтером и будет слушать его советов во всем. И опять у Вольтера появилась мечта – воспитать государя, обеспечить идеальное правление.

Мечта эта не нова. Еще в V–IV веках до н. э. философ Платон пытался воспитывать правителя, пока его не продали за это в рабство (надоел своими советами!). Аристотель лепил идеального правителя из будущего царя Александра Македонского. И опять безупречный образ не сложился.

Когда маркиза Дюшатле скончалась, Вольтер принял приглашение Фридриха II Прусского.

Он провел в Пруссии три года и в 1753-м вырвался оттуда с великим трудом. Ничего не складывалось. Вольтер и Фридрих были слишком различны и не могли понять друг друга. Вольтер видел славу и величие государства в философии, в образовании, верил в человеческое благородство. Фридрих ценил прежде всего воинскую славу, а сословное переустройство общества его вовсе не интересовало.

Они расстались враждебно. После отъезда писателя Фридрих, проявив всю мелочность своей натуры, приказал отделать покои дворца Сен-Суси, где жил его гость, изображениями всевозможных неприятных обезьян, удивительно похожих на Вольтера. А на выезде из города Вольтера обыскивали, подозревая, что он вывозит вирши Фридриха II, чтобы потом предать их осмеянию, тем более что они осмеяния заслуживали. И этого человека Вольтер собирался превратить в просвещенного правителя!

Тем не менее, отношения Вольтера с монархами на этом не прекратились. Просто он стал осторожнее. Он общался с Густавом Шведским и Екатериной II. Кстати, он ей довольно грубо льстил, видя в этом способ воспитать просвещенную монархиню. А она была способна оценить его таланты, писала ему, что до его произведений читала только всякие романы, которые теперь воспринимает как совершенно пустые, поскольку благодаря творчеству Вольтера она узнала, что такое истинная литература, и разделяет его философские взгляды. Екатерину тянуло к

деятелям Просвещения; она и Дидро приглашала в Россию. Ей многое нравилось в Вольтере, но в отличие от энциклопедистов он был очень резок, невоздержан на язык. Екатерина не могла не понимать, что при малейшем расхождении его высказывания могут быть опасны для ее репутации. Она не стремилась, чтобы Вольтер приехал в Россию. Нет, она послала к нему своего представителя, Шувалова, проявляя разумную осторожность. Дальше интеллектуального общения с доверенным лицом императрицы дело не пошло. А через 11 лет после смерти Вольтера случилась Великая Французская революция, мода на вольтерианство у правителей России прошла полностью.

Неправильно думать, будто Вольтер тянулся к сильным мира сего, ища материальной поддержки. Нет, он не нуждался в содержании, владел четырьмя имениями, ткацкой фабрикой, часовыми мастерскими, был богат и давал взаймы герцогам. Да и кто сказал, что интеллектуал непременно должен быть беден? Напротив, материальное благополучие делает его независимым.

Есть еще один очень непростой вопрос, связанный с личностью Вольтера. Его многие принимали за безбожника, что, конечно, неверно. Он ненавидел церковь как организацию. А о Боге писал, например, так: «Я хочу любить этого Бога. Я ищу в нем отца. Мне же показывают тирана, которого мы должны ненавидеть». Смело! Очень смело, особенно если учесть, что еще недалеко было прошедшее тысячелетие Средневековья. Вольтера возмущало то, что церковь создает образ Бога, который соответствует ее интересам, позволяет владеть душами людей, держать их в цепях. Ему были близки такие люди, как Рабле, Монтень— не грубые безбожники, а истинные философы.

В 1754–1778 годах Вольтер жил на границе Франции и Швейцарии, в имении Ферне. Это было очень разумно. В случае опасности во Франции он мог скрыться в Швейцарии, а в случае опасности в Швейцарии, где был свой, кальвинистский фанатизм, можно было вернуться во Францию.

В этот период он написал свои великие произведения: «Опыт о нраве и духе народов», «Эдип», «Кандид», «Орлеанская девственница». И хотя он неуважительно изобразил Жанну д'Арк – славу Франции – как куртизанку, это не следует понимать упрощенно. «Орлеанская девственница» – это задиристый, молодой еще протест против церковного лицемерия. Посланницу Божью церковники сжигают. Вольтера это глубоко возмущает. Кстати, это произведение любил и переводил на русский язык Пушкин. В его «Гавриилиаде» заметно прямое влияние Вольтера. Вообще Пушкина многое роднит с Вольтером.

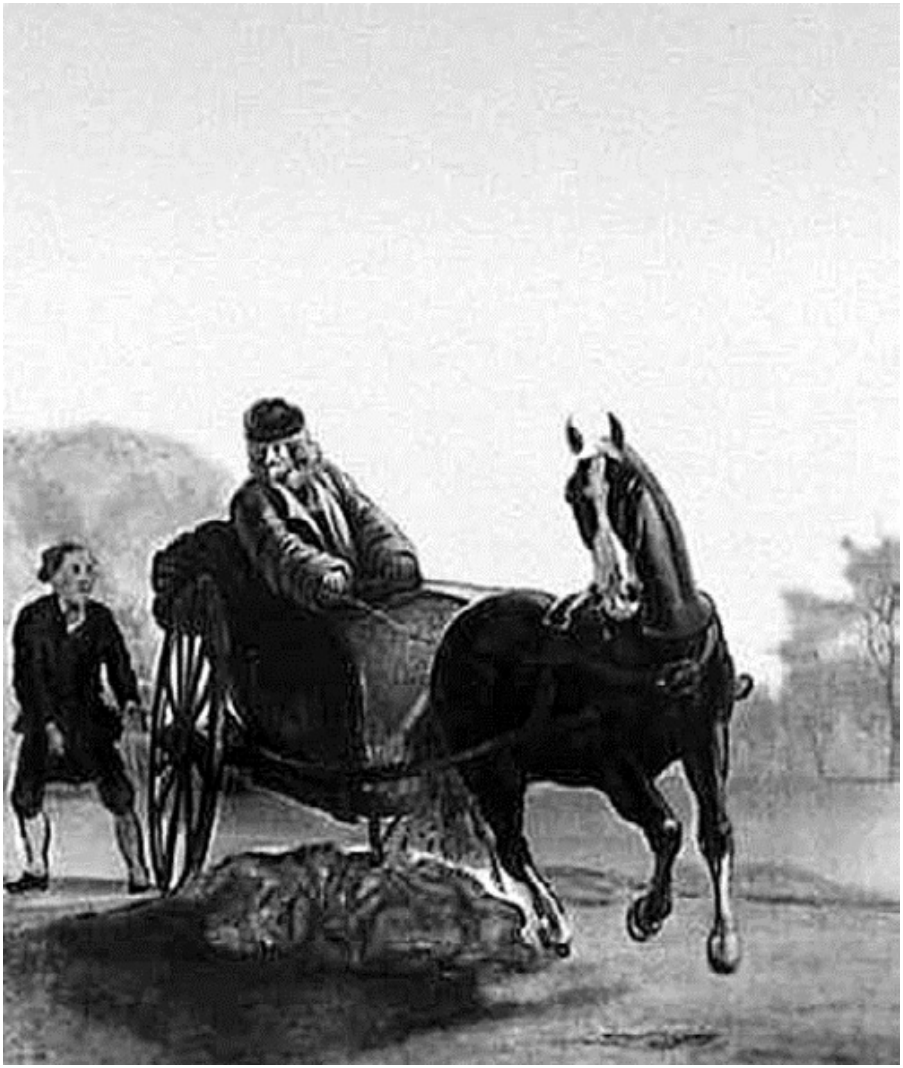
К. Л. Дере.
Увенчанный Вольтер. XVIII в.

Поместье Ферне, где жил Вольтер, стало местом паломничества мыслящих людей. Туда ехали за мудростью, как потом в России ехали к Льву Толстому. Вольтера называли Фернейский Патриарх. Наверное, в эти годы он вполне удовлетворил свое честолюбие и страстную жажду разрушения сословных перегородок.

Человек, чье сочинение «Философские письма» было, как в Средние века, сожжено на костре по приговору церкви еще в 1733 году, стал символом свободы мысли и духа. А ведь до начала

Французской революции оставалось еще полвека! «Я – поборник Истины, но не мученик», – говорил Вольтер и продолжал писать дерзкие вольнолюбивые произведения, часто под псевдонимами. Специалисты на считали их примерно 150.

При этом публика, как правило, догадывалась, кто истинный автор.



Жан Юбер.
Вольтер в кабриолете. XVIII в.

С годами в нем проявилось нечто совсем новое. Немолодой уже Вольтер стал интересоваться жизнью простых людей, которая никогда прежде его не волновала. Он, например, прославился своим выступлением по делу Каласа, зверски замученного и

казненного еврея, которого в 1762 году в Тулузе обвинили в том, что он убил своего сына, собиравшегося перейти из иудаизма в католичество. На основании этой версии, Каласа колесовали и сожгли на костре. Это был пример ярчайшей религиозной нетерпимости. И сердце Вольтера вдруг загорелось. Он добился посмертной реабилитации Каласа. Ради чего? Ради такого трудноуловимого, но великого понятия, как принцип.

Вольтер всегда искал справедливости. В его философских письмах много умнейших, ироничнейших наблюдений. Он пишет о том, как мало в мире справедливости и как она нужна. И в повести «Кандид» говорится: «В мире разлито так много несправедливого, так много болезненного, что, может быть, в конце концов это и есть высшая справедливость – научиться философски не драться». Так что, доживи он до Французской революции, он вряд ли стал бы ее активным участником.

Но его начало волновать, что народ голодает. И он пользовался своим авторитетом для того, чтобы крестьянам хотя бы в его округе оказали какую-то материальную помощь, организовали раздачу хлеба. Можно сказать, что он нравственно вырос вместе со своей невероятной славой.

Вольтер был великим насмешником. В «Кандиде» он упоминает некоего губернатора, видимо вымышленного, Дона Фернандо: «Этот вельможа отличался необыкновенной надменностью, как и подобает человеку, носящему столько имен. Он говорил с людьми столь высокомерно, так задирал нос, так безжалостно повышал голос, что у всякого, кто имел с ним дело, возникало сильнейшее искушение поколотить его». Здесь отразились самые чувствительные точки натуры писателя, который не приемлет злобы, раздражительности и ни на чем не основанного высокомерия.

В старости он знаменит, богат и моден. О нем рассказывают анекдоты, его имя связывают с разными женщинами, обоснованно или необоснованно. Чаще, наверное, обоснованно. Считается модным побывать у него и потом об этом рассказать. А он продолжает писать и думать.

У него поразительное здоровье. Он с рождения считался очень чахлым ребенком – и дожил до 84 лет. В 1778 году решился приехать в Париж. Это событие описывает Д.И. Фонвизин, который был его свидетелем: «Прибытие Вольтера в Париж произвело точно такое в народе здешнем действие, как бы сошествие какого-нибудь Божества на землю».

Было представление новой драмы Вольтера «Ирина». Устроили такую колоссальную овацию, которую в русских дореволюционных изданиях называют апогеем или триумфом.

Театр переполнен цветами, цветы на улице, актеры после представления выносят на сцену мраморный бюст Вольтера и надевают на этот бюст лавровый венок. Кто-то из артистов кричит, чтобы прекрасные девушки поцеловали и обняли Вольтера. И они это сделали.

Можно сказать, что Вольтер умер от восторга. Не прошло и трех суток, как он скончался на пике своей всемирной славы. Была молва, видимо обоснованная, что Вольтер перед смертью принял причастие и объяснил кому-то из близких: «Ну что ж! Здесь такие обычаи; если бы я умер на берегах Ганга, я бы, умирая, держал за хвост корову». Он всегда умел все рационально и иронично объяснить.

Похоронить его в Париже не разрешили: все-таки грешник. Тело отвезли в Шампань, в деревню Ромильи, где нашли священника, которого с трудом уговорили предать его земле по христианскому обряду. Во время революции прах торжественно перенесли в Пантеон, но в 1814 году, во время очередных трагедий после наполеоновских войн, останки были потеряны, развеяны по ветру. Но великую славу Вольтера уже не развеешь!

Джордж Вашингтон. Настоящий американский герой

Став первым президентом США и пробыв на этом посту два срока, Джордж Вашингтон уже занял место в истории. Кроме того, он был американским главнокомандующим во время Войны за независимость, когда рождались Соединенные Штаты Америки. Он возглавил мятежников и одержал победу над метрополией – Великобританией. Не менее важно и то, что в самой его натуре много характерно американского.

Даты его жизни – 1732–1799. Он скончался в год рождения Пушкина. Семья Вашингтона уходит корнями глубоко в средневековую историю Англии, в XII век. Среди его предков рыцари, воевавшие против шотландцев, заслужившие одобрение английских королей и приближенные к престолу при Генрихе VIII. Они служили, и искренне, Тюдорам, а затем Стюартам. В годы Английской революции полковник из рода Вашингтонов командовал королевской кавалерией и погиб, сражаясь за Карла I.

Впрочем, Джордж Вашингтон никогда своим происхождением не гордился и даже прямо писал об этом. Его личность отражена во множестве источников. В том числе это его письма и дневник, который он вел с подросткового возраста и до самой смерти. Так вот в одном из писем он заявлял, что аристократические корни ему вполне безразличны. Это уже слова истинного американца.

Убежденные монархисты, предки Вашингтона бежали от последствий Английской революции в Америку. Отец Джорджа, Джон Вашингтон – один из обедневших потомков этого рода, плантатор в Вирджинии, одной из классических американских колоний, куда ввозили чернокожих рабов, где складывалось классическое американское рабство, а индейцев вообще не считали людьми.

Джон получил высшее образование. Сначала он был довольно состоятельным человеком, потом разорился, но вновь разбогател благодаря женитьбе. Женился он на богатой, красивой и умной Мэри Болль. У них родились две дочери и четыре сына, старший из которых – Джордж Вашингтон.

Мальчик рос совершенно безбедно в благополучной плантаторской семье. На плантациях возделывались разные культуры. Очень ценился чай из его поместья Вашингтон.

Джордж провел детство на лоне природы. Новые американцы, отрешившиеся от британского аристократизма, и не стремились дать детям утонченное образовании. Юноша учился в школе

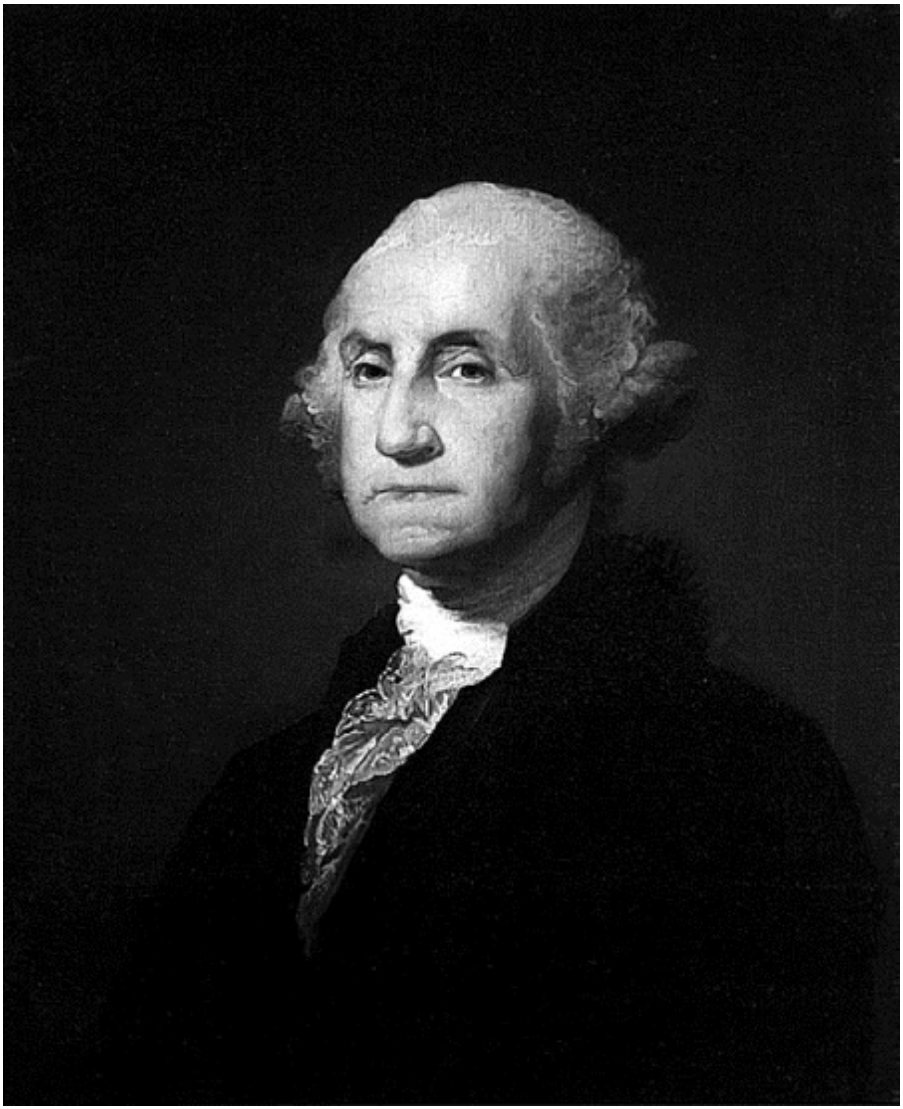
профессиональной направленности, где готовили землемеров, и получил соответствующий диплом. Все было продумано. Вашингтоны владели столькими поместьями в Вирджинии, что задача измерить их площади стала очень актуальной. Ведь надо было посчитать, каковы будут доходы с этих земель.

Так что лучше всего Джордж знал геометрию и владел искусством межевания. Он прочел не так много книг, но некоторые произвели на него сильное впечатление. Например, некий «Спутник молодого человека». На основе этой книги юный Вашингтон написал для себя «Правила поведения в обществе». Вот некоторые из них: «Находясь в обществе, не распевайте себе под нос, не барабаньте пальцами и не стучите ногами. Не сидите, когда другие стоят, не говорите, когда следует молчать».

Но не все правила были столь наивны. Одному из них он строго следовал и в дальнейшем: «При всяком действии в обществе следует принимать во внимание взгляды присутствующих».

С 15 лет Вашингтон работал землемером. Делал он это тщательно и добросовестно, как и все в жизни. Он неплохо зарабатывал, его ценили.

А в 16 лет к нему пришла первая любовь. Он страстно влюбился в жену своего друга, Джорджа Ферфакса, восемнадцатилетнюю Салли. Она происходила из семьи плантаторов-интеллигентов. Ее дед был ректором колледжа. Влюбленный Вашингтон начал писать стихи, стихи никуда не годные. Он никогда их не обнародовал. Под влиянием Салли его охватила страсть к античной литературе, он участвовал в домашних спектаклях.



Гилберт Стюарт.
Джордж Вашингтон. XVIII в.

Джордж не мог допустить и мысли о том, чтобы оскорбить друга откровенным вниманием к его очаровательной юной жене. И та придерживалась тех же взглядов. И влюбленные вели себя стоически, борясь с охватившим их чувством.

Через многие годы престарелый Вашингтон писал: «Говорят, что любовь – безрассудное чувство. Поэтому ей невозможно сопротивляться. Это правильно лишь отчасти, ибо любовь подобна всему другому. Если ее взрастить и обильно питать, быстро растет. Но устраните питание – и любовь можно либо задушить в зародыше, либо значительно замедлить ее рост». И

хотя это несколько странный, какой-то ботанический подход к любви, Вашингтон знает, о чем говорит. Письма Салли Ферфакс он уничтожил, но даже накануне своей свадьбы заверил ее, что сохранил в сердце свою любовь к ней.

Он женился только через 10 лет после увлечения Салли Ферфакс, в 1759 году. Женился разумно, на богатой вдове с двумя детьми Марте Кэстис. Состоялась пышная свадьба. Вашингтон приумножил и без того немалое отцовское состояние и стал, может быть, самым богатым плантатором в Вирджинии. Марте он был верен всегда, и она оставалась рядом с ним до последнего вздоха – это был, в сущности, очень счастливый и разумный брак. Вашингтон, не имевший своих детей, прекрасно относился к приемным. Девочка очень рано умерла, а мальчик оказался абсолютно беспутным, но отчим всегда делал для него все возможное.

Казалось, Вашингтону на роду было написано стать успешным помещиком, наслаждаться своим крупным состоянием, использовать труд рабов, которых у него было около 150. Он не был жесток по отношению к ним, нормально кормил и даже держал для них специального врача, а в своем завещании большую часть их освободил. Он вел себя как добропорядочный человек и поступал так, как считал правильным. Насколько же удивительно, что именно этого благополучного плантатора революция подняла на своей волне!

Американская революция – это не совсем точное название. Правильнее – освободительная война, война колоний против английской метрополии, против их откровенного грабежа. На ранней стадии колониализма предполагается, что колонии должны содержать метрополию. По мере того как заокеанские владения Великобритании богатели, приняв протестантскую идеологию упорного накопления, метрополия переходила к политике грабежа. И американских колонистов в конце концов перестало устраивать, что далеко находящийся английский король так беззастенчиво присваивает плоды их трудов. Да, в этих плодах велика доля рабского труда. Но никто пока не задумывается о чернокожих рабах и их правах.

Колонии восстают. Они борятся за свою независимость, а попутно и по мере развития событий приходят к тому, чтобы устроить жизнь по-новому. А это уже задача, свойственная революции.

Джордж Вашингтон, мирный плантатор, не был склонен к революционным действиям. Он писал: «Я думаю, что нет жизни лучше жизни сельского хозяина. Видеть, как из земли поднимаются растения, как они процветают, благодаря искусству

земледельца. Это наполняет созерцательный ум идеями, которые легче испытать, чем выразить… Земледелие всегда было любимым моим занятием. Я думаю, что неиспорченному человеку несравненно приятнее совершенствовать свое полевое хозяйство, чем вся эта пустая слава, которую можно приобрести опустошением земли, хотя бы одерживая непрерывные победы».

И тем не менее в 50-х годах XVIII века он стал у себя в Вирджинии майором ополчения. Это был его общественный долг. Ему пришлось воевать с французами за земли по реке Огайо, ибо границы французских и английских колоний были определены не очень строго и каждое из государств стремилось получить побольше американской территории.

Вашингтон большего добивался переговорами, чем военными вылазками. Надо учесть, что американское ополчение не имело опыта и совершенно не умело воевать. Понимая, что терпит поражение, Вашингтон на время вернулся к себе в имение. Позже его пламенные поклонники пишут: «Отступил в полном порядке. Сохранил войско».

Обстановка тем временем делалась все более накаленной. С 60-х годов колонии бунтовали по каждому конкретному вопросу. Например, в 1665 году развернулась борьба вокруг гербового сбора. Англичане потребовали, чтобы все документы оформлялись только на гербовой бумаге – и колонисты восстали, взявшись за оружие.

А в 1770 году они заявили протест против огромных пошлин на товары, ввозимые из Англии. Здесь Джордж Вашингтон отличился. Он предложил тактику воздержания. Это означало отказ от приобретения товаров из Англии. И сам он перестал покупать английский чай, который очень любил. Он умел управлять своими страстями. Как человек добропорядочный, склонный к образцовому поведению, Вашингтон был замечен и избран от своей колонии делегатом Первого континентального конгресса в 1774 году. Там он вел себя осторожно и не оказался среди самых ярких ораторов.

И все-таки в 1775 году делегаты уже Второго континентального конгресса именно его назначили главнокомандующим Континентальной армией.

К этой должности Вашингтон совершенно не рвался. Он не имел за спиной громких побед – только личное мужество. А состояние ополчения было ужасно. Именно американцы изобрели так называемый рассыпной строй, совершив переворот в военной тактике. В традициях XVII века войска выстраивались в поле, офицеры часто кланялись друг другу, а затем все начинали друг в друга палить. Разумные фермеры, увидев эти церемонии,

быстренько разбежались, попрятались и начали стрелять из укрытия. Англичане презрительно говорили: они воюют как индейцы! Да, они многому научились в стычках с индейцами.

Вашингтон понимал, что, имея такое войско, к тому же плохо снаряженное, воевать очень трудно. Он добивался введения платы за службу в армии; предлагал увеличить срок службы до трех лет, чтобы солдаты, которых только что обучили воевать, не уходили сразу домой. Не будучи лично жестоким человеком, Вашингтон сурово боролся за дисциплину в войске. Солдаты могли получить 100–300 ударов плетьми. Вашингтон называл это «промыть спину водой с солью».

Ему было очень тяжело. Он воспринимал происходящее как трагедию, особенно знаменитый эпизод со сдачей Нью-Йорка. Вашингтон видел, что ему не удержать город в борьбе с английской армией. Тем более что там жили в основном лойялисты – сторонники сохранения законной королевской власти. Сначала он предложил сжечь весь остров Манхэттен, где тогда полностью умещался город, но Конгресс не одобрил эту идею. Когда же Вашингтон попытался отстоять город, его солдаты побежали. Он бросился за ними – на коне, без шляпы, он готов был стрелять, чтобы они остановились, но его пистолет дал осечку. Тогда он выхватил шпагу, готов был рубить дезертиров в куски, кричал. И какой-то бодрый, преданный адъютант схватил под уздцы его коня и увел. Вашингтон впал в отчаянье. Не в силах остановить бегущее войско, он потерял сознание и не смог даже рапортовать Конгрессу о том, как идут дела.

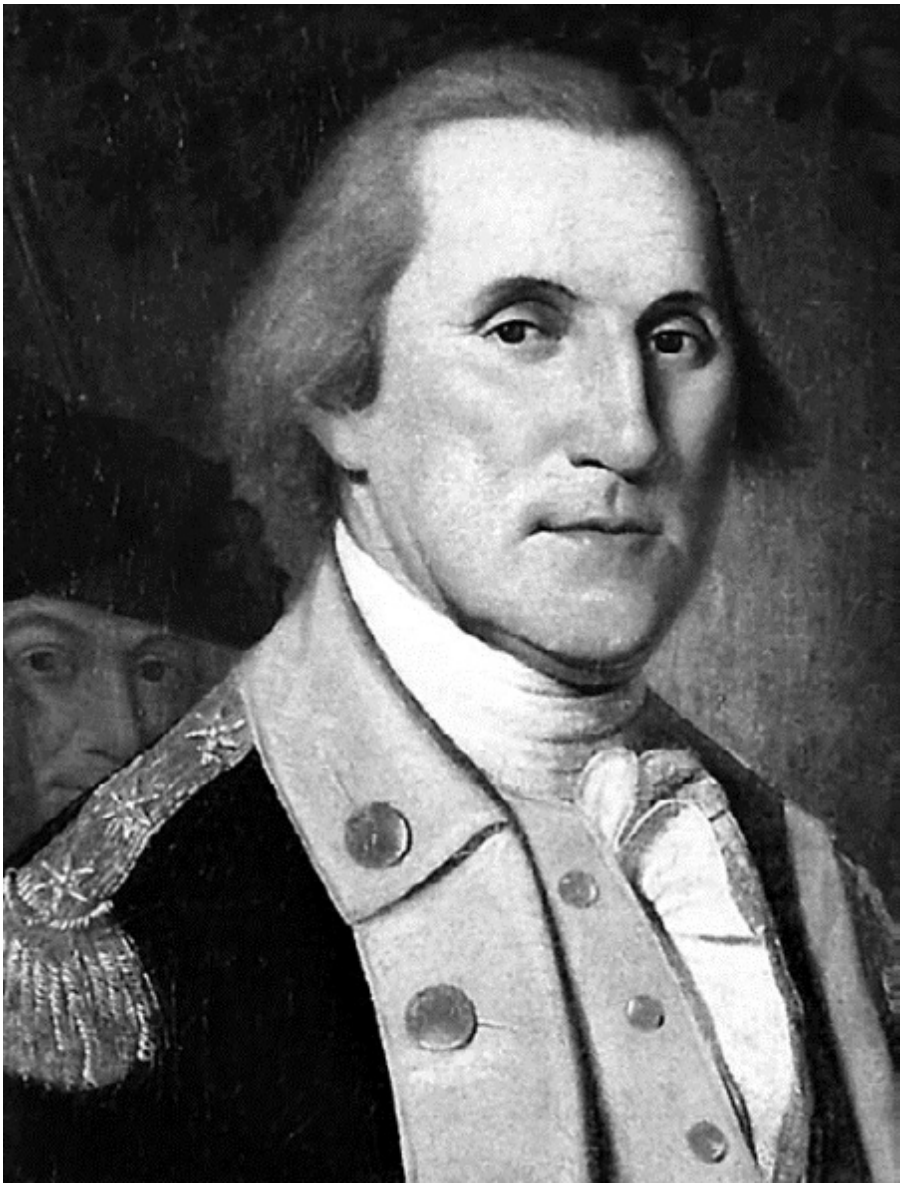
Вашингтон воевал честно, но мало одерживал побед. Он сдал Нью-Йорк, Филадельфию, провел крайне неудачную канадскую кампанию. Самые образованные люди уже сравнивали его со знаменитым римским полководцем Фабием Максимом Кунктатором времен Второй пунической войны Рима с Карфагеном конца III века до н. э. Кунктатор, что значит Медлительный, постоянно отступал, причем так разумно, проводя многочисленные вылазки, что в итоге римское войско было сохранено. А уже после него, в 216 году до н. э., было принято сражение при Каннах, и это был разгром римской армии. Сравнение с Кунктатором не было оскорбительно для Вашингтона, скорее очень реалистично.

Интересно, что именно Вашингтон – полководец, проигравший две трети сражений, принимал в конце войны капитуляцию английских войск. А после этого он совершил еще один поступок, достойный уважения, – добровольно ушел в отставку с поста главнокомандующего в связи с тем, что война окончена. И в 1783 году удалился в свое любимое имение. Не

исключено, что эта отставка представляли собой продуманный жест: уход в частную жизнь напоминал поведение античного героя.

Единственная привилегия, которую он принял, – право отправлять и получать письма бесплатно. Денег ему не надо было: его хозяйство развивалось прекрасно, хотя он и писал, что урожай был бы лучше, если бы он лично наблюдал за ходом сельхозработ. Он был очень здравый и разумный человек.

Но судьба не позволила ему вернуться к сельскому хозяйству. Уже в 1787 году он был избран председателем конституционного конвента. Шла интенсивная работа над Конституцией. Вашингтон не внес в нее ничего значимого. Он вел себя тихо и скромно.



Джеймс Пил.
Джордж Вашингтон. XVIII в.

Как ни удивительно, тогда всерьез обсуждалось введение в США должности короля. На том основании, что предки Вашингтона честно служили монархии, ему предложили корону. Он отказался категорически, написал в самых резких выражениях, что возмущен этой идеей. Спрашивал, какой он мог дать повод.

Пост президента появился именно в США. Понятно было, что кто-то должен возглавить государство. Американцы не хотели восстанавливать римскую систему правления, но взяли латинский

глагол praesidere, означающий «быть впереди, руководить» и придали ему значение «быть первым, вести, но не править единолично».

Возник закономерный вопрос: как обращаться к президенту? Обсуждались варианты «Ваше Высочество», «Ваше Святейшество», как к Римскому Папе. И Вашингтон в результате крайнего интеллектуального напряжения дал свою формулировку: «Ваше Высочество мощь и сила, президент США и протектор наших свобод». Ему казалось, что это красиво.

Сторонники же демократии предложили обращение «господин президент», который, кстати, используется и сегодня. Для постфеодальной Европы это была революция.

На пост президента Вашингтон избирался безальтернативно. Лично он, честный и мужественный, вызывал симпатию. Ему действительно верили, зная его порядочность, личную храбрость, образцовое и очень американское прагматическое поведение. Кроме того, в то время считалось, что лично очень богатый человек, такой как Джордж Вашингтон, более свободен: его не связать ни взятками, ни подкупом.

А вице-президентом избрали его противника Адамса, на всякий случай. Вашингтон отодвинул его на самые мелкие исполнительские позиции, не позволил ему быть реальной альтернативой.

Но сам Вашингтон, будучи избранным, сохранил присущие ему взвешенность и здравомыслие. Среди его деяний важнейшее – принятие «Билля о правах», важнейшего демократического дополнения к конституции, а также основание новой столицы в специальном округе Колумбия.

Он делал все красиво, достойно, занимал позицию символа, важную после революционных страстей.

Закадычным другом Вашингтона был французский маркиз Лафайет, принявший участие в американской революции. В 1789 году, когда произошел штурм Бастилии, он прислал Вашингтону в подарок ключ от этой тюрьмы. А тот отправил в ответ пару очень красивых пряжек для башмаков. С тех пор специалисты мучаются над тем, что это была за аллегория. Но, может быть, никакой аллегории и не было. Вашингтон увидел хорошую, полезную вещь и послал ее своему молодому другу.

После двух президентских сроков, в 65 лет, он вновь удалился в любимое поместье. А в 1799 году, объезжая свои владения под дождем, сильно простудился. Медики лечили его неправильно, трижды применяли кровопускание, и он, обескровленный, скончался на руках любящей жены Марты, не упоминая о Боге. В этом смысле он отличался от образцового

американца, каким его рисовала эпоха. Он был американцем революционной поры.

На памятнике Вашингтону написаны очень важные слов: «Первому на войне, первому в мире, первому в сердцах своих сограждан».

Талейран. Жизнь вне морали

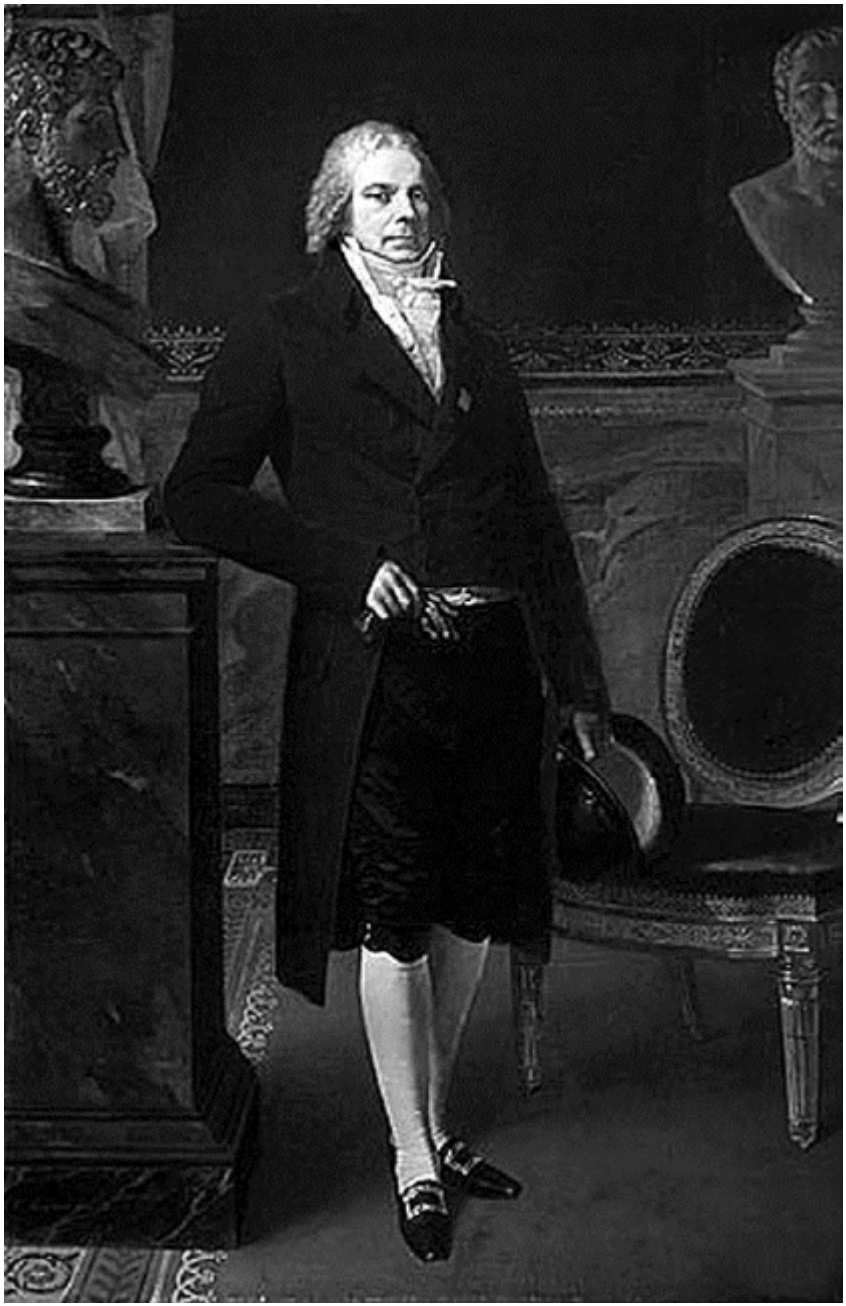
Талейран – это целая эпоха в истории Франции. Рубежная эпоха. Он вступил на историческую арену в период Французской революции конца XVIII века и пробыл на виду до ее завершения. История доказывает, что в революцию гораздо легче войти, чем выйти из нее. Выход Франции из революции, которую мы вслед за В.И. Лениным называем Великой, был мучительным, долгим, многоэтапным. И на каждом этапе проявлял себя этот человек – Шарль Морис Талейран.

Один из наиболее ярких европейских дипломатов и государственных деятелей своей эпохи, он прожил долгих 84 года. Причем в 80 лет был еще на службе. Сам говорил, что принес 14 присяг разным правительствам и разным людям. Его называют «слуга всех господ» – и всех этих господ он по очереди предавал. При этом Талейран никогда не считал, что предает. Он просто ковал карьеру. И обрамлял свои поступки словами о пользе для Франции.

А еще он славился как умный и тонкий острослов, чьи высказывания становились известны всему Парижу, а некоторые – превратились в поговорки. Например: «Язык дан человеку для того, чтобы скрывать свои мысли».

Оставил он след и в русской истории. У него сложились непростые, многогранные отношения с императором Александром I – победителем Наполеона. И Александра Талейран тоже успел предать. Вообще в отношениях с людьми он выжидал подходящего момента для предательства. И в сущности, не ошибался.

Шарль Морис де Талейран-Перигор родился 2 февраля 1754 года в Париже. Предки Талейранов служили, по легенде, еще Каролингам, затем Капетингам. Считалось, что при Гуго Капете, основателе династии Капетингов, который стал королем в 987 году, был некий Адальберт Перигорский.



Пьер Поль Прюдон.
Талейран. 1817 г.

На гербе Талейранов три золотых орла в лазурных коронах, с хищно раскрытыми клювами. Автор биографии Талейрана Ю.В. Борисов рассказывает такое предание. Во время Столетней войны Талейраны перебежали из французского лагеря в английский. И

там один из них получил поручение отправиться обратно во французский стан, к королю Карлу V, который в истории остался с прозвищем Мудрый, и попытаться его подкупить. Из этого конечно ничего не вышло. Но говорили, что значительная часть суммы, выделенной на подкуп, 10 тысяч золотых ливров, осталась у того, средневекового Талейрана.

Отец Шарля Мориса – Шарль Даниэль Талейран, князь Шале, граф Перигор и Гриньоль, маркиз Эксдей, барон де Бовиль и де Марей. Ему было 20 лет, когда родился его сын. Мать – Александрина Мария Виктория Элеонора Дама-Антиньи, тоже из очень знатной семьи. Она была на шесть лет старше мужа, что не помешало их благолепным отношениям. Оба служили при дворе французского короля Людовика XV. В годы, предшествовавшие революции, двор отличался развратностью. Там властвовала умами и настроениями, несмотря на всеобщую ненависть, знаменитая мадам Помпадур, получившая титул графини Дюбарри.

Отец Талейрана был воспитателем дофина, будущего Людовика XVI, мать – придворной дамой. Они относились к своим обязанностям очень строго, отдавались службе, мало заботясь о воспитании родного сына.

После крещения малыша прямо возле церкви отдали кормилице, которая на четыре года увезла его в парижское предместье. Все это время он не знал родительской ласки. Об этом он рассказывает в мемуарах, и, по-видимому, искренне: «Мое воспитание было в какой-то степени предоставлено случаю. Родительские заботы еще не вошли тогда в нравы». Слишком большое внимание к ребенку показалось бы окружающим педантизмом, еще хуже – выглядело бы смешно. Немодно было в кругах высшей аристократии суетиться вокруг младенцев. Хочешь быть придворным – занимайся двором.

Итак, о нем не очень пеклись. Нянька, у которой он рос, положив его однажды на комод, не уследила, – младенец упал и повредил ногу. Об этом никому не сказали. Травма развивалась, болезнь коснулась и второй ноги. Юный Талейран вынужден был носить ортопедический башмак, тяжелый, грубо схваченный штырями. Так что мальчику приходилось нелегко.

Родители могли помышлять исключительно о военной или придворной карьере для сына, но хромой он для этого не годился. Осталось единственное поприще – духовное, которое было ему глубоко чуждо.

Вот как сам Талейран вспоминает об этом: «Мои родители, считая, что я не могу сделаться военным без ущерба для их карьеры, решили подготовить меня к другой деятельности. Это

казалось им более благоприятным для преуспевания рода. Дело в том, что в знатных семьях любили гораздо больше род, чем отдельных лиц».

Хромота Шарля Мориса заставила родителей обращать больше внимания не на него, а на его брата. Старший же сын чувствовал себя обездоленным.

Только однажды он на некоторое время обрел счастье: в четыре года его отправили в замок около городка Шале, к прабабушке по отцовской линии, которую он называл бабушкой, Марии-Франсуазе де Рошешуар. Ей, внучке Кольбера – министра Людовика XIV, было 72 года. И вдруг ей захотелось взять к себе этого маленького мальчика. Талейран пишет, что тогда впервые испытал счастье любить.

С замком прабабушки связано важное событие. Во времена Людовика XIII им владел любимец короля граф Анри де Талейран. Он участвовал в заговоре против самого кардинала Ришелье. Всесильный кардинал добился, чтобы Людовик XIII дал согласие на казнь своего любимца. С тех пор замок был овеян мрачным духом. Талейран с детства боялся заговоров. Сам в них участвовал. Но опасался заговоров против себя.

Было и еще одно очевидное следствие лет, проведенных у прабабушки. Здесь Талейран впервые попал в высшие круги – начали формироваться притязания, свойственные ему потом на протяжении всей жизни, его готовность чуть ли не на равных говорить с царствующими особами.

Когда Шарлю Морису исполнилось шесть лет, его снова отправили в Париж. Дорога в дилижансе из Шале, с юго-запада Франции, заняла 16 дней.

Мальчика поместили в колледж Аркур, где раньше учились Расин, Дидро и другие достойные люди. Там Талейран освоил древнегреческий, латынь, читал Цицерона, а также современных авторов, например Дидро и Монтескье. Это было легкое дуновение вольнолюбия.

В 14 лет Талейран в духовной семинарии. Заранее его даже не предупредили – просто переместили, как вещь. Аристократический род распоряжался богатством, в том числе своими отпрысками.

Потом была Сорбонна, которую Талейран окончил в 1778-м, когда ему исполнилось 24 года.

У него был крестный отец, дядя по отцовской линии, видный церковный деятель Александр Анжелик. К тому времени дядя стал человеком очень влиятельным, архиепископом Реймским. Благодаря его поддержке Талейран не просто получил сан священника, но через десять лет сделался епископом. Случай

вопиющий. Ведь Талейран вел себя совершенно не как священник. Он никогда не хотел этой службы и теперь пренебрегал ею: увлекался азартными играми, любил женщин, – у него было множество возлюбленных.

Ровно за год до революции этот негодный священник стал епископом Отенским, получив назначение при одобрении короля Людовика XVI. Даже мать Талейрана, женщина благочестивая, была против этого и говорила, что ее сын не годится для такого сана. Но безвольный Людовик XVI под давлением дядюшки Александра подписал назначение и сказал о Талейране: «Это его исправит». Конечно, он ошибался.

Однако назначение подхлестнуло честолюбивые устремления Талейрана. Врожденное честолюбие толкало его к тому, чтобы сделаться заметным человеком. И вовсе не в церковных рядах. Ему хотелось выдвинуться на политической арене.

Время было для этого самое подходящее. В стране бурлили предреволюционные настроения. Первое замеченное общественное деяние Талейрана – это осуждение так называемых королевских лотерей в беспомощной попытке гибнущего правительства Людовика XVI любым способом собрать деньги. Казна опустела, и, чтобы наполнить ее, были организованы королевские лотереи. И вдруг епископ Отенский, недавний поклонник азартных игр, объявил это безнравственным, что обеспечило ему некоторую известность.

Он создал в Париже салон, по существу – общественный клуб, место дискуссий, обсуждения идей, посеянных французскими просветителями, и грядущих перемен (никто не сомневается, что они на пороге).

Высокий, стройный, с красивыми светлыми волосами, Талейран в эти годы пользовался огромным успехом у женщин. Он выработал такую походку, которая делала практически незаметной его хромоту. Среди его возлюбленных – известная актриса Доротея де Ренвель, затем графиня Аделаида де Флао, с которой была прочная связь, почти брак. У них даже родился сын.

Но Талейрану недостаточно было салона и бурной личной жизни. Ему хотелось общественного поприща. Он нашел его в 1789 году, когда обреченная французская монархия в последнем отчаянном стремлении что-то предпринять созвала Генеральные Штаты. Он стал депутатом от духовенства. Начался короткий этап его, так сказать, революционной деятельности. Во всяком случае, он участвовал в написании Декларации прав человека и гражданина, и один из ее пунктов принят в его редакции.

Осенью 1789 года он выступил с предложением, невозможным для епископа, – о конфискации церковных

имуществ. За это он был отлучен Папой Римским от церкви, что означало разрыв с верой и семьей. Это была его личная революция. Правда, есть версия, что он неплохо нажился на этом.

А в 1790 году он предложил устроить торжества по поводу первой годовщины падения Бастилии. В тот момент в нем пробудился позже не раз проявлявшийся режиссерский талант. Талейран сам участвовал в этом громадном действе и, несмотря на отлучение от церкви, отслужил мессу. А сразу после мессы отправился в игорный дом, где счастье в тот день было на его стороне: он выиграл очень много денег.

Правда, служа революции, Талейран не вполне отошел от монархизма. В 1791 году он направил две записки Людовику XVI, предлагая свои услуги несчастному королю, чья жизнь висела на волоске. Никаких действий не последовало, но эти записки потом сыграли в жизни Талейрана роковую роль.

Революция разгорелась. Благодаря сложившейся еще в годы существования салона дружбе с графом-революционером Оноре Мирабо Талейран после его смерти в 1791 году пришел ему на смену во главе дипломатического комитета. Это назначение он получил от революционного правительства. Он, можно сказать, участник Французской революции. И этот человек выдвинет в конце своей жизни, после поражения Наполеона, принцип восстановления всех законных государей Европы (принцип легитимизма) и будет служить последним французским монархам! Удивительное сочетание несочетаемого!

Революционная Франция была окружена врагами, против нее выступала коалиция европейских государств. Будучи главой дипломатического комитета, Талейран был направлен якобинцами в Англию с целью добиться или союза, или хотя бы нейтралитета по отношению к революционной Франции. Миссия не была триумфальной. Она не то чтобы провалилась – просто кончилась ничем.

И как раз в это время в Париже нашли записки Талейрана, которые он писал Людовику XVI. Нашли, благодаря другой, знаменитой находке – переписке Мирабо. В потайном сейфе Версальского дворца была обнаружена тайная переписка графа-революционера с королевским семейством. И там же – две записки Талейрана с предложением помощи Людовику XVI. Видимо, он писал их, когда не был уверен, что ему следует встать на сторону революции.

После обнаружения компрометирующих бумаг Талейран не мог вернуться во Францию. Революционное правительство включило его в список эмигрантов. Это означало, что на родине его ждет, как минимум, тюрьма. А может быть, и гильотина.

Талейран уехал в Америку и провел там более двух лет. Кстати, эту молодую страну он оценил очень верно – писал, что, когда она придет в Европу, ее влияние будет ни с чем не сопоставимо. Чем он занимался два года в Америке? Предпринимательством, как мы скажем сегодня. Он окунулся в куплю-продажу земли. Сделался среднего масштаба капиталистом. Но этого ему было недостаточно. Он хотел стать богатым. Очень богатым!

Тем временем друзья в Париже хлопотали за него. И когда в 1794 году якобинское революционное правительство рухнуло, он был прощен. Вернувшись, он стал поддерживать новую власть – Директорию. Это было циничное переходное правительство богачей, нажившихся на революции. Грубо говоря, эти люди прибрали к рукам все что, на их взгляд, плохо лежало. Талейран твердо встал на их сторону.

Одна из возлюбленных Талейрана, известная писательница мадам де Сталь, сблизила его с членом правительства Полем Баррасом. И в 1797 году Талейран первый раз стал министром иностранных дел.

Значительно позже, после разрыва, оскорбленная мадам де Сталь заявляла, что за два года в этой должности Талейран получил в виде взяток 13,5 миллиона франков. Неизвестно, насколько точна эта цифра. Но он разбогател, найдя более надежный источник, чем азартные игры и торговля землей.

Чутье не подвело его и в дальнейшем. Талейран очень своевременно разглядел Наполеона Бонапарта. Когда считалось, что генерал Бонапарте отражает удары врагов и продолжает дело Французской революции, Талейран, с ним даже не встречавшийся, сказал о нем: «Какой человек наш Бонапарт! Ему еще нет 28 лет, а над его головой все виды славы: слава войны, слава мира, слава сдержанности, слава благородства, он имеет все!»

Лесть стала нормой в его отношениях с Бонапартом. Талейран льстил ему самому, называя его гением, льстил и угождал его жене Жозефине. Когда же Бонапарт оставил Жозефину, Талейран сватал ему других женщин.

В 1799 году Талейран снова министр иностранных дел и участвует в подготовке знаменитого переворота 18 брюмера – прихода Бонапарта к власти. Совершается первое крупное предательство – предан Баррас, который помог ему вернуться из Америки и назначил его министром.

Приспособляемость Талейрана была просто феноменальна. В 1802 году, уже будучи около Бонапарта, своевременно предложив ему стать первым консулом, Талейран писал ему: «Я скучаю без

Вас, когда я Вас долго не вижу».

В 1802 году Талейран участвовал в подготовке конкордата с Римом о восстановлении во Франции католической религии. Этот священник-расстрига теперь, когда ситуация изменилась и правящие круги хотели вернуть страну в лоно церкви, готовил соглашение с Римским Папой. В благодарность Папа Пий VII снял с него отлучение от церкви, более того – дал церковное освящение его браку.

В ходе революции Талейран снял с себя церковное облачение и объявил, что больше епископом не является. А потом захотел официально жениться. Он встретил единственную женщину, о которой сказал: «Я ее люблю». Это была некая госпожа Гран. Дочь чиновника, родилась в Индии. Отец – француз, служивший на датской таможне. Пятнадцати лет ее выдали замуж за старика, она сбежала от мужа в Англию, потом во Францию. Ее единственный капитал – немыслимая красота.

Талейран.
Карикатура XIX в.

Эта женщина везде встречала покровителей, и с 1797 года она была любовницей Талейрана. Аристократические круги Франции оказались шокированы этим сожительством. Но за своего министра хлопотал сам Наполеон, и Папа освятил брак Талейрана с этой безвестной женщиной, малообразованной и очень любившей деньги. Правда, супруги вскоре разъехались, а через несколько лет окончательно расстались. Госпожа Гран жила в Париже и умерла раньше бывшего мужа на несколько лет. Его

это уже не волновало, хотя он и пережил что-то вроде любовного чувства.

Будучи рядом с Наполеоном Бонапартом, Талейран проявлял иногда излишнюю горделивость, вызывал раздражение, но в целом был полезен. В 1804 году он стал организатором убийства герцога Энгиенского – самого заметного в тот момент отпрыска королевского дома Бурбонов. Молодой, красивый, обаятельный офицер, он жил в Германии, заговоров не плел, вообще политикой не занимался. Его похитили, вывезли во Францию и практически без суда расстреляли во рву Венсенского замка. Именно Талейран толкал на это Наполеона, говоря, что герцог Энгиенский якобы готовил покушение на его жизнь. Это была абсолютная клевета. Убийство герцога Энгиенского Наполеон считал потом самым большим своим грехом.

Однако, став императором, Наполеон присвоил Талейрану титул обер-камергера, то есть еще больше приблизил его к себе. А в 1806 году передал ему в управление княжество Беневент в Италии, то есть сделал его князем (или принцем, в зависимости от перевода). Талейран оказался как бы в составе правящего королевского семейства. Выше подниматься было практически некуда.

Но к этому времени у него начались расхождения с Наполеоном. В мемуарах Талейран напишет о нем: «Он взошел на трон, замаранный невинной кровью, которая была дорога Франции в силу древних и славных воспоминаний». Вот такой перевертыш. По мысли Талейрана, «вовремя предать – это не предать, а предвидеть». Он считал себя вовсе не предателем, а разумным, деловым человеком, который строит свою карьеру вопреки тому, что жизнь готова его обделить.

В 1809 году Талейран ушел в отставку, вполне добровольно, как будто заранее ощутив предстоящее падение Наполеона. Когда французская армия потерпит поражение в России, Талейран скажет: «Это начало конца».

Он жил в Париже на очень широкую ногу. У него был громадный дом – 33 комнаты. Почти дворец. Там в 1814 году остановился император Александр I. Отставной Талейран, наблюдая крах Наполеона, установил связи с российскими властями. Он стал информатором – кем-то вроде тайного агента. У него были даже особые клички в переписке с русским двором.

Но и здесь вскоре началось охлаждение. Дело в том, что Талейран в довольно несветской манере попросил Александра I предоставить ему колоссальный заем— 1,5 миллиона франков, пообещав, что вернет при случае, когда сложатся благоприятные обстоятельства. Так с императорами не обращаются. Отношения с

русским двором прекратились.

Тем не менее впереди у Талейрана оставалось несколько звездных часов.

В 1814 году произошла реставрация Бурбонов. На престол взошел Людовик XVIII, брат казненного Людовика XVI.

Низвергнутый Наполеон говорил: «Я гибну от предательства. Талейран предал религию, Людовика XVI, Учредительное собрание, Директорию. Почему я его не расстрелял?» И во время знаменитых Ста дней Наполеона Талейран не перебежал обратно к своему былому хозяину: чувствовал, что это ненадолго, видел, что ничего не получится.

В 1815 году Талейран по поручению Людовика XVIII представлял потерпевшую поражение Францию на Венском конгрессе. Там он был замечен, потому что со страстью служил интересам Бурбонов. Он состязался с самим Меттернихом, австрийским министром иностранных дел, крупнейшим европейским дипломатом. Талейран хорошо понимал расстановку сил в Европе, разбирался в тонкостях международных отношений.

Во время Венского конгресса он еще раз показал себя как талантливый режиссер. По его предложению в годовщину казни Людовика XVI, 21 января, была устроена траурная церемония. А ведь в разгар карьеры Наполеона Бонапарта Талейран предлагал ему организовать праздник в тот же день и по тому же поводу!

В одном из соборов Вены был установлен громадный катафалк, по углам его – аллегорические статуи: скорбящая Франция и плачущая Европа. Хор из 250 человек исполнял реквием. Режиссерские способности Талейрана были просто исключительны.

Но Венский конгресс, где он так ярко показал себя, не стал началом нового взлета его карьеры. И хотя сразу после конгресса была введена должность премьер-министра Франции и Талейран занял ее, пробыл он на ней всего две недели. А потом на 15 лет оказался в отставке. Правящие монархические круги Франции использовали его в своих интересах на конгрессе, но все-таки не простили ему революционного прошлого.

Бурбоны умели платить за заслуги. Талейрану дали титул герцога Дино, наследственного пэра Франции. Он мог вращаться в свете, но уже не имел реальной власти. К тому же он был уже стар.

Но в 76 лет он снова на службе – после июльской революции 1830 года, которая свергла Бурбонов, уже при Луи-Филиппе, представителе Орлеанской линии правящего дома Франции. Талейран – посланник Луи-Филиппа в Англии. Несмотря на преклонный возраст, он вполне справляется со своими

обязанностями. И только через четыре года – в 80 лет – уходит в отставку.

В последние годы жизни он пишет мемуары. У него изящный слог и ироничный взгляд на вещи. Много шуток, немало тонких высказываний. Он умел высмеять человека. Впрочем, и сам был объектом насмешек. На одной из карикатур он изображен с шестью головами. У каждой – длинный язык, на котором написано, кому он служит: Директории, республике или монархии.

Незадолго до смерти Талейран успел покаяться перед церковью. Получил отпущение грехов. Он все время улаживал дела. И загробные тоже. Может быть, он полагал, что готовит свою дальнейшую карьеру в ином мире.

К нему приехал попрощаться король Луи-Филипп со своей сестрой, которая покровительствовала Талейрану. То есть его уход из жизни соответствовал всей предшествующей биографии. Все организовано, все продумано и сделано на самом высоком, аристократическом уровне.

Талейран говорил: «Я останусь в Истории, я останусь в памяти людей». При этом не уточнял, каким именно он останется. И остался – крупным дипломатом и великим предателем.

Максимилиан Робеспьер. Поэт террора

Чего только не пишут об этом человеке! Робеспьер – О неподкупный герой. Робеспьер – кровавый злодей, который отправил на гильотину тысячи людей, включая своих друзей.

Он прожил всего 36 лет. Сделал за это время очень много. И был убежден, что поступает хорошо. Он говорил: «Террор есть не что иное, как быстрая, строгая и непреклонная справедливость; тем самым он является проявлением добродетели». Подумать только: он не просто не сожалел о злодействах – он объявлял их добродетелью!

В 1836 году в статье, посвященной Радищеву, А.С. Пушкин назвал Робеспьера «сентиментальным тигром». Эта оценка удивительно точна и глубока.

Максимилиан Робеспьер родился в 1758 году в небольшом, ничем не выдающемся французском провинциальном городке Аррасе. Происходил из судейского сословия. Вырос в благополучной патрицианской – так ее называли – семье, жившей торговлей и пользовавшейся уважением в городе. В семье было четверо детей, старший из которых – Мари Исидор Максимилиан. Мать была простого происхождения – дочь пивовара. А вот дед и прадед по отцовской линии подписывались иногда для солидности «де Робеспьер». Граница между дворянским и недворянским статусом во Франции на рубеже Нового времени стала уже размытой. Дворянство можно было купить. Но все-таки «де» по-прежнему звучало красиво. Пока не заработала гильотина.

До семи лет детство Робеспьера было безоблачным. Но потом умерла его мать, а отец – Франсуа Робеспьер – по невыясненным причинам покинул Францию, поселился в Германии, где и умер. Детей своих он больше не видел. Так при живом отце Максимилиан сделался круглым сиротой.

Он, старший, оказался, как и остальные трое детей, на попечении деда. И в ранней юности был одинок и беден. Что ему оставалось? Пробиваться самому. И он пробивался. В колледже Арраса он учился отлично. В 1769 году деду удалось отправить его, добившись для него стипендии, в Париж, в колледж Людовика Великого. Там готовили юношей для поступления на юридический факультет Сорбонны. Это означало хорошую карьеру. В предгрозовых тучах приближавшейся Французской революции юристы очень ценились. Многие из них, хорошо разбиравшиеся в том, что такое справедливость и несправедливость, пополнили ряды революционеров.

Максимилиан всегда был отличником.

Юношеские увлечения Робеспьера – юриспруденция и литература. Он зачитывался трудами французских просветителей. Их читали все мыслящие люди эпохи. Но Робеспьер не просто читал – из Жан-Жака Руссо, этого теоретика золотого века человечества, он сотворил себе кумира. Кстати, престарелый уже Руссо виделся с Робеспьером и был поражен его личностью

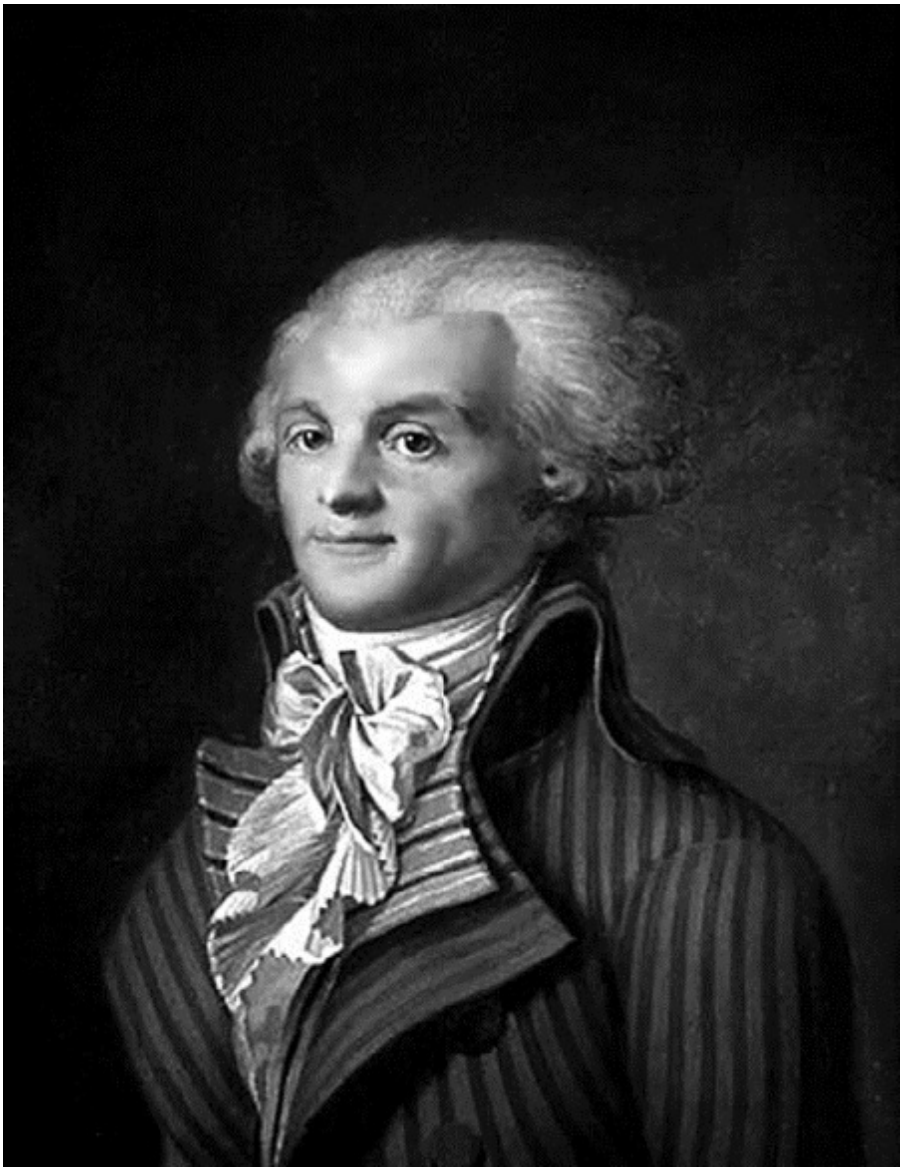
Читал Робеспьер и кое-что из античной литературы и сам писал стихи, следуя, по словам историка А.З. Манфреда, «условной манерности сентиментализма».

Завершив обучение, Робеспьер вернулся к себе в провинцию и занялся адвокатской практикой. Защищал кого-то из обездоленных – вполне в духе Руссо. Одевался скромно, но со вкусом. Посвящал стихи дамам Арраса.

В 1789 году за литературные успехи, ум и эрудицию он был избран руководителем Академии Арраса. Это, конечно, не Академия наук в современном понимании, скорее интеллектуальный кружок.

Казалось бы, в этой обычной, скромной жизни не предвиделось никаких изменений. Но случилось неотвратимое – нечто вроде тайфуна, то, что называется революцией.

Во Франции она была неизбежна. Более 40 лет на троне оставался Людовик XV, чье правление было угнетающим, развратным и обернулось множеством неудач во внутренней и внешней политике. Попытки реформировать налоговую систему завершились крахом. Возник чудовищный контраст между бесновавшимся от богатства версальским двором и все углублявшейся нищетой основной массы населения. А между ними крепло, богатело сословие буржуазии, лишенное тех привилегий, которые почему-то достались бездельникам-аристократам.



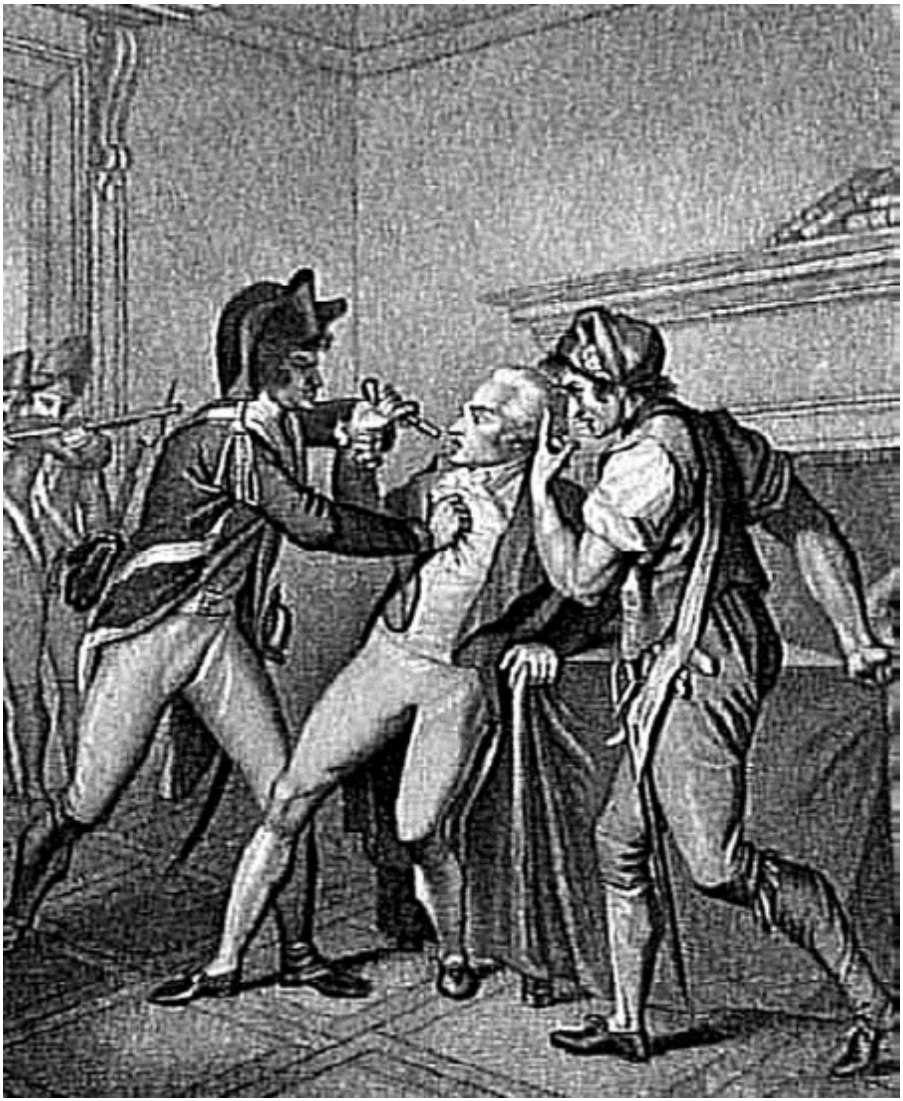
Неизвестный художник.
Максимилиан Робеспьер. XVIII в.

Первые зарницы революции были заметны и в Аррасе. Собрались местные Штаты (со времен Средневековья – орган самоуправления), куда был избрал и Робеспьер. Это естественно. Он человек с парижским образованием, достойный, скромный, нормальный буржуа; в нем нет пока никаких признаков будущего пламенного революционера. Между прочим, он долго был противником смертной казни. Даже накануне решения Конвента о казни Людовика XVI Робеспьер колебался. Он не без оснований

предполагал, что, когда слетит голова короля и рухнет сам институт монархии, новое сословие буржуазии станет еще страшнее. Ибо в духе учения Руссо он безоговорочно считал богатство подлостью. А достоинствами называл бедность и благородство. На этом черно-белом противопоставлении строилось все его мировидение.

Первые выступления Робеспьера в Штатах Арраса оказались совершенно неудачными. Голос у него был тихий, но неприятный. А ведь во Франции уже звучали раскаты мощного голоса Оноре Мирабо, этого революционера из аристократов. Уже оказывал магическое действие на публику обладавший поразительной внутренней энергией Жорж Дантон. И менее обаятельный Робеспьер впечатления своими первыми речами не произвел, хотя высказывался в пользу прогрессивных начинаний. Например, он поддерживал введение всеобщего избирательного права. Он знал великое наследие века Просвещения: труды Монтескье, Вольтера, Дидро, д'Аламбера, Руссо и других.

С такими идеями он прибыл в Париж как депутат Генеральных Штатов от Арраса. Парламент был созван королем летом 1789 года в последней попытке остановить крах французской монархии. Институт Генеральных Штатов существовал с 1302 года как опора, но и ограничитель королевской власти. Они не созывались на протяжении последних 175 лет. Теперь же они возродились как символ возможного парламентаризма.



Арест Робеспьера.
Иллюстрация XIX в.

С созывом Генеральных Штатов связан замечательный эпизод, с которого началось их преображение в Конвент – высший орган управления революционной Франции. В традициях феодализма депутаты верхней палаты, аристократы, должны были входить во дворец через парадную дверь, а третье сословие – через черный ход. А ведь у некоторых из тех, кому надлежало пользоваться черным ходом, были в распоряжении огромные деньги. И эта последняя капля, кажущаяся мелочью, взорвала ситуацию. Депутаты от третьего сословия, пройдя через черный ход в отведенный им зал – зал для игры в мяч, объявили себя

Национальным собранием.

Так началась Великая французская революция, и вместе с ней появился великий революционер Максимилиан Робеспьер. У него почти не было личной жизни. Зато была жизнь в революции и фанатичная вера в то, что прямо сейчас, прямо здесь, именно во Франции, свершится переход всего человечества к счастливому будущему. Он даже писал о том, что французы, благодаря революционным событиям, которые происходят в стране, идут впереди всего человечества.

14 июля 1789 года народ в очень пестром составе – от санкюлотов (городских бедняков) до представителей зажиточных слоев – штурмовал знаменитую королевскую тюрьму Бастилию, разнес ее и вышвырнул архивы, которые там находились, как символ крушения монархии.

Робеспьер во всем этом не участвовал. Он никогда не участвовал ни в одном конкретном революционном событии. Всегда о них только писал. Во время следующих народных выступлений он скрывался, опасаясь репрессий. Потом появлялись его записки и призывы двигаться дальше. И никто никогда его в этом не упрекнул. Баррикады – для тех, кто исполняет. А он мыслитель.

Очень скоро наступило время, когда его радикальные речи, даже произнесенные тихим голосом, стали привлекать внимание. Он вошел в состав Учредительного собрания, намеревавшегося учредить новую Францию. Здесь он оказался рядом с такими людьми, как Марат, Дантон, Сен-Жюст. Многие из них были гораздо ярче, чем он. Но и их недостатки, слабости, ошибки высвечивались ярче, чем у этого тихого, аскетичного, всегда последовательного Робеспьера.

Он придавал большое значение тому, что сегодня называют имидж. Всегда один и тот же поношенный костюм подчеркивал его добродетельность. Эти черты внешнего аскетизма так узнаваемы в В.И. Ленине, который восхищался Робеспьером и во многом откровенно ему подражал.

Речи Робеспьера становились все более красочными, пестрели афористичными образами, не громогласными, но потрясающими по сути. Например: «Во Франции остались лишь две партии: народ и его враги». Здесь уже видна основа будущего террора. Потому что все, кто не с нами, те против нас, – говорит бывший противник смертной казни. В конце концов, Робеспьер высказался за казнь Людовика XVI, состоявшуюся 21 января 1793 года.

Идея диктатуры восходила к античности, прежде всего Древней Спарте и Древнему Риму. Было в ней и романтическое начало. Утверждалось, что в минуты перелома в жизни народа, в

минуты великой опасности надо вводить временную диктатуру. Так считали якобинцы – те, кто вошли в революцию как члены клуба сторонников конституции и в ходе развития революционных событий превратились в радикальную политическую партию. Они начинали свою общественную деятельность членами некоего Бретонского клуба, который после переезда Учредительного собрания в Париже обосновался в зале бывшей библиотеки доминиканцев, которых во Франции называли якобинцами (jacobins).

Якобинцы устранили фельянов – сторонников конституционной монархии, уничтожили умеренных революционеров жирондистов и установили свой политический режим. Якобинская диктатура несводима к террору. Она сделала немало полезного для Франции и всей Европы: отменила феодальные пережитки; вводя максимумы цен и пытаясь раздать, а когда не получилось – продать часть земли крестьянам, ограничила спекуляцию на том, что люди хотят есть. Якобинцы приняли замечательную, последовательно демократическую Конституцию 1793 года. В ней были закреплены свобода слова, печати, шествий и многие другие. Конституции предшествовала «Декларация прав человека и гражданина», в которой утверждалось: «Люди рождаются и остаются свободными и равными в правах. Общественные различия могут быть основаны только на общей пользе. Свобода состоит в праве делать все, что не вредит другому. Никто не должен быть тревожим за свои мнения, даже религиозные, лишь бы их проявление не нарушало общественного порядка, установленного законом».

Однако, приняв такую Конституцию, якобинцы поясняют: пока не время воплощать ее в жизнь. Феодальные монархи Европы хотят погасить Французскую революцию, начинается интервенция. Действие рождает противодействие. Создано 14 революционных армий. Они героически отражают нашествие извне. Но происходит нечто страшное. Если генерал революционной армии терпит поражение, ему отрубают голову без суда.

В известном якобинском документе «Декрете Национального Конвента о врагах народа» от 10 июня 1794 года говорилось: «Революционный трибунал учрежден для того, чтобы наказывать врагов народа». И это всего через пять лет после «Декларации прав человека и гражданина»! Робеспьер был одним из авторов этого документа. Он и другие якобинцы – Луи-Антуан Сен-Жюст, Жорж Кутон, Филипп Франсуа Леба – были настоящими революционерами, в которых обязательна смесь героизма со злодейством.

Диктатура не ставит перед собой задачи добиваться справедливости – справедливость откладывается на потом, она настанет в будущем золотом веке. Пока же надо покончить с врагами народа. Они перечислены, и это длинный список. Например, те, кто пытается «вызвать упадок духа народа», «развратить общественные нравы». Понятно, что обвинить в этом можно кого угодно. А «наказанием, установленным за все преступления, подлежащие ведению революционного трибунала, является смертная казнь».

В своих речах Робеспьер доказывал, что каждый гражданин обязан донести на врагов народа. У него есть такая фраза: «Основной добродетелью гражданина является недоверие». Он хотел загнать людей к счастью насильственно. Идея свободы мнений была отброшена. Революционная обстановка требовала революционного поведения. И Робеспьер стал символом этой суперреволюционности.

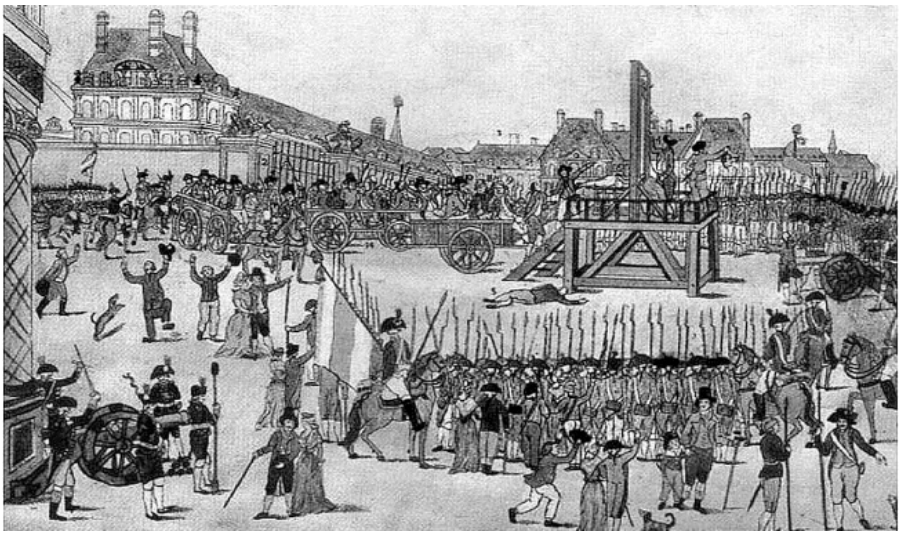
Он был политиком в полном смысле слова. Постепенно другие лидеры революции поддались ее соблазнам. Ведь она дала невиданные возможности: присвоить земли аристократов, продать их с колоссальной выгодой, нажиться на поставках оружия… В эти годы создавались состояния, которые прожили гораздо дольше, чем революция, и расцвели после нее.

А Робеспьера народ называл Неподкупным. В то время как, например, Дантон покупал поместья, властитель дум Робеспьер с августа 1791 года ютился в одной комнате деревянного флигеля при доме столяра Мориса Дюпле на улице Сент-Оноре. Весь Париж знал эту улицу, этого столяра, весь Париж знал, что Робеспьеру можно верить, именно он приведет к счастью.

Он дружил с сыном Мориса Дюпле Симоном, а дочь Дюпле, Элеонора – считалась невестой Робеспьера. Он прогуливался с этой прекрасной девушкой по улице Сент-Оноре, у всех на виду. Правда, брака он так и не заключил, несмотря на то что после революции оформление супружеских отношений было предельно упрощено. Наверное, он боялся обуржуазиться. Для него важно было вступить в брак после окончательной победы революции, уже в золотом царстве. Так он укреплял веру народа в счастливое будущее.

Робеспьер придумал поразительный способ сплотить нацию – учредить культ Верховного Существа. Еще раньше, когда некоторые его соратники предлагали атеистическую программу, у него хватило здравого смысла возражать: он понимал, что это оттолкнет народ. Теперь же он предложил культ нового Верховного Существа, которое якобы открыли французы и под эгидой которого они должны были повести за собой все народы

мира. 8 июня 1793 года прошли пышные торжества. Оформлял их знаменитый художник Жак Луи Давид. Все было очень торжественно. Робеспьер – председатель Конвента – возглавлял процессию, в новом голубом фраке, с колосьями в руках. Прежде он вообще не носил фраков. Но в тот момент не боялся выглядеть смешным, веря, что объединит нацию, что все враги будут наконец отринуты и народ пойдет за ним.



Казнь Робеспьера.
Иллюстрация XIX в.

Террор оставался, конечно, наиболее действенным способом борьбы с врагами. За полтора месяца 1793 года было вынесено 1285 смертных приговоров. У людей есть такое свойство: им всегда кажется, что репрессии касаются только тех, кто наверху, а простым гражданам ничего не грозит.

Тем не менее, когда террор разрастается, под гильотину идут все подряд.

В приговорах революционного трибунала стал применяться так называемый «принцип амальгамы». Амальгама, как известно, – сплав ртути с другими металлами. На совершенно формальных судебных заседаниях рассматривались дела целых групп людей. В группы объединялись те, кто, например, «пытался развращать нравы народа», и те, кому предъявлялось какое-либо уголовное обвинение. И вся группа получала приговор. А потом всех вместе казнили. Причем могли даже расстрелять из пушек.

Робеспьер шаг за шагом убирал конкурентов, демонстрируя умение маневрировать, потрясающую политическую гибкость. Жака Эбера и эбертистов – всех под нож. И сторонников Жоржа

Дантона. Когда пламенного Дантона везли мимо дома Робеспьера на казнь, он прокричал: «Мы скоро встретимся, Максимилиан!» И был абсолютно прав.

Среди приговоренных оказался и Камилл Демулен – школьный друг Робеспьера, с которым они сидели за одной партой в колледже в Аррасе. Робеспьер был шафером на свадьбе Демулена. И вот Камилл в своей газете «Старый кордельер» высказал некоторые сомнения в необходимости террора. Для Робеспьера же террор сделался, видимо, чем-то вроде религии. И он отправил бывшего близкого друга на гильотину.

В последние недели жизни Робеспьер добился казни и тех, кто слева, и тех, кто справа. Оставшиеся сидели и дрожали, потому что он предлагал вновь усилить законы о применении террора. Так что заговор против Робеспьера – это воплощение ни с чем не сравнимого страха. После его казни враги сочинили злорадную эпитафию: «Прохожий, не печалься над моей судьбой. Ты был бы мертв, когда б я был живой». Потрясающе точно.

Все произошло 9–10 термидора 1794 года. Члены Конвента объединились перед лицом смерти. Они договорились не давать Робеспьеру высказаться. В шуме, суете его вместе с соратниками арестовали, как до этого случалось с его врагами. Он даже не понял, что такое может быть. Схваченные, якобинцы чуть не вырвались на свободу. Народ Парижа хотел их освободить. Любовь и уважение к Неподкупному все еще были велики. Но якобинцы не смогли этим воспользоваться. Они прекрасно умели говорить – но не действовать. А Робеспьер был лишен возможности произносить речи: случайная (или не вполне случайная) пуля раздробила ему челюсть.

Якобинцев казнили даже не по законам организованного ими террора, а просто без суда. Революция всегда развивается по логике гильотины.

Симон Боливар. Латиноамериканский вольтерьянец

Образ Симона Боливара в истории ярок и противоречив. С одной стороны, с ним связано явление боливаризма, исследуемое в серьезной научной литературе. С другой стороны, его именем назван, например, ведущий футбольный клуб в Боливии. И шляпа, в которой, как мы знаем из текста пушкинского романа в стихах, ездил на бульвар Евгений Онегин.

Уже в XX веке революционный демократ Хосе Марти так характеризовал его: «Нельзя спокойно и размеренно говорить о том, кто при всей своей жизни ни минуты не знал покоя. О Боливаре можно говорить, если трибунами станут высочайшие вершины гор. Если говорить о Боливаре, то пусть свирепствует буря, гремит гром, ослепительные сверкают молнии».

Боливар родился 27 июля 1783 года в Каракасе, столице Венесуэлы. Эта страна в северной части Южной Америки открыта Колумбом во время его третьего плавания, в 1498 году, видимо при участии Америго Веспуччи. А через год названа Венесуэлой, что переводится как «малая Венеция».

Семья Боливара – богатые креолы, так называли испанцев, родившихся в Америке. Родом они были из северной части Испании, из Страны басков. Его предки стали первопоселенцами и всегда гордились своим происхождением.

К XVIII веку они, видимо, утратили чистоту рода – подмешалась индейская и, возможно, негритянская кровь. Зато были исключительно богаты. Отец Боливара владел поместьями, золотыми приисками, сахарными заводами, торговал какао и другими ценными продуктами. У семьи было более тысячи рабов.

И все-таки креол – это не вполне испанец. Испанские гранды, которые тоже могли владеть поместьями в Америке, относились к креолам несколько свысока. И это, пожалуй, один из корней сложной натуры Симона Боливара, отличавшегося не только отвагой, но и немыслимым честолюбием. А идеи революции и свободы носились в воздухе. Недавно обрели независимость английские колонии Америки. Шла Французская революция.

Когда Симону было три года, умер его отец, а в восемь лет он потерял и совсем еще молодую мать. Люди европейского происхождения нередко плохо переносили климат Венесуэлы.

Сироту растила няня, чернокожая рабыня. Боливар писал о ней: «Ипполита, моя мать. Ее молоко вскормило меня, и я не знал других родителей кроме нее».

У креолов был своего рода комплекс, страстное желание не отличаться от испанцев, и они очень серьезно занимались образованием своих детей. И у Симона появился учитель по имени Родригес, венесуэльский просветитель. Они встретились, когда ученику было девять лет, а учителю – двадцать. Со временем они стали близкими друзьями.

Родригес был фанатичным поклонником Руссо и других французских просветителей. Со временем – а он пережил своего ученика – его взгляды развивались в сторону утопического социализма. На этом основании его сравнивают с Сен-Симоном и Оуэном.

Учитель сыграл в жизни Боливара очень важную роль, фактически заменив мальчику отца. После смерти родителей опекуном Симона стал сначала дед, тоже вскоре скончавшийся, потом дядя и, наконец, Родригес. Мальчик далеко не сразу свыкся с необходимостью жить в небогатом доме своего учителя, бежал оттуда, был возвращен по суду… Так формировалась его несгибаемая натура. Потом он доказал всей своей жизнью, что способен не падать духом, даже встречая непреодолимые препятствия.

В четырнадцать лет Боливар вынужден был расстаться с Родригесом, которого заподозрили, наверное небезосновательно, в том, что он участвовал в антииспанском заговоре. Он бежал в Европу, сказав ученику: «Мы еще встретимся. И борись, пожалуйста, до конца с этими годос». Такова была презрительная кличка испанцев в Венесуэле.

Родственники наняли Симону нового учителя, наверняка за очень хорошие деньги, потому что это был известный поэт Андрес Бельо, знаток классической древности, один из самых образованных людей этой части Америки. Но через два года, в 1799-м, юноша расстается и с этим учителем, потому что был отправлен в Европу.

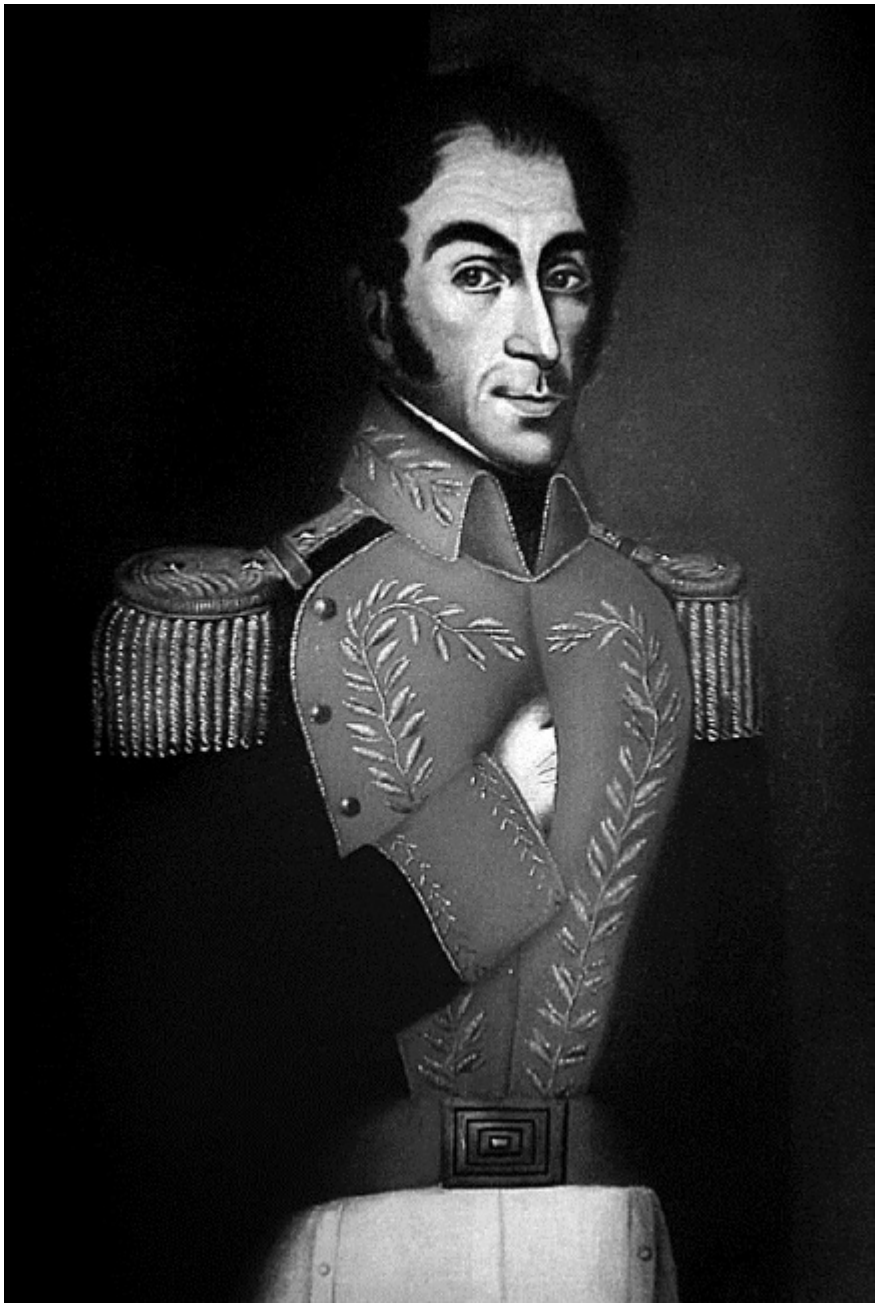
Прежде всего, он, конечно, поехал в Испанию, однако не очень там прижился. Судя по его письмам, воспоминаниям и биографии, написанной позже Родригесом, Симон делал все, чтобы подчеркнуть, что он не отличается от испанской аристократии. Из-за этого подчеркнутого стремления к равенству с самыми знатными испанцами его заподозрили в заговоре и чуть не арестовали. Спасли только связи родственников.

Он проехал по Италии, Швейцарии, Англии. Семья хотела, чтобы он изучал право. Но строго систематического образования он не получил. Зато был образован весьма широко. Любил античную литературу, читал труды французских энциклопедистов. Умирая, он будет держать в руках томик Руссо.

В 1802 году Боливар провел несколько месяцев в Париже. Дышал революционным воздухом. Первый консул Наполеон Бонапарт все еще воспринимался как дитя Революции. Романтика его биографии увлекала восемнадцатилетнего латиноамериканца. Свобода, равенство, братство, какой-то корсиканец – артиллерийский поручик – встал во главе государства. Почему бы и уроженцу Каракаса не сделаться революционным генералом? Это произойдет, но не сразу.

В 19 лет Боливар женился на маркизе Марии-Тересе дель Торо, дочери человека, близкого ко двору. Любовью его жизни станет совсем другая женщина. Через 20 лет он обретет верную подругу, креолку Мануэлу Саэнс, которая однажды спасет ему жизнь.

А пока женитьба, какая подобает знатному испанцу. После свадьбы, состоявшейся в Мадриде, Боливар увез молодую жену в Венесуэлу. Мария-Тереса была образованна, обаятельна, но у нее было очень хрупкое здоровье. И климат Венесуэлы оказался для нее непереносимым. Она скончалась от лихорадки через несколько месяцев.



Хуан Ловера. Симон Боливар.
1827 г.

Боливар, конечно, горевал о ней, но теперь ему проще было всецело отдать себя делу, которое его уже влекло. Вскоре он вновь отправился в Париж и стал свидетелем коронации Наполеона Бонапарта. Это глубоко его возмутило. Он заявлял: «Я

боготворил его как героя Республики, как блестящую звезду славы, как героя свободы, но с того дня, когда он провозгласил себя императором, для меня он превратился в двуличного тирана». (Через 22 года Боливар возложит на себя чрезвычайные диктаторские полномочия, а это путь к императорской короне; правда, диктатуру он будет понимать в античном смысле.)

Состояние Наполеона после коронации некоторые историки называют «династическим безумием». Он решил на все престолы посадить своих родственников, создать что-то вроде новой королевской династии в масштабах всей Европы. В 1806 году Наполеон определил на испанский престол своего брата Жозефа. И это объективно содействовало движению против испанского владычества в Южной Америке. Нестабильность в Испании была использована колониями в борьбе за свободу.

В 1810 году в Южную Америку пришли сведения о том, что в Испании развернулась война против французской оккупации. И сразу начались войны в испанских колониях: поднялись Мексика, Аргентина – тогда Ла-Плата – Чили, Перу. Это было широкое движение за освобождение от колониальной зависимости. Симон Боливар почувствовал, что пришло время для выполнения его революционных замыслов.

Его роль определялась не только богатством и связями, но и, в первую очередь, его харизмой. Он писал: «Я оставил в неприкосновенности закон законов – равенство, потому что без него мертвы все гарантии, все права. Во имя равенства мы должны идти на жертвы, на алтарь равенства я положил позорное рабство. Я не успокоюсь до тех пор, пока не разорву цепи, которыми Испания опутала мою родину». Таково было его стремление к свободе. К свободе как таковой, понимаемой широко, иногда абстрактно. И своих рабов он освободил в самом начале борьбы за независимость.

Кстати, это был вызов уже не испанцам, а креолам.

Боливар умел не только побеждать, но и наживать врагов. Его невозможно оценить однозначно. В нем, как во всякой яркой личности, есть все.

Испанская власть опрокинута, но сопротивляется, продолжаются сражения. Боливар назначен полковником и губернатором одной из областей. Он не имеет никакого военного опыта, но берется командовать войсками. Воюет не всегда удачно, но со временем начинает одерживать и блестящие победы – их у него более 200. Впрочем, примерно столько же и поражений.

Перед началом всех этих событий Боливар побывал с дипломатической миссией в Лондоне. Там он многократно встречался и подружился с неким человеком по имени Франсиско

Миранда, философом и революционером, предтечей борцов за освобождение колоний. Еще отец Боливара мечтал принять участие в заговорах, которые готовил Миранда против испанцев. Просто не успел. Миранда бежал в Европу. Симон Боливар убедил его вернуться на родину, видя в нем знамя освободительной войны. И Миранда, по возрасту годившийся Боливару в отцы, прибыл в Венесуэлу, чтобы возглавить борьбу. Он создал «Патриотическое общество», весьма напоминавшее якобинский клуб во Франции времени революции XVIII века.

В 1811 году Первый Венесуэльский конгресс объявил страну республикой. Но Миранда, назначенный главнокомандующим, человек немолодой, не имеющий военного опыта, терпел военные поражения. К тому же в 1812 году в

Каракасе случилось страшное землетрясение. Погибло 10 тысяч человек. Церковь и сторонники испанской монархии повторяли, что это наказание за грехи, за выступление против законного хозяина – против великой Испании.

Это производило на людей огромное впечатление. В Каракасе началась анархия. Республиканское правительство не в состоянии было овладеть ситуацией. И Миранда подписал капитуляцию, сдался капитану Монтеверде, возглавлявшему испанские силы. По условиям капитуляции, не должно было быть никаких репрессий, оставался в живых и Миранда.

Но восемь венесуэльских офицеров, в том числе Симон Боливар, объявили Миранду за эту капитуляцию предателем. Они арестовали его и, можно сказать, сдали испанским властям. Монтеверде не сдержал слова – в цепях отправил Миранду в Испанию, где тот четыре года мучился в ужасных условиях заточения и умер.

Артуро Мичелена.
Боливар. 1898 г.

Боливара не раз обвиняли в том, что он предал своего духовного отца. Вряд ли это был коварный замысел. Но действительно – Миранда оказался повержен, а Боливар все время шел вверх, становясь все заметнее. Есть даже предположения, что предательство было ценой личной свободы

Боливара. Он некоторое время скрывался, а потом вновь появился на политической сцене. И конечно, гибель Миранды – пятно в его биографии.

Сам Боливар никогда не признавал себя виновным. Он утверждал, что в момент ареста Миранды действительно считал его предателем. Но нельзя не обращать внимания на то, что в результате этих событий навсегда исчез с исторической арены единственный, кто мог составлять Боливару реальную политическую конкуренцию.

Доверяясь испанцам, Миранда надеялся, что временное отступление позволит ему собрать новые силы. Теперь их собрал Боливар.

Уже в 1813 году он организовал новую армию и провел несколько успешных сражений против Монтеверде, который был, кстати, его дальним родственником. Это очень типичная ситуация для гражданской войны.

Боливар обратился с призывом к добровольным защитникам из Европы. К нему стали прибывать люди, веровавшие в свободу, благородные, самоотверженные. Многие из них считали, что во Франции революция попрана Бонапартом. И пусть тогда Америка станет континентом свободы. Собралось около 5 тысяч. Почти все они погибли. Уцелели, по разным данным, человек 200 или 300.

Тито Салас.
Переход Боливара через Анды. 1911 г.

Видя военные успехи Боливара, Каракас открыл ему ворота. Он официально получил от Хунты – Национального собрания – титул «освободитель». Это же собрание провозгласило его диктатором Второй Венесуэльской республики. Слово «диктатор» использовалось в римском смысле: если республика в опасности, кто-то временно наделяется особыми полномочиями для ее спасения. Потом уже эта диктатура трансформировалась в диктатуру латиноамериканскую в ее нынешнем варианте.

Встав во главе Второй республики, Боливар в 1813 году одержал серию побед, а затем, в 1814-м, потерпел ряд страшных поражений. Сильнее всего ему досталось от льянерос – полудиких

жителей прерий, скотоводов во главе с бывшим пиратом Бовесом, которого называли Аттилой степей. Война была очень тяжелой. Лились моря крови.

В эти годы у Боливара родился замысел объединения всех республик Южной Америки. Южные Штаты Америки – по модели США. Многих это напугало. Ведь он был диктатором. Закономерно рождалось подозрение, что он со

бирается возглавить эти новые Штаты. И может быть, он намекает, что хочет стать императором.

А он, если даже не намекал, то продвигался по этому пути. После очередных побед и поражений он стал 7 марта 1816 года президентом единой и нераздельной республики Венесуэлы. В 1819 году произошло объединение Венесуэлы и Новой Гренады, возникла Великая Колумбия, опять же во главе с президентом Боливаром.

В 1823 году он вступает в Перу— горная часть страны ему подчиняется и получает название Боливия, по его имени. Он и там становится диктатором. На время, чтобы навести порядок.

Конечно, все это очень тревожило его окружение. Сестра писала ему: «Не вздумай даже обсуждать принятие титула императора. Ты же понимаешь, что это делают твои враги». Она была совершенно права. Враги предпочитали, чтобы вокруг него создавался ореол узурпатора, которого потом можно будет с полным основанием свергнуть.

Все больше делалась вероятность того, что в соответствии с замыслом Боливара объединятся Венесуэла, Колумбия, Перу, Боливия, Чили. А ведь это большая сила.

Но внутри Великой Колумбии начались разногласия, которые всячески подогревали враги президента. Против него зрели заговоры, на него были покушения. Однажды жаркой ночью он качался в гамаке, а потом решил пройтись. Телохранитель должен был идти за ним. А он вместо этого решил покачаться в хозяйском гамаке. И был зверски убит. В другой раз Боливара чуть не арестовали и готовы были казнить.

Какую же политику проводил он в этих условиях? При нем была принята первая Конституция, провозгласившая свободу слова, печати, собраний, уравнявшая в правах белых, индейцев, выходцев из Африки, метисов и мулатов, запретившая работорговлю. А важнее всего, что в 1816 году он добился отмены рабства. Преодолел колоссальное сопротивление богатых креолов.

Боливар очень интересовался вопросами образования. Он настаивал, чтобы государство взяло на себя опеку над образованием всех детей до 12 лет. Либералы возражали, говоря,

что это будет означать контроль над каждой личностью.

Была также создана Палата по вопросам морали.

И опять Боливар настаивал на контроле за каждым человеком – за его взглядами, за его поведением. В этом было что-то от утопического социализма, даже от наивного коммунизма, уходящего корнями в древность и Средневековье. Интересно, что он успел узнать и с сочувствием отозваться о восстании декабристов в России.

Много всего перемешалось в этой весьма неглупой пламенной голове.

В 1830 году бывшие соратники Боливара объявили в Каракасе о выходе из Великой Колумбии. Идея единства рушилась. И 27 апреля Симон Боливар обратился к Конгрессу с прошением об отставке. Отставка была принята. А 17 декабря того же года умер от заболевания легких. Ему было 47 лет.

На последних портретах это измученный болезнью, усталый человек, увидевший при жизни крушение своего великого замысла.

Зато после смерти его бывшие соратники, которые его изгнали, и их наследники начали его громко воспевать. Ему установлено огромное количество памятников, в честь него названы деньги, шляпа, футбольный клуб…

И сейчас существует так называемый Боливерианский пакт южноамериканских государств для борьбы против влияния США. Это объединение развивает идею Боливара, который, умирая, не переставал твердить: «Единство, единство, единство».

Джузеппе Гарибальди. Герой двух континентов

Гарибальди порой воспринимается с некоторым раздражением: слишком ярок, слишком пышен, слишком красив. И все-таки, узнавая о нем больше, невозможно не подпасть под очарование этой личности. Человек-легенда, национальный герой Италии, он внес очень большой вклад в развернувшееся в XIX веке движение Рисорджименто – борьбу за воссоединение разрозненных и зависимых от соседей итальянских земель и создание независимого Итальянского государства. Надо помнить и то, что 12 лет – половину своей активной жизни – он воевал в Южной Америке, и тоже за свободу.

Он был искренне любим народом и по-своему признаваем королями и министрами. Его ценил первый итальянский король после Рисорджименто Виктор Эммануил II, с ним тонко взаимодействовал либеральный министр Камилло Кавур… Они же, впрочем, его и опасались.

Джузеппе Гарибальди родился 4 июля 1807 года в Ницце, которая в тот момент была под властью одного из итальянских государств – Пьемонт-Сардинской монархии. Он рос в этом пограничном франко-итальянском городе со страстью к Италии в сердце.

Отец, Доменико Гарибальди, – владелец и капитан небольшого парусника – зарабатывал на жизнь перевозками грузов на недалекие расстояния. Мать, донна Роза Раймонди, несколько более образованная, чем муж, занималась воспитанием детей. Их сына по имени Джузеппе Мария в детстве звали очень нежно – Пеппино. Ничто не предвещало, что из него вырастет необычный человек сродни героям мифологии.

Правда, уже вокруг его детства складывались предания. Например, когда мальчику не было еще восьми лет, он будто бы спас упавшую в воду прачку.

Через много лет, проведя большую часть жизни на море, Гарибальди писал: «Я чувствовал к морю призвание. Плавать по морям было, казалось, предназначением моей жизни. Как и когда я научился плавать, не помню. Мне кажется, что я всегда знал это и родился амфибией». По стилю чувствуется, что это был романтический век!

Образование Джузеппе получил бессистемное. Он любил одного из своих учителей, по имени Арена, который обучал его письменному итальянскому и математике. В зрелые годы

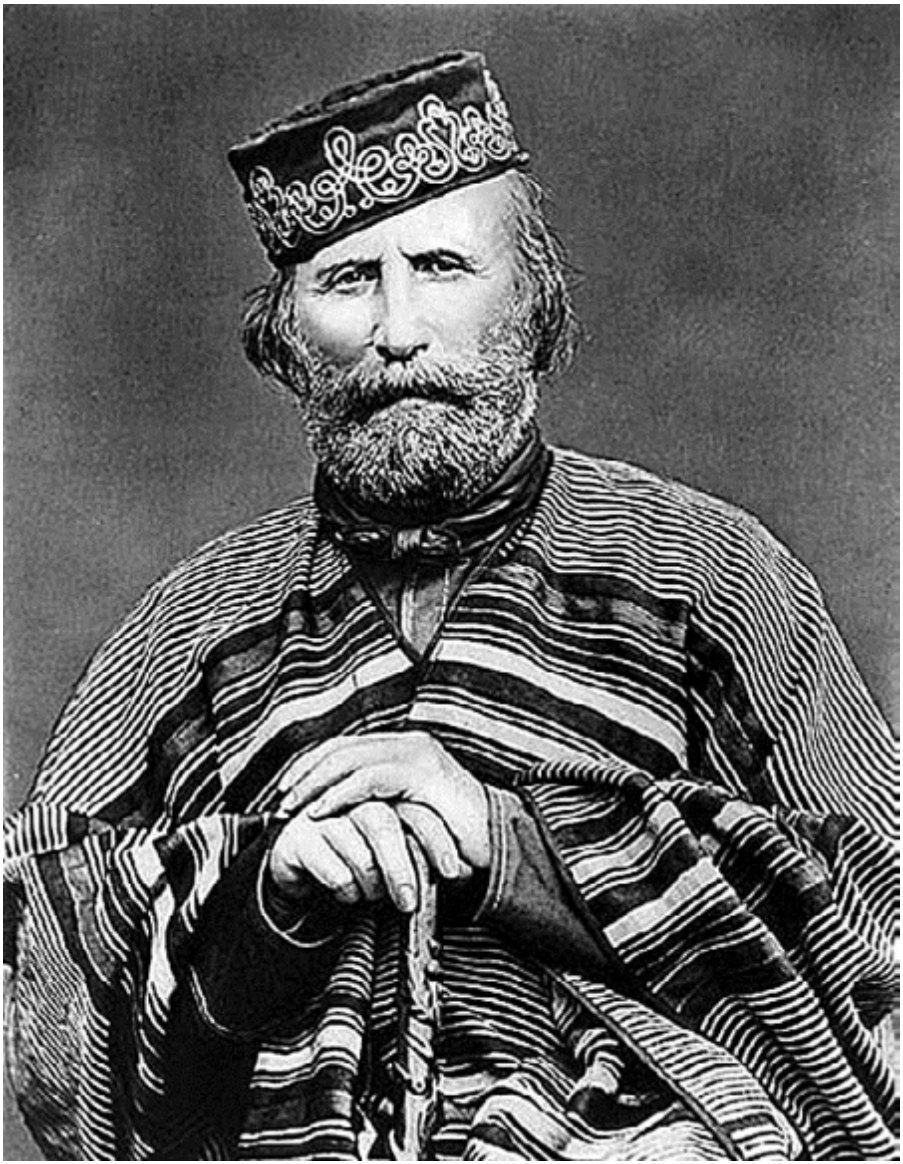
Гарибальди читал наизусть главы «Илиады», неплохо знал творчество Данте, Петрарки, пробовал писать стихи. Как многие очень яркие и нестандартные личности, он многого добивался самообразованием. Во все эпохи самообразование сильной, целеустремленной личности может дать совершенно поразительные результаты.

С 15 лет Гарибальди – юнга на торговых судах. Мать и отец вроде бы не очень хотели, чтобы он стал моряком. Они хорошо знали, какие превратности судьбы и опасности подстерегают человека на этом пути. Но отвратить его от этого занятия оказалось невозможно. Такая же пылкая страсть, как к морю, возникла у него позже и к борьбе за свободу.

В торговом флоте Гарибальди делал самую обыкновенную карьеру, стал сначала помощником капитана, а затем, в 1832 году, когда ему было 25 лет, – капитаном парусника «Клоринда». Сделаться в этом возрасте капитаном парусника считалось в ту эпоху совершенно нормальным. Можно сказать, что он принадлежал к той самой средней буржуазии, которой предстояло сыграть огромную роль в грядущих итальянских революциях.

Сам же Гарибальди сделался революционером сразу и вдруг, как это бывает с сильными и яркими натурами. И случилось это в Таганроге, где произошла встреча в трактире с членом общества «Молодая Италия», человеком по имени Кунео. «Молодая Италия» – тайное революционное общество, созданное Андреа Мадзини и прославленное романом Этель Лилиан Войнич «Овод». Кунео рассказал Гарибальди о целях своей организации.

По итогам Венского конгресса, состоявшегося в 1814 году, после Наполеоновских войн, державы-победительницы под флагом «восстановления легитимных монархий» поделили мир в соответствии со своими интересами и, как всегда бывает в таких случаях, заложили основы будущих конфликтов.



Джузеппе Гарибальди. 1866 г.

Италия была разделена на восемь государств под патронажем Австрии. Жизнь итальянских земель оказалась подчинена интересам австрийской монархии. А порой австрийское управление выливалось в прямую оккупацию. Эта бомба рано или поздно должна была взорваться.

Мадзинисты не были единственными революционерами в Италии – еще раньше возникли тайные общества так называемых карбонариев (в буквальном переводе – «угольщиков»). Возглас «он карбонарий!» известен нам по тексту «Горя от ума» как символ

ужасающей обывателя революци онности. Организация карбонариев была тесно связана с масонством. Она не имела четкой программы, но среди абстрактных лозунгов, призывавших к добру, важное место занимала борьба за объединение Италии.

Тактика «Молодой Италии» была заговорщической, а значит, безнадежной. Со временем Гарибальди разочаровался в ней, и у него возникли с Мадзини серьезные противоречия. Но пока он увидел в деятельности общества реальный путь к тому, чтобы сделать что-то для Италии – страны, которую он с детства любил по рассказам. Такая любовь, основанная на теоретическом представлении, была в духе его натуры.

В 1833 году, со вступлением в «Молодую Италию», в сознании и судьбе Гарибальди произошел переворот. Он поклялся посвятить жизнь борьбе за освобождение Италии. И клятву эту выполнил.

Уже в следующем, 1834 году он стал участником заговора мадзинистов, которые пытались организовать восстание против австрийского гнета. Гарибальди получил задание «поднять флот» Пьемонт-Сардинского королевства. Ни больше ни меньше. Это было нереально. Заговорщики вообще мало считаются с исторической реальностью, с конкретной обстановкой. Им свойствен романтический взгляд на вещи: мы свято верим в свою правоту – и люди пойдут за нами. Иногда в истории это удавалось, но не на сей раз. Уже в 1835 году было ясно, что заговор провалился. Гарибальди, как один из его активных участников, был заочно приговорен к позорной казни – расстрелу в спину.

Джузеппе Гарибальди.
1861 г.

Нельзя забывать, что времена Средневековья были еще не очень далеко, и в отношении тех, кого считали преступниками, применяли самые жестокие пытки и казни. Возродилась даже отмененная Наполеоном Бонапартом инквизиция. Вместе с нею

вернулось и отношение к казни не просто как к суровейшему наказанию, но и как к жестокому уроку, попранию личности. И это было совершенно невыносимо для горделивой натуры Гарибальди.

Он бежал из Генуи сначала в Ниццу, потом в Марсель.

Бежал, как в романе, – пешком, переодевшись в крестьянскую одежду. И все-таки по дороге в Марсель его схватили. О дальнейшем он так рассказал в мемуарах: арестованный, сделав вид, что залюбовался пейзажем, выпрыгнул в окно второго этажа. Этот удивительный эпизод перекочевал из его воспоминаний во множество научных и художественных биографий.

Конечно, трудно представить себе конвоиров, которые поверили, что арестованный любуется пейзажем. Впрочем, он, наверное, делал это очень убедительно. Ему было свойственно отношение к природе как к символу высшей, божественной красоты. В зрелые годы он жалел, что не сделался поэтом, и признавался: «Когда я вижу прекрасный закат, сверкающие звезды, дивные растения, в моей душе играет музыка».

Итак, ему вновь удалось бежать. Но в некой таверне хозяин объявил ему, что он узнан и сейчас будет арестован. На что Гарибальди ответил: «Подожди сообщать обо мне властям. Ужин еще не закончен». И во время трапезы начал прекрасным тенором петь куплеты на слова Беранже. (Французский и итальянский были для Гарибальди одинаково родными языками.) Публика, состоявшая из итальянцев – поклонников бельканто – и южан-французов, не очень от них в этом отличающихся, пришла в восхищение. Трактирщик тоже заслушался. Куплеты смелого содержания, весьма обидные для королей, Гарибальди исполнял всю ночь – а наутро скрылся. Потом в его записках появилась фраза: «Да, умер Беранже, так и не зная, какую услугу он оказал одному из борцов за свободу».

На сей раз ему пришлось бежать далеко. Он отплыл в Рио-де-Жанейро. 13 лет он проведет в Южной Америке, побыв сначала обыкновенным корсаром, то есть пиратом. Враги называли его Белый Дьявол. На своих всего лишь двух, потом трех суденышках он был по-настоящему опасен. Хосе Гарибальди наводил ужас на побережье Бразилии.

Южная Америка была горячим континентом. Там не стихли еще национально-освободительные движения, сбросившие власть Испании и Португалии. Южноамериканские территории были населены смесью потомков аборигенов, колонизаторов и черных рабов, которых уже начали туда привозить. В этой горячей лаве контуры новых государств только определялись, их этнический и политический облик оставался очень туманным.

Попав в эту среду, Гарибальди не остался корсаром. Он как будто искал возможность придать своей деятельности смысл и целесообразность. Начинал он как добрый разбойник – морской Рбин Гуд. Часто, захватив корабль, оставлял пленникам все, что при них было. По легенде, однажды он даже не взял у кого-то ящичек с бриллиантами, сказав: «Оставь, самому пригодится». Это похоже на фантастический домысел, но такие фантазии не рождаются на пустом месте.

А потом Гарибальди обрел идею. Он превратился в борца за независимость республики Рио-Гранде на юге Бразилии. Подрядившись на службу в этой крошечной, еще не родившейся республике, он стал генералом. Впрочем, звания и титулы там раздавались щедро.

В течение семи лет он вел эту безнадежную борьбу против большой и сильной Бразильской империи. Его волонтерский, полукорсарский флот был обречен. Но Гарибальди это не останавливало. Потерпев окончательное поражение, он некоторое время поборолся за независимость небольшой республики Уругвай, побыл в Монтевидео, поддерживая тех, кто хотел отделиться от Аргентины… Он всегда оказывался там, где борются за свободу.

В те четыре года, что он сражался за Уругвай, возник легион «красных рубашек». Это была, вероятно, чистая случайность: волонтеры надели такие рубашки, какие были на захваченном ими складе. Но так родился символ, навсегда ставший знаком сторонников Гарибальди.

Они были бедны, потому что Уругвай был беден. Гарибальди старался не брать денег, предпочитая образ бессребреника. Правда, собравшись отплывать в Европу, он принял помощь в снаряжении кораблей.

Во время своей южноамериканской эпопеи Гарибальди нашел себе жену. Ею стала Анита Рибейру да Силва – креолка из Уругвая. Она была замужем, но это не явилось для него препятствием. У Гарибальди всю жизнь были сложные отношения с католической церковью. Похоже, что в ранней юности он, подобно Артуру из романа «Овод», столкнулся с нарушением тайны исповеди и потом всегда с недоверием относился к священникам. Поэтому он не был убежден и в том, что браки совершаются на небесах. Анита бежала с ним. И это был брак до самой ее смерти, хотя им далеко не сразу удалось его узаконить.

Анита принимала участие во всех военных операциях мужа: скакала на лошадях, стреляла из мушкета. Они были настолько бедны, что, когда в 1840 году родился их первенец, Менотти, Гарибальди завернул его в свой шейный платок и несколько

месяцев возил на груди, согревая собственным дыханием.

Подводя итог своей южноамериканской эпопее, Гарибальди писал: «В Америке я служил, или, лучше сказать, действовал на пользу народов. Как тут, так и в Европе я был врагом абсолютизма».

В апреле 1848 года, узнав о том, что в Европе сложилась революционная обстановка, он отплыл на бригантине «Сперанца», что означает «Надежда», из Монтевидео в Италию. К этому моменту революция охватила огромное пространство, фактически всю Западную и Центральную Европу. Ее горячо поддерживали молодые еще Маркс и Энгельс. Заметили они и Гарибальди, а главный его недостаток видели в том, что он не марксист.

Гарибальди не повезло: пока он добирался из Южной Америки до Италии, революция пошла на спад. Вместе с ним прибыли 63 человека – верные ветераны, прошедшие со своим командиром всяческие испытания. Аниту с тремя детьми Гарибальди отправил к матери в Ниццу, побыл с ними несколько дней и скорее отправился в Италию, чтобы набрать добровольцев для участия в борьбе против австрийского засилия.

Король Пьемонта Карл Альберт был встревожен деятельностью Гарибальди. Монархов всегда пугают люди идейные, не склонные бездумно служить одной власти. Многим не нравились эти закаленные бойцы в красных рубашках. Умеренные представители итальянской политической элиты договорились даже до таких смешных аргументов: не надо привлекать к борьбе «краснорубашечников», потому что их форма слишком заметна, неприятелю легко их обнаружить.

Ситуация не была одинаковой в разных итальянских землях. Пьемонт был относительно либеральным государством. С 1847 года там выходила газета «Рисорджименто» («Объединение»), которую издавал граф Кавур, человек, который сыграл очень важную роль в освобождении Италии.

В ходе революции возникали недолговечные республики в Риме и Венеции, павшие под ударами австрийцев и французов. Очень напряженной была обстановка в Папской области, но папству на помощь пришла Франция.

До последнего держалась республика в Венеции. И конечно, туда бросился Гарибальди со своими «краснорубашечниками». На пути, в долине реки По, умерла его жена Анита, ожидавшая четвертого ребенка. Австрийцы преследовали революционеров по пятам, и он не смог даже достойно ее похоронить. Спустя многие годы он нашел это место и совершил погребальный обряд.

Поражение революции 1848 года уничтожило шанс объединения итальянских земель на демократической основе и

решения политических вопросов в том масштабе, который был свойствен буржуазным революциям XVII–XVIII веков.

Италия многие века жила в глубокой политической разобщенности. В ней сложились разные очаги государственности. Вполне самобытны были Венеция, Генуя, Папская область. Объединить такую пестроту всегда необычайно трудно. События 1848 года помогли сделать шаг в этом направлении. Появились национальные организации, родилась идея свободной прессы, началось публичное обсуждение острых вопросов. Основным очагом, на который можно было рассчитывать в будущем объединении Италии, стал Турин – центр Пьемонт-Сардинского королевства.

Что же касается Гарибальди, то он под влиянием древней истории романтически видел в качестве центра Италии только Рим. Без Рима, который оставался под папской властью, Италия – это не та великая страна, слава которой неугасимым светом горела в его душе.

В 1849 году Гарибальди отправляется во второе изгнание. У него ничего не остается: он потерпел полное поражение, Анита умерла, дети у его матери в Ницце. В духе той патриархальной эпохи родственников Гарибальди никто не преследует, просто нет идеи расправиться с семьей «врага народа».

А он снова плывет в Америку, правда сначала в Северную. У него нет капитала, и он, герой многих войн, нанимается рабочим на фабрику, потом пытается заниматься репетиторством (это занятие очень ему не понравилось, видимо, потому, что сам он не был достаточно образован). Но ведь он капитан! Вернувшись во флот, он ходит на кораблях в Китай, Австралию, Новую Зеландию, Англию. В Англии он знакомится с русским революционером-эмигрантом А.И. Герценом. Они в целом понравились друг другу, хотя их взгляды совпадали далеко не во всем.

Путешествуя по морям, Гарибальди писал: «Не хочу нигде остановиться, где кругом фальшь, ложь, где нет свободы. Не хочу быть нигде. Мой корабль с моими соратниками – это плавучая революция». Он готов был причалить туда, куда эту революцию позовут.

И снова позвала Италия. Там начался революционный подъем 1859–1861 годов. Кавур, который и опасался Гарибальди, и отдавал ему должное, находился уже очень близко к власти – он был правой рукой пьемонтских монархов. Он предложил Гарибальди титул генерала – уже не южноамериканского, а итальянского – и разрешил набрать волонтеров. Революция шла более успешно, Ломбардия и Милан были уже освобождены, но

Ниццу и Савойю Кавур уступил Франции. Это был своего рода размен, позволивший итальянцам продвинуться в деле объединения. Но Гарибальди, будучи не политиком, а искренним человеком, не мог понять этого дипломатического расчета. Он глубоко обиделся на Кавура. Только перед самой смертью министра они объяснились и все простили друг другу.

После передачи Ниццы Франции Гарибальди подал в отставку и отбыл на крошечный остров Капреро, который он купил у северного побережья Сардинии. Не вполне понятно, откуда взялись такие деньги у этого бескорыстного бывшего корсара. Вроде бы он получил наследство от брата, но это очень странно: в семье не было богачей.

Так или иначе, в эту свою личную резиденцию Гарибальди удалялся не раз. Там он с увлечением занимался сельским хозяйством, выращивал овощи и, поскольку на острове была каменистая почва, занялся мелиорацией и неплохо освоил эту технологию. Талантливый человек часто бывает талантлив во многих сферах.

Очень скоро, в 1860 году, он вновь был призван на борьбу. Произошло восстание на юге Италии. Бывшее средневековое Королевство обеих Сицилий – это Сицилия и Южная Италия с центром в Неаполе. Неаполитанское королевство переходило из рук в руки разных монархических домов: там была французская, австрийская власть – чья угодно, только не итальянская. Восставшие призвали Гарибальди, и он встал на сторону короля Пьемонта Виктора Эммануила II. Враг монархии, враг абсолютизма впервые проявил некоторую гибкость, когда согласился сражаться под знаменем этого короля. Гарибальди возглавил знаменитую «Тысячу», революционный отряд, выступивший на помощь освободительному восстанию на острове Сицилия. На юге Гарибальди проявлял безумную личную отвагу; с криком «Италия! Италия!» буквально бросался на пули и штыки – и оставался жив, только был ранен.

С ним оставались и его сподвижники, ветераны в красных рубашках. После победы их начали обижать, лишать былых званий, и для него это было мучительно, потому что эти люди – его гордость, сама суть гарибальдийской идеи.

1861 год стал знаменательным в жизни Италии: было провозглашено Итальянское королевство во главе с Виктором Эммануилом II из Савойской династии.

После этого великого события Гарибальди прожил еще 20 лет: он умер в 1882 году. На некоторое время он ушел в частную жизнь. В 53 года у него возник страстный роман с красавицей аристократкой, маркизой Джозеппиной Раймонди,

однофамилицей его матери. Они заключили брак, но он оказался фиктивным: то ли она сама прямо во время венчания призналась, что любит другого, то ли при выходе из церкви ему передали записку о том, что у нее есть возлюбленный, от которого она ждет ребенка. Пламенный Гарибальди вскочил на коня и навсегда ускакал из ее жизни. Потом понадобились долгие годы и бесконечные хлопоты, чтобы добиться развода.

Джузеппе Гарибальди и Франческа Армозино.
1880-е гг.

Случались и другие романы. Стареющий Гарибальди был чрезвычайно красив, умел одеваться, старался выглядеть необычно. Узнаваемые детали его туалета – пончо, шляпа с пером. Он всегда был очень элегантен и имел бешеный успех у женщин. А в конце жизни он женился на служанке из его дома на острове Капреро, Франческе Армозино. Сначала это был

гражданский брак. Родилось трое детей, и Гарибальди, чтобы их узаконить, добился того, чтобы брак стал официальным.

Были в эти двадцать лет и хозяйственные заботы, и возвращение в 1862 году на войну в Италию – Гарибальди пытался взять Рим, но потерпел неудачу.

Он был невероятно популярен в Европе, в том числе и в России. Одно из его тяжелых ранений лечил великий русский хирург Николай Иванович Пирогов. Гарибальди много болел: сказывались прежние лишения и ранения. Он писал мемуары, письма. А последний раз повоевал в не любимой им Франции. В 1870 году, во время франко-прусской войны, его, окруженного ореолом революционера, хотели привлечь на свою сторону коммунары. Но он на это не пошел.

Во французских событиях участвовал его старший сын. И Гарибальди написал ему: «Ты сначала разберись. Если речь идет о том, чтобы воевать за Францию с Пруссией – можно участвовать. Но если это будет война французов против французов, не надо». Насколько мудрее стал этот человек, начинавший с горячечного участия в заговорах «Молодой Италии»!

Удивительно точно высказался о нем французский писатель Виктор Гюго: «Что такое Гарибальди? Человек. Ничего более. Но человек в самом высоком смысле этого слова. Человек свободы, человек человечности. Vir, как назвал бы его соотечественник Вергилий, на римский лад. Есть у него армия? Нет. Только горсть волонтеров. Боевые припасы есть? Нет их. Порох – несколько бочек. Орудия – взяты у неприятеля. В чем же его сила? Что доставляет ему победу? Что стоит за него? Душа народов».

С точки зрения нашего времени фигура Гарибальди выглядит излишне романтической, «пафосной», как стали говорить недавно. Но такова была эпоха. По словам Гюго, «люди эти искренне верили в то, за что боролись. Испытывали величайшие тяготы, лишения ради идеи». А это привлекательно во все времена.

Авраам Линкольн. Президент и народный герой

След Авраама Линкольна в истории можно смело назвать совершенно потрясающим. Лидер северных штатов в великой Гражданской войне Америки 1861–1865 годов, которую называют второй американской революцией, дважды президент Соединенных Штатов, жертва громкого политического убийства… А его личная биография – просто вариация сказки о Золушке.

Он родился в 1809 году. Его отец— Томас Линкольн, потомок первопоселенцев Америки, нищий, неграмотный. В те годы штат Кентукки – это еще малоосвоенные земли. И существование там – тяжкий труд, постоянная борьба за выживание в дикой природе. Жизнь в шалаше, работа мотыгой…

Мать, Нэнси Хэнкс, в отличие от мужа, умела читать. В доме было три книжки, все божественного содержания. Семья очень религиозная, пуританская. Имя мальчику тоже дали библейское – Авраам (американский вариант – Эбрахам). Дома его звали Эб. В юности он заслужил прозвище Честный Эб. И именно это оказалось козырем, который позволил ему проложить свою дорогу в политику…

В восемь лет Эба отдали в школу. Мать хотела, чтобы он научился хотя бы читать и писать. Но богатый сосед-плантатор запретил ему ходить через свою территорию за то, что мальчик подружился с его чернокожим рабом. (Стоит обратить внимание: конечно, маленький Эб – никакой еще не борец с рабством, но подружиться с негром-невольником – нестандартно для его мира.)

Поскольку путь в школу через земли соседа был единственным, ее пришлось бросить. Попробовали отдать в другую – но это было слишком далеко.

Из-за враждебного отношения соседа семья вынуждена была переселиться еще дальше на запад, в штат Индиана. Шалаш с земляным полом, голод. Но вечером у костра маленький Эб писал обугленной палочкой на доске.

Когда мальчику было десять лет, умерла его добрая матушка. Отец особенно убивался из-за того, что не мог даже похоронить ее как положено: в ближайшей округе не было священника. И вдруг Эб сказал: «Я напишу ему письмо». Оказывается, он, упражняясь с палочками и дощечками, все-таки научился писать. Он действительно послал письмо священнику, тот приехал – и обряд над покойной был совершен.

Неизвестный художник.
Авраам Линкольн в юности. XIX в.

Через год отец женился во второй раз. Но в данном случае все повернулось совсем не так, как в сказке о Золушке. Мачехой Эба и его сестры стала вдова Салли Джонстон. У нее было трое собственных детей – и она оказалась добрейшей женщиной. До конца своей жизни Авраам Линкольн любил ее, говорил о великой благодарности к ней и всячески ей помогал.

В 12 лет его снова отдали в школу. Но она через несколько месяцев закрылась. Последняя попытка в 16 лет – и наконец-то учитель заметил выдающиеся способности мальчика. Только в этом возрасте ему удалось более или менее последовательно поучиться.

При этом он, конечно, постоянно занимался сельским

трудом, с детства выполнял самую тяжелую физическую работу. Забавно: в некоторых американских биографиях Линкольна отмечается, что основанием его политической карьеры стала выдающаяся физическая сила.

Ростом около двух метров, худой и крепкий, он очень ловко орудовал топором. Одно из его коронных занятий – рубка жердей для изгороди. Дело было очень трудное – твердые породы дерева плохо поддаются обработке.

Кстати, через много лет, во время избирательной кампании Линкольна, его сторонники, проводя собрания, расставляли вокруг такие жерди. Это было символом того, что их кандидат представляет тружеников, простой народ. А на одном из собраний Линкольна спросили, правда ли он способен выполнять физическую работу. И он сразу же продемонстрировал свое умение, виртуозно орудуя тяжелым топором

Авраам взрослел, продолжая непрерывно самостоятельно учиться, читать все книги, которые удавалось заполучить. Он нанимался на любую работу – и был нарасхват, за гроши, конечно, – всем платили гроши. Он умел пахать, растить кукурузу, ухаживать за лошадьми, был паромщиком, даже стряпухой. Со временем – большое продвижение в карьере – стал приказчиком.

В 1837 году, в возрасте 28 лет, Линкольн получил статус адвоката, исключительно путем самообразования. Чтение было его любимым занятием, причем не только в целях обретения профессии.

Когда его впервые решили выдвинуть кандидатом в депутаты Законодательного собрания, он думал, что его разыгрывают, и вполне благодушно отнесся к этой «шутке». Ему вообще было свойственно благодушие, характерное для многих очень сильных физически людей. Например, если над ним пытались посмеяться из-за его огромного роста, длинных рук, неэффектной внешности, вызывали его на поединок, – он просто хватал соперника, поднимал высоко в воздух (причем иногда одной рукой) и отбрасывал в сторону. После этого желание состязаться с ним у всех почему-то пропадало.

Еще одна грань его натуры, неотделимая от врожденного благодушия и доброты, – его отношение к животным. В детстве его даже пытались наказывать за то, что он освобождал зверей и птиц из ловушек и силков – понятно, что охотники были этим недовольны. Но он не мог видеть страданий животных. В свои недолгие школьные годы писал сочинения о сострадании к животным.

И когда он уже стал молодым адвокатом, абсолютно нищим,

произошел поразительный случай. Он ехал на какой-то простенькой повозке к своему клиенту вместе с партнером. Была ужасная погода – дождь, слякоть. И они увидели тонущую в огромной грязевой луже свинью. Проехали несколько метров, и Линкольн сказал: «Подождите, остановитесь, все-таки я должен вернуться и освободить эту свинью». Все рассмеялись, считая, что это шутка. Но он действительно вышел и, страшно измазавшись, свинью вытащил. Поставил ее на сухое место и поехал дальше. Эта сострадательность, заложенная не кем иным, как Богом, в душу Честного Эба, сказалась в дальнейшем на его политической карьере. Таков был первотолчок к его выдвижению из общей среды.

В политику Линкольн попал случайно. Такое было возможно только в ранние, относительно патриархальные времена существования Авраам Линкольн. 1846 г.

Соединенных Штатов. Страна была очень молода, нация еще только формировалась, и люди труда осваивали территорию – а освоение предполагало борьбу с аборигенами, индейцами – и Линкольн воспринимал это как должное.

В юности, когда его семья уже перебралась в штат Иллинойс, там набирали добровольцев для борьбы с индейским племенем, которое вождь Черный Сокол повел против белых. И Честный Эб по своей воле пошел сражаться с индейцами. Это не такой уж парадокс, как кажется на первый взгляд. Во-первых, американская нация формировалась в процессе освобождения континента от местного населения. Во-вторых, индейцы – это люди с оружием. С точки зрения Линкольна, с ними можно воевать. А чернокожие рабы, которых он впервые увидел в Новом Орлеане на невольничьем рынке, вызвали у него жалость. Он запомнил их в цепях, он понял, как с ними жестоко обращаются – чуть что, в ход шла плеть, – и это задело его сердце.

О походе против индейцев Линкольн рассказал в дневниках и письмах. Подчеркнул, что до прямого военного столкновения дело не дошло. И между строк читается – он этому рад. Он пишет: «Я сражался только с полчищами москитов и ужасным количеством лесных ягод черники – вот были мои противники». Конечно, потом, во время предвыборных кампаний, он обязательно упоминал о том, что участвовал в походах против индейцев. В походах – но не в боях.

И особенно поразительно, что такой не склонный к военным предприятиям человек волею судьбы возглавил одну из сторон в Гражданской войне, самой кровавой в истории Америки и одной из самых кровавых во всей мировой цивилизованной истории.

Соединенные Штаты 60-х годов XIX века – это недавно

освободившееся и недавно объединившееся государство, которое начало стремительно превращаться в национальное. Из Войны за независимость от монархической, частично феодальной Англии молодая страна вышла с грузом сложных проблем. В частности, южные штаты были устроены совсем иначе, чем северные. На Юге со времен освоения континента обосновались выходцы из феодальной Европы. И многие южноамериканские плантаторы были потомками былых эмигрантов, бежавших от европейских революций и попытавшихся на новом месте создать некую вариацию утраченного старого мира. В самой Европе феодальная эпоха окончательно ушла в прошлое, а здесь ее культура воспроизводилась в громадных поместьях, где вместо былых тысяч крепостных были вывезенные из Африки черные невольники. Один из современников, северянин, писал: «Труд у южноамериканцев не в почете. Они своим сыновьям не прививают трудолюбия, деловитости. Они получают поместья и доходы с этих поместий».

Этот обломок аристократической, монархической Европы создал и соответствующую экономическую инфраструктуру. В производстве хлопка, который был золотом Юга, источником огромных доходов, огромную роль играл именно рабский труд. Всего 7 % населения там составляли богатые плантаторы. Но у них было 3 миллиона рабов! Такая система не бывает устойчивой. Вопрос только в том, когда она рухнет.

Пока южная аристократия, манерная, изнеженная, жила, во многом копируя старую Европу, на Севере стремительно зрел молодой боевой капитализм.

В середине XIX века во всех штатах зародилось движение против рабовладения. Ибо сама идея рабства, позаимствованная в Древнем мире, любому мыслящему человеку эпохи железных дорог и электричества казалась совершенно архаичной. Да и просто дикой. Сторонники освобождения рабов – аболиционисты – сознавали, что капиталу нужен свободный труд. Рабский труд – это экстенсивная экономика, когда берут числом, а не качеством, не заинтересованностью, не технологиями. Отношение к рабству было вопросом не только выгоды, но и совести. Любая революция начинается не в «базисе», а в головах людей.

Самый знаменитый аболиционист – Джон Браун – в 1859 году поднял в Канзасе восстание. Оно было подавлено. Брауна жестоко казнили, и это всколыхнуло сердца многих американцев. В том числе случившееся взволновало и молодого адвоката Линкольна.

С 30-х годов XIX века его начинают выдвигать кандидатом в депутаты Законодательного собрания штата Иллинойс. Потом в вице-президенты – правда, не избирают. Как член

Законодательного собрания он славится неподкупностью. Как адвокат – не берет денег с бедняков – защищает бесплатно.

Одна из легенд (а их множество вокруг Линкольна) гласит, что к нему – молодому адвокату – обратилась чернокожая женщина. Ее сын был освобожден, но его незаконно удерживали в рабстве. Линкольн пытался выиграть это дело, но не сумел: он не был абсолютно победоносным адвокатом. И тогда они с партнером просто за свой счет выкупили этого несчастного, чтобы сказать: «На, бедная женщина, получи сына».

С годами выяснилось, что в Законодательном собрании Линкольн способен очень ясно выразить свою точку зрения и аргументированно ее доказать. К этому времени он поработал землемером, почтмейстером – приобрел большой жизненный опыт. Он прочел огромное количество книг, в том числе таких, как «Римская история» Эдварда Гиббона, серьезно увлекся Шекспиром. У него появился большой интеллектуальный багаж, и это заметно выделяло его из не очень образованной провинциальной среды.

В 1842 году, в возрасте 33 лет, Линкольн женился. Его избранницей стала Мэри Тодд, дочь члена Законодательного собрания штата Кентукки. Авраам подарил ей кольцо с надписью «Любовь вечна». Их очень стабильная многолетняя семейная жизнь, продолжавшаяся до смерти Линкольна, легла в основу трогательного документально-художественного романа Ирвинга Стоуна «Любовь вечна, или Мэри Тодд и Авраам Линкольн». Старший сын Линкольна, Роберт, жил долго, сделал блестящую карьеру, был посланником в Англии и министром международных отношений.

В 1860 году Линкольна выдвинули кандидатом в президенты от Республиканской партии. Важно учитывать, что расстановка политических сил в США 150 лет назад существенно отличалась от нынешней. Именно северяне-республиканцы были противниками рабства, а так называемая Демократическая партия выступала за его сохранение.

Руководство южных штатов и его сторонники не просто отстаивали рабство как экономический и социальный институт – они поставили задачу законодательно распространить его на все американские штаты, сделать США рабовладельческой страной. Трудно даже представить себе, какой исторический путь прошла бы эта совершенно другая Америка.

Линкольн понимал, что предстоит грандиозная битва. Об этом свидетельствуют его слова, произнесенные в 1860 году, непосредственно перед избранием на пост президента: «Я верю в Бога, ненавидящего рабство и несправедливость. Я вижу

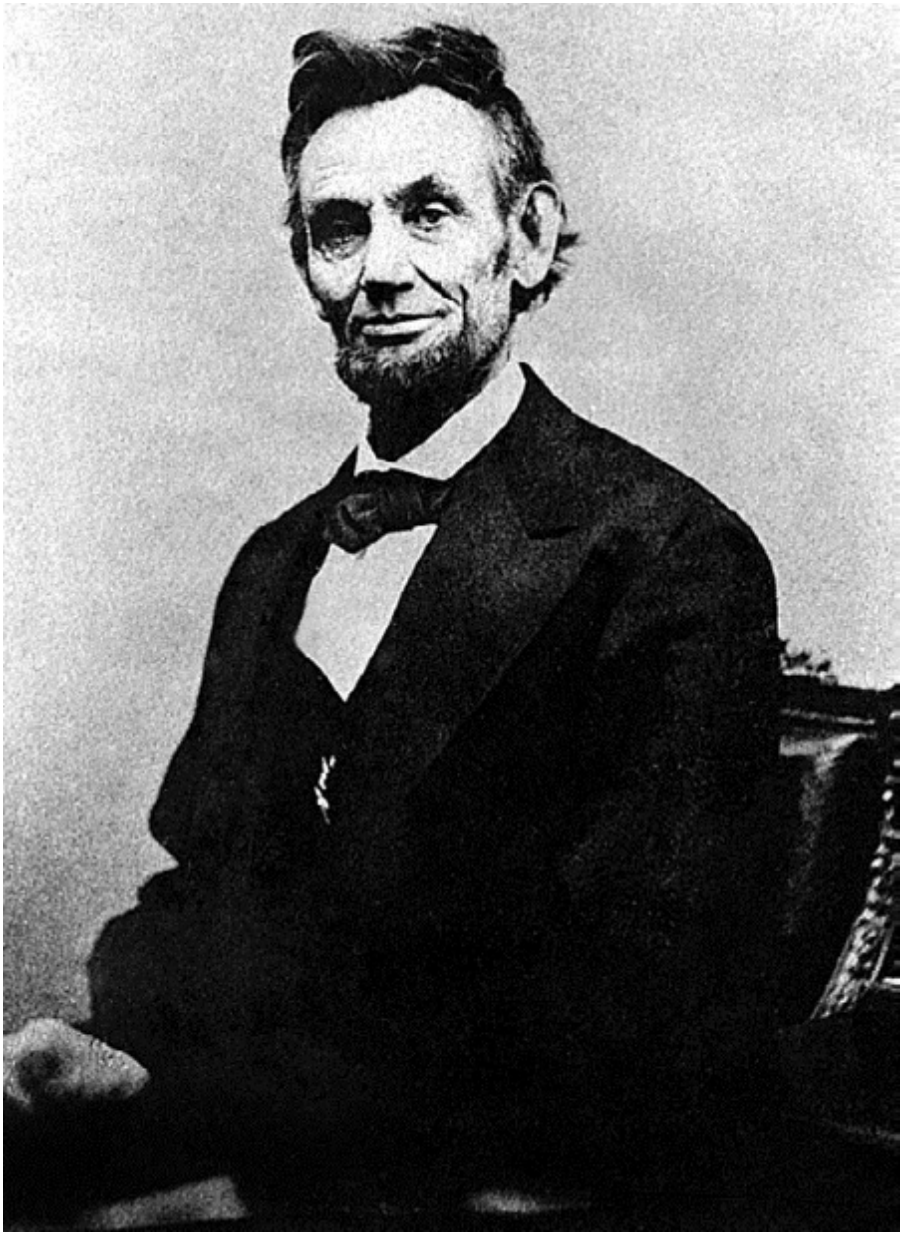
приближающуюся бурю. Если мне предстоит борьба, я буду готов к ней. Сам я ничто, но правда – все. Я знаю, что я прав».

Да, за эти годы мальчик, спавший на соломе на земляном полу, рубивший с отцом жерди, нищий, голодный, проделал большой путь. Он вырос профессионально и интел лектуально, но свою неприязнь к рабству сохранил и даже укрепил.

На выборах боролись два кандидата от демократов, один от консервативный партии и Авраам Линкольн от республиканцев. И он стал 16-м президентом США.

Еще до выборов лидеры южан предупредили, что в случае победы республиканского кандидата воспользуются конституционным правом выхода штата из союза. Поэтому еще до инаугурации Линкольна, в декабре 1860 года, этот процесс начался. Из союза вышли Южная Каролина, Миссисипи, Флорида, Алабама, Джорджия, Луизиана, Техас – всего 11 штатов.

Случился страшный раскол, и началась кровавая война. Юридически Линкольн являлся президентом США, но за ним была уже только часть страны. Надо сказать, этот миролюбивый человек, не сделавший военной карьеры, нисколько не растерялся. Его здравый ум, склонность к размышлению, готовность выслушивать более опытных людей, то, что он запрещал себе принимать поспешные решения, – все это привело к тому, что он сумел вести эту войну, не без промахов, с большими потерями, но в целом верно и эффективно.



Последняя прижизненная фотография Линкольна, сделанная за пять дней до убийства

На первых порах северяне терпели поражение. Линкольн объявил набор добровольцев в армию. Южане тоже набирали волонтеров, хотя злые языки и говорили, что некоторых гнали насильственно. На Севере же энтузиазм был очень велик. Армия насчитывала сначала 75 тысяч, потом 100 тысяч, потом 200 тысяч человек…

В кровавом месиве Гражданской войны уничтожались цветущие города, погибало множество людей. Цифры неточны, но и они впечатляют. Север потерял 360 тысяч человек, Юг – 250 тысяч. Миллионы были искалечены. Многие пропали без вести. И все это в основном молодые, работоспособные мужчины. Америка понесла страшный урон. Казалось, она вообще не поднимется после таких утрат.

На первом этапе войны, складывавшейся не в пользу северян, Линкольн решился на шаг, который, в конечном счете, стоил ему жизни, – освобождение невольников. Это была серия юридических актов 1863–1864 годов. Причем многие из чернокожих рабов совершенно не были счастливы, особенно потому, что поначалу их освобождали без земли, без какого-либо состояния – при господах им жилось легче, проще, привычнее. Но прорыв был совершен: идея свободы пришла.

Театр Форда, где был смертельно ранен Линкольн

Бóльшая часть чернокожих мужчин пошла в армию северян. И это повлекло за собой проблемы. Некоторые генералы, полные расовых предрассудков, писали президенту, что не будут принимать негров. Таких военачальников Линкольн снимал с должностей. У него была железная воля.

Но предрассудки имелись и у солдат. (Нельзя забывать, что только через 100 лет после Линкольна, в 60-х годах XX века, в Соединенных Штатах убрали, например, надписи на вагонах «только для белых» и «только для черных».)

Новобранцы совершенно не умели воевать. Они мечтали

сбросить цепи рабства и двинуться в некую будущую счастливую жизнь. А воевать за нее в регулярной армии, подчиняться командам белых им совсем не нравилось. Были минуты, когда большинству мыслящих людей дело северян казалось совершенно безнадежным.

Но среди достоинств Линкольна было и такое: он выдвигал умных, достойных генералов, например Улисса Гранта, Уильяма Шермана, и делал на них ставку. И еще он умел не отступать. Действовал очень решительно. Правда, когда к нему обращались с прошениями о помиловании, он старался большинство их удовлетворить. Будучи народным лидером, он стремился сохранить свой имидж и поэтому предпочитал избегать просьб, а не отказывать. И бывало так, что пленных расстреливали, не дожидаясь помилования, которое подпишет Линкольн.

В 1863 году безнадежные поражения североамериканских войск сменились заметными удачами. Тем более что человеческий и экономический потенциал у северян был больше. Положение южан осложнялось и тем, что в тылу у них оставалась своего рода пятая колонна – огромная армия чернокожих рабов.

Линкольну приходилось решать параллельно и внешнеполитические вопросы. И он прославился своей дипломатией. Дело в том, что южан готовы были поддержать Франция и Англия – просто из соперничества с поднимавшимися Соединенными Штатами. Но Линкольн сумел опереться, как ни удивительно, на монархическую Россию. Путем тонких дипломатических ходов он добился ее благожелательной позиции. Это было очень важно – в конце концов, ни одна страна не приняла участия в американской войне.

4 марта 1865 года Линкольн был избран на второй срок. Кстати, именно ему приписывают поговорку «коней на переправе не меняют».

Но чем ближе была победа Севера, тем сложнее делалось его положение. У него было очень много врагов. Как показывает исторический опыт (в том числе и российский, связанный с отменой крепостного права и убийством Александра II Освободителя), люди не прощают, когда им внезапно дарят свободу.

9 апреля 1865 года официально завершилась война. Линкольн прибыл в покоренную столицу южан Ричмонд, произнес там речь, как обычно замечательную. Он говорил о том, как тяжела была 80 лет назад Война за независимость и что война Севера и Юга – продолжение битвы за свободу. Северяне сражались за то, «…чтобы кровь их не была пролита даром, чтобы наша нация с помощью божьей снова возродилась к свободе и

чтобы правление народное, из народа и для народа не исчезло с лица земли».

Он собирался пробыть на президентском посту полный срок. Но 14 апреля 1865 года был убит. В Вашингтоне, в театре Форда, шло представление в честь состоявшейся незадолго до этого официальной капитуляции лидера южан генерала Роберта Ли и сдачи Ричмонда. Линкольн с членами семьи и близкими сторонниками сидел в президентской ложе. Убийце удалось туда проникнуть. Это был актер Джон Уилкс Бут, экзальтированный фанатик Юга. Он в упор выстрелил в голову президенту. Потом прыгнул на сцену, прокричал: «Так погибают тираны» (уж тираном-то Линкольн не был!), «Юг отмщен!» – и сумел вырваться из театра, но позже был пойман. Перед судом он не предстал – был убит при задержании. И заговор, позволивший ему подобраться к Линкольну, так и не удалось раскрыть.

Ни кошмар Гражданской войны, ни ужасный финал биографии ничего не сумели сделать с имиджем Линкольна в мировой истории и культуре. Более того, трагическая смерть еще более возвысила этого человека. Лев Николаевич Толстой, в молодости воевавший, как известно, на Кавказе, писал: «Если кто-либо хочет понять величие Линкольна, он должен выслушать рассказы о нем разных народов. Горцы в глухих аулах представляли мне его в образе эпического героя, человека огромной силы и мудрости, величайшего воина и правителя». Так творится миф, так приживается он в самой глубине народной среды.

Впрочем, и без этого сказочного флера Авраам Линкольн заслужил право называться не только президентом, но и народным героем. Вещи, казалось бы, несовместимые. Но тем он и интересен, что в нем несовместимое совместилось.

Отто фон Бисмарк. Враг революций

Когда думаешь о таком заметном человеке, как Отто Эдуард Леопольд фон Бисмарк-Шенхаузен, князь и герцог Лауэнбургский, часто кажется, что он так и родился на белый свет с седыми усами и грозным взглядом. А между тем у него была, как и у всех, своя биография: детство, юность… И в начале жизни он совершенно не был похож на будущего железного рейхсканцлера и создателя Второго рейха, второй Германской империи, того, кто объединил Германию «железом и кровью».

Его отец – прусский землевладелец Фердинанд фон Бисмарк. Бисмарки владели землями в Пруссии с XIV века. Они были потомками рыцарей, завоевателей прибалтийских земель к востоку от Эльбы. Однако свое генеалогическое древо они пытались несколько удлинить, доведя его до Карла Великого, то есть до IX века.

Бисмарки принадлежали к сословию юнкеров. Надо сказать, что юнкерство – совершенно особенная социальная категория в Германии. Изначально слово «юнкер» означает «молодой дворянин». Юнкеры – это крупные землевладельцы восточных и центральных провинций Пруссии. Сословие сформировалось к XVI веку в результате знаменитого процесса – «Дранг нах остен», завоевательного движения Германии на Восток, в земли балтских и славянских народов. Прусское крепостничество – так называемое «второе издание крепостничества» – славилось особой жестокостью. К примеру, барщина, которую отрабатывали крестьяне на господских землях, даже в XVIII веке доходила до 5–6 дней в неделю!

Но уже в следующем столетии этот процесс смягчается, юнкерство выходит на простор капиталистического производства. В начале XIX века начался выкуп крестьянских повинностей – то, что В.И. Ленин назвал потом «прусским путем развития капитализма», то есть медленная, постепенная трансформация позднефеодальных порядков в раннекапиталистические. Юнкерство Нового времени – это обуржуазившиеся помещики Германии. И семейство Бисмарков – классика юнкерства. Они разводили в своем поместье овец и продавали шерсть. Причем они были так богаты, чтобы не принимать личного участия в производстве. Им только порой приходилось контролировать продажу шерсти на рынке, что, конечно, задевало их дворянское достоинство. Бисмарк потом всю оставшуюся жизнь боролся за то, чтобы его фамилия писалась с дворянской приставкой «фон».

О Фердинанде фон Бисмарке было известно, что однажды,

когда ему было двенадцать лет, с ним разговаривал прусский король Фридрих II Великий. Что сказал король мальчику – неизвестно. Но этот эпизод в семье очень часто вспоминали.

Мать – Вильгельмина фон Бисмарк – была более знатного происхождения: семья ее принадлежала к высшему германскому чиновничеству. Она рано лишилась родителей, но их высокое положение позволило ей пристроиться в королевском дворце. Королева Луиза, отличавшаяся большим милосердием, пожалела сироту, и девочка некоторое время жила при дворе. Будучи умной молодой особой, она со временем стала замечать, что ее положение выглядит двусмысленным – то ли няня при королевских детях, то ли просто приживалка. Ей это не понравилось, и она удалилась.

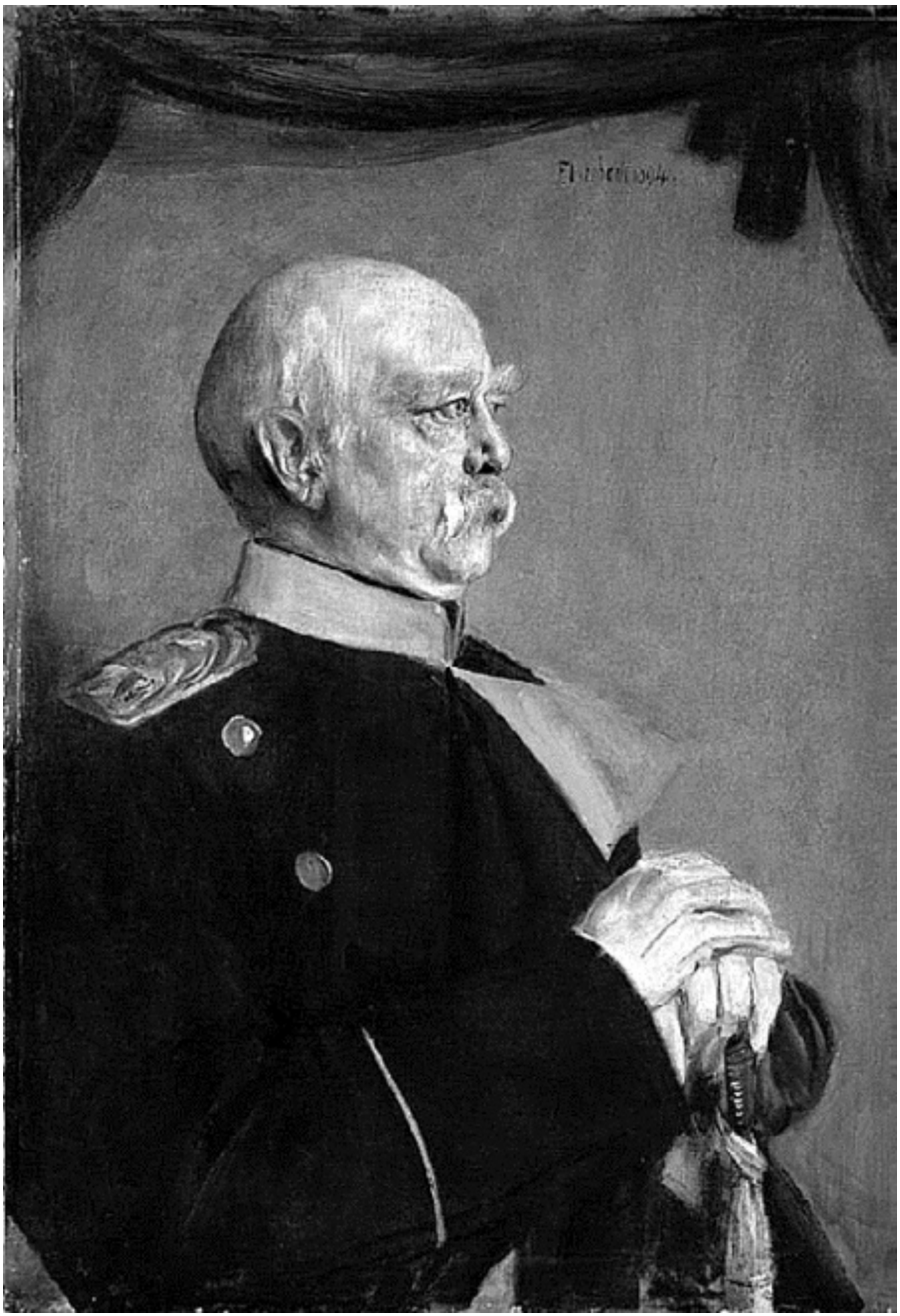
Надо сказать, что семейная жизнь Бисмарков до появления Отто складывалась не очень легко. Два первенца, мальчики, умерли в младенчестве. Третий сын, Бернгард, был слаб здоровьем, и все время казалось, что он тоже долго не проживет (тем не менее жизнь его оказалась довольно долгой). Отцу Отто было уже 43 года, а матери 25 лет, когда он родился. Это произошло в поместье Шенхаузен, к западу от Берлина.

По случаю рождения ребенка отец дал в газету очень занятное объявление: «Настоящим имею честь известить моих друзей о том, что моя жена вчера благополучно разрешилась от бремени сыном. И почтительнейше прошу их не утруждать себя принесением мне личных поздравлений». В этом поступке отца проявилась сдержанность, передавшаяся потом и младшему сыну.

На Отто – здорового мальчика, наследника, были возложены все надежды семьи, поэтому родители очень заботились о его образовании и карьере. В соответствии с модными идеями развития личности в ребенке его отдали в берлинскую школу Пламана, где в основу воспитания были положены принципы итальянского педагога Песталоцци. Но Отто не нравилось там учиться, к тому же у него не складывались отношения с товарищами по учебе. Сохранился его портрет времен обучения в школе Пламана, когда ему было примерно 12 лет. Один французский исследователь, говоря о выражении лица на портрете, сравнивает Отто с лисенком, посаженным в клетку и уверенным, что он вырвется оттуда. И можно сказать, что он вырвался.

В 12 лет он по инициативе матери перешел в гимназию с гуманитарным уклоном. (Мать рассчитывала на его блестящую карьеру, но не дожила до триумфа своего сына.) Новая гимназия тоже находилась в Берлине и называлась «У серого монастыря». Там преподавалась античная история, которую Бисмарк изучал

весьма охотно. Увлекался он также произведениями Гете, Шиллера, блестяще выучил французский язык, не особенно модный тогда в Германии, поскольку Франция рассматривалась как главный враг Пруссии. В национальной памяти еще были свежи воспоминания об унижении, которое принесли стране войны с Наполеоном.



Франц фон Ленбах.
Отто фон Бисмарк. 1894 г.

В 1832 году Отто Бисмарк поступил в Университет Георга Августа в Геттингене, чтобы изучать право. Геттингенский университет, основанный в 1737 году, относительно молодой по сравнению с древними университетами Франции и Италии, был знаменит на всю Европу. Он стал центром культурного и национально-патриотического движения в Германии. Здесь работали такие крупные ученые, как математик Карл Гаусс, филологи братья Я. и В. Гримм и другие. Сюда тянулась либерально настроенная молодежь всей Европы. Большая концентрация политически активной молодежи приводила к тому, что нередко именно здесь случались студенческие волнения.

Но Отто Бисмарк всегда последовательно ненавидел любое вольнодумство. Он был сторонником консервативного поведения и преданного служения монархии – единственно возможной форме правления. Перспективу развития государства он видел в дисциплине, военной силе и, что не менее важно, в мудрой дипломатии.

В те годы Германия была разобщена. В результате долгого и своеобразного исторического пути она с 962 года, когда Оттон I был провозглашен императором, существовала формально как единая Империя. Но отдельные части этой Империи, княжества, были фактически независимы. И идея Бисмарка заключалась в том, что надо теперь, в новую эпоху, создать более жесткую централизованную политическую систему, причем обязательно под эгидой Пруссии.

Бисмарку было не очень просто жить и учиться среди геттингенских вольнодумцев. Высокий, рыжий, не отличавшийся красотой, экстравагантный, он всегда ходил с железной тростью в руке. Он всячески подчеркивал свои далеко не либеральные взгляды и требовал, чтобы окружающие не забывали, что он – Отто фон Бисмарк! Многим это не нравилось. И через месяц после поступления в Университет у него случилась первая дуэль. Первая, но не последняя. В течение следующих 9 месяцев этот молодой задира, агрессивно отстаивавший свою правоту, участвовал в 24 дуэлях. Самолюбивый, даже горделивый, он со временем жестоко поплатился за эти свои качества. Но университет он окончил не впустую, защитив диссертацию по философии и политэкономии. Бисмарк не окончил Геттингенский университет – жизнь на широкую ногу оказалась обременительной для его кармана. Под угрозой ареста со

стороны университетских властей, он покинул город. Целый год он числился в Новом столичном университете Берлина, где и защитил диссертацию по философии и политической экономии.

На заре своей биографии Бисмарк, прежде чем начать блистательную карьеру, прошел естественные ступени юношеского роста. Он немало веселился, кутил и повесничал. Бретерство, потом гульба и увлечения женщинами – все это были этапы самоутверждения. Ему непременно надо было убедиться, что он преуспел во всем. Светский лев и поклонник женщин, он переехал в Аахен, модный курорт, где на концерты и веселые вечера он тратил больше денег, чем имел. Личная дисциплина его пока не очень строга, и светская жизнь кружит ему голову. Так, например, он обручился с одной юной англичанкой, дочерью священника Изабеллой Лорейн-Смит. По случаю этого события он просто бросил службу – без всякой уважительной причины не вышел из отпуска. Тем не менее, помолвка была расстроена.

До 1846 года Бисмарк не находится на регулярной службе. Он недолго побыл мелким чиновником, но быстро и с удовольствием отказался от этого занятия. «Моя гордость требует от меня повелевать, а не исполнять чужие приказы» – вот каковы были его запросы.

Он решил стать помещиком, как отец, вернулся домой и возобновил свою разгульную жизнь на широкую ногу. Объектом его непрерывного интереса стали крестьянские дочери. Друзья Бисмарка говорили, что в этом он явно не знает меры.

Наконец в 1845 году он обручился с очень привлекательной, знатной и разумной женщиной – Иоганной фон Путткамер. Скорее всего, для Бисмарка большое значение имело пресловутое «фон», которым обладала Иоганна. Родители невесты сомневались в правильности такого брака, ибо за Бисмарком уже закрепилась определенная репутация. Отто пришлось поехать к отцу избранницы и постараться с помощью своего изворотливого ума доказать, что он лучше своей репутации. Обручение состоялось, а в 1847 году Отто и Иоганна сочетались браком. Семейная жизнь и рождение двух сыновей возымели свое действие – Бисмарк образумился. Это был брак по расчету, но он оказался очень удачным.

Полагая, что удел мелких клерков, терпеливо ползущих со ступенечки на ступенечку, не для него, Бисмарк готов был отправиться на военную службу. Карьерную удачу ему принесла сама историческая ситуация конца 1840-х годов, когда, по выражению К. Маркса и Ф. Энгельса, по Европе бродил «призрак коммунизма». Правда, они думали о революции пролетарской, а случилась революция буржуазная. Западная Европа клокотала. Не

было ни одной страны, не затронутой хоть сколько-нибудь этим брожением умов. На повестке дня стояли вопросы совершенствования государственного правления, умиротворения низов общества, успокоения уже заявившего о себе рабочего класса. Начался созыв почти забытых сословных представительств, шел поиск выхода из кризиса, путей предотвращения революции. Хотя предотвратить революции, как правило, никому не удавалось.

По поводу революции Бисмарк высказался умно и афористично: «Подготавливают революцию гении, осуществляют революцию фанатики, а плодами ее пользуются проходимцы». Его неприязнь к революциям, его убеждение в том, что их деструктивные последствия всегда больше конструктивных, со временем ярко подтвердились. Но надо помнить, что он противопоставлял революциям милитаризм и унитарную монархическую систему, что тоже далеко от гуманистического идеала.

В 1846 году Бисмарк избирается депутатом от дворянства в ландтаг в Мересбурге, в 1847 году— он депутат соединенного заседания ландтагов в Берлине. Он участвует в спорах о том, как жить Германии, как ей выйти из кризиса, как не допустить, чтобы уже прогремевшие выступления рабочего класса стали гибельными для государства. Бисмарк ничуть не скрывает своих ультрамонархических взглядов, которые непопулярны и даже опасны в революционный момент.

После революционных бурь в 1862 году Бисмарка приметил король Вильгельм I, который затем в 1871 году стал германским императором. Понимая, что столь радикальному монархисту лучше на время уйти с политической арены, он в 1859 году направил его посланником в Петербург. При российском императорском дворе Бисмарка воспринимали как исключительно умного человека. Самые дальновидные русские дипломаты вели с ним разговоры о развитии Европы.

Через три года он покинул Петербург, увозя на пальце кольцо с надписью, состоявшей из единственного слова – «Ничего». Так Бисмарк понял русскую натуру. Позже он прославится тем, что выскажет мысль о нецелесообразности и опасности войны с Россией: «Нерушимая Империя русской нации, сильная своим климатом, своими пустынями и своей неприхотливостью, потерпев поражение, осталась бы нашим природным и жаждущим реванша врагом. Точно так же, как нынешняя Франция. Разгром целой национальности, даже более слабой, польской, не удался великим державам и за сто лет. Мы поступим лучше всего, если будем обходиться с русской нацией как с изначально данной

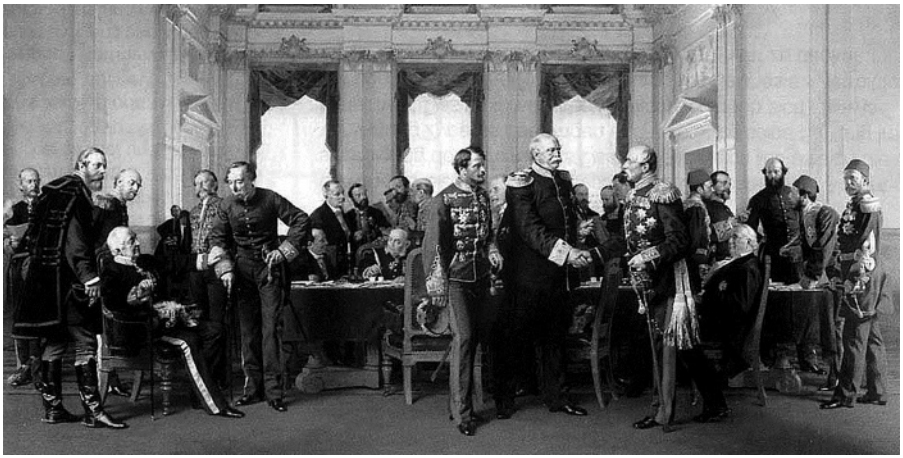
опасностью, против которой мы держим защитные дамбы». Бисмарк, разумеется, не был другом России. Просто он достаточно трезво смотрел на вещи и предупреждал об опасности конфликта с этой огромной и малопонятной страной.

Возвратившись к политической карьере, получив предложенный Вильгельмом I пост премьер-министра Пруссии, он в 1862 году публично заявил: «Великие вопросы разрешаются не речами и большинствами, а железом и кровью». И приступил к реализации программы объединения Германии – именно железом и кровью.

Бисмарк видел свою задачу в том, чтобы объединить более тридцати герцогств и княжеств раздробленной Германии. Рыхлая политическая структура, внутри которой постоянно усиливалась автономия частей, не соответствовала требованиям времени, которое было ознаменовано жесточайшей капиталистической конкуренцией и захватом колоний. Германия уже стала жертвой кровопролитной Тридцатилетней войны 1618–1648 годов, когда она лишилась больших территорий именно потому, что не имела сильной центральной власти.

Практически ни одно явление в истории нельзя окрасить исключительно в светлые или темные тона. Отсутствие жесткой централизации не всегда зло. У этого процесса есть и оборотная сторона. К примеру, в Германии не было такого крайнего абсолютизма, как во Франции или в Англии. Поэтому не случайно эта страна, с ее разобщенной политической инфраструктурой, стала центром и родиной Реформации – величайшего духовного переворота, начатого Лютером.

Но Бисмарк был решительным сторонником централизации и к тому же отчаянным прусским патриотом. В его сочинениях можно встретить такие высказывания: «Я горжусь, когда возвращаюсь из-за границы, что я пруссак»; «Небо не стояло прочнее на плечах атланта, чем Пруссия на плечах ее генералов» или «Мы заставим уважать то, что называется прусским юнкерством».



Антон Вернер.
Берлинский конгресс. 1881 г.

Такой человек был нужен тогдашней Германии. По его инициативе Пруссия начала в 1864 году войну с Данией и отвоевала некоторые спорные пограничные земли. Более того, Бисмарк хотел, чтобы Франция напала на Германию. И он этого добивался! С этим связана знаменитая история Эмской депеши – телеграммы с изложением беседы прусского короля Вильгельма I и посланника Франции В. Бенедетти. Бисмарк не погнушался ее отредактировать. Выпустив несколько слов, поменяв некоторые выражения местами, он придал телеграмме оскорбительное для Франции звучание. К тому же данный секретный документ был опубликован в немецких газетах. Все это вызвало у французов вспышку национализма, патриотизма, энтузиазма, чего и хотел Бисмарк. Франция была в военном отношении гораздо слабее Пруссии, тем более что прусская армия натренировалась в локальных войнах с Данией и Австрией. Но уязвленное национальное самолюбие вызвало эмоциональный подъем, а он привел к тому, что Франция объявила Германии войну. Бисмарк сплел свою политическую паутину. Интересно, что позднее он без всякого стеснения описал эту историю в своих мемуарах и хладнокровно заметил: галльский бык не смог выдержать такого оскорбления. Так началась франко-прусская война 1870–1871 годов, которая закончилась страшным поражением Франции – ровно тем, о чем мечтал Бисмарк.

После того как у Франции была отнята обширная территория, в Германии специально для Бисмарка учредили должность канцлера, стоявшего выше всех министров и даже премьер-министра. По сути, Бисмарк стал реальным соправителем Вильгельма I. Это был счастливейший момент, зенит его карьеры,

и казалось, ничто уже не может ей угрожать. Бисмарк находился фактически у власти 28 лет и рассчитывал остаться на посту до конца своих дней.

Но в 1888 году император умер. Новым императором стал смертельно больной раком горла Фридрих III, который к тому времени находился в ужасном физическом и душевном состоянии. Через несколько месяцев он скончался. Ему наследовал Вильгельм II.

Честолюбивый и молодой новый правитель не хотел слушать старого канцлера, который стоял у руля германской политики 28 лет. Но расстановка сил на международной арене изменилась. Однажды император прямо сказал Бисмарку: «Кажется, Вы хотели подать в отставку? Я готов ее принять!» Это был гром среди ясного неба.

Отставка была очень страшна для Бисмарка, не умевшего жить в тишине и покое в своих поместьях. Смерть жены, неудачная судьба сыновей – все это привело к тяжелому разочарованию в конце жизни. Здоровье его тоже было подорвано. Он передвигался в инвалидном кресле.

Правда, перед самой смертью он увидел вспышку всеобщей любви. Это было 31 июля 1898 года в связи с его днем рождения в поместье Фридрихрус.

Отто фон Бисмарк умер в 1898 году, лично несчастный, но уверенный, что создал новую, мощную Германию. Ирония истории заключается в том, что его мемуары «Мысли и воспоминания» в трех томах были переведены на русский язык и изданы в СССР в 1940–1941 годах, незадолго до того как Германия все-таки потерпела от загадочного восточного соседа сокрушительное поражение.

Людовик XIV. Тирания в пышных декорациях

Людовик XIV – король-солнце – был на французском престоле 72 года, из них реально правил более 50. Время его правления стало апогеем французского абсолютизма, а может быть, и абсолютизма вообще. По словам мемуариста, в те годы «ссылка на закон, на право, считалась преступлением».

Личность Людовика овеяна мифами. И сам он немало сделал для создания образа короля-полубога. Русский историк А.Н. Савин писал в начале XX века, что в позднем Людовике XIV «есть что-то даже фараонское».

При Людовике XIV расцвели искусства: театр, опера, балет. Король окружил себя великими деятелями культуры. И дворец Версаль, который он выстроил, символизировал вечный праздник. Но был и чудовищный контраст роскоши и нищеты. Не раз случались восстания и бунты. Впрочем, Великая французская революция произошла более чем через 70 лет после Короля Солнце.

О Людовике XIV написано очень много. Прежде всего – мемуары. Например, воспоминания герцога Луи де Сен-Симона и мемуары самого короля Людовика. Широко известен «Век Людовика XIV» – исторический труд Вольтера. Очень основательно исследование Ю.В. Борисова «Дипломатия Людовика XIV». Прекрасная книга Филиппа Боссана «Людовик XIV, король-артист» опубликована в русском переводе в 2002 году. Одна из интереснейших статей – «Опыт психологической характеристики. Людовик XIV» медиевиста В.Н. Малова – опубликована в журнале «Новая и новейшая история», № 6 за 1996 год. А кроме этого есть многочисленные художественные тексты и фильмы, обладающие разной степенью глубины и достоверности.

Отцом Людовика был французский король Людовик XIII, а матерью – Анна Австрийская, хорошо известная читателям романов Дюма. Предпосылки созданной Людовиком XIV системы абсолютизма можно найти и в самом его происхождении, ведь по материнской линии Людовик принадлежал к династии Габсбургов. Среди его предков были известный своей жестокостью Филипп II Испанский и император Карл V, тот, который говорил, что в его владениях никогда не заходит солнце.

Людовик был сравнительно поздним ребенком и долгожданным наследником: Анна родила его в 36 лет. Отсюда и

данное ему при рождении прозвище Богоданный.

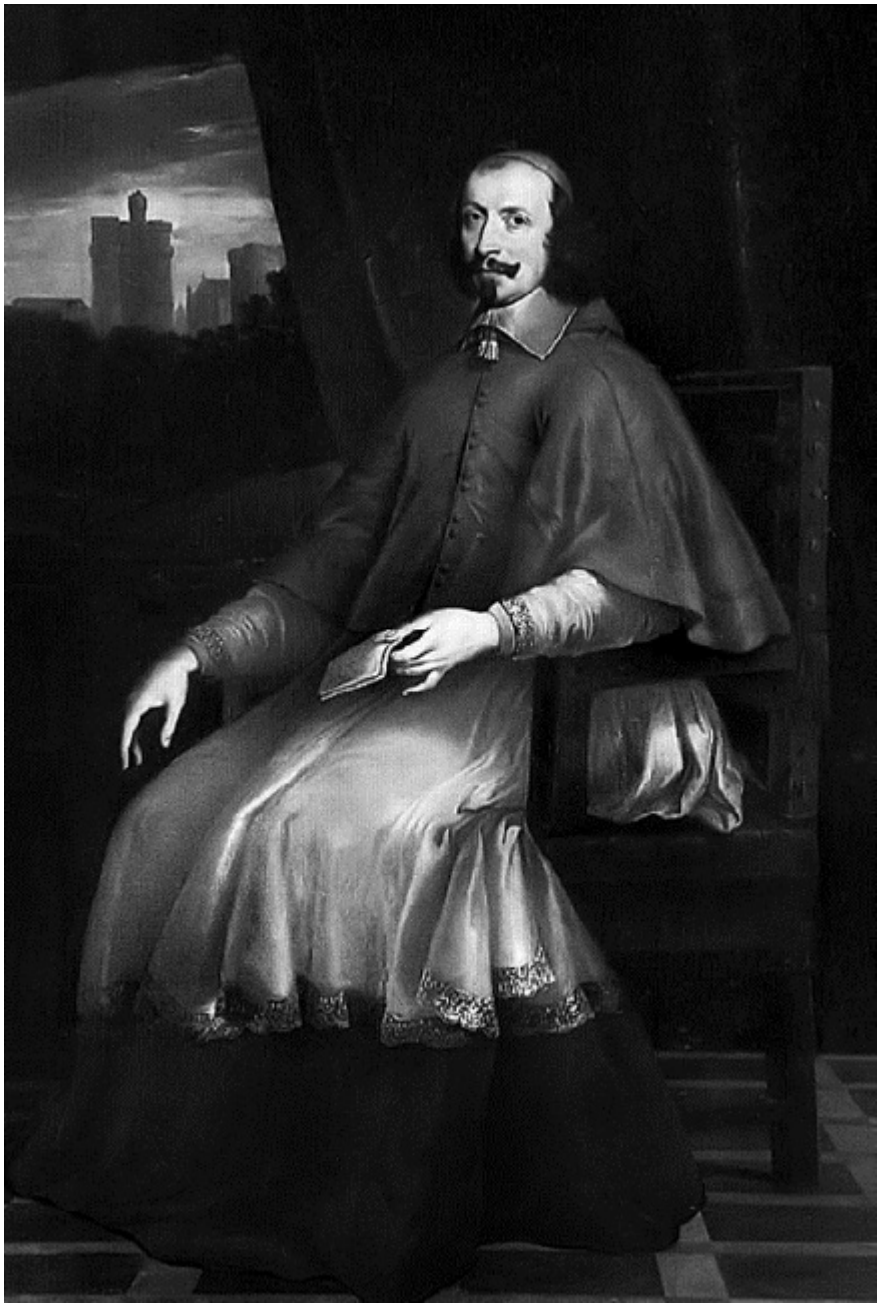
О детстве короля известно немного. Герцог Сен-Симон писал, что мальчик, прекрасно сложенный и привлекательный внешне, был очень наблюдательным, любил подсматривать, подслушивать, запоминать. У Людовика были несомненные природные данные для будущей придворной жизни.

Учиться он не любил. Ему нравились музыка, танцы, приобрел он и несколько поверхностное знание языков. Позже король заметил в мемуарах: «Я с честью вышел из своей необразованности».

С пятилетнего возраста, после смерти отца, Людовик был королем Франции. По завещанию Людовика XIII, в случае его безвременной кончины должен быть создан регентский совет. Однако вдова, Анна Австрийская, попрала это завещание, никакого совета не создала и взяла власть в свои руки. Руки же эти направлял ее фаворит кардинал Мазарини. Мальчик стал королем без власти.

В 12 лет в Людовике проснулась тяга к искусству – и сразу же проявился его характер. В ту эпоху в высшем обществе все играли на лютне. Владение этим инструментом считалось признаком аристократизма. Людовик обучился игре на лютне, но заявил: «А я хочу играть на гитаре». Гитара в то время считалась простонародным инструментом. Однако кардинал Мазарини немедленно выписал ему из Италии виртуоза-гитариста по имени Корбетта. «Пусть играет и развлекается, только бы не стремился к власти», – думал про себя кардинал.

Обстановка во Франции в тот период была довольно сложной. Тридцатилетняя война 1618–1648 годов тяжелым бременем легла на плечи французов. Велика была и нелюбовь к Мазарини. В отличие от своего предшественника Ришелье первый министр Франции был итальянцем, и французы не желали его принимать. Любимец Анны Австрийской всегда оставался для страны иноземцем.



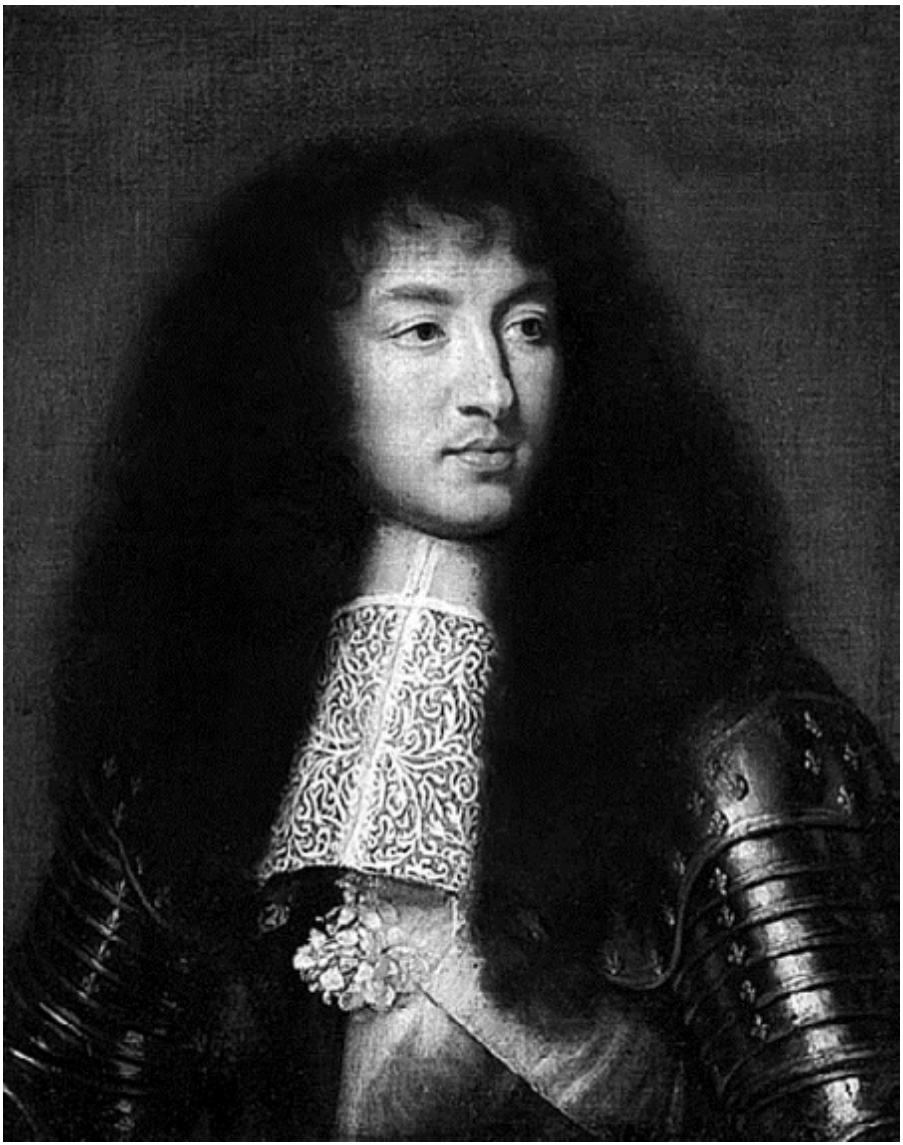
Неизвестный художник.
Джулио Мазарини. XVII в.

В конце 1640-х годов во Франции возникла Фронда – широкое общественное движение, в котором слились разные силы, от возглавивших Фронду недовольных аристократов до городских плебеев и крестьян. Верхушка Фронды хотела установления

аристократического правления, чего-то вроде позднефеодальной олигархии. В стране фактически началась гражданская война.

В 1648 году, когда Людовику было 10 лет, произошло восстание в Париже. В нем участвовала значительная часть населения города. На улицах появились баррикады. Мазарини был вынужден спешно и тайно вывезти из столицы юного короля и Анну Австрийскую.

А через три года Мазарини даже временно оказался в отставке. Фронда добилась его изгнания, правда ловкий итальянец сумел вскоре вернуться. Вернулся Мазарини с наемниками, которые, наконец, подавили Фронду.



Шарль ле Брюн.
Людовик XIV. 1661 г.

Отношения Людовика XIV с Мазарини можно расценивать по-разному. Любить кардинала юный король, конечно, не мог. Но в то же время испытывал на себе его сильное влияние. По некоторым данным, в беседах с Людовиком Мазарини пытался обучить его искусству управления. Наряду с прочим он советовал Людовику никогда не выдвигать никого из придворных на первые позиции. Юноша слушал очень внимательно. Он вообще умел быть обаятельным и любезным. Но про себя Людовик, вероятно, повторял: «А король все-таки я!» И как сжатая пружина, долгие годы своего безвластия он готовился к тому, чтобы превратиться в абсолютного властителя.

Мазарини подталкивал юного короля к художественной, театральной жизни. В 1654 году Людовик исполнил, меняя костюмы, шесть ролей в итальянской опере на мифологический сюжет «Свадьба Пелея и Фетиды». Он танцевал в зале на три тысячи человек десять вечеров подряд. Интересно, что одной из аллегорических ролей, которую еще годом ранее исполнял Людовик, была фигура восходящего солнца. Выступал он и в роли Аполлона.

Король говорил о себе: «У меня самые красивые ноги в королевстве». Кстати, он был невелик ростом и носил высокие каблуки, чтобы казаться выше. Его самовлюбленность подогревалась демонстративным восхищением придворных льстецов. Ему внушали, что, хотя он король без власти, он прекрасен, он солнечный диск, Аполлон, божество! Это сказалось на всей его дальнейшей жизни.

В 1660 году, когда Людовику было 22 года и он все еще реально не правил, его женили на юной испанской инфанте Марии-Терезии.

Она стала тихой, похожей на мышку спутницей Людовика XIV.

До вступления в брак Людовик был страстно, глубоко влюблен в другую девушку – племянницу Мазарини Марию Манчини. Это была, пожалуй, единственная большая любовь в его жизни. Поскольку Мария происходила не из королевского рода, женитьба на ней исключалась, как бы Мазарини втайне к этому ни стремился. Да он и не осмелился бы выдать племянницу за короля, зная, как сильно ненавидит его французская знать.

Мария Манчини сыграла важную роль в жизни Людовика. Она любила музыку, театр, увлекалась литературой. И именно она усилила уже наметившееся сближение Людовика с людьми

искусства. Ко двору были приближены создатель французской оперы Жан-Батист Люлли, великий драматург, актер и режиссер Мольер. И надо признать, что они много лет оставались верны Людовику.

В некоторых исследованиях и художественных произведениях, посвященных Мольеру, его изображают чуть ли не борцом с абсолютизмом. Это неверно. Да, как гениальный художник, он в своих зрелых произведениях вольно или невольно высказался против деспотизма – но не против Людовика XIV. В пьесе Мольера «Блистательные любовники» танец короля сопровождается таким хором: «Сияйте, чертоги! Грядет наш владыка! Черты его лика прекрасны и строги, полны вдохновенья! Найдутся ли боги такого сложенья?» Трудно польстить сильнее.

При этом Мольер, происходивший из семьи мебельщиков и обойщиков (его настоящая фамилия Поклен), унаследовал от своего отца, выдвинувшегося при Людовике XIII, должность королевского постельничего. Один квартал в году он лично стелил Людовику XIV постель. Отправление короля ко сну и его пробуждение были превращены в величайший придворный ритуал, и Мольер, великий критик ханжества, был горд, что исполняет столь важную роль. К тому же Мольеру, безусловно, импонировала истинная страсть Людовика к искусству.

Со временем ко двору были приближены Жан Расин и Шарль Перро. Расин был придворным чтецом: он читал Людовику на ночь или когда у того случалась бессонница. Король любил произведения из жизни Александра Македонского, в котором находил один из своих идеалов.

Шарль Перро стал ближайшим сотрудником, правой рукой главного интенданта финансов Кольбера. Писатель сравнивал времена Людовика XIV с эпохой великого римского императора Августа. Он ввел термин «век Людовика Великого», подхваченный позже Вольтером.

Юный Людовик XIV старательно формировал свой, как принято говорить сегодня, «имидж», опираясь на образы Солнца, Аполлона, божественного Августа.

Юность Людовика закончилась 9 марта 1661 года, когда в 2 часа ночи скончался кардинал Мазарини. Утром следующего дня придворные не узнали короля. Об этом замечательно написала Мадам де Лафайет: «Нельзя было уместить в своем воображении, что человек может быть столь непохож на самого себя». Со смертью Мазарини Людовик наконец-то почувствовал себя королем.

Образ монарха был уже вылеплен. Он включал в себя красоту, изящество, любовь к искусству. Но отныне государь должен быть

не только возвышенным и прекрасным, но и сильным. Уже в августе 1661 года произошло событие, показавшее, что у танцующего и музицирующего короля есть и другая ипостась – властная, суровая. Это событие – падение Николя Фуке.

Фуке (виконт де Во, маркиз де Бель-Иль), будучи интендантом в Париже, поддержал Мазарини во время Фронды. Первый министр не забыл этого и выдвинул его: с 1653 года Фуке стал генеральным интендантом финансов Франции. Ловкий финансист, он сделался всевластен в денежной сфере. Любя роскошную придворную жизнь, он незадолго до своего падения приобрел остров Бель-Иль у берегов Бретани и там соорудил крепость. У него появилось что-то вроде собственного небольшого государства.

Фуке избрал своим девизом слова «Разве есть что-либо недоступное для меня?» Неудивительно, что между ним и первым министром со временем возникли противоречия. Фуке готовил даже заговор против Мазарини. А вот опасности со стороны юного «танцующего короля» Фуке не увидел.

Вскоре после смерти Мазарини Фуке пригласил короля на праздник к себе в замок. Когда Людовик с супругой поднимались по лестнице роскошного дворца, а их встречал великолепно одетый Фуке, окруженный солдатами, актерами, мимами, у присутствующих возникал вопрос: да кто же здесь король? И Людовик это заметил.

Было накрыто 80 столов, посуда – из серебра и золота. Людовика, вероятно, особенно оскорбил вид массивного золотого сервиза, потому что золотая посуда королевского дома была переплавлена для нужд армии во время Тридцатилетней войны. Гостям подали немыслимое количество блюд, а затем был фейерверк, из-за которого испуганные лошади чуть не унесли королеву Марию-Терезию. Как пишут современники, «казалось, что небо взорвалось».

Людовик стерпел унижение, хотя потом признавался матери, что хотел арестовать Фуке прямо в его доме. Анна Австрийская одобрила поведение сына: «Разумно, мой сын, что вы этого не сделали». Через несколько месяцев Фуке был арестован в Нанте. Его арестовал граф д'Артаньян, лейтенант первой роты мушкетеров по имени Шарль Ожье де Бац де Кастельмор из Гаскони, ставший прототипом знаменитого персонажа Дюма. Этот человек всегда верно служил королевской власти, поддерживая Анну Австрийскую и защищая ее сына от всех опасностей Фронды. И на этот раз по приказу Людовика XIV, сначала устному, а потом и письменному, он вместе с несколькими мушкетерами арестовал всевластного Фуке.

Известие об этом аресте произвело эффект разорвавшейся бомбы. Фуке поплатился за самонадеянность. Он мог, например, бежать на Бель-Иль, который трудно было бы взять штурмом, но он не успел даже побывать в своей новой крепости.

Три года Фуке находился под арестом. А в 1664 году состоялся суд. Людовик хотел напугать всех и навсегда, чтобы около него никогда не выросло фигуры, равной по могуществу Фуке, Мазарини или Ришелье. И этой цели он достиг. Но вторая цель достигнута не была. Людовик откровенно стремился к тому, чтобы Фуке приговорили к смерти. Однако тот защищался очень умно. Его обвиняли в хищениях, злоупотреблениях – он признавал отдельные, мелкие, которые можно было назвать финансовыми ошибками, и ловко отвергал другие. Были найдены документы, подтверждавшие его попытку организовать заговор.

Не в силах их опровергнуть, он сказал: «Это был заговор против Мазарини, но ради вас, Ваше Величество». Нашлись и юристы, которые помогали Фуке защищаться.

Все они потом были сосланы, как и семья их подзащитного.

Смертного приговора суд не вынес. Голоса разделились с небольшим перевесом в пользу сторонников ссылки.

Столь гуманное решение никак не устраивало Людовика XIV. И он, имевший право помилования, личным распоряжением ужесточил приговор, заменив ссылку одиночным пожизненным заключением.

После трех лет под судом Фуке провел еще 15 лет в тюрьме, в замке Пиньероль, в забытом богом уголке на границе Франции и Северной Италии. И лишь незадолго до его кончины, когда ясно было, что он умирает, ему разрешили увидеться с семьей.

Судьба Фуке в соответствии с замыслом Людовика потрясла страну. Лесть, которая давно окружала короля, приобрела истерический характер. Создатель французского классицизма Жан Расин писал в трагедии «Александр»: «И я предвижу, что по мере того, как будут созревать ваши способности, Вы, Ваше Величество, увенчаете себя новыми лаврами. Быть может, став во главе армии, Вы позволите нам завершить сравнение между Вами и Александром Македонским. И присоедините славу завоевателя к уже приобретенной Вами славе мудрейшего монарха в мире». Это говорилось в 1665 году, когда Людовику было только 27 лет.

По-прежнему увлеченный искусством, он затеял перестройку Лувра. Для этого был приглашен итальянский архитектор и скульптор Джованни Лоренцо Бернини, считавшийся одним из величайших мастеров в мире. Бернини прибыл во Францию. Правда, заметного участия в перестройке Лувра он не принял (его проекты были слишком грандиозны), зато создал скульптурный

портрет Людовика XIV. Может быть, король больше всего хотел именно этого.

В 1660-х годах Людовик начал строительство дворца в Версале – деревне на окраине Парижа, где находился маленький охотничий домик его отца. Созданный дворцовый ансамбль потрясал своей роскошью. Здесь проводились праздники под названием «карусель», своего рода придворные вакханалии. Устраивались фейерверки, шампанское лилось рекой.

Людовик обязал придворных жить в Версале. Он очень не любил, чтобы кто-то отлучался. Все должны были оставаться у него на глазах. Больше никаких принцев, строящих там, где им нравится, собственные крепости. Больше никакой Фронды.

Траты двора были огромны. Все это осложняло внутреннее положение во Франции. Начались народные бунты, и расправы над их участниками были очень жестоки. Например, во время бунта 1662 года мушкетеры во главе с д'Артаньяном по приказу короля повесили 100 мятежников, а 600 отправили на галеры. Предводителя бунта Дю Руа казнили, тело изрубили на куски и выставили у ворот Парижа – совершенно в духе Средневековья. Король умел быть не только изящным, но и беспощадным.

Но почему Расин, восхищаясь Людовиком, предполагал, что он станет во главе войска? Дело в том, что король жил прилюдно, торжественно. Он был немногословен, но каждое слово, произнесенное в присутствии придворных, запоминалось и повторялось многократно. А он уже несколько раз говорил о том, что великий правитель должен воевать. Были у него и прекрасные полководцы: его старший родственник принц Конде, Леруа, Тюренн.

Первая военная кампания Людовика XIV – деволюционная война – велась против Испании за владения в южной части Нидерландов, нынешней Бельгии. После нидерландской революции южные территории остались под властью Испании. Что давало Людовику основания претендовать на эти земли? В ряде нидерландских провинций, в частности в Брабанте, была такая юридическая норма – в случае повторной женитьбы отца земельное наследство доставалось детям от первого брака. В 1665 году умер Филипп IV Испанский, чьей дочерью от первого брака была жена Людовика Мария-Терезия. Во Франции действовали другие принципы наследования земли. Но Людовик, применив «деволюционное» право, объявил южную часть Нидерландов землями своей супруги. У него появилось прекрасное знамя, по духу несколько средневековое, но еще вполне приемлемое для его эпохи.

Войска Людовика заняли часть Фландрии, Франш-Конте и

Эно, или Геннегау, – очень богатые земли. Это была настоящая захватническая война, явно с прицелом на Голландию. Французский король не любил эту страну, о чем говорил прямо. Первая республика в Европе раздражала его самим фактом своего существования. Людовик был убежден, что править может только монарх – наместник Бога на земле. Вильгельм III Оранский – штатгальтер Республики Соединенных Провинций – стал главным критиком и оппонентом Людовика в европейской политике.

Именно он со временем заметил не без яда и очень остроумно: «Какой странный этот французский король! У него молодые министры и старая любовница». Речь шла о последней фаворитке Людовика, которая была несколько старше его.

Голландия раздражала Людовика и как страна кальвинистов. В нем было очень сильно неприятие протестантизма. Хотя его дед Генрих IV подписал Нантский эдикт, предоставивший кальвинистам определенные права, уже отец, Людовик XIII, разрушил все протестантские крепости. И при Людовике XIV притеснения гугенотов возобновились.

Гиацинт Риго.
Портрет Людовика XIV. 1701 год.

В Европе в ответ на захватнические действия Франции была создана коалиция Голландии, Англии и Швеции – тройственный протестантский союз. В новой ситуации Людовик испугался и пошел на переговоры. Весной 1668 года был заключен мир, не столь триумфальный, как рассчитывал французский король. Но

все-таки Франция получила 11 городов, среди которых были такие важные центры, как Дуэ и Лилль.

Война оказалась относительно успешной, а придворное окружение сделало из нее триумф. В атмосфере абсолютного восхваления единственной, почти божественной фигуры как триумф можно подать все что угодно.

Через десять лет началась новая война против коалиции протестантских стран во главе с Голландией, продолжавшаяся чуть больше года. Людовика не оставляло стремление воевать с Нидерландами, чтобы, так сказать, поставить штатгальтера на место, доказать, что «правильная» монархия, какой является Франция, всегда сильнее, чем республика. Война была трудной. Франция действительно продемонстрировала, что она сильна. Войско Людовика XIV насчитывало 120 тысяч человек— это крупнейшая армия в тогдашней Европе. Французы заняли ряд городов в Эльзасе, на пограничных землях с Германией – вечном объекте противоречий. Территории между Сааром, Мозелем и Рейном были опустошены. Людовик стремился предстать перед современниками как победоносный полководец.

Абсолютной победоносности, правда, не получилось.

Отобранный у Испании Франш-Конте был закреплен за Францией, удалось сохранить и некоторые города в Эльзасе. Разумеется, Нимвегенский мир 1678 года был подан во Франции как абсолютный триумф. Но договор был заключен в момент, когда Людовик еще хотел продолжать воевать. Ему пришлось остановиться, потому что за коалицию протестантских стран собиралась вступиться Англия. А триумфальность – это работа придворного окружения. Как известно, свита делает короля.

В старости Людовик XIV писал в мемуарах: «Я слишком любил войну». Так или иначе, на определенное время он добился гегемонии Франции в Европе. Он воевал, чтобы утвердить приоритет Франции и показать собственную силу.

Демонстрация силы была обязательна и внутри страны. В 47 лет Людовик совершил страшное деяние – отменил Нантский эдикт 1598 года, Эдикт о веротерпимости. Этот документ представлял собой достижение, которое следовало беречь. Ведь это была попытка после ужасов Варфоломеевской ночи сказать, что надо жить в мире. Конечно, и прежде Эдикт не раз нарушали. И все-таки в 1661 году, придя к реальной власти, Людовик XIV его юридически подтвердил.

А уже в 1662 году его Государственный Совет запретил похороны гугенотов при дневном свете. Причем на похоронах могло присутствовать не более 30 человек, включая ближайших родственников. Это было не просто притеснение, но

издевательское преследование.

Браки между католиками и гугенотами были запрещены. Гугенотов отстраняли от государственных должностей. Все шло к отмене Нантского эдикта.

Ведущая идея Людовика XIV: один король – одна вера. Если король единственный, уникальный, прямо с небес спустившийся, значит, и вера должна быть одна. Кроме того, подавление протестантизма – это способ продемонстрировать силу, власть, которую со временем стали называть пределом абсолютизма.

18 октября 1685 года был подписан документ с невинным названием Эдикт Фонтенбло. Он пришел на смену Нантскому эдикту и делал существование гугенотов невыносимым. Им запрещалось покидать страну под угрозой ссылки на галеры. В результате на галеры было отправлено более 2 тысяч человек – тех, кто пытался убежать из новой, страшной для них Франции.

Разрушались протестантские храмы, закрывались школы. Самым же ужасным было усиление того, что возникло в начале 80-х годов и называлось «драгонады». Эта система была введена в 1681 году военным министром Людовика XIV Франсуа-Мишелем де Лувуа. Драгонады – разрешение драгунам становиться на постой в домах гугенотов. Причем семьи гугенотов обязаны были платить 20 су в день каждому остановившемуся у них военному. Драгунам же позволялись… «необходимые бесчинства». Что это означало на практике? Грабежи, пытки, насилие по отношению к женщинам. Драгонады стали символом кошмара, мрака, надвинувшегося на Францию.

Единственное, что гугенотам разрешалось, – это сменить вероисповедание. Тысячи из них отреклись от своей веры и перешли в католичество. И не случайно в эти годы многим французам вспоминались чудовищные события Варфоломеевской ночи.

После отмены Нантского эдикта Людовик начал править Францией как абсолютный тиран. И он стремился к такой же власти на международной арене. Главных соперников он видел в лице Габсбургов, чья власть простиралась от Пиренейского полуострова до внутренних областей Нидерландов и Германии. Империя Габсбургов приближалась к закату. Такие глобальные политические структуры вообще не могут жить долго и стабильно. Символом разрушения стало отсутствие наследника на испанском престоле.

Последний правитель империи – испанский король Карл II – в результате многочисленных близкородственных династических браков был неполноценен как умственно, так и физически. Прямого наследника он не имел, и многие европейские монархи

надеялись унаследовать его владения. Жена Людовика XIV Мария-Терезия приходилась Карлу II сводной сестрой (она была дочерью его отца от первого брака). И Людовик вновь применил деволюционное право. Он выдвинул кандидатуру своего внука, герцога Анжуйского Филиппа, будущего испанского короля Филиппа V.

Свои претенденты на испанский престол были и в Германии, и в Нидерландах. Но дипломатия Людовика XIV взяла верх. 7 октября 1700 года несчастный, чуть живой Карл II подписал завещание, передав престол герцогу Анжуйскому Филиппу, а 1 ноября умер.

Считая вопрос решенным, Людовик XIV 16 ноября пригласил к себе испанского посла и сказал: «Вы можете приветствовать герцога Анжуйского как своего короля». Посол пал на колени и произнес речь на испанском языке, которого Филипп не понимал. Но выглядело все торжественно и пышно.

Из мемуаров Людовика XIV известны произнесенные им слова: «Вот король Испании. Рождение предназначало его для этой короны». Внуку же он повелел: «Будьте испанцем. Это теперь Ваша первая обязанность. Но помните, что Вы француз».

Есть и еще одна знаменитая фраза. По легенде, ее произнес или сам Людовик, или испанский посол: «Какая радость! Нет больше Пиренеев! Они разрушены – и мы едины!» Это означало, что Испания объединилась с Францией. Какая радость! Или какое горе?

Дело в том, что правители ряда европейских государств – прежде всего Англии, Голландии (а в это время Вильгельм III был и английским королем, и штатгальтером Нидерландов), протестантских княжеств Германии— не на шутку испугались. Они понимали, что, если объединятся короны Испании и Франции, образуется новая колоссальная империя, страшнее габсбургской.

Неизбежной стала грандиозная война, которая вошла в историю под названием война за испанское наследство. И она знаменовала начало конца Людовика XIV. Блистательно начавшаяся жизнь французского короля стала превращаться в полную свою противоположность.

Филипп де Шампань.
Детский портрет Людовика XIV. XVII в.

Франции противостояла созданная 7 сентября 1701 года мощная коалиция, в которую вошли Англия, Голландия, Священная Римская империя, позже – Дания, курфюрст Бранденбургский, Португалия и бывший союзник Франции Савойя. Коалиция выдвинула на испанский престол сына императора Священной Римской империи Леопольда I Габсбурга эрцгерцога Карла, который был женат на сестре Карла II Маргарите-Терезии. Еще одним претендентом был Иосиф-Фердинанд, принц Баварский, внук Леопольда I. На стороне Франции выступали Испания, Бавария и правители Кельна. Союзников меньше, и масштаб их не так велик.

Изнурительная война длилась более 12 лет. Бои шли на суше

и на море (среди прочего делили и Габсбургские колонии).

Войска коалиции возглавляли прекрасные полководцы – Джон Мальборо и принц Евгений Савойский, человек, которого Людовик XIV недооценил. Принц был воспитан при французском дворе, как вассал французского короля. В возрасте двадцати лет он хотел поступить на французскую службу, но король вдруг заупрямился и отказал принцу. Как он ошибся! Позже этот блестящий полководец нанес французской армии существенный урон.

Война шла плохо. Французы были изгнаны из Нидерландов, вынуждены уйти из Италии, несли огромные потери. Внук короля, объявленный Филиппом V Испанским, был низложен и бежал. На время престол занял ставленник коалиции эрцгерцог Карл. Казалось, все кончено. Но Францию спас его величество случай. Умер император Священной Римской империи Иосиф I, и его брат Карл стал не только испанским королем, но и императором. Объединение Священной Римской империи с Испанией не было выгодно коалиции. И ее представители вступили с Людовиком XIV в переговоры.

Война так и завершилась дипломатическим путем, причем для Франции благом оказалось сохранение довоенных позиций. Так что победоносной она не была. Однако внук Людовика Филипп вернулся на испанский престол. Возвратились на свое место и Пиренеи. Франция и Испания остались по-прежнему двумя разными государствами.

Закат Людовика XIV особенно заметен в его личной жизни. При его дворе официальная фаворитка обладала очень высоким статусом. Например, когда она входила или выходила из комнаты, все придворные должны были встать. Но при этом спать Людовик всегда отправлялся в постель к своей законной жене. Такое вот монаршее лицемерие. У него всегда было множество любовниц, но среди них можно выделить трех.

Первая – Луиза де Лавальер, «нежная фиалка», известная многим по произведениям Дюма. Она родилась в 1644 году в Туре в семье дворян-католиков, с семнадцати лет стала фрейлиной при дворе и была замечена королем. Она была застенчива, вела себя скромно и элегантно. Судя по всему, она любила Людовика и была ему предана. Конечно, она не отказывалась от щедрых подарков. Например, король сделал ее герцогиней. У Людовика и Луизы де Лавальер были дети, двоих из которых, трепеща от страха перед тираном, воспитывал министр Кольбер.

С 1666 года, одновременно с законной женой и первой официальной фавориткой, появилась вторая – мадам де

Монтеспан. Почему-то Людовик пожелал заставить своих возлюбленных дружить. Поселил их в соседних комнатах и сделал Луизу крестной матерью его детей от де Монтеспан. Было в этом что-то изуверское, как и в драгонадах.

Луиза стала умолять настоятельницу монастыря кармелиток принять ее в монастырь. Конечно, это противоречило монастырским принципам, ведь она была незаконной сожительницей короля. Но она просила так горячо и упорно, что ее взяли в монастырь, где она провела 36 лет. Король по этому поводу не особенно убивался.

Утешившая его Франсуаза Атенаис де Монтеспан была женщиной совершенно иного типа, чем первая официальная фаворитка. Она происходила из знаменитого аристократического рода Рошешуаров и вела себя в соответствии с этим высоким статусом. Она была замужем, и поначалу маркиз де Монтеспан повел себя как нормальный муж – попытался сохранить жену. Однако Мольер намекнул ему, что протестовать не следует, король – это нечто совершенно особенное. В комедии «Амфитрион» есть такая реплика: «Дележ с Юпитером не заключает в себе ничего позорного».

Когда стало ясно, что союз Людовика и мадам де Монтеспан состоялся, маркиз де Монтеспан устроил у себя в поместье символические похороны своей жены. В часовню внесли пустой гроб. Маркиз же сказал: «Не могу войти в эту дверь: мои рога слишком развесисты». Людовик XIV опасался еще какой-нибудь выходки с его стороны и поэтому разрешил провести бракоразводный процесс, в котором маркиз отстаивал интересы своих детей.

Придворное прозвище мадам де Монтеспан – «султанша». Она требовала, чтобы у нее были свои личные корабли. И король покупал ей корабли, на казенные, конечно, деньги. Она хотела иметь свой зверинец— и получила его. Для нее приобретали экзотических животных, включая медведей. Так она развлекалась. Азартно играла в карты, и король выплачивал ее сумасшедшие долги. Конечно, при дворе ее не любили и боялись.

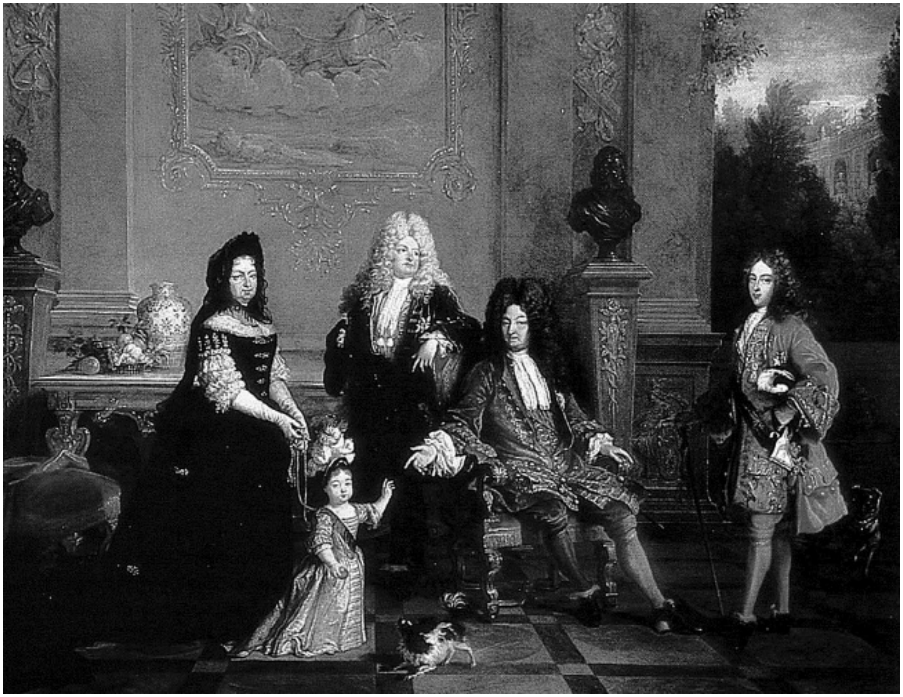
На смену «султанше» пришла Франсуаза д’Обинье, маркиза де Ментенон – женщина из знаменитой гугенотской семьи. Ее дед — Теодор Агриппа д’Обинье, легендарный поэт, крупная фигура эпохи религиозных войн, соратник Генриха IV. Отец Франсуазы, Констан д’Обинье, в горячности убил за измену свою первую жену, вынужден был бежать, скрывался, а, в конце концов, стал губернатором французской атлантической колонии Мартиники. Дочь успела там побывать.

Неизвестный художник.
Мадам де Ментенон. XVII в.

В шестнадцать лет ее выдали замуж за сорокадвухлетнего поэта Поля Скаррона. Этот знаменитый, но несчастнейший человек был парализован и находился в инвалидном кресле, скрюченный какой-то страшной болезнью. Франсуаза, как считается, была ему предана и провела немало ночей у его постели. В 1660 году Скаррон умер.

Султанша Монтеспан, прослышав о достойном поведении жены больного поэта Скаррона, захотела с ней познакомиться: королевская фаворитка считала, что такая женщина подходит для

воспитания ее детей.



Николя де Ларжийер.
Портрет Людовика XIV с семьей. XVII в.

Людовик стал получать от нее очаровавшие его письма о проделках детей, в которых он души не чаял. С этих писем и начались его отношения с Франсуазой.

Она была на три года старше Людовика. Уникальная ситуация для тех лет! Любовница должна была быть значительно моложе. Но именно с этой возлюбленной, которую считали старой, Людовик XIV вступил в законный брак.

В июле 1683 года в возрасте 53 лет умерла королева Мария-Терезия. Из шести ее детей в живых оставался один сын. Людовик продемонстрировал горе, но в том же или следующем году тайно венчался с Франсуазой де Ментенон. Она, конечно, надеялась стать королевой. Напрасно. Несмотря на то что при дворе все знали об этом «тайном» союзе, брак не был официально оглашен.

Франсуаза была религиозна, внешне скромна в поведении, но, к несчастью, любила вмешиваться в политические вопросы. Она незаметно и очень ловко влияла на назначение важных чиновников и другие решения монарха. Фанатичная католичка, отрекшаяся от веры своей семьи и желавшая, как все отступники, быть святее Римского Папы, она сыграла определенную роль в усилении преследований гугенотов.

Отношения же с мадам де Монтеспан завершились страшной историей: она оказалась замешана в знаменитом деле о ядах. Ее обвинили в участии в колдовской секте. В те времена все еще сжигали на кострах. И когда в Париже должны были казнить колдунью, снабжавшую людей ядовитыми зельями, опустел даже театр Мольера: все побежали смотреть на публичную казнь. Монтеспан была причастна к этому делу. Ее удалось спасти от наказания, но нельзя исключить, что она действительно пыталась колдовать, замышляя что-то против короля. Тем не менее, он разрешил ей жить в Версале, и она еще много лет незаметно существовала где-то в уголке, а затем ушла в монастырь.

В последние годы правления Людовика XIV Францию будто преследовал злой рок. Например, в разгар страшной испанской войны, в 1708 году, установились необычные морозы и начался голод. Состоялся поход на Версаль голодных женщин, кричавших: «Хлеба и мира!» А по итогам войны Франция потеряла гегемонию в Европе.

Не пощадил злой рок и семью Людовика. На протяжении неполных трех лет, с 1711 по 1714, умерли от болезней его любимый сын – Великий дофин Людовик, затем внук – герцог Бургундский – и правнук, герцог Бретонский. Еще один внук, герцог Беррийский, убился насмерть, упав с лошади. В живых остались только правнук – будущий король Людовик XV и внук Филипп V, сидевший на испанском престоле.

Нараставшая набожность Людовика XIV, которую поддерживала Франсуаза де Ментенон, приобрела болезненную форму. Например, была возрождена древнейшая традиция, по которой каждый год в страстной четверг король мыл ноги двенадцати нищим, обтирал их и целовал.

В конце жизни Людовик XIV много плакал. Это можно понять, учитывая, сколько потерь он перенес. К тому же он был сентиментален, как все тираны. Он плакал даже на заседаниях Совета, когда упоминались его потери. Если же кто-то из придворных переживал личную утрату, король говорил: «Держитесь мужественно! Смотрите, как держусь я».

Людовик XIV скончался в 1715 году. Он правил более 50 лет. Его абсолютизм принимал порой совершенно безумные формы. Это не помешало, однако, в западноевропейском сознании сохраниться основам парламентаризма. Ведь парламентская форма правления возникла в Англии в XIII столетии, а с XIV века Генеральные Штаты действовали во Франции. Это был орган сословного представительства, пусть и при короле. Конечно, монарх мог «забыть» созывать Генеральные Штаты, но они напомнили о себе накануне революции XVIII века. Что же

касается Людовика XIV, то он воплотил в себе зенит абсолютизма и стал провозвестником его краха. Его личная деградация ярко свидетельствовала о том, что системе абсолютной власти рано или поздно приходит конец.

Мария-Терезия. Призрак величия

Мария-Терезия – женщина, которую на протяжении всей жизни сопровождает призрак величия. Величия не ее личного, а громадной империи Габсбургов.

Она эрцгерцогиня Австрии, королева Венгрии, королева Чехии и императрица, а точнее – супруга императора Священной Римской империи (правда, сама она всегда называла себя именно императрицей). Мировая империя – это что-то огромное, трудно обозримое, трудно управляемое – и в то же время соблазнительное для всех монархов Западной Европы,

России и Пруссии. Лакомый кусок, от которого так хочется откусить! Марии-Терезии пришлось всю жизнь противостоять таким попыткам.

Сорок лет на престоле.

Уже сам этот срок придает ее фигуре безусловную значимость. Мария-Терезия – не просто глава государства, но и женщина. У нее обожаемый муж (счастливый династический брак – почти уникальное явление) и 16 детей, из которых двое станут императорами – ее преемник Иосиф II и Леопольд II. Знаменита и одна из ее любимых младших дочерей – несчастная Мария-Антуанетта, казненная королева Франции. До этого ужаса Мария-Терезия – к счастью для нее – не дожила.

Сама же она прославилась энергичными, хотя и довольно мало результативными попытками модернизировать тяжеловесное наследие Габсбургов. Замечательный русский дореволюционный историк Н.И. Кареев назвал ее «бессознательно просвещенной государыней». В отличие от своей современницы Екатерины II Мария-Терезия не имела просветительской программы. Но некоторые робкие шаги в этом направлении она делала.

В общем, эта женская судьба в течение многих лет была в центре внимания всей Европы.

Мария-Терезия родилась 13 мая 1717 года в Вене. По преданию, при ее рождении прозвучало: «Это всего лишь девочка!» Дело в том, что ее родители – император Священной Римской империи Карл VI (австрийский государь с 1711 года) и его супруга Елизавета Христина Брауншвейгская – не до конца пришли в себя после утраты первенца, эрцгерцога Леопольда, прожившего меньше года. Они не просто горевали – им необходим был наследник. Предвидя возможность рождения девочки, Карл VI добился от сейма принятия так называемой «Прагматической санкции» 1713 года – закона о

престолонаследии, который предусматривал неразделимость наследственных земель Габсбургов и право дочери или дочерей на престол. Ведущие европейские государства подтвердили «Прагматическую санкцию» и обязались ее соблюдать. Конечно, они обманули императора…

При рождении Мария-Терезия получила гораздо более длинное имя – Мария-Терезия-Вальбурга-Амалия-Кристина. Считалось, что такое длинное имя приносит ребенку счастье. Однако ее появление на свет вскоре после смерти маленького эрцгерцога Леопольда отбросило на ее судьбу тень какой-то грусти и беспокойства.

Воспитание Марии-Терезии оценивается в литературе очень неоднозначно. Одни авторы утверждают, что отец, считая ее наследницей, стал приглашать ее, четырнадцатилетнюю, на заседания Государственного Совета. Другие пишут, что ее не готовили к будущему правлению. Точно известно, что ей дали образование. Ее наставниками стали иезуиты, и это наложило отпечаток на всю ее жизнь, предопределив ее глубочайшую, а с годами и фанатическую религиозность. Наследница престола знала языки – латынь, итальянский, французский. Родным же ее языком был не немецкий, а венский диалект, что в Германии не приветствовалось.

В юные годы Мария-Терезия числилась среди первых красавиц Европы. Именно такой запечатлена она и на ранних портретах. Она любила балы, на которых танцевала до рассвета. А родители были озабочены выбором для будущей императрицы подходящего супруга.

Неизвестный художник.
Парадный портрет Марии-Терезии. XVIII в.

Замуж ее выдали в 1736 году, в 17 лет. Но, что поразительно, это был брак по любви. Франц-Стефан, герцог Лотарингский, которому в тот момент было 20 лет, с 15-летнего возраста находился при дворе Карла VI, относившегося к нему вполне

отечески. Император, не имея собственных сыновей, как будто перенес на этого юношу свои отцовские чувства. Сразу же расположилась к нему и Мария-Терезия. Он надолго уезжал в свои итальянские земли, а когда вернулся, она, по ее собственному признанию, поняла, что полюбила его на всю жизнь. Свое отношение к мужу она охарактеризовала так: «С ним – все, без него – ничего». И как ни удивительно, это оказалось правдой!

После торжественной свадьбы молодые удалились на медовый месяц, который превратился в три, в Тоскану. В 1737 году Франц-Стефан был назначен главнокомандующим австрийскими войсками для ведения войны с Турцией.

Но выяснилось, что война – не его призвание. Впрочем, не был он талантлив и в политике. Он оказался человеком домашним. Начав терпеть поражения от турок, он через год, не завершив войну, вернулся в Вену в состоянии нервного срыва.

А. Антропов. Портрет детей Марии-Терезии. 1760 г.

Тем не менее Мария-Терезия, у которой начали рождаться дети, была счастлива.

А в 1740 году, после скоропостижной кончины отца, к ней перешел престол. Что за империя досталась ей в наследство? Габсбурги упоминаются в источниках с XI века. Свое имя они получили по названию замка Габсбург, построенного в Швейцарии, откуда они вели свой род. С 1090 года они графы, с 1135 – ландграфы на верхнем Рейне и в Средней Швейцарии. Их владения и титулатура постоянно растут.

Во второй половине XIII века Габсбурги были

второстепенными князьями Германии. А в 1273 году Рудольф I был избран императором Священной Римской империи. Пользуясь этим положением, он присоединил к своим землям Герцогство австрийское, а в XIV веке его преемники добавили к империи Каринтию, Крайну, Тироль – земли, где жили коренное население Австрии и славянские народы.

В конце XV века в результате причудливого династического брака Максимилиана I Габсбурга и Марии Бургундской – единственной наследницы герцога Карла Смелого – к владениям Габсбургов присоединились Нидерланды, передовая в экономическом отношении, бурно развивавшаяся область. Случилось так, что эти земли, где раньше всего начался европейский капитализм, стали частью огромной феодальной империи.

Сын Максимилиана I и Марии Бургундской Филипп Красивый вступил в династический брак с дочерью наихристианнейших испанских королей Хуаной Безумной. Видимо, ее гены не раз сказывались потом в роду Габсбургов. С годами они все, в том числе и Мария-Терезия, мрачнели, как отмечали современники, «впадали в меланхолию».

Под властью Карла V – сына Филиппа Красивого и Хуаны Безумной – в XVI веке объединилось нечто немыслимое: Германия, Австрия, Чехия, часть Венгрии, Нидерланды, часть Италии, Испания, плюс испанские колонии в Америке. По легенде, Карл V говорил: «В моих владениях никогда не заходит солнце».

Удерживать такие территории под своей властью было практически невозможно. И Карл V, будучи человеком очень неглупым, разделил империю между своим братом Фердинандом I, которому отдал австрийские земли, и сыном Филиппом II, которому достались земли испанские. Сам же он, пребывая в глубокой депрессии, удалился от дел.

Так появились две ветви Габсбургов. Испанскую возглавил Филипп II, одна из самых мрачных фигур позднего Средневековья.

Мария-Терезия принадлежала к австрийской ветви династии. Ее отец скончался совершенно внезапно: с утра был на охоте, а затем в одночасье его не стало. Наследнице было 23 года, и она ожидала второго ребенка. Теперь ей предстояло управлять необозримыми владениями, причем окружающие вовсе не были настроены выполнять «Прагматическую санкцию». Разгорелась война за австрийское наследство, которая продолжалась восемь лет – с 1740 по 1748 год.

Говорят, что когда во Франции, бывшей тогда главным

соперником Габсбургов, получили известие о смерти императора Карла VI, в придворных кругах родилось выражение «Габсбургов больше нет». Противники готовы были, как вороны, наброситься на юную королеву.

Первым против нее выступил король крепнущей Пруссии Фридрих II. Заявил свои претензии на корону Австрии, видимо без особых причин, и герцог Карл Баварский. В 1741 году он короновался в Чехии и стал императором Священной Римской империи Карлом VII.

Марии-Терезии пришлось искать защитников. И здесь она впервые проявила свой характер. В 1741 году она отправилась в Венгрию, где сразу после кончины отца успела короноваться венгерской короной. Юная красавица королева, в слезах, с младенцем на руках, произнесла: «Дорогие мои верные подданные, спасите!» Скептики утверждают, что в руках у императрицы был не настоящий младенец, а кукла. Но сути дела это не меняет. Мария-Терезия применила чисто женский прием, и результат был замечательный. Добровольцы радостно записывались в войско – сражаться за прекрасную королеву. Венгры, наследники гуннов, наводивших некогда ужас на всю Южную Европу, собрали армию в 100 тысяч человек.

Итак, Мария-Терезия не отчаялась. Но в 1742 году произошло то, что она считала потом трагедией всей своей жизни: прусский король Фридрих II захватил Силезию. Долгие годы своего правления Мария-Терезия будет биться за эту область. Однако ни в результате Семилетней войны, ни путем дипломатических переговоров она ее никогда не получит.

В 1745 году неожиданно умер Карл VII Баварский. Женщина не могла занять престол. Но Марии-Терезии удалось добиться избрания императором Священной Римской империи обожаемого мужа Франца-Стефана. Ради этого она пошла на некоторые жертвы, прежде всего финансовые. Как жена императора Мария-Терезия могла бы короноваться короной императрицы. Но она из гордости не захотела этого и оставалась эрцгерцогиней Австрийской.

Надо сказать, что благодаря такому решению ее больше ценили в Австрии, где были ей особенно преданы. А называла она себя императрицей. Вот такая женская логика.

В продолжавшейся войне за австрийское наследство участвовали Франция, Пруссия, Англия и Россия, которая не сразу, после долгих обещаний все-таки пришла на помощь Австрии. Сражения шли на территории Италии и Центральной Европы, пока наконец в 1748 году не был заключен Аахенский мир. Наследие Габсбургов, за исключением Силезии, было

сохранено. Сохранено маленькими, но цепкими женскими ручками.

В Европе с уважением относились к Марии-Терезии, проявившей столь удивительную стойкость. После ее кончины Фридрих II писал: «Я воевал с ней, но никогда не был ее врагом».

Не зря Мария-Терезия говорила в начале своего правления: «Я бедная королева, но у меня сердце короля». Она вообще умела сказать красиво. Своим девизом она избрала слова – «Справедливостью и мягкостью».

Андреас Меллер.
Мария-Терезия. 1727 г.

Супруг Марии-Терезии Франц I Стефан скоропостижно скончался в 1765 году. После его смерти вдова в очередной раз продемонстрировала необыкновенную цельность своего характера. Много дней она хранила молчание, удалившись в свои покои, а траур носила до конца жизни. Личные покои Франца-Стефана были преобразованы в капеллу – молитвенное место. Службы бывают там по сей день.

К концу жизни религиозность ее усилилась. Она молилась по несколько часов в день.

Мария-Терезия предпринимала попытки преобразовать колоссальное габсбургское наследие. Суть ее реформ была в том, чтобы сохранить это несуразное, архаичное государственное образование в условиях начинавшегося Нового времени. Отреставрировать фасад, ничего не трогая внутри здания.

Сознавая опасность новых выступлений европейских держав против Священной Римской империи, Мария-Терезия ввела рекрутскую систему набора армии. И это при пожизненной службе! Были созданы центры по обучению офицерского состава, среди которых – Рыцарская академия. Это очень характерное название, как будто символизирующее обращенность сознания императрицы в прошлое, в то великое Средневековье, наследниками которого были Габсбурги.

Некоторые шаги Мария-Терезия делала и в сторону ограничения крепостничества, которое было уже несомненным анахронизмом. Именно в Центральной Европе, на германских и австрийских землях, произошло то, что в историографии называют «второе издание крепостничества». Начавшее отмирать вместе с закатом Средневековья, оно после кровопролитной крестьянской войны в Германии было в XVI–XVII веках введено напуганными феодалами заново. Мария-Терезия не отменила крепостное право, а лишь ввела некоторые осторожные ограничения, разрешив, например, не больше трех дней барщины в неделю.

Нельзя не признать, что Мария-Терезия выдвинула на первые роли очень дельного человека – графа Венцеля Кауница. В 1753 году он стал государственным канцлером и многое сделал для внешней и внутренней политики Австрии. Но императрица, чувствуя, что он готов принимать радикальные решения, во многом его сдерживала.

Она очень боялась революции, причем небезосновательно. Отсюда ее постоянная нерешительность. Например, не была отменена цеховая система. Средневековые цехи – это в начале Нового времени оковы для промышленности. А Мария-Терезия, вместо того чтобы запретить саму систему, лишь запретила

создавать новые цехи.

В таком сложном образовании, как Священная Римская империя, более решительные меры если и были возможны, то с учетом особенностей каждой территории, что чрезвычайно сложно. И возможно, они вызвали бы такой же революционный взрыв, как во Франции в конце XVIII века. А Мария-Терезия ничего подобного не хотела.

В то же время она не была бездеятельна. При ней Австрия приняла участие в Семилетней войне 1756–1763 годов. Это был последний феодальный конфликт начала Нового времени. В основе его – колониальное соперничество между Англией и Францией. В Европе возникли две коалиции. Одну составляли Франция, Австрия, Россия, Швеция, Саксония. Другую – Англия, Пруссия и ряд северо-германских государств. Борьба шла и за новые колониальные владения, и за старые, составлявшие габсбургское наследство.

В этой войне каждый сражался за что-то свое. Например, русские войска, не раз продемонстрировавшие героизм и готовность к самопожертвованию, бились просто «за матушку Елизавету», которая скончалась в 1761 году, незадолго до окончания войны. И все, что Россия могла получить по итогам этой войны, новый император Петр III возвратил недавним противникам.

Что же касается австрийской армии, то она сражалась за Силезию. Эта область была раной на сердце Марии-Терезии. Но отвоевать ее так и не удалось.

Гораздо больше Австрия получила в 1772 году, когда вместе с Россией и Пруссией приняла участие в первом разделе Польши. Мария-Терезия, как всегда, вела себя очень по-женски. Она много говорила и писала о том, что раздел Польши – затея нехорошая, несправедливая, что она лично против такого решения. Как бы в слезах она приняла в этом участие. И получила очень хороший кусок территории, так называемую Галицию – богатые земли с центром в городе Львове.

Во внутренней политике Мария-Терезия уделяла большое внимание просвещению. При ней прошла первая перепись населения. В университетах было введено изучение естественных наук, написаны новые учебники. Проводилась университетская реформа, причем любимых Марией-Терезией иезуитов отстранили от руководства всеми университетами. Значит, императрица почувствовала, что их власть – это вчерашний день европейской культуры.

Трогательно наивной была организованная Марией-Терезией школьная реформа. В деревне вводилось обязательное обучение,

конечно только для свободных, на протяжении одного-двух лет. А в городе – пятилетнее обучение.

Марию-Терезию ценили выдающиеся люди эпохи. Йозеф Гайдн в 1769 году посвятил ей симфонию, которую назвал ее именем, а симфонию «Королева» – ее дочери Марии-Антуанетте. А маленький Моцарт был замечен императрицей и, как говорят, сидел у нее на коленях.

Безусловно, напрашивается сопоставление австрийской ситуации второй половины XVIII века с российской. На престоле в обеих странах значительные женские фигуры – Мария-Терезия и Екатерина II. Между ними не было и не могло быть личной симпатии. Начать с того, что Екатерина, став женой наследника российского трона, приняла православие, а Мария-Терезия была фанатичной католичкой. Кроме того, Екатерина тянулась к французскому Просвещению, что было чуждо Марии-Терезии. Противоположным оказалось и их отношение к семейным ценностям. Но кроме всего этого, было, наверное, и чисто женское ревнивое чувство. Как в пушкинской сказке:

Свет мой, зеркальце! Скажи
Да всю правду доложи:
Я ль на свете всех милее,
Всех румяней и белее?

Такое женско-императорское соперничество за право быть главной монархиней Европы.

Правление Марии-Терезии сочетает в себе бесконечную полуфеодальную войну за габсбургское наследие с попытками усовершенствовать порядки внутри страны, но без радикальных преобразований, а также стихийное, как будто бессознательное просветительство. По оценкам историков, золотой век Австрии начался то ли при ней, то ли при ее сыне Иосифе II. Еще при жизни матери, с 1764 года, он официально стал ее соправителем. Это был мудрый шаг императрицы, которая нежно любила сына, при этом не позволяя ему реально влиять на государственные дела.

Мартин ван Мейтенс.
Император Франц I Стефан. 1745 г.

Последние годы Марии-Терезии были очень мрачными. Из своего былого глубокого и, наверное, искреннего траура по поводу кончины супруга она сотворила настоящий культ. Утратив былую подвижность, видимо из-за больных суставов, и в целом плохо себя чувствуя, она тем не менее продолжала жить на третьем этаже, куда перебралась с первого после смерти мужа. Долгими часами, все увеличивая время, она молилась в бывшей комнате Франца-Стефана, превращенной в капеллу.

Поскольку Мария-Терезия была уже не в силах спуститься и подняться по лестнице, для нее изготовили что-то вроде веревочного лифта, на котором ее опускали и поднимали. Рассказывают, что однажды «лифт» повредился и императрицу с затруднениями вели вниз с третьего этажа. И тогда она воскликнула: «Он не отпускает меня! Он не хочет меня отпускать! Ничего, я скоро сюда приду». Она всегда была склонна к театральности.

Мария-Терезия скончалась в Вене в 1780 году. Она, как и обещала, воссоединилась с мужем: они погребены в общем саркофаге.

Ей пришлось пережить нескольких своих детей.

Надеялась на счастье Марии-Антуанетты, так «удачно» выданной замуж за наследника самой «престижной» в Европе французской короны. Мария-Терезия не дожила до страшной развязки судьбы своей дочери, жизнь которой прервала революционная гильотина через тринадцать лет после смерти императрицы.

Две дочери императрицы стали аббатисами, два сына, Иосиф и Леопольд, – императорами. Показательно, что после смерти своей очень осторожной матери Иосиф II начал в Австрии и в других габсбургских землях радикальные реформы.

Такова была одна из самых знаменитых женских судеб XVIII столетия.

Улисс Грант. Генерал и президент

Этому американскому президенту не повезло в советской и российской историографии. Да и в США известность его несколько специфична. Его прославила фраза

«Венеция была бы чудесным городом, если ее осушить». Он вообще колоритен необыкновенно, Улисс Грант, генерал и президент.

Годы жизни Гранта – 1822–1885. Шестьдесят три года – сравнительно немного для Нового времени. Умер от тяжелой болезни.

Кто он в истории? Прежде всего – герой гражданской войны в США, или Второй американской революции. Полководец, который возглавлял армию Севера в президентство Авраама Линкольна.

Это уже много. Но он же еще и 18-й президент США. Причем президентом пробыл два срока: с 1869 по 1873 и с 1873 по 1877 год.

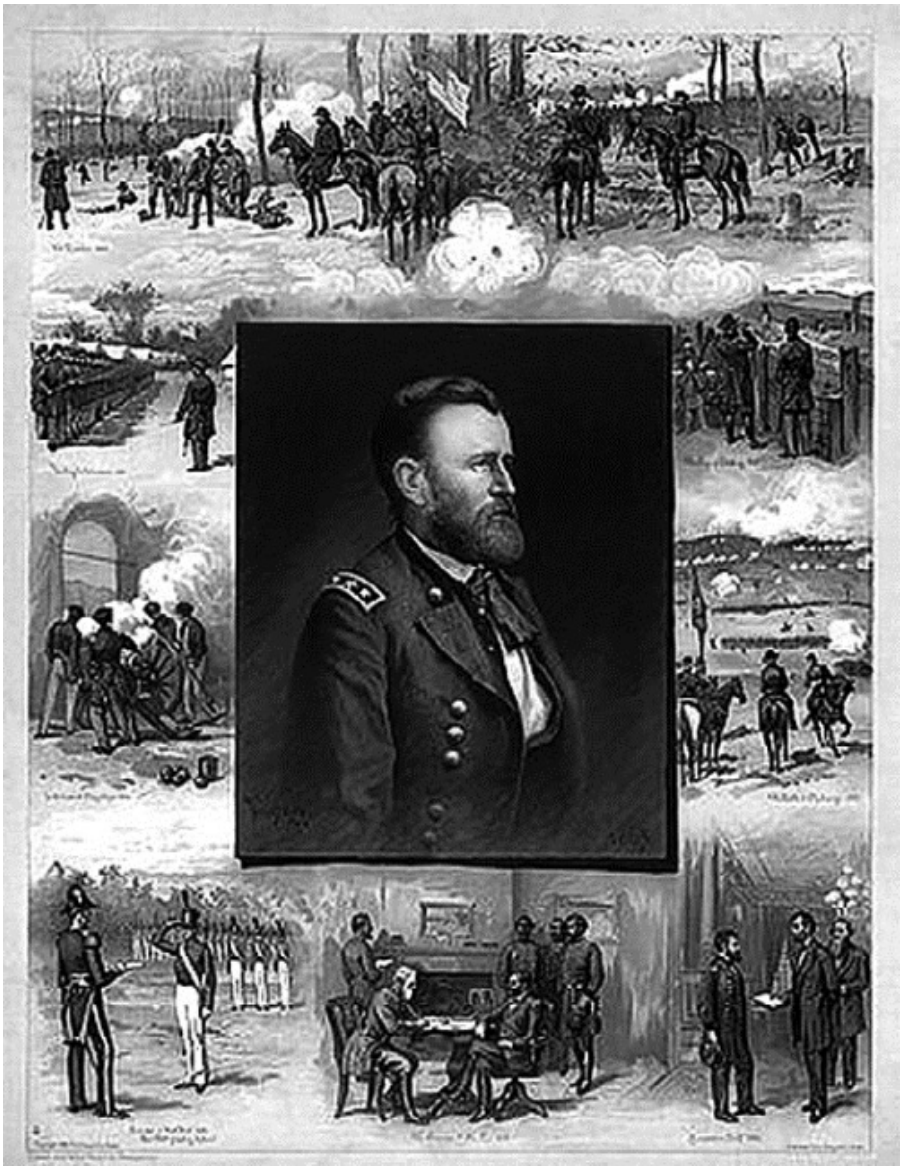
Когда изучаешь источники – его собственные мемуары и книги, написанные о нем, приходит в голову выражение, которое приписывают Горькому (якобы это сказано о Ленине): «Прост, как правда». Трудно сказать, хорошо это или плохо, но это так.

Улисс Грант родился 27 апреля 1822 года. Завершалась первая четверть XIX века. И всего 50 лет прошло после провозглашения независимости Соединенных Штатов. Никто и представить себе тогда не мог, что эта страна будет претендовать на первенство и главенство в мире. Англичанам тогда еще казалось, что возможен возврат мятежных колоний.

Родители Гранта жили в городе Пойнт-Плезант, штат Огайо, на северо-востоке США, где индейцы были истреблены или выселены и где сравнительно рано развилось промышленное производство. Предки семьи были родом из Шотландии.

Отец, Джесси Грант, – некрупный коммерсант, владелец небольшой кожевенной фабрики. Сегодня таких называют «представителями среднего и мелкого бизнеса».

В те годы американская промышленность не вполне еще отделилась от сельского хозяйства, и Джесси Грант имел ферму, которая сыграла в жизни его сына Улисса очень большую роль. Через много лет бывший 18-й президент США писал в мемуарах, что больше всего на свете он все-таки любил труд на земле, труд фермерский. Если бы не судьба, которая постучалась к нему в дверь в виде гражданской войны, он бы с наслаждением был фермером.



Улисс Грант. От Вест-Пойнта до Апоматокса.
Гравюра. 1885 г.

Мать Улисса – Хана Симпсон. Ее фамилия оказалась весьма важна для сына. Его назвали Хирам Улисс. Хирам Улисс Грант. Есть предположение, что ему не нравились инициалы ХУГ, что по-английски – хватка, захват. Поэтому он включил в свое имя девичью фамилию матери, Симпсон. Но может быть, это была просто ошибка, допущенная, когда ему выписывали документы. В любом случае будущий президент, став взрослым, решил ошибку не исправлять и именовался Улисс Симпсон Грант.

Детство свое он описал в мемуарах. И описал трогательно. Семья многодетная, не бедная и работящая. У отца был принцип: дети должны учиться. Но учились они, если использовать советское выражение, «без отрыва от производства». Производство в данном случае – это ферма.

С семи лет Грант работал на ферме. Вспоминается некрасовское «отец, слышишь, рубит, а я отвожу». Взрослые рубили лес, мальчик отвозил на телеге, запряженной лошадьми. Через всю жизнь он пронес страсть к лошадям. Иногда кажется, что их он понимал лучше, чем людей… В людях он разбирался не очень хорошо.

Когда Грант принимал капитуляцию армии южан, их предводитель генерал Ли согласился сдать оружие, – но не лошадей. Ко всеобщему изумлению, Грант согласился. Это приписывают его здравомыслию: как же на ферме без лошади? Но я уверена, что надо учесть и другое – его любовь к лошадям, способность понять, как человек привязан к своему коню.

Но вернемся к первым страницам мемуаров Гранта. Он пишет, что родители не угнетали, не наказывали детей. Наоборот, разрешали в свободное время отдохнуть, давали лошадь, чтобы съездить навестить бабушку. Нормальная американская патриархальная, добродетельная семья.

Совсем другой была обстановка в школе. Там наказывали, секли нещадно, и Грант не был исключением. Он сменил несколько школ и считал, что толку от них большого не было: классы огромные, 30–40 человек, учителя знали немного. В общем, как признавал сам Грант, в школе он освоил основы арифметики. В этом простодушно признается человек, бывший два срока президентом огромной страны.

Когда Грант повзрослел, отец по протекции устроил его в Военную академию в Вест-Пойнте – очень престижное учебное заведение. Именно тогда судьба постучалась в его дверь. В 1843 году, 21 года от роду, Грант окончил академию в чине капитана.

Все получилось не очень складно. Будучи страстным любителем лошадей, Грант попал на службу не в драгунский, а в четвертый пехотный полк США.

В 1846 году его отправили на войну с Мексикой. Грант считал эту войну несправедливой. Он вообще очень ценил идею справедливости и, сколько мог, за нее боролся. Вероятно, именно это привело его в гражданской войне на сторону северян.

Война против Мексики 1846–1848 годов была действительно завоевательной. Соединенные Штаты пытались реализовать право сильного по отношению к слабому государству, которое только в 1821-м завоевало независимость в тяжелейшей борьбе против

Испании.

В 1835 году американские плантаторы, которые поселились в Техасе, принадлежавшем тогда Мексике, организовали мятеж против Мексиканской республики и объявили Техас независимым государством. Прекрасный предлог для войны! В 1845 году Техас был присоединен к США, а 13 мая 1846 года объявлена война. Война неравных, война, в которой Мексика победить не могла, потому что военно-промышленный потенциал Соединенных Штатов был неизмеримо выше. Однако на мексиканской территории американцы встретились с яростным сопротивлением, фактически с партизанскими действиями.

Так Улисс Грант обрел опыт войны с теми, кто дерется насмерть.

В итоге, конечно же, победил сильнейший: США захватили Калифорнию и северную часть Мексики, в том числе Техас.

Грант был отмечен военным руководством как способный офицер, не более того. Ничто не предвещало карьерного взлета. К тому же молодой офицер был занят отнюдь не только вопросами службы. В 1848 году он женился на сестре своего однокашника по Военной академии, Джулии Дент.

Ее семья была весьма зажиточной, у родителей Джулии были плантации и рабы. Будущие родственники не пришли в восторг от перспективы неравного брака. Но Джулия дала согласие, когда Улисс Грант сделал ей предложение, причем сделал его в не очень ловкой, можно сказать, «солдафонской» форме.

Однажды они вместе ехали в бричке, которую сильно трясло. Джулия воскликнула: «Ой, бричка качается, я буду за Вас держаться!» Когда они прибыли на место, Грант сказал: «А не согласились бы Вы держаться за меня и дальше, всю оставшуюся жизнь?» Так и получилось.

Когда они познакомились, Джулии было всего 17 лет. Четыре года Улисс и Джулия переписывались. Потом он вернулся с войны, окруженный ореолом боевого офицера, и это, наверное, смягчило позицию семьи. Согласие на брак было получено.

После женитьбы Грант получил назначение в полк, расквартированный в Калифорнии, и переехал в другую часть страны, оставив семью – жену и первенца. Он просто не мог взять их с собой из-за нехватки средств. Грант никогда не имел больших денег и не сколотил капитала.

В Калифорнии ему жилось плохо, он буквально впал в депрессию из-за разлуки с семьей. Именно тогда возникла проблема, которая потом преследовала всю жизнь, – увлечение крепкими алкогольными напитками.

Когда одиночество сделалось невыносимым, Грант подал в

отставку и вернулся в Сент-Луис, на ферму жены. Он все еще был капитаном, и казалось, что военная карьера окончена.

В 1860 году Грант переехал с семьей в Иллинойс и вступил в кожевенное дело отца. Управляли всем его братья, и он оказался фактически в положении служащего – приказчика и даже продавца.

Получалось так, что у него нет ничего своего. Ферма принадлежит родителям жены, кожевенным производством заправляют братья, а кто же он сам – Улисс Грант? Просто отставной капитан. Ему 39 лет, и кажется, что жизнь прошла.

Но в 1861 году началась гражданская война. В Улиссе Гранте проснулся военный: он подготовил роту волонтеров для отправки на войну против южных штатов.

Противостояние Севера и Юга было закономерным. США, которые в конце XIX века с трудом завоевали независимость, геополитически распадались на две части. Элита южных штатов – это беглая европейская аристократия, потомки западноевропейского дворянства, бежавшего от революций в Англии и во Франции. Это люди, «нахватавшие» больших земель, крупных владений. Это плантаторы, на которых работают тысячи рабов.

Семь процентов населения южных штатов составляли олигархи, и у них было не менее трех миллионов рабов. Сама аристократия производительным трудом не занималась и никогда к этому не стремилась.

На Севере же сложилась совершенно другая ситуация. Там возникла буржуазия, которая, как известно, на заре своей истории много работает. Северяне ковали промышленность своей страны, ее энергетику, разрабатывали технологии. На Севере не было рабского труда.

В эпоху раннего капитализма рабочие, правда, находились в очень тяжких условиях, но все же это было совершенно другое общество.

С середины XIX века в Америке развивалось движение аболиционизма, становилось все больше идейных противников рабства. В 1861 году 11 из 34 штатов отделились, создали свою Конфедерацию. Началась так называемая Вторая Американская революция – вспыхнула гражданская война. Тогда решалось, по какому пути пойдет страна.

Как и другие граждане, Грант был поставлен перед выбором. И он его сделал.

Он начал тренировать неподготовленную, недисциплинированную роту ополченцев. Он делал это умело, грамотно и беспощадно. Благодаря чему он обратил на себя

внимание начальства и вскоре получил чин бригадного генерала. Наверняка он был счастлив, потому что все-таки нашел поприще, на котором мог реализоваться.

Надо сказать, что Грант был популярен в этот момент не только в США. Его имя было известно и в России, где передовая часть общества решительно сочувствовала северянам. Это очень понятно, если вспомнить, что в те же годы и в России было отменено крепостное рабство. Журнал «Эпоха» писал в 1865 году о назначении Гранта главнокомандующим: «Необыкновенная сила воли этого человека и громадная популярность его в армии были свидетельством того, что военные действия северян выйдут наконец из того заколдованного круга, в котором они вращались до сих пор. Заметим еще, что Грант лучше всех своих предшественников понимает настоящее значение североамериканской войны. По его словам, война была бы чистейшим фарсом, если бы она не вела к уничтожению невольничества».

В ходе войны Грант не раз доказал, что умеет побеждать. Он противостоял талантливейшему генералу Ли – главе южан – и продемонстрировал способность буквально угадывать его намерения и принимать точные решения в самых сложных условиях.

Грант отвоевал всю долину Миссисипи, чем, в сущности, решил судьбу гражданской войны. Самая знаменитая его операция – осада Вейсберга с суши и с реки Миссисипи. Затем взятие Ричмонда, столицы Юга, и капитуляция южан. Полководческие заслуги Гранта бесспорны. Рядом с ним были другие генералы, прежде всего Шерман. Он умел с ними ладить и вместе идти к победе.

Понятно, что его успехи многим не давали покоя. Его недруги обращались к президенту Линкольну. Сам Линкольн свидетельствовал: «Ко мне часто приходят делегации с требованием отстранить Гранта, ссылаясь в качестве предлога на то, что генерал был небезразличен к крепким напиткам. Однажды пришла делегация, возглавляемая доктором богословия. Я очень серьезно спросил: «Доктор, не можете ли Вы мне сказать, где Грант достает напитки?» Доктор был озадачен, но ответил, что не может сказать. А я ему говорю: «Очень жаль. А то я уже хотел дать указание главному квартирмейстеру армии сделать запас этих напитков, чтобы снабдить ими некоторых других моих генералов, не добившихся до сих пор ни одной победы».

Известно, что у Авраама Линкольна было прекрасное чувство юмора.

Затем состоялась их первая личная встреча. Линкольн уже

понимал, что Грант – генерал, овеянный славой, что солдаты с его именем будут побеждать, и пригласил его к себе для того, чтобы с одобрения Конгресса дать ему пост главнокомандующего и полного генерала.

Грант прибыл. По воспоминаниям очевидцев, в зале, где должна была проходить встреча, собралось много народа. Вошел Грант, настоящий боевой генерал, чуть ли не в солдатской форме и в довольно грязных сапогах. Линкольн нарушил протокол и пошел ему навстречу. «А вот и Вы, генерал Грант. Как я рад!» Люди стали тесниться. Грант, с вечной его простотой, забеспокоился: «Что? Меня не видно?» – и, ко всеобщему изумлению, облокотившись на плечо высокого Линкольна, вспрыгнул на его диван, прямо в сапогах. И сказал всем: «Вот он я!» Наутро чуть ли не все газеты вышли с заголовками «Вот он я!». Таков был Улисс Грант.

Его не раз упрекали в том, что он не щадил солдат в военных действиях, относился к ним как к пушечному мясу. Враги называли Гранта «мясник» или «молот».

Но беспощадность в войне вообще характерна для эпохи. К началу гражданской войны в США уже ушла в прошлое старая военная тактика, когда на открытом пространстве шли друг против друга стройными рядами и уничтожали друг друга две армии. Новая же тактика только формировалась. Во время освободительной войны против англичан американские фермеры стихийно открыли тактику рассыпного боя, потому что, не имея аристократического воспитания, сочли глупым подставлять грудь под пули английских солдат. Они стали прятаться за камнями, скрываться в лесах…

Война XIX века – это уже и глубокие траншеи, и высокие брустверы – средства, прикрывающие солдат в бою. Но все это пока плохо освоено.

Гражданская война в США была одной из самых кровавых в истории. И несправедливо было бы утверждать, что только Грант губил солдат. В этой войне Север потерял 360 тысяч человек, Юг – 250 тысяч человек. Миллион американцев были искалечены. Таковы страшные цифры.

В начале войны Грант использовал тактику лобовой атаки. Рискуя погибнуть, часто командовал не издалека, а с небольшого расстояния. Но к концу войны он многому научился, стал придавать больше значения качеству укреплений и практически прекратил лобовые атаки. И в мемуарах сожалел о понесенных огромных потерях.

У него была совесть – необычное свойство для политика. Совесть и способность сострадать. Вряд ли чем-либо иным можно

объяснить то, что он так решительно стал на сторону северян, хотя у семьи его жены были многочисленные рабы.

Между прочим, показательна и его любовь к лошадям. Ведь и Авраам Линкольн с детства безмерно любил животных. Просто есть люди с таким устройством организма, с такой совестью. Это именно те, кто сочувствует слабым и угнетенным.

К концу гражданской войны Грант был генералом-легендой. Линкольн благоволил к нему. Он рассказывает в мемуарах, что однажды они с Джулией были с Линкольном и его обожаемой женой в театре. И это их необычайно взволновало. Такое положение воспринималось как некая «близость к престолу».

В 1865 году, через несколько дней после капитуляции Юга, Линкольн был убит. Грант же продолжал службу.

В 1867 году он, по приглашению следующего президента, Эндрю Джонсона, стал военным министром. Но уже в следующем году между ними произошел разрыв – по идейным соображениям. Джонсон, с точки зрения Гранта, слишком покровительствовал южным штатам и мог свести на нет результаты гражданской войны.

После нового, на сей раз недолгого периода безвестности Грант в 1868 году становится кандидатом в президенты страны. Его поддерживает партия республиканцев, хотя он и не является ее членом.

Кандидата от демократов поддерживал Юг, выдвинутого республиканцами Гранта – победивший в войне Север. И генерал выиграл со значительным перевесом.

Правление Гранта началось, как это бывает и сейчас, с подбора кадров. Сегодня историки сходятся в том, что бедой этого совестливого и наивного человека было предпочтение покровительства, а не компетентности. Он приближал к себе былых друзей, армейских сослуживцев. Некоторые из них его подводили, губили его репутацию.

У него была прекрасная программа, когда он шел в президенты. Реконструкция разрушенного войной Юга, превращение его в промышленный, а не плантаторский регион Америки.

Понятно, что не все удалось осуществить. Но Грант выполнил самый сложный пункт. 30 марта 1870 года Конгресс поддержал его и была принята 15-я поправка к Конституции. Бывшие рабы, мужчины, получили избирательное право. Избирательное право для черных!

При этом в 1871 году была провозглашена амнистия всем южным штатам. Их населению вернули все гражданские права. Ограничения касались лишь 500 политиков. Это была мудрая

политика. Ведь Грант шел к президентству под лозунгом того, что необходимо примирить страну.

Но с выполнением других пунктов программы дело обстояло гораздо хуже. Реконструкция шла плохо, мешали коррупция и воровство. Окружавшие Гранта люди оказывались замешены в аферах.

Почему же, несмотря на все это, Грант был избран на второй срок? Важнейшую роль сыграла его личная честность. Показательно: когда после второго срока он все-таки оказался в отставке, у него не было капитала.

Второй срок президентства был особенно тяжел. Окружение воровало, активизировался Ку-клукс-клан, запрещенная расистская организация.

Но Грант оставался тверд в убеждении, что все граждане Соединенных Штатов должны иметь равные права.

Из рук вон плохо шли финансовые дела. В 1874 году произошел крах рынка акций. Незадолго до этого Грант, с его вечной наивностью, пытался удвоить жалование свое и своего окружения, что вызвало скандал. При этом сам президент все-таки получил прибавку, соратникам же было отказано.

И вот на фоне финансового кризиса Грант решил выдвинуться на третий срок. Это не было запрещено, но и не одобрялось. Конгресс указал Гранту, что так уж исторически сложилось – два срока президентства, – и предложил остаться в рамках традиций.

Республиканская партия выдвинула кандидатом Резерфорда Хейза. Это были, как сейчас считается, одни из самых тяжелых и грязных выборов в истории США. Грант сделал все возможное и невозможное, чтобы поддержать Хейза: он ввел войска в южные штаты, ввел войска в Вашингтон. Голосование проходило в не вполне демократической обстановке.

Хейз победил. Гранту, у которого по-прежнему не было капитала, назначили весьма приличную пожизненную пенсию.

Покинув Белый дом, он немедленно отправился с женой в кругосветное путешествие. Лучшее лекарство от депрессии! Он был еще отнюдь не старым человеком – ему исполнилось 55.

После окончательной отставки Грант прожил еще 12 лет. Он не оставлял надежды применить себя и заработать капитал. Но в мирное время фортуна от него явно отворачивалась.

Друзья помогли ему приобрести дом в Нью-Йорке. Благоволивший к нему промышленник Вандербильт выдал крупный для того времени кредит – 150 тысяч долларов. Грант создал фирму. Она обанкротилась через два года.

И все-таки была еще как минимум одна крупная удача. На его

пути встретился мудрец. Американский мудрец, известный под псевдонимом Марк Твен, автор «Тома Сойера» и «Гекльбери Финна». У Марка Твена была своя издательская фирма. И он предложил Гранту написать мемуары.

Бывший президент был тяжело болен. И все-таки он согласился и буквально наперегонки со смертью написал большую и основательную книгу. Прозорливость Марка Твена подтвердилась: его издательство выпустило настоящий национальный бестселлер. Мемуары легендарного генерала разлетались как горячие пирожки. Семья Гранта получила от честного издателя 450 тысяч долларов. По тем временам это было целое состояние. А сам Улисс Грант умер через неделю после публикации книги, 23 июля 1885 года.

Он успел увидеть мемуары изданными. Грант знал, что умирает. Для него, ощущавшего долг перед семьей, было бесконечно важно, что он все-таки обеспечил своих близких. Предисловие его книги начинается словами: «Человек предполагает, а Бог располагает». Можно сказать, что под этим девизом прошла вся его удивительная жизнь.

Адмирал Нельсон. Герой-моряк, герой-любовник

Горацио Нельсон известен многим читателям не только по учебникам истории, но и по мелодраме «Леди Гамильтон». Он одинаково славен и как флотоводец, и как герой одного из величайших романов XIX века.

Это фигура отнюдь не однозначная. Для англичан – безусловный символ нации. Своего рода английский ответ на величие Наполеона Бонапарта. Не зря пути этих людей то и дело пересекались. Нельсон в глазах британцев ассоциируется с колонной, вознесенной над Трафальгарской площадью в Лондоне. Как и Бонапарт, Нельсон прославился не только блестящей стратегией, но и личной отвагой. Но известна также и его жестокость. Нельсон воевал против двух революций: американской и Великой французской. Причем делал это с искренней убежденностью.

Горацио Нельсон родился 29 сентября 1758 года в Восточной Англии. Биографы пишут: «В сельской местности». Если выражаться точнее – в провинциальной глуши. Если бы не он, мало кто знал бы о существовании деревни Берхем-Торп в графстве Норфолк, на побережье Северного моря.

Отец, Эдмунд Нельсон, – потомственный приходский пресвитерианский священник. Мать, Екатерина Нельсон, в девичестве Саклинг, женщина знатного происхождения, внучатая племянница лорда Уолпола, который был одно время премьер-министром. Этим в семье гордились. Екатерина была неплохо образована и очень романтична. Наверное, имя Горацио – это ее выбор. Ее брат, Морис Саклинг, преуспел в морском деле и непосредственно повлиял на судьбу племянника.

За 17 лет брака родителей в семье появилось 11 детей. Выжила половина, что обычно для той эпохи. Два брата стали священниками. В общем, это было патриархальное семейство, ничем не выделявшееся у себя в провинции.

Детство Нельсона выглядит очень по-разному в реальности и в сложившихся вокруг его личности легендах. В реальности была бедность. Около 30 акров неплодородной земли. Отец признавался в одном из писем: «Изумляюсь, как фермеры ухитряются жить на таких участках». Ему было трудно прокормить семью. Как священник он получал подношения от прихожан, но очень небольшие. Ведь нищей была вся округа.

Еще одна реальность— раннее сиротство. Горацио было

девять лет, когда умерла мать. Он был самым слабым, хрупким из детей. Но почему-то именно на него подействовали рассказы о героическом дяде-капитане, с которым семья поддерживала переписку. Этот болезненный ребенок, в отличие от братьев, и не помышлял пойти в священники.

Здесь и начинается легенда. Говорили, что маленький Горацио заблудился в лесу. Не мог перейти ручей. Сидел ночью, в темноте, на берегу.

Его еле нашли. И бабушка спросила: «Неужели голод и страх не заставили тебя вернуться домой?» А он ответил: «Я никогда не видел страха. Что это такое?» Военная биография Нельсона действительно доказала, что страх был ему неведом.

Образования Нельсон практически не получил. Два-три года он посещал начальную школу в Норидже, где жили родственники, потом один год ходил в частную школу в Норс-Уэлшеме. То есть у него не было даже среднего образования. Не было и тяги к знаниям – кроме знаний о море. Он охотно читал рассказы о мореплавании, морские инструкции, пособия по чтению карт.

Очень интересно высказывание одного из его восторженных знаменитых биографов, английского автора К. Ллойда: «Нельсон мало чем интересовался, кроме моря. Он не был начитан, он проявлял очень мало интереса к политике и совершенно не интересовался искусством».

При этом он всю жизнь любил писать. Писал много. Отправлял потоки писем. Написаны они с ошибками, что в очередной раз напоминает об уровне его образованности.

Детство Горацио кончилось в 12 лет. По легенде, мальчик сам попросил, чтобы дядя капитан взял его к себе на службу. Это было удивительно, если учесть, что ребенок считался слабеньким.

Лемюэль Фрэнсис Эббот.
Адмирал Нельсон. 1797 г.

Морис Саклинг устроил 12-летнего племянника на корабль, хотя по закону подросткам разрешалось служить на флоте только с 15 лет. Но связи есть связи во все времена. Пока корабль находился в ремонте, Горацио по протекции дяди посещал мичманскую школу. Прошел, так сказать, ускоренный курс. Через три месяца он, ни разу не побывавший в плавании, пришел на корабль мичманом, хотя по правилам до этого надо было отслужить 4 года. И в 1772-м отбыл на два года в Вест-Индию.

Начало похода было ужасным. Обнаружилось, что у мальчика морская болезнь. Ему казалось, что он умирает. Кстати, адмирал Нельсон, командовавший эскадрами, продолжал то и дело

страдать от приступов морской болезни.

И хотя на обратном пути ему было настолько плохо, что он был похож на труп, вернулся он опытным моряком. Отчаянный человек с хрупким здоровьем!

Едва выздоровев, патнадцатилетний Нельсон отправился в 1773 году в полярную экспедицию. По легенде, ему пришлось однажды повстречаться с белым медведем. С корабля все видели, что он, вместо того чтобы бежать прочь, бросился за медведем в погоню. Капитану пришлось отдать приказ выстрелить по медведю из пушки, иначе лихой юноша погиб бы в когтях зверя.

А следующее плавание в 1774 году Нельсон совершил в Индийский океан. Во время этого похода он едва не умер от малярии. Но, видимо, судьба хранила его для будущих великих деяний во славу Англии.

Тем временем дядя Морис Саклинг дослужился до генерального контролера морского ведомства. И, что особенно важно, стал председателем экзаменационной комиссии, которая принимала у Нельсона экзамены на чин лейтенанта. В тот момент ему еще не исполнилось 19, но он скрыл это от комиссии, объявив, что ему 20 лет. Современники отмечали, что Горацио сдал экзамены блестяще. К этому утверждению трудно не относиться скептически, помня, что он не имел почти никакого образования. Впрочем, морское дело он знал.

Нельсон был назначен вторым лейтенантом на фрегат «Ловестов», который отплывал в Вест-Индию. Плавание предстояло трудное. Но Горацио не видел преград, если перед ним было море.

В 1777–1783 годах Британия вела войну против Соединенных Штатов Америки – своей восставшей колонии. Монархист Нельсон не выносил нарушения английских законов. Американцев поддерживала Франция. С этого времени Горацио навсегда возненавидел Францию и французов.

Служба, которую поручили Нельсону, не давала возможности выделиться. Он занимался обеспечением охраны побережья против американского каперства, то есть пиратства, и незаконной торговли. Скучная караульная служба. Она мало подходила человеку, в голове которого зрели честолюбивые замыслы. Однажды, когда его обошли наградой, он написал знакомому: «Меня не нужно жалеть, сэр. Настанет день, когда мне будут завидовать, и я веду свой корабль навстречу этому дню».

И ему все-таки представился случай отличиться. Однажды во время захвата американского судна с товарами при сильном волнении на море лейтенант, которому было поручено подняться на корабль, отступил, сославшись на плохие условия.

Взбешенный капитан якобы воскликнул: «Неужели у меня на корабле нет офицера, который мог бы подняться на борт вражеского судна?» Таким офицером оказался Горацио Нельсон. В 1779 году, за три месяца до того, как ему исполнился 21 год, он по приказу адмирала Паркера досрочно стал капитаном.

Нельсон был назначен капитаном трофейного, захваченного у французов фрегата «Хинчинбрук». Вот как формулировал двадцатилетний капитан свои требования к английским офицерам: «Существуют три заповеди, молодые джентльмены, которые вы должны запомнить навсегда. Во-первых, следует неукоснительно выполнять приказы, не задумываясь о том, правильные ли они. Во-вторых, считать врагом любого, кто говорит плохо о ваших товарищах. И в-третьих, ненавидеть любого француза, как самого дьявола». За что? За помощь Американской революции, за колониальное противостояние, за вечное соперничество Англии и Франции. На американской почве оно приняло особенно острые формы.

Став капитаном, Нельсон, как и все очень честолюбивые люди, ждал, образно говоря, своего Тулона – момента славы и торжества. Но ничего особенного пока не происходило. Его покровителем стал влиятельный человек адмирал Паркер. Биографы отмечают, что молодой человек очень нравился жене адмирала. Она относилась к нему как к сыну. А дядюшка Морис сделался уже Третьим лордом Адмиралтейства – третьим по значимости человеком в английском флоте. В общем, у Нельсона была надежная поддержка. Но нельзя отрицать и его личных заслуг.

Он отличился в боях за испанский форт Сан-Хуан в Гондурасе. Водил моряков на суше на абордаж, как он сам это называл. Потери были огромны. Из 1800 человек уцелели только 380. Но, как известно, «победителей не судят» и Нельсона возвысили, а не пожурили за эту слишком отчаянную атаку.

Конечно, жизнь молодого офицера не ограничивалась службой. Нельсон оказался удивительно влюбчивым. Он начал влюбляться не рано – в 24 года, но неизменно пылко. В 1782 году он влюбился в шестнадцатилетнюю дочь начальника полиции Квебека Мэри Симпсон. И сразу же вознамерился жениться. Один из друзей с трудом отговорил его от поспешного шага, напомнив: «У тебя никаких денег, ты в начале карьеры. У нее тоже никаких средств».

Через год, в 1783-м, Нельсон во время недолгого визита во Францию увлекся мисс Эндрюс, дочерью английского священника в Сент-Омере. И опять решил немедленно жениться. Просил денег у второго своего дяди Уильяма Саклинга. Пока тот думал, мисс

Эндрюс отказала слишком бедному офицеру.

Когда же он вновь оказался в Вест-Индии, его постигла любовь к замужней женщине. Джейн Моутрей, светская львица, красавица, была женой постоянного представителя Адмиралтейства на острове Антигуа в Карибском море. Горацио совершенно не смущало то, что она была несколько старше его. Охваченный страстью, он вступил в конфликт с ее мужем, что угрожало его карьере. Нельсон был готов загубить свое будущее… но его возлюбленная покинула Антигуа навсегда, исчезнув из его жизни.

Наконец 11 марта 1787 года он женился. Все произошло очень романтично. Нельсон захватил четыре американских корабля. Его преследовали. Он укрылся на острове Невис в 80 километрах от Антигуа. Его корабль арестовали до окончания судебного разбирательства, чтобы выяснить, занимался ли он пиратской деятельностью. Нельсон в течение восьми месяцев вынужденно оставался на острове. И времени зря не терял.

Колонна Нельсона на Трафальгарской площади в Лондоне

Его избранница – Фанни Нисбет, двадцатисемилетняя вдова с маленьким сыном. Не имея своего капитала, она из милости жила у состоятельного дядюшки – Джона Ричардсона Герберта, президента законодательного совета острова. Так что о корысти говорить не приходилось. Просто Нельсон вновь впал в

романтически-пылкое состояние. Он писал друзьям: «Она прелестна, она очаровательна, мы будем счастливы! А если вдруг не будем, то только по моей вине». Эти слова оказались пророческими.

Была сыграна торжественная свадьба. Родственники невесты не поскупились, выделили достаточно средств. К венцу Фанни вел сам сын короля Георга III наследный принц Уильям, с которым Нельсон подружился на Невисе. В дальнейшем эта дружба сильно навредила Нельсону, потому что король не без оснований считал сына развратником и кутилой и не доверял его товарищам.

Но пока все было прекрасно: дружба с наследным принцем, его участие в красивой церемонии бракосочетания… И сразу же после этого произошел внезапный и полный крах карьеры Нельсона. Причем казалось, что это навсегда.

Причиной крушения стала борьба с коррупцией. Будучи на острове Невис, Нельсон обнаружил злоупотребления в борьбе с каперством. Он понял, что английские чиновники получают взятки от американских капитанов. Он стал писать в соответствующие инстанции. А в инстанциях и так обо всем прекрасно знали и сами участвовали в распределении огромных доходов от этой, как мы скажем сегодня, коррупционной схемы. Но Нельсон не унимался – он написал в Адмиралтейство. Ему опять дали понять, чтобы он успокоился. Тогда он обратился к королю. И был наказан. В июле 1787 года он вернулся в Англию, а в ноябре его рассчитали и списали на берег.

В отставке он получал лишь половину жалованья. Прожить на эти деньги было очень трудно. Сначала семья снимала очень скромную квартиру. Потом пришлось переехать в дом отца. Эдмунд Нельсон очень хорошо принял Фанни, переселился, освободив место для семьи сына. Но жизнь в захолустье была для Горацио невыносима. Заниматься хозяйством он не умел и не стремился. К тому же он мечтал о детях, а у Фанни не было других детей, кроме сына Джошуа от первого брака. Нельсон с горечью писал: моя жена прекрасная женщина, но у меня не будет от нее детей.

Его жалованья не хватало даже на жизнь в деревне. Родственники жены давали из милости 100 фунтов стерлингов в год – это было унизительно. И Нельсону пришлось, смирив гордыню, обратиться в Адмиралтейство с таким письмом: «Если вам, господа лорды Адмиралтейства, будет угодно назначить меня хотя бы на утлое суденышко, я буду чувствовать к вам признательность». Но им не было угодно. В отчаянии он подумывал даже о поступлении на русскую службу.

Можно сказать, что Нельсона спасла Французская революция.

В 1793 году, когда возникла коалиция европейских держав против революционной Франции и стало ясно, что борьба будет очень тяжелой, Нельсона пригласили в Адмиралтейство. Перед ним даже извинились за то, что долго не отвечали на его просьбы, и назначили командовать 64-пушечным кораблем «Агамемнон». Название было очень выразительно: царь Агамемнон командовал объединенными силами греков в Троянской войне.

Мало того – Нельсону было обещано, что в будущем он получит еще более сильный корабль, 74-пушечный. Почему отношение к капитану так переменилось? Причина проста. Революция во Франции создала угрозу всем позднефеодальным монархиям Европы. Англия стала лидером антифранцузских коалиций. И Нельсон снова оказался в строю тех, кто сражался против революции, уже не американской, а французской.

Нельсон с восторгом покинул свой тихий сельский дом. Но на службе его ожидали не только радостные впечатления. Вот что он писал о своих начальниках: «Деньги для них – самое главное. Ничто другое их не интересует». Он видел, что многие вокруг готовы торговать незаконно. Для него же это было неприемлемо. Он верил в свою счастливую звезду, в перемену обстоятельств, которые позволят прославиться отважному и честному моряку: «…на родине меня почти ничего не интересует, имя Нельсона там едва ли известно. Но в один прекрасный день все может измениться, нужно лишь дождаться случая». И Нельсон ждал.

О долге английского моряка он размышлял так: «Долг – это самое главное, что есть у морского офицера. Все личные интересы должны уступить место тому, чего требует долг, как бы это ни было горько». В собственной карьере он в целом следовал этим принципам.

Воюя в Средиземном море, Нельсон заходил на «Агамемноне» в порт Тулон. А когда он ушел оттуда, там появился артиллерийский офицер Бонапарт. Отсюда началось величие французского политика и полководца. Два великих человека разминулись на несколько месяцев.

Они еще дважды разойдутся в тумане в Средиземном море. Их флотилии не обнаружат друг друга, что кажется почти невероятным. Они оба продвигались к славе, к бессмертию. Один – как непревзойденный стратег на суше, другой – как воплощение понятия «английский морской офицер», флотоводец, научившийся воевать совершенно по-новому.

В конце XVIII – начале XIX века вообще наступало время новой тактики. До сих пор со времен римских легионов на поле боя действовал принцип построения строгими рядами. Это относилось и к солдатам на суше, которым полагалось идти,

подставив грудь под картечь, и к кораблям на море. Когда же английская армия пришла покорить взбунтовавшихся американских фермеров, те, увидев армию, испугались и, так сказать, «рассыпались». Залегли под камни, валуны, укрылись за холмами и начали вести казавшийся беспорядочным огонь. Так появилось понятие «рассыпной строй».

Не менее революционными оказались и идеи Нельсона на море. Это произошло не мгновенно. Нельзя сказать, чтобы он родился с такими идеями. Но когда ему пришлось воевать не на просторах океана, а в стесненных условиях, ему пришлось искать новые пути.

Один из узлов военных противоречий той эпохи – Средиземное море, очень «густонаселенный» водный бассейн. В него далеко выдаются полуострова: Пиренейский, Апеннинский, Балканский, Малая Азия. В нем находится множество островов, в том числе такие крупные, как Сицилия, Сардиния, Корсика, Кипр, Родос, Крит. Все это создавало огромные трудности для тяжелых парусных кораблей, к тому же пытавшихся строиться в линию. Морской бой «стенка на стенку» оказался невозможен. И Нельсон, не имевший военного образования, проявил себя как величайший практик.

Именно в тот момент своей жизни, когда ему было 37 (а это означало, что он уже немолод), семейный человек Горацио Нельсон впервые увидел свою главную любовь – Эмму Гамильтон. Увидел – и расстался с нею на целых пять лет.

В 1794 году Нельсон участвовал в покорении Корсики, которая относительно незадолго до этого, в 1768-м, стала владением Франции. И опять английский флотоводец разминулся с Наполеоном Бонапартом, бежавшим с родной Корсики годом ранее. Совершенно мистическое стечение обстоятельств! При штурме крепости Кальви правый глаз Нельсона потерял зрение: в него попала каменная крошка от ядра.

По-настоящему же Нельсон отличился в 1797 году. У мыса Сент-Винсент, у берегов Португалии, в столкновении с франко-испанским флотом он наконец впервые показал, как будет воевать по-новому и как одержит свои великие победы. Он вывел свой 64-пушечный корабль из общего строя – потом это стало лейтмотивом его поведения в бою – и атаковал вражеский 130-пушечный! Испанский корабль «Сантиссима Тринидад» был вдвое сильнее! И вообще самым крупным кораблем своего времени. Нельсон пошел на этого гиганта – сломал былую тактику морских сражений.

По пути он взял на абордаж еще два испанских корабля, перейдя с одного на другой. Этот прием также стали применять в

британском флоте и называть «мостом Нельсона».

В этом бою Нельсон лично пленил адмирала испанского флота. За свои подвиги он был награжден рыцарским крестом и орденом Бани. Он, сын бедного сельского священника, был произведен в дворянство и получил чин контр-адмирала. Так в 39 лет начался новый этап его жизни.

Правда, в июле того же 1797 года его постигла крупная военная неудача. Он решился возглавить сухопутную операцию на Канарских островах, взять хорошо укрепленный порт Санта Крус де Тенерифе. Цель операции была, по существу, пиратская: захватить галеон, нагруженный золотом, которое везли из Мексики в Испанию.

Нельсон повел людей на штурм крепости. Конечно, шел впереди всех сам, с саблей наголо. Страха он, как известно, не знал. Но атака была неудачной. Потери огромны. У него самого картечью перебита правая рука. Его спас пасынок Джошуа Нисбет, сын его жены Фанни. Перетянув руку отчима шейным платком, он дотащил его до лодки, погрузил и довез до корабля.

Корабельный врач, как потом выяснилось, весьма неумело ампутировал ему руку, оставив только очень короткий обрубок у плеча. В течение нескольких месяцев Нельсон испытывал адские боли, спасаясь только опиумом. Ранение вызвало у него настоящую депрессию. Он писал начальству: «Адмирал, у которого только левая рука, больше никогда не сможет быть использован. Поэтому я хотел бы получить хорошую пенсию и освободить свое место для человека, который в состоянии вести дальше войну. Надеюсь, вы дадите мне фрегат, который доставит в Англию то, что от меня осталось».

Тем не менее через два дня после операции Нельсон уже писал левой рукой. А в октябре уже просил о возвращении в строй. Он стал героем. У больницы, где он лежал, стояли толпы людей. И лорды Адмиралтейства, зная его военные способности, все рассчитали правильно. Он был вновь взят на службу.

Следующей вехой в его биографии стало сражение при Абукире 1–2 августа 1798 года. Это бухта находится при впадении Нила в Средиземное море. Нельсону было дано задание – остановить флот Бонапарта в Средиземном море, не пустить в египетскую экспедицию. Как знать, если бы это удалось, может быть, и судьба Бонапарта была бы другой.

Некоторые биографы рассуждают так: Нельсон слишком страстно хотел поймать Бонапарта и поэтому совершал ошибки. Ему не хватало терпения. Встреча парусных кораблей в тумане или в ночи имеет свои особенности. Стоит затаиться, и парусный корабль будто растворяется в пространстве. Ни звуков, ни абриса.

Флот Бонапарта вышел из Тулона и двинулся на восток. Руководители английского флота должны были гадать: куда французы направляются – в Египет или Турцию? На совещании большинство пришло к выводу: в Египет. И взволнованный Нельсон, опережая события, помчался в Александрию. Он прошел южнее, чем обычно ходили корабли. И оказался в Александрии раньше Бонапарта, проскочив мимо медленно ползшего в тумане французского флота. Узнав же, что Бонапарта в Александрии нет, Нельсон опять засуетился, ринулся на запад, к Мальте – и опять проскочил мимо французских кораблей.

Благодаря этим удивительным случайностям армия Бонапарта благополучно высадилась на севере Африки и двинулась в глубь континента, где Наполеон блистательно выиграл так называемую «битву у пирамид». А адмиралу Брюэсу, командовавшему флотом, он дал строгое указание увести корабли или в Александрию, или на Корфу, под прикрытие береговых батарей, чтобы потом подхватить армию.

Брюэс нарушил приказ, что было не только нарушением военной дисциплины, но и просто трагической ошибкой. Бонапарта следовало слушать! Французский адмирал недооценил Нельсона – человека-молнию. А тот, домчавшись до Сицилии, так же стремительно вернется. И вот у Абукира Нельсон настиг наконец флот, с которого, правда, уже высадилась сухопутная армия во главе с Наполеоном Бонапартом.

Ситуация для Брюэса оказалась ужасной. Значительная часть его солдат находилась на берегу: они запасали воду и продовольствие. Никто не был готов к битве. Нельсон же приказал начать бой немедленно. Принять ночной бой. Большая дерзость!

Пять английских кораблей, начиная эту битву на закате, прошли между французским флотом и берегом. Этот маневр не раз сравнивали с тем, который совершил адмирал Ф.Ф. Ушаков у мыса Калиакрии в войне с турками, за семь лет до этого, в 1791 году. В принципе, Нельсон мог позаимствовать у него идею. А мог прийти к ней и совершенно независимо. Все-таки коммуникации в XVIII веке не были так развиты, как в новейшее время. Ушаков и Нельсон, безусловно, слышали друг о друге, но никогда не встречались.

Нельсон повел бой при Абукире тактически безупречно. Французские батареи не смогли расстрелять его корабли, прошедшие слишком близко. В результате сражения 9 французских кораблей сдались, 4 были потоплены, 4 ушли.

Сам Нельсон был ранен: осколком снаряда сорвало кожу со лба. Как потом выяснилось, ранение неопасное.

Но кровь залила его лицо. И пылкий контр-адмирал крикнул: «Я убит! Напомните обо мне жене!» Поразительная фраза: можно подумать, что жена могла о нем забыть. Но оказалось, что ему ничто не угрожает.

Потери англичан составили, по официальным данным, 218 человек. Французов— 1700. Адмирал Брюэс, уже поняв, что это разгром, дважды раненный, оставался на капитанском мостике флагманского судна «Ориент» и затонул вместе с ним и с огромными сокровищами, которые Бонапарт изъял в Швейцарии и на Мальте, а также получил у Папы Римского для поддержки экспедиции в Египет.

Теперь уже молва бежала впереди Нельсона. Все знали, насколько он отважен и как талантлив. Он стал национальным героем. Получил титул барона. Правда, это низший титул в английском королевстве. Сам он хотел бы стать графом или хотя бы виконтом. Но его не любил Георг III. Чтобы оправдать свое решение, Адмиралтейство указывало: Нельсон был в этом сражении командиром эскадры, а не командующим флотом. Хотя понятно было, что реально он командовал именно флотом.

Нельсон получил награды и от союзников: российский император Павел I прислал ему ценный подарок – шкатулку с бриллиантами и своим портретом. Турки наградили английского героя шапочкой с бриллиантовым украшением. Дорогие предметы прислала от себя мать турецкого султана. Вест-Индская компания выделила Нельсону колоссальную сумму— 10 000 фунтов стерлингов. Самый же оригинальный, даже мистический подарок ему сделал его друг, капитан Бен Галлоуэлл. Он приказал изготовить гроб из части основной мачты корабля «Ориент» и вручил его Нельсону, сказав: «Когда-нибудь твое тело будет упокоено в этом символе твоей славы». Поразительнее всего, что Нельсону подарок понравился. Он поставил его у себя в столовой и на фоне этого гроба спокойно завтракал, обедал и ужинал.

Битва при Трафальгаре

Сделала подарок Нельсону и судьба. Это великая любовь Англии. Страна будто сошла с ума. Даже в деревнях знали

Нельсона и устраивали в его честь особые праздники. Дилижансы ходили с надписями: «Нельсон – победа». В честь него слагались оды. Какое-то всеобщее помешательство. Оно было связано с тем, что прежде все с трепетом ждали высадки Наполеона на берегах Англии. Теперь же стало ясно, что этого не произойдет. Он ведь сам еле унес ноги из Египта, бросив там свою армию. А избавил страну от угрозы нападения именно Нельсон.

Случилась великая любовь и в сердце самого Нельсона. Именно после победы при Абукире он отправился в Неаполь, в Королевство Обеих Сицилий – вечный объект борьбы между Испанией и Францией. В этот период Южная Италия была опорой англичан. Нельсона с исключительной пышностью встретили неаполитанский король, представитель династии Бурбонов Фердинанд IV и его супруга, королева Мария-Каролина, родная сестра казненной французской революцией Марии Антуанетты.

В дни, когда Нельсон прибыл в Неаполь, ему исполнилось 40 лет. По этому случаю 29 сентября был устроен день рождения королевского масштаба: 1800 гостей, ростральные колонны с гравировкой «Veni, vidi, vici» – «Пришел, увидел, победил». Нельсона прямо сравнивали с автором этих слов – гениальным полководцем Юлием Цезарем.

Представителем Англии при короле Обеих Сицилий был 68-летний Уильям Гамильтон, молочный брат Фердинанда IV. Нельсона представили его жене Эмме, которой было 33 года.

Он уже видел леди Гамильтон пять лет назад и, как все, восхитился ее красотой. Сохранившиеся прижизненные портреты (один из ее возлюбленных написал их 50, а были и работы других художников) подтверждают слова современников о ее удивительной внешности.

Надо сказать, что быть представителем Англии в Неаполитанском Королевстве в последние годы XVIII века было просто чудесно. Гамильтон не решал никаких важных проблем. Да и сам Фердинанд мало занимался делами – все взяла на себя его жена Каролина. А Эмма Гамильтон была ее лучшей подругой. Эти две дамы и правили небольшим королевством.

Имея достаточно свободного времени, сэр Уильям собирал уникальную коллекцию. Он был страстно увлечен антиквариатом. У него были работы Леонардо да Винчи, Рубенса, Рембрандта, Ван Дейка. Все это он приобрел на деньги первой жены. Она была очень богатая, но давно умерла. Гамильтон обожал свою коллекцию, мог бесконечно любоваться картинами и предметами старины.

Его вторая жена Эмма была дочерью деревенского кузнеца. Она родилась в глуши – в деревушке Нестон в графстве Чешир. В

12 лет ее отдали в услужение. Как это обычно бывало, ее честь погубил кто-то из ее хозяев.

У нее родилась дочь, которую сдали куда-то на воспитание. Никто о ней ничего более не знал.

Красавица Эмма попала в богемную среду. Она танцевала почти обнаженной на столе, изображала жрицу любви при каком-то шарлатане, который предсказывал будущее и колдовал. Потом она стала содержанкой некоего Гарри Чарльза Гренвиля. С 1782 по 1786 год она жила в его доме и вела его хозяйство.

Со временем Генвиль решил жениться на девушке своего круга и взять хорошее приданое. Ему надо было как-то избавиться от Эммы. И его очень кстати посетил дядюшка, Уильям Гамильтон, который был намного старше его. Эмма ему очень понравилась. Тогда племянник решил «подарить» ее дядюшке. Все было устроено очень хитро: ее отправили в гости к Гамильтону, а вдогонку шло письмо со словами: прости, дорогая, я вынужден…

Эмма была оскорблена и глубоко страдала. Ведь она уже внушила себе, что любит Гарри Чарльза Гренвиля. В ярости она написала ему: раз так – вот увидишь, я заставлю твоего дядю жениться на мне! И в 1791 году она это сделала. К моменту появления Нельсона она уже семь лет была супругой сэра Уильяма.

Она была умной, талантливой, яркой женщиной. Прекрасно пела. Ей предлагали ангажемент в Берлинскую оперу. Но муж не разрешил ей выступать со сцены. Ей удалось пробиться в высшее общество Неаполя, стать настоящей леди, подругой королевы. Никто не смел напоминать ей о ее прошлом.

Нельсон был в тот момент настоящим супергероем. Его знала вся Европа. Но, как ни парадоксально, он оставался человеком слабого здоровья, к тому же искалеченным несколькими ранениями. Вскоре после пышного празднования дня рождения он занемог. И леди Гамильтон превратилась в терпеливую, нежную сиделку. Она отпаивала его молоком ослицы. Тогда это было модно: считалось, что еще царица Савская поддерживала с помощью этого средства свою красоту. Эмма влюбилась в Нельсона как в героя. А потом полюбила. Он жил в доме Гамильтонов. Весьма немолодой сэр Уильям, видимо, смотрел сквозь пальцы на разгоравшийся роман.

Едва оправившись от болезни, Нельсон стал убеждать короля Фердинанда, представителя одной из ветвей свергнутых во Франции Бурбонов, пойти походом на Рим и освободить Папскую область от войск Наполеона Бонапарта. Конечно, он напрасно замыслил очередную сухопутную операцию. Тем более что во главе армии стал сам Фердинанд IV – ничтожный, в сущности,

человек. Поход завершился полным провалом и бегством короля, которому пришлось переодеться, чтобы спастись, – это считалось страшным позором.

Горечь после неудачного похода, неприязнь к Бурбонам, наконец, влияние французских революционных событий – все это привело к революции в масштабах маленького королевства. В январе – июне 1799 года на юге Италии возникла Партенопейская республика, получившая имя от древнего греческого названия Неаполя – Партенопея. Ее лидерами были достойнейшие люди – в основном местная интеллигенция.

Нельсон на своих кораблях увез и королевскую чету, и Гамильтонов в Палермо, укрыв их от гнева восставших. При поспешном бегстве большая часть коллекции сэра Гамильтона погибла. Это потрясение подорвало его здоровье. Ему оставалось жить всего лишь около четырех лет. Республиканцы свергли Бурбонов с помощью французских войск. Французы вскоре ушли из южной Италии, а на маленькую республику двинулись значительные силы – контрреволюционная армия во главе с кардиналом Руффо и английский флот Нельсона. Партенопейская республика пала 23 июня 1799 года, просуществовав всего 5 месяцев.

Революционеры сейчас же были разгромлены, Бурбоны восстановлены. Началась расправа над республиканцами. Участием в ней Нельсон замарал свое имя.

Трудно сказать определенно, почему в этой ситуации он проявил себя так дурно. Вероятно, потому, что был дружен с королевской четой и разделял ее ненависть к революционерам, подогретую недавно пережитым страхом. К тому же он всегда был убежденным монархистом.

События развивались так. Республика сдалась на почетных условиях: специально оговаривалось, что если восставшие мирно сложат оружие, то расправы не будет, а у лидеров маленькой неаполитанской революции не отберут даже их замки. Договор подписал от имени отсутствовавшего Нельсона другой офицер. И когда его противники действительно разоружились, он заявил, что не подписывал договора и не признает его условий.

Когда сдался начальник мятежного флота адмирал Караччоли, английские офицеры отказались участвовать в суде и не хотели его казнить. Но неаполитанский военный суд вынес смертный приговор. Адмирала как военного полагалось расстрелять. Однако Нельсон настоял на том, чтобы его повесили, а тело выбросили в море.

После подавления восстания были казнены более 100 человек. Среди них, например, знаменитый итальянский

якобинец, мыслитель профессор Франческо Марио Пагано; мыслитель-утопист Винченцо Руссо, которому было всего 29 лет. Нельсон велел казнить всех, кто сражался на баррикадах. Даже когда Гамильтоны и королева Мария-Каролина просили за трех известных художников, Нельсон отказал. И повесил виновных.

Первого августа 1799 года в Неаполе были устроены торжества по случаю восстановления монархии. Торжества на крови. Нельсон получил наконец желанный титул: Фердинанд присвоил ему титул герцога Бронте.

С тех пор он всегда подписывался Нельсон-Бронте. Это было так важно для человека из английской деревни! Ему было даровано также большое поместье на Сицилии и назначено 3000 фунтов стерлингов в год.

Его роман с Эммой Гамильтон уже не был ни для кого секретом. Английский двор и Адмиралтейство были этим крайне недовольны. На одном из приемов Георг III поинтересовался у Нельсона, как его здоровье. И прежде чем адмирал открыл рот, чтобы ответить, отвернулся к другому офицеру, и полчаса с ним говорил. Это была демонстрация неуважения.

Через некоторое время Нельсону объявили об отставке. И моряки, которым не понравилась его жестокость во время расправы с республиканцами, не встали на его защиту. Получил отставку и сэр Гамильтон.

Все трое некоторое время путешествовали по Европе, а затем вернулись в Англию. Они поселились по соседству. Нельсон считался другом семьи. В 1800 году Эмма родила дочь. Они с Нельсоном не решились признать ее своим ребенком и записали под именем Горация Томсон, назвав себя крестным отцом и крестной матерью.

Сэр Гамильтон умер в 1803-м. В последние дни и Эмма, и Нельсон были у его постели. В завещании он просил похоронить его рядом с первой женой, а Эмме не оставил никакого существенного содержания. Но в этом же завещании сэр Уильям написал очень теплые слова о Нельсоне. Там говорилось: это великий человек, прекрасный человек, и пусть никто не смеет сказать о нем дурного слова! Еамильтон просил передать Нельсону лучший портрет Эммы.

Нельсон упорствовал, пытаясь представить Эмму Гамильтон ко двору. Все напрасно! Жена Фанни не давала ему развода. Английское общество того времени было определенно на стороне жены. Королю Нельсон по-прежнему не нравился.

Однако в 1801 году его вернули на службу и отправили в дальний балтийский поход против Дании. Там он опять проявил себя не лучшим образом: считалось, что он победил датчан

хитростью, обманом, а не доблестью.

И тем не менее последний пик его блистательной биографии, его шаг в бессмертие был еще впереди. Трафальгарская битва 21 октября 1805 года. Нельсон вновь выступил против французского флота. Крупнейшее морское сражение эпохи состоялось у берегов Испании, у мыса Трафальгар.

Со стороны Англии в битве участвовало 27 линейных кораблей и 4 фрегата. Со стороны Франции – 33 линейных корабля. У Нельсона – 16 тысяч моряков, у французов – 20 тысяч. Каков же итог сражения? Потери англичан – 449, французов – 4 тысячи 480 человек. В десять раз больше. Английский флот не потерял ни одного корабля. У французов 21 корабль захвачен, один затонул и только четыре уцелели.

Нельсон предчувствовал, что может погибнуть в этом сражении. Он вышел на палубу в мундире, на котором были все его многочисленные награды. Они сверкали на солнце. Окружающие попросили его: наденьте другой мундир, вы слишком хорошая мишень! Ответ был такой: «Я заслужил эти награды, я их не сниму!»

Перед самым началом боя Нельсон спустился к себе в каюту и написал завещание. Там были такие слова: «Я вверяю леди Гамильтон заботам моего короля и страны. Надеюсь, что они назначат ей щедрое содержание, позволяющее ей жить соответственно ее рангу… Вверяю также милосердию моей страны мою приемную дочь, Горацию Нельсон-Томсон, и желаю, чтобы в будущем она носила только фамилию Нельсон». Надежды Нельсона оказались напрасными. Король не проявил ни малейшего милосердия.

А пока битва разворачивалась так, что победа английского флота делалась все более очевидной. Нельсон применил все свои тактические приемы. Он предупредил моряков, чтобы они, если вдруг в дыму не будут видны подаваемые флажками сигналы, проявляли самостоятельность и дерзко, как он сам, шли в атаку на французские корабли.

За 40 или 50 минут до полной победы снайпер с мачты французского корабля сделал меткий выстрел. Смертельно раненный, Нельсон успел спросить: «Мы победили?» И услышал положительный ответ.

Он наверняка мечтал опять вернуться в Англию триумфатором, стать предметом еще большего, чем прежде, восхищения и обожания. Он надеялся, что это поможет ему узаконить наконец отношения с Эммой Гамильтон. Вот почему в последние часы жизни он писал в завещании о заслугах Эммы, просил двор вспомнить, как много она делала для снабжения

английского флота в Неаполе. Но за этими призывами слышалось: «Поймите же, как я, адмирал Нельсон, ее люблю!» Он не был услышан.

После его смерти английский королевский двор демонстративно наградил его родственников. Титулы были переданы его старшему брату. А Эмма не была его родственницей – ей ничего не досталось. Она окончила свою жизнь в нищете и забвении. Такова мораль эпохи: никаких незаконных браков, никаких великих чувств, кроме чувства любви к Родине и королю. Никто не пожелал услышать последних пламенных призывов Нельсона.

Наполеон Бонапарт. Император революции

Писать о Наполеоне Бонапарте – дерзость. Не будет ошибкой сказать, что это самая знаменитая жизнь в европейской истории Нового времени. Всего 52 года, причем последние 6 лет – в заточении на острове Святой Елены. То есть 46 лет активной жизни. А биография ослепительна, незабываема, отражена в художественной литературе, в театре, в кино, в музыке – везде. Военные победы легендарны – чего стоит, например, битва на Аркольском мосту. Вспоминается полотно художника Гро: как прекрасен молодой Бонапарт, худой, с длинными волосами, с одухотворенным лицом, со знаменем! Наверное, придворный художник льстил своему господину, но сам эпизод – правда. Действительно, схватив знамя, этот человек под шквальным огнем ринулся вперед. Он не раз был ранен, получил контузию, во время Итальянской кампании под ним убили 19 лошадей – все это правда. И от таков.

Оценки Бонапарта в ми ровой истории: от революционера – «императора свободы», до «корсиканского чудовища» и «минотавра». Его поклонники доходят до обожествления. Но есть и ненавистники. Порой кипят такие страсти, что кажется, будто Наполеон жив до сих пор.

Будущий политик и великий завоеватель родился 15 августа 1769 года в городе Аяччо, на Корсике. Это была глухая провинция. Около 300 тысяч населения. Корсиканский язык, в котором слиты диалекты итальянского – чизмонтанский, близкий к тосканскому, и ультремонтанский. Редкий язык, родственный северосардским диалектам. Особый образ жизни, в котором сохранилось немало родовых пережитков, в том числе знаменитая вендетта – кровная месть.

Исконное население Корсики и Северной Сардинии – корсы. Горцы, скотоводы. Энциклопедия официально сообщает о них: этническая принадлежность не установлена. В VI–IV веках до н. э. они подчинялись этрускам – тоже загадочному народу, чья письменность, между прочим, до сих пор не расшифрована, позже – грекам-фокейцам, карфагенянам, прибывшим из Финикии в Северную Африку, наконец, римлянам. И только в 1755 году Корсика попробовала стать самостоятельной – свергла генуэзскую власть.

Формально Корсика продолжала зависеть от Генуи, но фактически с 1755 по 1769 год была самостоятельна. А через 14 лет Франция, которой правил Людовик XV, купила у Генуи права на Корсику, которую та реально не контролировала. И уже после

этого французская армия фактически завоевала, оккупировала остров. Французы пришли как хозяева. Это произошло за несколько месяцев до рождения Бонапарта.

Главным героем корсиканского сопротивления стал некто Паскуале Паоли. Он вынужден был эмигрировать. Но корсиканцы еще долгое время надеялись изгнать французов так же, как некогда генуэзцев.

Обратим внимание на этот факт: Наполеон Бонапарт не француз, более того – иностранец. Это сейчас Корсика – департамент Франции. А в 60-х годах XVIII века она была завоеванной территорией.

Фамилия Буонапарте звучала очень по-корсикански, поэтому в дальнейшем, «превращаясь» во француза, Наполеон трансформировал свое имя в Бонапарт. Его отец – Карло Мария Буонапарте – происходил из древнего тосканского патрицианского рода. Правда, патрицианский род во Флоренции – это отнюдь не аристократы. Городская верхушка, ставшая знатью в эпоху Возрождения. Позже семья выправила себе бумаги, подтверждавшие дворянское происхождение. И для Корсики фамилия была, безусловно, знатная. Английский историк Десмонд Сьюард замечает о происхождении Бонапарта: «Все-таки, называясь аристократией на Корсике, они были малограмотными мелкими землевладельцами. В сущности, это те же крестьяне, но только с фамильным гербом».

Отец смолоду имел прозвище, которое ему очень нравилось, – Карло Великолепный. Он получил его за его блестящие манеры и умение пустить пыль в глаза. Это был светский человек.

Мать, Летиция, совершенно другая. Наполеон Бонапарт обожал ее до конца своих дней. Он часто вспоминал ее в заточении и говорил, что она очень во многом оказалась права. Летиция происходила из простой семьи – из горцев-крестьян. В юности скакала верхом, участвовала в борьбе за независимость Корсики, носила за поясом стилет. Была невероятно трудолюбива и предана интересам семьи, по-своему обаятельна, но очень скупа и суеверна.

Еще один родственник, сыгравший важную роль в жизни Бонапарта, – дядя, по имени Лючиано Буонапарте, архидьякон Аяччо, один из самых образованных людей на Корсике. Он приобщил племянника к книгам. Он же добился от архиепископа Пизы документа о дворянском происхождении Буонапарте. В монархической Франции это было чрезвычайно важно для семьи и, прежде всего, помогло Наполеону получить образование за счет королевской казны.

Брак родителей был очень ранний: ему 18, ей – 14 лет. Романтический юноша Карло Мария Буонапарте участвовал в восстании Паоли. Руководитель восстания, лидер движения за независимость Корсики, лично присутствовал на его свадьбе. По легенде, именно Паоли настоял на этом браке: каждый корсиканец должен был создать семью, перед тем как уйти в поход.

Семья оказалась крепкой. У Карло и Летиции было 12 или 13 детей, из которых выжило 8–5 мальчиков и 3 девочки. Великий Наполеон был вторым по старшинству. И всю жизнь он заботился о братьях, сестрах прочих родственниках. Причем надо сказать, что большинство из них предали его, когда в конце жизни у него настали тяжелые времена.

На Корсике шла война. Поскольку сторонники Паоли были разбиты французскими войсками, семье Буонапарте пришлось скрываться в лесах. Мама Летиция не зря вызывала восторг и у своего знаменитого сына, и у многих других современников. Еще совсем юная, беременная старшим ребенком, а потом – с младенцем на руках, она была вместе с мужем, когда он был вынужден прятаться.

Генерал Бонапарт

Вернуться к нормальной жизни стало можно благодаря новому французскому губернатору Марбефу. Сознавая влияние большой семьи Буонапарте, он не только избавил Карло Марию от преследований, но и приблизил его, взяв к себе на службу.

Семья Буонапарте занимала первый этаж большого дома. Выше жили родственники. В общем, семейный клан. Будущий император родился в прихожей, на ковре. Схватки у Летиции начались в церкви, она поспешила со службы домой, но не дошла даже до спальни. По словам одного из биографов, Наполеон появился на свет, «проявив ту внезапность и стремительность, которую будет проявлять всю жизнь».

У Наполеона было типичное «босоногое детство». Материально большой семье жилось непросто. Детям предоставлялась большая свобода, они резвились на улицах. Наполеон был одним из самых отъявленных драчунов, никогда и никому спуску не давал.

Непростым характером отличался и его отец. Со временем у него развилась склонность к конфликтам. Например, он подал в

суд на родителей своей жены Летиции за то, что те в течение 10 лет не выплатили ее приданое.

А однажды кузен Поццо ди Борго, живший этажом выше, вылил на Карло содержимое ночного горшка. Карло и на него подал в суд. Интересно, что через многие годы сын Поццо, находясь на службе российского императора, будет агитировать против Наполеона. Вот что такое настоящая мстительность.

Отец очень заботился об образовании сыновей. Первоначальной корсиканской грамоте их обучали местные монахини. Дети сначала плохо говорили по-французски. Корсиканский акцент и позже оставался одной из проблем юного Бонапарта.

Первым учителем французского правописания стал аббат Рекко. В те годы дети рано начинали читать. Наполеону еще не было девяти лет, а он уже читал в отцовской библиотеке Плутарха, Цицерона, Вольтера, Руссо. И любовь к этим авторам сопровождала его почти всю жизнь. Вплоть до русской кампании он не расставался с кумирами своей юности, веря, что все еще несет по Европе знамя революции.

Но тогда до начала Великой Французской революции было еще далеко. В 1779 году маленького Наполеона отдали в военную школу в Бриенне – крошечном городке недалеко от Парижа. Попасть туда с Корсики было непросто – понадобились связи отца и губернатора Корсики.

В бриеннской школе учились молодые французские дворяне. И пять лет пребывания там были очень важны для Наполеона. Он изучал историю, математику. Блистательных успехов в науках не было, хотя учителя и считали юношу способным к математике. Он замечательно считал в уме. Но ему плохо давались языки, в том числе латынь. А о немецком он в будущем сказал: «Как его вообще можно выучить? Как вообще можно знать хоть одно слово на этом языке?» Поначалу были проблемы и с французским – этот ужасный корсиканский акцент! Не удивительно ли, что потом Наполеон стал литератором, чьи произведения имеют безусловные стилистические достоинства?

Родители привезли сына в Бриенн и уехали. В 14 лет, когда ему оставался всего год до окончания школы, он писал отцу и матери: «Если вы или мои крестные не способны обеспечить мне достаточно средств для поддержания мною в колледже достойного существования, то в таком случае обратитесь с письменной просьбой о моем скором отъезде домой. Я устал представать нищим в глазах других и терпеть бесконечные насмешки высокомерных юнцов, чье превосходство надо мной заключается единственно в их богатом происхождении». Важные

слова! Именно так зреют революционеры. Не случайно юный Бонапарт будет сторонником идеи равенства.

В школе мальчика-иностранца из небогатой семьи, говорившего с сильным акцентом, очень обижали. Но он скоро стал блестящим фехтовальщиком. И как в раннем детстве, никому спуску не давал.

30 октября 1784 года, в возрасте 15 лет, Наполеон окончил школу и был, как тогда выражались, «похвально аттестован». Его сразу же приняли в качестве стипендиата в высшее учебное заведение – L'Ecole royale militaire (Парижскую королевскую военную школу).

Там он проявил безусловные способности в области тригонометрии и связанной с ней баллистики, а это открывало путь в артиллерию. «Тригонометрия была придумана для меня», – говорил Наполеон. Но тянуло его не в артиллерию, а в кавалерию, больше подходившую для дворян.

Наполеон проучился в Военной школе всего несколько месяцев, когда семью постигло горе – смерть отца, скончавшегося в 38 лет от скоротечного рака желудка. И хотя старшим из сыновей был Жозеф, именно Наполеон Бонапарт в 15 лет стал главой семьи. Такова была воля умирающего отца. Надо сказать, он в своем выборе не ошибся.

В Военной школе Бонапарт имел репутацию заносчивого, капризного ученика. А одним из его преподавателей был великий математик, физик и астроном П.С. Лаплас. Он поставил будущему императору отнюдь не высшие баллы – Наполеон был 42-м из 58 учащихся. А заканчивал он учебу экстерном. И экзамены, в том числе и Лапласу, сдал успешно.

В 1785 году Наполеон Бонапарт окончил Военную школу в чине поручика – младшего лейтенанта – и получил назначение в провинциальный гарнизон. Сначала он служил в Балансе, потом в Оксонне. Это городки, которые не сразу найдешь на карте Франции. Два слова точнее всего характеризуют его положение в гарнизонах – «нищета» и «тоска». Ел два раза в день, преимущественно хлеб и молоко, на большее не было средств. Старался скрывать свое тяжкое положение, но его выдавала изношенная, неоднократно перелицованная одежда. И несмотря на все это, Наполеон взял к себе младшего брата Люсьена и очень о нем заботился.

Но были в тоскливой провинциальной жизни и светлые минуты. В Балансе случилась первая любовь. Это была девушка из хорошей семьи Каролина дю Коломбье. В дом ее матери приглашали молодежь. И Наполеон Бонапарт, при всем своем зыбком материальном положении, сумел обратить на себя

внимание. Говорят, в его мрачности было что-то романтическое. Кстати, в будущем его любимым произведением стали сентиментальные «Страдания юного Вертера» Гете. Между Наполеоном и юной Каролиной возникло именно романтическое чувство. Тридцать лет спустя он запишет: «Мы назначали друг другу маленькие свидания. Особенно мне памятно одно, летом, на рассвете. И кто может поверить, что все наше счастье состояло в том, что мы вместе ели черешни!»

Спасаясь от гарнизонной тоски, 19-летний Наполеон Бонапарт в 1788 году попытался стать наемником на службе… у русского императора. В этот момент по заданию Екатерины Великой в Европе набирали войска для Русско-турецкой войны. Но вербовщики должны были принимать добровольцев только с понижением в чине. Наполеон от этого отказался. А какого офицера могла приобрести русская армия! Какая ирония судьбы! Будущий великий полководец выбежал из комнаты в слезах (у него всегда был бурный темперамент) и заявил: «Пойду к прусскому королю, и он мне даст чин капитана!» Это было тогда пределом его мечтаний.

Стендаль – один из ранних биографов Наполеона Бонапарта и пламенный его поклонник – сказал об этом так: «Если бы ни революция, не продвинулся бы он дальше чина полковника». Наверное, это правда. Наполеон действительно медленно поднимался по служебной лестнице. Восемь лет службы до его первого взлета.

Революция началась летом 1789 года, когда Наполеон был в отпуске на Корсике и подумывал о том, чтобы не возвращаться в полк. 20-летний Бонапарт принял революцию немедленно. Он писал крестному отцу: «После стольких столетий феодального варварства и политического рабства все поражены зрелищем того, как слово «свобода» воспламеняет сердца… Франция возрождается». Вернувшись в Баланс, он вступил в радикальный клуб друзей Конституции, по существу близкий к якобинству. Став членом клуба, Наполеон подписал обращение к конвенту с протестом корсиканцев против действий французских властей, но в самих революционных событиях не участвовал. Более того, они ему не нравились. Он любил порядок.

10 августа 1792 года в Париже Наполеон был свидетелем штурма Тюильри. Толпа ринулась во дворец. И у этого офицера, смелого, любившего драться, и мысли не возникло поддержать эту толпу. Более того, он увидел жестокость народа, отрубленные и насаженные на копья головы швейцарских офицеров, которые обороняли дворец и остались верны присяге. И тогда Наполеон сказал о восставших: «Мне бы сюда пушку – я бы показал этим

канальям».

Получается, что Наполеон был за революцию как преображение мира, против феодального варварства. Против того, что аристократия – это голубая кровь, а все остальные не люди. Против того, что законов нет, а царит только воля абсолютного монарха. Сохранились такие документы – lettre ouvert – открытые письма. Это приказы об аресте и заточении с пропуском имени. Доверенные чиновники короля могли получить такое письмо с разрешением вписать имя того, кого считали нужным. Ужасы абсолютизма – это не фантазия, не романтическое преувеличение.

Но Наполеон не был и за бунт народный, черный и безумный. Он пытался различать темную стихию бунта и сознательные революционные действия.

Вступив в 1792 году в Национальную гвардию, которую возглавлял умеренный революционер маркиз Лафайет, Наполеон был избран – именно избран! – подполковником. Он получил чин не от короля, а от своих подчиненных. И подполковником он отправился на Корсику, где еще в начале революции, в 1789 году, участвовал в выступлениях против действий местных властей. Теперь он добился, в том числе угрозами и насилием, чтобы его избрали начальником батальона Национальной гвардии, и попытался реализовать идеи равенства в масштабах родного острова.

В 1793 году, в период якобинской диктатуры, Наполеон провел на Корсике девять месяцев и потом сожалел о том, что он оставался в стороне от главных событий. В этот период он совершенно разошелся с возвратившимся из эмиграции Паоли. Прежний лидер вновь выступил с лозунгом борьбы против Франции. А Бонапарт сказал: «Нет. Франция – это революция, и бороться с Францией не надо». Тогда его объявили на Корсике изменником, врагом, и посадили в крепость, откуда он бежал. Бегство это было поистине романтическим! Он плыл на лодке, скакал на лошади, шел пешком… Он успел вывезти свою семью в Южную Францию, в Марсель. Дом на Корсике был сожжен былыми единомышленниками.

Корсиканцы еще гибли в сражениях против французов, а Наполеон уже был уверен, что Франция – это идеи Руссо, это дух революции. Потеряв время на Корсике, он искал себе применение во Франции. Он поступил в армию генерала Карто, который осаждал Тулон – крепость на юге Франции, занятую англичанами. Здесь Бонапарт стал командиром артиллерии. И случилось то, что сделало название Тулон именем нарицательным. Герой Л.Н. Толстого князь Андрей Болконский мечтал о своем Тулоне. О

событии, в котором человек доказывает, что он герой.

Назначение в армию генерала Карто, который осаждал Тулон, Наполеон получил по протекции: одним из комиссаров Конвента был некто Кристоф Саличетти, знавший семью Буонапарте по Корсике. А у корсиканцев, как у всякого маленького народа, было принято поддерживать друг друга.

Тулон – город-порт на берегу Средиземного моря на юге Франции. На рубеже новой эры там была римская крепость. А в конце XVII столетия знаменитый французский военный инженер С. Вобан превратил Тулон в крепость нового времени, столь неприступную, что в самом начале XVIII века, при Людовике XIV, эту крепость не смог взять сам принц Евгений Савойский, один из величайших полководцев Западной Европы, возглавлявший армию Священной Римской империи.

В июле 1793 года французские контрреволюционеры в союзе с английским флотом захватили Тулон. Вернуть его было практически невозможно: крепость оставалась неприступной.

Наполеон Бонапарт был назначен командовать артиллерией под стенами Тулона. И показал, кто он такой. По его собственным словам, под Тулоном он испытал «первый поцелуй славы». Сначала он так организовал действия артиллерии, что английские корабли ушли, спасаясь от шквального огня. Затем лично, на коне, возглавил атаку. Штурм проходил под проливным дождем. Лошадь под Наполеоном была убита, сам он ранен в ногу, но ранение скрыл. Третьим по счету ворвался в пробоину в стене Тулона. Лично взял в плен командующего гарнизоном английского генерала О'Хара.

Взятие Тулона 17 декабря 1793 года сразу же прославило Бонапарта. Он был замечен якобинцами. Никто не знал, что им оставалось быть у власти меньше года. А пока комиссар конвента, родной брат Максимилиана Робеспьера Огюстен Робеспьер, и Кристоф Саличетти представили героя конвенту. Огюстен Робеспьер писал брату: «Этот человек наделен сверхъестественными способностями».

Свидетель Тулона генерал Дюгомье характеризовал Наполеона так: «Большие научные сведения, такой же ум. А храбрость даже чрезмерная. Вот слабый очерк достоинств этого редкостного офицера». И дальше потрясающая фраза: «Повысьте его, иначе он сам возвысится».

И его повысили. Наполеон был произведен из капитанов прямо в бригадные генералы – революционным образом. Такая карьера вообще возможна только в революционной обстановке.

К Бонапарту пришел достаток. После бегства с Корсики его семья бедствовала. Теперь у него были прекрасная должность,

хорошее жалованье. Казалось бы, живи да радуйся. Но нет! Он составляет колоссальные планы, предлагает революционному правительству расширение границ Франции, мечтает о походе в Италию, а потом – и в Индию. У него в сознании живет образ Александра Македонского.

Но 27 июля 1794 года совершился антиякобинский переворот. Его устроили умеренные республиканцы во главе с Полем Баррасом. Их девиз – «Переворот и революция без тирании». При якобинцах все они боялись за свою жизнь. Карающий меч революции принял во Франции облик гильотины, которая стучала так устрашающе! Баррас и его сторонники, склонные к коррупции, каждую минуту ждали, что пламенный аскет Робеспьер отправит и их на эшафот.

В августе 1794 года Наполеон арестован как якобинец. Он действительно много писал о том, что поддерживает идеи Максимилиана Робеспьера, дружил с Огюстеном Робеспьером, вместе с ним составлял планы дальнейших походов против коалиции европейских государств. Он был революционером и на Корсике.

В тюрьме, в форте Карре близ города Антиб, Наполеон провел всего пятнадцать дней. Но реальная тень гильотины нависла над ним. Система работала все еще быстро, как при якобинцах. Робеспьера и его ближайших соратников казнили на следующее утро после ареста. Нечто подобное могло произойти и с Бонапартом. Один молодой офицер, который служил под его началом, знал его героем Тулона, предложил план побега. Но Наполеон, который некогда романтически спасся из тюрьмы на Корсике, теперь бежать отказался. Карьера была для него важнее жизни. Если бы он бежал – дальнейшее продвижение по службе было бы исключено.

Вместо этого он все 15 дней рассылал письма, ходатайства, искал покровительства, объяснял, что не знал истинного лица Робеспьера, а иначе порвал бы с ним сам. Наполеон подчеркивал, что верит в идеи революции и готов служить Республике. Власть сочла, что он может быть ей полезен. И не ошиблась.

Уже через два месяца, в октябре 1795 года, Наполеон Бонапарт по поручению нового правительства – Директории подавил мятеж роялистов, в котором участвовало 25 тысяч человек. Он опять мастерски применил артиллерию и справился с мятежом за четыре часа.

Генерал Бонапарт стал известен всей Франции и для многих сделался кумиром, а его поразительная карьера – образцом. Все было привлекательно: и революционные знамена, и личная храбрость, и заботливое отношение к солдатам. За него с

восторгом проливали кровь.

На пороге карьерных высот Наполеон женился. Причем вовсе не на той, что была его невестой. Вопрос о браке с Дезире Клари – прелестной барышней, очень благовоспитанной и небедной, считался решенным. Судя по всему, девушка очень его любила. Для Наполеона же это был скорее брак по расчету. Хорошее приданое, хорошая семья.

Но незадолго до свадьбы он встретил Жозефину Богарне, вдову казненного генерала. Ее первому супругу успели отрубить голову за три дня до антиякобинского переворота. Она хлопотала за мужа и тоже была заточена. В Бастилии у нее возник роман с еще одним узником – генералом Гошем. Но это чувство скоро прошло.

Когда через несколько недель после переворота в тюремном коридоре Бастилии прокричали: «Вдова Богарне, на выход, Вы свободны!», она лишилась чувств.

Она была на шесть лет старше Бонапарта, что в те времена казалось совершенно немыслимым для брака. Да и происхождение у нее было необычное – креолка с острова Мартиника, из потомков испанских и португальских завоевателей Америки.

На руках у Жозефины двое детей от генерала Богарне – Евгений и Гортензия. Наполеон познакомился с Жозефиной в знаменитом салоне мадам Тальен.

Нельзя было назвать ее и красавицей в строгом смысле слова, однако многие говорили о ее необычайной грации и мелодичном голосе. Наполеон был ею покорен и женился по любви. Свадьба состоялась 8 марта 1796 года.

Прежде чем зарегистрировать в парижской ратуше гражданский брак с Жозефиной, Наполеон написал Дезире Клари и попросил у нее прощения. Но этого ему показалось мало, и он навестил ее в Марселе, чтобы попросить прощения еще раз. В ее письмах есть слова о том, что сердце ее разбито. Наполеон не оставил Дезире своим вниманием и дальше. Он нашел ей жениха. Кстати, он нередко именно так поступал со своими женщинами. Мужем Дезире стал генерал Бернадот. Уже став всесильным императором Франции, Бонапарт рассадил своих родственников по европейским престолам. Бернадот стал королем Швеции, а его жена Дезире – шведской королевой.

Через три дня после свадьбы Наполеон отправился в знаменитый итальянский поход, который он давно планировал. Почему им владела эта мысль? Конец XVIII века – время военно-политических коалиций. Против революционной Франции в разное время объединялись Англия, Австрия, Пруссия, Испания,

Голландия, Сардинское Королевство (Северная Италия), Неаполитанское Королевство и Россия, всего было семь коалиций.

Жак-Луи Давид.
Император Наполеон в своём кабинете в Тюильри. 1812 г.

Бонапарт, получивший крайне слабую, полуразвалившуюся

революционную армию, не просто навел в ней порядок, но и вооружил ее тем, что Л.Н. Толстой позже назвал «духом войска». Обращаясь к итальянцам, воевать с которыми шла его армия, Наполеон писал: «Народы Италии! Французская армия пришла разбить ваши цепи». А цепи действительно были: слабая Италия страдала под властью Австрии. «Французский народ – друг всех народов!» – утверждал Наполеон.

Состоялись знаменитые битвы при Лоди, Кастильоне, при Арколе, где он бежал под огнем через мост, подхватив знамя, то, о чем тоже вспоминал князь Андрей. Вот что написал о нем в 1796 году русский полководец А.В. Суворов: «О как шагает этот юный Бонапарт! Он герой! Он чудо-богатырь! Он колдун!»

По словам Стендаля, на эти годы приходится «самая чистая, самая блестящая пора» в жизни Наполеона. Любовь, материальный достаток, возможность командовать войском. Мечты сбылись. А тлетворное, разрушительное влияние власти пока не сказалось.

Оценивая итальянский поход Наполеона, Стендаль утверждал, что «за один год молодой человек 26 лет от роду затмил таких полководцев, как Александр Македонский, Цезарь, Ганнибал, Фридрих Великий». Если даже не затмил – безусловно, оказался в их ряду. Сам Бонапарт ценил Александра Македонского как великого завоевателя. Сделавшись всесильным правителем, он расставлял в своем императорском дворце многочисленные скульптуры, в том числе и античные. На первом месте всегда был Александр.

Да, Наполеон превратился в овеянного славой героя, о котором говорила вся Европа. Монархи трепетали: бесстрашный генерал шел под знаменем революции. Его пока еще не называли корсиканским чудовищем. Но до этого было уже недалеко.

Победив в Италии, Наполеон начал проводить там преобразования. Он организовал в Северной Италии управление в республиканском духе. Для многих он был освободителем – его окружало обожание. Но была и зависть. Через друзей к нему стала поступать информация о том, что его собираются предать. Недруги ждали хоть какого-нибудь неуспеха в итальянском походе, чтобы отодвинуть с дороги слишком яркого генерала. Но он вернулся в Париж триумфатором. Окруженный восторгами, Наполеон, человек очень умный, с горечью заметил: «Народ с таким же воодушевлением бежал бы за мной, если бы меня везли на эшафот». Эти слова свидетельствуют о том, что романтическая пора его жизни осталась далеко позади.

Правившая во Франции Директория состояла преимущественно из людей корыстных и алчных. Они

использовали возможности, которые дала им революция, чтобы грабить и наживаться. Боевой генерал, любимец народа не был им нужен в этот момент. И подвернулся случай отослать его от себя. Сам Наполеон не раз говорил о том, что главный враг Франции – Англия. Ударить по ней он предлагал в Египте – ее африканской колонии. Директория радостно приняла эту идею.

В 1798 году Наполеон отправился в египетский поход. Из Тулона вышло 350 кораблей. Кроме войны против Англии Бонапарта вдохновляло и то, что пройти предстояло по местам завоеваний Александра Македонского. Когда Александр покорил Египет, жрецы Амона намекнули, что признают его сыном бога. Пройдет не так много времени – Бонапарт будет близок к этим идеям.

Человек неординарных решений, он взял с собой в Египет весь цвет французской науки – около ста человек. Ведь им предстоит исследовать древний мир пирамид. Именно после наполеоновского похода, в 1820-х годах, будут расшифрованы египетские иероглифы. Наполеон был автором множества афоризмов. В Египте он произнес: «Солдаты! Сорок веков смотрят на вас с вершин этих пирамид!» А когда налетала берберийская конница, он отдавал команду: «Занять круговую оборону! Ослов и ученых на середину!» Он вовсе не хотел обидеть ученых. Английская эскадра к тому времени уничтожила у берегов Египта французский флот. Ослы оставались главным транспортным средством. То, что Наполеон ставил ученых, бесполезных для войны, на одну доску с ослами, говорило о том, как он ценил ученых.

Наполеон наверняка думал, что египетский поход будет второй блистательной ступенькой в его славной биографии, но все сложилось не совсем так, как планировалось. Сначала ему действительно безумно повезло. Не зря он верил в своего ангела-хранителя и говорил: «Еще не отлито ядро, которое в меня попадет».

Когда начался поход в Египет, англичане хотели нанести французским кораблям удар в Средиземном море. Это была бы колоссальная победа. Английским флотом командовал сам великий Нельсон, овеянный славой непревзойденного флотоводца. Но ангел-хранитель спасал Бонапарта от Нельсона. Нельсон, не разгадав планы французов, ждал у Гибралтара, а Наполеон поплыл с юга Франции – и они разминулись. Потом Нельсон высчитал, что Бонапарт должен прибыть в Александрию, и двинул флот туда, но прибыл раньше – и опять разминулся с противником.

Когда же корабли уже были уничтожены флотом Нельсона в

знаменитом сражении у острова Абукир 1–2 августа 1798 года, Наполеон оказался «запертым» в Египте.

Война продолжалась на суше и была очень тяжелой. Наполеон знал в Египте и победы, и поражения, но в целом поход не складывался как триумфальный.

Один из известнейших эпизодов египетской экспедиции – события в Яффе (сейчас это территория Израиля). Французские войска были поражены эпидемией чумы. И Наполеон пошел в барак к чумным, чтобы поддержать их морально, он пожал руку человеку, больному чумой. В 1830 году об этом писал в стихотворении «Герой» А.С. Пушкин:

Нахмурясь, ходит меж одрами
И хладно руку жмет чуме,
И в погибающем уме
Рождает бодрость… Небесами
Клянусь: кто жизнию своей
Играл пред сумрачным недугом,
Чтоб ободрить угасший взор,
Клянусь, тот будет небу другом,
Каков бы ни был приговор
Земли слепой…

В этом тексте отражен романтический образ, который долго вдохновлял современников. И пожалуй, в стихах Пушкина отмечено то лучшее, что было в натуре Наполеона. Однако именно во время этой кампании он совершил поступок, который осуждают даже его поклонники: приказал расстрелять четыре тысячи турецких янычар.

В 1799 году пришли газеты из Франции. До этого Наполеон их долго не читал. Он узнал, что во Франции очень сложное положение, войска Суворова уже у ее границ, в Северной Италии, и сражаются блистательно.

Бонапарт услышал о достойном сопернике. Им так и не суждено было столкнуться, хотя интересно, чем закончилась бы встреча двух великих полководцев.

Узнав о политическом кризисе во Франции, Наполеон понял, что это шанс получить власть. Романтически настроенные исследователи считают, что он бросился спасать Францию. Скорее всего, в его решении присутствовали разные соображения. По мнению замечательного советского историка А.З. Манфреда, Наполеон бежал еще и от надвигавшегося поражения в Египте. Так или иначе, он оставил армию и тайными путями, опять не попав в море в руки англичан, добрался до Франции. Будучи уже

на ее территории, он получил официальное письмо от Директории: его просили прибыть в связи со сложным положением в стране. Понятно, что его артиллерия могла понадобиться для подавления бунта.

В правительство Директории входили люди очень низких моральных качеств, но ловкие и расчетливые. Они готовили переворот и искали боевого генерала, который был бы способен его возглавить. Один из членов Директории, Сийес, откровенно «искал саблю» для его осуществления. Рассматривалась, например, кандидатура генерала Жубера, но он был убит в августе 1799 года. Генерал Моро сам «уступил» переворот Бонапарту, сказав, что «он устроит вам переворот гораздо лучше меня». В итоге члены Директории остановились на Наполеоне Бонапарте. И не ошиблись.

Государственный переворот состоялся 9 ноября 1799 года. Иногда говорят, что это означало конец революции. Нет, она просто была в новой фазе. Переворот осуществился путем насильственным, но не кровопролитным. Депутатов коллегиального органа – Совета пятисот – неожиданно, под предлогом некой опасности, перевели в пригород Парижа Сен-Клу. Там им предложили признать, что управление страной меняется: у власти будут три консула, первый среди которых – Наполеон Бонапарт. Некоторые депутаты попробовали возражать. Тогда в помещение, где они заседали, ворвались люди Бонапарта, и один из них – богатырь из лавочников, в будущем маршал Мюрат – стал просто выкидывать их в окна.

Дальше был самый настоящий фарс. Спохватившись, что надо как-то закрепить решение о консулате, участники переворота поймали тех, кто недалеко убежал, согнали обратно в зал и спросили: «Кто за то, чтобы у нас было три консула?» Оказалось, что все за. Так Наполеон Бонапарт стал первым консулом. Он сам придумал себе эту должность, взяв ее из истории Древнего Рима. Тени античных предков всегда были в его голове.

С этого момента он стал, в сущности, единоличным правителем. Сначала было объявлено, что такое положение закрепляется, чтобы исправить положение во Франции, на 10 лет. А уже в 1800 году Наполеон объявил себя пожизненным консулом. Титул довольно нелепый! И называют его «господин пожизненный консул». Пока еще не «Ваше Величество». Но фактически монарх. Однако А.З. Манфред в своей известной монографии доказал, что приход Наполеона к единоличной власти не означал конца революции. Это был момент ее развития, ее логика. Революции не обходятся без вождей.

Что он сделал за время консульства? Опять проявил себя

незаурядным человеком. Он приступил к реформам, которые не были прямым отступлением от идей революции. Хотя их не назовешь и прямым ее воплощением. Революция двигалась к закату. Но Бонапарт закрепил ее лучшие достижения, создав прекрасные возможности для развития буржуазии. Ей надоело быть сословием, которое платит налоги, обогащает страну и не имеет никаких привилегий, во всем уступает голубой крови дворянства. Все административные и финансовые действия Наполеона укрепляли положение этого молодого, очень перспективного класса новых хозяев жизни.

Первый консул наводил порядок. Были введены префектуры, назначены префекты в департаментах, субпрефекты в округах. Шла борьба за укрепление денежной системы. Для этого Наполеон просто отменил бумажные деньги, которые в революционную эпоху неизменно превращаются в обесцененную бумагу. Вместо них чеканили монеты. Был создан Парижский банк, который поддерживал финансовую систему.

Вместе с тем началось ограничение свобод. Были закрыты 60 газет, осталось только 18, не безмерно преданных Бонапарту, но не самых опасных. Шло несомненное движение к монархии.

Став во главе Франции, Наполеон начал отражать действия европейских монархических держав, направленные против революционной Франции. Его армия, воевавшая под знаменем революции и Бонапарта, была непобедима.

Зачем же символу революции становиться императором? Как говорится, слаб человек. А у вышедшего из низов тяготение к неограниченной власти сильнее, чем у других.

Интересно, что усиливавшееся с годами недовольство Бонапартом не было недовольством народным. Народ как раз становился все больше и больше ему предан, ведь под его руководством Франция побеждала врагов. Противниками Наполеона были левые и правые политические силы. Левые, былые якобинцы, готовы были низвергнуть его за то, что он изменил идеям Республики; правые, монархисты, не видели в нем такого монарха, какой нужен Франции. Он не принадлежал к династии Бурбонов.

Бонапарт вел переговоры с монархистами о восстановлении династии. Но это была уловка, средство выявить сторонников прежней власти. Мысль о восстановлении монархии Бурбонов всегда была для него одной из самых невыносимых.

С 1800 года на Бонапарта начались покушения. Их готовили как правые, так и левые. Наполеон продолжал беззаветно верить в свою звезду: он не дрожал от страха, не завел огромную охрану, а в театр ездил фактически без охраны.

На Бонапарта покушались и на улицах Парижа. Адская машина, как тогда называли бомбу, была спрятана в тележке какого-то мальчика, который сам не знал, что делает. Его просто попросили перевезти тележку на другую сторону улицы. Наполеон чудом проехал по этой улице чуть раньше, Жозефина чуть позже, в другой карете. Оба остались целы.

Однажды в Германии первого консула Франции чуть не заколол студент с кинжалом. Бонапарт, дитя революции, призвал к себе этого юношу и объявил: «Выпускаю на свободу. Если дашь клятву никогда со мной не бороться, не покушаться». В ответ прозвучал: «Нет, убить такое чудовище – это подвиг!» И Бонапарт отдал приказ – расстрелять.

Некоторые покушения были мнимыми. Например, так называемый заговор герцога Энгиенского – событие общеевропейского масштаба. Поворотный момент в истории французской революции, знак окончательного превращения Бонапарта в тирана. Герцог Энгиенский, Луи Антуан Анри де Бурбон-Конде (Наполеона должно было раздражать уже само его имя!), 32-летний представитель монархического дома, аристократ, красавец, любимец женщин, в 1789 году эмигрировал вместе с отцом и дедом, кочевал по Бельгии, Швейцарии, Германии, спасаясь от Бонапарта. С 1792 года воевал против революционной Франции с истинным убеждением, что это правильно и хорошо, в знаменитой армии Конде, которой командовал его дед. Армия была уничтожена. После заключения мирного договора 1801 года, когда распалась вторая коалиция европейских держав, герцог оставил политическую борьбу. Жил в тихом герцогстве Баденском. Правда, на английскую пенсию. Этого было достаточно, чтобы настроить против него Бонапарта. Тем более что первого консула окружали провокаторы вроде Талейрана, а позже – Фуше, которые подогревали его страх перед мнимыми заговорами.

Герцог Энгиенский в заговоре не состоял. Но он был последним отпрыском дома Бурбонов. Бонапарт отдал приказ – и отряд французских драгун в нарушение всяческих международных законов схватил герцога на территории Германии и увез во Францию. В Париже состоялся быстрый так называемый суд. Военный суд, хотя герцог Энгиенский в тот момент не воевал. Его расстреляли во рву Венсенского замка 21 марта 1804 года. Говорили, что там была расстреляна вера в революционность Наполеона Бонапарта.

А уже 2 декабря 1804 года Бонапарт устраивает свою коронацию как императора Франции. На фоне некрасивой истории с герцогом Энгиенским – пышная коронация в Соборе

Парижской Богоматери. Костюмы для себя и для Жозефины, с которой он поспешно вступил в церковный брак, Наполеон придумывает и заказывает сам. Они напоминают монархические одежды, восходящие к императорскому Риму, к временам римских Цезарей. Церемонию проводит Папа Римский Пий VII. Он никак не может определиться, как относиться к Бонапарту. Победы французской армии в Италии очень убедительны. Но сам Бонапарт – чуть ли не антихрист и к делам божественным совершенно равнодушен. Пий VII соглашается на коронацию от страха перед этим человеком.

Самый знаменитый эпизод коронации: Наполеон Бонапарт в решающий момент выхватывает у Папы корону и сам надевает себе на голову. И затем другую корону – на Жозефину. Первый в истории случай самокоронации!

С этого момента Наполеон постоянно одержим гордыней. Он устраивает вторую коронацию в Италии, которую после своего блистательного похода объявил республикой. Он сам принес туда свободу! И он же превратил Италию в королевство, чтобы 26 мая 1805 года стать ее королем. Теперь он возлагает на свою голову корону Лангобардских королей, которой почти ровно тысячу лет назад, 25 декабря 800 года был коронован Карл Великий.

Европа содрогнулась. Известно было, что некогда в состав империи Карла Великого входили территория будущей Франции, Германии, вся Северная Италия, часть Испании. Претендуя на место преемника Карла Великого, Наполеон замахивается и на европейское могущество.

Он продолжает всех раздражать. Назначает итальянским вице-королем своего пасынка Евгения Богарне. Начинается то, что А.З. Манфред точно назвал «династическим безумием». Раздавая родственникам европейские престолы, Бонапарт создает новую знать. Подсчитано (эти данные есть в книге В.Г. Ревуненкова о Наполеоне), что в 1808–1815 годах по его указам появилось 50 новых князей и герцогов, 452 графа и 1500 баронов – по происхождению лавочников, лакеев, мельников…

Вводится титул «маршал Франции». Назначается 18 маршалов. Среди них Ожеро, герцог Кастильонский – сын лакея; Ланн; герцог Монтебелло – сын деревенского мельника; Нэй – храбрейший соратник, герцог Эльхингенский и князь московский – сын трактирщика. Мюрат – знаменитый богатырь, маршал Франции, муж сестры наполеона Каролины, герцог Бернский, король Неаполетанский, – сын трактирщика. Великий адмирал – кавалерист Мюрат! Это даже смешно.

Бонапарт создает новую систему правления. Он хочет выглядеть императором в римском смысле, носителем высшей

власти. Он окружает себя шестью высшими сановниками. Это Верховный совет при Императоре. Вводит должность великого канцлера, великого казначея, великого электора. Начинает выдвигать в «великие» своего бездарного брата Жозефа. Возвращает монархическую должность коннетабля – государственного канцлера.

Это ослепление властью. И что-то в этом есть провинциально-неудовлетворенное. Мне думается, что человек из провинции необязательно горит стремлением выдвинуться всю жизнь. У Бонапарта это было неугасимо. В итоге он восстанавливает против себя всю монархическую Европу.

Создав империю, Наполеон утвердил новую Конституцию, в которой парадоксально звучал пункт: «Франция объявляется республикой. Во главе республики стоит Император». Со временем слово «республика» будто растворится в воздухе.

Юристам была поручена работа над знаменитыми Кодексами Бонапарта. Создавалась новая система законодательства на основе римского права. Это был первый гражданский кодекс, утвердивший новые принципы нефеодального правления в Европе. По словам Карла Маркса, «Кодекс Наполеона берет свое начало не от Ветхого Завета, а от идей Вольтера, Руссо, Мирабо, Монтескье и от Французской революции». В этом ряду следовало бы назвать и римское право.

Кодексы Наполеона – это утверждение прав и свобод личности, в частности свободы совести, после тысячелетнего засилья религии. Правда, провозглашая свободу слова, Бонапарт преследовал неугодные газеты. Но то, что идеи свободы были декларированы, само по себе очень важно.

В новой системе правления сохранялись представительные учреждения – Сенат, Трибунат. Однако их полномочия Бонапарт постепенно ограничивал. С уходом понятия «республика» на смену обращения «гражданин» пришли «мадам», «месье», а самого Наполеона стали называть «Ваше императорское величество». Его день рождения – 15 августа – объявили национальным праздником.

Тем не менее, для простого народа Наполеон оставался символом революции, из рук которой крестьяне получили землю. Верхушка крестьянства могла купить участки, конфискованные у монархистов, контрреволюционеров. Позже те, у кого были отняты владения, пытались их вернуть, но принцип частной собственности был уже законодательно утвержден. И дети получивших землю крестьян стали вернейшими солдатами Наполеона.

Новая Франция представляла огромную опасность для

монархической Европы. Создававшиеся против Наполеона коалиции ставили перед собой две основные цели. Первая – вернуть Францию к границам 1792 года. Отбрасывая врагов революции, Наполеон вышел далеко за эти границы. Вторая – восстановить во Франции законную династию Бурбонов. После полного поражения Наполеона Бонапарта в 1814–1815 годах пройдет под девизом «легитимизма» – то есть возвращения королевских династий Европы.

А пока третья коалиция 1805 года: Англия, Австрия, Россия. Сопротивляясь, Наполеон незаметно переходит к захватническим действиям.

Правда, 21 октября 1805 года он потерпел крупное поражение при мысе Трафальгар в Испании. Эта страна вообще оказала Бонапарту серьезное сопротивление, самое мощное до его похода против России. В битве при Трафальгаре участвовал английский флот, который возглавил адмирал Нельсон. Он погиб в этом сражении. Но французы были разбиты. Командующий французским флотом П.-Ш. Вильнев был осужден и покончил с собой в заключении.

Англия проигрывала Бонапарту на суше, но была непобедима на море. Наполеон не стал долго убиваться по поводу поражения. В ноябре 1805 года, после поражения генерала Макка в Австрии, французские войска берут Вену. А 2 декабря 1805 года происходит сражение при Аустерлице (сейчас это небольшой город Славков в Чехии).

Россия воевала против Наполеона, хотя прежде, при Павле I, была некоторая вероятность союза. По мысли Павла, дружба с Наполеоном должна была завершиться совместным походом на Индию. План малореалистичный для трезвого политика Бонапарта, которого больше привлекала победа над реальным соперником – промышленно развитой Англией. При Александре I между французским и русским императорами произошло полное охлаждение. Александр был возмущен расстрелом герцога Энгиенского и сблизился с Австрией и Пруссией.

Русско-австрийское войско насчитывало 85 тысяч человек, французское – 73 тысячи. Именно при Аустерлице Александр, молодой, красивый и горячий, претендовавший на роль полководца, впервые увидел, что такое истинный полководец. Оказалось, что красиво гарцевать на белом коне, кстати подаренном Бонапартом в Париже, – это одно, а быть стратегом и тактиком – другое. Позже Александр будет блистать дипломатией и в этом переигрывать Наполеона. А на ратное дело ему придется призвать другого полководца – Кутузова.

При Аустерлице выяснилось, что тактика русско-

австрийского войска устаревшая, линейная. Оно шло, словно на убой, не совершая никакого маневра. А Бонапарт – это сам маневр. Он принимает мгновенное решение, где нанести главный удар, куда перебросить войска, какой фланг сейчас сильнее, какой слабее. После Аустерлицкого сражения, где союзная армия потеряла треть своего состава, а также практически всю артиллерию и обозы, Бонапарт получил репутацию непобедимого на поле боя. Как горько звучат строки А.С. Пушкина: «Когда не наши повара орла двуглавого щипали у бонапартова шатра…» Это боль поражения под Аустерлицем.

В 1805–1810 годах Наполеон достиг пика своего военного и политического могущества. В феврале 1807-го под натиском его войск пала Варшава. Туда ворвался Мюрат, а чуть позже прибыл Бонапарт и… встретил там любовь. До этого он любил только Жозефину – женщину, которая была старше его и изменила ему с каким-то ничтожеством вскоре после свадьбы. Несмотря на это, Наполеон любил ее, считал другом и близким человеком.

В Варшаве его ждала совсем другая любовь – юная красавица графиня Мария Валевская. Она происходила из очень знатного польского рода Лончиньских и была замужем за 70-летним графом Валевским. Судя по воспоминаниям современников, она была нежна и скромна, деликатна по отношению к пожилому мужу.

На сближение с императором Франции она пошла, как считается, по поручению представителей польской знати. Она должна была уговорить Бонапарта предоставить Польше полную независимость, воссоздать самостоятельное польское государство. Это не удалось.

Но наверное, Мария и не относилась к этой любви как к заданию. Ее роман с Бонапартом был вовсе не демонстративным, скорее наоборот. Сначала она провела с ним некоторое время в Варшаве, затем очень незаметно прибыла к нему в Германию, где встречалась с ним в течение трех недель. Бывала потом и в Париже. У нее был сын от Наполеона. Жозефина встречалась с ней и с мальчиком, грустя о том, что у нее детей от законного мужа быть не может. Мария Валевская – единственная женщина из любивших Бонапарта, которая навестит его в первой ссылке на острове Эльба и привезет четырехлетнего сына, чтобы отец хотя бы увидел его. И только когда Наполеон будет на недостижимом острове Святой Елены, она, к тому времени уже овдовевшая, выйдет замуж за троюродного брата Бонапарта генерала д’Орнано. И очень скоро скончается после рождения ребенка.

В 1806 году Наполеон, перед которым ранее пали Вена, Мадрид и Варшава, захватил Берлин. Как было не закружиться

его голове! Он перекраивал карту Европы и мечтал о том, чтобы Париж назывался столицей мира. Бонапарт создает Великое герцогство Варшавское, затем марионеточное королевство Вестфальское. Лишь бы раздавать короны членам своей семьи! Пасынок Евгений Богарне – вице-король Италии. Приемная дочь Гортензия Богарне – жена брата Бонапарта Людовика и королева Голландии. Бывшая невеста Дезире – жена маршала Бернадота и королева Швеции. Брат Жером Бонапарт – король Вестфалии. Брат Жозеф в 1806–1808 годах— король Неаполитанский, а потом правитель Испании. Муж сестры Каролины Мюрат король Неаполитанский с 1808 года.

Поведение многих из этих людей доказало, что иметь корону на голове – еще не значит быть королем. Но, надо сказать, и сегодня в жилах представителей европейских монархических дворов течет кровь Бонапартов или Богарне.

Наполеон составляет именно то, что стало потом устойчивым выражением, – наполеоновские планы. Елавное для него – Англия. Его идеей фикс становится континентальная блокада. Он намерен задушить Англию экономически. Но всем остальным, и в частности России, невыгоден разрыв экономических отношений с владычицей морей. Однако после Аустерлица Наполеон считает, что может навязать России свою волю.

Чем могущественнее становился Бонапарт, тем важнее было для него появление наследника. Поэтому был затеян развод с Жозефиной. Точнее – признание церковного брака с ней недействительным.

Наполеон обратился со сватовством в Россию. Во время переговоров с Александром I, предшествовавшим заключению Тильзитского мира в 1807 году, Талейран намекал на возможность такого брака. Рука французского императора была предложена любимой сестре российского императора Екатерине Павловне. Наполеону было отказано. Александр ссылался на мать, Марию Федоровну, но и сам наверняка был против. А мать, вдовствующая императрица, говорила: «Этому минотавру я своего ребенка не отдам». Ходили разговоры, будто Екатерина Павловна заявила, что скорее выйдет за русского истопника, чем за Бонапарта. Ему намекали, что ОН – «ненастоящий» император, а дому Романовых – двести лет. В греческой мифологии Минотавр жил на острове и пожирал людей. Бонапарт происходил с острова, уничтожал дворянское достоинство.

Когда он посватался к другой сестре Александра, Анне Павловне, ему было обещано подумать и вернуться к этому вопросу через два года. Ждать два года не юный уже Наполеон не мог. И тогда возникла идея австрийского брака. Он хотел

породниться с настоящей империей, если не российской, то австрийской. На этот раз все удалось. Супругой Наполеона стала австрийская принцесса Мария-Луиза, племянница казненной королевы Марии Антуанетты. Примета не очень хорошая. Но Наполеона ничто не могло остановить. О невесте императору докладывали: юная барышня, хороша собой, очень изящна, говорит на пяти языках и умеет шевелить ушами. Ему все понравилось. До брака они не виделись, все было оформлено по доверенности (так делали в Средневековье). Потом состоялись пышные торжества.

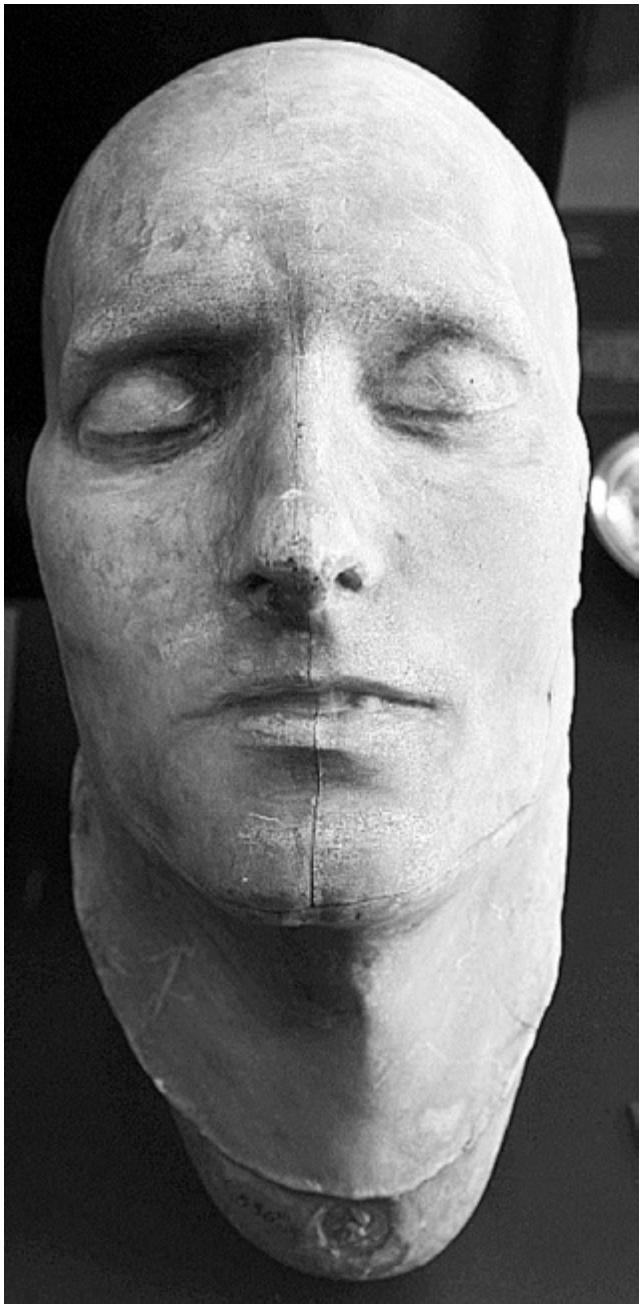
Империя Бонапарта достигла пика величия. Он стал победителем Европы, женился на принцессе из рода Габсбургов и ожидал появления законного наследника.

В эти годы Бонапарт действительно чувствовал себя монархом. У него был роскошный двор, превосходивший пышностью многие другие в Европе. О свидании с Александром I в Эрфурте в 1808 году Бонапарт писал, что хотел ослепить русского царя своим двором. Он призвал всех своих вассалов – правителей европейских государств, некоторые из которых сам и создавал. Как не вспомнить народную мудрость: из грязи в князи! Все-таки Наполеон происходил из мелкого рода корсиканских дворян. Не отсюда ли особое тяготение к великолепию и блеску?

Но была у него кроме непомерного честолюбия и более привлекательная сторона. Он искренне любил и поддерживал науку. Уже в 1799 году он был избран членом Французской академии, то есть стал одним из «бессмертных» – так было принято называть академиков. Взяв с собой более 100 ученых в египетский поход, он, безусловно, обеспечил рождение науки египтологии. При нем были обласканы такие ученые, как математик Лаплас, физик Гей-Люссак, химик Бертолле, естествоиспытатели Ламарк и Кювье. Это блистательные имена. Французская наука лидировала в Европе.

Не был равнодушен Бонапарт и к искусству. При нем творили художник Давид, скульптор Канова. Актер Тальма, с которым он дружил, давал ему уроки: у императора были, по свидетельствам многих, природные актерские данные. Бонапарт привез в Эрфурт придворный театр, был там и Тальма. Наполеон хотел блистать не только золотом, но и великим искусством, быть подобным феодальным монархам.

У него была громадная библиотека в Тюильри, и люди, ведавшие ею, подтверждали, что значительную часть книг он читал. Его походная библиотека составляла 800 томов! По словам Гете, который встречался и беседовал с Бонапартом, не всякий властитель возит с собой походную библиотеку.



Посмертная маска Наполеона

И все-таки главным для Наполеона всегда оставалась власть. Однажды он сам признался: «Моя любовница – власть. Да, я люблю власть! Но люблю ее, как художник. Я ее люблю, как музыкант любит свою скрипку». Историк Н.А.Троицкий так

комментирует этот афоризм: «Такие слова мог сказать, конечно же, не Аттила, не Чингисхан, а Карл Великий, читавший Вольтера».

Бонапарт шел к деспотической власти, но она была осенена незаурядностью его личности. Его фантастическая карьера достигла высшей точки. Далее был неизбежен спад. И процесс этот неотделим от сложных взаимоотношений наполеоновской Франции с Россией. Как феодальная держава Россия, естественно, вступала в коалиции и участвовала в борьбе против революционной Франции. Потерпев страшное поражение под Аустерлицем, Александр I вынужден был в 1807 году заключить с Наполеоном невыгодный России Тильзитский мир.

С этого момента слово «Тильзит» звучало неприятно для передового российского общества. Будущий декабрист Сергей Волконский вместе с товарищами бил стекла во французском посольстве в знак протеста против Тильзитского мира. Причем разбито было окно того зала, где висел огромный портрет Бонапарта. А будущий декабрист Михаил Лунин научил свою собаку бросаться на того, кого хозяин назовет Бонапартом, и срывать с него шляпу. Из этого фрондерства постепенно вырастало серьезное сопротивление французскому деспоту, который явно делал шаги к тому, чтобы превратить Россию в одного из своих вассалов. Он не учел ни размеров этой страны, ни ее истории, ни русского национального характера.

Почему Бонапарт так серьезно просчитался? Он торопливо, судорожно искал союзников. У него плохо складывались дела в Испании. Захватив в плен королевскую семью, он посадил на трон своего старшего брата Жозефа, совершенно неспособного управлять государством. И хотя испанское королевское войско было разбито, народ не сдавался. «Чернь», или гверильясы – те, кого Наполеон презирал, составила мощное партизанское движение. Боевые действия не прекращались вплоть до 1814 года.

Но мир с Россией не был прочным. Дворянское окружение Александра I никогда его не принимало. Российскую верхушку пугали наполеоновские преобразования, политические, экономические и юридические, направленные на развитие буржуазных отношений. Да и сам он не раз заявлял, что он против рабства, за свободу, за освобождение рабов.

Так что известное нам по школьным учебникам коварное нападение французской армии на Россию – это отражение того, насколько фальшивым был союз Франции и России. Есть документы, указывающие на то, что при определенных условиях Александр мог первым двинуть свои войска. Российский император был настроен очень жестко. Еще до начала войны он

сказал: «Дойду до Камчатки, а мира с ним не подпишу». И уже во время войны, в ответ на предложения Бонапарта о мире, он повторил: «Скорее стану императором камчадалов».

Война началась не так, как другие военные походы Бонапарта в Европе. Он, непревзойденный полководец, уже покоривший Италию, Австрию, Польшу, прекративший существование Священной Римской империи германской нации, вступая на территорию России, был настроен на относительную легкость похода. Современные специалисты считают, что Наполеон вряд ли рассчитывал дойти до Москвы и уж точно не строил планов продвижения за Урал. Он вообще не очень хорошо представлял себе размеры этого пространства. Скорее всего, Наполеон был намерен совершить быстрый рывок в глубь России, разбить русскую армию, а потом смилостивиться и подписать выгодный для него мирный договор. Это сделало бы российского императора его неофициальным вассалом и насильственным участником континентальной блокады Англии.

Но уже первые события войны 1812 года разрушили эти планы. Потом, будучи в ссылке на острове Святой Елены, Наполеон писал и говорил о том, что его победил мороз. То же повторят в XX веке и гитлеровские генералы.

На самом деле факторов было, конечно, гораздо больше. Наполеон не был готов ни к тому ожесточенному сопротивлению, которое встретил уже под Смоленском, ни к тому, что Александр I ни на какие промежуточные переговоры просто не пойдет, ни к русской зиме. Цифры говорят сами за себя: из 647 тысяч войска, которое вторглось в Россию, во Францию вернулись 30 тысяч солдат и офицеров.

Надо сказать, что Наполеон легко относился к воинским потерям. Солдат – он на то и солдат, чтобы погибать в бою. У него погибали и маршалы, например его любимый друг Ланн. И все-таки масштаб потерь в этой кампании был невероятным. Наполеон сам говорил о том, что в России погибла его великая армия. А ведь в ее составе были не только французы, но и представители покоренных народов: испанцы, итальянцы, немцы, австрийцы.

Когда эта огромная, очень неплохо вооруженная армия завязла в России, Наполеон продолжал рваться к Москве. Это не было его полководческим решением. Он зависел от российского императора, который не отвечал ни на какие предложения.

Бородинское сражение завершилось чем-то вроде ничьей. Формально русские покинули поле боя и, значит, были побеждены. Но Бонапарт прекрасно понимал, что это не так.

Вступая в оставленную Москву, он, конечно, не мог

предвидеть, что она будет сожжена. Его западноевропейское сознание вообще не могло принять иррационального поведения русских. Ему казалось, что захватом древней столицы, символа, сердца России, он компенсирует те утраты, которые несет в этом походе, и заставит дрогнуть и императора, и русскую армию, и население. Как он ошибся! На Эльбе он скажет: «Я должен был бы умереть сразу после вступления в Москву». Это грустная констатация безнадежной ошибки человека, признаваемого гением. Пылающая Москва, никаких признаков внимания со стороны российской власти, равнодушие народа. Наполеон с удивлением отмечал: освобождать русских крестьян не имеет смысла, они не проявляют ко мне никакого интереса!

Дело кончилось тем, что Наполеон во второй раз бросил свою армию. Как когда-то в песках Египта, торопясь во Францию, чтобы захватить власть. Теперь же он оставил армию, потому что понял: это конец. На его совести была гибель сотен тысяч людей. Но он все еще думал: сейчас соберусь – и верну себе былую славу.

Он и правда феноменально быстро собрал 200-тысячную армию. Европейские державы, снова объединившись в коалицию, двигались на Францию, чтобы добить его. Они готовы были и на переговоры. Их устроило бы, чтобы он добровольно согласился вернуть Францию в границы 1792 года.

Он не хотел и слышать об этом. Его девиз – все или ничего. В одном из писем он объяснял, почему должен биться до конца: «… государи, рожденные на тронах, могут быть побиты хоть двадцать раз и спокойно возвращаются в свои столицы. А я солдат, мне нужны честь и слава, я не могу показаться униженным перед моим народом…»

Его армия выросла будто из-под земли и опять прекрасно сражалась. Вновь начало казаться, что у него есть шанс на победу. На самом деле это был шаг к длительной и страшной агонии.

Поворотным пунктом стала так называемая битва народов под Лейпцигом 16–18 октября 1813 года. Страшная бойня! Против французов выступили Александр I, Франц I и Фридрих-Вильгельм III – государи России, Пруссии и Австрии. Наполеон был разбит.

В январе 1814 года он вернулся во Францию, теперь уже с единственной целью – найти выход для себя лично. Он простился с женой и трехлетним сыном. А 6 апреля по настоянию своего окружения подписал отречение. Вот его текст: «Союзные державы провозгласили, что Император Наполеон – единственное препятствие к восстановлению мира в Европе. Император, верный своей присяге, заявляет, что отказывается от себя и от своих наследников от престолов Франции и Италии, будучи готовым

пожертвовать всем, и даже собственной жизнью для блага Франции». Конечно, это жест, красивая поза. Не этому ли учил Наполеона актер Тальма?

Игра была убедительной. После отречения Бонапарт принял большую дозу опиума, который со времен русской кампании всегда имел при себе. Вероятно, он хотел умереть, но остался в живых. Отныне он никто, отрекшийся император.

В сентябре 1814 – июне 1815 года, когда союзные войска были в Париже, состоялся Венский конгресс. Он прошел под лозунгом легитимизма – возвращения законных государей Европы. По сути он восстанавливал феодальную систему. Было принято решение и о бывшем императоре французов – отправить его в ссылку на остров Эльба.

На маленьком острове, в 12 километрах от берегов Италии и в 50 километрах от Корсики, Наполеон провел не очень много времени, с 4 мая 1814 по 26 февраля 1815 года. В решении сослать его туда был очевидный оттенок издевательства и насмешки. Площадь острова – 223 квадратных километра, население – меньше 20 тысяч человек. Здесь оказался тот, за кем сохранили титул императора. Ему будто говорят: вот и управляй Эльбой. Пусть под твоим руководством местные крестьяне выращивают оливы, инжир и виноград.

Интересно, что сначала Наполеон стал активно обустраивать Эльбу. Он нашел новый источник, улучшил водоснабжение, занялся ремонтом дорог в своем крошечном государстве. К нему приехала мать, затем сестра Полина, образовался маленький двор, даже стали поговаривать о создании театра. Но пожалуй, это была завеса, которую он создал для победителей. А сам вел тайную переписку с теми, кто должен был помочь ему взять реванш.

И он попробовал это сделать! У него были 1100 солдат и офицеров, среди которых 14 человек из старой гвардии. С ними он и высадился 1 марта 1815 года на юге Франции. Похоже было, что его счастливая звезда засияла вновь. Его небольшой корабль прошел по морю незамеченным, как некогда у берегов Египта.

Начался период, который вошел в историю под названием «Сто дней». Точнее – чудо ста дней. Бонапарт, безоружный, шел впереди своего маленького войска. Народ Франции, недовольный правлением вернувшихся Бурбонов, встречал его восторженно. А он опять вел себя как революционер. Известна его фраза: «Я повешу на фонарях предателей и изменников». Слова якобинца! «Аристократов на фонарь» – девиз Великой Французской революции времен якобинской диктатуры. Казалось, император-революционер сейчас вооружит народ. Именно это предлагал,

например, генерал Карно. Это означало бы подъем новой революционной волны.

Трудно сказать однозначно, почему Бонапарт этого не сделал. Вероятнее всего, потому что он уже был сформировавшимся монархом. А монархи народ не вооружают.

Дойдя до Парижа, Наполеон опять водворился во дворце Тюильри. Начались бесконечные совещания и довольно пышные приемы. Император не видел, что вокруг него почти одни изменники. Например, Талейран давно уже стал агентом Российской империи, а министр полиции Фуше просто предавал его на каждом шагу.

Наполеон предателей на фонарях не вешал, он простил практически всех. И вел себя как слепец. Набрал армию и в июне отбыл на поля сражений против коалиции. 18 июня 1815 года произошло сражение у никому не известной тогда деревушки Ватерлоо в Бельгии. Это было поражение, разгром, гибель наполеоновской армии.

Английские историки приписывают победу полководческому дару герцога Артура Веллингтона. Но прямых доказательств его стратегического таланта нет. Исход сражения был предопределен скорее тем, что произошло с корпусом наполеоновского генерала Груши. Он заблудился!

Груши преследовал отступавший корпус фельдмаршала Блюхера. Тот совершил маневр и вернулся на поле сражения. К этому времени силы Веллингтона были на исходе. Бонапарт настолько не сомневался в победе, что послал в Париж гонцов с радостным известием. Веллингтон говорил: «Блюхер или смерть». И тот прибыл со своим 30-тысячным корпусом. Когда он появился на фланге,

Бонапарт ничего не понял. Он думал, что идут ему на помощь. Мундиры, показавшиеся ему темно-синими, были черными, прусскими.

Начался разгром. И только французская гвардия, построившаяся в каре, не сдавалась. Ветераны Бонапарта верили в него, и это делало их непобедимыми. Они восхитили противников. Англичане предложили им сдаться. Известен ответ генерала Камброни. Сначала он произнес не вполне цензурное слово, а затем добавил знаменитое: «Гвардия умирает, но не сдается!» Ни один гвардеец не признал себя побежденным. Почти все они погибли, расстрелянные из пушек.

После этого фиаско Бонапарт метался, ища убежища. Ему предлагали бежать в Америку или уйти в подполье. Но он принял самое удивительное и неожиданное решение – добровольно сдаться англичанам. Он рассчитывал на механизмы английского

правосудия, очень сложные и запутанные. Ему казалось, что его будут судить бесконечно долго, а значит, он будет заметен.

Все произошло иначе. Было принято решение опять отправить его в ссылку. На этот раз – на остров Святой Елены, под контроль английской администрации с представительством от других держав.

Остров Святой Елены – английская колония, крошечное скальное образование. Его длина – 19, ширина – 13 километров. Ближайший бере – африканский, на расстоянии 2 тысячи километров. На острове было множество кратеров потухших вулканов. И Наполеон оказался среди них, как потухший политический вулкан.

Английский губернатор генерал Лоу очень боялся новых ста дней и поэтому создал предельно строгий режим и всячески издевался над узником. По всему берегу были расставлены пушки. Губернатор бесконечно просил у правительства: дайте еще пушек для обороны Святой Елены. Ходили слухи, что найдется эскадра тайных сподвижников Наполеона, которые высадятся на острове и отобьют непобедимого императора. Он при жизни, когда ему не было и 50 лет, начал превращаться в символ, в собственный дух.

Бонапарт не был помещен в застенки. При нем находился генерал Ласкас, отправившийся с ним добровольно и записывавший каждое его изречение. Позже он выпустил две книги: сборник максим Наполеона и рассказ о нем. На крошечном островке императору было невыносимо, безнадежно грустно. К тому же ему подсыпали яд, и в конце концов он умер от отравления. Современная наука установила это с помощью анализа его сохранившихся волос.

Он скончался 5 мая 1821 года и был похоронен там же, на острове Святой Елены. Но в 1840 году перезахоронен в Париже, в Доме инвалидов, где и сейчас находится его прах.

Стихотворение М.Ю. Лермонтова, написанное в том же году, отразило его образ как вечный символ непокорности и величия:

Есть остров на том океане —
Пустынный и мрачный гранит;
На острове том есть могила,
А в ней император зарыт.

Зарыт он без почестей бранных
Врагами в сыпучий песок,
Лежит на нем камень тяжелый,
Чтоб встать он из гроба не мог.

На берег большими шагами
Он смело и прямо идет,
Соратников громко он кличет
И маршалов грозно зовет.

Но спят усачи-гренадеры —
В равнине, где Эльба шумит,
Под снегом холодной России,
Под знойным песком пирамид.

И маршалы зова не слышат:
Иные погибли в бою,
Другие ему изменили
И продали шпагу свою.

Лермонтов переложил стихотворение австрийского поэта Иосифа Зейдлица, участника войны 1809 года, формально – врага Бонапарта. Да и сам Лермонтов – из страны, с которой император французов так жестоко воевал. Как удивительны превращения человеческого духа, сознания и воображения!

Наполеон остался в истории не только как реальный человек с конкретной биографией. В его личности воплотились идеи, веками волнующие человечество. Революционная юность и мечта о всеобщем равенстве. Стремительный взлет на вершину политического и военного могущества. Наконец, несчастная судьба… Есть что-то величественное в этой сохраняющейся симпатии к Наполеону, в вечной романтизации его образа.

Бенджамин Франклин. Лицо американской революции

Для некоторых не очень просвещенных людей Бенджамин Франклин – лицо на стодолларовой купюре. Если же говорить серьезно, он – лицо американской революции. Человек, воплотивший в себе новую нацию в процессе ее рождения, в период войны за независимость США в 1775–1783 годах. И первый дипломат, представлявший Соединенные Штаты в Западной Европе.

Враг Великобритании, один из тех, кто отколол от нее крупнейшие 13 колоний. При этом интересно, что в 2006 году в Лондоне в честь 300-летия Франклина в единственном уцелевшем доме, когда-то ему принадлежавшем, был открыт его музей. Английское правительство потратило несколько миллионов фунтов стерлингов на увековечение памяти человека, некогда заклятого врага Британии. Через многие годы стало ясно, распад Британской империи, которому, как мог, способствовал Франклин, пошел Англии на пользу.

Но Франклин не только политик. Он современник Ломоносова и тоже крупный ученый середины XVIII века, ставший членом Российской академии наук. И это при том, что он имел всего два класса образования. О таких людях сегодня принято говорить «селф-мейд» (сам себя сделавший).

Гуманист, враг рабства, расположивший к себе интеллектуалов даже во враждебной Англии. Человек, чьи недостатки были очевидным продолжением достоинств. Великий острослов Марк Твен не любил Франклина за морализаторство. Но это было морализаторство, основанное на глубоком убеждении.

Восемьдесят четыре года жизни. И только в возрасте семидесяти семи лет он оставил политическое поприще, чтобы провести остаток жизни в кругу семьи.

Франклин родился 17 января 1706 года в Бостоне, маленьком, очень грязном захолустном городке с населением примерно пять тысяч человек. Через много лет, видимо вспомнив детство, Франклин всерьез занялся чисткой американских городов.

Отец, Джозайя Франклин, владел мастерской по изготовлению мыла и сальных свечей. Он был родом из графства Нортгемптон в Северной Англии. В 1683 году вместе с первой женой и тремя детьми он бежал в Америку от религиозных

преследований.

Родители и другие родственники Бенджамина были людьми незаурядными. Например, один из его дядюшек, будучи красильщиком шерсти, писал стихи. В семье высоко ценили духовную свободу. Со временем сам Франклин твердо стал на позиции деизма, течения, не присоединившегося ни к одной официальной конфессии. Он полагал, что бог сотворил мир, но после этого в дела мирские не вмешивается. Поэтому человек должен все решать сам. Многие современники считали Франклина безбожником, хотя это было вовсе не так.

Детство Франклина – это малоприятные запахи мыловарни. Занятие отца было не очень почетно, но относительно доходно. А денег требовалось много: семья была многодетная. Семеро детей от первого брака и еще десять – от второго, с Абиа Фолгер. Бенджамин (или Вениамин, от латинского VENIA – милость, благодеяние) был 15-м ребенком в семье. И последним сыном: после него родились две его сестры.

В мемуарах Франклин с удовольствием вспоминал, как много народу собиралось обычно за домашним столом. За едой, довольно скудной, велись важные разговоры, как правило на темы морали. На всю жизнь у Франклина осталась эта привычка – совершенно не замечать, что он ест. Для него это никогда не имело значения, хотя с годами он сделал головокружительную карьеру и ему доводилось обедать и с маркизами, и с королями. Франклин ценил не еду, а общение во время трапезы.

Еще одна детская привычка – чтение. Франклин писал, что он не помнил себя не умеющим читать. К моменту, когда отец отдал его в школу, восьмилетний Бенджамин уже умел читать.

Надо сказать, Джозайя Франклин не стремился передать младшему сыну свое мыловаренное ремесло. Он видел способности мальчика, его тяготение к интеллектуальным занятиям и мечтал о том, чтобы тот получил хорошее образование. В те годы в американских колониях Великобритании человеку из небогатой семьи шанс выйти в интеллектуалы давала карьера священника.

С таким расчетом отец и отправил Бенджамина в относительно престижную для Пенсильвании Ерамматическую школу. Мальчик проучился там год, делая большие успехи в каллиграфии и чтении. Но у него не было никаких успехов в математике. Он освоил ее позже и совершенно самостоятельно.

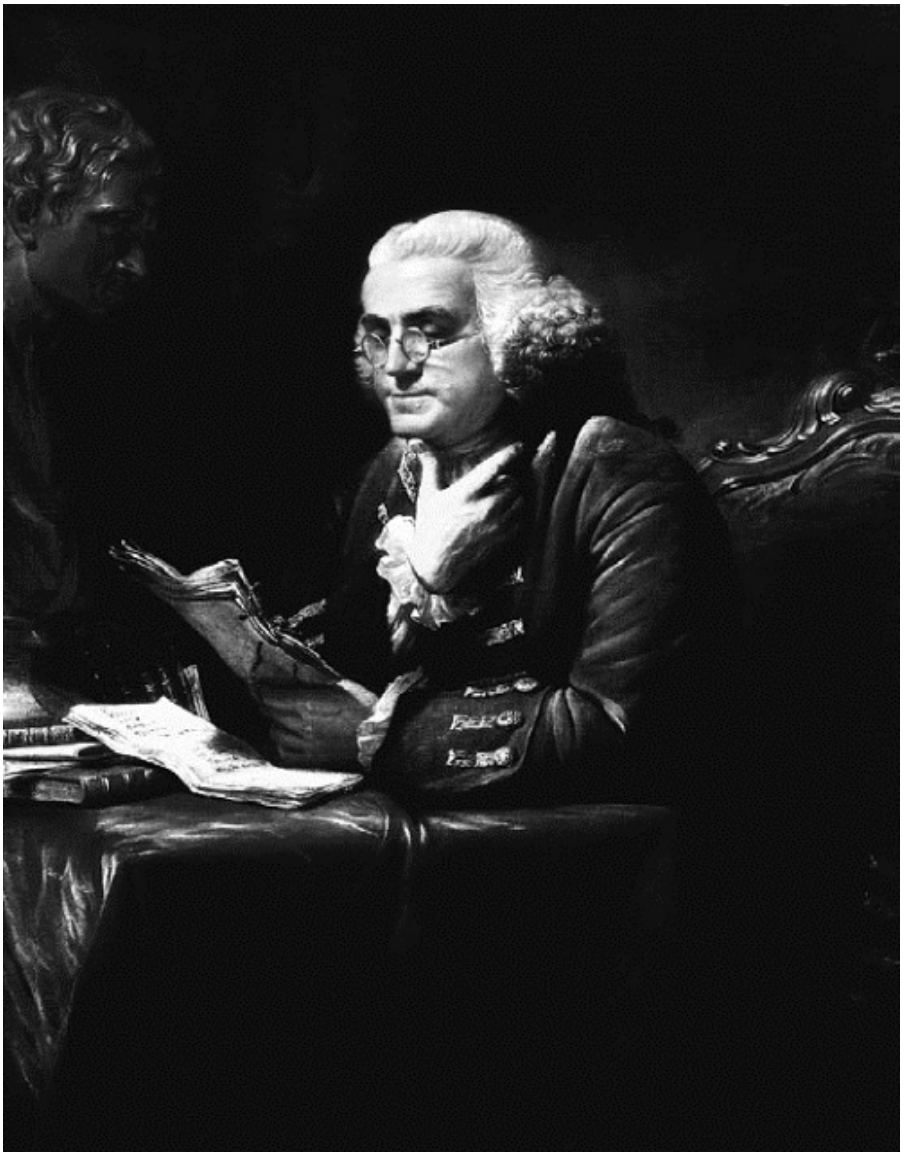
Через год стало ясно, что отец не в состоянии платить за обучение сына в Грамматической школе. Пришлось перейти в более дешевую – Школу письма и арифметики. В 10 лет Франклин окончил ее и больше никогда нигде не учился. Он

начал работать в мастерской отца. Мальчику давали разные мелкие поручения и лишь иногда доверяли самому изготовить свечу.

Все задания Бенджамин выполнял с удивительной добросовестностью, которая отличала его и потом, в течение всей жизни. Все, за что он брался, независимо от того, нравилось ему или нет, он делал хорошо и основательно.

Мыловаренное ремесло его не увлекало. Его настоящей страстью было море. Живя на побережье, он мог подолгу наслаждаться красотой моря. Была и еще одна страсть – чтение. Бенджамин читал все больше и больше. И очень страдал от дефицита книг. Не удивительно, что именно он, став зрелым политиком, создал первую американскую публичную библиотеку. А в детстве и юности книги ему приходилось добывать с большим трудом. Так, Франклин познакомился с одним купцом, у которого были книги, и брал их почитать на ночь, обещая не помять и не испачкать. Глотая книгу за одну ночь, юноша еще не знал, что формирует собственную личность.

В 12 лет Бенджамина отдали в обучение к старшему сводному брату Джеймсу, у которого была своя типография. Это была большая удача. Здесь Франклин обрел первое поприще, на котором мог чего-то достигнуть и быть счастливым. И это несмотря на кабальный договор: восемь лет работы в типографии без жалованья.



Давид.
Бенджамин Франклин. 1767 г.

Но даже живя в нищете, все копейки, которые у него были, Франклин тратил на книги. В 12 лет он уже прочел «Опыт о человеческом разуме» Джона Локка, к которому впоследствии не раз возвращался. Затем увлекся Плутархом. Поглощенный античной литературой и историографией, Бенджамин целенаправленно овладевал приемами сократического разговора – учился вести беседу о сложных философских проблемах и ставить точные вопросы, помогающие найти ответ.

Кроме того, Франклин самостоятельно изучал языки. Освоил

французский настолько, что говорил на нем совершенно свободно, а еще знал итальянский, испанский и латынь. В нем сочетались выдающиеся способности и выдающееся усердие.

В 1721 году, когда ему было 15 лет, его брат начал издавать журнал. И Бенджамин тайно, меняя почерк, стал писать туда статьи. Эти анонимные тексты принесли изданию успех. Но когда секрет раскрылся, брат, вместо того чтобы выразить благодарность, видимо из черной зависти, устроил ему грубую сцену. На сторону старшего встал и отец, считавший, что младший сын проявил неуважение к семейным традициям. У Бенджамина было острое чувство собственного достоинства. Поэтому он разорвал договор и ушел буквально ни с чем.

Плохо одетый, совершенно нищий, он перебрался на каком-то суденышке в Нью-Йорк, где не нашел никакой работы, а оттуда – в Филадельфию. Она и стала городом его жизни.

В мемуарах Франклин вспоминал о том, как, качаясь от голода, он пошел купить себе какую-нибудь булку. И выяснилось, что хлеб в Филадельфии дешевле, чем в Бостоне! Как же был счастлив голодный юноша, которому дали целых четыре булки! Он ел на ходу – ив эту минуту его увидела с балкона его будущая жена. Она улыбнулась забавному юноше с булкой. А он просто прошел мимо. У него остался кусок хлеба, и он отдал его женщине с ребенком, которая приплыла на том же суденышке и была в такой же крайности, как он сам.

В Филадельфии Франклин опять устроился рабочим в типографию. И довольно скоро стал известен как семнадцатилетний мудрец. Он был настолько начитан и умен, что люди тянулись к нему, любили с ним разговаривать. Молва была такой громкой, что Франклином заинтересовался губернатор Пенсильвании Уильям Кейт – английский чиновник, хитрый и склонный к авантюризму. Он решил воспользоваться талантами юноши и предложил ему отправиться в Англию, чтобы там усовершенствовать свое типографское мастерство. Обещал дать рекомендации и деньги. Все это оказалось обманом. Как выяснилось, у Кейта была очень плохая репутация. Его рекомендации ничего не стоили. У всех, к кому Франклин обратился, он получил отказ.

Но Бенджамин не растерялся и не пропал. Он устроился в одну типографию, потом в другую. Всего он провел в Лондоне два года, с 1724-го по 1726-й. И действительно обрел высочайшую квалификацию, ведь типографское дело в метрополии было поставлено гораздо лучше, чем в колониях.

Здесь Франклин написал первую книжку с наивным, очень в духе XVIII века названием – «Рассуждение о свободе и

необходимости удовольствий и страданий». Она вышли анонимно, маленьким тиражом, который Бенджамин сам раздавал друзьям и знакомым. Тем не менее книга произвела впечатление. Многих заинтересовал этот типографский рабочий, который в неполные 20 лет рассуждал на уровне маститых мыслителей французского Просвещения.

Вернувшись в Филадельфию, Франклин с 1727 по 1728 год работал в типографии некоего Краймера. В этот период юноша составил план морального самосовершенствования. Он выбрал 13 добродетелей, расставил их по номерам и написал, как он их понимает. Более того – он дал себе клятву каждый день отмечать, соблюдал ли он эти добродетели. Даже вычертил специальный график.

Формулировки звучали, например, так: «Бережливость (добродетель номер пять). Позволяй себе только те расходы, что принесут пользу другим или тебе самому; ничего не растрачивай попусту. Справедливость (номер восемь). Никогда не обижай людей, причиняя им зло или не делая добра, как велит долг. Чистоплотность – добродетель номер десять. Не допускай ни малейшей грязи ни на себе, ни в одежде, ни в доме». Последняя же по счету «заповедь Франклина», Кротость, звучала так: «Следуй примеру Иисуса и Сократа».

На первый взгляд эти принципы кажутся очень простыми и наивными. Но люди тянулись к незаурядному юноше. Работая в типографии Краймера, он организовал то, что сам называл «хунтой». Это был философский просветительский кружок, который, с согласия хозяина, собирался по пятницам в типографии. Хозяин не возражал, потому что участники кружка не пили алкоголя. Франклин глубоко презирал спиртное и считал, что люди, которые тратят время и здоровье на пиво, глубоко заблуждаются.

Задачей кружка было нравственное совершенствование его участников. Из их общения исключались такие слова, как «конечно, несомненно». Они были заменены выражениями «я полагаю», «мне так кажется в данный момент». В конце жизни, работая над мемуарами, Франклин отметил, что приобретенный тогда навык сыграл колоссальную роль в его будущей дипломатической деятельности. Он писал: «Думаю, что этой своей привычке вот так изъясняться после моего качества честности я больше всего обязан тем, что мои соотечественники столь рано стали считаться с моим мнением, а также с моим большим влиянием в общественных советах, куда меня избирали, ибо я был плохим, некрасноречивым оратором, затруднялся в выборе слов, говорил не очень правильно. И, несмотря на это,

обычно проводил свою точку зрения». Очень трезвый самоанализ! Франклин жил в эпоху, прославившую ораторов революции. Был не слишком красноречив, но сделал блистательную карьеру.

В его жизни вообще множество подобных противоречий. Например, именно у него, человека совершенно неромантического, простоватого морализатора, была возвышенная и трогательная история любви. Первого сентября 1730 года Франклин женился на той самой Деборе Рид, которая когда-то улыбнулась ему, нищему юноше с булкой. Познакомившись, они сразу очень понравились друг другу и перед отъездом Бенджамина в Лондон обручились. Однако после этого Франклин почти два года не давал о себе знать. Он совершенно отвлекся. И вовсе не на других девушек. Его поглотила интеллектуальная жизнь Лондона.

Дебора сочла себя забытой, и родственники уговорили ее выйти замуж за некоего Роджерса, который оказался сущим мерзавцем. Он промотал все деньги, залез в долги и бежал от неприятностей на Антильские острова – место каторги и ссылки. Может быть, он и собирался там что-то заработать, но вскоре умер. Вернувшийся тем временем из Англии Франклин вновь сделал Деборе предложение, и оно было принято. Всю жизнь потом он благодарил бога за то, что у него такая жена, и корил себя за то, что чуть было не потерял ее навсегда.

В 1729 году у Франклина появилась собственная типография. Он нашел человека, который вложил свой капитал в это предприятие. Со временем Франклин вернул долг. С его желанием и умением работать он быстро богател. Помогла, конечно, и женитьба: Дебора была из зажиточной семьи.

В общем, все шло хорошо. Франклин получил подряд на печатание банковских билетов в штате Нью-Джерси. Кстати, этот опыт позволил ему написать трактат о бумажных деньгах, высоко оцененный потом Карлом Марксом. Кружки-хунты распространялись по американским колониям. Они дали начало сети публичных библиотек по подписке. Это сыграло важную роль в интеллектуализации этих, поначалу очень провинциальных, сельских владений Англии.

Укреплялась и репутация Франклина-мыслителя. Он сделался общественным человеком. В 1736 году был избран секретарем Законодательного Собрания Пенсильвании, а в 1737-м – в Ассамблею провинции и назначен почтмейстером Филадельфии. Это очень большая должность. От работы почты в те времена, в особенности при наличии у Англии заморских колоний, зависела вся система контроля и управления. Почта была важнейшим нервом, связующим колонии и метрополию.

Франклин очень дорожил этой должностью. После одного неприятного эпизода он был от нее временно отстранен и очень от этого страдал. А позже он стал главным почтмейстером союзных колоний.

К этому времени Франклин, с двумя классами образования, обрел славу ученого. Его увлекали опыты с электричеством. Это было модно, но не все достигали в своих экспериментах подобных успехов. Поначалу занятия Франклина имели салонный оттенок: он устраивал представления в салонах богатых людей. Но от развлечения он перешел к науке. В 1750-х годах он составил подробный доклад о результатах своих опытов. Сделал вывод о родственности электричества и молнии. И изобрел громоотвод. Это изобретение заметили не сразу, но со временем оно зазвучало по всему свету очень громко. Его признала Королевская Академия в Англии.

Кроме того, Франклин усовершенствовал систему электрического освещения. Изобрел он и знаменитый камин Франклина, позволивший лучше отапливать помещения в его любимой Филадельфии. А живя в Англии, придумал бифокальные очки, при помощи которых можно было и читать книгу, и смотреть вдаль. Он вообще был силен в прикладной науке.

Не кто иной, как Франклин предложил переход на летнее время. Он считал, что это позволит экономить дрова. А принято такое решение было в США только во время Первой мировой войны, чтобы экономить горючее.

Его сочинения составляют 40 томов. Он написал труды в области метеорологии, теории кораблестроения, духовой музыки. Настоящий энциклопедист, достигший ранга ученого путем самообразования.

Для Филадельфии Франклин сделал чрезвычайно много. Он был удивительно практичным человеком, склонным к применению любого научного изобретения в повседневной жизни людей. У него была простая мысль: надо заботиться о повседневных удобствах. Людям нужны безопасность, тепло, свет, чистота. Например, он создал вольную команду пожаротушения и добился сокращения числа пожаров. В Филадельфии, прежде утопавшей в грязи, были сооружены тротуары. Открылась первая общественная больница. Франклин был человеком без гонора, без белых перчаток на руках. И когда понадобилось, увлеченно занимался и проблемой очистки города, и совершенствованием дорог. Он понимал, что это необходимо, а значит, достойно. И позже, став всемирно известным ученым и политиком, он не брезговал простыми житейскими вопросами.

Высоко ценил Франклин и просвещение. Он стал

инициатором создания Пенсильванского университета, который был открыт в 1751 году. Когда же ему предложили возглавить университет, он отказался, помня все-таки, что не имеет серьезного образования. Кстати, в эпитафии, которую Франклин в 23 года сочинил для собственной могилы, он называл себя всего лишь типографским наборщиком.

В 1754 году по инициативе Англии был созван первый Конгресс представителей колоний в Олбани. Выступая там, Франклин предложил создать союз колоний – прообраз будущих Соединенных Штатов. Революционером он не был – но стал сторонником революции.

А в 1755 году Франклин побывал даже полковником милиции. Слово «милиция» означает в данном случае – ополчение, защищающее границы Пенсильвании. Во время войны между Англией и Францией, когда французам удалось заключить мир с местными индейскими племенами, Пенсильвания подвергалась страшным индейским набегам. Уничтожались целые деревни. И Франклин, не имевший никакого вкуса к военной карьере, стал руководить самообороной. Это решение стоило ему ровно половины немалого уже состояния. Генерал, который получил от него личные средства на оборону Пенсильвании и дал ему расписку, погиб, и деньги не были возвращены.

Постепенно Франклин продвигался по карьерной лестнице внутри колониальной английской администрации. Он не был в ту пору врагом англичан и долгое время считал, что можно мирно договориться с метрополией, с английским королем Георгом III. В действительности с этим человеком никому не удавалось договориться, так как он проводил крайне негибкую, недальновидную политику в отношении американских колоний.

Но Франклин во время следующего долгого пребывания в Англии – с 1757 по 1762 год – делал все, чтобы мирно разрешить противоречия. Он пытался добиться, чтобы Англия предоставила колониям больше автономии и не грабила их беспощадными налогами. Но его предложения не находили отклика у британских властей. Бездарные ставленники Георга III не желали понимать, что приближался распад Британской империи.

В последующие годы недоброжелатели обвиняли Франклина в том, что он слишком долго придерживался мирной тактики в переговорах с англичанами. Но ведь это так понятно: он не хотел крови, не хотел того ужаса, который непременно несет в себе революция. «Восстания нет, – говорил он. – Но его создадут».

Что было бы, если бы Англия пошла на радикальное снижение налогов и таможенных пошлин, если бы вступила с колониями в продуктивные переговоры? Безусловно,

Соединенные Штаты все равно бы образовались. Но позже и, может быть, меньшей кровью.

Но понимания не было. И спокойный, лояльный Бенджамин Франклин начал поворот в сторону революции. Он писал талантливые памфлеты в защиту американских колоний, демонстрируя прекрасный литературный стиль. Их читала вся интеллектуальная Англия. Причем Франклин никогда не призывал к кровавой борьбе.

А крах империи приближался. Знаком начала американской революции стало так называемое Бостонское чаепитие 1773 года. Тогда в Бостоне, родном городе Франклина, противники высоких пошлин, переодевшись индейцами, прорвались на корабли, стоявшие в порту, и сбросили в море весь привезенный из Англии чай. С этого момента в колониях началась кампания против употребления чая, который там очень любили.

В 1776 году, когда на втором Континентальном конгрессе – съезде депутатов от 13 североамериканских колоний – была подписана Декларация о независимости США, Франклину уже исполнилось 70 лет. Семидесятилетний революционер и крупный политик – фигура не типичная, немассовая. У многих в этом возрасте активная политическая жизнь заканчивается. У него же она была в разгаре. Он участвовал в составлении Декларации независимости вместе с другими отцами-основателями США, в том числе Джорджем Вашингтоном и Томасом Джефферсоном. Именно Франклин настоял на том, чтобы все участники Конгресса подписали Декларацию и проголосовали за нее.

Поворот к революции давался Франклину вовсе не просто. В 1774 году он овдовел: Дебора очень тосковала во время длительной разлуки, когда муж был в Англии, и умерла, не дождавшись его. А через два года возник еще и конфликт с сыном. У Франклина был незаконнорожденный сын Уильям, появившийся на свет еще до женитьбы отца. Франклин много делал для него, продвигал его в жизни. В 1776 году Уильям занимал должность губернатора Нью-Джерси – и выступил против Декларации. Он принадлежал к числу лоялистов – тех, кто выступал за сохранение лояльного отношения к законному правительству. А законной была власть английского короля. Любая гражданская война проходит через семью, жестоко разделяя близких. Конечно, Франклину было больно сознавать, что они с сыном так безнадежно разошлись.

После подписания Декларации независимости, в декабре 1776 года, Франклин был направлен только что провозглашенными Соединенными Штатами в Париж. Вместе с ним представлять интересы мятежных колоний должны были

двое его коллег – Ли и Дин, наделенные такими же правами, как и он. К сожалению, они не только не помогали ему, но и во многом вредили.

Франклин прибыл в Париж в составе комиссии по международным делам. Видимо, специально для маскировки был пущен слух, будто на самом деле он приехал во Францию, чтобы отойти от борьбы. Он стар и хочет спокойно дожить остаток дней. Русский посол, князь С.И. Барятинский писал, что, по мнению некоторых, Франклин находится в Париже только для того, чтобы отдать учиться двух своих внуков. Сам же он направляется в Швейцарию и везет с собой золото в слитках на 600 тысяч ливров с намерением купить себе замок.

Правда, князь Барятинский все-таки упомянул версию о том, что Франклин прибыл искать союза с Францией для колоний. Казалось бы, совсем абсурдное предположение! Какие могут быть надежды на союз мятежных колоний с абсолютистской Францией, такой же колониальной державой, как и Великобритания?

Франклин провел во Франции девять лет. Поначалу его миссия складывалась очень трудно, потому что Штаты терпели поражение в войне. Даже талантливому полководцу генералу Вашингтону не удавалось создать армию из ополчения фермеров, то есть, в сущности, из ничего. Американцам противостояла мощная английская военно-колониальная машина, которая имела огромный опыт усмирения бунтовщиков.

Но несмотря на первоначальные неудачи своей миссии, Франклин познакомился в Париже с известными людьми, вошел в их среду, сделался безмерно популярным. Один из русских дипломатов отмечал: «Все только и говорят о Франклине». Среди тех, с кем он встречался, был Вольтер. Великий француз заговорил со знаменитым американцем по-английски, подчеркнув: «Я буду говорить на языке Франклина». Для элегантного XVIII века быть модным – это чрезвычайно важно.

Вольтер и Франклин выступили на заседании Парижской академии наук. Даже недруги признавали, что их появление вызвало шумный восторг. Побывал Франклин и в поместье Вольтера. Там сам хозяин довольно странным образом благословил внука Франклина, сказав: «Люби бога и свободу». Кстати, эти слова в очередной раз свидетельствуют о том, что Вольтера совершенно напрасно называют безбожником. Он был не атеистом, а борцом с католической церковью. И как перекликаются слова Вольтера с призывом Франклина следовать примеру Иисуса и Сократа! Удивительно близки по духу оказались утонченный, изысканный и, конечно, высокообразованный Вольтер и этот самоучка, сын мыловара. Их

объединили любовь к науке и тяготение к свободе.

Франция того времени – это страна не только абсолютистская, но и предреволюционная. В год приезда Франклина до Великой французской революции оставалось 13 лет. Но его главное дело – привлечение достойных людей к идеям революции американской. Привлечение собственной незаурядной личностью.

Именно Франклин рекомендовал Вашингтону молодого поляка Тадеуша Костюшко, обучавшегося в Парижской военной академии. В дальнейшем этот благородный и смелый человек героически проявил себя при Саратоге – в решающем сражении американской революции.

Маркиз Жильбер де Лафайет, пылкий 18-летний юноша, отправился воевать в Америку, видимо, без прямого воздействия Франклина. Когда, овеянный славой героя войны за независимость, он возвратился, то не мог появиться в Париже, потому что участвовал в войне без разрешения королевского двора. Для маркиза это непозволительно. Но суровость позднего французского абсолютизма сильно смягчалась его дряхлостью. Принять к Лафайету строгие меры уже не могли. Он просто остановился подальше от Парижа, в Гавре. И Бенджамин Франклин, воплощавший в себе зарождающуюся американскую нацию, отправил маркизу награду – золотую саблю с дивными гравировками и инкрустацией. Он наверняка потратил на это собственные средства. Это был по-настоящему бескорыстный человек. Его биография ярко доказывает, что деньги отнюдь не обязательно должны ассоциироваться только с черными делами.

Живя во Франции, Франклин встречался или переписывался с мыслителями и будущими деятелями французской революции: аббатом Сийесом; философом Даламбером; журналистом, будущим якобинцем Маратом, который уже создал знаменитый памфлет «Цепи рабства», направленный против абсолютизма. Наконец, Франклину прислал письмо безвестный пока адвокат из провинции Аррас – Максимилиан Робеспьер. Ему пришлось вести дело о громоотводе. Некоторые обыватели считали, что это опасная затея, рассказывали, что некто пострадал, экспериментируя с громоотводом. Сам же Робеспьер стоял на прогрессивных позициях. Адрес Франклина знали все: «Париж. Бенджамину Франклину». И Робеспьер написал ему, что защищал идею громоотвода и что считает его изобретателя самым славным ученым в мире.

Важную роль для успеха миссии Франклина в Париже сыграл драматург, интеллектуал, знаменитый острослов Бомарше. История его отношений с Франклином блестяще описана в

романе Л. Фейхтвангера «Лисы в винограднике». Бомарше сочетал в себе черты просветителя, сторонника свободы личности – и делового человека, не брезговавшего никакими средствами для получения прибыли. Ему очень хотелось поддержать колонии в их борьбе за свободу, но так, чтобы иметь от этого финансовую выгоду. Бомарше создал фиктивный торговый дом «Гарталес и компания». Ни для кого не было секретом, что за фамилия использовалась в названии. Дело в том, что Горацио Гарталес – псевдоним Бомарше. Одряхлевший режим Людовика XVI был не в силах помешать хитрому буржуа Бомарше работать на американскую революцию. Через торговый дом «Гарталес и компания» из монархической Франции в революционную Америку шли денежные средства и оружие. Бомарше и Франклин стали друзьями.

И хотя духовно Франклину были близки совсем другие люди, он ценил деловые качества Бомарше и сотрудничество с ним.

Что же толкало Францию к заключению союза с США?

С одной стороны, потери в недавней Семилетней войне.

По итогам этой войны 1756–1763 годов Франция лишилась таких владений, как Канада, часть Луизианы, Флорида, территории в Индии. Она перестала быть второй по величине и значимости колониальной державой.

Франция стремилась взять реванш у Великобритании. Война Соединенных Штатов за независимость давала Франции прекрасную возможность разбить врага, но не собственными руками.

Кроме того, выбор Франции был во многом предопределен в 1777 году результатами сражения при Саратоге. После этой битвы французский министр иностранных дел сказал, что пора решать вопрос. Стало ясно, что восставшие штаты могут победить – и тогда Франция не закрепит своих почти утраченных позиций на американском континенте.

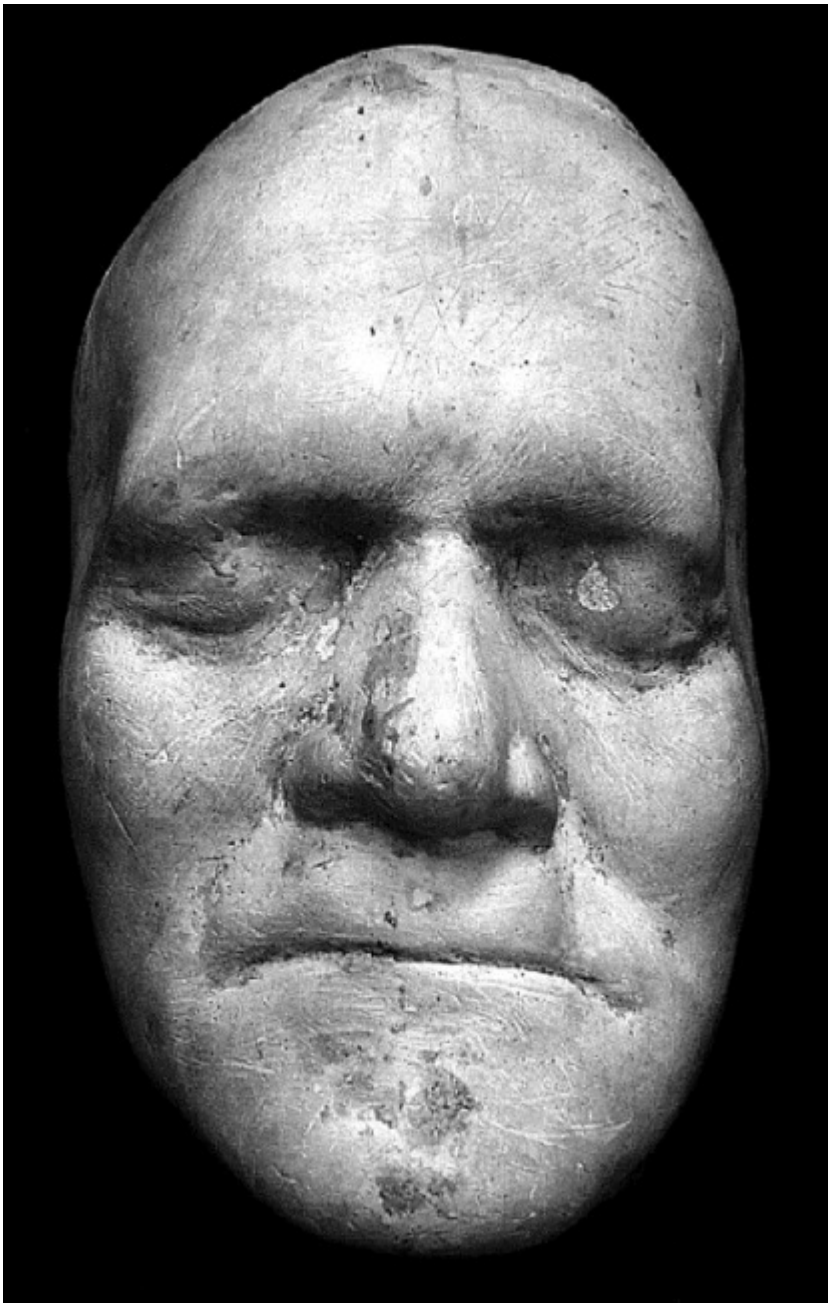
Так что 6 февраля 1778 года были подписаны союзный и торговый договоры между Францией и США. Сам этот факт означал признание нового государства. А 14 сентября 1778 года Бенджамин Франклин стал полномочным представителем США во Франции. Прекратила существование Объединенная комиссия Конгресса, в которой ему так трудно было взаимодействовать со своими партнерами. Им пришлось признать, что Франклин одержал верх.

В эти годы Европу и весь мир волновало, какую позицию займет в отношении Соединенных Штатов Америки монархическая Россия. Лично Екатерина II поддерживала английское правительство и английского короля. Но, как

дальновидная правительница, она избрала политику так называемого вооруженного нейтралитета. Объявив о нем, Россия подорвала господство английского военного флота.

Союз между США и Францией и позиция России подтолкнули возникновение антианглийской коалиции. К ней присоединились Испания и Голландия. Появление Лиги вооруженного нейтралитета нанесло удар по владычеству Англии на морях.

Франклин приобрел большую известность в России. Екатерина II, писавшая о Радищеве, что он бунтовщик хуже Пугачева, заметила в его книге положительный отзыв о Франклине. Но она не была настроена однозначно против Франклина. Императрица была человеком просвещенным, а Франклин был энциклопедической личностью, символом Просвещения. И хотя личные контакты Екатерины с Франклином – посланцем бунтовщиков – были невозможны, она не объявляла ему войны.



Посмертная маска Бенджамина Франклина

Екатерина была достаточно умна, чтобы закрывать глаза на многочисленные упоминания Франклина-ученого в русских газетах. Он прославился как исследователь электричества, о нем одобрительно отозвался М.В. Ломоносов. Наконец, в 1779 году, после заключения союза между США и Францией, Франклин был

единогласно избран членом Российской академии наук.

Этому решению всячески содействовала подруга Екатерины II Екатерина Дашкова. В ответ Франклин включил ее в Американское философское общество. Женщина – член философского общества – редкое явление для XVIII века.

В Париже Франклин встречался с писателем Д.И. Фонвизиным. Впечатление было взаимно благоприятным. Начиная с 1778 года произведения Франклина начали переводиться на русский язык. Самым популярным был «Альманах бедного Ричарда». А в 1791 году была опубликована в переводе на русский язык автобиография Франклина, которую хвалил сам Карамзин, а вслед за ним, уже после смерти Франклина, оценил и Пушкин. Это действительно очень искренняя, трогательная книга, страницы которой заполнены воспоминаниями о прекраснейших, достойнейших людях. И это очень показательно. Скажи, как ты отзываешься о людях, и я многое скажу о тебе…

Воспоминания Франклина характеризуют его как предельно скромного человека. О некоторых важных деяниях он говорит так: «Мне приписали этот проект. Это не я! На самом деле его готовил такой-то достойнейший человек, а я ему только помогал».

Еще одна важная миссия Франклина в Париже – тайные переговоры с Англией. Их вел с представителем мятежных колоний специальный уполномоченный английского правительства Освальд. Положение Великобритании было очень тяжелым. Признать утрату американских колоний означало признать начало распада великой колониальной империи. Переговорный процесс шел пять лет и завершился подписанием Версальского мирного договора 1783 года. То, что Англия признала независимость колоний, можно уверенно назвать дипломатическим подвигом Бенджамина Франклина. По тому же договору Франция получила Сенегал и Тобаго, а Испания – Прован, Минорку и часть Флориды. И даже Людовик XVI, считавший американцев бунтовщиками, был доволен достигнутым результатом. А Франклин, кстати, всегда утверждал, что Франция выиграет от союза с Соединенными Штатами. Вообще признание США в Европе знаменовало начало новой эпохи в мировой истории.

При этом еще в разгар переговоров, в 1781 году, он просился в отставку, объясняя свое желание так: «Мои умственные способности, кажется, не ослабели. Очевидно, я узнаю об этом последним. Но я чувствую, что слабею физически. Я опасаюсь, что наши интересы могут пострадать из-за этого». У Франклина была и конкретная кандидатура на должность посла. Но Конгресс США

75-летнему Франклину первоначально в отставке отказал.

Франклин полюбил Париж. Но он отдал столько сил своей родине, что не мог не вернуться туда. В Соединенных Штатах он был встречен восторженно. Впереди у него было еще одно важное, знаковое деяние – он поставил свою подпись под Конституцией США.

Единственный из отцов-основателей, Франклин подписал все три документа: Декларацию о независимости, Версальский договор и Конституцию.

Последние годы он провел в кругу семьи. И казалось, забыл о великих борениях. Но нет! За 25 дней до смерти Франклин направил в Конгресс письмо об отмене рабства. Он успел принять участие в первых шагах еще совсем слабого в тот момент движения аболиционизма, которому предстояло в конце концов победить. Франклин обращался к Конгрессу США от имени аболиционистского общества Пенсильвании. Потом такие общества возникли по всей стране.

«Рабство, – говорилось в письме, – это жестокое унижение человеческой природы. Несчастный человек, с которым долго обращались как с животным, очень часто опускается и не имеет человеческого достоинства. Тягостные цепи, которые связывают его тело, сковывают его умственные способности и ослабляют общественную привязанность его сердца». Элегантно и сентиментально – в стиле XVIII столетия. Впереди была вторая американская революция, новая гражданская война – и та поправка в Конституции, которой Франклину не удалось добиться. До отмены рабства, состоявшейся в 1864 году, оставалось еще больше 70 лет. А Франклину в отношении рабства все было ясно. Свою первую статью против рабства он написал в 1751 году, почти за 40 лет до этого.

Бенджамин Франклин умер в 1790 году. Ушел из жизни совершенно не склонный к агрессии и воинственности человек, ставший особым, интеллектуальным революционером. Почти все свои деньги он завещал не внукам, а штату Пенсильвания на обустройство больниц и школ, причем получить средства следовало через 200 лет, когда образуются крупные проценты. Он, как всегда, произвел точный расчет.

А своему товарищу по революции Джорджу Вашингтону Франклин завещал посох из дикой яблони, с которым не расставался в последние годы жизни. И Вашингтон хранил этот посох до конца своих дней. Первый президент США, как и его друг Франклин, был высоконравственным человеком, которого не смогло одолеть губительное влияние власти. Американский опыт заставляет думать о том, как важно, когда у истоков

национальной истории стоят достойные люди.

Перед смертью Франклин сожалел об одном – что наука его времени еще не достигла таких возможностей, чтобы человека умирающего заморозить на время, а, например, через 100 лет оживить и дать посмотреть, что получилось. Трудно сказать, как воспринял бы Франклин то, что через 100 лет он будет смотреть на весь мир со 100-долларовой банкноты…

Иллюстрации

Бюст Нефертити.
Новый музей Берлина

Эхнатон в синей короне.
Египетский музей

Эхнатон, Нефертити и три их дочери под лучами Атона. Амарна

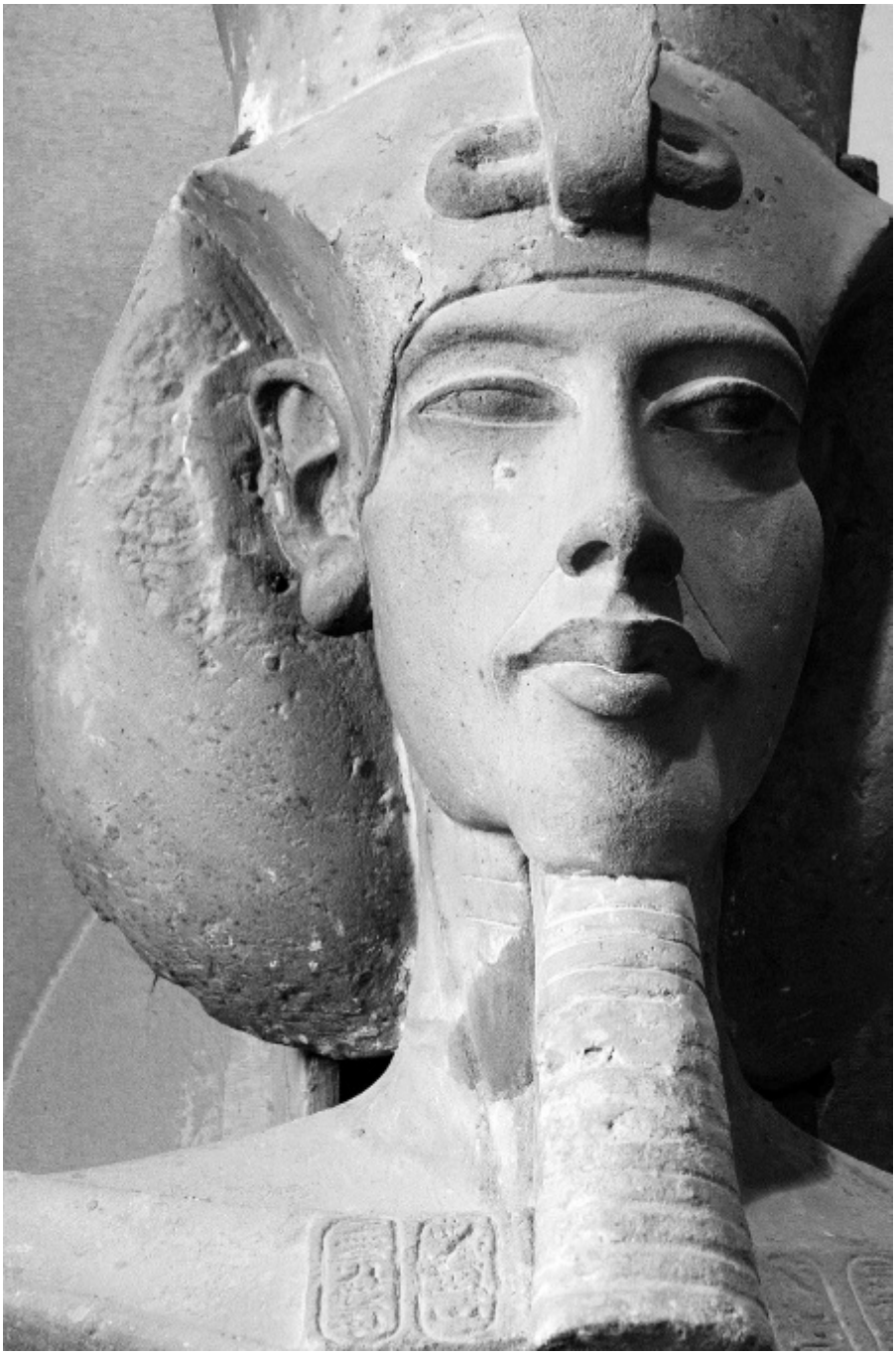
«Книга мертвых» Фрагмент папируса.
Новое царство

Клеопатра в окружении богов Египта. Рельеф

Эхнатон подносящий дары Атону Рельеф. Амарна

Тутанхамон и его супруга Анхесенпаатон, дочь Эхнатона. Амарна

Золотая погребальная маска Тутанхамона.
Египетский музей



Эхтатон.
Статуя из амарнского храма Атону

Бог Ра в солнечной барке.
Рельф храма в Дендера

Тронное кресло Тутанхамона

Скифы. Рельф с гробницы Александра Великого

Александр Великий.
Мозаика. Помпеи

Аристотель и Александр.
Гравюра.XIX в.

Александр Македонский.
Бюст. I в. н.э.

Тийя, мать Эхнатона.
Египетский музей

Аргиппина,
Мать Нерона. I н.э.

Нерон и Агриппина.
I в. до н.э.

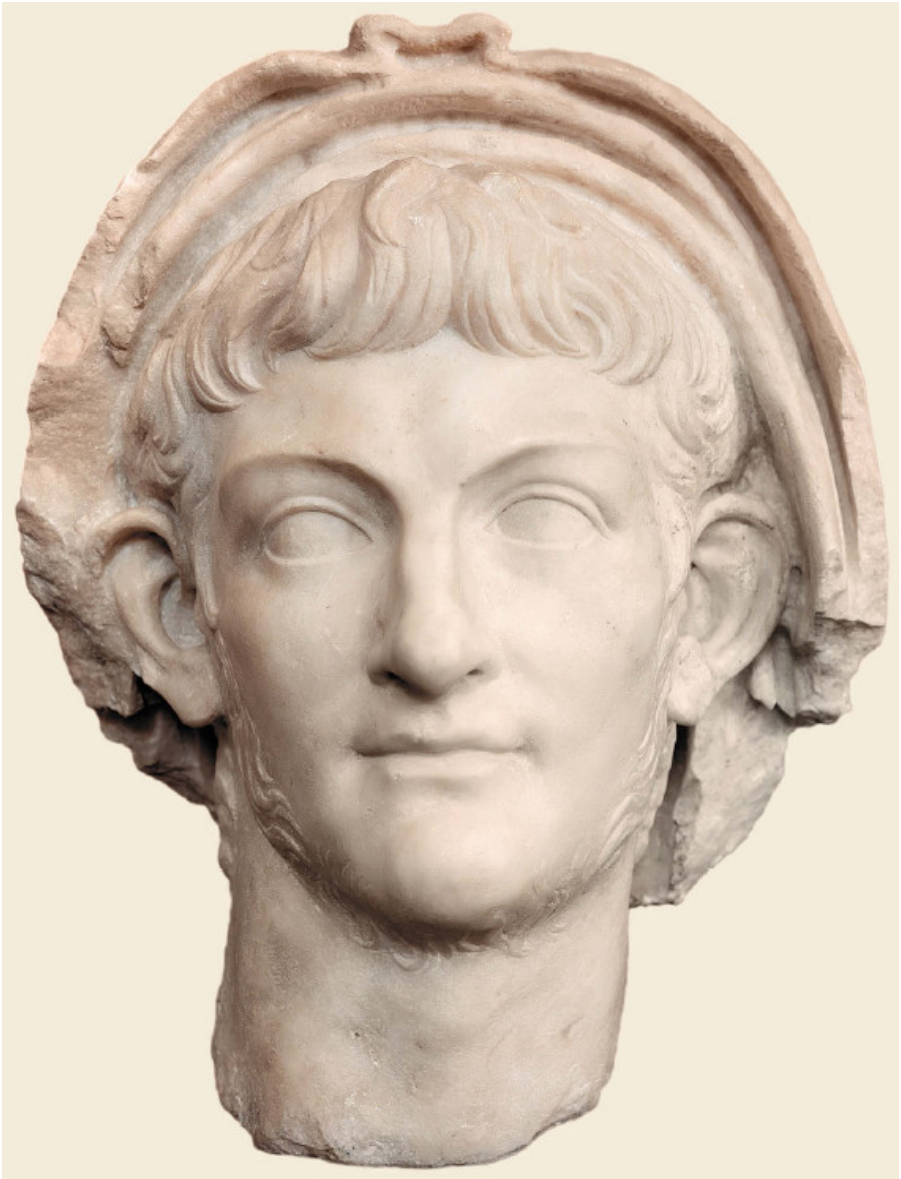
Триумф в древнем Риме. Неизвестный художник XVII в.

Посейдон. Мозаика из города Зевгмы, основанного Александром

Афина. Мозаика из города Зевгмы, основанного Александром

Парфенон.
Портик Кариатид.

Парфенон. Современный вид



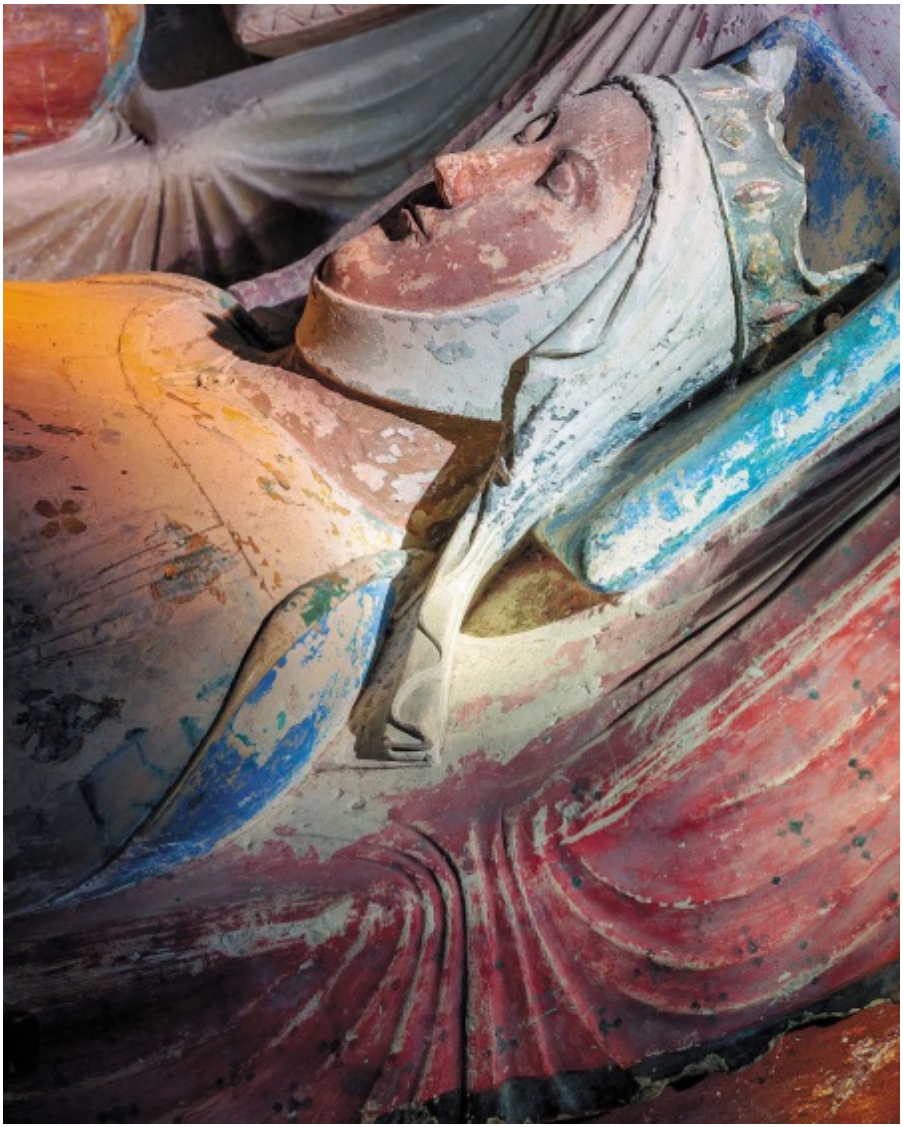
Нерон. Бюст. I в. н.э

Бюсты Эхнатона и Нефертити. Амарна.

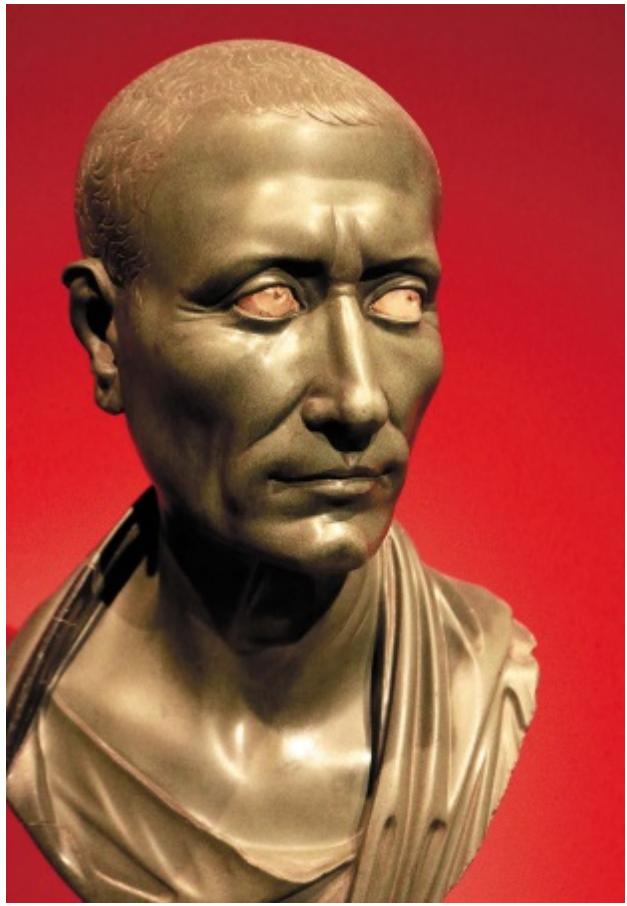
Золотая монета с изображение Александра Великого. 3 в. до н.э.

Пленные цари. Барельеф царского дворца в Сузах

Надрогбие Ричарда Львиное Сердце. Аббатство Фонтевро

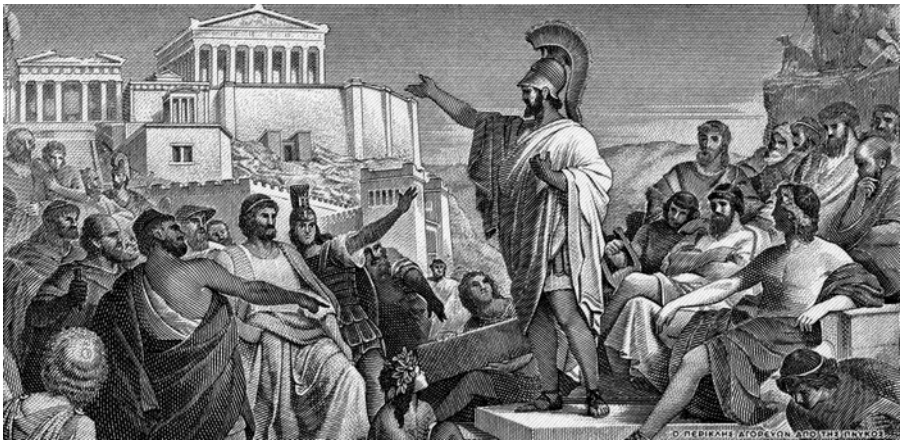


Надгробие Алиеноры Аквитанской. Аббатство Фонтевро

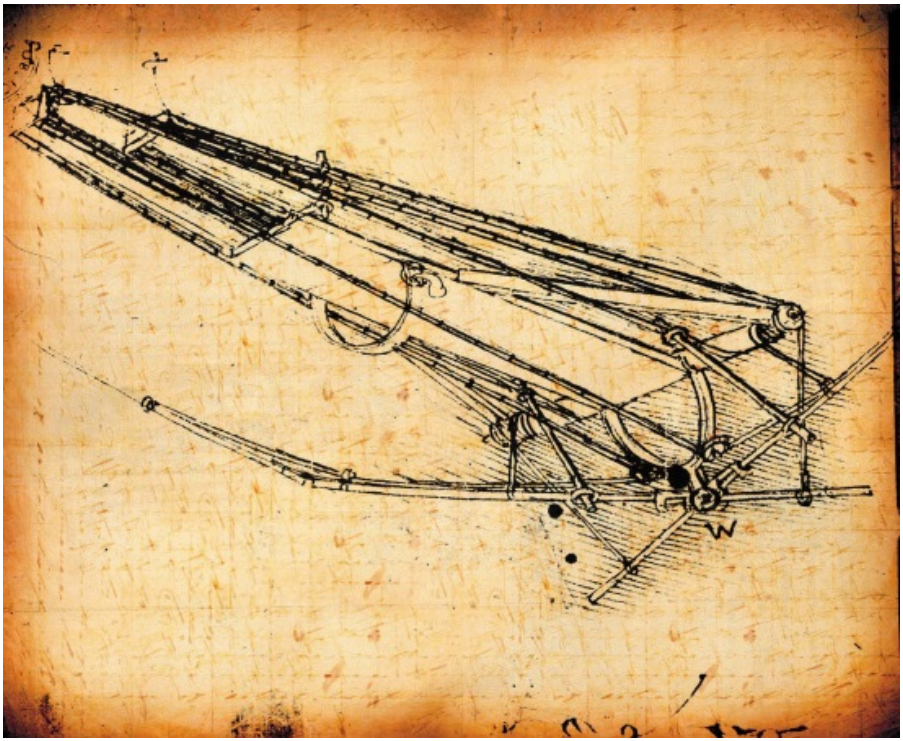


Гай Юлий Цезарь.
Бюст. I в.до н.э.

Питер-Пауль Рубенс.
Нерон и Агриппина

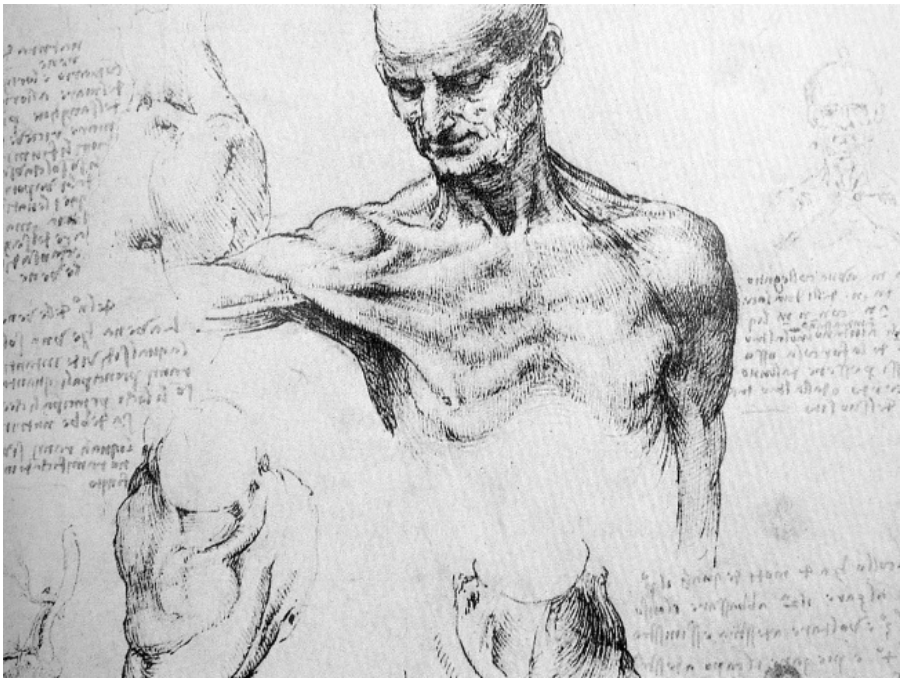


Перикл на Агоре. Гравюра XIX в.



Набросок проекта летательного аппарата. Леонардо да Винчи. 1503 г.

Анатомические заметки Леонардо да Винчи 1498 г.



Витрувианский человек. Набросок. Леонардо да Винчи. 1492 г.

Алиенора Аквитанская.
Псалтырь. 1198 г.

Битва при Иссе. ок. 100 до н. э.

Франсуа Кенель.
Портрет Генриха III, покровителя Джордано Бруно.

Виллем Кей.
Портрет герцога Альбы

Генрих VIII и его потомки: старшая дочь Мария с супругом Филиппом Испанским, принц Эдуард и Елизавета

Карл I под стражей отправляется на казнь

Артур Хью.
Прекрасная Розамунда

Антонис ван Дейк.
Портрет Карла I

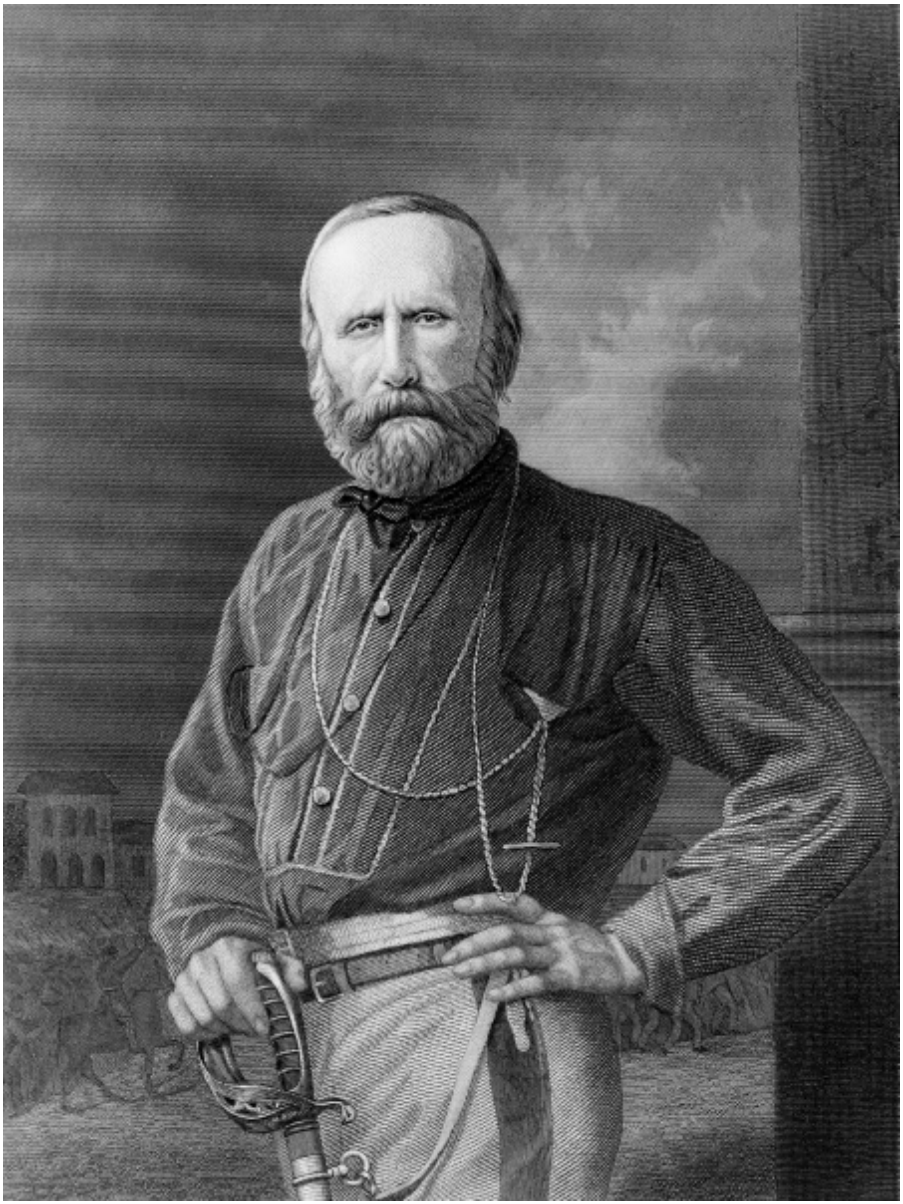
Клод Жаканд
Сен-Мар передает шпагу Людовику XIII

Эдвард Берн-Джонс. Прекрасная Розамунда и королева Алиенора

Ганс Гольбейн. Портрет Марии Тюдор

Исаак Оливер.
Потрет королевы Елизаветы I

Корнелис Янис ван Келен.
Портрет королевы Генриетты-Марии

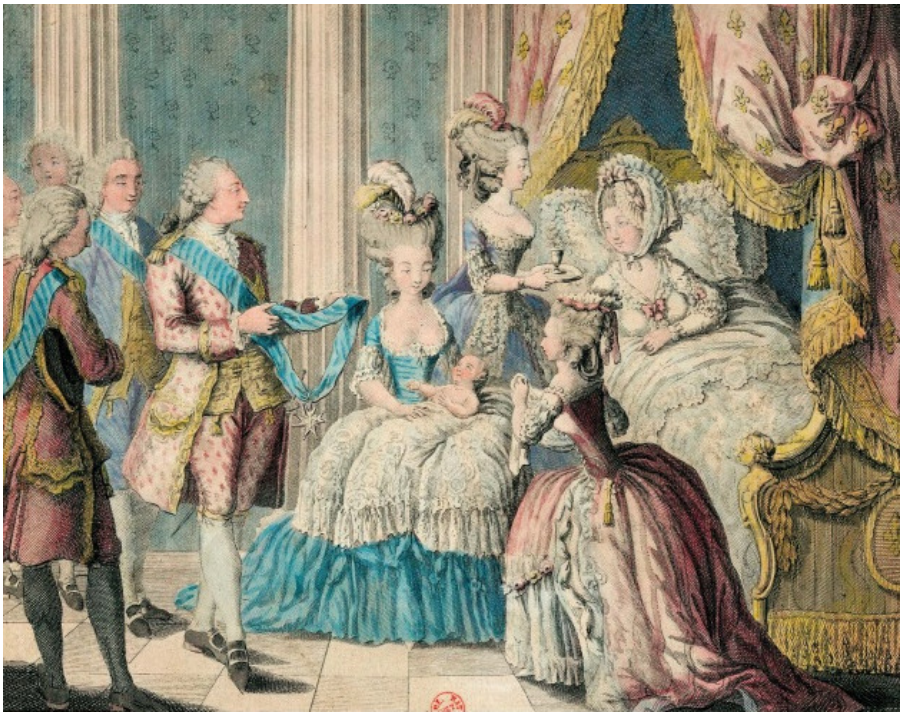


Джузеппе Гарибальди.
Фотография 1861 г.

Ганс Гольбейн.
Портрет Генриха VIII

Корнелис Янис ван Келен. Портрет королевы Генриетты-Марии в трауре

Антонио Ариас Фернандес. Карл V и его сын Филипп II

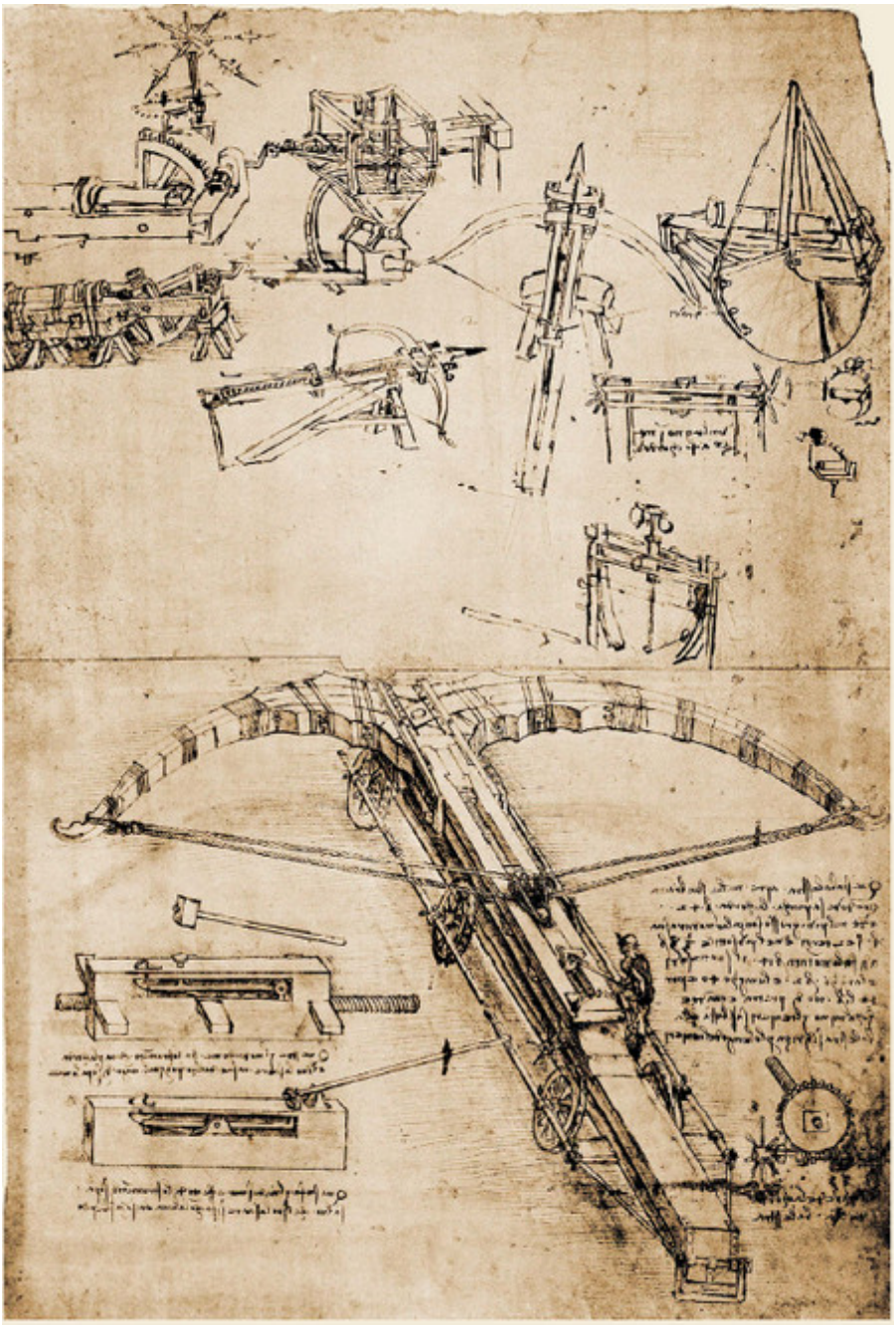


Рождение дофина

Филипп де Шампань.
Портрет кардинала Ришелье

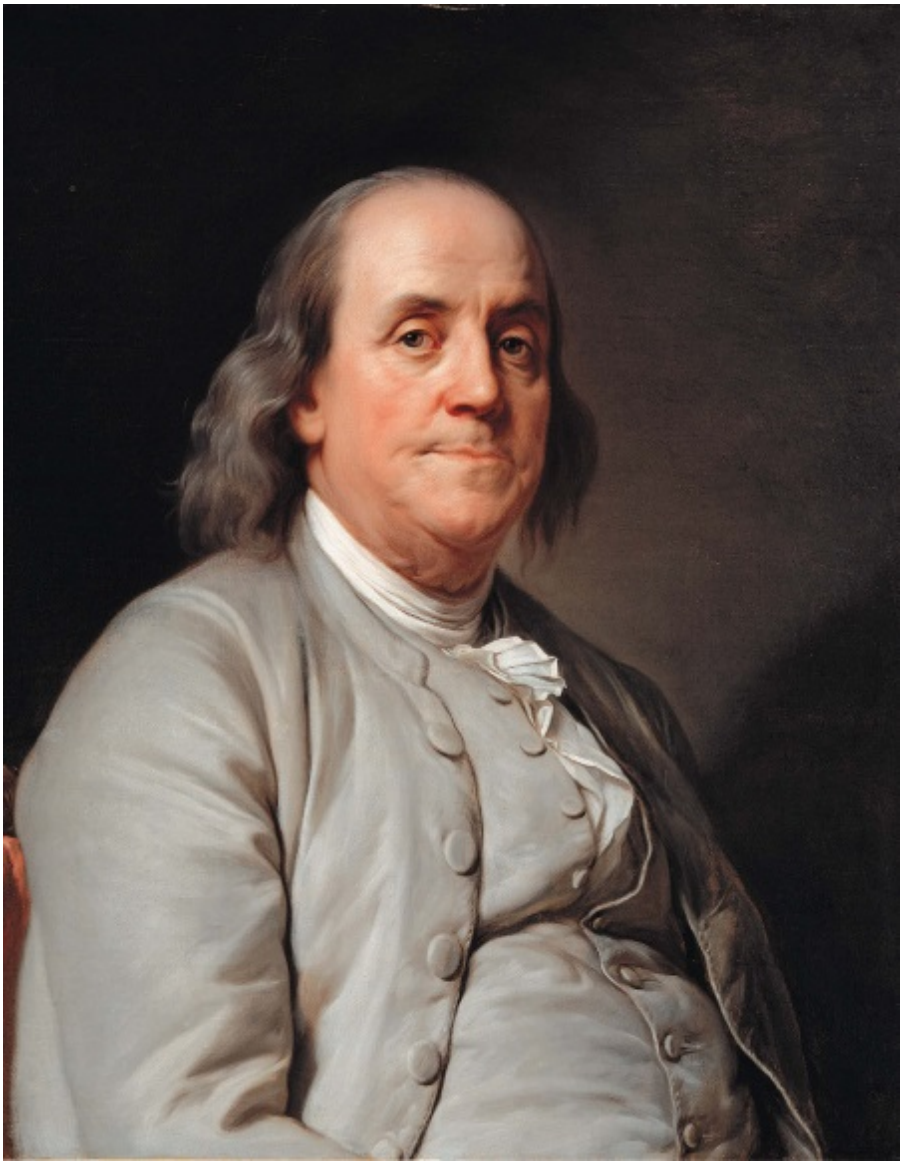
Шарль Эммануэль
Пата. Портрет Марии-Антуанетты.

Шарль Эммануэль
Пата. Портрет Марии-Антуанетты.



Наброски.
Леонардо да Винчи.

Амарна.
Современный вид.



Жозеф Дюплесси.
Портрет Бенджамина Франклина.